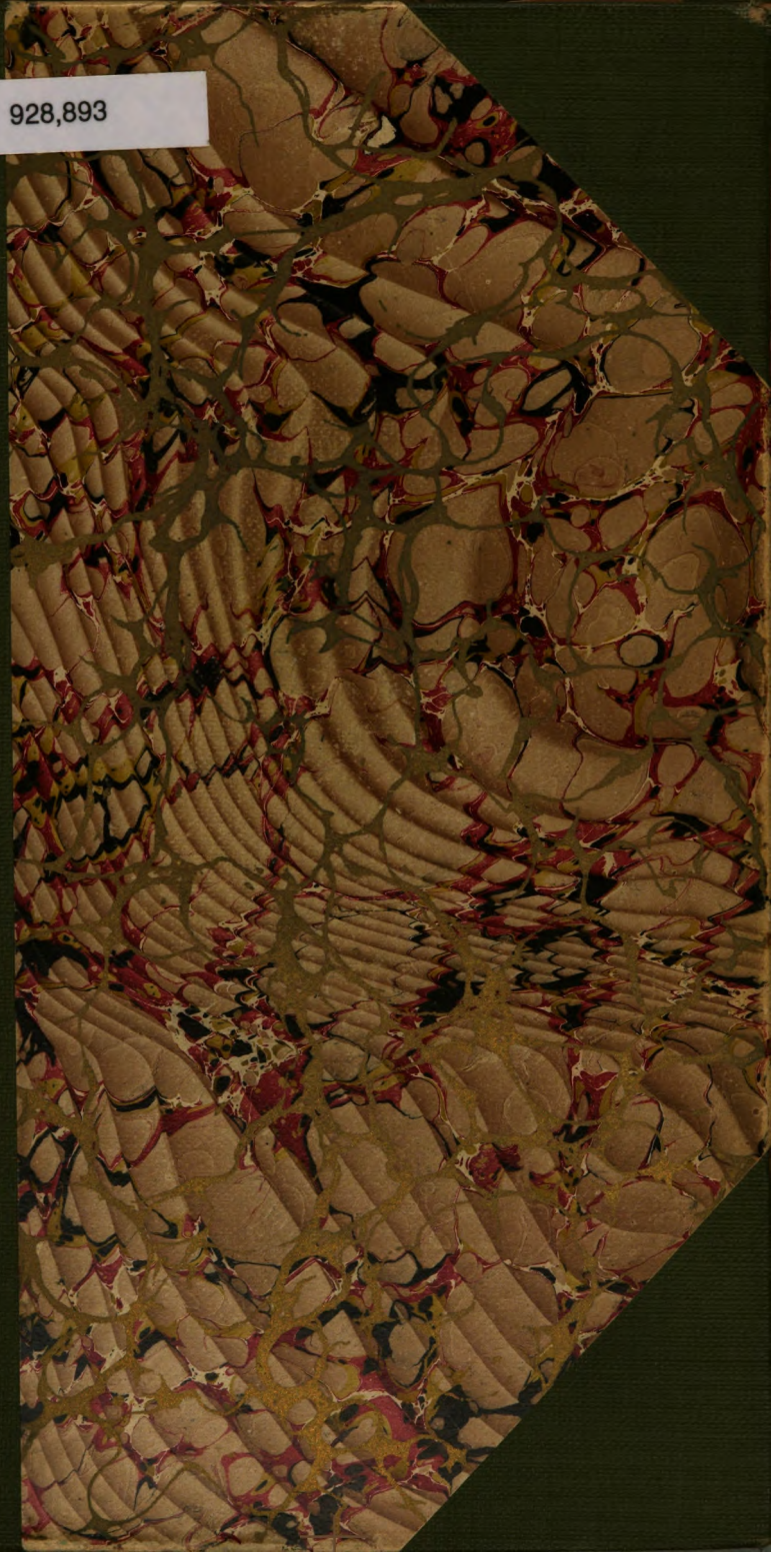
A 928,893



1837
ARTES
SCIENTIA
VERITAS
LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF MICHIGAN
TUEBOR
SI QUAERIS PENINSULAM AMOENAM
CIRCUMSPICE

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА.

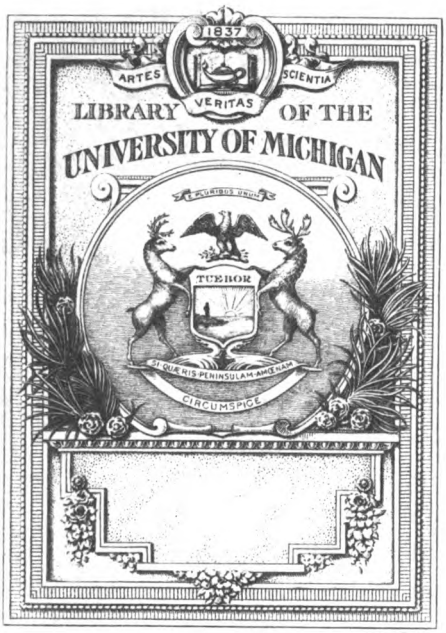
ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

подъ редакціею и съ критико-біографическимъ очеркомъ А. М. Скабичевскаго и съ приложеніемъ портрета Шеллера.

ТОМЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1905 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1905.


1837
ARTES
VERITAS
SCIENTIA
LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF MICHIGAN
TUEBOR
SI QUÆRIS PENINSULAM AMŒNAM
CIRCUMSPICE

891.79
S54
1904

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

подъ редакціею и съ критико-біографическимъ очеркомъ А. М. Скабичевскаго и съ приложеніемъ портрета Шеллера.

ТОМЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1905 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1905.

Артистическое заведеніе А. Ф. МАРКСА, Измайл. пр., № 29.

БЛАГА ЖИЗНИ.

РОМАНЪ.

Comp. philology
Monolit
1-2-29
9561

I.

Ненастный апрѣльскій день съ туманомъ, дождемъ и снѣгомъ клонился къ вечеру. Ничто не напоминало о наступленіи весны, и казалось, что стоитъ глухая, суровая осень. Петербургъ былъ окутанъ, какъ траурнымъ покрываломъ, сырою мглой. Длинныя, похожія на узкіе коридоры, улицы, высокіе каменные дома, пѣшеходы и проѣзжающіе, все тонуло въ этой мглѣ. Люди шли торопливо, ежась и кутаясь, и быстро исчезали въ ней, какъ тѣни, спѣша укрыться куда-нибудь подъ кровлю отъ этой до костей пронизывающей холодомъ сырости. Двое прохожихъ, встрѣтясь въ эту пору у воротъ одного изъ пятиэтажныхъ домовъ на Вознесенскомъ проспектѣ, остановились на минуту и обмѣнялись короткими фразами.

— Ты куда?—спросилъ одинъ изъ нихъ, высокій, плотный и косматый господинъ въ старомодной камлотовой шинели.

Такія шинели носили прежде по преимуществу доктора, учителя, да католическіе и протестантскіе священники.

— Къ доктору. Горе у насъ. Настя заболѣла,—отвѣтилъ другой, маленькій, худенькій и невзрачный человѣчекъ, въ довольно легкомъ пальто, съ поднятымъ до ушей воротникомъ.

— Что-нибудь серьезное?—угрюмо проговорилъ первый и ворчливо добавилъ:—Охъ, ужъ эта дѣтвора. Только обзаведись ею...

И, перебивая себя, снова съ видимой тревогой спросилъ:

— Но не опасно больна!

— Не знаю... Горитъ, мечется. Что докторъ скажетъ...

— А деньги?—отрывисто спросилъ господинъ въ шинели.

— Добылъ... перехватилъ... это пустяки... — уклончиво отвѣтилъ маленькій человѣчекъ и торопливо перемѣнилъ разговоръ:—А ты, Устиновъ, къ намъ?

— Нѣтъ... Заверну на-дняхъ... завтра, что ли...

— Хорошо, хорошо... Приходи...

Они поспѣшно простились и пошли каждый своей дорогой въ разныя стороны. Черезъ минуту высокій господинъ что-то вспомнилъ, раздумчиво качая головой, и обернулся, крикнувъ:

— Зубковъ! Иванъ Николаевичъ!

Но маленькій господинъ уже исчезъ, затерявшись въ толпѣ. Устиновъ поискалъ его глазами и, наконецъ, махнувъ рукой, ворча что-то себѣ подъ носъ, пошелъ дальше.

Зубковъ въ это время былъ уже далеко, сѣменя ногами и глядя впередъ немного растерянными глазами. Его худощавое, пожелтѣвшее, какъ бы выцвѣтшее и вылинявшее, лицо выражало озабоченность и тревогу. Болѣзнь дочери, недостатокъ денегъ, забота найти доктора, опасенія за новыя тревоги для жены, все это охватывало все его существо. Тѣмъ не менѣе, проходя мимо табачныхъ, галантерейныхъ и перчаточныхъ магазиновъ, онъ случайно замѣтилъ въ двухъ-трехъ окнахъ крупныя надписи: «Розыгрышъ 2-го мая», и, мало-по-малу, его мысль перешла на эту лотерею, разыгрывающуюся 2-го мая. «Вотъ выиграть бы первый выигрышъ—на десять тысячъ серебра. Шутка! Можно бы купить домикъ на Петербургской сторонѣ тысячъ въ пять, въ двѣ-три квартирки. Одну занять самому, другія отдать. Пять тысячъ превратить бы въ процентныя бумаги... Онѣ могли бы давать рублей триста въ годъ. Немного это, но все же тянуть можно при готовой квартирѣ, и притомъ онъ продолжалъ бы давать уроки. Отъ уроковъ онъ не отказывался бы, пока есть силы. Коптить даромъ неба не сталъ бы. А домишко имѣть хорошо—всегда есть свой уголъ. Тоже садъ при домѣ—было бы гдѣ дѣтямъ играть, дышать воздухомъ, рыться въ грядкахъ». Для здоровья это первое дѣло. Онъ начиналъ улыбаться нѣсколько странною улыбкою. Въ ней было что-то блаженное и что-то жалкое, точно онъ былъ готовъ засмѣяться и тотчасъ же расплакаться. Отъ этихъ мыслей о выигрышѣ серебра на десять тысячъ, не имѣя билета на лотерею, онъ перешелъ къ воспоминаніямъ о какомъ-то домикѣ въ глухой провинціи, гдѣ онъ жилъ когда-то съ женой и дѣтьми,—хорошо жилъ, тихо, мирно, уютно. Онъ никого не трогалъ, и его не трогали. И вдругъ ему пришлось разстаться съ этимъ домикомъ, разстаться съ учительскимъ мѣстомъ, перенести цѣлый рядъ мелкихъ непріятностей. Его точно волной въ бурю захлес-

нуло, и когда онъ справился съ нею—онъ увидалъ себя уже далеко отъ мирнаго уголка... Ему представилось, что если похлопотать хорошенько, то его вернутъ на старое мѣсто. Недоразумѣніе вызвало его отставку. Впутали его въ какую-то исторію, недоброжелатели приписали ему зловредныя идеи, слѣдствіе показало его чистоту, такъ какъ какія же могутъ быть зловредныя идеи у него, вѣчнаго младенца, протягивающаго объятія ко всѣмъ, учившаго и другихъ тому же? Правда, онъ все же потерялъ свое учительское мѣсто, но вѣдь только по недоразумѣнію. Надо разъяснить это, наконецъ: пойти прямо къ высшему начальству, попросить аудіенціи и съ честной откровенностью изложить свое положеніе. Главное—честная откровенность. Высшій начальникъ тоже человѣкъ, онъ пойметъ все и вернетъ его на прежнее мѣсто. И давно бы вернулъ, если бы не эта нерѣшительность его, Зубкова. Сколько лѣтъ вотъ онъ все собирается изложить всѣ обстоятельства дѣла съ честной откровенностью.

— Нѣтъ, нѣтъ, надо это кончить!—проговорилъ онъ вслухъ.—Подъ лежачій камень и вода не течетъ...

Кто-то изъ прохожихъ искоса осмотрѣлъ его съ головы до ногъ и пожалъ плечами. Онъ улыбался своею особенною улыбкою и продолжалъ мечтать. Дѣти-то будутъ какъ рады! Настя, правда, почти не помнитъ ихъ житья тамъ, въ деревянномъ домикѣ съ садомъ и огородомъ на краю городка, но его сынъ, его Ваня, часто скучаетъ по этомъ мирномъ уголкѣ. Горы зимой дѣлалъ онъ въ саду, катокъ себѣ устраивалъ. Всѣ сосѣдніе мальчуганы къ нимъ сбѣгались. Гимназистовъ, бывало, не отгонишь отъ ихъ сада. «Мухи къ меду слетѣлись!» подшучивалъ онъ, бывало, надъ ними. Лѣтомъ рыбу, бывало, удили въ рѣчонкѣ тутъ же около дома. Бывало, мать выйдетъ, кричитъ: «Рыболовы, завтракъ готовъ». А они ей: «А мы на обѣдъ рыбы наловили». Хорошо жилось мальчугану. Вотъ-то будетъ онъ радъ, вернувшись туда. Здѣсь они всѣ затерялись совсѣмъ, точно въ лѣсу, одни среди многолюдства. Говорятъ: «на людяхъ и смерть красна». Нѣтъ, не легко умирать съ голоду среди людей и знать, что никто не поможетъ. Тамъ не то, тамъ они знали всѣхъ, и всѣ ихъ знали, всѣ любовались ихъ домикомъ, ихъ житьемъ-бытьемъ, привѣтливо улыбались имъ, и они также привѣтливо смотрѣли на окружающихъ. Потомъ, правда, и тамъ всѣ стали ихъ бояться, какъ зачумленныхъ. Времена такія, всѣ чуть что случилось—и въ подворотню.

Кто-то толкнулъ Зубкова въ бокъ, онъ въ смущеніи сталъ извиняться, но толкнувшій его прохожій былъ уже далеко, успѣлъ тоже затеряться въ толпѣ. Зубковъ уже снова шелъ дальше и опять улыбался той же характерной улыбкой душевнаго блаженства и душевной боли. Вотъ толкнулъ онъ кого-то, кто-то его толкнулъ, и оба затерялись въ толпѣ. Такъ и все въ жизни. Столкнули его съ мѣста, и затерялся онъ. Никто и не знаетъ, гдѣ онъ, почему онъ пропалъ, ради чего затерялся. Разсказать все высшему начальству съ честною откровенностью — удивится. Право, удивится. Какъ это такъ можетъ затеряться человѣкъ, ради того, что его случайно, по простому недоразумѣнію, столкнули съ проторенной дороги. А оно такъ понятно, особенно здѣсь, въ Петербургѣ. Гдѣ его здѣсь найдешь? Забился куда-то на второй дворъ въ пятый этажъ. До квартиры не скоро доберешься. Найдешь не скоро. Найдетъ ли его докторъ? Надо объяснить будетъ поточнѣе, если онъ не можетъ ѣхать тотчасъ съ нимъ, съ Зубковымъ. Бѣда, если не найдетъ. Каждая минута дорога. Настя горитъ и мечется. Хилая она стала. Вотъ также метались и двѣ младшія его дѣвочки—и умерли. У него навернулись на глаза крупныя слезы. И могилки ихъ теперь занесены снѣгомъ, сгніютъ кресты на могилкахъ, и онѣ затеряются тоже...

— Бѣдныя дѣтишки! Бѣдныя дѣтишки!—громко проговорилъ онъ.

— Куда прикажете?—спросилъ его извозчикъ, услыхавъ, что баринъ что-то говоритъ.

Зубковъ оглянулся и смутился.

— Торговую улицу, вотъ, ищу, братецъ,—сконфуженно проговорилъ онъ, растерянно оглядываясь по сторонамъ.

— Вотъ тутъ!—указалъ извозчикъ рукою, подозрительно смотря на улыбающагося сквозь слезы Зубкова, какъ на помѣшаннаго.

— Да, да, вижу, голубчикъ, вижу,—сказалъ Зубковъ и пошелъ, прибавивъ шагу.

Онъ немного нахмурилъ брови, сердясь на себя, на свою привычку мечтать и говорить вслухъ на дорогѣ. Прежде этого не было. Мечтать онъ любилъ всегда. Кто же не мечтаетъ? Но прежде онъ не говорилъ вслухъ самъ съ собою. И то сказать, въ провинціи, бывало, по улицѣ идетъ, всѣ знакомые, всѣ кланяются, всѣ перекидываются двумятремя словами, а здѣсь—одинъ онъ, какъ въ лѣсу, слова не съ кѣмъ сказать, ну, вотъ и забудешься, заговоришь

самъ съ собою. Это такъ просто, такъ просто! Тоже нужда, тяжелое положеніе, страхъ за будущее пришибли. Нервы проявились. Какъ поднять Ваню и Настю? Одна эта мысль чего стоитъ! Жена тоже извелась. Молчитъ она, а извелась. Развѣ онъ не видитъ? Не слѣпой. Большимъ младенцемъ его зовутъ, а горе чужое онъ сразу видитъ. А у нея горе, много горя... Святая она женщина. И куда крѣпче она, чѣмъ онъ. Подметокъ ея онъ не стоитъ. Онъ надломился, а она—изводится, а не надломилась. Вотъ и теперь, каково ей: не знаетъ она, добылъ ли онъ денегъ для приглашенія доктора; терзаетъ это ее, а не вздохнетъ, не проронитъ слова жалобы, чтобы другіе ничего не знали, чтобы сынишку не встревожить. Всегда такою была. Ахъ, скорѣй бы найти квартиру доктора и домой, успокоить жену, утѣшить. Деньги добылъ, докторъ придетъ, все обойдется...

Онъ прибавилъ шагу, мысленно переносясь въ свою квартиру, гдѣ его нетерпѣливо ждала жена у постели больной дочери...

Въ этой квартирѣ, состоящей изъ двухъ небольшихъ низенькихъ комнатъ и кухни, отдѣленной отъ прихожей перегородкою со стеклами, въ первой комнатѣ за раскрытымъ ломбернымъ столомъ сидѣла на старинномъ обитомъ потрескавшеюся клеенкою диванѣ пожилая женщина и раскладывала гранъ-пасьянсъ. Высокая, довольно полная, съ обрюзглымъ лицомъ, хранившимъ слѣды былой, нѣсколько рѣзкой красоты, съ сѣдыми прядями сухихъ волосъ, выбивавшихся безпорядочно изъ-подъ староиоднаго чепца, она производила впечатлѣніе старой барыни-помѣщицы, привыкшей властвовать и приказывать, нѣсколько суровой и жесткой. Передъ ней на кончикѣ стула сидѣла женщина невысокаго роста, худощавая, желтая, съ жиденькими волосами, свернутыми въ колечки на вискахъ и въ узелокъ на затылкѣ, съ типичнымъ выраженіемъ лица приживалки, торопившейся соглашаться со всѣмъ, что даже еще не успѣли высказать другіе.

— И давно это у васъ Настенька захворала,—подобострастно спрашивала она пѣвучимъ голосомъ у старой барыни.

— Съ утра горитъ,—отвѣтила старуха, неторопливо и сосредоточенно раскладывая карты.—Что-жъ мудренаго, если и перемрутъ всѣ въ этомъ проклятомъ петербургскомъ болотѣ! Здѣсь вѣдь не то, что у насъ въ Захолустномъ: тамъ зима, такъ зима, а лѣто, такъ лѣто, а здѣсь въ декабрѣ дождя жди, а лѣтомъ печи топи.

— Что и говорить: климатъ! — вздохнула приживалка, разводя руками.—Истинно, климатъ!

Старуха пожала презрительно плечами.

— Гдѣ же тутъ здоровьемъ-то запастись? Двоихъ дѣтей схоронили ужъ. Мало. Теперь вотъ третья дѣвочка свалилась. Да тутъ и воздуха-то чистаго нѣтъ, и все-то дымомъ какимъ-то воняетъ, не то отъ цикорія жаренаго смрадъ идетъ. Прилѣпили дома одинъ къ другому, вытянули подъ облака, понадѣлали конуръ, да и думаютъ, что такъ жить можно. Двора просторнаго не найдешь, садика нигдѣ не встрѣтишь, вздохнуть свободно негдѣ. Я покуда лѣзла сюда, въ пятый-то этажъ, на второмъ-то дворѣ, пять разъ отдыхала. А вошла, такъ и ахнула: квартира это, изволишь видѣть. Да у меня дворовые холопы въ старые годы просторнѣе жили.

— Что говорить, что говорить, развѣ я не помню, голубушка моя, Софья Андреевна,—проговорила съ чувствомъ приживалка.—У васъ ли было не житье!

Барыня сдвинула густыя полусѣдыя брови.

— Да, нечего сказать, разорили!—произнесла она, и въ ея голосѣ послышалась ѣдкая нотка.

Приживалка поджала печально губы, не зная, что отвѣчать.

— Кому лучше-то стало,—отрывисто начала Софья Андреевна.—Мужикъ, коли его носомъ въ работу не тыкать, съ голоду пропадетъ. А господа—хорошо хозяйство, если нанимать народъ со стороны приходится, когда у него ни страха, ни рвенія, ничего нѣтъ, а одно норовитъ—сорвать съ тебя, да сбѣжать.

Она сердито смѣшала карты.

— Не вышелъ, благодѣтельница, пасьянсъ? — подобострастно и со вздохомъ соболѣзнованія спросила приживалка.

— Нѣтъ,—проговорила барыня, махнувъ рукою.—Такъ для разсѣянія мыслей перекладываю карты, не то на умѣ.

— Гдѣ же ужъ! Въ разстройствѣ чувствъ!—сочувственно произнесла приживалка.

Въ комнату отворилась дверь изъ второй комнатки, и изъ нея вышла высокая, стройная женщина лѣтъ тридцати семи. Она была худощава, лицо блѣдное, нѣсколько пожелтѣвшее, большіе черные глаза немного ввалились и были обведены темными кругами. Несмотря на это, слѣды былой красоты еще остались на этомъ преждевременно увядшемъ лицѣ. Всматриваясь въ него, легко было найти въ его чертахъ много общаго съ лицомъ старой барыни, хотя выраженіе

его не было такъ сурово и жестко, все было какъ бы смягчено и облагорожено. Это лицо скорѣе выражало безмолвную, гордую скорбь.

— Что Настя?—спросила старуха, не прерывая пасьянса.

— Уснула, — отвѣтила вошедшая женщина. — Горитъ только попрежнему.

Приживалка жалобнымъ тономъ вставила:

— Вы-то сами, голубушка Елена Васильевна, измучились! Похудали какъ! Себя-то вы поберегите!

Молодая женщина ничего не отвѣтила и прошла въ кухню.

— Побережешь тутъ!—проворчала старуха.—Не доспишь, да не доѣшь, такъ здорова не будешь.

И, опять сердясь за все и про все на столицу, она продолжала:

— И городъ здѣсь! Все-то купи и за все-то плати втридорога! Да развѣ мы знали въ Захолустномъ въ былыя-то времена, что значитъ огурецъ, или тамъ цыпленка, или курицу купить! Огурцы-то поѣсть всѣ не могли, такъ бросали, а куры—да кабы нужно было, такъ я ихъ тамъ столько бы развела, что весь Петербургъ накормила бы. Разводить-то только не для чего было много: самимъ все равно не съѣсть всего, а продавать... да кто же это въ Захолустномъ-то куръ покупалъ? У всѣхъ, слава Создателю, свои тоже были. А молоко... молоко это, изволишь ли видѣть, подмѣшанное здѣсь продаютъ. Да я до сѣдыхъ волосъ дожила, а объ этой пакости и не слыхивала. Ей-Богу! Ну, столица, ужъ нечего сказать, хороша!

Черезъ комнату, какъ не находящая себѣ мѣста, блуждающая тѣнь, прошла опять Елена Васильевна. Приживалка обратилась къ ней съ заискивающимъ вопросомъ:

— Доктора вѣрно все поджидаете?

Молодая женщина слегка вздрогнула, смутилась, но тотчасъ же, овладѣвъ собою, отвѣтила:

— Мужа жду. Онъ съѣздитъ.

— Ахъ, да что же ждать? За докторомъ и Ваничка... простите, простите!.. большой онъ ужъ у васъ... Иванъ Ивановичъ могъ бы съѣздить...

Въ углу комнаты сидѣла еще одна личность—юноша лѣтъ семнадцати съ небольшимъ, безмолвно приготовлявшій уроки за небольшимъ письменнымъ столомъ, озареннымъ свѣчою. Услышавъ, что его назвали по имени, онъ поднялъ голову и вопросительно взглянулъ на окружающихъ, недоумѣвая,

почему и что говорятъ о немъ. Молодая женщина, уходя въ другую комнату, проговорила:

— Нѣтъ, надо подождать мужа.

Старуха махнула рукой приживалкѣ, какъ бы говоря ей: «молчи». Та поджала губы и заморгала глазами, ничего не понимая. Юноша опять погрузился въ занятія.

— За докторомъ послать? — отрывисто, но тихо заговорила старуха.—Не понимаешь развѣ, что прежде денегъ надо добыть.

Приживалка растерянно покачала головой.

— Какъ же такъ, благодѣтельница?

— А такъ вотъ!

Старуха понизила голосъ до едва слышнаго шопота:

— Молчатъ они, а вижу я, что крайность. Слава Богу, за недѣлю, что здѣсь живу, могла сообразить. Молчатъ только. Гордость! И то сказать, кого здѣсь разжалобишь бѣдностью, когда нищій на нищемъ сидитъ, да нищій нищаго погоняетъ. На смѣхъ развѣ поднимутъ. На это здѣсь людей станетъ.

Она раздражительно опять начала смѣшивать карты и заговорила со злобой:

— Зубы-то скалить здѣсь умѣютъ. На это здѣсь всѣхъ станетъ. И найдутъ тоже надъ чѣмъ смѣяться. Вчера, воскресный день былъ, пошла я къ обѣднѣ, такъ и тутъ люди нашли надъ чѣмъ смѣяться. Надъ моей голубой шубой! А? Ей-Богу! Своими ушами слышала, какъ на смѣхъ поднимали. Точно на чучело указывали. Да эту самую шубу я десять лѣтъ въ Захолустномъ носила, сатенъ-тюркъ-то на ней, я думаю, не какой-нибудь, а лубъ-лубомъ. Теперь, видишь ли, здѣсь все чернымъ шубы кроютъ, такъ на мою и глаза пялятъ. Что-жъ мнѣ перекрашивать, да перекрывать ее прикажете, что ли? А тамъ зеленыя на будущій годъ всѣ напьютъ, такъ это я опять ее перекрашивай, да перешивай? Нѣтъ, слуга покорная. Деньги-то у насъ не бѣшеныя, потомъ тоже добывались. Моей-то шубѣ въ Захолустномъ сама городничиха завидовала. «И гдѣ это вамъ Богъ послалъ такой сатенъ-тюркъ-то,—говоритъ бывало,—износу нѣтъ». А тутъ мода: сегодня одно въ модѣ, завтра другое, такъ ты такъ и бросай все, что вчера сдѣлала. А по-нашему, по-захолустному, дѣло-то не въ модѣ, а чтобы вещь добротная была, чтобы прочна она была!

Приживалка, видимо, задѣтая за больное мѣсто, оживилась и горячо пожаловалась:

— Какъ же, какъ же, вотъ и моя племянница, братниного сына жена, вчера надо мной посмѣялась: «гдѣ, говоритъ, тетя, вы выкопали такое платье—яичницу съ лукомъ». А я это, знаете, благодѣтельница, надѣла свое крепрошелевое платье, помните—фонъ оранжевый, а по немъ зеленые разводы неразрывнымъ корешкомъ. «Вамъ бы, говоритъ, приличнѣе всего черное платье себѣ сдѣлать!»

Старуху-барыню, очевидно, мало интересовали печали и горести приживалки, и она, не отвѣчая ей, продолжала снова, понизивъ голосъ:

— А Елену-то мою ты знаешь: гордость раньше насъ родилась. Голова заболи, такъ она и то не сознается, чтобы люди не сказали: «ахъ, какая вы слабенькая». Ну, а ужъ сказать, что денегъ нѣтъ, что нужда заѣла...

Она осмотрѣлась, бросивъ взглядъ на внука, и еще болѣе пониженнымъ голосомъ сказала:

— Двѣ сорочки остались—одна на ней, другая въ стиркѣ. Право, какъ Богъ святъ!

Приживалка беззвучно всплеснула руками, широко открывъ глаза и ротъ. Старуха указала ей глазами на внука, какъ бы призывая ее къ осторожности.

— Недѣлю я какъ здѣсь, такъ вѣришь ли, не ѣстъ она почти ничего за обѣдомъ. «Мясо, говоритъ, мнѣ надоѣло». Надоѣло! Говорила бы она кому другому, а не мнѣ! Блюдо-то пустое со стола берутъ, а если бы она ѣла, такъ пришлось бы лишнихъ полфунта покупать.

— Ангелъ вы мой,—съ ужасомъ прошептала приживалка:—да вѣдь такъ она себя изморомъ изморитъ, съ голоду умретъ.

Старуха скривила лицо въ гримасу.

— И то какъ покойница смотритъ.

Въ передней слегка позвонили, и на этотъ звонокъ поспѣшно вышла изъ задней комнаты Елена Васильевна, направляясь къ прихожей. Приживалка взглянула на нее почти съ ужасомъ, точно на обреченную на смерть.

Не прошло и двухъ минутъ, какъ въ первую комнату вернулась Елена Васильевна въ сопровожденіи мужа. Исхудалый, сморщенный, преждевременно полысѣвшій, сгорбившійся, онъ безъ пальто и шляпы былъ еще менѣе представителенъ и казался ниже своего средняго роста. Войдя въ комнату мелкими торопливыми шажками и потирая нервно руки отъ холода или по привычкѣ, онъ быстро сталъ здороваться.

— Здравствуйте, матушка! А, Фіона Ивановна, сколько лѣтъ не видались! Здоровы ли? А я думалъ, вы все по-старому въ Захолустномъ...

Старуха кивнула ему головой, а приживалка начала присѣдать и разсыпаться въ любезностяхъ:

— Я думала, что не узнаете! Забыли, думала! Вотъ случайно провѣдала, что благодѣтельница моя, Софья Андреевна, къ намъ въ столицу пріѣхала, и забѣжала хоть глазкомъ взглянуть. А у васъ горе! Малютка больна.

— Да, да, сейчасъ вотъ докторъ будетъ!—продолжая потирать руки, проговорилъ скороговоркой хозяинъ и обратился къ сыну:

— Здравствуй, Ванюша!

Сынъ, высокій, стройный, какъ жердочка, звонко поцѣловалъ отца въ губы, и его блѣдное, малокровное лицо озарилось мягкой улыбкой.

— Усталъ ты?—шепнулъ онъ заботливо.

— Ну, ничего, ничего, что дѣлать!—проговорилъ такъ же тихо отецъ, бодрясь и силясь улыбнуться.—Безъ труда нѣтъ и плода!

— Денегъ добылъ?

— Еще бы! еще бы!

И вдругъ всѣ трое—мать, отецъ и сынъ—точно по уговору, направились въ другую комнату, торопясь скрыться отъ старухи-бабки и отъ ея посѣтительницы.

Старуха-барыня обернулась къ Фіонѣ Ивановнѣ съ саркастической усмѣшкой:

— Видѣла?

Приживалка кивала головой, хотя не знала, о чемъ ее спрашиваютъ.

— Теперь цѣлый часъ шептаться будутъ!

Приживалка заморгала глазами съ видомъ недоумѣнія.

— О чемъ же, благодѣтельница? Секреты у нихъ какіе? Я развѣ мѣшаю.

Старуха сердито махнула рукою.

— Не ты! Имъ всѣ мѣшаютъ, и чужіе, и свои! Все по угламъ шушукаются. И не поймешь, о чемъ, съ чего. Вотъ я недѣлю здѣсь, а знаешь ли,—слова я одного откровеннаго ни отъ одного изъ нихъ не слыхала. Точно языки проглотили. Ну, Елена, положимъ, горда и боится пожаловаться, потому знаетъ, что скажу ей: «противъ моей воли шла за учителишку, на себя и пеняй». Даже, пожалуй, и онъ, Иванъ-то Николаевичъ нашъ блаженный, изъ трусости

потираетъ руки, да бормочетъ одно: «ничего, живемъ не богато, но зато покойно и мирно». Мокрая курица онъ. Трусъ. А Ваня-то, Ваня-то, вѣдь еще мальчишка, ребенокъ, молоко материнское на губахъ не обсохло, а какъ-то стала я, чтобы правду выпытать, говорить, что тяжела ихъ жизнь, такъ весь вспыхнулъ и выпалилъ: «Дай Богъ каждому жить такъ, какъ наша семья живетъ!» Точно пороху подъ него подложили. А потомъ—я ему и о бѣдности, я ему и о смерти отъ недостатковъ двухъ его родныхъ сестеръ, я ему и объ удовольствіяхъ,—молчитъ, точно воды въ ротъ набралъ. Вышла я изъ себя и говорю ему: «что ты языкъ проглотилъ, что ли?» А онъ: «что-жъ мнѣ говорить? Воровать, такъ можно, какъ сыръ въ маслѣ, кататься. А папа и мама не воры». И всталъ, сложилъ книги и вышелъ. Это внукъ-то бабкѣ? А? хорошо обращеніе?.. Всталъ, сложилъ книги и вышелъ. Видѣла я только, что на глазахъ слезы заблестѣли—отъ злобы, должно-быть.

Фіона Ивановна качала головой:

— Ну, семейка! вотъ такъ семейка!

Старуха вдругъ загорячилась, заговоривъ запальчивымъ тономъ:

— Не воры они! Грабить никого не станутъ! Скажите, пожалуйста! А двухъ родныхъ дочерей убили недостатками, лишеніями, плохимъ лѣченіемъ! Теперь вотъ третью на вакансію въ могилу готовятъ! Честные люди! Не воры! Не грабители! Дѣтоубійцы они—вотъ они что!

Въ рукахъ старухи дрожали карты отъ охватившаго ее гнѣва.

— И пусть бы ужъ судьба такая, такъ нѣтъ! Въ провинціи потерялъ мѣсто изъ-за своей фанаберіи. Богъ знаетъ, съ кѣмъ знакомился. Тѣ попались и его повлекли къ допросу. Да этого мало. Не то преподавалъ, что требовалось, не такъ училъ, какъ начальствомъ приказано. Онъ, должно-быть, лучше начальства знаетъ, чему и какъ учить надо. Умникъ какой выискался. Его наняли воду возить, а онъ, изволишь видѣть, законы свои предписывать желаетъ. Ну, и турнули. Ну, и выгнали. Съ такими-то церемониться не станутъ. Много ихъ гранитъ мостовую. Будь корыто—свиньи придутъ. А здѣсь? У Александра Константиновича заводъ...

Она обернулась лицомъ къ Фіонѣ Ивановнѣ и спросила:

— Ты вѣдь Сашу помнишь? Мой выкормокъ.

— Какъ же, какъ же, отважный молодой человѣкъ были!— воскликнула приживалка.

— Племянникомъ незаконнымъ мнѣ доводился, а какъ сына растила, на моихъ хлѣбахъ откормился,—не безъ гордости сказала Софья Андреевна.—Теперь богачъ, сотнями тысячъ ворочаетъ... Ну, предложилъ онъ нашему-то честному-то человѣку управляющимъ или чѣмъ-то такимъ у него быть. Вѣдь нашъ-то по счетной части тоже маракуетъ, два факультета прошелъ: филологическій и математическій. Умнѣй, должно-быть, хотѣлъ быть, да кому Богъ ума не дастъ, такъ хоть на всѣхъ факультетахъ учись—ничего не прибудетъ. Ну, такъ вотъ, предложилъ ему Саша мѣсто. Такъ, куда тебѣ, на дыбы! Эксплуататоръ, видишь, Александръ.

— А вы, благодѣтельница, сказали, что заводъ у нихъ,— замѣтила Фіона Ивановна въ недоумѣніи.

— Ну да, заводъ. Вотъ потому и эксплуататоръ, народъ, видишь, грабитъ. Да ему-то, нашему-то безсеребряннику, что до чужой души за дѣло? Ему жалованье хорошее предлагаютъ, ну, и служи, а ужъ Господь Богъ послѣ на страшномъ судѣ взыщетъ, съ кого слѣдуетъ взыскать.

Она порывисто положила на столъ карты.

— Вчера я только и допытывалась объ этомъ дѣлѣ. Сперва согрѣшила, думала, что Александръ мою хлѣбъ-соль забылъ, что не захотѣлъ помочь моей дочери. Прохвостовъ-то неблагодарныхъ тоже много на свѣтѣ. Такъ нѣтъ! Вчера проговорились, что онъ къ нимъ всей душой, а они-то только: вотъ Богъ, а вотъ порогъ. Что-жъ, насильно милъ не будешь...

Фіона Ивановна осмѣлилась спросить:

— А вы-то, благодѣтельница, были у Александра Константиновича? Живетъ-то, я думаю, какъ!

— Завтра только изъ-за границы вернется. Былъ бы здѣсь, не томилась бы я на этомъ чердакѣ, не смотрѣла бы, какъ родную мою внучку родители на смерть готовятъ. И еще какую дѣвочку—кроткую, ласковую, изо всей семьи выродка...

Она какъ-то особенно рѣшительно, словно угрожая кому-то, замахала рукой въ воздухѣ.

— Ну, да ужъ погоди, пріѣдетъ онъ, поверну я все по-своему! Слава Богу, мужиковъ обламывала, а съ этими-то справлюсь, будетъ по-моему. Теперь я молчу, сперва нужно съ Александромъ повидаться, а ужъ повидаюсь—ну, милыя дѣтки, ужъ извините, молчать я не стану. Нѣ-ѣтъ!

— Съ чего же вамъ молчать-то? Развѣ вы не мать!— воскликнула приживалка.

Раздался звонокъ, Иванъ Николаевичъ поспѣшно прошелъ чрезъ гостиную въ переднюю. Онъ чувствовалъ, что это былъ визитъ доктора.

Фіона Ивановна поднялась съ мѣста.

— Я ужъ пойду, благодѣтельница!—заговорила она со вздохомъ, надѣвая шляпку.

— Ну, съ Богомъ!—сказала старуха, подымаясь съ дивана.—Прости, что не оставляю чай пить. Сама въ гостяхъ. Дадутъ—ладно, не дадутъ—на нѣтъ и суда нѣтъ!

— Что вы, благодѣтельница!—воскликнула приживалка.—Смѣю ли я...

— Вотъ поселюсь у Саши, тогда другое дѣло, приходи, пей и ѣшь. Слава Богу, у него хватитъ на всѣхъ, куска не станетъ считать, даромъ что эксплуататоръ.

Фіона Ивановна уже цѣловала ее въ плечо и присѣдала, смѣясь подобострастнымъ беззвучнымъ смѣхомъ, какъ бы говоря ей: «ужъ знаю я, знаю, что вы меня не оставите, было бы у самихъ».

II.

— Надо ожидать скарлатины,—рѣшилъ докторъ и, толкуя о возможныхъ осложненіяхъ, о дифтеритѣ, сдѣлалъ первыя предписанія относительно больного ребенка.

Иванъ Николаевичъ сконфуженно и тайкомъ, какъ даютъ взятку, сунулъ въ руку доктора деньги за визитъ и торопливыми шажками пошелъ его провожать, что-то вполнѣ безсознательно разспрашивая объ уходѣ за больной и въ сущности не слыша и не понимая ничего изъ его отвѣтовъ. Въ мозгу была одна мысль: «умереть можетъ Настя! Двѣ дѣвочки уже умерли, а теперь эта»... Въ головѣ точно свинецъ былъ налитъ.

Когда онъ вернулся въ комнату, раздѣленную на-двое драпировкою и служившую спальнею для него, для его жены и для дочери, онъ услыхалъ тревожный вопросъ Вани, обращенный къ матери:

— Это вѣдь, мама, очень опасная болѣзнь?

— При хорошемъ уходѣ все пройдетъ,—отвѣтила мать, видя его волненіе и стараясь не терять присутствія духа.—Ты же еще ребенкомъ перенесъ уже скарлатину...

— Да, да, это пустяки!—въ свою очередь поторопился успокоить сына и жену Иванъ Николаевичъ.—Главное, уходъ. Докторъ говоритъ, что ничего, лишь бы былъ уходъ.

— А это прилипчивая болѣзнь?—спросилъ сынъ.

Мать постаралась улыбнуться, подумавъ, что сынъ боится за себя и за нихъ, и сказала, что скарлатина не опасна для тѣхъ, у кого она была... И вдругъ почти съ испугомъ взглянула на мужа. Онъ сразу угадалъ ея мысли: не опасна для тѣхъ, у кого была, а къ тѣмъ, у кого ея не было, она можетъ пристать... Они такъ сжились между собою, что понимали другъ друга безъ словъ, по одному взгляду, по одному движенію. Онъ растерянно глянулъ куда-то въ сторону, точно чего-то ища, точно боясь заговорить о томъ, что уже смущало и его жену, и его самого.

Сынъ, взобравшійся на столъ и приподнимавшій драпировку, чтобы она не мѣшала циркуляціи воздуха, невольно заставилъ ихъ заговорить объ этомъ.

— А я не могу занести болѣзни въ училище?—спросилъ онъ серьезнымъ тономъ, тревожно взглянувъ сверху на мать.

— Да, да, надо бы отдѣлить тебя... на время куда-нибудь помѣстить,—поспѣшно заговорилъ отецъ и внезапно обратился къ женѣ:—Какъ же съ моими уроками? Занесешь еще болѣзнь въ чужіе дома? Все съ дѣтворой имѣешь дѣло... Долго ли до грѣха... Да если и не занесешь... Не честно обманывать...

Онъ тревожно заходилъ по комнатѣ, потирая свой лобъ. Частные уроки—это былъ его главный кусокъ хлѣба въ послѣднее время. Отказаться отъ нихъ на шесть недѣль—значило отказаться отъ нихъ чуть не навсегда. Учителей много. Замѣстятъ его какъ разъ, особенно теперь, весною, въ пору экзаменовъ, когда нужно репетировать съ отстающими въ классахъ учениками. Не говорить родителямъ учениковъ, что у него дома скарлатина, надѣяться на счастливую случайность, что онъ не занесетъ никуда заразы,—это было не въ его правилахъ. Щепетильный, мнительный, до мелочности честный, никогда онъ еще не ходилъ окольными путями, не лгалъ, не кривилъ душой. Онъ никогда не былъ какимъ-нибудь выдающимся героемъ, какимъ-нибудь исключительнымъ подвижникомъ, но лжецомъ и безчестнымъ онъ не былъ и не могъ быть никогда.

— Устинова попроси пріютить на-время тебя и Ваню,— посовѣтовала Елена Васильевна.

— А ты?—почти съ испугомъ проговорилъ мужъ.—Одна останешься съ Матреной?

— Справлюсь! за меня не бойся!—бодро отвѣтили Елена Васильевна.

Мужъ нѣжно поцѣловалъ ея руку.

Сынишка, однако, опечалился. Страхъ за мать, непривычная разлука съ роднымъ угломъ, сознаніе, что въ семьѣ происходитъ нѣчто тяжелое, все это подавляло его теперь. Въ головѣ проносились смутныя мысли. «Все потому такъ складывается, что бѣдность. Иной десятки людей ограбитъ и горя ему мало, живетъ припѣваючи, благо деньги есть»... «Деньги-то есть, да совѣсти чистой нѣтъ»,—тутъ же мелькнула въ его головѣ одна изъ фразъ отца. «Лучше ужъ хлѣбъ съ водой ѣсть, чѣмъ пресмыкаться передъ людьми ради денегъ»,—вынырнули въ его памяти и слова матери. Юноша встрепенулся. Ему стало стыдно за минутное малодушіе. Онъ ободрился при мысли о томъ, какіе у него отецъ и мать. «Все перенесутъ, а душой не покривятъ и не поклонятся». Онъ обожалъ ихъ, онъ гордился ими. Вотъ и теперь — имъ тяжело будетъ, а они все перенесутъ: отецъ могъ бы обмануть тѣхъ, у кого даетъ уроки, могъ бы не говорить, что у нихъ скарлатина, и жить дома, а онъ не обманетъ. Нѣкоторое время будетъ ради этого терпѣть разныя неудобства, а все же никого не обманетъ. И мать тоже не попроситъ отца остаться дома, чтобъ облегчить ей уходъ за больнымъ ребенкомъ; нѣтъ, она такая же, какъ и отецъ, честная, и притомъ еще гордая. Эти мысли ободрили его, какъ ободряли и прежде, въ минуты невзгодъ. Отецъ и мать, страстно любившіе мальчугана, сумѣли рано развить въ немъ сознаніе, что всякія невзгоды въ сущности ничто, если у человѣка спокойна совѣсть, если онъ можетъ прямо глядѣть въ глаза людямъ. Онъ твердо вѣрилъ, что и онъ будетъ всегда поступать такъ, какъ поступали его отецъ и мать. Силъ у него хватитъ. Правда, онъ покуда не испытывалъ такихъ лишеній, которыя заставляли бы его страдать физически; но онъ уже испыталъ мелкіе недостатки, и эти недостатки переносились имъ легко — онъ видѣлъ, что отецъ и мать не падаютъ духомъ, и самъ не падалъ духомъ. Главное, что поддерживало,—это любовь, безграничная, сплотившая ихъ всѣхъ въ одно существо...

Мать Елены Васильевны просто пришла въ ужасъ, когда ей сообщили, что въ домѣ скарлатина, можетъ-быть, дифтеритъ, что хозяинъ дома и его сынъ переберутся къ пріятелю на время болѣзни дѣвочки, чтобы не занести болѣзни въ тѣ дома, гдѣ давались уроки, и въ школу, посѣщаемую юношею. Она не понимала этой щепетильности и еще менѣе понимала, какъ можетъ любящій мужъ оставить жену одну возиться съ больнымъ ребенкомъ. Вообще она не понимала

ничего, что дѣлалось въ домѣ дочери, кромѣ одного того, что семья ея зятя — семья «нищихъ» и притомъ нищихъ потому, что они «упрямы, какъ ослы»: надо толкаться къ людямъ, надо выкланяться, чтобы достать лучшее мѣсто, надо пороги обивать, а они сидятъ, какъ кочни, на одномъ мѣстѣ.

— Тоже эта болѣзнь вскочитъ въ копейку, а деньги-то есть у тебя? — спросила она у дочери, оставшись съ нею съ глазу на глазъ.

Елена Васильевна въ эту минуту задумалась именно о томъ, какъ выбиться въ это время изъ тяжелаго положенія, что заложить, что продать. Она очнулась при вопросѣ матери и коротко отвѣтила:

— Справимся какъ-нибудь.

Мать зорко посмотрѣла на нее почти злыми глазами и отрывисто заговорила:

— Ужъ по-моему, коли не умѣетъ человѣкъ своихъ дѣлъ обдѣлывать, такъ и жениться бы не слѣдовало. Дѣтей-то на смерть обрекать не особенная доблесть!

Елена Васильевна подняла на нее холодные и строгіе глаза. Въ нихъ не было даже упрека, а только холодность и строгость.

— Я думаю, никто и не обрекаетъ на смерть дѣтей. Что можно, то будетъ сдѣлано...

Мать нетерпѣливо перебила ее:

— Двоихъ-то ужъ схоронили!

— Отъ дифтерита и при богатствѣ не всегда можно спасти, — отвѣтила дочь и прибавила нѣсколько рѣзко: — И вамъ ли это говорить: вы-то, вѣдь, жили въ довольствѣ, однако, изъ девяти человѣкъ дѣтей, только я да братъ и остались въ живыхъ!..

— Это, матушка, Божья воля, а у васъ Богъ-то ни при чемъ, а по своей волѣ все дѣлается,—загорячилась мать:— и рады бы полѣчить ребенка, какъ слѣдуетъ, такъ денегъ не умѣли нажить. Я-то все дѣлала, чтобы мои дѣти живы были, изъ города докторовъ выписывала, чудотворную икону поднимала, когда покойная Маня въ падучей была, а вамъ и дѣлать-то не изъ чего...

Дочь пожала плечами.

— Мы у васъ и не просимъ.

— Не просите!.. Меня и просить нечего, если бы у меня деньги-то были. Повернула бы я все здѣсь по-своему, если бы прежнія времена. А теперь... извѣстно, какъ крестьянъ обобрали, такъ и пришлось дворянамъ по міру идти...

— Ну, это вы напрасно!—сухо возразила дочь.—Братъ васъ разорилъ, а не освобожденіе крестьянъ...

Мать опять загорячилась:

— Ну да, ну да, ты рада на брата свалить! Онъ во всемъ виноватъ! А что же ему по-нищенски жить было, что ли? Онъ у меня былъ не такъ воспитанъ. Слава Богу, столбовой дворянинъ. Если его обдули разные шаромыжники, такъ онъ-то чѣмъ виноватъ? Онъ росъ-то въ дворянской семьѣ, никакими аферами не занимался, понятія не имѣлъ о томъ, какъ разные проходимцы благороднаго человѣка надуть могутъ...

Она стала распространяться о своемъ любимцѣ — сынѣ. Несмотря на то, что онъ и самъ разорился, и ее разорилъ, она продолжала горячо любить его. Краснобай, красавецъ, лихой кавалеристъ, распущенная широкая натура, онъ всегда умѣлъ во-время заговорить мать, кстати поцѣловать у нея ручку, удачно свернуть разговоръ на шутовство, и она продолжала гордиться имъ даже тогда, когда ей изъ-за него пришлось почти безъ гроша уѣхать изъ своего родного Захолустнаго. Вспомнивъ о сынѣ, о разореніи, о бѣдности дочери, она внезапно перешла къ мысли о своей единственной надеждѣ—о племянникѣ Александрѣ.

— Вотъ теперь тоже завтра къ Сашѣ поѣду, — начала она:—онъ бы могъ васъ выручить.

— Мы ничьей помощи не просимъ, — быстро сказала Елена Васильевна.—Пожалуйста...

— Ахъ, мать моя, не безпокойся, не безпокойся! — сердито перебила ее мать.—Ни я ему не скажу теперь ничего, ни онъ самъ не поѣхалъ бы къ вамъ теперь. Въ домѣ зараза, а я пріѣду къ семейному человѣку и стану разсказывать: «я отъ скарлатинныхъ! съѣзди къ нимъ! помоги имъ!» Да что я, съ ума сошла, что ли? Я и не упомяну, что я у васъ была. Мнѣ, мать моя, и самой уголъ нуженъ...

Елена Васильевна встревожилась, сообразивъ, что ея мать можетъ занести въ чужую семью болѣзнь.

— Вы бы подождали, пока пройдетъ у насъ все,—заговорила она:—а то и точно...

— Ну, что ты толкуешь!—сердито перебила мать.—Никакихъ болѣзней я не занесу. Мнительность это одна пустая. И къ кому тамъ пристанетъ: и пасынокъ, и падчерица у Саши, слава Богу, уже не дѣти. А у тебя тутъ оставаться... Да и въ эти-то дни у меня сердце здѣсь изныло. Ты думаешь, мнѣ сладко на вашу жизнь смотрѣть? И не привыкла

я къ мелочничеству-то вашему. У меня, слава Богу, была чаша полная. А у васъ — сердце у меня надрывается. Я мать. Я вижу, какъ вы живете, все вижу.

Елена Васильевна смотрѣла сухо и пожала плечами.

— Я не знаю, что вы видите. Мы живемъ небогато, но мы счастливы...

— Счастливы! Рубашки на тѣлѣ порядочной нѣтъ. Одна на плечахъ, другую стираютъ...

Лицо Елены Васильевны стало еще блѣднѣе. Въ глазахъ сверкнуло выраженіе гнѣва. Она едва воздержалась отъ брезгливаго восклицанія: «вы и это подсмотрѣли». Ей внезапно вспомнились сцены давно былого, когда ея мать потихоньку перешаривала сундуки и шкапы у дворовыхъ дѣвокъ. Эти обыски, это шпіонство всегда возмущали Елену Васильевну, тогда еще молоденькую дѣвушку. Она поняла, что и теперь мать въ ея отсутствіе перерыла всѣ ящики ея комода, пересмотрѣла каждую тряпочку. Ей стало тяжело и гадко. Мать начала-было говорить о томъ, что она знаетъ дочь: изъ гордости ни слова та не скажетъ; вышла замужъ противъ воли матери за голяка-учителишку; теперь хочетъ доказать, что не ошиблась въ расчетѣ; только бѣдности-то не скроешь и никого не увѣришь, что она сладка; нѣтъ, бѣдность не сладка; не порокъ она, а хуже всякаго порока...

Эти разсужденія были произнесены уже въ пустой комнатѣ. Елена Васильевна поднялась съ мѣста при самомъ ихъ началѣ и ушла въ комнату своей дочери. Ей теперь хотѣлось одного: чтобы скорѣй минули этотъ вечеръ и эта ночь, чтобы мать утромъ уѣхала изъ ихъ квартиры. Если когда-нибудь простое дочернее чувство связывало ее съ матерью, то теперь не существовало и этой слабой связи: мать и дочь были совершенно чужія по взглядамъ, по характерамъ, по привычкамъ. Казалось, онѣ даже говорили на разныхъ языкахъ, — одна на грубо вульгарномъ языкѣ старой помѣщицы, говорящей съ дворовыми дѣвками, вѣчно путающейся въ многословіи праздной сплетницы, — другая была скупа на слова, какъ человѣкъ сдержанный, болѣе передумывающій, чѣмъ выбалтывающій, и не находящій въ своемъ запасѣ необходимыхъ словъ, когда дѣло идетъ о дрязгахъ, пересудахъ и сплетняхъ...

Девятнадцать лѣтъ прожила Елена Васильевна съ мужемъ и ни разу въ ея головѣ не прошла мысль, что она несчастна. Бывали тяжелые дни нужды, и въ первые годы

послѣ свадьбы, и потомъ, когда Иванъ Николаевичъ, впутанный въ исторію по поводу знакомства съ опасными людьми, былъ призываемъ къ допросамъ и неожиданно лишился въ провинціи казеннаго учительскаго мѣста; бывали дни глубокой печали, когда у нихъ умерли въ Петербургѣ отъ дифтерита двѣ дѣвочки. Но именно въ эти-то дни она, мужъ и остальныя дѣти какъ-то еще ближе сплачивались вмѣстѣ и чувствовали себя среди лишеній и горя почти счастливѣе прежняго, — счастливѣе отъ глубокаго сознанія взаимной любви. Передъ нею живо возставали картины этихъ «трудныхъ дней»: вотъ Иванъ Николаевичъ быстро ходитъ изъ угла въ уголъ по комнатѣ и нервно потираетъ руки, торопливо разсуждая:

— Ну, что-жъ, съ кѣмъ не бываетъ бѣды! Всѣ подъ Богомъ ходимъ! Да это пустяки! Совѣсть чиста — больше ничего и не нужно. Были бы силы, выбьемся! Свѣтъ-то клиномъ, что ли, сошелся? Мы еще себя покажемъ...

И, подшучивая надъ недостатками, онъ прибавлялъ съ ободряющей усмѣшкой:

— А поговѣть придется! безъ этого, пожалуй, дѣло не обойдется.

И, обращаясь къ женѣ, вспоминалъ:

— Помнишь, Леля, какъ мы разъ въ первые годы послѣ свадьбы цѣлую недѣлю и ужинали, и обѣдали чаемъ да кофе съ вѣсовымъ хлѣбомъ? Ничего, пережили, никому не поклонились, да еще и не зналъ никто, что нуждались.

Онъ разсказывалъ сынишкѣ, — тогда тому было двѣнадцать лѣтъ:

— Мама, чтобы сосѣди не знали ничего, на столъ тарелки во время обѣда ставила, посудой гремѣла. Въ провинціи жили. Сосѣди близко. Любопытство у всѣхъ. Все узнать нужно. Ну, только такъ и не узнали ничего...

Сынишка смѣялся, точно говорилось о чемъ-то веселомъ, точно предстояло теперь не то же говѣнье, а праздники. Мальчугана даже забавляло и то, что они опять дня три не обѣдали, а ѣли то, что было по карману. Это были дни изъ ряду вонъ, а для дѣтей это всегда кажется чѣмъ-то въ родѣ праздника. Правда, мальчуганъ и его сестра не голодали и не могли подмѣтить, что сыты вполнѣ были только они, а не мать и отецъ. Тѣ точно постились, но ни разу не охнули, не вздохнули, вѣря, что мрачные дни смѣнятся ясными, и твердо помня, что многимъ еще хуже жить...

И вдругъ, теперь мать называетъ ее, Елену Васильевну,

несчастной! Да это бы еще ничего. Но зачѣмъ она сказала, что они уморили двоихъ дѣтей? Вѣдь это ложь. И какъ это безсердечно, жестоко! Тогда, когда дѣти захворали, было сдѣлано все, приняты всѣ мѣры, лучшій докторъ былъ призванъ. Будь у нихъ тысячи, они не могли бы сдѣлать большаго. И какъ могла она, родная мать, бросить въ лицо дочери подобное оскорбленіе? Сердца у нея нѣтъ! Одного этого достаточно, чтобы отшатнуться отъ нея навсегда...

Елена Васильевна сидѣла у постели своей дочери, опустивъ на колѣни руки, слѣдя за выраженіемъ личика дѣвочки. Ей уже не хотѣлось болѣе думать о матери, объ оскорбленіяхъ, нанесенныхъ матерью въ этотъ день. Ребенокъ поглотилъ все вниманіе Елены Васильевны. Онъ дышалъ тяжело, точно ему недоставало воздуха. Елена Васильевна машинально взглянула на драпировку, совершенно раздвинутую Ванею по приказанію доктора. Докторъ сказалъ, что въ комнатѣ мало воздуха, что драпировку лучше даже совсѣмъ снять. Завтра ее и снимутъ. Тогда, когда захворали ея дѣвочки дифтеритомъ, докторъ тоже говорилъ, что у нихъ мало воздуха. Ей вдругъ вспомнился вопросъ доктора, гдѣ ея дѣвочка могла захватить скарлатину. Не дожидаясь отвѣта, докторъ добавилъ, что здѣсь, гдѣ живетъ семья, очень уже скученно населеніе, дома переполнены жильцами, и потому легко заразиться...

Молодая женщина была точно подавлена этой мыслью. Прежде эта мысль ей не приходила въ голову; послѣ разговора съ матерью, эта мысль ее терзала. Да, они сдѣлали все, что могли, для дѣтей, но все же, будь у нихъ средства, дѣти, можетъ-быть, и не заразились бы и были бы живы...

III.

Ночь приближалась къ концу. Больная дѣвочка что-то хрипло простонала въ полуснѣ. Этого стона было довольно, чтобы пробудить отъ тревожной дремоты Елену Васильевну, сидѣвшую на креслѣ неподалеку отъ больного ребенка. Она поднялась съ мѣста, торопливо подошла къ дочери, посмотрѣла на нее, прислушиваясь къ ея дыханію. Дѣвочка спала, тяжело дыша. Елена Васильевна поправила лампу подъ темнымъ абажуромъ, взглянула мелькомъ на часы и опять сѣла на свое мѣсто. Утро еще не наступило, но сонъ уже разсѣялся.

Уже нѣсколько ночей проводитъ такъ мать у постели больного ребенка; уже нѣсколько ночей она вся поглощена однимъ вопросомъ о жизни и смерти родной малютки. Она

измѣнилась за эти дни болѣе, чѣмъ можно измѣниться за годъ, за два. Перемѣна была не только въ чертахъ лица, въ его выраженіи, но даже въ манерѣ одѣваться. Всегда тщательно принаряженная, заботливо старающаяся скрыть отъ постороннихъ глазъ бѣдность опрятностью и тщательностью туалета, теперь Елена Васильевна точно забыла о немъ. Наскоро надѣтое платье, измятый воротничокъ и такіе же нарукавнички, торопливо, не передъ зеркаломъ причесанные волосы, высохшіе безъ помады, все это дѣлало ее неузнаваемой. Впрочемъ, неузнаваемой стала не одна она,—измѣнилась и обстановка ихъ квартиры. Въ гостиную были вынесены кровати жены и мужа, такъ какъ докторъ требовалъ, чтобы въ спальнѣ дѣвочки было какъ можно меньше лишняго хлама; драпировка въ спальнѣ была снята, и остался только карнизъ отъ нея, перекинутый черезъ комнату, какъ какая-то странная перекладина, поддерживаемая двумя столбами, гдѣ былъ проходъ за драпировку, напоминавшими теперь нѣчто въ родѣ столбовъ висѣлицы. На столикѣ, недалеко отъ постели больной, была цѣлая масса склянокъ и банокъ изъ-подъ лѣкарствъ, лежали какія-то бѣлыя тряпочки, ложки. Ящики комода у стѣны были задвинуты не плотно, какъ бы говорили, что изъ нихъ все бралось второпяхъ, на ходу. Изъ одного изъ нихъ торчалъ уголъ чего-то бѣлаго, простыни или скатерти. Этотъ бѣлый клокъ, ярко вырисовывавшійся на темномъ фонѣ комода, остановилъ вниманіе Елены Васильевны. Она машинально встала, засунула его въ ящикъ и заперла остальные ящики плотнѣе.

— Безпорядокъ какой! — вздохнула она, садясь снова на кресло.

Она такъ же машинально обвела комнату глазами: все было неприглядно, неказисто, бѣдно.

— Бѣдныя дѣти!—опять вздохнула она.

Въ головѣ проносились мысли о томъ, что ея дѣти будутъ расти среди этой неприглядной обстановки, среди мелкихъ лишеній, хирѣя въ лучшіе годы юности. Сѣренькое начало долгой сѣренькой жизни! Въ душѣ поднимались упреки себѣ за недостатокъ энергіи. Но такъ ли? Развѣ она и мужъ не работали?

Передъ нею прошла вся прошлая жизнь.

Раннее дѣтство въ деревнѣ; отецъ—забитый и попивающій отъ праздности человѣкъ; мать—барыня-помѣщица, съ властной фигурой, съ сварливымъ характеромъ, съ стре-

мленіемъ всѣхъ держать въ рукахъ и съ умѣньемъ вносить только сумбуръ въ хозяйство, въ отношенія къ людямъ, въ семейную жизнь. Тѣмъ не менѣе жилось дѣтямъ сытно, свободно, даже своевольно. Мать прикрикивала на нихъ и тотчасъ же забывала, что она кричала именно на нихъ, перенося свой гнѣвъ на дворовыхъ, на старосту, на приказчика, на приживалокъ. Ей было все равно, кто попадался подъ руку, лишь бы найти предлогъ къ дрязгамъ. Дѣти знали это и не видѣли необходимости обуздывать себя. Про нихъ всѣ говорили, что они «ходятъ на головахъ». Но эта воля была не долга: когда наставало время ученья, дѣтей забрасывали въ чужіе города на казенные хлѣба, въ корпуса и институты, лишь бы сбыть съ рукъ. Та же участь постигла и Елену Васильевну, и чуть не съ первой минуты послѣ поступленія въ институтъ ее, маленькую Лелю, прозвали здѣсь «Степкой-растрепкой», «неряшкой», «деревенщиной», «дикаркой». Это оскорбило дѣвочку и, самолюбивая отъ природы, она стала слѣдить за собой, стала исправляться, ушла въ себя, отстранилась отъ подругъ. Новая жизнь, размѣренная по часамъ, идущая по заранѣе начерченному плану, была полной противоположностью прежней распущенной жизни. Она не особенно понравилась маленькой дикаркѣ, но въ то же время она озарила новымъ свѣтомъ и старую жизнь. Отецъ вѣчно въ грязномъ халатѣ и въ нижнемъ бѣльѣ, мать въ распущенной блузѣ, съ нечесанными волосами, дѣти, бѣгающія чуть не босикомъ, имѣя много одежды, неумытая, вахластая дворня, живущая тѣсно, въ грязи, перебранки всѣхъ вмѣстѣ и каждаго порознь, — все это, вспоминаясь дѣвочкѣ, стало вызывать ощущенія брезгливости. Въ институтѣ было тяжело, скучно, несвободно, но именно вслѣдствіе этого явилось какое-то почти враждебное чувство къ матери: забросила свою дочь и почти не пишетъ, не думаетъ о ней, а еще говорила, что она любитъ дѣтей.

Когда прошли годы ученья, она вернулась домой, какъ чужая, только черты лица напоминали, что она дочь своей матери, да было что-то властное въ выраженіи физіономіи, тоже общее съ матерью, хотя у дочери это было выраженіемъ самолюбивой, ушедшей въ себя, натуры, а у матери выраженіемъ сознающаго свою власть самодурства. Въ домѣ молодая дѣвушка уже не застала въ живыхъ отца, но увидала зато новыя для нея лица: давно забытаго старшаго брата—офицера-кутилу, сорви-голову, крас-

нобая, оскорбившаго сразу сестру подшучиваніемъ надъ институтками, надъ сентиментальными барышнями, надъ кисейными дѣвицами, — и юношу, котораго ей рекомендовали какъ-то неопредѣленно и родственникомъ, и чужимъ, и двоюроднымъ братомъ, и пріемышемъ. Это, какъ она узнала потомъ, былъ «грѣхъ» одного изъ братьевъ ея матери, Константина Воцинина-Сокальскаго. Вслухъ считали неудобнымъ говорить объ этомъ молодой дѣвушкѣ; шопотомъ въ углахъ, по секрету, ей разсказали всѣ мельчайшія подробности исторіи этого «грѣха». Отъ насмѣшника-брата, которому вторила мать въ его грубыхъ шуткахъ надъ институткой, молодая дѣвушка сторонилась; съ юношей она сошлась, жалѣя его и интересуясь его страннымъ характеромъ. Онъ былъ красавецъ въ полномъ смыслѣ этого слова: бѣлокурый, съ темно-карими глазами, съ свѣжимъ цвѣтомъ лица, прекрасно сложенный. На видъ это былъ силачъ и смѣльчакъ, широкая натура и весельчакъ; но чѣмъ болѣе узнавалъ его кто-нибудь, тѣмъ яснѣе сказывался въ немъ трусъ: достаточно было хозяйкѣ дома или ея сыну прикрикнуть на него, даже взглянуть суровымъ взглядомъ, чтобы онъ измѣнился въ лицѣ, поблѣднѣлъ, принялъ выраженіе оторопѣлости. Въ такія минуты испуга его каріе глаза бѣгали, какъ мыши въ мышеловкѣ, стараясь ускользнуть отъ взгляда людей, и онъ спѣшилъ суетливо сказать или сдѣлать что-нибудь такое, что преложило бы гнѣвъ на милость. Въ такія минуты иногда онъ бывалъ крайне жалокъ, иногда возбуждалъ отвращеніе.

Разъ какъ-то молодая дѣвушка замѣтила ему:

— Какъ это ты, Саша, позволяешь брату такъ кричать на тебя?

Онъ въ недоумѣніи взглянулъ на нее, точно не понимая ея словъ.

— Да они-съ, Елена Васильевна, старшій въ домѣ,—наконецъ, отвѣтилъ онъ.—Что захотятъ, то и сдѣлаютъ.

— Что же онъ можетъ сдѣлать?

— А выгонятъ? Я ужъ наголодался безъ крова-то.

Онъ вздохнулъ.

— Другу и недругу не дай, Господи, на улицѣ безъ куска хлѣба остаться. Вы этого, конечно, и понять не можете, Елена Васильевна, а кто испыталъ, въ ногахъ у людей валяться будетъ, руки имъ лизать станетъ, только бы спастись. Люди веселые, разодѣтые, въ экипажахъ катаются, а ты — ночь у забора провелъ, маковой росинки

во рту не было, зубъ на зубъ не попадаетъ, одежонка — лохмотья, глядишь и глотаешь слезы, и никому до тебя дѣла нѣтъ, никто на тебя и не взглянетъ. До голяка никому дѣла нѣтъ. Я больше полугода такъ-то провелъ. Вѣкъ этого времени не забуду. Иные въ такомъ-то положеніи на грабежъ, да на убійство шли.

Онъ опять вздохнулъ.

— И, конечно, если человѣкъ неопытенъ, такъ пойдетъ на все, не знаетъ, что за воровство и убійство такихъ мукъ натерпится, что еще хуже голода. Разъ вотъ при мнѣ овощенникъ поймалъ мальчишку въ воровствѣ, и укралъ-то тотъ пару огурцовъ, съ голоду видно, такъ онъ его таскалъ, таскалъ за волосы-то, да взялъ да въ грязь лицомъ тыкалъ, тыкалъ — стра-асть!.. Тоже разъ видѣлъ я, какъ съ конокрадомъ мужички расправились — сто лѣтъ проживу, а не забуду этого. До смерти уколотили, кто чѣмъ, кто чѣмъ — не дышитъ ужъ онъ, а они дубасятъ, дубасятъ, точно рожь молотятъ. Остервенѣли, значитъ. За свое добро каждый радъ горло другому перегрызть.

Молодая дѣвушка узнала всю его біографію: какъ онъ жилъ въ достаткѣ при жизни отца, какъ потомъ онъ началъ терпѣть лишенія при матери, какъ послѣ ея смерти онъ очутился на мостовой, голодный, полуодѣтый, какъ только черезъ шесть-семь мѣсяцевъ какая-то жалостливая старуха, знавшая его исторію, свела его къ губернатору и сообщила тому, что у мальчика есть тетка — положимъ, не родная, не законная, а все же тетка, — и при содѣйствіи губернатора мальчика пріютили въ Захолустномъ у Софіи Андреевны. Не сладка была его жизнь и здѣсь, но зато сытъ онъ былъ всегда, а это для него было въ ту пору главное. Онъ ѣлъ такъ, какъ будто хотѣлъ наверстать за дни голоданья или желалъ запастись на случай будущихъ голодовокъ. Въ домѣ тетки ему, какъ и всѣмъ другимъ, доставались нагоняи за все, кромѣ обжорства, такъ какъ ѣли тутъ всѣ походя, бросая не идущее въ горло, не зная, что дѣлать кромѣ вѣчной ѣды. Этого было довольно, чтобы Александръ сносилъ всѣ остальныя невзгоды.

Разъ какъ-то, жалѣя юношу, Елена Васильевна вступилась за него и замѣтила брату:

— Какъ тебѣ не стыдно издѣваться надъ нимъ!

Юноша оторопѣлъ, и, прежде чѣмъ братъ Елены Васильевны что-нибудь отвѣтилъ, онъ проговорилъ:

— Василій Васильевичъ шутятъ-съ! Отчего же-съ имъ

не шутить? Я не смѣю-съ сердиться. Меня-съ не убудетъ отъ шутки.

— Посмѣлъ бы ты еще сердиться! — грубо сказалъ Василій Васильевичъ.

— Что вы-съ! Я никогда-съ,... И въ помыслахъ нѣтъ-съ!.. Это Елена Васильевна такъ думаетъ-съ. Онѣ-съ къ шуткамъ не привычны, обижаются. А я...

Василій Васильевичъ захохоталъ.

— А ты въ институтѣ не былъ и благороднаго воспитанія не получилъ? Такъ?

— Такъ-съ!—захихикалъ юноша, ободрясь.

Потомъ, улучивъ свободную минуту, онъ осторожно сталъ упрекать молодую дѣвушку за ея заступничество. Ей хорошо; на нее посердятся и конецъ, а его выгнать могутъ, тогда что? Его не убудетъ отъ шутокъ, а съ голоду-то какъ разъ поколѣть можно.

Но былъ случай, когда шутки Василія Васильевича на минуту вывели Александра изъ терпѣнія.

Елена Васильевна сидѣла въ саду, когда однажды передъ нею явился Александръ въ какомъ-то странномъ видѣ. Онъ былъ видимо возбужденъ, лицо его было синевато-багроваго цвѣта, точно опухло, онъ кутался въ какое-то рваное теплое пальто и, очевидно, дрожалъ отъ холода.

— Что съ тобой?—спросила въ недоумѣніи молодая дѣвушка.

— А то, что не жизнь это, а каторга!—рѣзко отвѣтилъ онъ.—Издохнуть бы, вотъ что!

— Да что случилось?—спросила она, изумленная непривычно рѣзкимъ тономъ бѣдняка.

— За собаку служить заставили,—отвѣтилъ Александръ запальчиво и съ обидой въ голосѣ. — Пошли Василій Васильевичъ на прудъ и стали поноску швырять Азоркѣ въ воду, да и говорятъ: «Азоръ-то умнѣе тебя». Обидно мнѣ это показалось, чортъ тоже дернулъ обижаться, я и говорю: «Чѣмъ же умнѣе?» А они говорятъ: «Ну, вотъ достань поноску изъ воды». Я раздѣлся, они швырнули поноску, я досталъ и принесъ. А они хохочутъ: «Разъ досталъ, да и думаетъ, что перещеголялъ Азора». Бросили еще, еще и еще.

Онъ закусилъ со злобой губы.

— Извѣстно, собака хоть сто разъ за поноской проплываетъ, а человѣкъ не можетъ. Умаялся я, дрожь пробрала, зубъ на зубъ не попадаетъ, а они: «Простой дворовый песъ и тотъ тебя загоняетъ». Это вмѣсто спасибо-то за потѣху!

Онъ закутался еще плотнѣе въ свое рваное теплое пальто и смолкъ.

Молодая дѣвушка была возмущена. Въ ея душѣ поднялась цѣлая буря. Она соображала, какимъ способомъ положить конецъ этимъ издѣвательствамъ, какъ спасти этого несчастливца. Въ ея головѣ началъ уже складываться планъ—правда, довольно наивный—попросить одного изъ ихъ знакомыхъ, Ивана Николаевича Зубкова, пріютить Александра. Она уже подняла голову, чтобы сообщить о своемъ планѣ юношѣ, и съ негодованіемъ замѣтила:

— Этому надо положить конецъ!

Онъ очнулся.

— Разбогатѣю, вотъ и будетъ конецъ. Самъ тогда, замѣсто собаки, Василія Васильевича за поноской посылать буду. Тоже покуролесятъ они не долго.

Онъ тряхнулъ волосами.

— А будь я на ихъ мѣстѣ—не только мнѣ, дѣтямъ, да внучатамъ моимъ хватило бы того, что у нихъ есть...

Когда она сказала ему о своемъ планѣ насчетъ Зубкова, онъ лукаво усмѣхнулся.

— На что я имъ? Имъ барышня нужна, невѣста...

И, подмигивая, прибавилъ:

— Вотъ васъ они бы взяли...

Онъ сказалъ то, о чемъ не думала Елена Васильевна и что было правдой. Зубковъ, встрѣчавшійся съ Еленой Васильевной у своей тетки, жившей по сосѣдству съ Захолустнымъ, уже давно былъ влюбленъ въ молодую дѣвушку, какъ можетъ влюбиться только юный идеалистъ, постоянно говорившій «мы реалисты» и глубоко вѣрившій въ наступленіе царства неподкупныхъ становыхъ и исправниковъ, проповѣдывавшій происхожденіе человѣка отъ обезьяны и вездѣ съ полной вѣрой искавшій среди этихъ потомковъ обезьяны «луча во темномъ царствѣ». Этимъ лучомъ въ темномъ царствѣ онъ призналъ Елену Васильевну и, подсмѣиваясь надъ стихокропателями, писалъ тайкомъ стихи про «дѣвушку честную, дѣвушку гордую». Съ этой дѣвушкой онъ обмѣнивался идеями, книгами, чувствами и, наконецъ, оба они увидѣли, что они созданы другъ для друга. Умнѣе, развитѣе, честнѣе его она не встрѣчала еще никого; онъ признавался ей, что болѣе цѣльной натуры, чѣмъ она, онъ еще не видалъ въ жизни. Когда они рѣшили пожениться, мать Елены Васильевны пришла въ ужасъ. «Плюгавенькій учителишка», «голоштанный болтунъ», «безбожный нигилистъ»,—другихъ

эпитетовъ она не находила для Зубкова. Тѣмъ не менѣе, дочь рѣшительно сказала, что она его любитъ, и вышла за него замужъ. Впрочемъ, серьезныхъ протестовъ со стороны матери и не было, такъ какъ ее гораздо болѣе, чѣмъ судьба дочери, интересовалъ въ это время роковой вопросъ разоренія, приписываемаго сю эмансипаціи крестьянъ. Громы и молніи были обращены въ эту сторону, и все остальное казалось только ничтожными уколами въ сравненіи съ главной раной.

Какъ хорото зажили молодые. Онъ училъ дѣтей, возвращался домой и читалъ съ женой книги, ихъ интересовало все — и общественные вопросы, и горести ближнихъ. Они дѣлили, что могли, съ этими ближними и радовались, когда доброе дѣло удавалось. Такъ имъ удалось кое-какъ подучить кое-чему взятаго ими къ себѣ въ домъ Александра и отправить его въ Петербургъ на мѣсто въ одинъ изъ банковъ, гдѣ были знакомые у Зубкова. Опредѣлившись въ банкъ, Александръ Константиновичъ Вощининъ въ Петербургѣ быстро сдѣлалъ «карьеру» и писалъ имъ: «Я съ вашей легкой руки жить началъ и никогда этого не забуду». Они, читая эти письма, не входя въ подробности о характерѣ «карьеры», радовались и наивно говорили: «тоже въ люди можемъ выводить».

Но времена перемѣнчивы: десятокъ лѣтъ скромной, но безбѣдной жизни смѣнился внезапно годами лишеній и испытаній. Зубковъ неожиданно потерялъ казенное мѣсто и нѣкоторое время находился даже въ такомъ положеніи, что не могъ ручаться за возможность выбирать мѣсто жительства. Но гроза прошла, не прошло только стѣсненное положеніе дѣлъ. Впрочемъ, лишенія выносились бодро: Елена Васильевна шила и вышивала, Зубковъ пописывалъ кое-какія статейки, расходы сокращались сообразно сокращенію доходовъ, и мужъ, и жена не поддавались унынію и горю, смотрѣли попрежнему весело. Они не замѣчали даже того, что она похудѣла, а онъ полысѣлъ и сталъ какъ-то особенно потирать руки—это была, можетъ-быть, простая привычка, усвоенная въ то время, когда онъ заботливо успокаивалъ жену: «погоди, погоди, Леля, мы еще выбьемся, мы еще покажемъ себя», а, можетъ-быть, это было слѣдствіемъ сильнаго нервнаго разстройства, незамѣтно развившагося въ тяжелые годы. Какъ знать? Имъ удалось перебраться въ Петербургъ. Случай помогъ ему скоро найти здѣсь уроки въ двухъ частныхъ пансіонахъ и въ нѣсколь-

кихъ частныхъ домахъ. Существовать, повидимому, было можно. Но у нихъ переболѣли дѣти: двое изъ нихъ умерли; это требовало лишнихъ расходовъ; съ другой стороны частные пансіоны и частныя лица не всегда аккуратно платили за уроки. Такимъ образомъ было невозможно составить опредѣленный бюджетъ, и бѣдность не выпускала изъ своихъ лапъ семью. Тѣмъ не менѣе, наружно, для другихъ, они жили если и не богато, то опрятно и безъ видимой нужды. Эти другіе не заглядывали въ комодъ Елены Васильевны, какъ заглянула туда ея мать, и не знали, что у нея только двѣ или три сорочки. Этого не зналъ даже Иванъ Николаевичъ, какъ не зналъ онъ и того, что его бѣлье нерѣдко стирала сама Елена Васильевна тайкомъ, чтобы не платить прачкѣ за стирку, а купить на эти деньги булку дѣтямъ.

Теперь передъ Еленой Васильевной проходили всѣ эти картины, и она даже выпрямилась на креслѣ: на минуту въ ней проснулось гордое сознаніе того, что она и ея мужъ сдѣлали все, что можетъ сдѣлать человѣкъ, чтобы, не кланяясь другимъ и не кривя душой, не поддаться нищетѣ. И въ ту же минуту въ ея головѣ мелькнула мысль:

— Сдѣлали все, а двоихъ дѣтей схоронили, и третья...

Она вдругъ какъ-то опустилась и закрыла рукой глаза.

— Господи! Господи! пощади ее!—какъ вздохъ, вырвалось изъ ея груди восклицаніе.

Въ головѣ опять роились тяжелыя мысли. Зачѣмъ ей мать сказала жестокую фразу о томъ, что они губятъ дѣтей, зачѣмъ она точно ножъ всадила ей въ сердце эти слова? Теперь она уже не въ силахъ отказаться отъ этой мысли. Съ ума она сойдетъ, если ея дѣвочка умретъ... Да нѣтъ, нѣтъ, она будетъ жить, она выздоровѣетъ, она...

Въ передней раздался легкій звонокъ. Елена Васильевна очнулась, осмотрѣлась — было уже давно ясное утро. Въ комнату вошла служанка, простая, здоровая деревенская дѣвушка, и сказала, что пришелъ господинъ Устиновъ. Елена Васильевна, торопливо оправивъ свой костюмъ, вышла въ гостиную. Тамъ ходилъ взадъ и впередъ посѣтитель, человѣкъ крупный по росту и дородству, съ косматыми волосами и густыми нависшими бровями. Его просторная одежда была довольна небрежна, даже неряшлива.

— Здравствуйте, барынька!—проговорилъ онъ отрывисто басовитымъ голосомъ.—Ну, что крестница?

— Все въ томъ же положеніи, Викторъ Петровичъ,—

отвѣтила Елена Васильевна, дружески пожимая его широкую и плоскую руку, сильно заросшую волосами.

— Доктора-то не нужно ли по шеямъ, да другого взять?— спросилъ онъ заботливо.

— Докторъ хорошій.

— Всѣ они хороши деньги огребать! Сволочь!

Онъ говорилъ сердито и ворчливо.

— Да кстати, Иванъ денегъ прислалъ, — сказалъ онъ, вытаскивая изъ кармана нѣсколько смятыхъ бумажекъ.

— За уроки развѣ получилъ? — спросила Зубкова. — Отъ кого?

— А я почему знаю? Не укралъ же! А вѣрно тамъ гдѣнибудь дали.

Она начала разспрашивать о мужѣ и о сынѣ. Онъ коротко отвѣтилъ, что послѣзавтра праздникъ, и они забѣгутъ. И тутъ же прибавилъ, что всѣ эти предосторожности— глупости, никуда не занесли бы они заразы, если бы и здѣсь остались. Щепетильность все проклятая. У нея уже давно были разстроены нервы, и ей показалось, что онъ сердится за то, что ея мужъ и сынъ поселились у него.

— Что-жъ дѣлать! Болѣзнь прилипчивая! — проговорила она.—Совѣстно вотъ, что васъ стѣснили.

Онъ обозлился.

— Оглупѣли вы совсѣмъ въ одиночномъ-то заключеніи здѣсь!—рѣзко проговорилъ онъ.—Няньчусь я съ ними, что ли, что стѣснить они могли? Тоже придумали!

— Ну, ну, не бранитесь!—пересиливъ себя и улыбаясь, сказала она.—Знаю я, что вы добрый человѣкъ...

— Добрый, добрый!—передразнилъ онъ ее. — Когда вы отучитесь эти пустозвонныя фразы-то произносить: «добрый человѣкъ!», «честный человѣкъ!» Добрый — значитъ либо тряпка, либо бодливая корова безъ рогъ; честный—либо дуракъ, не умѣющій красть, либо такой, которому около денегъ ни разу и близко-то стоять не приходилось. Вотъ что!

Онъ круто перемѣнилъ разговоръ:

— А что вотъ вашему благовѣрному сказать? Какія порученія?

— Покуда ничего не надо...

Устиновъ протянулъ руку на прощанье. Въ эту минуту пробили стѣнные часы.

— Ахъ, кстати,—сказала Елена Васильевна:—который часъ на вашихъ часахъ? Наши стояли вчера.

— Э, мои часы въ чисткѣ,—отвѣтилъ Устиновъ, сдѣлавъ въ воздухѣ неопредѣленный жестъ рукою.

Елена Васильевна смутилась и тихо спросила:

— Заложили?

Устиновъ снова разозлился.

— Чего вы выдумываете! Испортились, чинить отдалъ. Не вѣкъ же имъ, поганымъ, безъ починки ходить...

Она сразу поняла все. Это онъ заложилъ часы, чтобы дать ей денегъ. У нея защемило сердце. Почти безсознательно она проговорила:

— Да, мать правду говорила, что надо къ Александру обратиться...

— И всеконечно надо!—воскликнулъ Устиновъ, не замѣчая, съ какой горечью произнесла она эту фразу. — Да я бы на вашемъ мѣстѣ его просто за горло схватилъ. Подавай!—и конецъ. Вы для него столько сдѣлали, а онъ, бестія, ничего, пальца о палецъ для васъ не стукнетъ. Съ этакихъ-то Альфонсовъ и эксплуататоровъ и рвать.

У нея подступали слезы къ глазамъ.

— Эхъ, барынька, щепетильности-то въ васъ непочатый уголъ, вотъ въ чемъ бѣда,—продолжалъ онъ:—а вы щепетильность-то отбросьте... Съ волками жить — по-волчьи и выть. А такъ-то до бѣды достукаться можно. Право!

Онъ угловато простился съ нею и, что-то продолжая ворчать, вышелъ изъ комнаты. Она, не трогаясь съ мѣста, безсознательно смотрѣла на лежавшія на столѣ, принесенныя Устиновымъ деньги. Въ головѣ бродили мысли о томъ, что этотъ человѣкъ заложилъ часы, чтобы дать ей денегъ, что мужу негдѣ было достать этихъ денегъ. Ей не было стыдно передъ Устиновымъ. Давно она знала этого человѣка, доходившаго до настоящей ярости только за то, что его уличали въ добротѣ и въ честности. Нѣтъ, она и ея мужъ нерѣдко занимали у него деньги и сами ссужали ему гроши, такъ что это не могло ее смутить. Ее смущало то, что у нихъ ничего нѣтъ, что у Устинова тоже не больше средствъ, а впереди были долгіе дни болѣзни ребенка. Что будетъ дальше? Гдѣ добудутся еще средства для лѣченія? Послѣ выздоровленія дѣвочка долго будетъ слаба, и для поддержки ея нужны будутъ лишніе расходы. И какъ бы хорошо, когда поправится дѣвочка, свезти ее въ деревню, на вольный воздухъ, туда, гдѣ весна щедрой рукой разливаетъ свои дары...

IV.

Докторъ подалъ надежду, что дѣвочка Зубковыхъ выздоровѣетъ.

— А тамъ,—прибавилъ онъ:—увезите ее на дачу, вольный воздухъ докончитъ остальное. Она немного малокровна, но это пустяки—при хорошемъ воздухѣ и питаніи все пройдетъ.

Онъ говорилъ, не зная того, что онъ точно ножомъ рѣзалъ сердце матери, точно глумился надъ нею.

Онъ давно уже ушелъ, а бѣдная мать все стояла у окна гостиной и смотрѣла куда-то вверхъ, на плывущія и тающія въ воздухѣ легкія, какъ дымъ, облачка, на синее небо, залитое и сверкающее солнечнымъ свѣтомъ, на воробьевъ и голубей, весело бродившихъ по крышѣ. Весна, весна была въ полномъ разгарѣ, а ей, несчастной матери, нечего и думать о томъ, что съ приходомъ лѣта она увезетъ свою дѣвочку на вольный воздухъ.

— Леля!—окликнулъ ее веселый, звучный голосъ.

Она вздрогнула и обернулась. За нею стоялъ щеголевато, хотя пестро одѣтый господинъ. Его русые кудри были ловко и красиво отброшены назадъ, закрывая начинавшую показываться на затылкѣ лысину, румяное круглое лицо сіяло полнымъ довольствомъ, темные каріе глаза маслились и будто смѣялись. Это былъ Александръ Константиновичъ Вощининъ. Онъ протянулъ Еленѣ Васильевнѣ дружески обѣ руки, на одной изъ которыхъ блестѣли крупные брильянты, и поцѣловалъ ее въ губы, а потомъ поднесъ ея руку къ своимъ губамъ.

— Я не ожидала,—начала она:—не думала, что ты.,.

— Замечталась! Даже и не слыхала, какъ я вошелъ,—продолжалъ онъ, не слушая ее.

Она грустно улыбнулась и проговорила:

— На птицъ засмотрѣлась. Весну почуяли.

— Ну, какая у васъ тутъ весна! — сказалъ онъ небрежно. — Вотъ у насъ въ саду почки наливаются, а за границей—тамъ все въ цвѣту уже.

— Давно ты пріѣхалъ?—спросила она, присѣвъ у стола на кресло и приглашая его помѣститься на диванѣ.

— На этихъ дняхъ, — отвѣтилъ онъ, вынимая толстый серебряный портсигаръ съ золотыми вензелями и коронкой и закуривая папиросу. — Всѣ эти дни собирался къ тебѣ, но дѣла, дѣла...

Она что-то вспомнила.

— Да, тебѣ мама развѣ не сказала, что у насъ скарлатина въ домѣ? У тебя же Лида...

— У нея была скарлатина,—небрежно сказалъ онъ, выпуская вверхъ клубы дыма: — да, кромѣ того, все это пустяки. Была бы хорошая дезинфекція и конецъ. Теперь уже доказано, что всякія эпидеміи поддерживаются небрежностью ассенизаціи. Города, гдѣ хорошая канализація, совершенно ограждены отъ эпидемій...

Онъ немного откинулся назадъ на диванѣ, положилъ ногу на ногу и принялъ еще болѣе небрежный видъ. Что-то самодовольное было теперь во всей его фигурѣ. Онъ точно хотѣлъ сказать: «смотрите на меня, каковъ я».

— А я пріѣхалъ браниться съ тобою, — проговорилъ онъ.—Мнѣ тетя сказала, что вы нуждаетесь.

На щекахъ Елены Васильевны выступили красныя пятна. Кровь прилила ей въ голову. Она рѣзко отвѣтила:

— Мамѣ вездѣ представляется нужда, гдѣ нѣтъ дворни, какую она держала. Мы...

Онъ остановилъ ее движеніемъ руки.

— Я тебя, право, не понимаю!—заговорилъ онъ, и голосъ его сталъ мягче.—Для чего ты скрываешь? И передъ кѣмъ? Передо мною! Вѣдь нужды не скроешь, какъ ни старайся ее скрыть! Были бы деньги, не тѣснились бы въ двухъ комнатахъ съ дѣтьми. Точно это гигіенично. Вѣдь ты-то понимаешь, какую роль играетъ гигіена во всѣхъ заболѣваніяхъ. Людямъ прежде всего нуженъ чистый воздухъ. Тутъ же даже и циркуляціи воздуха не можетъ быть, и приведетъ это дѣтей только къ атрофіи...

Онъ вдругъ оборвалъ рѣчь, какъ бы растерявшись, но тотчасъ же оправился и прибавилъ:

— Именно къ атрофіи: сперва анемія, а потомъ упадокъ всѣхъ силъ, замедленіе дѣятельности всего организма, атрофія...

Онъ почувствовалъ, что онъ выпутался изъ неловкой ошибки, самодовольно улыбнулся, всталъ и быстро заходилъ по комнатѣ.

— И ради чего вы тѣснитесь, — говорилъ онъ: — ради чего лишаете дѣтей нормальныхъ условій жизни? Изъ гордости? Кланяться не хотите? Кому? Чужой сволочи? Ну, положимъ, это такъ. Это прекрасно. А что же я-то? Мнѣ, кажется, и кланяться не надо. Я вотъ вамъ по которыхъ поръ обязанъ, и тебѣ, и Ивану.

Онъ провелъ рукой по головѣ.

— Правда, я не навязывался вамъ за эти годы, потому что мнѣ было обидно, что вы игнорируете меня. Еще бы, я вѣдь кулакъ, эксплуататоръ!

Онъ сдѣлалъ гримасу и пожалъ плечами.

— Ну, не хочетъ Иванъ служить у меня главнымъ бухгалтеромъ, не желаетъ принять участія въ эксплуататорской дѣятельности, такъ хоть бы переѣхалъ ко мнѣ на лѣто, чтобы дѣти дохнули свѣжимъ воздухомъ.

Онъ весело разсмѣялся.

— Я же вашъ должникъ, ну, вотъ и поквитались бы на этомъ. Тутъ ужъ нельзя отговариваться тѣмъ, что я эксплуататоръ. Вѣдь и вашъ домовый хозяинъ, можетъ-быть, похуже еще меня, съ людей шкуру деретъ, а живете же вы у него...

Она тихо проговорила:

— Мы никогда тебѣ въ долгъ ничего не давали, и ничего ты намъ не долженъ.

Онъ, задѣтый за живое, разгорячился:

— А! Ты хочешь сказать, что вы милостыню мнѣ давали, что вы, благодѣтельствуя мнѣ, впередъ дали себѣ слово не марать себѣ рукъ деньгами, прошедшими черезъ мои руки. Что-жъ, спасибо...

Въ его голосѣ звучали искреннія, сердечныя ноты обиженнаго человѣка. Елена Васильевна какъ-то не уловила ихъ, несмотря на свою постоянную чуткость. Въ ея наболѣвшей душѣ былъ хаосъ. Ее раздражала мысль, что ея мать трубитъ о ихъ нищетѣ, ее оскорбляла впервые предложенная ей милостыня, ее терзала справедливость замѣчаній этого человѣка о томъ, что ея дѣти растутъ въ неблагопріятныхъ условіяхъ. Подъ вліяніемъ всего этого съ ея языка безсознательно сорвалась жесткая фраза:

— Тебя, кажется, тяготитъ благодарность и хочется откупиться за нее деньгами.

Онъ остановился передъ ней, и на минуту его глаза сверкнули гнѣвомъ, почти яростью, точно его ударили по лицу. Потомъ онъ быстро овладѣлъ собой и махнулъ рукою.

— Богъ съ тобой,—проговорилъ онъ съ горькимъ упрекомъ.

Ее сразу привела въ себя, отрезвила эта фраза. Она ласково протянула ему руку.

— Не сердись! Я сама не знаю...

Она не кончила фразы и заплакала. Онъ подсѣлъ къ ней, взялъ ея руку и ласково сталъ ее гладить.

— Ну, полно, полно, Леля, голубка моя!—нѣжно заговорилъ онъ.—Не плачь же, милая!.. Не хотите вы вотъ понять, что человѣкъ же я! Можетъ-быть, мать я такъ не любилъ, какъ тебя и Ивана. Три года вы меня, какъ сына, держали, въ то время держали, когда другіе, кромѣ своей любви, ни о чемъ и знать не хотятъ. Вы меня къ мѣсту пристроили. Съ вашей легкой руки я жить началъ. Какъ собака, погибъ бы я безъ васъ съ голоду и холоду. А теперь вотъ...

Онъ опять всталъ, заходилъ по комнатѣ, говоря въ сильномъ возбужденіи:

— Да пусть мнѣ весь міръ говоритъ въ глаза, что я прохвостъ и подлецъ. Чихать я на это хочу! Отъ прохвостовъ и слышу! А вотъ когда вы дѣтей скорѣй въ гробъ уложите, чѣмъ отъ меня грошъ возьмете, тогда... Ну, что я такое сдѣлалъ? Убиваю на большой дорогѣ? Граблю со взломомъ? Прокаженный я, что ли? Человѣкъ, какъ всѣ люди. Не лучше, не хуже. Борюсь за существованіе! Вотъ и все. За что же вы отъ меня, какъ отъ чумы, открещиваетесь? Погублю я васъ, что ли?

Онъ, взволнованный, расчувствовавшійся, опять подсѣлъ къ ней.

— А какой у меня домикъ для васъ! — заговорилъ онъ, и въ его голосѣ зазвучали нотки обольстителя, нѣжныя, сладкія, точно онъ соблазнялъ любимую женщину.—Коттэджъ, просто коттэджъ. Англійскій садикъ кругомъ. Дренажъ вездѣ. Всѣ гигіеническія условія соблюдены. Я вѣдь немного англичанинъ. Мой сосѣдъ заводчикъ Зюдербрайтъ говоритъ всегда: «васъ, право, за чистокровнаго англичанина можно счесть!..»

Онъ опять вернулся къ разсказу о коттэджѣ.

— Веселенькій домикъ, свѣтленькій, чистенькій, точно оазисъ среди заводской грязи и копоти, дѣти у васъ цѣлый день были бы въ саду, за одно лѣто набрались бы здоровья на десятокъ лѣтъ. А ужъ если бы Иванъ рѣшился взять у меня мѣсто, тогда... да вы никогда и въ глаза-то нужды не видали бы, дѣтямъ-то не одно здоровье въ наслѣдство оставили бы, а и разностороннее образованіе, и деньжонки.

Она уже не слушала его, а тихо плакала, — объ этомъ свѣтленькомъ, чистенькомъ, веселенькомъ домикѣ, гдѣ дѣти цѣлый день могли бы быть въ саду, набраться здоровья въ одно лѣто на цѣлые десятки лѣтъ... Онъ же все говорилъ и говорилъ, не умолкая, и объ дезинфекціи, и объ ассени-

заціи, и о гигіенѣ, и объ анеміи, довольный собою, инстинктивно угадывавшій, что она поддается на его убѣжденія. И могла ли вообще женщина устоять противъ него, когда онъ рѣшался ее склонить на что-нибудь! Онъ твердо вѣрилъ въ свои побѣдоносныя силы. Не даромъ же природа надѣлила его подкупающе-звучнымъ голосомъ, а обстоятельства жизни научили управлять этимъ голосомъ, то чарующе ласкающимъ, то дрожащимъ слезами. Александръ Константиновичъ покорялъ сердца этимъ голосомъ даже тогда, когда онъ игралъ роль, а не только въ тѣ минуты, когда онъ былъ глубоко искренень, какъ теперь. Когда онъ поднялся съ мѣста, онъ прямо заявилъ:

— Ну, значитъ, рѣшено, что лѣто вы живете у меня!

На минуту она опять испугалась:

— Нѣтъ, нѣтъ... я же ничего не рѣшила,.. не могу рѣшить... какъ Ваня.

— Ну, его-то я и спрашивать не стану! Возьму въ охапку и увезу,—со смѣхомъ сказалъ онъ, горячо обнимая ее.

Онъ уѣхалъ.

Она стала думать о томъ, почему они въ самомъ дѣлѣ отказываются отъ его предложенія? Дѣти воскреснуть могутъ, а они отказываются? И развѣ это милостыня? Вѣдь они же дѣлали добро этому человѣку? Да, это только уплата долга и больше ничего. Правда, поддерживая его, они не въ долгъ давали, но не все ли равно — онъ хочетъ отплатить добромъ за добро, и они не въ правѣ отказываться. У него въ этомъ свѣтленькомъ, чистенькомъ, веселенькомъ домикѣ дѣти воскреснутъ. А потомъ? Что будетъ потомъ? Увидятъ дѣти лучшую жизнь, и станетъ имъ вдвое тяжелѣе въ этой конурѣ? Но зачѣмъ же возвращаться въ нее? Вѣдь онъ предлагалъ ея мужу мѣсто главнаго бухгалтера? Глубокія причины удерживали Ивана Николаевича принять это предложеніе. Онъ сознавалъ, что трудъ учителя—святой трудъ, а трудъ въ родѣ бухгалтера—чисто ремесленный. Она сама была всегда противъ чисто механическаго труда, всегда горячо стояла за тѣ отрасли труда, гдѣ человѣкъ вноситъ въ общество какое-нибудь развитіе, содѣйствуетъ прогрессу. Всю жизнь она и ея мужъ возились съ чужими дѣтьми, учили, воспитывали, развивали этихъ дѣтей. Но не это одно удерживало ея мужа отъ поступленія на заводъ. Онъ зналъ, что Александръ настоящій «хозяинъ»: гдѣ нужно — прижметъ, гдѣ можно—обсчитаетъ, выдался случай—обманетъ прямо и беззастѣнчиво. Какъ смотрѣть на это, когда будешь стоять

близко къ дѣлу? Молчать? Ссориться? Потакать? «Но вѣдь онъ будетъ только бухгалтеромъ,—пронеслось въ головѣ Елены Васильевны.—Онъ не будетъ принимать участія въ веденіи дѣла». Она горько усмѣхнулась. «Чистенькій, свѣтленькій, веселенькій домикъ прельстилъ!» Въ ней вдругъ поднялась цѣлая буря. «Ну да, онъ прельстилъ! Онъ! — страстно протестовала она противъ невѣдомыхъ обвиненій и точно посылала кому-то вызовъ на бой.—Я мать! У меня дѣти умираютъ отъ нищеты! Я спасти ихъ могу и сама отталкиваю якорь спасенія! Двухъ схоронила — мало! Нужно еще двухъ уморить!» Внутри какой-то тайный голосъ шепнулъ: «Взяточники тоже говорили: «жена! дѣти!» Оправданье тоже! А святой трудъ такъ и бросится, за ремесло надо взяться ради выгодъ?» И опять она язвительно протестовала: «Святой трудъ — въ частныхъ пансіонахъ богатыхъ шалопаевъ учить; репетировать уроки съ лѣнивыми маменькиными сынками! Нѣтъ, что тутъ обманывать себя! Святой трудъ былъ, но его время прошло, теперь наше учительство — ремесло! Нечего тутъ хитрить съ собою». И она съ болью въ сердцѣ сознавала, что именно теперь-то она и хитритъ сама съ собою ради этого свѣтленькаго, чистенькаго, веселенькаго домика. Никогда еще она не испытывала мучительнаго чувства двойственности, которое охватило ее теперь. Въ ней точно явилось два существа: одно увлекало въ одну сторону, другое въ другую. Оба эти существа представляли свои доводы за и противъ, какъ бы глумились одно надъ другимъ и уличали ее въ подтасовкѣ фактовъ. Въ теченіе всей своей тридцатисемилѣтней жизни она сознавала, что она цѣльный человѣкъ, никогда она не терзалась вопросами: «какъ поступить? куда идти? какое рѣшеніе принять?» Она дѣлала все безъ сомнѣній и колебаній; она никогда не испытывала раскаянія и сожалѣнія. Теперь же вдругъ у нея какъ будто потерялась путеводная нить, утратилось сознаніе того, что для нея представлялось добромъ, честностью, правдой. Она такъ испугалась этого состоянія, что обрадовалась внезапно промелькнувшей въ ея головѣ мысли:

— Да о чемъ же я разсуждаю! Никогда Ваня не броситъ своей дѣятельности и даже на лѣто не переѣдетъ къ Александру, чтобъ не быть, помимо воли, затянутымъ какъ-нибудь въ дѣла завода...

Эта мысль засѣла въ ея головѣ. Она старалась оградить себя этою мыслью отъ дальнѣйшихъ сомнѣній. Что и думать о томъ, чего не можетъ быть. Хорошо или худо было бы

новое положеніе—это все равно, такъ какъ его не будетъ, не можетъ быть. Она даже грустно пошутила надъ собою: «еще бы начать мучиться, раздумывая, что было бы, если-бъ выиграть безъ билета двѣсти тысячъ». Она прошла въ комнату дочери и сѣла за работу.

На слѣдующій день часа въ два зашелъ домой Ваня. Мать быстро поднялась ему навстрѣчу и расцѣловала его.

— Господи, какой ты блѣдный и какъ похудѣлъ! — воскликнула она, глядя на него.

— Экзамены теперь, — отвѣтилъ онъ въ поясненіе.— Только я здоровъ.

Она покачала головой. И у другихъ дѣтей экзамены, а не всѣ же такъ худѣютъ и блѣднѣютъ. Дѣло не въ экзаменахъ, а въ дурныхъ условіяхъ жизни.

— И первые сошли отлично,—проговорилъ юноша.—Я нынче хочу отличиться на славу.

— Не утомляй себя черезъ мѣру!

— Э, пустяки! Жиръ еще нагуляю! — весело сказалъ онъ.—И знаешь, я нынче такъ, такъ расхрабрился, что ни чуточки не боюсь и не конфужусь. Помнишь, прежде все трусилъ, а теперь какъ рукой это сняло. Впрочемъ, и то сказать, я уже не ребенокъ. Пора быть поразвязнѣе.

— Ну-да, старикъ! — пошутила она, нѣжно и печально глядя на его блѣдное личико.

— Не старикъ, а все же восемнадцатый годъ!

Онъ засмѣялся лукавымъ смѣхомъ и шепнулъ ей:

— Видишь, усы растутъ?

Она порывисто взяла его за голову и расцѣловала, любуясь имъ, его полудѣтской наивностью, той чистотой, которую она такъ любила въ немъ.

— А папа?—спросила она.

— Папа сейчасъ будетъ. По дѣлу нужно было зайти. Мы всѣ вмѣстѣ изъ дому вышли, я, папа и Устиновъ.

Онъ засмѣялся.

— Ахъ, мама, дядя Устя какой чудакъ! Мы за вечернимъ чаемъ вмѣстѣ всѣ трое сходимся послѣ работы. Знаешь, я кончу уроки, дядя Устя и папа выправятъ ученическія тетрадки, ну, и отдыхаемъ за чаемъ. Тутъ дядя Устя ораторствуетъ. Умора! У него что ни фраза, то парадоксъ, а чуть возразишь ему, сейчасъ кричать начинаетъ. Знаешь, какъ онъ кричитъ: ругается, волосы ерошитъ, кулаки сжимаетъ, а на него смотришь — и совсѣмъ не страшно, даже весело, точно онъ говоритъ одно, а чувствуетъ другое.

Она задумчиво слушала болтовню мальчугана; въ ея головѣ мелькали опять мысли, какъ хорошо было бы хоть куда-нибудь отправить дѣтей на лѣто на чистый воздухъ; вотъ покуда ея мальчикъ бодръ и веселъ, а захирѣетъ,— тогда...

— Ты, мама, слушаешь?—спросилъ онъ, замѣтивъ ея задумчивость.

— Да, да, какъ же... Дядя Устя... чудакъ,—проговорила она торопливо, принимая внимательное выраженіе лица.

— Да, чудакъ!—повторилъ сынъ.—Папа какъ-то сказалъ ему: «у тебя все парадоксы». А онъ вскочилъ и началъ кричать: «Парадоксы? парадоксы? Ну да, парадоксы! А знаешь ли ты, почему у меня все парадоксы? А?» Онъ даже за пуговицу сюртука схватилъ папу. «Потому, говоритъ, что и вся жизнь не что иное, какъ парадоксъ! Гдѣ у нея прямые отвѣты на проклятые вопросы? Въ мірѣ являются все новыя и новыя существа. Для чего? Для того только, чтобъ было что истреблять смерти! Въ мозгу человѣчества создаются величайшія нравственныя истины. Для какого чорта? Для того, чтобы онъ созналъ, что эти величайшія истины никогда не могутъ осуществиться! За пять тысячъ лѣтъ до насъ создается правило: «люби ближняго, какъ самого себя», а первая страница практики человѣчества, первая страница исторіи начинается съ убійства роднаго брата роднымъ братомъ!» Потомъ взъерошилъ волосы, засунулъ руки въ карманы и зашагалъ по комнатѣ.

Юноша копировалъ очень удачно Устинова. Мать слушала его съ печальнымъ выраженіемъ лица.

— Дядя Устя!—раздался слабый болѣзненный голосъ.

Больная дѣвочка проснулась и уже давно слѣдила за братомъ. На ея исхудаломъ личикѣ появилась слабая улыбка, когда онъ взъерошилъ волосы и заложилъ руки въ карманы, изображая Устинова. Она сразу узнала, кого онъ изображаетъ. Мать и братъ, услышавъ ея голосъ, поспѣшно подошли къ ней.

— Тебя разбудили? Какъ ты себя чувствуешь? Не надо ли чего?—послышались вопросы.

Она продолжала улыбаться блаженной улыбкой больного ребенка, чувствующаго, что ему лучше, что онъ оживаетъ. Слабость была еще сильна. Дѣвочка не могла говорить и лежать долго съ открытыми глазами. Она закрыла ихъ, пролепетавъ еще разъ съ улыбкой:

— Дядя Устя!

Елена Васильевна точно преобразилась. На ея блѣдныхъ щекахъ выступилъ румянецъ. Глаза были полны слезъ, но лицо сіяло радостью. Она угадала, что это начало выздоровленія. Теперь только поберечь ребенка, не упустить никакой мелочи ухода, и все пойдетъ отлично. На дворѣ же весна во всемъ разгарѣ, и въ это время быстро проходятъ на чистомъ воздухѣ слѣды болѣзни. Глаза матери какъ-то невольно обратились къ окну—тамъ было ярко-голубое небо, солнце заливало своими лучами крыши домовъ. Какъ волшебный призракъ, передъ глазами Елены Васильевны снова мелькнулъ свѣтленькій, веселенькій, чистенькій домикъ. Это была почти галлюцинація: она не видала никогда этого домика въ дѣйствительности, а теперь онъ стоялъ передъ ея глазами—бѣленькій, съ зеленой крышей, съ зелеными ставнями и жалюзи, утопающій въ садикѣ съ яркой зеленью, съ усыпанными краснымъ кирпичомъ аллейками. Она даже растерялась отъ этой игры воображенія, такъ живо предсталъ передъ нею этотъ домикъ. Сынъ окликнулъ ее:

— Мама, что съ тобой?

Она, очнувшись, провела рукой по глазамъ:

— Ничего, ничего, обрадовалась я очень,—что ей лучше... Господи, вѣдь у меня только и сокровищъ, что вы двое!

Она прижала къ груди голову сына, покрывая ее поцѣлуями.

Ему пора было идти. Онъ спѣшилъ домой, то-есть въ квартиру Устинова, чтобы приняться за книги. Завтра опять экзаменъ. Надо подготовиться. Въ дверяхъ своей квартиры онъ встрѣтился съ отцомъ и наскоро передалъ ему радостную вѣсть, что сестрѣ лучше.

— Ну, слава Богу, слава Богу!—торопливо проговорилъ отецъ, потирая руки.—Изболѣлась ты душой,—сказалъ онъ женѣ, цѣлуя ея лицо и руку.

Мужъ и жена вошли въ комнату дочери, онъ посмотрѣлъ на дѣвочку, потомъ осторожно вернулся съ женой въ гостиную. Выражая свою радость по поводу перелома болѣзни дочери къ лучшему, онъ ходилъ по комнатѣ съ озабоченнымъ видомъ, опять потирая руки. Глядя на его нервное лицо, на его взволнованныя движенія, было трудно предположить, что это вызвано только радостью; невольно чувствовалось, что онъ чѣмъ-то встревоженъ, озабоченъ, подавленъ. Жена мелькомъ замѣтила, что вчера былъ Александръ. Это она сказала какъ бы вскользь, какъ нѣчто не стоящее особеннаго вниманія, между другими новостями.

— Да, да, я уже знаю, — отвѣтилъ Иванъ Николаевичъ въ раздумьи, какъ бы разсѣянно, и вдругъ неожиданно заключилъ:—Что-жъ, вѣрно, судьба!

Она широко открыла глаза, ничего не понимая, волнуясь. Она только что собиралась посовѣтовать мужу принять предложеніе Вощинина переѣхать къ нему на лѣто, тѣмъ не менѣе, фраза мужа взволновала ее. Очень ужъ неожиданно было это рѣшеніе. Мужъ продолжалъ отрывисто:

— Написалъ онъ мнѣ вчера письмо. Былъ я сейчасъ у него. Что-жъ, онъ правъ въ извѣстномъ отношеніи. На что стала похожа ты.

Она раздражительно, почти сердито, перебила его:

— Развѣ я жаловалась? Развѣ я несчастлива? И ты туда же!..

Онъ вдругъ остановился передъ нею.

— Да развѣ ты можешь быть счастлива, когда дѣти...

Онъ не договорилъ, махнулъ рукою и заходилъ опять, потирая руки и говоря скороговоркой:

— Прежде всего надо ихъ поднять здоровыми, развитыми, образованными. Поставить ихъ на ноги. Потомъ если хлѣбъ съ водой придется ѣсть намъ самимъ — это наше дѣло. А теперь—можемъ ли мы говорить о своемъ счастіи, когда они...

Онъ опять оборвалъ рѣчь.

— Ты сама понимаешь, что сердца у насъ изошли кровью за нихъ...

Онъ заговорилъ о томъ, что пора взглянуть прямо въ глаза дѣйствительности: прежде онъ свято чтилъ свою педагогическую дѣятельность,—прежнюю, но не теперешнюю.

— Богатыхъ оболтусовъ, не принятыхъ въ казенныя училища или выгнанныхъ изъ этихъ училищъ, учить—пользы тутъ на грошъ не принесешь. Самъ директоръ нашего пансіона недавно сказалъ мнѣ: «вы не налегайте, батюшка, на нихъ; имъ не въ профессора идти, не въ писатели. Ихъ не исторіи нужно учить, а анекдоты на розовой водѣ разводить. Тогда они и будутъ хвалить наше училище. У насъ не казенная гимназія. Тамъ начальство прикажетъ—они и молчатъ, а у насъ они помыкаютъ нами. Не по вкусу мы—пойдутъ къ другимъ». Хороши нравы. Много тутъ принесешь пользы?.. А частные уроки—подготовка того, что по лѣности не подготовлено въ гимназіи, вотъ и все. Тутъ не мудрствуй, не разсуждай. Ученикъ прямо говоритъ: «этого у насъ не требуютъ; этого намъ не задано».

Значитъ, молчи и не трать даромъ времени, не смѣй его тратить, такъ какъ тебя не за этимъ пригласили,—не свое вносить, а подготовлять заданное другими... Ну, чѣмъ же эта дѣятельность лучше счетной части? То же ремесло, и только ремесло! А что выносится отъ этихъ людей, сколько горечи въ душѣ... и все изъ-за гроша, изъ-за гроша...

Онъ махнулъ рукой.

— Ну, да что говорить объ этомъ! Нѣтъ, пора перестать лукавить съ самимъ собою, пора покориться необходимости. Возьмемся прямо за ремесло и такъ и будемъ знать, что оно ремесло.

Подлостей дѣлать онъ не станетъ, да и Александръ отъ него не потребуетъ этого. Знаетъ его Александръ не со вчерашняго дня. Александру нуженъ знающій и толковый счетчикъ и только. Отчего же и не взяться за это дѣло? Прежде не хотѣлось. Мечты разныя были, надежды. Пора отрезвиться отъ нихъ. Не такое теперь время, глухое, страшное время унынія и печали, да и онъ самъ не въ такомъ положеніи, чтобы быть учителемъ, а не автоматомъ при учебникахъ, задающимъ и спрашивающимъ отсюда и досюда. И идеи теперь въ школѣ не въ авантажѣ обрѣтаются, и самъ онъ не въ авантажѣ находится.

Онъ говорилъ скоро и много, точно хотѣлъ оправдаться въ чемъ-то или убѣдить самого себя въ томъ, во что не хотѣлось самому вѣрить. Это былъ оптимистъ, произносящій проповѣдь пессимизма подъ давленіемъ обстоятельствъ. Елена Васильевна слушала его въ какомъ-то чаду; каждая его фраза была въ сущности передумана и ею; все это она давно угадывала; ничего новаго онъ не могъ сказать ей, потому что въ девятнадцать лѣтъ жизни вмѣстѣ они спѣлись во всемъ. Нова была только горечь его словъ, нова была полная безнадежность его словъ. Это ее подавило, пришибло. Кромѣ того, ее теперь тяготило какое-то смутное, неопредѣленное чувство: она усиленно старалась вспомнить, чего именно она боялась, когда обдумывала тѣ же вопросы, которыхъ коснулся теперь мужъ. Это «что-то», вселявшее въ ней страхъ, теперь не вспоминалось, не формулировалось ясно, а являлось чѣмъ-то въ родѣ безсознательной и безотчетной тревоги, обыкновенно сопровождающей перемѣну въ образѣ жизни даже тогда, когда эта перемѣна ведетъ къ лучшему. Ей даже становилось досадно на себя за то, что ради этой безотчетной тревоги она мысленно отказывалась еще вчера отъ переѣзда къ Александру.

Тамъ ея дѣтей ждетъ этотъ свѣтленькій, веселенькій, чистенькій домикъ, а она еще колебалась и волновалась при мысли промѣнять на него эту конуру, почти радовалась тому, что мужъ никакъ не согласится на предложеніе Александра.

— Что-жъ, нечего дѣлать, будемъ на міру жить, — неожиданно произнесъ Зубковъ.—Попробуемъ! И то сказать, нельзя же дѣтей весь вѣкъ подъ стекляннымъ колпакомъ держать, должны же они увидѣть, какъ другіе живутъ.

У нея точно повязка свалилась съ глазъ, и что-то страшно стиснуло сердце. Да, именно этого она и боялась. Увидятъ дѣти, какъ другіе живутъ, привыкнутъ сами такъ жить, соблазнятся... Она не докончила мысленно начатой фразы. Въ душѣ всталъ другой вопросъ: «А схоронить ихъ легче?» Она торопливо, точно боясь, что мужъ вдругъ раздумаетъ переѣхать къ Александру, проговорила:

— О, я всѣ глаза прогляжу за ними!..

V.

Въ одинъ изъ будничныхъ весеннихъ дней въ квартиру Зубковыхъ явились ломовики и обратились къ хозяевамъ съ вопросомъ:

— Можно таскать?

Имъ отвѣтили, что можно, и они начали выносить одну за другою вещи, мебель, ящики, чемоданы, весь убогій скарбъ, находившійся въ квартирѣ. Не мало было хлопотъ, тревогъ и приготовленій въ ожиданіи этого дня. Иванъ Николаевичъ, посѣтивъ предназначенный его семьѣ Александромъ Вощининымъ домикъ, вернулся домой въ довольно странномъ настроеніи: онъ былъ и радостенъ, и озабоченъ. Радовало его то, что домикъ дѣйствительно хорошъ, какъ игрушка; озабочивало то, что въ этомъ домѣ пять комнатъ, кухня, людская и передняя.

— Мебели надо прикупить,—замѣтилъ онъ вскользь женѣ.

Елена Васильевна немного смутилась и замѣтила, что и та мебель, которая у нихъ есть, очень ужъ плоха. Она думала объ этомъ уже нѣсколько дней подъ рядъ. Здѣсь всѣ эти вещи стояли, тщательно обметаемыя отъ пыли, разставленныя болѣе или менѣе со вкусомъ. Но стоило прикоснуться къ этимъ вещамъ—и засаленныя мѣста на спинкѣ дивана, прикрытыя вязаными салфетками, должны были выступить наружу; сломанная ножка стоявшаго въ углу у стѣны кресла непремѣнно выпадетъ при перевозкѣ; ломбер-

ный столъ безъ сукна, всегда покрытый скатертью, явится во всемъ своемъ безобразіи; комодъ давно уже лишенъ задней ножки, и вмѣсто нея подкладывается подъ него обрубокъ полѣна. Станутъ это все носить — посторонніе люди увидятъ это; въ домикѣ много свѣта — Еленѣ Васильевнѣ почему-то казалось, что въ комнатахъ этого домика вѣчно свѣтитъ солнце — и отъ этого свѣта никуда не скроешь «заплатъ нищеты».

Когда мужъ заговорилъ о мебели, она встрепенулась, заговорила, что все у нихъ поистрепалось, давно превратилось въ негодный хламъ.

— Да, да, нечего дѣлать, придется прифрантиться,—съ горькой улыбкой сказалъ мужъ.—Нельзя же лохматыми въ люди явиться. По одеждѣ встрѣчаютъ-то

У нея вертѣлся на языкѣ вопросъ: «откуда только денегъ взять?» Иванъ Николаевичъ какъ бы угадалъ этотъ вопросъ и тѣмъ же тономъ добавилъ:

— Еще хорошо, что Александръ практикъ. Далъ впередъ жалованье. «Необходимые лишніе расходы у тебя явятся, говоритъ, такъ ты не стѣсняйся». Гдѣ ужъ тутъ стѣсняться...

И внезапно остановившись передъ женой, онъ спросилъ:

— Леля, а у дѣтей все необходимое есть? Надо, чтобъ имъ не пришлось краснѣть. Дѣвочка у Александра, падчерица его... ужъ слишкомъ она развязная барышня, не по сердцу она мнѣ...

Елена Васильевна поторопилась успокоить мужа:

— У дѣтей все есть! Еще бы! Это ужъ было бы послѣднимъ дѣломъ, если-бъ у нихъ еще чего-нибудь недоставало...

Она ни словомъ не обмолвилась о томъ, что у нея всего двѣ-три сорочки и два платья...

— Ну, и слава Богу, что все есть,—замѣтилъ онъ, опять заходивъ по комнатѣ. — А то эта дѣвчонка все замѣтитъ: глаза зоркіе, немного наглые, кажется, въ душу тебѣ заглянуть хотятъ, да мало того, хотятъ еще эту душу-то наизнанку выворотить.

— Да, она, кажется, совсѣмъ взрослая...

Онъ усмѣхнулся.

— Пятнадцать лѣтъ, должно-быть. Невѣста почти. Дѣлами даже интересуется. Увидѣла меня и спрашиваетъ: «А вы теперь, Иванъ Николаевичъ, у насъ служить будетете?» Я усмѣхнулся, да и говорю: «У кого это у васъ

Лидія Егоровна?» А она и отрѣзала: «У мамы и у насъ съ братомъ; заводъ вѣдь нашъ, а Александръ Константиновичъ только опекунъ нашъ». Дѣловитый человѣкъ тоже!

Онъ оборвалъ рѣчь и, нервно потирая руки, заговорилъ торопливо:

— А, впрочемъ, ну ихъ! Намъ-то что до нихъ за дѣло? Мы служащіе. Сближаться не станемъ. Наши дѣти имъ не пара. Ты сумѣешь поставить всѣхъ на свои мѣста.

Она улыбнулась.

— Прежде удавалось.

— Ну, удавалось прежде—удастся и теперь!

Онъ засмѣялся.

— Помнишь, какъ исправницу ты почтительно отвадила отъ нашего дома? Еще она же тебя потомъ прославляла, какъ замѣчательную женщину, понимающую свое положеніе и не сующуюся въ «высшее» общество. А жандармскаго полковника?..

Елена Васильевна задумалась объ этомъ прошломъ. Какъ оно далеко-далеко! Какъ смѣло шла она тогда навстрѣчу всякимъ невзгодамъ. Гдѣ же эта смѣлость теперь? Ее томитъ теперь безотчетный страхъ не передъ невзгодами даже, а передъ болѣе покойной жизнью, — томитъ потому только, что эта жизнь выбиваетъ съ проторенной дороги, изъ пробитой колеи. Неужели это не временный упадокъ силъ, а начало конца? Иванъ Николаевичъ тоже смолкъ, не кончивъ фразы, и задумался. Онъ ходилъ по комнатѣ, покачивая головой и разводя руками, какъ бы разсуждая съ самимъ собою. Наконецъ, совсѣмъ забывшись, онъ пробормоталъ:

— Какъ знать! какъ знать!

Елена Васильевна очнулась и спросила:

— Что?

Онъ въ свою очередь опомнился.

— Да такъ... Пришло вотъ въ голову, что было бы, если-бъ теперь пришлось переживать все старое...

Она какъ-то странно взглянула на него, почти испугалась того, что онъ думаетъ о томъ же.

— Я объ этомъ же думала.

— Ну да, ну да, вспомнили былое, одинъ и тотъ же процессъ мысли начался, — пояснилъ онъ. — Сжились мы, голубка, такъ, что и думаемъ одно и то же. Я только думалъ вотъ о томъ, что, можетъ-быть, и опять такъ же пережили бы все, нашли бы и силы, и твердость. Силы рождаются обстоятельствами. Какъ знать, какъ знать!

Она вздохнула.

— А дѣти?

Онъ сталъ опять потирать руки.

— Да, дѣти! Съ ними рисковать нельзя, нельзя ихъ на карту ставить. Это такъ. Ихъ-то надо поддержать. Надо позаботиться о нихъ. Для нихъ и идемъ на новый путь. Что-жъ, силъ хватитъ. Поживемъ, освоимся, ориентируемся въ новомъ положеніи. Не боги же горшки обжигали.

Онъ старался бодриться, подбадривать ее.

И чѣмъ больше онъ напускалъ на себя этой бодрости, тѣмъ болѣе жутко становилось ей. Она угадывала, что и онъ чего-то боится, не отдавая себѣ отчета, чего именно. Это чувство испытывала и она — и потому его смутная и безпредметная тревога еще сильнѣе отражалась въ ея душѣ. Къ счастію, это чувство боязливой пригнетенности передъ неизвѣстнымъ будущимъ проходило тотчасъ же, какъ только Елена Васильевна появлялась у постели дочери. Та слабенькимъ голоскомъ, сдѣлавшимся совершенно дѣтскимъ, точно дѣвочкѣ было не четырнадцать, а семь или восемь лѣтъ, спрашивала мать:

— А мы скоро поѣдемъ на дачу?

— Скоро, скоро, голубка!—отвѣчала мать.

— Тамъ уже цвѣты, мама? Птички поютъ? Да?

— Да, да, крошка моя! Выздоравливай только скорѣй!

— Я, мама, совсѣмъ здорова! — отвѣчала дѣвочка. — Я тамъ въ саду буду гулять? Да? Ваня тоже будетъ въ саду гулять?

Елена Васильевна ублажала ее, а у самой щемило сердце. Какъ ослабѣла дѣвочка. Совсѣмъ маленькимъ ребенкомъ смотритъ. Говоритъ по-дѣтски. Сколько нужно усилій, чтобы возстановить ея силы. О, да, нужно скорѣй, скорѣй везти ее на чистый воздухъ.

Когда Иванъ Николаевичъ привезъ съ дачи первый букетъ цвѣтовъ, дѣвочка не выпускала ихъ изъ рукъ и съ наслажденіемъ нюхала ихъ.

— Тамъ и еще остались цвѣты? — допрашивала она, какъ бы боясь, что отецъ оборвалъ тамъ всѣ цвѣты. — Много осталось?

— Много!—отвѣтили ей.—Весь садъ въ цвѣтахъ.

Она улыбнулась радостной улыбкой, и мать сіяла счастіемъ, видя ея радость. Чего бояться, если для дѣтей такое счастіе перебраться на дачу, увидать эти цвѣты, услышать пѣніе птицъ? Какія бы невзгоды тамъ ни ждали, надо

пережить все ради блага дѣтей. Ваня, правда, не выражалъ особеннаго нетерпѣнія относительно переѣзда на дачу. Онъ весь былъ поглощенъ одной мыслью объ экзаменахъ. Самолюбивый, какъ мать, сдержанный, часто серьезный не по лѣтамъ, онъ думалъ теперь только объ одномъ: надо сдѣлать все, чтобы на экзаменахъ не ударить лицомъ въ грязь.

Въ этотъ годъ экзамены для него были уже не одною возможностью блеснуть знаніями и получить хорошія отмѣтки. Впервые онъ увидалъ въ нихъ провѣрку передъ самимъ собою своихъ познаній. Его мозгъ уже работалъ серьезно, и мальчикъ начиналъ относиться къ ученію не по-дѣтски, а какъ взрослый. Онъ сознавалъ это самъ, и въ душѣ гордился этимъ, стараясь не развлекаться ничѣмъ посторонним. Вслѣдствіе этого, онъ почти не говорилъ о предстоящей перемѣнѣ жизни. Но его блѣдное, худощавое личико говорило яснѣе всякихъ словъ, что ему отдыхъ необходимъ, что въ городѣ онъ можетъ захирѣть, что ему, можетъ-быть, нужнѣе, чѣмъ его сестрѣ, чистый воздухъ. И Елена Васильевна радовалась за него, что вотъ-вотъ онъ вздохнетъ полной грудью, поправится, расцвѣтетъ, станетъ опять такимъ же румянымъ, какимъ былъ когда-то тамъ, въ глухой провинціи, въ домикѣ на окраинѣ города. О, этотъ домикъ! Сколько въ немъ было счастья!..

Когда возы были уложены и увезены, Елена Васильевна вздохнула полной грудью. Конецъ! Завтра такъ или иначе дѣти проснутся не въ этихъ тѣсныхъ низенькихъ двухъ комнатахъ на заднемъ дворѣ въ пятомъ этажѣ, а тамъ, въ свѣтленькомъ, чистенькомъ, веселенькомъ домикѣ.

Это «завтра» настало послѣ суетливаго дня переѣзда съ квартиры на квартиру, и рано утромъ Ваня вышелъ въ маленькій садикъ съ яркой зеленью, съ усыпанными толченымъ кирпичомъ дорожками. Онъ подошелъ къ рѣшеткѣ сада, выкрашенной свѣтло-зеленою и бѣлою красками, и взглянулъ на улицу. Эта улица поразила его еще вчера, когда они переѣзжали сюда въ каретѣ. Она тянулась на десятокъ верстъ все около берега Невы. Почти безъ перерывовъ по обѣ ея стороны тянулись заводы и фабрики, фабрики и заводы; между ними темнѣли неказистые деревянные дома, изрѣдка попадались каменные, неуклюжіе, простой архитектуры; почти на каждомъ домѣ пестрѣли вывѣски: «Трактиръ», «Портерная», «Ренсковый погребъ», «Закусочная», «Мелочная лавка». Среди этихъ фабрикъ, заводовъ, жилищъ бѣднаго рабочаго люда и питейныхъ заведе-

ній всѣхъ наименованій изрѣдка мелькали, какъ яркія пятна, небольшіе франтоватые домики, окруженные палисадниками, садиками и садами; свѣтлая окраска ихъ, вазы и фонтаны въ садикахъ, масса цвѣтовъ въ куртинахъ, яркая насыпь дорожекъ, все это бросалось невольно въ глаза среди копоти и дыма, среди засоренныхъ каменнымъ углемъ черныхъ дорогъ, и какъ бы говорило, что тутъ живутъ совсѣмъ иные люди, чѣмъ въ остальныхъ домахъ. Контрастъ между бѣдностью и богатствомъ, лохмотьями и нарядностью, нигдѣ не бросался такъ сильно въ глаза, какъ здѣсь, можетъ-быть, именно потому, что нигдѣ не было собрано такого множества лохмотьевъ, какъ здѣсь. Когда Ваня подошелъ утромъ къ рѣшеткѣ садика и взглянулъ на улицу, она была сравнительно безлюдна: по ней тянулись возы, кое-гдѣ играли и рылись въ канавахъ полуголыя запачканныя дѣти, изрѣдка проходила какая-нибудь баба съ ворохомъ бѣлья, направляясь къ Невѣ. Но, тѣмъ не менѣе, улица была полна звуковъ немолчныхъ, однообразныхъ, несшихся со всѣхъ сторонъ; то гудѣли и шумѣли тысяча колесъ, паровиковъ, станковъ, сверлъ, раздувательныхъ мѣховъ, сливаясь въ какой-то однотонный и мрачный хаосъ, въ музыку современнаго фабричнаго труда. Сразу нельзя было понять, откуда идетъ шумъ—сверху, справа, слѣва, снизу,—шумѣло вездѣ, вездѣ клубами поднимался къ небесамъ дымъ, вездѣ со свистомъ выпускались пары, вездѣ въ окнахъ большихъ красныхъ зданій мелькало что-то однообразно, непрерывно, быстро двигавшееся, какъ могутъ двигаться только колеса, сверла, станки, приводимые въ движеніе паровиками. Внезапно гдѣ-то звонко, непрерывающейся трелью зазвенѣлъ колоколъ, въ другомъ мѣстѣ протяжно загудѣлъ паровой свистокъ, потомъ завылъ еще свистокъ — подальше, эти звуки лились, не смолкая, съ минуту, и улица сразу начала покрываться толпами женщинъ, мужчинъ, подростковъ и дѣвочекъ; оборванные, грязные, закоптѣлые, всклоченные, они шли группами, какъ войско нищихъ оборванцевъ; навстрѣчу имъ шло другое войско такихъ же точно людей, хотя нѣсколько умытыхъ, нѣсколько причесанныхъ; это были двѣ смѣны—одни шли съ работы, другіе шли на работу. Говоръ, шутки, брань, смѣхъ наполнили на нѣсколько минутъ воздухъ, и Ваня ясно разслышалъ нѣсколько такихъ возгласовъ, эпитетовъ, ругательствъ, которыхъ онъ не слыхалъ никогда или слышалъ только съ краской стыда на лицѣ. Минутъ черезъ пять всѣ эти люди снова исчезли въ

заводовъ и въ своихъ домахъ. И снова улица приняла прежній видъ: въ канавахъ рылись и играли полуголыя дѣти, по дорогѣ тянулись возы, въ воздухѣ раздавалось гудѣнье машинъ...

Въ эту минуту дворникъ отворилъ ворота около садика, гдѣ сидѣлъ Ваня, и со двора выѣхала, легко катясь по песку, щегольская коляска, запряженная парой вороныхъ лошадей. Толстый кучеръ съ окладистой черной бородой сдерживалъ лошадей, покуда экипажъ не выѣхалъ на улицу. Въ коляскѣ, полулежа, сидѣли очень полная дама и молоденькая дѣвушка, розовая, какъ утро яснаго весенняго дня. Обѣ онѣ были роскошно одѣты, блестя на солнцѣ стеклярусными украшеніями шелковыхъ костюмовъ и крупными брильянтами въ ушахъ и у горла. Молоденькая дѣвушка бросила на Ваню рѣзкій, пристальный взглядъ и громко спросила ѣхавшую съ ней даму:

— Это вѣрно сынъ нашего новаго конторщика?

Та, почти не поворачивая головы, бросила на него взглядъ и пожала плечами, какъ бы выражая этимъ, что она его не знаетъ.

— Должно-быть!—отвѣтила она.

Они завернули мимо садика на улицу. Дѣвочка обернулась и съ головы до ногъ осмотрѣла наглымъ взглядомъ Ваню, потомъ съ гримасой отвернулась отъ него. Кучеръ пересталъ сдерживать лошадей, и коляска понеслась, поднимая по дорогѣ облачка черноватой отъ копоти пыли.

Этотъ наглый взглядъ дѣвушки-красавицы смутилъ Ваню не менѣе тѣхъ словъ, которыя онъ уловилъ изъ устъ нѣсколькихъ рабочихъ, проходившихъ мимо него и ругавшихъ своихъ спутницъ. Этотъ взглядъ былъ оскорбительно вызывающъ, грубо дерзокъ. За одинъ такой взглядъ можно почувствовать къ человѣку вражду или презрѣніе, не зная, чего въ немъ больше—испорченности или глупости. Еще никогда и никто не смотрѣлъ на юношу такъ, даже болѣе—онъ никогда не видѣлъ, чтобы кто-нибудь такъ смотрѣлъ на кого бы то ни было. На минуту онъ растерялся отъ этого взгляда, ничего не соображая, недоумѣвая. Въ какомъ-то особенно тяжеломъ настроеніи отошелъ юноша отъ выходившей на улицу рѣшетки сада, пошелъ по его аллеямъ и за домомъ, занимаемымъ его семьей, увидалъ, что къ ихъ саду примыкаетъ другой садъ, а тамъ стоитъ другой большой каменный домъ, нарядный и красивый, какъ игрушка. Въ томъ саду были качели, гигантскіе шаги, гимнастика; между

рѣшетками, отдѣлявшими эти два сада, шла не широкая дорожка къ боковымъ пристройкамъ; около рѣшетки въ хозяйскомъ саду висѣлъ изящный гамакъ. Ваня пристально взглянулъ на него и почему-то подумалъ:

— Это она здѣсь качается!

И тутъ же рѣшилъ, что онъ не будетъ ходить сюда.

— Наглянка!—проворчалъ онъ.

Ему вспомнилась сестра. Гдѣ же она будетъ играть? Тамъ, около улицы? Наслушается такихъ словъ, какихъ и не узнала бы во всю жизнь. Здѣсь? Но здѣсь эта «наглянка» отвадитъ играть. Насмѣхаться еще станетъ. Но надъ чѣмъ же насмѣхаться? Они дѣти честныхъ людей, они воспитаны, вѣрно, не хуже ея, они учатся всему, чему можно учиться въ ихъ годы. Они и вниманія обращать на нее не будутъ. Что имъ она,—не родня, не знакомая, не начальница.

— Ахъ, счастливый, ты вотъ въ саду ужъ былъ, а меня мама еще не пускаетъ!—раздался голосъ его сестры, когда онъ пришелъ домой.

— Еще набѣгаешься, погоди! — отвѣтилъ онъ, цѣлуя сестру.—А теперь, смотри, какая ты еще слабая...

Она и точно была еще очень слаба.

— Нѣтъ, я ужъ помогаю мамѣ разбираться, — сказала дѣвочка.

— Ну, и отлично. Хозяйничать опять начала большая хозяйка,—пошутилъ братъ.

Елена Васильевна заботливо разбирала домашній скарбъ. На столѣ уже шумѣлъ самоваръ. Иванъ Николаевичъ изъ своей комнаты перекидывался съ женой и дѣтьми отдѣльными фразами, устанавливая кое-какія книги на этажеркѣ. Свѣжесть комнатъ, уютная обстановка, приготовленный чай, близкіе люди, все это сразу заставило юношу развеселиться и забыть на минуту навѣянныя на него тяжелыя впечатлѣнія. Онъ былъ еще вполнѣ чистъ, благодушенъ и безпеченъ, какъ выросшій въ любящей семьѣ ребенокъ.

VI.

Ваню сильно заинтересовала новая жизнь, окружавшая его. Звонки и свистки, возвѣщавшіе смѣну рабочихъ, массы этого народа, идущаго въ урочное время на новую «запряжку», немолчные звуки машинъ въ гигантскихъ зданіяхъ заводовъ и фабрикъ, клубы дыма и пара, медленно поднимающіеся вверхъ и тающіе въ воздухѣ, приливы и отливы

людей на улицѣ въ опредѣленные часы, все, что наполняло будни въ этой мѣстности, было ему уже знакомо. Новымъ былъ только вечеръ субботы, когда онъ увидалъ массу женщинъ, толпившихся у дверей заводовъ и фабрикъ въ ожиданіи мужей, получившихъ расчетъ. Тутъ происходили сцены, вполнѣ еще не понятныя для него. Женщины какъ бы хотѣли ограбить, взять въ плѣнъ выходившихъ съ работы мужей, а эти мужья чуть не дрались съ ними, отстаивая свои получки, отвоевывая себѣ часть этихъ грошей. Перебранки принимали иногда очень острый характеръ; женщины вцѣплялись въ мужей, тѣ вырывались отъ нихъ, порой пускались въ ходъ кулаки, а подчасъ слышались рыданья. Уже къ концу субботняго дня начали раздаваться пьяные голоса гулякъ, кое-гдѣ люди сваливались въ канавки, не въ силахъ будучи удержаться на ногахъ. Откуда-то доносились буйные крики, точно кого-то убивали или кто-то грозилъ убить другихъ. Ваня вернулся домой изъ сада въ странномъ настроеніи, точно человѣкъ, впервые попавшій въ кабакъ, въ самый разгаръ разгула и буйства. Лежа въ постели, онъ еще слышалъ крики и брань, звуки гармоники и пѣсни. На утро, проснувшись, онъ увидалъ улицу захлебнувшейся народомъ. Этотъ народъ былъ одѣтъ болѣе или менѣе по-праздничному, яркіе цвѣта ситцевыхъ рубахъ и платьевъ, пестрыхъ платковъ и лентъ бросались въ глаза. Всѣ эти люди безцѣльно бродили взадъ и впередъ, сидѣли группами на крылечкахъ, на скамейкахъ, на мостикахъ, перекинутыхъ черезъ канавы. Кое-гдѣ еще чуть слышно, точно налаживаясь и настраиваясь, начали наигрывать гармоники. У закрытыхъ еще питейныхъ заведеній уже сидѣли и стояли люди, ожидающіе вожделѣннаго часа открытія этихъ заведеній, держа въ объятіяхъ большія бутыли. Все покуда дышало миромъ и тишиною отдыха и только изрѣдка этотъ миръ нарушался какимъ-нибудь одинокимъ пьянымъ возгласомъ забулдыги, не успѣвшаго проспаться еще со вчерашняго вечера. Побродивъ по саду, Ваня увидалъ слѣзавшаго съ конки, вооруженнаго пакетами и корзинками Устинова. Мальчуганъ бросился къ нему навстрѣчу.

— А, философъ!—проговорилъ Устиновъ, увидѣвъ его и здороваясь съ нимъ.—Бери отъ меня эту дрянь. Вотъ тоже навязалъ обузу и самъ не знаю, для чего. Жарища адская, а тутъ эти пакетики, чортъ побери.

— Да зачѣмъ же вы ихъ тащили? — спросилъ съ улыбкой Ваня, обирая у Устинова его ношу.

— Да сладишь съ моей Анисьей. Попробуй! «Новоселье, говоритъ, вы первый гость и вдругъ безъ хлѣба-соли». А я и не гость вовсе... И пакетъ одинъ прорвался, апельсины повысыпались. Еще хорошо, что публика-то здѣсь въ конкахъ простенькая, услужливая, — поднимать всѣ бросились, соболѣзнуютъ. Въ городѣ-то только вышутили бы.

И, махнувъ рукой, онъ осмотрѣлся:

— А ничего, хорошо тутъ. Это ваше обиталище? Ишь ты, какими веселенькими колерами пущено.

Черезъ двѣ-три минуты, онъ уже ворчалъ въ домѣ и на жару, и на отдаленность жилища Зубковыхъ, и на затѣи Анисьи, навязавшей ему хлѣбъ-соль, и, наконецъ, напалъ на Елену Васильевну за то, что она тревожилась за свою дочь во время болѣзни послѣдней.

— Ну, чего изводили себя? Вотъ она каково вытянулась. Глазищи-то еще больше стали!

Онъ любовно взглянулъ на дѣвочку и, видя, что она улыбается ему, сдѣлалъ ей гримасу и пробормоталъ, отворачиваясь въ сторону:

— Галченокъ!

Всѣ засмѣялись. Устиновъ махнулъ рукой.

— А ну васъ!

Елена Васильевна уже хлопотала о завтракѣ. Завтракали, пили чай и кофе и обѣдали Зубковы на небольшой террасѣ, находившейся на той сторонѣ дома, къ которой примыкалъ дворъ и садъ самихъ Вощининыхъ. Устиновъ закурилъ папиросу и сталъ осматривать мѣстность.

— Это что же, хозяйскій палаццо! Ишь какихъ затѣй понадѣлали подлецы,—и гимнастика, и качели,—разсуждалъ онъ.—А это хорошо, что между ихъ садомъ и вашимъ двѣ рѣшетки и полоса двора проходитъ.

— А что?—спросила Елена Васильевна, заваривая кофе.

— Да отъ звѣрей всегда лучше подальше.

Она покачала съ упрекомъ головой и показала глазами на дѣтей. Устиновъ передернулъ плечами, точно говоря: «такъ я и стану стѣсняться».

— Ну, а ты присматривался уже немного къ дѣлу? Хищничаютъ? А?—спросилъ онъ у Ивана Николаевича.

— Вѣроятно, не знаю еще,—отвѣтилъ тотъ.—Безъ этого нельзя же...

— Да, либо самъ иди по-міру, либо другихъ пускай по-міру,—заключилъ Устиновъ.—Кто кого смога, тотъ того и за рога.

Откуда-то внезапно донеслись звуки пьянаго неистоваго крика.

— Эге, началась гульба!—проговорилъ Устиновъ.

Крики сдѣлались еще неистовѣе.

— Катай во всю!—произнесъ Устиновъ.

Елена Васильевна немного измѣнилась въ лицѣ. Съ самаго перваго дня переселенія сюда, когда она увидала въ окно Ваню стоящимъ у рѣшетки садика, ее, все еще считавшую сына ребенкомъ, начало тревожить, какихъ сценъ насмотрится, какихъ словъ наслушается ея мальчикъ. Сначала она хотѣла сказать ему, чтобъ онъ не подходилъ къ рѣшеткѣ, но это значило подстрекнуть его любопытство; разъяснять же ему, что фабричный народъ,—гулящій, испорченный, разнузданный народъ,—у нея не хватило бы духа, она знала хорошо, что прежде всего это несчастный народъ, и сочла бы грѣхомъ вселять сыну отвращеніе къ этому народу. Услышавъ восклицаніе Устинова, она замѣтила:

— Надо бы вмѣсто рѣшетки у сада сдѣлать сплошной заборъ, а то...

— Отъ улицы спрятаться хотите?—спросилъ Устиновъ.

— Неудобно,—пояснила она:—проходящіе все видятъ, что здѣсь дѣлается.

— А вы фальшивыя бумажки, что ли, дѣлаете здѣсь?—спросилъ Устиновъ.

И, угадывая настоящую ея мысль, добавилъ:

— Отъ улицы не спрячетесь, не оградитесь. Подъ стекляннымъ колпакомъ нельзя жить. Да еще и матовый пришлось бы сдѣлать, чтобъ ничего не видать. Нѣтъ, улица сама придетъ къ вамъ такъ или иначе. Противъ этого ужъ ничего не подѣлаете. Да, по правдѣ сказать, тутъ и бояться нечего, потому что ее надо знать,—все равно съ ней въ жизни считаться придется.

Ей неловко было при дѣтяхъ разъяснять Устинову, отъ чего собственно ей хотѣлось бы оградить дѣтей, собственно Ваню, такъ какъ дочь покуда играетъ только не террасѣ и находится неотлучно при ней, при матери.

Они еще не кончили завтрака, какъ на террасу вошла Софья Андреевна, шумя новымъ шелковымъ платьемъ. Она поздоровалась со всѣми, подставила дочери къ губамъ руку, перекрестила, дѣлая набожные глаза, внучатъ и тоже подставила имъ къ губамъ руку и присѣла. Она была неузнаваема. Что-то величавое и надменное было во всей ея фи-

гурѣ, точно она за эти дни получила какой-то крупный чинъ.

— А я сегодня у васъ останусь,—начала она пѣвучимъ голосомъ.—Наши ѣдутъ на цѣлый день. Звали и меня, да не расположена что-то. Отдохнуть хочется. Запировалась и такъ.

— Масленицу, что ли, въ іюлѣ справляете?—проворчалъ Устиновъ.

Софья Андреевна бросила на него сверху внизъ презрительный взглядъ.

— Я думаю, богатымъ людямъ не горбъ гнуть надъ работой; есть деньги и веселятся.

— Да иной и не съ богатства, а такъ, сдуру, веселится,— проворчалъ Устиновъ.

Онъ подошелъ къ периламъ террасы и сталъ смотрѣть безцѣльно въ пространство. На дворѣ, налѣво отъ сада Зубковыхъ, оканчивали запрягать лошадей въ коляску. Въ саду хозяевъ дома, въ гамакѣ, полулежала нарядно одѣтая дѣвушка и неторопливо натягивала новыя перчатки. Она черезъ плечо смотрѣла въ садъ Зубковыхъ, чуть-чуть покачиваясь въ сѣткѣ. Вся ея фигурка, поворотъ головы, взглядъ имѣли что-то вызывающее, точно она хотѣла сказать кому-то: «любуйтесь мною; смотрите, какова я; гдѣ вамъ сравняться со мною».

— А это что за кукла?—спросилъ Устиновъ у стоявшаго подлѣ него Вани.

— Это падчерица Александра Константиновича,—отвѣтилъ юноша, не глядя на нее.

Устиновъ уловилъ это и сказалъ:

— Да ты не видишь, про кого я спрашиваю.

Ваня отвѣтилъ:

— Про кого же, какъ не про нее... Постоянно мозолитъ глаза... Именно кукла...

Устиновъ пошутилъ:

— Что же, на ножахъ уже?

Ваня оторопѣлъ. Онъ самъ не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, что онъ возненавидѣлъ эту дѣвушку, не зная еще ея. Онъ поспѣшилъ сказать:

— Мы не знакомы вовсе... Я только видѣлъ...

Устиновъ похлопалъ его по плечу.

— Ничего, философъ, не конфузься... Есть люди, которыхъ и знать не нужно, чтобы плевать на нихъ...

На подъѣздъ въ это время вышли изъ хозяйскаго дома

молодой человѣкъ лѣтъ двадцати съ небольшимъ, одѣтый по послѣдней модѣ съ большимъ вкусомъ и разсчетливой простотой, потомъ очень полная дама въ блестящимъ съ стеклярусными украшеніями шелковомъ нарядѣ и, наконецъ, Александръ Константиновичъ, смотрѣвшій не то принарядившимся щеголемъ-приказчикомъ, не то приверженцемъ эксцентричной пестроты англичаниномъ. Дама крикнула:

— Лида, мы ѣдемъ!

Дѣвушка, качавшаяся въ гамакѣ, поднялась съ мѣста и неторопливо, съ напускной лѣнью, пошла къ экипажу. Лакей во фракѣ и перчаткахъ держалъ ея легкую накидку. Молодой человѣкъ—ея братъ, обратился къ ней и, указывая глазами на домъ Зубковыхъ, что-то серьезно замѣтилъ ей. Она громко отвѣтила:

— Я, кажется, въ своемъ саду.

Онъ пожалъ плечами и опять что-то замѣтилъ ей.

— Значитъ, теперь и говорить громко нельзя?—проговорила она.

Онъ опять что-то отвѣтилъ ей.

Его лицо выражало серьезность, сдержанность. Она вспыхнула и отвернулась отъ брата.

Всѣ они стали усаживаться въ коляску. Александръ Константиновичъ кивнулъ головою въ сторону Зубковыхъ и нѣсколько разъ махнулъ рукою, какъ бы посылая имъ привѣтъ. Елена Васильевна и Иванъ Николаевичъ поклонились ему. Замѣтивъ ихъ поклоны, молодой человѣкъ почтительно приподнялъ шляпу и тоже поклонился имъ. Это былъ немного чопорный и церемонный поклонъ незнакомаго человѣка, считающаго долгомъ изъ вѣжливости отвѣтить на чужой поклонъ, не зная даже, ему ли кланяются или не ему.

— Что это гувернеръ у нихъ какой-нибудь?—спросилъ Устиновъ.

— Нѣтъ, это пасынокъ Александра,—отвѣтилъ Иванъ Николаевичъ.—Недавно пріѣхалъ изъ-за границы. Тамъ воспитывался.

— То-то онъ и не похожъ на русскаго,—сказалъ Устиновъ и запѣлъ:—Простой цвѣточекъ дикій нечаянно попалъ въ одинъ пучокъ съ гвоздикой...

Иванъ Николаевичъ замѣтилъ:

— Этотъ человѣкъ заинтерссовалъ меня сразу.

— А что?..

— Да какъ тебѣ сказать. Сдержанъ, вѣжливъ, аккуратенъ, холоденъ, а за плечами всего двадцать одинъ годъ.

— Болванчикъ?

— Ну, не говори. Уменъ и даже очень уменъ. Раза два во время короткаго разговора, я уловилъ такое тонкое остроуміе, что любо-дорого. И вѣдь какъ острить: мускулъ не дрогнетъ, въ глазахъ улыбка не промелькнетъ.

Софьѣ Андреевнѣ показалось, что Иванъ Николаевичъ превозноситъ пасынка Александра Константиновича, и она не выдержала:

— Да ужъ нечего сказать, глазомъ не сморгнетъ, а безъ ножа зарѣжетъ.

Устиновъ засмѣялся.

— Эге-ге! значитъ, бабушку за живое задѣло!—фамильярно проговорилъ онъ.

Она бросила на него величественный взглядъ.

— Кажется, я не для всѣхъ бабушка,—сухо отвѣтила она и отвернулась, не желая продолжать говорить съ грубіяномъ.

— Это я потому, что мои-то померли, царство имъ небесное,—проговорилъ онъ.

Она промолчала, не обращая болѣе на него вниманія.

А между тѣмъ ее такъ и подмывало поговорить о пасынкѣ Саши. Она обратилась къ Еленѣ Васильевнѣ, уже принявшейся за шитье, и стала говорить въ полголоса:

— Твой Иванъ Николаевичъ-то еще узнаетъ, что за гусь нашъ Джоржъ. Вотъ ужъ правда, что въ семьѣ не безъ урода. Сама—купчиха, какъ купчиха: нагуляла тѣло, ну, и дуритъ—по уши въ Сашу врѣзалась и на все для него готова, а помимо этого—ни рыба, ни мясо. Лида—дѣлай по ея, такъ изъ нея можно веревки вить; норову много, а по шерсти гладишь—верхомъ на ней ѣзди. Объ Сашѣ я не говорю—онъ мнѣ всѣмъ обязанъ, онъ меня ублажаетъ. Ну, а Джоржъ—прежде-то Егорашей его просто звали, какъ мнѣ нянька его говорила, а теперь въ Джоржи произвелъ себя,—ну, это змѣя очковая. Ни въ поведеніи, ни въ туалетѣ, ни въ разговорѣ ни сучка, ни задоринки, а ой-ой-ой, трудно на него потрафить. Мать третьяго дня разнѣжилась и стала Сашу ласкать, кудри его гладить. Извѣстно, влюбленная, какъ кошка, жена да еще по лѣтамъ старѣе мужа. Что-жъ ты думаешь, нашъ Джоржъ оборвалъ разговоръ на половинѣ, всталъ и ушелъ, оставивъ все общество. Хорошо? Вчера тоже, лакей въ несовсѣмъ свѣжихъ перчаткахъ подавалъ обѣдъ—Джоржъ ни слова не сказалъ, а только взглянулъ сперва на перчатки, а потомъ въ лицо лакея—

такъ тотъ поблѣднѣлъ даже и черезъ минуту уже въ чистыхъ былъ.

И вдругъ, оборвавъ разговоръ, она уже шипящимъ тономъ заговорила о самомъ чувствительномъ для нея эпизодѣ:

— Я на-дняхъ начала разговаривать, какъ прежде дворню въ рукахъ держали и драли. Къ слову пришлось — такъ какъ объ испорченности прислуги рѣчь зашла. Вдругъ Джоржъ уставилъ на меня глаза и указалъ мнѣ взглядомъ на лакея. Да, понимаешь, такъ, что я даже замолчала. Ну, вышелъ лакей, я и спрашиваю: «Что вы мнѣ, Егоръ Егоровичъ, за знаки дѣлали глазами?» А онъ: «Вы говорили при лакеѣ такія вещи, что васъ можетъ возненавидѣть прислуга». А я ему: «Ужъ не думаете ли вы, что я друзей между холопами ищу?» А онъ: «Вамъ же неудобно будетъ, если живущая у насъ прислуга будетъ безъ уваженія смотрѣть на васъ». Да такъ это сказалъ, такъ точно отрѣзалъ: «ты, молъ, не думай, что мы слугъ изъ-за тебя смѣнимъ». Это хамовъ-то, хамовъ не смѣнятъ изъ-за меня-то. А? каковы?

Елена Васильевна тоскливо молчала. Она знала, что возражать матери безполезно. Она была рада только тому, что никто не слышитъ старуху. Дѣвочка сидѣла въ саду и читала. Устиновъ, Иванъ Николаевичъ и Ваня ушли гулять.

Они перешли къ Невѣ, и Устиновъ невольно замѣтилъ:

— А, право, хорошо у васъ тутъ. Если не деревня, то и не столица.

— Пьяныхъ только много,—сказалъ Ваня.

— Въ праздники столько же, какъ и вездѣ, а въ будни меньше, чѣмъ гдѣ-нибудь,—отвѣтилъ Устиновъ.

Юноша посмотрѣлъ на него вопросительно. Онъ пояснилъ:

— Господа пьютъ дома или въ гостяхъ и запертыхъ комнатахъ трактировъ и, натрескавшись, ѣдутъ домой въ своихъ экипажахъ или на извозчикахъ. Ну, а здѣсь пьютъ въ открытыхъ кабакахъ и бредутъ пьяные по улицѣ, такъ какъ своихъ экипажей нѣтъ, а на извозчиковъ нѣтъ денегъ.

Онъ похлопалъ юношу по плечу.

— Будешь взрослымъ—увидишь, что приличные люди всякаго рабочаго перещеголяютъ въ кутежѣ. Денегъ у нихъ больше на это. Ну, а что касается галдѣнія, такъ пьяный, кто онъ ни будь, всегда галдитъ; только порядочные люди знаютъ даже въ пьяномъ видѣ, что галдѣть надо дома, а не на улицѣ...

Онъ засмѣялся.

— Вотъ этотъ... какъ его... пасынокъ-то Александра Константиновича... напой его, такъ и онъ такія колѣнца начнетъ откалывать...

Иванъ Николаевичъ усмѣхнулся.

— Желалъ бы я это видѣть,—сказалъ онъ:—Джоржъ—и колѣнца откалываетъ. Нѣтъ братъ, онъ даже и не пьетъ, мнѣ кажется...

Устиновъ разсердился, точно его за живое задѣли.

— Да что-жъ онъ не человѣкъ, что ли? Всѣ пьютъ. Гдѣ эти святые, что дали обѣтъ трезвости? Вотъ тоже выдумалъ!

— Да развѣ нельзя не пить?—спросилъ Ваня.—Это же хорошо, не пить, трезвымъ быть?

— Хорошо! хорошо!—разсердился Устиновъ.—Кто тебѣ говоритъ, сорока, что дурно? Я только говорю, что трудно не пить. Вотъ что. Что-жъ, исключеніе какое, что ли, пресловутый вашъ Джоржъ? Выдумали.

Иванъ Николаевичъ пожалъ плечами.

— Можетъ-быть, что и такъ.

— Я его очень уважаю за это,—серьезно сказалъ Ваня.

— Ахъ, ты шипсъ! Уважаю! Туда же судью разыгрываетъ!

Онъ остановился и постучалъ палкою.

— А вотъ помяните мое слово, настрескается онъ еще, какъ скотина, тогда и увидите...

— Да намъ-то что?—спросилъ Иванъ Николаевичъ, смѣясь.—Мы даже и не знакомы. Я ему еще и представленъ порядкомъ не былъ до вчерашняго дня.

Ваня задумчиво проговорилъ:

— А я хотѣлъ бы посмотрѣть на него поближе... Такой человѣкъ... хорошо ведетъ себя, сдержанъ, не пьетъ...

И наивно спросилъ:

— Онъ, папа, не изъ секты?

— Изъ какой секты?—спросилъ отецъ.

— Я читалъ... секты есть такія, обѣтъ даютъ всѣ воздерживаться... Это вѣдь хорошо?

Устиновъ искоса взглянулъ на него.

— Вступить въ нее, что ли, хочешь?.. Вонъ у насъ есть мѣнялы...

Иванъ Николаевичъ дернулъ его за полу. Тотъ остановился на полусловѣ и совсѣмъ сердито заворчалъ:

— Отъ земли клопа не видно, а ужъ толкуетъ: «Секта! воздержаніе! трезвость!»

Зубковъ поспѣшилъ перемѣнить разговоръ, но Устиновъ долго оставался не въ духѣ. Только къ обѣду, проголодав-

шись и пропустивъ рюмочку, онъ немного развеселился, началъ подшучивать и «изводить бабушку». Часовъ въ семь онъ заторопился домой — дальній конецъ, когда-то доберешься домой.

Дѣйствительно, конецъ былъ дальній, а главное бѣда въ томъ, что приходилось дѣлать много пересадокъ изъ конки въ конку и на мѣстахъ каждой пересадки какъ разъ приходились или трактиръ, или портерная. Жажда являлась адская—воздухъ ужъ такой душный былъ—и приходилось промачивать горло пивкомъ.

Часовъ въ одиннадцать Устиновъ не безъ труда нащупалъ дверь своей квартиры, позвонилъ, вошелъ къ себѣ и, встрѣченный своей кухаркой и домоправительницей Анисьей, бабенкой бѣлой, плотной и курносой, началъ ей разсказывать о своихъ похожденіяхъ, о семьѣ Зубовыхъ, о ихъ квартирѣ. Среди этихъ разговоровъ онъ, вспомнивъ, что Ваня къ слову сказалъ о своемъ отвращеніи къ пьянству и о необходимости воздержанія, возвращался все къ одной и той же мысли.

— И клопъ, отъ земли не видно его, говоритъ: «воздержаніе! трезвость! секта!» Я себѣ голову объ стѣну разбивалъ за то, что я вотъ пью, а онъ, клопъ, проповѣдуетъ...

Онъ постучалъ кулакомъ по столу:

— Нѣтъ, ты скажи, Оня, могу ли я быть воздержанъ? Могу? Люди подлецы, жизнь подлая, вздохнуть свободно теперь нельзя, по душѣ поговорить не смѣй, а онъ говоритъ: «воздержаніе!» «трезвость!» «секта!» Клопъ, не жилъ, а проповѣдуетъ...

Онъ начиналъ плакать. Она приласкала его, какъ ребенка.

— Все отъ Бога!—проговорила она.

— Это ты вѣрно, добрая ты душа! Отъ Бога! Я головой объ стѣну колотился, когда впервые натрескался съ горя, среди прохвостовъ опрохвостился. Я плакалъ, точно невинность потерялъ. А онъ, клопъ, отъ земли его не видно, говоритъ: «секта!» «трезвость!» «воздержаніе!» Мы люди, Оня. Люди! Въ грѣхахъ родились, въ грѣхахъ и умремъ! И времена-то какія. Бога въ человѣкѣ не стало; брюхо одно осталось, и оретъ оно, это брюхо: «жрать, жрать, жрать!» Воруй, грабь, рѣжь, насилуй, только бы его ублаготворить, чтобы его не крючило, чтобы его не подводило! А каково на это смотрѣть и знать, что иначе не будетъ, что иначе не можетъ быть—хуже будетъ, а иначе не будетъ!

Она тоже всплакнула. Ее всегда прошибали его жалкія слова. За нихъ она и любила его, сердечнаго человѣка...

VII.

Если жизнь въ новой обстановкѣ пробудила въ Ванѣ новыя ощущенія, новыя мысли, то еще болѣе новаго извѣдалъ онъ, пускаясь почти ежедневно послѣ окончанія экзаменовъ въ отдаленныя прогулки.

Переѣхавъ на лодкѣ черезъ Неву, онъ попадалъ въ колоніи нѣмцевъ. Дюжіе, загорѣлые мужчины, скорѣе похожіе на бюргеровъ, чѣмъ на крестьянъ, въ суконной одеждѣ, въ высокихъ сапогахъ, съ пипками или сигарами въ зубахъ; колонистихи, краснощекія, плотныя, въ оригинальныхъ головныхъ уборахъ, въ платьяхъ стариннаго нѣмецкаго покроя, дородныя и сильныя; крѣпыши дѣти, одѣтыя такъ же, какъ и ихъ отцы и матери, преждевременно степенныя и серьезныя; чистыя комнаты съ старинной тяжелой мебелью и постелями, доходящими чуть не до потолка отъ массы перинъ и подушекъ; библіи, старинныя и разбухнувшія, въ темныхъ кожаныхъ переплетахъ, лежащія на какомъ-нибудь столикѣ или комодѣ въ почетномъ углу, на чистыхъ скатертяхъ; половики, то бѣлые, то сотканные изъ разноцвѣтныхъ обрѣзковъ; ковры изъ шерстяныхъ лоскутковъ у диванова; преобладаніе густыхъ и гортанныхъ голосовъ даже у дѣвушекъ; всеобщая грубоватость, сухость и черствость въ отношеніи къ чужимъ, къ постороннимъ, все это производило какое-то странное впечатлѣніе на юношу, точно онъ былъ не въ Россіи, а за границей. Здѣсь не было ничего русскаго, сюда все—одежды, обычаи, нравы—было принесено изъ чужой стороны, ничто старое «свое» не забылось, ничто новое «чужое» не привилось,—развѣ только иногда какой-нибудь нѣмецъ-колонистъ ругалъ по-русски работника отборной русской бранью.

Перебравшись отъ колонистовъ на другой берегъ въ русскія деревни, Ваня видѣлъ не то городскую, не то деревенскую жизнь: русскіе сѣрые кафтаны являлись бокъ-о-бокъ съ «пэнджаками», надѣтыми поверхъ ситцевыхъ рубахъ; синій домодѣльный сарафанъ старухи-бабы являлся рядомъ съ городскимъ платьемъ дѣвушки въ шумящихъ накрахмаленныхъ юбкахъ; городская мебель стояла на ряду съ деревенской лавкой; владѣлецъ «пэнджака» украшалъ карманъ пестрымъ носовымъ платкомъ и сморкался въ руку; въ иномъ домѣ все было на городской ладъ, а ребятишки бѣгали босые, полуголые, грязные; отборная общерусская ругань, этотъ словарь всѣхъ оттѣнковъ разнуздан-

ности и разврата—дополнялась здѣсь риемованнымъ цинизмомъ фабричной пѣсни и галантерейными сальностями писарскихъ анекдотовъ. Отъ захолустной деревни здѣсь уцѣлѣло все худшее; отъ города привилось только внѣшнее щегольство и бахвальство.

И тутъ же рядомъ—стоило только подойти къ берегу—являлись нерѣдко дѣти настоящей деревни, сѣрый, трудовой народъ, плывшій на баркахъ, тянувшій суда бечевой, загорѣлый на солнцѣ, съ обвѣтренной кожей, съ мозолистыми руками, иногда истощенный и заморившійся въ непосильной работѣ; порой виднѣлся лапоть на мужикахъ, иногда бросались въ глаза грубые мужицкіе сапоги на бабѣ, походившей по фигурѣ, по складу лица, по силѣ на мужика; привычно равнодушное выраженіе лицъ, однотонное пѣніе идущихъ по берегу подъ лямкой, однообразныя «от-ча-а-ливай», «пр-ча-а-ливай!», доносящіяся съ барокъ, все это было бѣдно и скудно содержаніемъ, оттѣнками, красками. Когда, отеревъ рукавами синихъ вылинявшихъ рубахъ крупныя капли пота съ мѣдно-красныхъ отъ загара лицъ и широко осѣнившись крестнымъ знаменіемъ, эти люди садились, подобравъ подъ себя ноги, на помость барки вокругъ деревянной общей чашки съ скудной холодной похлебкой, въ головѣ невольно мелькала мысль: «вотъ человѣкъ, которому завѣщано въ потѣ лица добывать хлѣбъ свой».

Цѣлые часы могъ проводить Ваня, присматриваясь къ этой жизни, и сотни вопросовъ, размышленій, представленій тѣснились въ его мозгу. До этой поры онъ только училъ написанное въ книгахъ; теперь ему приходилось разбираться безъ руководителей въ сложной книгѣ жизни. Онъ сразу какъ будто выросъ и возмужалъ умственно.

Полный новыхъ впечатлѣній, онъ возвращался домой и, разсказавъ по привычкѣ матери и отцу, гдѣ былъ и что видѣлъ, удалялся въ свою комнату, чтобы приняться за чтеніе какой-нибудь книги. Онъ садился къ окну, открывалъ книгу, начиналъ читать. Иногда онъ взглядывалъ въ окно, завѣшенное тюлевой занавѣской, и, невидимый снаружи, видѣлъ почти неизмѣнно одну и ту же фигуру качающейся въ гамакѣ дѣвушки. Порой у нея въ рукахъ бывала неразвернутая книга, чаще же всего не было даже и книги. Она качалась, мѣняя граціозно позы, потягиваясь и слегка зѣвая, бросая отъ времени до времени взглядъ на домъ, гдѣ жили Зубковы. Ваня всматривался въ нее, задумывался о ней. Да развѣ можно такъ всю жизнь про-

жить? Одурь возметъ. Сойти съ ума отъ тоски можно. Самъ не зная почему, онъ начиналъ сердиться на нее и говорилъ о ней словами Устинова, которому въ одно изъ воскресеній она надоѣла своимъ качаніемъ въ гамакѣ:

— Свинью когда откормятъ, такъ у нея только и дѣла, что съ боку на бокъ переваливаться.

Потомъ онъ сердился на себя.

— Мнѣ-то что до нея за дѣло? Завидно, что ли, что она ничего не дѣлаетъ! Подражать ей стараюсь: книгу взялъ, а вмѣсто чтенія на нее глаза пялю!

Онъ отворачивался отъ окна, начиналъ читать, а тамъ за окномъ въ сосѣднемъ саду продолжала граціозно качаться эта дѣвочка, бросая взгляды на домикъ Зубковыхъ, точно спрашивая, видятъ ли ее, любуются ли ею.

Елена Васильевна рѣшила съ самаго начала, что сближаться съ семьей Александра Константиновича она не будетъ. Тѣмъ не менѣе она понимала, что игнорировать вполнѣ семью хозяина-родственника нельзя. Простая вѣжливость требовала того, чтобы хотя кланяться и говорить при встрѣчахъ съ членами этой семьи. Къ тому же въ этой семьѣ жила теперь мать Елены Васильевны. Но Елена Васильевна умѣла выходить изъ подобныхъ затруднительныхъ положеній. Встрѣтившись случайно съ женой Александра Константиновича, Ольгой Давыдовной, она сразу осторожно и вѣжливо дала понять той, что она домосѣдка, что она не считаетъ возможнымъ тѣсное сближеніе съ людьми богатыми, что она видитъ прежде всего въ семьѣ Александра Константиновича хозяевъ, а не родственниковъ. Въ ея словахъ были сдержанность, вѣжливость, сознаніе настоящаго значенія своего положенія. Ольга Давыдовна уловила не это въ ея словахъ, а смиреніе «жены служащаго у нихъ на заводѣ» и осталась этимъ довольна. Она любила, когда ей особенно низко кланялись низшіе и когда въ церкви ей уступали почтительно первое мѣсто. Это была женщина изъ дюжинныхъ натуръ, не надѣленныхъ ни крупнымъ умомъ, ни твердымъ характеромъ, ни чуткимъ сердцемъ. Лицо Ольги Давыдовны было заурядымъ лицомъ русской купчихи: круглое съ плоскимъ лбомъ, съ безформеннымъ мясистымъ носомъ, съ круглыми большими глазами, выражавшими недоумѣвающую сонливость, покуда ихъ не оживляли животныя ощущенія, мелкія сплетни и дрязги, мелочно злыя раздраженія. Во всей ея фигурѣ сказывался избытокъ мяса и жира. Это расплывшееся тѣло, казалось,

силилось разорвать всѣ швы ея нарядовъ, выбиться изъ подъ безчисленныхъ колецъ и браслетовъ, отягощавшихъ ея руки. На видъ ей можно было дать и тридцать, и пятьдесятъ лѣтъ. Вѣроятно, въ тридцать лѣтъ она была такою же, и такою же будетъ въ пятьдесятъ.

— Я знаю, что вамъ не до пировъ,—сказала она въ отвѣтъ Еленѣ Васильевнѣ:—но когда-нибудь запросто милости просимъ къ намъ. Теперь разстояніемъ нельзя отговариваться, сосѣдями стали. Заходите. Все же мы не чужіе.

Елена Васильевна поблагодарила ее за приглашеніе и вздохнула облегченной грудью, понявъ, что эта разнаряженная купчиха не будетъ особенно настаивать на знакомствѣ съ какою-то скромною «женой бухгалтера», и пожалуй, даже будетъ довольна, что эта бѣдпота не лѣзетъ въ родню къ ней и знаетъ свое мѣсто. Вощинина даже милостиво освѣдомилась у Елены Васильевны о томъ, чѣмъ занимается послѣдняя.

— Хозяйство, воспитаніе дѣтей,—отвѣтила Елена Васильевна:—въ свободное же время шью, вышиваю.

— Да кстати!—сказала Ольга Давыдовна.—Матушка ваша говорила, что вы отлично шьете бѣлье. Я прежде этого не знала...

Елена Васильевна сказала, что точно она не дурно шьетъ.

— Такъ я васъ попрошу взять работу у меня...

Елена Васильевна обрадовалась, инстинктивно угадавъ, что именно это обстоятельство еще болѣе положитъ преграду къ знакомству: съ швеями не знакомятся, не сближаются.

Вернувшись домой, Ольга Давыдовна говорила за столомъ, что ей очень понравилась Елена Васильевна.

— Сейчасъ видно, что умѣетъ держать себя и знаетъ свое положеніе,—разсуждала она.—Другая на ея мѣстѣ носилась бы съ тѣмъ, что она родня тебѣ,—обратилась она къ мужу.

— Леля женщина хорошо воспитанная и съ тактомъ,—проговорилъ Александръ Константиновичъ.

— Нужда-то выучитъ голову гнуть,—замѣтила Софья Андреевна и вздохнула отъ огорченія.—Вотъ ужъ не думала я, что моя дочь когда-нибудь дойдетъ до такого состоянія, горе мыкать будетъ съ какимъ-то нищимъ...

Александръ Константиновичъ вступился:

— Иванъ Николаевичъ достойный уваженія человѣкъ. А если онъ не капиталистъ, такъ не всѣмъ же быть капиталистами.

— Ахъ, Саша, ты по своей добротѣ за всѣхъ готовъ заступаться, а мать—я слезами обливаюсь, видя, до чего довелъ мою дочь почтеннѣйшій Иванъ Николаевичъ. Прежде—царица была, взглядъ одинъ чего стоилъ, а теперь вотъ она и дорогой нашей Ольгѣ Давыдовнѣ созналась, да и мнѣ не разъ говорила, что она знаетъ свое положеніе, не считаетъ возможнымъ лѣзть не въ свой кругъ, должна сторониться отъ порядочнаго общества. Она-то? На то ли я ее такъ воспитывала? На трехъ языкахъ говоритъ, играетъ à livre ouvert, пѣла... Да за одно ея пѣніе жандармскій полковникъ руку ей предлагалъ. Потомъ генераломъ онъ по третьему-то отдѣленію числился. А она что...

Старуха махнула рукой.

— Извѣстно, нищая, швея, батрачка въ домѣ...

Егоръ Егоровичъ взглянулъ пристально на старуху.

— Все это дѣлаетъ ей честь, если она работаетъ, чтобы не сидѣть на чужой шеѣ,—сухо проговорилъ онъ.—Трудящійся бѣднякъ всегда заслуживаетъ уваженія, и ужъ, разумѣется, не ему нужно краснѣть передъ разными живущими у другихъ на содержаніи господами.

Его круглые свинцовые глаза смотрѣли въ эту минуту какъ-то такъ, что и Софьѣ Андреевнѣ, и Александру Константиновичу показалось, что онъ смотритъ именно на нихъ.

— Ахъ, дорогой Егоръ Егоровичъ,—воскликнула Софья Андреевна слащавымъ, пѣвучимъ голосомъ:—вы говорите, какъ молодой человѣкъ, по книжкамъ, а въ жизни не то, въ жизни бѣдность—порокъ, въ жизни говорится: «что твоя честь, коли нечего ѣсть», въ жизни отъ бѣдности и труда человѣкъ принижается, достоинство свое теряетъ...

Егоръ Егоровичъ пожалъ слегка плечами:

— Нахальство живущихъ у другихъ на содержаніи тоже не заслуга. Лучше уже быть скромнымъ труженикомъ, чѣмъ Альфонсомъ; лучше быть швеей, чѣмъ приживалкой.

И тѣмъ же ровнымъ голосомъ, какъ бы обсуждая отвлеченный вопросъ, онъ прибавилъ:

— И никогда никакому труженику или труженицѣ не придется такъ унижаться, какъ этимъ господамъ. Послѣдніе не смѣютъ признаться даже въ томъ, какую роль они играютъ.

Онъ говорилъ отчетливо, съ невозмутимо спокойнымъ выраженіемъ на лицѣ.

Александръ Константиновичъ побагровѣлъ; его глаза сдѣлались злыми и метали молніи. Онъ нетерпѣливо прикрик-

нулъ на лакея, что медленно подаютъ кушанья, забушевалъ за дурно приготовленный салатъ. Ольга Давыдовна по тону его голоса почуяла, что у него въ душѣ поднялась буря, и струсила. Она уже знала впередъ, что послѣ обѣда ей придется выдержать сцену.

Дѣйствительно, едва кончился обѣдъ, какъ Александръ Константиновичъ шумно отодвинулъ стулъ и поторопился уйти въ свой кабинетъ. Ольга Давыдовна сначала прошла въ свой будуаръ, походила тамъ въ раздумьи, не зная, что дѣлать—идти къ мужу, значитъ вынести грозу; не идти къ нему—онъ будетъ дуться до тѣхъ поръ, пока не сдѣлаетъ ей, въ концѣ концовъ, сцены. Лучше ужъ разомъ кончить. Она пошла къ нему.

Онъ сидѣлъ у письменнаго стола, запустивъ руки въ свои бѣлокурые кудри. Она подошла къ нему и окликнула его.

— Что вамъ?—воскликнулъ онъ гнѣвно.—Пришли полюбоваться, каково мнѣ? Да? Вашъ сынъ даетъ мнѣ пощечины? Я на содержаніи у васъ. Я Альфонсъ! Я объѣдаю васъ... Да не я одинъ. Моя тетка, поднявшая меня на ноги, тоже вашъ хлѣбъ ѣстъ! Это мнѣ бросаютъ въ лицо, зная, что я не смѣю оправдываться.

— Саша, полно!—молила Ольга Давыдовна. — Ты же хозяинъ здѣсь. Ты мой мужъ.

— Мужъ! мужъ! Я кокотка, вотъ что я въ глазахъ вашего сына! А, будь проклятъ тотъ день, когда я васъ встрѣтилъ! Я былъ бѣденъ, но никто не смѣлъ меня попрекать; я бы за первую дерзость тогда шею свернулъ человѣку. А теперь? Что я могу возражать? Ну, да, вы взяли меня на содержаніе, потому что иначе не смотрятъ на мужа, который бѣденъ, который моложе жены. О, если-бъ можно было начать жить сначала!

Онъ опять запустилъ пальцы въ волосы и заплакалъ. Ольга Давыдовна совсѣмъ растерялась. Когда онъ плакалъ,—а онъ, какъ капризный ребенокъ, нерѣдко прибѣгалъ къ помощи слезъ,—она совершенно теряла разсудокъ и готова была ползать передъ нимъ на колѣняхъ. Она начала ублажать его, какъ больного ребенка, цѣлуя его въ голову, цѣлуя его руки.

— Саша, голубчикъ, возьми все мое, все возьми,—говорила она.—У меня же свое состояніе. До него нѣтъ никому дѣла. Вѣдь ты мой мужъ. Мы любимъ другъ друга—что-жъ кому за дѣло до остального.

— А почему я знаю, что и ты не такъ же смотришь

на меня?—говорилъ онъ, всхлипывая.—Тоже, можетъ-быть, думаешь, что ради денегъ пошелъ на содержаніе, ради того живу съ тобой, что боюсь обнищать...

— Саша, побойся Бога! Да я все, все готова отдать тебѣ!

— Ахъ, тяжело, тяжело мнѣ!

— Ну, успокойся! Не обращай ни на кого вниманія! Если надо, я дѣтей брошу для тебя. Вѣдь я твоя жена, я тебя люблю.

Онъ поднялъ голову и уже лукаво взглянулъ на нее масляными глазами.

— Очень!

Она бросилась обнимать его.

Уже не въ первый разъ переживала она эти сцены и каждый разъ одинаково боялась, что вотъ-вотъ онъ, ея Саша, уйдетъ,—броситъ все и уйдетъ, оскорбленный грубостями Джоржа. Каждый разъ, послѣ этихъ семейныхъ бурь, она еще болѣе страстно привязывалась къ Александру Константиновичу и не знала, чѣмъ одарить его, какъ вознаградить его за то, что онъ переносилъ изъ-за нея и не уходилъ. Самъ Александръ Константиновичъ послѣ этихъ сценъ чувствовалъ себя лучше, сильнѣе, независимѣе. Онъ даже не боялся того, что Джоржъ откажется отъ его попечительства, такъ какъ у него теперь въ рукахъ было порядочное состояніе.

Не безъ душевной бури прошла обѣденная сцена и для Софіи Андреевны; возмущенная намеками Егора Егоровича, старая барыня собралась вечеромъ къ дочери, чтобы излить тамъ на свободѣ свои чувства. Съ первыхъ же словъ она начала бранить Еленѣ Васильевнѣ Егора Егоровича, какъ наглеца, какъ грубіяна, какъ человѣка, который еще покажетъ себя.

— Прямо не смѣетъ дѣлать дерзости, такъ язвить намеками,—раздражалась она.—Съ дѣтства онъ уже смотритъ на Сашу, какъ на врага.

— Очень жаль,—замѣтила Елена Васильевна:—что Саша не дома воспиталъ мальчика и не пробудилъ въ немъ чувства привязанности.

— Ахъ, мать моя, кажется, Саша все сдѣлалъ, чтобъ изъ Егора Егоровича вышелъ образованный человѣкъ!—запальчиво возразила мать.—Онъ долженъ бы цѣнить это...

Елена Васильевна пожала плечами.

— И для этого его ребенкомъ отдали въ заграничный пансіонъ, удалили изъ родной семьи, оставили на чужихъ рукахъ.

Старуха загорячилась еще болѣе.

— А ты бы спросила, что это былъ за ребенокъ своевольный, капризный, необузданный. Гдѣ же было съ нимъ справиться дома? Въ чужихъ краяхъ его хоть обуздали. Чортъ-то въ немъ и теперь сидитъ, такъ хоть внѣшнимъ образомъ вышколили его. И за то спасибо. Будь онъ здѣсь воспитанъ, такъ онъ въ драку лѣзъ бы теперь съ Сашей. Вѣдь я чую, что его грызетъ: боится, что Саша подобралъ кое-что къ рукамъ изъ его богатства. Ну, а если бы и такъ, то что за бѣда? Мало ему, что ли, останется? Слава Богу, на всѣхъ у нихъ хватитъ.

Иванъ Николаевичъ, сидѣвшій тутъ же, бросилъ на жену мимолетный взглядъ, точно говоря ей: «что, не правъ ли я?»

Когда старуха ушла, онъ обратился къ женѣ и, ходя по комнатѣ, потирая руки, заговорилъ:

— Я угадалъ, значитъ! Недаромъ вчера Егоръ Егоровичъ спросилъ меня: «Ну, удалось ли вамъ разобраться въ нашихъ книгахъ?» Я сказалъ, что болѣе или менѣе разобрался... «И что же, все въ порядкѣ?» спросилъ онъ и пристально уставился на меня глазами. Я даже смутился, точно не все было въ порядкѣ, и отвѣтилъ: «Насколько мнѣ удалось все провѣрить,—все въ порядкѣ». Онъ многозначительно проговорилъ: «Я на васъ надѣюсь, какъ на вполнѣ честнаго человѣка».

Зубковъ заволновался еще сильнѣе.

— Знаешь, я сегодня всю ночь почти не спалъ послѣ этого разговора. Полѣзла всякая мерзость въ голову. Хорошо ли я все провѣрилъ? Не подтасованы ли цифры? Нѣтъ ли дутыхъ цифръ? Покупка одной машины меня смутила; расходъ на покупку внесенъ въ книгу, а оправдательныхъ документовъ нѣтъ. Я спрашивалъ ихъ у Александра. «Отыщу», говоритъ. Тѣмъ и кончилось. Ну, а если Егоръ Егоровичъ вздумаетъ провѣрить? Что я скажу? Сегодня я опять напомнилъ Александру объ этихъ документахъ. А онъ смѣется: «Да чего ты пристал ко мнѣ!» Я и брякнулъ: «А если Егоръ Егоровичъ вздумаетъ провѣрить?» Онъ растерялся. «Ты, говоритъ, думаешь?» Я говорю: «Не думаю, а увѣренъ, что рано или поздно онъ все станетъ провѣрять». Заходилъ онъ по комнатѣ, посвистывая. Потомъ остановился передо мною и спросилъ меня: «Значитъ, ты убѣжденъ, что онъ не довѣряетъ?» Я отвѣтилъ утвердительно. Онъ опять заходилъ по комнатѣ и на-

чалъ ругать моего предшественника: «Это онъ потерялъ оправдательные документы, рохля: такъ пять тысячъ изъ своего кармана придется платить». Потомъ опять остановился передо мною и говоритъ: «А Егоръ Егоровичу не дай Богъ въ когти попасть!»

Елена Васильевна спросила мелькомъ:

— Ты думаешь, что точно твой предшественникъ виноватъ въ этомъ дѣлѣ?

Иванъ Николаевичъ махнулъ рукой.

— Если-бъ я это думалъ,—я бы спалъ спокойно!

Онъ вздохнулъ:

— Я убѣжденъ, что Александръ погрѣлъ тутъ руки, и хуже всего то, что, можетъ-быть, гдѣ-нибудь оставилъ концы, на которые можно случайно наткнуться и вывести все на свѣжую воду. Я покуда знаю только объ этой машинѣ, но вѣдь я еще не вполнѣ знакомъ съ этимъ дѣломъ. Я еще не навострился быть ищейкой, а Егоръ Егоровичъ...

Онъ остановился передъ женою.

— Знаешь ли, я боюсь этого человѣка.

Она удивилась. Почему?

— Ничего онъ мнѣ не можетъ сдѣлать, у меня все въ исправности, со мной онъ любезенъ и вѣжливъ, но дѣло не въ томъ: холодомъ отъ него вѣетъ... смотришь на него и жутко какъ-то, точно это не человѣкъ, а машина,—что въ нее попадется, все перемелетъ, и деревяжку, и живого человѣка...

Онъ опять заходилъ въ раздумьи.

— А, впрочемъ, мнѣ-то что до него. Я веду дѣло аккуратно, я до всего докопаюсь, и провѣряй онъ тогда,—мнѣ нечего будетъ бояться. Александру вотъ, можетъ-быть, придется поплатиться за нѣкоторые грѣшки. Покрывать я его ужъ, конечно, не стану. Ну, да онъ выпутается, свалитъ все на моего предшественника—на мертвыхъ можно валить.

VIII.

Въ маленькомъ домикѣ Зубковыхъ царилъ миръ полнаго семейнаго счастья. Онъ не нарушался теперь даже заботами о завтрашнемъ днѣ, такъ какъ жалованья хватало съ избыткомъ на несложныя потребности семьи. Теперь уже не продавались и не закладывались вещи, а покупалось все недостававшее въ хозяйствѣ. Какое радостное чувство испытывала Елена Васильевна, когда въ ихъ квартиру снова внесли взятый на прокатъ рояль! Ея дѣвочка обѣщала въ

будущемъ сдѣлаться хорошей музыкантшей. Когда во дни нужды пришлось отказаться отъ взятаго на прокатъ рояля, когда понесли его изъ квартиры, Еленѣ Васильевнѣ показалось, что она грабитъ свое собственное дитя—отнимаетъ у дѣвочки въ будущемъ кусокъ хлѣба, а въ настоящемъ послѣднее удовольствіе. Теперь она весело улыбалась, распоряжаясь, куда поставить инструментъ, и цѣлуя Настю. Цѣлый день она находилась въ какомъ-то особенномъ настроеніи: пошьетъ, потомъ встанетъ и пойдетъ посмотрѣть на рояль; десять разъ она обметала съ него пылинки и присматривалась, хорошо ли онъ поставленъ. Новая игрушка не могла бы доставить столько радости ребенку. А когда Настя присѣла играть, Елена Васильевна забыла все, и обѣдъ, и шитье, прокралась къ дверямъ гостиной и точно замерла около нихъ въ безмолвномъ блаженномъ созерцаніи. Къ глазамъ подступили слезы, а лицо сіяло улыбкой.

— Да, да, слава Богу, что все такъ устроилось! — прошептала она.—Теперь не будетъ болѣть душа за дѣтей.

Она любовалась дочерью и въ эту минуту даже не ощущала тревоги, которую обыкновенно возбуждалъ въ ней видъ дѣвочки. До болѣзни Настя смотрѣла совсѣмъ маленькой дѣвочкой, гораздо моложе своихъ лѣтъ. Это было задержанное физическое развитіе. Послѣ болѣзни дѣвочка вдругъ вытянулась, но крайне подурнѣла. Ея длинная костлявая фигурка производила непріятное впечатлѣніе — это было что-то въ родѣ скелета, обтянутаго кожей, съ длинными, какъ плетки, руками. Голова съ обстриженными черными волосами сидѣла неуклюже на длинной шеѣ, большіе черные глаза рѣзко выдѣлялись на исхудаломъ блѣдномъ лицѣ. Все это оправдывало названіе «галченка», сорвавшееся съ языка Устинова. Елена Васильевна съ тревогой смотрѣла на свою «подурнѣвшую» дочь. Посторонніе просто говорили, что она «страшна». Теперь, слушая ея игру на фортепіано, Зубкова какъ бы забыла обо всемъ этомъ и восхищалась дочерью, точно это была первая красавица.

Правда, Иванъ Николаевичъ работалъ много и волновался, вникая во всѣ мелочи веденія заводскаго хозяйства, стараясь, чтобы въ его книгахъ не было ни сучка, ни задоринки, чтобы имѣть возможность во всякое время сказать всѣмъ и каждому: «я сдѣлалъ свое дѣло честно». Вѣрны или не вѣрны были цифры, даваемыя Александромъ Константиновичемъ, въ это старался не вникать Зубковъ,—ему нужны были для книгъ только «оправдательные документы»,

и ихъ онъ требовалъ настойчиво, заявивъ разъ и навсегда, что онъ не впишетъ «зря» ни одного гроша въ книгу. Онъ говорилъ, что онъ только «машина», и признавалъ, что главное достоинство машины безусловная точность. Александръ Константиновичъ иногда раздражался на эту «нѣмецкую аккуратность», но Зубковъ коротко замѣчалъ ему:

— Я для твоей же пользы забочусь объ этомъ.

Александръ Константиновичъ смолкалъ, понимая смыслъ этихъ словъ. Только разъ въ раздраженіи онъ замѣтилъ Зубкову:

— Ахъ, что ты мнѣ говоришь! для моей пользы! Для себя стараешься!

Зубковъ смутился. Но тотчасъ же добродушно усмѣхнулся.

— Что-жъ, пожалуй, что и такъ! Хлопочу, чтобы мѣста не лишиться, жалованья не потерять...

Александръ Константиновичъ молча ходилъ по комнатѣ и въ досадѣ кусалъ губы.

— Ты не такъ понялъ!—проворчалъ онъ.

Зубковъ поднялъ голову.

— Нѣтъ, ты правъ! Не можешь же ты-то думать, что я изъ сочувствія къ тебѣ и твоимъ выгодамъ хлопочу? — проговорилъ онъ съ той же усмѣшкой. — Хлопочу изъ-за того, чтобы держали на мѣстѣ за аккуратность. Это такъ естественно.

Александръ Константиновичъ промолчалъ, досадуя на себя за неловкую фразу, за незаслуженно нанесенную обиду.

Этотъ случай, впрочемъ, прошелъ безслѣдно, и пріятельскія отношенія Александра Константиновича и Зубкова не порвались; Александръ Константиновичъ только убѣдился, что точно нужно вести дѣло «чище» для своей же пользы. Въ то же время, Егоръ Егоровичъ, еще не вступившій въ роль дѣятельнаго хозяина, иногда заглядывалъ въ контору и задавалъ вопросы Зубкову, ясно говорившіе, что онъ довѣряетъ этому человѣку. Разъ, разсматривая одну изъ накладныхъ, онъ спросилъ Зубкова:

— Неужели дѣйствительно цѣны на матеріалъ такъ высоки?

Зубковъ отвѣтилъ:

— Не знаю.

Егоръ Егоровичъ пристально смотрѣлъ на него. Зубковъ спокойно выдержалъ этотъ взглядъ и какъ бы ждалъ дальнѣйшихъ вопросовъ.

— Да, точно, это не по вашей части, — сказалъ Егоръ

Егоровичъ.—Но я думалъ, что вы такъ, изъ простого любопытства, познакомились съ практикой нашего дѣла.

— Для меня это не представляетъ интереса,—отвѣтилъ Иванъ Николаевичъ. — Я лично никогда не взялся бы за практическую сторону заводскаго дѣла, а узнавать ея сущность изъ простого любопытства—что-жъ тутъ интереснаго?

Егоръ Егоровичъ замѣтилъ:

— А я бы дорого далъ за то, чтобы за практической стороной нашего дѣла наблюдалъ именно такой человѣкъ, какъ вы.

— Вѣроятно, я переплатилъ бы за все, — сказалъ съ усмѣшкой Зубковъ.

— О, я не поручилъ бы вамъ вести практическую часть переговоровъ о цѣнахъ, но поручилъ бы наблюденіе за веденіемъ ея, и у меня не украли бы ни гроша.

Онъ перемѣнилъ разговоръ, не давъ Зубкову даже возможности поблагодарить его за лестное мнѣніе. Видно было, что онъ говорилъ не комплименты, не любезности, а то, что думалъ о Зубковѣ.

Продолжая оставаться холоднымъ, сдержаннымъ, онъ, тѣмъ не менѣе, все чаще и чаще являлся къ Ивану Николаевичу, и послѣдній началъ ясно понимать, что Егоръ Егоровичъ его цѣнитъ, дорожитъ имъ, видитъ въ немъ свою правую руку въ будущемъ. Иванъ Николаевичъ полугрустно, полушутливо замѣчалъ Еленѣ Васильевнѣ:

— Я другъ двухъ враговъ!

Она озабоченно вздыхала:

— А я даже боюсь за себя—я стала какимъ-то складнымъ мѣстомъ для великихъ тайнъ всего дома.

Онъ удивился.

— Да какъ же: мама приходитъ и разсказываетъ, кто съ кѣмъ побранился, кто кому сцену сдѣлалъ у нихъ; Ольга Давыдовна, подъ предлогомъ вышивки, мѣтокъ, шитья какихъ-то батистовыхъ кофточекъ, заходитъ пожаловаться на то, что Саша не ладитъ съ Джоржемъ, что въ послѣднее время ее тревожатъ частыя поѣздки Саши въ городъ, что онъ молодой человѣкъ и можетъ какъ-нибудь увлечься; наконецъ, Саша тоже разражается цѣлыми потоками жалобъ на свое тяжелое житье: Джоржъ его язвитъ, Ольга Давыдовна ревнуетъ, Лида фыркаетъ на него...

Иванъ Николаевичъ подошелъ къ женѣ и нѣжно поцѣловалъ ее.

— А моя Леля качаетъ головой, говоритъ: «неужели?

тео, можетъ-быть, вамъ показалось! не волнуйтесь преждевременно, все уладится», и люди уходятъ отъ нея довольные тѣмъ, что высказались, и успокоенные тѣмъ, что все вѣлдится.

Она улыбнулась.

— Что-жъ больше дѣлать, когда видишь, что всѣ ихъ печали слѣдствіе пустоты и безсодержательности жизни?

Она вздохнула.

— Но меня не это особенно безпокоитъ. Настю нашу они уже очень заласкали. Я не иду къ нимъ, такъ стали приставать, чтобы я отпустила дѣвочку покачаться у нихъ на качеляхъ. Нельзя же было наотрѣзъ отказать. Да и Настя слышала, какъ ее приглашали. Потомъ завели въ домъ, показывали картины, оранжереи. У дѣвочки голова закружилась отъ восторга—цвѣты, фарфоръ, бархатъ, шелкъ, бронза, какъ тутъ не восхищаться ребенку. Рѣшилась я дня два не пускать ее туда подъ разными предлогами,— мама при дѣвочкѣ сцену сдѣлала.

Иванъ Николаевичъ нахмурился.

— Ты знаешь маму. Чего не наговорила. «Сама, говоритъ, похоронила себя заживо и ребенка хочешь тоже запереть въ четырехъ стѣнахъ, отшельницей сдѣлать»...

Она въ сильномъ волненіи поднялась съ мѣста и стала ходить.

— Какъ это все омерзительно пошло! — заговорила она съ выраженіемъ негодованія.—Ребенокъ же не понимаетъ, можетъ точно подумать, что я тираню его, лишаю удовольствій! Не могу же я ясно доказать дѣвочкѣ, чего стоитъ весь этотъ блескъ, не могу выяснить ей опасность сближенія съ этими людьми...

Она вздохнула.

— И будь у нея еще характеръ Вани, о, тогда можно бы. Ему стоитъ намекнуть, что на него смотрятъ сверху внизъ— и онъ всего лишитъ себя, а не пойдетъ къ людямъ.

Иванъ Николаевичъ перебилъ ее:

— Да, кстати, тебѣ не говорилъ Ваня о его встрѣчѣ съ Лидой?

— Нѣтъ.

— На-дняхъ пришелъ ко мнѣ Егоръ Егоровичъ въ контору и разсказалъ про этотъ случай. Онъ поѣхалъ съ сестрой верхомъ. Навстрѣчу имъ идетъ Ваня. Лида обронила хлыстъ и крикнула Ванѣ: «Мальчикъ, поднимите хлыстъ». Ваня обернулся къ первому уличному мальчугану и громко ска-

залъ: «Тебя просятъ поднять хлыстъ, пятакъ дадутъ», и прошелъ дальше. Егоръ Егоровичъ очень обрадовался этому случаю, такъ какъ его огорчаютъ безтактныя выходки сестры. Онъ говоритъ, что это ей урокъ.

Онъ улыбнулся.

— Ну, ей это урокъ, а Ваня все же не изъ вѣжливыхъ кавалеровъ.

— Ахъ, и слава Богу! — радостно воскликнула Елена Васильевна:—хоть онъ не прельстится этими раззолоченными хоромами!

По ея лицу скользнула опять тѣнь грусти.

— И если-бъ ты зналъ, какъ мнѣ жаль иногда дѣвочку, когда она робко спрашиваетъ: «можно мнѣ, мама, туда? Я только на качеляхъ покачаюсь». Не могу я отказать ей, не могу выяснить, что это тревожитъ меня. Лида ей разсказываетъ о театрахъ, о балахъ, о заграничномъ путешествіи, и у дѣвочки кружится голова.

Иванъ Николаевичъ сталъ успокаивать жену. Настя еще ребенокъ. Мало-по-малу, ей станетъ ясно, что ихъ жизнь,— не ея жизнь. Теперь нужно сквозь пальцы смотрѣть на ея сближеніе съ семьей Александра Константиновича, стараясь только задерживать эти сближеніе, выясняя, мало-по-малу, дѣвочкѣ, что истинное счастіе не въ деньгахъ. Конечно, имъ предстоитъ не легкая педагогическая задача, но при помощи любви можно всего достигнуть. Дѣвочка прежде всего горячо привязана къ нимъ, и это ее спасетъ: тамъ ей весело, но сердечную привязанность она найдетъ только дома. Именно это надо ей давать чувствовать. Елена Васильевна слушала мужа съ скорбнымъ выраженіемъ лица; она знала, что теоретически многое кажется легко исполнимымъ, а на практикѣ дѣло выходитъ совсѣмъ иначе. Тѣмъ не менѣе другихъ путей дѣйствія не представлялось, надо было подчиняться неизбѣжному факту.

Подъ осень въ домѣ Александра Константиновича былъ праздникъ; праздновали совершеннолѣтіе Егора Егоровича. По случаю этого торжества въ домъ наѣхало множество гостей къ обѣду: послѣ обѣда начались музыка и танцы; въ саду была иллюминація. Этотъ ярко освѣщенный изнутри и снаружи домъ, нарядныя дамы въ роскошныхъ туалетахъ съ массой брильянтовъ, франтоватые мужчины съ толстыми цѣпочками на груди, снованье по саду слугъ съ мороженымъ, конфетами и фруктами на серебряныхъ подносахъ, звуки музыки, мелканье танцующихъ паръ,—все это страшно

возбудило Настю, и она почти не отрывала глазъ отъ этого пира. Сначала она безъ устали бродила въ своемъ садикѣ, потомъ изъ окна комнаты любовалась блестящей картиной празднества. Елена Васильевна съ тревогой слѣдила за дѣвочкой, видя ея возбужденность и не смѣя оторвать ее отъ созерцанія пира. Это любопытство такъ понятно: вонъ и тамъ, у рѣшетки ихъ сада со стороны улицы виднѣются десятки бѣлокуренькихъ, черноволосыхъ головокъ, десятки свѣтлыхъ и темныхъ глазенокъ: это дѣти улицы лѣзутъ на рѣшетку, просовываютъ личики между ея узорами, только бы увидать хоть одинъ изъ зажженныхъ у богатаго дома пестрыхъ фонарей, только бы уловить хотя нѣсколько звуковъ гремящей въ немъ музыки. Какъ хотѣлось бы имъ хоть на минуту попасть туда, на этотъ волшебный пиръ. Елена Васильевна угадывала, что и ея дѣвочка огорчена тѣмъ, что она не можетъ быть тамъ среди этого веселья. Она не знала, правда, того, что бабка еще наканунѣ, лаская со вздохами Настю, сказала дѣвочкѣ:

— Несчастное дитя, платьишка у тебя даже нѣтъ порядочнаго; вотъ завтра повеселилась бы здѣсь.

Тѣмъ не менѣе, Елена Васильевна видѣла печаль дѣвочки и боялась малѣйшимъ неосторожнымъ замѣчаніемъ вызвать слезы.

Вечеромъ, когда подавали чай, въ столовую вошелъ Ваня.

— Посмотри, посмотри! — сказала Настя. — Вотъ-то праздникъ!

Онъ серьезно отвѣтилъ сестрѣ:

— Если грабить начать, такъ хоть каждый день можно такіе праздники задавать.

Она не поняла его. Онъ прибавилъ:

— Охота тебѣ и смотрѣть-то. Насъ не приглашаютъ, ну нечего и смотрѣть.

Она быстро обернулась къ брату.

— У меня платья нѣтъ такого,—сказала она.—Было бы, такъ меня взяли бы туда.

Елена Васильевна встрепенулась, точно ее что-то кольнуло.

— Бабушка вчера сказала, что будь у меня платье, и я могла бы тамъ быть.

Елена Васильевна ушамъ не вѣрила: ея мать уже успѣла наговорить этихъ глупостей ея дочери.

— Глупости все это! — перебилъ братъ. — Папа не станетъ воровать намъ на платья...

Елена Васильевна откликнулась изъ-за чайнаго стола.

— Ты, дитя мое, еще слишкомъ мала, чтобы ѣздить на балы для взрослыхъ, если бы у тебя даже и были наряды для этого.

— Лида на годъ или на два года только старше меня,— отозвалась Настя:—а вонъ она танцуетъ...

— Вотъ видишь, на годъ она старше и притомъ она у себя дома.

Ваня отрывисто замѣтилъ:

— Лидѣ и дѣлать больше нечего, какъ валяться въ гамакѣ, да плясать на балахъ. Намъ же нужно работать, учиться.

Какія-то новыя рѣзкія нотки раздраженія подмѣтила въ его тонѣ Елена Васильевна. Онъ присѣлъ къ чайному столу и проворчалъ:

— А я вотъ знаю то, что всю ночь они не дадутъ покою со своей музыкой и криками. Небось, станутъ разъѣзжаться, когда рабочіе на утреннюю смѣну пойдутъ.

Елена Васильевна тревожно слѣдила за разговоромъ дѣтей. Она чувствовала, что въ этихъ юныхъ существахъ произошло нѣчто новое. Никогда прежде не слышалось въ рѣчахъ ея сына озлобленія, звучавшаго въ нихъ теперь; никогда прежде Настя не знала, что она «несчастная» дѣвочка. Противъ матери въ душѣ Елены Васильевны поднялась почти вражда. Какъ рѣшилась старуха сказать ребенку, что онъ несчастливъ тѣмъ, что у него нѣтъ лишняго платья, какъ рѣшилась она вооружать дѣвочку противъ матери, говоря той, что мать лишаетъ ее удовольствій. Впрочемъ, отъ Софьи Андреевны можно всего ожидать. Надо всѣми средствами отдалять отъ нея дѣвочку. Но это легко сказать, а какъ это исполнить? Впервые послѣ переѣзда сюда, въ этотъ свѣтленькій, чистенькій, веселенькій домикъ, Елена Васильевна пожалѣла о душной и тѣсной квартирѣ въ пятомъ этажѣ, гдѣ дѣти находились подъ ея крыломъ и только подъ ея крыломъ. Тамъ дѣти были застрахованы отъ многаго, что грозитъ имъ здѣсь. А здоровье? Развѣ тамъ они расцвѣли бы такъ, какъ расцвѣли здѣсь? Можетъ-быть, они увяли бы тамъ, какъ цвѣты безъ воздуха? Ей представилась эта тѣсная нищенская квартира, выходящая окнами на задній дворъ, во всей своей неприглядной бѣдности; вотъ лежатъ тамъ больныя дѣти; вотъ что-то изъ нея выносятъ, рояль ея дочери или гробъ съ ея дочерью. Нѣтъ, нѣтъ, можно ли роптать за перемѣну этой квартиры на этотъ чистенькій, веселый, свѣтлый домикъ, гдѣ дѣти видимо расцвѣли

и поправились. О, за одно это, за ихъ здоровье, надо примириться съ мелкими непріятностями здѣсь. Она взглянула на дѣтей,—да, они поздоровѣли, выросли, на личикахъ появился румянецъ. По ея лицу скользнула улыбка материнской любви, материнскаго счастья. Здоровый видъ дѣтей разсѣялъ всѣ тревожныя мысли, отодвинулъ ихъ на второй планъ.

IX.

— Ну, какъ живете-можете? — говорилъ Устиновъ, вваливаясь въ квартиру Зубковыхъ въ одинъ изъ воскресныхъ дней.—Да, впрочемъ, чего я спрашиваю—толстѣть вы всѣ начали.

Ему были по обыкновенію всѣ очень рады, всѣ наперебой здоровались съ нимъ, разспрашивали, чего онъ хочетъ, чаю, кофе или завтракать.

— Только бы согрѣться, а то все равно,—отвѣтилъ онъ.— Холода-то завернули изрядные, хоть до зимы далеко, и дорога-то къ вамъ—конца нѣтъ.

— Ну, у насъ тепло, сейчасъ обогрѣетесь, — сказала Елена Васильевна и поторопилась распорядиться насчетъ завтрака.

— То-то вы и зарумянились всѣ отъ тепла, — пошутилъ Устиновъ, любуясь здоровымъ видомъ своихъ друзей.

Иванъ Николаевичъ шутливо же замѣтилъ:

— Въ гору, братъ, идемъ съ одной стороны, такъ это подбадриваетъ, а съ другой — здѣсь вѣдь мы, какъ въ деревнѣ, утробной жизнью живемъ.

— Да, только такъ и можно жить теперь,—проговорилъ Устиновъ.—Человѣкъ—животное, ну, значитъ и надо животной жизнью жить. Вѣдь это только въ большихъ городахъ, да въ столицахъ жаримся мы на огнѣ всякихъ вопросовъ, да запросовъ, неврами все больше живемъ, а не желудкомъ, точно изъ этого какой толкъ, кромѣ катаровъ, выходитъ.

Подали завтракъ. Устиновъ налилъ водки, выпилъ, крякнулъ и, погладивъ рукой по животу, сталъ закусывать.

— Ну, разсказывай о повышеніяхъ. Что и какъ у тебя тутъ дѣлается, — заговорилъ онъ, пережевывая куски сыру и хлѣба.

Иванъ Николаевичъ заговорилъ.

— Къ дому пришелся, оказался и здѣсь не лишнимъ,— проговорилъ онъ.

— Боги, что ли, горшки обжигали,—вставилъ Устиновъ.

— Нашли способности, достоинства и добродѣтели, ну, и оцѣнили.

— Еще бы, видятъ, что воровать не умѣешь, — опять вставилъ свое замѣчаніе Устиновъ.—Тутъ ли не оцѣнишь человѣка, когда кругомъ воръ на ворѣ сидитъ, и сами глядятъ, не лежитъ ли что гдѣ-нибудь плохо.

Онъ усмѣхнулся.

— Хорошо только, что за помѣшаннаго не сочли,—прибавилъ онъ: — а то какъ честенъ человѣкъ, такъ сейчасъ всѣ и смотрятъ, не надо ли его на одиннадцатую версту, да въ сумасшедшую рубашку.

Иванъ Николаевичъ сталъ передавать исторіи своихъ успѣховъ. Егоръ Егоровичъ отпраздновалъ свое совершеннолѣтіе, принялся, мало-по-малу, окончательно за дѣла. Онъ не сдѣлалъ ни одной сцены отчиму, не устранилъ его отъ дѣла, но вошелъ въ дѣла самъ, вникнулъ во всѣ мелочныя подробности заводскаго дѣла, урѣзалъ лишнее, дополнилъ недостающее, дѣйствуя твердо, спокойно, практично и толково.

— Бархатныя перчатки у него надѣты, а желѣзную руку чувствуешь, — сказалъ Иванъ Николаевичъ, поясняя, какъ дѣйствуетъ молодой хозяинъ.

Ивану Николаевичу сразу онъ прибавилъ дѣла и жалованья. Оставивъ его бухгалтеромъ, онъ поручилъ ему наблюдать за исполненіемъ заказовъ и поставокъ. Заказы, торги, оцѣнка, все это лежало не на немъ, но именно онъ долженъ былъ контролировать, то ли доставлено, что заказано, такого ли качества вещи, какъ было обусловлено, въ томъ ли количествѣ онѣ доставлены, въ какомъ требовалось.

— Генералъ-контролеръ своего рода,—вставилъ Устиновъ.

— Да,—отвѣтилъ Иванъ Николаевичъ.

— Ну, и что же? Пробовали поставщики предлагать взятки или свои уговаривать не всякое лыко въ строку ставить?

Иванъ Николаевичъ усмѣхнулся.

— Какъ же, какъ же! О взяткахъ и говорить нечего, предлагали... А насчетъ своихъ... Я никакъ не думалъ, что Саша такъ быстро пойметъ свое новое положеніе... Какъ только Егоръ Егоровичъ предложилъ мнѣ занять новую обязанность, такъ тотчасъ же Александръ замѣтилъ мнѣ: «Ну, теперь баста съ косвенными доходами, ты вѣдь для отца родного не притворишься слѣпымъ».

— Откровененъ, нечего сказать!—проговорилъ Устиновъ.

Иванъ Николаевичъ пожалъ плечами.

— Да всѣ же въ этомъ мірѣ торгашества дѣйствуютъ такъ, и никто не стѣсняется... Я не откровенности Александра удивился, а тому, что онъ сразу освоился со своимъ положеніемъ и даже не вздумалъ дуться на меня. Впрочемъ...

Иванъ Николаевичъ обернулся и, взглянувъ на дѣтей, понизилъ голосъ:

— Впрочемъ, теперь его, кажется, мало интересуетъ заводъ. Тутъ онъ свое дѣло сдѣлалъ, а теперь рѣшился пожить...

Устиновъ мелькомъ взглянулъ на него.

— Видно, Ольга Давыдовна пенсію выслуживаетъ?

Иванъ Николаевичъ утвердительно кивнулъ головой и перемѣнилъ разговоръ...

— Ну, а у васъ что, въ мірѣ педагогики? Нѣтъ ли новенькаго чего?

Устиновъ вдругъ сдѣлался мрачнымъ и злымъ.

— Вчера въ нашемъ училищѣ на частномъ собраніи учителей рѣшили, что надо намъ сбрить бороды и усы, — желчно отвѣтилъ онъ.

— Ну?—недовѣрчиво проговорилъ Иванъ Николаевичъ.— Вѣдь это же частное учебное заведеніе и притомъ...

— Что: ну!—перебилъ его Устиновъ вполнѣ серьезнымъ и почти злымъ тономъ. — Какое же уваженіе можетъ ученикъ оказывать, когда у насъ, и у дворниковъ усы и бороды? Надо престижъ учителей поддержать хоть этимъ, если набираемъ ихъ съ борка, да съ сосенки, какъ нашъ почтеннѣйшій содержатель пансіона. Эта мѣра вполнѣ раціональная. Безъ этого нашихъ-то учителей, пожалуй, и слушать не станутъ. Потомъ рѣшили говѣть два раза въ годъ, каясь въ своемъ невѣжествѣ, и исповѣдываться по «Требнику» у монаховъ, носящихъ вериги, въ томъ, кто сколько знаетъ. Вѣдь къ нимъ-то берутъ людей съ борка, да съ сосенки. По моей иниціативѣ тоже предложено сходить всѣмъ на представленіе «Синей бороды» и заучить слова и мотивъ пѣсни о поклонахъ: «Ниже, ниже, ниже гнись». Далѣе...

Онъ раздражительно оборвалъ свою шутовскую рѣчь и сердито проговорилъ:

— Да тебѣ-то, чортъ побери, что за дѣло, что въ нашемъ мірѣ дѣлается? Унесъ свои ноги изъ пансіона Паль-

чикова, ну и благодари Бога! Я въ дворники теперь пошелъ бы, если бы нашлось мѣсто; хоть бы зналъ, что тѣмъ пользу приношу, что дрова людямъ въ морозы таскаю...

Онъ заходилъ въ волненіи по комнатѣ, ругая общество. Вездѣ полная спячка и одна мысль о наживѣ, объ общественномъ пирогѣ только и оживляетъ людей. Ни у кого нѣтъ идеаловъ и есть только одно сознаніе, что бѣдность хуже преступленія, что бѣднякъ хуже прохвоста, что бѣдному хуже, чѣмъ мошеннику. И прежде богатый воръ обрызгивалъ грязью честнаго бѣдняка, но прежде это былъ печальный фактъ; теперь явилось сознаніе, что это роковая необходимость, что это такъ и должно быть, что иначе не можетъ быть никогда, что надо заботиться только о томъ, чтобы сдѣлаться этимъ богатымъ воромъ.

— И крали-то прежде не для того, для чего теперь крадутъ. Прежде воръ говорилъ: «жена, дѣти». Теперь онъ говоритъ: «пожить хочется». И живетъ!—Украдетъ сотню, растратитъ тысячу; онъ и воръ, и несостоятельный должникъ; онъ наложилъ воровское клеймо на фамилію дѣтей своихъ и пуститъ ихъ вдобавокъ съ этимъ клеймомъ по-міру. Прежде была вражда между отцами и дѣтьми, потому что ихъ раздѣляли «принципы»; теперь принциповъ нѣтъ, и потому нѣтъ и розни между отцами и дѣтьми, но есть...

Онъ сдѣлалъ гримасу.

— Къ насѣкомымъ такъ относятся нечистоплотные люди, наплодились они, что же дѣлать, это неизбѣжное зло. Тѣ, дѣти, тоже такъ относятся къ родителямъ, какъ насѣкомые къ людямъ: можно сосать кровь изъ нихъ—сосутъ, нельзя будетъ, попробуютъ поискать добычи въ другомъ мѣстѣ... И что за экземпляры встрѣчаются среди этихъ выкидышей — ни привязанности, ни уваженія къ кому бы то ни было, ни дѣтской чистоты, ни наивности. Все они теоретически прошли и огонь, и воду, и мѣдныя трубы: видѣли рысканье матерей по магазинамъ, клубамъ и театрамъ, пьянство отцовъ дома и по трактирамъ, видѣли оживленіе и поднятіе духа старшихъ только за игрой въ винтъ, слышали двадцать разъ о возлюбленныхъ матери, фаворитахъ отца и ежедневно читали въ газетахъ...

Онъ сдѣлалъ опять гримасу, перебивая свою рѣчь:

— Теперь вѣдь литературы даже для насъ нѣтъ. Гончаровъ скученъ. Тургеневъ жидокъ,—загорячился между прочимъ Устиновъ, браня современное общество.—Островскій устарѣлъ. Достоевскій ханжа. Теперь газеты дѣти читаютъ.

Мальчишка десяти-двѣнадцати лѣтъ уже проводитъ цѣлые часы за этимъ поучительнымъ чтеніемъ. Еще бы! Вѣдь только тамъ и найдешь занимательные романы о кровавыхъ убійствахъ, и только тамъ можно отъ души похохотать, читая о вчерашнемъ грязномъ скандалѣ и третьягоднишнемъ скабрезномъ происшествіи. Вотъ тутъ-то дѣти и вычитали, что такой-то мерзавецъ, осужденный за крупную кражу, живетъ припѣваючи и въ Сибири и принимаетъ у себя городскую аристократію. Отсюда-то они и узнали, что такая-то падшая женщина сдѣлала себѣ карьеру, подцѣпивъ сумасшедшаго богача и попавъ въ хорошій кругъ. Это ли не школа? Въ этой школѣ они дѣлаются еще болѣе алчными, чѣмъ ихъ отцы, но такъ какъ отцы дали имъ въ наслѣдство зародыши всѣхъ недуговъ и худосочіе, то у нихъ менѣе выдержки въ борьбѣ изъ-за добычи и при первой неудачѣ они пускаютъ пулю въ лобъ...

Ваня точно пристылъ къ мѣсту, слушая Устинова, ловя каждое слово его горячей рѣчи. Его самого все болѣе и болѣе тревожили разные «вопросы». Слушая Устинова, онъ какъ бы ждалъ, что вотъ-вотъ тотъ скажетъ что-то новое, что-то отвѣчающее на его вопросы, нѣчто разрѣшающее его сомнѣнія. Но Устиновъ продолжалъ «обличать» и «порицать» и только. Юноша ждалъ не этого. Наконецъ, послышался чей-то голосъ, какой-то странный, точно измученный.

— Но что же дѣлать? Гдѣ же исходъ?

Ваня очнулся. Это говорила его мать. Она сидѣла, опустивъ голову, блѣдная, съ мучительнымъ выраженіемъ тоски на лицѣ. Устиновъ задѣлъ въ ея душѣ самыя больныя мѣста.

— Ахъ, барынька, чего захотѣли! — воскликнулъ Устиновъ и разсердился.—Тысячи лѣтъ первѣйшіе мудрецы бились надъ этими вопросами и плюнули, ничего не добившись. А вы, на-ка, Устинова, учителишку простого, заставляете рѣшить ихъ. Нѣтъ, не нашему брату отвѣчать на эти проклятые вопросы и жизнь-то отвѣчаетъ на нихъ тѣмъ, что забьютъ тебѣ ротъ землею—и конецъ.

Иванъ Николаевичъ загорячился.

— Такъ смотрѣть — жить нельзя! — произнесъ онъ, заходивъ тревожно по комнатѣ.—Если не найдено отвѣта на то, какъ поправить общественныя дѣла, положеніе общества, то можно хоть лично надъ собой работать, хоть въ своемъ муравейникѣ стараться сдѣлать переворотъ. Себя нужно перевоспитать, самому нужно подняться выше окружающей мерзости, свою семью направить на лучшій путь!

— То-есть «блаженъ мужъ, который не ходитъ на совѣтъ нечестивыхъ, не стоитъ на пути грѣшныхъ?»—замѣтилъ съ усмѣшкой Устиновъ.

— Да, да, именно такъ!—горячо подхватилъ Зубковъ.— Нельзя разсѣять этотъ совѣтъ, нельзя свести съ этого пути другихъ, то нужно хоть самому не ходить на этотъ совѣтъ, не стоять на этомъ пути. Иронизировать надъ этимъ нечего, толковать, что это мелко, стыдно. Мы этимъ только прикрываемъ и оправдываемъ свою собственную дрянность. Произносимъ громкія фразы, что нравственность отдѣльныхъ личностей ничего не значитъ, если все общество гнило, но прежде всего нужно это общество поднять, а не о личномъ совершенствованіи думать, которое будто бы не достижимо въ гниломъ обществѣ, такъ какъ праведникъ среди разбойниковъ достигнуть можетъ одного результата—своей гибели.

— А ты думаешь, что онъ ихъ всѣхъ обратитъ на путь истинный?—зло пошутилъ Устиновъ.

— Вовсе я этого не думаю,—сказалъ Зубковъ, горячась.

— Какъ муху его придавятъ,—добавилъ Устиновъ.

— И пусть, и пусть!—задорно воскликнулъ Иванъ Николаевичъ и оживился, какъ уже давно не оживлялся.— Суждено погибнуть — пусть погибнетъ съ сознаніемъ своей правоты, своей чистоты, своего человѣческаго достоинства. И что ты называешь погибнуть? Не сдѣлать блестящей карьеры съ сознаніемъ, что въ стремленіи къ этой карьерѣ ты не валялся въ грязи, не пресмыкался передъ собратомъ, не давилъ ближнихъ? Не насладиться въ жизни всѣми мерзостями кутежей и разгула и прожить въ «скучной» трезвости? Умереть, затянувшись въ работѣ, нѣсколькими годами раньше, чѣмъ ты умеръ бы, жирѣя отъ награбленнаго богатства? Ужъ будто такъ страшна эта гибель?

У Вани блестѣли глазенки, слова отца подняли его духъ, что-то въ родѣ гордости отцомъ поднялось въ душѣ. Онъ какъ бы сознавалъ, что отецъ побѣдилъ Устинова и сказалъ именно то, что смутно чувствовалъ, угадывалъ самъ онъ, Ваня. У Елены Васильевны тоже просвѣтлѣло лицо. Она любила мужа еще сильнѣе въ такія минуты и за такія минуты. За нихъ она и сошлась съ нимъ. Онъ поднималъ ея духъ.

— Ахъ, ты неисправимый идеалистъ! — мрачно сказалъ Устиновъ.—А вотъ ты бы послушалъ, что я недавно выслушалъ отъ одной матери. Двоюродною сестрой она мнѣ до-

водится. Сама она и ея мужъ были людьми высоко нравственными; воспитали дѣтей въ строгихъ правилахъ; потомъ отдали сына въ казенную гимназію; далѣе въ императорскій университетъ; а на-дняхъ кончилъ онъ Сибирью. Она и говоритъ мнѣ: «я сдѣлала все, что могла, для сына и онъ погибъ. Что же мнѣ дѣлать съ остальными дѣтьми, чтобы они не погибли? У меня ихъ пятеро, а я мать, любящая мать. Пойми ты это!»

Онъ съ злобой закончилъ:

— Что-жъ тутъ отвѣчать? Три дня я послѣ этого пилъ. Вотъ тебѣ и отвѣтъ.

Елена Васильевна поблѣднѣла. Ея материнское сердце страшно защемило.

— Проворовался онъ, что ли?—спросилъ мелькомъ Иванъ Николаевичъ.—Ну, такъ въ семьѣ не безъ урода.

— Не проворовался, а на скользкій путь попалъ,—отвѣтилъ Устиновъ: — черезчуръ горячо понялъ окружающую мерзость и бросился въ бездну, не соразмѣривъ своихъ силъ...

Иванъ Николаевичъ молча ходилъ по комнатѣ.

— Ему, видишь, надо было пассивно честнымъ человѣкомъ быть, довольствоваться сознаніемъ одной правоты личной, а онъ бороться еще вздумалъ, съ какимъ-то негодяемъ посильнѣе его, ну, и сковырнулся,—съ злой ироніей пояснялъ Устиновъ.—Вотъ ты и скажи мнѣ, какъ это воспитать вполнѣ честнаго человѣка и въ то же время убить въ немъ всякія увлеченія, всякую страстность, всякія попытки къ дѣятельности, научить его невинность сохранять и говорить: «моя изба съ краю—ничего не знаю», когда въ воздухѣ носятся недовольство, протестъ, озлобленіе на существующее общество. Ну-ка, воспитай подвижника, рыцаря безъ страха и упрека, и поручись, что онъ не разыграетъ роли пѣтушка, идущаго подъ ножъ повара...

Иванъ Николаевичъ задумчиво заговорилъ неторопливымъ голосомъ:

— Ты знаешь, я всегда любилъ помечтать. Теперь еще иногда самъ съ собой разсуждаю, а въ дѣтствѣ — цѣлые романы изъ своей будущей жизни составлялъ. Такъ вотъ, мнѣ часто мечталось, что попаду я въ бурю на берегъ моря и увижу погибающихъ, брошусь въ лодку, спасу нѣсколько человѣкъ, а самъ, утомленный борьбою, выбившійся изъ силъ, упаду на берегу и умру, окруженный спасенными мною людьми. При этихъ мечтахъ я чувствовалъ неизъяс-

нимое блаженство, несмотря на то, что финалом подвига была моя гибель. Но никогда я не мечталъ о томъ, что ограблю я кого-то и заживу припѣваючи на награбленное богатство, смѣясь и издѣваясь надъ пущенными мною по-міру бѣдняками. Правда, глубоко страдаютъ и оплакиваютъ свои потери тѣ отцы и матери, чьи дѣти, воспитанныя въ честныхъ правилахъ, гибнутъ отъ случайныхъ катастрофъ геройскою смертью на поляхъ сраженій, среди пожарищъ, въ зараженномъ краю, но горе и слезы тѣмъ отцамъ и матерямъ, чьи дѣти не гибнутъ, процвѣтая отъ ловкихъ подлостей и грабежей.

Онъ безсознательно подошелъ къ Ванѣ и положилъ руку на его голову, продолжая говорить:

— Дай Богъ, чтобы моему мальчугану никогда не пришлось бросаться въ воду въ бурю для того, чтобы спасти другихъ и погибнуть самому, но если придется именно такой моментъ, эпидемія или война, что бы то ни было,— онъ ласково взглянулъ на сына и проговорилъ ему:—бросайся въ воду, мальчикъ, спасай ближнихъ, иначе вплоть до гробовой доски тебѣ будутъ слышаться ихъ стоны и вопли, говорящіе тебѣ: «мы звали тебя и ты былъ глухъ».

Въ глазахъ Вани стояли слезы. Ему хотѣлось поцѣловать руку отца, броситься къ нему на шею. Онъ съ трудомъ владѣлъ собою. Елена Васильевна чувствовала, что она вся похолодѣла.

Устиновъ былъ врагъ всякихъ чувствительныхъ сценъ и нѣсколько торжественный тонъ Зубкова, очевидное волненіе мальчугана взбѣсили его. Онъ рѣзко сказалъ:

— Разсентиментальничался! Чортъ знаетъ, до чего можетъ довести идеализмъ! Разводишь въ теплой комнатѣ теоріи о бурѣ и спасеніи погибающихъ, а на дѣлѣ—да за полы схватишь родное дитя, когда увидишь, что или другіе, или оно должно погибнуть.

Иванъ Николаевичъ очнулся и твердо произнесъ:

— Будущее никому неизвѣстно! Я желалъ бы только одного, чтобы никогда мнѣ не пришлось сказать, глядя на своихъ дѣтей, что лучше бы мнѣ было видѣть ихъ въ гробу въ дѣтствѣ, чѣмъ наслаждающимися въ жизни подлымъ счастіемъ...

Онъ поспѣшилъ перемѣнить разговоръ и началъ нервно смѣяться и шутить. Но Устиновъ оставался мрачнымъ и шутливость Зубкова только злила его еще болѣе. Онъ точно обидѣлся, что его желаютъ развлечь пустяками и смѣхомъ.

Приходъ Софьи Андреевны открылъ выходъ для желчи Устинова, и онъ набросился на старуху съ язвительными замѣчаніями. Она явилась для него козломъ отпущенія и каждая ея фраза вызывала колкости Устинова, доходившія уже до грубостей. Ни къ селу, ни къ городу онъ началъ ругать старый помѣщичій бытъ, отношенія господъ къ крестьянамъ, выражалъ радость относительно разорившихся помѣщиковъ, пророчилъ имъ въ будущемъ еще худшія времена. Софья Андреевна сцѣпилась съ нимъ не на шутку, колко говоря ему, что хорошо ему либеральничать, благо у него ничего не взяли.

— Да-съ, не взяли! Никто въ роду у насъ, у Устиновыхъ, рабовъ не имѣлъ. Изъ мужиковъ вышли сами. Горжусь этимъ!—горячился Устиновъ.

— Есть чѣмъ гордиться, что на конюшнѣ драли!

— А вы думаете, что святымъ-то Нерона признаютъ за то, что онъ жегъ христіанъ, а не ихъ за то, что они вѣнецъ мученичества приняли. Ай-да бабушка, а еще лампадку теплить!

Старуха не выдержала и ушла. Устиновъ повеселѣлъ.

— Вы меня извините, барынька, что я вашу матушку изевелъ, — обратился онъ къ Еленѣ Васильевнѣ. — Не могу хладнокровно объ этихъ вещахъ говорить...

Елена Васильевна пожала плечами.

— Мнѣ-то чего сердиться. Сама я не раздѣляю ея взглядовъ. Только горячиться не считаю нужнымъ заднимъ числомъ. То прошло и не вернется.

Устиновъ уѣхалъ отъ Зубковыхъ и опять по дорогѣ забрелъ разъ, другой, третій отогрѣться около станцій конокъ. Холодно ему было. Вернувшись домой, онъ снова жаловался своей домоправительницѣ на людей, толкующихъ о воздержаніи и подвижничествѣ.

— Теоріи все у нихъ!—кричалъ онъ.—Я, можетъ-быть, сотни разъ головой объ стѣну бился, такъ я знаю, что значитъ «воздержаніе». А они-на, рѣшили: «воздержись» и думаютъ, что это такъ легко, плевка не стоитъ. Нѣтъ, вы головой объ стѣну побейтесь, стремясь пересоздать себя, да потомъ, напившись до скотскаго состоянія, и рѣшайте, легко ли это—и голова разбита, и пьянъ, пьянъ опять какъ стелька... Теоретики...

X.

Въ одинъ изъ тѣхъ осеннихъ дней, когда въ воздухѣ

стоитъ мгла и падаетъ снѣгъ, быстро превращающійся въ грязь, въ домикѣ Зубковыхъ царствовала тишина, нарушаемая только монотоннымъ чтеніемъ Насти, замѣчаніями Елены Васильевны да тиканьемъ часовъ. Ваня былъ въ училищѣ, Иванъ Николаевичъ сидѣлъ въ конторѣ. Слушая чтеніе своей дѣвочки и исправляя изрѣдка ея ошибки, Елена Васильевна шила, отъ времени до времени взглядывая въ сторону окна и подъ вліяніемъ наводящей унынію погоды тревожно думая о сынѣ. Далеко ему приходится ѣздить въ училище, тяжелы эти поѣздки въ такую сырую погоду, еще тяжелѣе будетъ въ сильные морозы. Но какъ же быть. Нельзя же переѣхать отсюда имъ всѣмъ, нельзя и пристроить мальчика гдѣ-нибудь въ Петербургѣ. У Устинова развѣ? Но мальчикъ уже въ томъ возрастѣ, когда легко понимаются такія отношенія, какія существуютъ между Устиновымъ и его Оней. Это плохой примѣръ. Да и стѣснило бы это Устинова. У незнакомыхъ людей мальчику, можетъ-быть, будетъ еще хуже. Всѣ эти постороннія вліянія такъ опасны. Ей вспомнилась участь племянника Устинова, о которомъ тотъ говорилъ въ послѣдній свой визитъ къ нимъ. У нея защемило сердце. Нѣтъ, пусть ужъ лучше мальчикъ ѣздитъ отсюда въ училище, чѣмъ живетъ гдѣ-то на сторонѣ, внѣ дома. Да, впередъ трудно предвидѣть будущее: переѣзжая сюда, они не видѣли многихъ неудобствъ, связанныхъ съ жизнью здѣсь.

Ея думы были неожиданно прерваны приходомъ Ольги Давыдовны и Лиды. Елена Васильевна встала имъ навстрѣчу, Настя радостно захлопнула книгу.

— А мы зашли проститься!—сказала Ольга Давыдовна.— Рѣшили сегодня уѣхать. Здѣсь съ каждымъ днемъ скучнѣе и неудобнѣе ѣздить въ городъ. И такъ пришлось пропустить пару спектаклей въ оперѣ и во французскомъ театрѣ.

Елена Васильевна уже знала, что вся семья Александра Константиновича уѣзжаетъ на зиму въ городъ, и радовалась этому. Посѣщенія этихъ лицъ вносили тревогу въ ея жизнь и отнимали много времени. И ея Настя будетъ лучше, когда она не будетъ видѣть всѣхъ этихъ людей, ихъ праздной жизни.

— Долго пробудете въ городѣ?—спросила она.

— Право, не знаю. Зиму-то во всякомъ случаѣ проживемъ тамъ,—отвѣтила Ольга Давыдовна.—А потомъ, можетъ-быть, поѣдемъ опять за границу или на дачу куда-нибудь. Здѣсь очень ужъ скучно.

Лида отошла съ Настей къ окну.

— Ахъ, я такъ рада, что мы уѣзжаемъ изъ этой глуши,— говорила она.—Тамъ балы, концерты, театры. Потомъ уговорю маму ѣхать за границу. Какъ жаль, что ты, бѣдненькая, должна скучать здѣсь. Правда, твоему отцу нельзя иначе жить, здѣсь у него даровая квартира и притомъ дорого было бы ѣздить сюда каждый день.

Настя, опечаленная, притихшая, проговорила:

— Братъ вотъ ѣздитъ.

Лида сдѣлала гримасу.

— Отчего же его на полный пансіонъ не отдадутъ?

И тутъ же прибавила:

— Вчера еще твоя бабушка говорила: «несчастный мальчикъ долженъ трепаться каждый день». Александръ Константиновичъ замѣтилъ, что онъ могъ бы у насъ въ городскомъ домѣ имѣть уголъ, чтобы не ѣздить сюда. Твоя бабушка воскликнула: «такъ они и позволятъ! сюда запрещаютъ ходить дѣтямъ, ужъ и подавно не позволятъ жить у насъ!»

Она пожала плечами.

— Тиранятъ они васъ. Я бы дня, дня не прожила среди такой скуки, когда никуда не пускаютъ. А Джоржъ еще вступается за нихъ, говоритъ, что дѣтей небогатыхъ родителей и не слѣдуетъ пріучать къ роскоши. Это онъ на зло твоей бабушкѣ. Смѣхъ, просто, когда они сцѣпятся.

Она сдѣлала гримасу.

— Я, впрочемъ, не люблю Джоржа за его привычку всѣхъ изводить.

Елена Васильевна говорила съ Ольгой Давыдовной и тревожно взглядывала на дочь и на Лиду. Она не слышала ни слова изъ ихъ разговора и только видѣла ихъ фигуры. Первая стояла понуро у окна, точно выслушивая смертный приговоръ; вторая что-то горячо говорила и разводила руками, гримасничая и кривляясь.

— Соберитесь къ намъ, — говорила Ольга Давыдовна.— Мы будемъ очень рады. Захватите дѣтей. Настю можете и отпустить къ намъ погостить.

— О, у нея занятія зимой,—сказала Елена Васильевна.— Ей еще нужно много учиться...

Эти слова долетѣли до Насти и Лиды, и Лида сдѣлала гримасу.

— Конечно, тебѣ, можетъ-быть, гувернанткой придется быть, такъ надо много учиться,—сказала она:—но все же..

— Я не пойду въ гувернантки, — отвѣтила рѣшительно Настя и наивно пожаловалась: — это мука: учись, учись, а потомъ опять учи, учи...

Она по-дѣтски надула губы.

— У насъ только и знаютъ, что учить и учиться, всегда, всегда. Папа училъ дѣтей, мама учила насъ, братъ учился, я училась. Теперь вотъ набираютъ дѣвочекъ, чтобы учить заодно со мной...

— Мама, экипажъ подаютъ,—вдругъ проговорила Лида, обращаясь къ матери отъ окна.

— Сейчасъ! — отозвалась та и стала прощаться съ хозяйкой и ея дочерью.

Лида, какъ большая, прощаясь съ Еленой Васильевной, замѣтила:

— Вы привезите къ намъ Настю, ей, бѣдной, здѣсь очень скучно.

Елена Васильевна коротко отвѣтила:

— Привезу!

Она радовалась въ душѣ, что вотъ-вотъ сейчасъ онѣ уѣдутъ.

Когда дверь затворилась за ними, Настя приблизилась къ окну и стала смотрѣть, какъ садилась въ карету Ольга Давыдовна, Лида и Софья Андреевна. Елена Васильевна позвала ее:

— Ну, Настя, кончимъ урокъ!

Настя обернулась со вздохомъ и пошла къ столу. Ея глаза были полны слезъ. Елена Васильевна замѣтила ихъ, но промолчала. Ей было сердечно жаль дѣвочку и въ то же время она думала, что именно этотъ отъѣздъ богатыхъ сосѣдей будетъ для нея благотворенъ.

Вечеромъ, когда Елена Васильевна хлопотала около чайнаго стола, Настя какъ-то невольно остановилась въ другой комнатѣ у окна и стала задумчиво смотрѣть въ темноту, наполнявшую дворъ и садъ. На дворѣ горѣли два фонаря у подъѣзда дома, гдѣ жила семья Александра Константиновича, но домъ былъ совершенно теменъ. Что-то дѣлается теперь тамъ, въ Петербургѣ, въ этой семьѣ? Вѣроятно, гости у нихъ. Можетъ-быть, они гдѣ-нибудь сами въ гостяхъ или въ театрѣ. Все освѣщено, музыка играетъ, толпятся нарядные люди, всѣ говорятъ и смѣются, всѣмъ весело.

— Настя, гдѣ ты, иди чай пить! — слышится изъ столовой.

Настя очнулась и пошла на зовъ, задумчивая, невеселая.

— О, да у насъ уже сонные глазенки! — ласково проговорилъ Иванъ Николаевичъ, смотря на нее.

Елена Васильевна тревожно бросила взглядъ на ея личико и увидѣла не то, что видѣлъ мужъ. Это была не дрема, а тоска одинокаго дѣтства.

Когда Настя и Ваня улеглись спать, Елена Васильевна серьезно заговорила съ мужемъ о Настѣ. Настѣ нужны сверстницы-подруги. Ваня ежедневно ѣздитъ въ училище; тамъ у него товарищи; онъ развлекается; Настя же растетъ одна и скучаетъ. Прежде имъ помѣшали переѣзды съ одного мѣста на другое и одолѣвшая ихъ въ Петербургѣ нужда отдать дѣвочку въ гимназію. Да и хилая она такая была. Теперь неудобно посылать ее учиться въ городъ отсюда. Но оставлять ее расти одну — тоже немыслимо. Она скучаетъ, а нѣтъ ничего хуже, какъ скука ребенка. Еленѣ Васильевнѣ вспомнилось выраженіе поэта: «лицо ребенка безъ улыбки—безъ солнца день, безъ пѣсенъ птицъ весна». Да, надо найти подругъ дѣвочкѣ.

— Я готова учить ихъ вмѣстѣ съ нею, только бы она не была одна,—взволнованно говорила Зубкова.—И у меня будетъ жизнь полнѣе, когда я хоть чѣмъ-нибудь помогу окружающимъ.

Иванъ Николаевичъ встрепенулся, обрадовался.

— Да, да, ты это отлично придумала. Помнишь, какъ прежде, тамъ учила. Святое дѣло! Ты ужъ намѣтила кого-нибудь?

— Двѣ-три дѣвочки подходящія есть. Я уже говорила съ ихъ матерями. Конечно, очень рады.

— Еще бы; здѣсь стоитъ кличъ кликнуть — набѣгутъ десятки.

Онъ заходилъ по комнатѣ съ веселымъ лицомъ, словно ожилъ. Въ головѣ уже роились мечты.

— Я тоже готовъ въ свободные часы удѣлить время на это дѣло. Лучше всякой школы обучимъ дѣтишекъ. Нельзя же только о себѣ думать. Признаюсь тебѣ откровенно, эта механическая работа далеко не удовлетворяетъ. Все время я придумывалъ, что бы такое начать дѣлать, чтобы чувствовать, что не одному себѣ служишь.

Онъ грустно усмѣхнулся.

— Все это время планы разные строилъ насчетъ лекцій рабочимъ; вертится въ головѣ проектъ о театрѣ здѣсь для противовѣса кабакамъ. Я даже Егору Егоровичу говорилъ, только онъ, разумѣется, мимо ушей пустилъ — прямого ба-

рыша это не даетъ. А ему и всѣмъ имъ только этого и нужно. Не могутъ они, эти дѣльцы, понять, что имъ же будетъ полезнѣе, когда рабочій поднимется нравственно, будетъ сознательнѣе дѣлать свое дѣло. А сколько бы можно было сдѣлать при ихъ средствахъ.

Онъ вспомнилъ прошлое.

— У насъ и средствъ не было, а дѣлали кое-что въ свое время. Сколько дѣвчоночекъ одна ты обучила шитью, вязанью, вышиванью, грамотѣ. Это пустяки, повидимому, а посмотри поглубже и увидишь, что ты дала имъ лишнее средство для добыванія куска хлѣба.

Елена Васильевна вздохнула.

— Хорошее это было время,—сказала она.—Не вернется оно никогда.

— Изъ колеи насъ выбили,—проговорилъ онъ.—Ну, да что дѣлать, что дѣлать. Не воротишь того, что прошло. Теперь, прежде всего, надо думать, какъ бы своихъ дѣтей поднять. Это главное. Но если можно что и для другихъ сдѣлать, то слѣдуетъ браться и за это. Не по насъ эта жизнь для одной своей утробы.

И онъ заговорилъ впервые послѣ переселенія на заводъ откровенно. Не по душѣ ему здѣсь было. Цифры, цифры и только цифры. Провѣрки, порученныя ему Егоромъ Егоровичемъ, тоже не особенно интересны: работа въ пользу предпринимателей и только. А какъ къ нему относятся? Заговоритъ онъ о рабочихъ, о ихъ благѣ, объ улучшеніи ихъ быта, Егоръ Егоровичъ слушаетъ молча и терпѣливо; кончитъ онъ, а Егоръ Егоровичъ и спроситъ:

— Вчерашняя пріемка матеріаловъ вѣрною оказалась?

И видитъ онъ, Иванъ Николаевичъ, что онъ со стѣной разговаривалъ, а не съ человѣкомъ; изъ приличія тотъ не прерывалъ, пропуская все мимо ушей. Даже обидно; ужъ лучше бы спорилъ, возражалъ, а то просто изъ вѣжливости бредъ слушаетъ. Александръ—тотъ хоть откровеннѣе и безцеремоннѣе: прямо, какъ услышитъ какіе-нибудь его проекты, сейчасъ же похлопаетъ его по плечу и оборветъ на полусловѣ:

— Ахъ, ты мечтатель, мечтатель, дядя Ваня!

И еще соболѣзнуетъ:

— Эхъ, если бы при твоихъ знаніяхъ, рвеніи да способностяхъ практическая смѣтка была—милліоны нажилъ бы ты!

Иванъ Николаевичъ горько усмѣхнулся, передавая эти подробности.

— Что-жъ, они правы. Не такое теперь время, чтобы смотрѣть безъ смѣха на насъ, мечтателей-то. Поврежденные мы, юродивые. Теперь вѣкъ практическій; отвлеченными идеями объ общемъ благѣ не время увлекаться; былъ бы самъ сытъ, а тамъ хоть трава не расти; всякій долженъ о себѣ думать, а Богъ обо всѣхъ...

Елена Васильевна видѣла, какъ онъ волнуется, и, приблизившись къ нему, положила ему на плечи руки.

— Полно, будемъ ужъ лучше юродивыми.

Онъ очнулся и засмѣялся:

— Да ужъ меня-то теперь, хоть бы и захотѣлось, не исправишь. Самъ съ собою разговаривать началъ,—это ужъ послѣднее дѣло. Гвоздь, значитъ, въ головѣ есть. Такъ на посмѣшище и буду жить... Не то меня иногда пугаетъ... Дѣти! чѣмъ они вырастутъ? Какая участь ихъ ждетъ въ наше-то время, когда все хуже и хуже жить тому, кто не идетъ на сдѣлки, на компромиссы.

Елена Васильевна вздрогнула.

— Не говори,—эти мысли иногда приводятъ меня въ отчаяніе. Впередъ заглядывать страшно.

На слѣдующій же день начались окончательные поиски и разспросы, касавшіеся дѣтей, нуждающихся въ урокахъ, и увѣнчавшіеся полнымъ успѣхомъ. У одного изъ конторщиковъ, служившихъ на заводѣ, была цѣлая полдюжина дѣтей; среди нихъ двѣ дѣвочки подходили по лѣтамъ къ Настѣ и нуждались въ окончательномъ образованіи, прервавшемся на половинѣ по недостатку средствъ у родителей. На сосѣдней фабрикѣ тоже нашелся какой-то служащій, имѣвшій въ домѣ дочь и племянницу, взятыхъ по бѣдности изъ гимназіи до окончанія курса. Елена Васильевна, уже познакомившаяся ранѣе съ матерями этихъ дѣтей, обрадовалась, когда эти матери согласились съ благодарностью на ея предложеніе, и рѣшила, что она охотно будетъ учить всѣхъ этихъ дѣвочекъ, лишь бы Настя не была одна. Настя немного удивилась, когда стали ходить эти дѣвочки къ нимъ въ домъ учиться, и первое время дичилась ихъ. Ее даже сердило, что «у нихъ теперь школа». Это точно стѣсняло ея свободу, придавало ученью официальный характеръ. Но даже самыя несообщительныя дѣти сходятся быстро; сошлась и она съ этими дѣвочками. Особенно сблизилась она съ одною изъ нихъ,—съ сироткой, воспитывавшейся въ домѣ одного изъ служившихъ на сосѣдней фабрикѣ. Маша, такъ звали эту дѣвочку, попала въ домъ Зубковыхъ случайно.

Ее привели къ Еленѣ Васильевнѣ не родные, а какая-то сосѣдка этихъ родныхъ, горячо просившая Зубкову принять участіе въ дѣвочкѣ, говоря, что жизнь послѣдней дома «не сладка». Зубкова, конечно, тотчасъ же дала дѣвочкѣ позволеніе ходить къ ней и брать уроки. Это была худенькая, блѣдная, тихая дѣвочка, вспыхивавшая и вздрагивавшая, когда къ ней обращались съ вопросами. На видъ она была моложе своихъ лѣтъ и смотрѣла чуть не десятилѣтней дѣвочкой. Знала она крайне мало, такъ какъ ее уже два года ничему не учили. Одѣвалась она очень бѣдно и очевидно съ чужого плеча: часть одежды была слишкомъ узка, часть слишкомъ широка. Разъ она, робко потупивъ глаза, спросила у Елены Васильевны, не можетъ ли она на этотъ разъ приготовить къ завтрашнему дню свои уроки у нихъ. Елена Васильевна ласково сказала ей, что это вполнѣ возможно. Дѣвочка покраснѣла и стала торопливо благодарить ее. Дня черезъ три эта просьба повторилась снова и часовъ въ восемь вечера Настя тихонько знаками вызвала мать въ другую комнату и шопотомъ сообщила ей:

— Мама, оставь Маню у насъ ночевать!

— Какъ же можно, дѣточка, — отвѣтила Елена Васильевна.—Ее будутъ ждать дома.

— Ее не будутъ ждать, мама,—сказала Настя.

Елена Васильевна въ недоумѣніи взглянула на дочь.

— Ты же почему знаешь?

— Я сказала Олѣ Петровой, онѣ вѣдь сосѣдки, что она останется ночевать у насъ,—отвѣтила Настя и заговорила просящимъ тономъ:—Не сердись, мамочка. Я знала, что ты позволишь. Она, право, право, не можетъ сегодня идти домой... никакъ не можетъ...

Она совсѣмъ взволновалась и воскликнула:

— Ахъ, какъ тяжело быть бѣдной!

Елена Васильевна широко открыла глаза.

— Я ничего не понимаю, голубка,—проговорила она.

— Послѣ, послѣ я тебѣ, мамочка, все разскажу, а теперь скажи Манюшѣ, что ты ее оставишь у насъ.

Зубкова еще колебалась.

— Но какъ же такъ?.. ты сказала черезъ дѣвочку-сосѣдку, что Маша остается у насъ. Ея родные могутъ разсердиться на нее и сказать, что мы...

— Они рады будутъ, мама, что она осталась. Я ужъ знаю, право, знаю. Обрадуются... Ты только позволь!..

Елена Васильевна, видя волненіе дочери, поцѣловала ее въ голову и успокоила ее:

— Ну, хорошо, дитя. Такъ и быть. Если ея родные разсердятся, я постараюсь оправдать ее и все приму на себя.

Она вошла обратно въ столовую. Маша, потупивъ глаза, заботливо собрала свои тетради и книги, перевязавъ ихъ веревочкой, и сидѣла съ покорнымъ видомъ несчастнаго чужого ребенка, ожидающаго рѣшеніе своей участи,—пріютятъ ли его на ночь, или погонятъ вонъ.

— Манюша,—окликнула ее Елена Васильевна.

Та вздрогнула и подняла на Зубкову молящіе глаза забитой собачонки, точно прося ее: «не гоните».

— Ты можешь, если хочешь, остаться у насъ,—добавила Елена Васильевна.

Маша торопливо бросилась къ ней и стала поспѣшно и часто цѣловать ея руки.

— Но тебя не будутъ бранить за это дома?—спросила Елена Васильевна, гладя ее по головѣ и пытливо заглядывая въ ея глаза.

— Нѣтъ-съ... тетя позволила... тетя рада,—проговорила дѣвочка и торопливо, но упавшимъ голосомъ прибавила:— У тети и на своихъ дѣтей мало хлѣба..

Зубкова стиснула зубы какъ бы отъ физической боли. Настя, наклонясь къ ея уху, шепнула ей въ то же время:

— А дядя ея... мужъ ея тети... опять запилъ вчера и говоритъ: «чужихъ щенятъ нанесла»...

Маша слышала этотъ шопотъ и стояла потупившись,— это было то выраженіе тупой покорности, съ которой стоятъ передъ публикою показываемые за деньги карлики и уроды въ то время, когда антрепренеръ описываетъ ихъ біографію и ихъ уродства.

— Дядя ихъ всѣхъ щенками зоветъ,—шептала Настя:— и Маша нѣсколько разъ въ сѣняхъ ночевала... въ холодъ, мамочка...

Елена Васильевна кусала губы, чтобы не расплакаться. Она поспѣшила быстро замять этотъ разговоръ, развлечь и несчастную гостью, и свою Настю, давъ въ душѣ слово разузнать послѣ всю исторію этой дѣвочки, чтобы знать, что дѣлать дальше. Она даже и не подозрѣвала, что ея дочь знаетъ уже всю эту исторію и еще съ какими подробностями.

Андрей Андреевичъ Свѣденцовъ, дядя Маши или, вѣрнѣе, мужъ ея тётки, былъ изъ числа неудачниковъ, которыхъ всю жизнь грызетъ неудовлетворенное самолюбіе, заставляю-

щее ихъ угрюмо дичиться общества, не искать ни у кого помощи, косо смотрѣть на всѣхъ и держать себя неуклюже и неловко, такъ что ихъ то считаютъ глупыми, то называютъ грубіянами. Хорошій, какъ машина, работникъ и смирный, дошедшій до автоматической несообщительности, человѣкъ въ трезвомъ видѣ, онъ дѣлался сознательно, на зло всѣмъ, лѣнтяемъ и нестерпимо наглымъ забіякой въ пьяномъ видѣ. Трезвый онъ приходилъ домой и ложился спать, какъ бы избѣгая видѣть убогую обстановку и многочисленныхъ членовъ своей семьи; пьяный онъ дѣлалъ эту обстановку еще неприглядиѣе, ломая все, что попадало подъ руку, и терзалъ членовъ своей семьи, выгоняя изъ квартиры сиротъ, племянника и племянницу жены, крича на своихъ дѣтей за то, что онъ не знаетъ, чьи они,—можетъ-быть, и не его: ему на шею жена сама бросилась, такъ, можетъ-быть, и другимъ бросалась. Въ трезвомъ видѣ онъ ея стыдился, чувствовалъ почти отвращеніе къ ней, какъ стыдятся люди своихъ тайныхъ гнусныхъ пороковъ; въ пьяномъ видѣ онъ надругался надъ нею, называлъ ее площадными кличками, непотребными именами, унижалъ ее, заставляя ее играть роль худшую, чѣмъ роль продажной женщины, и поруганная, избитая, она дѣлалась снова и снова матерью. Несчастная женщина безропотно переносила все, ублажала мужа, сама выпроваживала своихъ родственниковъ-сиротъ, прятала своихъ дѣтей, выносила побои мужа, и когда ее жалѣли сосѣди, она, блѣдная, худая, чахоточная, всегда готовящаяся сдѣлаться матерью, тихо говорила:

— Что-жъ дѣлать, сама виновата, сама полюбила; такъ-то бы онъ и никогда, можетъ-быть, не женился, а ужъ на мнѣ и подавно, теперь же вотъ сколько ртовъ у него на шеѣ, изъ-за моей любви къ нему все.

Елена Васильевна только отрывками, только постепенно узнала эту семейную исторію; Настя, напротивъ того, узнала ее во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ: Маша съ наивностью ребенка, все видѣвшаго, но не знающаго, что можно говорить и чего нельзя говорить, посвятила Настю во всѣ тайны своей домашней жизни, и передъ дѣвочкой раскрылся цѣлый новый міръ неприглядныхъ сценъ, лишеній, испытаній. Она жадно ловила эти разсказы, потому что они подтверждали то, что уже начинало входить ей въ плоть и кровь,—убѣжденіе, что на свѣтѣ нѣтъ ничего хуже бѣдности. Это убѣжденіе явилось въ ея умѣ при сравненіи жизни ея семьи съ жизнью семьи Александра Константи-

новича; оно явилось у нея подъ вліяніемъ вздоховъ и сожалѣній бабки о томъ, что дѣвочка не можетъ повеселиться; оно явилось въ ней въ тѣ минуты, когда изъ дома Александра Константиновича доносились звуки музыки, смѣха и говора, а у нея дома царила скучная тишина. Теперь она видѣла, что бѣдность порождаетъ не одну скуку, но и семейные раздоры, запои съ горя, безобразіе въ пьяномъ видѣ. Маша съ серьезностью опытнаго человѣка говорила ей:

— Всѣ у насъ заводскіе и фабричные пьютъ, потому нужда-то не сладка! Съ горя-то запьешь! Въ прошломъ году у насъ одна женщина повѣсилась, такъ ее бѣдность-то пришибла.

— Какъ—повѣсилась?—спросила въ недоумѣніи Настя.

— А такъ взяла да и повѣсилась! Праздникъ былъ, Рождество, значитъ, близко, а у мужа вычетъ за прогулы сдѣлали. Мало онъ, значитъ, получилъ и прямо съ работы пошелъ съ горя въ кабакъ, пропилъ и достальное. Ну, какъ пришелъ онъ домой, увидала жена, что ничего не принесъ онъ, денегъ-то это, и взяло ее горе. У всѣхъ праздникъ на носу, а у нихъ разговѣться нечѣмъ. Пошла она на чердакъ, гдѣ бѣлье сушатъ, чердакъ-то у нихъ большой-большой, длинный; взяла перекинула веревку черезъ балку; балки это тамъ все понадѣланы; просунула въ петлю голову и повѣсилась. Не сразу и узнали; сперва думали, утопилась, а потомъ на чердакѣ ее и нашли; бѣлье хотѣли вѣшать, а она тамъ и виситъ, си-иняя и портиться стала, смрадъ пошелъ...

И серьезнымъ тономъ взрослой, она прибавила:

— Голодъ-то не свой братъ, на все пойдешь, какъ нужда притиснетъ. Вонъ и у насъ теперь, — впроголодь живемъ, обносились всѣ, а что дядя къ празднику получитъ,—пропи. Туда отдай, сюда заплати, ничего не останется. А у богатыхъ елки готовятъ для дѣтей, и игрушки покупаютъ. Я вонъ вчера видѣла, какъ везли одну елку, всю въ фонарикахъ, обручи на ней разноцвѣтные. Навѣшаютъ орѣховъ, пряниковъ, зажгутъ свѣчи,—хорошо!

У нея разгорѣлись глазенки, въ голосѣ послышались какія-то сладкія, пѣвучія ноты, чувствовалось, что она понимаетъ всю сладость «елки». Настя слушала ее молча, думая о семьѣ Александра Константиновича.

— Сегодня вотъ посмотришь, завтра посмотришь, какъ другіе-то веселятся, а ты голодаешь, такъ и повѣсишься,— продолжала Маша.—Право!

Настя очнулась. Ей стало жутко при воспоминаніи объ этой повѣсившейся женщинѣ. Уже смерклось, въ столовой приготовляли чай. Настя машинально подошла къ окну и стала снова вглядываться въ темноту ночи, въ домъ Александра Константиновича. Что-то дѣлается тамъ у нихъ, въ городѣ? Готовятся къ празднику? Собираются веселиться? Неужели ее даже на праздникъ не повезутъ туда? За что ея лишаютъ всего, всего?

XI.

За два, за три дня до Рождества въ семьѣ Зубковыхъ происходили между мужемъ и женой таинственныя совѣщанія. Въ тайну отца и матери былъ посвященъ и Ваня. Нѣсколько разъ онъ, оживленный, веселый и въ то же время озабоченный, красный, какъ вареный ракъ, забѣгалъ къ отцу въ контору и потомъ приходилъ къ матери, сообщая таинственно ей что-то. Наконецъ, насталъ день Рождества и Настя неожиданно подслушала, что въ этотъ день у нихъ будетъ елка. Едва открывъ глаза по-утру, она уже увидала около своей постели новое платье, нарядное, свѣтлое, отдѣланное шелковыми лентами. Дѣвочка вскочила съ постели и бросилась разсматривать новый нарядъ. Она въ волненіи, не одѣваясь, прикинула его къ себѣ, смотрясь въ небольшое зеркало, улыбаясь счастливою улыбкою. Ей казалось, что такого платья она еще ни на комъ не видала, такъ оно ей понравилось... Ее охватила радость и первое, что ей пришло въ голову, была мысль о томъ, что ее повезутъ къ бабушкѣ, къ Лидѣ. Только потому и не везли туда, что платья не было нарядного.

Умывшись и одѣвшись на-скоро, она вышла въ столовую и бросилась цѣловать отца и мать, прыгая и хлопая въ ладоши. Они улыбались, видя ея радость. Мать сказала ей:

— Ты, дѣточка, надѣнешь это платье сегодня вечеромъ. У насъ будутъ гости.

— Ольга Давыдовна и Лида?—быстро спросила Настя.

— О, нѣтъ! Здѣшніе, сосѣди, дѣти,—отвѣтила мать.

Потомъ, переглянувшись съ Ваней, мать добавила:

— Просто придутъ три-четыре человѣка на чай. Дядя Устя пріѣдетъ тоже.

Настя тихо вздохнула. Она желала бы лучше видѣть у себя Ольгу Давыдовну, Лиду, чѣмъ какихъ-то бѣдныхъ сосѣдей, пришедшихъ на чай, тѣмъ не менѣе она была весела. Очень ужъ радовала обновка.

Къ завтраку пріѣхалъ Устиновъ и привезъ какія-то корзинки, которыя тотчасъ же исчезли въ кабинетѣ Ивана Николаевича. Кабинетъ былъ тщательно запертъ, но туда то и дѣло сновалъ Ваня.

— Ну, а елка гдѣ же?—спросилъ неожиданно Устиновъ за завтракомъ и поперхнулся, увидавъ выразительные взгляды Вани и Елены Васильевны.

— Какая елка?—равнодушно спросила Елена Васильевна.

— Нѣтъ, я такъ,—сказалъ Устиновъ и лукаво подмигнулъ:—У васъ-то, я знаю, что нѣтъ елки, а то теперь въ другихъ домахъ...

Онъ крякнулъ и засмѣялся, взявъ за подбородокъ Настю:

— Чего таращишь глазищи, галка? Тебѣ, что ли, елки захотѣлось? Такъ тебѣ и будетъ она, жди!

Всѣ начали говорить о другомъ, заминая этотъ разговоръ о елкѣ. Въ душѣ Насти, тѣмъ не менѣе, пробудились подозрѣнія. Ужъ въ самомъ дѣлѣ не будетъ ли у нихъ елки? Вдругъ будетъ? Соберется много народу, музыка будетъ, пріѣдутъ Ольга Давыдовна, Лида, Егоръ Егоровичъ, бабушка... Она стала нетерпѣливо ждать чего-то.

Къ обѣду явилась Маша въ новенькомъ шерстяномъ платьѣ и шепнула Настѣ, что это ей вчера прислала Елена Васильевна.

— Я такъ и ахнула!—разсказывала дѣвочка.—Ты смотри: кашемировое платье. «Шерсть чистая», — сказала тетя. — Если загрязнится — вымыть можно, а то и выкрасить, ничего ему не сдѣлается, потому безъ бумаги. А кушакъ, видишь, атласныя ленты. Настоящія тоже. То бываетъ сверху атласъ, а снизу бумажныя, не шелковыя, а это шелкъ. Вотъ бы въ этомъ платьѣ гдѣ-нибудь на елкѣ быть. У нашего управляющаго вотъ елку готовятъ.

Настя наклонилась къ ней:

— Погоди, у насъ, кажется, тоже будетъ елка.

— Ну-у?

— У папы въ кабинетѣ она, кажется,—еще тише шепнула Настя.

— А ты смотрѣла?

— Запертъ.

— А въ замочную скважину? Я всегда въ замочную скважину смотрю, когда домой приду и дверь заперта. Тоже напорешься такъ-то, не подсмотрѣвъ, на пьянаго дядю—не сласть. А какъ подсмотришь, ну, и знаешь, что тамъ, въ комнатѣ-то. Ты посмотри.

— Нельзя, увидятъ.

— Ахъ, ничего-то ты не умѣешь! Давай, я подсмотрю. Ты оставайся здѣсь, а я пойду въ гостиную и подсмотрю. Ловка я на это.

Она приняла равнодушный видъ и, напѣвая что-то себѣ подъ носъ, начала ходить по гостиной, все ближе и ближе къ дверямъ кабинета, бросая косые взгляды на столовую. Когда она убѣдилась, что на нее никто не смотритъ, она быстро наклонилась къ двери кабинета и заглянула въ замочную скважину. Это было дѣломъ одной минуты, и она уже снова съ равнодушнымъ видомъ ходила по гостиной, напѣвая что-то себѣ подъ носъ. Потомъ она вернулась въ столовую и незамѣтно кивнула головой Настѣ:

— Елка!—какъ вздохъ, прозвучалъ ея докладъ.

Настя вспыхнула, чувствуя, что ея сердце сильно бьется. Значитъ, много гостей будетъ! Всѣ пріѣдутъ. Не можетъ же елка быть безъ гостей. За обѣдомъ Настя была очень оживлена. Маша была скромна и тиха по обыкновенію; только раза два она вскользь замѣтила, что сегодня у ихъ управляющаго елка, тоже у конторщицы михайловскаго завода елка; при этомъ она лукаво взглядывала на всѣхъ, ожидая, что кто-нибудь проговорится. Но всѣ хранили тайну. Часовъ въ шесть Настя переодѣлась въ новое платье. Начали собираться дѣти и взрослые изъ сослуживцевъ Ивана Николаевича. Комнаты уже были освѣщены лампами и свѣчами. Наконецъ, распахнулась дверь кабинета и передъ глазами присутствующихъ заблестѣли огоньки елки, пестрые фонари, золоченыя украшенія. Дѣти побѣжали туда, прыгая, крича и смѣясь; Настя была тоже увлечена общей радостью, и на время въ ней сказался вполнѣ ребенокъ. Она была готова прыгать и хлопать въ ладоши. Елена Васильевна уже ходила около елки и раздавала дѣтямъ мелкіе подарки. Давно она не испытывала такого чувства довольства и счастія, какое испытала теперь, принимая горячіе поцѣлуи дѣтей и цѣлуя ихъ головы. Иванъ Николаевичъ тоже сіялъ и ходилъ, потирая руки отъ удовольствія. Ваня сновалъ среди дѣтей, бросался къ взрослымъ, угощая ихъ сластями, вспотѣлъ отъ хлопотъ и чувствовалъ, что онъ впервые испытываетъ настоящую радость. Когда свѣчи елки начали догорать и ихъ пришлось потушить, Елена Васильевна присѣла за рояль и заиграла польку. Ребятишки завертѣлись въ гостиной, кто какъ умѣлъ. Немного погодя, пустились

танцовать и взрослые. Дядя Устя протолкался къ Еленѣ Васильевнѣ и сказалъ ей:

— Ну, барынька, мы такъ-то и безъ чаю останемся, если вы таперствовать будете! Ступайте-ка къ своему дѣлу, а я за васъ потренкаю. Тоже хоть по слуху, а все же разныхъ чижиковъ умѣю играть.

Она улыбнулась и уступила ему мѣсто. Игралъ онъ недурно, больше по слуху, но смѣло и бойко.

— Кадриль!—крикнулъ онъ громко.—Кавалеры, ангажируйте дамъ и маршъ по мѣстамъ!

Начались суматоха, смѣхъ, говоръ.

— Кавалеры начинаютъ!—командовалъ Устиновъ.—Дамы назадъ! Цѣпь! Кругъ кавалеровъ!

Онъ и игралъ, и руководилъ танцами, и сыпалъ нехитрыми остротами, смѣша невзыскательное общество и производя невообразимый шумъ.

Когда кончилась кадриль, Настя, возбужденная, раскраснѣвшаяся, съ сверкающими отъ восторга глазами, прибѣжала къ отцу и матери и поцѣловала ихъ. Устиновъ замѣтилъ ей:

— А меня-то и не благодаришь, галка? Я изъ-за васъ всѣ руки отколотилъ.

— Ахъ, дядя Устя, дядя Устя, какъ мнѣ весело!—воскликнула она, цѣлуя его звонко въ губы и вертя его.

— Верченная!—проговорилъ онъ, улыбаясь и отбиваясь отъ нея.

Въ столовую вбѣжалъ Ваня.

— Мама, чаю, чаю! Я разносить буду!—вскричалъ онъ и, увидавъ, что чай налитъ, помчался съ подносомъ угощать гостей.

Когда онъ вернулся, Елена Васильевна замѣтила ему:

— Да ты самъ пей!

— Нѣтъ, нѣтъ! Что мнѣ, я дома! Гостей надо угощать! Какъ они всѣ довольны, ахъ, какъ довольны!

Онъ захватилъ печенье и опять помчался угощать гостей.

— Съ голоду помереть готовъ, лишь бы другіе были сыты,—проворчалъ Устиновъ, прихлебывая стоя чай.

Маша въ это время шептала Настѣ:

— Вотъ что значитъ, что твой папа получаетъ много. При бѣдности не развеселишься такъ. Повѣсь носъ на квинту да и выживай скуку, при бѣдности-то.

Она вздохнула, какъ взрослый человѣкъ, знающій цѣну бѣдности и богатства.

[illegible]

объявилъ, что пора и честь знать, и пустился въ путь съ «баши-бузуками», то-есть съ пріятелями Вани.

Но и послѣ ихъ отъѣзда въ домѣ еще нашлись темы для разговоровъ о вчерашнемъ днѣ, о гостяхъ, о всеобщемъ весельи. Теперь эти толки приняли болѣе интимный характеръ. Ваня передавалъ свои наблюденія.

— Вотъ-то, мама, мы угодили, подаривъ Митѣ письменныя принадлежности. Онъ чуть не запрыгалъ отъ радости, прижалъ ящикъ къ груди и потомъ во время танцевъ все посматривалъ на него, цѣлъ ли онъ. Потѣшный: точно боялся, что украдутъ. А жена нашего конторщика меня даже стала благодарить за игрушки, доставшіяся ея дѣтямъ. Я говорю: «что же я? это мама и папа».—«Нѣтъ, говоритъ, я знаю, что и вы хлопотали. Мнѣ мужъ сказалъ». Почему же онъ, мама, знаетъ, что я хлопоталъ?

Иванъ Николаевичъ посмѣивался, ходя по комнатѣ и куря папиросу.

— Это я тебя выдалъ,—сказалъ онъ.—Ты вотъ бѣгалъ въ контору, Тимоѳей Никитичъ и спросилъ, что это ты хлопочешь. «Елку, говорю, надумали устроить». Вотъ онъ женѣ и сказалъ.

Ваня воскликнулъ:

— Я бы, кажется, всегда, всегда готовъ былъ такъ хлопотать. Вотъ для этого я хотѣлъ бы быть богатымъ, очень, очень богатымъ.

Настя вмѣшалась въ разговоръ:

— Да, да, я тоже хотѣла бы быть очень богатой. Каждый бы день балы дѣлала, до упаду бы танцовала.

Всѣ засмѣялись.

— Попрыгунья! — сказалъ съ ласковой шутливостью Ваня.—Устала бы!

— Нѣтъ, нѣтъ, никогда!

Третій день праздника уже походилъ вполнѣ на будни. На четвертый день у Ивана Николаевича уже начались занятія. Ваня сидѣлъ въ своей комнатѣ за книгою. Елена Васильевна принялась за шитье. Настя бродила по комнатѣ съ Машей, слушая ея разговоры о томъ, что теперь «всѣ у нихъ пьютъ», и послѣднія тряпки къ закладчикамъ несутъ, «у тетки глаза не осушаются отъ слезъ, такъ какъ дядя ужъ вѣрно побилъ ее». Не можетъ не напиться онъ въ праздникъ. А если пьянъ,—сейчасъ же драться. Утомясь слушать горькіе разсказы подруги, Настя присаживалась къ роялю и начинала играть, — мелодіи вальсовъ или полекъ

переносили ея воображеніе въ освѣщенныя комнаты, къ нарядным людямъ, къ блеску и роскоши. И какъ это мама и папа говорятъ, что не въ богатствѣ счастье? Развѣ когда-нибудь прежде они веселились такъ, какъ нынче въ первый день Рождества. А почему? Потому, что прежде не было денегъ. Теперь есть деньги и можно веселиться. Теперь папа очень много получаетъ. Онъ и пошелъ на заводъ къ дядѣ, чтобы побольше получать. А говорятъ, что не въ деньгахъ счастье. Зачѣмъ они это говорятъ? Вотъ вѣдь никогда они не лгутъ, а тутъ говорятъ неправду. Зачѣмъ?

Неожиданно пріѣхала Софья Андреевна. Нарядная, величественная, снисходительная въ обращеніи, она производила впечатлѣніе властительницы, снисходящей до милостиваго обращенія съ своими подданными. Настя потащила ее въ свою комнату и показала ей тотчасъ же свое новое платье. Бабка посмотрѣла на него довольно небрежно и съ гримасой замѣтила:

— Альпага! Не могли сдѣлать хоть бы изъ че-чун-чи съ небѣленымъ кружевомъ,—и прочно бы, и все же шелкъ.

— Вамъ, бабуся, не нравится?—спросила Настя тревожно.

— Ахъ, Настюша, не на такіе наряды я насмотрѣлась въ жизни. Меня не удивишь этими шерстяными тряпками. Разумѣется, каждый по одежкѣ протягиваетъ и ножки.

Она сострадательно вздохнула и поцѣловала въ голову внучку.

— Бѣдный ребенокъ!

— У насъ елка была!—сообщила Настя, уже менѣе веселымъ тономъ.

— Воображаю!—произнесла пренебрежительно старуха.—Кто же былъ-то? Дядя Устя ужъ конечно?

— Много было гостей.

Настя начала пересчитывать всѣхъ. Старуха махнула рукой.

— Голь здѣшняя! Ужъ если потратились, могли бы получше гостей пригласить. Впрочемъ, кто-жъ и знакомъ съ ними. Въ столицѣ жили, а точно въ лѣсу, ни сами никуда, ни къ нимъ кто-нибудь...

Она опять безнадежно махнула рукой.

— Связей не умѣютъ дѣлать, а безъ связей пропадешь въ столицѣ.

И она заговорила съ оживленіемъ:

— Нѣтъ, вотъ Саша, тотъ мастеръ завязывать связи. Кого-кого у насъ не перебывало за это время. Графы,

князья, генералы. Вотъ человѣкъ изъ ничего выщелкнулся, а теперь всѣ на поклонъ готовы идти. Деньги онъ въ долгъ даетъ разнымъ особамъ, онѣ его и уважаютъ. Вся семья, какъ аристократы, держитъ себя. Лидочка такъ и говоритъ: «Я только за того и выйду, кто ко двору принятъ». И выйдетъ за такого, непремѣнно выйдетъ. Еще бы! Въ сотняхъ тысячахъ приданое считается. Къ зимнему сезону чего-чего ей ни надѣлали, платье—не платье, одно изъ Парижа выписали прямо! Вортъ шилъ!

И опять, сердясь на дочь и зятя, она прибавила:

— Вотъ вѣдь не будь у нашихъ столько гонору, можно бы тебѣ кое-что добыть отъ Лиды. Она вѣдь раза два надѣнетъ платье и броситъ. Ну, да я какъ-нибудь устрою это. У тебя во-вѣки не будетъ такого наряда, какой отъ нея можно достать. Какъ-нибудь добуду и скажу, что это я отъ себя дарю тебѣ. Ахъ, какія платья! А что сама-то? Дѣдъ матери мужикомъ былъ; отецъ цѣловальникомъ былъ. Да и муженекъ-то первый Ольги Давыдовны не лучше мужика былъ, одно слово — изъ ирландцевъ. Тамъ, говорятъ, на одномъ картофелѣ дохнутъ. Въ Россіи-то только повезло ему, заводчикомъ сталъ. При деньгахъ-то все это забывается. Носъ-то и вздергиваютъ, какъ Лидка...

Она вздохнула.

— И благороднымъ людямъ приходится кланяться передъ нею, что дѣлать! И знаетъ это дѣвчонка, знаетъ! Задеретъ иногда такъ голову, что а-ахъ!

Въ комнату вошла Елена Васильевна и прервала разговоръ.

Часъ спустя, Софья Андреевна осталась наединѣ съ Еленой Васильевной и начала другіе разсказы.

— У насъ чуть не до ножей дошло, я ужъ и уѣхала отъ грѣха денька на два къ вамъ.

— Что случилось? — спросила Елена Васильевна равнодушнымъ тономъ.

— Сама-то приревновала Сашу, извѣстное дѣло!—сказала мать.—Съ самаго переѣзда въ городъ эта канитель тянется. Извѣстно, не можетъ же Саша быть ей вѣрнымъ. Разлѣзлась, какъ опара. Сѣдина стала пробиваться. Нянька ея старая, — дура она у нихъ, старой вѣры держится, — говоритъ мнѣ: «чужіе зубы повставляла, грѣховодница». Думаетъ, старая, что это отъ мертвецовъ берутъ. Смѣхъ и грѣхъ!.. Ну, а онъ, Саша-то, человѣкъ еще въ самой настоящей порѣ. Ему молодую женщину нужно. Она, наша-то заводчица, понимаетъ это и рветъ, и мечетъ.

Въ ея голосѣ послышались шипящія ноты.

— Мнѣ вздумала сцены дѣлать! Я, видишь ли, мѣсто матери ему заступаю, такъ я должна его образумить. Вздумала тоже, стану я за дурящую бабу противъ молодого человѣка вступаться.

Она засмѣялась и, понизивъ тонъ, проговорила:

— А Сашка — ахъ, шутъ гороховый, право, шутъ гороховый!—пришелъ ко мнѣ да и разсказываетъ свои проказы. Молодую какую-то бабенку оплелъ. «Венеру, говоритъ, съ нея пиши, да и только. Грація, говоритъ, и чистота линій какая». Любитъ онъ, шельмецъ, словца такія. Я ему и говорю: «Да ты бы, шутъ ты этакій, хоть концы въ воду пряталъ, чтобъ Ольга не знала». — «Вотъ еще, говоритъ, она меня за это еще больше любить будетъ: увидитъ, что не ей одной нуженъ, а что наперебой рвутъ». Потѣшникъ. Я-было, знаешь, немного за него опасалась, думала: «А вдругъ баба взбѣленится, да разойдется съ нимъ». Ну, оказалось, пустяки. У него теперь свое обезпеченное состояніе. «Было, говоритъ, время, когда можно было испугать; а теперь, говоритъ, я птица вольная, захочу — самъ улечу!»

Елену Васильевну непріятно коробило отъ этихъ разсказовъ, но мать не унималась.

— И чего она кипятится? Сама безъ грѣха, что ли, была? Не первый Саша-то былъ. Послѣ того, какъ съ нимъ сошлась, правда, остепенилась, ну, такъ вѣдь потому, что влюбилась, какъ кошка, да и Саша обломалъ бы ноги тому, кто поперекъ его дороги сталъ бы. И вѣдь до чего теперь дошла: письма, къ Сашѣ адресованныя, перехватываетъ! Право! Ну, что-жъ, онъ теперь и сдѣлалъ такъ, что на мое имя адресовать стали письма, а я ихъ ему отдаю. Вотъ за это-то и вышла у насъ исторія. Заподозрила она, что это не ко мнѣ, а къ нему пишутъ, и подняла бурю: покажи я ей письма, присланныя ко мнѣ. Ну, нѣтъ, извините! Порядкомъ посчитались мы изъ-за этого.

И опять она обозлилась:

— И что за семейка! Она, заводчица-то, надулась, скрыть, мужичка, злобы не умѣетъ, ну, и Лидка за ней зафыркала. Причины не знаетъ, за что мать надулась, а тоже ей подражаетъ. Егоръ Егоровичъ — Джорженька нашъ, іезуитикъ, — видитъ, что мать и сестра на чорта сѣли противъ меня и хихикаетъ себѣ въ бороду, злорадствуетъ, язвить больше прежняго. Только я вѣдь не боюсь. Саша мнѣ сказалъ: «Я ихъ обломаю, не у себя только заставлю Ольгу

Давыдовну на колѣняхъ стоять, а у васъ ручки прикажу цѣловать». Да онъ и добьется своего, плеткой еще учить ее станетъ, глупую старую бабу.

— Господи, что это за адъ! — воскликнула съ отвращеніемъ Елена Васильевна.

— Ахъ, мать моя, да гдѣ же въ порядочной семьѣ раздоровъ не бываетъ?—проговорила Софья Андреевна.—Это у васъ не до любви, да не до ревности, такъ какъ изъ-за хлѣба день-деньской бьетесь. А при богатствѣ—да отчего же и не потѣшить себя человѣку амурами-то? Не съ насъ это началось, не нами и кончится. Будь Давыдовна-то наша поумнѣй, поняла бы она это. Она въ свое время свое взяла; Саша теперь съ жизни радости урываетъ. Святыхъ-то, матушка, не много да и не ко двору они въ жизни-то, постное-то масло и въ посту надоѣстъ, а всю жизнь на немъ сидѣть...

Она засмѣялась.

— Разумѣется, какъ высохнутъ люди среди лишеній да въ мумій превратятся, тогда ужъ грѣхи на умъ не пойдутъ. Только не сласть это... Живемъ-то только разъ...

Елена Васильевна упорно молчала. Она чувствовала съ отвращеніемъ, что съ матерью ей нельзя даже спорить, что эту женщину можно бы только попросить оставить ихъ домъ. Въ то же время она испытывала радостное чувство при мысли о томъ, что семья Вощинина находится теперь далеко отъ нея, не тутъ же въ домѣ. Будь его семья здѣсь — ей, Еленѣ Васильевнѣ, пришлось бы каждый день видѣть эту грязь, слышать о ней, принимать участіе въ дѣйствующихъ лицахъ этого семейнаго ада.

Подъ вечеръ того же дня Настя, подъ вліяніемъ соболѣзнованій Софьи Андреевны, разсказывавшей о весельѣ въ домѣ Вощининыхъ, совсѣмъ заскучала. Она только о томъ и думала теперь, какъ веселятся у Ольги Давыдовны. Эта скука усилилась еще болѣе, когда въ одинъ изъ слѣдующихъ дней пріѣхалъ Александръ Константиновичъ, сіяющій, цвѣтущій, радостный, и увезъ Софью Андреевну, говоря, что у нихъ дома готовится пиръ и что этотъ пиръ будетъ не въ пиръ, если не будетъ ея. Старуха пріободрилась и лукаво подмигнула дочери, какъ бы говоря: «что, видишь, побѣдилъ!» Александръ Константиновичъ вертѣлся на каблукахъ, посвистывалъ и улыбался, говоря таинственными намеками:

— Да-съ, обломали!.. За вами, мамаша, сама хотѣла

ѣхать... Боялась, что вы не вернетесь... Очень ужъ васъ любитъ...

Онъ усердно приглашалъ и Елену Васильевну съ Настей. Елена Васильевна коротко и уклончиво сказала, что «она какъ-нибудь соберется». Софья Андреевна пожала плечами и замѣтила, что ужъ гдѣ ей собраться, а пусть хоть Настю отпуститъ. Слава Богу, не къ чужимъ, не безъ призора будетъ дѣвочка, а при родной бабкѣ. Александръ Константиновичъ рѣшилъ, что за Настей пришлютъ и похитятъ ее силой.

Когда они уѣхали, Настя только о томъ и думала, когда пришлютъ за ней, какъ убранъ у нихъ домъ, какіе наряды у Лиды, какой пиръ будетъ тамъ. Она бродила по комнатамъ, садилась за рояль, раздражая еще болѣе свое воображеніе музыкой, потомъ подходила къ окну и смотрѣла на пустой домъ Ольги Давыдовны, чернѣвшійся во мракѣ зимняго вечера надъ бѣлымъ снѣгомъ. Вдругъ раздались звуки бубенцовъ, послышалось ржанье лошадей и мимо домика Зубковыхъ пронеслись по двору двѣ тройки и остановились у дома Ольги Давыдовны. Изъ саней стали выскакивать люди, мужчины или женщины—нельзя было разобрать, такъ какъ длинныя зимнія одежды и мѣховыя круглыя шапки у всѣхъ были почти одинаковыя. Всѣ вошли въ домъ, тамъ замелькали огни, мимо оконъ засновали тѣни, причудливо то вырастая, то понижаясь, то какъ бы для драки поднимая руки, то сближаясь какъ бы для объятій и поцѣлуевъ — и вдругъ вся эта фантасмагорія исчезла въ таинственномъ мракѣ за тяжелыми упавшими у оконъ занавѣсками. Только кое-гдѣ между этими драпировками, сошедшимися не вплотную, золотыми полосками прорѣзался свѣтъ. Въ сосѣдней комнатѣ послышался голосъ Ивана Николаевича:

— Егоръ Егоровичъ пріѣхалъ... пикникъ...

Настя не двигалась съ мѣста и глядѣла въ темноту, охваченная желаніемъ понять, зачѣмъ это Егоръ Егоровичъ пріѣхалъ съ друзьями сюда въ пустой домъ, когда у нихъ тамъ, въ Петербургѣ — рай? А Лида, Ольга Давыдовна, Александръ Константиновичъ, бабушка тутъ же? Господи, если бы глазкомъ хоть взглянуть, что тамъ дѣлается. Хоть бы распахнулись занавѣски, хоть бы въ одномъ—въ одномъ только окнѣ распахнулись.

XII.

Когда въ домѣ Александра Константиновича заключался между мужемъ и женою миръ, всѣ въ семьѣ на-время какъ

бы ошалѣвали. Съ лица Ольги Давыдовны по цѣлымъ днямъ не сходила широко расплывавшаяся, пошловато-блаженная улыбка; щедроты хозяйки сыпались на всѣхъ; горничная, на которую за день до мира кричали и топали ногами безъ всякой причины, получала въ подарокъ почти новыя платья съ хозяйскаго плеча; малѣйшіе прихоти и капризы Лиды удовлетворялись тотчасъ же; Софья Андреевна превращалась изъ Софьи Андреевны въ «мамочку», и сама она, мамочка, принимала видъ не мокрой курицы, а распустившаго хвостъ павлина; самъ же Александръ Константиновичъ смотрѣлъ веселѣе всѣхъ, урвавъ львиную часть щедротъ Ольги Давыдовны и, вертясь на каблучкахъ, какъ мальчишка, цѣловалъ поминутно ручки своей «женки». Всѣ въ домѣ знали причину ликованья, всѣ судачили объ этомъ по угламъ, всѣ цинично говорили, что «это не надолго», что онъ «вотретъ ей еще очки», что «онъ еще проведетъ ее», и тѣмъ не менѣе всѣ пользовались радостью медоваго мѣсяца, чтобы урвать себѣ что-нибудь. Только Егоръ Егоровичъ въ эти дни смотрѣлъ на мать и отчима какъ-то особенно, не то съ ироніей, не то съ презрѣніемъ.

Примиреніе между мужемъ и женой на этотъ разъ ознаменовалось, кромѣ обильныхъ подарковъ всѣмъ и за все, вечеромъ, на который были приглашены и Зубковы. Елена Васильевна попробовала-было отказаться, но тотчасъ же сама почувствовала, что это будетъ просто невѣжливо, и тутъ же увидала опечаленное выраженіе лица Насти. Дѣвочкѣ хотѣлось повеселиться. Пришлось волей-неволей ѣхать. Когда Настя услыхала, что они поѣдутъ на вечеръ, когда она узнала, что ей сдѣлаютъ для этого вечера новое платье, она совсѣмъ потеряла голову, скакала и прыгала, цѣлуя и обнимая мать. Недѣля до этого вечера ей показалась чуть не годомъ и нѣсколько разъ въ это время она падала духомъ, предполагая, что что-нибудь произойдетъ такое, что они не поѣдутъ на вечеръ. Особенно сердилъ ее Ваня, нѣсколько разъ повторявшій, что ему ужасно не хочется ѣхать на этотъ вечеръ. Что онъ тамъ будетъ дѣлать? Никого онъ не знаетъ тамъ. Танцовать почти не умѣетъ да и не любитъ. Настѣ казалось въ эти минуты, что изъ-за него могутъ отмѣнить поѣздку на вечеръ. Въ то же время его разсужденія порождали въ ней смущеніе: она тоже тамъ никого почти не знаетъ, она тоже танцуетъ плохо, она, можетъ-быть, будетъ одѣта хуже всѣхъ. Но желаніе увидѣть, какъ тамъ живутъ люди, брало верхъ надъ всѣмъ.

Наконецъ, насталъ желанный день, насталъ ожидаемый вечеръ.

Елена Васильевна не безъ тревоги занялась туалетомъ Насти, боясь, чтобы ея дочь не была хуже другихъ. Она оглядывала дочь и въ эту минуту, кажется, готова была отдать все, чтобы ея дѣвочка была наряднѣе, лучше другихъ. Когда Настя была причесана и одѣта, мать невольно заглядѣлась на нее.

— Хорошо, мама, я одѣта?—спросила Настя, останавливаясь передъ матерью.

— Да, ты въ самомъ простомъ платьѣ будешь лучше всѣхъ,—невольно произнесла Елена Васильевна, любуясь ею.

Она, кажется, впервые вполнѣ разсмотрѣла теперь дочь. Та была уже не «галченкомъ». Ея фигура была стройна, но слѣдовъ худощавости уже не было, дѣтская неуклюжесть исчезла и смѣнилась граціей формирующейся дѣвушки; вмѣсто короткихъ мальчишескихъ волосъ теперь украшали головку дѣвушки черные вьющіеся волосы, густые и шелковистые, лицо уже не было блѣдно и сіяло румянцемъ щекъ, поражало красотой алаго ротика, а большіе черные глаза свѣтились необыкновеннымъ блескомъ. Это была еще дѣвочка, но въ ней уже можно было угадать карасавицу-дѣвушку — еще годъ или полтора и она распустится, какъ роскошный цвѣтокъ, во всей своей красотѣ. Гордость матери взяла въ Еленѣ Васильевнѣ верхъ надъ всѣми остальными соображеніями, и на минуту въ ея головѣ мелькнула мысль о томъ, что нельзя же держать въ четырехъ стѣнахъ такую красавицу. Это была мимолетная мысль, и тотчасъ же Елена Васильевна подумала, что именно потому-то и надо оберегать Настю, что она такъ хороша: ее ждетъ, вѣроятно, участь труженицы, а на разныхъ вечерахъ ей только вскружатъ голову комплиментами. Нужно держать ее подальше отъ всякихъ соблазновъ.

— Карета пріѣхала,— сказалъ Иванъ Николаевичъ, постучавъ въ комнату, гдѣ одѣвались дочь и мать.

— Мы готовы!—отозвалась Елена Васильевна.

Они усѣлись въ наемный экипажъ и поѣхали.

У Насти всю дорогу сильно билось сердце отъ нетерпѣнія. Наконецъ-то она увидитъ городской домъ Ольги Давыдовны и Лиды въ полномъ блескѣ, наконецъ-то она узнаетъ, какъ живутъ богатые люди.

Ея ожиданія не обманули ее—домъ Вощининыхъ дѣйствительно былъ блестящъ. Вступивъ въ этотъ домъ и очутившись

среди лакеевъ во фракахъ и бѣлыхъ перчаткахъ, на лѣстницѣ, украшенной цвѣтами и устланной красивымъ ковромъ, Настя сконфузилась за свое не особенно красивое пальто, видя на вѣшалкѣ бархатныя ротонды, собольи шубы, ангорскіе бѣлые мѣха. Но уже черезъ минуту она увидѣла въ одномъ изъ зеркалъ свое отраженіе и вспыхнула отъ какого-то новаго для нея чувства: ей вспомнились слова матери, что она въ самомъ простенькомъ нарядѣ будетъ красивѣе всѣхъ.

Когда семья очутилась въ залѣ—бѣлой, сверкающей массой огней—Настя невольно сощурила, почти закрыла глаза отъ этого блеска. Ея голова немного закружилась, и она уже плохо сознавала, какъ ее привѣтствовали бабушка, Ольга Давыдовна, Лида, Александръ Константиновичъ, какъ ее рекомендовали гостямъ, куда привели, гдѣ посадили. Трельяжи, жардиньерки, козетки, пуфы, канделябры, бра, картины, цвѣты, всего этого было наставлено много, даже слишкомъ много въ гостиной, гдѣ находилась Настя, и вся эта обстановка смутила ее, подавила. Она сидѣла, притихшая и готовая держаться за мать, точно чего-то боясь.

— Нравится тебѣ у насъ?—спросила ее Лида.—Пойдемъ, я тебѣ все покажу. Ты никогда не видала ничего такого.

— Какой у васъ большой балъ сегодня, — проговорила Настя, искоса взглянувъ на гостей.

— Какой же балъ! — сказала Лида. — Просто маленькая вечеринка для дѣтей. Балы не такіе бываютъ.

Онѣ пошли. Настя смотрѣла на нее съ любопытствомъ и нѣкоторымъ страхомъ, точно въ лѣсу.

То же чувство смущенія охватывало и Ваню. Онъ старался держаться около отца, который говорилъ, стоя въ кабинетѣ Александра Константиновича, съ самимъ хозяиномъ дома и Егоромъ Егоровичемъ. Они курили папиросы. Егоръ Егоровичъ замѣтилъ, что Ваня не куритъ, и спросилъ его:

— А вы, юноша, еще не курите?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Ваня и почему-то покраснѣлъ.

— Студенчества ждете?—спросилъ Егоръ Егоровичъ.

— Да... то-есть нѣтъ... просто еще не приходилось курить,—отвѣтилъ Ваня.

Егоръ Егоровичъ сталъ его разспрашивать, когда онъ надѣется попасть въ университетъ. Осенью? Радъ онъ, должно-быть, что соскочитъ со школьной скамьи. Студенческая жизнь свободнѣе, самостоятельнѣе. Какой факультетъ онъ изберетъ?

Филологическій. Почему? Неужели въ учителя хочетъ идти? Это же не особенно выгодно да и скучно. Вѣчно возись съ дѣтьми. Отупляетъ это. Или въ профессора онъ думаетъ готовится? Что-жъ, это не дурно, если есть надежда попасть на этотъ путь. Много ли у него товарищей? Мало? Почему?

— Я совершенно случайно попалъ въ частную гимназію,— отвѣтилъ ободрившійся Ваня.—Тамъ все богатые по большей части учатся. Такіе, что въ казенныхъ гимназіяхъ не могли бы учиться. Сближаться съ ними не приходится. У нихъ кутежи на первомъ планѣ...

— Молоды, — коротко отвѣтилъ Егоръ Егоровичъ. — Когда же и пожить.

— Да, но они,—началъ въ замѣшательствѣ Ваня:—распущены очень...

— А! — произнесъ Егоръ Егоровичъ. — Русскія натуры. Думаютъ, что веселиться значитъ зеркала бить. Да, это ужъ послѣднее дѣло. А повеселиться—нельзя же монахами жить въ молодые годы? Кто такъ живетъ въ молодости — тотъ наверстаетъ потерянное потомъ, а это иногда еще хуже и порой смѣшно, когда старикашка живетъ, какъ мальчуганъ.

— Да развѣ непремѣнно нужно, — началъ Ваня и не кончилъ.

— Веселиться?—спросилъ Егоръ Егоровичъ.—Да, непремѣнно. Природа всегда свое возьметъ.

Въ эту минуту по кабинету прошла Лида и Настя.

— Это кабинетъ Александра Константиновича,—поясняла Лида своей спутницѣ.

Егоръ Егоровичъ посмотрѣлъ на молодыхъ дѣвушекъ, сощуривъ глаза, и обратился къ Александру Константиновичу:

— Кто это съ Лидой?

— Настя... Ивана Николаевича дочь, — отвѣтилъ Александръ Константиновичъ.

— Ваша дочь?—съ удивленіемъ спросилъ Егоръ Егоровичъ у Зубкова.—Да кто же могъ бы...

Онъ не договорилъ фразы. Онъ видѣлъ ее два раза еще лѣтомъ и такъ же назвалъ ее «галченкомъ», какъ звалъ ее Устиновъ. Другого названія ей тогда и не могло быть дано.

Егоръ Егоровичъ слѣдилъ за нею взглядомъ и потомъ, отвернувшись, спросилъ у Вани:

— Сколько же лѣтъ вашей сестрѣ?

— Пятнадцатый,—отвѣтилъ Ваня.

— Я совсѣмъ не узналъ ея, хотя видѣлъ лѣтомъ раза два или три.

Изъ залы долетали звуки рояля.

— А, танцы начинаются,—сказалъ Егоръ Егоровичъ.— Вы, конечно, лихой танцоръ?

— Я не танцую!—отвѣтилъ Ваня.

Егоръ Егоровичъ пристально взглянулъ на него, точно спрашивая: «для чего ты притворяешься скромнымъ?» И съ едва замѣтной усмѣшкой тихо сказалъ ему:

— Въ тихомъ омутѣ...

Онъ погрозилъ ему пальцемъ и, дружески взявъ его подъ руку, пошелъ съ нимъ въ другія комнаты, указывая на барышень-подростковъ.

— Смотрите, какой букетъ будущихъ прелестницъ. Одна другую старается затмить красотой. Еще не развились вполнѣ, а уже отъявленныя кокетки. Взгляните, эту-то какъ декольтировали. Что будетъ послѣ. Совсѣмъ раздѣтою вѣрно будетъ на балы выѣзжать.

Ваня краснѣлъ и смущенно смотрѣлъ на эти обнаженныя руки, плечи и шеи дѣвочекъ. Егоръ Егоровичъ усмѣхался, забавляясь его смущеніемъ.

— Вы это впервые видите? — разспрашивалъ онъ. — Не бывали еще на балахъ? О, вамъ еще много просвѣщаться надо. Два, три бала и поймете, что вы мужчина. Не станете удивляться, что другіе юноши кутятъ. Природа возьметъ свое. Вотъ взгляните, какъ разгорѣлась эта парочка.

Онъ указалъ на юношу лѣтъ семнадцати, державшаго въ объятіяхъ дѣвочку лѣтъ пятнадцати и кружившагося съ нею, вальсируя, по залѣ. Слѣдя за этой парой, онъ внезапно остановился взглядомъ на другой парѣ и его глаза приняли какое-то странное выраженіе, точно подернулись масломъ. Эта пара состояла изъ юнаго правовѣда и Насти, раскраснѣвшейся, возбужденной, съ полуоткрытыми губками, изъ-за которыхъ виднѣлись поразительно бѣлые зубы. Ея густые черные локоны немного развились и падали темными волнами на шею, на румяныя щечки.

— Вы говорите, вашей сестрѣ пятнадцать только лѣтъ?— спросилъ онъ у Вани.

— Да.

— Совсѣмъ взрослою смотритъ.

Онъ пошелъ далѣе съ Ваней, опять заговоривъ съ нимъ о томъ, что въ его годы нельзя жить вполнѣ монахомъ. Это и неестественно, и нездорово. Человѣкъ дѣлается сухимъ и черствымъ. Кромѣ того, онъ будетъ чувствовать себя несчастнымъ въ будущемъ, не испытавъ радостей жизни,

доступныхъ юности. Правильная жизнь состоитъ въ томъ, чтобы въ каждомъ возрастѣ наслаждаться удовольствіями этого возраста: въ дѣтствѣ—игры и рѣзвость, въ юности—любовь и веселье, въ годы мужества—работы серьезной мысли и миръ семейной жизни, въ годы старости—свѣтлыя воспоминанія о прожитомъ и тихое успокоеніе у домашняго очага среди подросшихъ дѣтей.

Къ нему подошли двое-трое изъ кончившихъ танцовать юношей и лаконически сказали:

— Курить идемъ!.

Они всѣ направились въ его кабинетъ. Это была просторная комната съ турецкими диванами, съ книжными шкапами, съ оружіемъ, рапирами и металлическими масками на стѣнахъ. Обстановка была очень дорогая, но поражавшая умышленной строгой простотой. Въ амбразурѣ одного окна, сплошь завѣшаннаго темнымъ зеленымъ трипомъ, стояла статуя изъ бѣлаго мрамора, изображавшая Венеру. Надъ однимъ диваномъ висѣла картина «Купальщица», Бугро. Юноши, переступивъ порогъ этой комнаты, разстегнули свои мундирчики, развалясь на диванахъ, и закурили папиросы. Начались холостые разговоры безусыхъ мальчугановъ, разъигрывающихъ роль взрослыхъ кутилъ и виверовъ, потягивающихся и позѣвывающихъ отъ лѣни.

Ваня присѣлъ къ одному изъ большихъ тяжеловѣсныхъ столовъ съ мраморными досками, заваленныхъ большими альбомами съ картинами, и сталъ разсматривать одинъ изъ этихъ альбомовъ. Это было собраніе копій съ картинъ—вакханки, Леды, кающіяся Магдалины, купальщицы. Все это было превосходно исполнено, но содержаніе было одно и то же — обнаженное женское тѣло во всѣхъ видахъ и только. Ваня взялъ другой альбомъ—это было собраніе копій съ знаменитыхъ статуй—Венеры, Діаны, Психеи, опять то же обнаженное женское тѣло. Юноша, слегка раскраснѣвшійся, смотрѣлъ и чувствовалъ себя неловко, точно совершалъ какой-то запрещенный поступокъ.

Егоръ Егоровичъ, иронически улыбаясь, подошелъ къ нему и замѣтилъ:

— Это все копіи съ знаменитыхъ произведеній изъ лучшихъ художественныхъ галлерей Европы. А вотъ тутъ снимки съ натуры.

Онъ вытащилъ изъ футляра альбомъ, лежавшій въ ящикѣ стола, и подсунулъ его Ванѣ. При взглядѣ на первую изъ картинъ альбома, Ваня совсѣмъ растерялся.

— Превосходно теперь снимаютъ эти вещи въ Италіи, на воздухѣ. Какъ толково располагаютъ группы и что за формы—просто бери и рисуй.

Ваня хотѣлъ отбросить альбомъ, но Егоръ Егоровичъ, тѣшась ему смущеньемъ, продолжалъ пояснять красоты этихъ картинъ, натурщиковъ и натурщицъ. То же чувство, которое заставляло его дразнить Александра Константиновича и Софью Андреевну, говоря о живущихъ на содержаніи, заставляло его теперь приводить въ смущеніе этого наивнаго мальчугана, поясняя ему красоты обнаженнаго тѣла, этихъ соблазнительныхъ сценъ. Онъ говорилъ такъ серьезно объ усиливающейся модѣ на произведенія подобнаго рода, такъ настойчиво распространялся о художественной сторонѣ всѣхъ этихъ снимковъ, такъ упорно утверждалъ, что подобные снимки являются великимъ подспорьемъ для искусства, что неопытный юноша не могъ даже сказать ему:

— Уберите всю эту мерзость!

Онъ только краснѣлъ и ощущалъ непривычное волненье, впервые видя подобныя картины и спѣша скорѣй кончить осмотръ этихъ картинъ.

Послышались изъ залы снова звуки музыки. Всѣ поднялись съ мѣстъ и направились въ залъ. Въ залѣ Ваню встрѣтилъ отецъ.

— Что, братъ, скучаешь?—тихонко и мелькомъ спросилъ Иванъ Николаевичъ. — Поплясалъ бы.

— Ну, вотъ еще!—сказалъ Ваня.—Я же плохо танцую.

— Ну, какъ знаешь!—рѣшилъ отецъ.—Да что ты такой красный? Жарко?

Ваня сконфузился.

— Нѣтъ, такъ...

Къ нимъ опять подошелъ Егоръ Егоровичъ. Онъ заговорилъ съ Зубковымъ о томъ, что Ваня слишкомъ дикарь. Просвѣщать его надо. А то онъ, пожалуй, юнымъ старичкомъ останется. Въ эту минуту подошли къ нему три человѣка: какой-то юноша и двѣ барышни; одна изъ нихъ была Лида.

— Фіалку или розу?—спросила она бойко у Вани.

Онъ растерялся и не сразу отвѣтилъ. Вопросъ повторили. Егоръ Егоровичъ засмѣялся и сказалъ ему:

— Выбирайте, съ кѣмъ пройтись въ мазуркѣ.

Ваня отвѣтилъ:

— Я не танцую...

— Потому васъ и приглашаютъ,—съ ироніей отвѣтила Лида.

— Я не умѣю танцовать,—пояснилъ Ваня.

— А-а!—протяжно сказала она, дѣлая гримасу.—Какъ это скучно, должно-быть...

Она обратилась къ своимъ спутникамъ:

— Что же, пойдемте!

Они отошли.

— Окончательно покорилъ ея сердце!—засмѣялся Егоръ Егоровичъ, обращаясь къ Ивану Николаевичу.—Помните исторію съ хлыстомъ? Уже тогда я понялъ, что ей хочется завязать съ нимъ знакомство. Сегодня же приставала ко мнѣ, чтобы я его подвелъ къ ней. Не подвелъ я, ну, сама подошла-таки.

Онъ обернулся къ Ванѣ.

— А это вѣрный путь покорить женское сердце: стоитъ только не обращать на женщину вниманія, смотрѣть на нее съ пренебреженіемъ, и она...

Онъ разсмѣялся.

— Бить ее будете—она все-таки будетъ у вашихъ ногъ.

Ваня опять растерялся. Иванъ Николаевичъ тоже не нашелся что сказать и только проговорилъ:

— Шутникъ вы...

— Нѣтъ, это правда,—подтвердилъ Егоръ Егоровичъ и уже совсѣмъ цинично добавилъ:—Вонъ спросите насчетъ этого нашего Александра Константиновича. Онъ эту науку знаетъ.

Ивана Николаевича покоробило. «Это онъ объ материто»,—мелькнуло въ головѣ. Ему стало совѣстно за Егора Егоровича. Отецъ и сынъ въ эту минуту были довольно смѣшны по виду, по выраженію лицъ, казались сконфуженными и растерянными.

По окончаніи мазурки былъ поданъ ужинъ. Егоръ Егоровичъ посадилъ Ваню около себя. Они сидѣли среди молодежи: правовѣдовъ, лицеистовъ, юнкеровъ кавалерійскаго училища. Егоръ Егоровичъ то и дѣло подливалъ всѣмъ вина и заставлялъ пить Ваню. Тотъ старался отказываться, но Егоръ Егоровичъ умѣлъ предлагать тосты и волей-неволей приходилось пить хотя немного. Егора Егоровича уже смѣшило представленіе, какъ мальчуганъ напьется и удивитъ отца и мать, этихъ смѣшныхъ пуританъ, воспитующихъ изъ сына монаха. Но мальчуганъ былъ крѣпокъ и не захмелѣлъ, видимо, хотя онъ чувствовалъ, что у него шумитъ въ го-

ловѣ, что онъ сильно возбужденъ, что какая-то непривычная бойкость охватываетъ его всего.

Послѣ ужина предложено было еще протанцовать кадриль.

— Ну, тряхнемте и мы съ вами!—обратился Егоръ Егоровичъ къ Ванѣ.

Тотъ пожалъ плечами и бойко отвѣтилъ:

— Пожалуй, мнѣ все равно... Напутаю только...

Егоръ Егоровичъ потащилъ его къ сестрѣ.

— Лида, вотъ тебѣ кавалеръ!—сказалъ онъ.

— Да вы же не умѣете танцовать?—замѣтила она.

— Умѣю, но не люблю,—отвѣтилъ Ваня.

— Ну, ужъ иди, благо приглашаютъ,—проговорилъ онъ.

Она пошла съ Ваней.

— Вы вѣрно потому не любите танцовать, что боитесь людей,—проговорила она.

— Боюсь людей?—бойко спросилъ онъ.—Чего мнѣ ихъ бояться? Я никого не боюсь.

— А вотъ отъ насъ прятались нѣсколько мѣсяцевъ тамъ у насъ, на заводѣ.

— Я не прятался.

— Нѣтъ, прятались!—заспорила Лида:—не ходили ни къ намъ въ домъ, ни въ нашъ садъ.

— Какъ же я къ незнакомымъ сталъ бы ходить?—задалъ онъ ей вопросъ.

Она засмѣялась.

— Познакомились бы, вотъ и стали бы знакомы.

— На что же?—спросилъ онъ рѣзко.

Она обидѣлась.

— Какъ это вѣжливо! На что же? Вѣдь вотъ теперь пріѣхали же.

— Звали, нельзя же было отказываться.

Она окончательно разсердилась.

— Ахъ, да, нельзя же было отказываться, потому вашъ отецъ служитъ у насъ,—дерзко и насмѣшливо сказала она.—Начальство приказало!

Онъ въ свою очередь раздражился.

— Мой отецъ не изъ такихъ, чтобы ему приказывать,—вступился онъ за своего отца.

— А мѣста лишится?—вызывающимъ тономъ замѣтила Лида.

— Не онъ за мѣстомъ бѣгалъ, а за нимъ бѣгали,—еще болѣе задорно сказалъ Ваня и сталъ совсѣмъ грубить:—У васъ не одна тысяча прибавилась доходу съ тѣхъ поръ,

какъ мой отецъ ваши дѣла ведетъ. Это не одинъ Александръ Константиновичъ скажетъ, а и вашъ братъ. Хотите, отецъ завтра скажетъ, что уходитъ—его всѣ упрашивать станутъ, чтобы онъ остался.

— Что вы выдумываете!

— Нѣтъ, не выдумываю, а правду говорю.

— Скажите, пожалуйста, служащихъ не найдется!

— Какихъ служащихъ? Воровъ и мошенниковъ—да, найдется. А такихъ, какъ мы...

— Да развѣ вы у насъ служите?—перебила она.

— Не я... я не о себѣ и говорю, а объ отцѣ... Хотя всѣ мы, какъ одинъ человѣкъ. Такъ вотъ такихъ, какъ мой отецъ, вы не найдете...

Она сдѣлала гримасу. Онъ продолжалъ грубить:

— Вы дѣвочка, такъ вы этого не понимаете, а спросите у Егора Егоровича да у дяди Александра.

— Вы совсѣмъ не умѣете себя держать,—грубо сказала она, выведенная изъ терпѣнья.

— А вы умѣете?—запальчиво спросилъ онъ.—Помните тогда, тамъ, на дорогѣ швырнули хлыстъ и приказали мнѣ поднять? Вѣжливо это было? А? Я это помню, всегда буду помнить. Ужъ счастье ваше, что я не поднялъ.

— А что бы было, если бы подняли?—спросила Лида, смѣло и нагло глядя ему въ лицо.

Онъ не сморгнулъ и, возбужденный виномъ, отчетливо проговорилъ:

— А то, что я его въ лицо вамъ швырнулъ бы!

Она испуганно отодвинулась отъ него. Онъ не замѣтилъ этого движенія и протянулъ руку, чтобы обнять ее за талью, такъ какъ начиналась шестая фигура. Крѣпко обнявъ ее, онъ уже весело и бойко говорилъ ей наставительнымъ тономъ, точно Устиновъ:

— Набаловали васъ дома, барышня, потому вы и глупите. Только такія выходки не всегда сойдутъ даромъ. Хорошенькая вы барышня, такъ и думаете, что можно мудрить надъ всѣми.

Его красивое разгорѣвшееся лицо близко склонилось надъ ея лицомъ, и она уже позабыла свой испугъ, чувствуя только, что онъ крѣпко обвиваетъ рукой ея талью, и невольно улыбалась, смотря въ его ясные голубые глаза. Она была не по годамъ, а по развитію уже дѣвушкой, мечтавшей о замужествѣ, желавшей покорять сердца и испытывавшей сладкое волненіе въ объятіяхъ этого молодого человѣка; она

даже и не подозрѣвала, что этотъ молодой человѣкъ, старше ея только года на два, на три, не что иное, какъ наивный мальчуганъ, еще ни разу не задумавшійся надъ вопросомъ о любви.

XIII.

«Покорилъ сердце Лиды». Эта фраза Егора Егоровича вспомнилась Ванѣ, какъ только онъ проснулся на слѣдующій день послѣ бала. Всю ночь ему снились странные сны—картины, видѣнныя въ кабинетѣ Джорджа; Лида являлась передъ нимъ на этихъ картинахъ; онъ поднималъ хлыстъ, чтобы бросить имъ въ ея лицо, а она, улыбаясь, прижималась къ нему такъ близко-близко. Ему было и сладко, и жутко.

Не совсѣмъ еще очнувшись отъ сна, чувствуя легкую усталость, сладко потягиваясь на постели, онъ вспомнилъ о словахъ Егора Егоровича и прежде всего разсердился на него. Сальничаетъ онъ, говоритъ все о женщинахъ, толкуетъ только о любви. Зачѣмъ онъ это сказалъ, что онъ покорилъ сердце Лиды? Выдумалъ, что на умъ взбрело... А она точно хорошенькая. Но ужъ и задорная же! Для чего онъ нагрубилъ ей? Еще добра она, должно-быть, въ сущности, потому что не разсердилась. Улыбалась ему въ шестой фигурѣ кадрили. Однако, что же онъ размечтался о ней. У него работа, уроки, надо скорѣе приняться за дѣло... Ему вдругъ пришла въ голову мысль, что какъ только онъ выйдетъ въ столовую, такъ тотчасъ же мать спроситъ его, какъ онъ провелъ вечеръ, о чемъ говорилъ, что дѣлалъ, что подмѣтилъ. Онъ давно привыкъ дѣлиться съ отцомъ и матерью всѣми впечатлѣніями. Если что-нибудь мѣшало ему разсказать имъ о томъ, что такъ или иначе остановило его вниманіе или взволновало его, онъ чувствовалъ, что ему чего-то недостаетъ. Теперь онъ сконфузился при мысли о разговорѣ съ матерью о минувшемъ днѣ. Неловко же разсказывать ей о томъ, что онъ видѣлъ въ кабинетѣ Егора Егоровича, что говорилъ ему послѣдній, какіе анекдоты разсказывались молодежью. Впервые въ жизни ему хотѣлось, чтобы ни отецъ, ни мать не разспрашивали его ни о чемъ. Во всякомъ случаѣ онъ ничего не будетъ разсказывать. Онъ не только бы покраснѣлъ отъ стыда, но ему стало бы невыразимо больно, если бы онъ былъ вынужденъ передать матери всѣ эти сальности. Это значило бы мало уважать

ее; это значило бы не бояться уронить себя въ ея глазахъ. Да, онъ ничего не скажетъ.

Сладкая полудремота уже совсѣмъ разсѣивалась и обычное настроеніе вступало въ свои права. Онъ всталъ, умылся, одѣлся и вышелъ къ чайному столу совсѣмъ бодрый.

Отецъ, мать и Настя уже сидѣли за столомъ. Онъ поздоровался съ ними и сѣлъ къ столу. Отецъ и мать говорили о будничныхъ дѣлахъ, не касаясь вчерашняго вечера, точно его и не было, точно онъ не оставилъ въ нихъ никакого впечатлѣнія. Ваня обрадовался этому, тоже вмѣшался въ ихъ разговоръ и скоро забылъ о мелочахъ вчерашняго дня. Минувшій вечеръ умышленно былъ какъ бы вычеркнутъ изъ памяти всѣхъ этихъ людей. Имъ инстинктивно не хотѣлось останавливаться даже на вопросахъ: хорошъ онъ или дуренъ, хочется ли имъ его повторенія или нѣтъ, точно онъ былъ ими просто украденъ у жизни и они сознавали, что красть не слѣдуетъ. Они были, какъ всегда и даже нѣсколько болѣе, нѣсколько искусственно оживлены, озабочены и бодры, говорили объ урокахъ, о какомъ-то бѣдномъ семействѣ, которому приходилось помочь, о томъ, что надо попросить дядю Устю похлопотать о какой-то дѣвочкѣ. О подобныхъ мелочахъ говорилось ежедневно въ кругу этихъ людей, стремившихся наполнять свою жизнь духовными интересами, сознаніемъ приносимой ближнимъ пользы, но въ это утро всѣхъ этихъ мелочей точно прикопилось за десятокъ дней.

Одна Настя сидѣла молча, погрузившись въ мечты. Ея настроеніе не походило на настроеніе ея брата. Ей хотѣлось безъ умолку говорить о вчерашнемъ балѣ, о роскошной обстановкѣ въ домѣ Александра Константиновича, о томъ, что съ ней, съ Настей, говорили молодые люди. Но ея попытка сдѣлать это не удалась: еще до прихода брата, она оживленно начала говорить матери, какъ ей было вчера весело, но мать коротко отвѣтила:

— Я очень рада, дѣточка, что ты повеселилась.

И тотчасъ же перемѣнила разговоръ, видимо, не желая возвращаться къ этому предмету, какъ къ не стоящему серьезнаго вниманія. Она хотѣла дать понять дочери, что объ этихъ пустякахъ не стоитъ распространяться. Ей казалось необходимымъ показать дочери, что она мало придаетъ значенія подобнымъ удовольствіямъ, что лучше всего поскорѣе забыть о нихъ. Елена Васильевна знала, какъ опасно дразнить и возбуждать воображеніе воспоминаніями

о томъ, что мало доступно или чего слѣдуетъ избѣгать. Сколько мечтателей о богатствѣ дѣлалось негодяями ради осуществленія своихъ мечтаній? Настя поняла, что мать избѣгаетъ начатаго ею разговора, и замолчала, но отдѣлаться отъ сильныхъ ощущеній она не могла. Въ воображеніи проходили и смѣнялись одна другою яркія картины: роскошное убранство комнатъ, съ бьющими въ глаза дорогими вещами; изысканные наряды дѣвочекъ и мальчиковъ, разыгрывающихъ роли вполнѣ взрослыхъ; мельканье танцующихъ, кружащихся по паркету паръ подъ звуки музыки; блескъ и жаръ, ароматъ и духота бальной атмосферы, доводящіе до сладкаго головокруженія, а потомъ возбуждающій шумъ и звонъ, говоръ и смѣхъ ужина, все это сильно возбудило дѣвочку. Она нетерпѣливо ждала прихода Маши, чтобы передать ей всѣ свои ощущенія. Какъ только явилась послѣдняя, Настя увела ее куда-то въ уголокъ и начала торопливо разсказывать. Въ сущности это былъ безсвязный лепетъ, наборъ восклицаній, тѣмъ не менѣе Маша поняла все и ахала:

— Вотъ-то счастливые! Говорила я тебѣ, что богачамъ счастье! Глазкомъ бы взглянуть на все это. Въ горничныя я пошла бы, чтобы только это видѣть. Ей-Богу, право!

— Ну-у!—протянула Настя.—Что-жъ толку быть горничной, смотрѣть, какъ другіе веселятся!

— А ты не смотрѣла изъ оконъ, когда здѣсь они веселились? Не смотрѣла?—воскликнула съ жаромъ Маша.—Забыла, видно! Нѣтъ, я въ церкви бѣгаю смотрѣть, какъ вѣнчаютъ кого-нибудь. Зажгутъ лиминацію—тоже бѣгу. Если сама не веселюсь, такъ хоть посмотрю—сердце захватитъ, въ ушахъ шумитъ, глаза вытаращишь, такъ вотъ все нутро и горитъ. Нѣтъ, посмотришь—и то радость. Потомъ во снѣ все это снится.

И вдругъ, перемѣняя тонъ, она спросила:

— А въ тебя влюбился кто-нибудь?

— Какъ это?—спросила въ недоумѣніи Настя.—Я не знаю.

— Вѣрно кто-нибудь влюбился. У мужчинъ это сейчасъ: увидитъ и влюбится. Егоръ Егоровичъ не танцовалъ съ тобой? Онъ богачъ. Вотъ бы такого мужа. О-охъ!

Настя покачала головой.

— Онъ мужчина, а тамъ все мальчики да дѣвочки танцовали только.

— Мальчики! дѣвочки! А Лида танцовала? Какая же она

дѣвочка? У иныхъ въ ея годы мужья ужъ есть. Тоже Ваня танцовалъ? Ему же уже восемнадцать лѣтъ. Тоже не мальчикъ.

Настя задумчиво проговорила, какъ бы мечтая вслухъ:

— И почему мама не любитъ веселья, почему неохотно поѣхала туда и сегодня даже не вспоминаетъ объ этомъ балѣ? Нельзя же такъ жить, какъ мы живемъ, въ четырехъ стѣнахъ.

Маша таинственно отвѣтила:

— Ты, Настя, дѣвочка, ты всего не знаешь, мама твоя боится, что соблазнятъ тебя.

— Какъ соблазнятъ?

— А такъ. Соблазнятъ, вотъ и все. Нашу сестру, ай, какъ легко соблазнить! А матери этого боятся пуще огня, потому къ мужчинѣ ничего не пристанетъ, а наша сестра вѣкъ плакаться должна. Вотъ оно что.

Настя не поняла ничего.

Въ это время собрались другія дѣвочки и начались классныя занятія. Волей-неволей нужно было думать не о балѣ, а объ ученьи. Дѣвочка сидѣла за книгой и разсѣянно приготовляла уроки, невольно иногда останавливаясь надъ вопросомъ, поѣдутъ ли они еще когда-нибудь къ Вощининымъ. Наконецъ, мать спросила ее что-то и Настя сконфуженно очнулась, сдѣлала надъ собой усиліе и стала отвѣчать на вопросъ...

Жизнь въ маленькомъ домикѣ потянулась снова обычной колеей: утро проходило въ ученьи, послѣ обѣда были уроки музыки, вечеромъ шло приготовленіе къ урокамъ, иногда по вечерамъ заходили сосѣди, какіе-то конторщики и ихъ жены. Иванъ Николаевичъ въ свободные часы мечталъ о томъ, какъ широко можно бы въ этой мѣстности развить потребительныя общества, какъ можно бы сдѣлать рабочихъ участниками въ барышахъ, какъ слѣдовало бы противодѣйствовать кабаку и невѣжеству театрами, лекціями, школами. Мечты развивались широко, уносили далеко, дѣлать же приходилось мелкое дѣло, кого-то опредѣлять въ пріютъ, кому-то выхлопатывать пособіе, кого-то ссужать деньгами въ долгъ безъ отдачи, кому-то давать уроки грамоты, шитья, вязанья. Правда, эти старанія служить такъ или иначе ближнимъ, вошедшія давнымъ-давно въ плоть и въ кровь Зубковымъ, если и не удовлетворяли ихъ широкихъ запросовъ или общественныхъ идеаловъ, то все же фактически «наполняли ихъ день». Къ этой дѣятель-

пости привыкли даже дѣти, чувствовавшія потребность сдѣлать что-то для кого-то, и Настя, едва ли меньше матери, хлопотала о томъ, чтобы Машѣ было удобно спать у нихъ, чтобы кухарка отрѣзала побольше ломоть хлѣба нищему и чтобы въ домѣ поискали бѣлья для какого-то мальчика, у котораго «ничего—ничего нѣтъ». Фактически это наполняло свободные часы дня, тѣмъ не менѣе это не удовлетворяло запросовъ взрослыхъ и не могло разсѣять скуки Насти, уже потому, что все это было слишкомъ однообразно. Сегодня можно было сказать, что будетъ завтра и послѣзавтра, не боясь ошибиться. Только изрѣдка вносилось разнообразіе въ эту жизнь и нарушался ея порядокъ пріѣздомъ «не во-время» бабушки, Ольги Давыдовны, Александра Константиновича или Лиды. Послѣдняя какъ-то особенно полюбила во время катаній съ матерью заѣзжать къ Зубковымъ, по преимуществу въ праздничные или воскресные дни. Она пробиралась съ Настей въ комнату Вани, завязывала съ нимъ ожесточенный споръ изъ-за всякаго пустяка, называя чернымъ казавшееся ему бѣлымъ и наоборотъ, возражая, чтобы дразнить и видѣть его злость, при чемъ оба говорили другъ другу, еще чисто по-дѣтски, нестерпимыя дерзости; потомъ, смѣясь, со словами «вотъ же вамъ», она перерывала и переворачивала всѣ его книги и тетради и уносилась изъ дому, какъ буйный вихрь, перевернувшій все вверхъ дномъ. Послѣ ея ухода онъ приводилъ все въ порядокъ и ворчалъ:

— Дура! Сумасшедшая!

А по лицу скользила Богъ вѣсть отчего невольная улыбка.

Разъ завернулъ къ Зубковымъ и самъ Егоръ Егоровичъ. Настя сидѣла въ это время въ залѣ и играла на фортепіано. Онъ не безъ удивленія прислушался къ звукамъ музыки и спросилъ у Елены Васильевны, кто это играетъ.

— Моя дѣвочка,—отвѣчала Елена Васильевна.

— Кто же ее учитъ?—спросилъ онъ.—Она превосходно играетъ.

— Я учу покуда,—сказала Зубкова.

— А я и не зналъ, что вы такая музыкантша.

— О, я далеко не умѣлая музыкантша. Но учить умѣю. У Насти, къ тому же, большія способности.

— Такъ ее нужно помѣстить въ консерваторію.

— Неудобно ходить туда отсюда.

— Да, но и зарывать талантъ въ землю не слѣдуетъ. Это даже не практично.

Елена Васильевна улыбнулась и оживилась.

— Мы этого не сдѣлаемъ. Но на все есть свое время. Будетъ возможность—пристроимъ ее и въ консерваторію. Прежде же всего нужно кончить общее образованіе.

Настя кончила играть и вошла въ столовую. Егоръ Егоровичъ, здороваясь съ ней, взглянулъ на нее такимъ пристальнымъ взглядомъ, что она сконфузилась. Онъ отвернулся и заговорилъ опять съ Еленой Васильевной.

— Въ концѣ концовъ вамъ придется, пожалуй, на будущій же годъ перебраться въ городъ, такъ какъ и вашему сыну неудобно будетъ ѣздить въ университетъ отсюда. Туда почти вдвое дальше, чѣмъ до его училища. Такіе концы не легко дѣлать и не практично.

— Да, это правда. Но мы еще объ этомъ не думали и не знаемъ, что будетъ дальше,—уклончиво отвѣтила Елена Васильевна, не долюбливавшая никакихъ вмѣшательствъ въ свою семейную жизнь.

Когда Егоръ Егоровичъ уѣхалъ, она подъ вліяніемъ разговора съ нимъ не на шутку задумалась о его словахъ и, оставшись наединѣ съ мужемъ, заговорила объ этомъ предметѣ. Дѣйствительно, грѣшно и непрактично убивать талантъ Насти, неудобно посылать Ваню въ городъ въ университетъ. Дѣйствительно, придется, пожалуй, переѣхать отсюда если не къ будущей же зимѣ, то черезъ годъ. Но какъ же онъ, Иванъ Николаевичъ, будетъ ѣздить каждый день въ должность? Какъ же дѣвочки, обучаемыя Еленой Васильевной, будутъ продолжать учиться?

— Это-то какъ-нибудь уладится, дѣвчурки могутъ и у насъ жить, два-три лишнихъ рта не объѣдятъ насъ теперь,—отвѣтилъ Иванъ Николаевичъ женѣ, пропустивъ вовсе мимо ушей вопросъ о томъ, какъ онъ самъ будетъ ходить на службу.—А вотъ безъ хорошаго профессора музыки Настю нельзя оставить—это правда, и университетъ вѣдь не придвинешь для Вани сюда.

— Тебѣ будетъ тяжело ѣздить сюда,—повторила Елена Васильевна.

— Ну, вотъ еще! Бѣгалъ же прежде по урокамъ. А теперь и бѣгать не придется. Ѣздить буду. Богачами теперь стали—все ни почемъ,—пошутилъ онъ.

Она ласково улыбнулась.

— Я, впрочемъ, тебя знаю: и бѣгать бы сталъ, лишь бы дѣтямъ было хорошо. Слава Богу еще, что теперь все можно устроить такъ, какъ слѣдуетъ, не думая, гдѣ взять денегъ.

— Да, вздохнули мы теперь свободно,—замѣтилъ онъ.

Они оба чувствовали, что имъ живется хорошо; оба не тревожились за будущее. Программа образованія Насти у нихъ сложилась давно: сперва предполагалось кончить общую подготовку дѣвочки, потомъ она сдастъ гимназическіе экзамены, далѣе поступитъ въ консерваторію. Все это они обсуждали десятки разъ, все это было для нихъ ясно. Теперь же не смущалъ ихъ даже вопросъ о средствахъ: средства были. Мужъ и жена чувствовали себя счастливыми и не особенно много заботились о мелкихъ неудобствахъ, которыя ожидаютъ ихъ самихъ. Дѣти давно уже были для нихъ первой заботой: хорошо дѣтямъ—хорошо и имъ самимъ. Только иногда набѣгали облачка тоски, когда по какому-нибудь поводу заговаривали объ обществѣ, объ общественныхъ дѣлахъ. На эти мрачныя мысли наводилъ чаще всего Устиновъ, желчно толковавшій о всеобщемъ застоѣ, о паденіи общества, объ отсутствіи серьезныхъ интересовъ, о царствѣ общественной наживы, грабежа. Зубковы и сами знали, чувствуя на себѣ, что они переживаютъ времена, хуже которыхъ, по выраженію поэта, бывали, но подлѣе не было. Недаромъ же Иванъ Николаевичъ, какъ и Викторъ Петровичъ, испыталъ результаты этихъ временъ на себѣ, лишившись мѣста въ провинціи. Но Зубковы старались молчать объ этомъ предметѣ. Неисправимые идеалисты шестидесятыхъ годовъ, они утѣшали себя какими-то свѣтлыми надеждами, приписывали все дурное «переходному времени» удовлетворяли такъ или иначе свои стремленія къ добру мелкой филантропической дѣятельностью. Когда Устиновъ, по его выраженію, обливалъ ихъ холодной водой, имъ становилось на-время жутко-жутко за дѣтей. Что ждетъ этихъ дѣтей въ будущемъ, если общество дѣйствительно пойдетъ еще дальше по тому пути, по которому оно идетъ, безъ широкихъ общественныхъ задачъ, безъ возвышенныхъ идеаловъ, съ девизомъ «каждый о себѣ, а Богъ обо всѣхъ», съ однимъ стремленіемъ «пожить во всю», хотя бы при помощи насилій и грабежа. Но оптимизмъ идеалистовъ бралъ верхъ надъ мрачнымъ настроеніемъ и въ душѣ снова теплилась вѣра въ то, что «переходное время» должно пройти...

Дня черезъ два послѣ визита Егора Егоровича, къ Зубковымъ заѣхала Софья Андреевна, величавая и гордая по виду, такъ какъ дни домашняго мира еще не окончились въ домѣ Вощининыхъ и Ольга Давыдовна называла ее покуда «мамочкой», разсказывала ей съ блаженной улыбкой,

какъ любитъ ее, Ольгу Давыдовну, ея Сашка, позволяла старухѣ покрикивать на «холоповъ» и «хамовъ», «не обрывала» ее рѣзкими напоминаніями о томъ, что она не въ своемъ домѣ. Старуха предчувствовала, что ея царство продолжится не долго, тѣмъ не менѣе, она разыгрывала роль «старшей въ домѣ». Явившись къ Зубковымъ, она тономъ строгой матери съ первыхъ словъ заговорила съ Еленой Васильевной о Настѣ.

— Что это ты, мать моя, зарываешь въ землю талантъ дѣвочки?—рѣзко начала она.—Ужъ на что деревяжка нашъ Егорашка, а и тотъ замѣтилъ, какой у нея музыкальный талантъ. Вчера еще за обѣдомъ распространялся объ этомъ—Лиду встравить, какъ видно, захотѣлось. Та-то вѣдь пеньпнемъ въ разныхъ искусствахъ. Ну, а про нашу-то Настюшу этого не скажешь. У нея талантъ,—талантъ, а ты учишь ее домашнимъ способомъ, какъ сама умѣешь.

Елена Васильевна, вовсе не ожидавшая этихъ упрековъ,—сухо отвѣтила:

— Я подготовлю ее хорошо...

— Ей профессора нужны въ учителя,—перебила ее мать.

— Будутъ и профессора въ свое время,—отвѣтила Зубкова.

— Въ свое время! въ свое время! Когда ракъ свистнетъ, тогда, что ли? Нѣтъ, вижу я, что недороги тебѣ дѣти. Развлеченій имъ не доставляешь, учить толкомъ не учишь, талантъ Богъ далъ дочери—и тотъ въ землю зарыть хотите.

— Мама, я васъ попрошу не вмѣшиваться въ мои отношенія къ дѣтямъ,—коротко остановила ее Елена Васильевна.—Вы знаете, что я не люблю...

— Ахъ, мать моя, да кому же и вмѣшиваться въ это дѣло, какъ не мнѣ?—вспылила Софья Андреевна, оборвавъ дочь на полусловѣ.—Если они твои дѣти, такъ ты-то сама моя дочь; слава Богу, правъ у меня на это не отнимали. Или ты хочешь изъ дочери-то своей сдѣлать такую же, какъ ты, экономку при бѣдномъ мужѣ? Нѣтъ! мать моя, довольно я и за тебя настрадалась.

Она пожала плечами и махнула рукой.

— Про Ваню я ужъ и не говорю! Рукой я на него махнула! На что онъ у насъ похожъ? Увалень-увальнемъ. Видѣла у насъ на вечерѣ, какъ порядочные-то юноши себя держатъ? Поклонятся, такъ ужъ видишь, изъ какого они общества, — сами въ струнку вытянутся, наклонятъ одну голову. Одно слово, достоинство. А нашъ Иванъ Ивановичъ

чуть не за полу отцова сюртука держится. Совсѣмъ деревенщина. Рукавомъ бы еще лицо закрылъ. Этого только и недоставало. Гдѣ бы развернуться, гдѣ бы ловкость показать, а онъ истуканомъ около стѣны стоитъ.

Елена Васильевна встала и вышла изъ комнаты, чтобы избѣжать дальнѣйшихъ объясненій и крупной сцены. Софья Андреевна прошла къ внучкѣ и, обнимая ее, проговорила:

— Ахъ ты, красавица моя бѣдная! Скучаешь, поди, въ этой трущобѣ, побывавъ у нашихъ-то. Ну, да погоди, мы, тебя вырвемъ отсюда! Ужъ я настою, чтобъ тебя въ консерваторію отдали! Выйдешь у меня первой піанисткой! Тогда мы какой-нибудь дурѣ Лидкѣ утремъ съ тобою носъ!

Дѣвочка смутилась отъ неожиданности.

— Въ консерваторію? А какъ же мама, бабушка?

— Мы и смотрѣть на нее не станемъ. У тебя талантъ. Самъ Егоръ Егоровичъ удивился, какъ ты играешь.

— Егоръ Егоровичъ?—съ удивленіемъ спросила дѣвочка.

— Да, да! Пріѣхалъ отъ васъ, говоритъ: «у нея талантъ!» Толкъ-то онъ въ хорошемъ знаетъ.

Старуха засмѣялась.

— Вотъ бы его къ рукамъ прибрать.

Настя недоумѣвала. Бабка стала ее цѣловать.

— Красавица да еще виртуозка, хоть кому голову вскружишь. Еще будетъ на твоей улицѣ праздникъ... Бабушка сумѣетъ тебя вывести въ люди... Ты только молчи...

Старуха взяла ее за подбородокъ и стала любоваться ею.

— Ахъ, смотрю я на тебя и точно сама себя вижу. Вся ты въ меня. Вотъ такой я замужъ шла въ твои годы.

— Замужъ шли въ мои годы?—воскликнула Настя.

— А ты думала какъ? У меня на шестнадцатомъ году первый сынъ, дядя твой, родился. Это нынче васъ только впрокъ, прости Господи, солятъ. Въ наше время въ твои годы дѣвушку-то пристроить ужъ старались, а не надъ книжкой сушить. Теперь-то только сперва дѣвушку, какъ лимонъ, выжмутъ, а потомъ ужъ сама она какого попало жениха и ловитъ, чтобы въ старыхъ дѣвкахъ не числиться...

Старуха еще долго просвѣщала внучку, повторивъ раза два, какъ хорошо было бы подцѣпить такого жениха, какъ Егоръ Егоровичъ. Когда бабка уѣхала къ вечеру домой, Настя сѣла за рояль, начала играть и невольно вспомнила о Егорѣ Егоровичѣ. Онъ сказалъ, что она хороша собой и что у нея талантъ. «Кто въ тебя влюбился?» вспомнились слова Маши. Неужели онъ влюбился въ нее? Какъ это

влюбляются? Она вотъ ни въ кого не влюблялась. Ахъ, если бы влюбиться! Въ кого-нибудь, все равно. Только какъ это сдѣлать? Машу бы спросить, она, можетъ-быть, знаетъ. Все она знаетъ. Вотъ говорила, что мама боится, что ее, Настю, соблазнятъ. Что же это такое? Какъ это соблазняютъ?.. Цѣлый рой новыхъ вопросовъ мелькалъ въ ея головкѣ и ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ она не находила отвѣта. Она была еще вполнѣ дѣвочкой. «Ничего-то не знаю,—рѣшила она:—а бабушка въ мои годы уже замужемъ была!» Бабушка говорила, что она и ее пристроитъ, выдастъ замужъ. Будетъ и на ея улицѣ праздникъ. Только мамѣ не надо говорить. Почему мама держитъ ее все дома, отстраняетъ отъ Лиды, отъ дома дяди Саши, отъ веселыхъ баловъ? Такъ и замужъ никогда не выйдешь. А, должно-быть, хорошо выйти замужъ за богатаго! Балы всегда будутъ, танцовать можно много-много, всѣмъ можно деньги давать, кто придетъ просить, всѣ будутъ рады, благодарить станутъ...

Елена Васильевна, сидя за шитьемъ у лампы, изрѣдка взглядывала на свою дѣвочку, удивляясь тому, какъ она нынче странно играетъ: начнетъ что-нибудь играть и мало-по-малу игра стихнетъ, оборвется, затѣмъ начинается другая пьеса, опять не кончится и тоже оборвется. Очевидно, что дѣвочка думаетъ не объ игрѣ. Но о чемъ же? Она окликнула дочь во время перерыва въ игрѣ:

— Дѣточка, о чемъ размечталась?

Настя вспыхнула до ушей и сконфуженно отозвалась:

— Я... такъ... ни о чемъ!

Елена Васильевна встала, подошла къ ней, взяла ея головку и ласково поцѣловала ее.

— Что-нибудь тревожитъ сердчишко? — спросила она нѣжно.—Такъ ты скажи, голубка. Не скрывай ничего отъ своей мамы.

Ея голосъ былъ мягокъ и ласковъ. Дѣвочка припала къ ея рукѣ. Она горячо любила мать за ласки, за нѣжность, хотя и не понимала многаго изъ ея поступковъ.

— Я, мама, ничего не скрываю,—отозвалась она, краснѣя еще болѣе отъ вынужденной лжи.

Какъ-то инстинктивно и безотчетно она стыдилась своихъ мыслей и не смѣла сказать о нихъ матери.

Елена Васильевна вздохнула и, смотря ей прямо въ глаза, точно стараясь заглянуть въ ея дѣтскую душу, спросила:

— Такъ ли, дѣточка?

Настя солгала во второй разъ едва слышнымъ голосомъ:

— Да, мамочка!..

Ей было до слезъ стыдно, что она лжетъ своей милой мамѣ. Но что-жъ дѣлать: ей было бы такъ стыдно сказать, что она мечтала о женихѣ, о замужествѣ. Мать погладила ее по головѣ и еще разъ поцѣловала ее. Дѣвочка отвѣтила ей порывистыми ласками, точно заглаживая свою ложь.

— Я тебя очень, очень люблю, мама!—страстно воскликнула она.

— Я знаю, милая!—сказала Елена Васильевна.

Она отошла опять къ столу съ работой, задумчивая и опечаленная. Какой-то тайный голосъ подсказывалъ ей, что задумчивость и волненье дѣвочки не могли бы быть безпричинными, что въ ея душѣ происходитъ какой-то тревожный процессъ, что какія-то невѣдомыя матери обстоятельства возбудили нервы дочери...

Но гдѣ эти причины? Какія это обстоятельства?

Въ это время вернулся домой Ваня. Онъ торопливо подошелъ къ матери, поцѣловалъ ея руку, наскоро поздоровался съ сестрой и тотчасъ же замѣтилъ, что онъ пойдетъ спать.

Мать спросила его:

— А чаю? ты, я думаю, озябъ.

— Нѣтъ... Я быстро доѣхалъ сюда... Егоръ Егоровичъ подвезъ, на дорогѣ нагналъ меня... Къ сосѣдямъ сюда на заводъ на вечеръ ѣхалъ...

— Ну, а повеселился у товарища?—спросила мать.

— Да... ничего,—коротко отвѣтилъ Ваня.

Онъ, не распространяясь ни о чемъ, не разсказывая ничего, опять поцѣловалъ мать и сестру, спѣша въ свою комнату. Что-то странное было въ этомъ торопливомъ стремленіи уйти къ себѣ, въ этихъ короткихъ отвѣтахъ. Это было непривычное явленіе. Зубковы чувствовали потребность, приходя домой откуда-нибудь, передавать другъ другу разныя мелочи наблюденій, происшествій и впечатлѣній. Въ головѣ Елены Васильевны мелькнули тревожные вопросы: «что съ нимъ случилось? Что онъ хочетъ скрыть?» И тотчасъ же она досадливо пожала плечами. «Сейчасъ казалось, что дочь что-то скрываетъ, теперь кажется то же относительно сына. Нервы у нея самой вѣрно разстроены. Но съ чего? Кажется, все идетъ хорошо и грѣхъ быть недовольной жизнью». Она вдругъ вспомнила о визитѣ матери. А! вотъ причина разстройства нервъ. Наговорила глупостей старуха

и разстроила ее. Теперь и явились разныя подозрѣнія. Ну, это пустяки, къ сценамъ съ матерью надо было давно привыкнуть. Раздался звонокъ. Это вернулся изъ гостей Иванъ Николаевичъ. Жена спросила и его, какъ и сына, не хочетъ ли онъ чаю. Онъ отказался: сейчасъ пилъ чай у сослуживца, гдѣ былъ въ гостяхъ. Простившись съ Настей, мужъ и жена остались вдвоемъ. Начался обычный обмѣнъ впечатлѣній и наблюденій, оставленныхъ въ душѣ за день. Среди этой мирной бесѣды Иванъ Николаевичъ вдругъ спросилъ жену:

— А что это Ваня не спитъ?

Она прислушалась: Ваня ходилъ въ своей комнатѣ изъ угла въ уголъ.

— Не зубы ли разболѣлись?—спросилъ Иванъ Николаевичъ.

— Не знаю,—отвѣтила она.

Ей опять защемило сердце. Что съ нимъ? Что онъ скрываетъ? Очевидно, что его что-то волнуетъ. Нѣсколько минутъ тому назадъ она думала, что она ошиблась въ своемъ предположеніи. Нѣтъ, ея материнскій глазъ еще зорокъ. Но что же, что же съ нимъ случилось? Она все разсказала мужу. Онъ выслушалъ ее серьезно, волнуясь меньше, чѣмъ она.

— Восемнадцать лѣтъ,—наконецъ, проговорилъ онъ.— Мало ли что можетъ волновать...

— Ты спроси потомъ...

— Нѣтъ, голубка, не стану спрашивать, если самъ не скажетъ. Дурного же онъ ничего не сдѣлаетъ. За это я поручусь. Ну, а разспрашивать—нѣтъ, зачѣмъ же шпіонство.

— Ахъ, время теперь такое тревожное, скверное. Со всѣхъ сторонъ опасности, гибельныя вліянія.

Онъ заходилъ по комнатѣ, потирая руки.

— Да, да, это-то такъ. Но что же дѣлать, что дѣлать? Слава Богу, что мы можемъ быть спокойны за его честность, за его порядочность. Все же другое...

Онъ развелъ руками.

— Не убережешь отъ всего!

Потирая руки и ходя по комнатѣ вмѣстѣ съ женою, онъ тревожно продолжалъ говорить:

— Ты знаешь, я дѣлаю все, чтобы выяснить ему тѣ обрывы и омуты, въ которыхъ можно безплодно для себя и для другихъ погибнуть разомъ. Это я считаю своимъ святымъ долгомъ, долгомъ отца. Но въ то же время не могу

я сказать ему: смотри равнодушно на все, помни одинъ девизъ, что твоя изба съ краю, думай только о своей шкурѣ...

Она тихо замѣтила:

— Я же и не требую этого. Жутко только, какъ вспомнишь, что молодость всегда способна увлекаться, что иногда одно неосторожное слово теперь Богъ знаетъ куда заводитъ...

Онъ старался ободрить ее:

— Да, можетъ-быть, мы и ошибаемся, можетъ-быть, просто сердчишко у мальчугана заговорило. Тоже, вѣдь, усишки ужъ есть. Молодой человѣкъ! Не шути съ нами!

Онъ улыбался, благодушный, любящій отецъ...

Ваня же ходилъ и ходилъ взадъ и впередъ по своей комнатѣ, даже и не подозрѣвая, съ какой тревогой прислушиваются къ его шагамъ отецъ и мать. Онъ былъ весь охваченъ волненіемъ. Какой-нибудь тому часъ назадъ онъ сдѣлалъ открытіе, перевернувшее все въ его душѣ.

Онъ шелъ изъ гостей отъ товарища къ станціи конножелѣзной дороги, когда его нагналъ Егоръ Егоровичъ и пригласилъ въ свои сани.

Онъ ѣхалъ тоже по направленію къ заводу къ одному изъ фабрикантовъ-сосѣдей. Ваня принялъ любезное предложеніе, и они поѣхали.

— Вы откуда?—спросилъ Джоржъ.

— Съ именинъ отъ товарища, племянника Устинова,— отвѣтилъ Зубковъ.

— Что же, кутнули?

Ваня улыбнулся.

— Почему вы думаете, что непремѣнно нужно кутнуть у товарища?

— Я думалъ, что племянникъ въ дядюшку.

— А вы развѣ знаете Устинова?

— Чрезъ Александра Константиновича знакомъ. Онъ даже подготовлять меня долженъ былъ, да потомъ меня увезли за границу...

— Это вполнѣ достойный уваженія человѣкъ.

Егоръ Егоровичъ засмѣялся.

— Только выпить не дуракъ.

Ваня вступился за своего любимца.

— Да, это его несчастіе, но онъ...

— Ну, какое же это несчастіе,—перебилъ Егоръ Егоровичъ.—Ублаготворяетъ свою страсть, и слава Богу. Впрочемъ, у него и страсти-то такія, что ихъ легко ублаготворить: водочка, пивко, кухарка-любовница...

Ваня встрепенулся и загорячился.

— Ну, это вы напрасно!

— Что напрасно?—сказалъ Джоржъ.—Сконфузились, что упомянулъ о любовницѣ? Ахъ, вы, красная дѣвушка!

— Я не сконфузился, а не люблю я, когда говорятъ неправду про людей за глаза,—рѣзко возразилъ Ваня.

Егоръ Егоровичъ неожиданно вспылилъ.

— Я неправды не говорю никогда и говорю за глаза то, что могу сказать въ глаза,—рѣзко и грубо отчеканилъ онъ, точно указывая мальчугану его настоящее мѣсто.—Не былъ бы Устиновъ любовникомъ своей кухарки, не могло бы быть и дѣтей у нея.

И, снова овладѣвъ собою и принявъ обычный иронический тонъ, прибавилъ:

— И отчего вы вообразили, что сказать про мужчину, что у него есть любовница, значитъ сказать про него дурно? Безъ этого никто не проживетъ, если онъ...

Ваня перебилъ его въ волненіи.

— Вы говорите о дѣтяхъ? Какія у него дѣти?

— Двое умерло, третій теперь въ ремесленномъ училищѣ...

— Это же его пріемышъ... Саввушка...

— Ну, ужъ я не знаю, какъ его тамъ зовутъ, Саввушкой или Варнавушкой, но знаю, что это его незаконный сынъ... Александръ Константиновичъ и хлопоталъ о его помѣщеніи въ училище... Въ слесаря его готовятъ, только не слесарь, а прохвостъ изъ него выйдетъ... Изъ такихъ дѣтей почти всегда прохвосты выходятъ—не мужики они, не господа, по рожденію ничто, по гонору чуть не князья,—ну, приходится опрохвоститься.

Ваню точно чѣмъ-то пришибло. Дядя Устя былъ всегда въ его глазахъ идеально безупречнымъ человѣкомъ. Если и былъ какой грѣхъ за нимъ, такъ это его страсть иногда выпить. Но Ваня зналъ, что эта страсть развилась отъ горя, отъ недовольства обществомъ, отъ неудачъ житейскихъ. Егоръ Егоровичъ неожиданно столкнулъ передъ нимъ въ грязь этого человѣка съ пьедестала. Ему было еще больнѣе оттого, что Егоръ Егоровичъ, по своему обыкновенію, дразнилъ его, продолжая подшучивать надъ Устиновымъ.

— И вкусъ же у него! Совсѣмъ деревенская баба она, курносая, рябая. Тутъ и любви нельзя предполагать. Съ ней вѣдь слова умнаго нельзя, я думаю, сказать. Этихъ

связей и не поймешь, просто скотство одно. Будто не могъ выбрать дѣвчонку покрасивѣе...

Молодой Зубковъ попробовалъ слабо вступиться за своего любимца.

— Это все вино виновато. Онъ несчастный человѣкъ. Самъ вѣрно не зналъ, что дѣлаетъ.

— Ну, ужъ это вы оставьте!—засмѣялся Джоржъ.— Трое то дѣтей не народилось бы такъ случайно-то. Положимъ, въ пьяномъ видѣ иные чортъ знаетъ какія гадости творятъ, не умѣя владѣть собою, но тутъ вѣдь долголѣтняя связь...

Онъ сдѣлалъ гримасу, продолжая разсказывать.

— Еще слава Богу, что тѣ ребята умерли, что одинъ только на скамью подсудимыхъ попадетъ, а то ужъ это было бы положительно покровительство развитію тюремъ. И за какимъ дьяволомъ оставилъ мальчишку мозолить ему глаза, точно воспитательнаго дома нѣтъ. Тамъ безъ матерей они мрутъ, какъ мухи, а которые выживаютъ, тѣ и растутъ, какъ слѣдуетъ, мужиками среди мужиковъ.

Ваня уже молчалъ. Егоръ Егоровичъ замѣтилъ:

— А странно, какъ погляжу, васъ воспитали: точно подъ стекляннымъ колпакомъ выросли. Ничего не знаете, ничего не видите, всему удивляетесь, что дѣлается въ жизни. Ужъ не думаете ли вы, что люди безплотные ангелы? Этакъ, батюшка, вы каждый день въ лапы подлецовъ попадать будете. Чтобы быть счастливымъ, нужно знать, что всѣ люди сволочь и подлецы и что съ ними нужно камень за пазухой держать, зубъ-за-зубъ грызться... Иначе весь вѣкъ дурака будете валять имъ на потѣху. Вы передъ ними распинаться въ уваженіи будете, а они въ это время такъ или иначе станутъ очищать ваши карманы.

Онъ разсмѣялся опять.

— Вы еще въ соціалисты не угодите! Тоже шуты гороховые! Никто ихъ не проситъ о спасеніи, а они зря въ петлю лѣзутъ. Пользы ни себѣ, ни другимъ, а только еще большій сумбуръ вносятъ въ общество.

Онъ презрительно пожалъ плечами.

— Впрочемъ, на дураковъ и сердиться нельзя.

И онъ началъ зло подсмѣиваться надъ людьми, черпающими воду рѣшетомъ, переливающими изъ пустого въ порожнее, бьющимися лбомъ объ стѣну.

— Впрочемъ, эти люди только жалки,—закончилъ онъ:— а вотъ такихъ, какъ вашъ пресловутый Устиновъ, я просто

презираю. Толкуютъ объ общественныхъ неурядицахъ, о всякихъ мерзостяхъ, о всякихъ злоупотребленіяхъ, все съ пѣной у рта, а сами ничѣмъ не лучше этого общества по своей нравственности. Другимъ проповѣдуютъ воду, а сами винцо потягиваютъ...

Они доѣхали до дома.

Егоръ Егоровичъ велѣлъ кучеру остановиться, простился съ Ваней и поѣхалъ дальше. Ваня былъ какъ бы пришибленъ и долго еще не могъ успокоиться, обдумывая слышанное и ища оправданій для Устинова. Онъ не находилъ ихъ. Но хуже всего было то, что ему казалось невозможнымъ съ кѣмъ-нибудь поговорить объ этомъ вопросѣ. До сихъ поръ у него было три повѣренныхъ—отецъ, мать и Устиновъ. Ни съ однимъ изъ нихъ онъ не могъ теперь потолковать по душѣ. Есть вопросы, о которыхъ юноши считаютъ щекотливымъ говорить съ родителями и старшими. Но кто же, кромѣ родителей и старшихъ, могъ бы объяснить неопытному мальчугану подобную исторію паденія холостяка-мужчины?

XIV.

Ваня вышелъ утромъ изъ своей комнаты и, торопливо поздоровавшись съ отцомъ, матерью и сестрой, принялся за чай. Ему нужно было рано выѣзжать изъ дому, чтобы вовремя добираться до училища, и въ эти часы его охватывала всегда серьезная озабоченность. Такъ было и на этотъ разъ. Сдѣланное имъ наканунѣ открытіе выскочило у него теперь изъ головы, онъ думалъ только о классахъ, объ урокахъ, объ училищѣ.

— Ты здоровъ?—спросила Елена Васильевна, всматриваясь въ него.

— Здоровъ!—отвѣтилъ онъ, взглянувъ удивленно на мать, не зная, почему она спрашиваетъ его о здоровьѣ.—А что?

— Ты долго не спалъ вчера. Я думала, что зубы разболѣлись.

Онъ вспыхнулъ, вспомнивъ, что было вчера.

— Нѣтъ... такъ не поспалось,—отвѣтилъ онъ уклончиво и сталъ еще болѣе спѣшить.

Елена Васильевна замолчала, видя, что сынъ избѣгаетъ разспросовъ. Она даже и не подозрѣвала, что ея простой вопросъ напоминалъ юношѣ то, о чемъ онъ почти забылъ за ночь. Онъ вышелъ изъ дома, снова охваченный мыслями о дядѣ Устѣ. Неужели Егоръ Егоровичъ правъ, говоря, что

всѣ люди въ сущности дрянь и только одни умѣютъ, а другіе не умѣютъ носить маски? А отецъ? А мать? Нѣтъ, нѣтъ, это люди безъ пятенъ. Значитъ, можно же такъ жить?.. Да, можно и должно. Если сами не будемъ такъ жить, то какое же право имѣешь осуждать другихъ? Пустымъ и пошлымъ фразерствомъ это будетъ. Въ этомъ отношеніи Егоръ Егоровичъ былъ вполнѣ правъ. Нельзя проповѣдывать другимъ того, чего не умѣешь или не можешь исполнить самъ. Недостатокъ силы воли, недостатокъ характера, все это пустыя отговорки. Если этимъ одинъ станетъ отговариваться и оправдываться, то будутъ то же и другіе дѣлать. Такая нравственность ломаннаго гроша не будетъ стоить. Всѣ будутъ честными на словахъ и подлецами на дѣлѣ. Впервые въ его головѣ мелькнулъ вопросъ: всегда ли это такъ было или только въ наше время слово и дѣло расходятся вездѣ? «Нынче даже сердятся или насмѣхаются, когда слышатъ о безупречномъ человѣкѣ»,—подумалъ онъ, вспомнивъ, какъ Устиновъ разсердился, когда всѣ думали, что Егоръ Егоровичъ «человѣкъ безъ ошибокъ», и какъ тотъ же Устиновъ подшучивалъ надъ самими Зубковыми, говоря, что они «юродствуютъ»... Во всю дорогу эти неотвязныя мысли не давали ему покоя и, только переступивъ порогъ училища, онъ очнулся отъ нихъ, охваченный воздухомъ школы, окруженный шумной толпой юношей, вспомнившій снова объ урокахъ.

Къ обѣду онъ вернулся домой румяный, оживленный, веселый, какъ школьникъ, хорошо сдавшій уроки, и Елена Васильевна не замѣтила на его лицѣ и слѣда тревоги. Она успокоилась, рѣшивъ, что вчера ея сына встревожила какая-нибудь мысль, не имѣющая серьезнаго значенія. Набѣжавшее облако разсѣялось, повидимому, безслѣдно, тѣмъ болѣе, что о немъ некогда было и думать особенно много. У всѣхъ было свое дѣло и копаться въ душевныхъ мелочахъ было некогда. Самъ Ваня не думалъ, повидимому, объ Устиновѣ, погрузившись въ обычныя занятія. Это было горячее время послѣднихъ школьныхъ экзаменовъ и они стояли на первомъ планѣ, заслоняя все остальное, постороннее.

Ваня шелъ въ училищѣ блестяще и былъ бы глубоко несчастливъ, если бы ему пришлось сорваться на послѣднихъ экзаменахъ. Это было бы чѣмъ-то въ родѣ доказательства того, что онъ не выполнилъ своего долга, на словахъ толковалъ о необходимости знаній, а на дѣлѣ относился къ нимъ неряшливо и халатно. Въ этомъ чувствѣ сказывалась извѣстная, унаслѣдованная отъ матери, или пріі-

обрѣтенная воспитаніемъ, прямолинейность. Онъ любилъ задавать себѣ трудныя задачи и говорить себѣ: «ты долженъ сдѣлать то-то». Не сдѣлать заданнаго значитъ быть тряпкой, мямлей, рохлей. Такъ онъ понималъ это; такъ старался поступать. Тѣмъ не менѣе, разговоръ съ Егоромъ Егоровичемъ оставилъ слѣдъ въ душѣ юноши, и это сказалось при первомъ удобномъ случаѣ.

Прошло съ мѣсяцъ, какъ вдругъ въ одинъ изъ воскресныхъ дней къ Зубковымъ пріѣхалъ Устиновъ.

— Дядя Устя идетъ!—крикнула Настя, смотря въ окно.

Ваня вспыхнулъ и смутился. Ему разомъ вспомнилось все слышанное имъ объ Устиновѣ, и его охватило какое-то совершенно новое чувство—сознаніе еще вполнѣ нравственнаго, неиспорченнаго юноши, что онъ знаетъ постыдную тайну взрослаго человѣка. Онъ чувствовалъ себя неловко, какъ бы сконфуженнымъ, точно онъ тайкомъ подглядѣлъ въ замочную скважину за любимымъ и уважаемымъ человѣкомъ, когда тотъ, скрытно отъ всѣхъ, грѣшилъ. Устиновъ былъ на этотъ разъ очень не веселъ и чѣмъ-то, видимо, озабоченъ. Оказалось, что его Саввушку исключили изъ училища. Съ первыхъ же словъ, поздоровавшись со всѣми и наскоро закусивъ, онъ какъ только изъ комнаты вышли Настя и Маша, заговорилъ о современныхъ дѣлахъ, о настроеніи общества, о всеобщемъ прохвостничествѣ. Новыя распоряженія и новые скандалы, новыя назначенія и новыя кражи, все служило темой для злыхъ отзывовъ. Это былъ его любимый конекъ, и тутъ онъ былъ въ своей сферѣ, такъ какъ для осужденія пищи было дѣйствительно не мало. Недовольство было во всѣхъ кругахъ общества, точно носилось въ воздухѣ. Люди діаметрально противоположныхъ убѣжденій сходились на одномъ—на порицаніи существующаго. Отцы не знали, что дѣлать съ дѣтьми, дѣти не понимали, что изъ нихъ дѣлаютъ родители. Ругая всѣхъ и все, Устиновъ, наконецъ, договорился до сущности взволновавшаго его событія:

— А тутъ еще Саввушка изволилъ белены объѣсться!

Ваня опять вспыхнулъ и насторожился. Что такое случилось съ Саввушкой?

— Не хочу, изволите ли видѣть, мужикомъ быть, хочу быть бариномъ. Какъ же, изъ газетъ вычиталъ, какъ Юханцевы съ цыганками кутятъ, какъ Рыковы царьками живутъ, какъ Буши на взятки француженокъ содержатъ, все вѣдь это разсказано и размазано, гдѣ же тутъ слесарнымъ ма-

стерствомъ заниматься. Черный трудъ, когда хочется въ лайковыхъ перчаткахъ щеголять, махая тросточкой на Невскомъ проспектѣ. Тоже губа у насъ не дура!.. Ужъ давно я сталъ замѣчать, что малый франтитъ: жабо какія-то завелъ, ботинки съ пуговками, одеколонами мажется, а третьяго дня дали знать, что его за разныя продерзости исключаютъ...

Онъ заходилъ по комнатѣ.

— Въ прежнее время выпороли бы, на хлѣбъ на воду заперли бы, въ чижовку школьную на недѣльку, а нынче обращеніе деликатное: идите на всѣ четыре стороны...

— Ну, это ты напрасно о розгахъ-то и чижовкахъ,—началъ Иванъ Николаевичъ.

Устиновъ перебилъ его.

— Какъ же! какъ же, ты вѣдь тоже за деликатность обращенія. Юроды вы всѣ, вотъ что! А что я-то теперь съ малымъ буду дѣлать?

— Ну, свѣтъ не клиномъ сошелся,—сказалъ Зубковъ.— Найдется дорога...

Устиновъ обозлился.

— Какъ же я его сейчасъ въ камеръ-юнкера пристрою, фаэтонъ для него заведу, ложу абонирую во французскомъ театрѣ, катайся, молъ, какъ сыръ въ маслѣ, Саввушка обиженный!.. А тутъ еще моя Анисья Ивановна цѣлый день точно о покойникѣ воетъ, а онъ грубіянитъ: «Есть о чемъ плакать! Слесарства лишился!». «Да развѣ, говоритъ, это карьера? Весь-то вѣкъ слесаремъ быть—благодарю покорно. Я ужъ лучше руки на себя наложу, чѣмъ этакую жизнь влачить!» Руки на себя наложитъ. Слышали? Что-жъ, нынче вѣдь это не долго, руки-то на себя наложить: сдѣлалъ петлю, просунулъ голову и шабашъ, разъ, два, три—и нѣтъ человѣка. Легко! Жалѣть некого, бояться нечего. Близкіе? есть кого жалѣть! Загробная жизнь? есть чего бояться! Мы всѣ сами по себѣ, какъ дождевые пузыри, выскочили на поверхность и лопнули. У всѣхъ одно убѣжденіе, что ни намъ ни до кого дѣла нѣтъ, ни до насъ никому дѣла нѣтъ.

Онъ неожиданно смолкъ, продолжая ходить, и, какъ бы не замѣчая присутствующихъ, стиснулъ лобъ обѣими руками. Въ этомъ жестѣ было что-то мучительно-болѣзненное, точно у бѣдняги лопалась голова отъ боли.

— Погибнетъ вѣдь, погибнетъ ни за грошъ, ни за денежку,—воскликнулъ онъ:—а чѣмъ онъ виноватъ, если живетъ въ такое время, когда не растолкуешь мальчугану,

что честный трудъ, что чистая совѣсть выше всего, когда его съ тротуара толкаютъ да чуть не въ зубы ему даютъ только за то, что онъ не награбилъ столько, чтобы вмѣсто блузы въ бобры нарядиться. А если растолкуешь всю суть, отравивши молодую душу ненавистью, такъ...

Онъ оборвалъ рѣчь.

— Вотъ сестра и теперь, какъ очумѣлая, ходитъ, послѣ исторіи съ ея сыномъ. Тоже погибъ, какъ комаръ, ни за что, ни про что...

Онъ съ злой ироніей обратился къ Ивану Николаевичу и спросилъ его:

— Что-жъ не вступаешься, не скажешь: за идею погибъ! Я вѣдь помню, какъ ты недавно въ этомъ духѣ ораторствовалъ. А я на это тебѣ отвѣчу, что теперь всѣ, и прохвосты, и честные гибнутъ за выѣденное яйцо. Да, за выѣденное яйцо, и ни имъ, ни идеѣ, ни обществу отъ ихъ гибели ни тепло, ни холодно. Вотъ что.

Всѣ молчали, сознавая, что Устиновъ потрясенъ постигнувшимъ его горемъ. Этотъ физически крупный человѣкъ былъ въ сущности слабодушнымъ ребенкомъ. Всякія житейскія невзгоды подкашивали его такъ, что онъ начиналъ съ горя пить, падая духомъ и не умѣя бороться съ обстоятельствами. Казалось, что у него не было даже стремленія бороться съ ними, точно онъ разъ и навсегда заранѣе рѣшилъ, что они сильнѣе его. Но если передъ глазами Ивана Николаевича и Елены Васильевны стоялъ только несчастный отецъ, то въ воображеніи Вани вставалъ другой образъ— несчастный Саввушка, этотъ незаконный сынъ барина и кухарки, росшій на улицѣ, безъ особеннаго призора, видѣвшій пьянство отца, сознававшій ничтожество тупоумной матери, рано понявшій неприглядную связь отца и матери, брошенный въ слесарную мастерскую, когда отецъ жилъ болѣе или менѣе бариномъ, когда у отца бывали въ гостяхъ съ дѣтьми другіе господа. Ваня въ эту минуту не жалѣлъ, не любилъ Устинова, а чувствовалъ злобу на него за этого Саввушку. Это чувство усилилось еще болѣе отъ словъ Устинова, какъ бы инстинктивно свалившаго свою вину нерадиваго отца на кого-то другого, на общество, на времена, на обстоятельства, на самого Саввушку. Совершенно неожиданно для всѣхъ и, можетъ-быть, для него самого, у Вани подъ вліяніемъ сильнаго возбужденія сорвалась съ языка носившаяся въ его головѣ грубоватая фраза:

— Воспитать хорошо, такъ не погибнетъ человѣкъ!

Устинова точно ударили чѣмъ-то. Онъ на мгновеніе побагровѣлъ, растерялся и непривычнымъ для него тономъ учителя, обрывающаго забывшагося ученика, проговорилъ наконецъ:

— Молодъ ты еще, чтобы вмѣшиваться въ разговоры взрослыхъ!

И, покусывая губы, охваченный уже весь гнѣвомъ, какъ-то безсознательно ища шапку, проговорилъ задыхающимся голосомъ:

— Безусый щенокъ! Дрянь этакая!

Ваня, не привыкшій ни къ какимъ оскорбленіямъ, блѣдный, какъ полотно, поднялся съ мѣста. Онъ смотрѣлъ просто страшно. Чувствовалось, что его охватила какая-то дикая, безумная ярость. Онъ прерывающимся голосомъ пробормоталъ:

— Если-бъ это не вы мнѣ сказали, такъ я бы...

Онъ не кончилъ фразы и, съ трудомъ переводя духъ, почти задыхаясь отъ волненья, быстро вышелъ изъ комнаты.

Устиновъ мялъ уже въ рукахъ найденную имъ шапку и бормоталъ что-то о томъ, что онъ уходитъ, что онъ не можетъ здѣсь оставаться. Иванъ Николаевичъ молча подошелъ къ нему, взялъ изъ его рукъ шапку и положилъ ее на столъ. Устиновъ, не протестуя, заходилъ крупными шагами по комнатѣ, отирая клѣтчатымъ платкомъ потъ со лба и сопя, какъ паровикъ. Онъ, Иванъ Николаевичъ и Елена Васильевна нѣсколько минутъ хранили тягостное молчаніе, желая дать время улечься волненію. Неловкость происшедшей сцены чувствовалась всѣми и у всѣхъ вертѣлась въ головѣ одна глупая безплодная мысль: «и зачѣмъ это случилось!» Устиновъ заговорилъ первый, съ горькой усмѣшкой, еще дрожащимъ голосомъ.

— Урокъ преподалъ... мальчикъ...

— Ты его извини за грубость, — сказалъ Иванъ Николаевичъ.—Я не знаю, что съ нимъ сдѣлалось... Это не въ его характерѣ, ты знаешь его...

Елена Васильевна продолжала молчать: она какъ-то чутьемъ угадала, что сдѣлалось съ ея сыномъ, и въ глубинѣ души не обвиняла его; напротивъ того, въ ней поднялось, помимо ея воли, чувство материнской гордости, смутной радости; она сознавала, что вспышка сына была вызвана добрымъ чувствомъ, сожалѣніемъ къ погибающему юношѣ.

— Я-то знаю, что случилось!—отрывисто говорилъ Устиновъ, и въ его голосѣ зазвучала горькая иронія.— Игралъ

съ Саввой когда-то... понялъ все... Что-жъ, подѣломъ мнѣ, старому негодяю... Извинить его! Чего тутъ извинять?.. Мнѣ еще надо извиниться передъ нимъ за то, что загубилъ его товарища... Какъ же, нерадивый отецъ! Нынче на этотъ счетъ молодое поколѣніе строго... Какими-то только сами отцами будутъ... Можетъ-быть, еще большими прохвостами... А, да ну!

Онъ быстро подошелъ къ столу, съ неубранной закуской, налилъ рюмку водки, выпилъ ее разомъ и крякнулъ.

— Да-съ, такъ вотъ оно какъ... времена-то какія,—заговорилъ онъ, ходя по комнатѣ, очевидно не сознавая, что говоритъ, и говоря, лишь бы не молчать.—Воспитать хорошо, такъ не погибнетъ человѣкъ... Такъ и запишемъ... Великая истина, противъ нея и спорить нечего... Первѣйшіе философы и тѣ отрицать не посмѣютъ...

Иванъ Николаевичъ, видя, что Устиновъ совсѣмъ смѣшался и не знаетъ, что говоритъ, поспѣшилъ перемѣнить разговоръ, серьезно спросивъ его, куда онъ думаетъ теперь пристроить Саввушку.

— А, ничего я не думаю!—рѣзко сказалъ Устиновъ.—Точно я умѣю что-нибудь придумать. Выдумалъ тоже!

— Вѣдь онъ у тебя вполнѣ грамотный и почеркъ хорошій у него,—замѣтилъ Иванъ Николаевичъ, раздумывая.—Можно черезъ Егора Егоровича или Александра похлопотать пристроить въ какой-нибудь банкъ конторщикомъ, что ли...

— Такъ и возьмутъ мальчишку.

— Отчего же и нѣтъ? Была бы протекція. Можетъ-быть, даже и къ лучшему, что онъ долженъ былъ оставить училище. Мастерство было не по немъ, ну, значитъ, и по боку его...

Зубковъ оживился и началъ развивать мысль о томъ, что въ банкѣ работа не головоломная, исподволь можно привыкнуть къ дѣлу, мальчуганъ можетъ дослужиться до хорошаго оклада.

— Скрасть еще что-нибудь Богъ поможетъ! — вставилъ Устиновъ со злобой.

— Ну, красть могутъ и слесаря,—сказалъ Зубковъ.—Во всякомъ случаѣ, если мальчугану стыдно быть мастеровымъ, то и не слѣдуетъ вести его по этой дорогѣ. Вообще, ошибку ты сдѣлалъ, отдавъ его въ это училище, если...

— Ошибку! ошибку!—загорячился Устиновъ.—Я, что ли, виноватъ, что у мальчика не было особенныхъ способностей къ ученью? По Дарвину, что ли, эта вина на мнѣ

лежитъ? Онъ, вотъ, какъ моя Анисья Ивановна, по части способностей къ наукамъ силенъ не былъ. Она вотъ чуть не двадцать лѣтъ читать учится, а только и можетъ сложить В-ѣ-вѣ д-о-до м-о-мо с-т-и, ну, и выходитъ у нея изо всего этого «газета»... А потомъ и она тоже прежде ныла: «баринъ, что ли, чтобы его въ чиновники готовить, чтобы онъ мать родную забылъ да стыдился ея...» Ну, вотъ и вышелъ не чиновникомъ... А теперь же она на другой манеръ воетъ... кумушки просвѣтили... тоже вѣдь газеты читаютъ, знаютъ, гдѣ лучше...

Онъ махнулъ рукой.

Въ это время уже накрыли столъ для обѣда. Въ столовую явился и Ваня. Онъ былъ красенъ, какъ вареный ракъ, и избѣгалъ встрѣтиться глазами съ Устиновымъ. Устиновъ въ свою очередь смотрѣлъ куда-то въ сторону, стараясь не замѣчать его. У обоихъ было враждебное чувство другъ къ другу. Если бы они могли схватиться другъ съ другомъ, дѣло дошло бы до драки. Въ подобномъ настроеніи приходится только молчать, отворачиваться въ сторону. Но уже послѣ перваго блюда всѣ замѣтили, что Устиновъ наливаетъ водку чаще обыкновеннаго, и немножко встревожились. Захмелѣвъ, Устиновъ или дѣлался придирчивымъ, или начиналъ попросту плакать, какъ баба. Уже послѣ третьей рюмки, выпитой за обѣдомъ, онъ началъ придирчивымъ тономъ толковать опять о молодомъ поколѣніи нѣсколько сбивчиво, мѣшая дѣльныя замѣчанія съ нелѣпостями и говоря какимъ-то вызывающимъ тономъ:

— На мелкой прессѣ воспитываются да на сатирическихъ листкахъ. Молоко материнское на губахъ не обсохнетъ, а уже плевать на всѣхъ умѣютъ. «Стрекоза» да «Шутъ» — вотъ ихъ авторитеты, а все остальное — пфа! стоитъ ли объ остальномъ говорить! Судьи, критики!.. Въ прошлое воскресенье чортъ понесъ меня въ Павловскъ на открытіе вокзала. Играли чепуху какую-то, а слышу все bis да bis. Чортъ возьми, думаю, неужели ужъ и въ музыкѣ-то мы толкъ и смыслъ потеряли? Гляжу, а это все господа школьники безусые орутъ и ногами топочутъ. Иной шипсъ изъ пеленокъ только-что вышелъ, а туда же визжитъ «бисъ! бисъ!» Цѣнители музыкальные, критики музыкальные! Отъ земли не видать, а горланятъ «bis». Взялъ бы шельмецовъ да за уши, за уши...

Никто не возразилъ ему. Маша и Настя смотрѣли на него удивленными, испуганными глазами, замѣчая, что онъ

не твердо выговариваетъ слова и страшно ворочаетъ глазами. Онъ продолжалъ:

— Пороть перестали—вотъ бѣда! Говорятъ, скоро опять введутъ розгу,—и отлично. Я первый буду стоять за это. У насъ нельзя безъ розогъ. Да и нигдѣ нельзя. Недаромъ у нѣмцевъ передъ фатерландомъ хвосты поджаты, потому фатерландъ ихъ деретъ и плюхами кормитъ со школьной скамьи, пока не выдрессируетъ. Вотъ и у насъ, какъ выпоролъ бы раза два иного щенка, пересталъ бы онъ кричать bis. Нѣтъ, братъ, тутъ ужъ не забисуешь. Шкура-то своя!

Онъ говорилъ, бросая искоса взгляды на Ваню. Тотъ упорно молчалъ. Это начало бѣсить охмелѣвшаго Устинова. Ему нужно было отвѣта на вызовъ, брани на брань, ругани на ругань. Наконецъ, онъ не вытерпѣлъ и спросилъ:

— Что-жъ, господинъ наставникъ взрослыхъ, не вступишься за своихъ?

Ваня продолжалъ молчать. Иванъ Николаевичъ и Елена Васильевна разомъ заговорили о чемъ-то постороннемъ, неловко и неумѣло перемѣняя разговоръ. Устиновъ понялъ ихъ маневръ и крикнулъ, стукнувъ кулакомъ по столу:

— Что вы мнѣ зубы-то заговариваете! Пусть онъ говоритъ!

Ваня взглянулъ на отца и мать растерянным взглядомъ, какъ бы спрашивая, что дѣлать. Они бросили выразительные взгляды, говорившіе: «оставь его!» Устиновъ подмѣтилъ взглядъ Вани и задорно-грубо спросилъ:

— Что, защиты у отца и матери просишь, щенокъ? Самъ-то языкъ прикусилъ?

Ваня не выдержалъ и сказалъ:

— Мнѣ нечего искать защиты отъ васъ, вы, слава Богу, не мой отецъ...

Устиновъ совершенно неожиданно опустилъ голову, какъ пришибленный.

— Слава Богу, не его отецъ!—слезливымъ голосомъ пробормоталъ онъ и сталъ путаться въ рѣчахъ:—Слава Богу!.. «Чортъ его возьми», сказалъ бы, если бы былъ его отцомъ... Сынъ сказалъ бы: «чортъ его возьми!..» Пропойца!.. Пропащій человѣкъ!.. Каково мнѣ это слышать отъ сына, отъ собственнаго сына!

Всѣ торопились кончить обѣдъ. Елена Васильевна уже уводила дѣвочекъ, точно отъ пожара. Иванъ Николаевичъ хлопоталъ около Устинова, уговаривая его лечь, отдохнуть.

— Не надо!.. Ступай!.. Наскандалилъ!..—бормоталъ Усти-

новъ, топая ногой.—Извозчика!.. Убирайтесь всѣ!.. Скандалисты!.. Къ чорту... Все сейчасъ перебью у васъ!..

Иванъ Николаевичъ хорошо изучилъ его нравъ въ пьяномъ видѣ и принялъ мѣры для усмиренія — крикнулъ на него:

— Не смѣй кричать! Напьешься, какъ свинья, и орешь!

Устиновъ опять расплакался.

— Ваня, Ваня, прости меня! Мой сынъ меня обидѣлъ! Твой сынъ тоже обидѣлъ! Скотъ я, пьяный скотъ!

— Хорошо! хорошо! поѣдемъ!

Зубковъ торопливо одѣвалъ его, нахлобучилъ на него круглую трикотовую шапку и пошелъ его провожать до извозчика.

Вернувшись домой и оставшись съ женой и сыномъ, онъ проговорилъ:

— Ну, теперь бѣдняга пропадетъ на цѣлые мѣсяцы. Всегда послѣ этихъ исторій его угнетаетъ стыдъ за его поведеніе.

И, обернувшись къ сыну, онъ съ дружескимъ упрекомъ сказалъ ему:

— И ты, голубчикъ, безтактно поступилъ. Друзья мы, а все же не тебѣ дѣлать ему замѣчанія: онъ старше тебя и, какъ-никакъ, твой учитель.

Ваня покраснѣлъ.

— Не выдержалъ, папа! Я вѣдь недавно еще узналъ, что Саввушка его незаконный сынъ. Я часа два не могъ уснуть послѣ того, какъ мнѣ это Егоръ Егоровичъ сообщилъ. Это же не честно. Я такъ уважалъ, такъ уважалъ дядю Устю. И вдругъ... Нѣтъ, не дай Богъ разочаровываться въ близкихъ людяхъ...

Онъ былъ сильно взволнованъ.

— Ты еще юноша, — началъ Иванъ Николаевичъ, ходя по комнатѣ:—ты не знаешь, какъ тяжело устоять въ жизни, остаться совершенно нравственнымъ. Иногда...

Ваня перебилъ его:

— Папа, я не о томъ, а о томъ, что такъ нельзя относиться къ дѣтямъ. Незаконный сынъ, такъ и въ слесаря его, такъ и на улицѣ его оставить расти. Да вонъ ты и мама чужихъ стараетесь поднять, лучше сдѣлать, а онъ своего сына забросилъ на кухню...

И, не давая отцу возразить что-нибудь, онъ прибавилъ:

— И не говори дядя Устя о дурномъ поведеніи людей, не брани онъ общество, ну, тогда бы другое дѣло, а то

другихъ бранитъ, а самъ... Нѣтъ, папа, нѣтъ, ты не оправдывай его передо мною. Можетъ-быть, и нельзя иначе жить, можетъ-быть, я и самъ буду не лучше, но теперь мнѣ вѣрить нужно, что можно жить иначе, что должно иначе жить. Я вотъ когда узналъ это объ дядѣ Устѣ, я далъ себѣ честное слово, что никогда, никогда такимъ я не буду, не буду говорить одно, дѣлать другое..

Онъ былъ такъ возбужденъ, что Иванъ Николаевичъ только могъ потрепать его по плечу и сказать:

— Дай Богъ, дай Богъ! Ты знаешь, что и мы съ матерью держались этого же правила. Но ты еще молодъ, а мы пожили, вотъ почему мы уже научились оправдывать многое въ другихъ, чего не оправдали бы въ себѣ...

Елена Васильевна тихо проговорила:

— А я даже и оправдывать не научилась...

Иванъ Николаевичъ пошутилъ:

— Охъ, ты, непримиримая! Не оправдываешь, а приди дядя Устя—сейчасъ же пригрѣешь его...

— Жаль, вотъ и все,—сказала она. — Но жалость не оправданіе.

— Да, мама, и мнѣ жаль его, но это не оправданіе,— торопливо согласился съ матерью сынъ.

Иванъ Николаевичъ шутилъ:

— Ахъ, вы, строгіе судьи!

И тотчасъ же, заминая разговоръ, перешелъ къ вопросу о Саввушкѣ. Надо хлопотать о немъ. Надо пристроить его. Поступитъ въ банкъ, молодцомъ еще станетъ. Мальчуганъ не дурной, съ лѣнцой немного, бахвалиться любитъ, ну, да это еще не смертные грѣхи. Будетъ получать жалованье, будетъ прилично одѣтъ, будетъ сидѣть за чистой работой и ничего—выйдетъ человѣкъ, какъ человѣкъ. Только надо все скорѣй обдѣлать, потому дядя Устя палецъ о палецъ не ударитъ даже для родного сына. Вотъ вѣдь мягкій по натурѣ человѣкъ, душа общества въ трезвомъ видѣ, а поройся въ немъ—эгоистъ такой, какихъ свѣтъ не произвелъ. Да впрочемъ, нѣтъ, это и не эгоизмъ, а какая-то ходячая русская лѣнь шевельнуть пальцемъ для другихъ или даже для себя. Потеряй онъ уроки—онъ и искать не станетъ новыхъ, а будетъ погибать отъ безденежья и ругаться. Еще слава Богу, что онъ пенсію скоро выслужитъ, а то—плохо бы ему пришлось подъ старость. Чего добраго, Анисьѣ Ивановнѣ пришлось бы кормить его.

Весенній вечеръ давно уже смѣнился ночью, а Зубковы

все еще толковали въ уютной комнатѣ, дружные, согласные, счастливые. Особенно счастлива была Елена Васильевна: у нея не выходили изъ головы слова сына о томъ, что онъ далъ честное слово, чтобы у него слово не расходилось съ дѣломъ. Она только этого и желала. Это былъ ея идеалъ человѣка. За это она и Ивана Николаевича полюбила и продолжаетъ любить, какъ въ первые дни супружества.

XV.

Никогда еще не испытывалъ Ваня такого скверная настроенія, какъ въ одинъ изъ дней послѣднихъ экзаменовъ. Онъ зналъ свой предметъ—исторію—отлично и не боялся срѣзаться. Но въ его душѣ поднималось тяжелое чувство при мысли, что онъ въ этотъ день встрѣтится съ Устиновымъ впервые послѣ происшедшей въ ихъ домѣ сцены. Волновался онъ, собственно, только оттого, что ему было стыдно за Устинова, неловко смотрѣть на этого человѣка. Экзаменъ еще не начался, когда Ваня встрѣтился съ Устиновымъ въ коридорѣ и смутился еще болѣе, увидѣвъ, что Устиновъ упорно глядитъ куда-то въ сторону, спѣша бочкомъ проскользнуть мимо него, какъ бы не замѣчая его поклона. Взъерошенные волосы, нахмуренныя брови были ясными признаками того, что Устиновъ сильно возбужденъ, можетъ-быть, даже успѣлъ уже закусить. Не прошло и получаса, какъ начались экзамены. Устиновъ, обыкновенно добродушный и снисходительный, склонный даже къ излишнимъ поблажкамъ, былъ положительно неузнаваемъ: онъ придирался къ экзаменующимся, что было вовсе не въ его характерѣ. Правда, онъ любилъ подтрунивать, иронизировать, но и только, теперь уже были не шутки, а злыя придирки. И чѣмъ больше онъ придирался, тѣмъ больше онъ злился на самого себя, раздражался еще болѣе, и отзывалось это, конечно, на ученикахъ. Директоръ училища, любившій, чтобы у него все шло на экзаменахъ, какъ по маслу, ерзалъ на креслѣ, точно на иголкахъ. Вмѣсто возможности щегольнуть знаніями учениковъ, онъ едва спасалъ ихъ отъ провала передъ присутствовавшимъ на экзаменѣ ассистентомъ. Послѣдній морщился и тоже началъ придираться, зная очень хорошо, что мирволить ученикамъ есть прямая выгода начальника и содержателя учебнаго заведенія. Между этими тремя лицами шла замѣтная пикировка, всѣ они были возбуждены. Пришла наконецъ очередь Зубкова стать передъ экзаменаторами. Усти-

новъ глядѣлъ въ сторону, мрачно, кусая губы. Казалось, онъ не предложитъ ни одного вопроса этому ученику, предоставитъ ему полную свободу отвѣчать на билетъ. Зубковъ не могъ не замѣтить того, что Устиновъ не смотритъ на него, что онъ сталъ мрачнѣе осенней ночи, но у юноши на минуту вылетѣли изъ головы всѣ постороннія соображенія; онъ думалъ только объ отвѣтѣ на свой билетъ. Онъ заговорилъ бойко и толково, хотя нѣсколько пространно и торопливо, зная прекрасно свой предметъ. Вдругъ неожиданно на половинѣ отвѣта Устиновъ, раздраженный его смѣлостью, развязностью его рѣчи, просто звуками его голоса, рѣзко оборвалъ его:

— Хорошо-съ, хорошо рапортуете. Что твой Цицеронъ. Да краснобайства мало-съ. А цифры-съ, а хронологія?

Ваня бросилъ на него недоумѣвающій взглядъ. Устиновъ уже побагровѣлъ и опять глядѣлъ куда-то въ полъ, чтобы не встрѣтиться съ глазами Вани.

— Я отвѣчаю на билетъ,—сухо сказалъ Зубковъ, обрывая рѣчь и чувствуя, что вся кровь прилила къ его забившемуся, какъ птица въ клѣткѣ, сердцу.

Посторонній ассистентъ коротко спросилъ у Устинова:

— Вѣрно, по этой части хромаетъ?

Устиновъ при этомъ вопросѣ взбѣсился на самого себя, чувствуя, что онъ къ чему-то придирается и невольно подставляетъ ногу Зубкову. Тѣмъ не менѣе онъ злобно и отрывисто отвѣтилъ спрашивавшему его товарищу-экзаменатору:

— Кто ихъ знаетъ, говорить-то они всѣ мастера!

А въ душѣ онъ уже обзывалъ себя скотиной и подлецомъ.

Директоръ училища вступился за Зубкова, зная его за отличнаго ученика, и проговорилъ:

— У него въ году лучшія отмѣтки!

— Продолжайте, — совершенно сухо сказалъ экзаменаторъ, даже не взглянувъ на директора.

Ваня не сразу могъ овладѣть собою. Онъ растерянно смотрѣлъ на Устинова, какъ смотрятъ на человѣка, въ котораго привыкли съ дѣтства вѣрить и который вдругъ сдѣлалъ низость. Въ душѣ поднялось невыразимо горькое чувство, точно слезы готовы были брызнуть изъ глазъ. Въ головѣ былъ невообразимый хоасъ. Онъ, тѣмъ не менѣе, постарался овладѣть собою, продолжалъ отвѣчать, но уже менѣе связно, менѣе самоувѣренно. Выраженіе его блѣднаго, какъ полотно, лица было растерянное, сконфуженное. По-

сторонній экзаменаторъ-ассистентъ смотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ, пристально и зорко, сощуривъ глаза, какъ бы говоря: «такъ вотъ ты каковъ; говоришь, какъ заведенная машина; стоитъ остановить и потеряешь нить зазубреннаго отвѣта».

— Подробнѣе, подробнѣе! — сказалъ онъ. — Куда заспѣшили?

Зубковъ чувствовалъ, что еще двѣ-три минуты и онъ вовсе смолкнетъ. Въ его головѣ носился уже не отвѣтъ, а было сознаніе, что Устиновъ, его милый дядя Устя, старый другъ его отца, подставилъ ему ногу. По лицу юноши скользила горькая, болѣзненная улыбка. Ее можно было принять за плачущее выраженіе юноши, чувствующаго, что онъ сорвался на экзаменѣ. Устиновъ тоже сознавалъ вполнѣ ясно значеніе своего поступка и задыхался отъ бѣшенства на себя. Если бы онъ могъ, онъ самъ исколотилъ бы себя. Онъ вдругъ рѣзко произнесъ:

— Довольно-съ!

Экзаменаторъ-ассистентъ вопросительно взглянулъ на него.

— Ясно, что знаетъ отлично!—пробормоталъ Устиновъ.— Чего безъ толку продолжать...

— Но я далеко не доволенъ второй половиной отвѣта,— тихо сказалъ ассистентъ: — онъ скомкалъ вторую половину отвѣта...

Устиновъ загорячился и заспорилъ съ нимъ довольно громко. Директоръ, чувствуя, что можетъ произойти некрасивая сцена, сказалъ Зубкову:

— Можете идти!

Онъ вмѣшался тотчасъ же по удаленіи Зубкова въ споръ Устинова съ ассистентомъ, говоря, что Зубковъ лучшій ученикъ, что его знанія гораздо больше, чѣмъ требуется по программѣ. Ассистентъ пожалъ плечами и придирчиво замѣтилъ:

— Но Викторъ Петровичъ самъ усомнился въ его знаніи хронологіи, и потомъ второй половиной отвѣта я положительно недоволенъ. Онъ показываетъ, что ученикъ умѣетъ задалбливать отсюда и досюда, но...

— Ну, и слава Богу, если умѣетъ задалбливать! Теперь это и нужно,—рѣзко произнесъ Устиновъ.

— Не для восьмого класса...

— Да хоть бы и для четырнадцатаго...

Ассистентъ уставился на Устинова строгими глазами, точно говоря ему: «что ты за птица? Не слетѣть бы тебѣ

съ мѣста». Директоръ слащаво залебезилъ передъ экзаменаторомъ и внутренно посылалъ къ чорту Устинова, прибавляя при этомъ: «и полетишь къ чорту, только бы экзамены кончить».

У самого же Устинова передъ глазами вертѣлись какіе-то красные и синіе круги, въ головѣ шумѣло, въ горлѣ было сухо. Онъ чувствовалъ себя невообразимо скверно, сознавая, что Зубкова спасло отъ неудовлетворительной отмѣтки только безусловно хорошее знаніе предмета. Знай Зубковъ хоть немного хуже, сробѣй онъ и дѣло бы было проиграно окончательно. И ради кого? ради него, Устинова, друга всей семьи этого мальчугана. Онъ чувствовалъ, что этотъ мальчуганъ еще тутъ, еще смотритъ на него недоумѣвающимъ, растерянным взглядомъ, съ безмолвнымъ упрекомъ. Онъ презиралъ въ эту минуту самъ себя, и снова злоба душила его, перехватывала голосъ, но онъ уже не рѣзалъ учениковъ, а впалъ въ какую-то мрачную, тупую апатію, смотря въ пространство осовѣвшими глазами, и экзаменовалъ какъ бы сквозь сонъ, угрюмо и машинально повторяя одно и то же:

— Хо-ро-шо-съ! Хо-ро-шо-съ!

Въ головѣ же носились мысли: «Ну, вотъ и порвалъ навсегда съ единственными близкими людьми; калачомъ теперь меня къ нимъ не заманишь! А! да и чортъ ихъ возьми; на что они мнѣ—кабакъ мнѣ нуженъ. Больше мнѣ ничего не нужно».

Ваня вышелъ изъ училища, точно угорѣлый или пьяный. Въ головѣ все путалось. Его даже не интересовалъ вопросъ, какія отмѣтки поставили ему экзаменаторы. Если бы они поставили дурныя, онъ едва ли огорчился бы больше, чѣмъ былъ огорченъ теперь. Пьянству любимаго человѣка онъ еще могъ найти оправданіе. Тяжело поразило его извѣстіе, что сынъ Устинова исключенъ изъ училища и можетъ погибнуть вслѣдствіе небрежнаго воспитанія. Но все это не такъ повліяло на него, какъ сегодняшній случай, показавшій измельчаніе честной натуры, отзывавшійся чѣмъ-то пошлымъ. И все это вслѣдствіе безпутной жизни. Пьетъ человѣкъ, дѣлаетъ спьяна безпутства, стыдится ихъ, бѣсится за нихъ на другихъ и на себя и совершаетъ еще бо́льшія ошибки, промахи, неприглядные поступки, точно умопомѣшанный. Грязная тина засасываетъ незамѣтно, грязнитъ и душитъ все чистое и хорошее. Объяснить все это можно, примириться съ этимъ трудно, невозможно...

— А вотъ и ты!—раздался веселый голосъ Ивана Ни-

колаевича, завидѣвшаго входившаго въ комнату сына.—А у насъ радость. Саввушку-то мы, кажется, пристроимъ. Сейчасъ говорилъ съ Егоромъ Егоровичемъ. Мѣсто есть. Онъ вѣдь связи-то имѣетъ. То-то будетъ радъ дядя Устя. Видѣлъ ты его сегодня? Говорилъ съ нимъ?

Елена Васильевна весело перебила мужа:

— Да ты спросилъ бы его объ экзаменѣ, ахъ, ты, скороспѣлка, сейчасъ свои радости выкладываешь, а объ экзаменѣ и ни слова.

— Есть о чемъ спрашивать! Превосходно, конечно?— воскликнулъ Зубковъ, трепля сына по плечу.

И онъ, и жена были очевидно отлично настроены ради удачи по дѣлу о Саввушкѣ. Ваня молча поцѣловалъ ихъ и, подавивъ свое волненіе, бодро проговорилъ:

— Да, экзаменъ сдалъ... еще бы!.. Такъ, значитъ, Саввушка будетъ на мѣстѣ? Ну, и слава Богу. Иначе плохо ему пришлось бы!

— Ну, пока отецъ живъ—ничего еще,—сказалъ Иванъ Николаевичъ:—а вотъ послѣ его смерти...

— Можно надѣяться на такого отца! — рѣзко проговорилъ Ваня, не удержавшись отъ внезапной вспышки гнѣва.

Отецъ покачалъ головой.

— Ай-ай-ай! Злопамятный! Все еще не уходилось сердце? Мало ли что съ кѣмъ бываетъ. Нѣтъ, Устиновъ добрый и честный человѣкъ. Посмотрѣлъ бы ты, какъ онъ держалъ себя, когда надъ нами обоими стряслась бѣда...

— Кто пьетъ, тотъ ни за что не можетъ ручаться, — отрѣзалъ Ваня.

И чтобы не распространяться далѣе, пошелъ переодѣваться въ свою комнату.

— Непримиримый! — пошутилъ ему вслѣдъ отецъ и заторопился: — Надо сегодня же дать знать дядѣ Устѣ. Онъ нашего мальчугана довелъ до конца въ училищѣ, мы его сынишку пристроимъ. Долгъ платежомъ красенъ. Я ему эту радость къ сегодняшнему дню и приберегъ. Пусть не у насъ однихъ веселье...

Онъ ходилъ по комнатѣ, потирая руки, веселый, радостный, счастливый сознаніемъ добраго дѣла. Подали обѣдъ. Иванъ Николаевичъ чувствовалъ, что у него и аппетитъ пропалъ отъ радости. Хотѣлось скорѣй, скорѣй ѣхать къ пріятелю съ доброй вѣстью. Едва кончивъ обѣдъ, онъ собрался ѣхать, на ходу шутливо спрашивая жену и дѣтей:

— Ну, что-жъ, кланяться дядѣ Устѣ? Тащить его къ

намъ? Вотъ я Саввушку захвачу. Завтра праздникъ, пусть погуляетъ у насъ. Вы давно его не видали. Я думаю, большой балбесъ сталъ...

— Да ужъ ты поѣзжай, поѣзжай, — торопила его Елена Васильевна.

Онъ уѣхалъ.

Устинова не было дома. Анисья, красная отъ кухоннаго жара, чѣмъ-то сильно возбужденная, встрѣтила Зубкова цѣлымъ потокомъ рѣчей.

— Не пришелъ съ экзаментовъ Викторъ Петровичъ. Охъ, не къ добру это, въ трахтиръ, значитъ, съ пріятелями пошелъ и закутитъ теперь. Раньше ночи и не жди. За послѣднее время темнѣй осенней ночи сталъ, рветъ и мечетъ, а потомъ въ слезы вдарится. Шибче прежняго пить сталъ. Да какъ и не быть человѣку не въ себѣ. Саввушка-то ихъ, на-ка, какую штуку выкинулъ: изъ училища исключили. Слесаремъ не хочетъ быть, баринъ тоже какой выискался. Мать у плиты жарится, мать тутъ постираетъ, тамъ подмоетъ, а онъ—баринъ, въ книжку читаетъ, ноготки щеточками да ножичками чиститъ. Вонъ и теперь надулся, какъ мышь на крупу, за то, что мать свои резонты ему представляетъ. Дуйся, не дуйся, а ни къ кому, окромя матери, не придешь: «сдѣлай, молъ, то, да почини, молъ, это».

Зубковъ прошелъ къ Саввушкѣ. Тотъ сидѣлъ у окна и перочиннымъ ножичкомъ сосредоточенно подравнивалъ и подчищалъ ногти, то и дѣло разсматривая ихъ и любуясь ихъ красотой. Увидавъ Зубкова, онъ сконфузился и быстро сталъ прятать ножъ.

— Ахъ, это вы, Иванъ Николаевичъ, а я думалъ нашъ Викторъ Петровичъ,—началъ онъ скороговоркой, расшаркиваясь и пожимая руку Зубкова. — Заждались мы его сегодня и не обѣдали еще. Садитесь, пожалуйста, гостемъ будете, онъ скоро вернется, должно-быть...

— Досадно, что не засталъ, — сказалъ Зубковъ. — Я съ новостью. Мѣсто тебѣ нашелъ.

Саввушка вспыхнулъ:

— Если-съ въ мастеровые, Иванъ Николаевичъ, такъ я не пойду,—торопливо выпалилъ онъ.

— Ну, вотъ еще! — засмѣялся Зубковъ, трепля его по плечу.—Развѣ я не знаю. Генераломъ-отъ-инфантеріи хотятъ сдѣлать.

Саввушка обидѣлся.

— Мнѣ генераломъ не быть-съ, а тоже и слесаремъ... Вы-съ Ваню не отдали бы въ слесаря...

Зубковъ потрепалъ его по плечу.

— Пошутилъ я, не сердись. Въ банкъ думаю я тебя пристроить.

Саввушка обрадовался.

— Не въ артельщики, Иванъ Николаевичъ?

— Въ директора прямо!—опять пошутилъ Зубковъ и заторопился: — Однако, поѣдемъ къ намъ, я заложникомъ тебя беру. Пусть Викторъ Петровичъ выручать пріѣдетъ завтра.

— Я сейчасъ! Только одѣнусь!—радостно отвѣтилъ Саввушка и побѣжалъ одѣваться за драпировку.

— Только не обѣдалъ вотъ ты,—крикнулъ Зубковъ.

Саввушка засмѣялся.

— Я ужъ подкормился въ ожиданіи Виктора Петровича.

— На кухнѣ лизалъ сковороды?

— Нельзя же голодать...

Они говорили черезъ драпировку. Было слышно, какъ за нею суетился Саввушка, громко хлопая дверцами шкапа и ящиками комода.

— Да ты не копайся. Въ корсетъ ты, что ли, затягиваешься?

— Нельзя же кое-какъ... Надоѣло и въ училищѣ чумазымъ ходить...

Онъ вышелъ въ свѣтлой парѣ платья, въ ботинкахъ съ пуговками, въ цвѣтномъ галстучкѣ, не то щеголеватымъ провинціаломъ, не то принарядившимся лакейчикомъ изъ барскаго дома. Вертясь у зеркала, онъ поправлялъ бантикъ галстука и прихорашивалъ прямые бѣлокурые волосы.

— Ты это что же, плохо видишь, что ли? — спросилъ Иванъ Николаевичъ, видя болтавшееся у Саввушки pince-nez.

Саввушка сконфузился.

— Это-съ консервы, Иванъ Николаевичъ. Отъ солнца.

И не умѣя еще хитрить, онъ прибавилъ стыдливо:

— Косоватъ я тоже... все оно красивѣе... подъ синими стеклами незамѣтно.

Зубковъ покачалъ головой.

— Счастье тоже, кому Богъ красоту далъ! — вздохнулъ Саввушка, торопливо надѣвая пальто.—Вотъ Викторъ Петровичъ разсказываетъ, какъ живетъ господинъ Вощининъ. Чудеса! Безъ красоты въ вѣкъ бы ему такъ не жить.

Онъ побѣжалъ въ кухню чистить шляпу, и Зубковъ услы-

халъ, какъ онъ попрекаетъ Анисью, что та даже шляпы ему не вычиститъ.

— Баринъ какой выщелкнулся,—отвѣтила Анисья.

— Такъ свиньей-мастеровщиной, что ли, ходить?—огрызнулся Саввушка.

— А хочешь бариномъ ходить, самъ умѣй чистить...

Черезъ нѣсколько минутъ онъ уже былъ готовъ, смотрѣлъ щеголемъ и даже былъ довольно красивъ, несмотря на свои прямые бѣлокурые волосы, вздернутый задорно носъ и многочисленныя веснушки, покрывавшія его блѣдное, худощавое лицо.

Зубковъ десятокъ разъ повторялъ Анисьѣ, чтобы она передала Устинову, что для Саввушки нашлось мѣсто, что Саввушка пробудетъ у нихъ завтрашній день, что Устинова завтра они ждутъ къ себѣ. Анисья только кланялась и говорила:

— Запомню! запомню! Прогоню его завтра чѣмъ-свѣтъ къ вамъ!

Саввушка торопливо натягивалъ перчатки, нетерпѣливо спѣша выбраться изъ дома.

— Не хорошо, Саввушка, что ты командуешь Анисьей Ивановной,—замѣтилъ ему Зубковъ, усаживаясь съ нимъ на дрожки.

Саввушка покраснѣлъ.

— Ахъ, Иванъ Николаевичъ, измучили они меня оба,—отвѣтилъ онъ жалующимся тономъ.—То зачѣмъ рядишься, какъ баринъ; то воетъ Анисья Ивановна, что буду я пьяной мастеровщиной...

— Вотъ какъ,—сказалъ Зубковъ.—Да, вѣдь, она же хотѣла, чтобъ изъ тебя механикъ вышелъ.

— Развѣ у нея есть хотѣніе! Сегодня одно, завтра другое. Напьется Викторъ Петровичъ и плачетъ она, что господа-то нынче только по трактирамъ ходятъ, дома своего не знаютъ. Увидитъ пьянаго мастерового, голоситъ, что мастеровые только въ кабакахъ и сидятъ. А Викторъ Петровичъ — я ужъ и не знаю, чего онъ хочетъ. Все не такъ, всѣхъ браните, на все возстаетъ. Послушать его, такъ и жить нельзя.

Онъ оживился.

— Вотъ какъ меня исключили, въ отчаянность я впалъ. Не то, чтобы мнѣ училища было жаль или по слесарству я сокрушался. А попалъ домой — Анисья Ивановна плачетъ, Викторъ Петровичъ въ пьяномъ видѣ бранится и тоже пла-

четъ. Ну, и взяло меня самого горе. «Пропащій» да «пропащій», только и слышу. Ну, и напустилъ на себя дурь, недѣлю цѣлую ходилъ, какъ лодырь, самъ о себѣ забылъ. Викторъ Петровичъ кричать началъ: «чего ты это нигилистомъ-то вахластымъ ходишь? Опаршивѣть хочешь?» Приказалъ костюмъ сдѣлать. Ну, пошелъ я, заказалъ платье. Вотъ это самое-съ, что на мнѣ. Опять брань. «Альфонсомъ, что ли, хочешь быть?» А какой же я Альфонсъ? Я не видалъ никакого Альфонса. «Ты бы, говоритъ Викторъ Петровичъ, еще красный галстукъ купилъ». Зачѣмъ же мнѣ красный, когда мнѣ къ лицу синій? И если не нравится ему, пошелъ бы самъ, заказалъ бы по своему вкусу. А то этакъ молодого человѣка только съ панталыку собьетъ...

Иванъ Николаевичъ покачивалъ головой, слушая его. Наконецъ, онъ замѣтилъ:

— Ну, было да прошло. Будешь служить, свои деньги имѣть, все уладится.

— Ахъ, ужъ какъ я вамъ благодаренъ, какъ благодаренъ!—воскликнулъ Саввушка, сжимая въ радостномъ волненіи рукою его колѣнку. — Я ужъ думалъ, пропало мое дѣло. Викторъ Петровичъ вѣдь пальца о палецъ не стукнетъ самъ, чтобы что-нибудь сдѣлать...

— Связей нѣтъ, безъ связей не найдешь мѣста, хоть бы и хотѣлъ,—сказалъ Зубковъ, вступаясь за пріятеля.

— Нѣтъ, вы этого не говорите. Это у него такой характеръ. Ворчать—это его первое дѣло, а тамъ хоть трава не расти.

Саввушка очень рѣдко бывалъ въ былые годы у Зубковыхъ. Устиновъ не любилъ таскать съ собой своего «воспитанника». Въ послѣдніе же годы, находясь въ ремесленномъ училищѣ на полномъ пансіонѣ, онъ почти вовсе не видалъ Зубковыхъ, за исключеніемъ Ивана Николаевича, заходившаго иногда по праздникамъ къ Устинову. Увидѣвъ его, семья изумилась. Это былъ совсѣмъ взрослый молодой человѣкъ, высокій и тоненькій, какъ жердочка. При встрѣчѣ съ нимъ въ Ванѣ пробудилось совсѣмъ особенное чувство наивнаго любопытства: онъ видѣлъ передъ собой незаконнорожденнаго. Знаетъ ли онъ, кто его отецъ и мать? Какъ онъ смотритъ на нихъ? Тяжело ли ему его положеніе? Вѣроятно, очень тяжело. Подъ этимъ впечатлѣніемъ молодой Зубковъ вполнѣ дружески привѣтствовалъ гостя. Всегда внимательный и любезный съ гостями, онъ въ данную минуту готовъ былъ сдѣлать все, чтобы его гостю было пріі-

ятно у нихъ. Привѣтливаго обращенія хозяевъ было достаточно, чтобы сразу ободрить Саввушку. Онъ былъ по натурѣ не изъ застѣнчивыхъ, обладалъ способностью сразу чувствовать себя въ чужомъ домѣ, какъ у себя; что нерѣдко встрѣчается у юношей, жившихъ на полномъ пансіонѣ въ училищѣ. Правда, онъ былъ робокъ при первой встрѣчѣ съ людьми, точно боялся въ нихъ начальства; но разъ этотъ страхъ проходилъ,—онъ становился съ ними въ тѣ товарищескія отношенія, которыя развиваются только между школьными пансіонерами. Потерялъ свой платокъ—взялъ платокъ у сосѣда и высморкался въ него. Увидалъ недопитый стаканъ съ квасомъ—выпилъ его, не справляясь, кто пилъ до него изъ этого стакана. Есть одна папироса,—ее курятъ вдвоемъ, втроемъ, у печки, около трубы. Спятъ всѣ въ одной комнатѣ и не церемонятся, не стѣсняясь другъ передъ другомъ ничѣмъ, ни неприличіемъ въ костюмѣ, ни безцеремонностью въ рѣчахъ. За чаемъ Елена Васильевна спросила Саввушку, сладко ли онъ любитъ чай. Онъ взглянулъ на стаканъ и замѣтилъ:

— Это вы мнѣ столько бухаете? Нѣтъ, двухъ кусковъ довольно!—и самъ полѣзъ пальцами въ стаканъ, вынулъ лишніе куски сахару и положилъ ихъ обратно въ сахарницу.—А вотъ до варенья, такъ я охотникъ.

Онъ пилъ чай своеобразно, положивъ обѣ руки на столъ, пригнувъ голову къ столу, вытягивая чай съ блюдечка «бычкомъ» и то и дѣло зачерпывая ложкой варенье прямо изъ вазочки, не обращая никакого вниманія на поставленное передъ нимъ стеклянное блюдечко для варенья. Увидѣвъ, что на столѣ нѣтъ ржаного хлѣба, онъ поднялся съ мѣста.

— Что вы?—спросила Елена Васильевна

— А я въ кухню, чернаго хлѣба спросить,—отвѣтилъ онъ.

— Такъ я велю подать.

— Ну, вотъ, стоитъ безпокоиться. Я самъ схожу.

По лицу Елены Васильевны скользнула улыбка. Онъ пошелъ въ кухню и принесъ оттуда въ рукахъ ломоть хлѣба.

— Не люблю я булокъ съ масломъ,—пояснилъ онъ, похлопывая ладонью по ломтю хлѣба.—Черный хлѣбъ сытнѣе.

Когда кончили пить чай, онъ потянулся и зѣвнулъ.

— Наѣлся!—проговорилъ онъ, благодаря хозяйку и хозяина.

Ему приготовили постель въ комнатѣ Вани. Оставшись вдвоемъ съ молодымъ Зубковымъ, Саввушка сталъ раздѣ-

ваться и, оставшись въ одной сорочкѣ, сталъ расхаживать по комнатѣ, куря папиросу.

— Славно тутъ у васъ,—говорилъ онъ, осматриваясь.— Чисто все и нарядно. Нѣтъ, у нашего Виктора Пѣтровича порядку не заведешь. Придетъ въ пьяномъ видѣ, все расшвыряетъ.

Онъ, широко разставивъ ноги, остановился передъ Ваней, присѣвшимъ на кровать.

— Однихъ клоповъ что развели у насъ—страсть. У васъ нѣтъ?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Ваня съ улыбкой.

Саввушка усѣлся въ кресло около его постели и вытянулъ впередъ длинныя, тонкія ноги. Пуская къ потолку дымъ колечками, онъ мечтательно заговорилъ:

— Какъ только стану получать сносное жалованье, тотчасъ же переѣду и устроюсь по-своему. Надоѣло мнѣ слушать нашихъ.

— Викторъ Петровичъ, можетъ-быть, не захочетъ, чтобъ ты жилъ отдѣльно.

— Я и не спрошу его. Если-бъ законный отецъ былъ, тогда другое дѣло. А то какія у него права? Меня вонъ и по батюшкѣ не Викторовичемъ, а Николаевичемъ зовутъ. Савва Николаевичъ Николаевъ.

Онъ уставилъ глаза на свои ноги и началъ задумчиво перебирать ихъ длинными пальцами.

— Даже фамиліи своей не потрудились дать, — сказалъ онъ.—Лѣнь хлопотать было. Меня вздумалъ было попрекать лѣнью, а самъ лѣнивѣе всякаго лѣнтяя. Можетъ, и не женился отъ лѣни. Кто его знаетъ. Не былъ бы лѣнивъ, не отдалъ бы меня въ слесаря, а подготовилъ бы въ гимназію, что ли...

— Анисья Ивановна, кажется, не хотѣла этого, — замѣтилъ осторожно Ваня.

— Много она понимаетъ и много онъ ее слушаетъ. Нѣтъ, просто лѣнь было подготовлять толкомъ. Вышелъ случай, что можно было въ ремесленное пристроить — ну, и пристроилъ.

Онъ закинулъ на лѣвое колѣно правую ногу и сталъ разсматривать на ней мозоли.

— Вонъ сапожищами казенными благодать какую натеръ. На рукахъ тоже вонъ какія мозоли.

Онъ, показавъ Ванѣ ладони рукъ, опять откинулся на спинку кресла и, дымя папиросой, продолжалъ:

— И какъ въ голову пришло, что я останусь слесаремъ. Самъ бариномъ живетъ, господа къ нему ходятъ, а я иди въ слесаря.

— Ты бы механикомъ вышелъ. Изъ господъ многіе идутъ на это поприще, обучаясь въ Технологическомъ. Теперь нуждаются въ знающихъ это дѣло.

— А жить-то какъ бы ты сталъ? Коптись на заводѣ? Жарься у горновъ? Пили да сверли желѣзо? А другіе ручки свои холятъ, занимаясь чистой работой. Нѣтъ, слуга покорный! Конечно, если не видать лучшаго — на все пойдешь. Оставили бы въ деревнѣ, ну, и былъ бы мужикомъ. А здѣсь?

Онъ заговорилъ о томъ, какъ бы ему хотѣлось жить. Заниматься письменной работой, получать хорошее жалованье, днемъ на службѣ, вечеромъ въ клубѣ или въ театрѣ, въ праздникъ по Невскому себя показать, на людей посмотрѣть. Ваня молча слушалъ эту болтовню, задумчиво смотря въ полъ, видя передъ собой двѣ протянутыя тонкія ноги, съ плоскими большими ступнями, съ низкими подъемами, съ шевелящимися большими пальцами въ мозоляхъ.

— А ты любишь за барышнями ухаживать? — неожиданно спросилъ Саввушка.

Ваня машинально качнулъ головой. У него давно охота прошла говорить.

— Мы прошлымъ лѣтомъ все по скверамъ ходили. Тамъ няньки, кормилицы, мамзели изъ магазиновъ. Хорошо.

Онъ сталъ говорить о достоинствахъ нянекъ, кормилицъ и мамзелей изъ магазиновъ, объясняя, почему ему нравятся особенно кормилицы.

— Только ужъ я, какъ Викторъ Петровичъ, не свяжусь незаконнымъ манеромъ, чтобы дѣтей приживать,—закончилъ онъ.—Нѣтъ, шалишь. Найдется невѣста съ деньгами—женюсь. Это другая музыка. Эхъ, кабы красота! Въ мать я. Носъ на вѣтеръ и веснушки. Волоса тоже — помажу, помажу, а все рѣдки. Тѣла только не нагулялъ еще, какъ она, наша-то Анисья Ивановна. Вонъ какой шкелетъ.

Онъ указалъ на свое обнаженное тѣло. Ваня очнулся и точно сконфузился.

— Ты, однако, не простудись. И спать пора.

Онъ сталъ раздѣваться, торопясь укрыться подъ одѣяло.

— Нѣтъ, у васъ тепло. Жарко мнѣ даже.

Саввушка сталъ обмахиваться сорочкой.

— Покойной ночи! Загаси свѣчу,—проговорилъ Зубковъ, отворачиваясь лицомъ къ стѣнѣ.

Онъ долго не могъ уснуть. Въ его головѣ роились думы объ Устиновѣ. Сколько неприглядныхъ сторонъ открывалось въ этомъ человѣкѣ, котораго онъ такъ давно привыкъ любить и уважать. Что онъ сдѣлалъ изъ своего сына. Какъ досадно, что раньше никому не пришло въ голову позаботиться о Саввушкѣ. Насильно бы слѣдовало взять его у Устинова. Вотъ хоть бы прошлое лѣто, чтобы по скверамъ не шлялся. Впрочемъ, не отдалъ бы, пожалуй, и мать не отдала бы. А что теперь изъ него выйдетъ?..

XVI.

Тщетно ждали Зубковы на слѣдующій день Виктора Петровича. Онъ не явился. Иванъ Николаевичъ встревожился немного. Не захворалъ ли? Почему вчера пропалъ послѣ экзаменовъ? Саввушка успокоилъ его. Куролеситъ въ послѣднее время Викторъ Петровичъ. Каждый день на взводѣ. Это еще болѣе встревожило Зубкова. Нѣтъ ли серьезнаго горя у пріятеля? Онъ всегда съ горя запиваетъ. Не поѣхать ли къ нему? Елена Васильевна очень любила праздничные дни именно за то, что мужъ и сынъ оставались цѣлый день дома, тѣмъ не менѣе и она соглашалась съ мужемъ, что надо бы съѣздить къ Устинову, узнать, что съ нимъ. Отъ Саввушки ничего не узнаешь. У него одно объясненіе: «запилъ». И какъ спокойно говоритъ онъ объ этомъ, какъ безпечно весело болтаетъ и школьничаетъ съ Машей и Настей. Забрались они трое въ залъ, Саввушка имъ фокусы показываетъ, какіе-то еврейскіе разсказы разсказываетъ, и дѣвочки звонко хохочутъ вслѣдъ за нимъ. Даже лицо у него разгорѣлось отъ веселья. Ваня, посидѣвъ немного въ кружкѣ хохотавшей молодежи, вошелъ въ кабинетъ отца, гдѣ все еще шло совѣщаніе объ Устиновѣ, и, видя тревогу отца, замѣтилъ коротко:

— Не безпокойся, папа, ничего не случилось, но Викторъ Петровичъ не пріѣдетъ сегодня.

Отецъ вопросительно взглянулъ на него.

— Я такъ и думалъ, что онъ не пріѣдетъ, но не хотѣлъ говорить ничего. Не люблю я разсказывать всякія вещи.

Онъ немного взволновался и покраснѣлъ.

— Что случилось? — спросила Елена Васильевна. — Отъ Саввушки слышалъ что-нибудь?

— Нѣтъ!

Ваня коротко и сжато разсказалъ вчерашнюю сцену на

экзаменѣ. Иванъ Николаевичъ переглянулся съ женой, пожимая плечами.

— Ты, папа, не придавай этому значе́нія, — закончилъ Ваня. — Кончилось все хорошо, ну, и Богъ съ нимъ. Онъ же не виноватъ. Это все отъ вина. Не говори ему, что я разсказалъ. Я и разсказалъ для того, чтобы ты не ѣздилъ сегодня. Еще тебѣ сцену сдѣлаетъ и... откажется, пожалуй, взять мѣсто для Саввушки.

Иванъ Николаевичъ загорячился, заходилъ по комнатѣ.

— Ну, ужъ это дудки! Этого-то я не дамъ ему сдѣлать. Да и не сдѣлаетъ онъ этого. Что тебѣ пришло въ голову!

Елена Васильевна перебила мужа:

— Нѣтъ, Ваня правъ. Отъ него теперь и этого можно ждать. Ваня вѣрно подмѣтилъ эту черту въ немъ!

И, волнуясь, она воскликнула:

— Нашего сына чуть не подвелъ! Это просто низко!

Ваня вступился за Устинова.

— Не вини его, мама, что-жъ дѣлать, если разсудокъ помутился...

Иванъ Николаевичъ продолжалъ ходить по комнатѣ и потирать руки. Раза два онъ принимался снова разспрашивать сына. Не показалось ли тому, что Устиновъ хотѣлъ придраться? Можетъ-быть, у него и въ умѣ не было ничего дурного? И, не дожидаясь отвѣта сына, онъ самъ же утверждалъ, что все было такъ, какъ сказалъ сынъ, что все это водка проклятая дѣлаетъ. И времена-то теперь такія, что трудно остаться цѣльнымъ человѣкомъ, не свихнуться куда-нибудь въ сторону. Одни подлецами дѣлаются, другіе спиваются, третьи въ петлю лѣзутъ.

Ваня молчалъ и думалъ о томъ, что бы заговорили отецъ и мать, если бы слышали вчерашніе разсказы Саввушки о скверахъ, мамзеляхъ и тому подобномъ. Это уже не придирки на экзаменѣ, а полное пренебреженіе къ воспитанію сына. Отвернулись бы, пожалуй, вотъ какъ онъ отвернулся отъ Устинова. Онъ сознавалъ, что онъ навсегда отвернулся отъ этого человѣка. Никакихъ оправданій, никакого снисхожденія не было въ его душѣ. Онъ не хотѣлъ вооружать противъ него другихъ, онъ даже вступался за него, говоря, что виновато во всемъ вино, но самъ онъ чувствовалъ, что ему было бы тяжело пожать теперь руку этого человѣка. Никогда онъ не примирится съ нимъ. Онъ невольно остановился на этой мысли. И нужно ли вообще примиряться? Не потому ли все и дѣлается, что со всѣмъ примиряются

честные люди? Если бы въ эту минуту заглянуть поглубже въ его душу, то можно бы найти въ ней черты, унаслѣдованныя отъ матери,—и она тоже не примирялась съ недостатками людей и не находила имъ прощенія, когда эти недостатки гибельно отзывались на близкихъ къ ней лицахъ. Такъ она почти враждебно относилась къ недостаткамъ своей матери, когда та вредила Александру Константиновичу въ дни его юности, когда она нападала на Ивана Николаевича, когда она дурно вліяла на Настю. У Вани явилась эта же черта, но онъ чувствовалъ, что онъ не примирится съ Устиновымъ не за себя, не за Саввушку, а просто потому, что Устиновъ упалъ въ его мнѣніи, что уже не можетъ ждать отъ него ничего хорошаго онъ, Ваня. Онъ уже думалъ и не объ Устиновѣ, а вообще о людяхъ, дурныхъ, злыхъ, испорченныхъ, и говорилъ себѣ, что прощать ихъ не слѣдуетъ. Очень ужъ многое прощается, и потому всѣ распускаются еще болѣе, не подтягиваются. Каждый считаетъ нравственность чѣмъ-то такимъ, что нужно проповѣдывать и отъ чего можно освобождать себя, оправдываясь внѣшними обстоятельствами, средой, тяжелыми временами. Въ душѣ пробудилась какая-то страстность, въ ней все кипѣло и бушевало.

Именно въ этомъ настроеніи его застала Лида, пріѣхавшая вечеромъ съ матерью къ Зубковымъ. Ольга Давыдовна тотчасъ же заявила Еленѣ Васильевнѣ, что ей надо поговорить съ ней и отвести душу. Онѣ прошли въ сопровожденіи Ивана Николаевича въ кабинетъ послѣдняго. Лида осталась въ залѣ съ молодежью. Минутъ десять она смотрѣла на фокусы Саввушки и слушала его еврейскіе разсказы, потомъ отвернулась и отошла къ окну. Ваня послѣдовалъ за нею.

— Не понравилось?—спросилъ онъ ее.

— Точно я этихъ глупостей не видала и не слыхала?— пренебрежительно отвѣтила она. — Все это въ театрахъ и на литературныхъ вечерахъ сотни разъ разсказывалось. И самъ этотъ господинъ — жердь какая-то съ вздернутымъ носомъ.

— Вамъ все красавцы нужны,—сказалъ Ваня.—Только по наружности все и цѣните.

— А вамъ ананасъ брось въ грязь, такъ вы поднимете и станете ѣсть?—спросила она задорно.

— Да я, можетъ-быть, и съ золотого блюда не возьму его, потому что онъ мнѣ не нуженъ,—отвѣтилъ Ваня.

— Ахъ, вамъ, значитъ, былъ бы только ржаной хлѣбъ!

— Да, онъ только и нуженъ.

— Такъ вы шли бы въ каменщики. Вонъ смотрите, они тамъ на шоссе работаютъ.

— Я знаю, гдѣ они работаютъ,—отвѣтилъ Ваня: — чего вы мнѣ указываете къ нимъ дорогу. Я еще не собираюсь быть каменщикомъ.

Она засмѣялась, глядя на него сверкающими глазами.

— Мы опять ругаться начали!

И, кокетливо улыбаясь, спросила:

— Почему мы какъ встрѣтимся, такъ сейчасъ и разссоримся?

— Такая ужъ вы капризная дѣвица,—отвѣтилъ онъ шутливо и невольно залюбовался ея хорошенькимъ личикомъ, озареннымъ теперь привѣтливой улыбкой.

Она безцеремонно впивалась въ него глазами и, качая головой, проговорила:

— Какъ это странно — вдругъ бы вы пошли въ каменщики!

Онъ очнулся.

— Съ чего вы это взяли?

— Такъ вотъ, говорили о нихъ и представилось вдругъ: вы—и сидѣли бы тамъ, поджавъ ноги, на мостовой и били бы камень.

— Ну?

Она засмѣялась.

— Всѣ экипажи стали бы останавливаться, чтобы взглянуть на васъ, на хорошенькаго каменщика.

Онъ вспыхнулъ и разсердился.

— Глупости вы говорите!

Она не сморгнула глазомъ.

— Какія глупости?

Онъ смѣшался.

— Что вы хорошенькій? Да? Это?

Онъ совсѣмъ разсердился.

— Развѣ это прилично говорить въ глаза? Я ужъ не мальчикъ, и вы—почти невѣста уже. Или кокетничать и заигрывать хотите? Такъ это пошло!

Она звонко засмѣялась.

— Чему вы?—спросилъ онъ.

— Ну, еще, еще! Ахъ, какъ я люблю, когда вы сердиты! Вы такъ еще красивѣе.

— Нѣтъ, съ вами сегодня нельзя говорить!

Онъ повернулся и ушелъ въ свою комнату. Едва онъ присѣлъ къ своему столу, какъ ему стало досадно на себя. Обругалъ и ушелъ. Хорошъ хозяинъ. Хорошъ благовоспитанный молодой человѣкъ. Это чортъ знаетъ что такое. Кто-то въ эту минуту закрылъ ему руками глаза, подкравшись къ нему сзади.

Не сознавая вполнѣ, что онъ дѣлаетъ, онъ взялъ эти руки отъ глазъ и поднесъ къ своимъ губамъ. Потомъ быстро обернулся и спросилъ:

— Этого вамъ хотѣлось?

На него смотрѣли смѣющіеся глаза, и хорошенькая головка слегка кивнула ему въ отвѣтъ. Онъ, уже совершенно придя въ себя, сконфузился за свой поступокъ и серьезно и тихо замѣтилъ:

— Этимъ шутить не слѣдуетъ...

Она безцеремонно подняла за подбородокъ его лицо, на мгновеніе взглянула на него влюбленными глазами и, точно встряхнувшись, сказала совсѣмъ серьезно:

— Я хотѣла помириться...

И, не давъ ему времени что-нибудь сказать, присѣла около стола и заговорила дѣловымъ тономъ:

— Мы вѣдь не ѣдемъ за границу. Слышали вы это? Мама пріѣхала излить свое горе Еленѣ Васильевнѣ. Она очень опечалена этимъ, хотѣлось ей увезти своего Александра Константиновича туда. Тамъ онъ, вѣдь, пришитъ къ ней, а здѣсь свободенъ, какъ вѣтеръ. Но онъ заупрямился. Въ директора какого-то банка нарочно заставилъ себя выбрать, чтобы имѣть отговорку: «дѣла!» А я рада, что мы не ѣдемъ, очень рада. Что тамъ—никого не знаешь, близкихъ нѣтъ. Поѣдемъ въ Петергофъ на лѣто. Здѣсь мама не хочетъ на заводѣ жить. Ну, что-жъ—въ Петергофъ, такъ въ Петергофъ. Вы пріѣдете къ намъ?

Она заискивающими глазами заглянула ему въ лицо.

— Ругаться?—спросилъ онъ.

Она кивнула головой.

— И мириться,—тихо добавила она.

И, впиваясь въ него глазами, прибавила:

— А ко мнѣ уже сватается женихъ...

Онъ весь вспыхнулъ, точно это сколько-нибудь касалось его.

— Женихъ?

— Да. Камергеръ. Ко двору вхожъ. Съ лучшими фамиліями въ родствѣ.

— Весь раззолоченный; какъ пѣтухъ индѣйскій, важный!

Дѣвочка, а уже объ женихахъ думаете! Обрадовались!—горячо проговорилъ онъ.

— И обрадовалась! А вамъ что до этого?

Онъ молчалъ. Точно, что ему до этого? Не ему жениться на ней. Онъ никогда объ этомъ и не думалъ. Влюбленъ онъ въ нее? Глупости! Всегда ругается съ нею. Вотъ и все.

— Бабушка ваша уговариваетъ меня выйти за него, когда лѣта позволятъ. Джоржъ тоже говоритъ: «хоть обуздаетъ онъ тебя». Александръ Константиновичъ радостно потираетъ руки и небрежничаетъ: «что-жъ, что онъ ко двору вхожъ; у тебя деньги, молодость и красота, тутъ не одинъ женихъ найдется», а самъ радъ, что можно сказать: «зять моей жены вчера былъ во дворцѣ; моя падчерица представлялась ко двору». Мама—той все равно, лишь бы ся Александра Константиновича не похитили.

— Да что вы мнѣ поете,—сердито сказалъ Ваня.—Сами прежде всѣхъ обрадовались...

— Да, обрадовалась—и сказала, что мнѣ рано еще выходить замужъ...

— Отказали?—обрадовался онъ.

Она уклончиво отвѣтила:

— Сказала, что еще рано мнѣ думать о замужествѣ...

— А-а! хочется, чтобы лишній человѣкъ ухаживалъ!

Она засмѣялась.

— А если бы и такъ? Мнѣ еще одинъ гвардейскій офицерикъ объяснялся въ любви.

— И ему сказали, что рано выходить замужъ.

— Да!

— Вы ихъ въ Петергофъ всѣхъ соберите, кунсткамеру устройте изъ поклонниковъ.

— А вы пріѣдете?

— Очень мнѣ нужно! Я-то въ ихъ полку не состою, мнѣ тоже рано.

— Ну, такъ и пріѣзжайте, вмѣстѣ смѣяться будемъ...

Она встала и, смѣясь, начала перерывать его книги, тетради. Она каждый разъ все переворачивала здѣсь вверхъ дномъ. Онъ остановилъ ее:

— Не смѣйте этого дѣлать! надоѣло послѣ васъ убирать!

— Попросите хорошенько, не стану.

Она опять смотрѣла на него смѣющимися, вызывающими глазами. Онъ отвернулся, ощущая что-то странное, точно ему тяжело было смотрѣть на нее.

— Ну, что же, просите!—повторила она.

— Какъ?

Она поднесла къ его губамъ руку.

— Вотъ какъ!

Черезъ минуту она уже хохотала въ залѣ. У Вани кружилось и шумѣло въ головѣ, точно онъ опьянѣлъ. Онъ всталъ, не помня себя, и крикнулъ:

— Лида Егоровна!

Она съ удивленіемъ обернулась, вошла снова въ его комнату, спросила:

— Что вамъ?

Онъ схватилъ ее руками и быстро поцѣловалъ нѣсколько разъ въ лицо.

— Вотъ что!—проговорилъ онъ, тяжело переводя духъ и быстро отходя къ своему столу.

Она растерялась, смутилась, притихла! Ея лицо горѣло, какъ въ огнѣ. Постоявъ съ минуту, стараясь успокоиться, она, наконецъ, неслышными шагами вышла въ залу. Ей было и хорошо, и жутко.

Въ столовой подали уже чай, и всѣ сидѣли вокругъ стола. Лида присѣла тутъ, потупивъ глаза. Она слышала, что вошелъ Ваня, и не подняла глазъ. Ей было страшно взглянуть на него—взглянула бы и смутилась бы. Но онъ задорно смотрѣлъ на нее и въ сильномъ возбужденіи говорилъ громко, какъ никогда, точно побѣду одержалъ.

XVII.

Проѣхать въ ясный лѣтній день на маленькомъ пароходѣ по Невѣ, пересѣсть на большой петергофскій пароходъ за Николаевскимъ мостомъ и понестись по заливу—это большое наслажденіе. Сперва передъ вами по обѣ стороны мелькаетъ панорама Невы, какъ бы сдавленной громадами каменныхъ зданій, заставленной безчисленными барками, полной снующихъ яликовъ, пароходиковъ, лодокъ. Потомъ водная поверхность становится все шире и шире; ничто не стѣсняетъ ее: барки, лодки, пароходики встрѣчаются все рѣже и рѣже; наконецъ, открывается широкій просторъ сверкающей на солнцѣ воды, съ едва замѣтными гдѣ-то далеко-далеко полосками зеленыхъ береговъ. Вдали вырисовываются и тонутъ въ воздухѣ силуэты Кронштадта, Петергофа, Ораніенбаума, кажущіеся прозрачными видѣніями, сотканными изъ легкаго тумана, а не очертаніями каменныхъ зданій. Кругомъ тихо, безлюдно, блеститъ вода, блеститъ небо, и только слышится однозвучный шумъ колесъ,

пѣнящихъ гладкую поверхность воды. Воздухъ сразу перемѣняется—запаховъ города уже не слышно, какая-то особенная свѣжесть моря широкими струями плыветъ навстрѣчу, дышится легче, свободнѣе, шире. И еще сильнѣе впечатлѣніе такой поѣздки, когда человѣку всего восемнадцать-девятнадцать лѣтъ, когда впервые онъ чувствуетъ что-то въ родѣ любви, смутно, неопредѣленно, невысказанно, но сознавая, что онъ ѣдетъ къ *ней*, что тамъ за этой сверкающей далью онъ встрѣтитъ *ее*, что онъ будетъ любоваться и этимъ чуднымъ днемъ, и этимъ оживляющимъ моремъ, и этой воскреснувшей къ жизни природою съ *нею*.

Все это испыталъ молодой Зубковъ, отправившись впервые по окончаніи экзаменовъ съ семьею въ Петергофъ. Онъ сновалъ по пароходу, тормошилъ сестру: «гляди, гляди, какъ хорошо»; разспрашивалъ отца и мать: «что это видно? гдѣ Петергофъ?» и пристывалъ глазами къ яркимъ искоркамъ золотыхъ куполовъ, высившихся изъ-за прибрежной зелени Петергофа. Хорошо или дурно онъ поступилъ тогда, во время послѣдняго свиданія съ Лидой, что его толкнуло на этотъ поступокъ, какія послѣдствія изъ этого выйдутъ, ничего этого онъ не спрашивалъ у себя и просто былъ счастливъ и веселъ. Почему? онъ и самъ не зналъ и, кажется, не хотѣлъ знать. Счастливъ и веселъ—вотъ и все. Мать говорила: «это потому, что экзамены кончились». Отецъ посмѣивался: «молодымъ человѣкомъ себя почувствовалъ». Настя и Маша шушукались: «Ваня радъ, что будетъ ѣздить въ Петергофъ; не сладко тоже все дома, да дома сидѣть».

На пароходной пристани стояла толпа встрѣчающихъ. Ваня, стоя на верхней палубѣ парохода, искалъ знакомыхъ лицъ и вдругъ закивалъ головою, забывъ даже снять шляпу. Тамъ въ этой пестрой, нарядной толпѣ, стояла *она*, Лида. Ваня даже не замѣтилъ стоявшаго съ нею рядомъ Александра Константиновича. Онъ видѣлъ только ее одну. Всѣ встрѣтились привѣтливо и радушно, Ванѣ показалось даже, что Лида какъ-то особенно пожала ему руку. Ихъ ждала большая коляска. Пришлось усѣсться въ нее шестерымъ. Коляска покатилась по тѣнистымъ аллеямъ, поднялась въ гору, свернула направо и почти въ самомъ концѣ Стараго Петергофа остановилась у роскошной барской дачи. Зубковыхъ ждали къ завтраку. Всѣ были оживлены, веселы, даже Егоръ Егоровичъ еще не злилъ никого и покуда никому не говорилъ колкостей. Послѣ завтрака молодежь, къ которой присоединились и Александръ Константиновичъ, и Егоръ

Егоровичъ, стала играть въ саду въ серсо. Лида, среди игры, забросила куда-то далеко кольцо и сказала:

— Ваня, поднимите!

Ваня побѣжалъ за кольцомъ. Когда онъ передавалъ его ей, она шепнула:

— Я васъ буду звать Ваней. Ничего?

Онъ также шопотомъ отвѣтилъ:

— А васъ какъ звать? Лидой?

Она улыбнулась, кивнувъ головой.

— Да!

Игра продолжалась еще оживленнѣе, еще веселѣе. Солнце поднялось уже высоко, и площадка, на которой играли, вся была залита его лучами. Вощининъ первый напомнилъ, что становится очень жарко. Въ комнатахъ прохладнѣе. Всѣ бросили серсо и направились на террасу и въ смежный съ нею залъ. Тутъ точно было прохладно. Софья Андреевна, въ коричневомъ шелковомъ платьѣ, въ чепцѣ съ бѣлыми атласными лентами, величавая и важная, обратилась къ Настѣ:

— Сыграй, Настя, что-нибудь.

Настя на минуту сконфузилась, хотѣла было отказаться, но Ольга Давыдовна тоже попросила лѣнивымъ голосомъ:

— Да, сыграйте! Вы, говорятъ, мастерица.

Настя пошла къ роялю и начала играть. На террасѣ попрежнему продолжался разговоръ Зубкова, Зубковой, Ольги Давыдовны, Александра Константиновича и двухъ посѣтителей, немолодыхъ и серьезныхъ господъ, двоюродныхъ братьевъ Ольги Давыдовны. Лида и Ваня ходили взадъ и впередъ по залѣ, тихо разговаривая. Егоръ Егоровичъ подошелъ къ роялю и смотрѣлъ на Настю. Его свинцовые глаза нѣсколько оживились и впились въ молоденькую дѣвушку.

— У васъ положительно талантъ, — проговорилъ онъ, когда она кончила.

Она сконфуженно молчала, робкая, немного дикая, никогда еще не говорившая съ нимъ.

— Вы, конечно, пойдете въ консерваторію?—спросилъ онъ.

Она подняла на него глаза, большіе, черные, съ синеватыми бѣлками.

— Я думаю, если только мама согласится.

— Это необходимо. Талантъ губить нельзя.

Онъ смотрѣлъ на нее упорно въ лицо; она опять опустила густыя черныя рѣсницы.

— Вы не поете?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ.

— А голосъ есть?

— Не знаю.

Она вся зарумянилась и тихо сказала:

— Я люблю пѣть, но не учусь еще...

— Если бы развить голосъ, то съ вашей наружностью вы пользовались бы большимъ успѣхомъ.

Она опять взглянула на минуту на него, преодолѣвая застѣнчивость.

Лида уловила послѣднія слова брата и, продолжая ходить, сказала ему:

— Настя настоящая цыганочка.

— Итальянка скорѣе,—отвѣтилъ онъ.

Потомъ, обращаясь къ Настѣ, заговорилъ объ артистической карьерѣ. Лучше нѣтъ карьеры для женщины. Тутъ полная свобода. Талантъ покоряетъ толпу. Успѣхи прямо приносятъ наслажденіе. Удовлетворенное самолюбіе заставляетъ работать, идти все дальше. Настя слушала его съ разгорѣвшимся личикомъ. Сквозь отворенныя двери за нею и ея собесѣдникомъ слѣдили зоркіе глаза Софьи Андреевны. Она самодовольно улыбалась, чувствуя, что Егоръ Егоровичъ говоритъ ея внучкѣ нѣчто пріятное. Наконецъ, она не выдержала, встала и подошла къ нимъ.

— Не правду ли я вамъ говорила, Егоръ Егоровичъ, у нея музыкальный талантъ,—проговорила она.

По его лицу скользнула ироническая улыбка.

— Я вотъ потому и соблазняю Настасью Ивановну,—отвѣтилъ онъ, цинично въ упоръ смотря на старуху и сознавая, что ее смутила его двусмысленная фраза.

Потомъ, повернувшись отъ нея, онъ продолжалъ:

— Да, привлекательнѣе артистической карьеры ничего не можетъ быть. Эти наполненныя зрителями залы, эти восторги и овацiи толпы опьяняютъ, возбуждаютъ сильнѣе вина.

Старуха поняла, чѣмъ онъ соблазняетъ ея внучку и, гладя ея шелковистые вьющіеся волосы, со вздохомъ сказала сладкимъ голосомъ:

— Средствъ-то нужно сколько, чтобъ подготовиться къ артистической дѣятельности. Безъ нихъ ничего не подѣлаешь.

Онъ опять взглянулъ на нее съ наглой ироніей.

— Безъ покровительства тутъ не обойтись? Да?

Она пожала плечами, недоумѣвая, что̀ сказать.

— Иногда вѣдь и находятся покровители талантовъ,—продолжалъ онъ, не спуская съ нея глазъ.

— Конечно, конечно!—почти обрадовалась она.

Онъ отвернулся и серьезно сказалъ Настѣ:

— Я увѣренъ, что ваши отецъ и мать не зароютъ вашихъ талантовъ въ землю и обойдутся безъ всякихъ посторонних покровителей.

И совсѣмъ тихо прибавилъ, обращаясь къ старухѣ:

— Даромъ-то нынче не покровительствуютъ, хоть въ чемъ бѣда...

Онъ отошелъ прочь, съ застывшей на лицѣ улыбкой. Въ ней были и иронія, и нѣчто сальное. Онъ внутренно смѣялся надъ старухой, уже давно распространявшейся при немъ и о талантахъ Насти, и о ея красотѣ, и о ея мягкомъ характерѣ. Онъ угадывалъ, что старуха сватаетъ ему свою внучку. Что-жъ, не глупа! онъ молодъ, богатъ, съ блестящей карьерой дѣльца впереди—чѣмъ же онъ не женихъ для какой-то нищей дѣвчонки. Жаль только, что онъ не такъ глупъ и не такъ неопытенъ, чтобы попасться на удочку. Проходя по залѣ, онъ невольно взглянулъ на Лиду и Ваню, оживленно разговаривавшихъ о чемъ-то. А эти, кажется, сами сосватались. Мальчикъ-то вѣрно не дуракъ. Альфонсика хочетъ разыграть. Богатая невѣста—кладъ. Примѣръ въ глазахъ есть—дядя Александръ Константиновичъ. Онъ усмѣхнулся, смотря на оживленное лицо Вани. Ему захотѣлось нарушить эту бесѣду двухъ молодыхъ людей. Онъ подошелъ къ нимъ и спросилъ Ваню:

— А вы въ университетъ или на службу идете?

— Нѣтъ, въ университетъ поступаю,—отвѣтилъ Ваня.

— Охота? четыре года еще тянуть лямку. Шли бы на службу, а тамъ годика черезъ два и жениться бы можно.

Ваня разсмѣялся.

— Я еще и не думаю о женитьбѣ. Немного рано.

— Что такъ? Въ четыре года, пожалуй, всѣ подходящія невѣсты повыйдутъ замужъ.

Ваня весело отвѣтилъ безъ всякой задней мысли:

— Авось, хоть одна подождетъ.

— Ну, четыре-то года ждать ни одна не будетъ. Скучно столько времени въ любовь играть.

Лида сообразила, на что намекаетъ братъ, и поняла, что онъ по своему обычаю рѣшился подразнить ее и Ваню. Она вызывающимъ тономъ, дразня въ свою очередь брата, отвѣтила за Ваню:

— А тебѣ было бы досадно, если бы стали ждать четыре года?

Онъ пожалъ плечами.

— Не досадно, а смѣшно.

И, не давъ ей сказать что-нибудь, прибавилъ:

— Въ четыре года много воды можетъ утечь: женихъ изъ красавчика-юноши можетъ превратиться въ какого-нибудь обросшаго шерстью орангутанчика, а его невѣста изъ богатой дѣвушки сдѣлаться чуть не нищею.

Ваня захохоталъ.

— Ну, какія превращенія вы придумали! А если невѣста вовсе и не думаетъ о наружности жениха, а онъ о ея богатствѣ?

— Такъ что же можетъ привлекать? — спросилъ Егоръ Егоровичъ и улыбнулся нехорошей улыбкой.—Хорошенькіе юноши прельщаютъ только своими смазливыми личиками, а при хорошенькомъ личикѣ недурно имѣть жену съ толстымъ карманомъ. Примѣръ у насъ налицо, поразительный, да, впрочемъ, и его не нужно, чтобы знать, чего добиваются хорошенькіе Альфонсики.

Ваня уже не смѣялся. Кровь прихлынула ему къ головѣ. Онъ сознавалъ теперь ясно, что̀ хотѣлъ сказать Егоръ Егоровичъ. Онъ не выдержалъ и рѣзко сказалъ:

— Чтобы быть подлецомъ, не нужно быть непремѣнно хорошенькимъ.

Егоръ Егоровичъ сощурилъ глаза, взглянувъ на Ваню, какъ бы спрашивая, что тотъ хотѣлъ сказать своею фразою, и прибавилъ:

— Съ смазливымъ личикомъ легче добиваться удачи на поприщѣ Альфонса.

— Ну, я въ этихъ вопросахъ вполнѣ неучъ,—отвѣтилъ Ваня:—и спорить съ вами, какъ съ опытнымъ человѣкомъ, не могу.

И сухо прибавилъ:

— Да и не интересно это для меня. Лично я, какъ и вы, конечно, никогда не сдѣлаюсь Альфонсомъ, а раскапывать эту грязь въ другихъ просто гадко.

Злое чувство охватывало его все сильнѣе и сильнѣе, и онъ, поддаваясь ему, сказалъ:

— Впрочемъ, вы, Егоръ Егоровичъ, кажется, очень любите эти вопросы, какъ я замѣтилъ. Съ вами какъ ни заговоришь, все на это разговоръ сведется—на любовь, на связи, на обольщенія, только бы сальце было.

— Ахъ, да, да; я и забылъ.. что вы цѣломудренный

Іосифъ!—съ насмѣшливой гримасой замѣтилъ Егоръ Егоровичъ.

— А это смѣшно?—спросилъ Зубковъ задорно.

— А вы думаете, нѣтъ?

— А если-бъ Іосифъ былъ не цѣломудренъ, то-есть не смѣшонъ по-вашему, то вы же первый заклеймили бы его постыднымъ именемъ Альфонса?

Егоръ Егоровичъ опять сощурилъ глаза, и по его лицу скользнула невольная улыбка одобренія.

— О, да вы находчивы!—поощрительно сказалъ онъ и перемѣнилъ разговоръ.

Ваня, однако, не тотчасъ освободился отъ непріятнаго впечатлѣнія, вызваннаго въ его душѣ словами Егора Егоровича. До этой минуты онъ вовсе не думалъ, къ какимъ результатамъ можетъ повести его сближеніе съ Лидой. Объ игрѣ въ жениха и невѣсту, о женитьбѣ на ней не было и мысли. Онъ просто былъ влюбенъ безсознательно, безъ всякихъ расчетовъ, безъ всякихъ цѣлей, какъ влюбляются впервые юноши. На минуту Егоръ Егоровичъ отравилъ это чувство своими намеками. Но оно было сильнѣе грязныхъ подозрѣній и не имъ было заглушить его. Уже чрезъ какіе-нибудь полчаса Ваня попрежнему любовался Лидой и ссорился, и мирился съ нею, не зная самъ, что болѣе восхищало его въ ней—вспышки ея гнѣва или ея ласкающіе взгляды и тихій шопотъ:

— Не сердитесь, Ваня? Нѣтъ?

Онъ не желалъ, не требовалъ больше ничего.

Вечеромъ послѣ обѣда Вощинины и ихъ гости проѣхались въ коляскѣ и шарабанѣ по саду, мимо Самсона, мимо Монплезира, среди густой пестрой толпы пѣшеходовъ, среди массы экипажей, слыша издали звуки музыки. Какимъ-то волшебнымъ сномъ казалось все это—и статуи, и фонтаны, и свѣжая зелень, и пестрая толпа, и блестящіе экипажи,—неопытной Настѣ. Она совсѣмъ притихла, охваченная совершенно новымъ чувствомъ. Ей казалось, что она попала въ міръ совершенно счастливыхъ людей. Ни заботъ, ни тревогъ, ни печалей нѣтъ у нихъ; гуляютъ они, наслаждаются красотой этого сада, слушаютъ эту прекрасную музыку, жизнь идетъ, какъ волшебный сонъ. Когда раздалось «пора домой»,—у нея болѣзненно сжалось сердце. Бабушка говорила еще передъ прогулкой, что Настю можно бы оставить погостить. Что если бы мама вдругъ согласилась? Но нѣтъ, мама сказала, что нельзя. Настя вздохнула.

Никогда ей такъ не жить! Вотъ если бы сдѣлаться артисткой, тогда... Передъ нею пронеслись картины артистической жизни, нарисованныя Егоромъ Егоровичемъ. Она подняла глаза и увидала его: онъ пристально смотрѣлъ на нее, точно угадывалъ ея мысли. Она потупила глаза. Ей стало какъ-то стыдно и жутко, точно онъ дѣйствительно читалъ въ ея душѣ.

Пароходъ уже дымился, когда они подошли къ нему, оставивъ экипажи. Лида и Ваня шли позади всѣхъ, и Лида тихо сказала ему:

— Вотъ что я вамъ скажу по секрету.

Онъ наклонилъ голову, она склонилась тоже къ нему близко-близко, къ самому уху, и вмѣсто словъ его ухо обжегъ едва слышный поцѣлуй.

— Не забудьте же этого!—шаловливо сказала она.

Онъ засмѣялся.

— Не забуду!

Семья поднялась на пароходъ, онъ зашумѣлъ, завертѣлъ колесами и двинулся впередъ. Съ пристани кто-то махалъ платкомъ. На взморьѣ была тишь—точно сталь блестѣла водная поверхность подъ блѣднѣвшимъ небомъ и только за Кронштадтомъ еще сверкали прощальные лучи заходившаго солнца. Зубковы безмолвно сидѣли на верхней палубѣ какъ бы въ полудремотѣ, отдыхая отъ праздничныхъ впечатлѣній дня. Впереди была темная даль; свѣтъ оставался позади. Настѣ было тяжело до слезъ, точно кто-то силой увлекалъ ее отъ этого свѣта въ эту тьму, изъ міра счастливыхъ людей въ міръ заботъ и печалей. Ваня смотрѣлъ на воду, и всѣ его помыслы были тамъ, около Лиды. Думая о ней, онъ чувствовалъ, что у него горитъ ухо,—то ухо, которое обожгла она своимъ поцѣлуемъ.

А тамъ, въ Петергофѣ, на дачѣ Вощининыхъ, всѣ сидѣли около чайнаго стола на огромной террасѣ. Разговоръ шелъ о Зубковыхъ. Прекрасная это семья. Самъ Зубковъ чудакъ, немного юродивый, но честный и усидчивый работникъ. Зубкова немного чопорна и суха, но примѣрная мать и жена. Настя...

— Ей уже лѣтъ семнадцать?—вдругъ спросилъ одинъ изъ двоюродныхъ братьевъ Ольги Давыдовны.

Это былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, степенный и серьезный по виду.

— Нѣтъ, ей и шестнадцати нѣтъ, — отозвался Вощининъ.

— Но, вѣроятно, скоро минетъ; она взрослой смотрѣтъ,— сказалъ двоюродный братъ хозяйки.

Егоръ Егоровичъ мелькомъ взглянулъ на дядю, и его губы подернулись едва замѣтной усмѣшкой.

Только Лида помѣстилась въ сторонѣ отъ остального общества на нижней ступени террасы и безцѣльно смотрѣла передъ собою, то улыбаясь, то щуря каріе глаза.

— А я тебѣ чай сюда, Лидочка, несу,—послышался голосъ Софьи Андреевны, ласковый и пѣвучій.—Душно тамъ на террасѣ.

— Mercі!—проговорила Лида, кивнувъ головой и принимая изъ рукъ старухи чашку.—А вы тамъ будете пить?..

— Пожалуй, и здѣсь... Только не помѣшаю ли тебѣ, царевна наша прекрасная...

— Нѣтъ... отчего же...

Лида обернулась и крикнула:

— Иванъ, подай сюда чай бабушкѣ...

Старуха не безъ труда опустилась около нея на ступени и таинственно спросила ее, дотрогиваясь до ея руки:

— О чемъ размечталась, прелестная моя пташка?

— Такъ... ни о чемъ,—отвѣтила Лида и прибавила:— Зачѣмъ это Иванъ Николаевичъ отдаетъ Ваню въ университетъ?.. Что за карьера... Чиновникомъ или учителемъ будетъ...

— Ахъ, Лидочка, Лидочка,—со вздохомъ сказала старушка:—развѣ ихъ поймешь...

— Шелъ бы въ военные, въ гвардію... Вѣдь онъ дворянинъ, бабушка?

— Дворянинъ, дворянинъ,—подтвердила старуха:—но что нынче за дворяне! Это прежде дворянинъ считалъ за честь быть военнымъ, а теперь...

Она приняла изъ рукъ лакея чашку и ласково спросила Лиду:

— А ты, маточка, почему это заговорила? Онъ что-нибудь сказалъ?

— Нѣтъ... Въ саду у музыки мнѣ пришло въ голову... Вѣдь Ваня былъ бы красивѣе въ военной формѣ...

— Что говорить... красавецъ выравнивается...

— Тогда бы и партію могъ хорошую сдѣлать,—продолжала Лида:—а тамъ... Вѣдь такой человѣкъ и притомъ съ деньгами могъ бы потомъ карьеру въ гвардіи сдѣлать?

Старуха махнула безнадежно рукой.

— Да развѣ имъ втолкуешь? Ни имъ, ни ему не втолкуешь.

Лида сдѣлала гримасу.

— Ну, ему-то можно бы втолковать!

Старуха зорко взглянула на нее.

— Ты думаешь? Впрочемъ, кто втолковывать станетъ, иного и послушаетъ...

Она лукаво усмѣхнулась.

— Вотъ тебя, напримѣръ. Да кто же тебя не послушаетъ? Да ты прикажи, вся молодежь у ногъ твоихъ будетъ лежать. Конечно, за перваго встрѣчнаго ты не пойдешь, сѣренькой жизнью не будешь жить...

Лида задумчиво молчала, потомъ вдругъ выпрямилась и слегка тряхнула головой.

— Нѣтъ, нѣтъ, чиновницей-то ужъ я не буду и за учителя не пойду,—проговорила она рѣшительно.—Что же идти замужъ, если не выдержишь и убѣжишь...

— Это ужъ послѣднее дѣло—бѣжать отъ мужа...

Старуха вздохнула.

— И бѣжать-то женѣ трудно, ахъ, какъ трудно, Лидочка. Законы тоже есть. Захочетъ мужъ—по этапу жену потребуетъ къ себѣ.

— А если она не хочетъ?

— У жены, дитя ты мое прелестное, и хотѣнья не можетъ быть. У мужа только хотѣнье. А женѣ и въ церкви читаютъ: «жена да боится своего мужа».

Старуха начала разъяснять Лидѣ законы, какъ она ихъ понимала сама. Мужъ все можетъ, потому она глава. Чтобы счастливой быть, нужно искать мужа мягкаго, покладистаго, сговорчиваго. Такова ужъ женская доля, что чуть мужъ съ характеромъ—и бѣда. Вѣкъ-то съ мужемъ прожить, такъ ни за что нельзя ручаться; разлюбить его можно, другого можно полюбить, ну, и бѣда, если мужъ съ характеромъ. Истиранитъ жену. Ну, а мужъ добрый, да мягкій пойметъ, что сердцу не прикажешь: не спросясь оно любитъ,—пойметъ и смолчитъ, если жена что сдѣлаетъ. Стало уже совсѣмъ темно, а старуха все еще бесѣдовала съ Лидой. Наконецъ Лида встала и крѣпко поцѣловала ее.

— Я только съ вами и могу поговорить,—проговорила она.—А то мы, дѣвушки, ничего сами не знаемъ...

— Царица ты души моей,—пѣвуче сказала Софья Андреевна:—гдѣ же и знать что-нибудь дѣвушкѣ? Извѣстно: невинность! На что же въ этомъ случаѣ мы, старухи, какъ не затѣмъ, чтобы все вамъ объяснять? Ну, Христосъ съ тобой! Иди теперь баиньки!

Старуха вытянула впередъ губы, точно посылая поцѣлуй Лидѣ, и начала вслѣдъ за нею грузно подниматься по ступенямъ террасы, приподнявъ тяжелую шелковую юбку платья.

— Иванъ, посвѣти барышнѣ. Гдѣ Зинаида? Не знаетъ развѣ, что барышня опочивать идетъ? Не заботитесь о господахъ,—командовала она и снова пѣвуче обратилась къ Лидѣ:—Спи, моя цыпочка, спокойно спи! Христосъ съ тобой!

Величаво, точно плывя, пошла она «на свою половину», какъ она называла свои двѣ комнаты, съ полнымъ сознаніемъ своего значенія въ домѣ. Саша—это ея вскормленникъ, всѣмъ обязанъ ей, вытащившей его изъ грязи; Лида—только она, Софья Андреевна, и умѣетъ объяснять ей все, разрѣшать всѣ ея дѣвичьи тревоги и вить изъ нея веревки; Егораша—тотъ не поддался еще ея вліянію, но сердце не камень, продолбитъ она его и женитъ на Настѣ, а тогда ужъ, какъ ни какъ, а внукомъ ей будетъ; Ольга, заводчицато наша... Она, обрывая ходъ мысли, усмѣхнулась иронической улыбкой.

— Ахъ, что тутъ думать о ней!.. И кто это на нее вниманіе обращаетъ теперь, зла она или добра?.. Всѣ и безъ нея жить могутъ, у всѣхъ свои капиталы...

XVIII.

Снова потянулись долгіе, безконечные будни въ домѣ Зубковыхъ.

Ваня читаетъ все: Дарвина и Бокля, Доде и Золя, Тургенева и Писемскаго, проводитъ цѣлые часы на лодкѣ или на баркѣ, удя рыбу, дѣлаетъ отдаленныя прогулки. Впечатлѣній у него накапливается масса. Къ тому же отецъ и мать видятъ въ немъ уже не ребенка—вдругъ какъ-то сразу онъ сталъ взрослымъ, студентомъ,—и по вечерамъ дѣлятся съ нимъ своими соображеніями и взглядами. Иванъ Николаевичъ все больше и больше убѣждается, что ничего не подѣлать въ этомъ краю: ни народные спектакли съ «Парашами Сибирячками», ни лекціи съ житіями святыхъ и героевъ не отучатъ рабочихъ отъ кабака. Всѣ плохо идущія и прививающіяся у насъ общества потребителей не избавятъ получающихъ гроши бѣдняковъ отъ нищеты. Никакіе проекты о дѣлежѣ барышей не примутся здѣсь разными заводчиками и фабрикантами. Напротивъ того, эти фабриканты и заводчики жалуются на застой въ дѣлахъ, на курсъ и обдумываютъ, какъ убавить число рабочихъ, прибавить

рабочіе часы и уменьшить еще плату, да требуютъ охраняющихъ промышленность мѣропріятій. «Или это, или банкротство», говорятъ они. Помощь деньгами нуждающимся— о, на этотъ счетъ и Иванъ Николаевичъ, и Елена Васильевна лѣзутъ изъ кожи, но что же они могутъ дать: средства ихъ ограничены, а нуждающихся масса. Только и пользы, что четырехъ дѣвочекъ учатъ они, да и изъ тѣхъ Маша какая-то странная. Погибнетъ она. Ничего въ ней не замѣчаютъ дурного, ни одного упрека нельзя ей сдѣлать; но очень подозрительно она тиха и скромна. Кромѣ того ученье не идетъ ей въ пользу. Почему? Тупа она? Нѣтъ. Но что-то другое занимаетъ ея умъ. Въ душу ей не заглянешь, на все отвѣчаетъ: «да-съ», «нѣтъ-съ». А за этими «да-съ» и «нѣтъ-съ» таится и прячется что-то другое. Семья у нея страшная. Тетка пришибленное созданіе, а дядя... Сцену онъ недавно устроилъ Зубкову. При каждой встрѣчѣ съ Зубковымъ онъ проходилъ потупясь, бочкомъ, сторонясь, какъ бы конфузясь. Вдругъ недавно встрѣтился пьянымъ и нахально захохоталъ при встрѣчѣ: — «А, благодѣтели! филантропы! Невѣсту, что ли, для своего сынка готовите? Или хотите цивилизованную падшую женщину создать? Юроды!» И шаговъ на сто провожалъ онъ Зубкова, хохоча и ругаясь, пока Зубковъ, сконфуженный и смущенный, не ускользнулъ отъ него, точно воръ, въ первыя попавшіяся ворота. А вчера опять встрѣтился этотъ бѣднякъ, но уже трезвый, и опять потупился, смотритъ въ сторону, сконфуженно, глаза растерянные. Иванъ Николаевичъ въ волненіи ходилъ по комнатѣ и потиралъ руки, передавая эти факты. Да, дѣйствительно изъ этого омута не вытащишь человѣка. Духъ окружающей среды сотретъ всякое благотворное вліяніе. Духъ среды, духъ времени—это проклятіе человѣчества. Да вотъ хоть бы взять Саввушку. Опредѣлили его, ѣздитъ онъ къ нимъ, приличенъ даже у нихъ, а вчера Устиновъ встрѣтился и говоритъ: «Ну, что, опредѣлили оболтуса, вчера первое жалованье въ Ливадіи и въ мѣстахъ злачныхъ прогулялъ. Дорвался значитъ». Волнуясь и горячась, Иванъ Николаевичъ передалъ, какъ онъ намылилъ пріятелю голову.

— Не выдержалъ, все сказалъ!—говорилъ онъ.—«Ты, говорю, что же это на сына жалуешься. Примѣръ-то ты какой ему подавалъ? Въ какой средѣ его растилъ? Уберегъ ли его отъ духа времени? Теперь всѣ живутъ кутежомъ и для кутежа, ну, а ты предостерегъ его отъ этой заразы?»

Нѣтъ, что тутъ нѣжничать, нужно было голую, грубую правду сказать...

И вдругъ остановившись, онъ добавилъ съ омерзѣніемъ:

— И какъ вы думаете, что онъ нашелся отвѣтить? Нѣтъ, вы угадайте?

Угадать не могли ни жена, ни сынъ.

— «А! говоритъ, это ты вздумалъ отплатить за своего сына?» Тьфу! до чего можетъ дойти человѣкъ среди вѣчнаго похмелья. Самому ему потомъ стало совѣстно. Я это ясно видѣлъ. Да и не можетъ быть иначе, все же въ немъ уцѣлѣлъ человѣкъ...

Вѣчный оптимистъ, онъ и тутъ хотѣлъ найти остатки совѣсти.

Елена Васильевна мелькомъ спросила:

— Онъ лишился мѣста въ пансіонѣ?

Иванъ Николаевичъ нахмурился.

— Да, да! Это ужасно! Что онъ будетъ дѣлать. Его казенная служба даетъ мало!

Зубкова вздохнула:

— Уменьшились средства—усилилось пьянство!

Зубковъ только махнулъ рукой.

— И за что отказали?

— Не ко двору теперь онъ,—отвѣтилъ Иванъ Николаевичъ:—примасленныхъ теперь въ пансіонѣ нужно, шлифованныхъ, чтобы умѣли и нашимъ, и вашимъ служить!

Всѣ эти мелочи повседневной жизни давали матеріалъ для размышленій, наполняли будни Вани. Онъ сталъ строже, серьезнѣе смотрѣть на жизнь и людей; взрослый человѣкъ въ немъ сказывался. Его уже начинало заботить и то, что среди мелкихъ непріятностей, среди возраставшаго недовольства окружающимъ, его отецъ видимо начинаетъ старѣть, опускаться физически. Иногда Иванъ Николаевичъ ощущалъ такой упадокъ силъ, что даже не могъ искусственно бодриться, и сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, сгорбившись, понуро, какъ дряхлый старикъ, лысый, желтый, осунувшійся. Въ эти минуты Ваня взглядывалъ на мать, улавливалъ на ея лицѣ болѣзненное выраженіе, и у него сжималось сердце. Неужели это начало конца?..

А Настя? Настя сидитъ дома: читать ей позволяютъ книги съ разборомъ, гулять она можетъ только у себя въ саду, такъ какъ у нихъ по этой пьяной улицѣ дѣвушкѣ гулять не безопасно; шьетъ и вяжетъ она, слушаетъ безконечныя жалобы сосѣдокъ — всѣ онѣ несчастны, всѣ онѣ

идутъ за совѣтомъ, за помощью, за ободреніемъ къ Еленѣ Васильевнѣ. Счастливой нѣтъ ни одной, а если которая и кажется веселой, то это значитъ, что она завела на сторонѣ шашни! Настю часто томитъ скука, безысходная, безконечная, тупая скука сѣренькихъ будней небогатой семьи: сегодня и завтра, завтра и послѣзавтра похожи одно на другое, какъ капли воды. Иногда, сидя за шитьемъ, Настя думаетъ, что было бы, если-бъ она сдѣлалась знаменитой артисткой: блескъ и слава, свобода и веселье и при этомъ много-много денегъ; можно бы всѣмъ помогать, не такъ какъ папа и мама, стѣсняющіеся иногда сами, а широкой, щедрою рукою; сколько людей благодарили бы ее, цѣловали бы ей руки. Вотъ папа и мама никакъ не могутъ понять, что богатство величайшее счастье, что только при богатствѣ и себѣ хорошо, и другимъ можетъ быть хорошо. Только они—папа и мама—такъ и думаютъ. Бабушка такъ не думаетъ. Маша и Саввушка только и говорятъ: «будь-ка у насъ деньги, мы бы показали себя». Ей вспоминаются еще три личности—дѣвочки, учащіяся вмѣстѣ съ нею—Оля, Варя и Надя. Вотъ-то странныя личности. Учатся онѣ усердно, точно торопятся поскорѣй все узнать, и говорятъ: «сдадимъ гимназическіе экзамены, поступимъ на курсы, а тамъ ужъ мѣста найдемъ». Знаютъ даже, гдѣ и съ какимъ дипломомъ по закону можно получить мѣсто; обо всемъ этомъ справились, прежде чѣмъ доучились. Найти мѣсто, найти кусокъ хлѣба—дальше ни о чемъ онѣ не думаютъ. Тяжело ихъ содержать отцамъ и матерямъ, вотъ онѣ и думаютъ только о своемъ собственномъ, трудами заработанномъ кускѣ хлѣба. Никакихъ желаній у нихъ нѣтъ, никакихъ волшебныхъ грёзъ. Одна изъ этихъ дѣвушекъ, Ольга Петровна, даже поражаетъ даровитостью своей натуры, жадностью къ усвоенію знаній. Она учится отлично и при этомъ успѣваетъ шить и вышивать; увидала она какіе-то абажуры изъ протечной бумаги, раскрашенные въ видѣ совъ и бабочекъ, и добилась того, что артистически стала ихъ дѣлать сама. «На двадцать копеекъ матеріала, а даютъ рубль», съ торжествомъ заявила она. Услыхала она, какъ играетъ на фортепіано Настя, и стала просить давать ей уроки. Это ей далось плохо сначала, но она такъ упорно упражняется, что усвоиваетъ превосходно технику музыки. Правда, души, оттѣнковъ, тонкаго пониманія въ музыкѣ нѣтъ, но дешевенькой учительницей музыки въ будущемъ она сдѣлается. Здоровая, сильная, краснощекая, она, ка-

жется, можетъ преодолѣть всякія затрудненія, все перевернуть верхъ дномъ, лишь бы добыть кусокъ хлѣба. Кромѣ этого ей, повидимому, ничего не нужно. Настя разъ заговорила съ ней о своихъ мечтахъ—жить широко, богато, весело, имѣть средства для удовлетворенія всѣхъ своихъ прихотей и для благодѣтельствованія другимъ.

— Это съ неба тебѣ, что ли, свалится?—засмѣялась Петрова.—Нѣтъ, трудомъ на хлѣбъ, да на квасъ пріобрѣтешь деньги и то слава Богу.

— Такъ весь вѣкъ такъ и жить?—сказала Настя.

— Такъ и жить, если иначе нельзя,—рѣшила Ольга.— А тоже тѣшить себя мечтами, да съ неба въ грязь шлепнуться—слуга покорная. Лучше ужъ такъ и знать, что ждетъ впереди, и не желать бо́льшаго. Слава Богу, что еще и такъ-то жить можно.

Настя съ удивленіемъ смотрѣла на нее. Развѣ можно этимъ довольствоваться? Она не удовлетворилась бы этимъ, а Петрова удовлетворяется. Мало того, она являлась особенно веселою даже тогда, когда уставала отъ труда. Дома у нея были двѣ маленькія сестренки. Разъ она пришла къ Зубковымъ разгорѣвшаяся, руки совсѣмъ красныя.

— Что это ты, Оля, какая сегодня?—спросила ее Елена Васильевна.

— А ребятишекъ перемыла своихъ. Мамѣ нездоровится, я ихъ и выполоскала за нее.

Она засмѣялась.

— Въ корытѣ, точно бѣлье, выполоскала,—прибавила она и показала свои здоровыя руки.—Вотъ руки точно у прачки стали.

Ваня взглянулъ на нее—она, краснощекая, курносенькая, круглолицая, вся сіяла весельемъ, отъ нея вѣяло здоровьемъ. Елена Васильевна одобрила ее:

— Это тебѣ честь дѣлаетъ, что помогаешь мамѣ.

— Да вѣдь ужъ какъ ни вертись, Елена Васильевна, а дѣло надо дѣлать. Нельзя же ребятишекъ въ грязи оставить. И смѣшны они, барахтаются, кричатъ, что я много намылила ихъ. Ничего, такіе чистенькіе вышли, что расцѣловала ихъ и убѣжала сюда. А то вѣдь еще свой урокъ музыки пропустила бы...

Ваня, гуляя съ Настей въ этотъ вечеръ по саду, говорилъ о Петровой:

— Вотъ-то здоровый человѣкъ. Ничего у нея изъ рукъ не выпадетъ.

Настя отвѣтила:

— Узкія онѣ всѣ какія-то, и Варя, и Надя, и она, точно чиновники.

Онъ удивился. Впервые слышалъ онъ отъ Насти такія слова. Точно взрослая судитъ. До этой поры онъ съ ней говорилъ, какъ съ ребенкомъ. Всѣ такъ съ ней до этой поры говорили, даже и не замѣчая ея внутренняго роста.

— Я тебя, Настюша, не понимаю,—сказалъ онъ.

— Ну да, узкія, ничего имъ не надо кромѣ хлѣба. Отбыть свою службу, получить жалованье и быть сытыми, вотъ и все. Чиновники въ юбкахъ.

Онъ засмѣялся. Ему вспомнилось, какъ Настя съ дѣтскимъ увлеченіемъ послѣ елки у нихъ, у Зубковыхъ, говорила, что она вѣчно-вѣчно танцовала бы.

— Да, да, я и забылъ, что тебѣ еще танцы нужны, — сказалъ онъ.

Она немного обидчиво, какъ дѣвушка, не желающая, чтобы ее продолжали считать ребенкомъ, отвѣтила:

— Не танцы, а широкая жизнь—дѣлать то, что хочется, удовлетворять всѣ желанія.

— А, вотъ что! Экипажи имѣть, блестящую обстановку, парядныя платья, слугъ... Это?

Она уловила въ его голосѣ насмѣшку и горячо возразила:

— Ну, да, все это и еще многое! Въ театры ѣздить, за границей все видѣть, книгъ побольше прочесть, встрѣтить бѣднаго и спасти его. Все нужно! Я вотъ читаю книги: о заграничныхъ музеяхъ говорится, о музыкальныхъ знаменитостяхъ, о древнихъ зданіяхъ и картинахъ,—все, все это хотѣлось бы видѣть, все узнать. Если не желать этого, для чего же и учиться, для чего и книги читать? Тогда ужъ лучше ничего не знать, ни къ чему не стремиться. Этого вотъ вы не хотите понять, ни ты, ни мама, ни папа. Точно пугала, боитесь богатства.

— Да вѣдь не украсть же его, Настюша. Было бы оно, ну, и прекрасно. А нѣтъ его—и думать о немъ нечего.

— Ты точно Петрова говоришь. Она то же мнѣ говорила недавно. Точно сговорились. Нѣтъ—нечего и думать!

— Она серьезная дѣвушка,—потому такъ и судитъ.

Настя разсердилась.

— А я не серьезная и потому буду добиваться богатства, все сдѣлаю, чтобы оно было. Иначе придется весь вѣкъ такъ жить, какъ мы живемъ. Ни веселья себѣ, ни пользы другимъ.

— Ну, отецъ и мать что могли—дѣлали для другихъ. Это ты напрасно...

— Гроши давали? грамотѣ учили дѣтей?

Она почти со злобой прибавила:

— И точно слѣпы вы, точно понять даже того не можете, что чѣмъ больше средствъ, тѣмъ больше добра можно сдѣлать...

Онъ ласково и серьезно остановилъ ее.

— Не то, Настюша, не то ты говоришь. Во-первыхъ, честнымъ трудомъ бѣдному человѣку нельзя нажить богатства. Оно можетъ нажиться вдругъ только подлостью или мошенничествомъ, или особенною случайною удачею въ родѣ выигрыша въ лотерею, брака съ богатой личностью, на что было бы глупо разсчитывать, какъ на всякую другую случайность. Во-вторыхъ, только въ бѣдности кажется, что при богатствѣ весь міръ облагодѣтельствовалъ бы, а явятся деньги—явятся и черствость, непониманіе чужихъ нуждъ, равнодушіе къ чужой бѣдѣ. Богатство портитъ людей.

Она передернула плечами.

— Хороши же люди, если ихъ можетъ это испортить! Сегодня я добра и щедра, потому что денегъ нѣтъ для оказанія помощи. Завтра явились деньги, и я вдругъ стану зла и скупа. Тогда ужъ лучше всего совсѣмъ нищей быть—эти нищіе-то, ужъ, должно быть, чуть не святые...

Ваня, задумчиво слушавшій сестру, увидавшій въ ней впервые не ребенка, понявшій, что она многое передумала за послѣднее время, тихо отвѣтилъ ей:

— Что-жъ, можетъ-быть, и точно только они и святы вполнѣ...

Она широко открыла глаза, словно испугалась его словъ.

— Довольствоваться рубищемъ, кускомъ простого хлѣба, саженью земли для отдыха и знать, что ты не отнялъ ни у кого ничего для своихъ прихотей—да, это святость, подвижничество.

Онъ какъ бы очнулся отъ промелькнувшаго въ его головѣ сновидѣнія, тряхнулъ головой и прибавилъ:

— Конечно, это трудно исполнить, но что выше этого ничего нѣтъ—это ясно изъ того, какъ смотритъ народъ на подвижниковъ, на пустынниковъ... Помнишь, и въ Евангеліи тоже говорится, что нужно раздать все, чтобы войти въ царство Божіе...

Въ эту минуту въ садъ вышла Оля Петрова звать ихъ къ чаю.

— Вонъ Ваня собирается въ пустыню удалиться,—сказала Настя, раздражительно насмѣхаясь надъ братомъ.

— Возьмите меня съ собою,—весело и шутливо проговорила Оля.—Я буду стряпать и стирать; огородъ разводить и шить...

Онъ взглянулъ на ея здоровое, румяное лицо, на ея сильныя руки съ засученными вверхъ рукавами и невольно замѣтилъ:

— А вы, Оля, и точно, даже и въ пустынѣ не пропали бы.

Она засмѣялась.

— Съ чего же тамъ пропадать, тамъ еще свободнѣе. Здѣсь работать-то тоже самой надо, да еще люди мѣшаютъ.

И, идя съ Настей и Ваней къ дому, она стала оправлять рукава и пояснила:

— А мы сейчасъ ягоды чистили, такъ вотъ и рукава засучила. Завтра Елена Васильевна варенье хочетъ варить...

Съ этого вечера вся молодежь въ домѣ Зубковыхъ начала все чаще и чаще бесѣдовать между собою. Ваня увидалъ, что его сестра и учащіяся съ ней дѣвушки уже не дѣти, и что съ ними можно говорить, какъ съ большими. Это сближеніе молодежи внесло въ жизнь нѣкоторое оживленіе. Иногда къ кружку присоединялся и Саввушка, положительно бѣжавшій отъ своего дома, такъ какъ Устиновъ пилъ все сильнѣе и сильнѣе, проклиная общественныя дѣла вообще и событія въ педагогическомъ мірѣ оставленнаго имъ пансіона въ особенности. Зубковы тяжело вздыхали, слушая разсказы Саввушки объ отцѣ, и приглашали молодого человѣка гостить у нихъ. Они понимали, что время послѣ службы, проведенное не у нихъ, онъ проводилъ въ разныхъ скверахъ, въ Зоологическомъ саду, въ Царской Славянкѣ. Надо было отвлекать его отъ этихъ вертеповъ, насколько это было возможно. Саввушка принималъ ихъ приглашеніе довольно охотно. Не втянувшійся еще въ разгулъ, онъ чувствовалъ себя хорошо и здѣсь, играя въ крокетъ, въ серсо, дѣлая фокусы, катаясь на лодкѣ и даже немного ухаживая то за одною, то за другою изъ дѣвочекъ.

Ваня смотрѣлъ въ этомъ кругу какъ старшій, какъ взрослый между подростками. Ближе всѣхъ онъ сошелся съ Ольгой. Она сразу встала съ нимъ въ товарищескія отношенія, безъ фамильярностей, безъ кокетства и жеманства, серьезно и немного дѣловито. Говоря между собою, они чаще всего смотрѣли озабоченно, совѣщаясь о какихъ-ни-

будь серьезныхъ вопросахъ, нерѣдко вмѣстѣ работая надъ производствомъ абажуровъ, которыхъ былъ уже проданъ не одинъ десятокъ прямо въ магазины, или смѣялись громко и весело отъ всей души, коснувшись какого-нибудь смѣшного предмета, часто ничтожнаго, мало значащаго, но, тѣмъ не менѣе, дававшаго предлогъ для здоровой веселости. За глаза они относились другъ къ другу съ уваженіемъ взрослыхъ и степенныхъ людей, немного комичнымъ по своей серьезности, но тѣмъ не менѣе искреннимъ. У всѣхъ сразу явилось теперь желаніе казаться «большими».

— У Ивана Ивановича твердый характеръ,—говорила Ольга Петрова.—Не раскиснетъ, какъ баба, ни отъ чего.

— Ольга — даровитая и здоровая натура, — говорилъ Ваня:—нигдѣ не пропадетъ и не опуститъ рукъ.

Но, отдавая другъ другу справедливость, они ни разу не мечтали одинъ о другомъ въ отсутствіи, какъ мечтаютъ о хорошихъ товарищахъ. Были они вмѣстѣ—имъ было хорошо, были они врозь—у каждаго были свои заботы, свои интересы, свои мечты: она думала, какіе фасоны придать еще абажурамъ; онъ обдумывалъ встрѣченные въ книгахъ вопросы или вдругъ вспоминалъ, что-то дѣлаетъ Лида, и краснѣлъ, представляя себѣ, какъ будетъ она рада, когда онъ со своей семьей опять пріѣдетъ въ Петергофъ. Эти поѣздки были праздниками лѣта, волшебными снами наяву и для него, и для Насти.

Варя и Надя Сусловы играли меньшую роль. Онѣ были безотвѣтнѣе Ольги Петровой и принадлежали къ числу дѣвушекъ-труженицъ: кончатъ курсъ—станутъ работать изъ-за хлѣба; найдутся женихи—выйдутъ замужъ; родятся дѣти—будутъ хорошими, немного сухими матерями, готовящими изъ дѣтей такихъ же тружениковъ, какъ онѣ сами. Сфера дѣятельности у нихъ будетъ узка, такъ какъ дарованія не разносторонни, въ натурахъ нѣтъ предпріимчивости. Ваня вспоминалъ при видѣ ихъ опредѣленіе Насти: «чиновники въ юбкахъ». Да, это она вѣрно замѣтила про нихъ. У нихъ даже и привычки чиновническія: въ урочное время кончать дѣло и уже пальца о палецъ не стукнуть, говоря Ольгѣ Петровой: «охота тебѣ все возиться съ работой». Среди этой молодежи рѣзко выдѣлялась Маша. Скромная, молчаливая, услужливая, вѣчно потупляющая глаза при другихъ, она казалась какой-то придурковатой и пришибленной. Когда ей что-нибудь объясняютъ или даютъ наставленіе, она сложитъ ручки около тальи, на животѣ, опуститъ

рѣсницы и слушаетъ, точно монахиня у обѣдни съ постнымъ лицомъ и смиренной позой. Только Настя знала ея внутренній міръ и избѣгала всякихъ разговоровъ о Машѣ, какъ бы инстинктивно боясь того, что Машу удалятъ отъ нея, какъ только узнаютъ этотъ внутренній міръ Маши. А между тѣмъ Настѣ Маша была необходима, какъ воздухъ. Ей можно было повѣрять свои мечты; отъ нея можно было узнавать то, чего не понимала еще Настя сама; она разсказывала о многихъ сторонахъ жизни, невѣдомыхъ Настѣ: она первая даже научила Настю тому, что мать не должна всего знать, что думаетъ и о чемъ говоритъ дочь. Разъ она начала разсказывать объ отношеніяхъ тетки и дяди и вдругъ остановилась:

— Нѣтъ, не скажу, а то ты еще Еленѣ Васильевнѣ скажешь, меня и выгонятъ,—замѣтила она.

— За что же?—спросила Настя.

— А за то, что я все, все разсказываю тебѣ. Матери не любятъ, когда дѣвушки все знаютъ. Мальчики все знаютъ, а дѣвушки ничего не должны знать.

Настя удивилась.

— Меня же всему учатъ.

Маша вздернула плечами.

— Глупенькая! Это наукамъ тебя учатъ. А что въ жизни дѣлается, того дѣвочки не должны знать. Это однимъ мальчикамъ можно. А я все знаю.

Настя упросила ее разсказать все, что она знаетъ.

— А ты побожись, что не скажешь Еленѣ Васильевнѣ.

Настѣ было тяжело, такъ какъ она никогда не обманывала мать, не скрывала отъ той ничего, но любопытство взяло верхъ. Она побожилась. Маша начала разсказывать, какъ ея дядя коритъ тетку за то, что она женила его на себѣ, силой женила. Вся грязь несчастной семейной жизни раскрылась передъ Настей. Настя была слишкомъ чистымъ существомъ, чтобы останавливаться мысленно на грязи разговоровъ Маши, но зато она останавливалась на вопросѣ о бѣдности.

Вся эта грязь, всѣ эти раздоры, всѣ эти невзгоды—прямое слѣдствіе бѣдности. Всѣ бѣдняки такъ живутъ, такъ страдаютъ. Папа и мама тоже вотъ испугались нищеты, и папа пошелъ служить къ дядѣ Сашѣ. Не поди онъ служить къ дядѣ Сашѣ, можетъ-быть, и ея, Насти, не было бы уже на свѣтѣ. Учителемъ быть—вотъ призваніе папы, а не повезло ему на этомъ пути, сперва отставили его за какія-то

идеи, а потомъ нигдѣ почти не могъ онъ найти уроковъ, ну, и взялся за бухгалтерію. Не по нутру ему эта служба, онъ часто жалуется на то, что видитъ, какъ эксплоатируютъ рабочихъ, сѣтуетъ, что ничѣмъ имъ не хотятъ помочь, говоритъ даже, что Егоръ Егоровичъ и Александръ Константиновичъ смотрятъ на него, какъ на помѣшаннаго, когда онъ увлечется своими планами и проектами, какъ спасти бѣдняковъ. Папа при этомъ грустно улыбается и нервно потираетъ руки, замѣчая съ горечью: «Что же дѣлать, юродами нынче считаютъ тѣхъ, кто о ближнихъ думаетъ, кому мало одной утробной жизни». А былъ бы онъ богатъ — чего бы онъ ни сдѣлалъ на пользу бѣдняковъ. Всѣ бы они его за благодѣтеля считали. Она знала сладость чужой благодарности и мечтала о томъ, что, живя въ богатствѣ, она не только сама жила бы счастливо, но и другіе были бы счастливы... Какъ она сдѣлала бы ихъ счастливыми? Объ этомъ нечего было и задумываться. Для нея, для ребенка, по житейскому опыту, это казалось такъ просто: имъ нужно денегъ, ну, она и давала бы имъ деньги. Кому и сколько? Всѣмъ, кто попроситъ, столько, сколько надо имъ.

XIX.

На дворѣ стоялъ ясный, морозный день. Къ главному подъѣзду Эрмитажа, поднимая легкую снѣжную пыль, подкатили щегольскія собственныя сани. Изъ нихъ, откинувъ медвѣжью полость, вышелъ молодой человѣкъ и подалъ руку молодой дѣвушкѣ. Они, раскраснѣвшіеся отъ мороза, здоровые и свѣжіе, въ полномъ цвѣту юности, вошли въ двери подъѣзда, сбросили съ себя верхнюю теплую одежду и подъ руку направились въ нижнія галлереи Эрмитажа. Юноша говорилъ своей спутницѣ о древнемъ Египтѣ, Греціи и Римѣ съ увлеченіемъ и краснорѣчіемъ новичка, только-что вчера прочитавшаго обо всемъ этомъ нѣсколько книгъ; она слушала его съ любопытствомъ ничего не знающаго человѣка, передъ которымъ открываются новыя картины, новыя понятія.

— Прежде я почти бѣгомъ обходила эти залы, спасаясь отъ скуки, а теперь,—проговорила она, взглянувъ на своего спутника:—мы, кажется, уже въ пятый разъ здѣсь съ вами, Ваня, и все еще есть на что посмотрѣть, о чемъ поговорить...

Онъ привѣтливо улыбнулся ей и замѣтилъ:

— Сюда только тогда и слѣдуетъ ходить, когда предва-

рительно подготовишься къ обзору. Только тогда все это и получаетъ смыслъ. Безъ подготовки же—это только красивыя игрушки...

Она тихо шепнула:

— Нѣтъ, это потому, что мы здѣсь одни, вдвоемъ.

Онъ чуть-чуть пожалъ локтемъ ея руку, покоившуюся на его рукѣ.

— Вы, Ваня, послѣзавтра у насъ въ ложѣ?—спросила она.

— Не слишкомъ ли часто?—замѣтилъ онъ.

— Развѣ скучно?—въ свою очередь проговорила она.

— О, Лида, что за вопросъ!—воскликнулъ онъ.

И прибавилъ:

— А что даютъ?

— «Тангейзера».

Она опять задумчиво заговорила:

— Какъ странно! Я прежде не понимала ничего въ оперѣ, кромѣ того, что весело смотрѣть на декораціи, слушать звуки музыки и пѣнія, разсматривать костюмы дамъ. Теперь я третій разъ буду слушать «Тангейзера» и опять пойму что-нибудь новое... Мама говоритъ: «что это даютъ все одно и то же», а я радуюсь, что даютъ именно эту оперу, а не другую, потому что...

Она на минуту замолчала.

— Почему?—спросилъ онъ.

— Потому, что именно эта опера послужила темой для того разговора... Помните, Ваня? Мы вышли въ антрактѣ въ коридоръ, въ фойэ, и стали говорить о мысли этой оперы, о музыкѣ Вагнера, и оба мы такъ увлеклись, что не видали даже никого, кто былъ вокругъ насъ...

— На минуту унеслись въ тѣ времена, когда жили Тангейзеры, искупавшіе покаяніемъ и очищеніемъ грѣхи прошлаго,—закончилъ онъ въ раздумьи.

Нѣсколько минутъ они шли молча, потомъ онъ, увлекаясь красотой художественныхъ произведеній, снова заговорилъ о ихъ значеніи все, что успѣлъ прочитать, что успѣлъ усвоить. Мимо нихъ проходили люди, недоумѣло глазѣющіе на тѣ или другія статуи и группы или шагающіе быстро по заламъ, точно спѣша поскорѣе выбраться отсюда, останавливаясь только надъ какими-нибудь мозаичными и малахитовыми столами, у какихъ-нибудь лапислазуревыхъ вазъ съ бронзовой отдѣлкой. Они не замѣчали никого, охваченные представленіями того прошлаго, памятники котораго были передъ ихъ глазами, и счастливые сознаніемъ, что

они здѣсь одни, вдвоемъ, переживающіе пору первой любви, еще не высказанной, но уже угаданной ими. Они оба чувствовали, что это лучшее время ихъ жизни, и не задумывались о будущемъ, не заглядывали въ него...

Первый годъ студенчества—это рѣзкій переломъ въ жизни человѣка; вчера еще онъ школьникъ; сегодня онъ студентъ; онъ сталъ вдругъ молодымъ человѣкомъ, его уже никто не контролируетъ ежедневно, подготовилъ ли онъ уроки; никто не требуетъ отчета, почему онъ вчера пропустилъ лекцію; ему открывается доступъ во всѣ мѣста, открытыя для взрослыхъ; онъ самъ съ сознаніемъ совершившагося въ его жизни перелома старается казаться старше и серьезнѣе своихъ лѣтъ; говоритъ не о привычкахъ и характерахъ учителей, а о наукѣ и объ общественныхъ дѣлахъ; увлеченія его дѣлаются сильнѣе, иногда онъ впадаетъ въ крайности, сумасбродничаетъ, такъ какъ именно это время и есть та блаженная эпоха, когда «намъ новы всѣ впечатлѣнья бытія». Даже такой росшій совершенно свободно юноша, какъ молодой Зубковъ, не могъ не почувствовать новизны своего положенія. Она сразу сказалась въ мелочахъ. Будучи въ школѣ, онъ почти не могъ посѣщать театровъ, такъ какъ вечеромъ къ слѣдующему дню надо было готовить уроки; ему давно хотѣлось основательно ознакомиться съ Эрмитажемъ и разными музеями, но на это оставались только праздники и воскресенья, когда хотѣлось побыть, отдохнуть въ семьѣ; прежде у него считались товарищами тѣ, кого случай забросилъ въ одинъ классъ съ нимъ, теперь приходилось выбирать товарищей, присматриваясь къ нимъ, отыскивая въ нихъ симпатичныя черты, подходящіе взгляды и убѣжденія. Точно какой-то бурный потокъ охватилъ его и увлекъ въ пестрый водоворотъ, называемый общественной жизнью. Лекціи профессоровъ, товарищескія бесѣды, посѣщеніе театровъ съ Вощиниными, прогулки по Эрмитажу и музеямъ съ Лидой, все это прошло, какъ волшебное сновидѣніе, какъ пестрые рисунки въ калейдоскопѣ. Такъ какъ самыя мелкія удовольствія стоятъ все-таки денегъ, а деньги приходилось спрашивать у отца и у матери, то молодой Зубковъ принялся за уроки. Благодаря связямъ и знакомствамъ Александра Константиновича, уроки нашлись, и Зубковъ могъ болѣе или менѣе не стѣсняться мелкими денежными расчетами. Жизнь иногда бываетъ такъ полна, что некогда оглянуться назадъ, посмотрѣть на самого себя. Именно такова была жизнь Зубкова въ первое время его

пребыванія въ университетѣ. Лекціи и уроки, сближенія съ товарищами и посѣщенія театровъ, все это наполняло дни, а тутъ еще сладкія ощущенія и золотые сны первой любви. Еще недавно, лѣтомъ, онъ, какъ мальчикъ, игралъ съ Лидой въ любовь; они ссорились и мирились, чуть не дрались, онъ цѣловалъ ее, но такъ, какъ поцѣловалъ бы товарища, чтобы повозиться съ нимъ, разсердить его, подразнить или выказать дружбу; потомъ это сейчасъ же забывалось и смѣнялось другимъ, школьными заботами, школьными уроками. Теперь отношенія ихъ вдругъ перемѣнились: оба точно инстинктивно почувствовали, что играть въ любовь имъ уже опасно, что цѣловаться по-товарищески и въ шутку нельзя. Они стали серьезнѣе, осторожнѣе, какъ бы сосредоточеннѣе. Это придало особенную прелесть ихъ отношеніямъ. Они отправлялись вдвоемъ въ Эрмитажъ; онъ выходилъ изъ саней, предлагалъ Лидѣ руку и поднимался съ нею въ этотъ храмъ искусства. Для него это былъ не дикій лѣсъ, гдѣ можно растеряться и ничего не увидать: онъ зналъ здѣсь каждый уголокъ, прочелъ, что могъ, по исторіи искусства и видѣлъ передъ собою не просто случайное собраніе какихъ-то картинъ, а памятники извѣстныхъ эпохъ, народностей, воззрѣній, развитія общества, дѣтски наивныя попытки старыхъ мастеровъ дѣлались для него не менѣе интересными, чѣмъ вполнѣ законченныя произведенія искусства нашего времени. Онъ тихо передавалъ Лидѣ свои знанія, неслышно скользя по блестящему паркету эрмитажныхъ залъ и чувствуя опирающуюся на его руку ея руку. Она притихала: ей было ново и любопытно то, что онъ говорилъ ей, восторженный, увлекающійся и увлекающій. Проводивъ ее до дому, онъ пожималъ ей руку, и она тихо спрашивала: «Послѣзавтра въ театрѣ?» Это послѣзавтра опять видѣло ихъ вдвоемъ въ фойэ, разговаривающими объ оперѣ, о композиторахъ, объ идеѣ, вложенной въ «Тангейзера», о событіяхъ, связанныхъ съ представленіями «Фенеллы» въ Бельгіи. Имъ встрѣчались знакомые; они старались отдѣлаться двумя-тремя фразами отъ этихъ чужихъ людей, чтобы остаться вдвоемъ, однимъ въ этой пестрой толпѣ. Имъ было весело видѣть такую массу людей вокругъ себя и сознавать, что никто изъ этой массы не знаетъ, о чемъ они говорятъ между собою. Послѣ этихъ свиданій съ Лидой, онъ возвращался домой счастливымъ, съ подъемомъ духа, съ бодрымъ желаніемъ работать и отдыхать съ нею. Она же... Никогда еще Лида не переживала ничего подобнаго: для нея, пустой

свѣтской барышни, едва вышедшей изъ коротенькихъ платьицъ, вдругъ точно перестали существовать всѣ люди, всѣ удовольствія, всѣ отношенія безъ него. Его красота, его умъ, его знаніе, его краснорѣчіе студента, все это покорило, подавило въ ней всѣ другія желанія, всѣ другія чувства, и ей хотѣлось только быть съ нимъ, смотрѣть на него, слушать его. Она сама не отдавала себѣ отчета въ томъ, что привлекло ее къ нему всего болѣе: красота, умъ, знаніе, умѣнье говорить? Иногда она, оставшись одна, брала его портретъ, цѣловала его, прижимала къ груди, называла сотнями нѣжныхъ именъ. До этой поры она не знала ничего подобнаго: мать, братъ, отчимъ, подруги, знакомые—всѣ не вызывали въ ней ничего, кромѣ равнодушія. Если бы она прежде увидала кого-нибудь цѣлующимъ чей-нибудь портретъ, она навѣрное осмѣяла бы этого человѣка. Теперь же она сама дѣлала это. Иногда же ее вдругъ охватывалъ непонятный, безотчетный страхъ, — она широко открывала глаза, смотрѣла безцѣльно передъ собою и говорила какъ бы во снѣ: «Что же будетъ? что будетъ?» Ее заставала въ этомъ положеніи Софья Андреевна и говорила ей:

— Ангелъ души моей, что съ тобой, грустная ты у насъ все, птичка! Сердеченько болитъ?

И, не дождавшись отвѣта, она со вздохомъ нашептывала ей:

— Въ твои годы это всегда такъ бываетъ у дѣвушекъ! Возрастъ уже такой: сердечко любви требуетъ, ноетъ, не находя удовлетворенія. Ахъ, сама я была молода. Все знаю. Иногда, бывало, защемитъ-защемитъ сердце, и такъ бы и бросилась къ кому-нибудь на шею... Разсѣяться тебѣ надо, крошка ты моя.

Лида вздыхала.

— Вотъ завтра Ольга Давыдовна собирается на балъ, повеселишься ты. Облѣпятъ тебя мужчинишки, какъ мухи медъ, авось, кто-нибудь и приглянется, сахарная моя куколка!

И совсѣмъ вкрадчиво старуха прибавляла:

— Ужъ очень мало ты народу нынче видишь, ангелъ мой. Ты вотъ все съ Ваней, конечно, мужчины и не подступаются. Иной—глупыхъ-то много!—думаетъ: «женихъ, пожалуй». Вѣдь никто не знаетъ, что не можешь ты выйти за студента или три года ждать его выхода изъ университета.

Лида сдвигала брови, передергивала нетерпѣливо плечами,

сердясь за то, что старуха формулируетъ то, чего она сама не умѣла формулировать, и вдругъ разражалась рѣзкимъ, рѣшительнымъ тономъ:

— Что это за глупости! Никогда я не выйду за учителя! Выйти для того, чтобы разойтись! Развѣ это возможно? И онъ объ этомъ не думаетъ!

— Такъ ли, дитя мое чистое? Такъ ли?

— Онъ мнѣ говорилъ, что никогда онъ на деньгахъ не женится.

— Всѣ, дитя мое, это поютъ до свадьбы, а кому деньги не нужны.

Старуха вздыхала:

— Безъ денегъ никому не прожить, а это такъ иногда говорится зря, что деньги не нужны.

— Да онъ бы и въ университетѣ не остался, если бъ хотѣлъ жениться,—перебивала Лида.—Пошелъ бы въ военные. Такъ скорѣе вышелъ бы въ офицеры.

Старуха покачивала головой.

— А можетъ-быть, онъ увѣренъ, что, и не будучи офицеромъ, покоритъ тебя и возьметъ? Мужчинишки-то народъ самонадѣянный. И то сказать: мы-то ужъ очень глупы, женщины-то. Чуть что и врѣжемся!

Лида вставала и ходила по комнатѣ, строптивая, непокорная.

— Никогда, никогда! Меня никто не покоритъ! Вотъ бы мило было: жена учителя, гдѣ-нибудь въ провинціи!

И, нервно смѣясь, она торопливо заговаривала о завтрашнемъ балѣ, о блестящей свѣтской молодежи.

А завтра на балу вся эта молодежь казалась ей и не красива, и глупа, и пошла. Балъ казался скучнымъ, и хотѣлось только дождаться той минуты, когда она опять увидится съ нимъ, съ Ваней. «Но что же будетъ дальше? что будетъ?» вставали опять въ головѣ вопросы. Никогда же она не выйдетъ замужъ за учителя, а онъ будетъ именно учителемъ. Почему учителемъ, а не адвокатомъ, не прокуроромъ, если ужъ не хочетъ быть военнымъ? Онъ говоритъ, что у него не лежитъ душа къ этимъ сферамъ дѣятельности, что онъ чувствуетъ призваніе только къ роли учителя. И какъ говоритъ! Ей хочется ему возражать, но у нея нѣтъ доказательствъ, нѣтъ словъ, чтобы опровергнуть его. Нельзя же прямо сказать ему, что она за учителя не выйдетъ. Они никогда и не заикнулись о женитьбѣ... Мало того, когда онъ говоритъ—ей хочется только слушать его, любуясь имъ, какъ

картинкой, ловя звуки его голоса, какъ звуки музыки. Потомъ, когда онъ уйдетъ—ей становится и больно, и досадно. Она сердится на него, сердится на себя, капризничаетъ. Но стоитъ придти ему, и все это стихнетъ, остается одно желаніе быть съ нимъ. Ей становилось порою даже жутко отъ смутнаго предчувствія, что можетъ наступить такая минута, когда она, очертя голову, бросится къ нему на шею и скажетъ: «возьми меня, куда бы ты ни пошелъ, кѣмъ бы ты ни былъ». Мать вотъ бросилась такъ на шею Александру Константиновичу. Теперь онъ помыкаетъ ею, чуть не бьетъ ее, а она—раба она его! Подъ вліяніемъ любви къ этому человѣку, Лида уже начинала иногда говорить самой себѣ, что и женой учителя можно быть счастливой: «при богатствѣ можно жить въ свое удовольствіе, уважать всѣ будутъ; вѣдь уважаютъ же ихъ семью всѣ, потому что у нихъ деньги; положимъ, теперь ея мать жена директора банка, это уже не то, что жена учителишки, но вѣдь было время, когда Александръ Константиновичъ былъ ничто, а и тогда всѣ ѣздили къ нимъ съ поклономъ». Она искала, чтобы кто-нибудь подтвердилъ ея мысли, но говорить объ этомъ можно было только съ Софьей Андреевной. Та иначе не называла учителей, какъ учителишками, ненавидя своего зятя и помня, какъ она помыкала учителями, жившими когда-то въ ея домѣ при ея дѣтяхъ.

— Ахъ, дитя моего сердца, да что же можетъ быть хуже-то этого званія,—пѣвучимъ голосомъ говорила она.—У меня крѣпостные холопы и тѣ фыркали на эту голь.

— Ну, а если учитель богатый?

— Да какой же богатый человѣкъ въ учителя пойдетъ? Развѣ сласть учить мелюзгу, б-а—ба складывать? И притомъ ребятишки грубіянятъ, родители претензіи предъявляютъ, начальство приказываетъ: учи такъ, а не этакъ. Вонъ нашъ Иванъ Николаевичъ вздумалъ учить по-своему—и дали по шапкѣ. Самаго низшаго сорта эти люди—имъ и чиновъ большихъ не даютъ, надворные, да коллежскіе совѣтники они, выше, почитай, и не бываютъ.

И, выдвигая новыя орудія противъ доли учителей, старуха начинала описывать провинцію.

— И пошлютъ учителя куда-нибудь въ трущобу. Какая тамъ жизнь? Знаю я провинцію-то. Не приведи, Господи, молодой душѣ туда попасть, грязь, тьма, ни удовольствій, ни развлеченій, съ ума сойти можно. Фонарей да тротуаровъ на улицахъ нѣтъ, а не то что чего-нибудь другого...

Лида выслушивала ее, ходя по комнатѣ, волнуясь, обдумывая что-то, и неожиданно говорила:

— Да на что люди, когда любишь!

Старуха даже пугалась, терялась, потомъ возражала снова:

— Сердце мое чистое, ангелъ мой непорочный, любовь проходитъ. Вѣчной любви нѣтъ. Кровь вѣдь это все: молода — кипитъ, постарше станетъ — остынетъ... Пока любишь—съ милымъ рай и въ шалашѣ. А потомъ? Охъ, сама я была молода, знаю все это. Разлюбишь сама или мужъ разлюбитъ—адомъ жизнь безъ людей-то станетъ, грызутся это—грызутся мужъ-то съ женой—пойти не къ кому передохнуть, горе свое выплакать...

И ее охватывало одно желаніе, женить бы скорѣй Егора Егоровича на Настѣ. Бѣда, если Лида до этого времени уговорится съ Ваней, да выйдетъ замужъ. Положимъ, онъ несовершеннолѣтній, теперь не можетъ жениться, но довольно и того, если станетъ гласнымъ желаніе Лиды выйти за него замужъ, либо что случится. Мальчишка онъ, мальчишка, а усы отросли. Тогда будетъ поздно хлопотать о бракѣ Егора Егоровича съ Настей, а этотъ бракъ — дѣло рѣшенное, стоитъ только искусно подвести мины. Старуха была твердо въ этомъ увѣрена и дѣлала всѣ усилія, чтобы добиться своего. Настя только и слышала отъ бабки, что о Егорѣ Егоровичѣ; Егору Егоровичу только и повторялось о томъ, что Настюша талантливая музыкантша, красавица собой, мягкое сердце. Настя начинала серьезно задумываться о молодомъ человѣкѣ. Онъ же—очень его тѣшила возможность подсмѣиваться надъ старухой и водить ее за носъ, дразня ея воображеніе, разжигая ея стремленіе женить его. Онъ постоянно поддерживалъ съ нею разговоръ о Настѣ и дѣлалъ видъ, что онъ влюбленъ въ эту дѣвушку. Порой, поддаваясь злому чувству, онъ вдругъ цинично замѣчалъ:

— Ахъ, если бы вотъ такую дѣвушку имѣть гражданской женой!

Старуха смущалась.

— То-есть какъ это гражданской женой?—говорила она въ недоумѣніи.

— Я, вѣроятно, никогда не женюсь законнымъ бракомъ,—пояснялъ онъ и развязно добавлялъ: — А гражданскимъ—отчего же нѣтъ?

Софья Андреевна сухо замѣчала:

— Ну, Настюша не изъ такой семьи...

Егоръ Егоровичъ не унимался.

— Я и не говорю о ней..: Но если бы такая дѣвушка согласилась быть моей гражданской женой, я, конечно, обезпечилъ бы ее вполнѣ. Это вѣдь главное. Нынче деньги все...

И, глумясь, онъ просилъ старуху:

— Софья Андреевна, найдите мнѣ другую Настю — въ ножки поклонюсь!

Софья Андреевна пожимала плечами:

— Ну, ужъ отъ этого увольте!

Онъ дѣлалъ притворно-грустное лицо и вздыхалъ.

— Жаль, жаль! Я, можетъ-быть, потомъ и женился бы, я вѣдь только боюсь женитьбы потому, что это лотерея. Ну, а пожилъ бы съ дѣвушкой, узналъ бы ее, тогда другое дѣло...

Старуха была точно на горячихъ угольяхъ, не зная, что дѣлать, какъ быть. Несмотря на эти выходки Джоржа, она продолжала вести атаку.

Зубковы между тѣмъ ничего не подозрѣвали: ни сближенія сына съ Лидой, ни продѣлокъ Софьи Андреевны, ни заигрываній Егора Егоровича съ Настей. Честные люди у насъ именно тѣмъ и отличаются отъ подлецовъ, что они не дальновидны, не способны къ интригѣ, благодушно довѣрчивы, тогда какъ дѣятельность, энергія, способность устраивать ловушки, все это остается на сторонѣ подлецовъ. Правда, Елена Васильевна иногда обращала вниманіе на то, что сынъ часто не бываетъ дома, но только потому, что она слишкомъ любила его и была бы рада почаще быть съ нимъ. Сѣтовала она и на то, что ей приходилось чаще выѣзжать съ Настей къ Вощининымъ, но только потому, что она не любила выѣздовъ и боялась пріучать свою дѣвочку къ богатой обстановкѣ и безпечной жизни. Болѣе серьезныхъ мотивовъ у нея не было. Иванъ же Николаевичъ и вовсе не видѣлъ ничего особеннаго въ частыхъ отлучкахъ сына и въ посѣщеніяхъ дочерью Вощининыхъ: онъ говорилъ женѣ, что нужны же молодежи и развлеченія.

— Жизнь-то окружающая очень безрадостна, голубка,— говорилъ онъ, услышавъ разъ тревоги жены. — Вотъ хоть бы здѣшнія мѣста взять. Здѣсь кругомъ бѣдность и пьяный развратъ, пьяный развратъ и бѣдность. Кругомъ все жалуются, плачутся, а Егоры Егоровичи измышляютъ, какъ бы часокъ накинуть, да народу сократить.

— Опять?—тревожно спросила Елена Васильевна.

Онъ только рукой махнулъ.

— Что же, они, Егоръ Егоровичи-то, и правы: курсъ упалъ, въ промышленности застой, спроса на товаръ нѣтъ, изъ чего же тутъ существовать заводу? Намъ-то, теоретикамъ и идеалистамъ, легко громить все это на словахъ, а на дѣлѣ... Егоръ Егоровичъ говоритъ: «Или эксплоатируй, или по-міру иди, если не закроешь завода. Ну, а закрой я заводъ, то кто теперь живетъ впроголодь, съ голода умрутъ».

По его лицу скользнула горькая улыбка.

— На-дняхъ мнѣ, старому ребенку, ариѳметическую притчу началъ разсказывать. «Былъ-жилъ одинъ заводчикъ. Были у него двѣ смѣны рабочихъ, по тысячѣ каждая. Получалъ онъ съ нихъ по гривеннику съ души барыша въ сутки. Обѣ смѣны давали такимъ образомъ за 350 дней 70.000 рублей барыша. Попробовалъ онъ брать только пять копеекъ барыша съ души, вышло у него всего 35.000 рублей барыша, а рабочимъ все плохо. Набавилъ онъ имъ еще по пяти копеекъ—имъ все такъ же плохо, а у него машина попортилась — чинить не изъ чего, пришлось заводъ закрывать, и всѣ рабочіе пошли по-міру».

И вдругъ, заходивъ въ сильномъ возбужденіи по комнатѣ, онъ непривычно злымъ, желчнымъ тономъ заговорилъ:

— И хоть бы сморгнулъ; вышутилъ, осмѣялъ, какъ мальчишку, а самъ хоть бы сморгнулъ. Впервые я вполнѣ ясно понялъ, какъ онъ на меня смотритъ, впервые я вполнѣ ясно понялъ, что его возненавидѣть можно. Я для него хорошій счетчикъ, неподкупно честный человѣкъ и—круглый дуракъ, поврежденный, юродъ. Бѣжалъ бы я отсюда, бѣжалъ бы отъ этой спившейся съ круга бѣдноты, отъ этихъ эгоистическихъ циниковъ...

Онъ стиснулъ на минуту зубы, точно отъ боли, и, пересиливъ себя, упавшимъ голосомъ забитаго человѣка проговорилъ:

— Да, да, пусть дѣтки хоть повеселятся, пока не изболѣла душа у нихъ за другихъ...

Елена Васильевна слѣдила съ тревогой за измѣненіями въ его лицѣ, за перемѣной въ его голосѣ. Живя съ мужемъ изо дня въ день, она почти не замѣчала, какъ онъ полысѣлъ, посѣдѣлъ, сморщился, сгорбился, опустился физически. Теперь это все бросилось ей въ глаза вдругъ, неожиданно. «Безсонныя ночи, воловій трудъ, вѣчная возня съ цифрами, съ счетами и тяжелая душевная скорбь при видѣ цѣлой массы горемыкъ и при полномъ сознаніи, что имъ нельзя

помочь, — о, да это просто пытка!» — мелькнуло въ ея головѣ. Она тихо подошла къ мужу и прошептала:

— Тяжело тебѣ!

Онъ очнулся, заторопился успокоить ее, стараясь ободриться:

— Кому же не тяжело? Всѣмъ тяжело! Я не исключеніе! Другимъ еще хуже. Вонъ нашъ дядя Устя совсѣмъ погибаетъ!

И, отвлекая вниманіе жены отъ себя, онъ началъ распространяться объ Устиновѣ. Потерялъ Устиновъ почти всѣ мѣста. Слишкомъ самостоятельный онъ по взглядамъ человѣкъ, чтобы быть учителемъ, подлаживаться тамъ, кланяться здѣсь, щеголять красивыми фразами въ третьемъ мѣстѣ. Къ несчастью, у него одно лѣкарство въ горѣ: запилъ.

— Еще слава Богу, что Саввушка привязался къ нашей семьѣ, — разсуждалъ Иванъ Николаевичъ. — Тяжело ему смотрѣть на отца, да и примѣръ какой! У насъ хоть среди порядочныхъ людей находится. Хоть мелькомъ, да удается ему внушить доброе слово. Душа-то у него хорошая. Была бы дурная, не стремился бы къ намъ. Здѣсь вѣдь особеннаго веселья нѣтъ.

— Да, онъ, кажется, очень привязался къ намъ, — замѣтила Елена Васильевна. — Я рада. Это хоть отвлечетъ его отъ разныхъ кутежей.

— Да, да, нужно благодарить Бога хоть за то, что силъ у насъ хватаетъ молодежи быть полезными. Все же недаромъ небо коптимъ... Однако, заболтались мы, а у меня еще работа...

Иванъ Николаевичъ поцѣловалъ жену и пошелъ въ свой кабинетъ работать. Маленькій, худенькій, сгорбившійся, онъ произвелъ въ этотъ вечеръ особенное впечатлѣніе на жену. Она точно послѣ долгой разлуки увидала его, разсмотрѣла, и невольный страхъ закрался въ ея душу. Отдыхъ ему нуженъ, спокойствіе нужно. Но какъ же отдохнуть, какъ успокоиться? Закрыть глаза на все окружающее? Дѣлать свое дѣло кое-какъ? Развѣ онъ это можетъ сдѣлать? Окружающая жизнь, газетныя извѣстія о разныхъ неурядицахъ, сознаніе своего безсилія помочь ближнимъ, все раздражаетъ, волнуетъ, терзаетъ его. Къ труду онъ относится съ той честностью, которая не позволяетъ ему дѣлать себѣ поблажекъ, больной онъ будетъ черезъ силу тянуть свою лямку. Всегда онъ былъ такимъ, и за это она полюбила его когда-то. Будь онъ инымъ человѣкомъ, онъ не былъ бы ей и дорогъ.

XX.

На слѣдующій день послѣ этой бесѣды Зубковыхъ, молодой Зубковъ проснулся позже обыкновеннаго. У него было измятое лицо, глаза мутны, выраженіе растерянное. Онъ вышелъ въ столовую, гдѣ ему былъ оставленъ стаканъ молока. Мать уже занималась уроками съ дѣвочками, отецъ ушелъ въ контору. Иванъ Ивановичъ прошелся по комнатѣ, забылъ выпить оставлённое ему молоко, разсѣянно прошелъ переднюю, надѣлъ пальто и вышелъ изъ дому. Онъ повернулъ изъ воротъ направо, пошелъ впередъ, не обращая ни на что вниманія, и очнулся, пройдя версты три. Онъ осмотрѣлся кругомъ не безъ удивленія, точно соображая, куда онъ попалъ. Зачѣмъ онъ пошелъ сюда? Надо было идти въ университетъ, а онъ свернулъ направо, ушелъ Богъ вѣсть куда. Онъ остановился около перилъ у спуска къ Невѣ. Снѣгъ на ней почти уже вездѣ сталъ и смѣшался съ грязью, ледъ принялъ мутно-грязный оттѣнокъ, черезъ него тянулась темная лента проѣзжей дороги, по бокамъ были проруби и полыньи, оставшіяся послѣ рубки льду. Кое-гдѣ среди навоза скакали, чирикая, воробьи. По крутому берегу текли ручьи грязной воды. Небо было покрыто бѣловатыми облачками, но изъ-за нихъ выглядывало порою солнце, и его лучи уже сильно грѣли. Весна близка...

— Какъ тамъ ни вертись, а опрохвостишься...

Зубковъ обернулся, точно его коснулась электрическая искра. Кто это сказалъ? Кругомъ было пусто. Внизу у проруби какая-то баба полоскала бѣлье, зажавъ между ногъ намокшее платье; какой-то мужикъ въ нагольномъ тулупѣ тутъ же черпалъ воду. Оба были заняты своимъ дѣломъ и молчали. Нѣтъ, это не они произнесли эту фразу. Вчера она была сказана Устиновымъ, и теперь вдругъ прозвучала въ ушахъ Зубкова, ясно, отчетливо, точно ее снова повторилъ какой-то неизвѣстный голосъ. Въ воображеніи Зубкова возсталъ весь вчерашній вечеръ. Никогда бы онъ не повѣрилъ, если бы ему сказали, что онъ переживетъ такой вечеръ. Вчера онъ обѣдалъ у Вощининыхъ. Кромѣ него у нихъ обѣдалъ молодой графъ Алексѣй Ивановичъ Зоринъ, щеголеватый гвардеецъ, красивый собой, свѣтски ловкій, хорошій болтунъ. Лида кокетничала съ нимъ безъ конца, съ лихорадочной веселостью. Зубковъ встрѣчалъ у Вощининыхъ массу разной молодежи и очень равнодушно

смотрѣлъ на ихъ ухаживанія за Лидой. По уходѣ этой молодежи они вдвоемъ смѣялись надъ нею, откровенно, безъ задней мысли, какъ братъ и сестра. Чувство ревности ни разу не пробуждалось въ душѣ Зубкова: можетъ-быть, онъ сознавалъ, что онъ выше этихъ людей, можетъ-быть, онъ видѣлъ, что Лида не можетъ полюбить кого-нибудь изъ нихъ. На этотъ разъ было не то. Какъ-то по инстинкту онъ угадалъ въ Зоринѣ искателя руки Лиды и сразу понялъ, что за такого человѣка она можетъ выйти замужъ. Что навело его на эти мысли? Любезность Лиды съ Зоринымъ? Безспорныя достоинства Зорина, его красота, ловкость, свѣтское образованіе? Мелькомъ брошенныя злыя слова Егора Егоровича: «вотъ женихъ Лидѣ»? Явное ухаживанье бабки за молодымъ графомъ и слащавыя и пошловатыя ея замѣчанія ему: «наша красавица Лидочка», «нашъ цвѣтокъ Лидочка»? Онъ не могъ сообразить ничего и зналъ только, что въ его душѣ вспыхнула ревность, почти гнѣвъ на Лиду. Были минуты, когда онъ былъ готовъ надѣлать ей дерзостей при всѣхъ. До этого дня онъ даже передъ самимъ собою скрывалъ свою любовь: онъ любилъ Лиду и старался не думать объ этомъ, чтобы не задать себѣ вопроса о томъ, что можетъ выйти изъ этой любви. Теперь, когда его стала душить ревность, онъ вдругъ задалъ себѣ вопросы: «почему я ревную? на что я разсчитываю? что можетъ выйти изъ этой любви?» Въ головѣ былъ хаосъ. Онъ сознавалъ, что онъ никогда не будетъ Альфонсомъ, ни въ качествѣ мужа, ни въ качествѣ любовника. Но развѣ Лида для него откажется отъ своего богатства, отъ привычекъ богатой дѣвушки? Въ такомъ случаѣ, изъ ихъ любви ничего не можетъ выйти, ее нужно вырвать изъ сердца. Это легко сказать, не легко сдѣлать. Сознавая, что изъ его любви къ Лидѣ ничего не выйдетъ, онъ все-таки готовъ былъ задушить Зорина. Какой-то голосъ подсказывалъ ему: «уходи отсюда, здѣсь тебѣ нечего дѣлать». Въ то же время ему хотѣлось остаться тутъ, надѣлать дерзостей Зорину, сдѣлать сцену Лидѣ. Первое побужденіе одержало верхъ. Но это было чистой случайностью: онъ самъ не зналъ, какъ онъ вышелъ отъ Вощининыхъ, раскраснѣвшійся, взволнованный, взбѣшенный, и, выбѣжавъ на улицу, тотчасъ же готовъ былъ вернуться обратно къ нимъ. Надо было много самообладанія, чтобы не сдѣлать этой глупости. Онъ ея не сдѣлалъ и пошелъ, куда глаза глядятъ. Его томила жажда, въ горлѣ пере-

сохло, голова мутилась. Онъ какъ-то очутился у Палкина и спросилъ пива. Холодное, оно освѣжило его на минуту. Долго ли онъ пилъ—онъ не зналъ и самъ. Наконецъ онъ услыхалъ голосъ:

— А! воздержанія проповѣдникъ!

Онъ поднялъ голову и увидалъ косматую голову Устинова съ осклабившимся лицомъ. Устиновъ былъ неузнаваемъ. Слѣды ежедневнаго пьянства уже лежали яркою печатью на его лицѣ. Всегда небрежный костюмъ теперь былъ просто неряшливъ и уже говорилъ о началѣ бѣдности.

— Не миновалъ трактира! — проговорилъ Устиновъ и, видя мрачное выраженіе лица Зубкова, прибавилъ:—Впрочемъ, что же я лѣзу къ такому порядочному человѣку съ своей немытой харей! Мы вѣдь погибшіе, а вы проповѣдники!

Онъ засмѣялся желчнымъ смѣхомъ. Зубковъ всталъ и сказалъ:

— Я очень радъ, что встрѣтилъ васъ...

— Радъ? съ чего радоваться? — насмѣшливо спросилъ Устиновъ, уже очевидно не мало выпившій. — Прохвоста встрѣтилъ и радъ? Фразы у васъ все галантерейныя? Фарисеи!.. Погоди, самъ опрохвостишься, тогда, точно, и мнѣ будешь радъ. А теперь—проповѣдники, моралисты!

И совершенно неожиданно Устиновъ наклонилъ лицо къ Зубкову—отъ него пахнуло запахомъ водки—и спросилъ:

— Какое горе загнало? Какая бѣда стряслась? Отецъ захворалъ?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ глухо Зубковъ.

— Ну, все равно, захвораетъ!.. Почтовая кляча бѣгаетъ-бѣгаетъ, а все же когда-нибудь и свалится. Видѣлъ я его: въ чемъ душа держится. Желтъ, худъ, сморщился. И тоже ядовитость проявилась. Желчь у блаженнаго юрода отыскалась. Видно, не сладко золото-то заводское достается. Дѣтей-то поднимать видно не легко!..

Не дожидаясь приглашенія, онъ сѣлъ къ столу, напротивъ Зубкова.

— Петръ, пива! — крикнулъ онъ лакею и снова заговорилъ, обращаясь къ Ивану Ивановичу:—Скверно тебѣ придется, когда отецъ свалится. Вонъ мой Савка говоритъ, что ты франтишь, все у Вощининыхъ, въ театрахъ, картинки смотришь по Эрмитажамъ. Баринъ какой, картинки понадобились. Во вкусъ вошелъ. Къ древнимъ мастерамъ любовь восчувствовалъ. Что-жъ, привыкай, привыкай. Я вонъ къ водкѣ привыкъ такъ-то, теперь и отстать не могу.

Такъ водка дешево стоитъ, а твои театры да балы — карманъ надо имѣть толстый, чтобы привычки-то эти поддерживать, по Эрмитажамъ шляться. Воровать придется.

Зубковъ сдѣлалъ движеніе, какъ бы протестуя. Устиновъ положилъ свою волосатую руку на его руку и чувствительно проговорилъ:

— Полно, Ваня, полно! Я тебя вѣдь вотъ такимъ клопикомъ зналъ. На рукахъ носилъ. А ты меня обидѣлъ, глубоко обидѣлъ дядю Устю! Никогда я этого не забуду!.. Пьяница дядя Устя, незаконнаго сына дядя Устя прижилъ и чуть не загубилъ, придрался къ тебѣ дядя Устя на экзаменѣ и балломъ меньше ты получилъ...

Онъ сильно стукнулъ кулакомъ по столу, такъ что зазвенѣли стаканы и бутылки, и рѣзко перемѣнилъ тонъ:

— Дядя Устя мѣсто потерялъ, вступившись въ былые дни за твоего отца, дядя Устя за твоей семьей въ Питеръ изъ мирной глуши перетащился, дядя Устя, можетъ-быть, и теперь былъ бы тамъ человѣкомъ, а не свиньей, а ты... Проповѣдникъ безусый, моралистъ съ необсохшимъ молокомъ на губахъ!.. Ну, что ты? Пальчикъ занозилъ и сюда же въ кабакъ пить пошелъ? Мы собой жертвовали, насъ тѣснили, а ты пальчикъ занозилъ... Чѣмъ же лучше насъ? Еще занозишь палецъ—опять пойдешь сюда! Втянешься... Франтъ теперь, ну, а тамъ такимъ же звѣроподобнымъ станешь, какъ мы, грѣшные... Ахъ, вы!..

Онъ говорилъ много и сбивчиво, и лилъ пиво и себѣ, и Зубкову, чокаясь съ нимъ, говоря безсвязно, что приходило въ голову, не выбирая выраженій, не стѣсняясь ими. Зубковъ слушалъ его безсознательно, точно во снѣ, не протестуя, не споря, какъ бы соглашаясь съ нимъ во всемъ. Потомъ Устиновъ всплакнулъ, Зубковъ потянулся цѣловать и утѣшать его. Затѣмъ они обнялись. Къ нимъ подошелъ кто-то изъ знакомыхъ. Они поѣхали куда-то...

Зубковъ нервно вздрогнулъ теперь, вспоминая дальнѣйшія похожденія. Стыдъ за себя, омерзѣніе при воспоминаніи объ объятіяхъ и поцѣлуяхъ какой-то падшей женщины. И посреди этого всего пьяное пророчество Устинова: «Какъ тамъ ни вертись, а опрохвостишься!» На его глаза навертывались слезы.

— Да какъ же это возможно такъ вдругъ свалиться въ грязь, разомъ увязнуть въ тину! — воскликнулъ онъ. — Гдѣ же сила воли? Гдѣ сдержанность? Гдѣ нравственная чистоплотность?

Онъ стиснулъ зубы, какъ бы отъ физической боли. Вдругъ ли произошло все это?

Цѣлую зиму онъ постепенно привыкалъ къ свѣтскимъ удовольствіямъ. Правда, онъ не запускалъ лекцій, не переставалъ читать. Но, тѣмъ не менѣе, онъ сильно втянулся въ этотъ образъ жизни, который господствуетъ въ такъ-называемомъ образованномъ кругу общества; обѣды, вечеринки, театры, все это смѣняетъ часы иногда очень упорнаго труда и не даетъ минуты свободной для того, чтобы заглянуть въ свою душу, провѣрить свои поступки, дать отдохнуть лихорадочной дѣятельности мозга, нервовъ, крови. Эта жизнь стоитъ не только дорого по отношенію къ расходованію физическихъ силъ, но требуетъ и денежныхъ расходовъ. Такія мелочи, какъ извозчикъ и перчатки, плата на чай швейцарамъ и капельдинерамъ въ общемъ составляютъ значительную сумму денегъ для бѣдняка. Эти деньги приходилось Зубкову добывать уроками или брать у отца: уроки прибавляли только лишнее утомленіе, а выпрашивать у отца было совѣстно, и теперь молодой Зубковъ просто краснѣлъ, вспоминая о томъ, что онъ бралъ иногда у отца деньги, заработанныя потомъ. Ведя эту жизнь, втягиваясь въ нее, на что онъ надѣялся? На женитьбу на Лидѣ? Никогда онъ не могъ на это надѣяться! Или просто онъ жилъ такъ потому, что эта жизнь нравилась ему? Да развѣ онъ-то имѣетъ право исполнять подобныя прихоти? Отецъ затянулся въ работѣ. Онъ можетъ не сегодня, завтра слечь? Что тогда? Надо будетъ поддерживать мать и сестру. Для этого нужно подготовить себя къ суровой школѣ. Вѣдь въ сущности они нищіе: сыты, пока живъ отецъ; умретъ онъ — гроша не останется. Всѣ эти мысли были навѣяны отрывками рѣчей Устинова. Но если Устиновъ могъ заставить юношу трезво взглянуть назадъ, на пройденный путь, то онъ не могъ вырвать изъ этого сердца любви. Напрасно говорилъ себѣ Зубковъ, что онъ долженъ забыть Лиду, не думать о ней. Все это были слова, слова, одни слова. Исполнить это было не легко.

Онъ вернулся, послѣ прогулки вдоль берега Невы, домой въ угнетенномъ настроеніи духа. Елена Васильевна съ тревогой взглянула на его лицо: оно сразу осунулось, слѣды вчерашняго вечера остались на немъ.

— Ты нездоровъ?—спросила она у него.

— Не по себѣ что-то!—уклончиво отвѣтилъ онъ.

Они садились обѣдать. Молодой Зубковъ украдкой всма-

тривался въ лицо отца и матери. Господи, какъ они-то перемѣнились. У Елены Васильевны уже цѣлыми прядями серебрилась въ волосахъ сѣдина. Отецъ смотрѣлъ совсѣмъ желтымъ и горбатымъ. Какъ-то случайно въ разговорѣ обронилась фраза о томъ, что Ивану Николаевичу теперь приходится работать чуть не пятнадцать часовъ въ день. Егоръ Егоровичъ, видя въ немъ честнаго человѣка, наваливаетъ на него цѣлую массу обязанностей.

— Ты черезчуръ утомляешь себя, — замѣтилъ молодой Зубковъ.

— Люби кататься, люби и саночки возить, — отвѣтилъ старикъ.—Егоръ Егоровичъ запрягаетъ во все, за то и платитъ все щедрѣе и щедрѣе.

— Да, но вѣдь черезъ силу нельзя работать.

— Ахъ, ты, мальчуганъ!—усмѣхнулся старикъ.—Откажусь я отъ какого-нибудь дѣла—противъ меня уже зубъ будутъ имѣть, а тамъ, смотришь, и вытѣснять начнутъ.

— Ну, ты-то имъ нуженъ...

— Пока я ломовая лошадь. Какъ только во мнѣ увидятъ слабосильнаго старика или залѣнившагося работника, такъ и прощай. У нихъ вѣдь поговорка есть: «было бы болото, а черти найдутся». Да, наконецъ, и вездѣ не легко служить. Вонъ попробовалъ учительствовать. Что вышло? Теперь, братъ, вездѣ встрѣтишься съ подводными камнями въ той или другой формѣ. Гдѣ въ физическомъ трудѣ надорвешься, гдѣ отъ нравственной ломки руки опустишь...

И увлекшись, Иванъ Николаевичъ началъ говорить о прошлой своей педагогической дѣятельности, о томъ, что она даетъ человѣку извѣстнаго закала, извѣстныхъ убѣжденій. Въ его душѣ было много накопившейся горечи, и онъ, не стѣсняясь, высказывалъ все, забывъ даже, что его сынъ готовится именно къ этой дѣятельности и что не безопасно подрывать въ немъ вѣру въ эту дѣятельность. Всѣхъ охватило тяжелое настроеніе. Старикъ Зубовъ закончилъ свою рѣчь словами:

— Счастливы теперь только Саввушки, ни о чемъ не думающіе, ничѣмъ не интересующіеся, лишь бы имъ въ срокъ выдавали жалованье.

Маша при упоминаніи о Саввушкѣ вспыхнула и смиренно опустила глаза, точно молодая монахиня при видѣ посторонняго мужчины.

— Да тотъ, кто можетъ сказать, что онъ хоть себя сбе-

регъ чистымъ и безупречнымъ въ этомъ омутѣ,—задумчиво сказалъ Иванъ Ивановичъ.

— Ну, это-то ужъ счастье буддійскихъ монаховъ,—замѣтила Елена Васильевна.

— Что же дѣлать, если при малѣйшемъ столкновеніи съ окружающимъ насъ омутомъ,—вставилъ молодой Зубковъ:—приходится дѣлать или нравственныя уступки, или сознавать, что вертишься въ бѣличьемъ колесѣ.

И какъ-то мимовольно онъ прибавилъ:

— Я былъ бы радъ, если бы могъ поселиться гдѣ-нибудь въ глуши, дѣлая черное дѣло и имѣя хоть одно утѣшеніе, что я не эксплоатирую никого и не принимаю участія въ Вальпургіевой ночи современной жизни.

Зубкова, возмущенная словами сына, хотѣла что-то возражать, протестовать, но на концѣ стола прозвучалъ молодой веселый голосъ:

— Когда поѣдете туда, возьмите меня въ огородницы.

Молодой Зубковъ оглянулся на сказавшую эту фразу Ольгу Петрову. Ея круглое здоровое лицо было открыто и весело.

— А вы бы поѣхали? —спросилъ онъ не безъ удивленія.

— Я? Еще бы! Что здѣсь-то терять? Шумъ и гамъ, сцены нищеты и гульбы, жалобы и слёзы? Да я на необитаемый островъ ушла бы, лишь бы клокъ земли, да хата свои были.

Ваня не спускалъ съ нея глазъ, пораженный ея бодростью и энергіей.

Елена Васильевна уже совсѣмъ разсердилась, точно ее обидѣли.

— Въ ваши годы рано думать о томъ, что лучше всего спрятать головы подъ крыло. Бѣжать отъ врага—это трусость, и не въ ваши годы думать объ этомъ.

Ольга Петрова отвѣтила:

— А какъ здѣсь въ тряпку истреплешься...

— Или сопьешься съ горя,—добавилъ Ваня.

Елена Васильевна была блѣдна и взволнована. Никогда она не допускала, что съ горя можно пасть нравственно и опуститься физически, если человѣкъ точно честенъ, развитъ, уменъ. Она видѣла примѣры такого паденья и не хотѣла въ то же время ихъ видѣть. Сама она никогда не падала, всегда упорно боролась съ внѣшними обстоятельствами, съ враждебной судьбой.

— Въ ваши годы стыдно даже и толковать о возможности такихъ исходовъ,—рѣзко сказала она Ольгѣ и сыну.—

Ужъ не убѣждены ли вы, что вы непремѣнно должны совершить въ будущемъ безчестныя дѣла, если только не убѣжите отъ жизни? Хороша вѣра въ себя!

Иванъ Николаевичъ болѣе спокойнымъ, дидактическимъ тономъ вставилъ свое слово.

— Ну, спиться съ горя—это ужъ безхарактерность,— промолвилъ онъ:—а что касается до того, что въ тряпку истреплешься, такъ это зависитъ отъ физическихъ силъ... Не непремѣнно же должны быть только эти исходы для честныхъ людей. Слава Богу, у васъ здоровыя натуры, многое снесете. Надо надѣяться на себя, вѣрить въ свои силы...

Онъ говорилъ что-то еще, но какъ-то туманно, парадоксально, какъ человѣкъ, уже плохо вѣрящій въ то, что онъ говоритъ, и все-таки наперекоръ себѣ старающійся проповѣдывать другимъ угаснувшую въ немъ самомъ вѣру.

XXI.

Молодой Зубковъ провелъ нѣсколько мучительныхъ дней, рѣшившись твердо не заглядывать къ Вощининымъ. Сразу онъ увидалъ, что изъ его близости съ Лидой ничего не выйдетъ. Но убѣдиться въ этомъ, не значило разлюбить Лиду. Любовь теперь стала только мучительнѣе, терзала его. Онъ старался отдаться чтенію, погрузиться всецѣло въ занятія, чтобы забыть Лиду. «Такъ надо», говорилъ разсудокъ. Какой-то другой голосъ подсказывалъ ему: «Поди къ ней, взгляни на нее еще хоть разъ; обрывать такъ отношенія нелѣпо; постепенно отдалиться легче; единственный врачъ въ подобныхъ случаяхъ время». И въ то же время онъ чувствовалъ, что онъ хитритъ самъ съ собою, лжетъ себѣ. Въ немъ началась та внутренняя борьба, когда человѣкъ чувствуетъ, что онъ способенъ надѣлать всякихъ сумасбродствъ и что онъ будетъ глубоко презирать себя за эти сумасбродства. Ему удалось дней десять удержаться отъ посѣщеній къ Вощининымъ, и эти десять дней достались ему дорого: онъ похудѣлъ, онъ сдѣлался не похожъ на себя; нервы разстроились страшно. Наконецъ, онъ рѣшилъ, что въ первый изъ праздничныхъ дней онъ поѣдетъ къ Вощининымъ еще разъ и потомъ конецъ, конецъ всему. Онъ надѣялся, что встрѣтитъ у нихъ Зорина; Лида будетъ любезничать съ графомъ, и онъ, Зубковъ, убѣдится, что для него все потеряно. Это рѣшеніе немного успокоило его, и онъ жилъ мечтами о томъ, что черезъ два дня онъ снова увидитъ Лиду «въ послѣдній разъ». Гдѣ-то въ уголкѣ мозга

теплилась въ то же время надежда, что это будетъ «не въ послѣдній разъ». Возвращаясь въ субботу изъ университета, онъ увидѣлъ на дворѣ своего дома коляску Вощининыхъ и, задыхаясь отъ волненія, чуть не бѣгомъ добѣжалъ до крыльца. Неужели это она? Соскучилась! Не выдержала и пріѣхала! Онъ въ волненіи вошелъ въ гостиную и увидалъ Ольгу Давыдовну и Лиду. Лида бросила на него пристальный взглядъ.

— Что это вы пропали? — спросила Вощинина, здороваясь съ нимъ.—Мы ужъ думали, что вы заболѣли!

— Занятія!—отвѣтилъ молодой человѣкъ.

Онъ подошелъ къ Лидѣ, бесѣдовавшей съ его сестрою.

— Вы были больны?—спросила она тихо.

Онъ отрицательно покачалъ головой.

— Нѣтъ!—отвѣтилъ онъ, пожимая ея руку.

Безцеремонная, какъ всегда, она встала и пошла въ его комнату. Онъ пошелъ за ней. Она присѣла къ его рабочему столу и стала перебирать его лекціи.

— Вы, кажется, разсердились за что-то?—мелькомъ спросила она, не глядя на него.

— За что же?—проговорилъ онъ, стараясь подавить свое волненье.

— Можетъ-быть, за Зорина?

— Лида, я васъ не понимаю!

Она вдругъ обернулась къ нему раскраснѣвшимся лицомъ и пристально посмотрѣла на него.

— Нѣтъ, вы понимаете! Зачѣмъ вы лжете!—рѣзко сказала она, сверкнувъ глазами.

— Ну, а если-бъ и такъ, вамъ-то что до этого?—такъ же рѣзко отвѣтилъ онъ.

— Что-жъ, развѣ я не смѣю ни съ кѣмъ быть любезной? Должна отталкивать всѣхъ, кому я нравлюсь?

Ея тонъ былъ строптивъ, вызывалъ на ссору.

Зубковъ покачалъ отрицательно головой и отвѣтилъ сдержанно.

— Я потому и не являлся, чтобы не мѣшать вамъ.

— Да вы бы и не помѣшали вовсе. Я дѣлаю то, что мнѣ вздумается.

— А я то, что слѣдуетъ дѣлать.

— То-есть?

Она бросила на него задорный, вызывающій на объясненіе взглядъ. Онъ выдержалъ этотъ взглядъ и, собравшись съ силами, отвѣтилъ:

— Намъ, Лида, давно пора покончить наши отношенія.

Мы слишкомъ сблизились. Это мѣшаетъ вамъ сдѣлать свой выборъ, а мнѣ—мнѣ было бы слишкомъ тяжело бывать у васъ и сознавать, что вы не сегодня, такъ завтра будете женой другого. Вы видите, я не скрываю отъ васъ ничего.

Она строптиво, почти крича, перебила его:

— Ахъ, что вы говорите! Вы не скрываете! А развѣ я скрываю! Пріѣхала сама, чтобы только взглянуть на васъ, чтобы на минуту побыть съ вами! Я еще ни за кѣмъ не бѣгала первая, за мной ухаживаютъ, меня ищутъ, а тутъ...

Она заходила по комнатѣ, хрустя пальцами стиснутыхъ рукъ, сильно возбужденная, злобно негодующая на него, на себя, на всѣхъ, не сознавая за что, чего ей надо, какого исхода ждетъ она. Она подошла къ окну и закусила батистовый платокъ, стараясь подавить душившія ее слезы. Онъ переживалъ страшныя минуты: броситься къ ней, обнять ее, покрыть поцѣлуями ея лицо, руки, вотъ къ чему толкало его теперь. Какъ-то случайно его взглядъ упалъ на открытую дверь въ другія комнаты; тамъ ея мать, его мать и сестра. Это на минуту привело его въ себя, остановило отъ перваго порыва. Не лучше ли теперь кончить все разомъ? Выяснить ей все, что уже ясно для него самого. Онъ, блѣдный и похолодѣвшій, подошелъ къ ней и тихо заговорилъ:

— Да, наши отношенія должны порваться. Вы не будете ждать, когда я, первокурсникъ-студентъ, кончу курсъ. Вы не пойдете за бѣднаго учителя. Я, въ свою очередь, не брошу ученья даже для васъ и никогда не буду жить на содержаніи у жены, какъ бы я ее ни любилъ. Не возражайте, не обвиняйте меня за нежеланіе сдѣлать уступки. Вы знаете хорошо, что не сдѣлаете ихъ сами. Вы слишкомъ избалованы для этого. Я знаю, что вамъ будетъ тяжело...

По мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, въ ней закипѣлъ снова бурный гнѣвъ. При послѣдней его фразѣ она уже не помнила себя.

— Мнѣ будетъ тяжело? Мнѣ?—почти крикнула она, обращаясь къ нему пылающимъ лицомъ, съ угрожающимъ выраженіемъ глазъ.—Никогда мнѣ не будетъ тяжело уже потому, что я васъ теперь ненавижу. Слышите, слышите: ненавижу! Вы меня думали раздразнить тѣмъ, что перестали ходить. Я, глупая, сама пріѣхала, а вы мнѣ толкуете, что никогда не можете полюбить меня, что это будетъ мнѣ, мнѣ, а не вамъ тяжело.

Онъ хотѣлъ ее перебить, но съ ея устъ лились уже неудержимымъ потокомъ безсвязныя, почти безсмысленныя рѣчи. Она называла его мальчишкой, она говорила, что она выходитъ замужъ за Зорина, она протестовала противъ того, что она когда-нибудь думала быть женою его, Зубкова. Она не похожа на свою мать. Это та могла идти въ рабыни къ какому-то приказчику, къ какому-то мѣщанину. Она ничьей рабыней не будетъ... Это былъ безумный гнѣвъ своенравной, капризной, не привыкшей къ повиновенію дѣвочки-кокетки. Зубковъ стоялъ съ поникшей головой и уже не протестовалъ, не прерывалъ ее. И въ то же время онъ любилъ ее, какъ никогда...

Когда она вышла въ гостиную, Зубкова изумилась выраженію ея лица. До нея смутно долетали отдѣльныя слова изъ того, что говорила съ ея сыномъ Лида, и предчувствіе чего-то недобраго охватило ее. Съ ея глазъ точно повязка спала: только теперь она увидала, что происходило между ея сыномъ и Лидой. Она до этой поры все еще считала ихъ дѣтьми и даже на минуту не подумала о томъ, что они могли любить другъ друга.

— Намъ пора!—отрывисто сказала Лида матери и сухо простилась съ Зубковыми.

Елена Васильевна зорко взглянула на сына: онъ былъ блѣденъ, какъ мертвецъ.

Когда гости уѣхали, онъ торопливо скрылся въ свою комнату и легъ на постель. Онъ сознавалъ, что онъ порвалъ съ Лидой все, и это сознаніе угнетало его. Какъ всѣ влюбленные, онъ видѣлъ въ любимой дѣвушкѣ то, что хотѣлъ видѣть. Своенравность казалась энергіей, любовь къ нему казалась мягкостью сердца, молодая миловидность казалась божественной красотой. И все-таки отъ обладанія этой дѣвушкой надо отказаться. Къ этому побуждало уже одно то, что его назовутъ «Альфонсомъ», какъ зовутъ дядю Александра Константиновича. Онъ сознавалъ, что люди будутъ правы, что онъ самъ перестанетъ уважать себя, принявъ на себя эту роль. Но для того, чтобы разлюбить, не достаточно убѣжденія, что не имѣешь права любить. Гдѣ голосъ разсудка подавляетъ чувство, тамъ уже нѣтъ любви. Это получается долгой внутренней борьбой, долгой внутренней ломкой. Тотчасъ же по уходѣ Лиды молодой Зубковъ уже каялся, зачѣмъ онъ прямо высказалъ все. Нужно бы подождать, дать пройти времени, понемногу свыкнуться съ мыслью, что разрывъ неизбѣженъ. Если бы Лида вернулась

въ эту минуту, онъ упалъ бы передъ нею на колѣни, вымолилъ бы ея прощеніе. Ему вспоминались мелочи: первыя минуты сближенія; она сказала, что она будетъ звать его Ваней, онъ сталъ ее звать Лидой; въ этой комнатѣ онъ впервые, почти по-дѣтски, цѣловалъ ее, смѣясь задорнымъ смѣхомъ; потомъ они разсуждали по цѣлымъ часамъ, бродя вдвоемъ среди толпы въ Эрмитажѣ, въ фойэ театровъ, и для нихъ ничего не существовало, кромѣ ихъ любви. Все это прошло, не повторится никогда, никогда!..

Бываютъ времена, когда человѣкъ перестаетъ замѣчать, что дѣлается вокругъ него, поглощенный весь внутренней своей жизнью. Такія минуты переживалъ молодой Зубковъ. Онъ не замѣчалъ, что отецъ и мать смотрятъ на него почти со страхомъ, какъ смотрятъ на опасно больного. Онъ не замѣчалъ, что Ольга Петрова какъ-то особенно озабоченно спрашивала его:

— У васъ много занятій? Вы боитесь экзаменовъ? Ничего, вы же усидчиво занимаетесь.

Онъ разсѣянно отвѣчалъ:

— Да, да, ничего.

Въ головѣ же вертѣлся одинъ вопросъ: «Что-то дѣлаетъ Лида? Зоринъ около нея? Полюбитъ ли она его? Любитъ ли онъ ее? Нѣтъ, нѣтъ, счастливою съ нимъ она не будетъ!»

Какъ-то заѣхала Софья Андреевна, напыщенная, смотрящая царицей, и засплетничала о семейныхъ дѣлахъ: Александръ Константиновичъ опять въ ссорѣ съ женою. Ревнуетъ она его къ какой-то француженкѣ. Вотъ-то старая дура! Успокоиться не можетъ, а ужъ сѣдой волосъ пробивается. Какъ ни крась волосы—этого не скроетъ. Пора бы угомониться. Такъ нѣтъ! Рветъ и мечетъ. Только никто ея не боится. Александръ поручилъ все хозяйство ей, Софьѣ Андреевнѣ. Онъ все сумѣетъ повернуть по-своему. Вѣтрогонъ, вѣтрогонъ, а характеръ желѣзный. Его не сломишь. Лидочка, кажется, невѣста, Зоринъ сватается. Графъ, гвардеецъ, красавецъ, партія отличная. Правда, дѣла у него поразстроены, ну, да у Лиды на двухъ мужей хватитъ денегъ, а не то что на одного. Награбилъ ей покойный батюшка.

Молодой Зубковъ и блѣднѣлъ, и краснѣлъ, слушая рѣчи бабки и не замѣчая, что мать какъ-то испуганно смотрѣла на него. А бабка не унималась. Странно ей только одно, что Лидочка все скучаетъ. Плакать даже стала. Никогда этого съ ней не бывало. Прежде никто слезинки на ея лицѣ

не видалъ. Такой ужъ характеръ. А теперь—радоваться бы только, а она плачетъ. И съ чего? Развѣ только женихъ не нравится. Хотя почему бы ему не нравиться ей. Красавецъ, одно слово. Впрочемъ, дѣвичье сердце загадка. Ну, да выйдетъ замужъ, полюбитъ, свыкнется.

— О тебѣ вчера спрашивала,—обратилась она къ молодому Зубкову.

— Спрашивала обо мнѣ?—радостно воскликнулъ онъ, не владѣя собою.

Мать тревожно взглянула на него. Исхудалое лицо ея «мальчугана» покрылось яркимъ румянцемъ.

— Ты зашелъ бы, поболталъ бы, разсѣялъ бы ее,—замѣтила бабка.

— Да, да,—началъ онъ торопливо.

Мать перебила его:

— У Вани послѣдніе экзамены, занятій много.

— Ну, вотъ выдумала! Не все же учиться, — сказала бабка.

— Она когда спрашивала?—спросилъ Зубковъ, не обращая вниманія на присутствующихъ.

— Вчера,—отвѣтила бабка и не выдержала, созналась:— она и прогнала меня къ вамъ. «Вы, говоритъ, давно не были тамъ». А гдѣ же мнѣ, когда весь домъ на моихъ рукахъ. За одной прислугой присмотрѣть чего стоитъ. Воръ на ворѣ и воромъ погоняетъ. Ну, да ужъ для нея все я готова бросить.

Молодой Зубковъ всталъ съ мѣста и въ волненіи заходилъ по комнатѣ. Его всего охватило одно желаніе еще разъ взглянуть на Лиду, завтра же, сегодня же, сейчасъ. Въ головѣ все мутилось...

За каждымъ его движеніемъ слѣдили двѣ женщины—мать и Ольга Петрова, сидѣвшая съ вышивкой въ рукахъ въ углу комнаты. Походивъ по гостиной, онъ вдругъ свернулъ въ свой кабинетъ и торопливо сталъ одѣваться. Черезъ четверть часа онъ былъ уже одѣтъ.

— Ты куда?—спросила его тревожно мать, когда онъ вернулся въ гостиную.

— Я такъ... по дѣлу,—отвѣтилъ онъ и вышелъ.

Елена Васильевна готова была крикнуть ему:

— Не ходи!

Но онъ былъ уже на улицѣ. «Мѣсяцъ цѣлый онъ не видалъ Лиду. Сейчасъ опять увидитъ ее. Измѣнилась ли она? Спрашивала о немъ! Не любитъ Зорина. Кого же любитъ? Его,

его, Зубкова. Никого никогда не любила, кромѣ его! Милая!» Эти мысли хаотически проносились въ его головѣ. Онъ не могъ, да и не пробовалъ сообразить, что выйдетъ изъ его свиданія съ Лидой: онъ только хотѣлъ видѣть ее, все еще любящую его, спрашивающую о немъ, плачущую о немъ. Въ домѣ Вощининыхъ всѣ привыкли его считать членомъ своей семьи, и потому прислуга нисколько ни удивлялась, что онъ прошелъ въ комнату Лиды. Лида сидѣла съ книгой въ рукахъ, не читая, задумавшись о чемъ-то. Онъ порывисто подошелъ къ ней, не далъ ей времени опомниться, схватилъ ея руки и припалъ къ нимъ горячими губами... Что онъ говорилъ—онъ самъ не помнилъ. «Она спрашивала о немъ, скучала, плакала, не сердится на него... Онъ хоть разъ еще рѣшился взглянуть на нее, онъ съ ума сходилъ... Въ такомъ положеніи покончить съ собой можно. Какъ онъ пережилъ эти дни—онъ и не знаетъ»... Увлеченная его страстью, торжествующая, сіяющая, видящая его у своихъ ногъ, она не сопротивлялась его ласкамъ, хотя ей было какъ-то жутко отъ этой внезапной бури страсти, охватившей ее.

— Я знаю, что я безумствую, — наконецъ проговорилъ онъ:—что-жъ мнѣ дѣлать, если я люблю тебя, не могу безъ тебя жить! Дѣлай со мной, что хочешь, я готовъ на все—бросить университетъ, идти на службу, только бы имѣть право на тебя. Мнѣ теперь все равно, что будутъ говорить обо мнѣ... Счастья, только личнаго счастья нужно мнѣ теперь—своего, твоего счастья!..

Она ничего не могла сообразить. Она, казалось, опьянѣла отъ его ласкъ. Это были минуты безумія. Въ безсвязныхъ рѣчахъ повторялись на всѣ лады однѣ и тѣ же клятвы, признанія, увѣренія, и все казалось, что высказано не все, что надо сказать еще что-то.

Только когда онъ ушелъ, когда она опомнилась отъ сна на яву, ее вдругъ охватилъ смутный страхъ. «Что будетъ дальше? Ну, выйдетъ онъ изъ университета, поступитъ куда-нибудь на службу, съ годъ придется ждать. А потомъ? Какъ онъ будетъ жить съ нею потомъ?» Она тупо смотрѣла въ пространство, какъ бы ожидая, что тамъ пройдутъ передъ нею картины ея будущаго... Ея любовь къ Зубкову не была серьезнымъ увлеченіемъ. Это было безсознательное, инстинктивное стремленіе властолюбивой натуры покорить непокорнаго. Она хотѣла видѣть его у своихъ ногъ. Когда онъ противился ей или отдалялся отъ нея—она готова была ры-

дать отъ досады, гнѣва, оскорбленнаго самолюбія. Когда онъ былъ у ея ногъ—она боялась будущаго съ нимъ, инстинктивно сознавала, что онъ постарается сломить ее, подчинить своей волѣ. «Будетъ обращаться съ нею, какъ Александръ Константиновичъ съ женою». Эта мысль пугала болѣе всего. Теперь, оставшись одна, она уже негодовала на себя, зачѣмъ она его вызвала, зачѣмъ пробудила въ немъ эту страсть. Ей было почти страшно за себя при воспоминаніи объ этомъ свиданіи. Онъ былъ совсѣмъ какъ безумный, онъ, кажется, готовъ былъ взять ее силой. Тогда бы уже не было возврата.

Вернувшись домой, Софья Андреевна стала раздѣваться, когда неожиданно къ ней вошла Лида. Она была блѣдна и взволнована. Лицо смотрѣло строго, почти сурово. Не спрашивая ни о чемъ старуху, она прямо приступила къ волновавшимъ ее вопросамъ:

— Мнѣ надо поговорить съ вами,—начала она не своимъ голосомъ.

— Дитя мое милое, ангелъ души моей, что тебѣ?—спросила сладкимъ и пѣвучимъ голосомъ старуха, зорко всматриваясь въ ея лицо.—Нездорова ты? Случилось что-нибудь?

— Ваня былъ у меня,—коротко отвѣтила Лида.

— Неужели?—въ недоумѣніи проговорила Софья Андреевна, очень хорошо знавшая, что онъ былъ здѣсь.

Лида, не глядя на нее, ходя по комнатѣ, отвѣтила:

— Онъ съ ума сходитъ отъ любви ко мнѣ...

Старуха не нашлась сразу, что отвѣтить, и произнесла глупую фразу:

— Да кто же можетъ, увидавъ тебя, не полюбить тебя!

— Не то, не то!—нетерпѣливо проговорила Лида.—Онъ жить безъ меня не можетъ, онъ готовъ на все, чтобы я была его женою!

— Какъ же такъ? А графъ Зоринъ? Да ты-то развѣ тоже по сю пору влюблена въ Ваню?—растерянно и пугливо спросила старуха.

— Ахъ, развѣ я знаю, развѣ я знаю! — воскликнула Лида.—Иногда мнѣ кажется, когда его нѣтъ, что я жить безъ него не могу. Иногда же, когда онъ тутъ, когда онъ говоритъ, я вижу, что я не могла бы жить съ нимъ. Мнѣ хочется, чтобы онъ былъ у моихъ ногъ, но когда я вижу, что онъ будетъ командовать мною, ломать меня по-своему, властвовать надо мною—я его просто боюсь...

Она стиснула свои руки, такъ что хрустнули пальцы.

— И зачѣмъ я просила васъ съѣздить къ нимъ, сказать ему, что я справляюсь о немъ! Ну, порвала все и кончено бы, а теперь...

Старуха подошла къ ней и тихо, вкрадчиво проговорила:

— Замужъ тебѣ поскорѣе надо выйти, ангелъ мой невинный, вотъ что я вижу!

Она понизила еще немного тонъ:

— Въ твои годы, сокровище души моей, дѣвушки жаждутъ замужества и увлекаются тѣми, кто ухаживаетъ за ними. Первый проходимецъ можетъ вскружить голову. Это уже законъ природы, неисповѣдимые пути Провидѣнія. И самое это опасное время. Иногда шагъ одинъ неосторожный— и всю жизнь свою сгубить молодая дѣвушка. Ваня единственный мужчина, который обращался съ тобой вполнѣ свободно, ну, ты, голубка моя нѣжная, и увлеклась имъ— поцѣлуи въ уголкахъ, нашептыванья, ухаживанья,—все это хоть какой дѣвушкѣ вскружить голову, потому что все это кровь волнуетъ. Но это, ангелъ мой чистый, не любовь. Выйдешь замужъ, всѣ эти глупости разомъ забудутся, потому что это только ребячество, такъ, пустяки сущіе.

Старуха начала ей объяснять: каждая дѣвушка десять разъ влюбляется, и кто изъ мужчинъ поразвязнѣе, да посмѣлѣе, тотъ и кажется ей избранникомъ ея сердца. Сама она, Софья Андреевна, съ разными подростками въ углы забивалась. Тоже молода была. Поцѣлуетъ какой-нибудь безусый мальчуганъ въ коридорѣ, ну, и кажется, что жить безъ него нельзя. А вышла замужъ—смѣшно потомъ самой показалось, что это ребячество за любовь считалось. И какой же Ваня женихъ? Студентъ еще несовершеннолѣтній. Годъ или два его нужно ждать. А чего дождешься? Ну, первые два-три мѣсяца любовью потѣшатся. Это уже всегда такъ. Потомъ же и пойдутъ сцены. Онъ вѣдь характеренъ, въ мать весь—колъ на головѣ теши, не уступитъ ни въ чемъ. Отецъ тоже дури-то въ него не мало вбилъ. Мать его этимъ загубилъ, да и сына тоже. Идеи какія-то у нихъ. Полезная дѣятельность, служеніе обществу! За это-то служеніе безъ сапогъ находились. Служить-то обществу станешь—милліоновъ не хватитъ. Оно, славу Богу, велико, на него не напасешься; съ него драть нужно, а не ему давать; недаромъ и пословица говоритъ, что съ міру по ниткѣ, а голому рубашка. Что же это мы-то обо всѣхъ будемъ заботиться? Это ужъ пусть Маремьяна-старица обо всемъ мірѣ

печалится. Тоже и ревностью истерзаетъ онъ, потому что такіе-то ослы упрямые, да настойчивые всегда ревнивы.

Пѣвучая рѣчь старухи лилась безъ конца. Лида слушала и удивлялась: въ тѣ минуты, когда она тосковала по Зубковѣ и въ то же время боялась его, въ ея головѣ проходили смутно всѣ эти мысли.

— Я сама всего этого боялась,—тихо проговорила она.

— Голубка моя; да какъ же и не бояться этого. Умница ты моя, не могла ты этого не предчувствовать. Развѣ тебѣ съ такимъ мужемъ жить надо?

Старуха вдругъ засмѣялась, стараясь развеселить Лиду.

— И рѣчами своими онъ замучилъ бы тебя! Теперь-то вся эта канитель нова для тебя, а потомъ, со скуки бы ты померла. Честность, безкорыстіе, самоотреченіе, польза ближнихъ! Ахъ, умора, когда эти рацеи разводилъ его отецъ, какъ за Лелей ухаживалъ. Признаюсь, хохотала я не разъ, какъ онъ, бывало, начнетъ эти разводы разводить; не думала я тогда, что Леля всѣмъ этимъ шутовствомъ увлечется. Сынокъ-то въ него. Тоже, поди, много тебѣ наговорилъ турусовъ на колесахъ?

Лида махнула безнадежно рукой.

— Краснобаи, нечего сказать. Оно, конечно, если бы женился на тебѣ, такъ было бы изъ чего и дурить, пользу-то обществу приносить, деньги-то разбрасывать...

— Ну, ужъ, я денегъ-то не дала бы!—неожиданно сорвалось съ языка Лиды.

Старуха невольно усмѣхнулась.

Лида сконфуженно поспѣшно перемѣнила разговоръ. Какъ ей теперь отдѣлаться отъ Вани? Что сказать? Ей страшно, что онъ Богъ знаетъ чего надѣлаетъ. Софья Андреевна пожала плечами.

— Да мнѣ, маточка моя, стоитъ слово сказать его матери, и все какъ рукой сниметъ,—проговорила она съ пренебреженіемъ и прибавила:—А ты-то, ангелъ мой, лучше бы кончала скорѣй съ графомъ Зоринымъ. Это партія, такъ партія: красивъ, молодъ, хорошей фамиліи и ты ужъ меня прости—овца овцой. Тебѣ такой мужъ и нуженъ, умница ты наша: ты повелѣвать должна, а не тобой другіе.

Лида поднялась съ мѣста и обняла старуху.

— Только съ вами и могу я отвести душу. Никогда я не думала, что вы будете мнѣ такъ нужны...

— Другъ мой, преданный человѣкъ всегда сумѣетъ быть нужнымъ и полезнымъ,—съ чувствомъ проговорила Софья

Андреевна и величаво благословила молодую дѣвушку:—Ну, спи спокойно и не думай ни о чемъ. Бабушка все для тебя устроитъ.

Лида вышла изъ комнаты.

Софья Андреевна начала неторопливо раздѣваться, довольная собой, точно выросшая, величественная и гордая.

— Въ мать она разсудкомъ,—проходили въ ея головѣ мысли.—Чѣмъ-чѣмъ, а ужъ не этимъ наградилъ Богъ. Ну, да при ея капиталѣ умъ-то и не нуженъ.

Она усмѣхнулась:

— А ужъ и жадна же! Влюблена, влюблена, а коснулось денегъ—сейчасъ на дыбы: деньги бросать не позволю. Алтынники!..

Она прошла въ уголъ, гдѣ стоялъ кіотъ съ образами и теплящейся лампадой, и медленно опустилась на коверъ на колѣни.

— Вѣрую во единаго Бога Отца, — начала она вслухъ, неторопливо и широко красивымъ движеніемъ поднимая руку для крестнаго знаменія.

«А каковъ нашъ заноза-то, какъ накуролесилъ, какую штуку выкинулъ»,—мелькнуло въ головѣ.

Она сдѣлала еще болѣе набожное лицо, сердясь на постороннія мысли, мѣшающія ей молиться, и продолжала внятно и съ чувствомъ вслухъ:

— Вседержителя, творца неба и земли...

Въ головѣ же опять пронеслось:

«Мнѣ что, пусть бы накуролесилъ, да вѣдь это можетъ Настюшѣ помѣшать. Ее-то бы мнѣ выдать...»

Опять она уже скороговоркой забормотала:

— Видимымъ же всѣмъ и невидимымъ, и во единаго Господа Іисуса Христа...

«Только, что это Егорушка-то мямлитъ? То будто и влюбленъ, то будто и вышучиваетъ? Не поймешь его...»

Снова опомнившись, сердясь на себя за непрошенныя соображенія, она громко и часто заговорила:

— Господи, избави мя отъ лукаваго, избави мя отъ лукаваго!

И тутъ же, торопливо крестясь, разсудила въ оправданіе себя:

«Да что дѣлать-то станешь: я одна все должна устроить и тотъ меня спрашиваетъ, и другой со мной совѣтуется, и обо всѣхъ-то болитъ мое сердце...»

Она, гордая сознаніемъ своего достоинства, благодаря

Бога за данную ей долю, стала класть земные поклоны, повторяя нѣвучимъ голосомъ:

— Благодарю Тебя, Господи, благодарю Тебя за милосердіе Твое! Ты меня укрѣпилъ, Ты меня вознесъ, рабу Твою.

И съ театральнымъ жестомъ разводя руками, она распростерлась на коврѣ, полная душевнаго спокойствія, благодарности и величія.

XXII.

Софья Андреевна пріѣхала объясниться съ дочерью и заперлась съ нею въ кабинетѣ Зубкова. Елена Васильевна давно уже привыкла холодно и надменно выслушивать мать, сознавая вполнѣ свое нравственное превосходство надъ нею и съ горечью чувствуя ея ничтожество. На этотъ разъ она съ первыхъ же словъ старухи упала духомъ. Какъ молотомъ поразили ее слова матери о томъ, что Ваня не только влюбленъ въ Лиду, но хочетъ на ней жениться, готовъ университетъ бросить, поступить въ банкъ. «На содержаніи у жены захотѣлось жить»,—рѣзко закончила старуха. Само по себѣ это извѣстіе должно было поразить Зубкову, но, переданное Софьей Андреевной, оно было вдвое оскорбительнѣе.

— Еще бы!—разсуждала старуха.—Лакомый кусокъ нашелъ! Кому не сладко жить на женинъ счетъ! Только ужъ не ему бы гнаться за этимъ. Онъ вѣдь голову-то привыкъ задирать, всѣ подлецы, всѣ негодяи, а тутъ ничего, за крупный кушъ хватается. Такъ ужъ оставилъ бы это нашему Александру Константиновичу, тотъ безъ этихъ благородныхъ разговоровъ попросту продался своей заводчицѣ, и нищеты нахлебался онъ, и никакихъ этихъ идей у него не было.

И отъ этой темы, видя, что дочь опустила голову, она перешла къ другому предмету:

— И ты-то со своимъ Иваномъ Николаевичемъ хороши. Подъ носомъ у васъ это дѣлалось, а вы точно слѣпые. Да слѣпые вы и есть. Ничего не видите, что̀ кругомъ дѣлается. Еще не того дождетесь. Дѣвчонокъ набрали великовозрастныхъ. Благодѣтели! Хорошо еще, что покуда ни одну изъ нихъ вашъ сынокъ не соблазнилъ. И этого дождетесь. Гдѣ вы живете? За облаками, что ли? Ангелы вокругъ васъ или люди? Наживете еще себѣ бѣдъ. И подѣломъ. Не благодѣтельствовать вамъ нужно бы, а гроши нужно бы скопить

на черный день. Посмотрѣли бы на себя хоть въ зеркало, старость-то не за горами, ты вонъ старше меня смотришь; чѣмъ жить будете, когда силъ не станетъ?

И зловѣщимъ тономъ она прибавила:

— Ну, а какъ Лидочка объяснитъ все брату, какъ онъ разсердится на вашего Ивана за это, да порветъ всякія отношенія съ Иваномъ Николаевичемъ? Что тогда запоете? Еще хорошо, я Лидочку успокоила, что никому она не можетъ сказать объ этомъ, такъ какъ я умоляла ее не поднимать скандала...

Старуха вознаграждала себя теперь за долгіе годы презрительнаго отношенія къ ней со стороны дочери. Она сознавала, что дочь теперь слишкомъ подавлена, чтобы протестовать противъ чего бы то ни было. Елена Васильевна чувствовала, что мать многое извращаетъ, многое лжетъ по своему обыкновенію, и все же не могла возражать. Ее угнетала мысль, что она не предостерегла сына, что онъ увлекся страстью и чуть не сдѣлалъ подлости—женитьба на богатой дѣвушкѣ, не имѣвшей съ нимъ ничего общаго по развитію, по взглядамъ, по положенію въ свѣтѣ, казалась ей крупной подлостью. Честный человѣкъ долженъ былъ въ подобномъ случаѣ сдѣлать все, чтобы побѣдить свою животную страсть. Оправданій тутъ нѣтъ и не можетъ быть. Въ то же время ей было мучительно жаль сына-мальчика; онъ еще почти ребенокъ—для нея онъ всегда оставался ребенкомъ; это его первая любовь; онъ страдаетъ и будетъ долго страдать. Она по опыту знала, что значитъ любовь. Недаромъ же она сама вышла замужъ безъ благословенія матери. Охваченная этими мыслями, она почти не слушала мать, и Софья Андреевна многословно и съ разными варіаціями продолжала свою рѣчь, повторяя:

— Еще слава Богу, что у Лидочки есть другой женихъ. Нельзя было вскружить ей совсѣмъ головы. Дѣвочка молоденькая, довѣрчивая, могла бы увлечься, не будь графа Зорина. Теперь, конечно, я все улажу на скорую руку. Кто знаетъ нашего Ивана Ивановича, онъ, пожалуй, силой попробуетъ взять ее. Ну, а повѣнчается она съ графомъ Зоринымъ, и конецъ. Не легко только мнѣ въ мои лѣта за всѣхъ васъ хлопотать. Мнѣ покой нуженъ, о спасеніи души своей хочется подумать. Вы-то вотъ краснобайствуете о любви къ ближнимъ, а на дѣлѣ-то я распинаюсь за всѣхъ. Кто васъ пристроилъ къ мѣсту? Кто Сашу поднялъ на ноги? Кто нашу заводчицу ублажаетъ? Кто вашего почтеннаго

Ивана Ивановича выгораживаетъ? Кто бѣдную дѣвочку Лиду спасаетъ? Все я, все я! А у васъ еще Настюша растетъ. Вы и ее погубите. Мнѣ же, мнѣ же ее придется спасти отъ нищеты, отъ того, чтобы она старой дѣвкой не осталась...

— Ахъ, оставьте вы насъ въ покоѣ!—вырвалось изъ груди болѣзненное восклицаніе у Елены Васильевны.

— Да вы на улицѣ подохнете, если я васъ оставлю въ покоѣ!—крикнула Софья Андреевна.—Въ какомъ положеніи я васъ застала, когда прибыла въ Петербургъ? Съ голоду умирали. Мое материнское сердце подсказало мнѣ, что надо ѣхать васъ спасать. Тысячу верстъ протряслась для этого... Не будь меня, можетъ-быть, и Настюша, и Иванъ Ивановичъ ваши въ землѣ бы лежали, и твой Иванъ Николаевичъ, какъ собака Устиновъ, пить началъ бы, либо въ сумасшедшій домъ угодилъ бы. До одиннадцатой-то версты ему и такъ не далеко!

Когда она кончила и ушла изъ дому Зубковыхъ, Елена Васильевна поднялась съ мѣста, какъ разбитая. Впервые въ жизни въ ней не было ни твердости, ни энергіи, ни яснаго представленія о томъ, что нужно дѣлать. Тѣмъ не менѣе, у нея хватило силы въ этотъ день не сказать ничего сыну: завтра у него послѣдній экзаменъ, и она боялась, что онъ срѣжется на этомъ экзаменѣ, если она объяснится съ нимъ. Возбужденный, въ лихорадочномъ состояніи, онъ даже не замѣтилъ того, что мать внезапно осунулась, какъ бы постарѣла на нѣсколько лѣтъ. Когда онъ уходилъ утромъ на экзаменъ, она только могла сказать ему, чтобы онъ вернулся съ экзамена прямо домой, не заходя никуда. Въ страшной тревогѣ ждала она его возвращенія изъ университета и думала только объ одномъ, какъ бы объясниться съ сыномъ. Она понимала, что значитъ первое сильное увлеченіе юноши. Она сознавала, что она должна нанести ему тяжелую рану.

Онъ вернулся домой къ обѣду. Обѣдъ прошелъ для Елены Васильевны незамѣтно, точно она спала въ это время. Какъ только всѣ встали изъ-за стола, она взяла сына подъ руку и прошла съ нимъ въ его комнату. Она сѣлъ въ кресло и проговорила тихо:

— Сядь поближе.

Онъ тревожно взглянулъ на нее и торопливо, съ испугомъ спросилъ:

— Ты больна?

— Нѣтъ! Сядь!

Онъ усѣлся противъ нея на стулъ.

— Мальчикъ, что съ тобою дѣлается?—спросила она.

— Со мной? что дѣлается?—переспросилъ онъ и весь вспыхнулъ.—Ничего...

— Зачѣмъ ты скрываешь? Я все знаю!

Онъ раскраснѣлся еще болѣе и быстро припалъ губами къ ея рукѣ:

— Милая, дорогая! Ты не знаешь, какъ я счастливъ.

По ея лицу скользнуло болѣзненное выраженіе. Она перевела духъ и тихо, но твердо сказала:

— Ты глубоко несчастливъ!

Онъ поднялъ голову и взглянулъ на нее.

— Любить—да, это счастье!—продолжала она твердо.—Но кого? Ты любишь дѣвушку, не имѣющую съ тобою ничего общаго ни по развитію, ни по характеру, ни по привычкамъ, ни по взглядамъ.

— О, ты ея не знаешь!—воскликнулъ онъ.—Это воскъ, изъ котораго...

Она остановила его движеніемъ руки:

— Я не кончила. Не перебивай меня. У нея нѣтъ ничего общаго съ тобою, и тебѣ придется перевоспитывать ее. Но супружество не школа. Перевоспитывать жену, значитъ обречь ее и себя на многолѣтнюю пытку. Эту пытку можно вынести только въ томъ случаѣ, когда и мужъ, и жена безъ-завѣтно, безгранично любятъ другъ друга.

— Мама, если бы ты знала...—воскликнулъ снова молодой Зубковъ.

— Но это не все,—продолжала мать, останавливая его снова движеніемъ руки.—Она богата, ты бѣденъ. Довольно одного этого, чтобы задушить въ своемъ сердцѣ любовь. Жить на счетъ жены, на содержаніи...

Онъ сдѣлалъ рѣзкое движеніе, она остановила его словами:

— Не говори, я знаю все, что ты скажешь, и всѣ твои слова будутъ только жалкими попытками найти себѣ оправданіе, когда его нѣтъ. Ты будешь доказывать одно, а въ глубинѣ души сознавать другое. Мало того, если ты даже будешь вполнѣ сознавать, что ты правъ, то и тогда тебѣ будетъ стыдно, больно, обидно смотрѣть на людей: ихъ-то ты не увѣришь, что ты не Альфонсъ...

— Мама!—съ упрекомъ проговорилъ онъ.

— Такъ какъ же ты смѣлъ осуждать дядю? Можетъ-быть, онъ тоже увлекся Ольгой Давыдовной,—рѣзко сказала она.—

Можетъ-быть, онъ тоже былъ убѣжденъ въ честности своего поступка?

— Съ кѣмъ ты меня сравниваешь!

— А! съ кѣмъ сравниваю? А чѣмъ будешь ты? Не кончившимъ курсъ студентомъ? Бѣднякомъ, котораго пристроятъ къ мѣсту по протекціи жены? Мальчикомъ, бросившимъ науку, полезную дѣятельность, честный трудъ ради увлеченія? Или ты думаешь, что она станетъ тебя ждать до окончанія курса, поступится, ради тебя, своими привычками, заживетъ такъ, какъ хочешь ты?

— Ахъ, что ты мнѣ говоришь!—въ отчаяніи крикнулъ онъ.—Я все это передумалъ въ десятки безсонныхъ ночей. Но что-жъ мнѣ дѣлать, если это чувство выше доводовъ разсудка? Или ты хочешь, чтобы и я самъ сдѣлался несчастнымъ, и сдѣлалъ несчастною ее? Я не знаю, какъ ты любила, но я знаю, что я не могу теперь разсчитывать, взвѣшивать, когда довольно одного ея призыва вотъ теперь, въ эту минуту, чтобы я бросилъ тебя и былъ бы у ея ногъ...

— О, я это, къ несчастію, хорошо знаю,—не безъ горечи оскорбленной матери, проговорила Елена Васильевна.—Что значитъ мать въ сравненіи съ смазливой дѣвочкой, поманившей насъ къ себѣ! Ради этого можно надѣлать тысячу сумасбродствъ, низостей, поступиться всѣмъ будущимъ.

— Не упрекай меня!..

— Но, къ счастію, она-то не позоветъ болѣе тебя!—продолжала горячо Елена Васильевна, не слушая его.—Она поиграла съ тобой, зашла слишкомъ далеко и испугалась, увидавъ, что ты способенъ на все.

— Это ложь! ложь!—крикнулъ онъ внѣ себя.

— Ложь? А! ты не вѣришь мнѣ! Я не хотѣла тебѣ говорить этого, я думала, что въ тебѣ можно разбудить разсудокъ, трезвое отношеніе къ тому, на что ты идешь. Но ты безумствуешь. Ну, такъ ты долженъ знать правду. У меня сейчасъ была твоя бабка. Лида разсказала ей все. Она играла съ тобой въ любовь, не зная, къ чему это можетъ привести. Ей хотѣлось поставить на своемъ, чтобы ты былъ у ея ногъ. Она думала, вѣроятно, что все это кончится шалостью. Теперь въ ней проснулся страхъ. Еще бы! Вѣдь ты сталъ бы ломать ее по-своему, ты сталъ бы менторствовать, ты началъ бы учить ее новой жизни, скучной, какъ жизнь честныхъ людей вообще. Она испугалась этого и призвала на помощь опытнаго человѣка. Впрочемъ, можетъ-быть, она ошиблась! Поди къ ней, скажи, что

будешь жить такъ, какъ живетъ ея семья, Егоръ Егоровичъ, Александръ Константиновичъ. Увѣрь ее, что, продавшись ей, ты уже не вернешься къ старому и выбросишь за бортъ весь балластъ разныхъ глупыхъ предразсудковъ честныхъ людей. Кто продалъ себя, тому легко продать и все остальное...

Ея рѣчь вдругъ оборвалась какой-то болѣзненной нотой. Вспыхнувшая въ ней на минуту энергія снова оставила ее. Она закрыла лицо руками и заплакала, тихо прошептавъ:

— Вотъ чего я боялась, сходясь съ этими людьми!

Онъ не утѣшалъ ее, не искалъ оправданій, охваченный совершенно новымъ чувствомъ безнадежности: ему казалось, что никогда онъ не разлюбитъ Лиду, и въ то же время онъ сознавалъ, что теперь онъ скорѣе пуститъ пулю въ лобъ, чѣмъ женится на ней. Это было отчаяніе первой неудачной любви юноши. Прошло нѣсколько минутъ тягостнаго молчанія. Наконецъ, Елена Васильевна поднялась съ мѣста. Ея движеніе заставило его очнуться.

— Ты уходишь?—спросилъ онъ какъ бы сквозь сонъ, не понимая, что говоритъ.

— Я все сказала тебѣ,—коротко отвѣтила она.

Она пошла къ дверямъ, онъ не удерживалъ ея. Обоимъ было страшно тяжело. Она сознавала, что убѣдить мальчика сразу въ невозможности этого союза или сразу вырвать изъ его сердца чувство любви было невозможно; онъ сознавалъ, что онъ откажется отъ Лиды, но будетъ отъ этого еще несчастнѣе, чѣмъ былъ бы, настоявъ на своемъ. Ни мать, ни сынъ въ эту минуту не могли утѣшить себя тѣмъ, что все это пройдетъ, забудется современемъ, что, можетъ-быть, придетъ время, когда они оба будутъ смѣяться надъ этимъ «ребячествомъ». Волнующіе насъ въ жизни «мелочи» и «пустяки» кажутся «мелочами» и «пустяками» только тогда, когда ихъ переживешь, а не тогда, когда ихъ переживаешь. Сколько разъ пускали себѣ люди въ лобъ пулю изъ-за такихъ «мелочей» и «пустяковъ», надъ которыми они сами лѣтъ черезъ десятокъ могли бы посмѣяться самымъ искреннимъ смѣхомъ. Эти «мелочи» и «пустяки» омрачили всю семью Зубковыхъ. Елена Васильевна сообщила своему мужу о любви ихъ «мальчика». Иванъ Николаевичъ взволновался и растерялся.

— Я знаю, что этотъ бракъ не состоится,—говорила Зубкова.—Лида пустая и притомъ глупая кокетка, она выйдетъ спокойно замужъ и конецъ. Но нашъ мальчикъ, какъ

онъ перенесетъ это? какъ повліяетъ на него это? О, недаромъ я боялась сближенія съ семьей Александра, недаромъ я боялась за Ваню въ послѣднее время, когда онъ сталъ втягиваться въ удовольствія, въ развлеченія...

— Леля, монахомъ же нельзя жить,—вступился Иванъ Николаевичъ.

Она рѣзко перебила его:

— А гдѣ предѣлъ этимъ развлеченіямъ, этимъ удовольствіямъ? Когда они превратятся въ привычку, гдѣ взять на нихъ средства?

Иванъ Николаевичъ уклонился отъ отвѣта: онъ и жена въ былыя времена очень часто говорили на эту тему, развивали въ этомъ направленіи дѣтей. Спорить противъ этого онъ не могъ, но его озабочивало не это, а вопросъ, что дѣлать, чтобы успокоить ихъ «мальчугана». Онъ, страстный, впечатлительный, способный на всякія крайности, перенесетъ не легко первую неудачу въ любви. Надо быть осторожными, заботливыми съ нимъ теперь вдвое, чѣмъ прежде, какъ съ опасно больнымъ.

Далеко за полночь совѣщались мужъ и жена, наивные идеалисты, непрактичные, ненаходчивые въ невзгодахъ подобнаго рода.

На другой день, когда молодой Зубковъ вышелъ къ чаю, они взглянули на него почти со страхомъ, точно на приговореннаго къ смерти. Онъ и точно походилъ на больного. Горе и безсонная ночь оставили на немъ свои слѣды. Мрачное настроеніе трехъ старшихъ членовъ семьи не ускользнуло отъ вниманія Насти, и она шопотомъ сообщила объ этомъ Машѣ.

— Въ Лидку Ваня влюбился,—отозвалась та.

— Ты почему знаешь?—спросила Настя.

— Да ужъ знаю, что знаю!

— Сказалъ кто-нибудь?

— Сказалъ, не сказалъ, а знаю.

— Да скажи, откуда?

— Вотъ хоть убей, не скажу. А ужъ знаю!

— Опять подслушала!

— Ну, подслушала, либо не подслушала, а не позволяютъ ему жениться! Вотъ онъ и повѣсилъ голову. Ахъ, я бы и позволенія не спросила.

— Ну, да!

— А вотъ не спросила бы! А ты спросила бы, если-бъ тебѣ не позволили за твоего Егора Егоровича выйти.

— Вовсе онъ не мой, да и не люблю я его.

— Ого! милліонщика-то!

— Подшучиваетъ онъ все!

— А бабушка все же сосватаетъ тебя! Ахъ, мнѣ бы такую бабушку!

Маша махнула рукой.

— Нѣтъ, ужъ, видно, самой надо раздобыть жениха.

Она насупилась, точно обдумывая вопросъ первѣйшей важности.

Еще одна личность была заинтересована настроеніемъ Зубковыхъ. Ольга Петрова зорко и пристально слѣдила за выраженіемъ лица молодого Зубкова. За послѣднее время она привыкла къ тому, что онъ дѣлился съ нею по-товарищески разными мелочами, впечатлѣніями, оставленными прочитанной книгой, спектаклемъ, прослушаннымъ наканунѣ, картиною, видѣнною на новой выставкѣ, удачей или неудачей экзаменовъ, ходомъ даваемыхъ имъ уроковъ. Она тоже спрашивала его о разныхъ пустякахъ: хорошъ ли новый сдѣланный ею абажуръ, красивъ ли выбранный для вышивки узоръ, выгодно ли она продала что-нибудь изъ рукодѣлій, на какіе курсы ей потомъ поступить. Теперь онъ не сообщалъ ей ничего, почти не замѣчалъ ея. Дня два спустя, она спросила его:

— Вамъ нездоровится?

— Нѣтъ, я здоровъ!—отвѣтилъ онъ.

— Ну, слава Богу, а то я думала, что вы расхвораться вздумали,—сказала она.

Онъ промолчалъ. Онъ весь былъ занятъ одной мыслью: хотя бы разъ, только разъ еще взглянуть на Лиду. Нельзя же такъ порвать, повѣривъ на слово матери. Вѣдь все слышанное имъ передано бабкой. Бабкѣ ничего не стоитъ солгать. Можетъ-быть, Лида настолько любитъ его, что согласится ждать окончанія имъ курса. Три года не вѣчность. Согласится ждать, — тогда... Можно въ эти три года сообразить многое, во многомъ спѣться. Молодыя мечты начинали снова охватывать душу. Вопросъ о томъ, что она богата, а онъ бѣденъ, отступалъ на послѣдній планъ. Вѣдь можно жить такъ, чтобы не пользоваться ея средствами, не давъ никому права упрекать его. Онъ смотрѣлъ на жизнь еще вполнѣ такъ, какъ можетъ смотрѣть мальчуганъ.

Дня черезъ три онъ встрѣтилъ около завода Александра Константиновича. Тотъ дружески пожалъ ему руку и спросилъ, что онъ давно не былъ у нихъ.

— Кстати же у насъ скоро пиры начнутся,—весело добавилъ Вощининъ, всегда радовавшійся предлогу попировать.

— Пиры?

— Да, Лида, кажется, скоро выйдетъ замужъ за графа Зорина.

Молодой Зубковъ поблѣднѣлъ.

— Выйдетъ замужъ?

— Ну, да! Давно пора. Нерѣшительный онъ человѣкъ, тряпка, даромъ что гвардеецъ. Ее надо было силой взять, а онъ мямлилъ...

Онъ засмѣялся.

— Бабушка наша всему научила. Смѣхъ, право! Умѣетъ она эти дѣла мастерить. Такъ подбодрила его...

— Подлость какая!—стиснувъ зубы, прошепталъ Зубковъ.

— Ну, вотъ еще! Такихъ дѣвчонокъ только силой и можно взять. Подобныя дѣвчонки только за тѣми и бѣгаютъ, кто не обращаетъ на нихъ вниманія, либо кто нагло съ налету возьметъ ихъ. Я-то хорошо ихъ знаю. Ты, братъ, помни эту науку!

Онъ потрепалъ Зубкова по плечу.

— Безъ этого успѣха не дождешься. Такъ Егораша нашъ побѣждаетъ всѣхъ равнодушіемъ и цинизмомъ. Ну, а я, грѣшный, остался вѣренъ одной тактикѣ: пришелъ, увидѣлъ и взялъ съ бою.

Онъ пошелъ по направленію къ заводу. Молодой Зубковъ очнулся и крикнулъ:

— А... Лида... согласна?

— А? Что?—откликнулся Вощининъ.—Согласна ли Лида?.. Еще бы... Графиней будетъ! Шутка ли!.. Не такъ еще носъ подниметъ...

Онъ пошелъ дальше, насвистывая арію изъ «Синей бороды», мальчишески веселый, безпечно молодцоватый, все еще свѣженькій, какъ вербный херувимъ.

Зубковъ постоялъ, потомъ пошелъ куда-то, прошелъ немного, вернулся назадъ, вошелъ въ садикъ своего дома, сѣлъ на скамью, уперся въ колѣни локтями и опустилъ голову на руки. Въ головѣ былъ хаосъ, передъ глазами было темно. Кругомъ него все уже начинало жить весеннею жизнью; зазеленѣли деревья и трава, чирикали птицы, свѣтило яркое солнце.

— У васъ какое-нибудь горе?—раздался ровный молодой голосъ около Зубкова.

Онъ поднялъ голову. Передъ нимъ стояла молодая дѣ-

вушка съ здоровымъ круглымъ лицомъ, съ вздернутымъ носикомъ, въ скромномъ коричневомъ платьѣ. Это была Ольга Петрова.

Онъ опустилъ руки и, глядя ей прямо въ лицо, необычайно сухо, почти недружелюбно сказалъ:

— Ну да, горе. А вамъ что?

Она точно удивилась.

— Какъ что? Да легче же, когда скажешь?

И прибавила откровеннымъ тономъ:

— Я вотъ ничего не могу утаить, что на душѣ. Злость, радость, горе, все выскажу, ну, а на людяхъ и смерть красна. Ей-Богу, говорите, что случилось?

Онъ немного смутился, замялся, потомъ неохотно проговорилъ:

— Нѣтъ, не все же можно разсказывать другимъ.

— Да вѣдь не сподличали же вы?—серьезно спросила она.

Онъ отрицательно покачалъ головой. Она ждала признанія. Онъ наконецъ рѣшился сказать:

— Что бы вы сдѣлали, если бы вы ошиблись въ человѣкѣ? Ну, полюбили бы, что ли, несчастно?

Она поблѣднѣла, но, несмотря на волненіе, отвѣтила твердымъ голосомъ:

— Что-жъ дѣлать тутъ? Уйти. Больше ничего не приходится.

— Уйти?

— Ну, да, куда-нибудь подальше. Изъ глазъ вонъ—изъ ума вонъ...

Она немного сконфуженно, глядя въ сторону, пересиливая себя, коротко спросила его:

— Влюбились?

— Да.

На минуту молодая дѣвушка смолкла. Въ ея глазахъ стояли слезы. Однако, она сдѣлала надъ собой усиліе, тряхнула головой и, принимая спокойный видъ, по-дѣтски наивно проговорила:

— Ай, ай, ай, помѣшаетъ это вашему ученью!

— До ученья ли тутъ!—воскликнулъ онъ.

— Да что вы! — почти испуганно воскликнула она:— какъ же не до ученья! Что же такъ неучемъ и оставаться ради любви? Въ наше-то время? Богъ съ вами!

Онъ удивился ея словамъ, видя, что она вовсе не понимаетъ, что значитъ страстное, захватывающее все существо человѣка чувство любви.

— Вы еще совсѣмъ дѣвочка, — сказалъ онъ. — Тутъ не только ученье на умъ не идетъ, а жить не хочется. Понимаете вы: жить не хочется, міръ кажется пустыней. И на что жизнь, когда нѣтъ счастія?

Она пожала плечами.

— И напустили же вы на себя! — проговорила она: — жизнь не нужна, потому что несчастно полюбили. А Ивану Николаевичу и Еленѣ Васильевнѣ сладко было бы, если бы вы умерли? Сына-то не легко потерять...

— Я и не думаю умирать, но тѣмъ не менѣе жить въ такомъ положеніи не весело...

— Еще бы! киснуть! Какое ужъ тутъ веселье!

Она покачала головой.

— Нѣтъ, съѣздили бы вы куда-нибудь на лѣто, на уроки, что ли, и встряхнулись бы.

И совсѣмъ мягко, дружески, она прибавила:

— Знаете, сегодня, когда мы учились, я увидала, что у Елены Васильевны слезы стоятъ на глазахъ; не хорошо это, что вы доставляете ей горе. Не мальчикъ ужъ вы.

Онъ взглянулъ ей въ глаза, и его лицо слегка зарумянилось.

— Хорошій вы человѣкъ!—прошепталъ онъ.

Она пропустила это замѣчаніе мимо ушей и сказала:

— Нѣтъ, право же, вашему отцу и матери и безъ того много заботъ и дѣла. Живутъ для другихъ, такъ что же ихъ огорчать. Очень ужъ хорошіе они люди.

— Да, да, вы правы...

Онъ крѣпко пожалъ ей руку.

— Уѣдете?—спросила она.

— Да!—отвѣтилъ онъ.

XXIII.

Молодой Зубковъ послѣ разговора съ Ольгой твердо рѣшился на лѣто уѣхать изъ Петербурга. Это была счастливая мысль, внушенная ему случайно молодой дѣвушкой. Онъ теперь чувствовалъ, что только этимъ путемъ онъ можетъ «отрезвиться» отъ своего увлеченія. Когда онъ сказалъ о своемъ намѣреніи матери, ее охватило странное чувство испуга. Она сознавала, что, дѣйствительно, ея юношѣ тяжело было бы встрѣчаться съ семьей Вощининыхъ, слышать о приготовленіяхъ къ свадьбѣ Лиды, видѣть ее съ мужемъ, тѣмъ не менѣе она чего-то боялась, точно сынъ ѣхалъ на смерть. Ее смущала мысль, какъ это «ея маль-

чикъ» будетъ жить одинъ, вдали отъ родной семьи. Мать, она все еще не могла освоиться съ мыслью, что онъ уже «взрослый», «мужчина». Правда, она не протестовала противъ желанія сына и согласилась на его отъѣздъ, но она смотрѣла такой подавленной, такой разстроенной, что была просто жалка. Она черезъ силу воздерживалась отъ слезъ, когда отъѣздъ былъ рѣшенъ, но эти усилія замаскировать свое горе не прошли даромъ. Едва успѣлъ уѣхать Ваня, какъ Елена Васильевна прихворнула и притомъ настолько серьезно, что слегка въ постель. До этой поры никто въ семьѣ не видалъ ее никогда больною и потому ея болѣзнь встревожила всѣхъ.

Иванъ Николаевичъ заботливо разспрашивалъ доктора, что тотъ думаетъ о болѣзни его жены, есть ли опасность, что нужно дѣлать. Отвѣтъ доктора поразилъ Зубкова: «опасности покуда нѣтъ, но надо беречь больную, нервное разстройство весьма сильно, малокровіе полное, порокъ сердца сказывается очень ясно, упадокъ силъ замѣтенъ». Зубковъ слушалъ-слушалъ и, наконецъ, воскликнулъ:

— Докторъ, да вѣдь это значитъ: мѣста живого у нея нѣтъ?

Докторъ пожалъ плечами.

— Я вамъ говорю, что прямой опасности нѣтъ, но я не могу скрыть, что организмъ дѣйствительно пошатнулся весь. Многое запущено...

— Она же никогда ни на что не жаловалась!—воскликнулъ Зубковъ.

— То-то и плохо, что всѣ вы, господа, запускаете болѣзни, а потомъ, когда уже весь организмъ пошатывается, идете къ докторамъ. Вы вотъ тоже...

— Ахъ, что обо мнѣ толковать!—перебилъ нетерпѣливо Зубковъ.—Теперь надо думать о ней...

— Ну, да, вотъ это все старая пѣсня: откладывать лѣченіе до того, когда уже будетъ поздно...

Когда докторъ ушелъ, Иванъ Николаевичъ цѣлый часъ проходилъ по своей комнатѣ въ мрачныхъ думахъ о женѣ. Когда началась болѣзнь? Почему? Нужда, лишеніе, упорная борьба съ судьбой, чрезмѣрный трудъ, мелкія горечи жизни, все вливало по каплѣ ядъ въ этотъ организмъ и достаточно было еще одной непріятности, чтобы подкосить эту терпѣливую, выносливую натуру. Какъ онъ любилъ свою жену, это сказалось теперь: казалось, онъ готовъ былъ отдать свою жизнь, только бы помочь ей; онъ забылъ все

думая только о своей женѣ. Въ эти дни сказалось вполнѣ и то, до чего расшатались его собственные нервы: иногда онъ, сводя въ конторѣ счеты, чувствовалъ, что ему что-то застилаетъ глаза, и видѣлъ, что изъ его глазъ на бумагу падаютъ слезы; нерѣдко, встрѣчая дочь, онъ бралъ ее за голову и цѣловалъ, говоря ей сквозь слезы, чтобы она берегла ихъ маму. Унынiе въ домѣ было полное. Только одна Ольга Петрова оказалась энергичной и дѣятельной. Она почти не отходила отъ Елены Васильевны и аккуратно заставляла ту исполнять всѣ предписанiя доктора. Нерѣдко Елена Васильева замѣчала ей:

— Оля, ты сама измучишься.

— Ну, вотъ еще! Кому же и ходить за больными, какъ не здоровымъ. А у меня здоровья на десятерыхъ хватитъ.

Она гнала Ивана Николаевича спать, когда онъ засиживался въ комнатѣ жены.

— У васъ свое дѣло, устанете и захвораете, тогда что?— говорила она и настаивала на своемъ.

— Ахъ, деспотъ, деспотъ!—шутилъ Иванъ Николаевичъ съ горькой улыбкой на кривившихся губахъ.

— Да вѣдь надо же кому-нибудь сохранять присутствiе духа, когда всѣ растерялись,—замѣчала Ольга.

Деспотизмъ ея проявился очень ясно въ одну изъ ночей, когда съ Еленой Васильевной сдѣлался довольно сильный припадокъ. Больной показалось, что она умираетъ, она, едва переводя духъ, задыхаясь, потребовала къ себѣ мужа и дочь. Ольга допустила ихъ на минуту и тотчасъ же прогнала Ивана Николаевича за докторомъ, а Настѣ сказала, чтобы та шла въ свою комнату и не тревожила мать. Когда пріѣхалъ докторъ и осмотрѣлъ больную, Ольга спросила его при уходѣ:

— Докторъ, вѣдь Еленѣ Васильевнѣ нужнѣе всего спокойствiе?

— Да,—отвѣтилъ онъ.

— Такъ вы посовѣтуйте Ивану Николаевичу и дочери Елены Васильевны не плакать въ ея спальнѣ.

Докторъ обратился къ Зубкову и прочелъ ему нотацiю.

— Да гдѣ же вы научились, Оля, такъ энергично ходить за больными?—спросилъ Иванъ Николаевичъ у молодой дѣвушки, стараясь улыбнуться сквозь слезы.

— Тутъ и учиться нечему,—отвѣтила она.

Онъ поблагодарилъ ее.

— Хорошiй вы человѣкъ!

Она, какъ и въ то время, когда ее похвалилъ молодой Зубковъ, даже и вниманія не обратила на похвалу старика Зубкова, занятая чисто дѣловыми соображеніями.

Но если Ольга выказала въ это время всю свою энергію, то Настя проявила такой упадокъ духа, что было страшно за нее. Ей казалось, что мать уже умираетъ, что этой утраты не перенесетъ и отецъ. Горячо любя ихъ, молодая дѣвушка неутѣшно плакала и не знала, что дѣлать. Какъ на зло около нея стояли двѣ личности, еще болѣе усиливавшія ея горе. Эти личности были Маша и Софья Андреевна. Маша разсуждала:

— Станешь плакать, какъ на мостовой останешься! Знаю я нужду-то! Теперь-то тебя и Вощинины ласкаютъ, и Лидка, и Егоръ Егоровичъ друзья, а тогда сироту-то бѣдную никто не пріютитъ.

И думая не столько о своей подругѣ, сколько о себѣ, она прибавила:

— Вотъ и я теперь куда пойду! Только передохнула немного и опять горе придется мыкать. Къ своимъ идти,— нѣтъ, слуга покорная, довольно горя-то нахлебалась. Хоть бы замужъ за кого ни на есть выйти! Ей-Богу, за перваго встрѣчнаго пошла бы, только бы не къ своимъ идти.

Настя пробовала ободриться и ободрить Машу:

— Да, можетъ-быть, мама и не умретъ еще!

— Ну, можетъ-быть и не умретъ, такъ что же? Нынче выздоровѣетъ, а тамъ и свалится. Болѣзни стоитъ начаться у стараго человѣка...

— Да мама же не старуха!

— Не старуха! Лѣта при чемъ тутъ? А ты погляди на нее, на что она похожа? И то сказать, мучила сама себя. Другая бы на ея мѣстѣ жила припѣваючи. А она—мало что хозяйство на рукахъ, школу цѣлую затѣяла, со всякой бабой горе дѣлила. Прибыло ей отъ этого что? Какъ же, держи карманъ, только себя ухлопала.

— Мама добрая; это ей честь дѣлаетъ!—вступилась Настя за мать.

— Да развѣ я ее ругаю? А говорю я только, что сама себя она уходила. Когда самъ не богатъ, нечего думать о помощи. Всѣхъ не оплачешь, а себя измаешь. Богатый швырнулъ денегъ бѣдному и конецъ. А тутъ еще и денегъ ему дай, и поработай за него, да и погорюй еще вмѣстѣ съ бѣднымъ. Ну, и догоревалась!

И подъ вліяніемъ раздраженія она замѣтила:

— Вотъ умри она, теперь никто тебя и замужъ не возьметъ. Это ты помяни мое слово!

Не утѣшительны были и рѣчи Софьи Андреевны. Она совпадала въ мнѣніяхъ съ Машей относительно того, что Елена Васильевна сама «уходила себя». Разница была только въ томъ, что Маша не рѣшалась прямо обвинить Елену Васильевну, а Софья Андреевна не стѣснялась и говорила прямо:

— Все глупыя идеи довели до этого. Жила, какъ батрачка какая, всякую голь призрѣвала да работала на нее. Оттого у васъ ни достатка не было, ни веселья. Тебя-то, крошка моя, изморили, въ четырехъ стѣнахъ, какъ въ монастырѣ, держатъ. Вотъ теперь скоро свадьба Лиды, а ты, если мать не выздоровѣетъ, и тутъ не повеселишься. Господи Владыко нашъ небесный, заступись и помилуй дитя мое!—молитвенно обращала она глаза къ небу и снова пѣвучимъ голосомъ толковала внучкѣ:—Хоть бы замужъ тебя, цыпочка моя, удалось мнѣ выдать. Ужъ чего-чего я ни дѣлаю, чтобы мечты мои сбылись. Глаза я только тогда и закрою спокойно, когда увижу тебя въ довольствѣ и роскоши. Хоть немного передохнуть бы тебѣ...

Она цѣловала и крестила внучку, вздыхая и охая. Когда она уѣзжала, Настѣ становилось вдвое тяжелѣе. Въ домѣ тишина, всѣ ходятъ съ озабоченными минами, впереди ни надеждъ, ни упованій. Какъ счастливы тѣ, у кого есть деньги! Будь у нея теперь деньги—увезла бы она мать куда-нибудь въ теплыя страны, мать отдохнула бы и выздоровѣла бы. О, какъ жестоко ошибались мать и отецъ всю жизнь, говоря, что не въ деньгахъ счастье. Счастье только въ нихъ: здоровый веселится, имѣя деньги; больной выздоравливаетъ, имѣя ихъ. И почему это отецъ и мать такіе, что они многаго не понимаютъ, не видятъ. Ихъ каждый обмануть можетъ. Развѣ вотъ мать знаетъ, что за человѣкъ Маша? Живетъ Маша у нихъ въ домѣ, а мать ни мыслей, ни разговоровъ Маши не знаетъ. Настя даже покраснѣла, вспомнивъ, что она сама ради Маши многое научилась скрывать отъ матери. На ея глаза навернулись слезы. «Бѣдная мама, она точно ребенокъ». Потомъ ей вспомнилось, что бабка говорила ей, какъ Вощининъ и Егоръ Егоровичъ часто смѣются надъ ея отцомъ, вспоминая о его проектахъ и мечтахъ, вызывая умышленно иногда его на разговоры объ этихъ предметахъ, о благѣ рабочихъ. Она даже разсердилась... «Злые люди, они его тронутымъ считаютъ, блажен-

нымъ, юродивымъ. Лгутъ они это, папа уменъ, но онъ идеалистъ». Если бы она сдѣлалась богатой, она стала бы нянчить ихъ, отца и мать, какъ дѣтей. Дала бы имъ возможность дѣлать больше добра. То-то были бы они рады. Дѣвочка, она уже смотрѣла сверху внизъ на отца и мать, сознавая, что она лучше ихъ знаетъ жизнь. Одного она не могла себѣ представить, какимъ путемъ она сдѣлается богатой. Бабка говорила ей о бракѣ съ Егоромъ Егоровичемъ, но Егоръ Егоровичъ, повидимому, и не думалъ предлагать ей руку. А другихъ жениховъ нѣтъ. Иначе же и разбогатѣть нельзя...

Тяжелыя думы, невеселая жизнь дома, навѣянное болѣзнью матери уныніе, все это наложило на лицо Насти печать грустной задумчивости, безмолвной тоски. Отецъ иногда замѣчалъ ея грусть, цѣловалъ дочь, стараясь ободрить. Озабоченный, онъ сознавалъ, что дѣвушкѣ нужно хоть какое-нибудь развлеченіе, веселье молодости. Но откуда ихъ взять. Онъ очень обрадовался, когда получилось приглашеніе на свадьбу Лиды. Елена Васильевна уже понемногу оправилась, встала на ноги. Правда, она еще не могла выѣзжать сама, но ея дочь могла теперь ѣхать на свадьбу и безъ нея. Во время тяжелой болѣзни матери ей было бы неловко ѣхать на свадьбу, а теперь можно. Зубковъ сказалъ объ этомъ женѣ.

— Зачѣмъ?—проговорила Елена Васильевна, не лучше ли вовсе прекратить это знакомство.

Онъ упрекнулъ жену:

— Леля, нельзя же держать дѣвочку взаперти. Нужно же ей и повеселиться.

Она, еще слабая, чувствующая упадокъ силъ, не протестовала болѣе; было рѣшено, что дѣвочку возьметъ на свадьбу Софья Андреевна. Старуха, узнавъ, что ей поручаютъ внучку, обрадовалась и замѣтила:

— Хоть разъ не наглупили!

И на Настю полился цѣлый потокъ ласкъ бабки. Первой красавицей она будетъ на свадьбѣ. Всѣ заглядятся на нее. Платье ей сдѣлаетъ сама бабка. А то опять какую-нибудь шерстяную тряпку надѣнутъ. У старухи было уже порядочно скоплено денегъ. Александръ Константиновичъ не скупился и давалъ ей ихъ не мало; отъ хозяйства тоже оставалось кое-что, хотя иногда и приходилось грызться съ Ольгой Давыдовной, дѣлавшейся съ каждымъ днемъ все скупѣе и бранившейся за большіе расходы. Цѣлую недѣлю шли оживленные толки о нарядѣ Насти, примѣрка платья, покупка разныхъ мелкихъ украшеній. Наконецъ, желанный день

свадьбы насталъ, и Настя, стоя передъ зеркаломъ въ комнатѣ бабки, сама удивилась себѣ, хотя и смутилась немного при видѣ своихъ обнаженныхъ рукъ и плечей. Ея бѣлое платье было просто, но изящно. Эта-то простота и была ей къ лицу. Ея стройная фигура вырисовывалась вполнѣ, замѣчательная красота рукъ и шеи бросалась въ глаза, даже матовая блѣдность ея лица придавала ей особенную прелесть, гармонировала съ ея черными большими глазами, вдумчивыми и какъ бы подернутыми влагой.

— Тебѣ бы сегодня подъ вѣнцомъ стоять, а не Лидѣ!— воскликнула бабка, любуясь ею.—Ахъ, деньги, деньги! Будь онѣ—да я не знаю, кто бы на тебѣ ни женился. Ну, да мы и безъ денегъ сумѣемъ кое-кого обольстить.

Она надѣялась въ этотъ день сдѣлать атаку на Егора Егоровича. Этотъ бракъ сталъ положительно пунктомъ ея помѣшательства. Егоръ Егоровичъ съ своей стороны тѣшился, поддразнивая старуху, то пробуждая въ ней надежды, то снова уничтожая ихъ.

Когда вѣнчаніе кончилось, всѣ гости собрались въ домъ Вощининыхъ. Начались поздравленія, потомъ танцы. Софья Андреевна не ошиблась. Вся молодежь наперерывъ увивалась за Настей, даже Егоръ Егоровичъ не выдержалъ и сдѣлалъ нѣсколько комплиментовъ молодой дѣвушкѣ. Но пристальнѣе всѣхъ слѣдилъ за Настей двоюродный братъ Ольги Давыдовны, Петръ Петровичъ Пастуховъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, прекрасно сохранившійся, несмотря на нѣсколько излишнюю полноту. Онъ держался прямо, нѣсколько надменно, корчилъ изъ себя англичанина. Директоръ банка, коммерціи совѣтникъ, богачъ, онъ игралъ видную роль среди биржевого купечества, состоялъ гласнымъ думы, членомъ разныхъ благотворительныхъ учрежденій и любилъ небрежно выставлять на видъ свои крупныя связи, свою близость къ разнымъ титулованнымъ лицамъ. Съ ними связь у него была или денежная, или по части благотворительности. Вращаясь среди важныхъ лицъ, онъ научился держать себя въ обществѣ и слѣдовать золотому правилу меньше говорить, чтобы рѣже попадаться впросакъ. Сластолюбецъ въ душѣ, онъ былъ задѣтъ за живое красотой Насти и, сохраняя серьезный видъ, слѣдилъ пристально за нею. Егоръ Егоровичъ давно уже наблюдалъ за нимъ и, наконецъ, подошелъ къ нему.

— А какова, дядя, молоденькая Зубкова?—спросилъ, лукаво улыбаясь, Егоръ Егоровичъ.

Дядя развелъ только руками.

— Изъ гарема, что ли, они ее похитили,—проговорилъ онъ.—Что за глаза.

— Да-съ, съ поволокой, точно южная истома въ нихъ отражается. А плечи? А руки? Мраморъ каррарскій! Вотъ бы вамъ стариной тряхнуть.

Дядя обидѣлся.

— Ну, братъ, старости-то въ пятьдесятъ лѣтъ не бываетъ. Вы, молодые, нынче хуже стариковъ потрепаны.

— Что говорить! Вырождаемся!

— Именно вырождаетесь!

Онъ молодцовато вытянулъ грудь.

— Я тебя одной рукой подниму!

— Еще бы, грузъ не большой. Мнѣ васъ ужъ, конечно. не поднять и двумя руками.

Пастуховъ съ пренебреженіемъ взглянулъ на него.

— Такъ какъ же, честнымъ пиркомъ и за свадебку? Хотите посватаю?

Петръ Петровичъ принялъ серьезное выраженіе лица:

— Такими вещами не шутятъ!

— А вѣдь сознайтесь, хочется? Недаромъ вы не разъ спрашивали о ней, о ея лѣтахъ.

Дядя пожалъ плечами.

— Я даже и не помню, спрашивалъ ли я объ этомъ когда-нибудь...

И чѣмъ спокойнѣе онъ говорилъ, тѣмъ болѣе развивались въ его головѣ сластолюбивыя представленія. Ему только хотѣлось отдѣлаться отъ племянника, чтобы избѣжать подшучиваній. Онъ, какъ и всѣ въ домѣ Вощининыхъ, всегда стѣснялся Джоржа. Очень ужъ привыкъ Джоржъ вышучивать всѣхъ и все, а для немолодыхъ положительныхъ людей это страшнѣе всего. Заставивъ племянника упорнымъ молчаніемъ прекратить разговоръ, Петръ Петровичъ постоялъ нѣсколько минутъ на томъ же мѣстѣ, наблюдая за танцующими, потомъ какъ бы безъ цѣли пошелъ бродить по комнатамъ. Онъ ходилъ изъ одной комнаты въ другую, какъ бы сбивая гончую со слѣду, и наконецъ, вѣроятно, случайно очутился съ глазу на глазъ съ Софьей Андреевной.

— А я все любовался вашей внучкой!—проговорилъ онъ, садясь на кресло около старухи, и небрежно началъ перелистывать лежавшій на столѣ альбомъ.

— Ахъ, Петръ Петровичъ, это моя жизнь, божество мое!—

пѣвуче заговорила старуха.—Ею я только и живу. Небесная красота и ангельское сердце. Кротка, добра, почтительна...

Пастуховъ наставительно сказалъ:

— Это дѣлаетъ честь ей и ея родителямъ.

— Я, я, Петръ Петровичъ, душу свою на нее положила, какъ зѣницу ока, ее оберегаю отъ всего этого нынѣшняго. Вы знаете, что нынче за дѣвушки. Своевольныя, заносчивыя, всезнайки. А она, мой ангелъ, чистою осталась, какъ хрусталь.

Онъ отодвинулъ альбомъ, вытянулъ ноги, положивъ одинъ носокъ на другой, облокотился на ручки креселъ и сдвинулъ вмѣстѣ въ воздухѣ пальцы рукъ, слегка постукивая ими другъ о друга.

— Да, теперь дѣвушки опытнѣе иныхъ женщинъ,—произнесъ онъ глубокомысленно.—Невинности, наивности больше не существуетъ. Грустное время, жалкое молодое поколѣніе!

Онъ слышалъ среди своихъ важныхъ знакомыхъ эти фразы и повторялъ ихъ съ охотой, хотя лично для него время было вовсе не грустнымъ, а до молодого поколѣнія ему не было вовсе никакого дѣла, такъ какъ биржевыхъ оборотовъ оно съ нимъ не вело. Съ тѣмъ же степеннымъ видомъ, хотя съ грязненькими и сальненькими помыслами, онъ продолжалъ:

— Вотъ теперь и ваша внучка попадаетъ въ эту среду, такъ какъ она барышня уже, и, можетъ-быть, узнаетъ многое, отъ чего охраняли ее. Дурное прививается легко, доброе растетъ медленно.

Это изреченіе понравилось ему самому, и онъ повторилъ его:

— Да, доброе растетъ медленно, дурное прививается легко. Молодежи нужны постоянные руководители, заступники, охранители, чтобы научить ее, указать ей, оградить ее. Конечно, молодежь не всегда поддается на это, иногда отталкиваетъ протягивающуюся къ ней руку...

Какъ только рѣчь дошла до руки, Софью Андреевну словно что-то озарило. Она даже задвигалась на своемъ мѣстѣ отъ внутренняго волненія... «Батюшки, не женихъ ли? Да онъ вдвое богаче Егорашки. Ахъ, ты, Господи, не упустить бы его. Помоги, Создатель». Она прерывающимся отъ волненія голосомъ проговорила:

— Нѣтъ, вы моего ангела не знаете! Она только мнѣ и говоритъ: «бабушка, кто замѣнитъ мнѣ васъ, когда васъ не будетъ!» Она вѣдь съ молодежью-то и не сходится, и не видитъ никого изъ молодежи. Вотъ здѣсь три-четыре раза была на вечерахъ, и то черезъ силу я вытащила...

Въ эту минуту къ нимъ подошла Настя.

— Настюша, а мы вотъ о тебѣ говорили тутъ. Петръ Петровичъ хвалилъ тебя,—нѣжно сказала бабка.

Настя вся вспыхнула и сконфузилась.

— Меня? За что же?—растерянно спросила она.

Пастуховъ пожиралъ ее глазами, и широкая улыбка расплылась по его лицу.

— Наивное дитя мое!—съ пафосомъ воскликнула бабка и привлекла ее къ себѣ для поцѣлуя.

Звонкій поцѣлуй Насти отозвался въ сердцѣ Пастухова. Онъ дорого бы далъ, чтобы этотъ поцѣлуй коснулся его.

— Вы очень веселитесь?—спросилъ онъ молодую дѣвушку.

— Да, мнѣ весело,—сказала она просто.—Такъ рѣдко приходится выѣзжать на балы

— А они вамъ нравятся?

— Мнѣ все нравится, гдѣ люди веселы, счастливы, безпечны.

— Ангелъ, ангелъ!—восторженно воскликнула бабка.—Ее радуетъ веселье и счастье другихъ!

Софья Андреевна уронила платокъ. Пастуховъ и Настя разомъ нагнулись за нимъ и почти столкнулись головами. Когда Пастуховъ поднялъ голову, его лицо было красно и онъ тяжело перевелъ духъ. Въ залѣ заиграла музыка. Настя пошла туда, а Софья Андреевна опытными глазами впилась въ Петра Петровича, стараясь прочитать происходившее въ его душѣ. Она понимала, что теперь добыча въ ея рукахъ. «Егорашка-то въ дуракахъ останется. И подѣломъ ему! Прозѣвалъ лакомый кусокъ. Близокъ будетъ локоть да не укусишь». И рядомъ съ этими злыми мыслями мелькало набожное моленье: «Господи, спаси, благослови моего ангела! Исполни молитву грѣшной рабы Твоей. Все мое упованіе на Тебя возлагаю». Пастуховъ между тѣмъ откинулся на спинку кресла и впалъ въ сентиментальное настроеніе:

— Да, да, молодежь веселится, а мы вотъ, старики...

— Это вы-то старикъ?—воскликнула Софья Андреевна.

— Все же, сорокъ съ хвостикомъ,—убавилъ онъ себѣ года.

— А силами помѣряетесь съ десятками юношей?

— Это что говорить! А все же встань я и какой-нибудь молокососъ передъ молодой дѣвушкой—на комъ ея выборъ остановится?

— Какая дѣвушка, Петръ Петровичъ. Изъ «нынѣшнихъ», у которой одно легкомысліе на умѣ, та, разумѣется, за мальчишку ухватится. Но не всѣ же такія...

Она вздохнула.

— Впрочемъ, тѣмъ-то, порядочнымъ да честнымъ, и выбирать не приходится. Кто ихъ замѣтитъ, когда онѣ сами на шею не вѣшаются никому. Имъ и вѣкъ-вѣковать придется въ дѣвушкахъ. Не по нынѣшнимъ временамъ онѣ теперь.

— Ну, это еще вопросъ!

— Нѣтъ, нѣтъ, я вотъ хоть относительно своей Настюши скажу. Ей такъ и суждено остаться незамужницей. Я и не думаю объ этомъ. Сама она никому въ объятія не бросится, богатства у нея нѣтъ, пококетничать не умѣетъ, противно ей самой заискивать. Впрочемъ, что-жъ дѣлать, скоротаетъ свой вѣкъ какъ-нибудь...

Онъ сдѣлался совершенно серьезенъ.

— Да вы напрасно отчаиваетесь!—сказалъ онъ и поднялся съ мѣста.

Онъ выпрямился и съ достоинствомъ проговорилъ Софьѣ Андреевнѣ:

— У меня есть одинъ планъ. Прежде всего мнѣ было бы нужно посовѣтоваться съ вами. Дѣло серьезное, и я надѣюсь, что оно останется между нами.

— Я къ вашимъ услугамъ, добрѣйшій Петръ Петровичъ,— заискивающе отвѣтила старуха, тоже поднимаясь съ мѣста.— А что касается до того, что дѣло останется между нами, такъ я человѣкъ стараго закала, дѣловой, и болтать даже о своихъ дѣлахъ не люблю.

Онъ взялъ ея руку и крѣпко пожалъ ее.

— Значитъ, можно будетъ какъ-нибудь зайти къ вамъ?

— Милости просимъ! всегда буду рада!

XXIV.

— Безприданница ты моя! Невѣста моя! Красавица писанная!—всѣ эти эпитеты посыпались на Настю въ эту ночь, когда она осталась одна съ бабкой.

Молодая дѣвушка раздѣлась и легла, но ей не спалось. Балъ, танцы, счастье Лиды, мысль о томъ, что для нея, для Насти, опять настаютъ будни, не давали ей уснуть. Она смотрѣла въ пространство, на образа въ кіотѣ, передъ которыми теплилась лампада, и грустно думала о будущемъ. Бабка тоже не спала. Наконецъ старуха не выдержала, поднялась, надѣла на босую ногу туфли и перешла къ кровати внучки:

— Не спишь, радость моя?—ласково спросила она, присаживаясь на постель.

— Нѣтъ, бабушка!—отвѣтила, очнувшись отъ думъ, Настя.

— И я не сплю, все о тебѣ думала. Хорошо бы тебѣ было, если бы вдругъ сдѣлаться богатой. Домъ свой, экипажи, лошади, брильянты. Не такіе бы балы стала задавать. Что захотѣла, то и дѣлала бы.

И старуха нарисовала передъ внучкой цѣлую картину обольстительной жизни среди блеска и роскоши. У Насти тревожно билось сердце, а на глаза навертывались слезы отъ сознанія, что все это только праздныя мечты. Никогда она не желала такъ богатства, какъ теперь.

— И могло бы все быть, все могло бы быть, если бы не твои отецъ и мать,—закончила со вздохомъ старуха.—Они вотъ меня сна сегодня лишили. Задумалась я о твоемъ счастьи, а они и встали передъ глазами—стѣной между тобой и твоимъ счастьемъ встали.

Настя даже испугалась и приподнялась на локтѣ.

— Папа и мама? Какъ это, бабушка?

Старуха опять тяжело вздохнула.

— Есть, Настюша, такой человѣкъ, хорошій, добрый, богатый, приличный, который душу бы тебѣ отдалъ, все бы тебѣ отдалъ. А тебѣ придется отказаться отъ него, потому что почтенные наши Елена Васильевна да Иванъ Николаевичъ пожелаютъ, чтобы ты за нищаго вышла замужъ, за какого-нибудь поврежденнаго учителишку. У насъ вѣдь только тотъ и человѣкъ, кто учительствуетъ.

— Не пойду я за учителя!—рѣзко отвѣтила Настя.

— Дитя! Не пойдешь! А за кого-нибудь другого они не выдадутъ.

— Бабушка, да я же не маленькая! Какъ же можно насильно.

— Не насильно, дитя, а уговаривать начнутъ, съ толку сбивать, свои глупые резоны представлять.

Настя коротко и рѣшительно спросила бабку:

— Кто за меня сватается?

— Пастуховъ, Петръ Петровичъ!

И прежде чѣмъ успѣла Настя что-нибудь сказать, бабка начала выхвалять жениха: солиденъ, съ положеніемъ въ свѣтѣ, страшно богатъ, добръ, влюбленъ.

— Ну, а твои родители скажутъ: «старъ!» Это ужъ помяни мое слово. Мужчина—король, ни одного сѣдого волоса, силы за десятерыхъ, всякаго молодого за поясъ заткнетъ, любитъ, какъ какой-нибудь молокососъ и не сумѣетъ любить, а они скажутъ: «старъ!» Извѣстно, надо же найти

отговорку, Егорашка посватался бы, сказали бы: «молодъ». У насъ лишь бы за бѣднаго ты вышла, а не за богатаго.

— За бѣднаго я не выйду!—опять рѣшительно замѣтила Настя.—Довольно нищихъ и безъ меня.

Бабка продолжала:

— Конечно, Петръ Петровичъ и не станетъ гласно свататься. Мнѣ онъ скажетъ, а я откажу,—со слезами откажу, а все же откажу.

Настя испугалась.

— Какъ же откажете?

— Голубка ты моя, да развѣ можно нанести ударъ такому человѣку оглаской. Я откажу—никто и не узнаетъ. А если я соглашусь, а потомъ тебя заставятъ отказать ему—вѣдь это для него ударъ будетъ, обида. Не перенесетъ онъ...

Настя покачала головой и попрежнему рѣшительно сказала:

— Я, бабушка, не откажу.

— Заставятъ отказать! У нихъ языкъ-то безъ костей, найдутъ резоны, уговорятъ...

Настя усмѣхнулась:

— Бабушка, развѣ я ихъ не понимаю? Дѣти они, неопытныя дѣти! Сами не знаютъ, въ чемъ счастье. Я ужъ все понимаю, я все понимаю! Я очень, очень ихъ люблю и для ихъ же счастья не послушаюсь ихъ. Я знаю, папа растеряется, мама строго станетъ внушать, что не слѣдуетъ такъ дѣлать. Пусть! Потомъ сами увидятъ, что лучше станетъ. Я за послѣднее время измучилась, глядя на маму. Докторъ говорилъ: отдыхъ нуженъ, спокойствіе, уѣхать на югъ. А она—до послѣдняго дня, пока не свалилась, учила меня и дѣвочекъ...

Она вдругъ оживилась:

— О, эти дѣвчонки! Всю жизнь, всю жизнь я только и видѣла, что ихъ мама учитъ, только и слышала, что о новыхъ методахъ, о новыхъ учебникахъ. Господи, что за тоска! И мама, и папа только этимъ и жили. Иногда мнѣ кажется теперь, что мама и любила меня по педагогикѣ.

Она закрыла руками лицо и заплакала.

— Я дурная, дурная дѣвчонка, но что же мнѣ дѣлать, если эта жизнь противна мнѣ, если меня душитъ среди этихъ толковъ объ ученьи, среди этихъ учащихся, среди этихъ учащихъ! На что это? Что знаетъ Лида? А развѣ она не счастлива? Что знаетъ Саввушка? А развѣ онъ не веселится по-своему? А мы: я и братъ, съ колыбели насъ

готовили въ няньки, въ воспитатели, въ учителя къ другимъ дѣтямъ. Братъ полюбилъ ученье, ему было весело учиться, потому что онъ бѣгалъ въ училище, школьничалъ, а я—я вѣдь дома сидѣла, мнѣ наука не легко давалась, я поздно стала развиваться...

И, порывисто обнимая бабку, она воскликнула:

— Бабушка, милая, да не только за Пастухова пойду—я за старика бы пошла, лишь бы жить иначе!

И впервые въ ея рѣчахъ прозвучала не дѣтская горечь:

— Молодые-то изъ богатыхъ, въ родѣ Егора Егоровича, вѣрно и вниманія не обратятъ на бѣдную дѣвушку...

Бабка оживилась.

— А! теперь еще онъ потужитъ!—со злобой сказала она.—Пока жениховъ не было у тебя, могъ ломаться, а теперь зависть разберетъ. Ну, да на себя пеняй, если прозѣвалъ.

— Можетъ-быть, онъ и не любилъ никогда,—вздохнула Настя и заговорила о Пастуховѣ.—Добрякъ? Богатъ? Какъ живетъ? Правда, что онъ вдовецъ? Давно ли умерла его жена? Когда онъ женится?—Вопросамъ не было конца.

Только подъ утро уснули бабка и внучка...

Ни Зубковъ, ни Зубкова не знали, что дѣлалось за ихъ спинами. Простые честные люди рѣдко подозрѣваютъ то, что дѣлается за кулисами интриганами, пронырами и дѣльцами. Послѣдніе снимаютъ съ себя маску, когда уже успѣютъ все подготовить для своей добычи. Только Маша услышала мелькомъ отъ Насти, что за послѣднюю сватается богачъ Пастуховъ. Маша бросилась съ слащавой улыбкой цѣловать подругу, а въ душѣ у нея пробудилась цѣлая буря злости, зависти, горечи за свою судьбу. Всѣ выходятъ замужъ: «Лидка выскочила, Настюшка выходитъ, Ольга подцѣпитъ жениха—Ванечку на себѣ женитъ. Одна она, Маша, останется въ дѣвкахъ. Елена Васильевна, конечно, не станетъ тогда содержать у себя ее. Чего ей? Учила дѣвочекъ ради Насти, держала Машу ради компаніи для Насти. Тогда иди на всѣ четыре стороны. Опять въ свою семью придется вернуться. Да избави Богъ. Лучше петлю на шею надѣть. Господи, хоть бы кого-нибудь подцѣпить!» Ее охватило теперь одно желаніе — желаніе подцѣпить жениха. Ея лицо приняло какое-то особенное выраженіе хищничества, точно она хотѣла кого-то ограбить...

Наступала уже осень, когда въ одинъ прекрасный день Настя мелькомъ съ необычайною храбростью замѣтила матери:

— Мама, мнѣ сдѣлали предложеніе...

Мать съ удивленіемъ посмотрѣла на нее.

— Предложеніе? Какое?

— За меня сватается Петръ Петровичъ Пастуховъ.

Елена Васильевна разсмѣялась.

— Дѣвочка, тебѣ еще прежде доучиться надо.

— Но, мама...

Елена Васильевна серьезно и немного строптиво остановила ее:

— Полно глупости говорить! Тебѣ еще надо думать объ урокахъ, а не о женихахъ...

Настя собралась съ силами и твердо сказала:

— Я дала слово.

— Что? — воскликнула Елена Васильевна, совершенно растерявшись, и тотчасъ же съ негодованіемъ прибавила:— Что значитъ твое слово—слово ребенка?

— Мнѣ семнадцать лѣтъ, восемнадцатый скоро пойдетъ...

Зубкова, не слушая ея, продолжала:

— Я только удивляюсь этому господину. Говорить съ ребенкомъ о такихъ вещахъ, не спросивъ родителей! Это просто наглость!

— Онъ же, мама, на мнѣ женится и прежде всего нужно мое согласіе.

— Не говори глупостей!

— Кромѣ того, онъ говорилъ съ бабушкой...

— А!—проговорила Зубкова, вдругъ понявъ все.—Такъ вотъ это откуда идетъ! Ну, я тебя попрошу забыть это и никогда не говорить объ этомъ. Слышишь? Кончишь курсъ, выдержишь экзаменъ, будешь совершеннолѣтней—тогда дѣлай, что хочешь.

И болѣе мягко она добавила:

— Во всякомъ случаѣ, дитя, немолодой человѣкъ тебѣ не пара; притомъ онъ богачъ и выйти за него безъ любви значило бы продать себя.

— Я его люблю, онъ добрый и ласковый.

Елена Васильевна сдѣлала движеніе рукой, останавливая дочь.

Она старалась казаться покойною, тѣмъ не менѣе въ ея душѣ была страшная тревога. Горькое чувство негодованія на мать поднялось въ этой душѣ. Какъ не стыдно старухѣ соблазнять «ребенка». Хорошъ и этотъ господинъ: видитъ, что Настя дѣвочка, а сватается за нее. О, будь проклятъ тотъ день, когда они сблизились съ семьей Во-

щинина! Ваня чуть не продался Лидіи; Настя увлеклась блестящей жизнью и ради благъ жизни готова выйти за старика. Да, чтобы сохраниться чистыми и честными, нужно жить подальше отъ этихъ представителей мишурнаго блеска. Это какая-то засасывающая трясина. Охваченная тревогой, она цѣлый вечеръ проговорила объ этомъ со своимъ мужемъ. Онъ тоже встревожился и, потирая руки, заходилъ по комнатѣ.

— А что если Настя будетъ упорствовать? — наконецъ спросилъ онъ.

— Господи, да на что же мы, опытные, серьезные люди, если не на то, чтобы дать совѣтъ, наставить на путь истины, выяснить все неопытной юности. Разумѣется, не насиліями и не проклятіями удержимъ мы ее отъ этого несчастія, а выяснимъ все, что ждетъ ее.

Онъ какъ-то глухо, сквозь зубы проговорилъ:

— Что ждетъ ее? Ждетъ богатство. Это она и безъ насъ знаетъ.

Елена Васильевна разгорячилась:

— Что съ тобою? Не одно богатство ждетъ ее, а тысячи нравственныхъ мученій, обманутыхъ надеждъ...

Онъ остановилъ ее:

— Леля, мы-то все это знаемъ оба; знаемъ все, что можетъ ее ждать, а она, дѣвочка, пойметъ одно, что она будетъ богата и будетъ жить не нашей сѣренькой жизнью...

— Да за кого же ты ее считаешь, за пустую, вѣтреную, нечестную дѣвочку? Или мы не сумѣли развить въ ней хотя бы задатковъ добра, сдѣлали не все для того, чтобы она не стремилась стать простой свѣтской куклой, чтобы она не была способной торговать собою?..

Онъ опять остановилъ ее.

— Голубка, я въ ней не сомнѣваюсь, но...

Онъ тяжело вздохнулъ, точно ему трудно было высказать то, что онъ собирался сказать.

— Вѣдь мы же пошли сюда, чтобы спасти ее отъ смерти? Она этого не забыла, можетъ-быть. Какъ знать, какіе выводы сдѣлала ея дѣтская головка тогда...

Елена Васильевна остановилась передъ мужемъ, чувствуя, что у нея начинается схватка въ сердцѣ.

— Такъ что же, по-твоему, надо согласиться, чтобы она вышла за старика?

Онъ развелъ руками.

— Надо сдѣлать все, чтобы отвратить эту бѣду... Но... видишь ли...

Онъ замялся.

— Въ успѣхъ этого я не вѣрю, — закончилъ онъ печально.

Она не могла болѣе говорить и опустилась на стулъ.

— Дай воды!—сказала она упавшимъ голосомъ. — Охъ, мое сердце, мое бѣдное сердце!

Онъ засуетился около нея, наливая ей воды, успокаивая ее.

Между матерью и дочерью началась глухая борьба. Елена Васильевна старалась выяснить дочери невозможность ея брака съ Пастуховымъ; Настя упорно стояла на своемъ и въ этомъ случаѣ ясно сказалась наслѣдственность характера: она была тверда, какъ была тверда когда-то Елена Васильевна, какъ была тверда Софья Андреевна. Хуже всего было то, что всѣ доводы Елены Васильевны разбивались о неумолимую логику неопытнаго ребенка.

— Не въ деньгахъ счастье, Настя,—говорила мать.

— А въ чемъ же? Безъ денегъ, мама, я бы давно лежала въ могилѣ. Да и ты при деньгахъ скорѣе бы выздоровѣла,—отвѣчала дочь.

— Идти замужъ безъ любви значитъ продаться за деньги,— говорила мать.

— Я его люблю,— отвѣчала дочь: — онъ добрый и ласковый.

— Да развѣ это любовь?

— А что же это?

— Онъ состарѣется, когда ты еще будешь молода, и ты его разлюбишь.

— Да вѣдь ты же и теперь любишь папу, хотя онъ состарился.

— Я никогда не соглашусь на этотъ бракъ.

— Ты же сама вышла замужъ противъ воли бабушки. Вѣдь и бабушка говорила тебѣ, что ты будешь несчастна, а ты вышла за папу и счастлива...

Елена Васильевна теряла голову и, къ несчастію, не могла долго говорить съ дочерью. Болѣзнь сердца давала себя знать въ минуты волненія. Тогда дочь ласкала ее и нѣжно говорила:

— Ты, мама, сама будешь здорова, когда у меня будутъ средства.

— Я на чужой счетъ никогда не жила!

— Да развѣ я тебѣ чужая?

— Не ты чужая, а онъ чужой.

— Онъ будетъ моимъ мужемъ.

Иногда же дочь сама задавала вопросы.

— Ну, не выйду я за него. Что же дальше? Приготовиться и идти въ гувернантки? Ждать бѣднаго жениха? Терпѣть нужду, какъ ты съ папой терпѣла? Мы вотъ чуть не умерли отъ этой нужды. Мѣсто папа долженъ былъ взять на заводѣ, чтобы спасти насъ. Да это еще что! А если и бѣдный не возьметъ меня?

— Совѣсть будетъ покойна.

— А отчего же папа бросилъ учительскую дѣятельность и пошелъ на заводъ? Чтобы насъ спасти отъ гибели? Да? вѣдь такъ? Я, мама, уже не ребенокъ и все понимаю.

И, такъ сказать, припирая мать къ стѣнѣ, она допрашивала съ безпощадной настойчивостью, чего ей ждать въ будущемъ, если оставить въ сторонѣ замужество вообще, такъ какъ молодой богачъ за нее не посватается, а за бѣднаго она не пойдетъ прибавлять число нищихъ? Роль гувернантки или учительницы безъ любви къ этому дѣлу, безъ сознанія какой-нибудь пользы отъ него, съ вѣчными униженіями со стороны чужихъ, съ вѣчной жизнью впроголодь? Развѣ это счастіе?

— Да я, мама, и не буду учительницей,—говорила она.— Я ненавижу дѣтей. Они тебя у меня отнимали, папу у насъ отнимали. Вы все съ ними возились, о ихъ пользѣ думали, ради нихъ все книги, учебники читали. Ахъ, какъ они мнѣ опротивѣли!

Елена Васильевна не находила никакихъ возраженій, кромѣ общихъ фразъ, прописныхъ правилъ. Двадцать лѣтъ съ небольшимъ тому назадъ она сама была готова голодать, но отъ роли наставницы не отказалась бы. Какой былъ тогда подъемъ духа! Хотѣлось хоть кому-нибудь принести посильную пользу, такъ или иначе пристегнуться къ общему дѣлу, не спрашивая, выгодно ли это и не сулитъ ли это въ будущемъ бѣдности и лишеній. Такъ поступать можно было только въ то время, когда все наэлектризовывало, толкало впередъ, когда стыдно было подмѣтить въ себѣ не только низкія побужденьица, но даже простую добродушную обломовщину. Теперь же... это было все такъ давно, что Елена Васильевна не находила даже силъ проповѣдывать то, за что стояла когда-то. Съ невыразимой горечью она чувствовала, что ея дѣвочка, въ сущности, права, смотря со стра-

хомъ на свое будущее. Правда, ей нужно было выяснить, что, выходя замужъ за старика, она рискуетъ влюбиться потомъ въ молодого и, быть-можетъ, пасть. Но какъ коснуться этого щекотливаго вопроса, говоря съ ребенкомъ?

— Ты можешь полюбить другого,—замѣтила мать.

— Какъ же полюбить другого, когда я буду замужемъ?—наивно спросила дочь.

Мать, скрѣпя сердце, отвѣтила:

— Любовь плохо разсуждаетъ...

— Да вѣдь тогда же ужъ нельзя будетъ любить, разъ я буду замужемъ.

Надо было объяснить, что можно полюбить и будучи замужемъ, что можно измѣнить мужу, что это и можетъ случиться. Но какое же право имѣла мать подозрѣвать въ дочери способность измѣнять мужу, дойти до паденія?

— Ну, да, когда ты будешь замужемъ, любить другого будетъ уже нельзя и это сдѣлаетъ тебя несчастной на всю жизнь.

— Не понимаю, мама! Этакъ и вовсе нельзя выходить замужъ, боясь, что полюбишь кого-нибудь еще,—разсуждала дѣвочка.

Порою мать просто говорила дочери сердитымъ тономъ:

— Прошу не говорить больше о глупостяхъ!

И сама стыдилась этихъ вспышекъ, сознавая въ то же время, что онѣ не поведутъ ни къ чему. Развѣ сама она послушалась въ былые дни мать? Та тоже говорила ей: «не разсуждай», и даже угрожала «проклятіемъ», но она поставила на своемъ и вышла замужъ за Зубкова. И ея дочь выйдетъ...

XXV.

Въ это время семейныхъ распрей и горькихъ сценъ была и радость въ семьѣ Зубковыхъ: вернулся Ваня. Его трудно было узнать: онъ возмужалъ, загорѣлъ, обросъ бородой. Радость при его возвращеніи была общая, и онъ самъ былъ радъ больше всѣхъ, вернувшись въ родное гнѣздо. Два съ половиной мѣсяца разлуки прошли для него не даромъ: онъ увидалъ многое, поживъ въ деревнѣ, въ чужой семьѣ, среди новыхъ впечатлѣній. Какъ это всегда бываетъ, онъ сразу замѣтилъ сильную перемѣну во всѣхъ домашнихъ: встрѣчаясь съ ними ежедневно, онъ почти не замѣчалъ измѣненій въ ихъ физіономіяхъ; теперь ему бросились въ глаза новыя черты—мать страшно похудѣла, стала почти сѣдою,

лицо приняло какой-то землистый оттѣнокъ; отецъ постарѣлъ тоже, сгорбился, полысѣлъ еще болѣе, нервность уже дошла до подергиваній въ лицѣ; Настя совсѣмъ развилась, сформировалась и была озабоченно-серьезна; что-то странное и непонятное подмѣтилъ онъ въ Машѣ, сдѣлавшейся особенно суетливою, точно ускользавшею отъ наблюденій и терявшеюся отъ страха; только Ольга Петрова нисколько не измѣнилась, была попрежнему ровна, дѣятельна и серьезна. Пораженный перемѣнами во всѣхъ окружающихъ, молодой Зубковъ былъ еще болѣе пораженъ новостями. Для него были новы и извѣстія о болѣзни матери, и толки о предложеніи Пастухова и, наконецъ, замѣчаніе Ольги Петровой, что она рѣшилась готовиться въ фельдшерицы и пройти курсъ акушерства.

— Что такъ вдругъ рѣшили?—спросилъ онъ мелькомъ.

— Да болѣзнь вашей матери навела на эту мысль. Увидала я, что я способна на это дѣло: не теряюсь, не суечусь безъ толку, исполняю аккуратно, что нужно. Ходила за нею и чувствовала себя, какъ рыба въ водѣ. Вѣрно это мое призваніе.

Онъ замѣтилъ:

— Вы и прежде охотно возились со своими ребятишками дома, когда нужно было купать и холить ихъ.

Она кивнула утвердительно головой.

— Такъ вы одобряете мое рѣшеніе?—спросила она.

— О, да! Тѣмъ болѣе, что я встрѣтилъ въ деревнѣ или, вѣрнѣе сказать, въ сосѣднемъ съ деревней городишкѣ одну оригинальную личность.

И онъ серьезно сталъ разсказывать объ этой личности. Это была старуха-акушерка. У нея въ городѣ былъ крошечный домикъ. Безъ всякихъ средствъ она устроила у себя пріемный покой. Всѣ бѣдныя бабы находили у нея пріютъ. Мало того, она ухитрилась еще принять на воспитаніе сироту-дѣвочку. Какъ и чѣмъ она жила—трудно даже сказать.

— Я съ ней говорилъ объ этомъ предметѣ, — разсказывалъ молодой Зубковъ:—она только смѣется: «Много ли такому старому хрѣну, какъ я, надо? Когда ужъ совсѣмъ голодно, такъ что и больныхъ не на что покормить—иду по добрымъ людямъ, всегда кто-нибудь найдется, что дастъ. Нынче вотъ даже за добродѣтели свои удостоилась пенсіи отъ земства. На собраніи предложили давать мнѣ по десяти рублей въ мѣсяцъ въ награду за полезную дѣятельность. И то хлѣбъ...»

И задумчиво онъ прибавилъ:

— Это лѣто оставило во мнѣ глубокій слѣдъ. Очень ужъ мы гонимся здѣсь за удобствами, развлеченіями, удовольствіями и создаемъ себѣ несчастія ради пустяковъ. Мало того, подлецами мы становимся именно потому, что все усложняемъ свои потребности...

Передавая ей свои наблюденія и впечатлѣнія, говоря, что онъ за лѣто вынесъ хорошій урокъ, онъ мелькомъ замѣтилъ:

— А это я вамъ обязанъ.

— Какъ такъ?

— Да вы же надоумили меня ѣхать!

— А!—проговорила она и перешла къ другой темѣ, интересуясь мелочами, пережитыми и перечувствованными имъ.

Въ одинъ изъ первыхъ вечеровъ послѣ его пріѣзда, Иванъ Николаевичъ вернулся изъ своей конторы крайне возбужденнымъ и озабоченнымъ. Онъ прошелъ въ комнату сына и, притворивъ за собой дверь, заговорилъ въ волненіи о предложеніи Пастухова.

— Ты вѣдь эту исторію знаешь,—началъ онъ.—Сегодня явилось новое осложненіе.

— Что такое?—спросилъ молодой Зубковъ.

— Александръ и Егоръ Егоровичъ точно сговорились и разомъ затронули этотъ вопросъ.

— Имъ-то что за дѣло?

— Какъ что за дѣло? Пастуховъ имъ родня. Александръ заговорилъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ нашей Софьи Андреевны. Это ужъ навѣрно такъ. А Егоръ Егоровичъ... Ну, вѣрно его Пастуховъ настроилъ. Оба убѣждали меня цѣлый часъ.

Онъ заходилъ по комнатѣ и наконецъ рѣзко проговорилъ:

— Чего и убѣждать, когда я ничего не имѣю противъ этого брака! То-есть, гадко мнѣ, что моя дочь выйдетъ безъ любви за пожилого богача. Но... Ну, скажи мнѣ прямо, что я могу обѣщать ей, отговаривая ее отъ этого брака? Что? Не сегодня, такъ завтра я могу свалиться, потерять мѣсто и тогда—нищета тогда ждетъ всѣхъ насъ...

Сынъ молчалъ, подавленный тяжелыми думами.

— Надо же прямо глядѣть въ глаза дѣйствительности,—продолжалъ Зубковъ-отецъ. — Довольно мы жили мечтами, тѣшили себя надеждами на осуществленіе какихъ-то идеаловъ. Теперь надо думать только о кускѣ хлѣба. Конечно, трудно примириться съ этимъ, трудно отречься отъ того, что вошло въ плоть и кровь...

Сынъ неожиданно спросилъ:

— А мать?

Зубковъ махнулъ безнадежно рукою.

— Это-то меня и терзаетъ. Какъ ей сказать? Какъ ее убѣдить? Будь она здорова—другое дѣло. Теперь же это ее окончательно надломитъ.

Сынъ всталъ и началъ ходить рядомъ съ отцомъ.

— Но все же надо ее уговорить. Будетъ хуже, если объ этомъ заговоритъ съ ней бабка. Намъ съ тобой нечего притворяться насчетъ того, на что способна эта женщина. Она можетъ поставить на видъ матери вопросъ ребромъ: или отдайте дочь за Пастухова, или вооружите противъ себя дядю Александра, Егора Егоровича, Ольгу Давыдовну и тогда... адомъ станутъ для тебя отношенія къ этимъ людямъ.

Старикъ махнулъ рукою и, точно подслушавъ сказанную женою фразу, воскликнулъ:

— О, будь проклятъ тотъ день, когда мы сблизились съ этой семьей.

— Да, отецъ, я тоже не разъ это думалъ, въ послѣднее время. Если хочешь быть чистымъ, надо бѣжать отъ этихъ ликующихъ людей, отъ этой вѣчной масленицы...

Онъ оборвалъ свою рѣчь на полусловѣ и заговорилъ о томъ, что нужно во что бы то ни стало уговорить мать. Все равно, Настю не убѣдишь отказаться отъ этого брака. Да если и убѣдишь, то будетъ ли лучше? Мало ли что можетъ угрожать дѣвушкѣ. Мать больна, усмотрѣть за дѣвочкой трудно, отдалить ее отъ бабки, отъ Вощининой, отъ Лиды нѣтъ возможности. А чего онѣ не наговорятъ ей? И отецъ, и сынъ смотрѣли на дѣло одинаково, но ни тотъ, ни другой не чувствовали въ себѣ храбрости разомъ пойти и убѣдить Елену Васильевну. Какое-то непонятное чувство подталкивало ихъ отложить объясненіе; они какъ бы старались умыть руки въ этомъ дѣлѣ, сознавая, что, при всѣхъ логическихъ доводахъ въ неизбѣжности его, оно все-таки вызываетъ въ нихъ брезгливое чувство.

Прошло дня два послѣ этого объясненія.

Былъ воскресный день. Къ Зубковымъ пріѣхалъ Саввушка. Онъ не былъ у Зубковыхъ недѣли двѣ и еще не видалъ молодого Зубкова. Встрѣтивъ его, онъ словно растерялся и, крѣпко пожавъ его руку, глянулъ куда-то въ сторону. Всѣ сѣли за завтракъ, и молодой Зубковъ уже ясно замѣтилъ, что Саввушка противъ обыкновенія молчаливъ и чѣмъ-то

озабоченъ. Молодой Зубковъ спросилъ Саввушку объ его отцѣ. Тотъ коротко отвѣтилъ, что отецъ рѣшительно спился. Уѣхать онъ собирается со своей Анисьей Ивановной въ провинцію. Маленькая пенсія у него есть, въ провинціи прожить можно. Молодой Зубковъ замѣтилъ ему, что еще слава Богу, что у него, у Саввушки, теперь есть жалованье: одному легко прожить на шестьдесятъ рублей, которые онъ получаетъ въ банкѣ. Саввушка заерзалъ на стулѣ, точно желая провалиться сквозь землю. Въ то же время Маша, сидѣвшая опустивъ глаза, поперхнулась и закашлялась. Молодой Зубковъ взглянулъ на нее: она была красна, какъ вареный ракъ. Въ головѣ молодого Зубкова мелькнула мысль: «Что съ ними? Ужъ не влюбились ли?» Но это было только на минуту, и онъ не придалъ никакого значенія этой мимолетной мысли. Послѣ завтрака онъ прошелъ въ свою комнату вмѣстѣ съ Саввушкой и замѣтилъ послѣднему:

— Тебя, повидимому, очень безпокоитъ положеніе отца? Ты самъ не свой.

— А! что мнѣ думать о немъ!—отрывисто отвѣтилъ Саввушка.—Самъ я влопался...

Молодой Зубковъ вопросительно посмотрѣлъ на него.

— Влюбился, что ли? Не рано ли?

Саввушка безнадежно махнулъ рукой.

— Скажи, ты знаешь законы?—спросилъ онъ отрывисто, ходя по комнатѣ и грызя ногти.—Если не совсѣмъ совершеннолѣтній сойдется съ дѣвушкой, могутъ его заставить жениться на ней.

Зубковъ пожалъ плечами:

— То-есть какъ это «не совсѣмъ совершеннолѣтній»?

— Ну, вотъ такой, какъ я. Мнѣ еще не стукнулъ двадцать одинъ годъ...

Зубковъ рѣзко спросилъ:

— Ты это кого же обольстилъ?

— Не я обольстилъ, а навязалась... Чортъ знаетъ, какъ все это случилось!.. Бѣгали по угламъ, по коридорамъ и добѣгались.

Зубковъ всталъ съ мѣста и, охваченный смутной тревогой, спросилъ:

— Съ кѣмъ?

— Съ Машей!

Зубковъ съ силой, точно желѣзными клещами, захватилъ руку Саввушки и въ ярости крикнулъ:

— Здѣсь? У насъ въ домѣ?

— Ну да, а то гдѣ же...

— Подлецъ! подлецъ!

Онъ отшвырнулъ Саввушку отъ себя, какъ какую-то гадину, и заходилъ по комнатѣ. Тысячи разнородныхъ чувствъ: гнѣвъ, обида, отвращеніе поднялись въ его душѣ. Въ головѣ все помутилось. Среди этого хаоса мыслей какой-то тайный голосъ нашептывалъ ему: «Благодари Бога, что это не съ твоей сестрой случилось. Твои старые младенцы, отецъ и мать, не замѣтили бы и этого. Они честные люди и не подозрѣваютъ, что вокругъ нихъ кишатъ подлецы, развратники, интриганы». Саввушка вдругъ опомнился и сталъ оправдываться, пошло, трусливо. Дѣвочка сама вѣшалась ему на шею. Что же, онъ не старикъ. Онъ и самъ вовсе не желалъ бы сходиться съ какой-то нищей.

— Ты женишься на ней!—приказалъ Зубковъ.

- Но...—началъ Саввушка.

- Не разсуждай!—оборвалъ его Зубковъ.—Недостаетъ еще того, чтобы ея родные узнали и подняли скандалъ на весь городъ. Ты сегодня же объявишь, что ты предлагаешь ей руку...

Саввушка попробовалъ что-то возражать. Зубковъ подошелъ къ нему и опять стиснулъ до боли его руку.

— Не смѣй разсуждать, негодяй!

Ему хотѣлось избить этого человѣка. Въ головѣ же снова мелькнула мысль: «о, если бы уйти куда-нибудь подальше отъ этихъ людей, въ глушь, въ провинцію, въ деревню, чтобы жить особнякомъ, далеко отъ столицы». Не обращая вниманія на Саввушку, онъ вышелъ изъ своей комнаты и прошелъ въ кабинетъ отца, весь охваченный волненьемъ. Тамъ сидѣли отецъ и мать. Молодой Зубковъ, стараясь подавить волненіе, присѣлъ и, между прочимъ, заговорилъ, что у нихъ готовится еще свадьба: Саввушка хочетъ жениться на Машѣ. Елена Васильевна улыбнулась.

— Что это ты выдумываешь! Саввушкѣ еще надо на ноги встать. И хороша была бы эта пара—оба бѣдняки.

— Не все же богатымъ однимъ жениться,—сказалъ молодой Зубковъ.—У Саввушки есть жалованье.

— Да ты это серьезно говоришь?—спросила Елена Васильевна.

— Очень серьезно.

— Ну, такъ надо отговорить, образумить ихъ.

Молодой Зубковъ коротко произнесъ:

— Онъ долженъ, мама, жениться.

Елена Васильевна широко открыла глаза. Иванъ Николаевичъ совсѣмъ оторопѣлъ. Молодой Зубковъ рѣшился кончить все разомъ:

— Да, мама, онъ долженъ жениться. Вообще, дорогая моя, теперь трудно усмотрѣть за окружающими насъ, когда мы сами не практичны, довѣрчивы и не способны ни на что скверное.

Елена Васильевна сидѣла, опустивъ на грудь свою посѣдѣвшую голову, по ея щекамъ катились слезы. Сынъ нѣжно обнялъ ее за талью.

— Голубка моя, полно, полно!—заговорилъ онъ.—Пусть ихъ женятся. Пусть Настя выйдетъ замужъ! Что суждено судьбой, того не отвратишь! Ты слаба теперь, папа занятъ, оба вы довѣрчивы, какъ дѣти. Мало ли что можетъ произойти за вашими спинами.

Зубкова, ничего не отвѣчая, чувствуя себя впервые въ жизни дѣтски слабой, безпомощной, продолжала горько-горько плакать, прижавшись головой къ плечу сына. Старикъ Зубковъ ходилъ по комнатѣ и, видя слезы жены, подмигивалъ и качалъ головою сыну, какъ бы поощряя его «ковать желѣзо, пока оно горячо». Ошеломленный новостью о связи Маши и Саввушки, онъ радовался въ то же время, что сынъ свернулъ разговоръ на Настю и сдѣлалъ то, на что не могъ рѣшиться онъ, старикъ. Зубкова молча слушала сына и не протестовала. Въ ея душѣ было странное чувство: ей казалось, что окружающіе могутъ теперь дѣлать все, что имъ угодно, и она пальца о палецъ не стукнетъ, чтобы воспротивиться. Худшаго ужъ ничего не можетъ произойти, чѣмъ то, что произошло; она воспитала и учила чужую дѣвочку и въ ея домѣ эту дѣвочку погубили; она, женщина, не замѣтила даже этого; вѣдь это могли бы и съ ея дочерью сдѣлать, а она даже и подозрѣнія не имѣла бы о томъ, что дѣлается. Ей вдругъ вспомнилась ея мать: та шарила по сундукамъ и комодамъ, даже въ чужихъ домахъ, перечитывала даже чужія письма, подслушивала у дверей и подглядывала въ замочныя скважины,—и какимъ-то не своимъ голосомъ Елена Васильевна сказала:

— Да, пусть выходятъ за кого хотятъ, куда хотятъ, все равно, не усмотрѣть...

Отъ ея тона повѣяло леденящимъ холодомъ, точно она говорила о комъ-то чужомъ, совершенно чужомъ для нея.

XXVI.

Когда въ изящномъ, какъ парижская игрушка, будуарѣ

проснувшись въ полдень и чувствуя легкое утомленіе послѣ вчерашняго бала или пикника, Настасья Ивановна Пастухова болтала иногда съ часто навѣщавшими ее бабушкой Софьей Андреевной или любимой подругой Марьей Андреевной Николаевой, постороннiй слушатель могъ бы подумать, что въ этомъ мірѣ нѣтъ ни горя, ни печали, что люди пользуются въ немъ всѣми благами жизни, наслаждаются полнымъ благополучіемъ. Дѣйствительно, самой Настѣ, по ея выраженію, развѣ птичьяго молока только недоставало. Маша хотя и не сдѣлалась богатой, но Настя щедро надѣляла ее своими платьями, и деньгами, и при помощи своего мужа доставила Саввушкѣ лучшее мѣсто въ банкѣ. Саввушка, видя, что жена двигаетъ его впередъ по службѣ, и наслаждаясь по-своему жизнью, то-есть дѣлая себѣ модные пиджаки и покупая пестрые галстуки, совсѣмъ примирился съ своимъ положеніемъ и подпалъ подъ башмакъ жены, называя ее «своей умницей», «своей славной бабенкой». Лида была тоже вполнѣ довольна покладистымъ мужемъ, продавшимъ ей свой графскій титулъ и не требовавшимъ отъ жены ничего, кромѣ той безпечной жизни, къ которой только и стремилась она сама. Софья Андреевна, «обожаемая бабушка», могла только радоваться на своихъ «обожаемыхъ внучекъ», то-есть на Настю и на Лиду, съ гордостью постоянно повторяя, что это именно она устроила ихъ браки. Въ порывѣ благодушія она даже привязалась къ «пріемной внучкѣ», къ Машѣ, такъ какъ никто не цѣловалъ ей такъ горячо и такъ часто рукъ, никто не подставлялъ ей такъ торопливо скамеечекъ и подушечекъ подъ ноги, никто столько не сплетничалъ ей, какъ Маша. Объ Александрѣ Константиновичѣ и Егорѣ Егоровичѣ и говорить было нечего: первый изъ нихъ попрежнему пользовался успѣхами среди женщинъ, хотя теперь эти успѣхи и оплачивались довольно дорого, но онъ уже не скупился на деньги, успѣвъ захватить въ свои руки всѣ женины деньги и получая крупные куши изъ разныхъ акціонерныхъ обществъ; второй оставался все тѣмъ же сдержаннымъ и невозмутимымъ по виду человѣкомъ, находившимъ наслажденіе и въ томъ, что онъ умѣлъ, для своего развлеченія, язвить всѣхъ и каждаго, и въ томъ, что тайкомъ ему при его средствахъ можно было предаваться самымъ чудовищнымъ прихотямъ разврата, не связывая себя ни заботами о другихъ, ни узами серьезной любви, наслаждаясь счастіемъ эгоиста, любящаго только себя, живущаго только для себя, думающаго только о себѣ. Правда, въ

этомъ кругу сытыхъ и благополучныхъ людей была одна личность, вѣчно жаловавшаяся, плачущая, дѣлающая всѣмъ сцены, но про нее говорили всѣ окружающіе, вслѣдъ за Софьей Андреевной, что «это дура», что она «съ жиру бѣсится», что ей пора и за умъ взяться, что ей нужно же остепениться, и при этомъ одни улыбались, другіе смѣялись втихомолку, третьи просто разражались гомерическимъ смѣхомъ. Эта личность была Ольга Давыдовна. И точно, развѣ можно было не смѣяться надъ нею и серьезно считать ее несчастною? Правда, ей измѣнялъ на каждомъ шагу мужъ, но есть годы, когда смѣшно и неприлично продолжать играть роль влюбленной жены. Правда, у нея были отобраны почти всѣ ея деньги, но развѣ она нуждалась въ чемъ-нибудь, развѣ ея домъ не былъ полной чашей, развѣ она не пользовалась попрежнему всѣми удобствами жизни? Смѣшно уже одно то, что она теперь вдругъ сдѣлалась скупою и дѣлала всѣмъ сцены изъ-за лишней горящей въ домѣ свѣчи, изъ-за какого-нибудь потеряннаго носового платка, когда ея мужъ сталъ отличаться истинно барскою щедростью, когда заправлявшая всѣмъ въ домѣ Софья Андреевна только и повторяла съ брезгливой гримасой: «ахъ, ужъ эти мелочники-мѣщане, видѣть я ихъ скаредности не могу; ужъ правда говорится, что бариномъ родиться нужно, а изъ хама, хоть въ десяти водахъ его мой, барина не сдѣлаешь». Жизнь всѣхъ этихъ счастливыхъ людей шла вполнѣ правильно: выѣзды по магазинамъ и съ визитами, посѣщенія театровъ и баловъ, пикники и домашніе спектакли чередовались одни другими; иногда во время отдыха, послѣ бурно проведенной ночи, читались газеты или романы съ сладкой зѣвотой и, начатые гдѣ попало, бросались на полусловѣ, сдѣлавъ свое дѣло, то-есть усыпивъ того, кто ихъ читалъ отъ бездѣлья; среди веселья и наслажденій мужья служили, то-есть Пастуховъ и Вощининъ подписывали бумаги, Егоръ Егоровичъ ѣздилъ посмотрѣть на заводъ, больше всѣхъ работалъ Савушка, но и тотъ ходилъ на службу, какъ въ клубъ, показать новый галстучекъ, напиться чаю, поскабрезничать съ сослуживцами, вычитать что-нибудь забавное изъ мелкихъ газетъ и, между прочимъ, исполнить все, что приходилось на его долю въ отдѣленіи ссудъ; женщины, не имѣя уже вовсе никакихъ занятій, играли отъ бездѣлья въ благотворительность, по крайней мѣрѣ Лида и Настя усердно посѣщали собранія какихъ-то двухъ филантропическихъ обществъ и озабоченно совѣщались, какіе наряды сдѣлать для костюмированнаго

бала одного изъ этихъ обществъ и для спектакля другого изъ этихъ учрежденій. На этомъ безоблачномъ жизненномъ небѣ маленькая тучка была только у Насти. Настя иногда посѣщала свою любимую семью и смущалась сѣренькой жизнью этой семьи. Все ей казалось тутъ убого: и стѣны, и обстановка, и люди, и разговоры.

— Ну, какъ поживаешь, папа?—спрашивала она.

Озабоченный, пришибленный, нервно подмигивающій однимъ глазомъ, потирающій руки, Зубковъ отрывисто отвѣчалъ:

— Ничего, ничего! тяну покуда лямку! Старая пѣсня!

Матери Настя начинала разсказывать:

— Вотъ, мама, ты говорила, что богатство лишнее. А мы теперь пріютъ для бѣдныхъ швей открыли. Спектакль домашній устроили въ ихъ пользу.

— Тебя что же больше заинтересовало: пріютъ или спектакль?—спрашивала мать.

— Вотъ вопросы! и то, и другое!

— Что же, ты слѣдишь сама за пріютомъ?

— Я же, мама, не швея; тамъ надзирательница нанята.

Мать не дѣлала болѣе никакихъ замѣчаній: не хвалила дочь, не радовалась открытію пріюта. Давно уже она знала значеніе и цѣну этихъ учрежденій и говорить объ этой игрѣ въ филантропію ей было просто скучно.

— Что это ты, Ваня, совсѣмъ не бываешь у насъ? — спрашивала Настя у брата.

— Некогда, я очень занятъ.

— Ну, нельзя же все учиться! нужно и веселье...

Онъ усмѣхнулся.

— Да я и такъ не скучаю.

Она начинала приставать къ нему.

— У насъ завтра большой обѣдъ. На той недѣлѣ балъ. Пріѣзжай.

Онъ откровенно сознавался:

— Не зови. Не пріѣду. Мнѣ не по карману ваше общество.

— Да что у тебя одежды развѣ нѣтъ порядочной?—спрашивала она, готовясь дать ему на одежду.

— Одежда есть, но для чего я буду ѣздить къ тебѣ, когда ни я, ни моя семья не можемъ поддерживать отношеній съ твоимъ кружкомъ. Если ѣздить самимъ, надо и къ себѣ принимать. На это нѣтъ лишнихъ средствъ.

Настя вздыхала и тихо говорила брату:

— Ахъ, если бы уговорить папу и маму переѣхать ко мнѣ. Мой Петя охотно бы согласился.

— Отецъ на чужой счетъ не станетъ жить, мать тоже,— отвѣчалъ братъ. — Да и не безполезны они здѣсь. Теперь у нихъ больше средствъ помогать другимъ, чѣмъ прежде, такъ какъ ты не требуешь расходовъ, я тоже живу на свои уроки.

Настя передергивала плечиками.

— Ахъ, Ваня, Ваня, я бы на твоемъ мѣстѣ уговорила хоть маму отдохнуть. Она продолжаетъ учить этихъ дѣвчонокъ, набрала еще новыхъ.

— Она и умретъ такъ, дѣлая то, что можетъ дѣлать для другихъ,—сухо отвѣчалъ онъ.—Въ этомъ ея счастье.

Какимъ-то холодомъ вѣяло на Настю отъ семьи. Никто не радовался, слыша ея восторги; никто не разспрашивалъ ее, какъ она веселится. Даже Ольга, бывавшая здѣсь въ воскресные дни, равнодушно слушала Настю и не интересовалась ничѣмъ. Настя какъ-то пригласила ее къ себѣ. Ольга серьезно отвѣтила то же, что молодой Зубковъ, хотя въ другой формѣ.

— Я тебѣ теперь не пара,—сказала она.—Хуже всѣхъ не хочу быть, а тратиться на наряды не могу, да и не для чего. Въ провинціи, гдѣ-нибудь въ деревнѣ щеголять не придется.

— А ты развѣ въ деревню ѣдешь?—съ удивленіемъ спросила Настя.

— Да, вѣроятно, — отвѣтила Ольга. — Хотѣлось бы пріютиться гдѣ-нибудь въ глуши.

— Да вѣдь тамъ съ тоски умереть можно!—воскликнула Настя.

Ольга звонко засмѣялась.

— Мнѣ-то? Да мнѣ вездѣ весело. Веселье во мнѣ самой.

Каждый разъ Настя уѣзжала изъ дома своей семьи или раздраженной, или опечаленной. Почему они всѣ, эти близкіе ей люди, стали такъ равнодушны къ ней? Почему между ею и ими точно что-то оборвалось. Почему ей самой у нихъ уже не просто скучно, а даже неловко? Эти вопросы вертѣлись въ ея головѣ, и она не могла дать на нихъ отвѣта. Не могла она понять и того, какъ могутъ люди жить такою жизнью, какъ ея семья, скучной, однообразной, монотонной. Ну, отецъ и мать — тѣ надломлены, больны, тихо приближаются къ могилѣ, а Ваня, а Ольга — какъ могутъ эти-то люди вдачить такую жизнь и не желать лучшей. Она даже и не подозрѣвала, что Ваня и Ольга не только не находили своей жизни скучною, но даже переживали самое

счастливое время надеждъ, мечтаній и упованій, правда, своеобразныхъ, можетъ-быть, бѣдныхъ по содержанію, узкихъ, но тѣмъ не менѣе свѣтлыхъ.

Молодой Зубковъ послѣ поѣздки въ деревню совершенно преобразился; направленіе его ума приняло довольно опредѣленный характеръ. Зима, проведенная имъ въ первый годъ пребыванія въ университетѣ, оставила въ его душѣ глубокій слѣдъ. Пиры, спектакли, обѣды, двѣ-три попойки съ дядей Александромъ и Егоромъ Егоровичемъ, вечеръ, проведенный съ Устиновымъ въ трактирѣ и въ веселыхъ домахъ, эпизоды встрѣчъ съ Лидой, объясненія ей въ любви, минута бурнаго порыва страсти, когда онъ въ какомъ-то опьянѣніи готовъ былъ взять почти силой эту дѣвушку, безумное рѣшеніе жениться на ней и крутой переломъ, происшедшій въ немъ, когда онъ узналъ, что онъ былъ игрушкой въ ея рукахъ, что ей нуженъ былъ иной женихъ, что она за свои деньги покупаетъ себѣ громкій титулъ, все это десятки разъ передумывалось и переживалось въ деревнѣ. «Можно ли избѣжать, живя въ такъ-называемомъ образованномъ кругу въ столицѣ, этого постепеннаго паденія со ступеньки на ступеньку? Можно ли устоять противъ силы этого затягивающаго водоворота, стоя въ серединѣ его? Нѣтъ, это трудно, это невозможно: сегодня невинная дружеская выпивка въ ресторанѣ мимоходомъ; завтра ужинъ послѣ театра; послѣзавтра обѣдъ съ тостами и рѣчами; все это повторяется изо дня въ день, кружитъ и мутитъ умъ, ведетъ къ мелкому грязненькому разврату, къ сальному настроенію ума, къ возбужденію животныхъ чувствъ. Человѣкъ никогда не остается одинъ, съ самимъ собою; онъ почти боится этого, точно, оставшись одинъ, онъ непремѣнно повѣсится отъ тоски и скуки,—и вотъ онъ вѣчно толчется на народѣ, — въ клубѣ, въ театрѣ, въ танцклассѣ, въ ресторанѣ, въ портерной, на Невскомъ. Такъ живутъ всѣ мужчины, никто не видитъ тутъ ничего постыднаго, всѣ смѣются надъ «святошами», «красными дѣвушками» и «цѣломудренными Іосифами» — и брезгливо удивляются, когда кто-нибудь ради этихъ привычныхъ благъ жизни дѣлается казнокрадомъ, взяточникомъ, воромъ, «Альфонсомъ». Что-жъ, можетъ-быть, живущіе иначе люди и точно смѣшны?» Этотъ вопросъ его мало интересовалъ. Гораздо болѣе интересовалъ его другой вопросъ: «Эта столичная жизнь съ мелкой грязцой, съ мелкимъ развратцемъ, превращаясь въ привычку, требуетъ денегъ, денегъ и денегъ. Гдѣ ихъ взять? Работать, какъ волу,

чтобы кутнуть, чтобы удовлетворить свои страсти, прихоти и привычки, то-есть истощать силы на упорную работу и потомъ опять истощать себя на прожиганье жизни? Это нелѣпость. Правда, эту нелѣпость дѣлаютъ всѣ безъ исключенія, и смѣются надъ тѣми, кто не дѣлаетъ такъ. Что же въ томъ? Мало ли глупостей дѣлаютъ люди, мало ли надъ чѣмъ они смѣются. Развѣ непремѣнно нужно идти за этимъ стадомъ? Но этого мало. У кого есть средства или кому повезетъ въ работѣ, тотъ такъ или иначе удовлетворяетъ свои прихоти на честно добытыя деньги. А если этихъ денегъ не хватитъ? Побѣдишь ли, подавишь ли свои привычки? Не станешь ли кривить душой для ихъ удовлетворенія? Сколько людей теряютъ и честь, и совѣсть, и свое достоинство, лишь бы прожигать жизнь? Говоря прямо и откровенно, можно сказать, что только въ видѣ рѣдкихъ исключеній является въ образованной средѣ человѣкъ не покривившій душой, не уронившій себя такъ или иначе ради этихъ «благъ жизни». Да и есть ли исключенія? Это еще вопросъ». Онъ перебиралъ своихъ знакомыхъ, общественныхъ дѣятелей, болѣе или менѣе извѣстныхъ людей. «Многіе изъ нихъ были даровиты, умны, дѣятельны, но съ нравственной стороны это были сущія ничтожества, спустившіяся мало-по-малу въ тину прожиганья жизни, безпечальнаго житья, паразитства насчетъ общества, народа, — одинъ пьяница, другой игрокъ, третій развратникъ. Точно ли они проживаютъ то, что они заслужили своимъ трудомъ? Нѣтъ, если они не грабили ближнихъ, не эксплоатировали никого, то ужъ навѣрное каждому пришлось поступиться чѣмъ-нибудь—гордостью, прямотой, совѣстью, честью, чтобы добиться хоть болѣе крупнаго оклада... для трактирной масленицы». Ему вспоминались отецъ и мать. «Они-то прошли жизненный путь нравственно честными, какъ дѣти. Значитъ, можно удержаться на нравственной высотѣ и въ этомъ омутѣ? Да, но когда эти люди сформировались, отлились въ опредѣленную форму? Во времена всеобщаго возбужденія, подъема духа, стремленія къ идеаламъ. Какіе идеалы теперь могутъ воодушевить, поднять, удержать на нравственной высотѣ человѣка? Наши дни—дни унынья, печали, безсилія, пессимизма, отчаянія. Лучшіе люди и тѣ заражены этою тряпичностью, дрянностью, гнилостью. Кругомъ какіе-то кастраты мысли, не надѣющіяся на ея плодотворность. Вездѣ раздается одно оправданіе бездѣйствія и апатіи: «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше». Скука жизни доводитъ всѣхъ до разгула съ

одной стороны, до самоубійствъ съ другой». Онъ смутно чувствовалъ, что если его коснется это чувство скуки жизни, то онъ пустится въ разгулъ, такъ какъ онъ слишкомъ здоровъ, слишкомъ привязанъ къ жизни, чтобы когда-нибудь наложить самому на себя руки. Въ эти часы одинокаго раздумья, когда онъ, окончивъ занятія съ ученикомъ, бродилъ въ вечернемъ затишьи по полямъ и лѣсамъ, дыша здоровою грудью, въ его головѣ смутно начинала мелькать мысль: «уйти бы сюда навсегда, приняться хоть за крестьянскій трудъ, только бы жить простой, здоровой жизнью». Эта мысль все глубже и глубже залегала въ голову. Кругомъ же начали встрѣчаться люди, которые уже начинали такъ или иначе осуществлять эту мысль, которые, по крайней мѣрѣ, бѣжали уже отъ Вальпургіевой ночи. Пріѣхавъ въ столицу, онъ не безъ удивленія услыхалъ отъ Ольги Петровой, что она избираетъ дѣятельность фельдшерицы и акушерки и тоже говоритъ объ отъѣздѣ въ провинцію, въ деревню. Почему?

— Да тамъ же люди нужны,—коротко и уклончиво отвѣтила она.

Странное что-то появилось въ ея отношеніяхъ къ молодому Зубкову: встрѣтитъ она его — вся раскраснѣется отъ радости; разговоровъ же съ нимъ наединѣ какъ бы избѣгаетъ. Но слова, сказанныя ею объ удаленіи въ провинцію, заставили его настойчиво искать бесѣдъ съ нею.

Съ этого дня между молодой дѣвушкой и молодымъ человѣкомъ опять начались безконечные разговоры, по преимуществу о провинціи, о деревнѣ, о простой жизни. Какъ-то мелькомъ онъ замѣтилъ, что хорошо бы ему сдѣлаться сельскимъ учителемъ. Прикопить бы деньжонокъ и уѣхать куда-нибудь на мѣсто—даже не на мѣсто, а просто купить клокъ земли и избу, а тамъ ужъ что будетъ—посмотримъ... Запастись въ деревнѣ своимъ клочкомъ земли, своей хатой, тогда можно зажить простой, здоровой жизнью, въ сторонѣ отъ теперешней общественной жизни. Здѣсь бѣлки въ колесѣ вертятся и дѣлаютъ видъ, что онѣ совершаютъ плодотворную работу, въ глубинѣ души вовсе не вѣря въ это.

Самое страшное въ этой жизни именно то, что никто не вѣритъ въ плодотворность своего труда, хотя и не сознается въ этомъ. Это ужъ послѣднее положеніе хуже положенія той мухи, которая, сидя на рогахъ вола, говорила: «Мы пахали». Она, можетъ-быть, вѣрила въ свои слова, какъ Хлестаковъ, а нынѣшніе люди, когда они говорятъ: «мы дѣлаемъ плодотворное дѣло», лгутъ съ полнымъ сознаніемъ

того, что они лгуть. Иногда эти разговоры, оживленные, внѣшнимъ образомъ веселые, со смѣхомъ и остротами, происходили при Еленѣ Васильевнѣ и Иванѣ Николаевичѣ. Странное впечатлѣніе они производили на этихъ людей.

— Меня кстати прихватите хоть въ караульщики, — съ грустной шутливостью замѣчалъ Иванъ Николаевичъ.

— Что это вы всѣ точно о бѣгствѣ толкуете! — нѣсколько раздражительно замѣчала въ свою очередь Елена Васильевна. — Ужъ вы бы лучше на необитаемый островъ переселились.

— А что-жъ, мама, я пожалуй и на это былъ бы готовъ!—шутливо говорилъ молодой Зубковъ.

Мать пожимала съ негодованіемъ плечами.

— Не понимаю я этого желанія суживать свою дѣятельность! Здѣсь есть сотни путей для плодотворной общественной дѣятельности, а тамъ что ты станешь дѣлать? Въ крайнемъ случаѣ грамотѣ учить? На это есть чернорабочіе, мало подготовленные къ другой дѣятельности люди. Кому много дано, съ того много и спрашивается...

Сынъ осторожно возражалъ матери, боясь слишкомъ взволновать ее. Не вѣрить онъ въ плодотворность дѣятельности на тѣхъ поприщахъ, которыя онъ могъ бы избрать здѣсь. Безъ вѣры же, безъ увлеченія трудно приносить пользу обществу. Есть времена, когда приходится дѣлать самое скромное дѣло и благодарить судьбу хоть за то, что на этомъ пути не запятнаешь себя, своей чести и совѣсти компромиссами, сдѣлками, уступками. Мать оскорблялась за сына: онъ не глупъ, даровитъ, образованъ и хочетъ зарыть себя гдѣ-то въ глуши, въ деревнѣ, въ роли мужика. Въ ея время такіе люди, какъ онъ, брались и за учительство, и за юридическую дѣятельность, и въ мировые посредники шли, распространяли извѣстныя идеи, десять дѣлъ за разъ готовы были сдѣлать, чувствуя одно то, что рукъ мало. Она желчно замѣчала:

— Это весталкамъ бы можно оставить убивать молодость, красоту, дарованіе, все на одно поддержаніе священнаго огня!

И съ горькой ироніей прибавляла:

— Плоха же нравственность, если надо замуровывать себя, чтобы не запятнать ее! Плохи люди, если имъ нужно собственными руками замкнуть себя въ тюрьму, чтобы не прорваться воровствомъ!

Сынъ возражалъ, говорилъ все, что передумалъ. Стран-

ное чувство охватывало тогда Елену Васильевну; она сознавала, что онъ во многомъ, если не во всемъ правъ, и глубоко негодовала на все, что онъ ей говорилъ. То же она испытывала тогда, когда Настя говорила ей о своемъ рѣшеніи выйти за Пастухова. Елена Васильевна чувствовала, что для дѣвочки это спасеніе отъ голода, отъ униженій, отъ невзгодъ—и негодовала на ея рѣчи. Хмурясь, сердясь на сына, иронизируя надъ нимъ — она почти съ испугомъ замѣчала, что ея мужъ, опустившійся, сгорбившійся, подавленный, тихо вздыхалъ и уже безъ шутливости произносилъ, похлопывая сына по плечу:

— Эхъ, братъ Ваня, мечты, мечты все это! А хорошо бы отдохнуть хоть годикъ передъ смертью...

— Ну, намъ-то еще нечего объ отдыхѣ думать!—рѣзко говорила Елена Васильевна.—И въ могилѣ успѣемъ отдохнуть, а здѣсь... люди кругомъ помощи просятъ, страдаютъ, гибнутъ, такъ каждый долженъ прежде всего думать о нихъ, а не о томъ, чтобы сибаритствовать... Съ вами заговоришься, такъ и руки опустишь. А у меня еще дѣла по горло...

Она поднималась и блѣднѣла, невольно хватаясь за сердце.

— Что съ тобой?—съ испугомъ воскликнулъ однажды молодой Зубковъ, направляясь къ матери, чтобы поддержать ее.

Она пересилила себя и рѣзко, почти гнѣвно проговорила:

— Что ты?... Оступилась—вотъ и все... Что это вы всѣ нынче какими стали... Такъ вамъ все и кажется, что и сами вы, и другіе люди изъ сахара—растаютъ... Очень ужъ васъ всѣхъ мечты о покоѣ разнѣжили...

И, почти шатаясь, она пошла къ дѣвочкамъ, сидѣвшимъ за уроками...

Отецъ, сынъ и Ольга переглянулись между собою. Старикъ съ выраженіемъ мучительной тоски закрылъ глаза рукою. Молодой Зубковъ прошепталъ ему:

— Полно, отецъ!

— Вотъ бы мнѣ такой быть! — тихо сказала Ольга, глядя заблестѣвшими отъ восторга глазами вслѣдъ Еленѣ Васильевнѣ.

Потомъ она обратилась къ обоимъ Зубковымъ.

— Не станемте болѣе говорить о деревнѣ при Еленѣ Васильевнѣ. Это ее волнуетъ,—сказала она, и шутливымъ бойкимъ тономъ прибавила:—Никогда она не примирится съ тѣмъ что солдаты во время боя только должны быть на полѣ

сраженія, а что въ глухое мирное время имъ самое лучшее мѣсто въ деревенской глуши.

Это было уже позднею весною, когда у молодыхъ людей кончались экзамены. Еще день-два, и они покончили съ этимъ дѣломъ и вздохнули свободною грудью. Деревья, покрывшіяся душистыми листьями, полевые цвѣты, выглядывавшіе изъ сочной травы бѣленькими и желтенькими головками, чириканье и пѣніе птицъ, яркіе солнечные лучи, зеркальная поверхность воды, все манило на воздухъ, въ этотъ міръ воскреснувшей природы. Молодой Зубковъ и Ольга нерѣдко отправлялись вмѣстѣ гулять: садились въ яликъ, переѣзжали Неву и на другомъ берегу заходили далеко, любуясь видами, дыша всею грудью, полные здоровья, бодрости и силъ. Какъ-то разъ, утомясь на прогулкѣ, они присѣли на берегу Невы среди полнаго безлюдья, любуясь раскрывшеюся передъ ними картиной. По дорогѣ они по обыкновенію толковали о разныхъ планахъ на будущее, коснулись своихъ стремленій переселиться въ деревню, замѣтивъ мелькомъ, что Иванъ Николаевичъ тоже съ охотой бросилъ бы службу и переселился бы въ глушь. Прожить тамъ можно. Кое-что у нихъ отложено; Иванъ Николаевичъ при отставкѣ получитъ годовой окладъ; наконецъ у нихъ руки есть, чтобы работать. Присѣвъ на берегъ, они смолкли и задумались, спокойные, полные вѣры въ свое будущее. Первый прервалъ молчаніе Зубковъ. Онъ взялъ руку Ольги и, какъ бы продолжая думать вслухъ, ровнымъ, спокойнымъ голосомъ спросилъ:

— Вмѣстѣ?

Она кивнула головой.

Онъ склонился къ ней и поцѣловалъ ее.

— Славная ты, простая дѣвушка,—прошепталъ онъ.

Она улыбнулась, глядя на него ясными, добрыми глазами.

— Простая и есть. Не барышней росла.

Не выпуская ея руки, ласково сжимая ее, онъ смолкъ. Оба опять смотрѣли въ прозрачную даль.

— Славный сегодня день. Я такъ, такъ счастлива,—тихо прошептала она.

Онъ подмѣтилъ въ ея глазахъ слезы.

— О чемъ?—коротко спросилъ онъ.

— Ужъ очень я счастлива теперь,—отвѣтила она и мягко улыбнулась.—А прошлаго года въ это время...

Она едва замѣтно махнула рукой.

— Что же? кончай!—сказалъ онъ.

Она засмѣялась, хотя слезы еще стояли въ глазахъ.

— Думала, что ты никогда, никогда не полюбишь меня... Помнишь, ты былъ влюбленъ? Я же и допросила тебя... Тяжело мнѣ было. И сама не знала: за себя было болѣе тяжело, или за тебя... Уговорила тебя уѣхать... и для себя, и для тебя... А потомъ, когда Елена Васильевна заболѣла, думала я цѣлые часы у ея постели о тебѣ, о себѣ, совсѣмъ духомъ начала падать... Тогда и рѣшила уѣхать въ деревню, поселиться въ глуши, чтобы не видать никого, не слышать ни о комъ...

— И обо мнѣ?

— Да, да, главное о тебѣ...

Она повернулась къ нему лицомъ и заговорила просто, чистосердечно:

— Видишь ли, я простая дѣвушка, бѣдная, некрасивая...

— Ты-то!—воскликнулъ онъ.

Она засмѣялась.

— Это для тебя я, можетъ-быть, теперь красивой кажусь, а такъ-то... что-жъ мнѣ себя обманывать, было бы глупо... Ну, вотъ, тогда я была увѣрена, что никогда, никогда ты меня не полюбишь...

— А ты очень любила?—шутливо спросилъ онъ.

Она застѣнчиво отвернулась.

— Любила!

— И молчала?

Она вся раскраснѣлась.

— Молчала, и теперь не сказала бы. Съ какой стати? Вѣшаться самой на шею—это петлю на себя и на другого надѣвать. Счастія отъ этого нечего ждать.

И, припавъ головой къ его плечу, она тихо стала разсказывать, какъ за послѣднее время росли въ ней надежды на счастье, какъ она и вѣрила, и снова не вѣрила въ его любовь, какъ у нея словно крылья отрастали, когда онъ все чаще и чаще сталъ говорить, что онъ тоже уѣдетъ въ деревню. И въ сладкихъ мечтахъ о будущемъ, она шептала ему, что, можетъ-быть, черезъ долгіе-долгіе годы имъ придется вернуться на это мѣсто, увидѣть эти любимыя ими мѣста и...

— Знаешь ли, тутъ многое перемѣнится; быть-можетъ, все застроится, заселится, вырастетъ новый, гигантскій фабричный городъ, а мы съ тобой не измѣнимся—постарѣемъ, но не измѣнимся...

Они поднялись и медленно пошли въ обратный путь

рука-объ-руку, безконечно счастливые, не мучимые никакими сомнѣніями.

Ихъ отношенія не перемѣнились. Только Елена Васильевна чуткимъ слухомъ матери подмѣтила, что прежде они говорили другъ другу: «вы, Оля», «вы, Ваня», а теперь перешли на «ты». Какъ-то тяжело отозвалось это въ больномъ сердцѣ Зубковой, точно уязвило ея самолюбіе. Она любила и уважала Олю, но теперь, когда у нея мелькнуло въ головѣ подозрѣніе, что Ольга невѣста ея сына, въ ней вдругъ проснулось почти враждебное чувство къ этой дѣвушкѣ. «Узкая, обыденная, вульгарная натура у этой дѣвушки, трезвости въ ней слишкомъ много; недостаетъ ей поэзіи, способности увлекаться широкими идеалами; щей горшокъ да самъ большой—вотъ ея идеалъ; уйти отъ соблазновъ, чтобы остаться чистой, вотъ ея стремленія; это она главнымъ образомъ влечетъ Ваню въ деревню». Мало того, въ головѣ Елены Васильевны стали мелькать даже мысли о томъ, что Ваня—ужъ если его судьба рано жениться—былъ бы счастливѣе съ Лидой: та хоть богата, и онъ сумѣлъ бы переломить ее и употребить ея денежныя средства на разумныя цѣли, а съ этой... землю они пахать станутъ, что ли, затерянные, затертые въ сѣрой массѣ, не поднимающіе народъ до себя, а опускающіеся до него. Несчастная больная женщина сама чувствовала, что она несправедлива къ Ольгѣ, что ея мечты объ употребленіи средствъ Лиды Ванею на широкія цѣли,—пустая фантазія, что въ сущности она, Елена Васильевна, видитъ подъ собою ускользающую изъ-подъ ногъ почву, видитъ окружающій ее мракъ, и хватается за соломинку несбыточныхъ грёзъ.

Она въ сущности умирала и все еще хотѣла жить, работать, приносить пользу наперекоръ всѣмъ и всему. Иногда ея враждебныя чувства къ Ольгѣ отражались въ ея взглядѣ. «Простое, круглое, курносое лицо, безъ всякаго характера», мелькало въ ея головѣ, и она чуть не плакала отъ стыда, когда Оля заботливо и мягко спрашивала ее, видя ея взглядъ:

— Вамъ что-нибудь надо, Елена Васильевна?

— Нѣтъ,—глухо отвѣчала Зубкова и опускала голову.

А въ головѣ носилась мысль: «Ночей не спала, ходила за мной, а я...» И, потрясенная до глубины души, она молилась: «Умереть бы скорѣй». Она пережила все: разочарованіе въ осуществленіи былыхъ идеаловъ, надежду на то, что дѣти пойдутъ по ея дорогѣ, вѣру въ свои силы и,

что хуже всего, она чувствовала, что она перестала быть справедливой къ людямъ...

Какъ-то разъ въ одинъ изъ первыхъ зимнихъ дней къ Зубковымъ заѣхала Настя. Она была какъ-то особенно подвижна въ этотъ день и разсѣянно взглядывала по временамъ въ окно. Спустя полчаса послѣ ея пріѣзда къ Зубковымъ завернулъ Егоръ Егоровичъ. У него было порученіе отъ Софьи Андреевны къ Еленѣ Васильевнѣ. Посидѣвъ минуть десять, онъ спросилъ Настю, куда она ѣдетъ отсюда. Настя, вспыхнувъ до ушей, тихо отвѣтила, что домой. Онъ попросилъ ее подвезти его въ ея каретѣ, такъ какъ у него дорогой испортились сани, и онъ доѣхалъ на заводъ на извозчикѣ. Настя покраснѣла еще болѣе и согласилась. Прошло еще съ мѣсяцъ, и снова Настя и Егоръ Егоровичъ столкнулись случайно у Зубковыхъ. Егоръ Егоровичъ спросилъ Настю, видѣла ли она, какъ онъ передѣлалъ свой домъ. Она отвѣтила, что нѣтъ. Онъ пригласилъ ее взглянуть на домъ. Въ его манерѣ была какая-то особенная фамильярность. Настя казалась испуганной. Они пошли и долго осматривали домъ. Черезъ нѣсколько времени безъ всякой задней мысли Ваня какъ-то случайно замѣтилъ дома, что онъ часто видитъ Настю и Егора Егоровича катающимися вмѣстѣ въ каретѣ и прибавилъ:

— Дѣлать-то вѣрно обоимъ нечего...

Софья Андреевна заѣхала однажды къ Зубковымъ и среди другой болтовни со смѣхомъ замѣтила, что Егорушка-дуракъ прозвалъ «Настюшу», а теперь такъ и льнетъ къ ней. «Ну, да близокъ локоть, а не укусишь». Наконецъ и еще разъ Настя и Егоръ Егоровичъ столкнулись у Зубковыхъ, и совершенно неожиданно среди разговора Настя спросила его:

— Ты домой?

Онъ подмѣтилъ ея обмолвку и нахально улыбнулся.

— Домой,—отвѣтилъ онъ.

Елену Васильевну точно обожгло чѣмъ-то. Она подняла голову и увидала зардѣвшееся румянцемъ лицо Насти и наглую усмѣшку Егора Егоровича, потѣшавшагося случайной обмолвкой молодой женщины и тревогой ея матери. Зубкова хотѣла подняться, чтобы проститься съ дочерью и Егоромъ Егоровичемъ и, почувствовавъ, что ее оставляютъ силы, опустилась опять на мѣсто.

— Мама, ты больна?—воскликнула Настя, видя, что мать поблѣднѣла и не можетъ встать.

— Я... что ты выдумываешь?—раздражительно и рѣзко отвѣтила Зубкова и, сдѣлавъ нечеловѣческое усиліе надъ собой, встала, выпрямившись во весь ростъ.

Настя испугалась выраженія ея лица: оно было холодно, сурово, гнѣвно. Молодая женщина, повидимому, поняла все и пугливо, торопясь, поцѣловала руку матери на прощанье. Елена Васильевна даже не нагнула головы, чтобы поцѣловать ее въ лобъ.

Весь остатокъ этого дня и почти всю ночь провела Елена Васильевна въ тяжелыхъ думахъ, перебирая всѣ мелочи, воскресшія въ ея памяти.

«Что значатъ эти случайныя встрѣчи Насти и Егора Егоровича у нихъ, у Зубковыхъ, кончающіяся отъѣздомъ молодыхъ людей въ каретѣ Насти? Зачѣмъ, съ какой стати ходилъ Егоръ Егоровичъ показывать Настѣ отдѣлку своего дома? Съ чего толковала мать о томъ, что Егоръ Егоровичъ безъ ума теперь отъ Насти? Почему она стала говорить ему *ты*? А ея смущеніе и его наглая усмѣшка?»

Она и вѣрила своимъ подозрѣніямъ, и старалась разубѣдить себя въ этихъ подозрѣніяхъ. Но попытки разувѣрить себя были тщетны. Спросить бы Настю, узнать все навѣрное. Зачѣмъ? Развѣ все не ясно и безъ признанія? развѣ такой человѣкъ, какъ Егоръ Егоровичъ, не пойдетъ на все, чтобы добиться своего? «О, лучше бы она, ея дѣвочка, умерла тогда, когда ея отецъ и мать готовы были на всѣ жертвы ради нея, на всѣ сдѣлки ради нея! Да, лучше бы и всѣмъ умереть тогда!..» Елена Васильевна не могла даже плакать. Она тупо и угрюмо смотрѣла въ пространство, ощущая какую-то пустоту въ сердцѣ. Къ утру она забылась тяжелымъ сномъ и стала бредить подъ вліяніемъ тяжелаго кошмара. Нѣсколько разъ подходила къ ней Оля и не смѣла разбудить ее, хотя былъ уже поздній часъ утра. Наконецъ Елена Васильевна почувствовала, что ее кто-то душитъ и съ слабымъ, едва слышнымъ стономъ открыла глаза. Въ комнатѣ было уже свѣтло, у окна за шитьемъ сидѣла Оля, низко опустивъ голову на грудь. Елена Васильевна остановила на ней свои полупотухнувшіе глаза. Круглое, простое, здоровое лицо дѣвушки было въ эту минуту грустно и задумчиво. Въ сердцѣ Зубковой пробудилось теперь къ ней снова теплое чувство. «Она все же будетъ честною женою для Вани. Пригрѣетъ она и Ивана Николаевича. Отдыхъ ему нуженъ. Всѣмъ отдыхъ нуженъ, кто работалъ и страдалъ». Она опять полузакрыла глаза. Оля очнулась и приблизилась къ ней.

— Елена Васильевна, вставать пора,—сказала молодая дѣвушка.

— Отдохнуть надо, Оля,—отвѣтила полусознательно Зубкова, смотря на нее тупымъ взглядомъ.—Наработаешься, ну, и надо отдохнуть...

Оля немного испугалась, чувствуя, что Зубкова говоритъ какъ въ бреду. Она хотѣла пойти позвать Ваню или Ивана Николаевича, послать за докторомъ; Елена Васильевна удержала ее движеніемъ руки и проговорила слабымъ голосомъ:

— Придетъ самъ... посиди, еще не скоро кончится...

Оля присѣла около нея, похолодѣвшая отъ страха, сознавая, что конецъ близокъ.

— Скорѣй бы кончили курсъ ты и Ваня,—продолжала Зубкова, закрывъ глаза.—Уѣхали бы. Здѣсь не мѣсто вамъ. Дурные люди все. Ты побереги Ваню и отца. Тоже усталъ. Я раньше всѣхъ отдохну.

Оля, едва сдерживая слезы, склонилась къ ней, говоря шопотомъ:

— Полноте, не тревожьте себя. Надо доктора, онъ поможетъ.

Зубкова открыла глаза и, на минуту потерявъ сознаніе, сказала:

— Доктора?.. Скарлатина?.. Прилипчивая болѣзнь!.. Чистый воздухъ и уходъ нужны...

И вдругъ, снова придя въ себя, съ упорствомъ сильной натуры сдѣлала усиліе надъ собою и твердо сказала:

— Перестань, не плачь! Я рада отдыху. Нельзя же два вѣка жить. Позови Ваню и Ивана Николаевича. Не пугай ихъ только.

Черезъ двѣ-три минуты постель Зубковой уже окружали любимыя ею лица. Она старалась бодриться, старалась говорить внятно, пересиливая страшную одышку. Только иногда у нея какъ бы помрачалось сознаніе. Когда ей сказали о докторѣ, она равнодушно проговорила:

— Пошлите кого-нибудь, а сами останьтесь здѣсь.

Иванъ Николаевичъ вспомнилъ о Настѣ. Ее надо позвать. Елена Васильевна открыла глаза и, что-то вспомнивъ, сказала:

— Настя? Не умерла, спасли...

И, потерявъ снова сознаніе, проговорила:

— Коттэджъ... Свѣтленькій, чистенькій, веселенькій домикъ... цвѣты тамъ... птички...

Потомъ, очнувшись, опять какъ бы досадуя на себя за бредъ, она рѣзко приказала:

— Не посылайте! Не надо!

На минуту ею овладѣло злое чувство, и она коротко, вполнѣ твердо сказала:

— Здѣсь все честные люди!

Отецъ и сынъ переглянулись между собою. Они оба уже давно знали то, что только наканунѣ поняла Елена Васильевна. Они не говорили объ этомъ; не говорили объ этомъ даже между собою, съ болью въ сердцѣ думая о паденіи молодой женщины. Объ этомъ намекнулъ Ивану Николаевичу подгулявшій Александръ Константиновичъ, какъ о чемъ-то очень естественномъ и обыденномъ:

— Нашъ-то подлецъ Егорашка за Настей вьется.

И добавилъ:

— Жаль только, циникъ онъ большой.

Это чутьемъ угадалъ молодой Зубковъ, увидавъ случайно сестру въ каретѣ съ Егоромъ Егоровичемъ.

Ни отецъ, ни сынъ не возражали больной.

Пріѣхавшій докторъ не сказалъ ничего утѣшительнаго: болѣзнь сердца, могутъ быть осложненія, нуженъ безусловный покой. Всѣ эти фразы говорятся обыкновенно тогда, когда уже нельзя подать никакой надежды. Семья понимала это, понимала это и больная. Тѣмъ не менѣе, всѣ старались бодриться; больная же впадала по временамъ въ забытье, а очнувшись, говорила спокойно и равнодушно, почти радостно объ отдыхѣ. Слово смерть не произносилось никѣмъ, точно впереди была не она, а дѣйствительный отдыхъ отъ трудовой, честно прожитой, геройски выстраданной жизни. Иногда, не то сознательно, не то въ бреду, больная говорила о томъ, какъ хорошо будетъ въ деревнѣ: «Оля и Ваня пріютятся тамъ, отца возьмутъ къ себѣ, простая, здоровая жизнь начнется: отцу будетъ хорошо у нихъ; отдохнетъ онъ», и, улыбаясь, она прибавляла:

— Я тоже отдохну.

Ея отдыхъ былъ уже близокъ: отекъ легкихъ шелъ быстро...

На пятый день послѣ того, какъ она слегла, въ полдень она совершенно потеряла сознаніе и лежала съ закрытыми глазами на спинѣ, тихо засыпая. Вокругъ постели сидѣли близкіе, дорогіе ей люди, погрузившись въ тяжелыя думы. Для нихъ въ эти минуты было чуждо все окружающее, всякіе посторонніе помыслы. Въ строгой тишинѣ, они благо-

говѣйно присутствовали при совершавшемся передъ ними таинствѣ смерти. На мгновенье еще разъ открылись глаза Зубковой, уже совсѣмъ тусклые, какъ бы стеклянные, по обтянувшимся на деснахъ губамъ скользнула мягкая, едва замѣтная улыбка, изъ груди вырвался вздохъ, потомъ она выпрямилась и дыханіе стало стихать. Трое людей, сидѣвшихъ около нея, безъ воплей, безъ рыданій, опустились на колѣни около постели...

Десятки людей съ плачемъ толпились у гроба Елены Васильевны: какія-то бѣдныя бабы, какія-то дѣвочки въ ситцевыхъ платьицахъ, какіе-то никому неизвѣстные нищіе, Настя, пораженная смертью матери, Софья Андреевна, разыгрывавшая драму на тему «старуха-мать, хоронящая свою дочь», какой-то пьяненькій бѣднякъ изъ мастеровыхъ, причитавшій, что «всѣ отъ него отвернулись, родные выгнали, а она, голубушка, каждый разъ собственноручно со своего стола ѣду ему давала», Маша, причитавшая, что «съ ея легкой руки жить я пошла, матерью она мнѣ родною была», наконецъ, Александръ Константиновичъ Вощининъ, навзрыдъ рыдая, доходя чуть не до истерики, цѣловавшій десятки разъ лицо и руки покойницы и повторявшій всѣмъ и каждому, что она, только она была ему всѣмъ, и сестрой, и матерью, и благодѣтельницей. И чѣмъ больше плакали всѣ эти люди, тѣмъ сильнѣе было благоговѣйное спокойствіе, охватывавшее молодого Зубкова, его отца и Ольгу. Они, казалось, боялись стономъ или рыданіемъ нарушить покой уснувшей, отдыхающей отъ трудовой жизни женщины. Они сбились какъ-то въ одну тѣсную группу, въ сторонѣ отъ остальныхъ людей. Со всѣми этими людьми они уже готовились порвать навсегда связь, чтобы начать гдѣ-то въ иномъ краю новую жизнь.

ГОСПОДИНЪ ПРОРОКЪ.

РОМАНЪ.

I.

«Пріидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Азъ упокою вы»... Когда я слышу эти чудныя слова, мою душу охватываетъ умиленіе, и на глазахъ навертываются невольныя слезы: мнѣ вспоминаются свѣтлые годы моего далекаго дѣтства, изъ тьмы прошедшаго снова встаютъ передо мною, какъ живые, образы моихъ отца и матери, и кажется мнѣ, что эти люди ничего не говорили мнѣ, ничему не старались поучать меня, ничего не стремились завѣщать мнѣ, кромѣ этихъ великихъ словъ Христа...

Мой отецъ, плотный, сильный, какъ бы отлитый изъ бронзы, былъ неудавшимся художникомъ по призванію, неудавшимся, то-есть, ничего не нажившимъ врачомъ по ремеслу, но вполнѣ удавшимся человѣкомъ. Немного философъ-матеріалистъ и скептикъ, онъ глубоко понималъ дрянность и искалѣченность человѣческихъ натуръ и былъ склоненъ не столько обвинять, сколько прощать. Моя мать, сохранившая до старости слѣды женственности и граціи, была личностью, много выстрадавшей въ дѣтствѣ и ранней юности отъ своего роднаго промотавшагося барства и потому рано отрекшеюся отъ эгоистической необузданности барскаго «все для насъ, все ради насъ», но сохранившей навсегда всю прелесть барскихъ—благовоспитанности, такта, умѣнья быть любезною безъ заискиванія, терпѣливой безъ приниженности, бѣдной безъ потери человѣческаго достоинства. О онъ, и она были людьми здоровыми и физически, и нравственно; но этого здоровья имъ было отпущено, казалось, только въ той мѣрѣ, чтобы они могли уже не желать ничего лучшаго для себя, и въ то же время еще ясно сознавать, что другимъ остается желать очень многаго. Едва ли знали вполнѣ эти небогатые трудящіеся люди всѣ

отличительные догматы православія, всѣ богословскія тонкости, отдѣляющія одну религію отъ другой. Имъ было некогда, зарабатывая кусокъ насущнаго хлѣба, основательно изучить все это, вдаваться въ эти вопросы; имъ было даже некогда часто посѣщать храмъ, куда мать ходила изрѣдка, урывками, на нѣсколько минутъ, и куда отецъ не заглядывалъ иногда по цѣлымъ годамъ. Но простыя добрыя сердца, горькія житейскія невзгоды, столкновенія съ массою горемыкъ, купленное опытомъ знаніе жизни и людей подсказали имъ, что въ жизни нѣтъ болѣе высокаго блага, чѣмъ христіанская любовь къ ближнимъ. Любить ближняго и быть любимыми ближнимъ, вотъ все, къ чему они стремились и чего они достигли. Нашъ домъ—домъ врача—былъ открытъ для всѣхъ. Окрестные бѣдняки, приходившіе въ него сначала за врачебною помощью, мало-по-малу, дѣлались въ немъ своими людьми. Въ него шли пожаловаться на судьбу, поплакать, попросить совѣта, поискать помощи, отдохнуть душою,—шли люди изъ простонародья, лица изъ болѣе образованныхъ классовъ общества, изъ числа молодежи, изъ числа стариковъ. Константина Ѳеодоровича и Елену Андреевну Ждановыхъ знали всѣ въ нашемъ околоткѣ, если не лично, то хоть по слухамъ. Ни отецъ, ни мать не дѣлали между людьми различія, какъ-то чутьемъ дойдя и до того убѣжденія, что нельзя закрывать своихъ дверей и своего сердца даже передъ тѣми, кто дошелъ до нравственнаго паденья, до тѣхъ или другихъ пороковъ.

— Не было бы въ душѣ гнетущаго сознанія, не шли бы къ намъ,—говорила про этихъ людей мать.

— Ну, можетъ-быть, и не всегда ради этого идутъ,—замѣчалъ отецъ, усмѣхаясь добродушной улыбкой.—Иной просто разжалобить да поднадуть хочетъ.

Матушка не спорила, соглашалась не безъ грусти, но замѣчала:

— А если и такъ, то все же гнать не приходится, если просятъ помощи.

— Кто говоритъ, что нужно гнать! Станешь однихъ гнать, придется, пожалуй, всѣхъ гнать. Если вѣдь порыться въ душахъ и въ дѣлахъ другихъ, такъ-называемыхъ безупречныхъ, то тоже не мало грязи встрѣтишь,—прибавлялъ отецъ.—Вотъ какъ въ препаровочной, трупъ первой красавицы—тотъ же кусокъ разлагающагося мяса...

И уже шутливо прибавлялъ:

— Я, впрочемъ, смотрю на людей съ точки зрѣнія врача:

больны они, просятъ помощи,—ну, и помогай имъ, лѣчи ихъ, и не тебѣ разбирать, что довело ихъ до болѣзней, пьянство или развратъ, трудъ или голодъ.

Окруженный такимъ образомъ съ колыбели цѣлой массой самыхъ разнохарактерныхъ людей, я долго не подозрѣвалъ, что не всѣ люди живутъ такъ, какъ моя семья. Какъ сейчасъ помню мое глубокое изумленіе, когда я сдѣлалъ это открытіе. Я однажды самовольно, безъ фуражки, какъ игралъ дома на дворѣ, пробрался въ церковную ограду. Увидавъ тамъ группы играющихъ дѣтей, я подошелъ къ одной изъ этихъ группъ, какъ вдругъ мнѣ, слишкомъ просто одѣтому мальчугану, съ безголовой картонной лошадкою въ рукахъ, замѣтила довольно грубо одна нарядная нянька:

— Иди, иди прочь, мальчикъ! Наши дѣти со всякими мальчишками съ улицы не могутъ играть!

Я посмотрѣлъ на нее такими удивленными глазами, какъ будто она заговорила со мной на невѣдомомъ мнѣ языкѣ. Потомъ я перевелъ свой взглядъ на хорошенькихъ, щегольски одѣтыхъ дѣтей, порученныхъ ея надзору. Они, должно-быть, подъ вліяніемъ словъ своей няньки, пятились отъ меня какъ бы въ испугѣ. Смущенный, сконфуженный, опустивъ голову, я тихо побрелъ прочь. Какіе-то мальчуганы весело и бойко крикнули мнѣ:

— Иди играть съ нами, мальчикъ!

Я посмотрѣлъ на нихъ, ничего не отвѣтилъ и, весь погруженный въ какую-то думу, пошелъ изъ ограды понуро, грустно, точно у меня на сердцѣ было большое горе. Дома я долго сидѣлъ въ углу, молча, думая о томъ, что случилось, не умѣя ничего сообразить, охваченный какимъ-то совершенно новымъ чувствомъ. Наконецъ, я не выдержалъ и спросилъ мать:

— Мама, отчего меня прогнала нянька отъ своихъ дѣтей, когда я хотѣлъ съ ними играть?

— Какая нянька? отъ какихъ дѣтей?—спросила мать, недоумѣвая.

Я разсказалъ ей все случившееся. Ее лицо приняло грустное выраженіе. Она не сразу нашлась, что отвѣтить. Потомъ, собравшись съ силами, она сказала:

— Эта нянька не знала тебя; можетъ-быть, боялась, что ты большой шалунъ и буянъ, потому и не позволила своимъ дѣтямъ играть съ тобою.

И лаская меня, она прибавила:

— Играй, милый, лучше у себя на дворѣ, около дома, съ знакомыми дѣтьми... Зачѣмъ было уходить въ незнакомое мѣсто? И кто же ходитъ такъ, безъ шапки?.. И приставать къ незнакомымъ не надо... Если незнакомые сами попросятъ тебя играть съ ними—играй; не попросятъ—не навязывайся имъ въ товарищи...

Дальнѣйшихъ объясненій не было, но въ мою душу запало какое-то новое чувство: я впервые узналъ о существованіи на свѣтѣ такихъ людей, что могутъ сказать мнѣ: «иди прочь, мальчикъ». Черезъ долгіе годы я уже сталъ изумляться не этому, а тому, что еще есть на свѣтѣ люди, говорящіе и человѣку, не завоевавшему себѣ въ жизни ни чиновъ, ни отличій, ни богатства, ни извѣстности: «иди къ намъ!» И чѣмъ яснѣе становилось это для меня, тѣмъ выше и святѣе становились въ моихъ глазахъ мои отецъ и мать, тѣмъ полнѣе понималъ я, сколько великой любви отпустила имъ природа, если они сумѣли усвоить себѣ и притчу о томъ, кто имѣетъ право бросить первый камень въ блудницу, и разсказъ о милосердномъ самарянинѣ, и завѣтъ «не судите, да не судимы будете», и призывъ къ труждающимся и обремененнымъ...

Но если отецъ и мать усвоили все это какъ-то сердцемъ, чутьемъ, опытомъ, то, выучившись на мѣдныя деньги, они въ сущности плохо знали суть обрядовъ и догматовъ православія, не исполняли многаго множества изъ этихъ обрядовъ, ѣли скоромное въ постные дни, не служили молебновъ, не теплили лампадъ, даже—странно сказать—отецъ не говѣлъ чуть ли не двадцать лѣтъ. Я тоже росъ немного «язычникомъ». Только на одиннадцатомъ году впервые началъ я узнавать о религіи и о томъ, что есть и православные, и неправославные, и еретики, и сектанты. Это случилось, когда я попалъ въ большую школу, гдѣ учились и католики, и протестанты, и евреи, и православные. Всѣ мы учились вмѣстѣ всѣмъ предметамъ первоначальнаго обученія, и только классы закона Божія раздѣляли насъ на отдѣльныя группы: къ намъ являлись ксендзы, пасторы, попы, и мы, каждый по-своему, учились вѣровать и молиться. Съ самаго начала меня сильно поразило это явленіе, совершенно новое для меня, и я началъ страстно интересоваться религіозными вопросами, тревожно спрашивая себя: «чьи же молитвы слышитъ Богъ?» Но удивленіе мое достигло крайнихъ предѣловъ, когда я познакомился съ однимъ худенькимъ, бѣлобрысенькимъ, золотушнымъ мальчу-

ганомъ, сказавшимъ мнѣ какъ-то, что онъ и его сестра хотя и ходятъ къ лютеранскому пастору, но все-таки они не лютеране, а у нихъ своя собственная религія, и ихъ отецъ—пророкъ.

— Какъ пророкъ? Какой пророкъ? Илія? Исаія?—допрашивалъ я, широко открывъ глаза.

— Что ты выдумалъ! Тѣхъ пророковъ давно уже нѣтъ! Мой отецъ живъ. Онъ преподаетъ съ четвертаго класса математику здѣсь въ школѣ,—отвѣтилъ маленькій Гансъ Вурмъ.

Я ничего не понималъ. Живой пророкъ! Учитъ математикѣ у насъ въ школѣ! Я не вѣрилъ своимъ ушамъ.

— У насъ въ церкви и апостолы, и евангелисты, и пророки, и ангелы есть,—продолжалъ разсказывать бѣлобрысенькій мальчуганъ.—Мы исповѣдуемъ религію божественнаго откровенія. Кого Богъ изберетъ изъ насъ, тому онъ и открываетъ все, все, и тотъ пророчествуетъ... Папа все знаетъ, что и съ кѣмъ будетъ послѣ, какъ міръ кончится, потому ему самъ Богъ открываетъ все...

Я чувствовалъ, что меня охватываетъ какой-то невольный, непонятный мнѣ самому страхъ, при мысли объ этомъ человѣкѣ, бесѣдующемъ съ самимъ Господомъ Богомъ. Въ моемъ воображеніи съ представленіемъ о Богѣ въ то время связывалось представленіе чего-то гигантскаго, необъятнаго, грознаго.

— И онъ знаетъ все, все, что съ кѣмъ будетъ?—допрашивалъ я тревожно и нѣсколько недовѣрчиво.

«Можетъ-быть, хвастаетъ», мысленно успокаивалъ я самъ себя.

— Ну, да! Папа все знаетъ!—съ увѣренностью отвѣчалъ Вурмъ.—Богъ его избралъ, потому онъ и знаетъ..

— А ты... ты... тоже все знаешь?—перебилъ я его.

— Я не знаю... Но Богъ можетъ избрать и меня... Тогда и я буду пророкомъ... сестры тоже...

Маленькій Вурмъ говорилъ съ сознаніемъ собственнаго достоинства... Я задалъ ему нерѣшительнымъ тономъ еще одинъ вопросъ:

— А если бы я... Меня могъ бы избрать Богъ?

Въ моемъ голосѣ прорывалась заискивающая нотка: нельзя ли, молъ, оказать протекцію?

— Ты не одной съ нами вѣры,—гордо отвѣтилъ Вурмъ.— Богъ только изъ нашихъ избираетъ, потому мы святые люди... наша вѣра такъ и называется религіей божественнаго откровенія или общиной святыхъ...

Я опечалился, что моя вѣра не даетъ мнѣ права быть святымъ и сдѣлаться пророкомъ, и проникся боязливымъ уваженіемъ къ моему товарищу, къ этому счастливому сыну господина пророка.

Въ первый же день послѣ этого разговора я рѣшился подстеречь въ школьномъ коридорѣ старика Вурма, чтобы хоть издали взглянуть на того, кого избралъ Богъ, кому открыто все грядущее. Звонокъ возвѣстилъ о началѣ урока; но я стоялъ у дверей нашего класса и сторожилъ, когда пройдетъ мимо меня господинъ пророкъ. Меня охватила легкая дрожь, мнѣ казалось, что я сейчасъ увижу что-то необычайное, поразительное, величественное. Длинный школьный коридоръ съ рядомъ стеклянныхъ дверей уже начиналъ пустѣть, только кое-гдѣ запоздавшіе школьники вприпрыжку спѣшили въ классы, хлопая дверями, когда въ концѣ коридора показалась какая-то странная, высокая, тощая фигура. Это былъ господинъ лѣтъ пятидесяти въ черномъ, наглухо-застегнутомъ сюртукѣ, съ высокимъ чернымъ галстукомъ, плотно охватывавшимъ, какъ желѣзное кольцо, длинную шею, съ туго накрахмаленными, торчавшими вверхъ «фатермердерами», съ изжелта-бѣлокурыми, гладко-зачесанными на впалыхъ вискахъ впередъ волосами, съ зеленоватымъ, блѣднымъ, истощеннымъ лицомъ. По длинной худой фигурѣ, по долгополому, точно прилипшему къ тѣлу сюртуку, по плоскимъ волосамъ, лоснившимся, какъ атласъ, онъ походилъ на человѣка, вытащеннаго изъ воды. Его землистое, безкровное лицо было неподвижно; глаза, прикрытые большими очками, не смотрѣли никуда, такъ какъ вѣки были опущены внизъ. Онъ шелъ медленно, чинно, беззвучно, точно приготовляясь къ совершенію великаго таинства. Меня охватилъ инстинктивный страхъ при видѣ этого живого мертвеца, двигавшагося тихо и безшумно, какъ на пружинахъ, не смотря ни на что окружающее. Въ то же время съ другого конца длиннаго школьнаго коридора торопливо, въ какомъ-то переполохѣ, какъ бы съ испугу, бѣжалъ бѣлобрысенькій Гансъ Вурмъ. Поровнявшись съ тощимъ человѣкомъ, онъ, раскраснѣвшійся, въ поту, проговорилъ запыхавшимся, прерывающимся голосомъ:

— Вотъ, папа, твоя геометрія!

Тощій человѣкъ на минуту остановился, взялъ изъ рукъ Ганса книгу, стукнулъ угломъ ея переплета по головѣ мальчугана и сказалъ, точно скрежеща зубами, шипящимъ, отрывистымъ тономъ:

— Негодяй, не могъ напомнить дома, чтобы я ее не забылъ! Каждый разъ такъ!..

На секунду, какъ мнѣ показалось, я увидалъ сверкающіе гнѣвомъ глаза. Но это было подобно блеску молніи, на мигъ прорвавшей темную тучу. А затѣмъ эти глаза снова закрылись вѣками, и мимо меня, не замѣчая меня, тѣмъ же медленнымъ, плавнымъ шагомъ, въ той же застывшей позѣ, прошелъ этотъ длинный, исхудалый человѣкъ...

Это былъ, какъ я угадалъ сразу, самъ господинъ пророкъ...

Я человѣкъ нервный, впечатлительный. Въ моей жизни бывали странные случаи: меня поражали иногда какое-нибудь слово, какой-нибудь взглядъ, какое-нибудь лицо — и впечатлѣніе, оставленное ими, не изглаживалось никогда, всплывало въ извѣстныхъ случаяхъ на поверхность. Такъ разъ, во дни моего дѣтства, въ домѣ умалишенныхъ одинъ больной внезапно наклонился къ самому моему лицу и прежде, чѣмъ я опомнился, глядя мнѣ въ глаза своими расширенными, сверкающими зрачками, неистово крикнулъ: «Я Христосъ, меня распяли!» Я отшатнулся въ ужасѣ, и выраженіе этихъ безумныхъ, широко открытыхъ глазъ навсегда осталось въ моей памяти, и взгляды, хотя немного напоминающіе его до настоящаго времени, производятъ на меня непреодолимое впечатлѣніе чего-то похожаго на страхъ. Такое же неизгладимое впечатлѣніе оставила во мнѣ первая моя встрѣча съ Іоганномъ Рейнгольдомъ Вурмомъ. Я потомъ видѣлъ его, когда онъ билъ кускомъ мѣла по головѣ учениковъ; я видѣлъ его, когда онъ протяжно и набожно, поднявъ къ потолку умиленные взоры, читалъ: «Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ»; я видѣлъ его, когда онъ вкрадчивымъ и пѣвучимъ голосомъ давалъ мнѣ отеческое наставленіе быть кроткимъ и послушнымъ, прилежнымъ и трудолюбивымъ, терпѣливымъ и выносливымъ; я видѣлъ его, когда онъ, шипя и скрежеща зубами отъ подавляемаго гнѣва, съ багровыми пятнами на впалыхъ щекахъ, пророчилъ мнѣ гибель на этомъ свѣтѣ и адскія муки на томъ, за то, что я схватилъ однажды его костлявую руку со всею силою семнадцатилѣтняго юноши и крикнулъ ему:

— Я вамъ не позволяю себя бить. Я самъ изобью васъ!

И всегда, во всѣхъ случаяхъ мнѣ вспоминалась одна моя первая встрѣча съ этимъ человѣкомъ, когда онъ шелъ, какъ на пружинахъ, по нашему школьному коридору, когда онъ потуплялъ глаза въ землю даже въ этомъ пустомъ коридорѣ, когда, какъ молнію, я на мгновеніе уловилъ его бѣшенство...

Входя впервые въ его классъ, черезъ три года послѣ этой первой встрѣчи, я уже ненавидѣлъ его и ждалъ, что вотъ-вотъ онъ, сверкнувъ глазами, ударитъ кого-нибудь по головѣ; а онъ, поднявъ набожно вверхъ глаза, сложивъ молитвенно руки, съ глубокимъ чувствомъ читалъ молитву Господню. Я слушалъ этотъ сладкій, пѣвучій голосъ, смотрѣлъ на это просвѣтленное набожностью лицо и ждалъ, ждалъ...

Бацъ! по всему классу раздался звонъ оплеухи.

«А, вотъ оно!»—мелькнуло молніей въ моей головѣ.

— Это ты называешь молитвой? — неистово крикнулъ Вурмъ, оглушивъ пощечиной одного изъ учениковъ. — Это значитъ молиться? Я читалъ молитву, а ты, стоя, тетрадь просматривалъ? Я призывалъ Господа Бога, а ты...

Бацъ! раздался вторично звонъ новой оплеухи по другой щекѣ пойманнаго школьника.

И въ то же время по классу пронесся, какъ стонъ, мой возгласъ:

— О-о?

Вурмъ повернулъ ко мнѣ голову, и наши глаза встрѣтились: мы оба были блѣдны, какъ мертвецы. Не знаю, какъ онъ не смялъ меня, не исколотилъ въ эту минуту. Этого ожидали всѣ; но этого не случилось. Ни онъ, ни я не проронили ни слова, и урокъ начался, какъ будто не произошло ничего особеннаго. Но съ этой минуты я и Вурмъ стали заклятыми врагами. Эта вражда долго оставалась глухою и безмолвною. Я угадывалъ эту вражду только по сдержанно шипящему тону Вурма во время его разговоровъ со мною, во время его поучительныхъ разсужденій при мнѣ о томъ, что самый страшный порокъ—злоба и строптивость, что можно быть первымъ ученикомъ въ классѣ и все-таки оставаться въ душѣ негодяемъ. Онъ угадывалъ эту вражду по моему искажавшемуся лицу, когда онъ билъ другихъ дѣтей, по моему дрожащему голосу, когда я отвѣчалъ на его придирчивые вопросы, дѣлаемые мнѣ съ явнымъ желаніемъ сбить меня съ толку. Но ни разу не сказалъ я ему грубаго слова; ни разу не ударилъ онъ меня. Мы словно чувствовали инстинктивно, что наше первое рѣзкое столкновеніе будетъ въ то же время и послѣднимъ, и остерегались столкнуться. Эта осторожность была странна, такъ какъ Вурмъ не любилъ и другихъ учениковъ и, въ свою очередь, другіе ученики тоже не любили его. Тѣмъ не менѣе, они грубили ему, онъ билъ ихъ, и все кончалось благополучно.

Во мнѣ, можетъ-быть, онъ угадалъ болѣе серьезнаго врага, болѣе дикую натуру, чѣмъ въ остальныхъ ученикахъ. И точно, я его ненавидѣлъ не по-дѣтски, ненавидѣлъ его одного. Мнѣ все въ немъ было ненавистно: его потупленные взоры, когда онъ входилъ въ классъ, его поднятые вверхъ глаза во время молитвы, его битье мальчугановъ, чѣмъ попало, его полныя набожности и святости наставленія о покорности и смиреніи, о кротости и выносливости...

Я не скрывалъ ни передъ кѣмъ своихъ враждебныхъ чувствъ къ Вурму. Нелюбившіе его школьники встрѣчали мои выходки противъ него съ сочувствіемъ; мои домашніе, не одобрявшіе въ душѣ его отношеній къ ученикамъ, смотрѣвшіе косо на его самозванное пророчество, только совѣтовали мнѣ остерегаться этого человѣка, не безъ тревоги замѣчая, что ихъ «мальчикъ» начинаетъ ненавидѣть. Тѣмъ болѣе удивился я, встрѣтивъ существо, вступившееся за Вурма, и притомъ какое существо — тихое, кроткое, поэтическое...

У насъ, среди не особенно близкихъ родственниковъ, но самыхъ близкихъ друзей была одна семья, принадлежавшая къ числу разбогатѣвшихъ ремесленниковъ. Она состояла изъ хозяйки дома, ея сына и двухъ бѣдныхъ дѣвушекъ-племянницъ. Покойный Романъ Шельхеръ, такъ звали главу этой семьи, когда-то былъ кузнецомъ. Потомъ, женившись на дочери русскаго зажиточнаго мѣщанина Аннѣ Ивановнѣ Сущовой, онъ сдѣлался заводчикомъ. Умирая, онъ оставилъ все свое довольно крупное состояніе женѣ, помня, что нажито было это состояніе отчасти при помощи ея приданаго, и хорошо зная, что Анна Ивановна не ограбитъ своего единственнаго, горячо-любимаго Левы. Левъ Шельхеръ былъ на два года старше меня и потому въ школѣ намъ пришлось быть въ разныхъ классахъ. Мать давала ему блестящее образованіе или, вѣрнѣе сказать, онъ желалъ, чтобы ему было дано блестящее образованіе, такъ какъ вздумай онъ остаться неучемъ,—мать, вѣрно, даже не потревожила бы его напоминаніемъ объ ученьи. Она боялась вообще чѣмъ бы то ни было тревожить сына. Онъ, по ея мнѣнію, могъ захворать отъ всякой тревоги. И тѣмъ не менѣе, боясь, чтобы онъ не захворалъ, она все же не сознавала вполнѣ того, что уже сознавали почти всѣ окружающіе,—слабогрудый юноша, изнуряемый частыми недугами, давно стоялъ на шагъ отъ могилы. Въ нашей семьѣ часто съ сожалѣніемъ говорили, какъ поразитъ его смерть несчастную мать,

при чемъ невольно приходилось толковать и о томъ, что послѣ смерти Левы его двоюродныя сестры, жившія въ домѣ Шельхеровъ, сдѣлаются богатыми. Богатство никогда не бываетъ лишнимъ, но для одной изъ этихъ бѣдныхъ дѣвушекъ, для племянницы со стороны покойнаго Шельхера, оно было особенно нужно. Это была жалкая калѣка, немного горбатая и кривобокая, сильно хромающая, вѣчно хворавшая. Она не могла даже докончить свое образованіе, была неспособна къ работѣ и ужъ, конечно, была незамужницей. Она, впрочемъ, была уже и не первой молодости, будучи на пятнадцать лѣтъ старше Левы. «Бѣдная Минхенъ», какъ всѣ звали ее, была кроткимъ и безпомощнымъ созданіемъ съ блѣдной и чуть не прозрачной кожей, съ томнымъ и болѣзненнымъ выраженіемъ поблекшихъ голубыхъ глазъ, съ тонкими и какъ бы полинявшими бѣлокурыми волосами, съ очень некрасивымъ вытянутымъ лицомъ. Она являлась совершенной противоположностью съ племянницей Анны Ивановны, съ быстроглазой, румяной, подвижной смуглянкой Женей, посѣщавшей женское отдѣленіе нашей школы въ одно время съ нами. Она была года на четыре моложе Левы. Минна и Женя часто заходили къ намъ, я часто бывалъ въ ихъ домѣ, мы всѣ были на «ты» и горячо любили другъ друга. Мнѣ нерѣдко приходилось говорить съ Женей о Вурмѣ, дававшемъ уроки въ школѣ и на женскомъ отдѣленіи, и на мужскомъ, начиная съ четвертаго класса, гдѣ уже находился я въ то время. Тогда раздавался ея звонкій заразительный смѣхъ — смѣхъ безпечной, вполнѣ счастливой юности—и Женя поразительно искусно начинала передразнивать Вурма, какъ онъ ходитъ съ потупленными взорами, какъ онъ въ бесѣдахъ поднимаетъ глаза къ небу, какъ говоритъ пѣвучимъ голосомъ длинныя проповѣди. Оставаться серьезнымъ, когда смѣялась и дурачилась Женя, было немыслимо, и я смѣялся вмѣстѣ съ нею; потомъ, однако, я пробовалъ протестовать, принималъ серьезный видъ пятнадцатилѣтняго мальчугана, начинающаго играть роль юноши и говорящаго умныя слова, и замѣчалъ ей, что Вурмъ вовсе не смѣшонъ, а страшенъ.

— Кто? Онъ? Вурмъ-то страшенъ? Нѣтъ, нѣтъ, ты уморишь меня со смѣху!—кричала Женя, махая руками и заливаясь задушевнымъ смѣхомъ ребенка. — Эту тоненькую цаплю однимъ пальцемъ свалить можно! Это скелетъ, а не человѣкъ! Его вѣтромъ качаетъ!..

— Я не о томъ, — протестовалъ я снова.—Что физиче-

ческая сила! Его злость страшна!.. Впрочемъ, ты ошибаешься и насчетъ его силы. Правда, онъ худъ и тонокъ, но это человѣкъ изъ желѣза. Ты посмотрѣла бы, какъ онъ дерется...

— Ну, у насъ на женскомъ отдѣленіи онъ не дерется, а въ нашемъ домѣ онъ только вздыхаетъ и стонетъ, какъ умирающій...

— А онъ все попрежнему бываетъ у васъ?—спросилъ я.

Отъ своихъ домашнихъ я давно слышалъ, что Вурмъ очень близокъ съ семьей Шельхеръ, такъ какъ онъ былъ землякомъ и другомъ дѣтства покойнаго Шельхера. Тѣмъ не менѣе, почти никто никогда не встрѣчалъ его въ домѣ Анны Ивановны, точно онъ боялся встрѣтиться здѣсь съ посторонними. Потомъ я узналъ, что Вурмъ у большинства постороннихъ бываетъ также тайкомъ, объясняя это какими-то преслѣдованіями и соглядатайствомъ.

— Еще бы! — отвѣтила мнѣ Женя. — Тетя слаще засыпаетъ отъ его проповѣдей... Лева же если и не засыпаетъ отъ нихъ, то становится все задумчивѣе, наслушавшись Вурма... Онъ вѣдь все о свѣтопреставленіи говоритъ, о страшномъ Судѣ, о царствіи Божіемъ на землѣ, послѣ того, какъ всѣхъ насъ истребятъ. Послушаешь его, такъ такъ и ждешь, что завтра насъ всѣхъ жарить будутъ въ аду...

Какъ разъ на этой фразѣ застала насъ однажды Минна. Мы сидѣли на террасѣ дачи Шельхеровъ близъ Ораніенбаума. Передъ нами разстилалась сверкающая на солнцѣ гладь залива. Воздухъ былъ тихъ и неподвиженъ. Изъ сада доносился ароматъ цвѣтовъ. Услышавъ слова Жени, Минна печально покачала головой и проговорила:

— Женя, можно ли шутить такими вещами!

— А ты вѣришь, что мы живемъ наканунѣ конца міра?— спросилъ я у Минны.—Въ такой-то день, въ такую-то погоду?

Я засмѣялся. Она вздохнула тяжелымъ вздохомъ.

— Я не знаю, наканунѣ ли конца міра мы живемъ, или нѣтъ; но объ этомъ нельзя не думать, къ этому нужно готовиться. Ты читалъ, что говорится о дѣвахъ со свѣтильниками? Во всякомъ случаѣ, грѣхъ смѣяться надъ человѣкомъ, напоминающимъ о покаяніи.

— Надъ ханжой, фарисеемъ, іезуитомъ!—воскликнулъ я запальчиво.—Онъ просто мерзавецъ...

Минна опять покачала съ укоромъ головою.

— Ты еще мальчикъ совсѣмъ, и не тебѣ судить людей,— серьезно сказала она.

Она сошла съ террасы, подошла къ клумбѣ цвѣтовъ и

стала вдыхать ароматъ роскошно распустившихся левкоевъ. Ея тщедушная, горбатенькая, кривая фигурка казалась жалкою среди роскоши цвѣтущаго сада. Сорвавъ одинъ изъ левкоевъ, она приподнялась и направилась снова къ террасѣ. Продолжая думать о Вурмѣ, она замѣтила:

— Господинъ Вурмъ много перестрадалъ, долго искалъ истины, былъ гонимъ...

Я вспылилъ:

— Онъ? Онъ?.. Да онъ просто негодяй, онъ...

Она не дала мнѣ кончить и болѣзненнымъ голосомъ начала разсказывать о томъ, что вынесъ Вурмъ. Когда-то, воспитуясь у іезуитовъ на югѣ Германіи, онъ готовился сдѣлаться католическимъ патеромъ. Но въ семинаріи онъ увидѣлъ всѣ пороки, всѣ недостатки католическаго духовенства. Онъ сталъ задумываться о жизни окружавшихъ его людей, сталъ углубляться въ католическую религію и среди страшныхъ сомнѣній пришелъ къ убѣжденію, что лютеране были правы, отвергнувъ многое въ католической вѣрѣ. Онъ рѣшился перейти въ протестантство, бѣжалъ изъ родного города, женившись на своей двоюродной сестрѣ, и сталъ готовиться въ пасторы, перебиваясь уроками, часто голодая. Тутъ онъ натолкнулся на цѣлую массу интригъ, увидалъ пасторовъ, погрязшихъ среди чисто житейскихъ дрязгъ и расчетовъ, понялъ, что это люди, по большей части, вполнѣ индифферентные, равнодушные въ дѣлѣ вопросовъ о спасеніи души, что это тѣ же сытые бюргеры, сдѣлавшіе изъ богослуженія ремесло, и, отказавшись отъ пасторства, сталъ исповѣдывать религію божественнаго откровенія, сталъ во главѣ общины святыхъ...

— Онъ долженъ былъ бросить родину, онъ скитался по разнымъ странамъ, онъ перебивался съ семьей въ страшной нищетѣ, онъ и здѣсь далеко не спокоенъ, такъ какъ его преслѣдуютъ, въ проповѣдуемыхъ имъ истинахъ видятъ что-то опасное. Его религія нигдѣ еще не признана, вездѣ гонима, — говорила съ увлеченіемъ Минна. — Люди не понимаютъ святости его цѣлей, его стремленія обратить на путь истины заблудшихъ, напомнить имъ о Богѣ...

— Кулаками и подзатыльниками? — спросилъ я, раздраженный ея рѣчами.

Она взглянула на меня съ упрекомъ, вдыхая ароматъ сорваннаго цвѣтка.

— Если бы даже страшными физическими страданіями пришлось заставить человѣка вспомнить о душѣ, то что же

изъ этого?—медленно, какъ бы въ забытьи разсуждала она.—Я его понимаю: онъ суровъ, онъ строптивъ, онъ, можетъ-быть, жестокъ, но вѣдь у него сердце обливается кровью при мысли, что люди сами губятъ свою душу...

Я широко открылъ глаза. Я зналъ, какъ кротка и добродушна Минна, и меня удивили, почти ужаснули ея слова, какъ нѣчто чудовищное. Она же продолжала тѣмъ же тономъ раздумья:

— Я сама сначала удивлялась его суровому отношенію къ дѣтямъ. Но онъ выяснилъ это одинъ разъ у насъ... «Что можетъ быть ужаснѣе, какъ обречь на смерть свое дитя?—говорилъ онъ.—А между тѣмъ, самъ Господь послалъ своего Сына на крестную смерть, чтобы спасти человѣческія души отъ грѣха. И съ той поры матери-христіанки вели своихъ дѣтей на пытки, на растерзаніе звѣрей, на смерть на кострахъ, лишь бы эти дѣти спасли свои души, а не погубили ихъ, отрекаясь отъ вѣры и тѣмъ спасая себя отъ физическихъ страданій»...

На меня точно повѣяло откуда-то холодомъ, хотя я не въ силахъ былъ тогда ни серьезно спорить, ни серьезно протестовать. Мнѣ просто стало страшно отъ этой теоріи; въ моемъ еще по-дѣтски настроенномъ воображеніи мелькнула картина, какъ моя мать повела бы меня на растерзаніе звѣрямъ; это меня ужасало. Но Минна, это привыкшее къ физическимъ страданіямъ существо, говорила объ идеяхъ Вурма съ какой-то кроткой восторженной экзальтаціей, дыша ароматомъ цвѣтка, устремивъ блѣдные глаза въ безпредѣльную даль моря. Ей какъ будто казалось, что Богъ далъ ей самой тяжелый крестъ физическихъ страданій для того, чтобы спасти ея душу, и она готова была восторженно благодарить Его за свое убожество, за свои уродства.

— Кто не страдалъ, не переносилъ мученій, не подвергался испытаніямъ,—тихо и задумчиво говорила она:—тотъ мало думалъ о душѣ, о грѣхахъ, о недостаткахъ... Недаромъ Гёте замѣтилъ:

Кто не вкушалъ съ слезами хлѣба,
Кто не просиживалъ ночей
Безъ сна подъ бременемъ скорбей,
Тотъ васъ не знаетъ, власти неба!..

И болѣзненно прихрамывая, съ поникшей на бокъ длинной головой, съ выраженіемъ тихой муки на блѣдномъ, точно сдѣланномъ изъ бѣлаго воска лицѣ, она направилась въ комнаты.

— И такъ у насъ теперь, послѣ прихода Вурма, всѣ мыши кота погребаютъ!—съ комическимъ отчаяніемъ воскликнула Женя, всплеснувъ руками и въ то же время разражаясь дѣтскимъ смѣхомъ.

— И ты вмѣстѣ съ ними?—спросилъ я, очнувшись отъ какого-то гнетущаго забытья.

— Ну, нѣтъ, извини!.. Я еще хочу повеселиться до свѣтопреставленія!..

II.

При вспоминаніи объ этомъ памятномъ для меня разговорѣ съ Минной, мнѣ всегда кажется, что именно въ этотъ день я впервые понялъ болѣе или менѣе ясно, что на свѣтѣ есть люди съ инымъ складомъ ума, чѣмъ я, мой отецъ, моя мать. Насъ почти вовсе не интересовало то, о чемъ говорили Вурмъ, его сынъ, Минна;—о чемъ впослѣдствіи я услышалъ такъ много отъ Левы и Жени. Мое чисто дѣтское недоумѣніе при встрѣчѣ съ людьми различныхъ вѣроисповѣданій, мои наивные вопросы о томъ, чьи молитвы слышитъ Богъ, разсѣялись очень быстро, не находя ни пищи, ни поддержки въ моей домашней средѣ. Мать на мои разспросы объ этомъ предметѣ отвѣтила:

— Богъ у всѣхъ одинъ, а молится каждый какъ умѣетъ, какъ можетъ...

Отецъ же просто замѣтилъ мнѣ:

— Подрастешь—все самъ поймешь. А теперь, мальчуганъ, учись прилежнѣе, чтобы не засидѣться въ классахъ и кончить ученье, пока я живъ...

Этимъ и кончились объясненія...

Отецъ и мать не скрывали отъ меня, что мы едва сводимъ концы съ концами, не откладывая ничего на черный день. Это говорилось безъ жалобъ, безъ нытья. Трудовая жизнь выносилась бодро и весело. Въ то же время отецъ и мать старались обратить мое вниманіе съ дѣтства на болѣе тяжелое положеніе массы бѣдняковъ, полное лишеній и невзгодъ, стремясь вызвать во мнѣ участіе къ этимъ людямъ и желаніе быть имъ полезнымъ. При этомъ мнѣ постоянно выясняли, что я никогда не добьюсь ничего для себя и ничего не сдѣлаю для другихъ, если не привыкну къ упорному труду. Это направленіе воспитанія, веселыя лица окружавшихъ меня родныхъ тружениковъ, хорошія гигіеническія условія нашей жизни быстро укрѣпили мой организмъ и сдѣлали меня довольно бодрымъ мальчуганомъ,

быть-можетъ, немного прозаикомъ, немного практикомъ, немного матеріалистомъ. Чѣмъ сильнѣе развивалось во мнѣ это направленіе, тѣмъ страннѣе должны были мнѣ казаться люди, смѣло парящіе мыслью гдѣ-то въ заоблачныхъ сферахъ и безпомощно не умѣющіе справиться съ самымъ ничтожнымъ препятствіемъ въ обыденной жизни, плачущіе надъ чувствительной книгой и проходящіе равнодушно мимо горькихъ будничныхъ явленій, терзающіеся разными сомнѣніями и вопросами и не дѣлающіе ни шагу для практическаго разрѣшенія этихъ сомнѣній и вопросовъ. Отецъ шутливо называлъ такихъ людей «сладкопѣвцами». Не мало подобныхъ личностей приходилось мнѣ встрѣчать въ жизни. Ближе всего ознакомился я съ ними въ семьѣ Шельхеровъ. Эта семья была тѣсно связана узами родства и дружбы съ моей семьей. Съ дѣтства эти люди служили для меня «натурой»: я зналъ каждый ихъ шагъ, всѣ ихъ завѣтныя желанья, каждую мелочь ихъ характеровъ, все, что радовало и огорчало ихъ...

Складъ этой жизни былъ своеобразенъ...

Въ старые годы, увидавъ въ Петербургѣ изящный домъ-особнякъ, вы почти безошибочно могли бы угадать въ немъ барское жилище. Но времена перемѣнчивы. Въ послѣднія двадцать пять лѣтъ, вы, въ большинствѣ случаевъ, сдѣлали бы ошибку, предположивъ, что тотъ или другой изъ подобныхъ домовъ непремѣнно принадлежитъ барамъ. Такіе дома настроили себѣ съ теченіемъ времени разные разжившіеся ремесленники, разбогатѣвшіе коммерсанты, счастливые биржевые игроки. Такой домъ построилъ для своей семьи и покойный Романъ Шельхеръ. Не мало лѣтъ онъ всѣми правдами и неправдами сколачивалъ свое значительное состояніе. Для чего? Для того, чтобы все досталось, въ концѣ-концовъ, какимъ-то дальнимъ родственникамъ, дѣлавшимся все болѣе и болѣе чуждыми Шельхеру и его женѣ по мѣрѣ того, какъ эта чета изъ мелкихъ ремесленниковъ превращалась въ крупныхъ предпринимателей. Не мало горя приносило это сознаніе Шельхерамъ. Наконецъ, на десятомъ году супружеской жизни, у нихъ родился четвертый ребенокъ и не послѣдовалъ за своими тремя предшественниками въ могилу, а остался жить. Это былъ «наслѣдникъ». Тогда-то Романъ Шельхеръ началъ строить свой домъ-особнякъ. Это чистенькое одноэтажное каменное зданіе съ просторнымъ и свѣтлымъ подваломъ для помѣщенія кухни и для жилья прислуги, съ тѣнистымъ садикомъ, смотрѣло весело

и уютно, бросаясь въ глаза бѣлою окраской стѣнъ, свѣтло-зеленою крышею, цѣльными зеркальными окнами. Въ домѣ все было нѣсколько яркимъ, нѣсколько пестрымъ, нѣсколько напоминающимъ новизною о магазинѣ, но именно въ этомъ была своего рода прелесть—прелесть новаго гнѣздышка, новой жизни, новыхъ надеждъ. Тутъ было все не такъ, какъ «принято», какъ требуютъ условія «свѣта», какъ распорядились «предки», а такъ, какъ вздумали, какъ устроились по своему вкусу сами обитатели дома. Этотъ вкусъ, можетъ-быть, былъ причудливымъ, оляповатымъ, смѣшнымъ, но это былъ ихъ вкусъ. Они самодовольно улыбались, осматривая свой бѣлый залъ съ бѣлой мебелью, обитой блѣдно-голубымъ шелкомъ съ голубыми узорами на потолкѣ, на стѣнахъ, на бѣлыхъ рамахъ зеркалъ,—потомъ ярко-красную гостиную, обремененную золочеными украшеніями, рамами зеркалъ, вазами, люстрами, бра, жирандолями, далѣе—столовую, отдѣланную темнымъ дубомъ, съ тяжелой дубовой мебелью, съ разрисованными стрѣльчатыми окнами, пропускавшими въ комнату какой-то причудливый свѣтъ, съ украшеніями изъ оксидированнаго серебра на стѣнахъ, на каминѣ, на буфетѣ. Романъ Шельхеръ въ первые дни ходилъ по комнатамъ своего дома, подпершись правой рукой въ бокъ и покручивая лѣвой свой усъ, а Анна Ивановна Шельхеръ, немного подобравъ по старой привычкѣ свое тяжелое шелковое платье, только покачивала съ блаженной улыбкой головою и шептала: «совсѣмъ дворецъ!» Въ образѣ жизни этихъ обитателей тоже не было ничего навязаннаго кѣмъ-то и чѣмъ-то, а вполнѣ сказывались ихъ собственные вкусы и привычки. Угадать эти вкусы и привычки было не трудно, такъ какъ даже самый поверхностный наблюдатель могъ бы сразу понять, что и постройкой дома, и складомъ жизни здѣсь руководила одна мысль: какъ бы удобнѣе было Левѣ. Для Левы строился этотъ домъ: отецъ и мать только и говорили при постройкѣ о томъ, что имъ самимъ ничего не надо, а для Левы—вотъ тутъ будетъ спальня его, когда онъ женится, вотъ здѣсь помѣстится дѣтская, когда у него будутъ дѣти; вонъ тамъ отведется комната для няни, когда дѣтей будутъ отнимать отъ груди. Для Левы взяли племянницъ-сиротъ, чтобы ему не было скучно расти, и для него же принимали въ гости почти исключительно молодежь, его товарищей, его друзей, такъ какъ «что ему за радость смотрѣть на стариковъ и старухъ». Именно вслѣдствіе этого не только домъ смотрѣлъ снаружи

и внутри игрушкой, сдѣланной для ребенка, но и самый образъ жизни въ немъ напоминалъ не то дѣтскую, не то школу, не то рекреаціонное зало. Можетъ-быть, жизнь въ домѣ сложилась бы нѣсколько иначе, если бы Романъ Шельхеръ прожилъ дольше послѣ окончанія постройки этого дома. Онъ, вѣрно, постарался бы блеснуть своимъ «дворцомъ» передъ пріятелями заводчиками и биржевиками. Но онъ умеръ, когда Левѣ минуло только семь лѣтъ. Анна Ивановна была сильно опечалена смертью любимаго мужа и, конечно, не думала о пирахъ. Кромѣ того, она была слишкомъ неподвижнымъ по натурѣ человѣкомъ, чтобы вести шумную жизнь. Только изрѣдка, въ торжественные дни, или въ особенныхъ случаяхъ, въ домѣ появлялись чопорные гости изъ взрослыхъ и стариковъ—купцы и купчихи, стремившіеся породниться съ «генералами», дамы и мужчины изъ «свѣта», не брезгавшіе ради благотворительныхъ цѣлей женой бывшаго кузнеца, какіе-то промотавшіеся помѣщицы и помѣщики, когда-то покупавшіе у Шельхеровъ машины, а теперь старавшіеся урвать въ долгъ сотню-другую у «заводчицы». Кромѣ того являлись такими же рѣдкими гостями и то какъ-то урывками, на минуту, разные родственники и родственницы хозяевъ, еще не успѣвшіе нажиться и алчущіе подачекъ. Во время этихъ визитовъ молодежь старалась куда-нибудь удирать изъ зала и гостиной, оставляя на жертву гостямъ мать семейства, добродушную Анну Ивановну. Анна Ивановна, получившая образованіе на мѣдныя деньги, а можетъ-быть, и вовсе не получившая его, давно уже пріобрѣла привычку «держать себя» съ важничающими или важными людьми, съ нуждающеюся или съ прикидывающеюся нищими роднею. Она постоянно жаловалась важнымъ посѣтителямъ на свое «страшно разстроенное здоровье», зная, что это, во-первыхъ, даетъ ей право не отдавать визитовъ и не посѣщать благотворительные комитеты, а во-вторыхъ, заставляетъ ея гостей не засиживаться у нея подолгу. Потомъ, чтобы оставить въ гостяхъ пріятное впечатлѣніе, она заговаривала о томъ, что до нея дошли слухи о денежныхъ затрудненіяхъ въ такомъ-то и въ такомъ-то пріютѣ, и выдавала посильную ленту. Съ родственниками дѣло обдѣлывалось еще проще и скорѣе, такъ какъ встрѣча и начиналась съ вопроса: «Что, деньжонокъ?..» И во все время этихъ бесѣдъ, какъ она сознавалась по уходѣ гостей, у нея сосало подъ сердцемъ отъ мысли, что Дарья, кухарка, «готовившая за повара», опять не такъ кремъ сдѣлаетъ,

какъ любитъ Левушка. Опечаленные нездоровьемъ хозяйки и очарованные ея щедростью, гости спѣшили уѣхать, чтобы не утомить дорогую Анну Ивановну, а она, вздыхая облегченною грудью, переваливаясь съ боку на бокъ, немного подобравъ тяжелое шелковое платье, спѣшила въ кухню наблюсти за стряпней Дарьи, твердо вѣря, что никакая повариха не угодитъ такъ Левушкѣ, какъ она. Это была смѣшная слабость богачихи, оставшаяся у нея въ наслѣдіе отъ тѣхъ временъ, когда ей приходилось если не стряпать, то дѣйствительно помогать служанкѣ. Иногда на дорогѣ въ кухню ее перехватывала съ гамомъ и хохотомъ молодежь, разспрашивая ее, какъ она отдѣлалась отъ гостей, что говорила имъ, сколько дала отступного. Анна Ивановна отбивалась отъ «пострѣлятъ», махая руками и твердя:

— Пустите, пустите, разбойники! Дарья ужъ вѣрно натворила безъ меня какихъ-нибудь бѣдъ! Сами же безъ обѣда останетесь!..

Анна Ивановна была женщина приземистая, довольно толстая, рыхлая, или, какъ она сама выражалась про себя, сырая. Простоватость, добродушіе, слабохарактерность, отсутствіе страстности были ея отличительными чертами. Отчасти по натурѣ, отчасти вслѣдствіе обрюзглости и рыхлости, она не отличалась подвижностью и оправдывала себя въ этомъ тѣмъ, что у нея ревматизмъ въ рукахъ и ногахъ, что у нея одышка въ груди и кромѣ того «трепетанье сердца». Впрочемъ, при ея крупныхъ матеріальныхъ средствахъ она и безъ этихъ уважительныхъ причинъ могла бы сидѣть по цѣлымъ днямъ на одномъ мѣстѣ. Она, вѣроятно, и сидѣла бы на одномъ мѣстѣ, если бы у нея не было своихъ заботъ. Эти заботы заставляли ее забывать все, и природную склонность къ лѣни, и бремя тучности, и всякіе недуги. Заботъ этихъ было двѣ: первая забота—здоровье сына, вторая забота—невозможность оставить безъ надзора кухню. Первая забота заставляла Анну Ивановну усиленно двигаться періодически два раза въ годъ—весною и осенью, когда Левъ Шельхеръ хворалъ почти неизмѣнно; вторая забота была ежедневной и, можно сказать, ежечасной, такъ какъ Анна Ивановна во всякое время дня способна была срываться съ мѣста и стремительно направляться въ кухню, вспомнивъ о какомъ-нибудь блюдѣ, приготовляемомъ къ завтраку, къ обѣду, къ ужину, къ завтрашнему дню. Въ тѣ же минуты, когда эти заботы не мучили ее, она оставалась по цѣлымъ часамъ неподвижною и съ блаженной

улыбкой смотрѣла, какъ рѣзвится и дурачится ея «молодежь», или съ той же улыбкой слушала, какъ ей что-нибудь разсказываютъ—Минна о прочитанной книгѣ, моя мать о положеніи окрестныхъ бѣдняковъ, Женя о школьныхъ продѣлкахъ, какая-нибудь странница о Іерусалимѣ, Вурмъ о религіи божественнаго откровенія. Эта блаженная улыбка не исчезала съ лица Анны Ивановны по понедѣльникамъ въ итальянской оперѣ, гдѣ ее интересовали богатые испанскіе костюмы и танцы,—по субботамъ во французскомъ театрѣ, гдѣ она любила болѣе всего смотрѣть, если актеры дерутся или падаютъ въ водевиляхъ,—не исчезала эта улыбка даже тогда, когда слушанье и созерцаніе переходили незамѣтно въ сладкій сонъ. Впрочемъ, вѣроятно, и во снѣ Анна Ивановна слышала все тотъ же звонкій молодой смѣхъ, вѣчно наполнявшій ея домъ, а развѣ можно было не улыбаться, слыша его? Подъ его звуки ей, можетъ-быть, грезилось во снѣ, что, увлеченный этой молодежью, улыбается свѣтлою улыбкою и ея Левушка.

Когда я вспоминаю о Львѣ Шельхерѣ, изъ-за него всегда выглядываетъ на меня смѣющееся розовое личико Жени. Говорить о Левѣ, не говоря о ней, почти невозможно, такъ срослись, сжились эти два совершенно противоположныя существа. Я и теперь буду говорить о нихъ разомъ, не отдѣляя ихъ другъ отъ друга, какъ они не отдѣлялись другъ отъ друга въ жизни.

Въ нашей школѣ было два отдѣленія—мужское и женское; нѣсколько разъ въ году оба отдѣленія сходились на общихъ танцклассахъ; разъ въ году давался публичный балъ, гдѣ танцовали и мальчики, и дѣвочки. Само собою разумѣется, что дѣло не обходилось безъ маленькихъ невинныхъ романовъ. Нерѣдко эти романы продолжались и по выходѣ изъ школы и приходилось слышать, что тѣ или другіе бывшіе воспитанники женились на бывшихъ воспитанницахъ нашей школы. Иногда, иной изъ воспитанницъ выпадала завидная доля быть «дамой сердца» всей школы, и каждый изъ школьниковъ старался завоевать благосклонное вниманіе этой «богини». Такую роль пришлось играть и Женѣ. Это былъ бойкій, веселый и безпечный бѣсенокъ, способный вскружить голову самому апатичному человѣку. Когда она дурачилась и смѣялась, передразнивая кого-нибудь изъ учителей или классныхъ дамъ,—улыбка озаряла даже лицо Левы Шельхера, и его мрачное настроеніе, казалось, исчезало безслѣдно. Вліяніе Жени на Леву было такъ явно, что его

замѣчала даже Анна Ивановна, умѣвшая въ сущности подмѣчать только: пригорѣлъ или не пригорѣлъ пирогъ, перекипѣлъ или не докипѣлъ бульонъ. За эту способность Женя была своего рода божкомъ въ домѣ, и Анна Ивановна нерѣдко говаривала ей:

— Женюша, поди-ка ты къ Левушкѣ, онъ у насъ что-то куксится сегодня, боюсь я, не худо ли ему?

И Женя шла къ Левѣ, и Лева оживлялся.

Узкогрудый, худощавый, съ пятнами румянца на впалыхъ щекахъ, онъ чуть не съ самаго ранняго дѣтства опасался уже того, чего не предчувствовала даже его мать, сокрушавшаяся о его здоровьи, — опасался близости своей смерти. Онъ опасался этого и боялся этой мысли, мучился ею. Матери онъ никогда не высказывалъ своихъ опасеній, но зато передъ другими эти опасенія прорывались у него хватающими за сердце нотами. Эти ноты отзывались еще мучительнѣе оттого, что природа дала этому юношѣ все, кромѣ крѣпкаго здоровья. Онъ былъ строенъ, высокъ, красивъ собой; густые темные волосы, тонкія брови, темные каріе глаза, точно подернутые масломъ, мелкія правильныя черты лица, замѣчательная нѣжность и бѣлизна кожи дѣлали его почти красавцемъ; при этомъ его обращеніе съ людьми, манеры, голосъ обличали въ немъ человѣка съ мягкимъ сердцемъ, а выраженіе лица сразу говорило о мыслящемъ, недюжинномъ умѣ. Болѣзненность съ дѣтства развила въ немъ привязанность къ книгамъ, къ наукѣ, къ искусствамъ; это были его друзья, а богатство давало возможность отдаться этимъ друзьямъ всецѣло; съ ними онъ могъ просиживать, не волнуясь, не двигаясь, не уставая, цѣлые часы. Застать его за книгой, за фортепіано, за акварелью — это было почти неизбѣжно; иногда онъ не оставлялъ своего мѣста у фортепіано, или не выпускалъ кисти изъ рукъ даже при появленіи друзей. Но съ той поры, какъ ему начало дѣлаться все яснѣе и яснѣе, что онъ не долгій гость на свѣтѣ, когда онъ подъ вліяніемъ мнительности, развившейся вслѣдствіе болѣзненности, сталъ бояться близости развязки, ожидая ее при каждой легкой простудѣ, онъ иногда вдругъ отбрасывалъ книги, ноты, кисти. Когда въ эти дни кто-нибудь изъ насъ спрашивалъ его, чѣмъ онъ занимается, онъ отвѣчалъ мрачно:

— Ничѣмъ! Да и для чего? Сколько бы ни занимался я, для могильныхъ червей вкуснѣе отъ этого не стану. Вотъ жаль, что шить не научился, а то могъ бы себѣ саванъ начать шить...

И, охваченный мрачнымъ настроеніемъ, начиналъ говорить о томъ, какъ все нелѣпо складывается въ жизни.

— Кому ѣсть нечего, кто молитъ о смерти, тому отпущено здоровья на десятерыхъ. Иному же птичьяго молока недостаетъ только, а смерть уже запускаетъ въ него свои когти.

Въ душѣ начинался рядъ нерѣшенныхъ вопросовъ, мучительныхъ сомнѣній, болѣзненныхъ тревогъ.

— И если бы хоть знать, что все не кончится здѣсь, что тамъ жизнь, а не уничтоженіе! Такъ нѣтъ, впереди одна непроглядная тьма неизвѣстности...

Охваченный страхомъ передъ мыслью о полномъ уничтоженіи, онъ старался сходиться съ товарищами, быть на людяхъ, чтобы не думать, не мучиться, забыться. И вдругъ среди самаго веселаго общества, на него нападала тоска, онъ уходилъ куда-нибудь въ уголъ и снова думалъ, думалъ все о тѣхъ же неразрѣшимыхъ вопросахъ: что тамъ — новая жизнь или полное уничтоженіе, небытіе? Если жизнь, то какая—съ безстрастнымъ блаженствомъ и съ неодолимыми муками, безъ личной воли, безъ личной свободы? Въ эти минуты только Женя и Вурмъ способны были хотя нѣсколько разсѣять его, каждый по-своему — она, врачуя душевныя раны, онъ, вливая въ нихъ новую отраву. Вурмъ былъ землякомъ, старымъ знакомымъ, другомъ отца Левы; онъ былъ учителемъ Левы передъ поступленіемъ послѣдняго въ школу; по смерти Романа Шельхера онъ явился въ качествѣ одного изъ душеприказчиковъ старика и, уже безъ всякихъ постороннихъ приглашеній, принялъ на себя обязанность не то опекуна, не то руководителя семьи. Левѣ было тогда семь лѣтъ. Его умъ развивался исключительно подъ вліяніемъ пророка. Въ домѣ Шельхеровъ Вурмъ нашелъ первыя богатыя розсыпи для своей, существовавшей только въ проектѣ, общины и сообразилъ, что нигдѣ нельзя намыть для нея столько золота, какъ здѣсь. Онъ подолгу дружески бесѣдовалъ съ Левой, и эти бесѣды, какъ казалось, благотворно дѣйствовали на молодого человѣка. Для Вурма не было тайнъ въ загробной жизни. Онъ могъ разрѣшить всевозможные вопросы и сомнѣнія. Скоро настанетъ свѣтопреставленіе; добрые будутъ торжествовать и жить среди блаженства; грѣшниковъ и злыхъ ждутъ страшныя мученія; земныя невзгоды — ничто, и счастливъ тотъ, кто не долго мучится на землѣ; истинная жизнь и блаженство не здѣсь, а тамъ, за предѣлами гроба. Вурмъ говорилъ съ

такимъ убѣжденіемъ, что на время Лева успокаивался и даже замѣчалъ:

— Да, правда, что хорошо умереть рано. Здѣсь, кромѣ неправды, зла, мученій, нечего ждать. Жизнь людей сложилась такъ нелѣпо, что дорожить ею нельзя.

Онъ вспоминалъ всѣ ужасы, которые говорилъ Вурмъ о жизни: корыстолюбіе, развратъ, торжество зла надъ добромъ, побѣда сильныхъ надъ слабыми, предательство дружбы и любви, недуги и невзгоды старости, очерствѣніе души подъ конецъ жизни. Развѣ можно просить небо о жизни, чтобы испытывать все это? Подъ вліяніемъ пессимистическаго взгляда на жизнь Лева иногда готовъ былъ сказать:

— Слава Богу, мнѣ не долго придется видѣть все это!

А вдругъ, тамъ, за гробомъ, его, Леву, ждутъ мученія ада? Эта мысль смущала, бросала въ дрожь юношу. Вурмъ успокаивалъ его и въ этомъ отношеніи. Иногда цѣлые часы, не уставая, прохаживался Лева съ Вурмомъ по бѣлому залу въ бесѣдахъ объ этомъ вопросѣ. Заложивъ за спину руки, наклонивъ немного впередъ голову, сосредоточенно сощуривъ устремленные впередъ глаза, молодой человѣкъ слушалъ слова пророка.

— Спастись можетъ только тотъ, кого изберетъ Богъ,— тихо и мягко говорилъ Вурмъ. — Когда богатый юноша, спрашивавшій у Христа, какъ спастись, съ печалью отошелъ отъ него, услыхавъ, что нужно раздать имѣніе нищимъ, Христосъ обратился къ ученикамъ и на ихъ вопросъ: «кто же можетъ спастись?» отвѣтилъ: «человѣкамъ это невозможно, Богу же все возможно»... Да, на жизненномъ пиру много званыхъ, но мало избранныхъ. Не принадлежащіе къ числу избранныхъ не идутъ на брачный пиръ—въ царство Божіе, даже когда ихъ зовутъ рабы Царя Небеснаго, или если и идутъ, то не приготовившись, не въ брачной одеждѣ, и ихъ выбрасываютъ туда, гдѣ плачъ и скрежетъ зубовъ... Но кто избранъ, тотъ спасется...

Въ душѣ Левы пробуждалось сознаніе, что онъ принадлежитъ къ числу избранныхъ. Въ этомъ убѣжденіи поддерживалъ его Вурмъ, поощряя и одобряя его пытливые разспросы, какъ явное проявленіе лежавшей на немъ благодати Божіей. Юношѣ было сладко сознавать, что и тамъ, за предѣлами гроба, его ждетъ блаженство.

— Да, я умру спокойно!—говорилъ онъ.

Но молодость беретъ свое — роскошный весенній день, полный тепла и свѣта, возрожденіе всего подъ лучами ве-

сенняго солнца, какая-нибудь чудная картина природы въ часы восхода или заката солнца, веселое настроеніе общества молодежи съ шумнымъ говоромъ, съ задушевнымъ смѣхомъ, съ стройнымъ пѣніемъ, все это снова влекло къ жизни, и онъ восклицалъ:

— И все же тяжело сознавать, что скоро ничего этого не увидишь!

Тогда являлась на выручку Женя, веселая, безпечная, жизнерадостная, готовая шутить и смѣяться.

— Да полно, Лева, томиться вопросами о будущемъ, — говорила она.—Пользуйся настоящимъ! Вѣдь тебѣ сегодня весело, хорошо? Ну, и слава Богу! А будущее — кто его знаетъ? Оно, можетъ-быть, еще свѣтлѣе будетъ... Да если бы даже и не такъ, то для чего отравлять настоящее страхомъ передъ этимъ будущимъ? А вдругъ его совсѣмъ не будетъ, никакого?

И, лаская его, какъ ребенка, она, сама почти ребенокъ, обращала его вниманіе на чудный день, на цвѣтущую природу, на безпечную молодежь, тихо спрашивая его:

— Вѣдь ты счастливъ теперь? Вѣдь тебѣ весело? Да? да?

Онъ улыбался, притягивалъ ее къ себѣ за талью, цѣловалъ ее и шутливо говорилъ ей:

— Да, счастливъ, когда моя весна со мною.

Весной своей онъ называлъ ее.

Дѣйствительно, она была для него весною, оживляющею, согрѣвающею, развеселяющею. Его мучили отвлеченные вопросы о жизни и смерти; Вурмъ говорилъ о грѣхахъ и порокахъ міра, сокрушаясь о нихъ, запугивая ими юношу; мать охала отъ ревматизмовъ въ рукахъ и ногахъ, отъ начинавшейся водянки, отъ неудавшагося у Дарьи пирога; Минна, убогая, больная, создавала какой-то фантастическій мірокъ для себя, съ излюбленными стишками; она же, весна Левы, щебетала, какъ птичка на вѣткѣ, обо всемъ безъ умолку, безъ связи иногда: тутъ былъ и серьезный разсказъ о томъ, какъ она испугалась на экзаменѣ, забывъ свой билетъ; и такой же серьезный разсказъ о томъ, какъ она вышьетъ себѣ малороссійскій костюмъ; и комическое передразниванье учителей и классныхъ дамъ; и восторженныя мечты о томъ, какъ они всѣ будутъ жить на дачѣ, кататься въ экипажѣ, удить рыбу, ходить за ягодами и грибами. И все это смѣшивалось въ одинъ винегретъ безконечной болтовни со смѣхомъ, съ прыганьемъ по комнатѣ, съ быстрыми переходами отъ одного разсказа къ другому, отъ одного

впечатлѣнія къ другому. Она напоминала ребенка, попавшаго впервые на представленіе волшебной пьесы; его занимаетъ все, и декораціи, и превращенія, и серьезное, и смѣшное, и онъ дергаетъ своихъ спутниковъ, повторяя: «смотрите! смотрите!» точно они ничего этого не видятъ, не замѣчаютъ. Этой волшебной пьесой была для нея жизнь. Молодость, избытокъ здоровья, душевная чистота дѣлали то, что въ этой волшебной пьесѣ все казалось ей покуда прекрасно.

Ей шелъ шестнадцатый годъ, Левѣ пошелъ двадцатый, когда, въ началѣ весны, Лева простудился и пролежалъ недѣли три. Ему все казалось, что это смерть; ей казалось, что онъ не можетъ умереть, и она забѣгала къ нему утѣшать его, обнадеживать: «погоди, вотъ настанутъ теплые дни, сразу поправишься»; «тебѣ вѣдь лучше сегодня? да? да? Это потому, что уже теплѣе стало; вотъ, погоди — станетъ еще теплѣе, и ты совсѣмъ будешь здоровъ»; «а какъ у насъ въ Мартышкиной-то теперь хорошо; море, я думаю, такъ и искрится на солнцѣ»... И теплые дни настали, и онъ поправился. Когда онъ сидѣлъ на террасѣ своей дачи около Ораніенбаума, еще слабый, еще худой, но уже выздоравливающій, Женя хлопала въ ладоши и смѣялась:

— Вѣдь я тебѣ говорила, говорила, что выздоровѣешь! Не вѣрилъ! Ахъ, какъ бы тебя надо проучить за это!

Онъ улыбался, счастливый, страстно желающій жить, обрадованный отсрочкой смерти, отсрочкой вѣчнаго блаженства.

— Ты рада, что я поправляюсь?—ласково говорилъ онъ ей.

— Еще бы! вотъ выдумалъ спрашивать! Ты вотъ только боленъ былъ, такъ я думала, что я съ ума сойду отъ тоски! Право! Ты лежишь, около тебя и на цыпочкахъ боишься пройти, чтобы тебя, бѣдняжку, не обезпокоить, а въ другихъ комнатахъ тетя о тебѣ плачетъ, плачетъ — и вдругъ вспомнитъ, что булка въ печку поставлена: «ахъ, вѣрно, подгорѣла, ахъ, безъ меня никто не посмотритъ»; а Минхенъ сидитъ и только вздыхаетъ о суетѣ всѣхъ этихъ заботъ и хлопотъ, потому что «что значитъ наше тѣло съ его страданіями и недостатками, когда нужно заботиться о душѣ». Вотъ я смотрю, смотрю на нихъ и хоть плакать, то въ ту же пору...

— Да вѣдь и со мной не весело,—замѣтилъ тихо Лева, улыбаясь въ отвѣтъ на ея болтовню.

— Съ тобой? съ тобой? О, да ты по цѣлымъ часамъ вы-

слушаешь мою болтовню, спрашиваешь, споришь... Иногда тетя говоритъ: «ты не надоѣдай ему!..» Скажи, я тебѣ надоѣдаю? Скажи!..

— Нѣтъ, нѣтъ,—проговорилъ онъ съ лаской.

— Ну, и я то же говорю тетѣ. «Мы, говорю, друзья, мы не можемъ надоѣсть другъ другу»... Вѣдь я это правду говорю?..

— Да, да, друзья... Вотъ выйдешь замужъ, тогда и не нуженъ будетъ старый больной другъ.

Она покачала отрицательно головой.

— Я не хочу выходить замужъ. Мнѣ такъ, такъ хорошо здѣсь... Нѣтъ, нѣтъ, не выйду ни за что... Да кто же тогда съ тобой будетъ?.. Тебѣ совсѣмъ скучно безъ меня будетъ...

— Ты и обо мнѣ подумала?

— Я же всегда о тебѣ думаю.

Онъ ласково притянулъ ее къ себѣ и спросилъ:

— Такъ ты меня очень любишь?

— Вотъ такъ... Помнишь, какъ я ребенкомъ говорила.

Она крѣпко обняла его и поцѣловала въ губы. На мгновенье у него закружилась голова, въ глазахъ потемнѣло, голубыя небеса слились въ одно цѣлое съ голубымъ взморьемъ... Какъ молнія, въ его головѣ мелькнула мысль о томъ, какое блаженство испытывалъ бы онъ, если бы она всегда была такъ около него. Онъ долго всматривался въ ея лицо, потомъ взялъ ея руки и покрылъ ихъ поцѣлуями, со слезами счастія на глазахъ, прошепталъ:

— Милая, дорогая моя дѣвочка!

Она опустилась у его ногъ на скамейку и опять заговорила:

— Какой чудесный день, тепло, ясно, ни облачка въ небѣ, ни одной волны на морѣ. О, что можетъ быть лучше весны!

Онъ хотѣлъ ей отвѣтить: «любовь!» и промолчалъ. Впервые онъ почувствовалъ, что безумно любитъ ее. Но что можетъ выйти изъ этой любви? Никогда онъ, больной, умирающій, не связалъ бы судьбы этой дѣвочки съ своей судьбою. Но отчего же? Можетъ-быть, эта любовь и спасла бы его, укрѣпила бы? Нѣтъ, дѣло не въ болѣзни, а въ томъ, что они двоюродные братъ и сестра; подобные браки у насъ запрещены. Вотъ отецъ и мать Мины были двоюродными братомъ и сестрой и повѣнчались. Вурмъ тоже женатъ на двоюродной сестрѣ; это онъ самъ говорилъ. Отчего же у насъ запрещено? И снова его мысль, подъ вліяніемъ

Вурма, пріученная съ дѣтства обращаться къ вопросамъ вѣры, религіи, догматики, работала въ привычномъ направленіи, терзая его вопросами, сомнѣніями, отрицаніями. Да, если бы законъ позволилъ ему жениться на Женѣ, онъ былъ бы счастливъ хоть нѣсколько послѣднихъ лѣтъ, онъ даже, можетъ-быть, выздоровѣлъ бы. О, Вурмъ правду говоритъ, когда порицаетъ существующія религіи...

III.

То, чего опасались близкіе мнѣ люди и чего остерегался я самъ, наконецъ случилось: я столкнулся съ Вурмомъ и вышелъ изъ школы. Это столкновеніе сильно повліяло на меня. Я разсказалъ все отцу и матери. Они не встрѣтили меня горькими упреками, какими встрѣчаютъ «преступника», и не осыпали чувствительными сожалѣніями, какими осыпаютъ «пострадавшаго». Они, казалось, только подумали: «было бы лучше, если бы этого не случилось, но разъ это случилось, то нужно позаботиться о будущемъ». Отецъ только коротко спросилъ:

— Что же думаешь дѣлать?

— Къ выпускному экзамену въ гимназіи готовиться,— отвѣтилъ я.

— Дѣло; значитъ, придется взять приватныхъ учителей. Оно дорогонько, но кое-какъ постѣснимся.

Я покраснѣлъ, какъ вареный ракъ. Стѣсняться изъ-за меня! Они и безъ того не роскошно жили. Слова отца подѣйствовали сильнѣе упрека.

— Нѣтъ, зачѣмъ же?—отвѣтилъ я сконфуженно.—Я подготовлюсь самъ, безъ учителей.

Отецъ зорко посмотрѣлъ на меня и проговорилъ:

— Глупости! Хватаетъ денегъ на помощь чужимъ, хватитъ и на тебя. Сократимъ кое-какіе расходы.

Мнѣ стало совсѣмъ совѣстно: мнѣ показалось, что отецъ намекаетъ на возможность помочь мнѣ, отнявъ что-то у бѣдняковъ.

— Нѣтъ, я ужъ рѣшилъ,—отвѣтилъ я.

— Смотри, чтобы дешевое на дорогое не навело, — сказалъ отецъ.

Я сталъ увѣрять его, что я выдержу экзаменъ.

— Ну, какъ знаешь, такъ и дѣлай!

Онъ, повидимому, былъ совершенно спокоенъ. Но мать была далеко не спокойна. Тотчасъ послѣ моего удаленія въ мою комнату она высказала свои опасенія отцу. Справлюсь

ли я? Выдержу ли экзаменъ? Тяжело мнѣ будетъ. Отецъ усмѣхнулся.

— А вотъ пусть и узнаетъ: легко это, или тяжело. Урокъ, Леля, нуженъ...

— А вдругъ сорвется на экзаменахъ?

— Не бойся, не бойся, слѣдить-то я буду... Впрочемъ, Николай изъ силъ выбьется, а достигнетъ своего... Видѣла, какъ сконфузился?..

Отецъ не ошибся: я экзаменъ выдержалъ, хотя эта зима была для меня не легка. Я, какъ шутливо замѣчалъ отецъ, «отощалъ» за время приготовленія къ экзаменамъ. Но сдавъ ихъ благополучно, я почувствовалъ, что я сталъ еще дороже отцу и матери, что я самъ какъ будто выросъ въ своихъ глазахъ, всталъ на свои собственныя ноги, испробовалъ свое терпѣніе и способность работать не изъ-подъ палки. Весной мы перебрались на дачу. Нанимаемая моей семьей дача стояла бокъ-о-бокъ съ дачей Шельхеровъ, и потому мы и Шельхеры видѣлись почти ежедневно. Именно въ это лѣто я сблизился съ Левой—сблизился уже не какъ мальчикъ, а какъ юноша, какъ завтрашній студентъ. Происшедшая со мной катастрофа, нѣсколько мѣсяцевъ самостоятельной работы, боязнь сорваться на экзаменахъ — заставили меня призадуматься о многомъ. Я впервые понялъ, сколько подводныхъ камней и мелей ожидаетъ человѣка въ житейскомъ морѣ, и какъ нужно быть осторожнымъ и осмотрительнымъ, чтобы не столкнуться острымъ угломъ съ какими-нибудь Вурмами, если дорожишь своей будущностью, своимъ успѣхомъ. Сотни новыхъ практическихъ вопросовъ вставали въ моей головѣ и требовали отвѣта. Лева тоже сильнѣе обыкновеннаго томился и мучился разными вопросами, поднявшимися въ его душѣ въ это время вслѣдствіе пробудившейся въ немъ страстной любви къ Женѣ. Именно эти-то вопросы и сомнѣнія, хотя я и не зналъ ихъ источника, сблизили насъ, и мы проводили цѣлые часы на мартышкинскомъ кладбищѣ и въ ораніенбаумскомъ паркѣ, толкуя и споря о томъ, что волновало и мучило каждаго изъ насъ. Мало-по-малу, Лева открылся передо мною весь со своимъ душевнымъ міромъ, и я только теперь не безъ горечи замѣтилъ, сколько отравы влилъ въ эту душу Вурмъ, наполнивъ ее мистическими бреднями, догматическими измышленіями, неразрѣшимыми сомнѣніями. Я угадалъ это чутьемъ, такъ какъ и я, и Лева избѣгали говорить объ этомъ человѣкѣ, сдѣлавшемъ мнѣ не мало зла.

Какъ-то разъ, забравшись раннимъ утромъ за деревню «Вѣнки», мы напились на мельницѣ молока и, усѣвшись на травѣ, залюбовались моремъ, широко раскинувшимся вдали за лѣскомъ и садами, покрывавшими низменную часть берега. Пригрѣтые утреннимъ солнцемъ, любуясь развернувшеюся передъ нами картиной природы, мы размечтались и разговорились о будущемъ. Я говорилъ, какъ думаю устроить свое будущее, поступивъ въ медико-хирургическую академію.

— Счастливый ты человѣкъ,—замѣтилъ Шелькеръ:—все у тебя опредѣленно, ясно. Даже эта поганая исторія, вытолкнувшая тебя изъ школы, все же не выбила тебя изъ колеи, не столкнула тебя съ торной дороги, а даже послужила тебѣ въ пользу...

Я улыбнулся: моя дорога—была дорогой пролетарія, надѣющагося на выносливость своихъ рабочихъ силъ; его дорога—была дорогой богача, могущаго распоряжаться и повелѣвать обстоятельствами. Я мелькомъ замѣтилъ ему:

— Твой путь еще опредѣленнѣе.

Онъ передернулъ плечами.

— Что ты мнѣ говоришь. Неужели ты до настоящаго времени не понимаешь всей неестественности, всей странности моего положенія? У тебя есть опредѣленное положеніе, опредѣленная среда, опредѣленныя цѣли. У тебя, кажется, чуть ли не прадѣдъ былъ врачомъ?.. А я? Скажи, пожалуйста, къ какой средѣ принадлежатъ господа Шелькеры? Къ простымъ ремесленникамъ? къ именитому купечеству? къ дворянскому кругу? Вѣдь въ нашемъ домѣ стоитъ побывать два-три раза въ гостяхъ, чтобы понять всю нелѣпость нашего положенія. Мы давно постарались удалиться отъ кузнецовъ, родныхъ моего отца, и отъ мелочныхъ лавочниковъ и лабазниковъ, родныхъ моей матери, но мы до сихъ поръ не могли пристать ни къ какому новому кружку, классу общества, средѣ. Обирать насъ, пожалуй, самые аристократичные аристократы придутъ къ матери, но вѣдь не могутъ же они въ-серьезъ признать ее своею знакомою, равною. Вонъ Федулова, бывшая селедочница и нынѣшняя обладательница милліоновъ, говорятъ, даже на какомъ-то придворномъ балу была и выслушивала благодарности за основанные ею пріюты и богадѣльни; но вѣдь это вовсе не значитъ, что она придворная дама, что за ея спиной не смѣются надъ ея жаргономъ, манерами, туалетомъ... Гнѣзда съ голубями, бывшія на ея бальномъ платьѣ, сдѣлались сказкой города, а брильянты... ее за нихъ прозвали иконой въ окладѣ...

— Твоя мать и не стремится никуда,—сказалъ я.—У васъ въ домѣ все живетъ тобою и для тебя, ты и создашь себѣ въ будущемъ положеніе, кружокъ...

Онъ перебилъ меня.

— О, въ этомъ-то и заключается иронія судьбы: отецъ и мать бились, работали, копили, эксплоатировали людей, все для того, чтобы подготовить всѣ удобства, всѣ блага «наслѣднику»—стоящему одной ногой въ могилѣ человѣку!

Я молчалъ, боясь касаться этого больного мѣста Левы—его страха передъ смертью. Его лицо приняло сосредоточенное, мрачное выраженіе; всматриваясь въ даль прищуренными глазами, онъ заговорилъ въ раздумьи:

— Знаешь ли, что? Мнѣ съ нѣкоторыхъ поръ кажется, что это возмездіе. Какъ знать! Пути Господни неисповѣдимы и таинственны... Въ прошломъ году я перечиталъ много книгъ о рабочемъ классѣ. Это мрачныя, безрадостныя картины. Непосильный трудъ, нищета, грязь, невѣжество, пьянство, развратъ и вымираніе цѣлыхъ массъ людей, обобранныхъ какимъ-нибудь однимъ эксплоататоромъ, высосавшимъ ихъ лучшіе соки. Все это я вычиталъ у Энгельса, у Виллерме, у Лассаля, и понялъ; но сердце мое осталось все-таки спокойно:—работалъ только умъ. Я самъ не испыталъ и не видалъ нищеты—и разсказы о ея мукахъ были для меня словами страшными, мрачными, но все же только словами... Нынче же передъ началомъ весны я посѣтилъ бывшій нашъ заводъ, купленный у насъ дядею Карломъ съ компаніей...

— Ты, кажется, послѣ этой поѣздки и простудился?—спросилъ я.

— Простуда тутъ была ни при чемъ,—съ горечью отвѣтилъ онъ, не измѣняя своей позы.—Это была кара Божія! Да, кара Божія! Я въ этомъ твердо убѣжденъ. Когда я увидалъ этотъ народъ, испитой, оборванный, одичавшій, окруженный чадомъ и копотью, озаренный пламенемъ печей, согнувшійся надъ расплавленнымъ чугуномъ, раскаленнымъ желѣзомъ, меня охватилъ ужасъ, точно я попалъ въ адъ, гдѣ томятся грѣшники. На минуту у меня потемнѣло въ глазахъ, и мнѣ показалось, что кто-то шепчетъ мнѣ: «всѣ эти люди были загублены для того, чтобы ты не нуждался ни въ чемъ; и вотъ ты богатъ, тебѣ птичьяго молока только недостаетъ, и все же ты не чувствуешь себя счастливымъ, потому что ты обреченъ на смерть; это возмездіе».

Его лицо приняло мрачное выраженіе. Казалось, онъ

снова видѣлъ передъ собою картину завода и слышалъ таинственный шопотъ Бога-мстителя.

Я осторожно замѣтилъ ему:

— У тебя слишкомъ разстроены нервы!

— Должно-быть,—разсѣянно согласился онъ и тѣмъ же тономъ мрачнаго раздумья продолжалъ:—Я пріѣхалъ домой больной, подавленный, мучимый тысячами вопросовъ, а ночью уже пришлось послать за твоимъ отцомъ... Рѣшили, что я простудился, начали пичкать лѣкарствами, поставили на ноги, радуются, что я здоровъ... Заглянули бы ко мнѣ въ душу, въ мой мозгъ, не то бы сказали...

И, рѣзко повернувшись ко мнѣ, прибавилъ:

— Знаешь, мнѣ иногда кажется, что отецъ сдѣлалъ какую-то гигантскую подлость, какое-то кровавое преступленіе, чтобы выбиться на торную дорогу къ богатству. Обычнымъ путемъ метаморфозы изъ мелкаго кузнеца въ крупнаго заводчика не совершаются.

— Метаморфоза совершилась не вдругъ. Онъ бился десятки лѣтъ. Наконецъ, твоя мать принесла деньги въ приданое,—сказалъ я.

Онъ горько усмѣхнулся.

— Спроси: сколько? тебѣ не отвѣтятъ, какъ не отвѣчаютъ мнѣ. Говорятъ: было приданое, вотъ и все. А сколько? Что могъ дать за нею мѣщанинъ-лавочникъ? Или ужъ и онъ столько народа отравлялъ гнилыми продуктами, что могъ скопить десятки тысячъ? Богатства всегда являются плодами преступленій.

Онъ вздохнулъ.

— Да, ты счастливъ. Ты не покраснѣешь, когда тебѣ скажутъ: «одинъ Господь знаетъ, какимъ путемъ составляются благосостоянія! Иной человѣкъ, даже раздавъ все на бѣдныхъ, не смоетъ съ себя крови, которая запятнала его съ колыбели».

— Странно, что ты считаешь дѣтей отвѣтчиками за грѣхи отцовъ.

Лева даже изумился.

— А какъ же? Если первородный грѣхъ легъ на все человѣчество, то грѣхъ отца и подавно лежитъ на сынѣ.

Въ моей головѣ мелькнула мысль о томъ, что Вурмъ первый заронилъ эти идеи въ душу Левы. Можетъ-быть, онъ даже намекалъ Левѣ, что нажитое неправымъ образомъ благосостояніе надо отдать на его, Вурма, святую общину,

на его церковь. Я, чтобы перемѣнить непріятный для меня разговоръ, сказалъ Левѣ:

— Ну, ты можешь утѣшиться тѣмъ, что самъ-то ты не будешь эксплоатировать людей. А что касается богатства, то этой бѣдѣ помочь не трудно,—уже шутливымъ тономъ прибавилъ я.—Стоитъ только раздать все, вотъ тогда нажитое неправдой и не будетъ тяготить тебя. Впрочемъ, я, можетъ-быть, потому говорю о легкости этого, что у меня нечего раздавать...

Шельхеръ уловилъ въ моемъ тонѣ иронію и загорячился.

— Ты хочешь сказать, что все это фразы, что богачъ никогда не поступится своимъ богатствомъ?

Я откровенно сознался, что я именно это думалъ. Не вѣрю я проповѣдямъ богачей о раздачѣ имущества, покуда они не раздаютъ его. Это пустое фразерство и только. Не могутъ эти люди искренно любить бѣдняковъ, какъ мы не можемъ пылать любовію къ какому-нибудь совершенно чуждому намъ краснокожему, живущему гдѣ-то на другомъ полушаріи. Если бы богачи искреннѣе любили бѣдный людъ, они не были бы богачами. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ представить себѣ пресыщающимся всѣми благами любящаго брата, когда любимый имъ братъ умираетъ съ голода. Лева загорячился снова.

— У тебя слишкомъ узкіе взгляды! Можно быть глубоко убѣжденнымъ въ справедливости извѣстныхъ идей и оставаться слабымъ человѣкомъ, не имѣющимъ силъ осуществить эти идеи.

Я засмѣялся.

— Это, братъ, очень удобно: проповѣдуй самыя возвышенныя идеи, не осуществляя ничего изъ нихъ на практикѣ подъ предлогомъ своей личной слабости. Къ такому проповѣднику и примкнуть легко: говори то же, что онъ, и поступай такъ же, какъ онъ, въ свою очередь отговариваясь своею личною слабостью. И честь будетъ спасена, и отъ убытка Богъ избавитъ!..

Лева нахмурился и отрывисто проговорилъ:

— Объ этомъ много можно спорить. Впрочемъ, меня лично нельзя упрекнуть ни въ чемъ, такъ какъ богатство покуда въ рукахъ матери, а не въ моихъ. Кромѣ того, главная задача не въ раздачѣ всего, а въ томъ, на что раздать...

Я не безъ досады сказалъ:

— Отдай Вурму на пропаганду его идей, на проповѣдь

смиренія и покорности забитому обстоятельствами и кулаками народу, на проповѣдь склоннымъ къ фатализму и безпечности бѣднякамъ о томъ, что человѣкъ самъ спастись не можетъ, а можетъ спасти только Богъ.

— А ты бы самонадѣянность хотѣлъ проповѣдывать?— насмѣшливо спросилъ онъ.

— Да. Спустя рукава люди и безъ проповѣди Вурмовъ живутъ...

По его лицу скользнула улыбка сожалѣнія.

— Впрочемъ, — проговорилъ я: — женишься — перемѣнишься...

— Никогда я не женюсь,—коротко прервалъ меня Лева.

— Что за глупости!—не безъ удивленія сказалъ я.—Полюбишь и женишься! Конечно, не сейчасъ. У васъ и влюбиться не въ кого, потому что у васъ почти не бываетъ дѣвушекъ...

— Ну, этого добра сколько хочешь найдется,—пренебрежительно отвѣтилъ онъ.—Только кликни кличъ—со всѣхъ сторонъ набѣгутъ. Еще бы, женихъ завидный, богачъ и на ладанъ дышитъ! Но... лучше подальше отъ этихъ барышень...

Я засмѣялся.

— Да ты что же, ненавистникъ женщинъ, что ли?

— А ты думаешь, я могу ихъ любить? Правда, вздумай я жениться—невѣстъ не оберешься. Но почему? Потому, что я богачъ, скоро умру. Не могу же я повѣрить, чтобы молодая дѣвушка могла полюбить полуумирающаго человѣка. Пойдетъ замужъ, конечно, любая изъ нихъ за меня и, можетъ-быть, даже потому и пойдетъ, что я не долго проживу,— кому не хочется богатства и свободы.

Я не выдержалъ и спросилъ:

— Ужъ не Вурмъ ли тебя навелъ на эти мысли?

Лева сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Я знаю, что ты ненавидишь его, но, повѣрь мнѣ, онъ во многомъ правъ. Онъ никогда не говорилъ мнѣ объ этомъ, о дѣвушкахъ, о невѣстахъ, но, конечно, отчасти онъ заставилъ меня задуматься и надъ этимъ вопросомъ. Ему приходилось волей-неволей говорить обо многомъ со мною...

Я не понималъ, что побуждало Вурма подсказать Левѣ недовѣріе къ женщинамъ. Не могъ же онъ надѣяться, что Лева, умирая холостымъ, оставитъ свое богатство ему, Вурму? Покуда это богатство принадлежало Аннѣ Ивановнѣ, а она хотя и любила поговорить съ Вурмомъ о божественномъ, но все же считала его еретикомъ и, ужъ конечно, не отдала

бы своего имѣнія на его затѣи. Желая какъ-нибудь покончить съ похоронымъ настроеніемъ Левы, я замѣтилъ шутливо:

— Вотъ погоди, явится какая-нибудь дѣвушка въ родѣ Жени и сразу покоритъ тебя.

Лицо Левы вспыхнуло яркими пятнами румянца.

— Женя одна!—отвѣтилъ онъ быстро.—Найди мнѣ другую такую—и я женюсь. Это чистая душа безъ лжи, безъ притворства, безъ корысти...

И, вдругъ оборвавъ рѣчь, онъ болѣзненно воскликнулъ:

— Нѣтъ, полно толковать обо мнѣ! Я иногда самъ отъ себя хотѣлъ бы бѣжать! Иногда мнѣ кажется, что меня спутали какія-то сѣти, какъ рыбу въ водѣ. Рыба бьется, бьется во всѣ стороны и все больше, и больше запутывается въ петляхъ сѣти, сознавая, что это смерть, смерть, смерть,—а кругомъ—родная стихія, вода, жизнь... Это пытка, это проклятіе...

Онъ всталъ, взволнованный, съ горящими щеками, съ каплями пота на лбу. Я тоже поднялся, недоумѣвая, съ чего онъ вдругъ такъ заволновался.

Мы направились домой молчаливые, только изрѣдка перекидываясь незначительными фразами.

Разговоръ съ Шельхеромъ произвелъ на меня тяжелое впечатлѣніе, и я внутренно упрекалъ себя за то, что я поддерживалъ эту бесѣду. Мнѣ казалось, что нужно всѣми силами отвлекать Леву отъ подобныхъ бесѣдъ. Кромѣ того, мнѣ было неловко, что съ нимъ толковалъ объ этихъ вопросахъ именно я. Я былъ совершенною противоположностью Левы. Не по лѣтамъ высокій, плотный, здоровый, нѣсколько мужиковатый, я могъ возбуждать въ Шельхерѣ только зависть. Я далъ себѣ слово избѣгать подобныхъ бесѣдъ. Но дать слово было не трудно, трудно было сдержать его. Дня черезъ два Лева коснулся снова тѣхъ же мучившихъ его вопросовъ и замѣтилъ мнѣ между прочимъ:

— Ты не знаешь самъ, какъ ты сдѣлался мнѣ дорогъ въ послѣднее время. Ты одинъ, кому я могу открыть вполнѣ мою душу. До настоящаго времени мнѣ приходилось все это передумывать одному. Это страшно тяжело. Когда выскажешься—становится легче...

И волей-неволей мнѣ пришлось сдѣлаться повѣреннымъ всѣхъ его душевныхъ тайнъ, всѣхъ его жалобъ и сѣтованій. Надо было покориться этому ради его спокойствія, тѣмъ болѣе, что я самъ любилъ его за его искренность, мягкость,

чисто женственную нѣжность. И точно, съ кѣмъ же, кромѣ меня, могъ онъ откровенничать? Мать понимала толкъ только въ пирогахъ, супахъ, жаркихъ; Женя была въ сущности ребенкомъ, больше болтавшимъ, чѣмъ слушавшимъ другихъ; Минна носилась въ области поэзіи и туманныхъ мечтаній, говоря съ блаженной улыбкой о физическихъ страданіяхъ, о смерти, точно это самыя лучшія блага; Вурмъ рѣдко посѣщалъ Шельхеровъ лѣтомъ, и я готовъ былъ, если бы это зависѣло отъ меня, сдѣлать все, чтобы Лева не откровенничалъ съ нимъ, такъ какъ и безъ того этотъ человѣкъ слишкомъ сильно повліялъ на болѣзненнаго юношу. Правда, кромѣ этихъ людей, Леву окружали товарищи, пріѣзжавшіе нерѣдко на дачу, иногда на нѣсколько дней. Но вся эта болѣе или менѣе обезпеченная и счастливая молодежь, только что соскочившая со школьной скамьи, не волновалась никакими вопросами, жила удовольствіями настоящаго дня, пустою безсмысленною жизнью богачей, соря деньгами, нажитыми чужими—трудомъ, потомъ и кровью. Съ этими людьми Лева могъ только кататься, ловить рыбу, посѣщать музыку, ходить на прогулки. Вся эта молодежь была довольно разношерстною: тутъ были и сыновья богатыхъ купцовъ, и сыновья аристократовъ, всѣ связанные еще школьными воспоминаніями. Болѣе другихъ выдавался въ этомъ кружкѣ одинъ юноша, сынъ заслуженнаго генерала Бестужева, молодой человѣкъ съ большими связями, съ блестящей карьерой въ будущемъ. Онъ, какъ и Шельхеръ, былъ уже студентомъ, хотя я прозвалъ его «правовѣдомъ». Эта кличка такъ и осталась за нимъ. Дѣйствительно, по франтоватости, по манерамъ, по привычкѣ говорить по-французски, по вкусамъ, онъ очень мало напоминалъ студента. Проборъ по серединѣ, завитки черныхъ волосъ на узенькомъ лбу, изысканно безукоризненные туалеты, умѣнье болтать обо всемъ и со всѣми, говоръ немного въ носъ, высокомѣрное подниманіе головы и прищуриванье глазъ, постоянное кокетничанье и рисовка, желаніе казаться любезнымъ и остроумнымъ, находчивость, доходящая до беззастѣнчивости, все это дѣлало Александра Бестужева похожимъ на любого паркетнаго шаркуна изъ породы карьеристовъ. Тутъ было слишкомъ много внѣшняго лоска, полированности, салоннаго шику и слишкомъ мало внутренняго содержанія, искренности, сердечности. Такіе люди на прокурорскомъ мѣстѣ, не сморгнувъ глазомъ, могутъ сказать пламенную обвинительную рѣчь хоть бы противъ самого Христа, и на другой же день

въ роли адвоката найдутъ въ себѣ способность и силы сказать такую же пламенную рѣчь для защиты хорошо заплатившаго имъ первѣйшаго разбойника,—и что главное, въ обоихъ этихъ случаяхъ эти люди сумѣютъ сохранить надменный видъ и смотрѣть свысока на простыхъ, то-есть еще не намошенничавшихъ богатства смертныхъ. Тѣмъ не менѣе, всѣ считали Бестужева добрымъ малымъ, веселымъ собесѣдникомъ, душой общества. Съ Львомъ онъ сошелся довольно давно, въ школѣ, какъ съ богатымъ юношей, не справляясь, купецъ или дворянинъ, изъ средняго класса общества или изъ болѣе высокихъ сферъ Лева. Въ школѣ на это мало обращали вниманія. Посѣтивъ нѣсколько разъ Шельхеровъ, Бестужевъ увидалъ, что это за семья, можетъ-быть, даже узналъ, что въ гербѣ этой семьи можно помѣстить развѣ только кузнечный мѣхъ или заводскій молотъ, но, тѣмъ не менѣе, онъ не только не пересталъ посѣщать Шельхеровъ, а даже сдѣлался ихъ самымъ частымъ гостемъ. Эта связь продолжалась и по вступленіи Бестужева и Шельхера въ университетъ. Странное явленіе можно было замѣмѣтить въ отношеніяхъ Анны Ивановны къ Бестужеву. Она, повидимому, жившая только мыслью о своемъ ненаглядномъ Левѣ и объ удачѣ своихъ излюбленныхъ блюдъ, нашла гдѣ-то въ тайникѣ своей души нѣчто въ родѣ чувства тщеславія и гордилась тѣмъ, что у нихъ въ домѣ *самъ* Бестужевъ, какъ свой. Лева отнесся къ этому чувству матери не безъ иронiи юноши, не признающаго никакихъ родовыхъ преимуществъ и титуловъ, но, тѣмъ не менѣе, и онъ какъ-то мимовольно дорожилъ и гордился дружбою именно этого человѣка, не безъ ударенія замѣчая иногда, что «какъ ни хорошо въ аристократическомъ кругу, а все же къ нимъ, къ плебеямъ, идетъ отвести душу Бестужевъ». И матери, и сыну было особенно лестно, что этотъ изящный и ловкій юноша, пріѣзжая къ нимъ, самъ говорилъ:

— Пріѣхалъ къ вамъ отдохнуть!

И точно, онъ отдыхалъ здѣсь, какъ отдыхаютъ чиновники, когда они могутъ замѣнить вицмундиръ домашней жакеткой и почтительныя улыбки хохотомъ во весь ротъ. У Шельхеровъ Александръ Николаевичъ Бестужевъ чувствовалъ себя дома, тогда какъ дома онъ чувствовалъ себя на службѣ, да притомъ еще на тяжелой службѣ. Тамъ было самое разнообразное начальство—дядя, отъ котораго зависѣла отчасти карьера молодого человѣка, любилъ, чтобы его смѣшили новыми анекдотами; бабушка, отъ которой ожи-

дилось наслѣдство, любила, чтобы наслѣдники ея ходили въ церковь и давали отчетъ, какое евангеліе тамъ читали за обѣдней; мать, у которой выманивались субсидіи, любила, чтобы ея дѣти отличались утонченною свѣтскостью; отецъ, который могъ ни съ того, ни съ сего во всякое время придраться къ какому-нибудь пустяку и поднять цѣлую бурю, любилъ, чтобы передъ нимъ всѣ стояли на вытяжкѣ, какъ солдаты; кузина, которую прочили въ невѣсты молодому человѣку, требовала, чтобы онъ былъ музыкантомъ и пѣвцомъ, такъ какъ она любила больше всего итальянскихъ пѣвцовъ. Угождать всѣмъ было не легко: приходилось быть постоянно настороже, слѣдить за собою. У Шельхеровъ никто не предъявлялъ никакихъ требованій; здѣсь жилось свободно и привольно. Тутъ люди, вполнѣ обезпеченные матеріально, устроились такъ, какъ имъ было угодно, а не такъ, какъ требуютъ традиціи, приличія, обычаи, среда; что не дозволялось въ аристократическихъ салонахъ, то допускалось здѣсь. Бестужеву нравилась эта жизнь и, можетъ-быть, особенную прелесть въ ней составляло для него то, что здѣсь былъ такой милый ребенокъ-дѣвушка, какъ Женя. Она шутливо называла Бестужева «старымъ товарищемъ», такъ какъ они учились въ одной школѣ. Она не стѣснялась при немъ, такъ какъ это былъ свой человѣкъ въ домѣ. Игра въ горѣлки, въ серсо, въ фанты, въ воланы, катанье вмѣстѣ на лодкѣ, прогулки по лѣсу, все это сблизило молодыхъ людей, какъ родныхъ. Иногда онъ говорилъ ей:

— Ахъ, если бы хоть одна дѣвушка изъ нашего круга была похожа на васъ! Не приходилось бы бѣжать отсюда.

— Да что же въ нихъ особеннаго?—спрашивала она.

— Чопорныя, натянутыя, жеманныя, неискреннія. Это куклы на пружинахъ, а не живыя души.

И онъ разсказывалъ ей насмѣшливымъ тономъ, стараясь быть остроумнымъ, про кузинъ, про знакомыхъ, немного ломаясь и кокетничая. Молодые люди задыхаются въ ихъ обществѣ, стараются бѣжать куда-нибудь къ инымъ кружкамъ. Сближаются съ актрисами, съ бродячими пѣвицами-француженками, кутятъ по разнымъ кафе-шантанамъ и трактирамъ. Увлекаясь, онъ заходилъ нѣсколько далеко въ своихъ разсказахъ и посвящалъ молоденькую дѣвушку въ тайны, еще невѣдомыя ей.

— А потомъ, когда молодые люди сбиваются съ пути и гибнутъ—всѣ кричатъ о развратѣ, объ испорченности моло-

дежи,—заканчивалъ онъ.—Но чѣмъ же мы виноваты, что у насъ нѣтъ другого исхода?

— А вы развѣ тоже кутите?—наивно спрашивала Женя.

— Я? Нѣтъ, не кучу покуда,—со вздохомъ отвѣчалъ онъ, не прибавляя, впрочемъ, что отецъ и мать скупы на деньги;—но этимъ я обязанъ вамъ. Я такъ счастливъ, когда могу быть около васъ...

Она смѣялась.

— Значитъ, я вашъ ангелъ-хранитель?

— Да, да, вы мой ангелъ!.. Вы сами не знаете себѣ цѣны...

— Ну, ну, не хвалите меня! Вонъ тетя говоритъ, что я стрекоза и ничего больше,—со смѣхомъ отвѣчала Женя.

— Если бы всѣ были такими стрекозами!—со вздохомъ говорилъ онъ, принимая мечтательное выраженіе лица.

Она пропускала мимо ушей эти вздохи, не подозрѣвая, что они должны обозначать нѣчто серьезное. Она ихъ пропускала мимо ушей даже тогда, когда Бестужевъ, впадая въ элегическій тонъ, говорилъ:

— Вы не знаете, какъ тяжело мнѣ становится иногда, когда я подумаю, что скоро пройдетъ и лѣто, что, можетъ-быть, зимою все измѣнится...

— Что измѣнится?—спрашивала она.

— Наши отношенія... Вы уже совсѣмъ взрослая барышня; явится человѣкъ, котораго вы полюбите, выйдете замужъ.

— Мнѣ нельзя выйти замужъ,—отвѣчала Женя съ серьезностью ребенка, говорящаго о важныхъ предметахъ. — Я здѣсь нужна для Левы... Ему очень, очень скучно было бы безъ меня.

— Дитя!—говорилъ Бестужевъ.—Развѣ можно давать зарокъ не идти замужъ ради того, что Левѣ будетъ скучно? Полюбите и забудете все и всѣхъ, и Леву, и меня... О, я впередъ ненавижу того счастливца, который похититъ васъ у насъ!..

Она, смѣясь, говорила, что она позволяетъ Бестужеву ненавидѣть этого человѣка, такъ какъ его нѣтъ и не будетъ. И опять она не придавала никакого значенія этимъ разговорамъ, этимъ вздохамъ, этимъ полупризнаніямъ. Можетъ-быть, если бы она хоть на минуту задумалась объ этомъ, она нашла бы страннымъ, что Бестужевъ иногда особенно сильно пожимаетъ ея руку, какъ-то особенно обнимаетъ ее, ловя въ горѣлкахъ, какъ-то особенно склоняется лицомъ около ея лица, нюхая вмѣстѣ съ нею цвѣтокъ, или загляды-

вая въ ея книгу. Всѣ эти мелочи ускользали, впрочемъ, не только отъ вниманія Жени, но и отъ вниманія всѣхъ окружающихъ. Только одинъ Лева слѣдилъ въ послѣднее время какъ-то тревожно за Бестужевымъ. Чутьемъ страстно влюбленнаго человѣка онъ сразу угадалъ именно въ этомъ изъ своихъ пріятелей соперника. Въ его душѣ началась новая глухая борьба. Имѣетъ ли онъ право ревновать Женю? Онъ ей не женихъ, не любовникъ. Можетъ-быть, въ этой любви все ея счастіе, вся будущность? О, пусть даже и такъ, пусть она выйдетъ потомъ за Бестужева, но теперь... Долго ли ему, Левѣ, остается жить? Пусть теперь только она будетъ здѣсь, около него, его Женей! Что будетъ послѣ—ему все равно. И что такое Бестужевъ? Составитъ ли онъ счастіе Жени? Лева началъ пристальнѣе всматриваться въ Александра Николаевича, рыться въ его душѣ, выискивать въ ней темныя пятна съ придирчивостью тайнаго врага.

Въ одинъ изъ тихихъ и теплыхъ іюльскихъ вечеровъ я и Шельхеръ сидѣли въ бесѣдкѣ и молчаливо играли въ шахматы—любимую игру Левы. Партія была еще не кончена, когда кто-то подъѣхалъ къ саду дачи по нижней дорогѣ. Я мелькомъ взглянулъ на дорогу и сказалъ:

— Бестужевъ!

По лицу Левы скользнула гримаса неудовольствія. Онъ, однако, не пошевелился съ мѣста и продолжалъ обдумывать свой ходъ. Минуты двѣ спустя, къ намъ подошелъ Александръ Николаевичъ, какъ всегда, изящный, надушенный, граціозный. Онъ пожалъ намъ руки и началъ снимать перчатки.

— А вы все этой скучной матеріей занимаетесь,—проговорилъ онъ, не терпѣвшій шахматовъ.

— А ты все попрежнему врагъ всякихъ скучныхъ матерій,—замѣтилъ Лева.

— Не понимаю, мой милый, какъ и можно ихъ любить въ наши годы,—отвѣтилъ Бестужевъ.

— Вотъ погоди, я зимою спеціально для тебя буду устраивать балы,—съ насмѣшливостью въ голосѣ сказалъ Лева.

— Это будетъ очень мило съ твоей стороны,—развязно отвѣтилъ Бестужевъ,

Я зналъ близость Левы и Бестужева, тѣмъ не менѣе меня немного смутилъ тонъ Левы, тѣмъ болѣе, что Шельхеръ былъ всегда крайне мягокъ и вѣжливъ въ обращеніи съ людьми. Я, чтобы замять неловкій разговоръ, спросилъ Бестужева:

— Много веселились за это время?

— Не скажу,—отвѣтилъ онъ, закуривая папиросу.—Таскался по разнымъ увеселительнымъ заведеніямъ, но все это пріѣлось. Однообразіе страшное. Тѣ же набившія оскомину оперетки и тѣ же безголосыя пѣвицы.

И, осмотрѣвшись кругомъ, онъ прибавилъ небрежнымъ тономъ:

— А гдѣ же дамы? На террасѣ, вѣрно? Сбѣжали отъ вашей скучной игры! Надо пойти представиться...

Онъ поднялся съ мѣста и неторопливо пошелъ вверхъ по аллеѣ сада, расположеннаго уступами на скатѣ холма. По лицу Левы скользнула гримаса. Я сдѣлалъ ходъ, онъ задумался, взялъ одну изъ фигуръ, переставилъ ее чисто машинально.

— Ты что же это?—спросилъ я, видя неправильность хода.

Онъ очнулся, откинулся на спинку кресла и проговорилъ:

— Довольно!

Съ минуту онъ задумчиво смотрѣлъ прищуренными глазами на море, озаренное послѣдними лучами заходящаго солнца. Потомъ, не глядя на меня, онъ тихо спросилъ:

— Какъ ты смотришь на Бестужева?

На минуту я поколебался. Я не любилъ этого человѣка какъ-то безсознательно, какъ личность, совершенно чуждую моей натурѣ. Въ то же время я зналъ, что это старый пріятель Левы, и мнѣ не хотѣлось говорить Левѣ дурно о близкихъ ему людяхъ. Замѣтивъ мое молчаніе, онъ самъ подсказалъ мнѣ отвѣтъ:

— Ты его не любишь?

— Да,—отвѣтилъ я.

— За что?

— Не могу тебѣ сказать. Это чужой мнѣ человѣкъ. Я плебей по...

Лева усмѣхнулся, перебивая меня.

— Онъ всѣмъ чужой, всему чужой!

Я посмотрѣлъ вопросительно на Шельхера.

— Удивляюсь я, какъ могутъ вырабатываться такіе люди,—продолжалъ онъ.—Правда, они только и вырабатываются въ ихъ гнилой аристократической средѣ. Онъ чужой дома, откуда бѣжитъ въ кабаки приличныхъ наименованій, онъ чужой у насъ, куда приходитъ только потому, что здѣсь чуть не въ разстегнутомъ жилетѣ можно быть...

И уже совсѣмъ раздражительно, придирчиво, онъ заговорилъ о своемъ пріятелѣ:

— Я знаю его девять лѣтъ и ни разу не уловилъ я въ его рѣчахъ ничего, что сказало бы мнѣ, что̀ ему дорого и свято. Отецъ и мать — дойныя коровы, служба — путь къ карьерѣ и обогащенію, книги—онѣ хороши, когда скучно, если въ нихъ есть хитросплетенная интрига и сальности, искусство—это собраніе скабрезныхъ картинъ, статуй и сценъ, религія—это только узда для голоштанной сволочи. Ни принциповъ, ни идеаловъ, ни сомнѣній, ни вопросовъ. Жизнь—это арена для состязанія въ наживѣ, чинахъ и отличіяхъ и публичный домъ, гдѣ нужно искать только наслажденій и наслажденій...

Я рѣзко остановилъ его вопросомъ:

— Ты за это и сошелся съ нимъ?

Онъ быстро повернулся ко мнѣ лицомъ, на которомъ проступила пятнами краска.

— У Шельхеровъ, какъ въ трактирѣ, принимаютъ всѣхъ безъ разбора,—съ насмѣшливой ноткой въ голосѣ отвѣтилъ онъ.—Гдѣ намъ разбирать, лишь бы были богатые, приличные, чиновные люди. Теперь такихъ домовъ въ Петербургѣ много—вчерашніе кабатчики, вчерашніе факторы, вчерашняя сволочь, сдѣлавшись сегодня богачами, не могутъ разбирать, хороши или дурны люди, протягивающіе имъ руки, лишь бы руки были въ перчаткахъ...

Я молча глядѣлъ на него, стараясь понять, что̀ происходитъ съ нимъ. Я зналъ, что онъ не умѣетъ ни лгать, ни притворяться,—для этого онъ былъ слишкомъ нервнымъ и впечатлительнымъ человѣкомъ. Онъ встрѣтилъ мой вопросительный взглядъ и, отвернувшись, проговорилъ упавшимъ голосомъ:

— Я просто никогда прежде не всматривался въ него и потому ошибался въ немъ.

— А теперь не ошибаешься?—спросилъ я.

Онъ загорячился.

— Къ чему этотъ вопросъ? Развѣ самъ ты его считаешь не такимъ? Почему же ты сторонишься отъ него? Почему уходишь, когда онъ здѣсь?

Я пожалъ плечами.

— У насъ денегъ не припасено на кормленіе такихъ господчиковъ съ утонченными вкусами. Да и онъ самъ мало интересуется, я думаю, мной...

— Еще бы! У тебя нельзя кататься въ чужихъ экипажахъ, нельзя побираться займами безъ отдачи...

Меня опять раздражилъ этотъ тонъ.

— Я думаю, онъ и у тебя не беретъ денегъ,—сказалъ я рѣзко.

Лева посмотрѣлъ на меня съ усмѣшкой.

— Ты это по себѣ судишь? Нѣтъ, милый, эти господчики, приличные и франтоватые, чопорные и задирающіе носъ, не погнушаются никогда залѣзть въ чужой карманъ, занять въ долгъ хоть бы у сына кузнеца.....

— Ты меня удивляешь,—началъ я.

— Ты считалъ его лучше?—перебилъ онъ меня.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я.—Ты меня удивляешь тѣмъ, что, считая его такимъ, ты продолжаешь его принимать.

Шельхеръ въ волненіи поднялся съ мѣста и заходилъ взадъ и впередъ по бесѣдкѣ. Онъ былъ видимо взволнованъ и какъ будто стѣснялся высказаться вполнѣ.

— Ты правъ, это вѣчная моя слабость,—началъ онъ.— Сомнѣнія, вопросы, колебанія — и ничего рѣшительнаго. Видно, я не родился Александромъ Македонскимъ, чтобы разрубать запутанные узлы. Я вѣчно буду копаться надъ ними, никогда ихъ не распутаю и буду ныть...

И, помолчавъ немного, онъ, какъ бы въ оправданіе себѣ, прибавилъ:

— Кромѣ того, видишь ли, я только недавно началъ за нимъ наблюдать. Прежде и неопытенъ я былъ, и не задумывался надъ этими вопросами, и, право, меня мало интересовало, лучше онъ, или хуже другихъ... А теперь...

Онъ опять оборвалъ рѣчь, чего-то не договаривая.

— Теперь,—проговорилъ онъ:—я стою въ такомъ положеніи, что не могу быть безпристрастнымъ къ нему, можетъ-быть, преувеличиваю его недостатки, вижу только дурное.

На минуту онъ перевелъ духъ и сказалъ какъ-то разомъ:

— Онъ ухаживаетъ за Женей.

— Полно, что ты выдумалъ? Ты ошибаешься!

— Я-то? Я ошибаюсь?

Онъ сказалъ это страстнымъ тономъ и, тотчасъ же овладѣвъ собою, началъ спокойно объяснять, какъ близко касается его судьба Жени. Женя росла у нихъ. О ней некому позаботиться. Ея судьбу нужно устроить осмотрительно. Анна Ивановна не сумѣетъ этого сдѣлать; очень ужъ она... оптимистка. Минна какая-то блаженная. Только онъ и можетъ позаботиться о Женѣ... Мнѣ тогда минуло уже восемнадцать лѣтъ; я казался старше и серьезнѣе своихъ ровесниковъ. Тѣмъ не менѣе, я ровно ничего не смыслилъ въ вопросахъ любви. У насъ дома обо всемъ гово-

рили при мнѣ съ малолѣтства, но вопросы любви, романическія исторіи вовсе не интересовали моихъ отца и мать; не интересовался ими и я. Вслѣдствіе этого я былъ плохимъ наблюдателемъ въ дѣлахъ этого рода. Слушая Леву, я ни на минуту не задалъ себѣ вопроса: «ужъ не влюбился ли онъ самъ въ Женю?..»

IV.

Въ одинъ изъ слѣдующихъ дней послѣ пріѣзда Бестужева, мы предполагали устроить дальнюю прогулку въ лѣсъ за грибами. Лева поколебался на минуту: идти ли или не идти? Онъ боялся, что эта прогулка дастъ возможность Бестужеву остаться наединѣ съ Женей. Но и дома Бестужевъ могъ остаться наединѣ съ нею. Лева рѣшился идти и не выпускать Женю изъ глазъ. Мы отправились въ шарабанѣ черезъ паркъ къ лѣсу; доѣхавъ до него, мы оставили экипажъ ожидать нашего возвращенія и разбрелись по лѣсу. Мало-по-малу, Лева увлекся исканіемъ грибовъ и хотя старался держаться поближе къ Женѣ, тѣмъ не менѣе немного отсталъ отъ нея. Она была по обыкновенію весела и, звонко смѣясь, кричала Бестужеву и Левѣ, какъ только они приближались къ ней, что они берутъ ея грибы: она найдетъ, а они тотчасъ и перехватятъ, грабители!

На нашемъ пути была небольшая канавка, на днѣ которой скопилась вода. Я и двое юношей, бывшихъ съ нами, перескочили черезъ нее; по другую сторону остались только Бестужевъ, Женя и Лева, нѣсколько отставшій отъ своихъ спутниковъ. Женя не рисковала перескочить на другую сторону, боясь оступиться, соскользнуть по глинистому откосу и попасть въ воду. Бестужевъ, находившійся около нея, предложилъ ей перенести ее. Онъ спустился внизъ и, стоя у ея ногъ, сказалъ ей:

— Не бойтесь, я васъ не уроню.

— Ну да, поскользнетесь и свалимся вмѣстѣ!

— Да нѣтъ же! Я просто перешагну...

Она покраснѣла и колебалась. Я же и перескочившіе со мною черезъ канаву юноши, какъ нарочно, аукались и кричали, что на нашей сторонѣ много ягодъ и грибовъ. Женя колебалась и, смѣясь и досадуя на себя, не знала, что дѣлать, рискнуть ли перескочить грязную канавку, или согласиться на предложеніе услужливаго Александра Николаевича. Ее смущало и то, и другое. Бестужевъ между тѣмъ рѣшительно протянулъ руки, чтобы взять ее. Въ эту ми-

нуту къ нимъ подошелъ Лева. Кровь хлынула ему въ лицо, когда онъ увидалъ Бестужева, готоваго уже принять въ свои объятія дѣвушку. Лева такъ грубо оттолкнулъ его, что Бестужевъ едва не соскользнулъ съ глинистаго откоса въ воду.

— Ты съ ума сошелъ!—крикнулъ запальчиво Шельхеръ.

— Что съ тобой? — спросилъ Бестужевъ съ досадой, съ блѣднымъ лицомъ.

— А то, что надо помнить, гдѣ ты и съ кѣмъ ты. Я не знаю, принято ли у васъ таскать на рукахъ вашихъ барышень. А у насъ этихъ фамильярностей не водится.

— Какихъ фамильярностей! Что ты выдумываешь! — рѣзко сказалъ Бестужевъ.

Лева не удостоилъ его отвѣтомъ. Обернувшись къ Женѣ, онъ проговорилъ:

— Я думаю, ты не маленькая и должна понимать, что это просто неприлично.

Женя сконфузилась и пробормотала что-то въ свое оправданіе, не вполнѣ понимая, за что ее журятъ.

Бестужевъ, всегда хорошо владѣвшій собой, постарался все обратить въ шутку и развязно замѣтилъ ей:

— Вотъ, Евгенія Александровна, намъ съ вами и досталось за наше легкомысліе!

— Это не легкомысліе, а неуваженіе къ тому обществу и къ тѣмъ людямъ, среди которыхъ ты находишься,—тѣмъ же запальчивымъ тономъ продолжалъ Лева, видимо вызывая на ссору пріятеля.

— Ты пустякамъ придаешь серьезное значеніе!—холодно замѣтилъ Бестужевъ.

— Ты лучше меня знаешь, что это не пустяки, — отвѣтилъ Шельхеръ.

И, оборвавъ опять рѣчь, онъ рѣзко сказалъ Женѣ:

— Пора домой!

Потомъ онъ крикнулъ намъ:

— Господа, домой!

Мы всѣ повернули изъ лѣса на голосъ Левы, не зная, что случилось и почему такъ скоро оканчивается наша прогулка. Лева пошелъ рядомъ съ Женей и со мной. Бестужевъ и два другихъ спутника шли сзади. Я удивился, взглянувъ на лицо Левы, искаженное гнѣвомъ и покрытое красными пятнами.

— Что-нибудь случилось?—тихо спросилъ я.

— Чортъ знаетъ что!—громко и строптиво сказалъ онъ,

не считая нужнымъ сдерживаться.—Этотъ господинъ, должно быть, думаетъ, что онъ гдѣ-нибудь въ кафе-шантанѣ, въ кабакѣ. Вздумалъ на рукахъ переносить Евгенію Александровну. Какъ тебѣ это нравится? Маленькая дѣвочка!.. Недостаетъ только того, чтобы у насъ молодые люди стали цѣловаться и обниматься съ молодыми дѣвушками! И то сказать, стоитъ ли церемониться у насъ, у какихъ-то Шельхеровъ!..

Я чувствовалъ себя крайне неловко. Бестужевъ шелъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ и могъ все слышать. У Жени въ глазахъ стояли слезы. Мы шли торопливо и, кажется, у каждаго было одно желаніе, поскорѣй добраться домой. Лева между тѣмъ продолжалъ горячиться и распространяться на ту же тему о безцеремонности разныхъ нахаловъ. У Шельхеровъ они все могутъ дѣлать, чуть не въ разстегнутыхъ жилетахъ ходитъ. При дамахъ готовы валяться на диванахъ. Стоитъ ли стѣсняться! Тяжелое, неловкое положеніе еще болѣе усилилось, когда мы всѣ усѣлись въ шарабанъ. Шельхеръ сѣлъ рядомъ съ кучеромъ на козлахъ, мы всѣ сидѣли другъ противъ друга въ шарабанѣ и перекидывались незначительными фразами. Женя, не поднимая глазъ, разсматривала какой-то грибъ, закусивъ губы и видимо боясь расплакаться. Впервые въ жизни она слышала выговоръ Левы и притомъ выговоръ рѣзкій и грубый.

Бестужевъ былъ сдержанъ и холоденъ. Никогда онъ не смотрѣлъ болѣе приличнымъ, почти надменнымъ.

Дорогѣ изъ лѣсу, по извилистымъ дорожкамъ парка, казалось, не будетъ конца. Наконецъ мы доѣхали до дачи. Когда всѣ вышли изъ шарабана и направились къ дому, Бестужевъ остановилъ Женю и Леву.

— Извините, Евгенія Александровна, если я провинился,—сконфуженнымъ тономъ сказалъ онъ, съ едва замѣтной усмѣшкой въ глазахъ. — Но я привыкъ считать вашъ домъ и всѣхъ въ немъ своими, близкими, и ужъ никакъ не думалъ, что мой совершенно невинный поступокъ вызоветъ такую бурю... въ стаканѣ воды. Она мнѣ крайне непріятна, такъ какъ она отразилась на васъ...

И, обращаясь къ Левѣ, онъ прибавилъ:

— Если бы я смотрѣлъ иначе на твой домъ, на твоихъ близкихъ и на тебя, то, конечно, и наше объясненіе имѣло бы другой характеръ.

По его лицу, теперь холодному и почти злому, скользнула уже совсѣмъ явная насмѣшливая улыбка.

— Что спускается старому другу, то не спускается чужому человѣку,—сказалъ онъ съ удареніемъ:—ты тоже немножко перешелъ границы приличія...

— Я не беру назадъ своихъ словъ! — быстро отвѣтилъ Лева, напрашиваясь инстинктивно на ссору.

— Я и не прошу ихъ взять назадъ, — холодно сказалъ Бестужевъ:—вѣдь и я не могу взять назадъ своей оплошности. Мы-то квиты!

И, опять обращаясь къ Женѣ, онъ повторилъ:

— Но вы прощаете меня, Евгенія Александровна?

Она, сконфуженная, не понимающая, почему изъ-за такихъ пустяковъ поднялась такая тревога, пробормотала:

— Это глупости.

И, наскоро пожавъ протянутую руку Бестужева, стараясь не расплакаться, направилась къ дому. Бестужевъ обернулся къ Левѣ и заговорилъ дружескимъ, развязнымъ тономъ, ловко скрывая затаенную насмѣшку:

— Право, Левъ, ты распѣтушился изъ-за пустяковъ. Я готовъ въ видѣ третейскаго судьи призвать Анну Ивановну, и она, я въ этомъ вполнѣ увѣренъ, скажетъ тебѣ, что въ моемъ поступкѣ нѣтъ ровно ничего предосудительнаго, нарушающаго требованія приличій, такъ какъ до этой поры и я считалъ васъ всѣхъ своими, и вы такъ смотрѣли на меня.

У Левы чуть не сорвалось съ языка: «ты бы ужъ лучше нашу Дарью позвалъ въ судьи». Онъ зналъ, что его мать ровно ничего не понимаетъ въ вопросахъ о приличіяхъ. Закусивъ губы, онъ сдержался и коротко, раздражительно отвѣтилъ:

— Никакіе третейскіе судьи тутъ не нужны! Нужно только быть поосмотрительнѣе на будущее время!

— Горячка ты человѣкъ!—шутливо замѣтилъ Бестужевъ, и въ его глазахъ мелькнуло что-то въ родѣ высокомѣрнаго презрѣнія.—Я ужъ-было хотѣлъ тебя на дуэль вызвать за твои продерзости. Я вѣдь хорошій стрѣлокъ и фехтовальщикъ! Ну, да Богъ съ тобой! Не хочу быть братоубійцей...

— Ты что же это, кажется, угрожать мнѣ вздумалъ?— спросилъ Лева.

— Нѣтъ, мой другъ, я хотѣлъ разсказать тебѣ, какъ два мальчика поспорили изъ-за выѣденнаго яйца и въ запальчивости одинъ убилъ другого...

Онъ засмѣялся и прибавилъ:

— Право, я слишкомъ люблю тебя, чтобы убивать тебя или быть убитымъ тобою...

Продолжая развязно и не безъ злости шутить, онъ направился къ дачѣ. Въ душѣ Левы уже прошелъ гнѣвъ, но се охватили обычное мрачное настроеніе, внутренняя борьба съ вѣчными двойственными вопросами: имѣетъ ли онъ право вторгаться въ судьбу Жени? Можетъ ли онъ мѣшать ей любить Бестужева? Не сдѣлалъ ли онъ точно изъ мухи слона? Не натолкнулъ ли онъ самъ этихъ людей на какія-нибудь новыя мысли? Недостаетъ еще, чтобы его заподозрили въ любви къ Женѣ? Каждый его шагъ — новая безтактность. И что за тонъ былъ у него при объясненіи съ Бестужевымъ? Онъ былъ грубъ, какъ мужикъ, и самъ напросился на то, чтобы ему надавали чуть не пощечинъ въ формѣ дружескихъ шутокъ. Анну Ивановну предложили избрать въ судьи по вопросу о приличіяхъ! Ему, Левѣ, сказали, что его на дуэль хотѣли вызвать, да пощадили. Ужъ такъ бы и сказалъ, что его, Леву, можно, если только есть охота, какъ комара, раздавить. Еще бы: онъ безсиленъ, онъ никогда въ жизни не держалъ въ рукахъ ни рапиры, ни револьвера. И вообще, что онъ такое: ни такта, ни находчивости, ни остроумія!.. Одно безумное бѣшенство и нервничанье, вотъ и все... Когда мы сѣли за столъ, я сразу понялъ, что Лева терзается тысячами мелкихъ, едва уловимыхъ сомнѣній и вопросовъ, что что-то, можетъ-быть, ничтожное, какъ уколъ комара, отравило ему хорошее настроеніе на цѣлый день, на нѣсколько дней. Мнѣ было жаль его, и меня бѣсило настроеніе Бестужева, точно на зло шутившаго и гаерничавшаго во время обѣда. Онъ дѣлалъ намеки на то, что онъ великій грѣшникъ, что онъ всегда напроказитъ, что ему придется и на томъ свѣтѣ искупать свои грѣхи. И во всемъ виноваты молодость, вѣтреность, легкомысліе. Все еще хочется быть школьникомъ, дурачиться, пока еще можно дурачиться... Я зналъ уже хорошо, какъ дорожитъ онъ дружбой Левы ради своихъ мелкихъ расчетовъ, и меня удивляло теперь, что онъ какъ бы не понимаетъ впечатлѣнія, производимаго его шуточками на Леву. Лева могъ возненавидѣть его за одни эти шутки, такъ какъ въ его душѣ было уже раскаянье и злость на себя за поднятую имъ бурю, а тутъ этотъ человѣкъ еще подсмѣивается надъ нимъ. Но, прислушиваясь къ шуткамъ Бестужева, я понялъ, что его заставляетъ шутить поднявшаяся въ немъ злость на Леву; желаніе отпла-

тить за обиду, отплатить безъ пощады, сторицею, съ злорадствомъ, было теперь въ Бестужевѣ выше всѣхъ мелочныхъ расчетовъ. Какъ только кончился обѣдъ, я поспѣшилъ уйти домой...

Нанимаемая нами дачка была перестроена изъ простой крестьянской избы. Внизу помѣщались отецъ и мать; верхъ, то-есть, двѣ комнатки съ потолкомъ въ видѣ крыши гроба и съ крошечнымъ балкономъ, занималъ я. Забравшись къ себѣ, на вышку, я взялъ книгу и, распахнувъ двери на балкончикъ, прилегъ на кушетку. Я любилъ свой чердачокъ, тихій, уютный, съ видомъ на взморье, и все чаще и чаще оставался здѣсь съ своими книгами. Тутъ ничто не смущало моего покоя; тутъ мнѣ было хорошо и уютно. Снизу ко мнѣ доносился иногда говоръ отца и матери, переходившій порою въ веселый смѣхъ. Тогда я поднимался, выходилъ на балконъ. Надъ чѣмъ они смѣются? Они поднимали головы. А, это ты? Слушай, что случилось. Начиналась бесѣда, оживленная, дружеская... Давно прошли эти чудные годы, память же о нихъ уцѣлѣла навсегда, и мнѣ легче переносить съ нею невзгоды: я не могу роптать на судьбу, такъ какъ я зналъ счастье... Начинало уже смеркаться. Я отложилъ книгу и, закинувъ руки подъ голову, забылся въ смутныхъ грёзахъ, устремивъ глаза въ прозрачную даль неба, слѣдя за плывущими въ пространствѣ облаками. Куда несутся они? Гдѣ прольются дождемъ — надъ моремъ или надъ высыхающей нивой? Не погонитъ ли ихъ обратно перемѣнившійся вѣтерокъ? Какъ часто и съ людьми такъ же играетъ судьба... Кому птичьяго молока только недостаетъ, тотъ умираетъ во цвѣтѣ лѣтъ, кому ѣсть нечего, тому отпущено здоровья на десятерыхъ. Эти слова Левы, мелькнувшія въ моей головѣ, напомнили мнѣ о немъ. Да, правъ онъ, завидуя мнѣ. У меня какъ-то все опредѣленно, ровно, спокойно въ жизни, во мнѣ самомъ. Ничего я не желаю, какъ только пройти жизненный путь такъ, какъ прошелъ его мой отецъ, съ трудомъ пролетарія, съ гордостью пролетарія. Дастъ судьба больше, откроетъ двери къ болѣе широкой дѣятельности—хорошо; нѣтъ—и не надо. А у него, у Левы, точно все въ котлѣ кипитъ — и на что уходятъ силы? На вопросы: Богъ ли можетъ спасти человѣка, или самъ человѣкъ можетъ спастись? Будетъ ли за гробомъ жизнь, или не будетъ? Возмездіемъ за грѣхи отцовъ и свои, или проявленіемъ особенной любви Божіей являются земныя испытанія? Спрашивается о томъ, на что

никто не можетъ отвѣтить, на что нѣтъ отвѣта и въ собственной душѣ. Кругомъ же люди бьются въ слезахъ, просятъ помощи, жаждутъ любви. На нихъ почти не обращается вниманія, такъ какъ что же значатъ ихъ житейскія невзгоды и лишенія передъ вопросами о вѣчномъ блаженствѣ или вѣчными мученіями собственной души?.. Уходятъ годы, лучшіе годы жизни безъ опредѣленной цѣли на землѣ, безъ плодотворной дѣятельности здѣсь, безъ пользы для другихъ и безъ радостей для себя. Что это—слѣдствіе болѣзненности, предвидящей близость смерти, или слѣдствіе вліянія мистика-Вурма, ожидающаго пророческимъ духомъ близкаго свѣтопреставленія? Вѣроятно, часть отравы внесена и тѣмъ, и другимъ. Что за дѣло имъ, Вурму и Левѣ, до жизни наканунѣ смерти?..

— О чемъ размечтался?—послышался надо мною голосъ Левы.

Я быстро обернулся и чуть не сказалъ: «о тебѣ». Меня удивилъ его неожиданный приходъ. Онъ рѣдко заходилъ ко мнѣ по вечерамъ, появляясь всегда утромъ для прогулокъ вдвоемъ...

— Что ты?—спросилъ я.—За мной?

— Нѣтъ, силъ нѣтъ сидѣть одному, тамъ у себя,—отвѣтилъ онъ и заходилъ по комнатѣ.

Я поднялся съ мѣста.

— Сегодняшняя исторія всего меня перевернула, — проговорилъ онъ.

— Изъ-за всякихъ пустяковъ ты волнуешься!.. — замѣтилъ я.—Ну, стоитъ ли объ этомъ думать?

— Да неужели же ты не понимаешь, что я съ ума схожу отъ любви?—воскликнулъ онъ, точно сердясь, что я ничего не могу понять самъ, и что мнѣ нужно слышать его собственное признаніе.—Я мѣста не нахожу отъ этого чувства! Меня точно огнемъ жжетъ всего.

Я остановился въ недоумѣніи.

— Какая любовь? Къ кому?—спросилъ я.

— Къ Женѣ!—отвѣтилъ онъ коротко и отрывисто.

— Къ Женѣ?—повторилъ я.—Къ Женѣ? Опомнись, вѣдь ты ей двоюродный братъ!..

— Знаю, знаю, знаю!—внѣ себя воскликнулъ онъ.—Ну, и что-жъ изъ этого? Развѣ чувству можно приказывать? И какому чувству? Чувству первой, страстной, чистой любви. Если бы я не былъ вѣчнымъ больнымъ, я, можетъ-быть, давно потерялъ бы способность страстно любить, разм-

нявъ это чувство въ мелкомъ развратѣ. Если бы я могъ вѣрить въ любовь какихъ-нибудь барышень, ищущихъ моего богатства, я, можетъ-быть, полюбилъ бы которую нибудь изъ нихъ. А теперь... Другъ мой, пойми ты, что это первая моя любовь, что это единственная дѣвушка, въ которую я вѣрю...

— Но что же можетъ выйти изъ этого...—началъ я.

— Ничего, ничего, ничего!—страстно, почти болѣзненно, перебилъ онъ меня. — Я все, все обдумалъ, все знаю, что можно сказать противъ этого, и не могу побѣдить себя, переломить себя!

Онъ схватился за голову.

— Ахъ, если бы ты могъ понять эти муки! Я иногда по цѣлымъ ночамъ плачу, какъ ребенокъ! Мнѣ иногда кажется, что я съ ума схожу! Ты пойми, что тутъ нужно, чтобы кто-нибудь спасъ меня отъ меня самого!

Онъ сѣлъ на диванъ, закрылъ лицо руками и разрыдался. Мнѣ стало мучительно жаль его.

— Голубчикъ, полно! успокойся!—уговаривалъ я, ласково обнявъ его.

Онъ припалъ головой къ моему плечу и плакалъ. Прошло нѣсколько минутъ молчанія. Понемногу онъ успокаивался, облегченный слезами. Наконецъ, осушивъ глаза платкомъ, онъ поднялся снова и опять заходилъ по комнатѣ.

— Это все проклятіе, возмездіе судьбы! — проговорилъ онъ.—Богатство чужими потомъ и кровью мнѣ купили, счастія ничѣмъ не могли купить. Это судъ Провидѣнія...

Меня всегда раздражали разсужденія Левы на эту тему. Они и теперь все перевернули во мнѣ, точно я слушалъ не Леву, а Вурма.

— Оставь Провидѣніе въ сторонѣ и лучше самъ постарайся помочь себѣ!—рѣзко сказалъ я.—Пусть ужъ Вурмъ считаетъ себя посвященнымъ въ намѣренія и планы Провидѣнія и кощунствуетъ, сообщая ихъ людямъ, а мы вѣдь не пророки и не духовидцы.

— Помочь, помочь себѣ! Какъ? Чѣмъ? — перебилъ онъ меня. — Жениться на ней безъ огласки? Потомъ умереть, оставивъ ее незаконной женой? Вѣдь она тогда Богъ знаетъ что перенесетъ. Ты думаешь другіе, родные не раздуютъ скандала послѣ моей смерти? Эти благородныя, но бѣдныя и алчныя чиновницы, эти потерявшіе совѣсть въ кабакахъ и трактирахъ плотовщики, эти разжившіеся, но все же алчущіе добычи фабриканты, вся эта орда, лебезящая теперь

передъ нами, поднимется, подобно псамъ на охотѣ, травлю и затравить Женю. Вѣдь я даже завѣщать ей ничего не могу? На чье имя сдѣлаю я завѣщаніе? На имя законной жены моей Евгеніи Александровны Шельхеръ, но бракъ признается незаконнымъ, законной жены не будетъ налицо. Нужно будетъ вести процессъ. Выиграетъ ли она его? А если и выиграетъ, въ концѣ-концовъ, то во что обойдется скандалъ, какія послѣдствія повлечетъ незаконное сожитіе съ двоюроднымъ братомъ?

— Постой, такъ ли, — началъ я, не вдругъ сообразивъ все сказанное имъ.

Я имѣлъ тогда самое смутное понятіе о нашихъ законахъ, касающихся подобныхъ браковъ.

— Такъ, такъ, — сказалъ онъ и, увлекаясь, повторилъ снова: — На чье имя я буду завѣщать? На имя моей законной жены? Но развѣ она будетъ законною женою? Бракъ признаютъ недѣйствительнымъ. Недѣйствительно будетъ и завѣщаніе. Ахъ, я все, все это обдумалъ, взвѣсилъ. Въ томъ-то и бѣда, что исхода нѣтъ. И зачѣмъ я православный! Былъ бы лютераниномъ, какъ отецъ...

— Что ты говоришь глупости! Былъ бы ты лютераниномъ, она все-таки была бы православною, и дѣло не измѣнилось бы...

— О, эти религіозные вопросы!—воскликнулъ онъ, сжимая руки почти съ бѣшенствомъ.—Всю жизнь терзали они мою душу! Теперь разбивается о нихъ и послѣдняя надежда на счастье!

И, какъ бы опомнившись, испугавшись своихъ собственныхъ словъ, онъ заговорилъ спокойнѣе, подавляя волненіе:

— Я знаю, что исходъ одинъ: надо вырвать изъ сердца эту любовь, надо выдать скорѣе замужъ Женю, отрѣзать себѣ путь къ думамъ о ней. Но это легко сказать! А каково сдѣлать? Я при одной мысли, что этотъ Бестужевъ ухаживаетъ за ней, сталъ ненавидѣть этого человѣка, отыскивать въ немъ всякую грязь... Ты знаешь, сегодня я готовъ былъ убить его за то, что онъ намѣревался принять ее въ свои объятія. Тутъ шелъ вопросъ не о приличіяхъ и неприличіяхъ. Какая можетъ быть у Шельхеровъ щепетильность въ этихъ вопросахъ! Кузнецы, мѣщане, толкующіе о приличіяхъ! Что за глупость! Это была ревность, ревность и только ревность. Я его возненавидѣлъ, вотъ и все! И я чувствую, что я такъ же возненавижу каждаго, кто приблизится къ ней...

Я въ раздумьи замѣтилъ:

— Тебѣ уѣхать бы за границу, надолго, чтобы забыть ее.

Онъ горько усмѣхнулся.

— Я мѣсяца не выживу безъ нея!

Меня раздражили слова Левы. Я, какъ я уже сказалъ, ничего не смыслилъ тогда въ вопросахъ любви. Мнѣ показалось, что главную роль въ чувствахъ Левы играютъ упрямство и настойчивость. Этими чертами въ характерѣ Левы я объяснялъ тогда многое; иногда мнѣ даже казалось, что именно вслѣдствіе упрямства и настойчивости онъ бьется надъ разрѣшеніемъ многихъ вопросовъ, слыша, что они не разрѣшимы. Я объяснилъ это, какъ слѣдствіе избалованности Левы. Онъ могъ всегда поставить на своемъ, онъ всегда ставилъ на своемъ; онъ привыкъ къ этому. Нерѣдко я сердился на настойчивость и упрямство Левы, вспоминая, какъ меня отучали отъ этого дома съ дѣтства. Отецъ нерѣдко говаривалъ: «хоть лобъ объ стѣну разбей, а звѣздъ съ неба не достанешь; значитъ, и нужно примириться съ этимъ». Я не удержался и сказалъ Левѣ откровенно:

— Избалованъ ты слишкомъ, вотъ въ чемъ бѣда. Не можетъ довести до добра эта любовь, ну, и надо дѣлать все, чтобы освободиться отъ нея. А то ты погубишь и себя, и Женю.

Онъ нахмурилъ лобъ.

— Я не подлецъ,—коротко отвѣтилъ онъ.

И, помолчавъ, онъ продолжалъ:

— Я понимаю, что нужно выдать ее замужъ, переломлю себя и не буду ей мѣшать... Ахъ, вотъ когда я хотѣлъ бы скорѣе умереть. Умереть, чтобы не знать, не видѣть, не слышать...

И съ горькой иронiей онъ началъ говорить о себѣ, о своей судьбѣ. Вся эта судьба состоитъ изъ противорѣчій, изъ нелѣпостей. Богатство, свобода, любовь близкихъ—и вѣчные недуги, вѣчный страхъ передъ смертью. Этотъ страхъ сдѣлался главнымъ ощущеніемъ, вошелъ въ плоть и въ кровь, сталъ привычкою, — и вдругъ теперь хочется только одного—смерти. Разсудокъ говоритъ, какъ долженъ поступить честный человѣкъ, сердце подсказываетъ, что нужно сдѣлать для счастія любимой дѣвушки,—и все существо возмущается именно противъ этого, противъ ея брака съ кѣмъ бы то ни было. Во всемъ, всюду противорѣчія и противорѣчія!

— И все-таки ты сдѣлаешь все, чтобы она вышла замужъ и была счастлива,—замѣтилъ я тихо, но твердо.

Мы уже стояли на балконѣ, окруженные прозрачной тьмою яснаго вечера. Передъ нами внизу, за дорогой, тянувшейся подъ горой, разстилалось темное море. Надъ нимъ горѣли и мигали міріады яркихъ звѣздъ. Внизу подъ балкономъ и около балкона чуть слышно шелестили листья деревьевъ. Лева, засмотрѣвшійся вдаль, въ думахъ о своей судьбѣ, какъ бы очнулся отъ моихъ словъ. Онъ горячо схватилъ меня за руку и, крѣпко сжимая ее, проговорилъ:

— Клянусь небомъ, что я употреблю всѣ усилія, чтобы хоть она была счастлива, если мы не можемъ оба быть счастливы!..

Я почувствовалъ, какъ его похолодѣвшая рука вздрогнула въ моей рукѣ, какъ дрожь пробѣжала по всему его тѣлу.

— Ты озябъ?—спросилъ я.

— Такъ что-то, дрожь пробираетъ,— отвѣтилъ онъ.— Смерть—вотъ бы и исходъ.

— Ну, ну, поживешь еще!—шутливо замѣтилъ я.—Однако, уйдемъ съ балкона...

Онъ усмѣхнулся.

— Чтобы не простудиться! Да, чудная природа, чудная ночь, только бы наслаждаться всѣмъ этимъ, любоваться этимъ моремъ, упиваться этимъ воздухомъ,—но Левъ Шельхеръ долженъ непремѣнно уйти, потому что онъ можетъ простудиться.

На мгновеніе по его лицу скользнуло какое-то злое выраженіе. Онъ отвернулся отъ моря и, хмурый, подавленный, угнетенный, пошелъ за мною въ комнату. Его рука отъ времени до времени вздрагивала въ моей рукѣ. Я посмотрѣлъ на его лицо. Въ полутьмѣ оно казалось какимъ-то потемнѣвшимъ. Я зажегъ свѣчу и ужаснулся. Онъ весь измѣнился, какъ бы осунулся; его била лихорадка.

— Я тебя такъ не отпущу. Зайдемъ къ отцу,—сказалъ я тревожно.

Едва успѣлъ взглянуть на него отецъ, какъ замѣтилъ ему:

— Ну, братъ, опять простудился! И сколько разъ я говорилъ тебѣ, что беречься надо! Видно, хина полюбилась?..

На слѣдующій день я засталъ Леву ужъ лежащимъ въ постели. Анна Ивановна металась изъ комнаты въ комнату, сокрушаясь о сынѣ и не зная, что дѣлать. Ей казалось, что она должна въ этихъ случаяхъ что-то дѣлать, а между

тѣмъ дѣлать было нечего, нужно было только не тревожить больного и аккуратно давать ему лѣкарство, что обыкновенно дѣлали и Минна, и Женя, и я. Почти цѣлые дни проводилъ я у постели больного. Если я уходилъ на нѣсколько часовъ, онъ посылалъ за мною, извинялся, что безпокоитъ меня, и повторяя мнѣ, что только при мнѣ ему легче. У него явился какой-то непреодолимый страхъ передъ одиночествомъ. Онъ переживалъ именно то состояніе духа, когда хочется бѣжать отъ самого себя. Я читалъ ему вслухъ книги, болталъ о разныхъ разностяхъ, избѣгая только именъ Жени и Бестужева! Онъ самъ не вспоминалъ о нихъ, и когда Женя заглядывала къ нему, онъ говорилъ ей:

— Не сиди у меня, Женя. Еще и ты расхвораешься въ этой душной комнатѣ...

Разъ только онъ мелькомъ замѣтилъ мнѣ:

— Ты прости, что я томлю тебя. Но одинъ я думаю о томъ, о чемъ нужно не думать, о чемъ нужно забыть... И кромѣ того, я боюсь... боюсь, что могу остаться съ глазу на глазъ съ Женей...

Женя, въ свою очередь, противъ обыкновенія была очень серьезна. Я еще никогда не видалъ ее такою задумчивою и сосредоточенною. Когда Лева высылалъ ее изъ комнаты, она какъ-то вопросительно взглядывала на меня, точно прося объясненія. Наконецъ, она не выдержала и, встрѣтивъ меня въ залѣ, у выхода на террасу, спросила:

— Лева захворалъ отъ этой исторіи?

— Простудился, вѣрно, промочивъ въ лѣсу ноги,—уклончиво сказалъ я.

— Ахъ, что ты говоришь!—нетерпѣливо перебила она.— Приревновалъ тогда и это...

Я остановилъ ее на полусловѣ.

— Приревновалъ? Что тебѣ пришло въ голову! — проговорилъ я.—Развѣ Лева можетъ ревновать тебя, свою сестру? И къ кому, къ Бестужеву? Развѣ Бестужевъ за тобою ухаживаетъ?

Она тихо сказала:

— Бестужевъ меня навелъ на эту мысль...

— Дуракъ!—рѣзко проговорилъ я.—Дѣйствительно, онъ начинаетъ неприлично себя вести. И какъ ты не сказала ему, что это нелѣпость, что Лева не можетъ тебя ревновать ни къ кому...

— Я сказала,—раздумчиво начала она и смолкла.

Ее опять охватило раздумье. Какія-то новыя мысли и чувства видимо подавляли ее. Она, казалось, не могла ни отогнать, ни одолѣть ихъ своимъ, еще почти дѣтскимъ умомъ. Я не удержался и замѣтилъ ей:

— Но будь осторожнѣе съ Бестужевымъ. Это, какъ кажется, порядочный нахалъ...

На ея глазахъ навернулись слезы.

— Тогда Лева, теперь ты! — начала она дрожащимъ голосомъ, тономъ упрека.—Развѣ я не знаю, какъ себя держать... Но я не могу же гнать его отъ себя... Я не ребенокъ, и понятно, что за мной могутъ ухаживать... Или это преступленіе?..

И съ нѣкоторой раздражительностью она добавила:

— Вѣдь за кого-нибудь придется же выйти замужъ... Или это будетъ преступленіе въ глазахъ Левы и твоихъ?

Она нетерпѣливо пожала плечами.

— Ужъ скорѣй бы, а то измучаютъ...

Я вопросительно посмотрѣлъ на нее.

— Ну, да! Что ты такъ на меня смотришь? Измучаютъ, потому что мнѣ не легко видѣть, что Лева слегъ изъ-за меня...

Я хотѣлъ возражать.

— Пожалуйста, не говори пустяковъ!—сказала она, угадывая, что я хочу сказать.—Простуда тутъ ни при чемъ... И не гналъ бы онъ меня... Любилъ, ласкалъ, звалъ «сестренкой», а теперь гонитъ, гонитъ...

Она отвернулась, пошла прочь, но я ясно услышалъ ея всхлипыванья. Бѣдная дѣвочка вполнѣ знала истину, подсказанную ей Бестужевымъ.

V.

Мой отецъ и два другіе доктора, призванные имъ, какъ онъ выражался, «для очищенія совѣсти», къ Левѣ, посовѣтовали послѣднему провести нѣсколько мѣсяцевъ на югѣ Франціи. Пребываніе за границею ужъ два раза благотворно подкрѣпляло силы Шельхера. Услышавъ теперь этотъ совѣтъ, Лева спросилъ:

— Развѣ дѣло ужъ такъ плохо, что надо ѣхать куда-нибудь умирать?

Отецъ пожалъ плечами.

— За этимъ не стоитъ такъ далеко ѣздить. Но я увѣренъ, что ты въ два-три мѣсяца оправишься тамъ надолго.

Лева недовѣрчиво посмотрѣлъ на него.

— Вы, Константинъ Ѳедоровичъ, точно надѣетесь?

И, получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ выразилъ свою готовность ѣхать. Возвратившись домой, отецъ сообщилъ матери и мнѣ, что отъѣздъ Левы рѣшенное дѣло.

— Давно я говорилъ, что ему надо бы опять пожить гдѣ-нибудь на югѣ,—замѣтилъ отецъ.—Такъ нѣтъ, все упрямился.

— Что-жъ тутъ удивительнаго. Имъ подняться не легко, — проговорила матушка. — Вѣроятно, придется опять всѣмъ ѣхать и прихватить снова тетю Маришу. Не отпуститъ же его одного Анна Ивановна. И Минну съ Женей тоже не оставятъ здѣсь...

— Ну, денегъ у нихъ не хватитъ, что ли? — сказалъ отецъ.

— Денегъ-то хватитъ, а ты знаешь неподвижность Анны Ивановны...

— Ничего, пускай порастрясется. Это и ей пойдетъ на пользу...

При упоминаніи имени Жени я смутился. Въ моей головѣ мелькнула мысль о томъ, что тамъ, за границей, оставшись съ Женей вмѣстѣ, среди чужихъ, Лева станетъ въ самое тяжелое положеніе. Его любовь только усилится, и до чего это доведетъ—Богъ знаетъ. Меня даже нѣсколько удивило, какъ согласился самъ Лева на эту поѣздку. Неужели онъ не понимаетъ, на какой рискованный шагъ онъ рѣшается? Но въ тотъ же вечеръ къ намъ зашла Анна Ивановна, встревоженная и озабоченная, какъ никогда. Впрочемъ, одно ея появленіе у насъ доказывало уже, что случилось нѣчто необычайное. Лѣтомъ она предпочитала не двигаться со своей дачи никуда за исключеніемъ прогулокъ въ экипажѣ. Съ первыхъ же словъ она заговорила о томъ, что она совсѣмъ голову потеряла, узнавъ о необходимости везти Леву за границу.

— Я и ума не приложу, что съ нами будетъ,—говорила она растерянно, точно о какой-то бѣдѣ. — По гостиницамъ придется жить, пансіоны тамъ тоже эти... Что подадутъ, какъ приготовятъ—всѣмъ будь доволенъ.

Отецъ улыбнулся.

— Денегъ у васъ, что ли, недостало, чтобы не жить въ трактирахъ и пансіонахъ? Да вамъ даже и не расчетъ такъ жить. Васъ вѣдь поѣдетъ цѣлая орда, будете жить на одномъ мѣстѣ, ну, и живите своимъ хозяйствомъ. Слава Богу, не въ первый разъ ѣдете.

– Какъ много ѣдетъ? Я, Лева, да тетя Мариша—вотъ и всѣ,—отвѣтила она. — Въ томъ-то и бѣда. Мариша плохая хозяйка, а я — да я не справлюсь съ тамошней прислугой... Да развѣ вы не знали, что мы безъ Женюшки и Миннушки ѣдемъ? А я даже, грѣшный человѣкъ, подумала, что это вы настроили Леву не брать ихъ. Это-то меня и сокрушаетъ болѣе всего, что Миннушку и Женюшу приходится здѣсь оставлять.

Мать и отецъ удивились.

— Зачѣмъ же, зачѣмъ же, Анна Ивановна?—заговорили они въ одинъ голосъ. — Забирайте и ихъ. Право же, это не большой расчетъ.

— Ахъ, да развѣ я когда о деньгахъ думаю?—воскликнула Анна Ивановна.—Но Лева такъ хочетъ, Лева!

Отецъ даже разсердился.

— Ну, ужъ очень онъ у васъ много капризничаетъ. Скоро съ нимъ сладу не будетъ!

Анна Ивановна испугалась.

— Родной мой, Константинъ Ѳедоровичъ, развѣ же я могу идти противъ его желаній? Онъ у меня одинъ. Онъ больной. Пусть дѣлаетъ, какъ хочетъ. Говоритъ, ему спокойнѣе безъ сестеръ...

— Ну, нѣтъ! Съ нимъ нужно поговорить объ этомъ. Хотите, я поговорю? Вѣдь онъ самъ съ тоски пропадетъ. Да и вамъ скука будетъ. Вотъ тоже надумалъ!

— Ужъ обо мнѣ и не говорите! Предлагаетъ взять съ собою кого угодно, только не Женюшу и Миннушку. Ну, положимъ, я и возьму опять тетю Маришу, да вѣдь это все не то, что Миннушка и Женюша. И сердце мое ныть будетъ по нихъ. Съ ними тоже надо кого-нибудь оставить. Ольгу, что ли? Больше некого. Ахъ, ужъ такъ эта поѣздка все перевернула, что я и голову потеряла.

Она тяжело вздохнула.

— И Женюша опечалилась, ходитъ, какъ въ воду опущенная,—эта она-то, жаворонокъ-то нашъ! И то сказать, развѣ легко ей остаться здѣсь, безъ меня, безъ Левы?

Отецъ опять замѣтилъ, что все это нелѣпо, что надо уговорить Леву перемѣнить рѣшеніе. Анна Ивановна недовѣрчиво покачала головой. Она знаетъ Леву: онъ мягокъ, кротокъ, но что ужъ разъ задумалъ, то сдѣлаетъ. Настойчивъ, настойчивъ такъ, что страсть. Да вотъ, коротко сказать — задумалъ кончить ученіе въ школѣ — и кончилъ, а на что

ему это, не учителемъ ему быть, не хлѣбъ зарабатывать. Все это отъ настойчивости. Конечно, больной человѣкъ.

Отецъ, прощаясь съ нею, обѣщалъ зайти къ нимъ на слѣдующій день.

Мнѣ очень хотѣлось сказать ему, чтобы онъ не мѣшался въ это дѣло, что изъ его совѣтовъ ничего не выйдетъ, что даже было бы лучше, если бы ничего не вышло. Но меня останавливало сознаніе, что я не имѣю права выдавать чужой тайны, ввѣренной мнѣ по дружбѣ. И какъ взглянетъ отецъ на это дѣло? Въ то же время меня смущала мысль о томъ, что вдругъ отцу удастся поколебать рѣшимость Левы. Что тогда? Не безъ тревоги ждалъ я возвращенія отца отъ Шельхеровъ. При первомъ взглядѣ на него я угадалъ, что онъ потерпѣлъ неудачу.

— Чортъ знаетъ, что за упрямый человѣкъ! — сказалъ отецъ, садясь за завтракъ. — Что вобьетъ себѣ въ голову, того ничѣмъ не выбьешь. Хуже осла. Набаловали его. Еще бы! Какъ сыръ въ маслѣ катается, единственный наслѣдникъ, оранжерейный цвѣтокъ, какъ же не быть избалованнымъ.

И, обернувшись ко мнѣ, онъ спросилъ:

— Хоть тебѣ-то не говорилъ ли онъ, почему эта блажь пришла ему въ голову?

Мое лицо вспыхнуло румянцемъ, но я не выдалъ себя и отвѣтилъ:

— Нѣтъ, не говорилъ.

— Да, должно-быть, и нѣтъ никакихъ серьезныхъ мотивовъ, а просто: хочу такъ—такъ и будетъ.

И, ужъ смѣясь добродушнымъ смѣхомъ, онъ прибавилъ:

— Онъ, можетъ-быть, и хвораетъ изъ упрямства: хочу, молъ, быть больнымъ и болѣю. А впрочемъ, ну ихъ, сытыхъ самодуровъ!.. Вотъ посмотрѣли бы, какъ живутъ люди не гдѣ-нибудь за тысячи верстъ, а здѣсь, въ сосѣднихъ деревняхъ, можетъ-быть, самодурство-то и соскочило бы...

Мнѣ было крайне больно, что я не могъ серьезно вступиться за Шельхера и сказать, что, уѣзжая за границу безъ Жени, Лева въ сущности приноситъ не малую жертву. Какъ тяжела была эта жертва, я убѣдился въ этомъ въ тотъ же день, когда Лева говорилъ мнѣ о своихъ планахъ. Три, четыре мѣсяца, можетъ-быть, помогутъ ему если не забыть Женю,—нѣтъ, забыть ее онъ не можетъ!—то охладѣть нѣсколько къ ней. Иные люди, иная природа, иныя впечатлѣнія, все это должно же повліять благотворно. Онъ

употребитъ всѣ усилія, чтобы переломить себя, чтобы образумиться. Если бы онъ взялъ Женю съ собою, остался бы съ нею съ глазу на глазъ, ходилъ бы съ нею рука объ руку тамъ, подъ синимъ небомъ юга, по берегамъ лазурнаго моря, гдѣ все дышитъ страстью и любовью, онъ дошелъ бы чортъ знаетъ до чего.

— Ты знаешь, я не подлецъ, не негодяй, но бываютъ минуты, когда... Мало ли что дѣлаютъ люди въ припадкѣ умасшествія.

Онъ вздрогнулъ.

— И кого же погубить? Ту, которая мнѣ дороже жизни?.. Нѣтъ, нѣтъ, никогда!..

И говоря это, онъ въ то же время плакалъ неутѣшными слезами. Эти слезы, это отчаяніе онъ подавлялъ при постороннихъ; ни словомъ, ни взглядомъ не выдалъ онъ себя и передъ Женей. Онъ былъ съ нею холоденъ и сухъ, какъ никогда. Она смотрѣла на него странными глазами, удивленными, недоумѣвающими, широко открытыми, точно ребенокъ, не понимающій своей вины и гнѣва взрослыхъ. Иногда этотъ взглядъ переходилъ на меня, точно спрашивая: «скажи же хоть ты, что это значитъ, ты вѣдь все знаешь; что же ты молчишь, зачѣмъ мучишь меня?» Я, краснѣя, отворачивался отъ нея. Бѣдная дѣвушка смотрѣла жалкою, подавленною. Всегда веселая, безпечная, легкомысленная до этой поры, она теперь была грустна, задумчива, сосредоточена, не пѣла, не смѣялась. Меня удивляла эта перемѣна, но еще болѣе удивляло то, что Женя не спрашиваетъ Леву, за что онъ сердится на нее. Я ждалъ и боялся именно этого. Она вѣдь такъ любила болтать, такъ не выносила, чтобы на нее «дулись». Что ей скажетъ онъ, если она спроситъ: «за что ты дуешься?» Хватитъ ли у него силъ спокойно объясниться съ нею? И какъ объясниться? Что сказать? Но она не задавала этого вопроса. Почему? Этого я не могъ понять тогда. Это тягостное время длилось недолго; Лева страшно торопился отъѣздомъ и даже нѣсколько раздражался, слыша отъ Анны Ивановны, что ей еще нужно сдѣлать кое-какія распоряженія, что тетя Мариша не успѣла еще собраться. Если бы Лева способенъ былъ ругаться и если бы кроткую и покорную тетю Маришу можно было ругать — онъ непремѣнно бы разругался за ея медленные сборы. Впрочемъ, эта небогатая родственница, не столько старая, сколько убѣжденная въ своей старости, въ сущности, могла раздражить и не Леву. Она, когда Анна Ивановна пригласила ее

ѣхать за границу, растерялась и никакъ не могла освоиться съ этой мыслью. Начнетъ она приготовляться, хлопочетъ цѣлый день, а ночью пораздумаетъ и является на утро къ Аннѣ Ивановнѣ съ робкимъ вопросомъ, точно ли ее приглашаютъ ѣхать и не раздумали ли ее взять. Это могло хоть кого вывести изъ терпѣнія. Ей отвѣчали: «да, да, только собирайся скорѣй», и она торопливо уѣзжала, хлопотала, сбивалась съ ногъ, а вечеромъ на нее снова нападало сомнѣніе.

Тетя Мариша или, иначе, Марина Осиповна Сущова принадлежала къ числу людей, кажущихся смолоду старыми, а подъ старость юными, чуть не дѣтьми. Она была круглою сиротою почти съ колыбели, воспитывалась въ институтѣ, жила въ гувернанткахъ. Въ ранніе годы дѣтства кто-то назвалъ ее «драною кошкой». Съ этой поры она конфузилась за свою физіономію. Поступивъ почти безъ подготовки въ институтъ, она должна была употреблять много усилій, чтобы не отставать отъ подругъ, и потому стыдилась за свою «неспособность». Убивая всѣ силы на ученіе, она не могла сдѣлаться ни хорошей музыкантшей, ни хорошей пѣвицей, ни хорошей рисовальщицей, и смущалась при мысли что у нея нѣтъ никакихъ «дарованій». Такъ она и вышла въ свѣтъ съ убѣжденіемъ, что у нея нѣтъ никакихъ «достоинствъ». Жизнь была не сладка безъ ласкъ, безъ любви, безъ наслажденій, съ вѣчнымъ однообразнымъ трудомъ изъза гроша. Маринѣ Осиповнѣ минуло тридцать два года; а она уже считала себя давно старухою, держалась скромно, одѣвалась въ черное. И вдругъ за нее посватался двоюродный дядя Анны Ивановны, Матвѣй Матвѣевичъ Сущовъ, встрѣчавшій ее ежедневно у своей сестры, гдѣ Марина Осиповна жила въ гувернанткахъ. Она сконфузилась, отвѣтила: «я уже старуха, Матвѣй Матвѣевичъ». «И я не юноша»,—сказалъ онъ. Тѣмъ не менѣе, она не дала ему своего согласія. Ей казалось, что съ ея стороны было бы грѣхомъ идти замужъ, не имѣя никакихъ достоинствъ, за человѣка, обратившаго на нее вниманіе только вслѣдствіе своей безмѣрной доброты. Его родные, узнавъ его намѣреніе, разъяснили Маринѣ Осиповнѣ, что онъ пьетъ, что она будетъ несчастна съ нимъ, что за него никто не пойдетъ. Марина Осиповна расплакалась и расплакалась именно о томъ, что онъ такой несчастный человѣкъ, что за него никто не пойдетъ. Когда онъ еще разъ заговорилъ съ нею о свадьбѣ, замѣтивъ при этомъ, что съ нею онъ, какъ у

Христа за пазухой, былъ бы, — она дала свое согласіе. Свадьба состоялась. Супруги важили примѣрно, немного даже сентиментально. Онъ ее звалъ «моя няняша», она его звала «дѣточка». Когда ей говорили: «но вѣдь онъ пьетъ», она отвѣчала: «онъ сущій ангелъ». Дѣйствительно, онъ былъ добръ, мягокъ, слабъ, склоненъ къ слезамъ, и онѣ были тѣмъ обильнѣе, чѣмъ болѣе онъ выпивалъ. Въ эти минуты онъ цѣловалъ руки жены, обливая ихъ слезами, а она ласкала его, какъ больного ребенка. Сестры, братья, племянчики и племянницы Матвѣя Матвѣевича говорили: «съ дѣтства онъ поврежденный, въ сумасшедшемъ бы домѣ ему сидѣть». Жена его говорила: «онъ страдалецъ». Въ пьяномъ видѣ онъ жаловался на то, что въ дѣтствѣ его забили, что въ юности бросили безъ образованія, что съ горя онъ сталъ пить. Всѣ слушали его съ насмѣшливостью или съ отвращеніемъ. Еще бы! Развѣ не смѣшны жалобы сорокалѣтняго мужчины, жалобы пьяницы? Марина Осиповна не смѣялась надъ нимъ, не презирала его, называла его «загубленнымъ человѣкомъ», и не вѣрила тѣмъ, кто говорилъ, что изъ него ничего не вышло бы и тогда, если бы его не загубили. Когда онъ умеръ—она плакала неутѣшно. Ей казалось, что ей ужъ нечего ждать въ будущемъ, что она всѣмъ чужая. Ее вѣдь только и любилъ этотъ человѣкъ. И онъ-то за что полюбилъ ее, за что продолжалъ любить всю жизнь? Этотъ вопросъ она задавала себѣ тысячу разъ и никакъ не могла его разрѣшить. Можетъ-быть, послѣ смерти мужа она умерла бы съ горя, но у нея на рукахъ осталась дѣвочка-сиротка, подобранная ею и ея мужемъ гдѣ-то на улицѣ. Надо было устроить какъ-нибудь судьбу дѣвочки и, отирая слезы, проливаемыя о мужѣ, Марина Осиповна бѣгала и хлопотала о дѣвочкѣ, выставляя всѣмъ на видъ добродѣтели этого ребенка: «Вѣдь что за сердце-то, *я* ей чужая, а она во мнѣ души не слышитъ, какъ родную мать любитъ». Дѣвочку устроили въ учебное заведеніе, а тетя Мариша, имѣвшая довольно ограниченныя средства, принялась усиленно за уроки. «Охота тебѣ трепаться по улицамъ,—говорила ей Анна Ивановна.—Переѣхала бы ко мнѣ, вотъ и все». Марина Осиповна совсѣмъ сконфузилась. За что ей хотятъ помогать? За что ее любятъ? Господи, какіе добрые люди бываютъ на свѣтѣ! И она готова была въ огонь и въ воду за Анну Ивановну, хотя переѣхать къ ней въ домъ и заняться хозяйствомъ она не могла, къ величайшему своему огорченію: она, конфузясь и краснѣя, объяснила, что она

тотчасъ же переѣдетъ въ домъ Шельхеровъ, какъ только пристроитъ дѣтей. И уже совсѣмъ пристыженная, она объяснила, что на дворѣ у нея умерла прачка и оставила двухъ сиротъ. «Ихъ рѣшительно некому было взять, рѣшительно некому», — ну, и пришлось взять ихъ ей, Маринѣ Осиповнѣ. Она сознавалась въ этомъ, какъ сознаются пойманные на мѣстѣ преступленія юные и неопытные воры, пошедшіе воровать съ голоду. И стараясь хоть какъ-нибудь вывернуться, объяснить, что она никогда не взяла бы дѣтей, если бы было кому ихъ взять, она прибавляла совсѣмъ заискивающимъ тономъ, какія души у этихъ дѣтей: «она имъ чужая, совсѣмъ чужая, а они ее зовутъ тетей, ластятся къ ней». Мало-по-малу, на нее всѣ махнули рукой, какъ на неисправимую чудачку и на крайне ограниченную женщину. Ограниченность ея ума не была ни для кого тайной, и прежде всего она сама была убѣждена въ этомъ. Тѣмъ не менѣе всѣ очень любили тетю Маринку и пользовались ея услугами, хотя и не безъ оттѣнка сознанія своего превосходства надъ нею, не безъ оттѣнка иронiи въ отношеніи къ ней. Она была всегда крайне тронута вниманіемъ близкихъ, удивлялась, какіе доброе люди бываютъ на свѣтѣ, и оказывала имъ услуги въ родѣ ухода за больными, хлопотъ по покупкѣ разныхъ вещей, путешествія за границу въ должности даровой компаньонки, лектрисы и переводчицы при Аннѣ Ивановнѣ. Эта невысокая, теперь уже не «драная кошка», а полненькая старушка, съ лицомъ похожимъ на розовый кулачокъ, съ какими-то какъ бы недоразвившимися, недорисованными чертами лица, съ безформенными комочками розоваго тѣла вмѣсто щекъ, подбородка и носа, съ красноватыми полосками вмѣсто бровей, съ неопредѣленнымъ не то улыбающимся, не то близкимъ къ слезамъ выраженіемъ лица, являлась крайне комичною во время сборовъ за границу съ Анной Ивановной. Ей нужно было обдумать, какъ устроить на время своего отсутствія кого-то изъ сиротъ, жившихъ у нея, кого посѣтить и кому что снести изъ сиротъ, жившихъ уже не у нея, а въ учебныхъ заведеніяхъ. И все ей казалось, что она не все имъ снесла, не все для нихъ сдѣлала. Потомъ на нее нападало раздумье: «да можетъ быть, ее и раздумали взять». Тогда она бѣжала справляться, узнавала, что не раздумали, что ее ждутъ, извинялась и торопилась снова, растерянная, запыхавшаяся. Наконецъ, она посѣтила всѣхъ своихъ «дѣтей», надѣлила всѣхъ ихъ, поплакала у каждаго изъ нихъ—

и собралась въ дорогу, горячо благодаря Анну Ивановну, что та ее беретъ съ собой. Ей вѣдь и во снѣ не снилось, что она опять поѣдетъ за границу. Иной вѣдь весь вѣкъ проживетъ, а не дождется такого счастія, какъ она. Господи, какіе добрые люди бываютъ на свѣтѣ!..

У всѣхъ какъ камень свалился съ плечъ — Шельхеры ѣхали на вокзалъ варшавской желѣзной дороги. Все время до отъѣзда поѣзда Лева сновалъ по вокзалу, хлопоча о чемъ-то, что и безъ него было уже устроено и улажено прислугой. Я чувствовалъ, что онъ только хочетъ не быть съ нами, съ провожающими. Наконецъ, раздался второй звонокъ. Шельхеръ заторопился.

— Ну, прощайте, прощайте! Пора!—заговорилъ онъ, торопливо пожимая намъ руки и цѣлуясь съ нами, не глядя почти на насъ.

— Про-щай... прощай!—вдругъ раздался прерывающійся отъ рыданій голосъ Жени.

Лева, захваченный врасплохъ ея рыданіями, какъ безумный, схватилъ руками ея голову и, не помня себя, покрылъ поцѣлуями ея лицо; потомъ схватилъ обѣ ея руки и десятокъ разъ поцѣловалъ ихъ, заливаясь слезами. Это былъ бурный порывъ страсти. Женя стояла, какъ обезумѣвшая, съ широко открытыми глазами, съ полуоткрытымъ ртомъ, точно человѣкъ, сразу понявшій все, все, надъ чѣмъ онъ думалъ и бился долгіе, долгіе безсонные дни и ночи. Лева уже былъ въ вагонѣ, забившись въ уголъ, закрывъ лицо платкомъ, подъ сводами дебаркадера уже прозвонилъ третій звонокъ, поѣздъ уже медленно задвигался, когда Женя очнулась, двинулась куда-то впередъ, безсознательно, какъ бы во снѣ, и опять какъ бы застыла на мѣстѣ. Всѣ присутствующіе махали платками Аннѣ Ивановнѣ, Левѣ и тетѣ Маришѣ, идя рядомъ съ вагономъ, гдѣ они сидѣли. Женя осталась одна со мною. Я позвалъ ее, она взглянула на меня и тихо сказала:

— Бѣдный Лева!

Городская жизнь въ домѣ Шельхеровъ пошла и безъ хозяевъ обычнымъ порядкомъ. Оставшаяся при дѣвушкахъ въ домѣ родственница Анны Павловны, Ольга Дмитріевна Вощинина, вдова небогатаго чиновника, заправляла хозяйствомъ и быстро вошла въ свою роль. Это была типичная представительница небогатыхъ посѣтительницъ клубовъ, театральныхъ галлерей, дешевенькихъ пикниковъ. Развязная въ манерахъ и очаровательная по обхожденію съ людьми,

эта особа съ претензіями на свѣтскость и даже на красоту, чувствовала себя у Шельхеровъ, какъ рыба въ водѣ. Въ обыкновенное время Ольга Дмитріевна являлась въ домъ Шельхеровъ только за подачками и уходила отсюда съ затаенною завистью въ душѣ и съ развязною шутливостью нѣсколько дней сряду послѣ этихъ визитовъ говорила «въ своемъ кругу», что «нынче вѣдь царство мужиковъ» и «на что нынче благородство, воспитаніе, образованность, когда почетъ и уваженіе оказываются только туго набитой мошнѣ, когда какая-нибудь бывшая селедочница Федулова на придворный балъ попала». Потомъ она «въ своемъ же кругу» разсказывала самые смѣшные анекдоты объ этихъ мужикахъ и мужичкахъ, вылѣзшихъ въ люди: ни вкуса, ни манеръ, ни такта! Конечно, кто истинно благороденъ, развитъ, образованъ, тотъ не станетъ завидовать этому животному счастію—о, нѣтъ, нѣтъ, никогда!—и не промѣняетъ своей скромной доли на ихъ долю. Вѣдь все это довольство нажито, ахъ, какими путями! Теперь приглашенная въ домъ Шельхеровъ Вощинина могла ѣздить съ барышнями во французскій театръ, въ итальянскую оперу, принимать въ домѣ гостей и, несмотря на свои сорокъ пять лѣтъ, любезничать съ молодежью, находясь въ сладкомъ заблужденіи, что эта молодежь очарована ея приторной любезностью и косметическою красотою. До этой поры она играла въ домѣ Шельхеровъ роль приживалки, появлявшейся съ цѣлью выманить денегъ или поношенныхъ платьевъ. Теперь она считала себя чуть не благодѣтельницей въ этомъ домѣ, потому что безъ нея Аннетъ (до этой поры она называла госпожу Шельхеръ не иначе какъ Анной Ивановной) не могла бы уѣхать за границу, такъ какъ на кого же оставить бѣдныхъ Минну и Женю; она, Ольга Дмитріевна, даже бросила ради дружбы къ Аннетъ свой домъ и своего бѣднаго мальчика, при этомъ она умалчивала, что ея «домъ» была скверная меблированная комната, а ея «мальчикъ» и прежде, и теперь «продавалъ слоновъ», воображая, что онъ будущая знаменитость—у него было что-то въ родѣ баритона, и потому онъ присвоилъ себѣ право ничего не дѣлать, ничему не учиться, числясь ученикомъ какой-то музыкальной школы. Теперь этотъ мальчикъ, ражій и цвѣтущій юноша, лѣтъ двадцати двухъ, кормился ежедневно у Шельхеровъ и старался плѣнить своимъ голосомъ «кузиночекъ». Почти каждый вечеръ зала Шельхеровъ потрясалась его баритономъ, выкрикивавшимъ:

Проснись, проснись, Дипора,
Иль я умру съ тобой!

Но мальчикъ не только самъ являлся почти каждодневно сюда, онъ наводилъ съ собою какихъ-то товарищей,—еврейчика съ теноромъ, похожимъ на писклявый сопрано; бывшаго придворнаго пѣвчаго, заупокойнымъ басомъ завывавшаго «двухъ гренадеръ»; какихъ-то невозможныхъ субъектовъ, харкавшихъ во время пѣнія и говорившихъ: «намъ наплевать на итальянцевъ, потому что мы имъ носы-то утремъ». Ольга Дмитріевна была безъ ума отъ этихъ молодыхъ людей, говоря, что «она обожаетъ все примитивное»,— хотя самое слово «примитивное», вѣроятно, было для нея не вполнѣ понятно. Съ этими примитивными людьми у Ольги Дмитріевны были даже легонькіе романчики, хотя она вообще была очень строга въ вопросахъ о нравственности и кстати, и некстати говорила, что она «презираетъ этихъ продажныхъ женщинъ», «и развѣ можно торговать чувствомъ, святымъ чувствомъ!» Впрочемъ, ей, вѣроятно, никто не предлагалъ торговать чувствомъ, и у нея не было, въ свою очередь, никогда лишняго гроша, чтобы купить чужое чувство, и одно это уже могло способствовать ей остаться вѣрной своимъ нравственнымъ принципамъ относительно непродажности чувствъ. Со дня вступленія Ольги Дмитріевны въ домъ Шельхеровъ здѣсь шелъ «дымъ коромысломъ». Минушка сносила довольно добродушно концерты доморощенныхъ пѣвцовъ и даже просила ихъ сама спѣть тотъ или другой любимый романсъ — «Ты скоро меня позабудешь», или что-нибудь въ этомъ же родѣ. Но Женя чувствовала себя въ этомъ обществѣ неловко и какъ-то ежилась, когда Володя безцеремонно пожималъ ей руки, вздыхалъ при ней и закатывалъ глаза, напѣвая, по своей привычкѣ, отрывки разныхъ любовныхъ романсовъ во время разговора. Впрочемъ, вѣроятно, и безъ этого общества Женя по отъѣздѣ Шельхеровъ смотрѣла бы не веселѣе. Въ ней произошелъ какой-то переломъ: безпечная дѣвочка вдругъ превратилась въ серьезную взрослую дѣвушку, и притомъ дѣвушку, уже испытавшую глубокое горе. Къ несчастію, горе не приноситъ тотчасъ же съ собою и развитія, и широкихъ взглядовъ, и глубокихъ умственныхъ способностей, и опытности. Оно можетъ заставить человѣка задуматься, но вопросъ: подъ силу ли ему окажутся тяжелыя думы? Что творилось въ душѣ Жени—никто не зналъ. Бестужевъ, заглядывавшій

нерѣдко въ домъ Шельхеровъ, говорилъ ей съ брезгливой гримасой:

— Васъ тяготитъ это общество?

Она равнодушно отвѣчала:

— Я не обращаю на нихъ вниманія.

— Нѣтъ, нѣтъ, не говорите такъ! Я знаю по себѣ, что значитъ быть среди людей, съ которыми не имѣешь ничего общаго! Недаромъ же я бѣгу сюда отдохнуть съ вами.

Она пристально вглядывалась въ него.

— И вамъ не скучно здѣсь?

— Съ вами-то? О, если бы я могъ всегда, всегда быть около васъ!..

Разъ онъ порывисто поднесъ къ губамъ ея руку. Она смутилась, покраснѣла и съ упрекомъ проговорила:

— Александръ Николаевичъ, что съ вами?

— Простите, простите! О, если бы вы могли заглянуть въ мою душу.

И опять онъ говорилъ ей, какъ отрадно ему быть около нея, такой чистой, такой неиспорченной. Подлѣ нея онъ самъ становится лучше, чище. Тамъ, въ его кругу, тоже омутъ, затягивающій, губящій.

— Вы не ребенокъ и отъ васъ зависитъ выйти изъ этого омута,—замѣтила она, пристально взглянувъ на него.

— О, это далеко не такъ легко,—вздохнулъ онъ.

И опять начались толки объ ангелѣ-спасителѣ, который вывелъ бы его изъ этого омута. Все это говорилось въ формѣ банальныхъ фразъ, съ пошлымъ ломаньемъ разочарованнаго и гибнущаго человѣка. Скоро ли же будутъ результаты этихъ признаній? Чего онъ добьется? Она такъ мила и наивна! Вскидывая на носъ pince-nez, онъ горящими глазами вглядывался въ нее, въ это дѣтское личико, въ эти пурпуровыя губки. Женя слушала его и задумывалась. Не она ли этотъ ангелъ-спаситель? Не ей ли суждено спасти отъ чего-то этого страдающаго отъ своего положенія человѣка?

— Бестужевъ, кажется, очень несчастливъ,—сказала она однажды мнѣ.

— Чѣмъ же? Живетъ себѣ во всю ширь, — отвѣтилъ я.

— Да, но онъ въ дурной средѣ, это тяготитъ его. Онъ хотѣлъ бы вырваться изъ нея.

— Ты думаешь?

— Я это навѣрно знаю.

— Что-жъ, можетъ-быть, и такъ!—уклончиво отвѣтилъ я.

Мнѣ не хотѣлось говорить дурно о Бестужевѣ. Я боялся вліять на Женю въ этомъ вопросѣ въ ту или другую сторону. Ее это, повидимому, сердило. Она съ досадой замѣтила мнѣ:

— Ты точно чего-то не договариваешь. Право, это странно...

— Я плохо знаю Бестужева!

Она передернула плечами.

— Ты, можетъ-быть, даже слишкомъ хорошо знаешь, — съ насмѣшливостью въ голосѣ проговорила она: — и только боишься разочаровать меня...

Въ другой разъ, сидя со мною, она замѣтила:

— Я часто думаю, что̀ случилось бы, если бы я вышла за кого-нибудь замужъ?

— За кого?—спросилъ я.

— Все равно, за кого, — раздражительно проговорила она.—Дѣло не въ томъ. Но что сказали бы наши?

— Всѣ были бы рады, если бы ты была счастлива, — отвѣтилъ я.

— Всѣ?—спросила она, пристально взглянувъ на меня.— Ты увѣренъ?

— Конечно!—поторопился я сказать.

Она задумалась.

— Левѣ было бы скучно безъ меня,—начала она нерѣшительно.

— Да, но онъ былъ бы радъ, что ты счастлива, — сказалъ я. — Я увѣренъ, что его тревожитъ неопредѣленность твоего положенія.

Она вздохнула.

Чрезъ нѣсколько дней разговоръ опять коснулся вопросовъ женитьбы и замужества.

— Я не знаю, — замѣтила Женя: — правду ли говоритъ пословица: женится — перемѣнится? Можетъ ли женщина такъ повліять на человѣка, чтобы онъ сталъ совсѣмъ, совсѣмъ инымъ?

— Что тебя такъ заинтересовалъ этотъ вопросъ?

— Такъ, случайно... Скучно теперь у насъ... Передумаешь Богъ знаетъ что... Вотъ на-дняхъ читала романъ, гдѣ говорится о такомъ перерожденіи человѣка...

— Какой романъ?

Она покраснѣла, замялась, проговорила:

— Забыла теперь названіе... И дѣло не въ томъ. Это навело меня на мысль о томъ, что вдругъ бы я вышла за такого человѣка...

Она постаралась улыбнуться.

— Я вѣдь невѣста теперь по годамъ, не мудрено, что и думаю объ этомъ... Могла ли бы я передѣлать человѣка?.. Или это только слова, слова и слова...

— Любовь, говорятъ, творитъ чудеса...

— Да, да, любовь... Что-жъ, я постаралась бы любить...

Я разсмѣялся.

— Какой ты ребенокъ! Развѣ можно постараться любить? Любовь является безъ старанія.

— А если ея нѣтъ?

— Тогда не для чего идти замужъ, насиловать себя.

Она сдѣлала нетерпѣливое движеніе

— А если надо, необходимо надо?

И вдругъ, точно опомнившись, она засмѣялась насильственнымъ смѣхомъ:

— Но что это мы все о любви толкуемъ! Хорошее мнѣніе составишь ты о барышняхъ вообще, судя по мнѣ! Будешь думать, что онѣ только этими мечтами и живутъ.

Она круто перемѣнила разговоръ.

Я смутно угадывалъ, что въ ея головѣ проходятъ какіе-то новые вопросы, думы, сомнѣнія, не соотвѣтствующіе размѣрамъ ея природныхъ умственныхъ силъ, образованія, опытности...

Разговору о любви суждено было возникнуть снова между нами и при крайне тяжеломъ настроеніи. Я получилъ отъ Жени коротенькую записочку, приглашавшую меня въ домъ Шельхеровъ. Это былъ понедѣльникъ, и я удивился приглашенію, такъ какъ это былъ день абонемента въ итальянской оперѣ. Я отправился въ домъ Шельхеровъ и засталъ Женю одну. Взглянувъ на нее, я сразу увидалъ, что она плакала, что она сильно возбуждена.

— Извини, что я просила тебя придти, — сказала она, здороваясь со мною.—Но ты здѣсь одинъ, съ кѣмъ я могу поговорить...

— Что случилось?—спросилъ я тревожно.

Она хотѣла засмѣяться и вмѣсто того неожиданно разрыдалась.

— Женя, Женя, что съ тобою? Полно! — уговаривалъ я съ участіемъ.

— Нѣтъ, дай мнѣ поплакать!.. Легче!.. Ты знаешь ли, я получила отказъ, — говорила она сквозь слезы и опять постаралась засмѣяться.

Я чувствовалъ приближеніе истерики и счелъ нужнымъ молчать, чтобы дать ей время успокоиться. Наконецъ, она пе-

ресилила себя и заговорила менѣе взволнованнымъ голосомъ:

— Я спросила, наконецъ, Александра Николаевича, любитъ ли онъ меня?

— Женя!—воскликнулъ я въ ужасѣ.—Развѣ такъ дѣлается?

— Ахъ, не говори мнѣ! — уже раздражительно отвѣтила она.—Зачѣмъ онъ ходилъ сюда, вздыхалъ, дѣлалъ намеки? Я не могла долѣе терпѣть, оставаться въ неизвѣстности. Ну, и спросила прямо, рѣзко.

— Ты его любишь?

— Никогда я не любила его!—горячо воскликнула она.—Никогда, никогда! Онъ дѣлалъ видъ, что безъ ума отъ меня... Ну, я и спросила, любитъ ли онъ меня... И онъ... онъ упалъ на колѣни, схватилъ мои руки...

Она опять засмѣялась, но уже безъ слезъ, какимъ-то облегченнымъ смѣхомъ, напомнившимъ мнѣ на минуту прежнюю, шаловливую Женю.

— Я отняла ихъ и спросила: «отчего же вы не дѣлаете мнѣ предложенія?»

— Женя!—ужаснулся я.—Я тебя не узнаю...

Она опять залилась смѣхомъ.

— О, если бы ты видѣлъ его тогда — на колѣняхъ, съ опущенной головой, растерявшагося, даже уронившаго pince-nez... О, какимъ идіотомъ смотрѣлъ онъ!.. Ты понимаешь: его положеніе, его родные, его связи! Ему никогда не позволили бы жениться на мнѣ. Я вѣдь мѣщанка!.. Онъ не сказалъ этого, но я сказала это и...

Она снова звонко засмѣялась.

— О, какъ я счастлива, какъ счастлива, что я могла сказать ему: «зачѣмъ же вы ходите сюда?» Понимаешь, сказала прямо въ глаза, насмѣхаясь, глумясь... Онъ, растерянный, началъ что-то шарить у моихъ ногъ, отыскивая свое pince-nez. О, онъ больше не явится сюда, никогда не явится!..

Я ничего не понималъ. Зачѣмъ она начала этотъ разговоръ съ Бестужевымъ. Ну, а если бы онъ сказалъ: «я предлагаю вамъ свою руку». Я задалъ ей этотъ вопросъ.

— Я пошла бы за него,—отвѣтила она и измѣнилась въ лицѣ. — Помнишь, я спрашивала тебя: можно ли измѣнить человѣка? Я старалась бы его любить. Это вѣдь обрадовало бы *всѣхъ* въ нашей семьѣ? Да? *Всѣхъ?*

И вдругъ, сдѣлавшись совсѣмъ серьезной, она страстнымъ тономъ прибавила:

— Нѣтъ, нѣтъ, я лгу! Я знала, какой отвѣтъ я получу. Я не могла бы принести этой жертвы. Никогда, никогда! Я четыре мѣсяца пріучала себя къ этой мысли. О, лучше въ могилу, чѣмъ, не любя, выйти замужъ...

Она крѣпко сжала мои руки.

— Милый, ты не можешь представить, какъ я счастлива, какъ я счастлива!

Опять я ничего не понималъ. Я спросилъ ее мелькомъ:

— А ты знаешь, что на-дняхъ ваши возвращаются изъ-за границы?

Она кивнула утвердительно головой.

— Да. Я потому и объяснилась съ Бестужевымъ. Надо было кончить все до пріѣзда Левы...

Потомъ, точно спохватившись, она прибавила:

— Лева въ послѣднее время раздражался его присутствіемъ. Ну, я и рѣшилась удалить этого фата. У Левы не хватило бы духу...

И шаловливымъ, веселымъ тономъ она опять начала говорить о Бестужевѣ, какъ онъ былъ комиченъ, какъ онъ позеленѣлъ отъ злобы, поднимаясь съ полу.

— Онъ тебѣ этого не проститъ никогда,—сказалъ я.

— Ахъ, очень онъ нуженъ мнѣ!—воскликнула она.—Я теперь никого не боюсь!..

Черезъ три дня я получилъ телеграмму, извѣщающую о днѣ и часѣ пріѣзда Шельхеровъ. Мы всѣ отправились на варшавскую желѣзную дорогу. Минутъ десять мы ждали поѣзда, наконецъ, вдали показались яркіе фонари локомотива, и поѣздъ сталъ приближаться. Вотъ онъ, медленно пыхтя и скрипя, поровнялся съ платформой. Въ вагонѣ перваго класса мелькнули знакомыя лица. Еще минута, и послышались восклицанія, поцѣлуи. Лева, сильно поправившійся, нѣсколько загорѣвшій и какъ бы возмужавшій, перецѣловался со всѣми, но когда очередь дошла до Жени—онъ какъ будто поколебался; она же бросилась къ нему и буквально покрыла страстными поцѣлуями его лицо, цѣлуя его, какъ четыре мѣсяца тому назадъ онъ цѣловалъ ее на прощанье.

VI.

Когда я вспоминаю о наступившемъ въ жизни левы Шельхера періодѣ, мнѣ всегда почему-то вспоминается одна бурная лѣтняя ночь. Нестерпимый зной продолжался безъ перерыва всю первую половину іюля, безъ вѣтра, безъ

облачка въ небѣ. Даже у моря, казалось, нечѣмъ было дышать и въ сущности здѣсь было еще нестерпимѣй за недостаткомъ тѣни, при видѣ солнечнаго блеска, отражавшагося въ водѣ, казавшейся массой расплавленнаго серебра. Наконецъ, зной и удушливость стали какъ-то особенно дѣйствовать на нервы, что-то такое пророчило грозу, точно въ воздухѣ запахло электричествомъ. Въ одинъ изъ такихъ дней, клонившійся уже къ вечеру, я вышелъ на балконъ и увидалъ внизу подъ горой крутящуюся по дорогѣ пыль; около балкона слышался такой шелестъ листьевъ, какъ будто по деревьямъ пробѣгали волны вѣтра, то стихавшія, то поднимавшіяся снова. Я взглянулъ по направленію къ Петербургу; оттуда надвигалась совершенно прямой полосой, перекинувшись черезъ все взморье, изсиня-черная туча, а подъ нею ея нижній слой клубился, какъ сѣровато-бурый дымъ. Изрѣдка еще гдѣ-то далеко, далеко слышался глухой и тихій рокотъ, какъ сдержанное ворчаніе свирѣпѣющаго звѣря, и темная масса тучи на мгновеніе вся сплошь озарялась розовымъ свѣтомъ. Вѣтеръ быстро несъ эту тучу надъ моремъ къ намъ, и все находившееся подъ нею быстро темнѣло. Порывы вѣтра дѣлались все сильнѣе и чаще, гдѣ-то начинали хлопать ставни, калитки, двери; шелестъ листьевъ смѣнился скрипомъ нагибающихся деревьевъ, какъ бы раскачиваемыхъ во всѣ стороны какой-то невидимой рукой. Въ воздухѣ, уже совершенно потемнѣвшемъ, стали падать одинокія крупныя капли дождя и вдругъ грянулъ, точно надъ самымъ моимъ ухомъ, громъ и одновременно съ нимъ черную массу тучъ словно разорвала молнія. Началась настоящая буря съ воемъ, свистомъ, раскатами грома, шумомъ ливня, трескомъ деревьевъ, бушеваніемъ моря.

— Запри двери, а то сквозитъ,—раздался гдѣ-то голосъ матери.

Не знаю, мнѣ или кому другому было сказано это, но я заперъ дверь и легъ. Непроглядную тьму прорѣзала молнія, громъ грохоталъ почти надъ самымъ домомъ, дождь барабанилъ по крышѣ, а вѣтеръ точно старался сорвать ее. Мнѣ стало жутко. Я не боюсь грозы. Но тутъ меня охватилъ какой-то невольный страхъ, какія-то смутныя мрачныя мысли роились въ головѣ, сонъ бѣжалъ отъ глазъ. Меня бросало и въ жаръ, и въ холодъ. Никогда еще я не чувствовалъ такого разстройства нервовъ. Казалось, буря и ночи не будетъ конца. Я сотни разъ ворочался на постели, стараясь уснуть, но вмѣсто сна явились галлюцинаціи слуха

и зрѣнія; онѣ были таковы, что мнѣ то слышались крики о помощи съ моря, то казалось, что гдѣ-то горитъ и рушится что-то въ деревнѣ. Я закрылъ глаза, но картины становились все страшнѣе и страшнѣе, море бушевало уже не внизу, подъ горою, а несло свои волны прямо къ нашему саду, горѣло уже не на деревнѣ, а у насъ въ домѣ, огонь подходилъ все ближе и ближе ко мнѣ. Въ ужасѣ, очнувшись отъ тяжелаго кошмара, я снова открылъ глаза... Въ окно мое смотрѣло ясное голубое небо, безъ облачка, залитое солнечнымъ свѣтомъ. Я вскочилъ, подбѣжалъ къ балконной двери, не вѣря самъ себѣ, и распахнулъ ее: изъ сада пахнуло свѣжимъ душистымъ воздухомъ, кругомъ слышались гомонъ и пѣніе птицъ, а море, едва покрытое легкой рябью, сверкало серебристой чешуей. Бурная ночь смѣнилась благодатнымъ утромъ. Никогда еще не чувствовалъ я такой любви къ природѣ, къ свѣту, къ жизни, какъ въ эту минуту, точно я спасся отъ страшной бѣды. Эта ночь и это утро вспоминаются мнѣ всегда рядомъ съ воспоминаніемъ о жизни Левы и Жени, послѣ возвращенія перваго изъ-за границы. Я не зналъ ничего, что произошло между ними, но я встрѣчалъ ихъ почти каждый разъ сіяющими, радостными, просвѣтленными, полными гармоніи. «Что съ ними? они ли это?» спрашивалъ я себя, смотря на Леву и Женю.

— Тебя заграничная жизнь совсѣмъ переродила,—говорилъ я ему.

— Да, я очень благодаренъ твоему отцу, что онъ настоялъ на этой поѣздкѣ,—мягко улыбаясь, отвѣчалъ онъ.— Я точно переродился...

И онъ говорилъ мнѣ, что теперь у него прошли всякіе страхи за свое здоровье, что онъ чувствуетъ себя окрѣпшимъ на долгое время, что ему хотѣлось бы найти только какую-нибудь полезную дѣятельность. Ему было бы отрадно сознавать, что онъ можетъ приносить хоть какую-нибудь пользу ближнимъ. Нельзя же вѣчно влачить какую-то животную жизнь—ѣсть, чтобы жить; жить, чтобы ѣсть. О религіозныхъ вопросахъ онъ не только не говорилъ, но, казалось, избѣгалъ вспоминать о нихъ. Я слушалъ его и мысленно задавалъ себѣ вопросъ: «его переродила заграничная жизнь, а что переродило Женю?» Она теперь тоже не походила ни на прежнюю Женю-ребенка, ни на тревожную, задумчивую, нервную дѣвушку, какою она была въ отсутствіе Левы. Теперь это было привѣтливое, ласковое, тихое

созданіе съ свѣтлой улыбкой счастія на лицѣ, безъ рѣзкихъ шалостей и въ то же время безъ скучающаго или тревожнаго выраженія на лицѣ. Все ея существо дышало внутренней гармоніей. Но настроеніе этихъ обоихъ лицъ было такъ ровно и постоянно, что я скоро привыкъ къ этому и пересталъ задумываться о его причинахъ. «И то сказать, чего имъ недостаетъ,—думалось мнѣ.—Онъ пересталъ тревожиться, почувствовавъ себя здоровѣе и не терзаясь болѣе ревностью; она счастлива сознаніемъ, что онъ спокоенъ. Это такъ просто». Зима въ домѣ Шельхеровъ проходила весело, какъ никогда. Кромѣ выѣздовъ въ театры, Шельхеры назначали jours fixes, не очень многолюдные, но веселые, съ танцами, съ пѣніемъ, съ petits jeux. На этихъ собраніяхъ появлялись не одни молодые люди и молодыя дѣвушки, но и старики и старухи, усаживавшіеся за зеленые столы. Богачамъ стоило только распахнуть свои двери, чтобы къ нимъ повалилъ народъ, ищущій развлеченій, сытныхъ ужиновъ, блестящей обстановки. Мой отецъ шутливо замѣчалъ, что Шельхеры «готовятся къ свадьбѣ и пробуютъ, весело ли жить по-семейному». Дѣйствительно, теперь домъ Шельхеровъ пересталъ походить на дѣтскую, на школу, на рекреаціонное зало, а принялъ видъ обыкновеннаго богатаго «семейнаго» дома.

Къ концу зимы Лева сталъ мелькомъ говорить о своихъ планахъ съѣздить лѣтомъ снова за границу, гдѣ воздухъ такъ благотворно повліялъ на него. Анна Ивановна стала немного тревожиться при этомъ, говоря, что ей страшно подумать о новыхъ сборахъ къ путешествію. Тогда Лева улыбался и говорилъ шутливо, что онъ возьметъ вмѣсто нея Женю. Нужно же и ей показать Швейцарію, Италію. Правда, она уже бывала за границей, но тогда она была совсѣмъ ребенкомъ. Если бы Миннушка была «ходокъ», то можно бы и ее взять. Но гдѣ же ей ходить, а онъ съ Женей намѣренъ весь Тироль и всю Швейцарію исходить пѣшкомъ. Мало-по-малу, отъ шутливаго тона перешли къ серьезному, и Анна Ивановна уже сама говорила, что она ни за что не поѣдетъ сама; пусть Лева береть Женю. Начинались шутки, предположенія, какъ они вдвоемъ будутъ забираться на высокія горы, подобно дикимъ козамъ, какъ они будутъ бѣгать по городамъ, осматривая всякія достопримѣчательности. Еще бы! школьники на свободѣ!

— Вы бы хоть меня съ собою взяли для приличія,—неожиданно замѣтила однажды Ольга Дмитріевна, раздражен-

ная мыслью, что «эту дѣвчонку» даже за границу повезутъ.

Лева немного измѣнился въ лицѣ и хотѣлъ что-то возразить, но за него отвѣтила Анна Ивановна:

— Ахъ, Ольга, да что же тутъ неприличнаго, что братъ съ сестрой путешествовать будутъ?

— Братъ съ сестрой... двоюродные! Гдѣ это видано въ порядочномъ обществѣ? Люди мало ли что могутъ подумать!

— Никто ничего не смѣетъ думать!—вспылилъ Лева.

— А, Боже мой! не смѣютъ! Да развѣ можно запретить людямъ думать?—проговорила Ольга Дмитріевна.—Ужъ ты думаешь, если деньги, такъ и все можно...

— Да что думать-то людямъ?—спросила Анна Ивановна.

И, махнувъ рукою, не дожидаясь отвѣта, прибавила:

— Да ты и не знаешь заграничной жизни! Ты думаешь, тамъ, какъ у насъ, заварятъ кашу въ своей семейкѣ и расхлебываютъ ее цѣлый годъ. Нѣтъ, мать моя, за границей-то ты всѣмъ чужая, не подними сама шума да скандала, никто на тебя и вниманья не обратитъ. И паспортовъ тамъ не спрашиваютъ—запишись графиней—графиней и будутъ звать.

Она добродушно засмѣялась.

— Ты, Лева, записывайся вездѣ барономъ фонъ-Шельхеромъ съ женой... Помнишь, тебя въ Берлинѣ всѣ называли Herr Baron... По-баронски деньгами сорили, вотъ и титулъ сейчасъ дали.

Разговоръ принялъ снова шутливый оборотъ. Тѣнь не сходила только съ лица Левы. Онъ какъ-то особенно всматривался въ Ольгу Дмитріевну, точно желая прочитать ея сокровенныя мысли. Но кромѣ зависти онъ не прочелъ ничего на ея разрисованномъ лицѣ...

Недѣли двѣ спустя разговоръ коснулся снова поѣздки Левы за границу, и снова Ольга Дмитріевна замѣтила:

— Да неужели вы, въ самомъ дѣлѣ, вдвоемъ поѣдете? Ужъ хоть бы Марину Осиповну взяли... Она-то никого не стѣснитъ...

Лева опять вспылилъ.

— Мы поѣдемъ такъ, какъ вздумается намъ,—отвѣтилъ онъ.—Кажется, это не касается никого...

— Ахъ, Боже мой, это говорится вовсе не къ тому, что кто-нибудь желалъ бы вмѣшиваться... Но я только говорю, что въ извѣстныхъ кругахъ общества это не принято...

— То-есть это гдѣ? Въ вашемъ кругу?

— Да, въ порядочномъ обществѣ...

— Ну, мы, значитъ, непорядочное общество.

И съ несвойственной ему грубостью онъ замѣтилъ:

— Смотрите, Ольга Дмитріевна, не уроните себя, вращаясь въ подобномъ обществѣ...

Она со злостью прикусила нижнюю губу и отвернулась.

Лева опять упорно вглядывался въ нее, желая угадать ея мысли.

Въ это время въ немъ начала замѣчаться снова тревога; онъ иногда впадалъ въ задумчивость и простаивалъ по нѣсколько минутъ у окна, въ раздумьи смотря куда-то вдаль и покусывая ногти; порою онъ задумывался такъ глубоко, что вовсе не слыхалъ обращенныхъ къ нему вопросовъ или отвѣчалъ невпопадъ. Впрочемъ, этотъ новый фазисъ въ настроеніи Левы совершенно ускользалъ отъ меня въ то время. У меня началась горячая пора экзаменовъ, и я рѣдко бывалъ у Шельхеровъ. Къ тому же у нихъ шла разсѣянная, чисто свѣтская жизнь, совершенно чуждая и несимпатичная мнѣ и, можетъ-быть, это, а можетъ-быть и что-нибудь другое немного отдалило меня отъ Левы въ послѣднее время. Какъ-то чутьемъ я угадывалъ, что я становлюсь ненужнымъ для него. Онъ былъ попрежнему привѣтливъ со мною, но и только. Ему точно не о чемъ было говорить со мною. Его душевный міръ вдругъ закрылся для меня, сдѣлался тайной. Я замѣчалъ это, но не напрашивался на откровенность...

Приближалась уже весна, удовольствія зимняго сезона оканчивались, у Шельхеровъ былъ одинъ изъ послѣднихъ jours fixes. Я пошелъ къ нимъ съ отцомъ, рѣшивъ, что я теперь долго не заверну къ нимъ: работы было не мало и нужно было на нѣкоторое время отдаться исключительно ей. Народу у Шельхеровъ собралось немного, танцевъ не было и разговоръ какъ-то не клеился. Можетъ-быть, отчасти повліяло на всѣхъ безпокойство по поводу нездоровья Жени. Она не появлялась въ парадныхъ комнатахъ и лежала въ своей комнатѣ. Мой отецъ, услышавъ о ея нездоровьѣ, сказалъ:

— Что же меня не позвали?

— Да что вы подѣлаете, Константинъ Ѳедоровичъ, если Женя не любитъ лѣчиться,—отвѣтила Анна Ивановна.— Вотъ въ послѣдніе мѣсяцы это четвертый разъ съ нею мигрень, а скажу, чтобы послать за вами—ни за что!

— Отчасти и умно дѣлаетъ,—замѣтилъ отецъ.—Отъ мигрени почти нѣтъ средствъ. Разъ одно поможетъ, другой—

другое. Наугадъ прописываешь лѣкарства. Но вѣдь это, можетъ-быть, и не мигрень.

— Нѣтъ, мигрень. Болитъ голова, тошнота..

Въ разговоръ вмѣшалась Ольга Дмитріевна:

— Странно, право, бояться показаться доктору! Если докторъ даже и не поможетъ, то хоть опредѣлитъ болѣзнь, дастъ благоразумный совѣтъ...

И, пожимая плечами, она прибавила:

— И съ чего это у нея вдругъ мигрень началась? Прежде что-то этого не было.

Лева уже кусалъ ногти, видимо раздраженный и встревоженный.

— Эхъ, Ольга Дмитріевна,—отвѣтилъ съ обычной шутливостью отецъ:—вотъ и у меня все не было, не было сѣдыхъ волосъ, а теперь проявились. И съ чего бы это?

— Ахъ, ужъ вы не хотите ли сказать, что Женя отъ старости начинаетъ хворать?—насмѣшливо спросила Ольга Дмитріевна, свысока взглянувъ на отца.

— Ну, до старости ей далеко! А я просто хотѣлъ сказать, что у нея начались мигрени, потому вѣрно, что время мигреней пришло, вонъ какъ у Анны Ивановны начались ревматизмы, потому что ихъ время пришло, а у вашего покорнѣйшаго слуги отъ той же причины черные волосы въ сѣдые превращаться стали.

Потомъ, подтрунивая надъ нею, онъ сказалъ:

— Впрочемъ, гдѣ вамъ это знать, когда вы съ каждымъ днемъ все расцвѣтаете! У васъ долго еще не придетъ время какихъ бы то ни было недуговъ и превращеній...

— Да, время свое дѣло дѣлаетъ,—со вздохомъ сказала Анна Ивановна.

— Еще бы!—пошутилъ отецъ.—Не наложи на насъ съ вами время своей лапы, мы бы еще танцовать стали...

И, перемѣняя тонъ, онъ прибавилъ:

— Вонъ Гансъ Вурмъ, тотъ, вѣрно, не потому слегъ вчера...

— Какъ, Гансъ опять нездоровъ?—замѣтила Анна Ивановна:—а я и не знала. И очень боленъ?

— Очень. Да я и удивляюсь, какъ онъ живетъ еще,—сказалъ отецъ:—наперекоръ наукѣ живетъ. Возьмите вы то: отецъ и мать двоюродные братъ и сестра...

— Ахъ, у нихъ это и за грѣхъ не считается,—сказала Анна Ивановна:—онъ вѣдь не православный.

— Ну, я не о грѣхѣ,—замѣтилъ отецъ:—это не моя спе-

ціальность, а о томъ, что близкое родство само по себѣ ужъ не особенно благопріятствуетъ здоровью ребенка, какъ говорятъ, да кромѣ того и самъ старикъ Вурмъ и его жена худосочные, малокровные, страдающіе чуть не чахоткой... Не знаю я, пророкъ старикъ Вурмъ, или не пророкъ, но знаю, что, вступая въ подобный бракъ, можно было предвидѣть, и не будучи пророкомъ, что наплодишь дѣтей, обреченныхъ не на жизнь, а на болѣе или менѣе быстрое увяданье. Еще слава Богу, что уродовъ не родилось... Впрочемъ, кажется, у него одна дѣвочка была глухо-нѣмая?

Лева, съ лицомъ, покрывшимся пятнами, тревожно спросилъ:

— Да, позвольте, Константинъ Ѳедоровичъ, развѣ это непремѣнное слѣдствіе подобныхъ браковъ?

— Ну, нѣтъ,—отвѣтилъ отецъ:—не непремѣнное, но болѣе возможное, чѣмъ при иныхъ бракахъ, пожалуй, даже можно сказать болѣе, такъ какъ такія болѣзни, какъ бугорчатка, сумасшествіе, падучая, вообще передаются наслѣдственно, а наслѣдственность при близкомъ родствѣ супруговъ, сколько можно судить по разнымъ изслѣдованіямъ, усиливается. Это вопросъ крайне интересный.

Видя, что Лева слушаетъ его съ напряженнымъ вниманіемъ, отецъ сталъ объяснять ему взгляды разныхъ ученыхъ на этотъ вопросъ. Онъ указалъ на наблюденія Монтегацца въ Южной Америкѣ, на изслѣдованія Митшелля о вліяніи на потомство браковъ между близкими родственниками, указалъ на то, что говорятъ объ опасности подобныхъ браковъ Буденъ и Девэ, замѣтилъ въ то же время о противоположныхъ взглядахъ и, между прочимъ, объ интересныхъ наблюденіяхъ Вуазена въ общинѣ Батца, гдѣ среди крайне здороваго населенія браки между родственниками производили здоровое потомство.

— Этотъ фактъ, по-моему, особенно интересенъ,—замѣтилъ отецъ:—такъ какъ тутъ является наслѣдственность здоровья, какъ бы поддерживаемая или усиливаемая тѣмъ, что браки совершаются между близкими родными...

И прибавилъ:

— Во всякомъ случаѣ, покуда болѣе или менѣе ясно то, что наслѣдованіе недуговъ и уродствъ легче передается между близкими родственниками, вступающими въ бракъ, и то, что подобные браки, повторяясь въ одной семьѣ или въ извѣстномъ мѣстечкѣ, сильно вліяютъ на вырожденіе...

Анна Ивановна, уловившая только то изъ этой бесѣды,

что отецъ не одобряетъ браковъ между родными, замѣтила:

— Да; ужъ и точно, до чего доходятъ люди, чуть не родные отцы на дочеряхъ женятся. Впрочемъ, ужъ нынче время такое, вонъ и гражданскіе браки выдумали, чтобы развратъ прикрыть...

Я давно привыкъ читать на лицѣ Левы его душевныя настроенія, и меня поразило теперь выраженіе его лица. Оно было тревожно и мрачно. Онъ въ глубокомъ раздумьи проговорилъ отцу:

— Я никогда не задумывался объ этомъ вопросѣ съ этой стороны.

— Ты же не естественникъ,—просто сказалъ отецъ:— это и понятно.

И шутливо прибавилъ:

— А съ практической стороны тебѣ нечего было и думать объ этомъ: за тебя подумалъ нашъ законъ, запретивъ подобные браки.

Брови Левы сдвинулись, нижняя губа была закушена, глаза смотрѣли мрачно. Мой отецъ, ничего не подозрѣвая, продолжалъ говорить о томъ же вопросѣ—о вопросѣ вліянія родителей на дѣтей, о гибели дѣтей отъ легкомыслія родителей, о цѣломъ рядѣ вредныхъ вліяній, отражающихся на ребенкѣ прежде появленія на свѣтъ. Онъ попалъ на свою излюбленную тему и, развивая ее со всѣхъ сторонъ, коснулся наконецъ незаконнорожденныхъ. Они мало того, что обречены на разныя житейскія неудобства, на потерю разныхъ правъ, принадлежащихъ законнымъ дѣтямъ, на ложное положеніе въ обществѣ, гдѣ они какъ бы выбрасываются изъ среды своихъ родителей, такъ еще и физически они почти всегда страдаютъ: дѣвушки скрываютъ свое положеніе, вѣчно находятся въ тревогѣ во время беременности, не имѣютъ возможности вести гигіеническій образъ жизни, соотвѣтствующій ихъ положенію, ну, и не мудрено, что все это отражается на дѣтяхъ.

— Э, да и не перечислишь всѣхъ формъ дѣтоубійства,— рѣзко закончилъ отецъ.—Разные юнцы и юницы чуть не государственные вопросы умѣютъ рѣшать, а чтобы быть матерями и отцами—для этого у нихъ никакой подготовки нѣтъ...

Лева сидѣлъ, какъ приговоренный къ смерти. Я давно уже не видалъ его въ такомъ состояніи духа. Въ моей головѣ мелькнуло подозрѣніе, показавшееся мнѣ чудовищ-

нымъ. Неужели онъ и Женя?.. Нѣтъ, не можетъ быть! Я старался отогнать отъ себя эту мысль. Но тутъ же мнѣ вспомнилась болѣзнь Жени, слова Ольги Дмитріевны о томъ, съ чего начались эти мигрени. А предполагаемое путешествіе Левы съ Женей на лѣто? Опять мнѣ вспомнились слова Ольги Дмитріевны о неприличіи этого путешествія и раздраженіе Левы. Мнѣ вспомнилась масса мелочей, пропускавшихся прежде мною безъ вниманія и получавшихъ теперь значеніе, бросая свѣтъ на дѣло. Неужели же въ самомъ дѣлѣ это правда? Но если это такъ, то я ли одинъ подозрѣваю это? Не подозрѣваетъ ли этого и Ольга Дмитріевна? О, она навѣрное догадалась, поняла все. Что если все откроется? Какъ-то безсознательно, чтобы разсѣять эти мысли, я поднялся съ мѣста. Лева вздрогнулъ и очнулся при моемъ движеніи, взглянулъ на меня, наши взгляды встрѣтились, и вдругъ, точно безмолвно объяснившись другъ съ другомъ, мы угадали все, что происходило въ душѣ каждаго изъ насъ. Лева поднялся съ мѣста, и мы оба молча, не сговариваясь, не приглашая одинъ другого, пошли въ его кабинетъ. Едва успѣла закрыться за нами дверь, какъ Лева отрывисто проговорилъ:

— Ты все понялъ?

— Да,—отвѣтилъ я.

Онъ сжалъ голову руками и опустился у письменнаго стола. Я, не нарушая молчанія, ходилъ по комнатѣ, совершенно ошеломленный открытіемъ. Въ моей головѣ была какая-то путаница. Наконецъ, онъ заговорилъ отрывисто, почти съ укоромъ:

— Твой отецъ точно ножомъ провелъ по моему сердцу.

— Мой отецъ?—спросилъ я разсѣянно.

— Ну, да. Я ни о чемъ не думалъ, что онъ выяснилъ. Я не думалъ о вліяніи на ребенка родственныхъ связей, моей болѣзненности.

— Ну, это, можетъ-быть, и не такъ,—началъ я:—отецъ же говорилъ, что тутъ много спорнаго.

— Нѣтъ, нѣтъ и это отзовется, и то, что Женя скрываетъ свое положеніе, старается казаться стройной... Все, все отзовется!.. Господи, недостаетъ еще того, чтобы наше незаконное дитя было страдающимъ недугами ребенкомъ! Да, этого и надо ждать! Какъ же! Попробовалъ наперекоръ судьбѣ украсть себѣ счастіе! Съ Богомъ захотѣлъ спорить!..

Его тонъ напомнилъ мнѣ прежняго Леву, какимъ онъ былъ всегда. Я уловилъ пробѣжавшую по немъ дрожь и

невольно подумалъ, что и безъ словъ отца мрачное настроеніе охватило бы его:—съ весной, по обыкновенію, воротилась его болѣзнь. Я сразу понялъ это, когда Лева началъ говорить, что онъ за послѣднее время и такъ волновался мыслью, какъ они поступятъ, когда родится ребенокъ, что его начали тревожить допросы Ольги Дмитріевны по поводу отъѣзда за границу. Въ моей головѣ мелькнула мысль, что если бы у него не было даже этихъ причинъ для волненія, то онъ изобрѣлъ бы ихъ и сталъ бы терзаться, томиться, страдать. Такіе люди не могутъ быть счастливыми и, если можно такъ выразиться, само счастіе является для нихъ несчастіемъ, какъ трезвое состояніе для пьяницы. Сознавать себя несчастными—это ихъ нормальное состояніе; въ минуты, когда они сознаютъ себя счастливыми, они со страхомъ говорятъ себѣ, что «это передъ бѣдой». Онъ съ горечью закончилъ свои жалобы:

— Единственный шагъ въ жизни сдѣлалъ по своему желанію, и это первый шагъ къ окончательной гибели и себя, и Жени, и домашняго мира!

Я зналъ, что его нечего утѣшать. Его мысль работала въ своемъ привычномъ направленіи, какъ у маніака, независимо отъ логики вещей и постороннихъ людей. Я могъ только посовѣтовать ему скорѣй ѣхать за границу. Тамъ Женя можетъ почти не скрывать своего положенія; тамъ никакія Ольги Дмитріевны не выслѣдятъ ихъ.

Когда я вышелъ съ отцомъ на улицу, отецъ спросилъ меня:

— Что съ Львомъ?

Я только махнулъ рукою.

— Опять, кажется, расхворывается и привередничаетъ?— сказалъ отецъ.

— Не говори лучше,—отвѣтилъ я: — тутъ начинается цѣлая драма.

— Ну, ну, ужъ и драма.

Я не привыкъ скрывать что-нибудь отъ отца, и хорошо зналъ, что этотъ человѣкъ не выдастъ чужой тайны. Скрывать отъ него то, что я скрывалъ отъ него до этой поры, я дольше не могъ. Потому я сказалъ ему откровенно:

— Лева живетъ съ Женей.

Онъ даже остановился отъ изумленія.

— Ты бредишь?

— Она беременна!

Отецъ развелъ въ обѣ стороны руками. Нѣсколько минутъ мы шагали молча.

— Этого никто не знаетъ, кромѣ меня и тебя,—сказалъ я.

— Понимаю,—отрывисто отвѣтилъ отецъ и потомъ прибавилъ:—но что будетъ, когда узнаютъ всѣ, а узнаютъ это навѣрно.

— Можетъ-быть, все удастся скрыть,—сказалъ я.

— Нѣтъ, мальчуганъ, эти вещи никогда не скрываются. Выпрядется тайкомъ, а бѣлится на солнцѣ, какъ говоритъ Гёте... Только въ этомъ случаѣ дѣло будетъ не въ томъ, чтобы все выбѣлилось, а чтобы все зачернилось... Да, да, всѣ узнаютъ... А что будетъ, когда всѣ узнаютъ, это еще мы увидимъ съ тобою.

VII.

Лева и Женя уѣхали за границу, Анна Ивановна и мы перебрались на дачи. Я былъ сильно занятъ въ это лѣто уроками и посѣщалъ домъ Шельхеровъ урывками, не особенно часто. Но каждый разъ, посѣщая Анну Ивановну, я слышалъ отъ нея и отъ Миннушки, что Лева и Женя здоровы и наслаждаются жизнью въ Швейцаріи. То же сообщалъ и мой отецъ, послѣ посѣщенія имъ старухи. Я зналъ, что въ этомъ нѣтъ ни слова правды. Каждое письмо Левы, адресованное ко мнѣ, дышало тревогою, жалобами, сѣтованіями, опасеніями. Сначала эти письма были довольно часты, довольно длинны, потомъ они стали приходить рѣже, дѣлались все короче, наконецъ, Лева пересталъ вовсе писать ко мнѣ. Я понималъ, что онъ «потерялъ голову», какъ онъ выразился самъ въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ ко мнѣ. Впрочемъ, и было отчего потерять голову: и онъ, и Женя были молоды, неопытны, среди чужихъ людей; рожденіе перваго ребенка и при самыхъ лучшихъ условіяхъ не обходится безъ волненій и опасеній, тутъ же условія были далеко не благопріятными; кромѣ того, какъ они поступятъ съ ребенкомъ, на чье имя запишутъ его, какъ привезутъ въ Петербургъ. Я сознавалъ, что и болѣе спокойный и здоровый человѣкъ, чѣмъ Лева, могъ бы растеряться на его мѣстѣ; онъ же могъ натворить всевозможныхъ промаховъ, ошибокъ, глупостей, растерявшись въ рѣшительную минуту. Время между тѣмъ подходило къ осени, и Анна Ивановна тоже начала немного волноваться, такъ какъ Лева не писалъ ей ничего опредѣленнаго относительно своего возвращенія домой. Она со вздохами говорила, что ея «дѣти» загостились черезчуръ долго за границей.

— Вѣрно тамъ свободнѣе,—не безъ насмѣшливости замѣчала Ольга Дмитріевна.

Она какъ-то незамѣтно внѣдрилась въ домѣ Шельхеровъ, чтобы, какъ она говорила, бѣдная Аннетъ не такъ скучала. Впрочемъ, Анна Ивановна, привыкшая «жить на народѣ», была, повидимому, довольна присутствіемъ въ ея домѣ «Ольги». Иногда старуха даже добродушно подсмѣивалась надъ нею, когда та любезничала съ молодежью или являлась уже черезчуръ сильно накрашенною. «Ольга,—говорила Анна Ивановна:—ты вотъ тутъ лицо мукою запачкала; потри около глаза, у тебя чѣмъ-то чернымъ выпачкано». Это было своего рода развлеченіемъ для Анны Ивановны. Старуха не сердилась даже за мелкія выходки и тонкіе намеки Ольги Дмитріевны на Женю и Леву, отчасти не понимая этихъ намековъ, отчасти сознавая, что «ужъ очень Ольгѣ хотѣлось бы быть самой за границей». Послѣдняя мысль была тоже причиною невинныхъ шуточекъ надъ Вощининой. «Что она на итальянцевъ, что ли, хочетъ насмотрѣться? такъ вѣдь они и въ Италіи такіе, какъ здѣсь»... Анну Ивановну вообще трудно было встревожить или разсердить, еще труднѣе было заставить догадаться, насчетъ чего бы то ни было, что не говорилось прямо, что не было очевидно, какъ день. Она была увѣрена, что все обстоитъ благополучно и что ничто въ домѣ не измѣнилось—Дарья печетъ попрежнему пироги, жаритъ телятину, готовитъ кремы—чего же больше? А перемѣна въ домѣ была, и эту перемѣну одинъ изъ первыхъ замѣтилъ мой отецъ. Какъ-то разъ, спросивъ меня, получалъ ли я письма отъ Левы, онъ сказалъ:

— Онъ и не ожидаетъ, что всѣ уже знаютъ его тайну.

— Ну?—съ сомнѣніемъ проговорилъ я.—Почему ты такъ думаешь?

— А видишь ли, когда куда-нибудь слетаются вороны, тамъ вѣрно есть падаль,—отвѣтилъ онъ шутливо.—Ну, а когда къ богатымъ роднымъ очень ужъ усердно стекаются разные дальніе родственники—это значитъ, что они чуютъ въ домѣ покойника.

И болѣе серьезнымъ тономъ продолжалъ:

— Ты развѣ не замѣчаешь, что въ домѣ Анны Ивановны вдругъ появились какіе-то троюродные сестры и братья, какіе-то четверюродные племянники и племянницы? Ихъ скликала, очевидно, Ольга Дмитріевна, и скликала недаромъ: она все угадала и все такъ или иначе передала этой стаѣ, будьте, молъ, на-сторожѣ, можетъ-быть, покойникъ будетъ..

Отецъ потрепалъ меня по плечу.

— Ты, мальчуганъ, молодъ и этой грязи корыстолюбія еще не изучилъ, а я—я спеціалистъ въ дѣлѣ подобныхъ наблюденій. И то сказать, мнѣ, какъ врачу, не мало пришлось видѣть исторій въ этомъ родѣ. Знаю я хорошо, съ какимъ выраженіемъ на лицахъ, какимъ голосомъ спрашиваютъ родственники, ожидающіе наслѣдства: «докторъ, скажите, ради Бога, очень опасно положеніе нашей дорогой бабушки?»

— Но, отецъ, я не понимаю, на что здѣсь можно надѣяться: Анна Ивановна и Лева живы,—съ недоумѣніемъ началъ я.

— Этого, мальчуганъ, и я не знаю, на что тутъ можно надѣяться,—отвѣтилъ отецъ, улыбаясь добродушной улыбкой.—Не сподобился стоять въ такомъ положеніи. Я только констатирую фактъ: родня вылѣзаетъ изъ всѣхъ щелей и ползетъ въ домъ Анны Ивановны... ну, значитъ, почуяла добычу... Можетъ-быть, покуда они и не знаютъ, зачѣмъ они выползли, но каждый вѣдь изъ нихъ знаетъ поговорку о мутной водѣ, гдѣ хорошо рыбу ловить... И что за подлыя рожи дѣлаются у людей, когда они, какъ гіэны, идутъ на развѣдку мертваго тѣла, человѣческой падали? Ты присмотрись къ нимъ, присмотрись, какъ они цѣлуютъ ручки у Анны Ивановны... «Сестрица», «тетечка», «бабенька»—слова-то самыя сладкія подбираютъ, и голоса у всѣхъ шепелявыми отъ нѣжности дѣлаются... Тьфу, мерзость житейская!..

И, снова шутя, онъ замѣтилъ, потрепавъ меня по плечу:

— Счастливы мы, мальчуганъ, что у насъ нечего наслѣдовать и не отъ кого наслѣдовать...

Но отецъ не любилъ долго останавливаться надъ подобными вопросами. Онъ шутливо говаривалъ, что рыться въ грязи человѣческихъ отношеній вредно для здоровья, а у него, какъ у врача, и такъ кругомъ заразныя болѣзни, то тифы, то скарлатины, то дифтериты. Вообще онъ относился довольно равнодушно ко всему, что происходило въ семьѣ Шельхеровъ и тому подобныхъ людей. Онъ шутливо говаривалъ, что онъ дѣлитъ людей на двѣ половины—на односторонне-несчастныхъ и двусторонне-несчастныхъ; къ первымъ принадлежатъ сытые, ко вторымъ—голодные; у сытыхъ несчастія почти исключительно мозговыя, у голодныхъ же—и мозговыя, и желудочныя, а иногда въ придачу и... макаровскія,—добавлялъ онъ, смѣясь,—такъ какъ каждый бѣднякъ почти непремѣнно Макаръ, на котораго всѣ шишки

валятся, даже и такія, которымъ не слѣдовало бы валиться именно на него. «Вонъ, напримѣръ, мужикъ, потому что онъ больше всѣхъ работаетъ, потому что онъ больше всѣхъ голодаетъ, потому что онъ мретъ, какъ мухи осенью, на него и навалили всѣ шишки податей да поборовъ,—ты, молъ, Макаръ». И развивая свою теорію, отецъ заканчивалъ: «а такъ какъ всѣхъ покойниковъ не оплачешь, то и надо беречь свои слезы для самыхъ дорогихъ, для наиболѣе заслуживающихъ этихъ слезъ, т.-е. для двусторонне-несчастныхъ людей». Согласно этимъ взглядамъ, онъ, конечно, только мимоходомъ могъ интересоваться разными событіями въ жизни какихъ-нибудь Шельхеровъ.

Меня же, начинавшаго сильно интересоваться всѣми сторонами окружающей меня жизни, наблюденіе, сдѣланное отцомъ, заставило присмотрѣться къ жизни въ домѣ Анны Ивановны. Дѣйствительно, въ этомъ домѣ теперь бывала цѣлая стая родственниковъ, появлявшаяся прежде только въ годовые праздники. Теперь только и слышалось: «тетя», «бабушка», «сестрица». Всей этой стаей точно командовала Ольга Дмитріевна, лаская каждаго, улыбаясь каждому, какъ будто хозяйкою въ домѣ была она, а не Анна Ивановна. Въ то же время я замѣтилъ какое-то странное отношеніе этой женщины ко мнѣ, не то враждебное, не то презрительное. Она не безъ ядовитой іроніи разспрашивала меня:

— Вамъ что пишетъ Лева? Вѣроятно, больше, чѣмъ Аннетъ? Ей только восторги описываются, все больше о природѣ. Иногда даже смѣшно читать, точно онъ одно письмо съ другого списываетъ.

— Онъ мнѣ совсѣмъ не пишетъ,—отвѣчалъ я.—Я самъ лѣнивъ писать.

— Вотъ какъ, повѣренному сердечныхъ дѣлъ и не пишетъ!

Я обратилъ дѣло въ шутку:

— А вы думаете, что я повѣренный Левы? У меня много для этого своихъ заботъ и хлопотъ.

— Да? Но вы, вѣрно, знаете, когда онъ вернется?

— Нѣтъ, не знаю!

— Это странно! Ужъ не думаетъ ли онъ экспатрироваться? За границей свободнѣе жить.

— А развѣ вы чувствуете здѣсь, въ Россіи, стѣсненія?— шутливо спросилъ я.

— Я не о себѣ говорю!

— Такъ это вамъ Лева писалъ?

— Онъ не переписывается со мною...

— Такъ изъ чего же вы дѣлаете свои заключенія? Вѣдь вы же не живали за границей?

Она сдѣлала злую гримасу и отошла отъ меня. Но меня самого начало смущать долгое отсутствіе Левы. Я сознавалъ, что, должно-быть, тамъ, у него, не все благополучно, и кромѣ того ясно видѣлъ, что Анна Ивановна, подъ вліяніемъ какихъ-то смутныхъ толковъ, начинаетъ волноваться. Она подолгу говорила и со мной, и съ моимъ отцомъ, и съ моею матерью о томъ, что Лева зажился слишкомъ долго, что боится она, не скрываетъ ли онъ чего-нибудь отъ нея. Но на вопросъ: чего? Она отвѣчала, что, можетъ-быть, онъ нездоровъ и не пишетъ только объ этомъ. Другихъ подозрѣній, очевидно, у нея не было. Прямо даже Ольга Дмитріевна не рѣшалась высказать ей своихъ предположеній, а намеки разбивались о непонятливость Анны Ивановны...

И вдругъ, точно снѣгъ на голову, въ одинъ прекрасный день явились Лева и Женя. Ни телеграммъ, извѣщающихъ о пріѣздѣ, ни просьбъ о высылкѣ экипажа, ничего не было. Всѣ были озадачены этимъ пріѣздомъ и съ Анной Ивановной чуть не сдѣлался обморокъ. Ольга же Дмитріевна только восклицала на всѣ лады:

— Господи, да вы оба точно изъ могилы! Да съ чего это вы оба похудѣли? Вы больны были? Вотъ вамъ и заграница!

Лева и Женя торопливо объяснили, что они очень устали въ дорогѣ, что въ послѣднее время они простудились въ горахъ Швейцаріи. И, наскоро переговоривъ со всѣми, Лева прошелъ со мною въ свой кабинетъ.

— Прости, что я не писалъ, — сказалъ онъ, обнимая меня.—Было не до писемъ, и кромѣ того у меня вѣчные страхи: боялся, что письма не дойдутъ, что кто-нибудь прочтетъ ихъ, что ты какъ-нибудь обронишь. Бумагѣ нельзя ввѣрять тайнъ: она всегда можетъ предать.

Онъ сталъ мыться и переодѣваться.

— Ты не сердись, что я при тебѣ... Хочется все скорѣе передать... Пережито столько, что... не знаю, какъ и пережилъ... Я не воображалъ, что это такая страшная вещь— роды!.. А Женя, о, что она выстрадала?

— Ребенокъ живъ?

По лицу Левы скользнула горькая усмѣшка.

— Да, да, ребенокъ... еще болѣе жалкое созданье, чѣмъ я... Онъ привезенъ сюда... Маленькій ирландецъ...

Я ничего не понималъ. На минуту въ моей головѣ мелькнула мысль, что Лева бредитъ.

— Что-жъ было дѣлать?—продолжалъ онъ.—Записать: незаконнорожденный отъ дѣвицы такой-то? Это было уже слишкомъ! Надо было пріискать родителей. За деньги нашлись какіе-то нищіе, согласившіеся приписать дитя на свое имя. Мы взяли къ нему кормилицу, нашли женщину, бывавшую въ Россіи, и привезли ихъ сюда. Покуда они помѣстились въ гостиницѣ, потомъ найму имъ квартиру. Впрочемъ... что я говорю; потомъ! Придется, вѣроятно, везти ребенка на вѣчную квартиру, на кладбище...

И уже совершенно раздражительно онъ началъ изливаться въ жалобахъ. Что ему дала эта незаконная связь, что она дала Женѣ? Пять мѣсяцевъ счастья? Но какое это было счастье? Краденое, воровское! Ни разу они не смѣли явиться мужемъ и женой въ своемъ домѣ, въ своей семьѣ, поговорить они не могли спокойно, боясь, что кто-нибудь подслушаетъ. Они пробирались другъ къ другу крадучись, воровски, съ оглядкой. Правда, на первыхъ порахъ они видѣли въ этомъ особую прелесть, какъ школьники, обманывающіе учителей и гувернеровъ. Имъ нравилось цѣловаться въ уголкахъ, на ходу, за спинами другихъ. Но когда Женѣ пришлось стягивать талію корсетомъ, когда ей пришлось скрывать головныя боли, тошноту, боясь позвать доктора, когда...

— Помнишь, тотъ вечеръ, когда послѣднюю каплю отравы влилъ твой отецъ въ эту чашу тайныхъ мукъ?—сказалъ онъ съ горечью.—Я уже тогда былъ такъ настроенъ, что готовъ былъ бѣжать или все открыть матери... первому встрѣчному... всѣмъ и каждому... И вдругъ твой отецъ поднялъ этотъ вопросъ, выяснилъ то, что уже начинало бродить въ моемъ умѣ... Я не знаю, какъ я тогда не сошелъ съ ума... А тамъ, за границей, приходилось лгать, играть роль мужа и жены, бѣгать отъ русскихъ, жить исключительно среди чужихъ и чуждыхъ людей, изыскивать средства для того, чтобы ребенокъ не былъ незаконнымъ, чтобы не было слѣдовъ его рожденія отъ Жени... О, бѣдная, бѣдная Женя, сколько перенесла она изъ-за меня...

Въ двери послышался стукъ.

— Это я, Левушка!—раздался ласковый голосъ Анны Ивановны.

Лева вздрогнулъ.

— Мать!—прошепталъ онъ, измѣняясь въ лицѣ.—Что случилось?

Вошла Анна Ивановна, не дожидаясь отвѣта.

— Пришла посмотрѣть на тебя, шутка ли, сколько времени не видала, а тамъ—народъ...

Она поцѣловала его, взявъ за голову. Я хотѣлъ удалиться.

— Куда ты, Николаша?—спросила она.—Ты-то свой, слава Богу, а тамъ...

Она махнула рукой, садясь въ кресло.

— И хорошо имѣть родныхъ, и не хорошо,—заговорила она.—Тутъ они вертятся, болтаютъ, ну, и весело, а вотъ какъ захочется одной съ своими близкими остаться, такъ ужъ и не знаешь, куда отъ родни дѣваться, сказать: «уходите»—неловко, а сами понять не хотятъ, что надо же матери и поговорить съ дѣтьми, съ тобой, съ Женей, съ Минной...

— Дѣйствительно, у васъ базаръ какой-то, — сказалъ Лева.—Что они всѣ на житье къ намъ переѣхали, что ли? Орда какая-то...

— Попросту живемъ; аристократами не сдѣлались. У тѣхъ вѣдь на все назначенные дни и часы,—пошутила Анна Ивановна:—а къ намъ иди всѣ, сколько влѣзетъ.

И, перемѣняя тонъ, она сказала:

— Ну, да Богъ съ ними! Разсказывай о себѣ, какъ жилъ, что видѣлъ.

Началась пытка для Левы. Лгать, выдумывать, притворяться. Онъ не умѣлъ этого дѣлать. До этой поры ему не было нужды привыкать къ этому. Онъ заговорилъ сбивчиво, смутно. Анна Ивановна между тѣмъ задавала вопросы: отчего онъ похудѣлъ? почему Женя измѣнилась? Я сидѣлъ, какъ на иголкахъ; мнѣ все казалось, что вотъ-вотъ Лева проговорится, разскажетъ все. И помимо моей воли въ моей головѣ мелькала мысль: «и не лучше ли разомъ сказать все? вѣдь все равно все узнается». Я поставилъ себя на его мѣсто. Что сталъ бы дѣлать я, если бы я попалъ въ такое положеніе? По моему лицу скользнула невольная улыбка. Развѣ я могъ бы попасть въ подобное положеніе? Развѣ я былъ способенъ на всѣ эти сомнѣнія и терзанія, изъ которыхъ состояла вся душевная жизнь Левы? И развѣ было что-нибудь похожаго въ моей семейной обстановкѣ на семейную обстановку Левы? Лева между тѣмъ кое-какъ выпутывался изъ допроса. Когда лакей доложилъ, что подаютъ чай, Анна Ивановна встала и пошла въ столовую, поцѣловавъ Леву и сказавъ ему, чтобы онъ шелъ пить чай.

— И эта пытка будетъ длиться не день, не два,—проговорилъ мнѣ Лева, какъ только закрылась дверь за его

матерью.—Будутъ разспрашивать всѣ, каждый поодиночкѣ и всѣ мѣстѣ.

И, передернувъ плечами, онъ проговорилъ:

— Точно, надо вытолкать въ шею весь этотъ сбродъ родни, затвориться отъ всѣхъ...

— Я на твоемъ мѣстѣ просто все сказалъ бы матери,— замѣтилъ я.

— Что ты, что ты!—съ испугомъ воскликнулъ онъ.— Это ее убьетъ! Развѣ она такая женщина, чтобы понять, что я не сдѣлалъ никакого преступленія, что я только жертва закона. У нея свои предразсудки...

— Что-жъ изъ этого? Ну, посердится, поплачетъ, потомъ...

— Ахъ, ты совсѣмъ плохой наблюдатель!—перебилъ онъ меня.—Съ колыбели видишь человѣка и вовсе не понимаешь ее... Убѣди какую-нибудь безграмотную мѣщанку, что земля не на китахъ стоитъ... Объясни, не прослывъ кощунствующимъ человѣкомъ, какой-нибудь странницѣ, что Христосъ былъ жидъ...

Я не далъ ему продолжать и сказалъ:

— Но вѣдь когда-нибудь она узнаетъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, я все это передумалъ. Времени было довольно. Никто теперь не узнаетъ, а послѣ—я всѣхъ родныхъ удалю...

Мы вышли въ столовую, и я разслышалъ голосъ Володи Вощинина, говорившаго Женѣ своимъ обычнымъ пошловатымъ тономъ:

— Вы видите, кузиночка, я тоже похудѣлъ, тоскую по васъ. Дни разлуки казались мнѣ вѣчностью.

— Ахъ, оставь, Володечка!—воскликнула Ольга Дмитріевна. — Развѣ Женя можетъ теперь интересоваться тобой?.. Что ты для нея, бѣдный мой мальчикъ!

— Что ему Гекуба?—продекламировалъ Володя.—Нѣтъ, Женя, я не вѣрю, чтобы вы были такъ безчувственны.

— Володечка, Женѣ нужно богатство...

Женя сидѣла, молчаливая, грустная, уже измученная разспросами, намеками, колкостями, ясно понимающая, что въ воздухѣ носятся подозрѣнія относительно ея.

VIII.

Возвращеніе Левы и Жени внесло въ домъ Шельхеровъ не радость, а уныніе. Анна Ивановна тревожилась, что ея дѣти вернулись «словно другими».—«Лева ходитъ мрачнымъ, Женя точно въ воду опущенная. Что съ ними?»

Старушка приставала къ моему отцу: «Вы поразспросите толкомъ, что съ ними? Чую я, что они больны». Отецъ уклончиво отвѣчалъ, что это просто усталость съ дороги, перемѣна климата, зима стоитъ гнилая, какъ же не хворать. Не находя поддержки въ моемъ отцѣ, Анна Ивановна жаловалась роднымъ и, главнымъ образомъ, Ольгѣ Дмитріевнѣ, какъ самой частой посѣтительницѣ, на то, что Лева и Женя больны,—сама она видитъ, что больны,—а лѣчиться не хотятъ. Охъ ужъ, эта молодежь, все на свои силы, на свою молодость надѣется! Ольга Дмитріевна вздыхала и тутъ же спрашивала: «Куда ѣздятъ Лева и Женя такъ часто? отчего они одни ѣздятъ? съ чего это у Жени красны глаза такъ часто?» Для Анны Ивановны все это были открытія. Сама она ничего не подмѣчала. Ей бросалось въ глаза только то, что они мало ѣдятъ; это былъ для нея вѣрный признакъ ихъ нездоровья. Ольга Дмитріевна злилась въ душѣ на «безтолковую» старуху и прямѣе приступила къ дѣлу, замѣтила наконецъ, что неловко, что Лева все съ Женей вдвоемъ: «Женя ужъ невѣста, Богъ знаетъ, что люди могутъ подумать». Это ужъ были не намеки, а прямо подозрѣніе. Самый безтолковый человѣкъ могъ понять, о чемъ тутъ говорилось...

Анна Иванова пришла въ ужасъ, такъ чудовищно показалось ей это: мало того, что она признавала всякую связь, чѣмъ бы ее ни оправдывали, развратомъ, а тутъ еще связь брата и сестры, двоюродныхъ, правда, но «все равно, что родныхъ», какъ выражалась она. Да за это и люди опозорить могутъ, и на томъ свѣтѣ муки вѣчныя ждутъ. Никто и никогда не могъ бы въ-серьезъ сказать что-нибудь «о нравственныхъ принципахъ» или «о религіозныхъ воззрѣніяхъ» Анны Ивановны. Всѣ знали, что она живетъ въ свое удовольствіе, любитъ заниматься кулинарнымъ искусствомъ, души не чаетъ въ Левѣ—и только. Правда, никогда она не развратничала, была примѣрной женой, но что же изъ того—можетъ-быть, случая не было; можетъ-быть, просто лѣнь было затѣвать незаконныя связи. Это была если и нравственность, то чисто отрицательная, сохраненная за недостаткомъ искушеній или вслѣдствіе апатичнаго темперамента. О религіозности Анны Ивановны могли возникнуть еще бо́льшія сомнѣнія; она теплила лампаду въ своей спальнѣ, но безпрекословно согласилась съ мужемъ, что не только лампады не идутъ къ новой обстановкѣ другихъ комнатъ, но даже и образа большихъ

размѣровъ; божественные разсказы она, конечно, любила, но одинаково слушала ихъ отъ странницъ, отъ русскаго попа и отъ Вурма, съ одинаковымъ удобствомъ дремля подъ каждый изъ нихъ; въ церковь она всегда собиралась ѣхать, какъ только наставалъ праздникъ, и, вѣроятно, ѣздила бы часто, если бы одинъ разъ не мѣшалъ ревматизмъ въ ногахъ, другой—трепетаніе въ груди, третій—затѣянные къ завтраку блины. И вдругъ всплыло наружу, что за этимъ кажущимся нравственнымъ и религіознымъ индифферентизмомъ, какъ столбы, стояли незыблемо извѣстныя понятія: дѣвушка или женщина, сошедшаяся безъ брака съ мужчиной,—развратница; сошедшіеся или женившіеся въ недозволенной степени родства люди—грѣшники, заслуживающіе кару Божію; и никакихъ смягчающихъ обстоятельствъ, никакихъ оправданій не было и не могло быть тутъ. Если бы порыться поглубже въ душѣ Анны Ивановны, вы бы нашли въ ней такіе же приговоры, напримѣръ, вору: съ голоду или не съ голоду онъ укралъ—онъ все же воръ и его нужно наказать; при этомъ она вовсе не считала воромъ торговца, берущаго втридорога за товаръ, хозяина, платящаго грошъ за большую работу. Всѣ подобныя убѣжденія не были чѣмъ-нибудь навѣяннымъ съ вѣтру, вычитаннымъ случайно изъ той или другой книжки, а были чѣмъ-то наслѣдственнымъ, прирожденнымъ, всосаннымъ съ молокомъ матери. Но нужно было вовсе не знать Анну Ивановну, чтобы вообразить, что она повѣритъ подозрѣніямъ на Леву и Женю, или станетъ сама подозрѣвать ихъ. Она довольно сдержанно замѣтила Ольгѣ Дмитріевнѣ: «Плетешь что-то ты, Ольга!» и только. Она даже не особенно разсердилась на нее въ первую минуту, а почувствовала къ ней что-то въ родѣ омерзѣнія. Не умѣя ничего скрывать, она тотчасъ же сообщила свой разговоръ съ нею Миннушкѣ. Минна ужаснулась.

— Это все потому, что Женя сирота и ей завидуютъ,— сообразила Минна, и на ея выцвѣтшіе и блѣдные глаза навернулись слезы.—Сироту, ужъ извѣстно, всѣ притѣсняютъ.

Миннушка это знала изъ своихъ чувствительныхъ книгъ.

— Ну да, ну да,—радостно согласилась Анна Ивановна.— Я и говорить Женѣ не стану, чтобы ея не огорчать. Чистый это ребенокъ, а что выдумываютъ на него. Господи, что за завистники есть на свѣтѣ!... А Левѣ я скажу, Лева мужчина. Онъ отбреетъ Ольгу. Непремѣнно отбреетъ!

Миннушка была того же мнѣнія.

— Какъ тихо, мирно мы жили прежде. Никогда ничего такого не было... Грѣхъ Ольгѣ Дмитріевнѣ вносить раздоръ въ нашу семью,—сентиментально сказала она.

— Ну, какой же раздоръ? Что это ты, Миннушка, выдумала! Развѣ я такъ и повѣрила злой бабенкѣ? Извѣстно, завистница и злючка. Ну, да поговоритъ и замолчитъ,—рѣшила Анна Ивановна.—А Леву предупрежу, непремѣнно предупрежу. Онъ поговоритъ съ ней, такъ язычокъ-то она прикуситъ.

Тѣмъ же добродушнымъ тономъ, хотя съ нѣкоторыми предосторожностями, она передала эти толки Левѣ, приступивъ къ разговору съ оговорками: «ты не волнуйся, не сердись, все это пустяки, только, конечно, ты долженъ это знать». Одни эти предостереженія могли испугать. Лицо Левы покрылось пятнами, онъ чуть не упалъ отъ неожиданнаго потрясенія. Но Анна Ивановна, испуганная, раскаивающаяся, что начала этотъ разговоръ, тотчасъ же стала ему объяснять, что волноваться особенно нечего, что этакой мерзости никто не повѣритъ; никогда у нихъ ничего подобнаго въ роду не было, всѣ, и покойный батюшка, и покойная матушка, жили благочестиво и по закону,—и она начала распространяться о томъ, что это только Ольгѣ Дмитріевнѣ могло придти въ голову. Давно она, Анна Ивановна, подозрѣваетъ, что сама-то Ольга Дмитріевна развратничаетъ. Ужъ что-то очень она умильно смотритъ на своихъ горлодеровъ, въ ротъ имъ влѣзть хочетъ, какъ они распоются, соловьи-то ея, недаромъ же подкрашивается, прельщать на старости лѣтъ мальчишекъ вздумала. По себѣ и другихъ судитъ.

— И все изъ зависти плететъ,—продолжала Анна Ивановна.—Какъ же, Женю за дочь я считаю. Нельзя ничего на нее и понаушничать. Ну, вотъ и придумала исторію, чтобы не просто вооружить, а заставить выгнать дѣвочку. Какъ же, сына моего родного съ пути совратила! Чего ужъ хуже! И не просто развратничаетъ, а и людскіе, и Божескіе законы ни во что ставитъ... Господи, и чего людямъ надо! Вѣдь ужъ всѣмъ, всѣмъ имъ даю, точно голоднымъ собакамъ подачки бросаю,—все мало. Все хотятъ себѣ взять!

— Вы... вы и Женѣ это разсказали?—спросилъ дрожащимъ голосомъ Лева, подавляя свое волненіе.

— Что ты, что ты, голубчикъ!—почти съ испугомъ воскликнула Анна Ивановна, замахавъ рукою.—Я и на мысли

то такія не стану наводить ребенка. Во снѣ-то ничто такое чистому человѣку не пригрезится, надо быть Ольгой, чтобы мерзость такую надумать... И съ чего я Женю, голубку, буду тревожить? Да и ты не волнуйся! Все это пустяки! Не рада я, что и тебѣ-то сказала!.. А только Ольгу я спроважу... это ужъ какъ Богъ святъ!..

— Всѣхъ этихъ родственниковъ надо выпроводить,— рѣзко замѣтилъ Лева.—Вышвырнуть, какъ соръ, нужно!..

— Да, ужъ всѣ хороши!.. И боюсь я, не намекнули ли они чего Женѣ-то самой? Можетъ-быть, она отъ этого и грустная у насъ все такая.

И, точно озаренная внезапнымъ свѣтомъ, она воскликнула:

— Да, да, это вѣрно! А я-то думала, что съ ней, съ чего она груститъ... А оно вотъ что!... Еще бы, теперь все понятно! Какъ тутъ защищаться станешь? Въ смертномъ грѣхѣ обвиняютъ, что и людямъ, и Богу въ глаза не посмотришь... Ужъ я, на что спокойный человѣкъ, а и то все во мнѣ перевернулось отъ этой исторіи. Трепетаніе опять началось...

Лева ходилъ въ волненіи взадъ и впередъ по гостиной, а Анна Ивановна продолжала развивать свои взгляды на эту «исторію», точно стараясь вслухъ уяснить себѣ самой все ея значеніе.

— И того не подумали, что я женщина сырая, что со мной ударъ могъ сдѣлаться. Еще хорошо, что я сразу-то всего не поняла, не сообразила, точно туманъ какой въ глазахъ всталъ. Только и сказала ей: «плетешь что-то ты, Ольга», да такъ и отпустила ее, даже безъ сердцовъ, точно такъ она сдуру что-то сболтнула, а потомъ ужъ все это и стало мнѣ ясно и поднялось все во мнѣ... дальше да больше, дальше да больше... А пойми я вдругъ, повѣрь,—да, право, душу отдала бы Богу! Или, можетъ-быть, того ей и хотѣлось! Да пользы-то имъ что отъ моей смерти! Слава Богу, ты наслѣдникъ всего, а не они. Женишься еще, дѣти будутъ, тогда...

Лева съ горечью перебилъ ее:

— Хорошъ женихъ, одной ногой въ гробу стою!

Анна Ивановна чуть не вскрикнула отъ испуга и съ широко открытыми глазами, тяжело дыша, замерла на мѣстѣ.

— Лева, Лева, что ты! —проговорила она, наконецъ, собравшись съ силами.—Христосъ съ тобой! Съ чего ты это взялъ! Охъ, точно подкосилъ ты меня этимъ словомъ...

И съ чего!.. Слабенькій ты у меня, такъ вѣдь ты и всегда такимъ былъ. Это ростъ твой такой тяжелый. Вотъ войдешь въ лѣта—возмужаешь, окрѣпнешь. Охъ, что это тебѣ въ голову пришло! Родной ты мой!

Она съ трудомъ поднялась съ мѣста, едва стоя на дрожащихъ ногахъ, и обняла сына.

— Огорчилъ ты меня, Лева, огорчилъ этимъ словомъ!..

Она тихо заплакала, прижимая къ себѣ его голову.

Онъ никогда не видалъ ее такою взволнованною, такою испуганною. Въ ея дрогнувшемъ голосѣ послышался ему упрекъ. Лаская его, она тревожно разспрашивала, не хуже ли ему, не захворалъ ли онъ, не послать ли за Константиномъ Ѳедоровичемъ. Все ея существо, каждое ея слово было проникнуто материнской любовью и заботливостью. Она не могла собраться съ мыслями, придти въ себя. И все это отъ этой исторіи, отъ этихъ каверзъ. Раздражили онѣ Леву, навели его на мрачныя мысли. Никогда, никогда до этой поры не сказалъ онъ ей ни слова о близости своей смерти,—и вдругъ теперь говоритъ, что стоитъ одной ногой въ могилѣ! Да, на что же ей самой послѣ этого жизнь? Для кого она жила и живетъ, какъ не для него?.. Вотъ роденька-то до чего довела! Нѣтъ, надо погнать всю эту орду родни. Вороны проклятые, точно къ падали, къ богатству слетаются! Разорвать живыхъ людей изъ-за денегъ готовы...

Анна Ивановна не вдругъ успокоилась, и ея мягкое, доброе сердце исполнилось еще большею любовью къ Левѣ и Женѣ, къ этимъ «обиженнымъ» дѣтямъ. Она смотрѣла на нихъ теперь сквозь слезы и то и дѣло слышались эпитеты «голубчикъ ты мой, Левушка», «голубка ты моя, Женюшка». Покрывая поцѣлуями ихъ лица, разспрашивая ихъ, не надо ли имъ чего, бѣгая съ одышкой въ груди, подобравъ тяжелое шелковое платье, на кухню, чтобы наблюсти за приготовленіемъ самыхъ любимыхъ блюдъ Левы и Жени, Анна Ивановна была какъ бы охвачена страхомъ, что вотъ-вотъ она потеряетъ и Леву, и Женю. Господи, что же тогда съ нею будетъ? Никогда еще ея материнская любовь къ нимъ не проявлялась въ такомъ трогательномъ видѣ. Старухѣ хотѣлось чуть не на рукахъ носить, чуть не на колѣни сажать ея «дѣтей». И въ то же время потихоньку она толковала съ Миннушкой и съ моей матерью, какъ обидѣли ея Женю и Леву. Женя это чуетъ, ей, вѣрно, намекнули злодѣи, вотъ почему она и ходитъ такая печальная;

извѣстно, чистый ребенокъ, огорчила ее эта грязная выдумка. Да ужъ что она, когда самъ Лева такъ опечалился, что—Господи, до чего злые люди могутъ довести!—о смерти заговорилъ, о своей смерти! Никогда и не думалъ объ этомъ, а ужъ какъ иногда хворалъ,—теперь же вдругъ заговорилъ объ этомъ! Миннушка вздыхала и плакала вмѣстѣ съ теткой, замѣчая при этомъ въ утѣшеніе, что Господь изъ любви къ Женѣ и Левѣ послалъ это испытаніе имъ, такъ какъ Богъ всегда испытываетъ тѣхъ, кого любитъ; праведники потому и страдали всю жизнь, что ихъ Богъ любитъ. Моя мать, выслушивая Анну Ивановну, осторожно и сдержанно совѣтовала ей забыть всю эту исторію, не говорить о ней, такъ какъ въ дѣлѣ сплетенъ единственное спасеніе—не обращать на нихъ вниманія: сплетня, какъ снѣжный комъ, чѣмъ ее больше подхватываютъ, чѣмъ дальше катятъ, тѣмъ сильнѣе она растетъ. Въ то же время Анна Ивановна считала нужнымъ развлекать своихъ дѣтей. Прежде она ѣздила съ ними въ театры, потому только, что нельзя же было имъ однимъ туда ѣздить, «безъ старшихъ»; теперь она тащила ихъ за собою, такъ какъ сами они не поѣхали бы, можетъ-быть; съ той же цѣлью тащила она ихъ въ гости и сзывала гостей въ свой домъ. Въ ея разговорахъ стали прорываться похвалы тѣмъ или другимъ барышнямъ и молодымъ людямъ и было не трудно угадать, что она безсознательно, можетъ-быть, подыскиваетъ невѣстъ и жениховъ для Левы и Жени...

Что испытывали Лева и Женя въ это время—это трудно передать. Имъ, можетъ-быть, было бы легче, если бы Анна Ивановна повѣрила намекамъ, если бы все объяснилось разомъ. Какъ знать, можетъ-быть, она и простила бы, думалось имъ. Да, тогда, можетъ-быть, простила бы, а теперь? Нѣтъ, теперь она не простила бы! Теперь это ее убило бы. Наконецъ, какъ сказать ей это самимъ, когда она уже говорила, что это ее убило бы, что она изгнала бы Женю? И если бы она была менѣе ласкова съ ними, если бы она не видѣла въ нихъ «обиженныхъ» дѣтей. Чтобы успокоить ее, нужно притворяться веселыми, счастливыми. А какъ притворяться, когда ихъ волнуетъ вдобавокъ ко всему положеніе тщедушнаго ребенка, живущаго на сторонѣ, безъ ихъ призора. Видѣть его даже на минуту имъ удается урывками. Хотя бы онъ умеръ! Они желали этого и пугались этого желанія, какъ мысли о дѣтоубійствѣ, точно ребенокъ могъ умереть отъ ихъ желанія ему смерти. Я не зналъ,

какъ все это дѣйствовало на Женю, но Лева впалъ опять въ свое мистическое настроеніе. Это наказаніе Божіе за грѣхъ! Но что значатъ земныя мученія передъ загробными мукáми? А эти мукú ждутъ впереди грѣшниковъ. Отъ этихъ мукъ тамъ нѣтъ избавленія; онѣ продолжаются вѣчно. Чѣмъ искупить этотъ грѣхъ, чтобы не мучиться и на томъ свѣтѣ? Дни его, Левы, сочтены, и онъ долженъ торопиться загладить свой грѣхъ. Загладить? Это легко сказать, но какъ это сдѣлать?.. Какъ тяжело мучили его эти вопросы, это я понялъ изъ его разговоровъ о будущемъ, оставшись какъ-то съ нимъ наединѣ послѣ этихъ событій въ его жизни.

— Да, вамъ трудно, я думаю, скрывать ваши отношенія, и волей-неволей приходится подумать о второмъ ребенкѣ,— мелькомъ замѣтилъ я.

Онъ остановился передо мною въ недоумѣніи, смотря на меня почти тупымъ взглядомъ, точно ничего не понимая.

— Какія отношенія? Какой ребенокъ?—глухо спросилъ онъ.—За кого ты меня считаешь? Я могъ сдѣлать грѣхъ, но повторить его—я еще не совсѣмъ подлецъ, не совсѣмъ погибшій грѣшникъ.

— Вы же любите другъ друга, и вамъ...—началъ я.

Онъ перебилъ меня уже раздражительно.

— Тутъ не можетъ быть рѣчи о томъ, любимъ мы или не любимъ другъ друга! Да, мы любимъ другъ друга. Любимъ! Если бы мы разлюбили одинъ другого, намъ было бы легче. Но это-то и есть кара Божія; Богъ далъ намъ нести этотъ крестъ здѣсь за наказаніе.

Я вспылилъ.

— Богъ! Богъ! Вы съ Вурмомъ такъ говорите о Богѣ, точно ежедневно бесѣдуете съ Нимъ! Сами себя произвели въ повѣренные Его намѣреній и опредѣленій, господа духовидцы и пророки. Кощунство это какое-то! И какъ не стыдно приплетать Бога ко всей этой любовной исторіи, къ этой житейской грязи!.. Ты бы, вѣрно, женился на Женѣ, если бы вы были протестанты; теперь же, вступивъ съ ней въ связь, ты сдѣлалъ противузаконный поступокъ, вотъ и все. Но дѣло не въ томъ...

Онъ хотѣлъ перебить меня, но я остановилъ его.

— Погоди, дай сказать! Ты со своими воззрѣніями, расходясь съ ней, порывая свои отношенія съ ней, можешь вообразить, что ты искупаешь здѣсь свои грѣхи и, можетъ-быть, надѣешься за это попасть прямо въ рай. Тебѣ вѣдь

только этого и надо... Но каково ей? Ты спросилъ ли ее объ этомъ.

Его лицо исказилось нехорошей, жесткой улыбкой.

— А! ты думаешь, что Женя такая же язычница, какъ ты?—съ ироніей сказалъ онъ.—Я давно замѣчалъ, что у тебя нѣтъ ничего святого... Богъ, религія... что тебѣ до всего этого!.. Ты думаешь и Женя такая же? Ты вѣдь когда-то болталъ съ ней о религіи со своей точки зрѣнія. Ты думалъ, она заразилась твоими взглядами. Къ счастію, ты ошибаешься. Женя вполнѣ уразумѣла весь ужасъ нашего поступка.

— То-есть ты погубилъ ее и еще терзаешь ее своими мистическими ужасами? — рѣзко сказалъ я.—Недостаетъ только, чтобы она потеряла разсудокъ отъ всей этой исторіи.

— Да вѣдь для тебя разсудокъ все,—съ горечью воскликнулъ Лева.—Лучше погубить душу, лишь бы его сохранить.

— Что это ты словами Вурма говоришь?—раздражился я.—Ужъ ты и его не посвятилъ ли въ свою тайну?

— Ну, а если бы и такъ?—уклончиво проговорилъ Лева.

— Ну, такъ я вотъ что скажу. Ты терзаешься, совершивъ грѣхъ съ точки зрѣнія православія, и въ то же время не боишься сдѣлаться вполнѣ отщепенцемъ православія, примыкая къ какой-то непризнанной сектѣ, ища защиты у какого-то самозваннаго пророка. Гдѣ у тебя твоя логика, гдѣ трезвый взглядъ на вещи? Ужъ не обѣщалъ ли тебѣ Вурмъ мѣстечка въ царствіи небесномъ за отступничество отъ православія и поступленіе подъ его протекцію?

Лева широко открылъ глаза, точно я высказалъ какую-то совершенно новую для него мысль, никогда не приходившую ему въ голову и страшно поразившую его теперь. Онъ въ волненіи заходилъ по комнатѣ, хватаясь за свою пылающую голову. Нѣсколько минутъ длилось молчаніе.

— Нѣтъ, нѣтъ, оставимъ этотъ разговоръ,—наконецъ, заговорилъ онъ тревожно, съ какимъ-то отчаяніемъ махнувъ рукою.—Мы никогда не поймемъ другъ друга. Ты можешь внести въ душу только разладъ, вмѣсто надежды и успокоенія... Ты ни на минуту не останавливался на тѣхъ вопросахъ, надъ которыми глубоко задумывался я.

И, сухо оборвавъ разговоръ, онъ сдѣлалъ мнѣ нѣсколько незначительныхъ вопросовъ, не интересовавшихъ ни его, ни меня, спросилъ что-то о театрѣ, кажется, даже замѣтилъ, что нынче стоитъ хорошая погода... Между нами вдругъ что-то оборвалось, воздвиглась какая-то стѣна. Меня болѣе

всего поразило то, что во мнѣ не было жалости къ Левѣ, не было сожалѣнія о порвавшейся дружбѣ, не было желанія сдѣлать какой-нибудь шагъ для устраненія взаимной холодности. Онъ сталъ вдругъ для меня чужимъ человѣкомъ. Уходя отъ него, я невольно задумался надъ вопросомъ, какъ это могло случиться такъ внезапно? Не былъ ли онъ и всегда чужимъ для меня? Волновали ли меня его тревоги и мученія, какъ волновали меня какія-нибудь невзгоды и лишенія выбившихся изъ силъ тружениковъ? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Я выслушивалъ его сѣтованія и только; когда же жаловались тѣ люди—во мнѣ все переворачивалось вверхъ дномъ, являлось озлобленіе на притѣснителей и грабителей, закипало страстное желаніе помочь, спасти, утѣшить. Смотря на его судьбу, я оставался простымъ любопытнымъ, заинтересованнымъ зрителемъ и даже—теперь я ясно понималъ это—становился тѣмъ болѣе любопытнымъ, чѣмъ драматичнѣе были перипетіи этой судьбы; смотря на участь бѣдняковъ, я рвался только къ одному—принять участіе въ этой драмѣ, вмѣшаться въ эту драму, превратиться изъ зрителя въ дѣятеля, страстнаго, горячаго, съ жаждой мщенія за страдающихъ. Теперь мнѣ припомнилось, что и самъ Лева какъ бы угадывалъ во мнѣ эти чувства, это направленіе. Онъ часто замѣчалъ мнѣ: «какой у тебя узкій кругозоръ»; «что значатъ эти единичныя явленія передъ міровыми вопросами»; «ты весь растратишься на мелочи, если будешь волноваться изъ-за каждаго единичнаго факта несчастій и несправедливостей». Иногда онъ просто раздражалъ меня, когда я просилъ у него помощи для какой-нибудь голодающей семьи, и онъ, давая ее равнодушно, не глядя даже, сколько даетъ, много или мало, замѣчалъ мнѣ: «не объ Иванѣ, мой другъ, надо заботиться, а объ Иванахъ: оплакивать каждаго въ отдѣльности—слезъ недостанетъ». Вспоминая теперь объ этихъ мелочахъ, я въ недоумѣніи спрашивалъ себя: «что же насъ связывало?» Привычка. Этотъ деспотъ, привязывающій нерѣдко людей къ однимъ и тѣмъ же предметамъ, мѣстамъ, личностямъ, давно уже смѣнилъ въ насъ обоихъ болѣе теплыя чувства дѣтской привязанности, юношеской дружбы. Даже сознавъ все это, я понималъ, что насъ еще долго будетъ тянуть другъ къ другу, хотя намъ уже не о чемъ было говорить другъ съ другомъ...

IX.

На житейской сценѣ, какъ и на театральныхъ подмост-

кахъ, бываютъ драмы, можетъ-быть, и глубокія, и потрясающія, но однообразныя по своей сущности, не обѣщающія съ самаго начала ничего новаго въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи. Какъ бы ни были талантливы ихъ исполнители, какъ бы ни были сильны въ отдѣльности ихъ эпизоды, зритель, въ концѣ-концовъ, чувствуетъ утомленіе и, не дождавшись ихъ окончанія, уходитъ прочь. И на что ему ждать ихъ конца, когда этотъ конецъ предугаданъ впередъ? Такою драмою была жизнь Левы вообще. Я могъ присматриваться къ ней, покуда я еще могъ обманываться насчетъ нашихъ отношеній другъ къ другу; но разъ явилось сознаніе, что мы чужіе, драма этой жизни стала мнѣ казаться просто скучною. Мой отецъ послѣ посѣщенія семьи Шельхеровъ нерѣдко говаривалъ: «какого рожна имъ еще нужно?» «съ жиру бѣсятся»; «проморить бы ихъ на морозѣ голодомъ, заставить бы поработать до седьмого поту, стряхнули бы съ себя дурь»; «сладкопѣвцы и больше ничего». Прежде меня немного смущали и сердили эти замѣчанія объ этихъ «добрыхъ людяхъ». Теперь я задумывался надъ этими словами и склонялся на сторону отца. По привычкѣ меня еще тянуло иногда къ этимъ людямъ, но, направлялсь къ нимъ, я порою задавалъ себѣ неожиданно вопросъ: «да что мнѣ тамъ дѣлать?» и сворачивалъ съ дороги. Встрѣчи становились все рѣже, все короче.

Въ домѣ же Шельхеровъ все шло по-старому, даже какъ будто все пошло ровнѣе. Мелькомъ я узналъ, что ребенокъ Левы умеръ, и, вмѣсто слезъ и жалобъ, услышалъ отъ Левы:

— Господь прекратилъ его страданія и избавилъ отъ гибели!

Въ тонѣ этой фразы было что-то сухое, черствое, бездушное. Меня просто покоробило отъ нея. Мнѣ показалось, что Лева сказалъ бы то же самое и тѣмъ же тономъ, если бы ему принесли вѣсть о гибели всего міра. Для него уже не существовало ничего, кромѣ его собственнаго я, которое нужно было спасти отъ загробныхъ мукъ...

Однажды я узналъ отъ отца, что Лева захворалъ. «Это, кажется, смерть»,—коротко сказалъ отецъ. Я пошелъ къ Левѣ и засталъ у его постели Вурма. Вурмъ, не глядя на меня, съ тяжелымъ вздохомъ поднялся съ мѣста, точно праведникъ, удаляющійся при приближеніи искусителя. Я не безъ ненависти взглянулъ на эту сухую, длинную фигуру съ набожнымъ лицомъ, съ поднявшимся на мгновеніе къ

небу и снова потупившимся взоромъ. Лева встревожился и съ сожалѣніемъ сказалъ:

— Рейнгольдъ Карловичъ, вы уже уходите!

— Да. Я еще зайду въ другое время!—скромно отвѣтилъ Вурмъ.

Я мелькомъ взглянулъ на него и сказалъ:

— Я вамъ не мѣшаю! Я зашелъ только взглянуть на Леву и сейчасъ ухожу...

Я пожалъ руку больного, простился съ нимъ и вышелъ.

Вурмъ присѣлъ снова къ постели.

Въ гостиной меня встрѣтила Анна Ивановна, опечаленная, въ слезахъ. Она засыпала меня вопросами:—ну, что? Какъ ты его нашелъ? Что Константинъ Ѳедоровичъ говоритъ?

— Отецъ совѣтовалъ вамъ созвать консиліумъ,—замѣтилъ я.

Она безнадежно махнула рукой.

— Лева и твоего отца едва допустилъ. Не хочетъ лѣчиться, ни за что не хочетъ!

— Что же онъ на Вурма, что ли, надѣется?

— Ахъ, ужъ и не говори ты мнѣ! Я совсѣмъ голову потеряла.

И она начала мнѣ жаловаться. Лева въ послѣднее время все о смерти говоритъ. Ну, значитъ, нездоровъ и надо доктора позвать. Такъ нѣтъ, не хочетъ. Что же, развѣ онъ не понимаетъ, что это убиваетъ и ее, мать. Хоть бы ее-то пожалѣлъ! Такъ нѣтъ, точно замерло все въ немъ. Охъ, дурной это знакъ! Это у людей часто передъ смертью бываетъ. Все опостылѣетъ, все чужимъ станетъ. Вмѣсто доктора, онъ зоветъ Вурма. Что-жъ Рейнгольдъ Карловичъ свой человѣкъ, она сама любитъ иногда послушать, когда онъ о божественномъ говоритъ, но все же—зачѣмъ его звать каждый день? У него своя вѣра, кто его знаетъ какая. Какъ ни какъ, а все же еретикъ онъ. Ужъ не то, что не православный, а даже лютеране и тѣ еретикомъ его считаютъ. Самъ себя въ пророки произвелъ. Чего онъ натолкуетъ больному человѣку. Ну, хочется Левѣ о божественномъ въ болѣзни послушать—позови священника. А то, храни Господи, умретъ еще такъ-то въ бесѣдахъ съ еретикомъ. Вѣдь ужъ что ни говори, а Рейнгольдъ Карловичъ еретикъ, самозванный пророкъ! Здоровый человѣкъ для развлеченія можетъ его послушать, а на смертномъ одрѣ тоже о душѣ нужно подумать, всякихъ бредней нечего слушать. И какія слова говоритъ Лева!

— Я ему замѣтила о священникѣ, а онъ: «что мнѣ священники, что я имъ? Прежде мнѣ ничего не дали и теперь ничего не дадутъ». Да что же они могли ему дать? И чего у него недоставало? Это онъ, вѣрно, уже въ бреду говоритъ. И не поймешь, что!

Она опять стала жаловаться, что Вурмъ сидитъ все у Левы. Вотъ вѣдь сидитъ онъ цѣлые часы наединѣ съ Левой, а свои, домашніе, бродятъ, какъ мухи осенью по комнатамъ, не зная, что съ Левой дѣлается...

— Охъ, ужъ не вò-время мы его привадили къ дому... Какъ здоровы да веселы, оно и забавно послушать его, а теперь онъ—точно бревно на дорогѣ...

Потомъ она стала жаловаться и на то, что и ея здоровье расшаталось вс время болѣзни Левы. Она вѣдь одна ходитъ за нимъ. Бѣдная Миннушка слаба, гдѣ же ей, убогому человѣку, ходить за больнымъ.

— А Женя?—сорвалось у меня съ языка.

Анна Ивановна махнула рукой.

— Недовольна я Женюшей, — сказала она. — Помнишь ты, толки-то позапрошлой зимой были? Ну, съ тѣхъ поръ она и Лева точно чужіе, стали сторониться другъ отъ друга. Пробовала я имъ ужъ говорить, что дурятъ они, что никто ничего не подумаетъ о нихъ дурного. Ну, да это ихъ дѣло. Пока Лева былъ здоровъ, оно и ничего было. А теперь...

Она немного нахмурилась.

— Это ужъ вѣдь просто какое-то безсердечіе со стороны Жени. Братъ лежитъ боленъ, а она не заглянетъ къ нему. Точно злится на него, что про нее шли эти толки. Такъ развѣ Лева былъ виноватъ?

— Можетъ-быть, Лева самъ не желаетъ,—сказалъ я.

— Голубчикъ ты мой, что ты говоришь! Ну, не желаетъ онъ, такъ развѣ любящая сестра не сумѣла бы сдѣлать такъ, что онъ допустилъ бы ее ухаживать за нимъ? Нѣтъ, я уже и не знаю, что̀ съ Женюшей сдѣлалось... Ты видалъ ли ее? Взгляни! Исхудала, глаза большіе стали, смотритъ, точно что̀ потеряла. Спросишь что, отвѣтитъ: «а?» а сама точно отъ сна ее разбудили. Улыбнется, такъ я ужъ не знаю, что это, точно судорогами ей ротъ раздергиваетъ...

Анна Ивановна глубоко задумалась. Я удивился тому, что Анна Ивановна начала дѣлать наблюденія въ окружающей ее средѣ, стала подмѣчать новыя черты въ окружающихъ ее лицахъ.

— Да, видно, чужое чужимъ и останется! — со вздохомъ сказала Анна Ивановна.

— Вы это насчетъ чего?

— Да вотъ о Женюшѣ. Извѣстно, мнѣ не дочь, Левѣ не родная сестра.

Въ тонѣ Анны Ивановны я впервые подмѣтилъ какую-то нотку вражды.

— Или ужъ и въ самомъ дѣлѣ женить его хотѣла на себѣ, да и разсердилась, что не удалось.

— Анна Ивановна, что вы! — воскликнулъ я почти съ испугомъ.

Она неожиданно расплакалась.

— Молодъ ты, Николаша, не знаешь жизни! Чего не бываетъ на свѣтѣ... Да и мать я, голубчикъ, чего-чего не приходитъ въ голову въ этакомъ-то горѣ... Иногда жаль Женюшу, а иногда... точно на врага я на нее смотрю... Брата бросила, въ этакомъ-то положеніи бросила!.. Гдѣ же сердце у нея?..

— Да вы бы поговорили съ Женей откровенно! Не хотите ли, чтобы я поговорилъ съ ней?—спросилъ я.

— Поговори. Только насильно милъ не будешь!—отвѣтила Анна Ивановна.—Нѣтъ, дурное у нея сердце, дурное! Теперь я это вижу, сама вижу!..

Я прошелъ къ Женѣ. Я ее не видалъ давно и былъ пораженъ происшедшей съ ней перемѣной. Анна Ивановна вѣрно подмѣтила выраженіе ея лица, растерянное, недоумѣвающее, тупое. Казалось, ея мозгъ не могъ осилить происходившаго въ немъ броженія. Это былъ мозгъ ребенка, которому нежданно-негаданно задали работу, бывшую не по силамъ даже иному взрослому и развитому человѣку. Шаловливому и рѣзвому ребенку вдругъ сказали, что онъ великій грѣшникъ, что его ждутъ страшныя муки и здѣсь, и тамъ. Тутъ было отъ чего растеряться. Я заговорилъ съ Женей мягко, дружески. Съ первыхъ же словъ она заплакала по-дѣтски.

— Не велѣлъ, не велѣлъ ходить!—отвѣчала она на всѣ мои увѣщанія.

— Да ты растолкуй, что это нужно ради Анны Ивановны, что тебѣ самой неловко, что это опять можетъ возбудить подозрѣніе. Или тебѣ самой не тяжело?

— Господи! Да я же его люблю! — воскликнула она, рыдая.—Ты пойми, что я не могу разлюбить его! Онъ все про адъ, про муки вѣчныя говоритъ, а я...

У нея оборвался голосъ отъ рыданій.

— Я... жду одного ласковаго взгляда, одного привѣтливаго слова!.. А онъ... онъ говоритъ, что это демонъ-искуситель во мнѣ...

И изъ ея устъ полились мучительныя признанія. Не день, не два терзалъ Лева и себя, и ее этими толками о ихъ паденіи, о ихъ грѣхѣ, объ ожидающихъ ихъ наказаніяхъ. Когда ей нужно было ласковое слово, утѣшеніе, она бросалась къ нему, а онъ сурово отталкивалъ ее, говорилъ, что ей мало, вѣрно, одного грѣха, что ей хочется вѣчной гибели. А что-жъ ей дѣлать, если онъ одинъ и могъ дать ей утѣшеніе, если она не можетъ разлюбить его? И во время этихъ мучительныхъ признаній, ея глаза смотрѣли растерянно, съ недоумѣніемъ, какъ бы спрашивая меня: гдѣ же исходъ? неужели спасенія нѣтъ? Неужели ей такъ и суждено страдать и здѣсь, и тамъ?

Я, какъ умѣлъ, старался успокоить ее.

Я ушелъ отъ нея съ тяжелымъ чувствомъ. Въ то же время я былъ убѣжденъ, что мои слова не остались безъ вліянія на нее. Я не ошибся въ этомъ, но я ошибся въ результатахъ моихъ увѣщаній. Если бы я могъ предвидѣть эти результаты, я никогда не вмѣшался бы въ это дѣло...

Прошло не мало дней съ той поры, какъ я узналъ всѣ мелочи сценъ, происшедшихъ послѣ моего посѣщенія Шельхеровъ, а мнѣ и теперь тяжело разсказывать объ этомъ.

Женя послѣ моего ухода не вдругъ собралась зайти къ Левѣ. Но все же собралась. Былъ уже вечеръ, когда она вошла къ нему. Онъ лежалъ на спинѣ и, не поворачивая головы, спросилъ:

— Кто тутъ?

— Я, Лева,—тихо отвѣтила Женя.

— Ты? ты? опять? — воскликнулъ онъ съ горечью.

Она быстро подошла къ его постели, опустилась на колѣни и въ слезахъ прошептала:

— Лева, я не могу... Пойми ты, что я страдаю, не видя тебя... Ты боленъ, а я не вижу тебя, не знаю, лучше ли тебѣ или хуже, не смѣю помочь тебѣ... Неужели я стала тебѣ совсѣмъ чужою? Мы мужъ и жена передъ Богомъ...

И все, что наболѣло въ ея душѣ, вылилось въ страстныхъ, отрывочныхъ фразахъ. Это были не упреки взрослаго человѣка, а лепетъ огорченнаго, обиженнаго ребенка. Когда-то этотъ ребенокъ былъ для Левы всѣмъ—свѣтомъ, радостью, жизнью. Это чувство никогда не умирало въ душѣ Левы:

онъ только подавлялъ его, умерщвлялъ, чтобы не лишиться загробнаго блаженства. Теперь этотъ нѣжный голосъ, эти горькія слезы, эти дѣтскія жалобы растопили ледъ. У Левы потемнѣло въ глазахъ, у него закружилась голова. Страсть—страсть чахоточнаго человѣка, у котораго, по его выраженію, все горѣло въ груди, — страсть, долго подавляемая страшными усиліями, застращиваніемъ себя адомъ, проснулась, прорвалась наружу какимъ-то бурнымъ потокомъ, и онъ, забывъ все, уже покрывалъ поцѣлуями ея лицо, ея руки.

— Дѣвочка моя, бѣдная дѣвочка, что я съ тобой сдѣлалъ!—вырывались изъ его груди восклицанія. — Загубилъ всю твою жизнь!..

Она обвила его руками, радуясь этой вспышкѣ любви и забывъ всѣ недавнія терзанія. Она любовалась этимъ исхудалымъ, но все еще прекраснымъ лицомъ.

— Не говори, не говори этого!—шептала она.—Я счастлива! Твоя любовь для меня все! Дорогой, выздоравливай только, а тамъ—будь, что будетъ.

И, ласкаясь къ нему, она говорила опять о любви, о надеждахъ. На минуту ей показалось, что воротится ихъ прежняя жизнь,—та жизнь, когда онъ называлъ ее, Женю, своею весною. Онъ, кажется, надѣялся на то же, забывъ и Вурма, и близость смерти, и адъ...

— О, если бы только вернуть жизнь!—восклицалъ онъ.— Еще бы хоть годъ, одинъ годъ счастья... Ничего мнѣ не нужно, кромѣ тебя... тебя...

Эти восклицанія прервалъ страшный припадокъ кашля. Задыхаясь, Лева судорожно ухватился костлявыми руками за подушку и бился въ какомъ-то отчаяніи. На подушкѣ показались пятна крови. Женя, перепуганная и растерявшаяся, слышала только восклицанія:

— Не могу!.. Не могу!.. Уйди!.. Зачѣмъ ты пришла!.. Смерть!..

За припадкомъ послѣдовало полное изнеможеніе, какое-то тяжелое забытье. Потомъ онъ очнулся, обвелъ комнату мутнымъ взоромъ, какъ бы припоминая все, что произошло. Этотъ свинцовый взглядъ остановился на Женѣ почти съ ужасомъ. Въ ушахъ Жени тихо, но отчетливо раздавался хриплый шопотъ:

— Уйди!.. уйди...

Она покорно встала, вышла на цыпочкахъ, озираясь, точно боясь, что кто-нибудь подслушалъ, подсмотрѣлъ все

происшедшее. На слѣдующій день, рано утромъ, Лева послалъ за Вурмомъ. Длинный, сухой, съ набожнымъ лицомъ, съ потупленнымъ взоромъ, Рейнгольдъ Карловичъ прошелъ въ спальню больного.

До этого дня Лева много и долго говорилъ съ нимъ о грѣхахъ, спрашивалъ, какъ можно очиститься отъ грѣховъ. Вурмъ зналъ всѣ помыслы, всѣ намѣренія Божіи. Богъ посылаетъ иногда грѣхъ людямъ, любя людей, желая исцѣлить ихъ отъ гордыни, отъ самомнѣнія, то-есть отъ самыхъ страшныхъ грѣховъ. Это уже потому самые страшные грѣхи, что человѣкъ прежде всего долженъ сознавать одно: спасти можетъ Богъ, а самъ человѣкъ спастись не можетъ. Зараженные гордынею и самомнѣніемъ забываютъ именно это и полагаются на свои силы, то-есть идутъ прямо на погибель. Совершенный грѣхъ въ избранныхъ пробуждаетъ раскаяніе, усиленное желаніе стать лучше, не грѣшить впредь, искать Божіей помощи—единственнаго нашего спасенія. Это воздержаніе отъ повторенія грѣха, несмотря на всѣ искушенія, и отличаетъ званыхъ отъ избранныхъ. Только избранные и могутъ отсѣчь руку, если она соблазняетъ ихъ, вырвать око, если оно соблазняетъ ихъ. Неизбранные не могутъ этого сдѣлать. Недаромъ же въ разсказѣ о богатомъ юношѣ говорится, что Богу все возможно, а людямъ невозможно. Какой грѣхъ совершилъ Лева—Вурмъ не спрашивалъ. Да и могъ ли онъ спрашивать, когда онъ все зналъ и безъ объясненій? Разспросы могли бы поколебать вѣру въ его всевѣдѣніе. Вѣдь онъ пророкъ! Ему все открываетъ Богъ. Теперь настала именно такая минута, когда Лева сказалъ, долженъ былъ сказать все. Еще бы! Вчера онъ чуть не умеръ именно въ ту минуту, когда все грѣховное воскресло въ немъ снова и сразу погубило все достигнутое долгими днями покаянія. За минуту любви онъ, Лева, готовъ былъ отдать вѣчность небеснаго блаженства. Вурмъ, кроткій, набожный, слушалъ, не удивляясь, не возмущаясь, какъ слѣдуетъ человѣку, видящему и знающему все.

— Богъ милосердъ, онъ въ эту минуту напомнилъ тебѣ о смерти и спасъ твою душу,—сказалъ онъ набожно и торжественно. — Долгіе дни упорной борьбы со своею плотью могли породить въ тебѣ самомнѣніе, вѣру въ свои силы, способныя побороть все. И вотъ Богъ послалъ тебѣ искушеніе, чтобы еще разъ показать тебѣ, какъ ничтоженъ человѣкъ.

— О, я знаю, знаю все свое безсиліе, всю свою ничтож-

ность!—воскликнулъ Лева.—На каждомъ шагу мнѣ грозятъ искушенія... мнѣ нужна поддержка...

— И Богъ ее далъ тебѣ, — торжественно произнесъ Вурмъ.—Я съ тобою!

Онъ благоговѣйно сложилъ руки, поднялъ къ небу глаза, сталъ читать одну изъ безчисленныхъ молитвъ-импровизацій. Тихій, льющійся, какъ ручей, кроткій голосъ, возвышенныя фразы, набожное выраженіе лица пророка, все это снова влило миръ въ душу больного. Онъ смиренно склонилъ голову на подушкѣ, и когда молитва была окончена, поцѣловалъ руку своего утѣшителя. Тотъ, казалось, открывалъ ему снова двери рая, ради котораго больной забылъ все въ жизни, дружбу, любовь, науку, дѣятельность. Вурмъ возложилъ на минуту на его блѣдный лобъ руки, точно стараясь успокоить этимъ прикосновеніемъ бури въ тревожномъ мозгу умирающаго, и потомъ безмолвно вышелъ изъ комнаты, видя, что больной, утомленный всей этой сценой, закрылъ глаза съ блаженной улыбкой. Своимъ обычнымъ мѣрнымъ шагомъ Вурмъ безшумно направился къ комнатѣ Жени. Онъ постучалъ къ ней въ дверь и, услышавъ отвѣтъ: «войдите», вошелъ къ молодой дѣвушкѣ. Она вздрогнула и поднялась съ мѣста при видѣ его. Она мгновенно угадала все. Онъ никогда не заходилъ къ ней, онъ даже почти не обращалъ на нее вниманія до этой поры. Ее охватилъ какой-то инстинктивный ужасъ при появленіи на порогѣ этой исхудалой, высокой фигуры съ строгимъ, какъ бы застывшимъ выраженіемъ на лицѣ. Онъ могъ появиться въ ея комнатѣ только затѣмъ, чтобы сказать: «я все знаю!» Онъ пристально взглянулъ на нее и торжественнымъ, проникающимъ въ душу тономъ, поднявъ правую руку вверхъ, произнесъ:

— Что вы дѣлаете, безумная! Или вы не знаете, что вѣчное проклятіе поражаетъ того, кто соблазняетъ даже и умирающаго.

Она широко открыла глаза, полные выраженія ужаса, вскрикнула, зашаталась и упала, какъ подкошенная, у его ногъ. Онъ неторопливо наклонился, чтобы поднять ее и привести въ чувство. Склоняясь надъ нею, онъ даже и не подозрѣвалъ, что сзади его, въ отворенныхъ дверяхъ, стояла женщина, нуждавшаяся, быть-можетъ, въ помощи гораздо болѣе, чѣмъ Женя. Это была Анна Ивановна, догонявшая Вурма послѣ его ухода отъ Левы и слѣдомъ за нимъ вошедшая въ комнату Жени...

X.

Спустя нѣсколько дней послѣ этихъ событій, я сидѣлъ съ матерью за утреннимъ чаемъ. Обоимъ намъ было не по себѣ, такъ какъ отецъ съ вечера ушелъ къ Шельхерамъ и еще не возвращался домой. Онъ только прислалъ записку, чтобы мы не безпокоились; онъ писалъ, что Левѣ очень худо и потому ему, отцу, придется, вѣроятно, провести ночь у Шельхеровъ. Мы терялись въ догадкахъ, что происходитъ тамъ. Наскоро допивая стаканъ, я рѣшился идти къ Шельхерамъ, чтобы навести справки. Въ эту минуту раздался звонокъ, и въ прихожей послышался голосъ отца. Я поднялся съ мѣста. Въ столовую вошелъ отецъ. Онъ былъ видимо утомленъ и хмуръ.

— Ну, что?—разомъ спросили я и мать.

Отецъ махнулъ рукою.

— Все кончено,—отвѣтилъ онъ.

У матушки показались на глазахъ слезы. Я молча заходилъ по комнатѣ. У меня сдавливало горло, я закусывалъ губы, стараясь не расплакаться. Въ головѣ не было и мысли о мелкихъ недоразумѣніяхъ, объ охлажденіи къ Левѣ за послѣднее время, было только одно сознаніе, что догорѣла и погасла молодая жизнь, полная страданій и тревогъ; было ощущеніе утраты того, съ кѣмъ прошли лучшіе годы дѣтства.

— Чаю, голубчикъ; усталъ я,—проговорилъ отецъ, обращаясь къ матери и прерывая тяжелое молчаніе.

Мать засуетилась, отирая наскоро слезы.

— Что бѣдная Анна Ивановна?—тихо проговорила она, наливъ отцу стаканъ.—Бѣдная, бѣдная мать!

Изъ глазъ матушки слезы хлынули уже потокомъ, удерживать ихъ теперь она была не въ силахъ.

— Я съ Анной Ивановной и провозился всю ночь, — отвѣтилъ отецъ.—Параличъ разбилъ...

Отецъ неторопливо сталъ разсказывать всѣ событія этой ночи, прерывая иногда разсказъ словами:

— Полно, полно, Леля!..

Мать отирала слезы, старалась успокоиться и снова плакала. Она, какъ любящая мать, понимала весь ужасъ потери, понесенной Анной Ивановной. На что нужна теперь жизнь этой женщинѣ, лишившейся сына? Я сидѣлъ у стола, опустивъ голову на руки, подавленный всѣмъ, что разсказалъ отецъ. Это была поистинѣ страшная ночь. Съ вечера

Левѣ стало хуже. Болѣзнь шла быстро къ развязкѣ. Пришлось предупредить Анну Ивановну. Несчастная женщина, несмотря на долгую болѣзнь сына, все еще не вѣрила въ душѣ, что конецъ такъ близокъ. Она растерялась, начала умолять моего отца и двухъ другихъ докторовъ, находившихся при Левѣ, о спасеніи, требовала, чтобы ее пустили къ сыну, а у него, между тѣмъ, близилась агонія, съ страшными предсмертными муками, съ бредомъ и конвульсіями. Онъ метался по постели, хватался за грудь, лицо принимало страшное выраженіе.

— Довольно было и ихъ двоихъ, чтобы потерять голову, а тутъ еще пришлось возиться съ Женей,—сказалъ отецъ.— Я ужъ сдалъ ее на руки тетѣ Маришѣ и не заглядывалъ къ ней. Тутъ не о прекращеніи истерики нужно было думать, а о спасеніи Анны Ивановны. Едва успѣли сказать старухѣ о смерти Левы, какъ ее поразилъ параличъ. Теперь трудно и опредѣлить, выживетъ ли она. Впрочемъ, если и выживетъ, то трудно ожидать, чтобы выздоровѣла совершенно.

— Ахъ, да на что ей теперь жизнь! — воскликнула матушка.

Отецъ допилъ чай и поднялся съ мѣста.

— Вотъ когда бы съ удовольствіемъ завалился спать, вмѣсто посѣщенія больныхъ, — проговорилъ онъ, потянувшись.

— Въ самомъ дѣлѣ, ты отдохнулъ бы,—сказала матушка.

— А больные? — проговорилъ онъ. — Ничего, кое-какъ перемогу себя, разомнусь.

Онъ поцѣловалъ мать и пошелъ въ свой кабинетъ переодѣваться. Я тоже поднялся съ мѣста, чтобы идти.

— Ты къ Шельхерамъ?—спросила мать.

— Да, надо взглянуть на Леву,—отвѣтилъ я.

— Я тоже черезъ часокъ зайду къ нему,—сказала она.

Мы говорили о немъ еще какъ о живомъ...

Какъ живо помню я это свѣтлое весеннее утро. Еще улицы были покрыты кое-гдѣ грязью, въ которую превратился стаявшій снѣгъ, еще изъ водосточныхъ трубъ съ грохотомъ вываливался на тротуары полурастаявшій ледъ, еще деревья въ садахъ стояли совершенно обнаженными, но небо было уже весеннее, синее, глубокое, солнце горѣло ярко и замѣтно грѣло своими сверкающими лучами, въ воздухѣ слышались гомонъ и чириканье птицъ, въ домахъ открывались окна, на улицахъ было замѣтно особенное

оживленіе, точно всѣ проснулись отъ долгаго сна, выбрались изъ своихъ норъ, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ, и самый грохотъ колесъ, такъ надоѣдающій лѣтомъ, теперь казался какимъ-то веселымъ, оживляющимъ... И какимъ контрастомъ показался мнѣ домъ Шельхеровъ съ этой проснувшейся «улицей»: въ немъ точно все вымерло. Я вошелъ въ прихожую, сбросилъ пальто и вступилъ въ залъ, не встрѣтивъ никого. Въ этой бѣлой залѣ съ блѣдно-голубыми узорами, гдѣ, можетъ-быть, не разъ мечтали Романъ Шельхеръ и его жена о будущей женитьбѣ сына, было совершенно безлюдно, и только при моемъ появленіи сдѣлался громче гнусавый голосъ молодого монаха, читавшаго псалтирь. Въ углу, на возвышеніи, покрытомъ простыней, лежалъ трупъ, тоже прикрытый простыней; такими же простынями были завѣшаны надъ двумя каминами и въ простѣнкахъ зеркала. Съ перваго раза казалось, что тутъ не одинъ покойникъ, а нѣсколько, только одинъ лежитъ, а другіе приставлены къ стѣнамъ. Я направился къ тѣлу Левы. Мои шаги какъ-то особенно звонко раздались въ пустой комнатѣ. Я подошелъ къ покойнику, откинулъ съ его лица простыню, и по моему тѣлу пробѣжала невольная дрожь: его лицо было еще повязано платкомъ, чтобы не открылся ротъ, на глазахъ лежали мѣдные пятаки, чтобы не открылись вѣки. Изъ моихъ глазъ полились слезы при видѣ этого исхудалаго, но все еще прекраснаго лица. Сердце мое сжалось невыразимою тоскою, точно мнѣ было обидно и больно за этого брошеннаго покойника.

— Теперь можно бы снять, скоро духовенство прибудетъ,—раздался чей-то довольно звонкій и чистый голосъ, заставившій меня вздрогнуть.

Я обернулся. Оказалось, что это заговорилъ со мною монахъ. Онъ провелъ рукою около своего лица и указалъ на свои глаза, чтобы выразить яснѣе и нагляднѣе, что нужно снять. Я сталъ развязывать платокъ на головѣ Левы, сталъ снимать пятаки съ его глазъ. Монахъ опять загнусилъ, продолжая чтеніе совсѣмъ инымъ голосомъ, чѣмъ говорилъ со мною.

— Чахоткой, должно-быть, померъ?—раздался снова его звонкій голосъ, прерывая гнусавое чтеніе на полусловѣ.

— Да,—отвѣтилъ я.

И прибавилъ:

— Сюда никто не проходилъ? Гдѣ же всѣ?

— Какая-то хроменькая барышня заходила... А то никого не видать... Распоряжается-то кто?

— Право, не знаю,—отвѣтилъ я.

Монахъ вздохнулъ.

— Причесать бы нужно...

Я не сразу понялъ его, взглянулъ на него. Онъ кивнулъ головой въ сторону покойника и опять указалъ на свои волосы. Я понялъ, торопливо порылся въ карманѣ и сталъ приглаживать волосы Левы. Монахъ отплюнулся, усердно пошаркалъ ногой по паркету и снова загнусилъ, читая псалтирь.

Я закрылъ простынею лицо Левы и направился разыскивать кого-нибудь изъ семьи Шельхеровъ. Въ моей душѣ была какая-то обида за Леву на его родню, на Женю, бросившихъ трупъ. Въ дверяхъ залы я столкнулся съ Миннушкой.

— Ахъ, это ты, Коля! — проговорила она, сжимая мнѣ руку.—А я шла на Леву взглянуть... и отдохнуть...

Я взглянулъ на ея безкровное, длинное лицо: оно было утомлено, точно еще болѣе вытянулось. Я взялъ бѣдную больную дѣвушку подъ руку и повелъ ее въ гостиную.

— Устала ты, бѣдная?

— Ахъ, ужъ и не говори! Только я, да тетя Мариша и хлопочемъ... и съ тетей Аней, и съ Женей...

— Гдѣ же всѣ остальные?

Миннушка вдругъ разрыдалась.

— Деньги ищутъ, ссорятся... Господи, они даже чуть не прибили меня, отнимая ключи...

Я началъ ее успокаивать, разспрашивать. Изъ ея отрывочныхъ, прерываемыхъ рыданіями разсказовъ я узналъ все, что произошло въ это утро. Едва успѣлъ Лева закрыть глаза, едва разнесся слухъ, что съ Анной Ивановной сдѣлался «ударъ», какъ домъ уже наполнился родней. Повидимому, Ольга Дмитріевна и ея сообщники ждали этого момента, какъ ждутъ гробовщики смерти опасно больного, прохаживаясь, подобно шакаламъ, около дома умирающаго. Марина Осиповна и Миннушка, застигнутыя врасплохъ постигнувшимъ семью несчастіемъ, еще метались изъ угла въ уголъ — отъ трупа Левы къ лежавшей безъ чувствъ Аннѣ Ивановнѣ, къ бившейся въ истерическомъ припадкѣ Женѣ, а родня сбилась въ кучу въ столовой и громко обсуждала вопросы: кто будетъ хоронить Леву? Гдѣ у Анны Ивановны деньги? Не на свой же счетъ хоронить Леву имъ, роднымъ? Гдѣ находятся ключи отъ денегъ?

— Ужъ гдѣ имъ быть, какъ не у Миннушки!—воскли-

нула Ольга Дмитріевна.—Довѣренный человѣкъ, вездѣ лазаетъ безъ надзора...

Притащили Миннушку, начались допросы.

— Ты знаешь, никогда я ничѣмъ не распоряжалась, никогда ни во что не вмѣшивалась,—говорила мнѣ Миннушка жалобнымъ тономъ.—А они кричатъ, топаютъ на меня ногами!.. Господи, какіе это безсовѣстные люди!.. Я растерялась, ноги подкашиваться стали... а они кричатъ, кричатъ!.. «Подай ключи, они у тебя!..» у меня никогда не было въ рукахъ ключей...

Они не постыдились просто ругаться: «Блаженная», «поврежденная», «идіотка!» Никто изъ нихъ не могъ повѣрить, что она точно не интересовалась вопросомъ о деньгахъ, о ключахъ. Нищая, приживалка и не думала о деньгахъ!.. Статочное ли это дѣло? Кто ей повѣритъ! Да и какъ же повѣрить, когда они сами только и думали объ этомъ. Наконецъ сообразили, что ключи у Марины Осиповны, и приказали Миннушкѣ принести ихъ. Миннушка исполнила приказаніе.

— Они чуть съ ногъ меня не сбили, когда я принесла ключи, — продолжала Минна. — Всѣ разомъ бросились за ними, отталкивая другъ друга. Я думала, они раздерутся...

Возбужденные алчностью, эти грабители почуяли другъ въ другѣ враговъ и переругивались уже между собою, видя ключи отъ денегъ. Они доказывали другъ другу свое первенство въ качествѣ наслѣдниковъ; они не довѣряли одинъ другому, боясь, что тотъ или другой изъ нихъ скрадетъ часть денегъ. Повидимому, они вовсе забыли о томъ, что Анна Ивановна еще жива...

Наконецъ, надъ всей этой шайкой, среди которой были и какой-то содержатель купаленъ и плотовъ, и мелкій чиновникъ съ орденомъ въ петлицѣ, и какіе-то юнцы, еще не окончившіе курса въ гимназіи, и Ольга Дмитріевна со своимъ Володей,—внезапно возвысилъ свой голосъ одинъ изъ богатыхъ родственниковъ покойнаго Романа Шельхера. Онъ прибылъ въ домъ нежданно, негаданно и засталъ родныхъ Анны Ивановны какъ разъ въ разгаръ ихъ перебранки изъ-за ключей.

— У меня точно гора съ плечъ свалилась, когда я увидала дядю Карла,—говорила Миннушка.—Знаешь его, какъ онъ на своемъ заводѣ командовать привыкъ. Онъ какъ вошелъ, какъ окинулъ всѣхъ глазами и крикнулъ: «вы это что, господа, собрались? Имѣніе дѣлить? Какое вы имѣете

право распоряжаться? Сейчасъ подайте сюда ключи. Вы всѣ отвѣчать будете, если что-нибудь пропадетъ». И всѣ притихли, перетрусили, а дядя Карлъ взялъ ключи и говоритъ: «теперь нужно не грабить, а охранять имущество законнымъ порядкомъ». И никто не пикнулъ передъ нимъ, точно лакеи передъ бариномъ... Тутъ только и распорядились перенести Леву въ зало и послать за монахами, за гробовщикомъ...

— Гдѣ же теперь вся роденька? — спросилъ я, ощущая омерзѣніе ко всей этой грязной шайкѣ.

— Ахъ, все еще здѣсь, въ столовой, — отвѣтила Миннушка.—Точно въ гостиницѣ теперь у насъ. Вотъ уже два часа, какъ чай и кофе не сходятъ со стола...

— Чего же они ждутъ?

— Боятся другъ друга здѣсь оставить безъ надзора... Я пошла вотъ сейчасъ въ буфетъ, такъ Ольга Дмитріевна бросилась за мной, глядитъ, что я беру... Развѣ я когда-нибудь воровала? Какъ имъ не грѣхъ!..

Миннушка опять заплакала. Она была крайне жалка. Впервые ей пришлось перенести тяжелую утрату, впервые пришлось испытывать такое тяжелое физическое утомленіе, и впервые стояла она теперь лицомъ къ лицу съ житейскою грязью людского корыстолюбія. Это было горькое начало новаго склада ея жизни...

Мы еще разговаривали съ нею, когда въ залѣ послышались движеніе и говоръ. Мы поднялись, вышли въ залъ. Тамъ уже были монахи, надѣвавшіе черныя ризы, осѣняясь широко крестнымъ знаменіемъ и перекидываясь между собой отрывистыми фразами: «можно начинать или ждать будутъ кого-нибудь?» По сторонамъ зала стояла группами родня, продолжавшая полушопотомъ, но очень оживленно переговариваться между собою. Нѣсколько незнакомыхъ лицъ, стоя поближе къ входнымъ дверямъ залы, съ любопытствомъ осматривали стѣны и потолокъ; было очевидно, что они попали сюда впервые, чисто случайно, желая взглянуть на внутренніе покои шельхеровскаго дома; нѣкоторые изъ группы этихъ незнакомыхъ людей, очевидно болѣе смѣлые, подходили къ дверямъ, ведущимъ въ другія комнаты, старались незамѣтно раздвинуть голубыя спущенныя портьеры и заглянуть искоса въ смежныя съ залой гостиныя. За этими любопытными зрителями и безучастными къ покойнику родными, почти не замѣчаемая никѣмъ, блѣдная, какъ мертвецъ, опираясь на Марину Осиповну, въ углу прижа-

лась Женя. Среди всего этого народа засновалъ молоденькій, похожій на дѣвочку, кудрявый и напомаженный послушникъ, съ перетянутой, точно зашнурованной корсетомъ, тальей, и съ поклонами разносилъ на блюдѣ свѣчи. Кто-то изъ духовенства крякнулъ, кто-то тихонько отплюнулся, въ комнатѣ замигали свѣчи, распространяя легкій чадъ. Въ эту минуту входная дверь тихо отворилась, и Вурмъ, съ набожнымъ лицомъ, съ потупленными глазами, тихой походкой прошелъ впередъ, не обращая ни на кого вниманія, скромно обходя присутствующихъ, какъ бы боясь ихъ задѣть. Онъ прошелъ къ окну, почти къ самому изголовью покойника и, сложивъ руки, поникъ головою. Священники еще разъ откашлялись и начали служить панихиду. Протяжное чтеніе молитвъ и пѣніе, запахъ ладана, мерцаніе и копоть восковыхъ свѣчей, все это слегка начало кружить голову. Я чувствовалъ, что у меня стучитъ въ вискахъ и изрѣдка посматривалъ на несчастную Женю. Я видѣлъ, какъ въ ея рукахъ дрожала, какъ бы подпрыгивала свѣча, и боялся, что вотъ-вотъ несчастная дѣвушка лишится чувствъ. Слезы обильно катились по ея лицу. Наконецъ, грудь ея стала сильнѣе и сильнѣе подниматься отъ всхлипываній, она зашаталась. Я поспѣшилъ къ ней и едва успѣлъ поддержать ее. Она уже билась въ истерическомъ припадкѣ. Затушивъ ея и свою свѣчи, я отвелъ, почти отнесъ ее въ ея комнату. Оставивъ ее на попеченіе Марины Осиповны, я вернулся въ залъ. Панихида кончилась. Священники торопливо разоблачались, послушникъ обиралъ свѣчи, отъ которыхъ еще поднимались вверхъ сѣроватыя струйки дыма, монахъ, читавшій псалтирь, тушилъ свѣчи около покойника. Въ группахъ родныхъ слышался довольно громкій говоръ. Я уловилъ на ходу нѣсколько фразъ:

— Срамница, покойника-то позоритъ! Всего бы ее лишить надо. За одно это по-міру стоитъ пустить!

— И лишатъ, и лишатъ, только бы Аннетъ пришла въ сознаніе.

— Да, а вѣдь теперь вообще очень спорный вопросъ, кто и по какой линіи наслѣдуетъ...

— Да развѣ нѣтъ духовнаго завѣщанія?..

Шарканье ногъ, шелестъ платьевъ, говоръ толпы, откашливанье читавшаго псалтирь монаха передъ началомъ чтенія, все это слилось вмѣстѣ, дѣйствовало какъ-то непріятно, говорило о какихъ-то мелочахъ жизни, о равнодушіи всего этого люда къ тому, что произошло въ этомъ

домѣ. Я почти съ ненавистью смотрѣлъ на всѣхъ этихъ людей, думавшихъ и говорившихъ только о наслѣдствѣ, торопившихся выйти изъ залы, не бросивъ ни одного взгляда на трупъ того, за кѣмъ еще такъ недавно они ухаживали всѣ съ наглой лестью и приниженностью...

Когда зала опустѣла, мои глаза невольно остановились на одной фигурѣ. Эта фигура, все время не смѣшивавшаяся съ толпой, выдвинувшаяся изъ этой толпы, казавшаяся выше остальныхъ, стояла и теперь около покойника, сохраняя величавое спокойствіе. Это была фигура пророка. Онъ простоялъ неподвижно во все время службы, сложивъ молитвенно руки и поднявъ къ небу глаза. Когда кончилась панихида, когда всѣ поспѣшно стали удаляться, онъ подошелъ къ Левѣ и началъ тихо молиться, неподвижно, торжественно. Окончивъ молитву, онъ положилъ руки на голову покойника, какъ бы благословляя его и принося ему вѣсть мира. По его лицу катились одинокія слезинки. Наконецъ, онъ склонился лицомъ надъ Левой и поцѣловалъ этотъ холодный блѣдный лобъ. Не знаю, какія мысли, какія чувства охватили меня всего, но я какъ-то невольно, точно подъ вліяніемъ электрическаго толчка, двинулся къ Вурму и порывисто, какъ бы благодаря его, протянулъ ему руку. Это былъ порывъ, молодой, невольный, непреднамѣренный. Вурмъ понялъ его по-своему и, удерживая мою руку въ своей, торжественно проговорилъ:

— Этотъ человѣкъ при жизни былъ нашимъ общимъ другомъ; да послужитъ же онъ, мертвый здѣсь, живой тамъ, связующимъ звеномъ между нами...

Онъ былъ убѣжденъ, что Господь сотворилъ чудо, и здѣсь, у праха этого юноши, озарилъ меня новымъ свѣтомъ и превратилъ въ послѣдователя общины святыхъ. Я не разувѣрялъ Вурма. Мнѣ въ эту минуту не хотѣлось огорчить старика, не хотѣлось нарушать въ самомъ себѣ того впечатлѣнія, которое онъ произвелъ на меня впервые—впечатлѣнія искренно вѣрующаго человѣка, а не разсчетливаго проныры и обманщика, стремящагося только урвать у людей грошъ. Въ этотъ день я сталъ глядѣть на Вурма новыми глазами: онъ показался мнѣ не просто ловкимъ актеромъ, а дѣйствительно истиннымъ фанатикомъ. И если онъ и тутъ игралъ только свою «роль», то во всякомъ случаѣ это безкорыстное притворство было менѣе омерзительно, чѣмъ откровенность всѣхъ остальныхъ присутствовавшихъ на панихидѣ...

XI.

— Вы домой?—спросилъ меня Вурмъ.

— Нѣтъ, хочу зайти къ Женѣ. Бѣдная дѣвушка совсѣмъ потеряла голову, — отвѣтилъ я. — И то сказать, такая потеря... и что еще ждетъ въ будущемъ.

Я чувствовалъ, что Анна Ивановна выгонитъ ее безъ милосердія изъ дома, если поправится.

— Богъ простилъ и разбойника на крестѣ, — набожно отвѣтилъ Вурмъ.

— О, я не о томъ, не о томъ!—воскликнулъ я.

Я объяснилъ Вурму свою мысль. Онъ взглянулъ на меня съ сострадательной улыбкой.

— Деньги, все деньги въ головѣ! Неужели вы думаете, что въ нихъ все спасеніе?.. Надо о душѣ подумать. Но прежде всего надо, чтобы Женя не дѣлала сценъ...

— Это свыше ея силъ,—замѣтилъ я горячо. — Ее такъ потрясла эта смерть... Вы вѣдь знаете все...

— Но она должна пересилить себя! — рѣшительно сказалъ онъ.—Я пойду къ ней и вразумлю ее.

Его голосъ былъ твердъ и звучалъ самоувѣренностью. Казалось, Вурмъ глубоко вѣрилъ, что ему стоитъ только приказать, и Женя не будетъ биться въ истерическихъ припадкахъ.

— Она не должна позорить въ эти минуты дорогого покойника,—продолжалъ онъ.—Если люди и подозрѣваютъ что-нибудь, то она не должна подтверждать этихъ подозрѣній.

И опять сострадательно усмѣхаясь, онъ прибавилъ:

— Это нужно и для ея выгодъ, если онѣ имѣютъ какое-нибудь значеніе... Если Анна Ивановна поправится, то я первый постараюсь разсѣять всѣ подозрѣнія. Этого будетъ нельзя сдѣлать, если молодая дѣвушка не соберется съ силами, не побѣдитъ своихъ чувствъ. Въ такомъ состояніи, въ какомъ мы видѣли ее сегодня, она способна сама, въ концѣ-концовъ, надѣлать глупостей, такъ или иначе во всемъ сознаться. Тогда никакія заступничества за нее не помогутъ...

— Но, Рейнгольдъ Карловичъ, неужели вы надѣетесь, что вамъ удастся, — я не находилъ подходящаго выраженія: — вразумить ее?

— Я ее вразумлю,—коротко и твердо отвѣтилъ онъ.

— Въ такомъ случаѣ я буду лишній, идите одни,—сказалъ я.

Я понималъ, что онъ правъ, что Женя способна въ порывѣ отчаянія надѣлать Богъ знаетъ какихъ безтактностей.

Мы простились. Вурмъ направился неторопливо изъ залы въ комнату Жени. Я пошелъ домой. Я не вѣрилъ въ душѣ, чтобы Вурму удалась его попытка. Въ моей головѣ вертѣлась неотвязная мысль, что тутъ не наставленія нужны, а какія-нибудь лавровишневыя капли или что-то въ этомъ родѣ.

Вечеромъ я снова отправился на панихиду. Народу на этой панихидѣ было гораздо больше, чѣмъ утромъ. Всѣ знакомые Щельхеровъ уже были извѣщены о смерти Левы. Въ домѣ была сутолока, тихій говоръ, шли разспросы о смерти Левы, о болѣзни Анны Ивановны. На всѣхъ лицахъ было одно выраженіе—выраженіе любопытства. Всѣ, казалось, думали: «что-то будетъ дальше?» При входѣ въ залъ я отыскалъ глазами Женю. Блѣдная, какъ мертвецъ, она стояла у стѣны съ широко открытыми глазами, но безъ слезъ. Вурмъ помѣстился тамъ же, гдѣ стоялъ утромъ. Панихида началась. Во время ея я замѣтилъ, что Вурмъ въ извѣстныя минуты пристально взглядывалъ на Женю неотразимо властнымъ взоромъ, и она, встрѣчаясь растерянными глазами съ этимъ взглядомъ, торопливо отирала слезы, опускала вѣки и стихала. Я видѣлъ, какъ дрожали ея руки, какъ подергивались ея губы, но до истерики не доходило. Скорбь была подавлена страхомъ. Подмѣтивъ болѣе спокойное выраженіе на лицѣ дѣвушки, Вурмъ поднималъ глаза къ небу, и я видѣлъ, какъ его губы едва шевелились, шепча молитву. Въ залѣ раздавались послѣдніе звуки заунывнаго пѣнія, глаза Вурма буквально впились въ Женю, у нея рука совсѣмъ повисла со свѣчой, она всѣмъ корпусомъ прислонилась къ стѣнѣ, но ни одного рыданія не вырвалось изъ ея груди. Это была какая-то статуя безсилія, покорности чужой волѣ. Когда послѣдній звукъ пѣнія замеръ, когда стали гаситься свѣчи, и Женя, шатаясь, вышла изъ залы, Вурмъ глубоко вздохнулъ, точно почувствовалъ облегченіе; онъ подошелъ снова къ Левѣ, положилъ руки ему на голову и поднялъ къ небу глаза. Меня охватило странное чувство какого-то непонятнаго страха передъ этимъ человѣкомъ. Я сознавалъ, что съ такой страшной силой воли, съ такой безпредѣльной вѣрой въ эту силу, можно было считать себя пророкомъ, можно было считать себя выше другихъ людей, мелкихъ, безхарактерныхъ, пошлыхъ, не вѣрящихъ ни въ другихъ, ни въ себя.

До этого дня я смотрѣлъ на Вурма только съ точки зрѣнія своей ребяческой ненависти къ нему; теперь я какъ-то мимовольно съ искреннимъ любопытствомъ взрослаго человѣка вглядывался въ новыя открывавшіяся мнѣ черты его характера. Я сознавалъ, что это была сила—не симпатичная, можетъ-быть, для многихъ, какъ и для меня, но все же сила. Въ былые дни я хотѣлъ только бѣжать отъ Вурма, теперь мнѣ хотѣлось поближе всмотрѣться въ него, заглянуть въ его душу. Къ тому же я сознавалъ, что именно онъ можетъ помочь въ будущемъ Женѣ, защитивъ ее передъ Анной Ивановной, а мнѣ больше всего хотѣлось именно этого; я понималъ, что родные Шельхеровъ могутъ довести старуху до того, что она выгонитъ Женю безо всего, сдѣлаетъ то, чего такъ боялся когда-то Лева. Тотчасъ по окончаніи панихиды, перекинувшись со мною нѣсколькими фразами, Вурмъ снова направился въ комнату Жени...

На четвертый день были назначены похороны Левы. Когда всѣ собрались въ залъ, гдѣ стоялъ гробъ, Ольга Дмитріевна возбудила вопросъ, не слѣдуетъ ли какъ-нибудь вынести на креслѣ Анну Ивановну, чтобы она «хоть взглянула на сына». Она ужасно сильно хлопотала объ этомъ, и какія-то, Богъ знаетъ откуда, появившіяся барыни изъ купечества вздыхали и охали вмѣстѣ съ нею при мысли, что «какъ же это родная мать и не увидитъ даже, какъ уносятъ гробъ сына». Мой отецъ, очень мало принимавшій участія во всемъ совершавшемся въ залѣ и посѣщавшій только по нѣсколько разъ въ день Анну Ивановну, ожидая наступленія энцифалита, волей-неволей долженъ былъ явиться на сцену, когда вопросъ зашелъ о перенесеніи Анны Ивановны въ залу.

— Она не умретъ отъ этого, — коротко и рѣзко сказалъ онъ Ольгѣ Дмитріевнѣ, точно желая сказать ей, что она напрасно объ этомъ хлопочетъ. — Но я все же не позволю этого сдѣлать.

— Аннетъ не поблагодаритъ васъ за то, что вы лишите ее этого послѣдняго утѣшенія, — горячо возразила Ольга Дмитріевна.

— Это ужъ не ваше дѣло, поблагодаритъ или не поблагодаритъ, — сказалъ отецъ. — Но распоряжаться я все же буду по-своему, какъ докторъ.

— А кто при Аннѣ Ивановнѣ останется, когда всѣ уѣдутъ?—спросилъ Вурмъ и, не дожидаясь отвѣта моего отца, поискалъ глазами Женю.—Евгенія Александровна,— сказалъ онъ:—не останетесь ли вы съ больною?

Женя, сдѣлавъ надъ собою страшное усиліе, проговорила:

— Я могу...

— Ахъ, Боже мой! Нашли кого оставлять! Она сама нуждается въ уходѣ, — воскликнула Ольга Дмитріевна. — Давно ли истерики были?

— Я думаю, родные всѣ одинаково огорчены, — сказалъ Вурмъ:—вѣдь не истуканы же люди,—но Евгеніи Александровнѣ удобнѣе всего остаться, какъ живущей здѣсь...

— Да, да, Миннушка слабый человѣкъ, не ей же оставаться,—сказалъ дядя Карлъ, вмѣшиваясь въ разговоръ.

— Я думаю, можно обойтись и безъ Жени, и безъ Минны,—начала Ольга Дмитріевна.—Для чего онѣ тутъ?

Дядя Карлъ разсердился, что вмѣшиваются въ его распоряженія. Онъ никому этого не позволялъ. Онъ рѣзко оборвалъ Ольгу Дмитріевну:

— Сказано, что Евгенія Александровна останется, чего же тутъ и толковать.

Мой отецъ немного недоумѣвалъ, зачѣмъ непремѣнно хотятъ кого-нибудь оставить при Аннѣ Ивановнѣ, когда есть и сидѣлка, и слуги.

— Да можно и такъ,—началъ онъ.—Сидѣлка...

Вурмъ перебилъ его:

— На чужихъ нельзя полагаться...

— Какъ это можно!—воскликнулъ и дядя Карлъ.

— Я могу остаться,—сказала Ольга Дмитріевна.

Вурмъ отвѣтилъ:

— Зачѣмъ же двоимъ, когда рѣшено, что остается Евгенія Александровна? Вы же и не знаете всѣхъ порядковъ въ домѣ.

Онъ видимо боялся пустить Женю на кладбище и, можетъ-быть, не безъ основанія. Тамъ и его вліяніе на бѣдную дѣвушку могло оказаться безсильнымъ. Послѣднее отпѣваніе, опусканіе гроба въ могилу, все это были такіе моменты, когда трудно владѣть собою. Я это понялъ, когда началась служба. Женя на этотъ разъ едва сдерживала свои рыданія. Кажется, это замѣтилъ и Вурмъ. Онъ тревожно осмотрѣлся, нашелъ глазами меня и указалъ мнѣ едва замѣтно, но выразительно на Женю. Я перешелъ къ ней. Видя, что она слегка начинаетъ вздрагивать, я тихо проговорилъ:

— Воздержись хоть на нѣсколько минутъ! Сейчасъ все кончится...

Она точно очнулась, и ея лицо приняло снова пугливое выраженіе, глаза инстинктивно обратились къ Вурму...

Служба кончилась, началась неизбѣжная суета, всѣ толпились, спѣша проститься съ покойникомъ, отставлялись подсвѣчники, налой, снимался покровъ, въ дверяхъ показался гробовщикъ съ крышей гроба.

— Женя, простись!—тихо сказалъ я Женѣ.

Она машинально пошла къ гробу, поднялась по ступенямъ катафалка, готовая склониться надъ лицомъ покойника. Я чувствовалъ, поддерживая ее, что она начинаетъ судорожно биться въ моихъ рукахъ; но ея голова еще не наклонилась, какъ она увидала по другую сторону исхудалое, строгое, неподвижное лицо Вурма. Что съ ней сдѣлалось, поцѣловала ли она Леву, наклонилась ли къ нему, я не знаю,—помню только, что я снялъ ее со ступеней катафалка, какъ трупъ. Въ это время уже подносили крышку къ гробу, и всѣ спѣшили въ переднюю за верхнимъ платьемъ, за калошами, толкаясь и переговариваясь: «вы пѣшкомъ?» «вы съ кѣмъ поѣдете?»—едва ли кто-нибудь замѣтилъ, какъ я вынесъ Женю въ гостиную...

Когда я вышелъ отъ Жени въ залу—здѣсь уже шла торопливая дѣятельность, уносили катафалкъ, прибирали подсвѣчники, сдергивали простыни съ зеркалъ, полотеры въ красныхъ рубахахъ сдвигали мебель, готовясь приняться за мытье пола. Старый лакей Шельхеровъ, Иванъ, покрикивалъ:

— Живѣе, живѣе, ребята! Чтобы все было на своемъ мѣстѣ къ концу обѣдни. Тоже живо отпоютъ...

И съ расторопностью опытнаго слуги, онъ указывалъ:

— Вотъ сюда, сюда составляйте мебель, въ гостиную. Разомъ принимайтесь за весь залъ. Ишь вѣдь, какъ наслѣдили.

И, нагнувшись немного, всматриваясь въ полъ, онъ увидалъ капли воска.

— Воскъ-то ототрите, вонъ какъ накапало около этого мѣста. Это читальщики. Тоже заплевали весь полъ!

Полотеры уже засыпали паркетъ опилками, принесенными въ мѣшкахъ, и ползали на колѣняхъ по полу, засучивъ рукава на мускулистыхъ рукахъ.

— Не очень мочите,—командовалъ Иванъ:—а то не ототрете потомъ.

Будничная жизнь вступала въ свои права въ домѣ, гдѣ прошла смерть...

XII.

Мой отецъ не надѣялся не только на полное выздоровленіе Анны Ивановны, но даже на то, что она выживетъ. Почти пять дней прошло безъ всякихъ измѣненій въ ея положеніи. Наконецъ, началось лихорадочное состояніе, больная была тревожна, ее мучила головная боль, появилось что-то въ родѣ неразборчиваго бреда. Воспалительный процессъ былъ во всей силѣ. Это положеніе длилось съ перерывами нѣсколько дней. Отецъ со дня на день ждалъ, что этотъ тяжелый процессъ кончится смертью. Однако, больная вынесла и это и потомъ точно застыла въ одномъ и томъ же положеніи.

— Кажется, ей лучше?—говорили отцу окружающіе.

Онъ пожималъ плечами.

— Теперь я уже потерялъ всякую надежду,—отвѣчалъ онъ.

Дѣйствительно, разстройство ума, движеній и чувствительности оставалось прежнее, улучшеній не замѣчалось никакихъ. Отецъ предчувствовалъ, что начинаются пораженія въ спинномъ мозгу. Окружающіе же видѣли только покуда отсутствіе внѣшнихъ болѣзненныхъ признаковъ, тревоги и бреда, радовались, что это окончилось, и думали, что это начало выздоровленія...

За больной ходили теперь неустанно Марина Осиповна, Миннушка, Женя. По распоряженію моего отца и дяди Карла, къ больной и даже въ домъ не допускался никто изъ родныхъ. Даже Ольга Дмитріевна, несмотря на всѣ ея протесты, не впускалась къ Шельхерамъ. Изъ-за этого чуть не произошла битва. Ольга Дмитріевна объясняла прислугѣ, что «они хамы, а она родня», что они не смѣютъ ее не впускать, но съ дядей Карломъ было не легко сладить. Онъ былъ не только упрямъ и твердъ, но даже умѣлъ ругаться чисто по-русски, когда это было нужно. Ольга Дмитріевна узнала это по личному опыту, услышавъ отъ него, что онъ ее «вышвырнетъ». Его крупная мужицкая фигура дѣлала эту угрозу еще болѣе внушительной. Этимъ здоровымъ кулакамъ, вѣроятно, приходилось не разъ расправляться съ людьми. Не даромъ же онъ выбился изъ кузнецовъ въ заводчики. Оберегая спокойствіе Анны Ивановны, дядя Карлъ все приставалъ къ отцу съ тревожными вопросами:

— Какъ вы думаете, Константинъ Ѳедоровичъ, придетъ она въ полное сознаніе?

Отецъ пожималъ плечами.

— Я думаю, что она едва ли протянетъ четыре или пять мѣсяцевъ.

— Ну, ну да, но насчетъ сознанія... Она придетъ въ сознаніе?

— Да позвольте васъ спросить, на что вамъ это?—раздражительно сказалъ отецъ. — Говорю я вамъ, что она не выживетъ. Ну, такъ при чемъ тутъ сознаніе? Исповѣдывать ее надо, что ли? Такъ вы лютеранинъ...

— Какъ при чемъ сознаніе? У нея нѣтъ духовной, — сказалъ дядя Карлъ.

И его тупой взглядъ сталъ еще болѣе тупымъ.

— А! вотъ вы о чемъ! Съ духовной или безъ духовной умретъ, денегъ съ собой все равно не унесетъ.

— Вы ошибаетесь, тутъ дѣло не въ томъ, что унесетъ съ собой деньги, а въ томъ, кому все достанется, — разгорячился дядя Карлъ.

Отецъ махнулъ рукою, все еще не понимая сущности дѣла. Очень ужъ мало самъ-то онъ думалъ о подобныхъ вопросахъ.

— Кому-жъ достаться, какъ не роднымъ. На это есть законъ.

— Да, но родные Романа ничего не получатъ...

Отецъ только тутъ понялъ, что дядя Карлъ заботится о себѣ. Онъ съ свойственною ему откровенностью брезгливо сказалъ:

— Да развѣ вамъ нужно? Стыдитесь!..

— О, о, не мнѣ!—воскликнулъ не безъ обидчивости дядя Карлъ:—но Миннушка... потомъ у насъ есть бѣдные родные въ Саксоніи... имъ ничего не достанется!

— Миннушкѣ не достанется, зато Женѣ достанется, это все равно,—сказалъ отецъ. — Женя не оставитъ Миннушку. Онѣ живутъ, какъ двѣ родныя сестры.

— Ну, это далеко не все равно... И кромѣ того наши родные въ Саксоніи... Ахъ, какъ необдуманно поступилъ Романъ, оставивъ все женѣ... Но неужели нѣтъ средствъ, чтобы Аннетъ...

— Пришла въ сознаніе? — шутливо спросилъ отецъ. — Кажется, нѣтъ.

— Но я слышалъ, даютъ шампанское, — началъ дядя Карлъ.

— Чепуху вы городите,—перебилъ его отецъ.

Дядя Карлъ предложилъ снова созвать консиліумъ. Отецъ не противорѣчилъ, хотя очень хорошо сознавалъ, что пользы

не будетъ никакой. Начались хлопоты съ приглашеніемъ новыхъ докторовъ. Толку изъ этого не вышло никакого. Но, не надѣясь на выздоровленіе больной, отецъ, однако, дѣлалъ все возможное для поддержанія этой угасавшей жизни, и хлопотъ ухаживавшимъ за Анной Ивановной женщинамъ было не мало. Отецъ старался, чтобы она чувствовала, что за нею ходятъ, что о ней заботятся, что ее не считаютъ безнадежно больной. Это были послѣднія отчаянныя попытки спасти больную. Труднѣе всего приходилось Женѣ.

Она страшно измѣнилась послѣ смерти Левы. Ея маленькій, чисто дѣтскій умъ переработывалъ теперь новыя, опять непосильныя для него мысли. Даже ея похудѣвшее личико казалось теперь какимъ-то маленькимъ, точно личико ребенка. Только оторопѣлый взглядъ напоминалъ не взглядъ ребенка, а взглядъ потрясеннаго горемъ взрослаго человѣка. Вурмъ послѣ первой панихиды зашелъ къ ней и сказалъ ей:

— Если вы не дорожите своей репутаціей, то пощадите память дорогого вамъ покойника. Или вы хотите, чтобы и теперь, у его гроба, въ него бросали грязью?

Она оторопѣла, смутилась, а Вурмъ продолжалъ:

— Вы думаете только о своей утратѣ, вы отдаетесь только своему горю, но есть нѣчто болѣе важное, о чемъ слѣдуетъ думать именно вамъ.

И онъ выяснилъ ей снова то, что она слышала и отъ Левы. Она сдѣлала великій грѣхъ, она вовлекла въ этотъ грѣхъ и Леву; она должна замаливать этотъ грѣхъ, должна убить въ себѣ свои грѣховныя воспоминанія; она должна во имя памяти покойнаго сдерживать при людяхъ свои слезы и плакать только передъ Богомъ, но не о Левѣ, а о своемъ грѣхѣ. Какъ она жила до этой поры? Не заботясь ни о комъ и ни о чемъ, только для себя. Это животная жизнь, недостойная человѣка, еще менѣе достойная христіанина... Онъ говорилъ ей все это такъ, какъ только онъ умѣлъ говорить: театрально, внушительно, рѣзко и твердо. Онъ съ увѣренностью фанатика говорилъ:

— За это ждетъ проклятіе Божіе! Господь жестоко покараетъ васъ за это здѣсь и не проститъ тамъ! Опомнитесь, пока еще не поздно! Милосердіе Божіе велико и отъ васъ зависитъ, чтобы Онъ не отвратилъ отъ васъ Своего лица.

Эта увѣренность наводила невольный страхъ на слабыя души; ею онъ покорялъ людей. Женя тоже испугалась его,

точно онъ былъ ея судья, точно Богъ говорилъ его устами; она испугалась и того, что она позоритъ память Левы. На ея лицѣ появилось то пугливое выраженіе, которое я подмѣтилъ во время второй панихиды. Ей достаточно было взглянуть на Вурма, чтобы чувство скорби смѣнилось чувствомъ боязни. Само по себѣ это состояніе было ужасно, но еще ужаснѣе стало положеніе Жени, когда ей пришлось ухаживать за Анной Ивановной. Анна Ивановна, страшно искаженная параличомъ, едва владѣвшая языкомъ, съ трудомъ поднимавшая только лѣвую руку, иногда какъ будто узнавала окружающихъ, всматриваясь въ нихъ, слѣдя за ихъ движеніями однимъ глазомъ; когда она узнавала Женю, по ней пробѣгало что-то въ родѣ дрожи, и она что-то бормотала, какъ бы стараясь отстранить бѣдную дѣвушку рукой. Разъ или два эти движенія были вполнѣ сознательны, потомъ они повторялись, можетъ-быть, безсознательно и даже, можетъ-быть, просто Женѣ уже казалось, что Анна Ивановна отстраняетъ ее. Женя плакала, шепча:

— Тетя гонитъ меня, гонитъ!

Я успокаивалъ ее, говорилъ, что ей это такъ кажется, но она была неутѣшна. Она порой говорила мнѣ:

— Ты взгляни, какъ она на меня смотритъ! Я съ ума сойду отъ этого взгляда!..

— Ты ошибаешься, Женя,—возражалъ я.—Она на всѣхъ такъ смотритъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, это она на меня только такъ глядитъ. Проклинаетъ за Леву.

Иногда она пугливо взглядывала на Анну Ивановну: та въ полусидячемъ положеніи, съ высоко поднятой головой, казалось, дѣйствительно впивалась взглядомъ въ молодую дѣвушку.

Тогда Женя забывалась и говорила при Миннушкѣ:

— Она меня ненавидитъ, проклинаетъ!.. Это невыносимо!

Миннушка дѣлала удивленное лицо.

— Женя, за что же? Тетя такъ любила тебя...

Женя приходила въ себя, смолкала. Миннушка переводила вопросительные взгляды на кого-нибудь изъ присутствующихъ, точно спрашивала: «Такъ значитъ это правда, что говорила Ольга Дмитріевна». Бѣдная старая дѣва-ребенокъ не могла дать себѣ яснаго отчета, правда это или нѣтъ. Она вглядывалась въ Женю вопросительнымъ взглядомъ, и Женя раздражалась, отворачивалась отъ нея почти съ ненавистью.

Я не безъ тяжелаго чувства замѣчалъ страшное настроеніе Жени и разъ сказалъ ей:

— Ты бы не ходила за Анной Ивановной...

— Что ты! что ты!—воскликнула она.—Какъ это можно!

— Скажись нездоровой или... ну, ходи за ней, когда она спитъ... Это тебѣ такъ тяжело.

— Нѣтъ, нѣтъ! Что же скажетъ Рейнгольдъ Карловичъ...

Я понялъ, что онъ приказалъ ей усердно ходить за теткой. Вѣроятно, это была своего рода епитимья. Мнѣ казалось, что Вурмъ слишкомъ безжалостно относится къ несчастной дѣвушкѣ. Онъ, пожалуй, доведетъ ее этимъ до сумасшествія. Въ моей душѣ поднимался протестъ противъ этого безсердечія; ничего не говоря Женѣ, я, наконецъ, рѣшился заѣхать къ Вурму и объясниться съ нимъ откровенно насчетъ Жени. Отчасти меня подталкивало на это и любопытство. Мнѣ хотѣлось взглянуть на Вурма у него «дома». До этой поры я не переступалъ порога его жилища...

Я засталъ пророка въ его кабинетѣ за книгами. Кабинетъ Вурма былъ отдѣланъ просто, почти бѣдно; жесткіе стулья, жесткій диванъ, служившій и постелью, письменный столъ и пара шкаповъ съ книгами составляли всю обстановку. Все здѣсь было темно, тускло, старомодно, можетъ-быть, умышленно бѣдно и просто. Увидавъ меня, Вурмъ поднялся съ мѣста, поднялъ на минуту глаза къ небу, какъ бы благодаря Бога за появленіе въ его домѣ новаго ученика, и протянулъ мнѣ руку. Я поздоровался съ нимъ и сказалъ:

— Извините, что я хочу побезпокоить васъ. У меня дѣло.

— Я радъ всегда служить ближнимъ,—скромно отвѣтилъ онъ.

И, подойдя къ столу, чтобы закрыть лежащее открытымъ евангеліе, онъ проговорилъ:

— А я только-что читалъ: «Когда выходилъ Онъ на путь, подбѣжалъ нѣкто, палъ передъ Нимъ на колѣни и спросилъ Его: Учитель благій, что мнѣ дѣлать, чтобы наслѣдовать жизнь вѣчную?»

И прочитавъ это, онъ неторопливо закрылъ книгу, но я успѣлъ замѣтить, что она была открыта дѣйствительно на десятой главѣ евангелія Св. Марка. Что это было: комедія или случайность? Вурмъ указалъ мнѣ рукою на жесткій, обтянутый темно-зеленой, почти черной, мѣстами прорванной кожей, диванъ. Мы сѣли.

— Чѣмъ могу служить?—спросилъ онъ.

— Я не о себѣ... я хотѣлъ поговорить съ вами о Женѣ...

Онъ вздохнулъ и замѣтилъ:

— И все же я радъ, что Господь привелъ васъ въ домъ мой хоть ради чужого дѣла...

Я сталъ передавать ему подробно мои наблюденія надъ Женей и закончилъ:

— Мнѣ кажется, если она еще будетъ продолжать ходить за Анной Ивановной, то она сойдетъ съ ума.

— Пусть потеряетъ умъ, лишь бы спасла душу,—отвѣтилъ онъ тихо.

Мнѣ вдругъ вспомнились слова, слышанныя мною когда-то отъ Левы.

— Ну, тогда и о спасеніи души нечего думать,—горячо сказалъ я.

Онъ покачалъ головой.

— Вы думаете? А тѣ блаженные, а тѣ юродивые, тѣ σαλοι, которыхъ признаютъ святыми,—они потеряли умъ или то, что мы называемъ умомъ, но стали же святыми?

И остановивъ мое возраженіе неторопливымъ жестомъ руки, онъ продолжалъ:

— Вы ошибаетесь, мой другъ; она потеряетъ не умъ, а самоувѣренность, вотъ что потеряетъ она въ этомъ искусѣ. Онъ ей необходимъ.

Я опять хотѣлъ протестовать, опять былъ остановленъ имъ.

— Я знаю, что вы на многое смотрите не такъ, какъ слѣдуетъ, но выслушайте меня терпѣливо,—сказалъ Вурмъ.—Самомнѣнье и своеволіе—это два страшные врага человѣчества. Чтобы сдѣлаться истинно хорошимъ человѣкомъ, нужно смириться, нужно подвергнуться нравственнымъ бичеваніямъ, и если можно, подвергнуть свою плоть физическимъ испытаніямъ, чтобы она не господствовала надъ нами... Я знаю васъ, вы нравственный человѣкъ. Но почему? Потому что вы выросли въ суровой школѣ лишеній, въ честной семьѣ тружениковъ. Вы можете ошибаться еще, но это слѣдствіе молодости—придетъ время, пройдетъ и это. О, я читаю въ вашей душѣ и знаю: ее ждетъ просвѣтлѣніе!.. А это люди, росшіе въ изобиліи, привыкшіе угождать только себѣ, что выйдетъ изъ нихъ, если не напоминать имъ, что Богъ видитъ ихъ сердца, если не показывать имъ той бездны, въ которую они идутъ? Они будутъ не только не христіанами, но даже и не людьми, а животными, не знающими никакихъ законовъ, кромѣ законовъ страстей и похотей.

— Такъ учите же ихъ любви къ ближнимъ,—воскликнулъ я порывисто.

Онъ сосредоточенно усмѣхнулся въ отвѣтъ на мою вспышку.

— Надо начинать учить съ азбуки, а не со складовъ. Первая заповѣдь: возлюби Господа Бога твоего... Ей нужно сначала научить ихъ. Кто возлюбитъ Бога, возлюбитъ и ближнихъ...

Мнѣ казалось, что я могу захватить врасплохъ Вурма, напомнивъ ему о Левѣ.

— Однако, покойный Лева пришелъ только къ тому, что съ ужасомъ думалъ объ адѣ и загробныхъ мукахъ,—сказалъ я.

Вурмъ сдвинулъ брови. На минуту его лицо омрачилось.

— Да, вы правы,—проговорилъ онъ.—Но это не моя вина, а слѣдствіе его натуры, его обстановки, его домашняго воспитанія. Безъ моихъ совѣтовъ и наставленій изъ него, можетъ-быть, вышелъ бы одинъ изъ тѣхъ гнусныхъ кутилъ и развратниковъ, какими дѣлаются люди въ его положеніи. Наши богачи и аристократы убѣждены, что религія нужна, какъ узда для народа. О, они глубоко ошибаются. Эта узда нужна прежде всего имъ, такъ какъ безъ нея у нихъ не будетъ ни совѣсти, ни чести, ни стыда. Если гдѣ нужно искать всей мерзости, такъ это среди нихъ. Только страхъ передъ Богомъ можетъ еще содержать ихъ разнузданность, ихъ жестокость, ихъ корыстолюбіе, ихъ низость. Вотъ отъ чего спасалъ я Леву! Я научилъ его любви къ Богу, я его укрѣпилъ въ вѣрѣ въ Бога, и онъ вышелъ честнѣе людей, стоящихъ въ его положеніи, онъ отдавалъ, по крайней мѣрѣ, себѣ отчетъ въ своихъ поступкахъ. Безъ этого изъ него вышелъ бы развратный тунеядецъ въ одну сторону, безсердечный грабитель въ другую... Правда, онъ весь сосредоточился на одной мысли о загробной жизни, но въ этомъ виновата его болѣзненная натура.

И съ горечью въ голосѣ онъ добавилъ:

— Безъ меня онъ также думалъ бы о смерти и, можетъ-быть, прожигалъ бы жизнь, благо, эта жизнь казалась бы ему не долгимъ даромъ природы. О, сколько людей я зналъ, говорившихъ: «хоть день да мой» и бросавшихся во всякія излишества...

Потомъ тономъ раздумья онъ прибавилъ:

— Вы мнѣ сказали, что надо учить любви къ ближнимъ. Да, надо. Но вѣрьте мнѣ, что ближнихъ можетъ полюбить только тотъ, кто уже возлюбилъ Бога. Не возлюбившій еще Бога никогда не полюбитъ ближнихъ, особенно въ томъ случаѣ, если онъ самъ не перестрадалъ съ этими ближними.

не мучился ихъ муками, не болѣлъ ихъ недугами. Что такое ближній невѣрующему богачу? Вьючное животное, которое можно эксплоатировать, пока оно способно къ работѣ— вотъ и все.

Въ его голосѣ послышались мягкія ноты.

— Вы судите, какъ юноша, по себѣ, по своимъ чувствамъ,—сказалъ онъ.—Вы любите, вѣроятно, бѣдняковъ. Но почему? Потому что это ваши братья по судьбѣ, потому что вы переживали, можетъ-быть, то, что переживали они. Въ вашей любви къ нимъ, можетъ-быть, есть даже частица злого чувства—желаніе вмѣстѣ съ ними отомстить за свои личныя обиды, поднять этихъ друзей наперекоръ ихъ и своимъ врагамъ, поднять однихъ для униженія другихъ... Но, какъ бы то ни было и ради чего бы то ни было, вы любите и можете любить ближнихъ...

По его лицу скользнула улыбка:

— Вы родились зрячимъ, я стараюсь дать зрѣніе слѣпцамъ...

Я, взволнованный, удивленный рѣчью Вурма, очнулся и въ раздумьи о Женѣ отвѣтилъ:

— Всегда ли удачны выходятъ операціи? Я вамъ повторяю, что я боюсь за Женю. Мнѣ просто кажется, что она помѣшается отъ испытанія. Вы запугаете ее, представляя весь ужасъ ея паденія, заставляя искупать его тяжелой пыткой.

— Ну, а вы думаете, ей было бы легче, если бы отдать ее на растерзаніе всѣмъ этимъ женщинамъ въ родѣ Ольги Дмитріевны?

— О, кто же это говоритъ!—воскликнулъ я.

— Такъ вы, вѣрно, хотѣли бы, чтобы я взялъ ее подъ свою защиту, сказавъ ей: «все это пустяки, никакого грѣха нѣтъ въ паденіи, все это въ порядкѣ вещей»? Сказать ей это и поощрить дѣлать и дальше то же, жить такъ же, какъ она жила?

Мнѣ вдругъ вспомнилось, что, утѣшая Женю, я самъ еще недавно говорилъ ей: «Полно, Женя, терзать себя; кто же не грѣшилъ, кто не падалъ». Это воспоминаніе смутило меня помимо моей воли. Вурмъ, пристально вглядываясь въ мое лицо, точно читая мои мысли, продолжалъ:

— Нѣтъ, если я и указываю ей на ужасъ грѣха, если я и указываю на необходимость тяжелаго искупленія, то я ей даю и утѣшеніе—надежду на прощеніе Бога.

Онъ опять сталъ суровъ, что-то безпощадное было теперь въ выраженіи его сухого лица.

— Я человѣкъ серьезной вѣры, а не модный докторъ, прописывающій лѣкарства на сахарномъ сиропѣ,—отвѣтилъ онъ строго.—И если вы сами въ чемъ-нибудь глубоко убѣждены, то—помните это всегда—проводите свои убѣжденія безъ пощади, безъ ложныхъ снисхожденій, безъ малодушныхъ сдѣлокъ. Эти малодушныя сдѣлки—язва нашего вѣка и особенно здѣшняго общества. Глубоко убѣжденный человѣкъ долженъ имѣть силу вести на костеръ другихъ и идти на костеръ. Если онъ на это не способенъ, у него нѣтъ убѣжденій, нѣтъ вѣры въ свою правоту!

На минуту его лицо напомнило мнѣ того безпощаднаго Вурма, какимъ я зналъ его въ школѣ, не прощающаго ни малѣйшаго проступка, не дѣлающаго никакихъ поблажекъ. Въ его глазахъ сверкалъ мрачный огонь фанатичной ненависти. Можетъ-быть, онъ прочелъ на моемъ лицѣ непріятное впечатлѣніе, произведенное на меня его послѣдними словами. По его лицу скользнула горькая, презрительная усмѣшка.

— Вы русскій и потому вамъ, болѣе чѣмъ кому-нибудь, позволительно не понимать этихъ взглядовъ,—сказалъ онъ.—У васъ всему есть оправданія, на все есть снисхожденіе. Такъ васъ ведутъ дома и въ школѣ, такъ идетъ все въ общественной жизни и въ общественной дѣятельности. Люди сами не исполняютъ свято своихъ обязанностей и снисходительно глядятъ на другихъ, когда тѣ дѣлаютъ то же. Негодяй и честный сидятъ рядомъ, жмутъ другъ другу руки, пользуются однимъ и тѣмъ же почетомъ. Другіе народы Европы давно уже пережили времена этой нравственной распущенности и нравственности безразличія. Русскія дѣти и русскіе работники вездѣ покажутся самыми недисциплинированными; нравственные идеалы и общественныя отношенія русскихъ вездѣ покажутся самыми шаткими.

И почти съ презрѣніемъ онъ добавилъ:

— У васъ вѣдь каждый способенъ взять и дать взятку, и принять ласково мошенника, потому что тотъ милый человѣкъ, и, наконецъ, произнести на судѣ «не виновенъ» ограбившему и зарѣзавшему ближняго человѣку...

Онъ снова усмѣхнулся.

— Вы вѣдь сами еще недавно ненавидѣли меня за мою суровую строгость... и любили за мягкость того русскаго учителя, который иногда являлся въ классъ прямо изъ кабака...

Онъ не выдержалъ и въ волненіи, съ сверкающими глазами поднялся съ мѣста.

— Да, я былъ суровъ, безпощаденъ, я могъ исковеркать, сломать испорченнаго и распущеннаго ребенка, но принятая мною на себя обязанность была для меня святыней. Я могъ васъ исключить изъ школы, но я не могъ васъ вести за собою въ кабаки и публичные дома...

Я замѣтилъ, какъ во время этой рѣчи у него конвульсивно сжимались кулаки. Казалось, его охватывало бѣшенствомъ при воспоминаніи объ этихъ «мягкихъ» учителяхъ.

Я проговорилъ съ Вурмомъ до поздней ночи и увидалъ, что я вовсе не зналъ до этой поры этого человѣка.

Въ немъ была масса несимпатичныхъ и даже прямо антипатичныхъ для меня сторонъ; но это былъ цѣльный, точно изсѣченный изъ гранита человѣкъ, жесткій, суровый, прямолинейный фанатикъ. Онъ былъ изъ той породы людей, къ числу которыхъ принадлежали Торквемады и Арбуесы, канонизированные католическою церковью инквизиторы и палачи. Его обстановка, его образъ жизни были болѣе чѣмъ просты, несмотря на то, что онъ могъ бы добиться разныхъ удобствъ при помощи своихъ поклонниковъ и послѣдователей, жертвовавшихъ на его общину не мало денегъ. Но онъ не позволялъ себѣ излишествъ и употреблялъ деньги на пропаганду своего ученія. Въ этомъ ученіи, полномъ разныхъ богословскихъ тонкостей, было много страннаго и даже нелѣпаго, въ родѣ того, что французская революція была первымъ симптомомъ приближенія страшнаго суда, или того, что послѣ страшнаго суда настанетъ на землѣ царство святыхъ и праведныхъ. Вурмъ одинаково твердо вѣрилъ во все это, какъ онъ вѣрилъ и въ то, что онъ дѣйствительно пророкъ, получающій откровенія свыше. Рядомъ съ этимъ въ его головѣ умѣщались стремленія истиннаго демократа, гордаго и презирающаго богачей, и свѣтлыя идеи о необходимости свято исполнять принятыя на себя обязанности, о безусловной честности и неподкупности, о твердости убѣжденій, о братствѣ всѣхъ людей...

Выходя отъ него и вспоминая всѣ мелочи нашей бесѣды, я невольно подумалъ, что съ такими людьми не дай Богъ столкнуться враждебно на одной дорогѣ. Онъ и въ теоріи, и на практикѣ держался одного правила: кто не съ нами, тотъ противъ насъ: или вести на костеръ, или погибнуть на кострѣ... При этомъ мнѣ невольно вспоминалась Женя. Точно ли онъ правъ, что онъ даетъ ей утѣшеніе? И мнѣ

представлялась ея маленькая, худенькая дѣтская фигурка, съ ребяческимъ выраженіемъ лица, съ испуганно открытыми, недоумѣвающими глазами. Мое сердце болѣзненно сжалось отъ предчувствія чего-то недобраго...

XIII.

Тяжело проводить безсонные часы днемъ и ночью у постели опасно больного человѣка, въ полумракѣ, въ одиночествѣ, въ тишинѣ, прислушиваясь къ трудному дыханію больного, къ мѣрному тиканью часовъ, къ доносящимся съ улицы отрывочнымъ звукамъ. Видъ постепенно угасающей человѣческой жизни разстраиваетъ нервы, наводитъ на мысль о смерти вообще—о своей собственной смерти. Берется ли книга или работа, онѣ вываливаются изъ рукъ, на нихъ нѣтъ силы сосредоточиться... Женя узнала по опыту это мучительное состояніе и, безъ того измученная всѣми предшествовавшими событіями, дошла до страшно тяжелаго настроенія. Ея дѣтскій умъ не могъ придти къ какимъ-нибудь опредѣленнымъ выводамъ. Порою ея душа возмущалась, протестовала.

— Неужели я такая грѣшница, — говорила мнѣ бѣдная дѣвушка:—что на меня должны обрушиться всѣ наказанія? Развѣ я виновата, что я полюбила? Другіе Богъ знаетъ какъ всю жизнь, всю жизнь живутъ и — ничего! А я сдѣлала одну ошибку и нѣтъ минуты покоя...

И чисто по-дѣтски она жаловалась мнѣ. Въ глазахъ Анны Ивановны читаетъ она упреки. Ольга Дмитріевна ей нѣсколько разъ бросила въ лицо оскорбленія. Рейнгольдъ Карловичъ грозитъ ей наказаніемъ за ея грѣхъ и здѣсь, и тамъ. Лева говорилъ то же. Даже Миннушка и та мучитъ ее.

— Тоже вздумала спрашивать,—плакала она:—«Скажи, Женя, неужели это правда? Я не вѣрю, что это правда! Мнѣ страшно и подумать объ этомъ!» Что я ей стану разсказывать? Что она пойметъ? Никогда она никого не любила!.. О, Господи, какое это мученье. Хоть бы сознавать, что онъ, Лева, сохранилъ ко мнѣ любовь: такъ нѣтъ, и онъ...

Рыдая, она заканчивала свои жалобы:

— Проклиналъ, умирая!..

Я, какъ могъ, успокаивалъ ее.

— Не слушай ты никого, заботься о своемъ здоровьѣ; укрѣпятся нервы, и все уляжется, пройдетъ. Но главное, Женя, старайся поменьше думать и говорить о разныхъ загробныхъ мукахъ и наказаніяхъ... Не въ этомъ дѣло.

Ея лицо принимало испуганное выраженіе.

— Что ты, что ты! Какъ же объ этомъ не думать! Я же вѣрю въ Бога...

— Вѣрь въ Него, но не считай Его такимъ, какимъ изображаетъ Его Вурмъ. Ты же сама не разъ называла Вурма фанатикомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты это оставь, — прерывала она меня пугливо.—Это я прежде говорила отъ легкомыслія! Теперь я не такая! Я знаю, что Богъ наказываетъ за каждый грѣхъ... Вотъ я жалуюсь—это потому, что я еще не умѣю вѣрить въ Бога, какъ слѣдуетъ, это я тоже грѣшу...

Я осторожно совѣтовалъ ей одно—поменьше говорить съ Вурмомъ. Она, качая головой, отвѣчала мнѣ, что она и такъ рѣдко бесѣдуетъ съ нимъ. Это не онъ вліяетъ на нее. Она и безъ него поняла многое, чего не понимала прежде. Недаромъ же она столько пережила. Любовь къ Левѣ, сознаніе сдѣланнаго грѣха, рожденіе и смерть ребенка, смерть Левы, все это не прошло безслѣдно. Одно ея утѣшеніе — это вѣра. Но она, Женя, слишкомъ слаба и потому она еще ропщетъ на Бога, вотъ что и сокрушаетъ ее, такъ какъ ропотъ—новый грѣхъ. Мнѣ становилось жутко за нее: я сознавалъ, что ея мысли направлены въ ту область, о которой трудно разсуждать и спорить спокойно и трезво. Я говорилъ ей, что нужно прежде всего укрѣпить нервы,— она говорила, что прежде всего нужно думать о душѣ; я указывалъ ей на милосердіе Божіе, — она со страхомъ говорила, что этому милосердію есть предѣлы, и горе тому, кто истощаетъ его; я говорилъ ей, что загладить прошлое можно только перерожденіемъ, добрыми дѣлами,—она говорила, что прежде всего нужна вѣра и что только въ вѣрѣ вся ея опора...

Иногда она казалась мнѣ просто помѣшанной. Мы видѣлись все рѣже и рѣже. Дни же, тяжелые и мучительные для нея, шли обычной чередой. Мой отецъ, заходившій ежедневно къ Аннѣ Ивановнѣ, говорилъ о близкой «развязкѣ».

Наконецъ, развязка настала.

У дома Шельхеровъ стояло нѣсколько дрожекъ, когда къ нему подкатилъ въ собственномъ экипажѣ дядя Карлъ. Высокій, толстый, съ лицомъ нѣмца-пивовара, онъ грузно вылѣзъ изъ коляски и не безъ удивленія взглянулъ тупыми оловянными глазами на съѣздъ извозчиковъ. Онъ, насколько могъ, торопливо пошелъ къ крыльцу.

— Что за съѣздъ? — коротко спросилъ онъ у стараго Ивана, отворившаго ему дверь параднаго подъѣзда.

Иванъ махнулъ безнадежно рукой.

— И не говорите, сударь! Всѣ налетѣли! Содомъ!

— Кто? Родные?—перебилъ его дядя Карлъ, сбрасывая пальто. — Старый болванъ! Тебѣ приказано никого не пускать! Анна Ивановна больна, а ты...

— Анна Ивановна изволили отдать Богу душу, — отвѣтилъ Иванъ.

Дядю Карла точно пришибло. Онъ запыхтѣлъ, открылъ широко глаза и задыхающимся голосомъ проговорилъ:

— Какъ отдала Богу душу?

— Извѣстно-съ, какъ: померли!—отвѣтилъ Иванъ.

Толстякъ все еще не могъ придти въ себя. Онъ все еще не терялъ надежды, что она придетъ въ сознаніе.

— Какъ же такъ? Когда? Мнѣ почему не дали знать?— заговорилъ онъ.

И, не дожидаясь отвѣта, онъ ринулся впередъ.

— Разграбятъ все... Можетъ-быть, духовная есть...

Онъ шагнулъ въ комнату и тотчасъ же услышалъ десятокъ голосовъ, переругивающихся между собою въ сосѣдней комнатѣ.

Онъ грозно сдвинулъ брови и прикрикнулъ, входя во вторую комнату:

— Господа, что все это значитъ! Грабить вы собрались, что ли? Что за гвалтъ?

— А, это вы, это вы!—визгливо воскликнула Ольга Дмитріевна, выдвигаясь ему навстрѣчу.—Вамъ что здѣсь угодно? Распоряжаться пріѣхали? Опоздали-съ! Можете избавить себя отъ труда. Мы теперь наслѣдники! Мы! Или за своей идіоткой, Миннушкой, изволили пріѣхать! Пожалуйста, берите эту драгоцѣнность! Это ваше наслѣдство!.. Ха-ха-ха!

— Молчать!—крикнулъ дядя Карлъ, багровѣя отъ гнѣва и сжимая кулаки.

— Ну, ну, полегче!—произнесъ насмѣшливо мужской голосъ, и родственникъ Анны Ивановны, плотовщикъ, худой и длинный, въ мѣщанскомъ длинноломъ сюртукѣ, выдѣлился изъ толпы; его изрытое оспой, тощее и желтое лицо смотрѣло насмѣшливо и нагло. — На заводѣ у себя мастеровщину унимай, а здѣсь—отъ воротъ да и поворотъ... Коли что успѣлъ стибрить, такъ и благословляй Господа Бога, что къ суду не потянемъ... Не мало тоже сестрицу обирали...

— Да какъ ты смѣешь!—грозно прохрипѣлъ, надвигаясь на него, дядя Карлъ.

— Не драться ли хочешь?—спросилъ мѣщанинъ, сощуривъ глаза.

И, обращаясь къ остальнымъ, прибавилъ не безъ юмора:

— Ишь, давно битъ не былъ, встосковался...

— Господа, господа, перестаньте! Здѣсь не мѣсто и не время!—вмѣшались какіе-то франтоватые молодые люди въ ссору.

Это были два адвоката, которыхъ притащили «на случай» въ домъ Шельхеровъ «наслѣдники».

— Судебный приставъ, судебный приставъ пріѣхалъ! — раздалось чье-то восклицаніе.—Полиція съ нимъ...

Всѣ хлынули къ дверямъ навстрѣчу судебному приставу и полицейскимъ офицерамъ. Раздались голоса наперебой:

— Надо, господинъ приставъ, тотчасъ же все описать. Тутъ чужіе люди могутъ все разграбить! Опечатать всѣ комнаты надо! Полиція должна охранить...

— Позвольте, можетъ-быть, духовное завѣщаніе есть, — вмѣшался дядя Карлъ.

Съ несвойственною ему живостью онъ началъ объяснять прибывшимъ, что въ сущности все принадлежало его брату, что у нихъ есть родные въ Саксоніи, что Анна Ивановна только временно владѣла всѣмъ, что, можетъ-быть, въ духовной все это выяснено.

— Ждите, ждите! При второмъ пришествіи дождетесь,— съ язвительной усмѣшкой воскликнула Ольга Дмитріевна.

Она какъ-то судорожно смѣялась, возбужденная, почти обезумѣвшая отъ мысли, что дни ея лишеній кончены, что она стоитъ въ преддверіи къ богатству.

Приставъ чуть не отбивался.

— Успокойтесь, успокойтесь, господа!—уговаривалъ онъ родныхъ, надѣвая цѣпь.

Одинъ изъ полицейскихъ офицеровъ тоже счелъ долгомъ явиться успокоителемъ страстей и внушалъ присутствующимъ уваженіе къ закону:

— Все будетъ сдѣлано по порядку, на все есть законы!.. Успокойтесь, господа, надо знать приличіе!..

— И никому, никому не позволяйте оставаться въ домѣ! Весь домъ запечатать надо!—кричала Ольга Дмитріевна, не слушая никого и перебивая всѣхъ. — Вы отвѣтите за все, если что разграбятъ... за все отвѣтите! Тутъ тысячи...

Приставъ пожалъ плечами

— Я ничего не опишу, господа, если вы будете кругомъ меня кричать.

— Начинайте, начинайте!—поднялись голоса.

Дядя Карлъ не выдержалъ и замѣтилъ:

— Это возмутительно! Не успѣли похоронить..

Его перебила Ольга Дмитріевна ядовитымъ голосомъ:

— А вы хотѣли бы, чтобы вамъ дали время все ограбить?.. Знаемъ мы васъ!.. Во что Левины-то похороны вскочили?.. На чужое добро щедры!.. Миннушку-то свою лучше возьмите, а то на улицѣ околѣетъ съ голоду! Поцарствовала на чужихъ хлѣбахъ...

И, увлекая за собой пристава, толпа двинулась въ столовую. Здѣсь приставъ приступилъ къ накладыванію печатей. Ольга Дмитріевна увидала проходившую изъ залы Женю, блѣдную, съ осунувшимся лицомъ, съ мрачнымъ, обезумѣвшимъ взглядомъ.

— А, Евгенія Александровна, къ тетечкѣ своей ходили вымаливать прощенія въ грѣхахъ! — воскликнула она. — Счастливы вы, что старуха умерла безъ сознанія. Ахъ, какъ счастливы! Ужъ я бы заставила ее пустить васъ по-міру, если бы она хоть на минуту пришла въ себя. Теперь-то вамъ хорошо, у честныхъ родныхъ ихъ долю урвете! Вы вѣдь главная наслѣдница! Только ужъ извините, здѣсь васъ не оставятъ, не оставятъ, довольно куролесили...

Женя даже не повернула головы. Она шла точно во снѣ, точно окаменѣвшая отъ ужаса. Ольга Дмитріевна послала ей вслѣдъ какое-то ругательство и опять, обращаясь къ приставу и полицейскимъ, горячо проговорила:

— Я требую, чтобы ни одна душа не смѣла оставаться въ домѣ!

И, точно сумасшедшая, она обратилась къ роднымъ:

— Господа, да долго ли онъ будетъ копаться? Вѣдь, можетъ-быть, въ другихъ комнатахъ грабятъ. Отъ Женьки и Минки всего можно ждать. Мы тутъ, а онѣ тамъ грабятъ, карманы набиваютъ!.. Да я ихъ обыщу, обыщу! Володечка, Володечка, — крикнула она сыну: — поди, обойди комнаты, посмотри, что тамъ дѣлается...

— Мамашечка, успокойтесь, успокойтесь, ключи вѣдь всѣ здѣсь, отобраны ключи,—успокоивалъ ее сынъ мягкимъ голосомъ.—Какъ только умерла Анна Ивановна, мы тотчасъ же отобрали ключи...

Въ сѣренькихъ брючкахъ, въ черненькомъ пиджачкѣ, въ красненькомъ галстучкѣ, онъ со своимъ одутловатымъ личи-

комъ и завитыми волосами смотрѣлъ херувимчикомъ, глупо улыбаясь отъ мысли о наслѣдствѣ. Вдругъ мать схватила его за рукавъ такъ, что онъ вздрогнулъ, и съ широко раскрытыми глазами прошептала ему:

— Ложку, серебряную ложку стянулъ кто-то! Ей-Богу, сама видѣла, что ложка серебряная, изъ которой лѣкарство давали, была еще утромъ на буфетѣ.

Володя, красный, какъ ракъ, быстро заморгавъ глазами, такъ же тихо отвѣтилъ ей смиреннымъ голосомъ:

— Оставьте, мамашечка, Богъ съ ней, Богъ съ ней! Ради Бога, не поднимайте, мамашечка, скандала изъ-за ложки...

— Какъ? Такъ такъ и позволять грабить?—сказала она, съ удивленіемъ взглянувъ на него. — Володечка, что ты говоришь!

Онъ скромно потупилъ глаза и уже совсѣмъ молящимъ тономъ добраго заступника за несчастныхъ прошепталъ:

— Что-жъ дѣлать, мамашечка, если человѣку понадобилась эта бездѣлица... Можетъ-быть, просто память... о бабушкѣ на память...

Онъ стоялъ съ смиреннымъ видомъ, засунувъ руку въ брючки, моля и говоря безсвязныя фразы. Мать взглянула на него и потомъ, сообразивъ что-то, спросила:

— Ты?

Онъ сконфуженно опустилъ головку.

Она съ чувствомъ грусти вздохнула:

— Володечка, зачѣмъ же ты не сказалъ мнѣ, если ты взялъ... Ахъ, Володечка, развѣ я для тебя пожалѣла бы!

Онъ совсѣмъ опустилъ глаза въ землю:

— Я на память о бабушкѣ...

— Бѣдный мальчикъ! — со вздохомъ прошептала она и нѣжно поцѣловала его въ голову. — Доброе сердце, доброе сердце!

Онъ скромно придерживалъ карманъ брюкъ, боясь, что въ нихъ зазвенятъ скраденныя имъ мелкія вещи.

Опись и опечатыванье столовой кончились, всѣ перешли въ слѣдующую комнату.

— Я пойду, мамашечка, посмотрѣть, что дѣлаютъ Женя и Минна, — встрепенувшись, сказалъ Володя и направился къ дверямъ.

Его нагналъ въ нихъ плотовщикъ.

— Вотъ и я съ тобой, паренекъ!—потрепавъ его по плечу, сказалъ съ улыбкой мѣщанинъ. — Можетъ, одному боязно? Тоже покойница въ домѣ... Покойниковъ-то не боишься?

Володя оторопѣлъ, поднялъ глаза на своего родственника. Это рябое и желтое лицо было совершенно серьезно, даже ласково, только въ сощуренныхъ узкихъ глазкахъ было что-то въ родѣ насмѣшки.

— Покойниковъ? — спросилъ Владиміръ съ недоумѣніемъ.—Нѣтъ, не боюсь.

— То-то! Чего ихъ бояться, не крикнутъ, за полы не схватятъ... А то есть такіе, что боятся!—продолжалъ тѣмъ же шутливымъ тономъ плотовщикъ.—А ты это хорошо дѣлаешь, что не боишься. Чего ихъ бояться?

И, войдя съ Володей въ нарядную спальню Анны Ивановны, гдѣ теперь все было въ страшномъ безпорядкѣ, послѣ обмыванія покойницы, онъ продолжалъ:

— Ишь какъ вѣдь вещи поразбросаны. Бери, что хочешь. Бѣда, коли вора пустить, все прикарманитъ... Хе-хе! Правда? А?

Онъ ударилъ по плечу Володю. Тотъ, придерживая рукою карманъ брюкъ, поспѣшилъ согласиться:

— Да, да!.. Прикарманитъ!

У него теперь зубъ на зубъ не попадалъ.

— Молодецъ! Понимаешь тоже дѣла, — засмѣялся мѣщанинъ.

Онъ взялъ со стола серебряную чарку и повертѣлъ ее въ рукахъ.

— Ишь, какая славная штучка! Посмотри, нравится?

— Да, красивая...

— Да, да, красивая... Ну, и пусть ее тутъ стоитъ. Мы, братъ, съ тобой ее не возьмемъ. Пусть опишутъ!

Приставъ, полицейскіе и толпа родныхъ вошли въ эту комнату. Мѣщанинъ стоялъ около Володи, теперь сумрачнаго и сконфуженнаго, съ растеряннымъ выраженіемъ лица. Мать подошла къ нему.

— Что съ тобой, Володечка?—проговорила она.

— Чортъ знаетъ, что этотъ дуракъ за мной таскается. О ворахъ толкуетъ!—обидчиво сказалъ Володя. — Кажется, я не подалъ повода!

— Ахъ, Володечка, воры всегда толкуютъ о ворахъ,— громко отвѣтила Ольга Дмитріевна.—Они, эти воры, думаютъ этимъ отвести глаза.

Она многозначительно и свысока бросила взглядъ на плотовщика.

По лицу мѣщанина скользнула усмѣшка.

— Это ты правду говоришь, Ольга Дмитріевна. Воры

завсегда о ворахъ толкуютъ. Иной такъ и пыжится, чтобы его воромъ-то не признали.

Его лицо стало совсѣмъ нахальнымъ.

— А конечно, иной разъ и спустишь, чтобы шкандала не поднимать... Часъ на часъ не приходится, иной разъ и спустишь... Тьфу!

Онъ громко сплюнулъ. Ольга Дмитріевна отвернулась.

— Теперь сюда надо перейти? — сказалъ приставъ, направляясь къ двери.

Присутствующіе не успѣли остановить его, и онъ, распахнувъ дверь, остановился на порогѣ. Остановились и всѣ остальные: передъ ними была большая роскошная бѣлая зала съ мебелью въ бѣлыхъ чехлахъ, съ люстрой въ такомъ же чехлѣ. Въ углу залы на столѣ, накрытомъ кое-какъ бѣлою простынею, лежалъ трупъ, прикрытый тоже кое-какъ другой простыней. Его отраженіе и отраженіе стульевъ и креселъ, какъ бы одѣтыхъ въ саваны, повторялось въ десяткѣ простѣночныхъ и каминныхъ зеркалъ. Казалось, это была мертвецкая съ десятками труповъ, закутанныхъ въ простыни и саваны, а не шельхеровскій парадный залъ. Всѣ вздрогнули, трусливо попятились назадъ. Раздался пугливый суевѣрный шопотъ: «Зеркала не завѣсили!» «Покойникъ будетъ!» «Кто же?» «Чего же смотрѣла прислуга?» «Гдѣ же простыни?» Никто не рѣшался переступить порога. Толпа, за минуту передъ тѣмъ говорливая и наглая, теперь была тиха, труслива. Нѣсколько рукъ поднялось какъ-то безсознательно, чтобы сотворить крестное знаменіе.

— Господинъ приставъ,—наконецъ, растерянно проговорила Ольга Дмитріевна.—Простыни тутъ нужны...

Приставъ повернулъ къ ней голову и пожалъ плечами.

— При чемъ же я-то тутъ?—спросилъ онъ.

— Мы... вы... сейчасъ запечатали шифоньеръ... онѣ тамъ должно-быть...

Всѣ растерянно, смутно заговорили разомъ.

— Надо распечатать! Достать! На что это похоже! Подумали бы прежде о покойницѣ...

И, отступивъ назадъ, затворивъ двери, всѣ вдругъ стали упрекать другъ друга, сваливая съ себя вину на другихъ...

— Мы вѣдь только пріѣхали сюда, а хороши жившія тутъ, Миннушка и Женя, хороши,—волновалась Ольга Дмитріевна.—Бросили покойницу... Вотъ и отплата Аннетѣ за то, что она ихъ пригрѣла... Неблагодарныя...

— Позвольте, позвольте, да вѣдь вы первая прискакали

сюда и отобрали ключи у нихъ! — перебилъ ее кто-то изъ родни.

— А онѣ не могли развѣ сказать, что простыни нужно достать?—огрызалась Ольга Дмитріевна.

— А у самихъ догадки не было?

И заварилась опять каша упрековъ и брани...

XIV.

Когда я пришелъ на вторую панихиду въ семь часовъ вечера, я засталъ въ залѣ всю родню покойной Анны Ивановны. Всѣ эти люди шумѣли, точно рой встревоженныхъ пчелъ. Во всѣхъ углахъ шли споры о правахъ на наслѣдство и среди этихъ споровъ съ ожесточеніемъ произносилось имя Жени. Ее забрасывали теперь беззастѣнчиво грязью за то, что она была главной наслѣдницей. Она невольно урывала у этихъ людей львиную часть добычи. Вся таившаяся прежде злоба на любимицу богатой родственницы прорвалась теперь наружу. Ольга Дмитріевна бранилась громче всѣхъ и даже грозила, что она доведетъ до свѣдѣнія «правительства», что Женя жила съ двоюроднымъ братомъ. Слышались восклицанія: «ее въ монастырь упечь, а не богатствомъ надѣлять; церковному покаянію подвергнуть, а не наслѣдницей дѣлать; это возмутительно, что правительство не обращаетъ вниманія на подобный развратъ». Я почти со страхомъ искалъ глазами Женю. Ея не было въ залѣ. Я пошелъ ее искать и засталъ ее въ ея комнатѣ. Блѣдная, исхудалая, она сидѣла у стола, опустивъ на руки голову и смотря сухими, горящими глазами впередъ. Она вздрогнула, когда я окликнулъ ее.

— А, это ты!—сказала она сдавленнымъ голосомъ.—Ты былъ тамъ? Слышалъ?

Я молча кивнулъ головой.

— Позорятъ! Кричатъ на весь городъ! Съ грязью смѣшали!—воскликнула она отрывисто.

— Успокойся,—тихо сказалъ я.—Потерпи еще...

— Нѣтъ, нѣтъ, ты скажи, за что это наказаніе?—воскликнула она страстно, и ея лицо стало мрачно, глаза сверкали гнѣвомъ.—Ну да, я согрѣшила, пала! А они? развѣ они лучше меня? За что же меня одну терзаютъ, преслѣдуютъ? Я и такъ наказана. Все отнято, все—надежды, радости, счастіе, молодость, покой... Что же Богъ?.. Гдѣ Его милосердіе?..

Она какъ-то мрачно взглянула на меня и неожиданно спросила:

— Ты видѣлъ ее?

— Кого?—спросилъ я.

— Ее, тетю.... О, я не могу ее видѣть! Это раздутое тѣло, эти полуоткрытые свинцовые глаза... Я утромъ была тамъ... Господи, изъ всѣхъ зеркалъ она смотрѣла на меня... Хотѣла я молиться... Не могу... не могу!..

И упавшимъ голосомъ она закончила:

— Всю жизнь, всю жизнь она будетъ стоять передъ моими глазами!.. Лучше бы я ушла тогда, послѣ смерти Левы, чтобы не видать... не слыхать...

Она не выдержала и тихо заплакала слезами безпомощнаго ребенка. Страстное возбужденіе, протестующій порывъ прошли, и она снова была беззащитнымъ существомъ съ маленькимъ, подавленнымъ непосильной работой умомъ. Я подошелъ къ ней и обнялъ ее одною рукою; она припала къ моему плечу, тихо плача. Въ комнату вошелъ Вурмъ.

— Евгенія Александровна, — сказалъ онъ. — Панихида началась.

Она быстро очнулась. Опять къ ней возвратились силы, опять въ душѣ поднялся протестъ. Съ блестящими, уже сухими глазами она взглянула на пророка, выпрямившись во весь ростъ.

— Я не пойду на панихиду!—рѣзко отвѣтила она.—Ни за что! ни за что!

— Какъ не пойдете?—удивился онъ.

— Я не хочу слышать, какъ меня бранятъ, позорятъ, какъ указываютъ на меня пальцами!

Онъ вздохнулъ.

— Грѣхи искупаются испытаніями.

— А! такъ пусть мой грѣхъ останется на мнѣ, если я должна искупить его этимъ! Да, да, пусть онъ останется на мнѣ! Довольно, довольно я терпѣла! Пять мѣсяцевъ... нѣтъ, что я говорю... не мѣсяцы, а годы я терпѣла за минуту увлеченія... Они хуже меня, а топчутъ меня въ грязь. Они...

— Евгенія Александровна!—сурово произнесъ пророкъ.— Не искушайте Господа, подумайте.

Она страстно перебила его.

— Оставьте, оставьте меня! Что вамъ за дѣло до моей души? Ну, и погибну, а терпѣть этого я не въ силахъ!

И, обращаясь ко мнѣ уже другимъ тономъ—тономъ горькой жалобы, она воскликнула:

— Хотятъ, чтобы шла сама къ позорному столбу! Хотятъ, чтобы передъ ними унижалась!

— Богъ...—началъ Вурмъ.

— Не говорите, не говорите мнѣ о Богѣ! Вѣрить не стану въ Него, если Онъ этого требуетъ!—точно помѣшанная закричала она.—Да, да, не стану вѣрить, если у Него милосердія нѣтъ!.. Не смущайте меня, оставьте меня!.. Истерзали меня всѣ, всѣ!

Ея голосъ замеръ въ рыданіяхъ. Я подошелъ къ Вурму и тихо сказалъ ему:

— Рейнгольдъ Карловичъ, вы видите, что ей прежде всего нуженъ покой...

Онъ сурово, но въ то же время растерянно взглянулъ на меня.

— Ей прежде всего нужно спасти свою душу...

Дверь отворилась, и въ комнату легкой походкой вошла моя мать. Увидавъ рыдающую Женю, она подошла къ ней и мягкимъ, ласковымъ голосомъ окликнула ее. Женя бросилась къ ней въ объятія, какъ обиженный ребенокъ, ищущій защиты.

— Я не пойду туда... Я не могу видѣть ее... Мнѣ страшно... И всѣ они тамъ... Я не могу, я скорѣе руки на себя наложу...

Мать, кротко гладя ее по головѣ, тихимъ, ласкающимъ голосомъ сказала ей:

— Полно, полно! Панихида кончилась! Теперь пора ѣхать! Поѣдемъ къ намъ! Не оставаться же тебѣ здѣсь. Миннушка тоже поѣдетъ къ намъ...

Женя, прижимаясь къ ней, подняла на нее глаза, какъ бы не вѣря ея словамъ.

— Вы... точно... возьмете меня?.. О, ради Бога, ради Бога!.. Я не вернусь болѣе сюда... никогда... никогда...

— И не надо... Зачѣмъ же?

Вурмъ былъ мраченъ. Впервые онъ колебался, что дѣлать. Но онъ все же попробовалъ протестовать.

— Евгенія Александровна должна же исполнить обязанность, присутствовать на панихидахъ, на отпѣваніи,—сказалъ онъ.—Этого требуетъ христіанскій долгъ...

Моя мать посмотрѣла на него своимъ обычнымъ неотразимо добрымъ взглядомъ.

— Дѣвочка и безъ того много намучилась,—коротко сказала она, какъ бы прося его оставить это несчастное созданіе.—Ей нуженъ отдыхъ. А для покойниковъ и Бога, право, эти церемоніи не имѣютъ значенія. Женя помолится и дома...

Вурмъ хотѣлъ еще возражать, но мать остановила его.

— Чѣмъ меньше будетъ Женя напоминать о себѣ, тѣмъ меньше будетъ скандаловъ со стороны этихъ родныхъ...

И, ужъ не обращая болѣе на него вниманія, она начала торопить Женю собираться. Вурмъ, противъ ожиданія, не настаивалъ болѣе. Онъ понялъ, должно-быть, что настойчивостью теперь можно погубить свое собственное дѣло. На минуту я подумалъ, что теперь все пойдетъ отлично, что Женя освободится отъ его вліянія, успокоится...

Я жестоко ошибся.

Пріѣхавъ къ намъ, Женя дѣйствительно какъ будто успокоилась. По крайней мѣрѣ, она не говорила о тревожившихъ ее вопросахъ. Молчаливая, затихшая, сосредоточенная, она, казалось, хотѣла только одного, чтобы ее оставили въ покоѣ и не трогали. Я, мать и отецъ не считали возможнымъ непрошенно врываться въ ея душевный міръ и не касались ничего, что могло бы взволновать ее. Матушка тихонько говорила: «пусть отдохнетъ бѣдная дѣвочка; ей только отдыхъ и нуженъ; молодость возьметъ свое». Но никто изъ насъ не могъ сообразить, какъ непривыченъ и тяжелъ долженъ показаться Женѣ складъ нашей жизни. Мы всѣ по цѣлымъ днямъ были въ работѣ, отбывая свои привычныя обязанности бодро и весело. Иногда мы встрѣчались и болтали между собою только за завтраками, обѣдами и вечернимъ чаемъ. Женя волей-неволей оставалась одна: она видѣла, что мы заняты дѣломъ, и не мѣшала намъ; она могла бы читать или говорить съ Миннушкой, но ни то, ни другое не шло ей на умъ. Мать раза два замѣтила Женѣ, чтобы она принялась за какую-нибудь работу, но Женя коротко отвѣтила, что у нея все валится изъ рукъ. Непривычка къ какому-нибудь труду, къ какой-нибудь дѣятельности у нея была полная. Теперь сказывалось вполнѣ это воспитаніе барышни, умѣющей только играть на фортепіано, читать книги, вышивать въ крайнемъ случаѣ какія-нибудь ненужныя подушки... Такъ прошло три недѣли. На четвертой мы однажды увидѣли, что Женя куда-то собирается.

— Куда ты, Женя?—спросила моя мать.

Женя немного смутилась и въ замѣшательствѣ отвѣтила:

— Мнѣ надо сходить... по дѣлу...

— Ты же не привыкла ходить одна,—сказала матушка.— Не хочешь ли, я пойду съ тобой?

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Я не маленькая...

И, улыбаясь горькой улыбкой, она прибавила:

— Мнѣ надо же привыкать ходить одной...

Она ушла. Тотчасъ по ея уходѣ Миннушка начала разсказывать, что Женя плакала всю ночь. Плакала и молилась. И въ предыдущія ночи она иногда плакала и молилась, но нынче, кажется, не спала всю ночь напролетъ. Матушка встревожилась. Что съ ней? Что она плачетъ, это естественно, у нея не мало на душѣ горя, но куда она пошла? Ужъ не пришла ли ей въ голову мысль о самоубійствѣ? Этого можно ждать при ея разстроенныхъ нервахъ. Не слѣдовало ее отпускать одну. Но къ обѣду Женя вернулась. Ея лицо было теперь спокойнѣе, на немъ даже появилась улыбка. Моя мать успокоилась. Никто не спрашивалъ Женю, куда она ходила. Но не прошло и часа послѣ ея возвращенія домой, какъ Миннушка сообщила моей матери, что Женя принесла домой нѣсколько иммортелей. Мать догадалась, что Женя ходила на могилы Левы и Анны Ивановны. Въ этомъ не было ничего удивительнаго. Это даже хорошій знакъ: она посѣтила могилы близкихъ и вернулась болѣе спокойною. Значитъ острая боль прошла. Черезъ день Женя снова ушла съ самаго ранняго утра и опять вернулась только къ обѣду. Опять ея лицо улыбалось какой-то полубезмысленной улыбкой. Въ слѣдующіе дни повторилось то же. Не слишкомъ ли часты эти посѣщенія? Не разстроятъ ли они снова нервовъ? Едва ли полезны для здоровья молодой дѣвушки эти memento mori. Наконецъ, моя мать неожиданно спросила ее:

— Хорошо на кладбищѣ?

Женя вся вспыхнула.

— Да... хорошо!..

Матушка ласково замѣтила:

— Но не ходи туда такъ часто, Женя; ты утомишь себя...

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Я такъ счастлива тамъ!.. Я готова тамъ цѣлые дни сидѣть...

Миннушка вздохнула.

— Нѣтъ, я бы не могла. Это производитъ тяжелое впечатлѣніе...

Женя сдвинула брови, видимо сердясь на Минну.

— Изнѣжила ты себя слишкомъ,—сказала она почти сурово:—нельзя же вѣчно дѣлать только то, что намъ легко...

Мы переглянулись между собою, точно ища, нѣтъ ли между нами Вурма.

— Миннушка человѣкъ больной, — сказала матушка: — было бы странно, если бы она стала еще болѣе надрывать свое здоровье.

— И я тоже не особенно здорова,—рѣзко сказала Женя:— а все же...

Матушка перебила ее:

— Потому-то я и не совѣтую тебѣ такъ часто ходить на кладбище. Покойникамъ это вовсе не нужно.

— Это мнѣ нужно, Елена Андреевна,—коротко отвѣтила Женя.—И такъ я много воли и поблажекъ себѣ дала...

Моя мать улыбнулась и постаралась обратить разговоръ въ шутку:

— А теперь вымуштровать себя хочешь?

Женя нахмурилась, но не возразила ничего.

На слѣдующій день вечеромъ совершенно неожиданно зашелъ къ намъ Вурмъ. До этой поры онъ не бывалъ у насъ. Здороваясь со всѣми, объясняя, что онъ хотѣлъ навѣстить «дѣвицъ», онъ между прочимъ спросилъ Женю:

— Вы еще долго оставались послѣ меня сегодня на кладбищѣ?

Она сконфузилась и отвѣтила:

— Нѣтъ, я сейчасъ же послѣ васъ ушла...

Мы переглянулись между собою. Значитъ, она видѣлась съ Вурмомъ? Зачѣмъ? Была ли это случайность или нѣтъ? Изъ его словъ мы узнали, что она заходила къ нему. Женя сидѣла, какъ на иголкахъ, порываясь уйти. Когда она вышла изъ комнаты, онъ сказалъ:

— Я радъ, что въ ея душу нисходятъ успокоеніе и примиреніе съ Богомъ. Послѣднія искушенія и протесты плоти отошли прочь. Нужно только поддержать ее въ этомъ настроеніи, вѣра просвѣтлитъ ее и очиститъ отъ грѣховъ...

Намъ было какъ-то не по себѣ.

Вурмъ, между прочимъ, осторожно приступилъ къ главной цѣли своего визита. Онъ заявилъ, что Евгеніи Александровнѣ нужно бы устроиться прочно, не на бивуакахъ. Притомъ ея присутствіе и присутствіе Миннушки стѣсняетъ насъ. Моя мать довольно рѣзко, что было не въ ея характерѣ, возразила ему, что насъ это не стѣсняетъ, что мы никому не жаловались, кажется, на стѣсненіе. Кромѣ того, Женѣ и не на что покуда устроиться иначе. Вурмъ заявилъ, что все можно уладить. Дядя Карлъ соглашается выдать заимообразно нужныя для устройства Евгеніи Александровны и Миннушки деньги. Онъ, Вурмъ, ѣздилъ на-днѣхъ

къ Шельхеру, уговорилъ его. Впрочемъ, было не трудно уговорить. За его одолженіе Евгенія Александровна пріютитъ у себя Миннушку. Иначе ему придется содержать Миннушку. Это, впрочемъ, и для Евгеніи Александровны хорошо: она сдѣлаетъ первое доброе дѣло, раздѣлитъ свой достатокъ съ нуждающейся сестрой. Потомъ онъ началъ, какъ бы оправдываясь, объяснять, что нельзя же, чтобы дѣвушки сидѣли у насъ на шеѣ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, пока кончится дѣлежъ наслѣдства. Чѣмъ скорѣе устроить ихъ, тѣмъ лучше, спокойнѣе для насъ. Мы чувствовали, что онъ спѣшитъ спасти Женю изъ семьи язычниковъ. Въ душѣ поднималась прежняя враждебность къ этому человѣку. Когда вошла Женя, мы замѣтили, что она вопросительно взглянула на Вурма. Онъ едва замѣтно склонилъ голову, какъ бы говоря: «объяснилъ!» Намъ стало вполнѣ ясно, что все его объясненіе было обусловлено съ Женей. Это она просила его, чтобы онъ ее устроилъ не у насъ. Ея душу теперь снова охватывалъ страхъ передъ адскими муками; ее опять мучили суевѣрныя представленія загробныхъ ужасовъ. Моя мать вздохнула и проговорила холоднымъ тономъ:

— Если Женя считаетъ это болѣе удобнымъ для себя, то тутъ и говорить нечего...

Женя покраснѣла, но не возразила ничего. Она только пробормотала что-то трусливо и смущенно, желая объяснить, «что это не она хлопочетъ, а впрочемъ... она тоже понимаетъ, что намъ не легко содержать ее и Минну». Никто не обратилъ вниманія на это трусливое желаніе вывернуться, хотя это была новая черта въ характерѣ Жени. До этой поры она была прямодушна. Разговоръ сдѣлался какимъ-то натянутымъ и неловкимъ. Черезъ полчаса Вурмъ поднялся съ мѣста и откланялся, чинный, сдержанный, сухой. Моя мать по его уходѣ не обмолвилась ни однимъ словомъ упрека Женѣ. И на что были нужны упреки? За что? У каждаго свои убѣжденія, свои взгляды. Только дня черезъ три, когда Женя и Минна переѣзжали отъ насъ на нанятую для нихъ квартиру, моя мать замѣтила со вздохомъ Миннушкѣ:

— Тяжело тебѣ будетъ, Миннушка! Не забывай насъ, когда взгрустнется. Нашъ домъ всегда открытъ для тебя...

Миннушка расплакалась. И моя мать, и сама Миннушка предчувствовали, что жить съ Женей будетъ не легко...

XV.

Понеслись дни за днями, стирая воспоминанія о прошлыхъ событіяхъ, о сошедшихъ со сцены лицахъ.

Какъ-то чутьемъ члены моей семьи угадывали, что мы будемъ всегда лишними гостями у Жени, и заходили къ ней все рѣже и рѣже. Она тоже сначала посѣщала насъ только изрѣдка, потомъ перестала вовсе заходить къ намъ, даже болѣе—начала избѣгать встрѣчъ съ нами. Отчасти она избѣгала насъ потому, что именно мы лучше всѣхъ знали всѣ мелкія событія ея прошлаго; отчасти она боялась встрѣчъ съ нами, какъ съ людьми, не придающими значенія тому, чему придавала теперь значеніе она. Преобладающимъ чувствомъ въ ней теперь явился страхъ—страхъ передъ людьми, которые знали о ея связи съ Левой, страхъ передъ Богомъ, Который можетъ ее наказать послѣ смерти, страхъ передъ Вурмомъ, который всецѣло захватилъ ея душу и могъ казнить и миловать ее, какъ неразумное дитя. Ея лицо стало какъ будто меньше, ея губы постоянно кривились не то въ слащавую, не то въ кислую улыбку, ея глаза стали бѣгать и моргать, избѣгая встрѣчи съ посторонними взглядами. Такъ смотрятъ глуповатыя, забитыя и потому старающіяся хитрить дѣти.

О ней мы узнавали чаще всего отъ Миннушки, заходившей иногда къ намъ отвести душу и поплакать.

По словамъ Миннушки, Женя ежедневно посѣщала или кладбище, или церковь, или Вурма. Если она не заходила нѣсколько дней къ нему, онъ приходилъ къ ней самъ.

— Какъ она выноситъ эту жизнь,—жаловалась намъ однажды бѣдная, больная старая дѣва-ребенокъ.—Лишаетъ себя всего необходимаго, утомляетъ себя стояньемъ у обѣденъ, у всенощныхъ, у заутренъ, на панихидахъ, на молебнахъ. И, Господи, сколько у васъ, у русскихъ, этихъ службъ! Я прежде и не знала. Тетя вѣдь никогда не могла удосужиться съѣздить въ церковь... А теперь ужъ я знаю всѣ эти службы. Да это что, пусть бы молилась только. Такъ нѣтъ! Вѣрите ли, моетъ полы и печи топитъ у Вурма въ залѣ, гдѣ собираются члены его общины. За счастіе это считаетъ. Все, чтобы душу спасти!

И уже совсѣмъ слезливымъ тономъ она продолжала разсказывать о себѣ:

— На меня все нападаетъ она за то, что я нѣженка, что я ничего не дѣлаю, что я только о своемъ тѣлѣ и за-

бочусь. Да вѣдь я больной человѣкъ, я рада, когда я могу полежать. У меня всѣ кости болятъ, живого мѣста нѣтъ! И развѣ можно при нашей пищѣ быть здоровой? Вѣдь мы во всемъ себя урѣзываемъ, каждый кусокъ хлѣба на счету, только кашами и питаемся...

Дѣйствительно, длинное лицо Миннушки, худощавое и прежде, теперь было совсѣмъ обтянуто кожей, пожелтѣвшей, сморщенной. Это было лицо постоянно голодающаго человѣка. Ея горбатенькая фигурка скривилась еще болѣе на бокъ, и старая дѣва казалась теперь меньше ростомъ.

— Но вѣдь Женѣ большой капиталъ достался?—замѣтила моя мать, возмущенная разсказомъ Миннушки.

— Шестьдесятъ тысячъ слишкомъ пришлось на ея долю,—отвѣтила Миннушка со вздохомъ.—Господи, какія деньги...

— Ужъ не отдаетъ ли она деньги Вурму?—сказалъ я.

Миннушка махнула рукой.

— Нѣтъ! На его общину даетъ она немного. Себѣ вѣдь онъ почти никогда ничего не беретъ. Если что и беретъ, такъ на дѣла общины. Нѣтъ, въ деньгахъ недостатка у Жени нѣтъ. А такъ ужъ это у нея такой теперь характеръ. Все она нищей боится остаться. «Знаю я, говоритъ, что на улицѣ мнѣ пришлось бы умереть, если бы не было у меня денегъ». Да, кромѣ того, она все считаетъ лишнимъ. Плоть, говоритъ, надо убивать.

Я съ грустью вспомнилъ, что когда-то и Миннушка говорила то же со словъ Вурма. Живо мнѣ припомнился тотъ ясный лѣтній день, когда убогая дѣвушка, съ наслажденіемъ впивая ароматъ сорванныхъ ею левкоевъ, поучала меня теоріямъ Вурма о сладости и необходимости страданій. Какъ далеко было теперь это время, когда она могла мечтать и фантазировать на эту тему, утѣшая себя за свое убожество и за свои недуги. Она съ какимъ-то упоеніемъ развивала эти мысли тогда, когда ей только птичьяго молока недоставало, когда даже въ дни легкихъ недуговъ было такъ сладко нѣжиться на пуховой постели подъ шелковыми одѣялами среди прихотливой обстановки богатой дѣвической спальни. Миннушка молчала и впала въ раздумье. Можетъ-быть, ей тоже припомнились далекіе годы ея счастья. Молчаніе прервала моя мать.

— Но вѣрно она помогаетъ бѣднымъ?—спросила она про Женю, ища инстинктивно какихъ-то оправданій для Жени.

— Да, да, помогаетъ!—страстно воскликнула Миннушка съ горькой усмѣшкой.—Но не дай Богъ никому получать

ея помощь! Измучитъ человѣка наставленіями, прежде чѣмъ дастъ пособіе. «Всѣ, говоритъ, терпѣть должны. Терпѣнья у насъ нѣтъ, выносливости нѣтъ. Жаловаться мы только умѣемъ. Иные и не такія страданія вынесли и никогда не ропщутъ на Бога. Лишенія и бѣдность ничего не значатъ. Есть посильнѣе мученія, а и ихъ иные люди безропотно переносятъ...» Это все своими страданіями гордится, думаетъ, что больше ихъ ужъ ничего и быть не можетъ... А развѣ она испытала бѣдность? развѣ она оставалась безъ куска хлѣба. О, о, она никогда не испытала настоящаго голода! Если она лишаетъ себя необходимаго, такъ это по доброй волѣ. Бѣдняки же и рады бы поѣсть, да гдѣ взять? Какъ же можно ихъ такъ оскорблять?..

Миннушка смолкла и тяжело вздохнула. Я никогда не видалъ ее такой возбужденной и краснорѣчивой.

— Точно у нея сердца нѣтъ!..—прибавила она послѣ минутнаго молчанія.—Да, да, нѣтъ сердца!

Мнѣ показалось, что Миннушка особенно горячо теперь относится къ вопросу бѣдняковъ о хлѣбѣ именно потому, что этотъ вопросъ имѣетъ такое громадное значеніе и для нея. На ея исхудаломъ лицѣ теперь особенно сильно выдавались здоровыя крупныя челюсти и большой ротъ, какъ бы говорившіе о сильной потребности хорошей и обильной пищи, нужной для поддержки этого худосочнаго организма. Впервые я замѣтилъ въ этотъ день, какъ жадно и какъ много она ѣла, торопливо раскусывая и перемалывая пищу крупными зубами и звучно работая сильными челюстями. Эти челюсти и эти зубы, сильно выдававшіеся впередъ, придавали теперь ея исхудалому лицу сходство съ бѣлой лошадиной головой. Да, вопросъ о хлѣбѣ былъ для нея первымъ и главнымъ вопросомъ...

Разъ она зашла къ намъ, болѣе обыкновеннаго взволнованная. Моя мать съ участіемъ стала ее разспрашивать, что съ ней. Несчастная дѣвушка расплакалась.

— Житья мнѣ нѣтъ у Жени! Просто она ненавидитъ меня! Только я и слышу отъ нея: «Ты, вѣрно, думаешь, что ты святая; что тебѣ и Богу не надо молиться, и каяться не надо?» А я молюсь и каюсь, но что же мнѣ дѣлать, если у протестантовъ ни вечеренъ, ни всенощныхъ, ни молебновъ нѣтъ, если я больная и убогая, если мнѣ покой нуженъ? Развѣ я виновата, что я не надѣлала такихъ грѣховъ, какъ она?

Какъ ни было намъ жаль Миннушку, у насъ мелькнула

улыбка при этихъ наивныхъ словахъ. Миннушка, озабоченная и не замѣтившая скользнувшихъ по нашимъ лицамъ улыбокъ, продолжала:

— Она теперь всѣхъ ненавидитъ, кто не надѣлалъ такихъ грѣховъ, какъ она, или кто знаетъ, что она надѣлала грѣховъ. Васъ всѣхъ, тетю Маришу...

— А Вурма?—спросили мы шутливо.

— Его она боится... Право, только боится. А въ душѣ, кажется, и его ненавидитъ... Вотъ ужъ надѣла сама на себя петлю и клянетъ всѣхъ за это... Ну, да Богъ съ ней, я не о ней говорю, а о себѣ... Заѣстъ она меня заживо. Захворай я серьезно, она, какъ собаку, меня броситъ въ домѣ одну, безъ помощи...

— Ты бы, Миннушка, погостила у насъ,—сказала моя мать:—отдохнешь хоть здѣсь...

Миннушка даже испугалась и замахала рукой.

— Нѣтъ, нѣтъ, тогда еще хуже будетъ! Она и то, когда я ухожу изъ дому, говоритъ: «что, жаловаться на меня идешь? Тебѣ бы только по гостямъ бѣгать, чтобы сплетничать. Въ твои годы другая Богу молилась бы, а не по гостямъ бѣгала бы...»

— Такъ брось ее,—посовѣтовала матушка.

— Чѣмъ же я жить буду? Работать? Развѣ у меня есть силы?

— Ты бы поговорила съ дядей Карломъ...

— Онъ говоритъ, что у него своя семья... И меня же тамъ бранятъ... Вурмъ меня не любитъ и говоритъ дядѣ Карлу, что я вѣтреная дѣвушка...

Мы разразились смѣхомъ и сконфуженно стали извиняться за этотъ смѣхъ. Миннушка добродушно улыбнулась:

— Да я и сама знаю, что это смѣшно! Но они говорятъ это про меня...

И совсѣмъ конфузливо она прибавила:

— А я вотъ бантикъ розовый, такъ и тотъ не дома надѣваю, а въ карманѣ уношу и ужъ въ гостяхъ его привѣшиваю... А то скажутъ: кокетничаешь!.. А развѣ это кокетство? Я съ дѣтства у тети привыкла прилично одѣваться...

Потомъ, задумавшись на минуту, она со вздохомъ проговорила:

— Господи, какихъ-какихъ нарядовъ у насъ не было тогда... И все пропало, исчезло...

По ея желтымъ щекамъ медленно потекли слезы.

Когда Миннушка ушла, моя мать заговорила о томъ, что надо бы взять ее къ намъ въ домъ.

— Тяжело тебѣ будетъ. Она больной человѣкъ,—возразилъ осторожно отецъ и тотчасъ же торопливо прибавилъ:

— А впрочемъ, дѣлай, какъ знаешь. Не я съ ней буду няньчиться. Хлѣба же хватитъ на всѣхъ...

Но, прежде чѣмъ матушка извѣстила Миннушку о томъ, что она можетъ поселиться у насъ въ домѣ, къ намъ зашла Марина Осиповна. Ея вѣчно красненькое, безформенное, какъ комочекъ свѣжаго мяса, личико улыбалось. Присѣдая и цѣлуясь со всѣми нами, она заявила:

— А сейчасъ придетъ и Миннушка! Она вѣдь теперь у меня живетъ, со вчерашняго дня поселилась...

— Что вы, тетя Мариша, неужели?—обрадовалась моя мать.—А я ужъ думала пригласить ее къ намъ.

— Ну, вотъ еще! У меня же страннопріимный домъ и безъ того, цѣлый полкъ калѣкъ и убогихъ,—добродушно пошутила тетя Мариша.

И уже серьезно продолжала:

— Не вынесла, не вынесла Миннушка! Господи, что съ Женей сталось? Ни состраданія, ни участія! И вѣдь можете представить: не хотѣла отпустить отъ себя Миннушку; мучила и терзала, а отпустить не хотѣла. «Ты, говоритъ, это изъ злобы ко мнѣ, изъ зависти къ тому, что я душу свою спасаю, хочешь очернить меня, выставить злодѣйкой передъ людьми; вотъ почему ты бѣжишь отъ меня». А потомъ, когда Миннушка не послушалась, не осталась у нея, она и говоритъ: «уходи, уходи, это новое испытаніе мнѣ Богъ посылаетъ, новый крестъ даетъ. Я благословляю Его за это. Я счастлива. Праведныхъ всѣхъ поносятъ и бранятъ, потому и мнѣ Онъ этотъ крестъ посылаетъ. Я счастлива».

Пришла Миннушка, замѣтно оживившаяся, точно воскресшая къ новой жизни. Какъ бы въ знакъ своей радости, она нацѣпила себѣ на грудь большой и яркій красный бантъ. Онъ былъ нѣсколько помятъ; очевидно, что Миннушка старательно прятала его отъ Жени. Теперь эти предосторожности были не нужны. Она, видимо, никого больше не боялась,—не боялась прослыть кокеткой. Она стала въ свою очередь разсказывать про Женю:

— Какихъ-то падшихъ женщинъ теперь стала отыскивать, на путь истины обращаетъ,—разсказывала она.—У нея теперь, что годъ, то новыя затѣи... Да что я говорю о годахъ! У нея чуть не каждый день новыя фантазіи... Те-

перь падшія у нея въ модѣ... Найдетъ какую-нибудь дѣвочку, приведетъ къ себѣ, сперва проповѣди и наставленія ей читаетъ, впроголодь держитъ, потомъ заставитъ полы мыть и бѣлье стирать, а тамъ прикажетъ молиться на колѣняхъ, земные поклоны класть. Поживетъ та у нея недѣлю или двѣ и сбѣжитъ. Тутъ-то и начнетъ она говорить о развратѣ рода человѣческаго, объ ожидающей всѣхъ гибели. «Я, говоритъ, добровольно свой крестъ несу, а эти негодницы хотятъ тунеядствовать!» А Вурмъ благословляетъ ее и говоритъ, что это потому все дѣлается, что близится конецъ міра...

— На все у нихъ есть объясненія,—съ улыбкой сказала моя мать.—Счастливые люди!..

— Да, но не дай, Господи, имѣть съ ними дѣло,—проговорила Миннушка.

— Ну, да ужъ Богъ съ нимъ и со счастьемъ-то этимъ,—замѣтила тетя Мариша.

Я подразнилъ Миннушку, напомнивъ ей, какъ въ былые годы она заступалась за Вурма и говорила о сладостяхъ физическихъ страданій.

Она вздохнула.

— Развѣ я, Коля, что-нибудь испытала и знала тогда!.. Ахъ, какое чудное было тогда время!..

Изрѣдка, разъ или два въ годъ, встрѣчая Вурма и Женю, мы и наши общіе знакомые слышали всегда одно и то же. Онъ называлъ ее «дѣвушкой святой жизни»; она говорила: «я безконечно счастлива». Первому можно было повѣрить, второе казалось невѣроятнымъ, при взглядѣ на нее: она, хотя ей было не болѣе тридцати лѣтъ, смотрѣла уже старухой, была желта, худа, морщиниста, съ блуждающимъ выраженіемъ глазъ, съ строго сжатыми губами. О прежней улыбочкѣ не было и помину; что-то жесткое и суровое было въ ея лицѣ. О святости жизни это могло свидѣтельствовать, о счастіи тутъ не могло быть и рѣчи.

Встрѣтивъ какъ-то ее на улицѣ, я рѣшился прямо замѣтить ей:

— Неужели, Женя, счастіе производитъ въ людяхъ всегда такую перемѣну, какъ въ тебѣ?

Она взглянула на меня почти со злобой.

— А! а по-твоему счастливы только ваши румяныя и смѣющіяся развратницы?—рѣзко и какъ-то хрипло ска-

зала она, и ея лицо на минуту искривилось насмѣшливой гримасой.

— Но развѣ счастіе дѣлаетъ людей злыми?—продолжалъ я.

Она еще суровѣе взглянула на меня.

— Что тебѣ отъ меня нужно? Кажется, я къ вамъ не иду? Могли бы оставить меня въ покоѣ.

И, опять какъ-то судорожно скрививъ ротъ, она прибавила тѣмъ же хриплымъ голосомъ:

— Вотъ увидимъ, что-то вы, счастливые, заговорите, когда васъ позовутъ къ отвѣту! Тогда увидимъ, какъ-то будете вы смѣяться надъ нами съ скрежетомъ зубовъ...

Не прощаясь, она торопливо пошла далѣе. Меня поразили въ ней блуждающіе глаза и ея странно хриплый голосъ.

Опять я долгое время не встрѣчалъ ее и только слышалъ о ней, что она совершаетъ разныя странныя выходки, то врывается въ публичные дома съ какими-то брошюрами и книжечками, то является свидѣтельницей по дѣламъ о жестокомъ обращеніи съ животными, то устраиваетъ какую-то лѣчебницу для безпріютныхъ собакъ.

Съ годъ тому назадъ мое вниманіе остановила на себѣ одна изъ обычныхъ уличныхъ сценъ. На улицѣ упала лошадь ломовика. По обыкновенію онъ принялся ее бить, приправляя удары крупною бранью. Кругомъ слышался смѣхъ, и раздавались крики: «Ай-да барыня! Вотъ такъ барыня!» Я остановился и увидѣлъ странную фигуру женщины. Это было исхудалое созданіе въ заношенной, не столько старой, сколько неряшливой одеждѣ. Женщина держала въ рукахъ два красныхъ шнурка, къ которымъ были привязаны двѣ облѣзлыя, больныя собачонки въ щеголеватыхъ суконныхъ попонахъ, и ругала ломовика довольно безцеремонной бранью, прерывая эту брань и угрозы восклицаніями: «Жолька! Бибишка! сюда! Бибишка! Жолька! сюда!» Толпа вышучивала ее, ломовикъ тоже, стегая лошадь, отвѣчалъ барынѣ отрывочными фразами: «Не надорвись! Дѣтокъ-то своихъ не упусти! Ишь собачьи матери на людей лѣзутъ?» Наконецъ, лошадь поднялась, и барыня, все еще бранясь и клича своихъ собачекъ, въ сдвинутой на затылокъ шляпѣ, обернулась лицомъ къ тротуару. Я узналъ въ ней Женю, исхудалую, морщинистую, но съ странно румяными щеками, съ неестественно широкими и черными бровями. Это лицо теперь походило на карикатурную маску. Толпа зѣвакъ, посмѣиваясь надъ ней, провожала ее къ тро-

туару. Я поспѣшилъ къ ней, желая оградить ее отъ оскорбленій и насмѣшекъ.

— Женя!—воскликнулъ я.

Она подняла на меня мутные глаза и замотала головой.

— Я васъ не имѣю удовольствія знать-съ,—совсѣмъ хриплымъ голосомъ отвѣтила она.

Я остолбенѣлъ отъ изумленія, не довѣряя самому себѣ.

— Я Коля... Ждановъ,—сказалъ я, наклоняясь ближе къ ея лицу.

— Извините-съ. Никакого Коли я не знаю,—насмѣшливо отвѣтила она.

И засмѣялась страннымъ смѣхомъ:

— Коля! Съ бородой!

Я уже совершенно ясно ощущалъ, что отъ нея пахло виномъ.

— Жолька, Бибишка, назадъ!—крикнула она своимъ собачкамъ.

Онѣ рванись впередъ, и она поспѣшно, не особенно твердымъ шагомъ пустилась дальше, увлекаемая ими, сопровождаемая шутками и остротами уличной толпы...

Блаженная!..

НА РАЗНЫХЪ БЕРЕГАХЪ.

РОМАНЪ

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Часть первая.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

По глухому и пустынному переулку Петербургской стороны пробирался юноша лѣтъ девятнадцати. Бѣлокурый, стройный, высокій, онъ былъ одѣтъ въ поношенную одежду. Брюки, пальто, сапоги, все было забрызгано липкою грязью. Впереди нужно было пройти еще цѣлое море такой же невылазной грязи. Онъ шелъ по ней, не безъ труда выискивая сухія мѣста, поминутно оступаясь, посылая ей въ душѣ проклятія.

Весна была въ полномъ разгарѣ и затопила весь переулокъ лужами, болотинами, отливавшими всѣми цвѣтами радуги. Кое-гдѣ у домовъ и заборовъ тянулись мостки. По нимъ было-небезопасно идти. Доски мостковъ, подгнившія, скользкія, иногда погружались подъ ногами внизъ; изъ-подъ нихъ выбрызгивала мутная жидкость, обдавая прохожаго сотнями грязныхъ капель. Приходилось идти зигзагами, выискивая сухіе камни, кирпичи, кочки, останавливаясь или дѣлая скачки. Но если внизу была грязь и слякоть, то вверху и кругомъ все ликовало, смѣялось. Безоблачное, прозрачное небо казалось бездоннымъ. Въ воздухѣ слышалось немолчное щебетанье птицъ, шумѣвшихъ, суетившихся на деревьяхъ въ садикахъ и палисадникахъ. Около лужъ прыгали воробьи. Подъ крышами домовъ ворковали голуби. А солнце—полуденное весеннее солнце заливало все ослѣпительнымъ блескомъ, и свѣжую зелень деревьевъ, и темные домишки, и грязныя стекла строеній, и лужи, и грязь. Перевести бы все это на полотно—передъ картиной застаивались бы сотни

людей; очутиться среди этой картины въ дѣйствительности— значило рисковать каждую минуту, если не выкупаться съ головой въ этой все затянувшей грязи, то, по крайней мѣрѣ, оставить въ ней свои калоши, перепачкать ею свою одежду и, можетъ-быть, почувствовать ея шлепки на своемъ лицѣ, даже глотнуть ея, если, отъ чего Боже упаси, мимо проскачетъ какой-нибудь порожнякъ-ломовикъ или разогнавшій свою кляченку извозчикъ.

Юноша, хмурясь, ругая глушь, добрался до одного изъ деревянныхъ домовъ, прошелъ во дворъ, поднялся по осклизлой лѣстницѣ въ мезонинъ, отворилъ обитую рогожей дверь. Въ маленькомъ, низенькомъ, убогомъ жилищѣ сразу бросался въ глаза хаосъ приготовленій къ переѣзду съ квартиры: мебели почти уже не было, окна были пусты, безъ цвѣтовъ, безъ занавѣсокъ, по стѣнамъ торчали гвозди, на полу стояли чемоданы, картонки, всюду валялся соръ, рваная бумага, обрѣзки ситца, холста, обрывки веревокъ, шнурковъ, склянки.

— Боря, это ты?—крикнулъ молодой, звонкій голосъ изъ комнаты.

— Я,— отозвался юноша, снимая въ передней калоши и отыскивая гвоздь, чтобы повѣсить пальто и фуражку.

— Иди, иди, сюда! мы съ тетей чемодана не можемъ замкнуть! Полчаса возимся!

Юноша вошелъ въ комнату. На полу у чемодана сидѣла крошечная старушка съ сѣдыми волосами, немного растрепавшимися среди хлопотъ и возни и висѣвшими коротенькими, жидкими прядями около сморщеннаго блѣднаго лица. На чемоданѣ стояла на колѣняхъ молоденькая, раскрасивѣвшаяся дѣвушка лѣтъ пятнадцати и что было силъ притискивала крышку.

— Бьемся, бьемся, ничего не можемъ подѣлать! Вотъ оно женское-то безсиліе,—проговорила старушка, качая сѣдой головой.

— Пустите, я одинъ справлюсь!—сказалъ юноша, отстраняя обѣихъ женщинъ и, натужившись изо всѣхъ силъ, сразу замкнулъ замокъ, выказавъ скорѣе настойчивость и упорство, чѣмъ дѣйствительную силу.

Онъ поднялъ голову—его худощавое лицо было теперь совершенно красно, поперекъ лба обозначилась налившаяся кровью жила, около волосъ выступили, точно роса, мелкія капельки пота. Молоденькая дѣвушка вмѣсто благодарности громко засмѣялась дѣтскимъ смѣхомъ.

— Хвастунишка! Туда же силу показываетъ!

Потомъ, вдругъ переставъ смѣяться, она со вздохомъ проговорила:

— Вотъ мы и собрались!

Всѣ присѣли, усталые, задумчивые, какъ и куда попало, на чемоданъ, на окно.

— Я все думалъ, что не уѣдете, раздумаете,—задумчиво проговорилъ Борисъ.

Старушка подняла на него глаза, тусклые, слезившіеся при малѣйшемъ волненіи, съ красными вѣками, почти лишенными уже рѣсницъ.

— Какъ же? Вѣдь ты же зналъ, что Саша долженъ уѣхать. Какъ же раздумать? Не по своей волѣ ѣдетъ...

— Ну, да, онъ долженъ, а вы... Я думалъ, что братъ не потребуетъ отъ васъ еще и этой жертвы...

Старушка точно испугалась чего-то, заволновалась, заторопилась.

— Боря, Боря! Какія же тутъ жертвы? Какія? Ѣдемъ вмѣстѣ съ дорогимъ человѣкомъ, жить будемъ вмѣстѣ. Жертва! Да я хоть на край свѣта готова за нимъ. Потребовалъ! Да развѣ Саша чего-нибудь требуетъ? Развѣ ты не знаешь своего брата? Никогда у него и мысли нѣтъ о себѣ...

— Да, о благѣ человѣчества все думаетъ,—сквозь зубы проговорилъ юноша, раздражаясь, съ горечью.

— Грѣхъ тебѣ, грѣхъ! Не любишь ты брата!

Молодой человѣкъ вспылилъ.

— Мнѣ досадно за васъ, за Варю! Ему назначено мѣсто жительства, онъ не по своей волѣ ѣдетъ въ трущобу. А вы? а Варя?

— Пожалуйста, пожалуйста, не говори обо мнѣ! — воскликнула молоденькая дѣвушка.—Куда онъ и тетя, туда и я. Вотъ выдумалъ!

— Ахъ, что ты понимаешь! Дѣвчонка еще совсѣмъ, а туда же толкуешь: «куда онъ, туда и я». Вотъ попадешь въ медвѣжью берлогу, гдѣ ни людей, ни образованія, ни развитія, и выйдетъ изъ тебя неотесь-баба, провинціальная дура. Твоя жизнь впереди, тебѣ учиться, развиваться надо, чтобы потомъ хлѣбъ зарабатывать. Кажется, не на что разсчитывать, кромѣ своихъ рукъ...

Старушка тихо, кроткимъ голосомъ остановила племянника.

— Я и Саша не все еще перезабыли, слава Богу, можемъ дать образованіе и безъ учителей. Тебя же подготовила въ гимназію, никто не помогалъ...

И тихо вздохнувъ, она прибавила:

— Меня и Сашу не участь Вари безпокоитъ, а то, что ты вотъ здѣсь безъ поддержки останешься... Саша настаивалъ ради тебя, чтобы я...

Онъ рѣзко и задорно перебилъ тетку, не давъ ей докончить начатой фразы:

— Я, кажется, не первый годъ ни у кого не прошу поддержки и опоры!..

Старушка покачала головой.

— Да, да, не просишь... Что-жъ и просить, когда на насъ какъ на враговъ смотришь...

Она поднялась съ чемодана, маленькая, сухонькая, въ чемъ душа.

— Молодъ ты, голубчикъ, строптивъ, горячъ... Будетъ время, поймешь, что ни Саша, ни я не виноваты въ томъ, что произошло... На все воля Божія... Ты, конечно, былъ не виноватъ въ томъ, что былъ несправедливъ къ брату, но вѣдь теперь-то пора бы все понять, со всѣмъ примириться...

И, оборвавъ со вздохомъ рѣчь, обратившись къ молоденькой дѣвушкѣ, сидѣвшей въ глубокомъ раздумьи на чемоданѣ, она проговорила:

— Не пора ли, Варюша? Я думаю, извозчики пріѣхали. Не опоздать бы на поѣздъ.

Варя очнулась, заторопилась. Борисъ тоже поднялся съ подоконника, повернулся лицомъ къ окну, устремилъ глаза въ голубое пространство и, слегка барабаня пальцами по стеклу, задумался. Его всего охватило сознаніе отъѣзда родныхъ. Тетка, братъ, Варя, эта подобранная теткою чуть не на улицѣ сирота, всѣ любящіе его люди уѣзжаютъ далеко, далеко, за сотни верстъ, и онъ черезъ часъ, черезъ два останется одинъ, безъ близкихъ, безъ родныхъ, безъ поддержки, безъ ласковаго слова, среди шумной столицы, затерянный, забытый, безпомощный. Долго таившееся недовольство родными, упорное стремленіе убѣдить себя, что они ему не нужны, высокомѣрное сознаніе своихъ все выносящихъ, ни на комъ не ищущихъ опоры силъ, все это отступило на послѣдній планъ, заслонилось одной мыслью: «уѣзжаютъ, уѣзжаютъ, останусь одинъ». Въ его сѣрыхъ глазахъ уже стояли слезы, мѣшавшія ему смотрѣть, еще сердившія его, какъ явное доказательство малодушія. Онъ стискивалъ зубы, сдвигалъ брови, старался думать о голубяхъ, бродившихъ передъ нимъ на крышѣ, о дымѣ, вылетавшемъ изъ трубы сосѣдняго дома и медленно разстилавшемся въ воздухѣ—въ головѣ же все повторялись тѣ же слова: «уѣзжаютъ,

уѣзжаютъ, останусь одинъ!» А сзади его уже слышался топотъ мужицкихъ сапогъ; кто-то спрашивалъ, все ли выносить; извозчики и дворники таскали изъ комнаты багажъ.

— Ну, простимся же, голубчикъ!—послышался голосъ тетки.

Борисъ обернулся весь въ слезахъ, возбужденный, взволнованный, охваченный уже однимъ чувствомъ тоски и горя.

— Я же ѣду... васъ провожать... на машину!

У него обрывался голосъ.

— Ѣдешь? ѣдешь?—радостно воскликнула Варя.—Вотъ умница!

— Да, но простимся здѣсь... Что же тамъ, при народѣ!—сказала старушка.

Она подняла лицо, чтобы поцѣловать племянника. Онъ порывисто припалъ къ ея рукамъ, къ ея губамъ, уже не сдерживаясь, плача навзрыдъ.

II.

Изъ-подъ навѣса дебаркадера николаевской желѣзной дороги выѣзжалъ поѣздъ. Передъ стоящими на платформѣ людьми медленно задвигались вагоны, одинъ, другой, третій... Въ окнахъ вагоновъ виднѣлись головы отъѣзжающихъ, бѣлѣлись платки, то развѣвавшіеся въ воздухѣ, то подносимые къ глазамъ. Вагоны двигались все быстрѣе и быстрѣе. Вотъ проѣхалъ и послѣдній изъ нихъ. Поѣздъ изъ длинной цѣпи вагоновъ сталъ превращаться въ одно пятно, все уменьшающееся, словно тающее въ синѣющемъ пространствѣ. На галлереѣ расходилась публика, спѣша къ своимъ будничнымъ занятіямъ. Служащіе при дорогѣ уже хлопотали и суетились, приготовляясь къ отправкѣ другого поѣзда.

Борисъ Михайловичъ Тепловъ не трогался съ мѣста и все еще смотрѣлъ въ ту голубую даль, гдѣ уже не было и слѣда отъ ушедшаго поѣзда. Этотъ ушедшій поѣздъ, эта голубая даль, этотъ воздухъ весны съ блескомъ солнца, съ щебетаніемъ птицъ, съ воркованіемъ голубей унесли его мысль далеко, далеко. Онъ перенесся въ воображеніи туда, гдѣ нѣтъ ни каменныхъ зданій, ни шума экипажей, ни снующей толпы, гдѣ въ морѣ зелени полей и лѣсовъ тонутъ крытыя соломой, точно выросшія изъ земли, избенки мужиковъ, гдѣ грудь широкими глотками пьетъ чистый, не отравленный смрадомъ и дымомъ, воздухъ, гдѣ все необозримое пространство, кажется, спитъ въ заколдованномъ снѣ,—но прислушайся, и ты уловишь тысячи звуковъ вездѣ бьющейся жизни, шелестъ листьевъ, травы и ржи, стрекотанье и жуж-

жанье миріадъ насѣкомыхъ, ржанье лошадей и мычанье коровъ, щебетанье и пѣніе птицъ и надо всѣмъ этимъ, точно касаясь натянутой между небомъ и землею струны, въ голубомъ пространствѣ звенитъ жаворонокъ, взвиваясь все выше и выше, покуда не упадетъ съ пѣсней снова въ зеленые еще всходы хлѣбовъ. Передъ Борисомъ встало его давно прошедшее дѣтство.

Вотъ она, его родная деревня, его Липовка: ветхій барскій домъ, покосившіяся избы, мужики, доведенные почти до нищеты, запуганная дворня, вѣчно трепещущая крошечная женщина—тетка Марья Осиповна Теплова, постоянно пьяный владѣлецъ имѣнія, бушующій и развратничающій дядя Валерьянъ Владиміровичъ Тепловъ, десятки грубыхъ помѣщиковъ-борзятниковъ, еще якшающихся съ самодуромъ-сосѣдомъ, несмотря на его пьянство и развратъ, а можетъ-быть даже именно вслѣдствіе его пьянства и разврата. Все это неприглядно, скорбно, но рядомъ съ этимъ—Боже мой, какая благодать! Густой лѣсъ, роскошные луга, хлѣбородныя нивы, широкая лента рѣки, массы птицъ—зайдетъ, бывало, онъ, Борисъ, въ одной рубашонкѣ, босоногій, съ деревенскими ребятишками куда-нибудь въ поле, на берегъ рѣки, въ лѣсъ, и мать-природа, точно объятіями, охватитъ ихъ своею густою зеленью, скроетъ ихъ отъ всего неприглядного, скроетъ отъ нихъ все неприглядное. И вдругъ точно вихрь налетѣлъ на ихъ семью и вырвалъ ихъ оттуда, изъ этой глуши, и перенесъ въ столицу, на убогую, чуть не нищенскую жизнь. Кто былъ виноватъ въ перемѣнѣ? Пять лѣтъ тому назадъ, попавъ на полный пансіонъ въ гимназію, Борисъ злобно говорилъ:

— Изъ-за Сашки все терпимъ! Краснобай поганый!

Тетка Марья Осиповна плакала, упрекала его за эти слова, объясняла ему сущность дѣла. Сущность дѣла была не понятна мальчугану; онъ понималъ только, что въ его жизни случилась перемѣна, страшная, роковая, и что эта перемѣна тѣсно связана съ участью его брата. Теперь онъ и самъ понялъ сущность всего случившагося, но глухая непріязнь къ брату, недовольство имъ не улеглись вполнѣ въ душѣ и тогда, когда явилось сознаніе, что братъ не виноватъ ни въ чемъ. Не виноватъ, но все же если бы онъ былъ другимъ человѣкомъ—обстоятельства сложились бы иначе. Отъ этой мысли не могъ отрѣшиться Борисъ.

Александръ Михайловичъ Тепловъ былъ на десять лѣтъ старше Бориса. Онъ развился и выросъ въ ту великую

эпоху надеждъ и упованій, когда все молодое еще вѣрило въ наступленіе какого-то золотого вѣка. Восторженный, увлекающійся, полный вопросовъ и запросовъ, живущій вмѣстѣ со своими сверстниками на праздникѣ обновленія народной жизни, онъ въ каждое посѣщеніе Липовки сталкивался острымъ угломъ съ самодуромъ-дядей. И пріѣзжалъ въ Липовку Александръ только ради тетки, а ужъ никакъ не ради ненавистнаго дяди, утратившаго всѣ добрыя чувства, всякій здоровый смыслъ среди попоекъ и разгула. Чего не зналъ ребенокъ Борисъ, то зналъ уже взрослый Александръ, то знала старившаяся Марья Осиповна. Засѣченный съ пьяныхъ глазъ дворовый, гаремъ въ мезонинѣ, загубленная Валерьяномъ Владиміровичемъ жена, издѣвательства его надъ Марьей Осиповной, терпѣвшей все ради того, чтобы Саша, Боря и ихъ двѣ, теперь уже умершія, сестры не остались безъ ея защиты въ домѣ дяди, все это прошло на глазахъ Саши и Марьи Осиповны. Борисъ былъ еще слишкомъ малъ, когда ужасы въ домѣ могли имѣть мѣсто; когда онъ подросъ—въ домѣ были только пьянство и развратъ да издѣвательства дяди надъ Марьей Осиповной. Въ рѣдкіе пріѣзды Саши—молодой человѣкъ почти не видался съ дядей и только бесѣдовалъ по цѣлымъ часамъ съ теткой, изливавшей передъ нимъ всю свою душу, да проводилъ время въ толкахъ съ получившими свободу мужиками, любившими молодого барина и ходившими къ нему за совѣтами. Внезапно по дому прошла страшная вѣсть: на жизнь Валерьяна Владиміровича было сдѣлано покушеніе. Только темнота ночи и какая-то слѣпая случайность спасли его отъ мгновенной смерти. Наѣхали власти. Тяжело раненый старикъ объявилъ, что онъ не знаетъ убійцу, но что это непремѣнно дѣло рукъ его племянника, якшающагося съ мужиками, поджигающаго ихъ.

— Бунтовщикъ, заговорщикъ, властей не признаетъ!—бормоталъ выжившій изъ ума, спившійся съ круга самодуръ.—Обыскать его... улики найдутся!..

Когда Александръ очутился въ тюрьмѣ, Марья Осиповна быстро собралась въ городъ и взяла съ собой Бориса. Мальчика никто не удерживалъ: около больного дяди нашлись любовницы, почуявшія добычу и нашептывавшія старику, что Марья Осиповна и Борисъ готовы его доконать. Съ этой минуты начинается для Бориса новая жизнь, полная лишеній, полная труда, полная невзгодъ. Марья Осиповна жила только одной мыслью спасти Александра, облегчить

его участь, не оставить его одного въ тюрьмѣ. Чистый отъ всякаго соучастія въ покушеніи на убійство дяди, такъ какъ это покушеніе было просто дѣломъ ревности и мести, Александръ былъ задержанъ въ тюрьмѣ по другому дѣлу,—по дѣлу, всплывшему на поверхность, выяснившемуся вслѣдствіе пересмотра его бумагъ, скомпромстировавшихъ, запутавшихъ его въ одинъ изъ политическихъ процессовъ того времени. Дѣло разбиралось медленно, усложнялось, переходило изъ одного мѣста въ другое, Марья Осиповна слѣдовала всюду за старшимъ племянникомъ, а Борисъ одиноко учился и жилъ въ одной изъ петербургскихъ гимназій на полномъ пансіонѣ. О, какъ онъ ненавидѣлъ въ это время своего брата. Еще бы! о любви къ людямъ тотъ толковалъ, а лишилъ всю семью куска хлѣба, своего угла, свободы. Изъ-за него мальчугану пришлось сидѣть въ душныхъ стѣнахъ казеннаго заведенія. Не будь братъ такимъ, никогда бы не выѣхалъ Борисъ изъ родной деревни. Злоба поднялась еще сильнѣе, когда получилось извѣстіе, что дядя умеръ и все оставилъ чужимъ, а не роднымъ. Изъ-за Александра они весь вѣкъ будутъ нищими! Нужно было пройти многимъ днямъ, чтобы все выяснилось для мальчика въ настоящемъ свѣтѣ. Марья Осиповна послѣдніе два года провела въ Петербургѣ, такъ какъ сюда былъ переведенъ и Александръ. Въ эти годы Борисъ сознательнѣе познакомился съ характеромъ тетки. Когда онъ брюзжалъ и сердился, она замѣчала кротко:

— Мало ты еще горя видѣлъ, потому всякая царапина и безпокоитъ...

А какое горе вынесла она? Ради Саши, Бори и ихъ покойныхъ сестеръ она жила въ домѣ Валерьяна Владиміровича. Онъ съ первыхъ же дней сталъ дѣлать ей грязныя предложенія. Она отвергала ихъ, и онъ ее преслѣдовалъ, какъ послѣднюю рабу. Иногда въ пьяномъ видѣ онъ заставлялъ ее угощать его любовницъ; порою передъ ея глазами онъ устраивалъ пьяныя оргіи; разъ онъ чуть не задушилъ ее. Она могла бы жить и не у него, у нея была пенсія послѣ мужа, у нея былъ свой небольшой клокъ земли. Но какъ же бросить дѣтей? Не свои они, но вѣдь они сироты. Она бы взяла ихъ къ себѣ, но Валерьянъ Владиміровичъ не отдалъ бы ей ихъ,—не ради любви къ нимъ не отдалъ бы, а изъ самодурства, изъ желанія нанести ей новую непріятность. Нужно было безропотно покориться своей участи, чтобы охранить дѣтей. Для нихъ она перенесла все.

— Сашу-то только я погубила,—жаловалась она иногда.—

Не умѣла скрывать отъ него всѣхъ безобразій, слезъ не умѣла скрывать отъ него. Вотъ и выросъ чуткимъ, нервнымъ, впечатлительнымъ. Изъ-за меня и погибъ. Если бы съ дѣтства-то не привыкъ страстно ненавидѣть всякое зло, не увлекся бы. Это ужъ моя вина...

И за эту вину она лишала теперь себя всего, чтобы ему, ея Сашѣ, загубленному ею, было удобнѣе, легче въ тюрьмѣ. Мало того, съ теченіемъ времени она полюбила всѣхъ его товарищей по заключенію, всѣхъ несчастныхъ. Она носила, кому могла, и чай, и сахаръ, и папиросы, и бѣлье. Она вела за нихъ переписку съ ихъ родными, хлопотала за нихъ. Она взяла на воспитаніе оставшуюся послѣ одного изъ этихъ несчастныхъ сироту Варю. Ея пенсіи, доходовъ съ ея землицы недоставало на эти экстренные расходы: она стала шить бѣлье, просиживать ночи за работой, и когда ей минуло сорокъ пять лѣтъ—она казалась уже старухой. Она казалась не только простой старухой, но еще комичной, уморительной, смѣшной старухой: маленькая, сморщенная, привыкшая просить и кланяться, хлопоча за несчастныхъ, она говорила мягко, улыбаясь, робѣя, присѣдая по старой институтской привычкѣ. Она походила скорѣе не на старуху, а на старообразную дѣвочку. Казалось, ее каждый можетъ обидѣть, казалось, она всѣхъ боится. Въ сущности такъ и было. Тѣмъ не менѣе она, пугливая, конфузливая, безсильная, успѣвала дѣлать то, чего не дѣлали самые сильные люди; она проникала туда, куда не проникали люди похрабрѣе ея. Ея сила была въ безграничной любви, прямой, открытой, чистой. Для нея не было ни злодѣевъ, ни преступниковъ, ни осужденныхъ, ни жандармовъ, ни судей, для нея существовали только страдающіе люди,— а что значитъ страдать—это она знала лучше всѣхъ другихъ.

Борисъ, мало-по-малу, понялъ все связанное съ его жизнью,—и обстоятельства, и людей; но сознавъ невинность брата въ перемѣнѣ участи ихъ семьи, онъ все же продолжалъ смотрѣть на брата если не какъ на виновнаго, то какъ на страннаго чудака, на фразера-мечтателя, на сумасброднаго идеалиста, безъ злобы, но со снисходительнымъ состраданіемъ, сверху внизъ. И вдругъ враждебное чувство проснулась снова: Александра оправдали, но все же посылали на житье въ одну изъ отдаленныхъ губерній, въ тотъ уголокъ, гдѣ Марья Осиновна владѣла собственнымъ клочкомъ земли. Марья Осиновна собралась ѣхать за Александромъ съ Варей. Борисъ не могъ воздержаться отъ злобной мысли:

«А, о себѣ онъ не думаетъ, а небось тащитъ за собой и тетку, и Варю! Ему-то легче будетъ жить съ ними, а каково будетъ имъ? Загубитъ ихъ! Впрочемъ, тетка доживетъ свой вѣкъ! А вотъ Варя»...

И онъ сдвигалъ брови при воспоминаніи объ этомъ веселомъ, цвѣтущемъ, розовомъ пятнадцатилѣтнемъ ребенкѣ, вѣшавшемся иногда къ нему на шею, какъ къ брату. Онъ тоже обнималъ ее и цѣловалъ. Какъ братъ? Нѣтъ, въ его груди слишкомъ сильно билось въ эти минуты сердце, какъ оно не бьется отъ братскихъ поцѣлуевъ... И что ее ждетъ тамъ, въ глуши? Ничему путному не научитъ ее Александръ. Самъ вѣрно все перезабылъ въ пять лѣтъ тюремной жизни. Будетъ она только повторять за нимъ громкія фразы.

— Бѣдная, бѣдная моя Варя!—прошепталъ Борисъ и вздрогнулъ отъ пронзительнаго свистка подъѣзжавшаго къ платформѣ локомотива.

Онъ очнулся, мрачно взглянулъ въ голубую даль, повернулся лицомъ къ выходу и пошелъ. На улицѣ его сразу охватило движеніе толпы, оглушили крики извозчиковъ, звонки конно-желѣзныхъ вагоновъ, дребезжаніе колесъ, брызги грязи, вылетавшіе изъ-подъ проѣзжающихъ экипажей, обдавали его одежду, его лицо. Проталкиваясь, лавируя среди экипажей и пѣшеходовъ, онъ быстро смѣшался съ толпою, поглотился ею, слился съ нею, не обращая на себя ея вниманія, не обращая своего вниманія на нее, торопясь только дотащиться поскорѣй до меблированныхъ комнатъ на углу Садовой и Екатерингофскаго проспекта, гдѣ онъ занималъ комнату...

Ему нуженъ былъ отдыхъ отъ волненій этого дня...

III.

Въ темномъ коридорѣ, съ чуть теплящейся лампочкой въ концѣ, то и дѣло сновали люди, хлопали двери, раздавались голоса, звуки фортепіано и скрипки. Въ коридорѣ пахло кухоннымъ чадомъ, копотью отъ керосиновой лампы, табачнымъ дымомъ, проникавшимъ сюда изъ комнатъ, смежныхъ съ коридоромъ. Черезъ этотъ коридоръ можно было пройти къ десятку обитателей и обитательницъ меблированныхъ комнатъ Амаліи Карловны Швецовой. Въ самой неказистой, въ самой задней комнатѣ, рядомъ съ кухней, помѣщался Борисъ. Тутъ не было ни чистаго воздуха, ни покоя, ни удобствъ, но было главное—эта комната была до-

шева. Здѣсь поселился Борисъ по выходѣ изъ гимназіи, не желая жить съ теткой. Отговорокъ было много, чтобы не жить со старухой: въ этихъ краяхъ у него находились уроки, отсюда было ему удобнѣе ходить въ университетъ, тетка могла не сегодня—завтра уѣхать, такъ какъ рѣшенія участи Александра ждали со дня на день чуть ли не всѣ пять лѣтъ. Главной причины Борисъ не говорилъ—онъ тяготился ежедневными разсказами тетки объ Александрѣ, объ его товарищахъ, о скорбяхъ и печаляхъ людей, если и не ненавистныхъ ему, то все же возбуждавшихъ въ немъ одно безпощадное, черствое, презрительное чувство—«за чѣмъ пошли, то и нашли». Вернувшись со станціи желѣзной дороги домой, Борисъ вдругъ почувствовалъ какое-то враждебное ощущеніе и къ своей комнатѣ, и къ окружавшей его средѣ, къ этой петербургской «сволочи», какъ онъ выражался мысленно. Его вдругъ потянуло куда-то далеко, туда, къ своимъ. Это было на одну минуту. Онъ нахмурился, проворчалъ: «очень я имъ нуженъ», и, не раздѣваясь, бросился въ постель. Его охватило сознаніе одиночества, отчужденности. Бѣденъ, потому и чуждъ всѣмъ. Были бы деньги—всѣ были бы друзьями, близкими родными. Да, только деньги, видное положеніе дѣлаютъ человѣка человѣкомъ, а не пѣшкою. Нужно сдѣлать все, чтобъ добиться этого. У него силъ хватитъ. Вотъ уже годъ, какъ онъ стоитъ на своихъ ногахъ, и что же—не погибъ, не умеръ съ голоду, не пошелъ просить куска хлѣба, даже у тетки не просилъ помощи. Онъ готовъ былъ работать, какъ волъ, готовъ былъ ограничивать всѣ свои потребности, лишь бы не кланяться. Чего-чего онъ ни дѣлалъ: давалъ уроки, переписывалъ, переводилъ, репортерскія замѣтки писалъ, стишки кропалъ. О, онъ камни будетъ ворочать, а добьется своего, и тогда всѣ будутъ кланяться, тогда...

Передъ нимъ проносились картины того, что будетъ тогда,—блестящія, волшебныя, невѣроятныя. Онъ, усталый, открывъ ротъ, улыбаясь блаженной улыбкой, спалъ, охваченный этими сновидѣніями, не слыша, что дѣлается вокругъ него, въ этомъ вертепѣ, гдѣ гнѣздится столько людей, случайно попавшихъ подъ одну кровлю, бьющихся, каждый по-своему, съ нуждой и лишеніями, измышлявшихъ средства выбиться изъ этого притона куда-то на просторъ, гдѣ болѣе свѣта, воздуха, довольства...

Уже было совсѣмъ темно въ комнатѣ, и безъ того не свѣтлой, когда Борисъ открылъ глаза и съ недоумѣніемъ

осмотрѣлся, гдѣ онъ. Его мысль не могла сразу освободиться отъ впечатлѣній, навѣянныхъ сладкими снами.

Онъ машинально пошарилъ въ карманѣ, вынулъ папиросу, зажегъ спичку, закурилъ, не перемѣняя позы, продолжая лежать на спинѣ. До его слуха долетали разные звуки—возня въ кухнѣ, хлопанье дверей, чьи-то голоса. Среди всего этого яснѣе всего, точно говорилось у самаго его уха, раздавался крупный разговоръ:

— Такъ что же ты дѣлать-то думаешь. Сама съ голоду сдохнешь и насъ въ нищетѣ оставишь,—говорилъ визгливый женскій голосъ.

— Да говорю я вамъ, что лучше мнѣ чорта видѣть, чѣмъ его! Слышите!—отвѣчалъ молодой женскій голосъ.

— Голодать-то станешь, такъ и чорта за рога схватишь! Не всѣмъ красавицамъ быть. Этотъ старъ, да деньги есть.

— Мнѣ, что ли, онъ ихъ отдастъ! У него жена!

— Жена! жена! Кого полюбитъ, та ему и жена...

— Да, жена!.. Поиграетъ да броситъ, тогда ужъ не воротишь!

— Ну, и броситъ, и броситъ, а ты деньги прибери, пока не бросилъ!

— .Уйдите вы отъ меня, не терзайте вы меня! Кажется, я къ вамъ не иду за милостыней, работаю...

— Придешь, придешь! Что твоя работа-то дастъ? Погоди, погоди еще, насидишься голодомъ, на улицу себя продавать пойдешь!

— Господи! Что же это такое! Когда вы меня въ покоѣ оставите!

Борисъ услышалъ всхлипыванья. Отвѣтомъ на нихъ служили ругательства и угрозы. Потомъ послышалось шлепанье женскихъ ногъ, отворилась и съ силой захлопнулась дверь. Всхлипыванья все продолжались, доходя до истерическихъ рыданій.

— Бѣдная дѣвушка!—произнесъ Борисъ со вздохомъ.

Онъ хорошо зналъ эту дѣвушку: она жила съ нимъ рядомъ, онъ слышалъ каждый ея вздохъ, слышалъ, когда она вставала, когда ложилась, когда шила на машинкѣ, когда мурлыкала себѣ подъ носъ пѣсню. Иногда они сталкивались въ коридорѣ, кланялись, спрашивали другъ друга о здоровьѣ. Она казалась ему хорошенькою, потому что у нея были густые русые волосы, веселые голубые глаза, розовыя щечки съ ямочками, бѣлые, мелкіе зубки. Разъ десять они говорили черезъ стѣну:

— Борисъ Михайловичъ, нѣтъ ли папироски?

— На что вамъ, Ольга Дмитріевна?

— Зубъ страшно разнылся.

— А зачѣмъ у окна сидите.

— Гдѣ же больше? Впотьмахъ же нельзя шить.

Иногда онъ передавалъ папиросы, просовывая ихъ по полу подъ дверь; иногда приносилъ ихъ самъ въ комнату Ольги Дмитріевны. Она благодарила, потупляя глаза и глядя изъ-подъ рѣсницъ смѣющимся взглядомъ. Когда ее было не видно и не слышно, онъ не вспоминалъ о ней, не представлялъ ее въ своемъ воображеніи, потому что такихъ дѣвушекъ онъ встрѣчалъ сотни на каждомъ шагу, въ каждомъ швейномъ магазинѣ. Теперь онъ думалъ о ней, потому что она рыдала. Эти рыданія мѣшали ему думать о себѣ, о своей блестящей будущности. Онъ думалъ о ней и мысленно приходилъ къ заключенію, что ея участь еще хуже его участи, хотя она, можетъ-быть, и не столь одинока, какъ онъ. Онъ машинально поднялся съ постели, подошелъ къ двери и проговорилъ:

— Что это вы, Ольга Дмитріевна, расплакались!

— Что? что?—отрывисто отвѣтила она.—Побыли бы на моемъ мѣстѣ, не такъ бы еще завыли!

— Полноте, слезами не помочь горю!

— Знаю и безъ васъ...

— Да вы не сердитесь... Мнѣ тоже не сладко, да вотъ не плачу же... Можно къ вамъ придти?..

— Идите! Двери не заперты! Что вамъ надо?

Онъ пошелъ и на секунду остановился. Въ самомъ дѣлѣ, что ему надо? Зачѣмъ онъ идетъ къ ней? Потомъ онъ пожалъ плечами. Что за глупые вопросы! Идетъ, чтобы потолковать, утѣшить, ободрить ее. Это такъ естественно. Онъ вышелъ изъ своей комнаты и вошелъ въ комнату сосѣдки.

IV.

Комната Ольги Дмитріевны ничѣмъ не отличалась отъ комнаты Бориса Михайловича: узенькая, длинная, съ однимъ окномъ, съ тремя дверями—одна входная, двѣ къ сосѣдямъ. Мебель здѣсь была такая же, какъ у него. Нѣсколько легкихъ стульевъ орѣховаго дерева, умывальникъ на крашеномъ табуретѣ, желѣзная односпальная кровать около самой входной двери, около дверей къ сосѣдямъ ломберный столъ и комодъ краснаго дерева. Борисъ Михайловичъ могъ зайти въ эту комнату и не сразу понять, что

зашелъ не къ себѣ. Только у него на ломберномъ столѣ валялись папиросы, книги, бумаги, лекціи, а у Ольги Дмитріевны тутъ же валялись обрѣзки матерій, ситца, холста, коленкора. Кромѣ того, у окна здѣсь стояла швейная машина, единственная собственность швеи изъ всей обстановки. Все это было неприглядно, неуютно, грязновато. Окно, выходившее на узкій дворъ, пропускало мало свѣта, изъ дверей проникали въ комнату запахъ чада, керосиновой копоти, табачнаго дыма. Когда топилась въ комнатѣ круглая желѣзная печь, здѣсь пахло краской. Когда Борисъ Михайловичъ вошелъ къ сосѣдкѣ, она уже не плакала и стояла около самовара, поставленнаго на ломберный столъ безъ салфетки, безъ скатерти, безъ подноса.

— Вы что это расплакались, сосѣдка?—спросилъ онъ полусерьезно, полушутливо, здороваясь съ ней.

— Житья нѣтъ, такъ и плачешь! Не глядѣла бы на свѣтъ,—отвѣтила она отрывисто и скороговоркой прибавила:—Ужъ, кажется, ушла изъ дома, ничего не прошу, живу своимъ трудомъ. Такъ нѣтъ. Сюда идутъ, здѣсь еще шлятъ. Въ воду, что ли, отъ нихъ броситься.

— Родные донимаютъ?

— А кто же больше? Чужіе-то развѣ смѣютъ? Такъ бы шугнула чужихъ-то отсюда, что тошно стало бы.

— А родныхъ нельзя?

— Попробуйте! Скажутъ, зачѣмъ съ отцомъ не живу, велятъ къ нему переѣхать. А все изъ-за него и идетъ. Вотъ чай хотѣла пить, а тутъ пришли, накарамболили, и объ чаѣ забыла.

Она пощупала самоваръ.

— Совсѣмъ холодный!

Борисъ Михайловичъ засмѣялся.

— Ну, это еще полгоря. Подогрѣть можно. Напьемся вмѣстѣ. Я сегодня тоже ничего не ѣлъ. Тоже изъ-за родныхъ.

— Что такъ?

— Провожалъ ихъ, уѣхали...

— Ахъ, моихъ помеломъ не выгонишь. Приросли къ Петербургу. Имъ бы отступного люди дали, только бы они уѣхали, такъ нѣтъ, не дураки...

И, опять обрывая рѣчь, уже совсѣмъ успокоенная, взглядывая изъ-подъ опущенныхъ рѣсницъ на молодого человѣка, она спросила:

— Такъ въ самомъ дѣлѣ чай будемъ пить?

— Разумѣется! Я и проголодался, поѣсть хочется.

— Ну, у меня ничего нѣтъ!

— Я принесу отъ себя, у меня есть булки, колбаса...

— Вотъ тебѣ и разъ, въ гости со своей ѣдой!

— Какой же я гость?

— И то правда, совсѣмъ вмѣстѣ живемъ!

Не прошло и получаса, какъ они уже сидѣли за самоваромъ, пили чай и ѣли, оба забывшіе на время свои невзгоды, оба разговорчивые. Она удивлялась его терпѣнію.

— Почему вы знаете, что я терпѣливъ?—спросилъ онъ.

— Да какъ же не знать—рядомъ живемъ! Вотъ этотъ ученикъ къ вамъ ходитъ. Долбите вы ему, долбите въ голову,—ничего не понимаетъ. Я бы его, кажется, чѣмъ попало избила.

Онъ засмѣялся.

— Вотъ вы какой воинъ?

— О, я вспыльчивая... и отходчивая!

Потомъ онъ замѣтилъ, что жаль, что у нея голосъ пропадаетъ—хорошій голосъ, если бы обработать.

— Да вы развѣ слышали, какъ я пѣла?

— Еще бы! Тутъ все слышно!

— И то! Ровно въ одной комнатѣ живемъ! Даже иногда...

Она засмѣялась, что-то вспомнивъ и оборвавъ рѣчь.

— Что вы?

— Нѣтъ, такъ!

Она покраснѣла и стала совсѣмъ хорошенькой, съ этимъ румянцемъ на пухленькомъ личикѣ, съ лукаво выглядывавшими глазами изъ-подъ темныхъ ощущенныхъ рѣсницъ.

— А вы совсѣмъ скромный. Это хорошо. Теперь и днемъ съ огнемъ такихъ не найдешь.

— А вы и это знаете!

— Да, вотъ на-дняхъ у васъ товарищъ былъ. Вы его все унимали. И насмѣялась же я, когда онъ спросилъ: «да ты ужъ не переодѣтая ли дѣвчонка?»

Она и теперь, вспомнивъ это, засмѣялась громкимъ шаловливымъ смѣхомъ.

Онъ сталъ говорить, закуривъ папиросу и ходя по комнатѣ, что онъ точно не любитъ разгула, что среди этой гульбы пропиваются и умъ, и здоровье, и будущность.

Она вздохнула.

— Вамъ что, мужчинамъ! А вотъ каково, какъ нашу сестру на это толкаютъ, свои же родные толкаютъ.

Она опять омрачилась, опечалилась, начала разсказывать свою исторію.

— У насъ все это отъ нашего дворянства,—сказала она.

— Какъ отъ дворянства!—удивился онъ.

— Да такъ, не будь отецъ дворяниномъ, ничего бы этого и не было.

Онъ заинтересовался, сталъ разспрашивать. Она разсказала ему все, какъ она привыкла разсказывать все наболѣвшее на душѣ подругамъ, хозяйкѣ, служанкамъ, приказчикамъ въ Перинной линіи, всѣмъ, кто слушалъ ее.

V.

Ея отецъ былъ дворянинъ. Даже не простой дворянинъ, а «изъ графовъ». Услышавъ это, Борисъ Михайловичъ не мало удивился. Онъ предполагалъ, что она просто мѣщаночка, солдатская дочь или что-нибудь подобное. Когда она объяснила, изъ какихъ графовъ ея отецъ — онъ только улыбнулся и пересталъ удивляться. Дмитрій Матвѣевичъ Діодатовъ былъ дворяниномъ потому, что его мать, ключницу графа Зорина, выдали замужъ за чиновника Діодатова, беременную на шестомъ мѣсяцѣ. Чиновникъ Діодатовъ взялъ деньги, далъ имя ребенку и куда-то исчезъ. Мальчуганъ росъ въ графскихъ хоромахъ барченкомъ. Онъ былъ убѣжденъ, что онъ сынъ графа. Когда ему было двѣнадцать лѣтъ, у него умеръ отецъ, и въ жизни его матери случилась крупная перемѣна. Выживши изъ ума графъ Зоринъ женился на Діодатовой, несмотря на протесты своей родни. Бывшая экономка стала графиней—ея сынъ еще болѣе убѣдился, что и онъ дѣйствительно графчикъ. Прошло еще нѣсколько лѣтъ, графъ Зоринъ умеръ. Графиню Зорину выгнали изъ дома родные графа, сумѣвшіе, при помощи связей, оттягать у нея почти все. Она пережила мужа лѣтъ на пять и тоже умерла, Дмитрій Матвѣевичъ Діодатовъ въ это время успѣлъ уже пройти огонь и воду: изъ юнкеровъ онъ сдѣлался офицеромъ на Кавказѣ, вышелъ въ отставку, надѣлалъ долговъ и вдругъ послѣ смерти матери остался ни съ чѣмъ. Впрочемъ, у него было кое-что: жена, трое дѣтей и широкія привычки съ маленькою страстью называть себя графомъ.

Поселившись въ Петербургѣ, онъ сдѣлался бичомъ всей родни графа Зорина. Онъ вѣчно писалъ къ ней прошенія, письма, записки. Если родные отказывали въ помощи, онъ писалъ къ ихъ знакомымъ, къ бывшимъ сослуживцемъ своего

незаконнаго отца, къ митрополитамъ и архіереямъ, знавшимъ графа по синоду. Одни называли его «ограбленной жертвой», другіе признавали его «наглымъ тунеядцемъ». Тѣмъ не менѣе, нигдѣ не служа, ничего не работая, онъ жилъ и жилъ даже не особенно бѣдно, не лишая себя удовольствій, то-есть пьянства и женщинъ. Фанфаронъ, лгунъ, кутила, онъ вездѣ слылъ за графа и всюду бралъ все, что можно, точно всѣ люди только для того и жили, чтобы кормить и ублажать его, графа Зорина-Діодатова, какъ онъ величалъ себя, гордо покручивая свои длинные черные усы и лихо подбочениваясь рукою.

— Ужъ мы думали, что онъ осядетъ, какъ женится, да нѣтъ, гдѣ!—замѣтила Ольга Дмитріевна. Когда мама умерла, онъ чуть не черезъ мѣсяцъ женился. И пошла же дура за него. У него ни гроша за душой, семеро дѣтей, а она—и кухмистерская у нея, и меблированныя комнаты, и всякія комиссіонерскія дѣла,—а пошла, взяла себѣ на шею нахлѣбника. Все это красота его да графство всѣхъ прельщаютъ!

Борисъ Михайловичъ усмѣхнулся при упоминаніи о графствѣ.

— И что вы думаете,—продолжала Ольга Дмитріевна:—Марья Даниловна, мачиха-то наша, тамбуръ-мажоръ совсѣмъ, высокая, толстая, ручищи вотъ какія, голосъ, какъ труба трубитъ, а передъ нимъ, передъ графомъ-то нашимъ, трясется. Начнетъ это онъ ее вышучивать и насчетъ маневръ, и насчетъ разговора, и насчетъ занятіевъ,—она совсѣмъ точно мокрая курица станетъ, потому амбиція у нея большая и все ей барыней хочется быть. Изъ-за этой амбиціи она и работаетъ, какъ лошадь, чтобы нарядами пыль въ глаза пустить; изъ-за того же и замужъ за отца вышла, чтобы дворянкой быть графскаго происхожденія и подъ ручку пройтись съ такимъ молодцомъ. Тоже у отца орденъ въ петлицѣ за Кавказъ и знакомыхъ важныхъ много. Онъ всѣмъ графамъ и князьямъ кланяется. Теперь мачиха и спитъ, и видитъ, какъ бы отца въ помощники пристава пристроить—тогда совсѣмъ будетъ барыней.

По лицу юноши онять скользнула усмѣшка. Его искренно смѣшили эти наивности.

— А что же ваши братья и сестры дѣлаютъ?—спросилъ онъ.

— Сюпобъ продаютъ! — точно отрѣзала Ольга Дмитріевна.—Посовали насъ въ разныя школы да гимназіи, не доучили да и оставили—расти, молъ, какъ знаешь.

Одна сестра въ монахини ушла. Одинъ братъ въ солдаты попалъ. Другая сестра мачихѣ по кухмистерской теперь помогаетъ за мѣсто горничной. Другой братъ блаженный какой-то, идіотомъ зовутъ. Двѣ сестренки маленькія еще въ институтѣ учатся. Меня тоже хотѣли, какъ сестру, при кухмистерской держать. Ну, да я не поддалась. Довольно того, что изъ гимназіи на четвертый годъ взяли, да швеей сдѣлали. Въ горничныя-то ужъ не пойду. Къ тому же этотъ...

Она перевела духъ, точно поперхнувшись.

— Купецъ тамъ одинъ очень свататься началъ...

— Что же, онъ вамъ не нравится?

— Слонъ, какъ есть слонъ.

— Но, можетъ-быть, онъ хорошій человѣкъ? Въ мужѣ не красота главное...

— Такъ бы онъ и женился! У него жена еще жива!

— Какъ же онъ могъ свататься въ такомъ случаѣ?

Молодая дѣвушка засмѣялась.

— Вотъ-то вы непонятливый! Какъ? Какъ обыкновенно сватаются за нашу сестру, нищую... Ходитъ какъ котъ около сала, облизываясь... На содержаніе хотѣлъ взять...

— Негодяй!—проворчалъ Борисъ Михайловичъ.—И ваша мачиха совѣтовала вамъ согласиться? И отецъ не протестовалъ?

Ольга Дмитріевна немного удивилась.

— Да что имъ? Мачиха до свадьбы, когда еще наша мама жива была, жила съ отцомъ лѣтъ пять. Только и ждала смерти мамы. Отецъ—у него тоже содержанки и до этой были. Да, какъ бѣдна, чего же ждать больше? Женихи-то не позарятся на нищую. Что имъ въ нищей? Ребятъ плодить? Такъ и безъ нихъ не сладко. А только ужъ съ такимъ чудищемъ—нѣтъ, не приведи, Господи, никому.

Его точно передернуло отъ этихъ словъ, пробудившихъ нравственную брезгливость. Настало молчаніе. Онъ ходилъ по комнатѣ, она сидѣла у стола, куря взятую изъ его портсигара папироску и глядя безцѣльно по направленію къ открытому окну. На дворѣ уже спустились сумерки. Противоположная стѣна дома, выкрашенная желтою краской, казалась грязно-бурою. Въ однихъ окнахъ напротивъ было темно, въ другихъ зажигали огни. Снизу, изъ пропасти узкаго и тѣснаго двора, неслись звуки гармоники, крики ребятишекъ, какой-то смутный гулъ уличной жизни. Среди тишины, царившей въ комнатѣ, вдругъ раздался насмѣшливый возгласъ Ольги Дмитріевны:

— Совѣть да любовь! Ну, еще, еще!

Борисъ Михайловичъ въ недоумѣніи остановился.

— Что это вы?

— Да смѣхъ просто! Каждый вечеръ это у нихъ. Не надоѣло, видно!

— Да вы про кого?

— Да про нашихъ vis-à-vis! Я думаю, каждый вечеръ потихоньку сами подсматриваете! Мужчины это любятъ. Да какъ и не смотрѣть, потѣха! Еще бы, завѣсили они окна деревянными шторами да и думаютъ, что при огнѣ къ нимъ не видно.

Борисъ Михайловичъ недоумѣвалъ. Онъ по указанію Ольги Дмитріевны обернулся къ окну. Тамъ, прямо напротивъ, за окномъ, завѣшеннымъ шторой изъ тонкихъ деревянныхъ прутьевъ, происходила нѣжная сцена объятій и поцѣлуевъ. Онъ покраснѣлъ, закусилъ губы и отвернулся, сконфуженный, раздраженный.

— Свинья только этотъ баринъ,—сказала Ольга Дмитріевна.—Утромъ не завѣситъ окна и переодѣвается тутъ же. Какъ Адамъ ходитъ...

— Такъ вы завѣшивайте свое окно!—раздражительно сказалъ Тепловъ...

— И такъ впотьмахъ и шить? Ловко! — разсмѣялась она, и ея лицо приняло насмѣшливое выраженіе.

Она смотрѣла на него, какъ на мальчика. Она была моложе его на годъ, опытнѣе—на десятокъ лѣтъ...

VI.

Борисъ Михайловичъ вернулся въ свою комнату довольно поздно. Онъ сразу почувствовалъ въ ней невыносимую духоту. Цѣлый день топящаяся въ кухнѣ плита давала себя чувствовать. Онъ подошелъ къ окну, распахнулъ его; его глаза невольно остановились на противоположномъ окнѣ съ деревянной шторой. Тамъ теперь было совершенно темно, точно окно было заставлено изнутри деревяннымъ ставнемъ, чтобы ничей любопытный взглядъ не могъ проникнуть за эту преграду. Съ минуту юноша какъ-то безсознательно взглядывался въ это окно, потомъ очнулся, ему стало стыдно самого себя, въ головѣ мелькнула мысль, что за этой шторой, можетъ быть, находятся люди, смотрятъ на него, смѣются надъ его подсматриваньемъ. Онъ заглянулъ изъ окна во дворъ, квадратный, глубокій какъ колодецъ, наполненный бѣлесоватыми весенними сумерками.

Тамъ, внизу, сидѣли и слонялись мастеровые, сидѣльцы; въ подъѣзды и подъ ворота шмыгали какія-то женскія фигуры, сопровождаемыя шутками, смѣхомъ мужчинъ. Иногда слышалась въ отвѣтъ площадная ругань. Тепловъ зналъ, что это за женщины.

«Омутъ какой-то!»—пронеслось въ его головѣ.

И вдругъ ему болѣзненно, мучительно захотѣлось куда-то бѣжать изъ этого омута. Но куда? Развѣ не всѣ эти дома съ дешевыми углами, меблированными каморками, кухмистерскими, одинаковы! Въ деревню бы теперь забраться, на дачу куда-нибудь. Онъ вспомнилъ опять о своихъ, о близкихъ. Черезъ три, четыре дня они всѣ, тетка, братъ, Варя, будутъ въ деревнѣ. Ему живо представились и эта деревня, и возрожденіе природы подъ дыханіемъ весны. Просторъ, приволье, тишина. Казалось, онъ ощущалъ ароматъ полей, лѣсовъ. «То-то наговорятся они всласть о человѣчествѣ, о великихъ вопрасахъ», промелькнула въ его головѣ злая насмѣшка. Онъ усмѣхнулся. «Великіе вопросы, а своей собственной жизни не сумѣютъ устроить такъ, чтобы ихъ не лягалъ первый встрѣчный оселъ». Онъ сдвинулъ брови, заходилъ по комнатѣ, точно почувствовавъ, что его самого еще лягаютъ эти ослы. Вотъ уже пять лѣтъ, какъ въ немъ все растетъ и растетъ эта чуткость къ обидамъ, эта нервная чувствительность при каждомъ грубомъ прикосновеніи. Мысли его перенеслись въ тотъ роскошный домъ на Каменномъ островѣ, гдѣ онъ давалъ уроки двумъ мальчуганамъ.

Три раза въ недѣлю онъ путешествовалъ на эту дачу съ Садовой. Ему платили хорошо. Но платили, какъ платятъ извозчику, посыльному, носильщику, не обращая на него вниманія, не зная, можетъ-быть, даже чертъ его лица, цвѣта его волосъ. Онъ приходилъ, давалъ урокъ русскаго и древнихъ языковъ мальчуганамъ, ему давали билетъ, онъ уходилъ домой. Когда билетовъ накапливалось десять, ему высылали деньги, иногда черезъ дѣтей, иногда черезъ камердинера, въ запечатанномъ конвертѣ. Сидя въ классной, онъ иногда видѣлъ, среди клумбъ цвѣтовъ, среди трельяжей, на террасѣ съ зеркальными стеклами, нарядныхъ дамъ, барышень, дѣвочекъ; въ открытое окно доносился ихъ быстрый говоръ на французскомъ языкѣ, ихъ сдержанный смѣхъ. Порой, среди этой молодежи, появлялась высокая, плотная фигура старика въ легкомъ лѣтнемъ костюмѣ, въ бѣломъ жилетѣ, съ золотой цѣпью, съ массой брелоковъ, съ сигарой въ зубахъ.

Серьезный, важный, глубокомысленный, старикъ казался, по крайней мѣрѣ, министромъ или посланникомъ. Онъ былъ... говорятъ, онъ самъ не зналъ, кто онъ былъ—еврей или нѣмецъ, мѣщанинъ или просто незаконнорожденный, изъ уличныхъ метельщиковъ или изъ кабацкихъ подносчиковъ. Теперь же и онъ самъ, и посторонніе знали, что это былъ золотой телецъ. Въ качествѣ золотого тельца онъ могъ быть космополитомъ; но онъ признавалъ выгоднымъ слыть за русскаго, и всѣ считали его русскимъ, называя его Домовымъ, хотя онъ былъ въ сущности Домгофомъ. Домовъ или Домгофъ, не все ли равно? Ему поклонялись, у него заискивали протекцій, черезъ него опредѣлялись на службу; кровныя аристократки, видные государственные дѣятели, крупные таланты писали ему льстивыя письма, добиваясь чего-нибудь, если не прямо для себя, то для своихъ protégés; онъ покровительствовалъ искусствамъ, живописи, скульптурѣ, музыкѣ, театру, смотря свысока на пресмыкавшихся передъ нимъ жрецовъ этого искусства. Его лицо, которое когда-то били по щекамъ, которое было пріучено не измѣняться при самыхъ горькихъ обидахъ, которое съ дѣтства научилось не отражать ни одного душевнаго волненія, ни угрызеній совѣсти, ни гнѣва, ни стыда, дышало теперь наглою холодностью. Онъ считалъ себя человѣкомъ, геніемъ, силой; въ окружающихъ онъ видѣлъ гадовъ, стремящихся слизнуть съ его рукъ хоть частицу его золота. Борисъ Михайловичъ говорилъ съ нимъ всего разъ въ теченіе пяти или десяти минутъ и возненавидѣлъ его, какъ казалось самому юношѣ, на всю жизнь, завидуя ему и мечтая дорасти только до него. Дорасти до него! Каждый разъ, когда эта мысль мелькала въ головѣ Теплова, онъ брезгливо и надменно поднималъ голову:

— Чортъ знаетъ, что лѣзетъ въ голову при видѣ этихъ разжирѣвшихъ скотовъ! Да если бы онъ мнѣ за годъ прожитой имъ въ молодости жизни предложилъ всѣ свои богатства, я и тогда не согласился бы. Ползать по грязи, лизать чужіе кулаки, на это нужна привычка съ дѣтства. У меня, слава Богу, ея нѣтъ.

Тѣмъ не менѣе, онъ желалъ милліоновъ, думая, что ихъ можно пріобрѣсти и не продавая душу черту. Онъ еще плохо зналъ нравы и обычаи преисподней, называемой житейскимъ моремъ, общественной жизнью. Юношескія фантазіи подсказывали, что для успѣха довольно ума, знаній, способности къ труду, настойчивости, чтобы достигнуть

успѣха. Какого успѣха? Денегъ, денегъ и денегъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, не жить въ такомъ омутѣ, въ какомъ онъ живетъ, чтобы не бѣгать изъ-за гроша, чтобы не стыдиться заплатъ, чтобы не бояться за завтрашній день и, главное, никому не кланяться, ни передъ кѣмъ не унижаться, не чувствовать себя рабомъ...

Почти часъ проходилъ онъ по комнатѣ, прежде чѣмъ вспомнилъ, что завтра надо подняться рано, чтобы поспѣть на урокъ. Завтра былъ день получки денегъ, а потому въ карманѣ сегодня не было уже ни гроша. Завтра нужно будетъ идти на урокъ пѣшкомъ, пройти весь городъ, весь Каменноостровскій проспектъ, посидѣть гдѣ-нибудь на скамьѣ, чтобы отдохнуть и не показаться ученикамъ въ поту, съ краснымъ лицомъ, съ тяжелымъ отъ усталости дыханіемъ. Онъ заперъ окно, раздѣлся и бросился на постель. За стѣной послышался легкій смѣхъ.

— Смотрите, постель продавите!—раздался голосъ Ольги Дмитріевны изъ-за стѣны.

Борисъ Михайловичъ сконфузился. Онъ ничего не отвѣтилъ. За стѣной послышалось, какъ перевернулась на кровати дѣвушка. Потомъ пронесся медленный зѣвокъ, какъ зѣваетъ сладко потягивающійся человѣкъ. Борису Михайловичу вдругъ представилось, какъ она лежитъ на постели, вся въ бѣломъ, молоденькая, свѣженькая, здоровая и лѣниво потягивающаяся, закинувъ за голову руки. Ему стало душно, жарко. Нѣтъ, надо будетъ переставить кровать къ другой стѣнѣ. А плита? Плита какъ разъ помѣщается около той стѣны. Спать тамъ, значитъ спать чуть не на печкѣ. Нѣтъ, поневолѣ нужно остаться здѣсь. Онъ не шевелился, почти не дышалъ. Но онъ слышалъ дыханіе сосѣдки.

— Вотъ-то духота у насъ нынче, и свѣтло, точно днемъ,— проговорила за стѣной Ольга Дмитріевна.

Его начинало это бѣсить. Неужели она не понимаетъ, что это, наконецъ, неприлично? Слава Богу еще, что сохранила настолько нравственнаго чутья, что не продалась. А почему не продалась? «Слонъ», говорила она про купца, ухаживавшаго за ней. А если бы онъ не былъ слономъ? Да, стоитъ только подвернуться смазливому негодяю—и конецъ. Сначала увлечется, падетъ, будетъ брошена послѣ перваго ребенка—и пойдетъ по торной дорогѣ паденій со всѣми, съ красивыми и некрасивыми, съ молодыми и старыми. «Вотъ, братъ сейчасъ бы началъ проповѣдывать и спасать», мелькнуло въ его головѣ, и по его лицу скользнула усмѣшка.

Спасешь проповѣдями, какъ же! За стѣной послышался вздохъ, чмокнули съ какой-то досадой губы, скрипнула кровать и было слышно, какъ молодая дѣвушка поднялась и заходила по комнатѣ, мягко касаясь пола босыми ногами... «Бѣдняга, не сладко, видно, что не можетъ уснуть»,—подумалъ Тепловъ и натянулъ на голову одѣяло, чтобы ничего не слышать...

На дворѣ уже свѣтало...

VII.

— Папа васъ проситъ къ себѣ!

Съ этой фразой обратился къ Борису Михайловичу курчавый черноволосый мальчуганъ, лѣтъ двѣнадцати, въ черной суконной курточкѣ, въ такихъ же коротенькихъ панталонахъ, въ черныхъ чулкахъ до колѣнъ. Онъ и его младшій братишка, похожій на него, какъ близнецъ, только что кончили занятія.

Тепловъ смутился: въ его головѣ мелькнула мысль, что Домгофъ, отецъ этихъ дѣтей, хочетъ отказать ему отъ уроковъ. Иначе зачѣмъ бы ему приглашать его къ себѣ? Борисъ Михайловичъ занимается съ дѣтьми Домгофа уже семь мѣсяцевъ и только разъ, при наймѣ, хозяинъ удостоилъ его разговоромъ, принявъ его въ кабинетѣ стоя, на пять, на десять минутъ. Что же ему вдругъ понадобилось теперь?..

Смущенный, почти испуганный, юноша пошелъ за мальчуганомъ. Они миновали рядъ роскошныхъ комнатъ, заставленныхъ тропическими растеніями, статуями, бронзой, фарфоровыми вазами. Въ столовой еще сидѣли за столомъ дамы. Тепловъ неловко раскланялся на ходу, не зная съ кѣмъ, плохо различая физіономіи. На него почти не обратили вниманія. Мальчуганъ шаловливо тянулъ его за рукавъ дальше. Они вошли въ дубовый кабинетъ съ массивною бархатною мебелью, съ старинными книжными шкапами.

Антонъ Ѳедоровичъ Домгофъ, плотный, высокій, съ черными, посеребренными легкой сѣдиной волосами, съ густыми бровями, съ матовымъ, изжелта-блѣднымъ лицомъ, ходилъ по мягкому ковру, засунувъ руки въ карманы брюкъ. Не выпуская изо рта сигары, почти не отвѣтивъ на поклонъ Теплова и только искоса окинувъ его зоркимъ проницательнымъ взглядомъ, онъ проговорилъ:

— У васъ найдется три свободныхъ дня въ недѣлю?

У Теплова было чуть не семь свободныхъ дней въ недѣлю. Онъ отвѣтилъ сконфуженно:

— Три?.. да, три дня найдется...

— Прекрасно!.. Вы будете ихъ проводить при моихъ дѣтяхъ... Я долженъ былъ удалить нашего гувернера и потому нужно замѣнить его кѣмъ-нибудь на эти три дня... Я могъ бы вамъ предложить жить у меня, но у насъ и безъ того такъ много помѣщенія здѣсь занято служащими. Кромѣ того, вы должны попривыкнуть.

Онъ обернулся къ сыну, стоявшему въ кабинетѣ и слушавшему разговоръ.

— Иди къ mademoiselle Дюмонъ.

Мальчикъ вышелъ. На нѣсколько секундъ Антонъ Ѳедоровичъ остановился передъ Тепловымъ, окинулъ его съ ногъ до головы взглядомъ. Это было почти мимолетное движеніе, но Борисъ Михайловичъ вспыхнулъ и потупился, точно Домгофъ сразу увидалъ не только крошечную заплату на его сапогѣ, но и его разорванную на локтяхъ сорочку и его почти разлѣзшіеся носки. А Антонъ Ѳедоровичъ уже снова ходилъ по комнатѣ, куря сигару.

— Директоръ гимназіи и ректоръ университета мнѣ ручались за васъ и рекомендовали васъ, какъ нравственнаго человѣка,—говорилъ онъ.—Я не беру васъ сразу въ домъ, чтобы ознакомиться прежде съ вами вполнѣ. Притомъ и вамъ неудобно было бы сразу вступить въ мой домъ...

Тепловъ хотѣлъ было протестовать, сказать, что онъ готовъ хоть сейчасъ, но Домгофъ закончилъ:

— При помощи тѣхъ денегъ, которыя вы получите лѣтомъ, въ четыре, въ пять мѣсяцевъ, вы можете пріодѣться, сдѣлать все, что надо, чтобы поселиться у меня...

Борисъ Михайловичъ опять вспыхнулъ: Домгофъ, казалось, дѣйствительно видѣлъ и сосчиталъ всѣ прорѣхи на его бѣльѣ. Антонъ Ѳедоровичъ замѣтилъ этотъ румянецъ стыдливости на дѣвически-свѣжемъ лицѣ юноши. По его холодному лицу скользнула улыбка, и на минуту оно приняло почти добродушное выраженіе.

— Я же не хотѣлъ бы, чтобы васъ за нигилиста считали у меня въ домѣ,—проговорилъ онъ слегка шутливо и, снова принимая серьезный видъ, добавилъ:

— Бѣдность—не порокъ, неряшливость—это уже крупный недостатокъ; къ сожалѣнію, не станете же вы всѣмъ и каждому разсказывать, что недостатки въ вашемъ туалетѣ происходятъ отъ неимѣнія средствъ, а не отъ пренебреженія къ требованіямъ приличія. Я лично готовъ взять въ руководители къ моимъ дѣтямъ послѣдняго бѣдняка, но

неряху-нигилиста, хоть бы онъ былъ геній, я не возьму въ домъ. Прежде всего дѣти во всемъ и всегда должны быть чистоплотны—неряха въ отношеніи костюма всегда неряха и въ нравственности, и въ умственномъ отношеніи; кое-какъ одѣваться значитъ кое-какъ относиться къ людямъ, кое-какъ дѣлать дѣло. По душѣ, по рожденію, по симпатіямъ—я русскій, но, въ дѣлѣ аккуратности и чистоплотности, я былъ и останусь нѣмцемъ. Это вы должны помнить прежде всего.

Оборвавъ рѣчь, онъ взялъ со стола приготовленный уже заранѣе конвертъ съ деньгами и передалъ его Борису Михайловичу.

— Это за десять уроковъ и жалованье впередъ за мѣсяцъ. Вамъ, вѣрно, нужно на кое-какіе расходы.

Онъ протянулъ мимоходомъ два пальца юношѣ и направился къ письменному столу, кончивъ переговоры и отбросивъ въ каминъ окурокъ сигары.

Тепловъ направился къ двери. Домтофъ, садясь за рабочій столъ, сказалъ ему вслѣдъ:

— Да, забылъ! Ваши дни—понедѣльники, среды и пятницы, съ девяти часовъ утра до десяти вечера...

VIII.

Борисъ шелъ быстрыми шагами съ дачи. Миновавъ нѣсколько дачъ, онъ свернулъ въ одну изъ пустынныхъ аллей, торопливо вынулъ конвертъ съ деньгами, оглядѣлся, точно воръ, и поспѣшно сталъ разрывать конвертъ, чтобы узнать размѣры добычи. Въ конвертѣ было сто рублей—двадцать пять за уроки, семьдесятъ пять жалованья впередъ за мѣсяцъ. По лицу юноши разлилась краска. Онъ засмѣялся, засунулъ деньги въ карманъ, быстро пошелъ впередъ, не соображая, куда онъ идетъ. Онъ прошелъ такъ минутъ десять, запыхался, оглядѣлся, сообразилъ, что онъ идетъ совсѣмъ въ другую сторону, засмѣялся опять, свернулъ назадъ. На дорогѣ показался извозчикъ.

— На уголъ Садовой и Екатерингофскаго! — крикнулъ Тепловъ.

Извозчикъ окинулъ его взглядомъ.

— Рубликъ дадите? — запросилъ онъ съ усмѣшкой, не сходя съ сидѣнья.

— Что-жъ, я къ тебѣ на колѣни сяду, что ли?—сказалъ Борисъ Михайловичъ запальчиво, точно его обидѣли.

Извозчикъ пересѣлъ на козлы.

— Ну, живѣй, живѣй!—понукалъ его Тепловъ.

«Зачѣмъ?»

Этотъ вопросъ вдругъ пришелъ ему въ голову. Къ кому онъ спѣшитъ? Съ кѣмъ онъ можетъ подѣлиться радостью? Ему представилась его узкая, грязноватая, пустая каморка. На душѣ стало тяжело. Если бы здѣсь были тетка, братъ, Варя? Сколько радости возбудило бы его счастье. Не было бы конца разспросамъ, все пришлось бы повторить десять разъ. Онъ ѣхалъ мимо какихъ-то магазиновъ. Вотъ онъ купилъ бы чего-нибудь для тетки, для Вари. «Ахъ, мотъ, мотъ!» воскликнули бы онѣ и обрадовались бы, обнимая и цѣлуя его. «Что-жъ, если я»,—началъ онъ и не кончилъ, сконфузившись. Въ его головѣ мелькнула мысль, что онъ могъ бы купить гостинца для Ольги Дмитріевны. Зачѣмъ? что она ему? Еще вообразитъ что-нибудь! Нѣсколько минутъ онъ старался думать о другомъ. Но въ головѣ неотступно вертѣлась мысль: «бѣдная дѣвушка, у нея тоже нѣтъ никого близкихъ». И вдругъ онъ вспомнилъ, что у него только четыре двадцатипятирублевыя бумажки въ карманѣ. Ихъ надо размѣнять. Онъ точно обрадовался при этой мысли.

— Стой здѣсь!—крикнулъ онъ извозчику и быстро побѣжалъ въ кондитерскую Ландрина.

«Хочешь, не хочешь, а купить чего-нибудь надо, а то съ двадцати пяти рублей у извозчика нельзя же просить сдачи,—пояснялъ онъ мысленно.—Ужъ это такая Ольга Дмитріевна счастливая, что конфетъ приходится покупать. Не мѣнялѣ же платить за размѣнъ денегъ».

Еще нѣсколько минутъ—и онъ вбѣжалъ въ пятый этажъ, вошелъ въ коридоръ, распахнулъ дверь...

— Ну, не туда попалъ!—воскликнулъ онъ, очутившись не въ своей комнатѣ, а у Ольги Дмитріевны. — Берите!.. Мѣсто я получилъ, милая сосѣдка!.. Вотъ вамъ спрыски!.. Деньжищъ цѣлая Калифорнія!..

Она увидала коробку съ конфетами, бросилась къ нему и звонко поцѣловала его.

Онъ растерялся; она тоже потупилась, покраснѣла. Онъ не ждалъ этого; она не хотѣла этого. Все вышло какъ-то само-собою. Потомъ оба расхохотались. Заговорили вдругъ, торопясь, стараясь дѣлать видъ, что ничего не случилось. Дѣти такъ дѣлаютъ, набѣдокуривъ: «это киска опрокинула банку съ вареньемъ, а не пай-дѣвочка»...

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Жизнь въ семьѣ Домгофа начиналась рано.

Являясь на дачу немного ранѣе девяти часовъ, Борисъ Михайловичъ заставалъ всѣхъ женщинъ уже въ такомъ видѣ, точно никто и не спалъ,—освѣженныхъ купаньемъ, причесанныхъ, стянутыхъ въ корсеты, безъ заспанныхъ глазъ, съ вышивками, вязаньями и газетами въ рукахъ. Утреннихъ блузъ, капотовъ, чепчиковъ здѣсь, казалось, и не существовало.

Завидѣвъ юношу, мальчуганы тащили его прямо въ столовую, въ этотъ сборный пунктъ утреннихъ собраній всего женскаго населенія дачи. Здѣсь вокругъ большого стола сидѣли дѣвочки, молодыя дѣвицы, пожилыя дамы, цѣлый пансіонъ женщинъ подъ предсѣдательствомъ граціозной, высокой распорядительницы хозяйствомъ. Уже за нѣсколько комнатъ можно было разслушать шумъ этого улья, говорливаго, работящаго. Переступивъ порогъ этой комнаты, Тепловъ едва успѣвалъ поздороваться со всѣми, какъ его засыпали вопросами, разсказами, новостями. Распорядительница хозяйствомъ, ласково улыбаясь, замѣчала:

— Ахъ, подождите, дайте Борису Михайловичу напиться чаю!—и, обращаясь къ Теплову, продолжала:—Не слушайте ихъ и пейте. Вамъ чего: чаю или молока?

Борисъ Михайловичъ конфузился, отвѣчалъ:

— Все равно, что-нибудь!

Тогда распорядительница опять съ улыбкой заканчивала:

— Значитъ и того, и другого!

Всѣ смѣялись, но смѣялись такимъ смѣхомъ, какъ будто говорили юношѣ:

— Да ты не конфузься! Видишь, мы какіе простые! У насъ можно быть какъ дома, можно быть своимъ человѣкомъ.

И, присмотрѣвшись немного къ этой семьѣ, Тепловъ увидалъ, что въ ней и нельзя быть не «своимъ», такъ какъ всѣ здѣсь были свои и только свои. Тепловъ даже не сразу разобрался, кто здѣсь кому родня. Одно онъ только узналъ сразу, что все хозяйственное управленіе сосредоточено въ рукахъ «Tante Malchen», той высокой, стройной женщины, которая каждое утро стоитъ у чайнаго стола и надѣляетъ всѣхъ чаемъ, молокомъ, булками. Познакомившись съ Tante Malchen, онъ сразу убѣдился, что Домгофы—не евреи, а

нѣмцы, такъ какъ только у нѣмцевъ въ каждой семьѣ есть своя Tante Malchen.

Tante Malchen дѣвушка. Сколько ей лѣтъ—этого никто не знаетъ: дѣвственно стройный станъ, лицо съ румянцемъ семнадцатилѣтней дѣвицы, восторженность только-что вышедшей изъ школы пансіонерки, легкость поступи, какая встрѣчается только у молодыхъ дѣвушекъ, все это говоритъ, что она очень молода; но въ ея темныхъ, волнистыхъ волосахъ пробивается сильная сѣдина, около глазъ, подъ подбородкомъ, около ушей замѣтны сотни черточекъ, точно проведенныхъ перочиннымъ ножомъ, по всѣмъ этимъ признакамъ ей можно дать много лѣтъ. Она, впрочемъ, никогда не говоритъ о своихъ лѣтахъ, не изъ желанія молодиться, а скорѣе потому, что она не придаетъ уже давно значенія этому вопросу: она давно рѣшила, что въ ея годы замужъ не выходятъ, примирилась съ этимъ, не думала объ этомъ—значитъ нечего и говорить о годахъ. Ей и некогда было думать объ этомъ, такъ какъ у Tante Malchen были на рукахъ цѣлый домъ, цѣлая толпа дѣтей, цѣлая масса заботъ. Поглощенная всею суетою дня, Tante Malchen сумѣла, однако, сохранить въ себѣ любовь ко всему прекрасному и могла еще восхищаться поэзіей,—красотой солнечнаго заката и звучностью стиха. Правда, иногда это вело къ нѣкоторымъ комическимъ сценамъ. Слушая какое-нибудь стихотвореніе, она вдругъ вспоминала о необходимости сходить въ кухню и, останавливая чтеніе стихотворенія на половинѣ, она говорила:

— Подождите, я сбѣгаю по хозяйству.

Потомъ она возвращалась и говорила:

— Ну, теперь продолжайте!

И когда стихотвореніе дочитывалось, она первая выражала свой восторгъ. Въ Tante Malchen соединились библейская Марѳа и Марія и уживались между собою въ полной гармоніи.

Рядомъ съ Tante Malchen рѣзко выдѣлялась другая, такая же подвижная, такая же хлопотливая личность, mademoiselle Дюмонъ, гувернантка дочерей Домгофа, занимавшаяся еще и съ мальчиками. Это была истая француженка, уроженка юга, средняго роста, кругленькая, съ волосами цвѣта воронова крыла, съ смуглымъ цвѣтомъ лица, съ блестящими черными глазами, съ быстрымъ говоромъ. Въ ней сразу чувствовалась женщина-практикъ, понимающая обстоятельствами своей жизни, никогда не унывающая,

умѣющая всегда быть съ веселымъ лицомъ въ обществѣ, зная, что хмурыхъ физіономій люди не любятъ. Она была въ домѣ и воспитательницей, и учительницей, и компаньонкой, и совѣтницей въ вопросахъ о нарядахъ, о вечерахъ, о выѣздахъ въ театры. Въ дѣлѣ всякихъ модныхъ пустяковъ она была такимъ же знатокомъ, какъ Tante Malchen въ поэзіи.

За спиною этихъ двухъ дѣвушекъ могла спокойно отдыхать поработавшая не мало на своемъ вѣку, пережившая и нужду, и горе госпожа Домгофъ. Это худощавое созданье съ рѣдкими бѣлокурыми волосами, съ лицомъ, покрытымъ морщинками, съ тонкими руками, пальцы которыхъ хранили въ опухшихъ суставахъ слѣды ревматизма, смотрѣла равнодушнымъ, иногда нѣсколько насмѣшливымъ взглядомъ на все, на роскошь обстановки, на свое богатство, на положеніе мужа въ обществѣ, и любила только одно—покой своей семейной жизни. Она даже нѣсколько конфузилась и терялась въ большомъ обществѣ и, когда гости уѣзжали, не безъ горечи говорила въ своемъ тѣсномъ кругу:

— Насъ картонную аристократію, только тогда и знаютъ, когда у насъ есть деньги, чтобы кормить на убой.

Познакомившись съ этими женщинами, Тепловъ точно упалъ съ неба на землю: онъ ожидалъ увидѣть чванную, надутую семью, а увидалъ самую обыкновенную семью нѣмецкихъ бюргеровъ, гдѣ никакія тысячи не могли заставить людей забыть, что за кухней нуженъ хозяйскій глазъ, что сложа руки скучно сидѣть тогда, когда можно шить, вязать и вышивать, что блестящая обстановка нужна только для поддержанія связей, а вовсе не ради страсти къ мотовству, что роскошь не составляетъ еще счастія, котораго нужно искать въ чемъ-то другомъ. Въ этихъ же идеяхъ росли и дѣти Домгофа: младшая дѣвочка, Гретхенъ, девяти лѣтъ, уже умѣла вязать чулки и въ тамбуръ, старшая, четырнадцатилѣтняя Александрина, уже посѣщала съ Tante Malchen кухню, мальчуганы—десятилѣтній Густавъ былъ ловкимъ для своихъ лѣтъ столяромъ, а двѣнадцатилѣтній Оскаръ отлично рѣзалъ и пилилъ изъ дерева разныя мебельныя и комнатныя украшенія, этажерки, рамки, подставки для книгъ.

Попавъ въ этотъ кружокъ, Тепловъ сначала очень конфузился и смущался, но всѣ точно сговорились ободрять его—Tante Malchen своей мягкой привѣтливостью, mademoiselle Дюмонъ своей развязной веселостью, а госпожа Домгофъ, обыкновенно серьезная и равнодушная на видъ, двумя

тремя мѣтко попавшими въ цѣль фразами. Видя какъ-то замѣшательство Бориса, она сказала ему:

— Вы такъ же теряетесь въ обществѣ, какъ я. Я разъ въ одномъ важномъ домѣ варенье въ шоколадъ положила изъ желанія, чтобы меня не угощали и оставили въ покоѣ. И выпила, ничего!

И тѣмъ же тономъ иронiи она со вздохомъ прибавила:

— Да, тяжело быть въ чужомъ кругу. Я долго не знала, какъ надо быть во время визитовъ къ кому-нибудь—въ обѣихъ перчаткахъ или въ одной. Это меня ужасно мучило.

Tante Malchen замѣтила:

— А теперь научились?

— Теперь я въ вязаныхъ напульсникахъ и въ какихъ-то рукавицахъ на мѣху визиты дѣлаю,—съ усмѣшкой отвѣтила госпожа Домгофъ.

И со вздохомъ она прибавила:

— О, если бы Антону уже было не нужно, чтобы и я поддерживала связи, я никуда бы не ѣздила. Ему можетъ быть лучше, какъ чувствовать, что у тебя уже есть свой уголъ, своя семья, отгороженные стѣной отъ остального міра.

И она съ участіемъ разспрашивала Теплова: всегда ли онъ былъ такимъ одинокимъ? Нѣтъ, жилъ въ деревнѣ, подъ крыломъ любящей тетки. О, это большое счастье. Впрочемъ, стоитъ на него взглянуть, чтобы понять, что на немъ лежатъ слѣды семейнаго воспитанія. Ему, вѣрно, тяжело теперь одиночество. Еще бы! Ну, вотъ нужно попривыкнуть къ ихъ семьѣ, сдѣлаться въ ней своимъ. У нихъ всѣ свои. Ужасно тяжело, когда въ домѣ есть чужіе. Это стѣсняетъ. Только и можно жить со своими...

И Тепловъ начиналъ чувствовать, что и онъ становится у нихъ своимъ.

II.

За обѣдомъ къ кружку женщинъ присоединялись мужчины: Антонъ Ѳедоровичъ всегда возвращался изъ города не одинъ, а съ кѣмъ-нибудь изъ служащихъ съ нимъ въ банкѣ. Эти люди были тоже своими въ домѣ, то-есть племянниками, кузенами, сводными братьями Домгофовъ. Они смотрѣли по большей части трудящимися, простыми, односторонними нѣмцами, не только не выдумавшими пороха, но даже не изъявлявшими и стремленія выдумывать его. Они, повидимому, были убѣждены, что все необходимое въ

мірѣ уже сдѣлано, и каждому человѣку остается только тянуть ту телѣгу, въ которую его впрягла судьба—военному шагать на плацъ-парадахъ, бухгалтеру подсчитывать цифры, чиновнику переписывать бумаги, а въ свободное время, такъ или иначе, согласно положенію въ обществѣ и состоянію, «sich amüsiren», то-есть, пить пиво, играть въ кегли, посѣщать театры, прочитывать, для развлеченія, что дѣлаетъ Бисмаркъ, гдѣ находится холера, сколько топится, вѣшается и стрѣляется людей, и много ли бываетъ въ годъ писемъ безъ адресовъ.

Изъ ихъ среды выдѣлялся только Антонъ Ѳедоровичъ, какъ выдѣляется генералъ въ средѣ прапорщиковъ тѣмъ, что онъ можетъ командовать, а они считаютъ долгомъ говорить: «слушаю-съ!» Онъ говорилъ такимъ тономъ, что никто не смѣлъ ему возражать; вслѣдствіе этого, принимая молчаніе за знакъ согласія, онъ признавалъ себя геніемъ, имѣющимъ правильныя воззрѣнія на всѣхъ и на все. У него были на все свои опредѣленные безапелляціонные взгляды: на политику Бисмарка, на причины паденія Наполеона III, на причины нашихъ финансовыхъ затрудненій, на таланты величайшихъ писателей, на достоинства музыкальныхъ произведеній. Иногда онъ казался круглымъ глупцомъ и невѣждой; иногда, казалось, что это беззастѣнчивый нахалъ и наглецъ. Въ сущности, онъ не былъ ни тѣмъ, ни другимъ, а былъ просто вліятельнымъ богачомъ, которому уже давнымъ-давно люди говорили только: «вы совершенно правы». Когда онъ не говорилъ о томъ, чего онъ не знаетъ, чего ему некогда знать, когда онъ не считалъ нужнымъ казаться важнымъ человѣкомъ, онъ былъ очень милымъ бюргеромъ, сохранившимъ больше пристрастія къ пиву, чѣмъ къ тонкимъ винамъ, больше склонности къ кегельбану, чѣмъ къ шекспировскимъ драмамъ, больше привязанности къ просторнымъ штанамъ и пиджакамъ сѣренькихъ цвѣтовъ, чѣмъ къ узкимъ чернымъ панталонамъ и фракамъ и бѣлымъ галстукамъ... Впрочемъ, все это знала только его Каролина Карловна, а посторонніе могли только угадывать это: Домгофъ именно тѣмъ и отличался отъ жены, что онъ боялся высказывать свои вкусы открыто и прямо, тогда какъ она не боялась этого, ему все еще казалось, что его не станутъ такъ уважать, если онъ скажетъ прямо, что онъ невѣжда, что онъ плюетъ на всякія приличія, что онъ будетъ жить по своему вкусу; она же давно пришла къ убѣжденію, что если она явится въ обществѣ въ холстинковомъ платьѣ, то

и тогда это общество скажетъ: «о, какъ оригинальна madame Domhoff».

Какъ-то, наигравшись до поту въ кегли съ Домгофомъ, его дѣтьми и родственниками, Борисъ Михайловичъ вдругъ увидалъ, что онъ рисовалъ себѣ совсѣмъ инымъ человѣкомъ Домгофа.

— И чего я его боялся! Вообще чего я боялся ихъ всѣхъ?— спрашивалъ онъ себя.

И ему даже стало смѣшно на себя.

— Люди, какъ люди, да еще простые и добрые люди,— закончилъ онъ.

III.

Теплова смущало только одно лицо въ домѣ Домгофа— шестнадцатилѣтняя дѣвушка, двоюродная племянница господина Домгофа.

Ея худенькое личико хранило слѣды еврейскаго происхожденія. Она была скорѣе не хороша, чѣмъ хороша собою. Можетъ-быть, это происходило отъ худобы, отъ ея какъ бы запоздавшаго развитія. Костлявыя формы, слишкомъ большой ротъ, плотоядные бѣлые зубы, черезчуръ часто показывавшіеся наружу, широкія скулы, узкій лобъ съ цѣлой шапкой непокорныхъ черныхъ волосъ, продолговатые черные глаза съ желтоватыми бѣлками. Такія лица встрѣчаются часто на рисункахъ тѣхъ книгъ, гдѣ описывается древній Египетъ. Она только годъ какъ жила у Домгофовъ, вывезенная изъ какой-то трущобы, гдѣ погибли въ нищетѣ ея отецъ и мать. Она еще была малограмотна, плохо развита, почти не воспитана. Слѣды невѣжественной и нищей среды еще не были смыты, несмотря на всѣ усилія Tante Malchen, Каролины Карловны и mademoiselle Дюмонъ.

Съ первой же встрѣчи съ нею, Тепловъ былъ смущенъ ея отношеніемъ къ нему. Она почти не кланялась ему, не говорила съ нимъ, не обращала на него вниманія. Это не была ни застѣнчивость, ни дикость: это было пренебреженіе къ наемному учителю. Если бы Борисъ Михайловичъ и сомнѣвался въ этомъ, то его сомнѣніе могло легко разсѣяться при одномъ посѣщеніи.

Къ Домгофу во время завтрака пріѣхалъ однажды съ визитомъ какой-то важный старикъ, съ сыномъ камеръ-пажомъ. Каролина Карловна велѣла принять гостей въ столовую, сдѣлавъ гримасу и мелькомъ замѣтивъ Tante Malchen:

— Можетъ-быть, надо бы въ гостиной принять?

Когда гости вошли и усѣлись у стола, старикъ, любезничая съ хозяйкой, спросилъ:

— А это ваша старшая дочь?

Онъ указалъ глазами на Клару.

— Племянница моего мужа.

Старикъ раскланялся. Тепловъ обратилъ вниманіе на молодую дѣвушку. Ея худыя щеки горѣли до самыхъ глазъ яркимъ румянцемъ, глаза тоже блестѣли и пожирали молодого камеръ-пажа. Когда гости уѣхали, она съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ обратилась къ госпожѣ Домгофъ:

— Это очень важный господинъ?

Госпожа Домгофъ отвѣтила своимъ обыкновеннымъ тономъ:

— Онъ долженъ твоему дядѣ нѣсколько тысячъ, значитъ важный. Не важному столько не повѣрили бы въ долгъ.

— Но онъ весь въ золотѣ, этотъ молодой человѣкъ!

Госпожа Домгофъ опять усмѣхнулась:

— Это мишура!

— Это такъ красиво!

Молодая дѣвушка сдвинула брови и задумалась.

Черезъ нѣсколько дней эти же два господина пріѣхали снова. Клара увидала ихъ первая и, запыхавшись, прибѣжала къ теткѣ сказать о ихъ пріѣздѣ. Опять ея худыя щеки покрылись яркимъ румянцемъ, и глаза горѣли, какъ раскаленные уголья. Тетка даже разсердилась на нее, зачѣмъ она докладываетъ? На это есть слуги. На этотъ разъ камеръ-пажъ заговорилъ съ молодой дѣвушкой; она торопливо стала отвѣчать на его вопросы, путаясь и стыдясь за свое произношеніе. Когда посѣтители уѣхали, она почти въ слезахъ обратилась къ mademoiselle Дюмонъ:

— Ахъ, мнѣ надо учиться, учиться! Я совсѣмъ осрамилась передъ этимъ господиномъ! Что онъ подумаетъ обо мнѣ!

Госпожа Домгофъ услыхала ея слова и отвѣтила:

— Онъ подумаетъ: она такъ гадко говоритъ по-французски, что у нея вѣрно милліонъ приданаго...

Тепловъ подмѣтилъ какой-то зловѣщій огонекъ въ глазахъ молодой дѣвушки. Казалось, она думала про тетку: «если бы я смѣла, я растоптала бы тебя ногами».

«Эта у нихъ никогда не будетъ своею!» — подумалъ Борисъ Михайловичъ, ощущая что-то въ родѣ безпричинной антипатіи къ Кларѣ.

Но, задумавшись о томъ, что она никогда не будетъ въ

этомъ домѣ «своею», онъ впервые задалъ себѣ вопросъ: «а какъ онъ, Тепловъ, сдѣлался здѣсь своимъ? Облагодѣтельствовали, пригрѣли, какъ нищаго, вотъ онъ и радъ, и думаетъ, что онъ свой». До этой минуты ему ни разу не приходила въ голову эта мысль; теперь она начала его мучить. Онъ былъ самолюбивъ, онъ всегда хотѣлъ быть самостоятельнымъ. Его теперь начинало коробить отъ сознанія, что его первый житейскій успѣхъ есть слѣдствіе чужой доброты, благодѣянія, благотворительности...

IV.

Тепловъ не могъ уловить ни одного намека на то, что ему покровительствуютъ, благодѣтельствуютъ. Видя простоту обращенія Домгофовъ, онъ вздыхалъ свободнѣе и увѣрялъ себя, что это просто добрые люди, даже и не думающіе, что они оказываютъ благодѣяніе. Но стоило ему столкнуться съ Кларой, встрѣтить ея пренебрежительный взглядъ, и онъ чувствовалъ себя униженнымъ, призрѣннымъ нищимъ. Онъ начиналъ питать къ ней глухую ненависть, какъ къ человѣку, смущавшему его душевный покой, задѣвавшему его самолюбіе. Ради нея онъ уже не могъ говорить спокойно о своемъ положеніи въ домѣ Домгофовъ. Онъ успѣлъ уже сгоряча написать теткѣ о своемъ счастіи, о миломъ отношеніи къ нему семьи Домгофовъ, когда же получился отвѣтъ старушки со словами: «Дай Богъ здоровья этимъ добрымъ людямъ, что они тебя пригрѣли»,—въ немъ поднялась цѣлая буря. Голоднаго нашли, нищаго отыскали и благодѣтельствуютъ! Да, именно такъ! Это онъ читаетъ въ каждомъ взглядѣ Клары. Она не умѣетъ притворяться и маскировать то, что умѣютъ скрывать Домгофы.

Каждый разъ, возвращаясь отъ Домгофовъ, онъ слышалъ разспросы Ольги Дмитріевны: Какъ идутъ его дѣла? Хорошо ли ему? Сначала онъ отвѣчалъ на эти вопросы восторженными отзывами о Домгофахъ, потомъ начали проскальзывать фразы: «Еще бы не хорошо!—няньчатся съ нищимъ!»

— Ну, опять, вѣрно, Кларка чѣмъ-нибудь насолила?—замѣчала въ подобныхъ случаяхъ Діодатова.

Она уже знала всѣхъ Домгофовъ по именамъ и племянницу Домгофа иначе не звала, какъ Кларкой. Она се ненавидѣла вмѣстѣ съ Тепловымъ, говоря, что и она, Ольга Дмитріевна, не мало такихъ «сходницъ» встрѣчала на свѣтѣ.

Разъ какъ-то она замѣтила ему:

— Да, можетъ-быть, она бѣсится на васъ, что вы на нее не обращаете вниманія, красотой ея не прельщаетесь?

— Очень ей нужны мои ухаживанья!—отвѣтилъ Борисъ Михайловичъ.—Она и вниманія на нихъ не обратила бы. Ей нужны богатые обожатели, чтобы тряпки ей могли дарить.

И онъ разсказалъ, какъ при немъ разгорѣлись глаза и щеки у Клары, когда пришла модистка.

— Всю картонку она перерыла, точно голодная волчица добычу завидѣла,—говорилъ онъ.—Я никогда такой жадности и зависти не видѣлъ. Каждую тряпочку примѣрила къ себѣ, перещупала дрожащими руками. Кажется, она готова была бы украсть всѣ эти вещи, если-бъ было можно...

— Да она изъ евреекъ? Онѣ всѣ жадныя!

— Кто ее знаетъ, изъ какихъ она? Знаю я только, что такая жена любого мужа разоритъ на тряпки. Жаль того, кому она попадется!

Иногда онъ, возвращаясь домой, не заходилъ къ Ольгѣ Дмитріевнѣ и, войдя въ свою комнату, раздѣвался и ложился въ постель. Тогда изъ-за стѣны слышалось:

— Ну, Борисъ Михайловичъ, вы, вѣрно, сегодня совсѣмъ не въ духѣ?

— Нѣтъ, усталъ,—отзывался онъ.

— А что Кларка ваша?

— Что, сегодня ужъ совсѣмъ безцеремонно вела себя. Пріѣхалъ къ нимъ какой-то юный франтъ, всѣ сидѣли на террасѣ, я былъ съ дѣтьми въ саду. Франтикъ спросилъ обо мнѣ Клару: «а этотъ господинъ вашъ родственникъ?» Она громко отвѣтила: «нѣтъ, нанимаютъ его, чтобы приходилъ смотрѣть за мальчиками». Ужъ лучше бы прямо сказала, что я дядька, лакей...

— Ишь вѣдь зелье какое! Ей-Богу, она влюблена въ васъ!

— Выдумали! Есть въ кого влюбиться!

— Въ васъ-то!—воскликнула Ольга Дмитріевна.—Да въ васъ всякая влюбилась бы!

Борисъ Михайловичъ даже разсмѣялся этому наивному восклицанію.

Его уже не стѣсняли эти разговоры вечеромъ черезъ стѣну, когда и онъ, и молодая дѣвушка лежали въ постеляхъ. Это вошло какъ-то въ привычку. Иногда, лежа такъ въ своихъ комнатахъ, они не только передавали свои тревоги и неудачи другъ другу, но сговаривались идти куда-нибудь на другой день вечеромъ: въ Екатерингофъ, въ Демидовскій садъ, въ Лѣтній садъ.

Борисъ Михайловичъ принималъ менѣе участія въ невзгодахъ Ольги Дмитріевны, чѣмъ она въ его судьбѣ. Онъ только на ея вопросы разсказывалъ ей о своихъ мелкихъ непріятностяхъ, а она, не дожидаясь его вопросовъ, выкладывала передъ нимъ все, что случалось съ нею. Она не понимала, не подмѣчала этихъ тонкостей, но не могла не понять того, что ея жизнь стала полнѣе, разнообразнѣе, веселѣе со времени ихъ болѣе близкаго знакомства; ей теперь было съ кѣмъ болтать о разныхъ мелочахъ, около нея былъ теперь человѣкъ, съ которымъ она могла въ свободные часы гулять. Эти прогулки подъ руку, въ лѣтніе вечера, по тѣнистымъ аллеямъ садовъ, подъ звуки музыки или пѣнія, съ питьемъ чая гдѣ-нибудь въ уголкѣ сада, съ разговорами о всякихъ пустякахъ имѣли свою прелесть не только для молодой дѣвушки, но и для Теплова. Она забывала о сценахъ съ отцомъ и мачихой изъ-за купца, все еще «сватавшагося» къ ней; онъ не чувствовалъ своего одиночества, слыша около себя веселое щебетанье. Ни онъ, ни она ни разу не задумались о томъ, что это, можетъ-быть, прологъ къ любви. На любовь не было даже намека, если не считать намеками случайныя фразы.

— Вонъ, смотрите, влюбленная парочка идетъ и шепчется,—говорила Ольга Дмитріевна.

— Почему же непремѣнно влюбленная? Можетъ-быть, такъ же гуляютъ, какъ мы,—отвѣчалъ онъ.

Она смѣялась.

— А они, можетъ-быть, про насъ то же говорятъ.

— Что то же? что мы просто гуляемъ?

Они начинали смѣяться оба.

Иногда же какая-нибудь шансонетка приводила въ такой восторгъ Ольгу Дмитріевну, что она, держа подъ руку Теплова, крѣпко прижималась къ нему и шептала:

— Спасибо вамъ, ничего бы я безъ васъ не видѣла и не слышала.

— Я очень радъ, что вамъ весело,—отвѣчалъ онъ, тоже пожимая локтемъ ея руку.

Потомъ, въ полумглѣ лѣтней ночи, по улицамъ затихшаго города, тихими шагами они возвращались домой, какъ братъ съ сестрой, расходились по своимъ комнатамъ, и Тепловъ слышалъ, какъ она раздѣвалась, напѣвала слышанные мотивы, укладывалась спать, сладко зѣвая, потягиваясь на постели...

V.

У надворнаго крыльца дачи Домгофа стоялъ экипажъ изъ плетенаго камыша, запряженный парой маленькихъ откормленныхъ лошадей въ англійской упряжи. Въ экипажъ усѣлись Борисъ Михайловичъ и оба его воспитанника. Старшій изъ мальчугановъ взялъ вожжи, конюхъ отпустилъ лошадей, и «корзинка» безшумно покатилась по тѣнистымъ аллеямъ Каменнаго острова.

Душистый воздухъ августовскаго дня, роскошная растительность парка, быстрая ѣзда въ мягко покачивающемся экипажѣ, полное душевное спокойствіе, безъ заботы о завтрашнемъ днѣ, все это привело въ какое-то странное состояніе Теплова. Ему казалось, что онъ уснулъ въ одинъ изъ весеннихъ дней, и ему снятся чудные сны. Онъ почти боялся, что настанетъ время пробужденія. Дѣйствительно, развѣ не сонъ все то, что вдругъ неожиданно произошло съ нимъ. Вотъ уже болѣе трехъ мѣсяцевъ, какъ онъ проводитъ по три дня на дачѣ Домгофа и какъ проводитъ; чужой, не замѣчаемый никѣмъ, подозрѣвающій, что его всѣ презираютъ въ этомъ домѣ, онъ внезапно дѣлается здѣсь своимъ человѣкомъ, присутствуетъ на завтракахъ и обѣдахъ семьи, принимаетъ участіе въ играхъ въ серсо, въ воланы, въ крокетъ, въ кегли, съ дѣтьми, съ Домгофомъ и его родственниками, ходитъ купаться въ роскошно устроенную ванну, дурачится вмѣстѣ съ ними, катается въ превосходныхъ экипажахъ и, что главное, не можетъ надивиться простотѣ обращенія съ нимъ всей семьи, начиная съ самого всегда серьезнаго Домгофа и кончая его типичной, относящейся ко всему съ ироніей, женой. Да, онъ былъ бы вполнѣ счастливъ, если бы Клара своимъ отношеніемъ къ нему не заронила въ его душу горькаго сознанія, что ему благодѣтельствуютъ, что его пригрѣли, можетъ-быть, ради того, что въ немъ увидали голоднаго нищаго. Вспоминая это, онъ краснѣлъ, смущался, не зналъ, какъ себя держать, а между тѣмъ никто изъ окружающихъ, кромѣ Клары, ни разу даже не намекнулъ, что онъ—предметъ благодѣяній. Порой эта простота отношеній заставляла его удивляться семьѣ Домгофовъ, видѣть въ ней что-то необыкновенное, выходящее изъ ряду вонъ по добротѣ, по умѣнью помогать ближнимъ. Бывали минуты, когда онъ начиналъ проникаться благодарностью къ этой семьѣ и сейчасъ же съ горечью ловилъ себя на этомъ чувствѣ облагодѣтельствованнаго и принизившагося нищаго. Иногда

же удачи, комфортъ, безтревожное житье брали верхъ надъ всякими рефлексами, и онъ ловилъ минуты счастія безъ думъ, безъ размышленій. Именно съ такимъ чувствомъ онъ ѣхалъ теперь съ мальчуганами.

Они, по обыкновенію, оживленно болтали съ Тепловымъ. Среди этой болтовни Оскаръ замѣтилъ:

— А вы въ ноябрѣ совсѣмъ переѣдете къ нимъ?

— Я еще не знаю,—отвѣтилъ Тепловъ, очнувшись отъ грезъ.

— Да, папа говорилъ. Мы съѣздимъ за границу, а потомъ вы переѣдете къ намъ. Папа вами очень доволенъ,— серьезно докончилъ мальчуганъ.

— Вотъ какъ!

Мальчуганъ продолжалъ откровенничать:

— Папа не вѣрилъ, когда васъ рекомендовали ваши директоръ и ректоръ; онъ думалъ, что вы не такой, какъ про васъ говорили. Молодые люди вѣдь очень дурные бываютъ.

— Почему же только молодые? И старые бываютъ дурными,—замѣтилъ Тепловъ.

— Да, это тѣ, которые молодыми были тоже дурными,— серьезно отвѣтилъ мальчуганъ.—Папа очень боялся, что вы тоже не такой, какъ про васъ говорили. Это очень непріятно, когда въ домѣ и люди, и учителя, и знакомые часто перемѣняются.

Онъ передавалъ то, что слышалъ отъ большихъ, тономъ взрослаго.

— Ну, а теперь папа убѣдился, что я такой, какъ про меня говорили?—спросилъ шутливо Тепловъ.

— О, давно, съ первыхъ уроковъ папа убѣдился, что вы добросовѣстный человѣкъ.

На минуту по лицу Теплова проскользнула улыбка. Его всегда смѣшилъ тонъ Оскара, говорившаго о серьезныхъ и практическихъ вопросахъ совершенно такъ, какъ говорятъ взрослые. Потомъ онъ, пораженный какимъ-то соображеніемъ, серьезно спросилъ:

— Но папа же не зналъ, какъ я занимаюсь. Или вы ему говорили?

— О, нѣтъ! Но всѣ же знали, какъ вы занимаетесь, и папа, и maman, и Tante Malchen. Они же всегда слушали за драпировкой. О, если бы не слѣдить, какъ занимаются новые учителя, что бы было! Можетъ попасться недобросовѣстный учитель, а мы, дѣти, сейчасъ этому и обрадуемся.

Борисъ Михайловичъ почему-то сконфузился; въ его душѣ прошла какая-то тѣнь непріязни противъ Домгофовъ за то, что они «шпіонили» за нимъ, какъ онъ выразился мысленно. Какъ чисто русскій человѣкъ, сходившійся съ кѣмъ ни попало и разочаровывавшійся на другой день въ томъ, съ кѣмъ вчера якшался, какъ съ другомъ, онъ не могъ сразу понять всю законность этой чуждой ему самому осмотрительности и только видѣлъ въ ней шпіонство.

Оскаръ же продолжалъ разсказывать:

— У насъ одинъ разъ былъ такой учитель, который, вмѣсто занятій съ нами, картинки рисовалъ или газеты читалъ. Нѣтъ, ужъ вы не такой, минуты у васъ на урокѣ не пропадетъ. Папа говорилъ, что трудно и повѣрить, что вы русскій.

— Оскаръ, Оскаръ, правѣй!—крикнулъ Густавъ заболтавшемуся брату, чуть не наѣхавшему на возъ съ сѣномъ.

Оскаръ потянулъ вожжами вправо и, продолжая прерванный разговоръ, спросилъ Теплова:

— А вы все въ той же маленькой комнатѣ живете и теперь, гдѣ жили весной?

— Да, тамъ же. Но вы почему знаете, что у меня маленькая комнатка?

— Onkel Franz говорилъ. Онъ вѣдь ѣздилъ справляться у вашей хозяйки о васъ.

И опять мальчикъ сталъ вдаваться въ подробности, какъ отозвалась о Тепловѣ госпожа Швецова, какъ папа, т. е. самъ Домгофъ, удивился скромности Теплова, его умѣнью самостоятельно жить безъ чужой помощи, просиживать цѣлые дни за работой.

— Папа сказалъ, что вы далеко пойдете, — закончилъ Оскаръ.

— Вотъ какъ! — съ ироніей и досадой сказалъ Борисъ Михайловичъ.

Онъ чувствовалъ себя скверно, былъ раздраженъ, былъ недоволенъ кѣмъ-то и чѣмъ-то. Сразу онъ не могъ ничего осмыслить, выяснить себѣ.

Когда они вернулись на дачу, дѣти побѣжали въ комнаты, а Тепловъ сталъ медленно подниматься на террасу. На террасѣ сидѣла Клара и съ разгорѣвшимся лицомъ смотрѣла на проѣзжавшіе экипажи, отложивъ въ сторону книгу, облокотясь на перила, положивъ подбородокъ на ладони рукъ. Теплову вдругъ захотѣлось раздразнить ее.

— А вы все лѣнитесь? — замѣтилъ онъ: — mademoiselle Дюмонъ опять будетъ недовольна.

Она медленно повернула голову, смѣрила его глазами, не столько съ раздраженіемъ, сколько съ презрительнымъ удивленіемъ. Ей было странно, какъ онъ смѣетъ говорить съ ней такъ.

— Я не готовлюсь въ наемныя гувернантки и могу учиться столько, сколько хочу,—отвѣтила она.

Онъ засмѣялся съ безцеремонной насмѣшливостью.

— Гдѣ же вамъ думать объ этомъ! Отъ наемныхъ гувернантокъ и гувернеровъ такъ много требуется. Спросите вотъ у Каролины Карловны или Антона Ѳедоровича. Тутъ нужно имѣть много знаній, хорошее поведеніе, умѣнье держать себя съ тактомъ, уживчивый характеръ, серьезный умъ, добросовѣстность!

И уже совсѣмъ дерзко онъ добавилъ:

— Барышней всякая молодая дѣвушка можетъ быть; гувернанткой—одна изъ тысячъ.

Блѣдная, какъ мертвецъ, точно очнувшаяся отъ злобы, съ бровями, слившимися въ одну узенькую полоску, Клара поднялась съ мѣста и, сверкая глазами, проговорила задыхающимся голосомъ:

— Какое право имѣете вы дѣлать мнѣ дерзости?

— А вы думаете, что это право дано только вамъ?—сказалъ Тепловъ.

Только въ эту минуту, поднявъ глаза на вытянувшуюся во весь ростъ Клару и немного повернувшись, чтобы уступить ей дорогу, онъ увидалъ, что въ дверяхъ изъ комнаты на террасу стоитъ госпожа Домгофъ съ серьезнымъ лицомъ, съ едва замѣтной иронической улыбкой. Онъ не почувствовалъ ни смущенія, ни робости и прямо глядѣлъ на нее.

— Хорошо прокатались?—спросила она его, не обращая вниманія на волненіе Клары.—Сегодня превосходный день!

— О, да! И я себя чувствую лучше, чѣмъ когда-нибудь,—весело отвѣтилъ онъ.

Она усмѣхнулась. Онъ говорилъ правду. Съ него точно свалилось какое-то бремя.

VI.

Тепловъ точно внезапно выросъ, точно у него отросли крылья. Такъ вотъ почему такъ хороши съ нимъ Домгофы, они увидали въ немъ «своего» человѣка, дѣловитаго, трудящагося, скромнаго. Они дорожатъ имъ, а не благодѣтельствуютъ ему. Да, онъ не ошибался, надѣясь на свои силы, на свою стойкость, на свое трудолюбіе. Не фразами

ихъ прельстилъ. Ему вдругъ вспомнился братъ Александръ. О, онъ краснорѣчивъ, а его Домгофы даже не впустили бы въ свой домъ. Да, теперь нужны люди дѣла, а не фразы. Съ фразерствомъ далеко не уйдешь и никому не принесешь пользы. Въ немъ вдругъ шевельнулось желаніе написать теткѣ, Варѣ, брату все то, что онъ узналъ. Пусть не думаютъ, что ему повезло случайное счастье, пусть знаютъ, что его уже цѣнятъ. Должно-быть, подъ вліяніемъ горячихъ размышленій объ этомъ письмѣ онъ торопился домой. Переступивъ порогъ своей комнаты, онъ прежде всего прислушался, не стучитъ ли машинка сосѣдки, не слышатся ли движенія дѣвушки. Въ ея комнатѣ все было тихо. Неужели она такъ рано улеглась спать? Она обыкновенно ложится поздно. Онъ бросилъ шляпу, пальто, сѣлъ къ письменному столу и, закуривъ папиросу, сталъ обдумывать письмо. Разорвавъ два-три листка съ неудачными началами письма, онъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ. Ему хотѣлось не писать, а говорить, разсказывать, огласить передъ живымъ человѣкомъ свою радость. Онъ подошелъ къ двери въ комнату Ольги Дмитріевны и спросилъ:

— Вы уже легли?

Отвѣта не послѣдовало.

— Гдѣ это она запоздала? Съ ней это рѣдко случается. Вѣрно, какая-нибудь спѣшная работа на сторонѣ задержала. Хотя теперь глухое время. Впрочемъ, еще и не поздно. Не напиться ли чаю? Кстати встрѣтить бы въ кухнѣ Швецову и спросить у нея, какъ справлялся о немъ Onkel Franz.

Онъ вышелъ въ кухню сказать, чтобы ему заварили чаю. Въ кухнѣ, кромѣ служанки, онъ засталъ хозяйку меблированныхъ комнатъ, маленькую, худенькую нѣмку, съ бѣлесоватыми жидкими волосами. Онъ заговорилъ съ ней.

— А у васъ обо мнѣ справлялись весною?

— О, та!—отвѣтила она ломанымъ русскимъ языкомъ.— Я говариль, какій вы прекрасный гаспадинъ.

Она затараторила быстро, перевирая и коверкая русскія слова, разсыпаясь въ похвалахъ Теплову. Она была убѣждена, что за справками къ ней являлся «университетскій начальникъ» или aus der Polizei. Теперь вообще слѣдятъ за молодыми людьми. Она всегда дастъ хорошій аттестатъ молодому человѣку, тѣмъ болѣе, что онъ такъ аккуратенъ, платитъ всегда въ срокъ.

— Конешно, кто бѣденъ, тотъ не могитъ платить во

время. Вотъ бѣдній Ольга Дмитровна не платилъ одинъ и съ половиной мѣсяцъ.

И Швецова, жалѣя и охая, начала толковать о положеніи Діодатовой, задолжавшей за комнату за полтора мѣсяца.

— Хочетъ работой жить. Это глупо. Работой нельзя жить. Вотъ и дѣлаетъ долги. А когда отдастъ?

Тепловъ удивился. Онъ и не зналъ этого. Зачѣмъ не сказала ему этого Ольга Дмитріевна?

Вернувшись въ свою комнату, онъ усѣлся пить чай. У него, впрочемъ, уже пропала охота пить чай. Онъ посидѣлъ немного, походилъ, сталъ раздѣваться. Его мысли теперь вертѣлись около Ольги Дмитріевны. Тяжело ей жить. Что мудренаго, если пойдетъ на содержаніе къ этому мерзавцу-слону. Тяжело вздохнувъ, онъ легъ на постель. Уже не рѣшилась ли она, бѣдняга, сегодня на этотъ шагъ? Денегъ нѣтъ, за квартиру задолжала, надо же найти исходъ. Дѣйствительно, шитьемъ не просуществовать. И какъ это онъ не разспросилъ ее о ея денежныхъ дѣлахъ, о ея нуждахъ. Вѣдь онъ теперь могъ бы ссудить ей хоть немного въ долгъ. При помощи какихъ-нибудь двадцати рублей онъ, можетъ-быть, могъ бы спасти ее отъ паденія. Вѣдь ей нужно только пережить лѣто, осенью работы всегда много, она въ прошломъ году даже брала дѣвочку-помощницу, одна не могла справиться...

VII.

Тепловъ проснулся подъ стукъ машинки въ комнатѣ Діодатовой, протеръ глаза и сѣлъ на постели. Былъ уже бѣлый день.

Молодой человѣкъ всталъ, одѣлся, умылся, приказалъ подать самоваръ. Напившись чаю, онъ окликнулъ Ольгу Дмитріевну. Его смущало, что она не заговаривала съ нимъ, по обыкновенію, первая. Опять въ головѣ шевелились подозрѣнія: не былъ ли вчерашній вечеръ для нея роковымъ? Услышавъ его вопросъ, можно ли войти къ ней, она коротко отвѣтила:

— Входите!

Когда онъ вошелъ въ комнату сосѣдки, его сразу поразили глаза молодой дѣвушки—они опухли и покраснѣли отъ слезъ.

— Что съ вами?—спросилъ онъ, пожимая ея руку.

— Что? Все то же, что и было!—отвѣтила она, принимаясь снова за работу и какъ бы избѣгая продолженія разговора.

Онъ сѣлъ около машинки, тоже смущенный, нерѣшительный, все еще охваченный одной и той же мыслью о ея паденіи.

— Не стыдно ли секретничать?—заговорилъ онъ мягко.— Я случайно узналъ, что у васъ теперь безденежье.

— Теперь! теперь!—воскликнула она раздражительно.— Всегда оно было, всегда оно будетъ! Видно, правду говорятъ, что честнымъ трудомъ не выбиться изъ нужды. Нужно продать себя — вотъ и будутъ деньги. Дура, что ломаюсь! Рожа не мила, а голодъ-то милѣе, что ли?..

Онъ остановилъ ее.

— Полноте! Вотъ придетъ осень, будетъ опять много работы, какъ въ прошломъ году...

Она бросила работу, вскочила.

— Ахъ, что вы мнѣ говорите! Ну, было много работы, ночей не спала, помощницу нанимала, а что заработала? Сыта была кое-какъ, платьишко одно сдѣлала, чтобы голой не остаться, вотъ и все, а пришлось безъ работы остаться— и клади зубы на полку. Вещи зимнія уже заложила, за квартиру полтора мѣсяца не платила. Ну, какъ погонятъ—куда пойду?

Она ходила въ волненіи по комнатѣ.

— Когда стараешься не думать, когда, точно пьяная, махнешь на все рукой, тогда еще и дышишь. А напомнятъ все, оглянешься кругомъ—духъ захватитъ. Вонъ вчера безъ васъ отецъ приходилъ, обманомъ зазвалъ къ себѣ, а тамъ у нихъ этотъ слонъ... Стали всѣ въ три голоса пилить: «Что сладко тебѣ жить? Юбчонку-то послѣднюю еще не заложила? Принца изъ нѣметчины ждешь, что ли? Ты взгляни на сестру! Вздохнула она, барыней ходитъ...» Рады, что одинъ полковникъ лысый въ содержанки взялъ. Счастье!

И упавшимъ, глухимъ голосомъ она добавила:

— Пошла отъ нихъ, утопиться хотѣла, силъ не хватило, жить мнѣ еще хочется... Какой-то баринъ увидалъ, что брожу одна ночью, предложенія дѣлалъ... Скотина!..

Она махнула рукой.

— И то сказать, будь не старикъ, не уродъ, можетъ-быть, и пошла бы...

Борисъ Михайловичъ, сконфуженный за нее, стараясь не глядѣть на нее, тихо повторилъ:

— Полноте клеветать на себя! Честная дѣвушка скорѣй умретъ съ голоду, чѣмъ...

— Да, вы умирали? Знаете, что ли, сколь это сладко?— отозвалась она сердито.

— Не сладко, но и позоръ не сладокъ! — съ упрекомъ сказалъ онъ.

Онъ перемѣнилъ тонъ.

— А вы сядьте да не волнуйтесь. Вотъ вы лучше бы мнѣ сказали, что дѣлишки плохи. У меня деньжонки есть. Кое-чѣмъ могу помочь. Перебьетесь покуда, а тамъ дѣла пойдутъ лучше.

Она сконфузилась и пробормотала:

— Что же я васъ обирать-то буду... не родная...

— Ну, вотъ еще выдумали! Мы хорошіе пріятели. Возьмете въ долгъ; будетъ возможность, отдадите. Все же на время поправитесь.

Она вздохнула.

— Изъ кулька въ рогожку!

Онъ далъ ей двадцать пять рублей.

— Совѣстно мнѣ, право! Беру, а не знаю, могу ли я отдать,—сказала она.

— Ну, довольно объ этомъ!—проговорилъ онъ.—Что будетъ, то будетъ. А сегодня гулять вечеромъ? Разсѣетесь, черныя-то думы и разлетятся прахомъ. Или работа спѣшная есть?

— Какая работа! Кухаркѣ платье шью за два рубля...

VIII.

Ольга Дмитріевна имѣла замѣчательную способность падать духомъ и черезъ минуту оживляться снова. Уплативъ долгъ хозяйкѣ, имѣя въ карманѣ десятокъ рублей, она уже была снова весела и счастлива. Опять Тепловъ слышалъ ея щебетаніе и пѣніе; опять она смѣялась и восхищалась всѣмъ, гуляя съ нимъ. Она была вполнѣ дочерью своего отца: онъ тоже воображалъ себя Крезомъ, когда ему удавалось гдѣ-нибудь занять десятокъ рублей. Занятыя у когонибудь деньги ему всегда казались его капиталомъ...

Борисъ Михайловичъ радовался хорошему настроенію молодой дѣвушки особенно теперь, когда ему самому вдругъ стало какъ-то пусто, скучно, тяжело. Дѣло въ томъ, что въ концѣ августа Домгофы уѣхали за границу. Отъѣздъ сразу уяснилъ молодому человѣку, какъ онъ привязался къ этой семьѣ. Онъ почти со слезами на глазахъ провожалъ семью своихъ учениковъ на желѣзную дорогу. Онъ тосковалъ о людяхъ, пригрѣвшихъ его своею лаской; онъ не безъ грусти думалъ, что онъ не будетъ проводить трехъ дней въ недѣлю среди веселаго общества, изобилія и роскоши; онъ не безъ

горечи испытывалъ нѣчто въ родѣ зависти, думая о томъ, что Домгофы черезъ нѣсколько дней увидятъ Швейцарію, южную Францію, можетъ-быть, Италію, всѣ тѣ страны, которыя такъ бы и облетѣлъ онъ, Борисъ.

Его могло утѣшать только то, что передъ отъѣздомъ Домгофъ позвалъ его къ себѣ въ кабинетъ и уже не официальнымъ, а пріятельскимъ тономъ сказалъ ему:

— Ну-съ, согласны вы, чтобы я васъ законтрактовалъ въ учителя и гувернеры къ дѣтямъ не на мѣсяцъ, не на годъ? Въ эти мѣсяцы мы присмотрѣлись къ вамъ, а вы могли присмотрѣться къ намъ. Рѣшайте!

Борисъ Михайловичъ засмѣялся.

— Антонъ Ѳедоровичъ, вы и такъ знаете мое рѣшеніе!

Домгофъ протянулъ ему руку.

— Значитъ, дѣло рѣшенное. Вотъ вамъ жалованье по первое ноября, а потомъ переберетесь къ намъ.

Тепловъ смутился.

— За что же... вѣдь я не буду заниматься...

Домгофъ усмѣхнулся.

— Я ѣду въ отпускъ тоже съ жалованьемъ. Значитъ, и вы должны получать за это время свои деньги. Разница между нами только та, что я беру отпускъ отъ службы, а у васъ служба беретъ отпускъ отъ васъ.

И совершенно серьезнымъ, дѣловымъ тономъ онъ добавилъ:

— Я вовсе не желаю, чтобъ вы принуждены были искать въ эти два мѣсяца другихъ занятій.

Тепловъ вышелъ изъ кабинета Антона Ѳедоровича сіяющій. Въ столовой сидѣлъ за завтракомъ кружокъ женщинъ, говоря объ отъѣздѣ за границу. Когда вошелъ Борисъ, Каролина Карловна обратилась къ нему съ вопросомъ:

— Ну, порѣшили?

— Да,—отвѣтилъ онъ.

— Значитъ, будете у насъ жить?

— Еще бы!

Мальчики захлопали въ ладоши отъ неподдѣльной радости. Тепловъ даже смутился. Неужели они могли думать, что онъ не останется?

— Я очень рада, — продолжала госпожа Домгофъ. — Вы знаете, какъ мы васъ цѣнимъ.

Борисъ, сконфузившійся, красный, какъ ракъ, пробормоталъ:

— Я такъ вамъ благодаренъ... обязанъ...

— О, хорошее мѣсто гораздо легче найти, чѣмъ хорошаго человѣка на мѣсто,—сказала госпожа Домгофъ.—Вы спросите моего мужа, много ли у нихъ въ банкѣ не только хорошихъ, а сносныхъ работниковъ. А вѣдь служба въ банкѣ не то, что обязанности гувернера и учителя.

Она, что-то вспомнивъ, усмѣхнулась своей обычной иронической улыбкой:

— Впрочемъ, вы это сами лучше меня знаете. Я помню, какъ вы разсказывали Кларѣ, какія качества нужны гувернанткѣ или гувернеру.

Клара нахмурилась, и опять ея глаза сверкнули недобрымъ огнемъ.

— Вы тогда все слышали?—живо спросилъ Тепловъ.

— Да,—отвѣчала госпожа Домгофъ.—Я была вамъ очень благодарна за то, что вы объяснили неопытной дѣвушкѣ то, чего она не понимала. Это было тѣмъ болѣе нужно, что будущее никому неизвѣстно. Теперь ей хорошо, а послѣ, можетъ-быть, и мѣсту гувернантки она будетъ рада. Жизнь такъ измѣнчива. Вѣдь вотъ я же не могла въ семнадцать лѣтъ предполагать, что буду ѣздить въ своихъ экипажахъ, когда у меня въ тѣ годы было всего два ситцевыхъ платья...

И уже совсѣмъ шутливо она закончила:

— Вотъ и вы—теперь гувернеръ у насъ, а потомъ будете, можетъ-быть, директоромъ банка вмѣсто Антона...

По лицу Клары скользнула презрительная усмѣшка. Каролина Карловна замѣтила это и серьезнымъ тономъ прибавила:

— Антонъ, по крайней мѣрѣ, не шутя думаетъ, что васъ ждетъ видная роль... Онъ васъ втянетъ въ банкъ... Жаль только, что вотъ у васъ, если будете служить въ банкѣ, не будетъ такого мундира, какъ у того камеръ-пажа, который удивилъ Клару.

— Fräulein Klara любитъ внѣшній блескъ и думаетъ, что онъ-то и есть самое важное,—шутливо замѣтилъ Тепловъ.

Клара подняла на него сверкающіе, темные, какъ осенняя ночь, глаза и отвѣтила сухимъ тономъ:

— Вы не можете знать, что я думаю, потому что я съ вами никогда не говорила.

— Я надѣленъ даромъ угадчика, — отвѣтилъ тѣмъ же шутливымъ тономъ Борисъ.

И, обратившись къ госпожѣ Домгофъ, прибавилъ:

— Да и угадывать не трудно, когда люди не лгутъ и не притворяются.

— Я не считаю нужнымъ,—начала Клара, почти задыхаясь.

— А я думалъ, что не умѣете,—быстро перебилъ Борисъ.

Она молча отвернулась.

Каролину Карловну забавляли эти мелкія стычки между Борисомъ и Кларой.

Тотчасъ послѣ завтрака вся семья поднялась, и начались сборы въ дорогу. Возвратившись домой съ дебаркадера, Тепловъ былъ унылъ и подавленъ. Ольга Дмитріевна старалась его развеселить. Ну, чего онъ тужитъ? Не навѣкъ уѣхали! Кларку, что ли, жаль? Ужъ вѣрно, онъ скрываетъ: вѣрно, сердце по ней болитъ. А что въ самомъ дѣлѣ, она очень хорошенькая? Нѣтъ? На египтянку похожа? А египтянки какія? Онъ не успѣвалъ отвѣчать. Вечеромъ она сама напросилась гулять съ нимъ. Они пошли въ Лѣтній садъ. Здѣсь Тепловъ встрѣтилъ одного изъ товарищей. Раскланялись, разговорились. Товарищъ сообщилъ, что въ концѣ недѣли онъ и еще двое пріятелей собираются ѣхать на цѣлый день на острова. Отчего бы не ѣхать и Теплову? Тепловъ сказалъ, что онъ, пожалуй, поѣдетъ. Тогда товарищъ его обратился къ Ольгѣ Дмитріевнѣ; а она тоже поѣдетъ? Тепловъ немного смутился и замѣтилъ, что, вѣроятно, компанія будетъ холостая. Оказалось, что нѣтъ, будутъ и дѣвушки. Какія? О, все порядочныя. Діодатова тихонько пожимала локтемъ Бориса, какъ бы прося согласиться. Онъ обѣщалъ пріятелю ѣхать, но просилъ того сначала зайти уговориться. Ольга Дмитріевна готова была скакать и прыгать отъ радости. Тепловъ былъ тоже радъ разсѣяться, но все же онъ останавливалъ ея восторги и говорилъ:

— Надо прежде подробно узнать, кто ѣдетъ. А то еще чортъ знаетъ въ какую компанію попадешь. Мнѣ-то все равно, а вамъ...

— Ну, великая важность, кто поѣдетъ! Не съ Невскаго же!..

Борису стало неловко.

Товарищъ зашелъ къ Теплову на другой день. Начались толки, обсужденія прогулки.

— Да кто ѣдетъ?—спросилъ Тепловъ.

— Я, Вася Сахаровъ и Николай Титовъ, — отвѣтилъ товарищъ.

— Нѣтъ, что за женщины?

— Двоюродная сестра Васи и моя Надя.

Тепловъ нахмурился. Гость замѣтилъ это.

— Моя Надя вполнѣ порядочная дѣвушка, — пояснилъ онъ.—Живетъ шитьемъ. Сахаровъ не взялъ бы свою сестру, если бы онъ не зналъ Надю.

Борисъ Михайловичъ согласился ѣхать. Условились выѣхать въ двѣнадцать часовъ утра въ воскресенье. Каждый долженъ былъ забрать провизію. Въ случаѣ ненастья прогулка отлагалась на понедѣльникъ.

IX.

Три дня Ольга Дмитріевна только и толковала, что объ этой прогулкѣ. Ее даже не занимали теперь прогулки въ Демидовъ садъ, въ Екатерингофъ. Она вся жила предвкушеніемъ веселья, предстоящаго въ воскресенье. Проснувшись въ воскресенье съ пѣтухами, она, босая, въ одной сорочкѣ, подбѣжала къ окну смотрѣть на погоду. День былъ ослѣпительно ярокъ и тепелъ. Она радостно заторопилась одѣваться и чуть не надѣла съ утра шляпки. Ей все казалось, что она и Тепловъ опоздаютъ. Тепловъ тоже развеселился, смотря на оживленіе, на хлопотливость дѣвушки.

Уже въ половинѣ двѣнадцатаго они были на сборномъ пунктѣ и очень изумились, увидавъ, что и другіе забрались на плотъ также рано. Всѣ семеро отрекомендовались другъ другу и засмѣялись, потому что всѣ были знакомы между собою, кромѣ Ольги Дмитріевны Діодатовой. Черезъ пять минутъ всѣ сидѣли уже въ лодкѣ. Двое мужчинъ взялись за весла, одинъ сѣлъ къ рулю, лодка закачалась, двинулась отъ плота и поплыла по Невѣ къ Биржѣ. Противъ теченія было не легко грести, зато, обогнувъ Биржу, лодка могла уже идти почти безъ помощи веселъ. Гребцы порядочно согрѣлись и сняли сюртуки, черезъ нѣсколько минутъ пришлось разстегнуть и жилеты. На лодкѣ шла неумолкаемая болтовня, смѣхъ, шутки. Дѣвушки взвизгивали при встрѣчахъ съ пароходами. Изрѣдка Ольга Дмитріевна взглядывала на Теплова, сидѣвшаго передъ ней въ веслахъ. Онъ раскраснѣлся, его густые бѣлокурые волосы растрепались и лежали косматой шапкой на головѣ, его вышитая малороссійская рубашка при движеніяхъ раскрывалась на секунду спереди и изъ прорѣхи виднѣлась ослѣпительно бѣлая грудь. Онъ показался Ольгѣ Дмитріевнѣ просто красавцемъ. Особенную прелесть имѣла его откровенная улыбка, при чемъ изъ-за яркихъ губъ выглядывали бѣлые, какъ жемчугъ, зубы, а на щекахъ обозначались ямки. Какъ онъ поздоровѣлъ за послѣдніе мѣсяцы! Такимъ ли онъ былъ

весною. «Точно яблочко налился», подумала Ольга Дмитріевна, и ей страстно захотѣлось половливо ущипнуть его, поцѣловать.

— Стопъ, машина! — крикнулъ Никодимъ Ивановичъ Постниковъ, распорядитель прогулки.—Здѣсь привалъ!

Они подъѣзжали къ косѣ Крестовскаго острова. Отыскавъ какіе-то мостки, устроенные на очень жидкихъ жердяхъ, дрожащіе при малѣйшемъ прикосновеніи къ нимъ, они причалили. Началось обсужденіе вопроса, не обвалятся ли мостки, не придется ли выкупаться. Василій Сахаровъ, черноволосый, тонкій юноша, выскочилъ первый на мостки— выдержали.

— Ну, вылѣзайте!

Всѣ повыскакали изъ лодки. Черезъ двѣ-три минуты на косѣ отыскали лужайку, разостлали пледы, разложили провизію: на самомъ берегу на пескѣ развели огонь. Двоюродная сестра Сахарова, Марья Ивановна, хлопотала надъ закуской; Сахаровъ, Титовъ и Тепловъ возились около огня, прилаживая котелокъ и разогрѣвая самоваръ. Постниковъ пошелъ вдоль по косѣ со своей Надей. Ольга Дмитріевна усѣлась на пледъ и засмотрѣлась вдаль. Взморье было неподвижно, какъ зеркало, бѣловато-свинцоваго цвѣта, оно казалось расплавленнымъ свинцомъ подъ лучами солнца. Берега виднѣлись едва замѣтными туманными силуэтами. Кое-гдѣ стояли неподвижно суда, точно застывшія на водѣ. Въ отдаленіи поднимался къ небу дымокъ отъ парохода. Затишье, безлюдье, чудный воздухъ, все это охватило Діодатову какимъ-то новымъ чувствомъ, ей было и хорошо, и томно, точно что-то сжимало грудь безъ боли, но все же сжимало. Ея взоръ пристылъ къ этому необъятному пространству, на свѣтломъ фонѣ котораго выдѣлялись двѣ темныя фигуры Постникова и его Нади. Молодые люди тихо шли впередъ, изрѣдка оглядываясь назадъ. На нихъ никто не обращалъ вниманія. Вотъ она взяла его подъ руку. Вотъ онъ незамѣтно поднесъ къ губамъ ея правую руку. Она быстро обернулась и еще быстрѣе поцѣловала его... Къ лицу Ольги Дмитріевны прихлынула кровь, на секунду все закружилось передъ глазами, и она покраснѣла до самыхъ корней волосъ...

— Ау!.. Самоваръ вскипѣлъ!—раздался крикъ Сахарова.

Постниковъ и Надя повернули назадъ. Началась закуска, питье чаю, вина, пива, говоръ, смѣхъ, потомъ горѣлки, дурачества. Всѣ устали, бросились на пледы. Въ сторонѣ остался

только Титовъ. Онъ забрался въ лодку, улегся въ ней лицомъ къ небу и задремалъ, закинувъ подъ голову руки. Спустя нѣсколько минутъ, Сахаровъ и Постниковъ запѣли: «Нелюдимо наше море». Имъ слегка стали подтягивать Надя и Марья Ивановна. Потомъ полились звуки новой пѣсни, третьей, четвертой... Лежа на пледѣ недалеко отъ Бориса Михайловича, Ольга Дмитріевна вдругъ прошептала:

— Она, эта Марья Ивановна, не сестра Сахарову.

Тепловъ сразу не понялъ.

— Да, она его кузина, двоюродная сестра, а не родная,— отвѣтилъ онъ.

— Нѣтъ, онъ тоже съ ней живетъ, какъ тотъ... Постниковъ со своей Надей... Они тихонько руки другъ другу жмутъ...

Ея голосъ былъ какимъ-то глухимъ. У нея запеклись губы отъ жара...

Солнце уже начинало спускаться, когда всѣ вспомнили, что пора домой. Воздухъ начиналъ свѣжѣть. Со взморья сталъ подувать едва замѣтный вѣтерокъ, рябя воду. Всѣ поднялись, начали собирать остатки припасовъ и посуду, усѣлись въ лодку. Женщины кутались въ пледы. Діодатова, слегка вздрагивая, сказала, что нужно, по пріѣздѣ домой, тотчасъ же напиться чаю.

— А я и не чувствую холода,—замѣтилъ Тепловъ.

— Еще бы, вы пива много выпили!—сказала она.

— А вино развѣ не грѣетъ!—засмѣялся онъ.

— Ну, я, кажется, только двѣ рюмки выпила!—отвѣтила она.

Грести было труднѣе. Гребцы то-и-дѣло мѣнялись. Имъ попробовали помочь дѣвушки, но онѣ и вовсе не могли грести противъ теченія. Всѣ были малосильны и непривычны. Дотащились до мѣста, когда уже совсѣмъ стало смеркаться. Причаливъ къ плоту и разсчитавшись съ хозяиномъ лодокъ, всѣ распростились и разошлись въ разныя стороны. Тепловъ нанялъ извозчика и поѣхалъ съ Ольгой Дмитріевной. Обоимъ не говорилось. Они устали, чувствовали какую-то тяжесть въ тѣлѣ, въ головѣ, въ сердцѣ.

— Сахаровъ, вѣрно, съ Марьей Ивановной и живетъ на одной квартирѣ?—спросила Ольга Дмитріевна.

— Да, двѣ комнаты нанимаютъ, рядомъ.

— Какъ мы,—сказала она, вздохнувъ.

Они подъѣзжали къ дому, понукая извозчика скорѣе ѣхать, точно нужно было вернуться къ опредѣленному сроку.

— Вотъ ужъ точно за покойникомъ ѣдетъ!—говорила Ольга Дмитріевна.

— Да, нечего сказать, кляча попалась,—согласился Тепловъ.

Извозчикъ увѣрялъ ихъ, что лошадь у него хорошая, только не любитъ она отъ Невы къ Садовой ѣхать, потому что квартира ихъ не въ той сторонѣ; вотъ если бы теперь на Васильевскій островъ ѣхать, такъ рысью бы бѣжала. Они слушали молча и сердились. «И возилъ бы на Васильевскій островъ, если его кляча только туда умѣетъ бѣгать».

Соскочивъ у дома съ дрожекъ, Ольга Дмитріевна пошла впередъ, сказавъ на ходу, что она велитъ поставить самоваръ.

— Вина бы теперь, чтобы согрѣться, — отвѣтилъ ей вдогонку Тепловъ.

Онъ чувствовалъ легкій ознобъ, хотя его лицо горѣло. Расплатившись съ извозчикомъ, онъ зашелъ въ погребокъ, купилъ бутылку краснаго вина и тяжело поднялся по лѣстницѣ. У него немного кружилась голова.

— Вотъ что значитъ непривычка,—говорилъ онъ, уже переодѣвшись у себя и входя съ бутылкой вина въ комнату Ольги Дмитріевны, гдѣ уже стоялъ самоваръ.—Ознобъ сдѣлался, а лицо горитъ.

— У меня тоже. Ознобъ и жаръ!

— Ну, да это ничего! Вотъ чаю выпьемъ съ краснымъ виномъ. Это все какъ рукой сниметъ. Уснемъ зато богатырскимъ сномъ.

Они сѣли къ столу, стали пить чай, перекидываясь отрывистыми фразами. Ольга Дмитріевна разспрашивала: что это вправо было видно—Кронштадтъ? а влѣво—Петергофъ? Пароходы только въ Кронштадтъ и Петергофъ ходятъ, или дальше? Гдѣ лучше—въ Кронштадтѣ или Петергофѣ? Потомъ разговоръ оборвался. Борисъ сосредоточенно мѣшалъ ложечкой въ стаканѣ, Ольга Дмитріевна устремила глаза на окно.

— А теперь къ нему другая ходитъ,—вдругъ сказала она.

— Къ кому?—спросилъ, очнувшись, Борисъ.

— А къ этому... напротивъ,—отвѣтила Діодатова, кивнувъ головой по направленію къ окну.

— А!—процѣдилъ сквозь зубы Тепловъ.

Наступило опять тяжелое молчаніе. Наконецъ Тепловъ отодвинулъ пустой стаканъ и глухо сказалъ:

— Довольно!

Она взглянула на него. У него былъ совсѣмъ не его голосъ, глухой, сиплый. И лицо стало блѣдное-блѣдное, точно осунулось. Мутные глаза безсмысленно блуждали. Онъ всталъ, опираясь о столъ, и сказалъ отрывисто:

— Что же, надо спать... конечно... чего больше?..

Онъ пошелъ, пошатываясь, дошелъ до двери и, вдругъ отшатнувшись, сѣлъ, почти упалъ на ея постель, оперся локтями въ колѣни, опустилъ голову, запустилъ пальцы въ волоса и скрылъ лицо въ ладоняхъ своихъ рукъ. Изъ его груди вырвался какой-то болѣзненный не то вздохъ, не то стонъ, точно отъ приступа физической боли. Она подбѣжала къ нему, взяла его за плечи.

— Милый, Борисъ Михайловичъ!.. Что съ вами?..

— Всѣ люди скоты и животныя,—пробормоталъ онъ.

— Голубчикъ, полноте!.. Если бы вы знали только...

Онъ отрывисто перебилъ ее пьянымъ голосомъ:

— Знаю! знаю!..

И, поднявъ съ трудомъ голову смотря на нее въ упоръ мутными глазами, закончилъ:

— Дверь надо... запереть...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I.

Тепловъ проснулся, открылъ глаза, осмотрѣлся. Онъ лежалъ въ своей комнатѣ, полураздѣтый. Онъ не сразу сообразилъ, который былъ часъ, когда онъ пришелъ въ свою комнату, какъ уснулъ. Его голова была тяжела, и мысль работала медленно. Что было вчера? Онъ катался, пилъ, вернулся домой, опять пилъ въ комнатѣ Ольги Дмитріевны, упалъ на постель. Вдругъ онъ вспомнилъ все, и по его тѣлу пробѣжалъ холодъ. Его охватили ужасъ, стыдъ.

— Господи, какой я подлецъ!—прошепталъ онъ и, уткнувшись лицомъ въ подушку, зарыдалъ.

Прошло нѣсколько минутъ. Въ воображеніи проходили воспоминанія, картины всего происшедшаго. Припоминалась каждая мелочь съ поразительной ясностью, во всей наготѣ и неприглядности. Въ душѣ поднималось одно омерзѣніе къ себѣ, ко всему случившемуся, къ обстановкѣ.

— Ни любви, ни поэзіи, одинъ пьяный развратъ,—шепталъ онъ, вздрагивая отъ рыданій.—Какъ она должна презирать меня, съ какимъ отвращеніемъ должна вспоминать обо мнѣ!

Его вдругъ охватилъ страхъ при мысли о томъ, что они должны встрѣтиться. Какъ онъ взглянетъ на нее, что скажетъ ей? Тутъ не можетъ быть никакихъ оправданій. Да и къ чему повели бы оправданія? если ему самому гадко отъ

этихъ воспоминаній, то каково же ей? Чувство малодушія и трусости подсказывало:

— Если бы скрыться куда-нибудь, убѣжать, уѣхать!

И тотчасъ же онъ упрекнулъ себя:

— Разбилъ, можетъ-быть, всю жизнь и хочу бѣжать! Бѣжать! Да она сама убѣжитъ отъ меня, какъ отъ дикаго животнаго, какъ отъ скота, послѣ всего, что случилось.

И опять чувство омерзѣнія поднялось въ немъ при воспоминаніи о прошлой ночи. Онъ все еще лежалъ ничкомъ, лицомъ къ подушкѣ, точно желая ничего не видѣть, ни своей комнаты, ни своей физіономіи, ни своего безпорядочнаго туалета, могущихъ отразиться въ зеркалѣ надъ умывальникомъ...

Кто-то тихо дотронулся до него.

— Проснулись?—послышался шопотъ.—А я ужъ думала, что вы захворали. Два раза заглядывала къ вамъ, храпите на весь домъ. Вѣдь ужъ четыре часа...

Онъ въ остолбенѣніи повернулъ всклоченную голову: Ольга Дмитріевна, румяная, свѣженькая, веселая, стояла у его постели. Увидавъ его лицо, она присѣла на постель, наклонилась къ нему и, еще болѣе зарумянившись, прильнула къ его губамъ своими губами. Онъ хотѣлъ просить прощенья, разлиться въ упрекахъ себѣ, наговорить кучу фразъ о заглаживаніи проступка,—она не дала ему времени опомниться, собраться съ силами, заговорить, и стала болтать, дурачиться, ласкаться къ нему. Какой онъ смѣшной—совсѣмъ Степка-Растрепка! И до чего доспалъ, что глаза опухли! Что же теперь чай будетъ пить или прямо съ постели за обѣдъ?

— Ахъ, да вы, кажется, и теперь еще спите!—воскликнула она, видя его недоумѣвающій взглядъ.—Вотъ постойте, я васъ растормошу!..

И дѣйствительно, она растормошила его до того, что у него закружилась голова, потемнѣло въ глазахъ. Онъ чувствовалъ только, что она опять около него, что вмѣсто упрековъ онъ слышитъ страстный шопотъ. Онъ былъ похожъ на пьянаго, не сознающаго, что онъ дѣлаетъ.

II.

Дни пошли за днями, а Борисъ все еще не могъ придти въ себя, обдумать своего положенія и ходилъ въ какомъ-то чаду, не зная даже въ сущности, что онъ чувствуетъ къ Ольгѣ Дмитріевнѣ. Когда онъ оставался одинъ, онъ ощу-

щалъ почти отвращеніе къ этой связи, не основанной на чувствѣ любви; когда молодая дѣвушка была около него— онъ пьянѣлъ, забывался. Въ его головѣ поднимались ежедневно тысячи вопросовъ. Куда онъ идетъ? Чѣмъ все это кончится? Какъ онъ выйдетъ изъ этой пропасти, куда такъ неожиданно попалъ? Не жениться же ему въ самомъ дѣлѣ на этой дѣвушкѣ? Между ними нѣтъ ничего общаго. До этой поры онъ никогда даже не задумывался объ этомъ. И съ какой стати было бы объ этомъ думать? Теперь это вдругъ угадалось само собою. Они даже перестали разговаривать между собою съ той поры, какъ сошлись. Они теперь только ласкаютъ другъ друга. Но вѣдь говорили же они прежде, находили темы для разговоровъ? Да, о предложеніяхъ слона-купца, о любовныхъ шашняхъ жильца въ противоположномъ флигелѣ, о сестрѣ Ольги Дмитріевны, поступившей на содержаніе, о влюбленныхъ парочкахъ, встрѣчавшихся въ садахъ. Все это теперь казалось ему какими-то инстинктивными подходцами къ сближенію. Какимъ-то роковымъ образомъ они наталкивались только на эти темы, не могли выбиться изъ этого заколдованнаго круга. И то сказать, о чемъ же больше могла она говорить? Теперь эти разговоры были лишними, такъ какъ сближеніе стало фактомъ. Вглядываясь въ Ольгу Дмитріевну, прислушиваясь къ ея фразамъ, онъ понялъ, что для нея давно уже не существовало стѣны, раздѣлявшей ихъ постели, что, говоря о слонѣ-купцѣ, она постоянно прибавляла мысленно: «вотъ если бы вмѣсто него вы». Она была вполнѣ дочерью своей среды, этого омута незаконныхъ связей, легкихъ паденій, животныхъ отношеній. Фактически честная, она уже была развращена до мозга костей. Она не пала до этого времени, потому что не было человѣка по вкусу. Онъ все это сознавалъ теперь, преувеличивалъ даже развращенность ея натуры, ловилъ себя на этомъ преувеличеніи и съ раздраженіемъ говорилъ:

— Предлоговъ для оправданія себя ищу!

И тотчасъ же опять припоминалъ мелочи ея поступковъ, рѣчей, взглядовъ, говорившихъ ясно, что тутъ нечего искать духовной чистоты, дѣвической стыдливости, нравственной устойчивости. Тогда его охватывало одно непреодолимое, страстное желаніе бѣжать, бѣжать и бѣжать.

Но какъ бѣжать, куда?

Куда? Вѣдь уѣдетъ же онъ изъ этого дома, когда вернутся Дамгофы. Вотъ и порвется все само собою. А что

если она станетъ его преслѣдовать, душить письмами, ходить къ нему? Его охватывалъ страхъ. Онъ старался отрицать возможность этого. Но тутъ же ему приходило въ голову, что она не станетъ скрывать этой связи, что она и теперь такъ открыто заходитъ къ нему, такъ неосторожно поступаетъ, какъ будто желаетъ, чтобы всѣ знали, что она его любовница, точно гордится тѣмъ, что вызываетъ на его лицѣ краску стыда. Разъ онъ попробовалъ замѣтить ей, что она неосторожна.

— Да развѣ я кого боюсь? Наплевать я хочу на всѣхъ!— отвѣтила она.—Кого хочу, того и люблю...

— Но все-жъ... ты и такъ испортила себѣ всю жизнь,— замѣтилъ онъ.

Она удивилась.

— Чѣмъ это?

Онъ оторопѣлъ, началъ говорить, путаясь, конфузясь:

— Какъ же... все же... Тебѣ могла представиться партія... замужество...

Она засмѣялась.

— Замужество! За писарька какого, что ли, вышла бы, чтобъ его бѣлье стирать да щи ему готовить! Нищеты-то я ужъ нахлебалась, довольно съ меня...

— А теперь богаче стала?—спросилъ онъ.—Я даже не могу освободить тебя отъ необходимости работать попрежнему... даже когда буду жить у Домгофовъ...

Она разсмѣялась.

— Ахъ, Боря, какой ты глупый! Развѣ я изъ-за денегъ. Деньги нужны будутъ—не у тебя ихъ спрошу...

И, ужъ лаская его, прибавила:

— Былъ бы богатъ, конечно, у тебя бы взяла. Да ты и самъ бы далъ. Ну, а на нѣтъ и суда нѣтъ... Я не то что тянуть съ тебя хотѣла бы, а, кажется, себя заложила бы, чтобы тебѣ же дать...

И, увлекаясь этой мыслью, она стала говорить, что она бы сдѣлала для Теплова, если бы у нея были деньги. Кареты, рысаковъ, перстни, цѣпочки. О, она бы его озолотила! Вслушиваясь въ ея рѣчи, Борисъ понималъ, что она считаетъ вполнѣ естественнымъ получать за любовь и платить за любовь. Онъ не попробовалъ даже возразить ей, сказать, что онъ не взялъ бы у нея денегъ. Она не поняла бы почему.

Тѣмъ не менѣе, этотъ разговоръ отчасти успокоилъ его: она не разсчитывала, что онъ женится на ней, она прими-

рилась съ тѣмъ, что онъ скоро переѣдетъ къ Домгофамъ. Объ этомъ переѣздѣ она говорила вполнѣ спокойно, прибавляя только:

— Вскружатъ тамъ тебѣ голову разныя барыни нарядами!

— А ты думаешь, за наряды любятъ?

— Не за наряды, а все же... иная и хуже меня будетъ, а въ шелкахъ и кружевахъ скорѣе вскружитъ голову, чѣмъ я въ ситцевомъ платьѣ... Вонъ Кларкѣ надѣлаютъ нарядовъ за границей, посмотри, какая будетъ! Фря!.. Будь у меня деньги, ты бы ахнулъ, какъ я одѣлась бы—батисты да прошивки, шелкъ да бархатъ...

Она задумалась, вздохнула и тихо произнесла:

— Что говорить, такихъ-то пріятнѣе любить...

III.

Въ концѣ октября Борисъ Михайловичъ получилъ письмо, и его лицо вспыхнуло яркимъ румянцемъ при видѣ знакомаго ему почерка на конвертѣ. Его охватило радостное чувство, точно онъ угадывалъ, что въ этомъ письмѣ ему пишутъ одно слово: «свобода!» Да, свобода отъ этой меблированной комнаты, отъ этого омута всякаго разврата, отъ этого перебиванья съ гроша на грошъ, отъ этой близости съ *ней*...

Онъ не ошибся: Домгофы пріѣхали и приглашали его къ себѣ. Онъ быстро одѣлся, вышелъ изъ дому и нанялъ извозчика на Васильевскій островъ. Не прошло и часу съ минуты полученія письма, какъ онъ уже обнималъ мальчугановъ, съ неподдѣльной радостью выбѣжавшихъ на лѣстницу встрѣтить его. Черезъ двѣ-три минуты онъ уже сидѣлъ въ кругу госпожи Домгофъ, Tante Malchen, mademoiselle Дюмонъ, наперебой осыпавшихъ его вопросами.

— Но вы были больны?—спросила его госпожа Домгофъ.—Вы страшно измѣнились.

— Да, вы похудѣли,—замѣтила Tante Malchen.

— Нѣтъ, m-r Тепловъ просто возмужалъ,—сказала mademoiselle Дюмонъ, быстро сообразившая, что случилось съ Борисомъ.

Борисъ покраснѣлъ.

— Нѣтъ, я былъ здоровъ,—отвѣтилъ онъ.—Неужели я въ самомъ дѣлѣ сильно измѣнился? Впрочемъ, самому это трудно замѣтить...

Въ эту минуту въ комнату вошла Клара. Увидавъ мужчину, она пріостановилась, сощурила глаза, всматриваясь, кто это, и пришла въ какое-то недоумѣніе. Она не сразу

узнала Теплова или, вѣрнѣе сказать, узнала его, но не поняла, что за перемѣна произошла въ немъ. Онъ похудѣлъ, а казалось, что онъ выросъ; его лицо потеряло дѣтское выраженіе и стало мужественнѣе; глаза, обведенные слегка темными кругами, сдѣлались ярче и какъ будто больше. Неловкое недоумѣніе дѣвушки бросилось въ глаза Борису, хотя оно длилось нѣсколько секундъ; потомъ она очнулась, сухо поклонилась Теплову и прошла въ сторону отъ группы, окружавшей Бориса...

Онъ вернулся домой сіяющимъ, не умѣя скрыть свою радость. Когда онъ сказалъ, что онъ завтра же переѣзжаетъ къ Домгофамъ, Ольга Дмитріевна побѣднѣла и расплакалась:

— Только-то я съ тобой и пожила!..

Онъ утѣшалъ ее, говорилъ какія-то нескладныя фразы, думая объ одномъ:

«Завтра, завтра я буду свободенъ!»

Она торопливо отирала слезы, спѣша обнять его, расцѣловать. Вѣдь завтра его уже не будетъ. Только денекъ и побыть вмѣстѣ. Тамъ когда еще придетъ! Черезъ двѣ-три минуты она уже шутила.—«А вотъ возьму и не пущу тебя! Что, испугался? Я вѣдь могу! Сдѣлаю скандалъ и конецъ! Нѣтъ, не бойся, это я шучу! Очень мнѣ нужно скандалить! Все равно будешь приходить. Ну, не придешь—напишу, а нѣтъ, такъ и сама приду въ гости. Спросятъ, кто я, скажу—сестра. А то такъ просто объявлю, что невѣста. Да, хорошо такъ? Вижу, вижу, что струсилъ. Дурачокъ мой, для чего я стану это дѣлать! Это я пугаю тебя». Ее забавляло, что онъ пугался, открывалъ ротъ, чтобы убѣдить ее не ходить къ нему, не писать къ нему, не компрометировать его. Впервые она точно взяла власть надъ нимъ, точно принизила его, безсознательно, ради шалости, шутливо. И всѣ эти шутки сопровождались поцѣлуями, объятіями. Ему же въ эту минуту почему-то казалось, что онъ не человѣкъ, а вещь, игрушка, кукла, съ которою играютъ, которую могутъ ткнуть, куда угодно, съ которою могутъ дѣлать все, что вздумается. На душѣ становилось скверно, почти жутко. Впервые онъ не ощущалъ даже опьяненія отъ ласкъ этой дѣвушки, хотя онъ старался быть веселымъ, даже черезъ мѣру веселымъ. Онъ послалъ за виномъ, ему хотѣлось охмелѣть отъ вина, если не отъ ласкъ, которыя не охмеляли на этотъ разъ. Онъ дразнилъ себя циничными шутками, напускной разнузданностью. Ольга Дмитріевна была въ восторгѣ отъ его развязности. Она впервые видѣла его

такимъ «развернувшимся». А среди этого смѣха, среди этого веселья, онъ мысленно повторялъ:

«Завтра, завтра я буду свободенъ...»

IV.

Тепловъ проснулся довольно рано утромъ. Его комната едва освѣщалась разсвѣтомъ октябрьскаго дня. Онъ осмотрѣлся и не сразу понялъ, гдѣ онъ. Онъ лежалъ на удобной постели въ просторной комнатѣ съ двумя окнами, съ двумя дверями. Одна изъ дверей была открыта настежь. За нею виднѣлась такая же просторная комната съ двумя кроватями, помѣщенными противъ открытой двери вдоль стѣны. Простыни, подушки, одѣяла бѣлѣлись въ полумглѣ. На кроватяхъ спали два мальчугана, тихо, не шевелясь. Глаза Бориса, привыкнувъ къ полусвѣту, стали, мало-по-малу, различать всѣ мелочи обстановки. Она была удобна, красива, практична. Свѣжій воздухъ, просторъ, изящество этихъ двухъ высокихъ комнатъ съ лѣпными потолками, все это было такъ не похоже на ту обстановку, среди которой еще вчера находился онъ, Тепловъ. Онъ вздохнулъ широкимъ вздохомъ. Спасенъ, избавленъ, свободенъ! Онъ потянулся всласть при этой мысли. А она? Что будетъ съ нею? На мгновенье его охватила тревога, въ головѣ зароились мрачныя думы. Въ сосѣдней комнатѣ, между тѣмъ, послышались по ковру чьи-то осторожные шаги. Борисъ увидалъ слугу, принесшаго обувь дѣтей. Поставивъ сапоги мальчиковъ у ихъ кроватей, слуга перешелъ въ комнату Теплова и опустилъ на полъ его ботинки.

— Пора вставать?—быстро спросилъ Борисъ Михайловичъ.

И, не дожидаясь отвѣта, онъ заторопился встать и одѣться. Онъ безсознательно обрадовался возможности отдѣлаться отъ нахлынувшихъ въ голову мыслей. Прошло еще двѣ-три минуты, и онъ уже будилъ Оскара и Густава. Сладко зѣвая, потягиваясь, они спросили:

— Развѣ уже пора? Рано еще!

— Ахъ вы, сони!—шутливо произнесъ Борисъ.—Опоздаете въ училище!..

Мальчуганы поднялись въ однѣхъ рубашонкахъ, свѣженькіе, розовые, бодрые, съ стремленіемъ подурачиться. Начался говоръ, движеніе. Тепловъ уже не думалъ о ней, унимая ребятъ, прыгавшихъ по комнатѣ и боровшихся другъ съ другомъ...

Утромъ мальчуганы отправлялись въ училище, Тепловъ

направлялся въ университетъ. По возвращеніи дѣтей и Теплова домой передъ обѣдомъ совершалась небольшая прогулка, затѣмъ садились за столъ, потомъ начинались вечернія занятія. Свободные часы посвящались играмъ, гимнастикѣ, чтенію; два раза въ недѣлю Домгофы посѣщали оперу и нѣмецкій театръ, при чемъ по очереди они брали съ собой то дѣвочекъ съ mademoiselle Дюмонъ, то мальчиковъ съ Тепловымъ; въ воскресные и праздничные дни въ опредѣленные часы гувернеръ и мальчуганы совершали прогулки, иногда пѣшкомъ, иногда въ экипажѣ. Жизнь шла правильно, безъ неожиданностей, безъ измѣненій, по предначертанному плану на цѣлый сезонъ, можетъ-быть, на многіе сезоны. Иногда Борису казалось, что это не дѣйствительность, а продолженіе тѣхъ грёзъ, которыя посѣщали его въ тяжелые дни нужды. Въ годы дѣтства онъ жилъ не въ роскоши, но среди полнаго сытаго довольства деревенской помѣщичьей жизни. Онъ тогда даже не могъ вообразить себѣ, что можно желать чего-нибудь бо́льшаго. Попавъ въ Петербургъ, замкнутый въ гимназіи, гдѣ пришлось узнать и вкусъ прогорклаго масла, и запахъ затхлыхъ макаронъ, и значеніе раздачи ѣды по порціямъ, когда хотѣлось ѣсть безъ мѣры, испытывая массу мелкихъ лишеній, непріятностей, огорченій, онъ сталъ мечтать только объ одномъ—пробить себѣ путь, сдѣлаться свободнымъ, зажить въ довольствѣ. Онъ зналъ уже теперь, что на свѣтѣ есть счастливцы, не отказывающіе себѣ ни въ чемъ, для которыхъ жизнь—сплошной пиръ. Ему грезились богатыя палаты, гдѣ можно жить въ свое удовольствіе, не лишая себя никакихъ удобствъ, спокойно, безпечно. Теперь онъ жилъ именно въ такихъ палатахъ, наслаждаясь всѣми благами жизни. Правда, все это не было его собственностью, но у Домгофовъ близкіе люди не чувствовали, что они живутъ въ чужомъ углу, ѣдятъ чужой хлѣбъ. Не чувствовалъ этого и Тепловъ. Попавъ въ эту семью, онъ сразу почувствовалъ, что онъ какъ-будто рожденъ именно для такой жизни. Здѣсь ему было такъ же привольно, какъ было привольно въ годы дѣтства въ деревнѣ. Только иногда его охватывалъ страхъ при мысли, что вдругъ придетъ Діодатова, соскучившись его ждать. Что онъ скажетъ тогда Домгофамъ? Кто она? Зачѣмъ пришла? Что ей нужно? Мысли о ней все чаще и чаще приходили ему въ голову, тревожили его во снѣ, и каждый разъ онъ оканчивалъ словами:

— Нѣтъ, надо сходить поскорѣе самому къ ней!

Мало-по-малу, онъ уже не кончалъ этою фразою, а начиналъ съ нея. Все яснѣе и яснѣе онъ сознавалъ, что ему нужно побывать у нея, не потому, что она можетъ придти, а потому, что ему хочется ее видѣть. Ему недоставало ея. Наконецъ, онъ улучилъ свободное время и направился къ Ольгѣ Дмитріевнѣ.

Увидавъ его, она даже вскрикнула отъ радости и повисла у него на шеѣ.

— А ужъ я думала, что забылъ!.. Боря, вспомнилъ, пришелъ!—говорила она, цѣлуя его.—Всѣ глаза я выплакала по тебѣ...

Онъ теперь только увидалъ, что она, должно-быть, и сегодня плакала. Онъ горячо поцѣловалъ ее. На минуту ему даже показалось, что онъ ее любитъ. Когда первая радость свиданія прошла, онъ невольно осмотрѣлся. Ему показались страшно неприглядными—эта узкая комната, эта прорванная мебель, эти закоптѣлыя стѣны. Ему даже показалось, что у него начинаетъ болѣть голова отъ чада, доходящаго изъ кухни, и табачнаго дыма, проникающаго отъ сосѣдей. Ему при мысли о сосѣдяхъ вдругъ стало неловко: «такъ все слышно, а мы говоримъ такъ громко; что они подумаютъ, слыша наши поцѣлуи».

— Ты не занята?—спросилъ онъ у Ольги Дмитріевны.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Да если бы и была занята, такъ къ чорту все бы бросила!..

— Такъ поѣдемъ куда-нибудь...

— Куда?

— Въ ресторанъ какой-нибудь ужинать... Мало ли куда... А то тутъ...

Онъ поморщился, взглянувъ вокругъ себя. Она точно сконфузилась за свою обстановку, растерялась, какъ провинившаяся.

— Но какъ же... у меня... Ты знаешь, какіе у меня наряды,—сказала она въ смущеніи. — Пальтишко вѣтромъ подбито...

— Ничего! Вѣдь мы же будемъ въ отдѣльномъ помѣщеніи, не на народѣ,—сказалъ онъ.—А здѣсь очень ужъ неуютно, и притомъ чадомъ пахнетъ. Совсѣмъ угоришь!

Она торопливо стала принаряжаться, и вдругъ ей стало досадно, обидно, что у нея нѣтъ хорошихъ нарядовъ, дорогихъ платьевъ. Она швыряла съ досадой свои вещи, примѣряя то ту, то другую, выбирая лучшую, не удовлетворяясь ни одной изъ нихъ. Черезъ полчаса они уже отправлялись

вдвоемъ ужинать. Но прежде чѣмъ они успѣли отъѣхать отъ дома, ихъ увидала Амалія Карловна Швецова, возвращавшаяся домой. Она дружески закивала головой и сказала:

— Это миль, что ви не забивайтъ своихъ друговъ! Ольга Дмитровна такъ плакилъ, такъ плакилъ...

Теплова покоробило отъ этой встрѣчи, и онъ былъ радъ, что она длилась одну минуту. Сани быстро катились по первому снѣгу.

— Теперь за городъ хорошо,—проговорилъ Борисъ.—Подальше отъ всякихъ встрѣчъ. На тройкѣ бы...

— Да, въ моемъ пальтишкѣ! — съ горечью сказала Діодатова.

— Надо новое сдѣлать..

Она промолчала. Они доѣхали до ресторана, поднялись по лѣстницѣ, вошли въ отдѣльную комнату. Ольга Дмитріевна точно оробѣла, переступивъ порогъ этой комнаты съ обоями малиноваго цвѣта, съ шелковой обивкой на мебели, занавѣсями и портьерами того же цвѣта, съ ковромъ во весь полъ, съ лѣпнымъ потолкомъ, съ золоченымъ деревомъ на стульяхъ, на диванѣ, на рамѣ зеркала, съ бронзовыми канделябрами, съ такой же люстрой. Молодой дѣвушкѣ все это казалось обстановкой дворца: она не замѣчала, что все это поношено, потерто, загрязнено, безвкусно. Ее вдругъ взволновала мысль, что ея пальто, снятое лакеемъ въ бѣломъ галстукѣ и во фракѣ, прохудилось на изнанкѣ и теперь тамъ торчитъ вата. Она подошла къ зеркалу и, качая головой, стала снимать шляпку, смотря на свой неказистый нарядъ.

— Ахъ, и напрасно я поѣхала. Срамлю только тебя. Скажутъ: «съ горничной связался»,—говорила она.

— Мнѣ-то что за дѣло? Какая ты смѣшная! Пусть думаютъ, что хотятъ,—отвѣтилъ онъ.

— Нѣтъ... Что-жъ, ужъ если ѣдешь въ такіе хоромы, будь и одѣта, какъ слѣдуетъ... Я знаю, что и тебѣ было бы лестнѣе, если бы я не такой была... оборвашкой...

— Полно, Оля, что мнѣ за дѣло до нарядовъ...

— Нѣтъ, нѣтъ... Вотъ сегодня отъ комнаты моей тошно стало, а тамъ—на меня смотрѣть тошно станетъ...

И, вдругъ порывисто бросившись къ нему, она начала просить его не разлюбить ее, не бросить. Она ужъ собьется, чтобы пріодѣться, изъ послѣдняго нарядъ себѣ сошьетъ приличный, чтобы ему не стыдно было. Вѣдь вотъ онъ привезъ ее сюда, а если бы нарядъ у нея былъ,—онъ бы въ театръ, въ собраніе съ ней поѣхалъ, вездѣ могъ бы быть съ ней,

не стыдясь. А такъ-то что же, только и можно ее вотъ сюда привезти, и то передъ прислугой краснѣя.

Эта нотка грусти не разсѣялась во весь вечеръ...

V.

У Теплова опять выдался свободный вечеръ. Ему захотѣлось повидаться съ Ольгой Дмитріевной. Покуда онъ одѣвался, ему пришло въ голову, что онъ опять встрѣтитъ, пожалуй, Швецову, опять услышитъ отъ нея пошлые намеки. Еще кто-нибудь изъ живущихъ въ трущобѣ меблированныхъ комнатъ можетъ увидать его. Ему стало не по себѣ. И эти люди, и эта трущоба, и эта грязь обстановки стали ему противны. Не лучше ли просто извѣстить Діодатову, что онъ ждетъ ее въ извѣстный часъ въ условномъ мѣстѣ? Онъ обрадовался этой мысли и даже прибавилъ:

— Это нужно, чтобы и ее не компрометировать!

Выйдя изъ дома, онъ отдалъ записочку посыльному, приказавъ ему ѣхать, такъ какъ записка спѣшная.

Не прошло и часу, какъ Ольга Дмитріевна уже пожимала руки Теплова. Она высказала удивленіе, что онъ не зашелъ за ней самъ. Онъ началъ объяснять. Скверно у нея тамъ очень. Притомъ сосѣди. Подслушиваютъ, пожалуй. Они сами, Тепловъ и Діодатова, подсматривали за парой vis-à-vis, смѣялись. Тоже и Швецова со своимъ цинизмомъ. Ольга Дмитріевна слушала, печальная, задумчивая. Да, дѣйствительно, у нихъ трущоба. Швецова—старая сволочь. Пронюхала все. Сватаетъ ей, Ольгѣ Дмитріевнѣ, какого-то богача. Взятку хочетъ взять. Разсказывая все это, Діодатова повторяла:

— Да, да, и мнѣ самой тошно тамъ. Нужно перебраться куда-нибудь, понаряднѣе найти помѣщеніе. Игла-то только мало даетъ.

Борисъ почему-то сконфузился.

— Какъ же переѣхать? Гдѣ средства?.. Мнѣ такъ обидно, что я не могу тебѣ помочь,—заговорилъ онъ.

— Прошу я, что ли?

— Не просишь, но самъ-то я желалъ бы помочь тебѣ. Къ несчастью, нужно то то, то другое себѣ сдѣлать. У насъ кое-какъ нельзя одѣваться...

Онъ краснѣлъ, оправдываясь передъ нею. Она только рукой махнула.

— Самъ-то бывай почаще, а денегъ твоихъ мнѣ не надо!

Потомъ она заговорила о другомъ, о своей любви къ нему,

о томъ, что онъ еще похорошѣлъ, о томъ, что въ него, вѣрно, всѣ влюбляются. Разставаясь съ ней поздно вечеромъ, онъ сказалъ, что онъ напишетъ ей, когда опять будетъ свободенъ.

— Да ты скорѣй приходи!—говорила она.

— Не знаю, когда будетъ можно... Я вѣдь теперь не свободный человѣкъ,—отвѣтилъ онъ.

Она вздохнула.

— Ахъ, если бы деньги! Вотъ въ театръ поѣхала бы съ тобою. А то такъ одна поѣхала бы въ тотъ день, когда ты съ Домгофами тамъ. Хоть бы посмотрѣла на тебя, поговорила бы съ тобою. Конечно, въ такомъ затрапезномъ облаченіи не поѣдешь, а и поѣдешь, такъ что же тебя конфузить... Была бы хорошо одѣта, могла бы съ тобой раскланяться, поговорить. Никто ничего худого и не подумалъ бы. Не монахъ ты, что съ дѣвушками и знакомства водить нельзя!...

Онъ опять, конфузясь, сталъ говорить, что нужно подождать, что вотъ онъ раздобудется деньгами, сдѣлаетъ ей платье...

Когда они разстались, онъ былъ встревоженъ. Куда онъ идетъ? Нельзя же вѣчно продолжать такія отношенія? Гдѣ взять средствъ, чтобы помогать ей? Не помогать же нельзя. Въ самомъ дѣлѣ она скоро будетъ похожа на нищую. Ему вспомнилась какая-то попавшаяся подъ руку заплатка. Онъ даже закрылъ глаза на минуту, точно передъ нимъ воскресло все неприглядное, видѣнное имъ въ этотъ вечеръ. И внезапно его поразила мысль: «А вдругъ явится ребенокъ? Что съ нимъ дѣлать?» И опять онъ подумалъ: «Вѣдь не могу же я на ней жениться? что общаго между нами? мы стоимъ на разныхъ берегахъ». Ему очень понравилось послѣднее выраженіе, и онъ повторялъ его безчисленное множество разъ, оправдывая себя и давая себѣ слово порвать отношенія съ Діодатовой.

Нѣсколько дней онъ считалъ это рѣшеніе безповоротнымъ. Потомъ онъ началъ увѣрять себя въ безсонныя ночи, что нельзя же такъ вдругъ порвать эти отношенія, что надо же еще повидаться, какъ-нибудь объясниться. Потребность объясниться росла съ каждымъ днемъ, и онъ уже съ тревогой спрашивалъ себя:

— Да полно, такъ ли? Для объясненія ли мнѣ хочется ее видѣть? Не хитрю ли я самъ съ собою, не затянула ли меня эта связь?

Онъ, однако, откладывалъ свиданіе, насколько могъ. Онъ могъ зайти къ Дюлатовой въ одинъ изъ вторниковъ, когда Домгофы бывали въ итальянской оперѣ. Оскаръ и Густавъ могли ѣхать и безъ него. Но онъ рѣшился ѣхать въ театръ, отложивъ свиданіе на пятницу, когда обыкновенно вся семья посѣщала нѣмецкій театръ. Пріѣхавъ въ оперу, онъ былъ разсѣянъ и безпрестанно смотрѣлъ на ложи и въ партеръ, стоя за стуломъ госпожи Домгофъ.

— На кого ты такъ смотришь?—спросила госпожа Домгофъ у Клары, видя, что послѣдняя то щуритъ глаза, то подноситъ къ нимъ бинокль, смотря на одну и ту же точку.— Кто-нибудь изъ знакомыхъ?

— Нѣтъ... не знаю,—холодно отвѣтила Клара и бросила взглядъ на Теплова.

Онъ продолжалъ стоять все съ тѣмъ же разсѣяннымъ видомъ, стройный, красивый, съ густыми вьющимися волосами.

— Но вѣдь есть же причина, по которой ты все кого-то наблюдала,—замѣтила госпожа Домгофъ, пожимая плечами.— Смотрѣть, не спуская глазъ, въ одну точку не особенно прилично.

Клара пожала плечами.

— А если на насъ смотрятъ, также не спуская глазъ?— раздражительно проговорила она.

— Кто?

— Развѣ я знаю! Какая-то дама, дѣвица изъ креселъ...

Она глазами указала на женщину, не спускавшую глазъ съ ихъ ложи. Госпожа Домгофъ взяла бинокль и тоже взглянула на незнакомку.

— Не знаю; совершенно незнакомая особа... Можетъ-быть, и не на насъ смотритъ,—сказала она, опуская бинокль.

Она успокоилась, узнавъ, что Клара заинтересовалась женщиной, а не мужчиной.

Клара отвѣтила сухо:

— Можетъ-быть, и не на насъ...

И опять мелькомъ взглянула на Теплова. Неужели онъ не замѣчаетъ, что на него смотрятъ, что его пожираютъ глазами? Или онъ просто дѣлаетъ видъ, что не замѣчаетъ этого? Рисуется своимъ равнодушіемъ? Фатъ! Ей вдругъ стало досадно, что на него смотрятъ, что имъ любуются. Что въ немъ хорошаго? Ну да, красивъ, какъ куколка, какъ вѣрный херувимъ, но что же въ томъ? Если бы знали, что онъ только наемный гувернеръ, нищій, не стали бы имъ любоваться...

Въ антрактѣ Борисъ вышелъ изъ ложи и лицомъ къ лицу столкнулся съ Ольгой Дмитріевной. Онъ чуть не вскрикнулъ. Она протянула ему руку, затянутую въ перчатку. Она была одѣта просто, но по послѣдней модѣ, со вкусомъ швеи, насмотрѣвшейся на модныя картинки, на извѣстныхъ щеголихъ. Она на минуту показалась Теплову просто красавицей. Онъ предложилъ ей пройти въ фойэ. Она сконфуженно отвѣтила, что не можетъ, что ее ждутъ, что она со знакомыми.

— Хотѣла только взглянуть на тебя... не вытерпѣла, — проговорила она.—Мы въ креслахъ... въ шестомъ ряду...

Онъ хотѣлъ что-то спросить, но она уже пожимала ему руку, торопясь уйти.

— Зайдешь въ слѣдующій антрактъ?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... насъ компанія...

Она поспѣшила уйти, точно чего-то боясь...

Онъ не пошелъ курить, вернулся въ ложу, чѣмъ-то встревоженный, и устремилъ взглядъ на партеръ. А! вотъ и она пробирается къ своему креслу, садится. Рядомъ съ ней сидитъ какая-то дѣвушка. Онѣ говорятъ... Но около нихъ съ обѣихъ сторонъ пустыя кресла. Что же это, онѣ вдвоемъ пришли? Откуда у нея это платье, шляпка? Изъ какихъ средствъ она въ оперѣ?.. Наконецъ, онъ увидалъ двухъ господъ, пробиравшихся въ шестой рядъ. Одинъ сѣлъ рядомъ съ Ольгой Дмитріевной, другой рядомъ съ ея сосѣдкой. Они заговорили. Сосѣдъ Діодатовой фамильярно взялъ изъ ея рукъ бинокль, потомъ положилъ его ей прямо на колѣни, нагнулся къ ней и что-то сказалъ съ улыбкой на губахъ. Лицо Бориса горѣло, какъ въ огнѣ. Теперь не на него смотрѣли изъ партера, а онъ не спускалъ глазъ съ креселъ. Казалось, для него не существовало никого, кромѣ этихъ двухъ паръ. Онъ даже не замѣчалъ, что почти рядомъ съ нимъ горѣли какимъ-то страннымъ огнемъ два глаза, впившіеся въ него съ любопытствомъ, съ волненіемъ, съ безсознательной ревностью. При поднятіи занавѣса онъ машинально опустился на стулъ и встрѣтился на мгновенье съ этимъ взглядомъ — со взглядомъ Клары. Но это было только на мгновенье — едва онъ успѣлъ взглянуть на нее, какъ она отвернулась отъ него съ негодованіемъ...

Она сама не понимала, что дѣлается съ нею. Сперва ее злило, что имъ любуются, а онъ этого не замѣчаетъ или, вѣрнѣе, дѣлаетъ видъ, что не замѣчаетъ; теперь ее раздражало, что его взглядъ какъ бы пристылъ къ этой хорошень-

кой дѣвушкѣ, что онъ загорѣлся огнемъ страсти. Какъ передъ началомъ спектакля она мысленно не находила ничего хорошаго въ Тепловѣ, называя его куколкой и вербнымъ херувимомъ, такъ теперь она находила, что красота этой дѣвушки — вульгарная красота мужички, горничной, магазинщицы...

И Тепловъ, и она очень обрадовались концу спектакля.

VI.

Борисъ не спалъ всю ночь. Въ немъ поднялась буря злости, ревности, желчи. Напрасно онъ старался успокоить себя доводами разсудка, что все такъ и должно было кончиться, что не могъ же онъ требовать вѣрности отъ Діодатовой. Эти доводы не вели ни къ чему. Чисто животное чувство брало верхъ. Онъ приходилъ въ бѣшенство отъ мысли, что ею обладаетъ другой. Онъ въ отчаяніи думалъ о томъ, что она пропала для него навсегда. Но развѣ онъ любилъ ее? Развѣ онъ разсчитывалъ на прочность этой связи? Ничего этого онъ не могъ осмыслить въ эту ночь и сознавалъ только, что онъ готовъ бы тотчасъ же бѣжать къ ней, отбить ее у другого. Казалось, онъ жить безъ нея не можетъ. Съ утра онъ заявилъ, что онъ вечеромъ долженъ отлучиться; онъ написалъ къ Ольгѣ Дмитріевнѣ письмо и вплоть до вечера былъ убѣжденъ, что она не придетъ на его зовъ...

Она пришла, нарядная, какъ бы похорошѣвшая, но немного смущенная, сконфуженная. Они молча пожали другъ другу руки, сѣли въ сани, доѣхали до цѣли, не говоря почти ни слова. Когда они остались одни въ комнатѣ ресторана, онъ рѣзко спросилъ ее:

— Съ кѣмъ это ты была вчера въ оперѣ?

— Я?.. Съ сестрой... развѣ ты не узналъ ея?—торопливо говорила она, развязывая ленты у шляпки.—Впрочемъ, что я!.. Ты ея никогда не видалъ...

Онъ нетерпѣливо перебилъ ее:

— Я о мужчинѣ спрашиваю.

— Ахъ, это тотъ... ну, знаешь... который ее содержитъ... Богатъ онъ... страсть...

— Васъ было четверо... еще былъ мужчина...

— Это его двоюродный братъ... Я упросила взять меня въ оперу... хотѣлось тебя увидать... при народѣ... Ну, и взяли...

И, снявъ у зеркала шляпку, она торопливо, не давая ему времени опомниться, почти захлебываясь словами, начала

говорить, что она взяла у сестры и платье для спектакля, и шляпку. Нельзя же замарашкой ѣхать — пугаломъ вороньимъ. Очень ужъ ей хотѣлось и театръ видѣть, и людей посмотрѣть, и себя показать. Тоже все сидишь дома да дома въ конурѣ, а другіе веселятся. Хочется и самой. Оглашенная она, что ли? Всѣ живутъ, а она шей, шей, шей!

— Второго любовника завела!—вдругъ оборвалъ онъ ее окрикомъ, ходя по комнатѣ.

— Боря!—воскликнула она.

— Не лги! Не лги!—крикнулъ онъ, топнувъ ногою.—У тебя все ложь! Въ отца уродилась!..

Она закрыла лицо руками и заплакала. Онъ началъ говорить зло, рѣзко, безпощадно, браня и стыдя ее. Его голосъ доходилъ до криковъ, въ немъ слышалось бѣшенство. Она не отвѣчала, покорная, плачущая, пристыженная. Ея безмолвіе, ея покорность смутили его; ему стало совѣстно за себя. Мало-по-малу, онъ сталъ стихать, понизилъ тонъ, отъ рѣзкостей перешелъ къ жалобамъ. Она хоть его пожалѣла бы! Ему-то каково! Мало что измѣнила ему, такъ еще показала ему: «на — смотри, кто тебя замѣнилъ». Онъ понимаетъ, что она не можетъ любить его одного, но надо же было пощадить его отъ этого... Онъ опустился на диванъ, тоже готовый заплакать. Въ одно мгновеніе она уже была около него, обвила руками его шею, заговорила:

— Вотъ тебѣ Господь Богъ, я это только для того, чтобы ты любилъ. Обнищала я совсѣмъ. Ни бѣлья, ни одежды. Чулки приходилось каждый день стирать, всего одна пара оставалась... Такую-то нищую развѣ ты не разлюбилъ бы? Тоже вотъ въ квартиру даже ходить противно стало. А если бы я въ лохмотьяхъ стала ходить, въ грязномъ... Господи, ужъ я не брезглива, а самой тошно бы стало...

Ея рѣчь, своеобразно логичная, лилась неудержимымъ потокомъ, страстная, полная горечи, полная тяжелыхъ признаній, краснорѣчивая по своей порывистости. Вмѣстѣ съ этой рѣчью расточались клятвы, ласки. Казалось, Ольга Дмитріевна никогда не любила его такъ, какъ теперь. Это былъ порывъ, которымъ рѣшалась ея участь: или онъ примирится со своимъ новымъ положеніемъ, или уйдетъ отъ нея совсѣмъ. Она не додумалась до этого, но угадывала это чутьемъ, инстинктомъ. Она сдѣлала все, чтобы онъ понялъ ея положеніе, ея мотивы, ея поступки. Она, какъ утопающій, хваталась за каждую соломинку для своего спасенія. Ей казалось, что въ эту минуту рѣшается вся ея жизнь.

Она не ошиблась. Онъ сжалъ, наконецъ, ее въ объятіяхъ, моля ее:

— Не бросай меня! Люби меня!..

— Тебя?.. Я-то брошу?.. Господи, да я Богъ знаетъ на что пойду для тебя!..

Далеко за полночь, возвращаясь домой, онъ думалъ лѣниво и полусонно: «что-жъ, это должно было случиться... такъ и лучше... для нея..: я тоже... руки развязаны». Онъ слегка поморщился при этой мысли и съ дѣланнымъ, напускнымъ сожалѣніемъ проговорилъ:

— Бѣдная дѣвушка!..

Потомъ сладкая усталость, легкая истома взяли свое, и онъ погрузился въ полудремоту, покачиваясь въ саняхъ, полузакрывъ глаза. Мысль работала все болѣе и болѣе лѣниво и сонно; въ головѣ бродили все тѣ же примирительныя фразы: «этого нужно было ожидать... такъ и лучше»... А въ душѣ было такъ покойно, свѣтло, какъ у человѣка, сбросившаго тяжелый гнетъ, миновавшаго опасный путь, вышедшаго на гладкую и ровную дорогу.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Черные, какъ смоль, курчавые волосы, большіе черные глаза, своеобразные горбатые носы и довольно толстыя губы были единственнымъ наслѣдіемъ еврейскаго происхожденія Домгофа и его дѣтей. Это относительно внѣшности. Въ характерахъ этихъ людей ихъ происхожденіе сказывалось въ практичности, въ воспріимчивости, въ разсчетливости — и только. Общій складъ жизни семьи, ея привычки, ея симпатіи, все это носило чисто нѣмецкій характеръ или, вѣрнѣе сказать, характеръ обрусѣвшихъ нѣмцевъ, гордившихся тѣмъ, что и Бисмаркъ нѣмецъ, но въ то же время сознававшихъ, что для нихъ выгоднѣе, если Бисмаркъ останется подальше отъ нихъ, у своихъ нѣмецкихъ нѣмцевъ. Имъ и безъ него жилось, какъ рыбамъ въ водѣ.

Только одна Клара выдѣлялась своимъ рѣзко выраженнымъ типомъ, говорившимъ сразу, что это еврейка. Она все наслѣдовала отъ еврея-отца, ничего не наслѣдовавъ отъ нѣмки-матери. Въ ея характерѣ не было ничего нѣмецкаго—она не была ни поэтической мечтательницей, ни аккуратной хозяйкой, ни искусной рукодѣльницей. Сухая, узкая, эгоистическая натура ея отличалась страстностью во всемъ,

и въ то же время склонность къ восточной лѣни и нѣгѣ сказывалась въ каждомъ ея движеніи. Выросшая среди недостатковъ, среди жалобъ на угнетеніе бѣдныхъ людей, среди толковъ о могуществѣ капитала, дѣвушка ненавидѣла бѣдность, стремилась къ богатству, смотрѣла свысока на всѣхъ низшихъ, потому что эти низшіе ничего не могли ей дать, не могли принести ей пользы. Ей было незнакомо чувство сожалѣнія, какъ оно незнакомо умирающему съ голода человѣку, готовому вырвать кость изъ рукъ другого голоднаго — хуже того, готовому съѣсть другого голоднаго. Попавъ въ семью дяди послѣ смерти своего отца, она сразу стала въ такое положеніе къ семьѣ, что всѣ почувствовали въ ней чужого человѣка. Ее старались перевоспитать, передѣлать по-своему лаской, наставленіями, насмѣшками, — она оставалась сама собой: натура брала верхъ надъ воспитательными попытками. Она вела себя, повидимому, сдержанно, безъ рѣзкихъ выходокъ, безъ грубостей, но не могла скрыть, что ей все чуждо въ этой семьѣ. Она не понимала, какъ могутъ эти богатые люди вѣчно что-нибудь работать, заниматься кухней, собственноручно сметать пыль, не сметенную горничной, смѣяться надъ мотовствомъ и роскошью русскихъ купеческихъ семействъ, пускающихъ пыль въ глаза, и надъ неразсчетливостью и расточительностью русскихъ баръ, путающихся въ долгахъ, проѣдая послѣднія наслѣдственныя крохи. Представляя себя на мѣстѣ тетокъ, она приходила къ заключенію, что она ничего не дѣлала бы, ѣздила бы на прогулки, ослѣпляла бы великолѣпіемъ своихъ нарядовъ толпу, заставляла бы разрываться отъ зависти другихъ женщинъ. Менѣе всего она понимала, какъ могутъ всѣ женщины семьи по цѣлымъ мѣсяцамъ вышивать и шить разныя бездѣлушки, которыя въ большіе праздники, къ Рождеству и Пасхѣ, разыгрывались въ лотереи или пускались въ продажу «на базарѣ» въ пользу бѣдныхъ семействъ. Эти работы занимали почти все время госпожи Домгофъ, Tante Мальхенъ и mademoiselle Дюмонъ. Даже дѣвочки и мальчики въ свободные часы принимали участіе въ этихъ работахъ съ благотворительною цѣлью — дѣвочки дѣлали изящные наряды для куколъ, мальчики стругали и пилили рамки, ящики, шкапчики. Иногда дѣти уже давно спали, а женское населеніе дома, собравшись вокругъ стола въ гостиной, сидѣло еще за работой. Къ кружку дамъ обыкновенно присоединялся Борисъ Михайловичъ и читалъ что-нибудь вслухъ, по просьбѣ хозяекъ. Онъ полюбилъ эти ве-

чера. Просторная гостиная, съ массою цвѣтовъ, съ мягкимъ ковромъ во всю комнату, съ удобной мебелью, обтянутой синимъ штофомъ, свѣтлымъ мраморнымъ каминомъ, гдѣ догорали за экраномъ дрова, съ нѣсколькими картинами въ золоченыхъ рамахъ, выступавшихъ красивыми пятнами на сѣрыхъ матовыхъ обояхъ; группа женщинъ, занятыхъ рукодѣльемъ и перебрасывающихся изрѣдка отдѣльными фразами—все это приводило его въ хорошее настроеніе. Тутъ было довольство, покой, уютность, семейность. Иногда, окончивъ чтеніе, откинувшись на креслѣ, онъ спрашивалъ, что прочесть завтра. Занятіе литературой для женскаго населенія семьи Домгофовъ было такой же потребностью, какъ занятіе кухней. Всѣ женщины здѣсь знали толкъ въ произведеніяхъ поэтовъ и романистовъ, какъ онѣ знали толкъ въ кускахъ мяса, сразу опредѣляя, какой кусокъ годится для бульона и какой для бифштекса.

— Прочтите что-нибудь изъ старыхъ классическихъ авторовъ,—говорила Tante Мальхенъ.—Право же, тяжело слушать постоянно новыя произведенія реалистовъ. Все такъ мелко, пошло, прозаично.

— Какъ дѣйствительная жизнь,—заканчивалъ Тепловъ.

— О, да, да! Но кто же велитъ такъ устраивать жизнь. Неужели нельзя подняться надъ будничной грязью, облагородить свои помыслы и поступки?

Тепловъ шутливо замѣчалъ:

— Для этого нужно имѣть большіе капиталы.

Tante Мальхенъ горячо протестовала.

— А у вашей тетки большіе были капиталы? Нѣтъ? А развѣ она не поднялась надъ житейскими мелочами, не отдалась благороднымъ помысламъ и поступкамъ, служа воспитанію дѣтей? Значитъ же, это возможно и безъ капиталовъ.

— Возможно,—отвѣчалъ Борисъ:—возможно уже потому, что вы сами...

Tante Мальхенъ махала рукой.

— Ну, ну, оставьте меня въ покоѣ!..

И тотчасъ же прибавляла:

— Да, впрочемъ, что же? ну да, я сама изъ такихъ людей, которые сумѣли уйти отъ пошлости, сумѣли найти облагораживающую цѣль въ жизни.

Борисъ Михайловичъ вздыхалъ:

— Это все исключенія, Амалія Ивановна! Рѣдкія исключенія.

Tante Мальхенъ горячилась, доказывая противное, и заканчивала споръ словами:

— Ну, а если исключенія, то старайтесь быть такимъ исключеніемъ.

— И для этого не читайте новѣйшихъ реальныхъ произведеній, а штудируйте Шиллера!—шутилъ Тепловъ.

— Да хоть бы и такъ. Развѣ мысль человѣка не становится возвышеннѣе, при чтеніи Вильгельма Телля, рѣчей Позы, заговора Фіески?

Mademoiselle Дюмонъ вступалась въ споръ:

— Развѣ одинъ Шиллеръ! А Викторъ Гюго? О! его «Le roi s'amuse», его...

Госпожа Домгофъ перебивала своимъ слегка ироническимъ тономъ:

— Я плохо понимаю и Шиллера, и Виктора Гюго, должнобыть, потому, что это философія, а гдѣ же прямо послѣ кастрюль и иголки перейти къ философіи...

— Вамъ вѣдь понятнѣе, ближе нашъ Гоголь или...—быстро начиналъ Тепловъ, ища въ ней союзницы.

— Еще бы, наша Матрена Кирилловна тоже Коробочка своего рода,—продолжала тѣмъ же тономъ госпожа Домгофъ, приводя въ примѣръ свою кухарку, стряпавшую «за повара».—Никакъ не можетъ понять, почему нужно купить индюшекъ къ обѣду, если ей кажется, что выгоднѣе купить куръ... Только знаете что,—когда я вотъ читаю или слушаю подобныя произведенія, мнѣ все кажется, что я попала не то въ домъ умалишенныхъ, не то въ острогъ, совсѣмъ одна, безъ руководителя, безъ близкаго человѣка,—жутко даже становится...

Борисъ предугадывалъ неизбѣжный конецъ:

— Вамъ все Диккенса перечитать хочется?

— Да. Когда я его читаю или слышу, мнѣ кажется, что меня беретъ добрый, добрый другъ и притомъ такой же простой смертный, какъ я, за руку и говоритъ: пойдемъ смотрѣть, какъ живутъ и страдаютъ бѣдные люди,—а бѣдные люди въ его глазахъ всѣ—и нищіе, и богачи, и добряки, и злодѣи... Я вотъ за это и вашего Достоевскаго полюбила... онъ иногда такой же, какъ Диккенсъ, въ томъ отношеніи, что онъ все время стоитъ около тебя, какъ другъ и какъ простой смертный; ну, и чувствуешь себя не такъ жутко, попавъ въ больницу или въ острогъ человѣческой жизни...

Иногда эти толки велись очень серьезно, нѣсколько педантично и по-школьному, точно кого-то поучали или ста-

рались сами поучиться, иногда же они принимали шутливый оборотъ, благодаря госпожѣ Домгофъ, и она заканчивала ихъ какимъ-нибудь анекдотомъ изъ своей прошлой жизни, напримѣръ, о томъ, какъ она читала дѣвушкой Шиллера:

— Бывало, стою въ кухнѣ и одной рукой трясу жаровню съ кофе, а другой держу шиллеровскія стихотворенія и уношусь Богъ вѣсть куда, воображаю, что ich bin auch in Arkadien geboren. Разъ такъ унеслась далеко отъ своей жаровни, что сожгла весь кофе. Съ этого времени пришлось разомъ и кофе жарить, и книги читать, и прислушиваться, чтобы меня не застали на мѣстѣ преступленія, такъ какъ въ кухнѣ мнѣ запретили читать во время работы.

Госпожа Домгофъ очень любила подобныя воспоминанія о своемъ прошломъ, какъ живущій на покоѣ старый морякъ любитъ воспоминанія о прошлыхъ тревогахъ, лишеніяхъ и опасностяхъ, испытанныхъ имъ на морѣ.

Во время этихъ чтеній, этихъ бесѣдъ, одно лицо оставалось безмолвнымъ:—точно его и не было тутъ. Это была Клара. Держа поневолѣ какую-нибудь работу въ рукахъ, она,—когда всѣ увлекались чтеніемъ или разговоромъ, не переставая работать,—опускала свою работу на колѣни и какъ бы застывала въ одномъ положеніи, сощуря узкіе глаза, смотря безцѣльно впередъ. Можно было подумать, что она замерла, слушая, что читалось и говорилось, а между тѣмъ у нея въ головѣ проходили мысли:

«Вотъ мы тутъ скучаемъ, а другіе теперь веселятся...»

И передъ ея воображеніемъ развертывались картины: роскошныя залы, сіяющія тысячами огней, дамы въ открытыхъ платьяхъ съ обнаженными плечами и руками, въ брильянтахъ и шелку, кавалеры въ блестящихъ мундирахъ, звуки музыки, запахъ духовъ, танцы, говоръ. И вдругъ раздавалось чье-нибудь восклицаніе:

— Бѣдный Копперфильдъ! Несчастный Раскольниковъ!

Потомъ кто-нибудь спрашивалъ:

— Не правда ли, Клара, это хорошо?

Она вздрагивала, приходила въ себя, бралась за прерванную работу и сухо отвѣчала:

— Да!

И что имъ за дѣло до этихъ Копперфильдовъ, до этихъ Раскольниковыхъ? Вѣдь они Домгофы, а не Копперфильды и не Раскольниковы? Можетъ-быть, этихъ Копперфильдовъ и Раскольниковыхъ и не было никогда? Тепловъ иногда не воздерживался и замѣчалъ:

— Фрейлейнъ Клара, кажется, и не слушала?

Она бросала на него взглядъ, полный гнѣва. По его губамъ скользила едва замѣтная усмѣшка. Ему было забавно легка дразнить эту красавицу, въ сущности мало занимавшую его.

II.

Всегда холодное, строгое лицо Клары оживлялось только въ исключительныхъ случаяхъ, когда въ домъ пріѣзжала модистка, когда Домгофы устраивали вечеръ, когда они ѣхали въ театръ или на балъ. Тогда щеки Клары горѣли румянцемъ, глаза точно заволакивались масломъ и блестѣли. Въ эти минуты она казалась просто красавицей, поражала оригинальностью своей красоты. Стройная, какъ пальмочка, точно изваянная изъ мрамора, она невольно обращала на себя вниманіе. Кругомъ нея увивались поклонники и въ каждомъ поклонникѣ, облеченномъ въ блестящій мундиръ, она видѣла жениха. Выйти замужъ за богача, это была ея вѣчная мечта, а богачами ей казались всѣ носящіе мундиры. Она никакъ не могла освоиться съ мыслью, что многіе изъ этихъ свѣтскихъ людей давно уже проѣли свои состоянія и искали выгодныхъ невѣстъ для поправленія своихъ дѣлъ. Ее считали именно такой выгодной невѣстой. Никто и не подозрѣвалъ, что она бѣдная сирота. Сама она менѣе всего была способна сказать прямо, что она бѣдная дѣвушка. Когда ее спрашивали о ея родителяхъ, она говорила, что она давно лишилась ихъ и что теперь она находится подъ опекой дяди. Она умалчивала при этомъ, что опекать дядѣ было нечего. Ея ложное положеніе сильно озабочивало всю семью, и госпожу Домгофъ, и Tante Мальхенъ, и mademoiselle Дюмонъ, и вызывало безконечные толки. Какъ держать дѣвушку? Какъ бѣдную сироту, никому не показывая, никуда не вывозя? За что же отравлять ея жизнь! Да наконецъ, если бы и вздумать такъ держать ее, она начала говорить, что ее притѣсняютъ, тиранятъ. Она дуется нѣсколько дней, если ей не дѣлаютъ новаго платья, когда новое платье дѣлается для кого-нибудь въ семьѣ. Но, выводя ее въ свѣтъ, приходится невольно вводить въ заблужденіе людей. Нельзя же говорить всѣмъ и каждому: это бѣдная дѣвушка, у нея нѣтъ приданаго, не ищите въ ней выгодной невѣсты. И хоть бы сама она имѣла настолько смѣлости, чтобы не вводить людей въ заблужденіе на ея счетъ. Но

нѣтъ. Эти толки почти неизмѣнно заканчивались разговоромъ о странныхъ противорѣчіяхъ въ характерѣ Клары.

— Я не понимаю ея,—говорила госпожа Домгофъ.—Самолюбива, горда и въ то же время считаетъ величайшимъ счастьемъ хоть постоять рука-объ-руку съ важными людьми. Я тоже была и горда, и самолюбива въ дѣвушкахъ, но моя гордость и самолюбіе именно въ томъ и выражались, что я сторонилась отъ богатыхъ и важныхъ подругъ, зная, что я буду послѣднею между ними, что онѣ будутъ на меня глядѣть свысока. Онѣ шли ко мнѣ, чтобы я помогала имъ въ урокахъ, а я даже и тогда отказывалась отъ ихъ приглашеній.

Mademoiselle Дюмонъ болѣе всего удивляло то, что Клара такая страстная по натурѣ, а между тѣмъ:

— До сихъ поръ не влюбилась въ нашего херувима!—заканчивала она, смѣясь горькимъ смѣхомъ.—Я давно бы была безъ ума отъ него въ ея годы.

«Херувимомъ» въ интимномъ кружкѣ этихъ трехъ женщинъ прозванъ былъ Борисъ.

— Мнѣ кажется, она вообще не способна полюбить кого бы то ни было,—со вздохомъ говорила Tante Мальхенъ.

— Ну, не способна полюбить, такъ могла бы влюбиться,—горячо возражала mademoiselle Дюмонъ.

Госпожа Домгофъ пожимала плечами.

— Можетъ-быть, она и влюблена уже въ него. Развѣ мы знаемъ ее? Но и влюбившись, она подавитъ это чувство, если тотъ, въ кого она влюбилась, не богачъ и не въ мундирѣ.

И, задумавшись о Тепловѣ, она прибавила:

— Да, такой человѣкъ могъ бы быть для нея хорошимъ мужемъ; онъ, можетъ-быть, перевоспиталъ бы ее. У него много стойкости въ характерѣ, много слѣдовъ воспитанія, у него есть умѣнье держать себя съ тактомъ. Къ сожалѣнію, этого брака никогда не будетъ. Они, кажется, просто не терпятъ другъ друга. Онъ-то имѣетъ на это свои причины, она не разъ оскорбляла его. А она? почему она его ненавидитъ? За то, что онъ бѣднякъ и учитель? Это могло вызвать равнодушіе къ нему, а не ненависть. Право, мнѣ иногда кажется, что она ненавидитъ его за то, что она влюблена въ него...

Госпожа Домгофъ была не далека отъ истины. Тепловъ съ каждымъ днемъ пробуждалъ въ Кларѣ все болѣе и болѣе странныя, противорѣчивыя чувства. Мечтая о балахъ, о спектакляхъ, о блестящихъ кавалерахъ, она помимо своего желанія вдругъ останавливалась на одномъ образѣ — это

былъ образъ Бориса Михайловича; она сдвигала брови, дѣлала серьезные глаза, но этотъ образъ не исчезалъ въ ея воображеніи, какъ бы дразня ее, какъ бы говоря: «что же ты не любуешься мною?» Порой за обѣдомъ, за вечернимъ чтеніемъ, во время пріѣзда гостей, ея взглядъ вдругъ останавливался на Тепловѣ, красивомъ, цвѣтущемъ, оживленномъ; очнувшись, встрѣтившись своими глазами съ глазами Теплова, она сердито и быстро отворачивалась, негодуя на него, точно онъ былъ виноватъ, что она смотрѣла на него. Иногда пріѣзжавшія въ домъ Домгофовъ дѣвицы говорили ей шопотомъ, что Тепловъ очень хорошъ собою; она дѣлала гримасу, передергивала плечами и злилась въ душѣ на то, что его находятъ красивымъ. Ничѣмъ нельзя было ее разсердить такъ, какъ похвалами ему, а между тѣмъ въ домѣ всѣ постоянно хвалили его, даже самъ Домгофъ, особенно послѣ того, какъ Тепловъ недѣли три, просиживая ночью и по утрамъ съ Домгофомъ, помогалъ послѣднему въ провѣркѣ разныхъ отчетовъ по банку. Послѣ этой работы Домгофъ уже серьезно говорилъ, что онъ затянетъ Теплова къ себѣ въ банкъ, такъ какъ способныхъ дѣловыхъ людей не на каждомъ перекресткѣ встрѣтишь. Въ концѣ концовъ, дѣло дошло до того, что когда начинался разговоръ о Тепловѣ, Клара, блѣдная, какъ полотно, поднималась съ мѣста и уходила изъ комнаты.

«Это они на зло мнѣ, на зло мнѣ говорятъ, зная, что я его ненавижу»,—думала она, стискивая зубы.

III.

На одномъ изъ вечеровъ Кларѣ былъ представленъ молодой князь Шабадзіевъ, высокій, тонкій, перетянутый конвоецъ съ цѣлымъ овиномъ черныхъ волосъ, съ большимъ носомъ, похожимъ на клювъ, съ узенькимъ лбомъ и широкимъ ртомъ. Онъ пригласилъ дѣвушку на кадриль и въ теченіе цѣлаго вечера почти не отходилъ отъ нея.

Никогда Клара не чувствовала себя такой счастливой, какъ на этомъ балу. Ее поразило все: и княжескій титулъ новаго знакомаго, и его національный костюмъ, смѣсь шелка, бархата, золота и серебра, и разсказы молодого человѣка о томъ, что такая-то царица на Кавказѣ его тетка, а такая-то кавказская же царевна его двоюродная сестра, и довольно безцеремонные, не лишенные витіеватости, комплименты, которыми, не сморгнувъ глазомъ, смотря прямо въ лицо молодой дѣвушкѣ, осыпалъ ее молодой кавказецъ.

Ей казалось, что она танцуетъ чуть ли не съ наслѣдникомъ престола.

Съ разгорѣвшимся лицомъ, съ блестящими глазами, съ необычнымъ оживленіемъ говорила Клара въ каретѣ госпожѣ Домгофъ о любезности и ловкости князя.

— Всѣ они акробаты,—равнодушно замѣтила госпожа Домгофъ.—Съ дѣтства, я думаю, и на головѣ ходить, и кувыркаться научился не хуже любого клоуна.

— Онъ очень важный господинъ!—горячо и серьезно вступилась за своего кавалера Клара.—Онъ князь и...

Госпожа Домгофъ засмѣялась.

— И изъ тѣхъ татаръ, которые халаты продаютъ, такъ многіе князья.

Клара загорячилась:

— Онъ вовсе не татаринъ! У него на Кавказѣ родня изъ царей! Онъ при дворѣ бываетъ!

Госпожа Домгофъ пожала плечами.

— Кто бы онъ ни былъ, и гдѣ бы онъ ни бывалъ, намъ отъ этого ни тепло, ни холодно, и потому намъ не изъ-за чего тутъ горячиться.

Клара надулась и замолчала...

Черезъ нѣсколько дней молодой князь увидалъ Клару въ театрѣ и довольно безцеремонно раскланялся съ нею изъ партера. Лицо дѣвушки покрылось румянцемъ. Въ антрактѣ она упросила Tante Мальхенъ пройтись въ фойэ. На первыхъ шагахъ она встрѣтилась съ княземъ. Онъ подошелъ къ дамамъ и протянулъ руку Кларѣ. Tante Мальхенъ смутилась: она не знала молодого человѣка.

— Князь Шабадзіевъ,—пробормотала Клара.

Tante Мальхенъ поклонилась. Князь протянулъ и ей руку.

— А я васъ ыскалъ на каждомъ балу,—гортаннымъ голосомъ заговорилъ князь.—И все ныгдэ нэтъ!

— Я рѣдко выѣзжаю,—скромно отвѣтила Клара.

— Да, развэ-жъ можно такую розу прятатъ,—проговорилъ онъ.

Tante Мальхенъ поспѣшила направиться къ ложѣ. Князь проводилъ дамъ до дверей ложи и, пристукнувъ шпорами, пожалъ имъ руки.

— Выходытэ въ слѣдующемъ антрактэ,—сказалъ онъ на прощаньи.

Клара пробормотала что-то невнятно, въ смущеніи.

Въ слѣдующіе антракты ей, однако, не пришлось уже

идти въ фойэ. Tante Мальхенъ шопотомъ, смѣясь, разсказала госпожѣ Домгофъ о встрѣчѣ, прибавивъ:

— И что за манеры! Первый протягиваетъ руку. Жметъ руки такъ, что больно! Говоритъ: «такую розу нельзя прятатъ»; «выходытэ въ слѣдующемъ антрактэ»

Госпожа Домгофъ засмѣялась:

— А ты думала на конюшнѣ получается лучшее свѣтское воспитаніе? Еще хорошо, что онъ не заговорилъ съ тобою на «ты». Это у нихъ тоже бываетъ.

— А объ лошадяхъ онъ съ вами не говорилъ?—шутливо спросилъ Борисъ.

— Нѣтъ!

— Ну, это еще хорошо! А то я зналъ одного изъ такихъ князей, такъ тотъ при каждой встрѣчѣ говорилъ: «а ты выдэлъ, какую я лошадъ купылъ», «а ты знаэшъ, что я лошадъ продалъ», и этимъ ограничивался весь разговоръ.

Клара метала глазами молніи на собесѣдниковъ. Она, кажется, была готова избить ихъ. Смѣясь надъ княземъ, они какъ-будто наносили ей личное оскорбленіе. На возвратномъ пути она ни съ кѣмъ не говорила во всю дорогу.

Оставшись въ своей комнатѣ, Клара расплакалась отъ злости на свою семью. Онъ, этотъ князь, очевидно влюбленъ въ нее. Но семья сдѣлаетъ все, чтобы оттолкнуть его отъ нея, отъ Клары. Досадно имъ, что на нее обращаютъ вниманіе такіе люди; ее рады бы за перваго лавочника выдать замужъ. Гдѣ его опять встрѣтишь? А и встрѣтишь, такъ что толку? Не позволятъ говорить, осмѣютъ его. И этотъ учителишка туда же насмѣхается. Завидно, что тотъ князь, офицеръ, при дворѣ бываетъ. А у него кромѣ смазливаго личика ничего нѣтъ. Умомъ тоже гордится. Какъ же, осмѣять всѣхъ умѣетъ. И помимо своей воли она вдругъ вспомнила отрывки разговоровъ князя—совсѣмъ странно онъ говорилъ. Болѣе всего ее злило то, что Тепловъ угадалъ:—князь ей тоже говорилъ о лошадяхъ. Она даже покраснѣла, вспомнивъ, какъ онъ ей сказалъ въ первой же кадрили: «а у меня такой жэрэбэцъ, какого ны у кого нэтъ». Потомъ она начала оправдывать князя. Ну да, онъ говоритъ о лошадяхъ. Что-жъ изъ этого? Не всѣмъ же о книгахъ говорить! И почему о книгахъ можно, а о лошадяхъ нельзя говорить? Не говоритъ о нихъ нашъ умникъ, потому что у него ихъ нѣтъ. Вотъ и завидуетъ другимъ. «А что они ни говори о князѣ,—мысленно закончила она:—я все-таки его буду любить, его, а не кого-нибудь другого»..

Въ одну изъ прогулокъ Клара, mademoiselle Дюмонъ, Борисъ, мальчики и дѣвочки Домгофъ, по обыкновенію, подъѣхали въ ландо къ Лѣтнему саду, остановились у воротъ со стороны набережной и вошли въ садъ. Едва они успѣли сдѣлать нѣсколько шаговъ по мосткамъ, какъ къ Кларѣ подошелъ князь Шабадзіевъ, точно выросшій изъподъ земли. Поздоровавшись съ нею, онъ назвалъ свою фамилію mademoiselle Дюмонъ, пожалъ ея руку и присоединился къ компаніи. У Клары сильно билось сердце, она была въ восторгѣ, что она идетъ рядомъ съ такимъ важнымъ господиномъ. Ей казалось, что всѣ обращаютъ на нее вниманіе, можетъ-быть, думаютъ, что это ея женихъ, завидуютъ ей. У князя была масса знакомыхъ, съ которыми онъ раскланивался и фамиліи которыхъ называлъ Кларѣ. Она опять слышала отъ него комплименты, опять онъ разсказалъ о какой-то лошади, опять онъ говорилъ, что у него на Кавказѣ такая-то царица тетка, а такая-то царевна двоюродная сестра. Онъ точно забылъ, что все это онъ уже успѣлъ сказать Кларѣ при первой ихъ встрѣчѣ. Обошедши разъ весь садъ, mademoiselle Дюмонъ сказала, что пора ѣхать.

— Вѣдь мы же почти не гуляли,—рѣзко сказала Клара, глядя на mademoiselle Дюмонъ строгими, угрожающими глазами.

— Довольно!—сухо отвѣтила mademoiselle Дюмонъ.

— Зачѣмъ же ѣхать, если хотятъ еще ходытъ?—сказалъ князь.

Mademoiselle Дюмонъ посмотрѣла на него насмѣшливыми глазами и, ничего не отвѣчая, направилась къ выходу. Князь сталъ усаживать семью въ экипажъ и усердно пожималъ руки Клары, сильно потрясая ихъ.

— Что это, Клара, за неумытый господинъ?—спросила mademoiselle Дюмонъ, какъ только экипажъ тронулся съ мѣста.

Клара вспыхнула.

— Это князь...

— Ахъ, князь или графъ—это все равно, но онъ невѣжа!—перебила mademoiselle Дюмонъ.—Развѣ онъ знакомый, чтобы гулять съ вами? Гдѣ это принято?

И потомъ, уже смѣясь, она обратилась къ Борису:

— И что за физіономія! Вмѣсто носа клювъ, и все лицо точно истыкано отъ оспы...

— Мнѣ больше всего понравился его голосъ,—сказалъ

Борисъ:—онъ точно въ одно и то же время и говоритъ, и полощетъ горло.

Всѣ засмѣялись.

Клара чувствовала, что если она скажетъ хоть слово, то изъ глазъ ея хлынутъ слезы. Она, казалось, ненавидѣла теперь всѣхъ окружавшихъ ее людей, какъ злѣйшихъ враговъ.

IV.

Въ послѣднихъ числахъ апрѣля Кларѣ удалось снова встрѣтиться съ княземъ Шабадзіевымъ у знакомыхъ.

На этотъ разъ князь попросилъ хозяевъ представить его старикамъ Домгофамъ. Его представили имъ. Домгофъ сдержанно обмѣнялся съ нимъ нѣсколькими незначительными фразами, но не счелъ нужнымъ пригласить его къ себѣ. Госпожа Домгофъ, въ отвѣтъ на его слова о томъ, что онъ давно желалъ быть представленнымъ ей, замѣтила, что она сожалѣетъ, что это представленіе совершилось какъ разъ въ то время, когда князь, вѣроятно, долженъ выступить въ лагерь, а они, Домгофы, уѣзжаютъ на дачу отдыхать послѣ зимняго сезона. Она постаралась особенно подчеркнуть слова объ «отдыхѣ».

Несмотря на это, князь сдѣлалъ черезъ два дня визитъ къ Домгофамъ—лакей сказалъ, что господъ нѣтъ дома, и князю пришлось только оставить на память хозяевамъ свою визитную карточку. Клара дулась нѣсколько дней послѣ этого неудачнаго визита князя и мысленно повторяла, что она выйдетъ за него замужъ, хоть бы ей пришлось убѣжать изъ дома,—выйдетъ на зло всѣмъ. Пусть онъ и татарскій князь, и глупый, и съ слѣдами оспы на лицѣ, а все-таки они, умные, красивые, лопнутъ отъ досады, когда она сдѣлается княгиней. И ее болѣе всего радовало—радовало до злости именно то, что этотъ умникъ, красавецъ Тепловъ увидитъ ее невѣстой князя. А! онъ на нее не обращаетъ вниманія, онъ подшучиваетъ надъ ней! Вотъ что-то онъ скажетъ тогда, когда она будетъ невѣстой князя? И вдругъ ей стало обидно до слезъ при мысли, что и тогда Тепловъ, можетъ-быть, станетъ шутить и смѣяться. Неужели онъ не замѣчаетъ ея красоты? Неужели она не пробуждаетъ въ немъ никакого чувства? И она злилась на себя, задавая себѣ эти вопросы. Что ей до того, обращаетъ онъ на нее вниманіе или нѣтъ? Если бы онъ даже былъ безъ ума отъ нея,—что ей въ этомъ? Осмѣлься онъ сказать ей какую-

нибудь любезность,— она показала бы ему, гдѣ его мѣсто. Учителишка, нищій! Она хотѣла выгнать его изъ своей памяти, не думать о немъ, а его образъ все болѣе и болѣе заслонялъ собою образъ князя. Какъ бы было хорошо, если бы князь былъ такимъ, какъ Тепловъ! Иногда эти мысли доводили ее до ярости...

Разъ горничная таинственно сказала Кларѣ:

— Барышня, я боюсь вамъ сказать. Бѣды я надѣлала. Вамъ прислали письмо. Я приняла сдуру... Приказали отдать потихоньку. Я не знаю, какъ быть...

— Давай, давай!—крикнула Клара, сразу угадавъ, отъ кого было письмо.

— Но я боюсь, если господа узнаютъ! Не выдайте, ради Бога!

— Ахъ, перестань! Вотъ выдумала! И кто мнѣ можетъ запретить получать письма!

— Да, вамъ-то ничего, а мнѣ достанется!

Клара, не слушая горничную, дрожащими руками схватила письмо, сорвала конвертъ, развернула тонкій листикъ почтовой бумаги. Это было признаніе въ любви, витіеватое, довольно пошлое, но не страдавшее тѣми ошибками противъ русскаго языка, которыми изобиловала рѣчь князя.

Вглядываясь попристальнѣе въ почеркъ, Клара могла бы понять, что это письмо не писалось, а переписывалось— тщательно, осторожно, какъ переписываютъ дѣти съ книги или съ чужой рукописи. Но Кларѣ было не до этихъ соображеній. Она была охвачена восторгомъ. Ей впервые признавались въ любви. Это такое счастье для дѣвушки. Ей писали о томъ, что отдали бы полжизни за нѣсколько минутъ свиданія. Ей говорили, что ее готовы бы похитить. Романическое начало первой любви кружило ей голову. Вдругъ ей пришло въ голову: «вотъ показать бы ему, нашему генію и красавцу, какъ меня любятъ». Она такъ обозлилась, что онъ, Тепловъ, опять пришелъ ей на память, что стиснула зубы. Въ такую минуту и думать о другомъ! Она мысленно бранила себя: ее такъ любятъ, ей признаются въ любви, а она думаетъ о другомъ. Безчувственная, неблагодарная!..

Весь день она ходила, какъ во снѣ, съ блаженной улыбкой на лицѣ, съ таинственнымъ видомъ. Вечеромъ она рѣшилась отвѣтить князю. Но можно ли отвѣчать? Почему же нѣтъ? Она не станетъ писать, что любитъ его, но онъ пойметъ это и такъ. Нельзя же его отталкивать. А вдругъ домаш-

ніе узнаютъ? Что будетъ тогда? И не у кого спросить совѣта, указанія! Она разорвала листковъ десять, составляя отвѣтъ. Наконецъ письмо было написано. Она писала осторожно, сдержанно, что князь можетъ, если желаетъ ее видѣть, посѣтить ихъ на дачѣ, что другихъ встрѣчъ не можетъ быть, что она никуда не выходитъ одна—только иногда передъ обѣдомъ она гуляетъ недалеко отъ дачи, но и то очень рѣдко, очень недолго. Написавъ послѣднюю фразу, она думала: «а что, если онъ подкараулитъ въ это время?» И у нея замирало сердце при этой мысли.

Черезъ нѣсколько дней былъ полученъ отвѣтъ князя. Онъ написалъ, что онъ пріѣдетъ къ Домгофамъ, что онъ условится съ Кларой, какъ встрѣтиться. И опять въ письмѣ были разсыпаны комплименты и восторженныя фразы, цѣликомъ бывшіе уже въ первомъ письмѣ. Казалось, князь не умѣлъ придумать новыхъ сравненій и рѣшился твердить одно и то же любимой дѣвушкѣ. Ей показалось это страннымъ. Но, можетъ-быть, влюбленные и всегда говорятъ одно и то же? Почему знаетъ она, Клара? Ей еще никто не объяснялся въ любви. Вотъ, что бы сказала она ему? «Ахъ, я тебя люблю!» А дальше? Она не знала, что бы она сказала дальше? Ей даже стало неловко. Что она будетъ, въ самомъ дѣлѣ, говорить ему? Нельзя же молчать? Но ей рѣшительно было нечего ему сказать. Вотъ Теплову, вѣроятно, говорятъ: «ахъ, какой вы умный, какой красавецъ». Она сдѣлала гримасу. Потому, вѣроятно, и занятъ собою—хочетъ чтобы за нимъ ухаживали. Опять она сердилась на себя за то, что думала о Борисѣ, когда нужно было думать о князѣ...

V.

Кларѣ опять готовился новый ударъ. Князь пріѣхалъ, его приняли на половинѣ Домгофа; онъ просидѣлъ съ полчаса, спросилъ о здоровьѣ госпожи Домгофъ; хозяинъ отвѣтилъ, что жена не такъ здорова, и гость, разсказавъ о томъ, что у него на Кавказѣ тетка царица, двоюродная сестра царевна, что у него теперь новая кобыла удивительной породы, долженъ былъ откланяться, такъ какъ матеріалъ для бесѣды былъ истощенъ, а хозяинъ уже давно ощипывалъ какое-то перо отъ томительной скуки. Откланиваясь, князь просилъ Домгофа передать поклонъ госпожѣ Домгофъ и ихъ племянницѣ, очаровательной барышнѣ.

— Что ему у насъ нужно? — спрашивалъ Домгофъ за

обѣдомъ.—Денегъ? Такъ я ему гроша не повѣрилъ бы въ долгъ.

Госпожа Домгофъ только пожала плечами.

— Просто, вѣрно, любитъ заводить новыя знакомства для счету. У этихъ господъ вѣдь дѣла нѣтъ; ну, и рыщутъ съ визитами.

Кларѣ такъ и хотѣлось крикнуть:

— Развѣ вы не понимаете, что онъ влюбленъ въ меня? Они, впрочемъ, и безъ ея объясненій уже угадывали, что у князя есть заднія мысли, и боялись этого. У Клары нѣтъ ничего; у него, вѣроятно, тоже. Что же это за пара? Поженить ихъ, а потомъ кормить. Это значитъ плодить нищихъ. Кларѣ нуженъ мужъ, если не богатый, то служащій на хорошемъ мѣстѣ, съ обезпеченнымъ содержаніемъ. Если этотъ господинъ вздумаетъ свататься за нее, ему придется отказать.

На другой день послѣ этого визита Кларою получилось еще письмо отъ князя съ сѣтованіями, что онъ не видалъ Клару. Безъ нея онъ не можетъ жить. Онъ ее называлъ и пальмой, и розой, и просилъ опредѣлить день и часъ, когда ее можно встрѣтить въ паркѣ около ихъ дачи. Неужели она откажетъ ему въ этомъ? Сердитая на всѣхъ близкихъ, желающая наперекоръ всѣмъ составить свое счастье, Клара быстро, не разсуждая, не раздумывая, написала письмо, опредѣляя часъ и мѣсто своей одинокой прогулки. Когда письмо было уже отправлено, она испугалась. Господи, что она надѣлала! А вдругъ онъ ее похититъ? А что, если онъ потомъ не женится? А вдругъ, кто-нибудь узнаетъ все, подкараулитъ? Сколько стыда, позора, насмѣшекъ! Нѣтъ, лучше не идти! Что онъ скажетъ? Скажетъ, что она смѣется надъ нимъ? Разсердится, будетъ мстить... У него письма, доказательства...

Она пошла.

Князь уже ждалъ ее. Они очутились вдвоемъ въ пустой аллеѣ. Онъ стремительно обнялъ ее и началъ цѣловать безъ всякихъ предисловій, безъ разговоровъ. Она вскрикнула, высвободилась изъ его объятій и, съ пылающимъ лицомъ, съ строгимъ взглядомъ, гнѣвно отшатнулась въ сторону.

— Какъ вы смѣете? Кто вамъ позволилъ? Это низко!— проговорила она, задыхаясь.

Ее душило чувство оскорбленнаго самолюбія. Ее еще никогда не цѣловалъ посторонній мужчина. Въ поцѣлуяхъ князя она почувствовала не ласку, а дерзость.

— Я сдѣлала ошибку, придя сюда, но я не дала вамъ права такъ поступать,—говорила она, чуть не плача.

— Да я же тэбя люблю!—воскликнулъ князь.

Она совсѣмъ оторопѣла, ее душили слезы.

— Ты поймы,—говорилъ онъ, опять приближаясь къ ней.

— Не подходите! не говорите мнѣ *ты*!—оборвала она его.—Мы еще не женихъ и невѣста!.. Какое право вы имѣете оскорблять меня...

— Но,—началъ онъ, подходя еще ближе.

— Я сейчасъ уйду, если вы еще сдѣлаете хоть шагъ!..

Она хотѣла идти. Онъ растерялся, началъ упрашивать ее остаться. Онъ такъ страстно ее любитъ. Въ немъ кавказская кровь. Онъ не можетъ сдерживаться. Какая же обида, если дѣвушку цѣлуютъ? Но если онъ обидѣлъ ее, онъ проситъ прощенія. Смущенная, опустивъ глаза, она тихо отвѣтила:

— Хорошо, говорите. Но помните, что я вамъ не дала права на... ваши выходки!

Говорить? Что же ему говорить? Онъ опять назвалъ ее пальмой въ пустынѣ, манящей его отдохнуть подъ ея тѣнью, розой въ саду, зовущей его упиться ея ароматомъ. А у него тетка на Кавказѣ царица, двоюродная сестра царевна, вотъ онъ самъ еще завелъ себѣ лошадь. Онъ путался, не зналъ что говорить. Ей было стыдно за него, ей было жаль его. Очевидно, онъ такъ ее любитъ, что теряетъ голову и говоритъ только глупости, невозможныя вещи. Наконецъ, онъ договорился до того, что онъ будетъ за нее свататься. Согласна ли она?

— Да,—тихо отвѣтила она.

— Я сичасъ пойду!—быстро сказалъ онъ.—Вмѣстэ будэмъ ходытъ!

Она испуганно остановила его:

— Нѣтъ, нѣтъ! Такъ нельзя! Никто не знастъ, что я сдѣлала... что я видѣлась съ вами... Пріѣзжайте завтра, послѣзавтра, но не теперь!..

Онъ-было заспорилъ, потомъ согласился на послѣзавтра. Ровно въ часъ онъ пріѣдетъ къ Домгофамъ и будетъ просить ея руки.

Она заторопилась идти. Онъ не выдержалъ, схватилъ ее за руки и опять поцѣловалъ въ губы. Иначе онъ не умѣлъ обращаться съ женщинами. Она вырвалась отъ него и почти побѣжала домой. Ей казалось, что въ ея душѣ не радость, а только чувство оскорбленія. Онъ ее обнималъ и

цѣловалъ, какъ горничную, безцеремонно, нахально. Она старалась оправдать его тѣмъ, что онъ кавказецъ, дикарь отчасти. Но все же долженъ же онъ знать, что въ обществѣ такъ не дѣлается! Когда она пришла домой, всѣ обратили на нее вниманіе. Она была взволнована, ея лицо то покрывалось блѣдностью, то вспыхивало румянцемъ. Ее стали разспрашивать. Что съ ней? Гдѣ она была? Она сказала, что она сидѣла въ бесѣдкѣ и читала. Борисъ пристально, почти съ испугомъ взглянулъ на нее и сдѣлалъ ей какой-то знакъ головою, какъ будто говоря: «молчите».

— Какъ въ бесѣдкѣ?—сказалъ Оскаръ.—Мы тоже тамъ сидѣли, а тебя тамъ не было...

Клара растерялась, на ея глазахъ были слезы. Всѣ присутствующіе обратили на нее вниманіе. Всѣхъ охватило недоумѣніе. Тепловъ быстро проговорилъ:

— Мы, Оскаръ, были въ стеклянной бесѣдкѣ, а фрейлейнъ Клара, я видѣлъ, прошла на скамью подъ грибкомъ...

И, обращаясь къ Кларѣ, онъ замѣтилъ:

— Вы напрасно тамъ сидите въ эти часы, тамъ солнце въ это время падаетъ прямо на скамью. Я хотѣлъ васъ предупредить объ этомъ, когда вы сидѣли тамъ...

И не воздерживаясь отъ обычной шутливости, онъ закончилъ:

— Да боялся, что вы по обыкновенію скажете, что это не мое дѣло... Мнѣ вѣдь отъ васъ не разъ доставалось...

Она сидѣла молча, не шевелясь, какъ убитая. Она сознавала, что онъ выручилъ ее изъ бѣды,—выручилъ и теперь глумится надъ нею же! Даже на добрый поступокъ неспособенъ безъ того, чтобы не уязвить человѣка! О, когда она избавится отъ преслѣдованій этого человѣка!..

VI.

Тепловъ, какъ ни мало онъ интересовался Кларою, давно уже замѣтилъ, что съ ней творится что-то странное. Толки о князѣ Шабадзіевѣ не ускользнули отъ его слуха. Съ нимъ уже давно не церемонились въ домѣ и тайнъ отъ него не было. Утренніе визиты князя, разъ не принятаго, въ другой разъ принятаго только Домгофомъ, навели молодого человѣка на мысль, что визиты дѣлались не даромъ и что также не даромъ семья сторонилась отъ князя. Госпожа Домгофъ даже прямо замѣтила разъ при Борисѣ: «Ужъ не разсчитываетъ ли этотъ князь на Клару? Это ужъ совсѣмъ напрасно!» Затѣмъ Борисъ совершенно случайно

началъ замѣчать, что Клара передъ обѣдомъ уходитъ изъ сада гулять одна. Въ первые дни онъ хотѣлъ даже предупредить ее, что это не безопасно, что ея родные могутъ это замѣтить, потомъ подумалъ, что не стоитъ вмѣшиваться въ чужія дѣла. Да она и не послушаетъ его совѣтовъ, а еще подумаетъ, что онъ играетъ роль шпіона и наушника. Теперь же, когда случайно тайна Клары едва не вышла наружу, онъ счелъ своимъ долгомъ защитить молодую дѣвушку, а потомъ сдѣлать ей отеческій выговоръ, объяснить ей, что не всегда ей будутъ такъ счастливо сходить съ рукъ ея тайныя экскурсіи, черезъ заднюю калитку сада. Только вечеромъ ему удалось улучить свободную минуту и остаться наединѣ съ Кларой. Онъ подошелъ къ ней и тихо проговорилъ:

— Что, чуть-чуть не попались? И подѣломъ бы! Не ходите однѣ гулять.

Она поблѣднѣла.

— А вы шпіонили, значитъ, за мной!—прошептала она.

— Что мнѣ за неволя шпіонить! Просто замѣтилъ два раза, что вы уходите заднимъ ходомъ изъ сада въ паркъ. Сегодня, когда чуть не обличили васъ, и пришлось заступиться.

— Я васъ не просила!

— А! значитъ вамъ все равно, если бы узнали?

— Я никого не боюсь!

— О, какая вы храбрая! Ну, такъ я все разскажу!

Она едва удерживалась отъ слезъ.

— Когда вы перестанете меня преслѣдовать? Это низко, низко!—воскликнула она, задыхаясь.

Ему стало жаль ее.

— Я? преслѣдую васъ? Что вы выдумываете? Я вѣдь наемный учитель: приставленъ за дѣтьми смотрѣть. Такъ вѣдь вы говорите обо мнѣ? Гдѣ же мнѣ преслѣдовать васъ!

И, перемѣняя тонъ, онъ болѣе дружески, искренно и тепло прибавилъ:

— Но мнѣ жаль васъ. Вы неопытны, вы не знаете петербургской жизни. Здѣсь нельзя дѣвушки въ ваши годы и въ вашемъ положеніи бѣгать одной по парку. Богъ знаетъ, что̀ можетъ случиться и что̀ могутъ сказать. Скажутъ еще, что вы свиданія назначаете.

— Ну, и пусть говорятъ! Вамъ-то что?

— Да я не ради себя, а ради васъ говорю. Мнѣ все равно, хоть бы вы и точно ходили на свиданія.

— И хожу, и хожу! — воскликнула она со слезами. — Это мое дѣло, мое! Слышите?

Она даже топнула ногою, точно угрожая ему. Борисъ пожалъ плечами.

— Богъ васъ знаетъ, что вы говорите, за что сердитесь, о чемъ плачете! Ну, если вы полюбили, если васъ любятъ— и слава Богу! Это такое счастіе, что тутъ не сердиться хочется, а весь міръ обнять хотѣлось бы. А вы... пора бы вамъ понять, что со мною вамъ дѣлить нечего, врага во мнѣ странно видѣть... Изъ-за чего намъ быть врагами?.. Впрочемъ, Богъ съ вами! Сегодня я вамъ доказалъ, что я вамъ зла не желаю, а напротивъ того...

Онъ повернулся къ ней спиною и вышелъ изъ комнаты.

Она что-то хотѣла сказать и осталась стоять съ открытымъ ртомъ, точно пораженная громомъ. Зла ей не желаетъ! Упрекаетъ ее за враждебность къ нему! Сказалъ, что кто любимъ и любитъ, тотъ весь міръ готовъ обнять! А она всѣхъ, всѣхъ теперь ненавидитъ! Что же онъ этимъ хотѣлъ сказать? Что она не любима, или что она не любитъ! Лжетъ, лжетъ онъ! Она любима, она любитъ и все-таки всѣхъ ихъ ненавидитъ и его прежде всѣхъ, больше всѣхъ! Вздумалъ прикидываться сочувствующимъ, мягкимъ! Когда? Когда она уже дала слово другому. Это онъ въ насмѣшку, думаетъ, что она плакать будетъ о томъ, что упустила его изъ рукъ. Ницаго, наемнаго гувернера, дядьку!..

Она, рыдая, кусая себѣ губы, сжимала кулаки...

VII.

Весь слѣдующій день Клара была какъ въ воду опущенная. Она всячески избѣгала встрѣчъ съ Борисомъ Михайловичемъ, точно боясь, что онъ съ нею заговоритъ. Ее мучило, что она не велѣла князю придти въ этотъ день. Не нужно было бы томиться. Все кончилось бы разомъ. Она была бы теперь уже свободна въ своихъ поступкахъ, никто ее ни о чемъ не разспрашивалъ бы, ни въ чемъ не подозрѣвалъ бы. Ей казалось, что дню не будетъ конца. Но, наконецъ, и онъ прошелъ, прошла и ночь, настало желанное утро. Клара нетерпѣливо прислушивалась къ каждому звуку колесъ, выглядывала въ окна, не могла посидѣть на мѣстѣ. Скорѣй бы все кончилось, думала она, и точно сама пугалась приближенія развязки. Она ясно теперь сознавала, что она не любитъ князя, и злилась за это

на себя, твердила себѣ, что она будетъ его любить, будетъ его любить наперекоръ всѣмъ и, главное, Теплову...

У подъѣзда дачи остановились дрожки. Она замерла, чувствуя, какъ стѣснило ей грудь. Она ясно услышала знакомый гортанный голосъ. Князь спрашивалъ, дома ли господинъ Домгофъ. Ему отвѣтили, что барина нѣтъ. Князь велѣлъ доложить о немъ госпожѣ Домгофъ. Его попросили въ залу.

Клара какъ стояла въ гостиной, такъ и осталась стоять. Ее отдѣляла отъ залы одна стѣна съ открытой дверью. Молодая дѣвушка притаилась среди цвѣтовъ, затаивъ дыханіе. Она даже не замѣчала, что съ галлереи ее видятъ. На галлереѣ сидѣли Оскаръ и Густавъ за уроками и противъ нихъ сидѣлъ Борисъ. Онъ видѣлъ Клару и удивился, замѣтивъ, что она спряталась въ зелени около двери въ залу. Потомъ онъ понялъ, что она осталась подслушивать разговоръ, происходящій въ залѣ, сообразилъ, что пріѣхалъ, вѣроятно, князь. Его занимала эта сцена.

Въ залѣ шелъ между тѣмъ разговоръ. Князь выразилъ сожалѣніе, что онъ не засталъ хозяина дома. У него важное дѣло. Но, все равно, онъ передастъ его госпожѣ Домгофъ.

— Я полюбилъ вашу племянницу и хочу просыть ея руки,—сказалъ князь.

— Вы просите ея руки?—изумилась госпожа Домгофъ.— Это большая честь, князь, но, къ сожалѣнію, вы такъ мало знаете ее, она такъ мало знаетъ васъ.

— О, мы ужъ знаэмъ другъ дружку,—проговорилъ князь съ увѣренностью, подмигивая глазомъ.

— Не думаю, князь... Во всякомъ случаѣ, это такое серьезное дѣло, что сразу нельзя отвѣтить ни да, ни нѣтъ.

— Что-жъ, если мы любымъ, я вамъ говорю... Можэтэ спросыть у барышни. Я врать не стану. Зачѣмъ мнѣ врать? У меня есть доказательства. Я такъ бы не пошелъ.

Госпожа Домгофъ встревожилась. Какія доказательства? Что хочетъ сказать этимъ князь?

— Пысьма есть!—брякнулъ князь.

— Вы переписывались?—воскликнула въ ужасѣ госпожа Домгофъ.

Клара схватилась за грудь, точно ее что-то кольнуло. Тепловъ тревожно слѣдилъ за нею, разсѣянно диктуя что-то дѣтямъ. Въ саду проходила съ дѣвочками mademoiselle Дюмонъ. Тепловъ обрадовался случаю и сказалъ мальчуганамъ:

— Довольно заниматься! У меня что-то голова разболѣлась. Ступайте играть съ сестрами. Я усталъ.

Онъ взялъ мальчугановъ за плечи и выпроводилъ ихъ въ садъ, не давъ имъ даже собрать тетради. Какое-то смутное чутье подсказывало, что рядомъ совершается что-то неладное, грозящее плохой развязкой. Оставшись одинъ, онъ продолжалъ наблюдать за Кларой.

Въ залѣ, между тѣмъ, продолжался разговоръ:

— Мнѣ очень грустно, князь, что вы рѣшились переписываться съ дѣвушкой помимо ея родныхъ.

— Если мы любимъ,—началъ князь.

— Это не оправданіе. Въ нашемъ кругу такъ не дѣлаютъ. Но что сдѣлано, того не вернуть. Вы просите ея руки. Но ни я, ни мой мужъ, мы не знаемъ васъ, вашихъ средствъ. Клара привыкла въ послѣдніе годы жить хорошо, безъ лишеній. Въ состояніи ли вы обезпечить ее?

— У нея же есть приданое,—сказалъ князь.

— У нея ничего нѣтъ.

Князь посмотрѣлъ на хозяйку дома недоумѣвающимъ взглядомъ.

— Какъ ничего нэтъ? Вашъ мужъ ея опэкунъ. Она мнѣ сама говорыла.

— Я надѣюсь, что она не говорила вамъ, что у нея есть въ опекѣ состояніе?

— Какъ такъ?—спросилъ озадаченный князь.—Вы же богатые люди.

— Мы—да, но у нея нѣтъ ничего...

Князь безцеремонно заходилъ по залу, озадаченный, взволнованный.

— Это странно, богатые люди, а за плэмянницей ничэго нэтъ,—говорилъ онъ недовольнымъ тономъ, покусывая усы.

— Мы дадимъ ей приданое, все необходимое, но денегъ...

Госпожа Домгофъ перемѣнила тонъ и уже съ нескрываемой ироніей спросила:

— Вамъ, князь, вѣроятно, всего нужнѣе деньги и много денегъ.

— Нэ могу же я камэнъ на шею надэть, — рѣзко отозвался онъ.—Странное дэло! говорятъ, опэкунъ, говорятъ, богатый дядя, а у нея нычего нэтъ! Странное дэло! Это надо было говорыть прэждэ. Я камэнъ самъ себѣ не могу на шею надэтъ! Это просто одынъ обманъ!

Клара закрыла лицо руками, униженная, пристыженная, страдающая. Госпожа Домгофъ сухо продолжала разъяснять

князю, что его никто не обманывалъ, что онъ самъ обманулъ себя.

— А чѣго вы мнѣ говорыте!—раздражительно произнесъ онъ.—Она пысьма писала, она говорыла: опэкунъ! опэкунъ! Надъ чѣмъ опэкунъ? Нычего и безъ опэки нэ пропадетъ!

Онъ разсмѣялся нахальнымъ смѣхомъ надъ своей остротой.

Клара, шатаясь, хотѣла подняться, поднялась, сдѣлала нѣсколько невѣрныхъ шаговъ, задыхаясь отъ рыданій, и почувствовала, что у нея подкашиваются ноги. Кто-то быстро подхватилъ ее, держа за талію и тихо, ласково говоря ей:

— Не плачьте, не плачьте, Клара, васъ могутъ услышать! Зачѣмъ доставлять еще это удовольствіе негодяю!

Она инстинктивно прижалась къ поддерживавшему ее Теплову и, опираясь на его руку, тихо всхлипывая, выбралась изъ гостиной.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

I.

Происшедшее событіе произвело въ семьѣ Домгофовъ невообразимый переполохъ. Въ сущности ничтожное само по себѣ, оно повело къ цѣлому ряду сценъ, объясненій, открытій. Казалось, оно потрясло всѣ основы этой семейной жизни, сложившейся на незыблемомъ фундаментѣ. Прежде всего госпожу Домгофъ и Tante Мальхенъ поразило, какъ могла дѣвушка изъ ихъ семьи переписываться съ чужимъ мужчиной. Сама госпожа Домгофъ выросла въ такой бюргерской средѣ, гдѣ дѣвушкѣ и въ голову не могло придти переписываться съ посторонними молодыми людьми; Tante Мальхенъ росла тоже въ такой средѣ и кромѣ того не имѣла даже времени задумываться о подобныхъ глупостяхъ, занятая постоянно хлопотами и заботами о другихъ. Обѣ эти женщины на всѣ лады повторяли Кларѣ:

— Какъ ты рѣшилась? Какъ тебѣ это въ голову пришло? Понимаешь ли ты, что ты надѣлала?

Клара плакала, убѣдившись вполнѣ, что она совершила нѣчто ужасное, чудовищное.

Потомъ госпожа Домгофъ и Tante Мальхенъ, совѣщаясь въ сотый разъ объ этомъ событіи, вдругъ остановились на вопросѣ: «но какъ же она переписывалась?» Если переписывалась, то, значитъ, кто-нибудь передавалъ письма? Кто-нибудь въ домѣ способенъ къ обману? Кто этотъ преступ-

никъ? На сцену явилась горничная. Она передавала тайкомъ письма барышнѣ, а на нее, на эту горничную, такъ полагались! Пошли объясненія, опять плачъ, опять совѣщанія: выгнать служанку или простить? Но кто поручится, что она опять не обманетъ? А если выгнать, не станетъ ли она разсказывать вездѣ, что ее выгнали за то, что барышня переписывалась съ мужчиной?

Едва рѣшили этотъ вопросъ, простивъ дѣвушку, какъ возникъ новый вопросъ: «Что станетъ дѣлать съ письмами князь?» Онъ будетъ хвастать ими, отъ него можно всего ждать, это такой негодяй. И опять волненія, тревога, обсужденія.

И вдругъ — самое чудовищное явленіе: — mademoiselle Дюмонъ, не любившая долго останавливаться на толкахъ о выѣденномъ яйцѣ,—замѣтила госпожѣ Домгофъ:

— Ну, стоитъ ли столько волноваться изъ-за пустяковъ!

Госпожа Домгофъ широко открыла глаза:

— Какъ изъ-за пустяковъ? Пустяки, что дѣвушка сгубила свою репутацію? Пустяки, если всѣ узнаютъ о ея поведеніи? Что съ вами!

— Да вѣдь ужъ дѣла не поправить, лучше забыть его скорѣе!

— Забыть! А другіе забудутъ? А письма исчезнутъ? Что вы говорите!

И вечеромъ госпожа Домгофъ почти съ враждебностью говорила Tante Мальхенъ про mademoiselle Дюмонъ:

— Въ ней все еще сидитъ француженка!

Этимъ было все сказано. До этой минуты никто въ семьѣ не думалъ о томъ, что въ mademoiselle Дюмонъ еще сидитъ француженка, что ее не могло онѣмечить долговременное пребываніе въ домѣ Домгофовъ. И госпожа Домгофъ, и Tante Мальхенъ во всей этой исторіи напоминали насѣдокъ, высидѣвшихъ утиное яйцо...

Отъ вниманія Бориса не ускользнули всѣ мелочи этого переполоха, и онъ вдругъ увидалъ комическую сторону въ складѣ жизни Домгофовъ. Его смѣшили эти волненія, вздохи, меланхолическіе взгляды, бросаемые на Клару. Что бы было, если бы случилось нѣчто болѣе серьезное? Эти женщины совсѣмъ потеряли бы голову. Ему было жаль Клару, и нѣсколько разъ онъ порывался какъ-нибудь успокоить ее, сказать ей, что напрасно она портитъ себѣ глаза слезами изъ-за такихъ пустяковъ. Но онъ боялся заговорить объ этомъ предметѣ съ молодой дѣвушкой. Осторожность и осмо-

трительность все болѣе и болѣе начинали преобладать въ его характерѣ. Менѣе его сдержанная и болѣе, чѣмъ онъ, рѣзкая mademoiselle Дюмонъ высказала то, чего онъ не рѣшался сказать. Какъ-то во время прогулки mademoiselle Дюмонъ обратилась къ Кларѣ и замѣтила:

— Что это вы все точно покойника оплакиваете!

И, пожавъ плечами, прибавила:

— Вы бы попросили сдѣлать вамъ трауръ!

Клара покраснѣла, конфузясь и не зная, что сказать. Борисъ замѣтилъ:

— Фрейлейнъ Клару сбили съ толку, сдѣлавъ изъ мухи слона.

— Въ такихъ случаяхъ надо самостоятельно думать, тогда и можно понять, что муха слономъ не можетъ быть,— сказала mademoiselle Дюмонъ.

И съ презрительной усмѣшкой закончила:

— А если вы будете продолжать дѣлать такое похоронное лицо, то окружающіе придутъ къ убѣжденію, что вы все еще безъ ума отъ этого неумытаго дикаря.

Клара быстро воскликнула:

— О, онъ мнѣ противенъ, противенъ! Никогда я его не любила!..

И вдругъ ей стало легко, весело. Она внезапно увидала, что у нея есть союзники, не придающіе значенія ея проступку, смѣющіеся надъ переполохомъ ея родныхъ. Она улыбалась и, еще краснѣя и конфузясь, но не безъ лукавства проговорила:

— Мнѣ даже странно теперь вспомнить, что онъ предлагалъ мнѣ: «будэмъ сичасъ ходытъ къ теткѣ»...

Всѣ засмѣялись. Борисъ искренно залюбовался личикомъ молодой дѣвушки, озареннымъ застѣнчивою и въ то же время плутоватою улыбкой.

II.

Въ домѣ Домгофовъ неожиданно появились заговорщики— mademoiselle Дюмонъ, Борисъ, Клара — и имъ стало ясно, что многое въ порядкахъ, обычаяхъ, нравахъ семьи было имъ не по душѣ. Mademoiselle Дюмонъ была слишкомъ живой француженкой, Борисъ былъ по натурѣ русскій съ широкими замашками, Клара была жаждущей богатства, роскоши и наслажденій еврейкой, и муравьиная жизнь съ извѣстными часами приливовъ и отливовъ имѣла для нихъ много чуждаго, много вызывавшаго критическія замѣчанія.

Ни въ смыслѣ, ни въ тонѣ ихъ замѣчаній не было ни рѣзкости, ни раздраженія, ни злобы; напротивъ того, припоминались смѣшныя, комическія мелочи. Только въ рѣчахъ Клары слышалось раздраженіе, и оно имѣло главнымъ источникомъ то обстоятельство, что она являлась «пострадавшимъ лицомъ». Кромѣ этихъ трехъ заговорщиковъ, было еще четвертое лицо, знавшее все, что говорили они, надъ чѣмъ они смѣялись. Это лицо была Ольга Дмитріевна...

Она давно уже жила на отдѣльной квартиркѣ, какъ бы нарочно приготовленной для одинокаго мужчины или «холостой дѣвицы». Отдѣльный ходъ съ улицы, дававшій возможность не посвящать постороннихъ, дворниковъ и швейцаровъ, въ то, кто ходитъ сюда; двѣ комнаты и кухня составляли всю квартиру. Она была убрана безъ большой роскоши, но со вкусомъ, со спальней, обитой розовымъ кретономъ, съ розовымъ фонаремъ посрединѣ, съ трюмо противъ кровати, покрытой розовымъ шелковымъ одѣяломъ. Это была обстановка дѣвушки, принимающей гостей съ улицы чаще всего именно въ этой комнатѣ. Борисъ Михайловичъ уже примирился съ положеніемъ Ольги Дмитріевны еще ранѣе, чѣмъ она переѣхала на эту квартиру. Онъ даже не спросилъ ее, кто ей нанялъ эту квартиру: тотъ? или кто-нибудь другой? Онъ зналъ только, что и онъ можетъ бывать въ этой квартирѣ и вносить свою лепту на эту жизнь. Онъ даже былъ радъ, что ему не нужно ѣздить съ Діодатовой по ресторанамъ и номерамъ, что онъ можетъ располагаться у нея не безъ комфорта на цѣлые вечера и любоваться ею, щеголявшею передъ нимъ батистомъ и кружевами, казавшимися розоватыми при свѣтѣ фонаря, спускавшагося съ потолка. Ему не приходило теперь и въ голову порвать съ нею: онъ не былъ влюбленъ въ нее, не пылалъ къ ней страстью, но онъ чувствовалъ свои отношенія къ ней удобными, «правильными», и не безъ сластолюбія любовался свѣжестью этой дѣвушки, красотой ея формъ, извѣстною манерою того кокетства, которое теперь практиковалось ею и которое граничило теперь съ полною беззастѣнчивостью. Когда-то это была дѣвушка развращенная теоретически, умственно; теперь это была вакханка, не способная остановиться ни передъ чѣмъ, что могъ бы потребовать мужчина. Сколькихъ она успѣла уже пересмотрѣть изъ нихъ! Ни одинъ не церемонился съ нею, ни съ однимъ не церемонилась она! Про нее и про ея обращеніе не даромъ говорили ея мимолетные знакомые, цѣлуя кончики своихъ пальцевъ. Она же

вспоминала объ этихъ людяхъ и объ ихъ обращеніи съ нею иногда съ отвращеніемъ, съ омерзѣніемъ. Только при воспоминаніи о Борисѣ она думала: «скорѣй бы онъ пришелъ опять». Во время своихъ визитовъ къ ней, онъ болталъ съ нею обо всемъ—о ея семьѣ, о жизни у Швецовой, о своей жизни, о своихъ родныхъ, о Домгофахъ. Можетъ-быть, это, главнымъ образомъ, заставляло Діодатову любить Теплова, помимо даже того, что онъ былъ ея первою любовью, помимо того, что до сихъ поръ она находила его самымъ красивымъ изъ всѣхъ мужчинъ, посѣщавшихъ ее. При немъ она не чувствовала себя продажной женщиной; при немъ у нея на время являлся призракъ семейной жизни. Она усаживалась съ Борисомъ въ гостиной, хлопотала о чаѣ, болтала о себѣ, о немъ, потомъ, когда убирали чай, она подходила къ нему, брала его за голову.

— Дорогой мой, какъ я тебя люблю! — нѣжно говорила она, заглядывая въ его глаза.

Онъ бралъ ее за талію, сажалъ къ себѣ на колѣни.

— Ты мой мужъ! Ахъ, если бы ты могъ всегда, всегда быть со мною!..

Она прислонялась щекой къ его груди. Эти минуты были ея высшимъ счастіемъ, эти ласки были ея лучшимъ наслажденіемъ, такъ какъ все другое уже въ сущности было какимъ-то хроническимъ запоемъ, оргіей, утомляло и доводило до головной боли. При посѣщеніяхъ Бориса она даже прикидывалась сама передъ собой какой-то наивной и невинной дѣвочкой, старалась продлить эти минуты игры въ мужа и жену и томно шептала:

— Погоди, дай посидѣть такъ близко, близко около тебя! Ты вѣдь меня любишь? Да? Ты мой мужъ?

Ожидая его, она даже одѣвалась иначе, даже причесывалась иначе.

— Правда, я похожа на Маргариту?—говорила она ему, стоя передъ нимъ.

— Да,—соглашался онъ.

Она не походила на Маргариту, но ея костюмъ, ея прическа были копіями съ костюма и прически оперной Маргариты: то же свѣтлое, гладкое платье, тѣ же косы, спускавшіяся ниже таліи.

Игра въ Маргариту продолжалась, конечно, не долго, и на смѣну этой поэтической дѣвушки являлась необузданная любовница, готовая пустить въ ходъ все, чтобы опьянить,

свести съ ума, довести до животнаго состоянія своего любовника.

Въ такіе вечера, говоря о Домгофахъ, Борисъ разсказалъ о сватовствѣ Шабадзіева, о переполохѣ въ семьѣ Домгофовъ, о комичныхъ сценахъ, вызванныхъ этимъ переполохомъ. Ольга Дмитріевна очень много забавлялась всѣмъ этимъ, разспрашивая, далеко ли зашло знакомство Клары и Шабадзіева, что намѣрены дѣлать далѣе Домгофы, не выгонятъ ли они Клару.

Когда Борисъ разсказывалъ, что Клара, кажется, увлеклась княземъ Шабадзіевымъ, Ольга Дмитріевна замѣтила:

— Еще бы, какой дѣвушкѣ не лестно княгиней сдѣлаться сіятельной!

— Да онъ дуракъ!

— Такъ что-жъ! Не учителя она ищетъ, а мужемъ и дуракъ сумѣетъ быть. Съ умнымъ-то мужемъ еще натерпѣлась бы горя, дурака и за носъ водить можно...

Когда Борисъ разсказалъ объ исторіи сватовства и сценахъ, сдѣланныхъ Кларѣ за письма, Діодатова сказала съ негодованіемъ:

— Вотъ-то тиранки! Экая бѣда, что письма писала! Убыло ея, что ли, отъ этого? Тоже своего счастья искала. Сиротой-то не сладко жить! А будутъ тиранить,—дождутся, что первому встрѣчному на шею бросится. Не мало нашей сестры отъ самаго этого тиранства гибнетъ!

Но когда Борисъ говорилъ, что Клара только и отводитъ теперь душу съ mademoiselle Дюмонъ да съ нимъ, Ольга Дмитріевна задумалась и тихо прошептала:

— Очень она тебя полюбила?

Онъ засмѣялся. Съ чего она взяла? Просто нужно же ей съ кѣмъ-нибудь поговорить, найти въ комъ-нибудь сочувствіе. Слушать вѣчно одни нравоученія не сладко; ну, и обрадовалась сочувствующимъ людямъ. Вотъ и все.

— А ты? Ты тоже уже любишь ее?—спросила тѣмъ же тономъ Діодатова, точно не слыша его объясненій.

— Что съ тобой! Я и не думалъ!—воскликнулъ онъ.

Онъ не лгалъ. Онъ вовсе не любилъ Клару. Онъ только жалѣлъ ее, принималъ въ ней участіе.

— Да, да, можетъ-быть, — проговорила она.—А потомъ сблизишься и... полюбишь...

И, горячо обнимая его, она стала упрашивать:

— Не бросай меня, милый, дорогой! Что я безъ тебя! Совсѣмъ одна буду! Душу бы я тебѣ отдала!..

Въ этотъ вечеръ она, казалось, была готова сдѣлать все, чтобы только онъ не бросалъ ее, чтобы онъ чувствовалъ всю ея страстную любовь къ нему. Ей казалось, что она ужъ теряетъ его, вотъ-вотъ уйдетъ онъ и не вернется.

Утромъ горничная застала Ольгу Дмитріевну стоящею во весь ростъ передъ трюмо и внимательно всматривающеюся въ свое отраженіе.

— А вы уже и проснулись? — не безъ удивленія сказала горничная.

Діодатова, не отвѣчая на ея слова и продолжая смотрѣть на свое отраженіе въ зеркало, спросила:

— Хороша я, Дуня?

— Чего лучше! Не даромъ всѣ мужчины по васъ сохнутъ!—отвѣтила разбитная служанка.

Діодатова помолчала и вдругъ быстро отвернулась отъ трюмо.

— Подлая наша жизнь, — сказала она рѣзко. — Сохнутъ по насъ, а подвернись любому партія—насъ въ трубу выпустятъ, а какой-нибудь одеръ, кошка ободранная, законной женой навсегда станетъ...

III.

Ольга Дмитріевна чутьемъ влюбленной женщины угадала то, что должно было случиться съ Кларой.

Дѣвушка, долго старавшаяся побѣдить въ себѣ пробужденное въ ней Тепловымъ чувство, отдалась теперь вполнѣ этому чувству при первомъ словѣ участія со стороны молодого человѣка. Еще недавно она старалась въ душѣ называть его учителишкой, много воображающимъ о себѣ умникомъ, кокетничающимъ вербнымъ херувимомъ. Теперь она ловила каждое его слово, забывала все и всѣхъ, любуясь имъ. Онъ, принявъ въ ней участіе, точно позволилъ ей любить его, и она широко воспользовалась даннымъ ей правомъ, отдалась любви со всею страстностью своей натуры. Она испытывала какое-то блаженство, видя его подлѣ себя, мягкаго, привѣтливаго, простого въ обращеніи до того, какъ будто онъ былъ ея братомъ.

Тепловъ вовсе не подозрѣвалъ, что дѣлается въ ея душѣ, и радовался только тому, что въ домѣ Домгофъ исчезъ послѣдній враждебный ему элементъ. Вѣчныя пикировки съ Кларой заставляли его до этой поры быть настороже, слѣдить за собою, опасаться какихъ-нибудь сценъ. Теперь онъ былъ въ домѣ вполнѣ какъ свой, любимый всѣми, и чув-

ствовалъ себя привольно, какъ рыба въ водѣ. Мало того, во время прогулокъ, во время бесѣдъ съ Кларой гдѣ-нибудь въ саду, во время отдыха дѣтей отъ уроковъ, во время ихъ игры въ серсо или въ воланы, онъ испытывалъ хорошія ощущенія, неизвѣстныя ему до этой поры. Онъ спрашивалъ молодую дѣвушку:

— За что вы такъ долго преслѣдовали меня?

Она краснѣла и потупляла глаза:

— Мнѣ было обидно, что вы смотрите на меня не такъ, какъ на другихъ...

— Только ради этого?

Она конфузилась еще болѣе.

— Нѣтъ... Не сердитесь на меня. Я не хорошій человѣкъ. Я слишкомъ много придавала значенія богатству, положенію въ свѣтѣ людей... Когда вы появились у насъ въ домѣ и стали держать себя независимо, это укололо меня...

— Учителишка и смѣетъ поднимать голову?

— Полноте!

Онъ мягко говорилъ ей:

— А я сразу понялъ ваше ложное положеніе и не разъ жалѣлъ васъ... Слава Богу еще, что тяжелый урокъ открылъ вамъ глаза, выяснилъ вамъ, что вашъ путь далеко не весь усѣянъ цвѣтами...

— Цвѣтами!—воскликнула она.—Нѣтъ, тутъ не цвѣты, а шипы!.. Знаете ли, что мнѣ рѣшилась сказать тетка: «Пожалуйста, не вздумай посвящать нашу Александрину въ свои тайны! Она не должна знать ничего, что было». Это гадко, низко!

— Она мать, она боится за дочь,—мягко замѣтилъ Тепловъ. — Фрейлейнъ Александрина въ такомъ возрастѣ, когда ее насильно водятъ въ короткихъ платьяхъ, а она уже мечтаетъ о шлейфѣ; она могла кое-что подмѣтить, пристать къ вамъ съ разспросами; вотъ почему васъ и предупредили. Конечно, было бы тактичнѣе не дѣлать этого. Вы сами, я думаю, рады не вспоминать объ этой глупой исторіи.

— О, я бы рада была вычеркнуть ее не только изъ своей жизни, но изъ памяти всѣхъ!

— Не придавайте ей такого значенія... Кто же не ошибался въ ваши годы?..

И подъ охватившимъ его на минуту воспоминаніемъ о Діодатовой, онъ грустно закончилъ:

— И счастливы тѣ, чьи ошибки такъ дѣтски безгрѣшны, какъ ваша...

Иногда они говорили о будущемъ. Она разспрашивала, что онъ предприметъ по окончаніи университета.

— Пойду куда-нибудь служить. Не знаю еще, куда,— отвѣчалъ онъ.

— Отчего вы не хотите идти къ дядѣ въ банкъ?

— Мнѣ хотѣлось бы быть присяжнымъ повѣреннымъ.

— Да вѣдь это не помѣшаетъ службѣ въ банкѣ?

И, задумавшись, она тихо говорила:

— И не увидимъ, какъ пролетитъ это время! Уѣдете тогда, можетъ-быть!..

— Что-жъ, будете вспоминать?—шутливо спрашивалъ онъ.

— Зачѣмъ вы это спрашиваете?—съ упрекомъ говорила она и прибавляла:—ахъ, какъ это скучно, что мы опять поѣдемъ за границу въ концѣ лѣта!

— Нынче не надолго ѣдете...

— Не надолго! На цѣлыхъ три недѣли! Я умру съ тоски...

Когда вечера стали длиннѣе и темнѣе, когда нерѣдко шли дожди, въ домѣ Домгофовъ начались обычныя чтенія по вечерамъ. Эти чтенія вдругъ пріобрѣли обаятельное значеніе для Клары. Ей казалось, что она слушаетъ чудную музыку—эта музыка былъ сильный, мужественный и въ то же время мягкій и ласкающій баритонъ Теплова, не попорченный ни разгуломъ, ни пьянствомъ, ни безсонными ночами, онъ вѣдь жилъ такою правильною жизнью. При описаніи несчастій и злоключеній какихъ-нибудь молодыхъ героевъ того или другого романа, Клара задумывалась о томъ, что было бы, если бы всѣ эти несчастія обрушились на Бориса—въ ея воображеніи представлялся этотъ прелестный, дорогой образъ среди нищеты, голода и холода, среди козней враговъ и гонителей.

— Клара, ты плачешь? — съ удивленіемъ спрашивала госпожа Домгофъ.

Молодая дѣвушка приходила въ себя и тихо отирала крупныя слезы.

Вечеромъ, передъ отходомъ ко сну, оставшись однѣ, Tante Мальхенъ и госпожа Домгофъ говорили:

— Въ ней проснулось сердце!

IV.

Tante Мальхенъ и госпожа Домгофъ, съ опытностью немолодыхъ женщинъ, сразу угадали, что пробудило сердце Клары. Не Раскольниковы, не Копперфильды, не Пенденисы,

не Карлы Мооры, не Вертеры. Клара знала давно этихъ героевъ съ ихъ страданіями и сомнѣніями, и сердце ея оставалось спокойно, — теперь оно вдругъ забилось, стало отзывчивымъ, сдѣлалось чуткимъ, потому что оно полюбило первою любовью. Кого? Развѣ можно было сомнѣваться? Обѣ тетки Клары видѣли, какъ глаза ея останавливались съ обожаніемъ на Тепловѣ, какъ ея лицо озарялось восхищеніемъ при звукахъ его голоса, какъ она ловила минуты, чтобы побыть въ его присутствіи.

— Гора у меня съ плечъ свалилась!—говорила госпожа Домгофъ Tante Мальхенъ.—Я ужъ думала, что мы ее никогда не пристроимъ: графы и милліонеры съ неба не упадутъ, а Тепловъ—я не воображала, что она способна распознать достоинства въ какомъ-нибудь «учителишкѣ».

— Но онъ, онъ?—волновалась Tante Мальхенъ.—Согласится ли онъ жениться на ней? Онъ хорошо знаетъ ея недостатки, ея требованія, ея привычки...

Госпожа Домгофъ горячо перебила ее:

— Ахъ, Богъ мой, не за голаго же мы выдадимъ ее! Его нужно пристроить, поставить на ноги. Это такъ легко. Если онъ не влюбленъ въ нее—тѣмъ лучше, это будетъ не сумасбродное супружество. Довольно и того, что они оба молоды, а будь они еще оба влюблены безъ памяти другъ въ друга, тогда отъ нихъ всякихъ безпутствъ можно бы было ждать...

И, понизивъ голосъ, госпожа Домгофъ начала высказывать свои мнѣнія насчетъ Бориса. Онъ нравственный человѣкъ, какъ красная дѣвушка. Такого мужа и нужно Кларѣ, такъ какъ она слишкомъ страстное существо. Онъ будетъ ее сдерживать, обуздывать. Ей нуженъ мужъ немного педантъ. Борисъ, несмотря на свои годы, именно такой. Надо только скорѣе все устроить, а то она сама бросится ему на шею. Отъ нея можно этого ждать. И притомъ вообще непріятно долго видѣть въ домѣ жениха и невѣсту. Всѣ они такими глупыми дѣлаются во время всѣхъ этихъ вздоховъ и изныванія отъ любви.

— Она ужъ и теперь смотритъ на него глупыми глазами съ раскрытымъ ртомъ; а что же послѣ будетъ, когда онъ станетъ отвѣчать ей на любовь...

— Но вѣдь ему нужно еще кончить университетъ,— замѣтила Tante Мальхенъ.

— Глупости! Не университетъ кончать ему нужно, а мѣсто хорошее получить. Съ образованіемъ и безъ хлѣба

можно насидѣться. Пока мы будемъ за границей, Антонъ поговоритъ съ нимъ о мѣстѣ, ощупаетъ почву.

— Ты, значитъ, сообщишь свои планы мужу?

— Еще бы! Я бы готова была сейчасъ ихъ повѣнчать. Тогда хоть буду спокойна.

Домгофъ былъ на другой же день посвященъ въ тайные планы жены. Онъ одобрилъ ихъ, хотя и замѣтилъ, что торопиться особенно нечего, что опасаться за какія-нибудь продѣлки Клары нечего, что Борисъ Михайловичъ не допуститъ никакихъ скандаловъ.

— Впрочемъ, покуда вы будете за границей, я при случаѣ намекну молодому человѣку на женитьбу,—закончилъ Домгофъ.

Самъ Домгофъ не ѣхалъ за границу, отправляя туда только свою семью на три, на четыре недѣли.

Когда семья уѣхала, Домгофъ и Борисъ остались одни въ домѣ. Они встрѣчались другъ съ другомъ за обѣдомъ, остальное время проводили порознь, пользуясь извѣстной свободой. Борисъ почти ежедневно посѣщалъ Ольгу Дмитріевну, не имѣя силъ противостоять ея просьбамъ бывать у нея почаще. Съ ней творилось что-то странное. Она точно предчувствовала близость разрыва и ловила жадно послѣднія минуты своего жалкаго счастія. Какое-то болѣзненное, лихорадочное настроеніе, охватившее ее, сказывалось такими эксцентричными и необычайными выходками и порывами, что даже Тепловъ, давно переставшій чутко присматриваться къ ней, иногда смущался и говорилъ ей: «полно», когда она обвивала руками его ноги или цѣловала его руки. Бывали минуты, когда она безъ видимой причины начинала рыдать или неожиданно произносила: «запить бы теперь и такъ и умереть».

— Что съ тобой, Оля?—спрашивалъ онъ.

— Эхъ, пропала моя голова!—говорила она, махая рукой.

Она не давала объясненій, онъ не настаивалъ на разспросахъ. А разспросить было бы о чемъ.

V.

Не говоря ни о чемъ другомъ, довольно было одного того, что онъ бывалъ у нея теперь почти ежедневно, чтобы ея положеніе сдѣлалось критическимъ: каждый день, когда Борисъ не бывалъ у нея, былъ для нея днемъ заработка; каждый день, когда Борисъ просиживалъ у нея, былъ для нея днемъ расходовъ. Довольно было недѣли безъ заработка,

чтобы явилась необходимость нести въ закладъ грошевые кольца, браслеты, серьги, всю эту поддѣльную, хотя и блестящую дрянь, накупавшуюся безъ смысла и цѣли, полученную въ подарокъ отъ первыхъ встрѣчныхъ, думавшихъ не о цѣнности подарка, а о томъ, чтобы онъ бросался въ глаза при первомъ взглядѣ на него. Но эти закладыванія вещей ради отсутствія въ послѣдніе дни заработка, были не началомъ бѣдствія, а скорѣе концомъ его—перебиванье съ гроша на грошъ, запутываніе себя въ сѣтяхъ гласныхъ кассъ ссудъ началось гораздо раньше. Вечера и ночи въ маленькой квартирѣ часто оглашались пѣніемъ, смѣхомъ, щелканьемъ пробокъ изъ шампанскихъ бутылокъ, оргіями разгула и разврата; но утра и дни нерѣдко проходили здѣсь въ брани, ссорахъ, упрекахъ, слезахъ. Отецъ, мачиха, вся семья Діодатовой насѣли на нее: одни просили въ долгъ денегъ, другіе требовали прямо помощи. Отецъ не скупился на угрозы. Еще бы! онъ благородный человѣкъ. Дочь позоритъ его. Онъ будетъ жаловаться полиціи, потребуетъ, чтобы ее водворили у него. Онъ не попуститъ разврата. Приходилось откупаться отъ благороднаго человѣка. Наличныя деньги не всегда были въ запасѣ. Когда онѣ являлись, Ольга Дмитріевна тратила ихъ, накупая бездѣлушки, браслеты, брошки, серьги. Все это было не нужно, но тѣмъ не менѣе пріобрѣталось мимоходомъ, отъ бездѣлья, отъ скуки. Приходилъ отецъ и нужно было отдавать ему эти вещи: купленныя вчера за десять, за пятнадцать рублей, эти вещи закладывались сегодня за три, за четыре рубля. Уравновѣшенія доходовъ и расходовъ не было никогда, все было случайно—и добыванье денегъ, и ихъ затрата. Бывали дни, когда Ольга Дмитріевна уже не могла выѣхать на загородное гулянье, въ театръ, въ кафе-шантанъ, не имѣя денегъ, чтобы заплатить за входъ, и она отправлялась бродить по улицамъ. Это дѣло было для нея ново, жутко, но хлѣбъ былъ нуженъ. Напѣвая слегка что-то при встрѣчахъ съ мужчинами, слегка толкая локтемъ встрѣчныхъ, она пробовала обратить на себя вниманіе. Если ничто не помогало, приходилось прямо шептать прохожимъ:

— Мужчина, пойдемте...

И въ душѣ поднималось одно желаніе забыться, напиться, заснуть...

Борисъ даже не подозрѣвалъ всей этой закулисной стороны жизни Діодатовой. Иногда онъ спрашивалъ ее, не нужно ли ей денегъ, иногда просто давалъ ей деньги, но

она смущалась, говорила, что любитъ его не за деньги, что она сама бы все отдала ему, и часто въ эти минуты въ ней все точно переворачивалось, когда ея руки, какъ бы помимо ея воли, жадно протягивались за деньгами этого человѣка, котораго она любила не за нихъ. Но чаще всего Борисъ не предлагалъ ей денегъ, а везъ ее на свой счетъ куда-нибудь, швырялъ десятокъ рублей, когда ей уже не вѣрили въ лавкѣ, не давали въ долгъ фунта хлѣба. Не подозрѣвая ничего, онъ удивлялся, когда она говорила:

— Покончить бы съ собою!

— Съ чего это тебѣ пришло въ голову?—спрашивалъ онъ.

— Э, собакѣ собачья и смерть!.. Что-жъ жить-то?.. Вотъ похороводишься со мной еще немного, а тамъ женишься и бросишь.

Онъ молчалъ, не зная, что сказать.

— А что, испугался бы, если бы вдругъ взяла да и бросилась вотъ въ воду?—спрашивала она.

— Перестань глупости говорить!

— Нѣтъ, скажи, испугался бы? Или обрадовался бы, что развязался?—настойчиво допрашивала она.

— Я тебѣ говорю, что ты глупости выдумываешь!—отвѣчалъ онъ.

— Обрадовался бы! Знаю! Да не бойся, я насильно не стану навязываться! Плевать! Бросишь, ну, и Богъ съ тобой!

Въ ея тонѣ слышался задоръ, вызовъ.

— Ужъ тебѣ не хочется ли, чтобы я бросилъ тебя?

— А ты и радъ?

Какое-то враждебное чувство другъ къ другу на минуту поднималось въ ихъ сердцахъ, помимо воли. Они шли нѣсколько минутъ молча, точно ожидая, кто первый отойдетъ въ сторону. У обоихъ вертѣлась одна мысль: «да, пора покончить съ этими глупостями». Ей приходило это въ голову, потому что завтра хоть съ голоду умирай, не имѣя денегъ; ему думалось это, потому что его начинала утомлять необузданность этой дѣвушки и становилось непріятно при мысли, что она «слишкомъ ужъ развратилась». Потомъ ей думалось: «нѣтъ, еще хоть денекъ побыть съ нимъ»; онъ размышлялъ: «гдѣ же сыщешь лучшую-то, болѣе честную? эта хоть любитъ». У обоихъ вдругъ пробуждалось желаніе покрѣпче пожать локтемъ руку другъ другу, бросить другъ другу ласковый взглядъ. Потомъ она говорила:

— Пойдемъ, вели дать вина, веселѣе станетъ!

Они шли къ буфету, садились за отдѣльный столъ, пили...

VI.

Въ день закрытія Демидовскаго сада Борисъ отправился вечеромъ съ Ольгой Дмитріевной туда, чтобы скоротать вечеръ.

Хмурое осеннее небо грозило не то дождемъ, не то снѣгомъ и наводило уныніе. Это чувство еще сильнѣе охватило Бориса въ саду, гдѣ двигалась уже многочисленная толпа завсегдатаевъ, дѣвицъ легкаго поведенія, подозрительныхъ личностей всякаго рода. Тощія деревья сада стояли полуголыми; оставшіеся на нихъ листья свернулись отъ холода, желтѣли и засыхали; иногда при дуновеніи вѣтра они падали, шелестя, на сырую землю и шуршали подъ ногами. Уродливыя, грязныя и поломанныя статуи выдѣлялись въ вечернемъ воздухѣ какими-то бѣловатыми неприглядными пятнами на темномъ фонѣ деревянныхъ построекъ, заборовъ, кіосковъ, буфетовъ. Разноцвѣтные фонарики освѣщали грязные столы, полусонную и полупьяную публику. На дощатыхъ подмосткахъ сцены допѣвались сиплыми, надтреснутыми голосами послѣднія пѣсни пѣвцовъ и пѣвицъ, давно надоѣвшихъ всѣмъ. По всѣмъ направленіямъ сада шмыгали лакеи въ засаленныхъ фракахъ, съ грязными салфетками въ грязныхъ рукахъ. Борисъ почти раскаивался, что онъ пришелъ сюда, въ его головѣ поднимались вопросы, какъ можно вообще ходить сюда, считать за удовольствіе хожденіе въ этомъ грязномъ притонѣ, среди этой неприглядной обстановки. Онъ не сознавалъ, что и эти мысли, и это недовольство были только слѣдствіемъ утомленія послѣ двухъ недѣль почти ежедневныхъ встрѣчъ съ Діодатовой. Она уже не имѣла для него притягательной силы, какъ любовница, и не могла удовлетворить его, какъ подруга. Онъ уже ничего не ждалъ отъ нея; ему уже не о чемъ было говорить съ ней. Она была тоже не весела, вся занятая денежными расчетами, заботами о завтрашнемъ днѣ, тревогами о платѣ за квартиру, о покупкѣ дровъ, о расплатѣ съ горничной. Проходя мимо одного изъ столиковъ, Борисъ услыхалъ громкій смѣхъ и невольно повернулъ голову. За столикомъ сидѣла одна изъ львицъ полусвѣта, окруженная какими-то почтенными по лѣтамъ, по наружности господами. Взглянувъ на эту группу, Борисъ почти моментально отвернулся и заторопилъ Діодатову.

— Пойдемъ прочь.

— Что случилось?—спросила она.

— Домгофъ!

— Гдѣ, гдѣ? Покажи его мнѣ!

— Пойдемъ, пойдемъ! Очень нужно, чтобы онъ видѣлъ, съ кѣмъ я...

Борисъ увлекъ ее въ другую сторону. Оба, чѣмъ-то недовольные, шли нѣсколько времени молча. Потомъ Діодатова спросила:

— Что же мы такъ и будемъ все топтаться. Хоть бы пива выпить!

Тепловъ молча пошелъ къ одному изъ столовъ, усѣлся, приказалъ подать вина. Діодатова высказывала свои соображенія насчетъ Домгофа. Тоже безъ жены-то, вѣрно, погуливаетъ. Какую-нибудь содержанку, должно-быть, имѣетъ. Что-жъ не кутить, когда деньги есть. Тепловъ отвѣчалъ разсѣянно, отрывисто, смотря на проходившихъ людей. Мало-по-малу, онъ почти забылъ о присутствіи Ольги Дмитріевны. Къ ней подходили двѣ-три знакомыя личности, перекидывались парой фразъ, отходили прочь. Наконецъ она быстро встала. Борисъ очнулся.

— Что ты? Домой?

— Нѣтъ!.. Сейчасъ!

Она отошла на два шага и съ кѣмъ-то заговорила. Это былъ маленькій толстый человѣкъ съ головой, ушедшей въ плечи, съ черными, сильно посѣдѣвшими волосами. Узкіе глаза въ красныхъ вѣкахъ, широкій носъ съ краснымъ оттѣнкомъ, ротъ акулы, съ вывороченными губами, доходившій чуть не до ушей, подбородокъ, словно замаранный давно небритой бородой, все отталкивало въ этомъ человѣкѣ, пробуждая какое-то брезгливое ощущеніе. Это былъ не только безобразный старикъ, это былъ вдобавокъ неряшливый человѣкъ. Діодатова говорила съ нимъ быстро, отрывисто. Онъ улыбался скверной улыбкой, выставляя напоказъ черные остатки сгнившихъ зубовъ.

— Кто это?—спросилъ Тепловъ, когда Ольга Дмитріевна вернулась.

— Фрисбергъ...

— Жидъ?

— Да.

Оба замолчали. Этотъ человѣкъ вдругъ точно всталъ между ними и заслонилъ ихъ другъ отъ друга. «И это одинъ изъ моихъ конкурентовъ»,—думалъ съ омерзѣніемъ Тепловъ. «Вотъ бы и поправились дѣла къ завтрашнему дню, если бы онъ могъ пріѣхать ко мнѣ»,—съ горечью

соображала она. Оба они разомъ протянули руки къ бутылкѣ: она была пуста. Борисъ крикнулъ слугу, спросилъ, сколько слѣдуетъ ему получить.

— Ты домой?—спросила Діодатова.

— Да, пора... къ себѣ!.. Усталъ я!—отвѣтилъ онъ.

Они поднялись, пошли къ выходу. Ольга Дмитріевна была, какъ на иголкахъ. Остаться здѣсь?—Ей было стыдно передъ Борисомъ. Выйти съ нимъ и вернуться?—У нея не было денегъ заплатить опять за входъ. Уже въ дверяхъ, переступая порогъ сада, она тихо спросила:

— Нѣтъ ли у тебя мелочи... Я не захватила... на извозчика...

Онъ пошарилъ въ карманѣ, далъ ей деньги. Онъ хотѣлъ нанять ей извозчика, она сказала, что извозчики у сада дороги, что она наймет дальше. Онъ подозрительно взглянулъ на нее. Нанялъ извозчика себѣ, простился съ ней, поѣхалъ, приказавъ ѣхать тише. Онъ невольно оборачивался, смотря на нее. Едва онъ отъѣхалъ немного, какъ она быстро повернула назадъ къ саду. Онъ видѣлъ это и сдѣлалъ гримасу. Передъ нимъ уже стоялъ не образъ Діодатовой, а образъ этого неряшливаго, уродливаго человѣка. Онъ сознавалъ, что теперь уже никогда Діодатова не сумѣетъ заслонить этого образа, вставшаго между ними..

Разрывъ былъ рѣшенъ...

Часть вторая.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Прошло два года...

Въ одной изъ небольшихъ, но удобныхъ квартиръ дома господина Домгофа было свито уютное гнѣздышко, очевидно принадлежавшее молодой четѣ. Все здѣсь было ново, свѣтло, блестяще, какъ новенькая игрушка, съ которой еще не сошелъ лакъ, не слиняли краски. Это была квартира Клары и Бориса, съ сіяющими лицами переживавшихъ медовые мѣсяцы своего супружества и не видавшихъ конца своему счастію. Она съ страстностью дочери Востока отдалась своей любви, охватившей все ея существо, всѣ ея помыслы; онъ испытывалъ сладкое чувство человѣка, сознающаго, что его боготворятъ, не останавливаясь надъ вопросомъ, такъ ли онъ любитъ ее, какъ она его. Оба они сознавали, что имъ болѣе нечего желать, что они готовы бы прожить цѣлые вѣка именно такъ, какъ они жили теперь. Ни нужды, ни лишеній, ни раздоровъ, ни опасеній, ни угрызеній совѣсти не было у нихъ. Въ будущемъ они видѣли прибавленіе жалованья въ банкѣ, гдѣ служилъ уже Борисъ, прибавленіе семьи въ ихъ гнѣздышкѣ, гдѣ, къ ихъ голосамъ, присоединится еще дѣтскій лепетъ, прибавленіе средствъ, удобствъ, наслажденій въ жизни, которая шла по гладкой, ровной дорогѣ—безъ сучка, безъ задоринки.

Въ ихъ уголкѣ было столько свѣта, тепла, счастья и радости, что иногда изъ бель-этажа, изъ квартиры Домгофовъ, кто-нибудь забѣгалъ къ нимъ на минуту съ цѣлью «полюбоваться на нихъ», «отдохнуть у нихъ», «отвести душу

съ ними». Госпожу Домгофъ стѣсняли иногда визиты чопорныхъ баръ; Tante Мальхенъ иногда уставала отъ мелочныхъ невзгодъ и дрязгъ хозяйства; mademoiselle Дюмонъ иногда чувствовала приливы невыносимой скуки среди стариковъ и старухъ, собиравшихся «винтить» у Домгофовъ,— а у Клары и Бориса были вѣчно смѣхъ, веселье, поцѣлуи, музыка, точно черезъ порогъ ихъ гнѣздышка не смѣли переступать тревоги и непріятности жизни. Сюда можно было приходить отдохнуть.

Это былъ чудовищный эгоизмъ личнаго счастія, только-что взятаго съ боя у жизни. Въ частной жизни, какъ и въ жизни общественной, эти моменты повторяются нерѣдко. Вотъ матери вынесли ребенка, спасеннаго изъ огня во время пожара,—она схватила его, прижала къ груди, бѣжитъ съ нимъ, а позади ея огонь съ яростью пожираетъ благосостояніе ея ближнихъ, кто-то выноситъ убитаго головней человѣка, какіе-то люди рыдаютъ, сидя на обгорѣломъ скарбѣ,—ей, матери, нѣтъ дѣла до чужого горя, у нея на рукахъ ея дитя! Вотъ непріятель взялъ приступомъ городъ, кругомъ все горитъ, сотни, тысячи жертвъ лежатъ на землѣ, вездѣ слышатся вопли и стоны,—а онъ, побѣдитель, шагая черезъ трупы, не слыша стоновъ, потрясающимъ голосомъ, ликуя, кричитъ: «побѣда! побѣда!..»

Клара и Борисъ достигли всего, чего желали: испытавъ всѣ бѣдствія бѣдности, они достигли благосостоянія; трепетавшіе за будущее въ качествѣ бѣдныхъ сиротъ, они обезпечили себѣ это будущее; одинокіе въ чужомъ домѣ, они соединились вмѣстѣ въ своемъ углу. Другіе люди достигаютъ всего этого упорной борьбой, въ теченіе долгихъ лѣтъ, только подъ старость; имъ все далось легко, быстро, въ лучшіе годы жизни. Тутъ было отъ чего ликовать...

Возвращаясь съ прогулки, они подъ руку проходили мимо швейцара, распахивавшаго передъ ними дверь параднаго подъѣзда, и такъ же подъ руку поднимались по лѣстницѣ, не наговорившись еще до-сыта, чувствуя еще потребность быть рука объ руку другъ съ другомъ. Въ дверяхъ швейцарской конуры приподнималась занавѣсочка, и два любопытные женскіе глаза слѣдили за ними. Когда швейцаръ подходилъ къ этой двери, жена говорила ему:

— Наши голуби еще наворковаться не могутъ!

— Чего имъ больше и дѣлать? Сыты, въ теплѣ, обуты, одѣты: ну, и воркуй, сколько хочешь,—отвѣчалъ мужъ.—

Посадилъ бы ихъ къ намъ; можетъ, на другой голосъ запѣли бы.

Жена швейцара задумывалась.

— Что говорить, что говорить, не жизнь, а рай имъ. Правда говорится: кому что на роду написано...

Имъ на роду написано было: «счастіе»...

II.

Въ раю этой жизни молодой четы не было ни одного облачка.

Мелкія семейныя непріятности, раздраженія, нерасположенія духа нерѣдко являются слѣдствіемъ дрязгъ жены съ прислугой и столкновеній мужа на службѣ. Тепловы были застрахованы и отъ этого. Служанки ихъ—горничная и кухарка—были испытанныя женщины, рекомендованныя старыми слугами Домгофовъ; ихъ не чувствовалось въ домѣ, за ними не приходилось слѣдить, имъ не было надобности давать наставленія и дѣлать выговоры. Клара за ихъ спиной могла жить, какъ она жила у тетки, не думая о томъ, какъ готовится обѣдъ, сколько нужно труда для содержанія въ чистотѣ разныхъ бездѣлушекъ въ комнатахъ, когда успѣваютъ выспаться и отдохнуть слуги, вставая раньше и ложась позже господъ. Самый складъ характера Клары способствовалъ тому, чтобы всякіе вопросы о служащихъ не поднимались вовсе: ее не занимали ни ихъ радости, ни ихъ печали; она не думала о нихъ вовсе, покуда все дѣлалось въ свое время; если бы онѣ оказались неисправными, она, вѣроятно, даже не взволновалась бы, а просто удалила бы ихъ и замѣнила бы другими, какъ замѣняютъ разбитую тарелку новою. Борисъ никогда не рисковалъ, возвращаясь со службы, услышать отъ Клары жалобы на то, что кухарка провинилась въ томъ-то, а горничная не доглядѣла того-то. Въ свою очередь Клара ни разу не видѣла мужа хмурымъ и раздражительнымъ при возвращеніи его со службы. Ему не на что было хмуриться, сердиться и раздражаться. Персоналъ банка, какъ во всѣхъ подобныхъ учрежденіяхъ, состоялъ изъ людей, стоящихъ на очень низкой ступени по развитію, по положенію въ обществѣ: не доучившіеся нигдѣ молодые люди, не способные сдать гдѣ бы то ни было экзамена, шли на службу въ банкъ, потому что тутъ не требовалось никакихъ дипломовъ. Поступивъ сюда на службу, Тепловъ сразу могъ стать выше ихъ, какъ человѣкъ съ хорошей подготовкой, какъ развитая

личность. Быть-можетъ, это обстоятельство могло бы послужить причиной къ косымъ взглядамъ, къ походамъ противъ «выскочки», къ стремленію ошибить крылья «умнику»; но Тепловъ являлся въ банкъ прямо подъ защитой одного изъ воротилъ, Домгофа, и многихъ второстепенныхъ служащихъ—родственниковъ Домгофа. Онъ попалъ въ банкъ, какъ въ дружескій кружокъ, гдѣ уже давно ждали его появленія, давно говорили:

— Когда же поступитъ къ намъ Борисъ Михайловичъ?

На первыхъ же порахъ онъ вызвалъ чуть не удивленіе въ нѣкоторыхъ изъ незнакомыхъ съ нимъ служащихъ: къ чему они привыкали чуть не въ годъ, то ему давалось въ какую-нибудь недѣлю; надъ чѣмъ они работали по нѣсколько часовъ, то онъ дѣлалъ въ нѣсколько минутъ. Онъ этимъ людямъ казался чуть не геніемъ; онъ же былъ просто образованнымъ человѣкомъ. Особеннымъ уваженіемъ проникся къ нему одинъ длинненькій, худенькій конторщикъ, съ лицомъ и прической воскового болванчика съ окна французской парикмахерской, хранившій у себя въ конторкѣ образцы разныхъ дѣловыхъ писемъ и извѣщеній, докладовъ и отношеній. Это уваженіе было вызвано прежде всего тѣмъ, что Тепловъ написалъ одно изъ такихъ дѣловыхъ писемъ, не попросивъ образца у этого конторщика.

— Какъ же вы это такъ, Борисъ Михайловичъ, безъ всякаго образца, сами написали?—недоумѣвалъ онъ, выражая удивленіе на глупенькомъ лицѣ.

— Мнѣ же сказано было, что̀ нужно было сообщить въ письмѣ,—замѣтилъ Тепловъ.

— Да, но все же, сочинять... Сочинять очень трудно! Вы, если вамъ понадобится, спросите у меня образцы. Я храню образцы всякихъ писемъ—къ частнымъ или офиціальнымъ лицамъ, къ дамамъ или мужчинамъ. Знаете, тутъ всегда разно надо писать.

Тепловъ разсмѣялся.

— Ну, я ужъ лучше безъ трафарета буду писать!

— Ну да, а вотъ вамъ когда-нибудь и вернутъ бумагу! Тоже напишете: «извѣщаю Васъ», а надо писать: «честь имѣю извѣстить Ваше Превосходительство».

— Я такъ и напишу,—сказалъ Тепловъ.

— Да это не всегда такъ надо!

— А когда не такъ надо, я не такъ и напишу.

— А какъ же вы узнаете, когда какъ надо писать? Безъ образцовъ не узнаете.

Тепловъ не выдержалъ и расхохотался. Этотъ простоватый человѣчекъ, носившій въ банкѣ кличку Ганьки,—его звали Геннадіемъ Ивановичемъ Паровымъ,—показался ему чуть не идіотомъ.

Присматриваясь къ другимъ сослуживцамъ, Борисъ Михайловичъ убѣдился, что этотъ франтикъ былъ еще изъ шустрыхъ; другіе были еще болѣе неразвитыми, невѣжественными, отупѣвшими. Это была масса неудачниковъ, не имѣвшихъ обезпеченнаго состоянія, выдающихся способностей, опредѣленныхъ призваній, какихъ бы то ни было талантовъ,—масса, служившая здѣсь и тянувшая свою лямку ради того, чтобы не погибнуть на мостовой. Всѣ эти люди не были связаны между собою ничѣмъ—одни были изъ мѣщанъ, другіе изъ дворянъ; у однихъ были родные чуть не дворники, другіе были дѣтьми довольно значительныхъ чиновниковъ. Общими были у нихъ только невѣжество и бездарность, лишавшія ихъ возможности сдѣлаться карьеристами. Они отсиживали въ банкѣ извѣстное количество часовъ, потомъ проводили вечера за игрой въ карты, въ попойкахъ, въ кафе-шантанахъ. Ихъ разговоры вертѣлись только на этихъ предметахъ, да смѣнялись толками о прибавкѣ жалованья, о наградахъ, о займахъ. Въ ихъ средѣ только тогда и чувствовалось оживленіе, когда рѣчь шла о развратныхъ похожденіяхъ и о денежныхъ расчетахъ. Быть первымъ въ этой средѣ, забрать ее въ руки, сдѣлаться чуть не благодѣтелемъ ея, ссужая въ долгъ, иногда, или вѣрнѣе всегда, безъ отдачи, десятокъ рублей въ мѣсяцъ, было далеко не трудно для человѣка, стоявшаго хотя немного выше этихъ личностей. Борисъ, по своему матеріальному положенію, по своимъ способностямъ, по своему образованію былъ головой выше ихъ. Вслѣдствіе этого онъ почти съ первыхъ же дней занялъ видное положеніе въ банкѣ и не имѣлъ причины жаловаться на свою судьбу.

— Лучше быть первымъ въ деревнѣ, чѣмъ послѣднимъ въ городѣ,—говорилъ онъ.

И точно, въ этой деревнѣ онъ былъ первымъ.

III.

— Надо Бориса Михайловича спросить, онъ все знаетъ!

Эта фраза повторялась ежедневно то въ томъ, то въ другомъ кружкѣ служащихъ въ банкѣ. Спрашивали его совѣтовъ обо всемъ: о дѣловыхъ затрудненіяхъ, о достоинствѣ той или другой книги, о политическихъ новостяхъ, объ

интимныхъ дѣлахъ. Тощенькій Ганька совѣтовался съ Тепловымъ даже о томъ, идетъ ли къ нему галстукъ голубого цвѣта или зеленаго. Рѣшеніе подобныхъ вопросовъ для этого человѣчка имѣло большое значеніе: онъ получалъ небольшое содержаніе, былъ скупъ отъ природы, мечталъ скопить капиталъ по грошамъ,—какъ же тутъ не задумываться, какой галстукъ лучше купить, чтобы потомъ не раскаиваться. Разъ Ганька сдѣлалъ себѣ рыжаго цвѣта лѣтнюю пару, и Тепловъ замѣтилъ ему:

— Что это вамъ вздумалось сдѣлать такое платье, подъ цвѣтъ вашихъ волосъ; оно не идетъ къ вамъ!

Рыженькій конторщикъ опечалился и все лѣто былъ не въ духѣ: второй пары онъ не могъ сдѣлать, а, надѣвая на себя рыжую пару платья, онъ каждый разъ вспоминалъ, что она къ нему не идетъ. При этой мысли у него болѣзненно сжималось сердце: онъ вѣчно надѣялся кому-нибудь понравиться и жениться за свою красоту на богатой; а тутъ вдругъ платье, которое ему не къ лицу! Съ этой минуты онъ ничего не покупалъ себѣ безъ совѣта Теплова.

Борисъ такъ привыкъ къ своей роли оракула, что въ какіе-нибудь полгода пріучился говорить безапелляціоннымъ тономъ всерѣшающаго судьи. Какъ бы ни были смѣшны и странны вопросы, предлагавшіеся ему, онъ выслушивалъ ихъ серьезно и отвѣчалъ на нихъ съ видомъ рѣшающаго государственныя дѣла человѣка.

— Я все жениться думаю,—говорилъ Борису Ганька.

— Что это вамъ, батенька, вздумалось, при вашихъ-то средствахъ?

— Говорятъ, это здоровѣе,—замѣтилъ серьезно конторщикъ.—Я недавно въ одной книгѣ читалъ, что холостые рано умираютъ.

— Вы и испугались? Полноте, стоитъ только вести правильную жизнь, вотъ и все.

— Вы думаете? А въ книгѣ эта самая статистика приведена...

— Ну да, это потому, что холостые ведутъ чаще всего неправильную жизнь. Но кто ведетъ правильную жизнь, тотъ можетъ и холостымъ прожить долго. Женитесь, хуже будетъ. Пойдутъ дѣти, не станетъ хватать средствъ, начнутся лишенія и заботы, тогда такъ затянетесь въ работѣ, что изведете себя.

— Да-съ, это такъ. Только вотъ эта статистика меня испугала,—со вздохомъ произнесъ Ганька.—А что вы го-

ворите о средствахъ, такъ я на бѣдной не женюсь... Я, конечно, полнотой не вышелъ, веснушки тоже вредятъ... но все же... пока свѣжъ и молодъ, всегда можно надѣяться...

— Что-жъ, давай Богъ вамъ невѣсту съ милліономъ приданаго!

Борисъ съ невозмутимой серьезностью велъ эту бесѣду съ Ганькой. Простодушный конторщикъ горячо благодарилъ его:

— Вы не можете себѣ представить, какъ я вамъ признателенъ. У меня не съ кѣмъ посовѣтоваться. Съ дѣтства одинъ росъ. А я мнительный. На меня сейчасъ все дѣйствуетъ. Прочелъ вотъ эту статистику и, вѣрите ли, всю ночь не спалъ. У меня ужъ такой характеръ. Всякая малость можетъ меланхолію нагнать. Я вотъ, когда вы сказали мнѣ, помните, весною, что эта проклятая лѣтняя пара не къ лицу мнѣ—все лѣто промучился. Право! Взгляну, бывало, на себя и чуть не заплачу. У меня такой характеръ и притомъ мнѣ во всемъ не везетъ...

Борисъ ободрялъ его, тотъ пожималъ ему руку, и Тепловъ ощущалъ что-то въ родѣ сознанія, что онъ является опорой и благодѣтелемъ ближнихъ. Онъ такъ и говорилъ сослуживцамъ:

— Вы знаете, я всегда готовъ сдѣлать для каждаго все, что могу...

IV.

Теплову казалось, что онъ переросъ всѣхъ окружающихъ людей. Онъ ни разу не останавливался надъ той мыслью, что онъ просто попалъ въ среду нравственныхъ и умственныхъ лилипутовъ. Онъ не останавливался и надъ вопросомъ: не понижается ли онъ самъ, стоя среди этихъ людей, глупыхъ, пошлыхъ, невѣжественныхъ, гдѣ ничто не подталкиваетъ его впередъ, не наводитъ на новыя мысли, не заставляетъ «подтянуться». Имъ были довольны всѣ, и потому онъ былъ тоже доволенъ собою. Приходя домой со службы, онъ разсказывалъ Кларѣ о томъ, что произошло утромъ—о мелкихъ случайностяхъ, о будничныхъ разговорахъ, о смѣшныхъ выходкахъ сослуживцевъ. Она слушала его, глядя на него съ обожаніемъ, и вставляла въ его рѣчь замѣчанія:

— Какой ты умный! Какой ты добрый! Какъ они должны тебя уважать! Какъ они должны тебя любить!

Онъ уже принималъ эти похвалы, какъ нѣчто должное,

заслуженное, не стыдясь, не смущаясь, не краснѣя, какъ не смущаются молоденькіе властители и властительницы, когда престарѣлыя и заслуженныя личности цѣлуютъ имъ руки или нагибаются до земли, чтобы имѣть честь пронести за ними ихъ шлейфы.

Только разъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ супружеской жизни онъ испыталъ тяжелое сознаніе, что на свѣтѣ есть хоть одинъ человѣкъ, не уважающій его и могущій надѣлать ему непріятностей, тревогъ, оскорбленій. Это было въ театрѣ. Онъ сидѣлъ въ ложѣ съ семьей Домгофа, съ женою, веселый, безпечный, счастливый. Во второмъ антрактѣ онъ не пошелъ курить и остался въ ложѣ. Онъ всталъ за креслами дамъ и сталъ смотрѣть въ партеръ, дѣлая шутливыя замѣчанія, подтрунивая надъ публикой. Вдругъ какая-то пестро одѣтая женщина, въ ухарски надѣтой на бокъ шляпѣ съ большими полями, съ перомъ, висѣвшимъ чуть не до спины, встрѣтилась съ нимъ глазами и развязно кивнула ему головой. Онъ такъ испугался, что внезапно, какъ подкошенный, опустился на стулъ, точно желая скрыться отъ нея за спинами сидѣвшихъ въ ложѣ женщинъ. Это была Діодатова. Она сидѣла съ двумя мужчинами и, раскланявшись съ Тепловымъ, начала быстро говорить со своими сосѣдями, смѣясь довольно шумно, съ развязностью и наглостью женщины, давно забывшей, что значитъ стыдъ. Они, ея сосѣди, какіе-то франтики изъ купчиковъ съ напомаженными головами—навели бинокли на ложу Домгофовъ, отыскивая глазами Бориса. Онъ сидѣлъ съежившись, притаившись, спрятавшись за спинами своихъ родственницъ.

— Пройдемъ въ фойэ,—сказала ему Клара.

— Нѣтъ, нѣтъ!—быстро проговорилъ онъ.—Что тамъ толкаться... Сегодня здѣсь какая-то воскресная публика... сбродъ всякій...

Клара не настаивала и стала смотрѣть безцѣльно на ложи, на кресла. Наконецъ, ея вниманіе было привлечено тремя личностями, безцеремонно, нагло разглядывавшими ложу Домгофовъ. Всѣ трое стояли и не спускали биноклей съ семьи Домгофовъ.

— Чего эти господа смотрятъ такъ на насъ?—спросила Клара у Tante Мальхенъ.

Tante Мальхенъ взглянула на указанныхъ Кларою людей.

— Очень безцеремонные господа!—проговорила она.—Смотрятъ и смѣются...

— Можетъ-быть, не на насъ,—сказала госпожа Домгофъ, но, взглянувъ по указанному направленію, прибавила:— Нѣтъ, точно на насъ...

— Ты видишь?—спросила Клара у мужа и отодвинулась въ сторону, чтобы ему было удобнѣе взглянуть въ партеръ.

Онъ пугливо отшатнулся въ сторону.

— Ахъ, не обращай вниманія! Какая-нибудь пьяная компанія!—проговорилъ онъ.—И съ чего мы поѣхали въ русскій театръ въ воскресный день! Пришла же охота! Тутъ всегда можно ждать какого-нибудь скандала...

И видя, что Tante Мальхенъ, госпожа Домгофъ и Клара все еще смотритъ на нахаловъ, онъ прибавилъ не безъ раздраженія:

— Не смотрите же сами-то на нихъ, а то еще Богъ знаетъ что выйдетъ. Отъ пьяныхъ шалопаевъ всего можно ждать!..

Весь спектакль онъ просидѣлъ, какъ на иголкахъ. Пьеса еще не кончилась, когда онъ заторопился ѣхать домой. Онъ боялся встрѣтиться лицомъ къ лицу съ Ольгой Дмитріевной...

Этотъ вечеръ не остался безслѣднымъ, и нѣсколько дней Борисъ не могъ освободиться отъ одной мысли: «эта женщина еще можетъ надѣлать мнѣ непріятностей». При мысли о ней въ его душѣ поднималось брезгливое чувство отвращенія къ этой падшей, къ этой развратницѣ, къ этому безстыдному созданію. Онъ ясно сознавалъ, какой дорогой идетъ она, до какого нравственнаго паденія дошла она, въ какой грязи проводитъ она время. Эти мысли вызывали только омерзѣніе. Ни на одну минуту не задумался онъ надъ вопросомъ, почему она стала такою...

Но воспоминаніе о Діодатовой отступило скоро на послѣдній планъ, вытѣснилось изъ головы совершенно неожиданнымъ извѣстіемъ. Изъ деревни получилось письмо отъ тетки. Въ этомъ письмѣ коротко, между прочими новостями, говорилось: «А Варя уѣхала въ Петербургъ на курсы». Къ этой фразѣ не прибавлялось ничего—ни намековъ на то, что нужно помочь молодой дѣвушкѣ, ни просьбъ пріютить ее, ни объясненій, какъ она устроится въ Петербургѣ. Извѣстіе было оброненo какъ бы случайно. Этотъ лаконизмъ смутилъ Бориса. Онъ почти забылъ о Варѣ, иногда даже забывалъ послать ей поклонъ въ письмахъ къ теткѣ. Его даже точно удивило, что Варя стала такою взрослою, что поѣхала на курсы, точно онъ воображалъ, что она во всѣ эти годы оставалась попрежнему дѣвочкой. Теперь волей-неволей при-

шлось вспомнить о ней. Что если она вздумаетъ поселиться у него, просить его помощи, навязываться ему и Кларѣ? Провинція развиваетъ эту привычку «гостить» въ чужихъ домахъ; къ тому же Варя и безъ того привыкла жить на чужихъ хлѣбахъ... Какою она вышла, кто ее знаетъ! О ней онъ почти не имѣлъ свѣдѣній. Во всякомъ случаѣ особенно пріятнаго въ ней нечего ждать: воспитывалась подъ вліяніемъ брата Александра—этого довольно! Наконецъ, можно думать, каковы ея направленіе и взгляды, если она одна рѣшается ѣхать въ Петербургъ въ ея годы!.. Впрочемъ, что-жъ! онъ сразу выскажетъ ей, что на житье у него въ квартирѣ ей нечего разсчитывать, что часто бывать у него ей не для чего, что матеріальную помощь онъ, пожалуй, окажетъ ей по мѣрѣ силъ. Рѣшивъ это, онъ все же волновался. И когда она пріѣдетъ? Почему она такъ долго не ѣдетъ? Отчего письмо пришло раньше ея пріѣзда? Гдѣ она запропала? Ужъ не заболѣла ли въ дорогѣ? Эти вопросы не давали покоя Борису; онъ старался не думать о ней и думалъ наперекоръ своему желанію. А Варя все не ѣхала...

— Ужъ не умерла ли она, чего добраго, въ дорогѣ?—говорилъ онъ не разъ Кларѣ.

— Да что ты волнуешься?—замѣтила она, наконецъ, глядя на него страннымъ взглядомъ.—Ну, умерла... вѣдь вы же не родные... мало ли умираетъ людей...

Въ ея тонѣ было что-то жесткое, чуть не злобное.

— Все же,—началъ онъ въ замѣшательствѣ:—нужно же узнать... Справиться, сообщить теткѣ... Варю держала тетка, какъ дочь... Я долженъ ради тетки...

Клара пожала плечами.

— Она и справится!..

И, подходя къ мужу, обнявъ его, она проговорила:

— Милый, ты-то только не заботься, не волнуйся! Я ненавижу, ненавижу эту дѣвчонку уже за то, что ты цѣлый мѣсяцъ только о ней и вспоминаешь... каждый день... каждый день.

Онъ даже удивился:

— Съ чего ты взяла, что каждый день.

— Да, да, вспоминаешь каждый день!—страстно заговорила она.—Не захворала ли, не умерла ли? Что скажетъ тетка, узнавъ, что ты не справлялся? Не упрекнетъ ли?

Онъ засмѣялся, перебивая ее:

— О, да ты ревнуешь!

Она опомнилась, покачала головой.

— Ревновать? Я даже не знаю ее! Но я не хочу, чтобы что-нибудь тревожило тебя! Я могу возненавидѣть каждаго, изъ-за кого ты встревожишься хоть на минуту...

V.

Борисъ, по обыкновенію, по утрамъ ходилъ въ должность пѣшкомъ, боясь, что недостатокъ движенія вредно отзовется на его здоровьѣ. Покуда этотъ недостатокъ движенія отразился только на томъ, что молодой человѣкъ сталъ замѣтно полнѣть, сдѣлался лѣнивѣе въ своихъ движеніяхъ. Въ одну изъ такихъ прогулокъ на службу, въ ясное сентябрьское утро, когда въ небѣ не было ни тучки, а воздухъ точно замеръ въ сладкой дремотѣ, Тепловъ переходилъ отъ зданія университета къ Невѣ и почти столкнулся на тротуарѣ съ молоденькой дѣвушкой. Онъ уступилъ ей дорогу, окинулъ взглядомъ ея граціозную фигуру, въ скромномъ черномъ нарядѣ, ея миловидное, полное свѣжести и здоровья лицо, и невольно вскрикнулъ:

— Варя!

Длинныя рѣсницы дѣвушки быстро поднялись, темно-сѣрые большіе глаза сдѣлались еще темнѣе, сверкнувъ гнѣвомъ, тонкія брови сдвинулись. Казалось, она сейчасъ скажетъ: «Какъ вы смѣете!» Но вмѣсто этого она, мгновенно узнавъ Бориса, уже съ улыбающимся, веселымъ лицомъ, проговорила:

— Это ты, Борисъ?

И, не въ силахъ преодолѣть своей веселости, едва сдерживая смѣхъ, прибавила:

— И что мнѣ пришло въ голову! Кто же, кромѣ тебя, могъ меня такъ назвать здѣсь? Вотъ было бы хорошо, если бы я разсердилась...

Они протянули другъ другу руки.

— Ты здѣсь? Когда пріѣхала? Гдѣ остановилась?—забрасывалъ онъ ее вопросами.

— Тебѣ же, вѣрно, тетя писала, что я поѣхала въ Петербургъ. Я здѣсь давно. Едва поспѣла къ пріему на курсы. Живу на квартирѣ; комнату нанимаю...

Онъ упрекнулъ ее.

— И не была у меня!

— Я же не знакома съ твоей женой...

— А меня не стоило и видѣть?..

— Судя по твоимъ письмамъ къ тетѣ, я даже не могла и думать, что ты сколько-нибудь интересуешься мною...

— Ахъ, значитъ, ты сердишься на меня...

Она засмѣялась.

— Какой ты смѣшной! Почему я должна сердиться на всѣхъ тѣхъ, кто не интересуется мной? Этакъ чуть не на весь міръ пришлось бы сердиться...

Онъ раздражился.

— Ахъ, что ты мнѣ говоришь: на весь міръ! на весь міръ! Я думаю, наши отношенія...

Она подняла на него вопросительно ясные, спокойные глаза.

— Какія отношенія? То, что ты видѣлъ меня въ квартиркѣ тети, то, что мы съ тѣхъ поръ говоримъ другъ другу «ты», а не «вы»?

Она покачала головой.

— Этого, Борисъ, очень мало, чтобы навязываться человѣку, не зная даже, осталось ли между нами что-нибудь общее...

— Да, такъ ты вотъ какъ на меня смотришь, какъ на чужого, какъ на человѣка, съ которымъ нѣтъ ничего общаго...

— Ты самъ пріучилъ меня такъ смотрѣть на тебя... Въ эти годы я не получала отъ тебя ни строки... Зачѣмъ же было навязываться?..

Онъ хотѣлъ сказать, что она уѣхала ребенкомъ, что онъ писалъ же обо всемъ теткѣ, что онъ не думалъ забывать ее, Варю, и не сказалъ ничего, точно смущенный тѣмъ, что Варя изъ ребенка превратилась въ молодую дѣвушку, какъ будто онъ не могъ этого предвидѣть, какъ будто онъ представлялъ ее себѣ вѣчно дѣвочкою. Онъ шелъ теперь рядомъ съ нею, не сводя съ нея глазъ, пораженный ея свѣжестью, ея оживленнымъ лицомъ, ея красотою. Въ его воспоминаніи воскресло помимо его воли все прошлое: шутки этой дѣвочки надъ нимъ, ея безпечный звонкій смѣхъ, ея задорные споры съ нимъ, ихъ ссоры и примиренія, ея обвивавшіяся вокругъ его шеи ручонки. У него точно кружилась немного голова. Онъ тряхнулъ ею, поднялъ ее и увидалъ озаренныя солнцемъ гладкую ленту Невы, деревья Александровскаго парка на противоположной сторонѣ рѣки, крѣпость съ блестящимъ шпилемъ.

— Вонъ и наша родная Петербургская сторона,—невольно проговорилъ онъ, охваченный воспоминаніями.

Дѣвушка подняла голову, и на мгновенье ему показалось, что ея большіе сѣрые глаза подернулись слезами.

— Да,—тихо сказала она:—родная... тамъ я узнала впервые, что значитъ любовь...

— Любовь?—воскликнулъ онъ, думая о чемъ-то другомъ.

Она взглянула на него яснымъ, ласковымъ взглядомъ

— Какъ же, безъ любви тети я, вѣрно, погибла бы на мостовой... Она заставила меня забыть и лишенія, и потери, замѣнивъ мнѣ мать...

— Да, да, тетя!—проговорилъ онъ, словно очнувшись.— И все же даже во имя этой связи между нами ты не захотѣла видѣть меня,—закончилъ онъ съ упрекомъ:—не захотѣла поговорить объ этомъ прошломъ, воскресить его въ памяти, поразсказать о теткѣ...

— А все это еще дорого тебѣ?—спросила она.

Его точно что-то кольнуло, задѣло за живое.

— Нѣтъ, что мнѣ все это! Я воплощенная неблагодарность, я негодяй, который плюетъ на все, что окружало и согрѣвало его въ дѣтствѣ!..

Она съ удивленіемъ взглянула на него, какъ бы спрашивая, за что онъ сердится, изъ-за чего волнуется. Онъ вдругъ оборвалъ рѣчь подъ этимъ недоумѣвающимъ взглядомъ. Они перешли Дворцовый мостъ, дошли до Мошкова переулка.

— Мнѣ сюда. Я живу въ Милліонной,—сказала Варя.

— Позволь проводить тебя хоть до дома, чтобы, по крайней мѣрѣ, знать, гдѣ ты живешь,—замѣтилъ онъ.

— Пожалуйста! Я тутъ недалеко...

Они дошли до большого каменнаго дома, выходившаго на Милліонную и на набережную Невы.

— Вотъ здѣсь, парадный подъѣздъ во дворѣ, квартиры № 51,—сказала Варя, протягивая руку Борису.

— И даже не зовешь меня къ себѣ?—сказалъ онъ.

— Теперь? Но ты же идешь, вѣроятно, въ должность? Впрочемъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, не теперь, но, если позволишь, когда-нибудь...

Она пожала плечами.

— Если позволю! Съ чего мнѣ не позволять? Я буду очень рада, если ты захочешь зайти...

Она пожала ему руку и хотѣла идти; онъ удержалъ ея руку въ своей рукѣ и спросилъ:

— А когда можно? Когда я не стѣсню тебя?

— Когда хочешь. Я всегда по вечерамъ дома.

— Народъ, можетъ-быть, какой-нибудь толчется...

— У меня никого нѣтъ знакомыхъ...

— Такъ хоть завтра, хоть сегодня можно?

— Разумѣется...

Онъ выпустилъ ея руку, постоялъ у воротъ, глядя ей вслѣдъ, медленно повернулъ назадъ, когда она скрылась въ подъѣздѣ, пошелъ тихими шагами, въ раздумьи. Когда онъ поднялъ голову, онъ былъ опять на набережной Невы, опять солнце озаряло ея гладкую поверхность, деревья Александровскаго парка, крѣпость съ блестящимъ шпилемъ. Опять какой-то внутренній голосъ говорилъ ему: «а ты все это забылъ,—забылъ, что пережилъ тамъ, на этой Петербургской сторонѣ: сотни разъ ходилъ здѣсь и никогда не вспоминалъ прошлаго, согрѣтаго лаской и любовью». «Какъ она расцвѣла, похорошѣла!—промелькнуло въ его головѣ.—И все такая же, какъ кажется, живая, бойкая, веселая... съ задоромъ и насмѣшкой на устахъ». Въ его головѣ прошла мысль, что не одни задоръ и насмѣшка являются на этихъ устахъ, что эти уста умѣютъ говорить слова любви и ласки. Опять его голова точно кружилась—въ воспоминаніи вставали поцѣлуи, ласки, объятія Вари, и ему казалось, что Варя ласкала такъ его не ребенкомъ, а взрослой дѣвушкой. Какой-то смѣхъ и говоръ вывели его изъ раздумья, онъ повернулъ голову и увидалъ на плоту у Дворцоваго моста около лодокъ толпу молодыхъ людей и дѣвушекъ. Въ его головѣ молніей пронеслось воспоминаніе о томъ днѣ, когда и онъ съ компаніей знакомыхъ садился для прогулки въ лодку. Какъ закончился этотъ день! И вдругъ, самъ не понимая съ чего, онъ проговорилъ:

— И для чего я обѣщался придти къ ней? Ужъ не хочется ли и съ этой долюбезничать до того, до чего долюбезничалъ съ Діодатовой? Своей жены, что ли, мало? Поцѣлуи и объятія новые понадобились?

Онъ пожалъ плечами и быстрыми шагами пошелъ впередъ, стараясь думать о службѣ, о дѣлахъ, браня себя за то, что придетъ поздно въ банкъ, принимая озабоченное выраженіе лица человѣка, занятаго только мыслью о службѣ. Съ него можно было въ эту минуту сфотографировать портретъ съ надписью: «ревностный чиновникъ на дорогѣ къ мѣсту служенія»...

VI.

Въ банкѣ, среди занятій, воспоминаніе объ утренней встрѣчѣ не давало покоя Борису. Образъ Вари стоялъ передъ его глазами. За этимъ образомъ вставали образы тетки, брата. Такъ вотъ какъ они относятся къ нему, къ Борису: чуждаются его, сторонятся отъ него, не желаютъ поддержи-

вать съ нимъ сношеній. Что-жъ, это ихъ воля. Онъ имъ, значитъ, не нуженъ, а они ему нужны еще того менѣе. Прожилъ онъ безъ нихъ эти годы, проживетъ и дальше. И съ чего онъ разсентиментальничался утромъ, для чего поддался глупымъ воспоминаніямъ о жизни на Петербургской сторонѣ, для чего обѣщалъ зайти къ Варѣ? Должно-быть, она посмѣялась въ душѣ надъ нимъ, надъ его желаніемъ возобновить порванную связь, надъ стремленіемъ завязать сношенія, которыхъ она старалась избѣжать, не заявивъ ему ни словомъ о своемъ прибытіи въ Петербургъ. Хотѣла бы видѣться съ нимъ—давно бы увидалась, нашла бы его, написала бы ему. Онъ старался думать въ этомъ направленіи, обвиняя молодую дѣвушку, а вмѣстѣ съ нею и брата, и тетку, въ нежеланіи поддерживать съ нимъ сношенія, но помимо его воли ему вспомнились отрывочныя фразы Вари, какъ бы говорившія ему: «ты первый позабылъ насъ». Забылъ! Забылъ! Какія глупости! Хорошо имъ въ деревнѣ сидѣть сложа руки, а тутъ, въ столицѣ, заваленный работой человѣкъ иногда не имѣетъ минуты свободной, чтобы написать письмо. Это такъ ясно. И не до сентиментальничаній въ письмахъ, когда бьешься изъ-за гроша, раздражаешься, живешь прозой жизни. Они въ провинціи напускаютъ на себя маниловщину, а тутъ, въ столицѣ, не до того. Въ немъ поднималось чувство досады на то, что всѣ эти его оправданія чистая ложь. Внутренній голосъ подсказывалъ, что было и время для болѣе частой переписки, что при извѣстной симпатіи къ ближнимъ и письма выходили бы болѣе мягкими, болѣе искренними. И вдругъ ему вспомнилась одна фраза изъ писемъ тетки. Онъ писалъ старушкѣ о своихъ успѣхахъ, о томъ, какъ имъ дорожатъ Домгофы, о томъ, что его ждетъ хорошая карьера, старушка отвѣтила просто: «Ты меня утѣшилъ своимъ письмомъ, милый Боря. Зная о твоихъ успѣхахъ, я, по крайней мѣрѣ, могу умереть съ спокойной совѣстью, не боясь, что дамъ отчетъ Богу и твоимъ отцу и матери за то, что дала заглохнуть твоимъ способностямъ, что не сумѣла тебя поставить на прямую дорогу». Тогда, при полученіи этого письма, онъ въ этой фразѣ увидалъ только констатированіе существующаго факта, теперь внезапно онъ почувствовалъ въ ней затаенный, можетъ-быть, безсознательный упрекъ. «Я сдѣлала изъ тебя человѣка, а что сдѣлалъ ты для меня?» слышалось ему въ этой фразѣ. «Что же я могъ сдѣлать?»—почти вслухъ проговорилъ онъ и точно испугался, смутился. По его лицу

пробѣжала тѣнь, его охватило чувство досады. «Я еще не могъ, не успѣлъ ничего сдѣлать, а они уже рѣшили, что я не сдѣлаю ничего, не захочу ничего сдѣлать!—съ горечью подумалъ онъ.—Не испытавъ меня, рѣшили уже заранѣе, что я неблагодаренъ! Еще бы! я вѣдь не краснобай-Александръ! Я не умѣю мягко стлать! Я не человѣкъ фразъ, а человѣкъ дѣла!» Въ немъ явилось желаніе оправдаться въ глазахъ близкихъ,—нѣтъ, болѣе того,—пристыдить этихъ близкихъ за ихъ несправедливость къ нему, уязвить ихъ до боли за это, выказать потомъ свое великодушіе: они его считаютъ эгоистомъ, сухимъ, неблагодарнымъ, а онъ, несмотря на это, въ отплату за это, сдѣлаетъ для нихъ все, что въ его силахъ. Но что же сдѣлать? Они ничего не просятъ. Онъ передернулъ плечами. Ему стоитъ похлопотать, напримѣръ, о снятіи опалы съ Александра, вотъ и благодѣяніе, вотъ и отплата. У него есть связи, онъ это можетъ сдѣлать. Потомъ мѣсто найти Александру. Онъ и это можетъ. Надо только пощупать почву, поговорить съ Варей о ихъ дѣлахъ...

Онъ рѣшился, не откладывая, въ тотъ же день идти къ Варѣ. Отобѣдавъ дома, онъ въ семь часовъ сталъ собираться идти. Клара спросила его, куда онъ идетъ. Онъ отвѣтилъ, что нужно зайти къ одному изъ товарищей, и тотчасъ же подумалъ: «съ чего это я лгу». Но это была мимолетная мысль. Онъ рѣшилъ, что говорить Кларѣ правду объ этомъ визитѣ не слѣдуетъ. Для чего и какъ объяснять ей причины, по которымъ Варя не пришла къ нимъ, не дала знать о своемъ пріѣздѣ? Это сразу вызоветъ нерасположеніе Клары къ Варѣ, и потомъ имъ трудно будетъ сойтись. Нужно сперва все переговорить, все выяснить съ Варей съ глазу на глазъ. Этотъ визитъ, можетъ-быть, кончится полнымъ разрывомъ или возстановитъ дружескія отношенія, тогда станетъ ясно, нужно ли говорить Кларѣ о пріѣздѣ Вари или нѣтъ...

«А что если бы Клара узнала, что я тайкомъ отъ нея иду къ Варѣ?—съ улыбкой подумалъ онъ.—Вотъ-то поднялась бы буря. Клара ревнива. Она и такъ, какъ кажется, приревновала меня къ Варѣ, безъ всякаго повода, а теперь... еще бы! иду на тайное свиданіе, да еще съ такой красавицей изъ эмансипированныхъ. Тоже вѣдь за такихъ ручаться нельзя: живутъ однѣ, якшаются со студентами, нахватались либеральныхъ фразъ...»

Онъ сдвинулъ брови, досадуя на себя за промелькнувшую

въ его головѣ мысль не совсѣмъ чистаго свойства. Съ чего это онъ? Какое онъ имѣетъ право? А впрочемъ, кто-жъ ее знаетъ, что изъ нея вышло? И какъ съ ней держать себя? Какъ брату или какъ чужому? Оправдывать себя передъ нею за свои отношенія къ ней и роднымъ или напасть на нее и на родныхъ за ихъ отношенія къ нему? О чемъ говорить съ ней: о будничныхъ дѣлишкахъ или матеріяхъ важныхъ, Спенсерахъ и Дарвинахъ? Помимо своей воли, онъ волновался и злился на себя за это.

— Да что я въ самомъ дѣлѣ, государынѣ, что ли, представляться иду! Какая-то дѣвчонка изъ деревни смущаетъ!..

Онъ порывисто дернулъ звонокъ.

VII.

Молоденькая горничная отперла дверь и впустила его въ переднюю. Изъ передней была открыта дверь въ большую гостиную, гдѣ на полу на коврѣ сидѣла цѣлая группа людей — трое ребятишекъ, дѣвочка-нянька лѣтъ четырнадцати и Варя. Входя въ переднюю, Борисъ уловилъ слова Вари: «Покатаюся, поваляюся на Ивашкиныхъ косточкахъ»... Потомъ всѣ обернулись къ дверямъ, когда горничная доложила:

— Барышня, васъ спрашиваютъ...

Варя поднялась съ ковра, сказала на ходу дѣтямъ:

— Послѣ доскажу!

И вышла въ переднюю къ Борису.

— А это ты! Вотъ сюда ко мнѣ...

Она отворила дверь и вошла съ Борисомъ въ небольшую комнату, чистенькую, уютную, съ массой цвѣтовъ, съ свѣтлыми ширмами, скрывавшими кровать.

— Я тебя оторвалъ отъ занятій, — проговорилъ Борисъ.

— Отъ какихъ занятій? Я просто дѣтямъ сказки разсказываю. Въ деревнѣ такъ много узнала ихъ. Ребятишекъ это очень занимаетъ.

— Это чьи же дѣти?

— Моихъ квартирныхъ хозяевъ...

— А! а то я думалъ, что ты по обязанности занимаешься съ ними...

— Нѣтъ! Я живу здѣсь у знакомыхъ..

— То-то; ты со мной не стѣсняйся, если я помѣшалъ...

Она засмѣялась.

— Какой ты церемонный сталъ, Боря!

Она взяла изъ его рукъ шляпу, положила ее на этажерку и проговорила:

— Садись, кури... да стяни свои перчатки, а то точно съ визитомъ пришелъ...

Онъ сѣлъ на маленькій диванчикъ, сталъ снимать перчатки, осматривая комнату, еще не зная, съ чего начать разговоръ, почему-то чувствуя смущеніе. Она сѣла въ кресло, смотря на него добрыми глазами.

— Какъ тетя была бы рада, если бы увидала теперь тебя, возмужавшимъ, здоровымъ, — сказала она. — Ты не знаешь, какъ она любитъ всѣхъ насъ. Истинно святая душа.

— Меня менѣе всѣхъ,—замѣтилъ онъ.

— Не грѣши! не грѣши!—загорячилась Варя.—Ты самъ всегда напускалъ на себя: «не прошу ничьей помощи!» «не нуждаюсь въ чужихъ заботахъ!» Ну, тебя и тѣшили, дѣлали видъ, что ты стоишь на своихъ ногахъ. А платки, бѣлье, носки, все это само у тебя являлось цѣлое, починенное, новое, чистое? Ахъ, вы, мужчины! Вы и не видите часто, что за вами, какъ за дѣтьми, ухаживаютъ ваши няньки—любящія женщины!

— Я не отрицаю ея заботъ обо мнѣ!—отвѣтилъ онъ.— Но все же Александръ занималъ первое мѣсто въ ея заботахъ.

— Еще бы! Ты въ гимназіи былъ, а онъ въ тюрьмѣ! Это такъ понятно!.. Тетя тоже человѣкъ, а люди всегда особенно трогаются несчастьемъ ближняго, если они вообще добрые люди.

— Вѣрно, вотъ и ты пришла бы ко мнѣ, если бы знала, что я несчастливъ,—шутливо замѣтилъ онъ.

— Конечно! На что я тебѣ счастливому? Былъ бы несчастливъ, хоть поплакала бы вмѣстѣ, если не могла бы помочь...

— Съ такими взглядами на отношенія къ людямъ вы, должно-быть, окончательно испортили Александра.

— Это почему?

— Да какъ же: онъ несчастненькій, вы и ухаживаете за нимъ.

Варя вспыхнула, на минуту нахмурилась, потомъ расхохоталась.

— Нѣтъ, за это даже сердиться нельзя! Несчастненькій онъ, Саша! Косая сажень въ плечахъ, одной рукой тебя подниметъ! Несчастненькій!

Она залилась смѣхомъ, молодымъ, звонкимъ. Бориса передернуло.

— Такъ вы, значитъ, счастьемъ считаете только здоровье и силу, только...

Она перебила его задорнымъ тономъ:

— А что же есть выше этого? Здоровье, сила, спокойная совѣсть — да это такія блага, которыхъ за милліоны не купишь!

Онъ уже совсѣмъ раздражился.

— Ахъ, что ты мнѣ говоришь! Здоровье празднаго человѣка, сила лежащаго безъ дѣла человѣка, спокойная совѣсть отрѣзаннаго отъ дѣятельности человѣка! Нашла счастье. Я сломаннаго гроша не дамъ за такое счастье! Если брату нужно о чемъ позаботиться прежде всего, такъ именно объ освобожденіи отъ этого счастья. Въ его лѣта пора встать на свои ноги, приняться за дѣло, а не сидѣть праздно въ деревенской глуши...

Она слушала его, качая отрицательно головой, не прерывая его. Наконецъ, когда онъ кончилъ, она сказала:

— Ты совсѣмъ не знаешь, какъ мы живемъ тамъ...

И спокойнымъ, ровнымъ тономъ она начала разсказывать. Съ Александра давно снята опала; онъ не подъ надзоромъ, онъ можетъ уѣхать, куда ему угодно. Но они устроились въ деревнѣ, привыкли и потому едва ли выѣдутъ оттуда куда бы то ни было. Она, Варя, кончитъ здѣсь курсъ и вернется туда же. У нихъ тамъ живется тихо и мирно. Дѣло тоже есть. Около нихъ по деревнямъ все кустари, занимаются производствомъ деревянныхъ издѣлій. Александръ тоже занялся этимъ дѣломъ. Лѣтомъ хозяйство, зимой домашняя работа. Александръ стремится внести нѣкоторыя усовершенствованія въ это производство, открыть способъ для болѣе выгоднаго сбыта издѣлій. Онъ въ перепискѣ по этому поводу со многими офиціальными лицами. Кромѣ того, его занимаютъ изслѣдованія кустарнаго производства вообще, а также вопросы объ артеляхъ. Онъ пишетъ объ этомъ въ нѣкоторыхъ спеціальныхъ изданіяхъ. У тетки на рукахъ молочное хозяйство. Спросъ на продукты сносный, хотя дѣло еще далеко не такъ поставлено, какъ слѣдуетъ. Привычка покупается годами; ошибки сознаются не сразу, практическимъ путемъ. Лѣчитъ она тоже, какъ умѣетъ, крестьянъ, что стяжало ей не малое уваженіе. Кромѣ того и она, и Варя учатъ крестьянскихъ дѣвочекъ и дѣвушекъ рукодѣльямъ, шитью, вязанью. Вообще время все какъ-то

занято то тѣмъ, то другимъ, и живется такъ полно, что и скучать некогда. И то сказать, если бы у нихъ были большія средства, они, вѣрно, облѣнились бы, а то волей-неволей приходится работать.

— Да что вы къ партіи опростѣлыхъ, какъ ихъ называетъ Тургеневъ, причислились, что ли?—спросилъ Борисъ съ насмѣшкой, нетерпѣливо перебивая Варю.

Ее немного удивилъ его тонъ.

— Ни къ какой партіи мы не причислялись, — отвѣтила она:—а просто приходится приноровляться къ средѣ, обстоятельствамъ и условіямъ, которыя окружаютъ насъ. Жизнь, Борисъ, величайшій тиранъ и деспотъ.

Ему показалось, что она повторяетъ слова Александра, любящаго разныя сентенціи, и это его разозлило.

— Это тебѣ Александръ сказалъ, должно-быть?—съ ироніей спросилъ онъ.

— А ты думаешь, я сама такъ-таки ни до чего и не способна додуматься? — смѣясь, сказала она.—Ахъ, Боря, Боря, какой ты смѣшной! Ты все думаешь, что я еще ребенокъ! Нѣтъ, милый, мнѣ много пришлось и видѣть, и передумать. Годы прошли не надъ однимъ тобой.

Въ это время дверь отворилась, и горничная подала самоваръ. Варя захлопотала надъ приготовленіемъ чая; легкая, граціозная, раскраснѣвшаяся, она остановила на себѣ взглядъ Бориса, и въ его головѣ мелькнула мысль, что она дѣйствительно не ребенокъ, а роскошно развившаяся дѣвушка.

— Мнѣ сейчасъ вспомнилось, какъ мы дѣтьми спорили съ тобою,—сказала она.—Помнишь? Чуть не до слезъ.

— Хуже, Варя, до драки!—отвѣчалъ онъ уже весело.

— Ну, ужъ и до драки! Вотъ выдумалъ!

— Да, право же; ты разъ чуть не расцарапала мнѣ лицо!

Она засмѣялась звонкимъ смѣхомъ.

— А помнишь, какъ ты дулся на меня по цѣлымъ днямъ?—спросила она.

— И кончалось это тѣмъ, что ты лисичкой старалась умаслить меня, — закончилъ онъ. — Ты вѣдь умѣла, когда надо, подъѣхать со своими: «Боря, ты что такой скучный?», «Боря, ты не сердись; я не буду больше». А глядишь, пройдетъ полчаса, и опять вышучиваешь меня и травишь. А тамъ опять миримся... А, право, хорошее было это время!..

Онъ всталъ и заходилъ по комнатѣ, весь охваченный воспоминаніями.

Она задумалась и сидѣла молча. Онъ подошелъ къ ней и взялъ ее за руки.

— Теперь бы не кончилось этимъ, если бы разссорились?— спросилъ онъ пытливо.

Она подняла на него влажные отъ слезъ глаза.

— Теперь ты надулся бы, такъ и не пришелъ бы, значитъ и умасливать нельзя бы было,—тихо отвѣтила она.

— Да, да, сама бы ты не пришла!—грустно сказалъ онъ.

И, перемѣняя тонъ, онъ спросилъ:

— Такъ ты такъ рѣшительно и не намѣрена бывать у меня?

— Видишь ли что, Борисъ,—нерѣшительно и мягко начала она.—Я здѣсь живу очень скромно, нанимаю комнату у знакомыхъ людей, стараюсь тратить какъ можно меньше. У тебя теперь и жена, и родня—люди богатые. Ходить къ вамъ въ моемъ черномъ мундирѣ, ходить только когда никого нѣтъ постороннихъ, отказываться отъ всякихъ собраній, спектаклей...

Она оборвала и закончила:

— Нѣтъ, Борисъ, я не пойду къ тебѣ.

— А! такъ вотъ главный мотивъ, ради котораго порываются и не поддерживаются отношенія съ близкимъ человѣкомъ! Женское тщеславіе, недостатокъ модныхъ туалетовъ, невозможность щегольнуть нарядами!

Она прервала его тихо:

— Боря, ты самъ писалъ тетѣ, что Клара прежде всего обращаетъ вниманіе на внѣшность, что бѣдный человѣкъ для нея ничто.

Онъ весь вспыхнулъ, нахмурился. Это не ускользнуло отъ ея вниманія.

— Ты, конечно, успѣлъ перевоспитать ее,—поторопилась она прибавить:—но все же... если это въ ея натурѣ, то это не легко было истребить въ ней вовсе...

Онъ вступился за Клару. Онъ оклеветалъ ее по легкомыслію въ первые дни знакомства. Онъ просто судилъ по внѣшнимъ признакамъ. Она совсѣмъ иная,—добрая, нѣжная, мягкая, любящая. Онъ съ нею такъ счастливъ, что онъ не смѣлъ и мечтать о подобномъ счастіи. Она живетъ его жизнью, смотритъ его глазами. И, внезапно оборвавъ рѣчь, онъ закончилъ:

— Впрочемъ, если ты не считаешь возможнымъ бывать у насъ—это твое дѣло. Вы, женщины, хоть сто Дарвиновъ и двѣсти Спенсеровъ прочтете,—остаетесь все тѣми же до-

черями Евы, больше всего заботящимися о тряпкахъ, о нарядахъ, о внѣшности. Стѣсняетъ тебя быть одѣтой хуже другихъ—ну, и конецъ... Но я надѣюсь, что ты позволишь мнѣ бывать у тебя...

— О, Боря, я всегда буду рада тебѣ. Я здѣсь совершенно одна среди чужихъ. Иногда бываетъ очень, очень тяжело...

Въ ея голосѣ послышалось что-то дѣтское, ея глаза наполнились слезами. Онъ невольно взялъ опять ее за руки и поцѣловалъ. Она не смутилась, не сконфузилась. Съ дѣтства она привыкла видѣть въ немъ брата; братомъ казался онъ ей и теперь...

Былъ первый часъ ночи, когда Борисъ вспомнилъ, что пора идти домой. Выходя отъ Вари, онъ сказалъ ей, что будетъ часто дѣлать къ ней нашествія. Ему такъ хотѣлось теперь какъ можно чаще видѣть ее. Отъ нея вѣяло свѣжестью молодости, порывистостью молодости, возбуждавшей, волновавшей его. Какъ въ былые годы, Варя то дразнила его, то приголубливала, безъ умысла, безъ какой-нибудь цѣли, просто потому, что она была подвижнымъ, увлекающимся, живущимъ всѣми нервами существомъ. Въ ея присутствіи онъ испытывалъ цѣлый рядъ ощущеній, то раздраженіе въ спорѣ, то сладость вспоминаній, то потребность защититься отъ насмѣшки, то тихое спокойствіе подъ вліяніемъ женственной мягкости, ласки. Онъ шелъ домой тихо, не спѣша, наслаждаясь ясною осеннею ночью, опять глядя на очертаніе берега Петербургской стороны, родныхъ мѣстъ, гдѣ пережились и радости, и огорченія ранней юности. Только дойдя до дому, онъ вдругъ остановился на мысли:

— А какъ же Клара?.. Сказать ей или не говорить?.. Зачѣмъ же лгать... Но?..

Онъ не остановился еще ни на какомъ рѣшеніи, когда швейцаръ уже распахнулъ передъ нимъ дверь парадная подъѣзда...

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Борисъ ничего не сказалъ Кларѣ про Варю. Зачѣмъ, если Варя не хочетъ знакомиться? Кромѣ того, Варя пробудетъ не долго въ Петербургѣ и знакомить молодыхъ женщинъ между собою не для чего. Наконецъ, Клара не поймѣтъ его отношеній къ Варѣ, станетъ ревновать. Да и вообще онъ самъ посѣтитъ Варю пять-шесть разъ и, мо-

жетъ-быть, не станетъ дальше поддерживать сношеній. Когда теперь онъ еще соберется къ ней! Такъ думалъ Борисъ, а черезъ недѣлю былъ уже снова у Вари. Уходя отъ нея, онъ сказалъ, что у него много дѣла, что онъ не знаетъ, когда опять завернетъ къ ней, и черезъ недѣлю былъ опять у нея. Его тянуло къ ней. Что?—онъ самъ не могъ отдать себѣ въ этомъ отчета. Воспоминанія дѣтства? Привѣтливость молодой дѣвушки? Ея бесѣды и споры, шевелившіе мозгъ, возбуждавшіе нервы? Онъ не могъ уяснить себѣ ничего, но шелъ къ ней. Опять въ его головѣ мелькнула мысль, не познакомить ли жену съ Варей? И опять явились предлоги не знакомить. Онъ точно боялся этого знакомства, все болѣе и болѣе сознавая, что это два совершенно различныхъ характера, не имѣющіе ничего общаго...

Въ половинѣ ноября одинъ изъ директоровъ банка, Иванъ Александровичъ Антоновъ, давалъ балъ. Въ числѣ приглашенныхъ была и семья Домгофовъ, и Борисъ съ женой. Клара говорила ежедневно въ теченіе трехъ недѣль объ этомъ балѣ. Это былъ первый балъ, на которомъ она должна была явиться не дѣвушкой, а уже замужней женщиной. Борисъ зналъ всѣ подробности ея туалета, цвѣтъ платья, цвѣтъ украшеній; жена совѣщалась объ этомъ съ нимъ по цѣлымъ часамъ. Въ теченіе нѣкотораго времени только и говорилось объ этомъ. Наконецъ, насталъ желанный вечеръ. Въ десять часовъ вечера она вышла въ гостиную, готовая къ балу. Борисъ чуть не ахнулъ: Клара была удивительно хороша, и въ то же время Борису стало какъ-то не по себѣ отъ ея наряда. Свѣтло-палевое узкое, съ длиннымъ шлейфомъ платье съ гладкимъ лифомъ обтягивало ея тонкія формы слишкомъ плотно, слишкомъ откровенно, оставляя обнаженныя руки и плечи. Уборъ изъ свѣтлыхъ гранатъ и букеты изъ темныхъ гераній, похожихъ цвѣтомъ на гранаты, казалось, лежали прямо на тѣлѣ. Сложная отдѣлка изъ буффъ и кружевъ была только сзади на шлейфѣ, украшенномъ букетомъ цвѣтовъ и оттягивающемъ еще болѣе назадъ юбку.

— Хорошо?—спросила Клара, стоя передъ зеркаломъ и любуясь собой.

— Какъ тебѣ сказать... Это идетъ къ тебѣ... но... чортъ знаетъ, что за моды нынче... Ты мнѣ кажешься безъ одежды...

Она засмѣялась.

— Это послѣдняя мода! Это хорошо. Я же стройна, и

это ко мнѣ идетъ... Кто дурно сложенъ, для тѣхъ эти обтянутыя платья дѣйствительно мука...

Онъ пожалъ плечами.

— Ужъ лучше бы просто въ трико придумали одѣвать женщинъ,—проговорилъ онъ.

— Какой ты смѣшной! Нельзя же кринолинъ надѣть, когда его никто не носитъ.

— Ну, разумѣется,—отвѣтилъ онъ разсѣянно.

И прибавилъ въ раздумьи:

— Странно, въ этомъ нарядѣ ты мнѣ напоминаешь кого-то...

— Кого?

— Право, не знаю... Но мнѣ такъ и кажется, что я тебя ужъ видѣлъ...

— На модной картинкѣ!—засмѣялась она.

— Можетъ быть, можетъ быть...

И помимо его воли, въ головѣ его мелькнула мысль: «Да, Варя правду говоритъ, что ей у меня не мѣсто въ ея черномъ мундирѣ». Мысль о Варѣ почти постоянно невольно приходила ему въ голову, когда Клара говорила о нарядахъ, о развлеченіяхъ, о балахъ. Онъ даже сердился на себя за это. Съ чего онъ вѣчно приплетаетъ ее, говоря теперь съ Кларой? Было бы странно, если бы Клара походила на Варю. Варя бѣдная дѣвушка, ей придется жить трудомъ; она должна лишать себя многаго, ограничивать свои потребности, быть скромною. Клара — ребенокъ, любящій, чтобы его баловали, и слава Богу, что ее можно баловать...

На минуту онъ забылъ о балѣ и залюбовался женою; но когда онъ входилъ съ Кларою въ ярко освѣщенныя, полныя нарядными дамами и кавалерами залы, онъ какъ-то случайно уловилъ нѣсколько нахальныхъ взглядовъ молодыхъ мужчинъ, осматривавшихъ его жену, и ему опять стало не по себѣ, въ душѣ поднялось чувство досады на туалетъ жены. Ему казалось, что онъ ведетъ ее обнаженную напоказъ толпѣ. Онъ самъ не разъ бросалъ нескромные взгляды на слишкомъ декольтированныхъ дамъ, дѣлалъ вольныя замѣчанія о ихъ формахъ, подшучивалъ надъ ихъ «откровенностью». Но то были чужія жены, а это была его жена. Ему казалось почему-то, что ея нарядъ самый нескромный, хотя въ дѣйствительности всѣ женщины были одѣты не лучше. Ужъ не потому ли и окружаетъ ее такая толпа молодежи? Кажется, всѣ стремятся къ ней. Ему ка-

залось такъ, потому что его вниманіе было сосредоточено только на ней. Онъ мелькомъ сказалъ ей, что первую кадриль онъ танцуетъ съ ней, вторую тоже. Но послѣ первой кадрили къ Кларѣ подошелъ какой-то офицеръ и пригласилъ ее на вальсъ. Борисъ чуть-чуть не отвѣтилъ за нее, что она танцуетъ съ нимъ, но Клара уже клала на плечо офицера свою руку, а онъ ловко обвилъ рукою ея талію, и они понеслись, кружась, по залѣ. Въ душѣ Бориса поднялось никогда еще неизвѣданное имъ чувство. Это была не ревность, но ему было какъ будто стыдно, что чужой мужчина обнимаетъ талію его жены, пожираетъ глазами ея голыя шею, плечи, руки, грудь...

— Каковъ балъ-то задалъ нашъ Иванъ Александровичъ? И не повѣришь, что банкъ трещитъ отъ векселей его семьи,— тихо шепнулъ ему кто-то на ухо.

Онъ обернулся и увидалъ одного изъ родственниковъ Домгофа, Карла Карловича Гёрца, длиннаго и серьезнаго нѣмца.

— При чемъ же тутъ векселя его семьи? — спросилъ Борисъ, пожимая руку Гёрца.

— Извѣстно: рука руку моетъ! Плохо только все это можетъ кончиться. Вѣдь ни для кого не тайна, что отецъ нашего почтеннаго Ивана Александровича не сегодня, такъ завтра можетъ объявить себя несостоятельнымъ. Отецъ и шуринъ его давно летятъ въ пропасть.

И, принявъ болѣе серьезный видъ, разговаривающій замѣтилъ:

— Да, не доведетъ это до добра. Банку придется понести большіе убытки, да еще, можетъ-быть, и лично многимъ придется отвѣтить. Антонъ очень озабоченъ этимъ обстоятельствомъ. Всѣ вѣдь отвѣчать могутъ...

Офицеръ, танцовавшій съ Кларой, подвелъ ее къ мѣсту, но въ ту же минуту къ ней подошелъ какой-то статскій. Не слушая своего собесѣдника, Борисъ шагнулъ, чтобы остановить ее, но она уже была въ объятіяхъ новаго кавалера. Борисъ отступилъ съ злобнымъ выраженіемъ лица и замѣтилъ говорившему съ нимъ Гёрцу:

— Еще бы не дѣлать всякихъ подлостей, когда деньги нужны на эти распутныя собранія, на эти выставки голыхъ женщинъ.

Нѣмецъ сдѣлалъ серьезную мину.

— Да, нынѣшнія моды ужасны. Это все изъ Парижа идетъ, съ кокотокъ берутся примѣры. И ничего забавнаго нѣтъ тутъ. Я не вожу свою жену на эти балы. Я понимаю

собраніе въ своемъ кружкѣ, гдѣ дышится легко, гдѣ знаешь, что все будетъ такъ... такъ... anstaendig und gemuethlich... Французы этого не понимаютъ, у нихъ давно нѣтъ семьи... у русскихъ ея и не было никогда, и потому они легко...

Борисъ уже не слушалъ и стоялъ около Клары, обмахивавшейся большимъ вѣеромъ, сдѣланнымъ изъ матеріи подъ цвѣтъ платья, съ бѣлыми перьями на краю.

— Ты слишкомъ много танцуешь,—замѣтилъ онъ.

— Ахъ, мнѣ такъ весело!.. Этотъ Горевъ... вотъ тотъ офицеръ, что танцовалъ со мной... говоритъ, что я первая на балу...

— Дуракъ!—сорвалось съ языка Бориса.

Клара съ удивленіемъ подняла на него глаза.

— А ты находишь, что кто-нибудь одѣтъ эффектнѣе меня? Мой костюмъ самый оригинальный и вполнѣ къ лицу мнѣ...

Опять кто-то увлекъ ее и закружилъ по комнатѣ. Борисъ, разсѣянно слушая новые разсказы Гёрца о злоупотребленіяхъ въ банкѣ, совершаемыхъ Антоновымъ и его партіей, слѣдилъ глазами за женою, потомъ вдругъ какъ-то потерялъ ее изъ виду и не безъ тревоги сталъ осматривать залъ, отыскивая глазами Клару. Музыка смолкла, и по залѣ задвигались во всѣхъ направленіяхъ пары. Клары не было между ними. Борисъ пошелъ въ другія комнаты. Въ одной былъ устроенъ буфетъ съ фруктами, мороженымъ, конфетами, прохладительными напитками, заставленный весь цвѣтами, точно зимній садъ. Борисъ чувствовалъ, что у него пересохло въ горлѣ; онъ машинально подошелъ къ одному изъ столиковъ и взялъ стаканъ лимонаду. За его спиной, гдѣ-то среди цвѣтовъ шелъ разговоръ.

— Неужели ты не находишь сходства съ Бэкà?

— По фигурѣ, по характеру костюма — да, но она красивѣе Бэкà во сто разъ.

— Ну, носъ-то тоже такой же длинный... и ноги длинныя, какъ у мужчины... Это, впрочемъ, красиво...

— А Бэкà дѣвчонка съ темпераментомъ. Эта, я думаю, тоже маху не дастъ...

Борисъ поставилъ стаканъ, прошелъ нѣсколько шаговъ и незамѣтно заглянулъ за группу растеній, чтобы увидать, чей разговоръ онъ слышалъ. Говорили двое мужчинъ, въ одномъ изъ нихъ Борисъ узналъ Горева. Онъ закусилъ губы. Теперь онъ уже не сомнѣвался, что говорили о его женѣ. Бэкà! Да, теперь онъ самъ находилъ въ ней порази-

тельное сходство по фигурѣ, отчасти по лицу съ этой каскадной пѣвицей разнузданныхъ площадныхъ кафе-шантановъ. Такъ вотъ почему такъ поразилъ его туалетъ жены, вотъ чей образъ вертѣлся въ его головѣ при видѣ ея. Бэка, Бэка—женщина публичныхъ подмостокъ, дѣвчонка съ темпераментомъ! Съ ней сравниваютъ его жену! Онъ шелъ, желая отыскать скорѣе Клару, не зная для чего, думая увезти ее скорѣе домой. Въ то же время онъ думалъ: «и что еще о ней говорятъ? Какіе планы строятъ? Что за предположенія дѣлаютъ?» А кругомъ него слышались отрывочныя фразы молодежи: «Вотъ такъ вырѣзала лифъ! Хоть вывѣску привѣсь съ надписью: «у меня секретовъ нѣтъ». «А что ни говори, формы соблазнительныя; ты замѣтилъ, когда идетъ—ноги такъ и вырисовываются». «Лакомый кусочекъ, нечего сказать, и глаза такъ и маслятся». Борисъ ловилъ эти фразы, и ему казалось, что все это говорится о Кларѣ. Онъ точно забылъ, что и другія женщины были одѣты такъ же неприлично, какъ она, что и онъ произносилъ подобныя фразы на другихъ балахъ. Въ одномъ уголкѣ онъ уловилъ опять разговоръ. Одинъ голосъ говорилъ: «А балъ устроенъ на славу!» Другой замѣтилъ: «А хочешь я разскажу тебѣ сказку о мошенникахъ и ворахъ? Она коротка: жили да были на свѣтѣ банковскіе дѣльцы—вотъ и все». Первый голосъ шутливо спросилъ: «это ты изъ «Разбойниковъ» Оффенбаха перефразировалъ?» Второй голосъ отвѣтилъ тѣмъ же тономъ: «нѣтъ, изъ Вольтера».

— Подлецы,—проговорилъ Борисъ.—Пришли сюда пить, ѣсть, плясать и называютъ здѣшнихъ женщинъ кокотками, мужчинъ мошенниками!..

Онъ отыскалъ Клару.

— Куда ты исчезла? Я искалъ, искалъ...

— Воланъ оборвали на шлейфѣ, пришлось подшить въ уборной, — отвѣтила она. — Я тоже тебя искала. Вообрази, кто здѣсь? Шабадзіевъ. Осмѣлился подойти ко мнѣ, пригласить на кадриль. «Вы, говоритъ, распустились. какъ роза. Я страдаю по васъ».

— Что ты мнѣ передаешь всякія мерзости, какія здѣсь услышала, на этой выставкѣ продажнаго тѣла, — перебилъ онъ ее строптиво.

Она съ удивленіемъ взглянула на него.

— Вы своими нарядами даете только право всякимъ наглецамъ сравнивать васъ съ кокотками, — сказалъ онъ. — Намъ пора ѣхать...

— Борисъ! мнѣ такъ весело,—отвѣтила она.—Еще рано. Останься!

Онъ передернулъ плечами.

Она взяла его подъ руку, почти припала головкой къ его плечу и тихо шепнула:

— Вотъ ты говорилъ, что я ревную тебя къ этой... Варѣ, а ты тоже...

Она кокетливо улыбнулась:

— Ко всѣмъ? Да?.. Милый!..

Его вдругъ опять смутило воспоминаніе о Варѣ. «Что сказала бы она, если бы она видѣла здѣсь Клару? если бы она видѣла этотъ балъ? если бы она слышала то, что слышалъ онъ?» А Клара? Она ничего не понимаетъ. Она говоритъ: ревнуешь! Да развѣ это ревность? Это стыдъ за жену въ нарядѣ кокотки, это стыдъ за жену, которую сравниваютъ съ кокоткой! Неужели у нея нѣтъ того нравственнаго цѣломудрія, которое заставляетъ женщину угадывать чутьемъ подобныя вещи?..

II.

На другой день послѣ бала Борисъ проснулся поздно, усталый, не въ духѣ, съ тяжелой головой, и поѣхалъ на службу съ Домгофомъ, не будучи въ состояніи идти пѣшкомъ. Дорогой онъ спросилъ Домгофа:

— Что мнѣ говорилъ вчера Карлъ Карловичъ о векселяхъ семьи нашего Антонова, это правда?

Домгофъ сдвинулъ брови.

— Да, это меня очень заботитъ съ нѣкотораго времени. Антоновъ дѣлаетъ невозможныя вещи. Ни для кого не тайна, что фабрика его отца идетъ отвратительно и доведетъ старика не сегодня-завтра къ несостоятельности, а между тѣмъ банкъ трещитъ отъ его векселей. Шуринъ Антонова не въ лучшемъ положеніи, а банкъ и съ нимъ имѣетъ большіе счеты. Къ несчастію, Антоновъ за послѣдніе годы забралъ въ руки власть и подкопаться подъ него теперь очень трудно.

Домгофъ озабоченно началъ разсказывать о цѣлой массѣ продѣлокъ и злоупотребленій въ банкѣ. Борисъ точно упалъ съ неба на землю: до этой минуты онъ никогда не входилъ въ сущность того, что дѣлалось въ банкѣ. Онъ служилъ, дѣлалъ свое дѣло, не интересуясь закулисной стороной учрежденія, гдѣ занималъ мѣсто. Невеселая картина, открывавшаяся передъ нимъ теперь, испугала его, такъ она была нова для него. Онъ тревожно спросилъ Домгофа:

— Значитъ, мы наканунѣ краха?

Домгофъ пожалъ плечами, иронически усмѣхаясь.

— Вовсе нѣтъ! Злоупотребленія были у насъ и, вѣроятно, будутъ всегда, теперь они только больше стали, чѣмъ были прежде. Это очень непріятно, но опасаться краха — это было бы просто смѣшно!

Онъ говорилъ о злоупотребленіяхъ, какъ говорятъ о вчерашней погодѣ, не волнуясь, не сердясь. Для него это было такимъ обыкновеннымъ дѣломъ. Онъ уже давно привыкъ къ тому, что онъ имѣетъ дѣло съ мошенниками, за которыми нужно слѣдить зорко и которымъ въ то же время нужно пожимать руки. Борисъ еще былъ новичокъ въ подобномъ положеніи, и его возмутило сдѣланное имъ открытіе. Такъ вотъ какіе люди окружаютъ его: внизу полуидіоты и невѣжды, вверху мошенники и ловкіе дѣльцы. И тѣмъ, и другимъ нужно улыбаться, пожимать руки, быть пріятелемъ, чтобы не очутиться одному среди враговъ. Пріѣхавъ въ банкъ, онъ впервые чувствовалъ себя здѣсь не по себѣ, не на своемъ мѣстѣ. Онъ раздражался отъ глупости Ганьки, онъ смотрѣлъ подозрительно на проходившихъ мимо него воротилъ банка. Онъ вдругъ возненавидѣлъ ихъ за то, что онъ связанъ съ ними навсегда цѣпью каторжника. Вздумай онъ брезгливо сторониться отъ идіотовъ, подобныхъ Ганькѣ, и они отравятъ ему каждый день мелкими, камариными уколами, отъ которыхъ съ ума сойдешь; вздумай онъ не быть любезнымъ съ воротилами банка, ласкающими его покуда, какъ разумнаго работника, и его не подвинутъ ни на шагъ впередъ, можетъ-быть, даже просто вышвырнутъ вонъ. Но что значитъ подвинуться впередъ? Покуда онъ дѣлаетъ безразличное дѣло: онъ только исполнитель, онъ только машина. Подвинуться впередъ—значитъ сдѣлаться дѣятелемъ и сообщникомъ этихъ воротилъ «съ пушкомъ на рыльцѣ», съ девизомъ «рука руку моетъ», съ заповѣдью «не зѣвай и бери, что плохо лежитъ, что плыветъ въ руки». На него напало тоскливое настроеніе, усиливавшееся еще болѣе отъ физической усталости послѣ бала.

Возвратившись домой, онъ засталъ Клару нездоровою. У нея разболѣлась голова, и она лежала.

— Усну и пройдетъ,—сказала она въ отвѣтъ на его тревожные вопросы.—Это просто мигрень.

— Не послать ли за докторомъ?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ! высплюсь и конецъ!

Онъ ушелъ въ свою комнату, прилегъ на диванъ. Но ему

не спалось. Онъ всталъ, побродилъ по кабинету, прошелъ опять къ женѣ. Она спала. Онъ вышелъ изъ ея спальни, постоялъ у окна, смотря во тьму зимняго вечера. У него явилась потребность пройтись, освѣжиться. Онъ надѣлъ теплое пальто, вышелъ на улицу. Вечеръ былъ слегка морозный, темный, но ясный, съ звѣзднымъ небомъ, съ прозрачнымъ воздухомъ. Борисъ пошелъ безъ цѣли, погруженный въ думы, переходя изъ улицы въ улицу, и очутился передъ домомъ, гдѣ жила Варя. Онъ какъ бы очнулся и подумалъ, съ усиліемъ стараясь что-то вспомнить:

— Развѣ я собирался къ ней? Нѣтъ! Какъ это странно!

Онъ грустно усмѣхнулся, пожавъ плечами:

— Ноги привели къ ней!..

Онъ позвонилъ у ея дверей. Горничная отворила ихъ, онъ вошелъ въ переднюю и увидалъ въ гостиной Варю, сидѣвшую за роялемъ. Замѣтивъ Бориса, она встала и пошла къ нему навстрѣчу. Только снявъ пальто, онъ увидалъ, что пришелъ къ ней въ сѣрой домашней визиткѣ.

— Извини, Варя, я по-домашнему одѣтъ... шелъ не къ тебѣ... гулять... и завернулъ случайно...—пояснилъ онъ въ смущеніи.

Она ласково улыбнулась.

— Когда ты перестанешь церемониться?

Онъ сжалъ ея руку.

— Тошно на душѣ сегодня, потому и пришелъ именно къ тебѣ,—сказалъ онъ мягко.

— За это большое спасибо,—отвѣтила она.

Они вошли въ ея комнату.

— А я сегодня совершенно одна. Хозяева мои съ дѣтьми на именинахъ...

— То-то ты и занималась музыкой!

— О, я и при нихъ играю...

— Ну, а при мнѣ можно?

— Если это тебѣ доставитъ удовольствіе...

Онъ отвѣтилъ утвердительно. У него расходились нервы. Музыка, можетъ-быть, успокоитъ ихъ. Они перешли въ гостиную, Варя сѣла за рояль. Борисъ сѣлъ на диванъ, закуривъ папиросу, и заслушался. Варя играла очень недурно, со смысломъ. Онъ давно не слыхалъ ея игры; она сдѣлала большіе успѣхи. И то сказать: тогда она была почти ребенкомъ, теперь она взрослая дѣвушка. Окончивъ первую пьесу, она спросила шутливо Бориса:

— Не заснулъ?

— Нѣтъ.

— А я нарочно выбрала «Berceuse»... Ужъ не спѣть ли тебѣ, какъ ребенку.

— А ты поешь?

— Немного...

Она запѣла: «Auf Fluegel des Gesanges»...

Борисъ пересталъ курить, опустилъ на руки голову и точно перенесся куда-то въ другой міръ. Не туда ли на этотъ Гангъ, гдѣ цвѣтутъ лотусы, гдѣ мигаютъ южныя звѣзды, гдѣ среди вѣтвей притаились газели? Варя спѣла еще какую-то русскую пѣсню. Потомъ встала, сказавъ:

— Ну, довольно!

Онъ очнулся, всталъ. сжалъ ея руку. Они прошли опять въ ея комнату.

— Боря, что съ тобой сегодня?—тихо спросила она его, озабоченно смотря въ его глаза.—Надѣюсь, не семейныя непріятности?

— Нѣтъ, нѣтъ!

— Слава Богу!—горячо воскликнула она.—А то ужъ я испугалась.

Онъ съ удивленіемъ взглянулъ на нее.

— Почему именно этого испугалась?—спросилъ онъ.

— Это все, что у тебя есть!—сказала она просто.—Общественное твое положеніе далеко не завидно; я думаю, столько мелкихъ обидъ и непріятностей перенесешь за день, что только и отдохнешь въ своемъ гнѣздѣ...

— Такъ ты думаешь, что мнѣ не легко служить?—съ любопытствомъ спросилъ онъ.

— Еще бы! Мы не разъ говорили о томъ, что въ банкѣ ты будешь чувствовать себя неловко среди дѣльцовъ, аферистовъ, даже прямо нечестныхъ людей. Это такъ понятно!

Понятно! Ей понятно, а вотъ Клара—та ни разу даже не задумалась надъ этимъ вопросомъ.

— А потомъ, когда ты мнѣ разсказывалъ о разныхъ этихъ Ганькахъ, я поняла, что тебѣ еще тяжелѣе, чѣмъ мы думали. Мы боялись, что твое положеніе будетъ непріятно отъ ежедневныхъ столкновеній съ дурными личностями, а тебѣ приходится еще имѣть дѣло и съ глупцами... Знаешь, когда ты со смѣхомъ передавалъ мнѣ комическія сцены изъ жизни этихъ Ганекъ, мнѣ было просто жутко. Вѣдь такая среда можетъ принизить, опошлить человѣка. Я понимала, что твой смѣхъ надъ нею — нервный смѣхъ, хватающій за сердце.

Она поняла даже то, чего до сегодняшняго дня не угадывалъ онъ самъ.

Онъ глубоко задумался. Она говорила. Вѣрно у него и сегодня непріятности по службѣ были? Опять какіе-нибудь негодяи или глупцы досадили? Нужно стараться не обращать на нихъ вниманія, идти по возможности въ сторонѣ отъ нихъ, создать себѣ кружокъ и интересы внѣ службы и сослуживцевъ. Иначе будетъ слишкомъ тяжело. Впрочемъ, жизнь не сладка вообще для большинства. Хорошо еще, что у него, у Бориса, есть полное домашнее счастіе.

— А если и оно не полно?—неожиданно спросилъ онъ.

У нея опустились на минуту руки, оборвался голосъ.

Но тотчасъ же она собралась съ силами, быстро заговорила:

— Не грѣши, не грѣши! Ты самъ говорилъ, что жена тебя страстно любитъ, что для нея весь міръ въ тебѣ одномъ. Чего же тебѣ еще? Мелочи какія-нибудь смутили? Черная кошка пробѣжала? Такъ развѣ это несчастіе? Развѣ это значитъ, что счастіе не полно? Вы оба молоды, у васъ могутъ еще быть острые углы, которые нужно сгладить, которые сгладятся. О, да въ самомъ этомъ сглаживаніи такъ много прелести. Знать, что ты уничтожилъ, поборолъ въ себѣ все несимпатичное любимому человѣку, видѣть, что онъ дѣлаетъ уступки тебѣ въ своихъ привычкахъ, въ своихъ недостаткахъ... о, что можетъ быть выше этого счастія въ любви!..

Она вся разгорѣлась, ея щеки покрылись густымъ румянцемъ, ея глаза блестѣли. Онъ грустно думалъ: «если бы у Клары была способность быть такой». Онъ тихо сказалъ ей:

— Добрая, ты за всѣхъ готова заступаться...

Онъ не понялъ даже, не угадалъ, что воспламениться такъ, заступаясь за незнакомую женщину, трудно, что говорить такъ страстно о прелестяхъ уступокъ и перерожденія подъ вліяніемъ любви нельзя съ чужого голоса, что въ этихъ восторженныхъ рѣчахъ слышался радостный крикъ:

— Пойми, что все это испытала я сама.

Онъ видѣлъ въ ней только милую сестру, старающуюся успокоить его; онъ жалѣлъ только о томъ, что у его Клары нѣтъ ни ея ума, ни ея чувства, ни ея сердца...

III.

Сравненіе любимаго существа съ другими—пробный камень для прочности любви. Со дня перваго свиданія съ Варей, Борисъ сравнивалъ съ нею Клару. Онъ не желалъ

этого, не старался объ этомъ, не думалъ объ этомъ: это являлось само собою, инстинктивно, безсознательно. Образъ Вари во всемъ заслонялъ передъ нимъ образъ Клары. Онъ, Борисъ, не желалъ этого, сердился на себя, но все-таки не могъ истребить это въ своемъ сознаніи.

Какъ-то онъ пришелъ изъ должности не въ духѣ и сталъ жаловаться Кларѣ, что тамъ, въ банкѣ, его окружаютъ одни дураки и мошенники.

— Милый мой, ты одинъ у меня умный и хорошій!—нѣжно сказала Клара.

Это она повторяла ему и прежде. Это успокаивало его прежде, теперь онъ разсердился.

— Да, а каково мнѣ быть среди нихъ!—воскликнулъ онъ, точно она была виновницей его положенія.

— Не обращай на нихъ вниманія,—сказала она.—Что тебѣ до нихъ за дѣло?

— Какъ, что за дѣло, когда это мои товарищи, начальники! Мнѣ весь вѣкъ придется жить съ ними!

Онъ началъ говорить, что съ каждымъ днемъ яснѣе видитъ глупость и пошлость однихъ, мошенничество и продѣлки другихъ. Обрывать первыхъ или бороться со вторыми нельзя. Надѣлаешь только враговъ. Нужно имъ улыбаться, пожимать руки, стоять на одной доскѣ съ ними. У Клары разгорѣлись глаза гнѣвомъ.

— О, какое проклятіе не имѣть денегъ!—страстно заговорила она.—Если бы мы были богаты, плюнули бы на всѣхъ, уѣхали бы и стали бы жить въ свое удовольствіе. О! чего бы я ни сдѣлала, если бы у меня были деньги! Отъ зависти всѣ лопнули бы.

Въ головѣ Бориса мелькнула мысль: «такъ вотъ въ чемъ твое счастіе». И точно ему хотѣлось глубже заглянуть въ ея мелкую душу, онъ спросилъ ее:

— И это доставило бы тебѣ удовольствіе?

— О, ты меня еще не знаешь!—воскликнула она въ волненіи.—Ты думаешь, что я не умѣю, какъ ты, презирать и ненавидѣть всѣхъ этихъ нищихъ, идіотовъ, всѣхъ этихъ разбогатѣвшихъ мошенниковъ! Нѣтъ, я тоже пережила много въ дѣтствѣ. Бывало, отецъ, пріѣдетъ изъ Петербурга, разсказываетъ, какъ здѣсь живутъ Домгофы, другіе родственники. Какъ сыръ въ маслѣ катаются; дома свои, лошади, экипажи. А мы—у насъ иногда хлѣба не было. Мама, бывало, слушаетъ разсказы отца и клянетъ родныхъ: «будь они прокляты! не могутъ удѣлить отъ своего обильнаго стола

куска хлѣба бѣдному Лазарю». Потомъ накинется на отца: «грабить не умѣешь, воровать не умѣешь; не будь я женщина, я бы тебѣ показала, какъ нужно наживать, а я женщина, бѣдная женщина и ничего не могу подѣлать». Отецъ старался оправдывать родныхъ: «у насъ, скажетъ, большая семья; всѣхъ не накормишь». Мать раскричится: «семья большая! такъ развѣ мы виноваты, что мы евреи и что у евреевъ дѣтей много?» А потомъ плачетъ, плачетъ «проклялъ насъ Господь, отвратилъ глаза отъ своего народа!..» Богатые родные не помогали, потому что насъ много было, а бѣдные... О, это волки, готовые загрызть другъ другъ изъ-за добычи. Отецъ ихъ ненавидѣлъ, мама ихъ очень боялась. Помню разъ, она прибѣжала домой вся въ крови и упала на стулъ, еле переводя духъ. «Что съ тобой?»—спросилъ отецъ. «Вырвали, вырвали изъ рукъ вещи, ограбили!»—зарыдала она. Она на одномъ аукціонѣ присмотрѣла вещи, она давно уже намѣтила ихъ, она разсчитала, какъ это поправитъ наши дѣла, дастъ возможность пріодѣть насъ. Намъ разсказывала, какія вещи намъ достанутся. Только объ этомъ и говорила въ теченіе нѣсколькихъ дней. И вообрази, другія женщины, такія же, какъ она, не только перебили у нея покупку, но расцарапали ей лицо, когда она вздумала протестовать и спорить. Чуть не избили ее совсѣмъ. О, съ тѣхъ поръ я возненавидѣла ихъ, этихъ собакъ, этихъ волчицъ...

Клара никогда еще не являлась передъ Борисомъ такою возбужденною. Вспоминанія унесли ее далеко отъ окружающей дѣйствительности. Она не только забыла о присутствіи Бориса, но даже забыла о томъ, что она теперь далеко не нищая, что она не нуждается ни въ чемъ. Она сидѣла съ поблѣднѣвшимъ лицомъ, по которому катились горькія слезы изъ горящихъ глазъ, и какъ бы въ полуснѣ, тихо и протяжно шептала:

— Тамъ было голубое шелковое платье; мама цѣлую недѣлю говорила, что она перешьетъ его мнѣ, что я буду одѣта, какъ полицеймейстерская дочь. И это платье, и все, все отняли онѣ...

Борису стало жутко, онъ подошелъ къ женѣ и ласково сказалъ ей:

— Полно, Клара, вѣдь у тебя же теперь есть все...

Она, всхлипывая, прошептала:

— Да, да, теперь все есть, а тогда ничего не было, ничего, все отнимали, что могло бы быть...

И вдругъ порывисто воскликнула:

— А у Домгофовъ? Ты думаешь, мнѣ сладко было, когда Александринѣ и Гретхенъ дѣлали новыя платья, а мнѣ перешивали изъ платьевъ тети наряды, у меня глаза разгорались при видѣ ихъ обновъ, а эти обноски я швыряла ночью на полъ, топтала ихъ ногами. Развѣ я хуже Александрины и Гретхенъ? Развѣ меня Богъ не такой же создалъ?

Борисъ тихо и ласково сказалъ:

— Бѣдная моя дѣвочка! Но, надѣюсь, теперь ты счастлива!

— О, да, да!

Она молча страстно прижалась къ нему. Ея краснорѣчіе вдругъ упало; она говорила горячо о ненависти, любовь ея выражалась страстными ласками и безцвѣтными фразами: «какъ я тебя люблю», «ты моя жизнь», «ты мой умный и хорошій». Борисъ, возбужденный ея горькими жалобами, весь еще проникнутый сожалѣніемъ къ ней, былъ теперь опьяненъ страстностью ея ласкъ.

IV.

Этотъ день, когда Теплову случайно удалось заглянуть въ мрачную душу жены, оставилъ въ молодомъ человѣкѣ глубокій слѣдъ. У него явилась жалость къ любимой женщинѣ, явилось раскаяніе за то, что онъ иногда обвинялъ ее въ душѣ, мысленно упрекалъ за то или другое. Еще недавно, сравнивая ее съ Варей, онъ иногда думалъ о томъ, что у Клары нѣтъ никакихъ выдающихся достинствъ и способностей. Варя была мягка въ отношеніи къ ближнимъ, она была серьезно образована, у нея былъ быстрый умъ, она даже обладала такими талантами, какъ музыка и пѣніе. Ничего этого не было у Клары. Теперь Борисъ понялъ вдругъ, что все это, можетъ-быть, и было у Клары, но все это заглохло среди нищеты; во время пребыванія въ чужомъ домѣ. Бѣдную дѣвушку плохо воспитали, лишили возможности развить природныя способности, не дали ей всего того, что нужно дать человѣку для его всесторонняго развитія. Ей и въ дѣлѣ воспитанія и развитія давали только «обноски». За это нужно было винить другихъ, а ее только сожалѣть. Онъ, подъ вліяніемъ сожалѣнія къ ней и, можетъ-быть, отчасти подъ вліяніемъ бурно высказавшейся ея страсти къ нему, вдругъ проникся къ Кларѣ бо́льшей любовью; онъ не любилъ Клару такъ сильно даже въ первые дни супружества, какъ теперь; если она переживала медовый мѣсяцъ тотчасъ послѣ брака, то онъ переживалъ этотъ мѣсяцъ те-

перь, и эта вспышка страсти поддерживалась тѣмъ сильнѣе, что Клара всегда была готова отвѣчать на порывы мужа. Въ эти дни Бориса иногда мучила мысль, что онъ обманываетъ Клару, не говоря ей о пребываніи въ Петербургѣ Вари. Это недостойно съ его стороны. Онъ долженъ или сказать женѣ о Варѣ, или перестать ходить къ послѣдней. И зачѣмъ онъ ходитъ къ ней? Что его тянетъ туда? До чего это можетъ довести? Нѣтъ, надо сказать Варѣ, что такъ нельзя долѣе встрѣчаться: или нужно не встрѣчаться вовсе, или надо чтобы Варя познакомилась съ Кларой.

Какъ-то онъ завернулъ снова къ Варѣ и сообщилъ ей осторожно свою мысль. Варя взглянула на него озабоченнымъ взглядомъ.

— Да, такъ ты думаешь, что намъ надо познакомиться,— сказала она.—Какъ это странно! Я сегодня хотѣла сказать тебѣ то же самое.

Онъ обрадовался.

— Такъ ты хочешь познакомиться съ Кларой?

Она покачала головой.

— Нѣтъ!—отвѣтила она.

Онъ вскочилъ съ мѣста и заходилъ по комнатѣ.

— А, такъ ты вотъ какъ относишься ко мнѣ! Лучше не встрѣчаться, чѣмъ идти знакомиться съ моей женой—и все изъ-за того, что она, можетъ-быть, будетъ лучше тебя одѣта, что она, можетъ-быть, случайно броситъ косой взглядъ на твое черное платье! Хороша привязанность ко мнѣ, хороша симпатія!

Варя смотрѣла на него растеряннымъ взглядомъ, не имѣя силъ высказать ему вдругъ, прямо все то, что было у нея на душѣ. Онъ продолжалъ горячиться:

— Значитъ, ты уже думала, что намъ надо не встрѣчаться? Ты вѣдь сказала, что ты хотѣла поговорить со мной объ этомъ же сегодня? Ужъ не мѣшаю ли я кому-нибудь своими посѣщеніями безъ предупрежденій?..

— Борисъ!—съ упрекомъ сказала Варя.—Мы можемъ не видѣться, но зачѣмъ же ссориться? Ты знаешь, что твои приходы не могутъ помѣшать никому...

И, тоже поднявшись съ мѣста, какъ бы собравшись съ силами, она заговорила коротко, сдержанно:

— И ты, и я, мы оба неопытны, легко смотримъ еще на отношенія. Я получила письмо отъ тети, открывшее мнѣ глаза. Она журитъ меня за то, что я позволила тебѣ ходить ко мнѣ тайкомъ отъ своей жены. Клара, не знавъ меня,

можетъ сдѣлать Богъ знаетъ какіе выводы. Тетя прямо пишетъ: «вы играете съ огнемъ и можете довести до семейнаго разлада своимъ поведеніемъ». Клара должна узнать меня, или мы не должны видѣться.

— Да вѣдь и я то же говорю и потому приглашаю тебя къ себѣ,—перебилъ ее Борисъ.

— Я сказала, что я не пойду,—твердо отвѣтила Варя.

И, уже волнуясь, прибавила:

— Ты увѣренъ, что я буду встрѣчена ласково и привѣтливо? Ты увѣренъ, что мнѣ не сдѣлаютъ какой-нибудь сцены съ первой встрѣчи? Ты увѣренъ, что первая наша встрѣча не поведетъ къ разрыву?

— А,—загорячился онъ:—такъ ты считаешь мою жену дурной, злой женщиной, безтактной барыней, какой-то...

Она остановила его:

— Я знаю, что твоя жена, обвѣнчавшись съ тобою, не написала ни строки даже тетѣ, а не только что мнѣ. Значитъ, мы для нея не существуемъ.

— Это моя ошибка, а не ея, это...

— Все равно, Борисъ, но это такъ было. Какъ же я приду къ ней? Приду и скажу: «я такая-то, можетъ-быть, вы обо мнѣ слышали»...

— То-есть ты хочешь, чтобы Клара пришла первая къ тебѣ,—спросилъ онъ съ какой-то горечью.

Она не отвѣтила ничего. Она сама не понимала теперь, желаетъ ли она даже этого. Нѣтъ, лучше вовсе не встрѣчаться, лучше порвать отношенія съ Борисомъ. Еще недавно ей и въ голову не приходила эта мысль. Теперь же письмо тетки открыло ей глаза. Тетка писала:

«Опрометчиво поступила ты, Варюша, позволивъ Борису посѣщать тебя безъ вѣдома жены. Вы играете съ огнемъ и можете довести до семейнаго разлада своимъ поведеніемъ. Не зная тебя, Клара легко можетъ приревновать къ тебѣ Бориса. Да, можетъ-быть, и не безъ основанія. Я знаю, что тебѣ не могло и придти это въ голову, такъ какъ для тебя теперь не существуетъ мужчинъ, ты теперь не можешь увлечься, а Борисъ—развѣ мы знаемъ, насколько прочна и глубока его любовь, насколько его бракъ былъ бракомъ по страсти, а не по расчету? Ты молода, хороша собою, умна, связана съ Борей общими воспоминаніями, слишкомъ близка къ нему, какъ подруга дѣтства,—тутъ, маточка, одинъ шагъ до любви. Ты не сердись на меня, старуху: знаю я, что ты не кокетка, не вѣтреница, что не подашь ты повода къ

ухаживаніямъ, да вѣдь любить-то не запретишь. Мое мнѣніе, Варюша, такое, что лучше огорчить Борю, запретивъ ему ходить къ тебѣ, чѣмъ поддерживать ваши теперешнія отношенія, если ужъ ты не хочешь идти къ Кларѣ первая. Ты спрашиваешь меня, права ли ты въ своемъ нежеланіи идти къ ней безъ зова, безъ приглашенія. Насчетъ этого я скажу тебѣ вотъ что: теперь такою, какою я стала, я пошла бы—не къ такимъ людямъ я ходила и друзьями ихъ своими дѣлала, и уважать себя заставляла,—а въ твои годы я, можетъ-быть, тоже не пошла бы и больше скажу, Варюша: не пошла бы, можетъ статься, и послѣ ея визита. Сердцемъ я чую, что разные вы люди, на разныхъ языкахъ говорите, и никогда вамъ другъ съ другомъ не сойтись, а въ молодости столкновенія такія только къ раздорамъ ведутъ; терпимости годы тяжелые научаютъ, да и то сказать: легко терпимымъ сдѣлаться, когда въ жилахъ не кровь течетъ, а такъ вода какая-то. Пишу я это тебѣ, а у самой на душѣ точно бремя тяжелое—и тебя мнѣ жаль, и Борю, и ее, хоть и не знаю я, что она за человѣкъ, а знаю только, что человѣкъ».

Это письмо не выходило теперь изъ головы Вари, не знавшей, чего ей желать—разрыва ли съ Борисомъ, знакомства ли съ его женой. Она и Борисъ нѣсколько минутъ ходили по комнатѣ, не нарушая молчанія. Обоимъ было тяжело. Оба вдругъ поняли, что Клара не придетъ первая, что ей въ сущности не слѣдуетъ приходить, что это поведетъ скорѣе къ полному разрыву, чѣмъ къ сближенію. Борисъ первый прервалъ тяжелое молчаніе.

— Да, я сдѣлалъ ошибку, не сказавъ Кларѣ о твоемъ пріѣздѣ сюда,—сказалъ онъ.—Но это можно поправить. Я скажу, что ты пріѣхала, что я встрѣтилъ тебя. Не знаю, захочетъ ли она посѣтить тебя первая. Васъ, женщинъ, иногда не поймешь, почему вы дѣлаете то или другое. Но, во всякомъ случаѣ, тогда мы можемъ видѣться не тайкомъ...

У Вари замеръ духъ. Ей было грустно не видѣть Бориса, и въ то же время у нея въ головѣ проносились опасенія, высказанныя теткой. Она хотѣла-было сказать Борису: «не приходи ко мнѣ», но у нея не хватило на это духу. Она рѣшила быть съ нимъ осторожнѣе, не подавать ему повода думать, что онъ можетъ найти въ ней взаимность, всячески дать ему понять, что ея сердце уже занято. Когда онъ ушелъ отъ нея, она вынула чей-то портретъ и долго смотрѣла на него:

— Милый, зачѣмъ ты сказалъ мнѣ: «не торопись, но считай меня своимъ женихомъ, не говори объ этомъ»,— проговорила она въ раздумьи.—Боишься, что ты слишкомъ старъ для меня. Да ты моложе всѣхъ молодыхъ.

Она съ любовью прижала къ губамъ портретъ.

V.

Борисъ не безъ страха думалъ о томъ, къ какому результату приведетъ его рѣшеніе сказать женѣ о пріѣздѣ Вари. Но онъ чувствовалъ, что это нужно сдѣлать. Видѣться съ Варей сдѣлалось для него насущною потребностью, и въ то же время ему почему-то становилось все стыднѣе обманывать жену. Заговорилъ онъ о Варѣ самымъ равнодушнымъ тономъ:

— Знаешь, Клара, кого я встрѣтилъ? Варю! Она давно въ Петербургѣ на курсахъ.

— Вотъ какъ! И не явилась къ намъ?—сказала Клара.

— Тебя, кажется, боится. Ужъ очень много я писалъ имъ, какая ты у меня нарядная куколка. Она вѣдь дѣвушка бѣдная, ну, вѣрно, и стѣснилась явиться къ намъ.

Клара пожала плечами.

— Вѣдь не въ рубищѣ же она ходитъ.

— Нѣтъ, но все же... Я, впрочемъ, не разспрашивалъ подробностей. Понялъ только, что она не знаетъ, насколько будетъ пріятно тебѣ знакомство съ нею...

Видя, что Клара не говоритъ ничего, онъ замѣтилъ, что, конечно, ради тетки было бы недурно изрѣдка видѣться съ Варей. Тетка ее любитъ, какъ родную дочь; старухѣ было бы пріятно, если бы ея любимицу обласкали. Впрочемъ, онъ какъ-нибудь завернетъ къ ней.

— Что-жъ, если хочешь, съѣздимъ вмѣстѣ,—сказала Клара.

Онъ чуть не вскрикнулъ отъ радости, но тотчасъ же опомнился и замѣтилъ равнодушно:

— Отлично, моя крошка, если это тебя не стѣснитъ...

Онъ подошелъ къ ней и поцѣловалъ ее.

— Я тебѣ очень благодаренъ, потому что я, какъ ты знаешь, очень много обязанъ теткѣ, и мнѣ всегда пріятно угодить ей...

И чтобы не возбуждать и тѣни подозрѣній, онъ заговорилъ о другомъ. Дня два вопросъ о Варѣ не поднимался, и Борисъ былъ, какъ на иголкахъ. Наконецъ, онъ получилъ какое-то письмо и, распечатавъ его, замѣтилъ:

— А я думалъ, что отъ тетки... Что-то давно она не писала... Ужъ не расхворалась ли...

Затѣмъ онъ сталъ читать письмо.

— А когда же мы къ ея Варѣ?—спросила Клара.

— Когда вздумаешь, милочка. Это отъ тебя зависитъ,—отвѣтилъ онъ, продолжая читать.

— Мнѣ все равно...

— Хочешь, завтра, послѣзавтра...

— Хорошо...

И опять въ его душѣ пробудился страхъ: какъ встрѣтятся молодыя женщины? не порвется ли все при первомъ свиданіи? между ними нѣтъ ничего общаго...

У него сильно билось сердце, когда онъ дернулъ за звонокъ у дверей Вари. Эти двери отворились, и на порогѣ своей комнаты появилась Варя. Увидавъ Бориса съ молодой, стройной, черноволосой дамой, Варя сразу угадала, кто былъ передъ нею. Она, подавляя свое смущеніе, протянула обѣ руки молодой женщинѣ.

— О, какая вы добрая!—сказала она привѣтливымъ голосомъ.—Какъ рада будетъ тетя, когда я напишу ей, что я видѣла жену Бориса.

— Отъ васъ зависѣло увидать меня гораздо раньше,—не безъ ироніи замѣтила Клара, входя въ комнату Вари.

Варя покачала отрицательно головой.

— О, нѣтъ; вы это знаете, потому что вы сами стояли въ такомъ положеніи, въ какомъ нахожусь я. Вы болѣе чѣмъ кто-нибудь поймете меня, поймете боязнь быть незваной и лишней въ чужомъ домѣ...

И, перемѣняя тонъ, Варя замѣтила:

— А знаете, я, кажется, узнала бы васъ, если бы встрѣтила на улицѣ, такъ вѣрно Борисъ описывалъ васъ въ своихъ письмахъ къ тетѣ. Впрочемъ, кому же лучше и описать любимую женщину, какъ не влюбленному въ нее человѣку.

Клара улыбнулась и взглянула на Бориса влюбленными глазами.

— Да, онъ меня страстно любитъ, до сихъ поръ любитъ,—сказала она, точно желая подчеркнуть свои слова.

— До сихъ поръ!—воскликнула Варя.—Вѣчно будетъ любить и долженъ любить, потому что въ этомъ все его, все ваше счастіе. Да иначе и не можетъ случиться, истинная любовь только крѣпнетъ съ годами, дѣлается прочнѣе, когда люди примѣняются другъ къ другу характерами, привычками,

убѣжденіями, находятъ новыя и новыя достоинства одинъ въ другомъ.

Клара смотрѣла на Варю такими глазами, какъ будто спрашивала: «да развѣ ты уже любила?» Варя инстинктивно угадала это и замѣтила улыбаясь:

— Когда меня взяла тетя, я привязалась къ ней, а теперь—это уже не простая привязанность, нѣтъ, я смотрю ея глазами на все, я люблю то, что она любитъ, ненавижу то...

И уже совсѣмъ весело, со смѣхомъ, она оборвала на полусловѣ:

— Нѣтъ, я ничего и никого не ненавижу, потому что именно это чувство совсѣмъ отсутствуетъ у тети.

И она начала говорить о теткѣ, о деревнѣ, о братѣ Александрѣ...

Когда за чаемъ взглянули на часы, всѣ изумились: собесѣдники проболтали до часу ночи.

— Мы къ вамъ на полчаса ѣхали, милочка,—сказала Клара, цѣлуя Варю.

— И раскаиваетесь, что просидѣли пять часовъ?—смѣясь спросила Варя.

— Нѣтъ, нѣтъ!—поспѣшила замѣтить Клара.

Спускаясь по лѣстницѣ, Клара замѣтила Борису:

— Зачѣмъ ты мнѣ не сказалъ раньше, какая она?

— То-есть какая?—спросилъ онъ.

Клара точно не вдругъ нашла, какъ объяснить свою мысль.

— Такая... что вотъ если бы ты сказалъ, что ты влюбился въ нее, я не испугалась бы.

— Это почему?—спросилъ онъ.—Развѣ она такъ некрасива или...

Клара покачала отрицательно головой.

— Она удалила бы тебя или пришла бы ко мнѣ и сказала бы: «не пускайте его ко мнѣ».

И, задумавшись на минуту, она спросила:

— Ты не знаешь, въ кого она влюблена, кого она любитъ?

— Нѣтъ, я даже не думаю,—началъ онъ.

— Ахъ, что вы, мужчины, понимаете! — воскликнула Клара.—Она любитъ, страстно любитъ кого-то...

Потомъ, припоминая мелочи разговора, она замѣтила:

— Счастливая она, ее всегда любили. Я только сегодня узнала, что у тебя за тетка.

— Я же говорилъ...

— Что ты говорилъ! Я только сегодня узнала ее вполнѣ. Вотъ, если бы у меня такая была тетка или кто-нибудь...

— A Tante Мальхенъ? Развѣ она не добра?

Клара махнула рукой.

— Нѣтъ, нѣтъ, это не то... Какъ это могутъ такіе люди быть. Ходила по тюрьмамъ, больныхъ и бѣдныхъ спасала, не спала ночей за работой для другихъ, не боялась никого, когда нужно было заступиться за кого-нибудь и въ то же время научила вотъ ее, Варю, не одной грамотѣ или шитью, а музыкѣ, пѣнію...

Она опять стала припоминать слова Вари:

— Какъ это она сказала: «знать музыку и пѣніе—это большое счастіе; устанешь за работой—сядешь за фортепіано, играешь, поешь и никуда не тянетъ, ни на балы, ни въ театры, а на душѣ становится тихо и легко!»

Она смолкла и задумалась.

— Наши и этого не понимали, не хотѣли понять,— заговорила она снова.—Думали, что бѣдную дѣвушку достаточно сдѣлать грамотной и хозяйкой... Нѣтъ, я непремѣнно стану учиться музыкѣ. Что-жъ, еще не поздно. Я молода.

Она обернулась къ Борису.

— Ты хотѣлъ бы, чтобы я выучилась играть?

— Милая, что ты спрашиваешь! Я былъ бы такъ счастливъ...

Они проѣхали опять нѣсколько минутъ молча.

— Боря, ты думаешь, она станетъ теперь ходить къ намъ?—спросила Клара.

— Отчего же нѣтъ?—сказалъ онъ.

— Можетъ-быть, я ей не понравилась... Но я... я была бы очень счастлива, если бы она бывала у насъ...

Борисъ изумился. Въ Кларѣ было что-то новое для него. Онъ не понималъ еще вполнѣ ее, не зналъ, что у нея была неудовлетворенная потребность имѣть около себя подругу, добрую, мягкую, немного няньку-подругу. Варя сразу встала съ нею именно въ такія отношенія, и ея слова о томъ, что Борисъ долженъ любить жену, что онъ будетъ всегда ее любить, пробудили въ сердцѣ Клары какія-то новыя чувства. Она страстно любила Бориса, теперь явился человѣкъ, который говорилъ ей, что и Борисъ ее такъ же любитъ, что онъ долженъ ее любить, что онъ будетъ ее любить. Кромѣ того, этотъ человѣкъ навелъ ее на многія мысли, на которыя не успѣлъ ее навести никто, даже Борисъ. Вотъ

она вдругъ поняла значеніе въ ихъ будничной семейной жизни музыки. Борисъ не разъ сожалѣлъ, что его жена не играетъ на фортепіано, но онъ не умѣлъ подсказать ей, что учиться еще не поздно; Варя, подошла къ этому вопросу просто и естественно, навела Клару на эту мысль, сказавъ между прочимъ, что она, Варя кажется, китайскому языку выучилась бы, если бы это доставило удовольствіе любимому человѣку.

«И какъ я рада, что она уже любитъ!»—мысленно закончила Клара.

Она чутьемъ влюбленной женщины угадала правду...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I.

— Что это не идетъ наша Варя?

Эта фраза повторялась въ квартирахъ Домгофовъ и Тепловыхъ, если Варя не приходила дня три-четыре. Она сдѣлалась необходимымъ членомъ этихъ семействъ. Безъ нея имъ было точно скучно. Въ сущности они не видѣли въ ней никакихъ изъ ряду вонъ выходящихъ достоинствъ, но она была совершенно новымъ человѣкомъ въ ихъ кружкѣ и возбуждала во всѣхъ членахъ семьи Домгофа живѣйшій интересъ.

Когда она разсказывала, какъ живутъ она, тетка Теплова и его братъ Александръ, тихо, трудолюбиво, безъ пріемовъ и визитовъ, не нуждаясь въ шумныхъ собраніяхъ и развлеченіяхъ,—госпожа Домгофъ вздыхала:

— Вотъ моя вѣчная мечта—пожить такъ, не имѣя надобности умильно улыбаться людямъ, на которыхъ и смотрѣть-то не хотѣлось бы.

Когда Варя переходила къ разсказамъ о предметахъ въ родѣ молочнаго хозяйства старушки Тепловой, о трудностяхъ выдѣлки хорошаго масла,—у Tante Мальхенъ разгорались глаза и она восклицала, обращаясь къ госпожѣ Домгофъ:

— Siehst du, siehst du, wie man die Butter vorbereiten muss!

Когда она пояснила, почему она пріѣхала въ Петербургъ учиться, надѣясь получить здѣсь дипломы и обезпечить себѣ самостоятельное, если это будетъ нужно, существованіе учительницы, классной дамы, гувернантки,—mademoiselle Дюмонъ крѣпко пожимала ей руку, говоря:

— Я вамъ вполнѣ сочувствую! Это тяжелый хлѣбъ, но это свой заработанный хлѣбъ!

Когда же Варя, на разспросы окружающихъ о курсахъ, о курсисткахъ, о нравахъ студентокъ, говорила, что она очень довольна преподаваніемъ, что съ учащейся молодежью она мало знакома, пріѣхавъ сюда не знакомиться, а учиться, что нравовъ ихъ она не наблюдаетъ, хотя и думаетъ, что нравы не особенно дурны, а скорѣе хороши у тѣхъ, кто хочетъ дѣйствительно учиться, а не слыть учащимися, и прибавляла, наконецъ, что человѣкъ нравственный вездѣ и всегда можетъ остаться нравственнымъ, если захочетъ, даже въ свѣтѣ, гдѣ, конечно, нравы во сто, въ тысячу разъ хуже, чѣмъ на курсахъ,—тогда у Гретхенъ и Александрины разгорались глазки, и молоденькія дѣвушки шептали Варѣ:

— Милочка, спасибо вамъ! Мама очень предубѣждена противъ всякихъ курсовъ, но, видя васъ, слыша васъ, она измѣнитъ свое мнѣніе!

По уходѣ Вари всегда слышались похвалы ей. Эпитеты: «anstaendig», «praktisch», «gut erzogen», «gemuethlich», такъ и сыпались въ разговорахъ о ней. Клара не безъ гордости думала въ эти минуты: «А любитъ она болѣе всѣхъ меня!» И она имѣла основаніе это думать. Варѣ почти сразу удалось заглянуть въ ея душу, и сердце молодой дѣвушки сжалось болѣзненно, наполнилось сожалѣніемъ къ этой молодой и, повидимому, счастливой женщинѣ. Клара какъ-то чутьемъ угадала въ Варѣ добраго человѣка, преданную душу и, не стѣсняясь, передавала ей все, что было у нея на душѣ. Что же было въ ея душѣ? Ненависть и проклятія всему прошлому: нищетѣ въ родной семьѣ, чужимъ людямъ, окружавшимъ эту семью и грызшимся съ нею изъ-за куска хлѣба; роднымъ, не помогавшимъ этой семьѣ и взявшимъ потомъ изъ жалости ее, Клару; жизни у этихъ родныхъ, гдѣ для Гретхенъ и Александрины не жалѣли ничего, а ее, Клару, водили въ перешитыхъ платьяхъ; молодымъ людямъ, не обращавшимъ на нее вниманія, какъ на бѣдную невѣсту, и даже отказывавшимся отъ нея тогда, когда она, по ихъ же словамъ, нравилась имъ. Отъ страстности этой ненависти и этихъ проклятій Варѣ становилось жутко. Но едва ли не болѣе жутко стало ей, когда Клара съ обожаніемъ говорила ей о Борисѣ: онъ для нея все, онъ спасъ ее отъ ложнаго положенія въ семьѣ, онъ далъ ей возможность испытать сладкое чувство любви. Въ рѣчахъ молодой женщины было

столько беззавѣтной преданности, столько страсти въ отношеніи къ Борису, а Варя со страхомъ думала: «Несчастная, если бы ты знала, что онъ тебя въ сущности не любитъ, не можетъ любить». Она сразу угадала, что между Кларой и Борисомъ нѣтъ никакой духовной связи, общихъ интересовъ, одинаковости развитія, ничего, что можетъ сдѣлать прочнымъ супружескій союзъ, что спасаетъ отъ разлада въ тѣ дни, когда проходитъ простая животная страсть. Изъ разговоровъ съ Кларой Варя поняла, что Борисъ даже не говоритъ съ женой, что они только цѣлуются. Клара не знала вкусовъ Бориса — она даже не интересовалась ими. Клара не знала—сочувствуетъ ли онъ ея стремленіямъ и привычкамъ, такъ какъ и онъ не высказывалъ ей ничего объ этомъ. Варѣ не разъ хотѣлось сказать молодой женщинѣ:

— Клара, да вѣдь ты стоишь надъ пропастью!

Но она воздержалась: ей было бы тяжело развѣять свѣтлыя сновидѣнія о счастіи этой безпомощной женщины-ребенка. Она избрала другой путь,—она осторожно стала наводить Клару на новыя мысли. Зачѣмъ она, Клара, заботится такъ много о нарядахъ? Она такъ хороша и безъ нихъ, а между тѣмъ Борису, можетъ-быть, не по средствамъ тратиться на тряпки. Выѣзды на балы — развѣ этого требуетъ Борисъ? Если нѣтъ, то не лучше ли лишній часъ провести вдвоемъ съ мужемъ, сдѣлать ему еще дороже его уголокъ? Что дѣлаетъ Клара утромъ? Ничего, скучаетъ, читаетъ отъ скуки романы, ѣздитъ отъ скуки по магазинамъ? Не лучше ли учиться? Чему? Всему, что можетъ доставить удовольствіе Борису, — музыкѣ, пѣнію, какому-нибудь серьезному предмету. Нужно хоть какой-нибудь спеціальный предметъ избрать, попросить Бориса помочь въ изученіи, возбудить даже въ немъ интересъ къ этому дѣлу, вѣдь его служба не наполняетъ его души, не занимаетъ его мысли, дома у него тоже все сосредоточено только на ласкахъ, ну, а когда страсть утомитъ, надоѣстъ, когда настанетъ пресыщеніе, что тогда? Иногда Варѣ становилось крайне тяжело выяснять все это Кларѣ—маленькій и совершенно неразвитый умъ молодой женщины работалъ плохо, усвоивалъ съ трудомъ понятія, какъ бы протестовалъ противъ будившей его къ бодрствованію и дѣятельности чужой мысли. Иногда эти бесѣды утомляли Варю, какъ утомляютъ взрослыхъ слишкомъ долгія бесѣды съ дѣтьми. Объяснять, что дважды два четыре, отвѣчать на

ребяческіе «отчего» и «почему», доказывать давно доказанное—это и скучно, и тяжело. Порой Варя даже думала: «и нужно ли это? можетъ-быть, я ошибаюсь? можетъ-быть, Борису такая жена и нужна?» Тогда Варя давала себѣ отдыхъ дня на три, на четыре и оставалась дома. Но къ ней являлся Борисъ, странный, не то озабоченный, не то печальный, и нѣжно говорилъ ей:

— А я ужъ испугался, не захворала ли ты? Слава Богу, что нѣтъ!

— Я же у васъ была недавно, вотъ и теперь собиралась, — лгала она и торопливо бралась за картонку съ шляпой.

— Нѣтъ, останься. Хоть поговоримъ. Тебя и такъ совсѣмъ отняли у меня,—тихо говорилъ онъ, останавливая ее.

Она насильно старалась смѣяться.

— Точно я тамъ не говорю съ тобою! У насъ же нѣтъ секретовъ! Смѣшной ты, Боря!

Онъ опускался на маленькій диванчикъ, закрывъ лицо руками, и тоскливо говорилъ:

— Не смѣйся, Варя, ты знаешь, что мнѣ не легко живется...

Она горячо протестовала:

— Полно, не грѣши! Деньги есть, семейное счастіе есть, молодъ еще, будущее въ твоихъ рукахъ, а ты жалуешься! Стыдись! Распустилъ ты свои нервы, вотъ и все! Я на твоемъ мѣстѣ—да я не знаю, чего бы я ни надѣлала. Примись за серьезное занятіе по душѣ въ свободные часы, отдайся ему всей душой, втяни въ него и Клару, и ты...

Онъ поднималъ голову и съ горечью спрашивалъ:

— И ты убѣждена, что Клара способна на что-нибудь кромѣ поцѣлуевъ?

Тогда у Вари окончательно поднималась въ груди злость.

— А! такъ Клара ни на что не способна? Ты это теперь только увидалъ? Или и прежде видѣлъ и все-таки женился на ней? Что же, это честно? О, если бы тетя тебя слышала! Заставила бы она тебя покраснѣть!

И ходя въ волненіи по комнатѣ, возбужденная, негодующая, она продолжала говорить страстнымъ тономъ:

— Возьмутъ замужъ ребенка, ласкаютъ его, балуютъ, обращаются, какъ съ игрушкой, а потомъ жалуются, что онъ не развитъ, неспособенъ, глупъ! Ты пробовалъ ее развить, поднять до себя, ввести въ свои интересы? Нѣтъ, ты шагу для этого не сдѣлалъ, пальца о палецъ не стук-

нулъ? Какъ же ты можешь жаловаться. Вонъ она теперь музыкѣ учится, цѣлые часы проводитъ за роялемъ, дѣлаетъ успѣхи. Значитъ, желаніе есть. Ну, хочется тебѣ чего-нибудь другого—натолкни ее на это, подскажи ей это, научи ее этому.

— Легко сказать,—начиналъ онъ.

Она перебивала его:

— Не возражай, не возражай, если не хочешь нажить во мнѣ врага! Я перестану тебя уважать, если ты не сумѣешь ничего сдѣлать изъ этого милаго ребенка. Это низко, недостойно, взять въ жены такую малютку и загубить ее, не умѣя воспитать изъ нея хорошей подруги жизни, хорошей матери...

У него готовы были сорваться съ языка слова:

— Да неужели ты не понимаешь, что я люблю тебя, одну тебя!

И ему самому становилось и страшно, и стыдно за себя. Передъ нимъ возставалъ образъ другой дѣвушки, уже загубленной имъ.

II.

Послѣ каждаго посѣщенія Бориса Варя въ теченіе нѣкотораго времени старалась не пропускать ни одного дня безъ того, чтобы не зайти въ домъ Домгофовъ. Но эти посѣщенія были далеко не легки: она сама все болѣе и болѣе убѣждалась, что Клара не способна къ развитію, что ея воспитаніе было слишкомъ запущено, что ея мозгъ какъ бы атрофировался и способенъ былъ воспринимать очень ограниченное число идей, понятій, взглядовъ. Тяжелѣе всего для молодой дѣвушки было то, что она начала уже подмѣчать въ супружеской жизни Тепловыхъ легкія облачка, нерѣдко омрачавшія согласіе молодыхъ супруговъ. Клара жаловалась: «Борисъ все не въ духѣ; въ должности его сердятъ; но развѣ я виновата?» Борисъ раздражительнымъ тономъ мелькомъ замѣчалъ: «Бросилъ бы все, если бы былъ свободенъ; теперь же не бросишь, когда не одинъ; съ женой голодать не приходится». Клара въ такія минуты пробовала ласками успокоить Бориса, онъ сухо и рѣзко отстранялъ ее, замѣчая нетерпѣливо: «Ахъ, Клара, отъ поцѣлуевъ легче не станетъ!» Она недоумѣвала: отъ чего же можетъ сдѣлаться легче?..

Какъ-то разъ Борисъ пришелъ къ Домгофамъ и засталъ Варю, поющую за роялемъ. Онъ остановился въ дверяхъ

залы и заслушался ею. Когда она кончила, ее стали просить спѣть еще что-нибудь; она обернулась, чтобы отвѣтить, увидала Бориса, впившагося въ нее горящими глазами, и быстро встала изъ-за рояля.

— Нѣтъ, довольно!—сказала она.

Борисъ сдвинулъ брови.

— Я, кажется, помѣшалъ?—замѣтилъ онъ съ худо скрытой досадой.

— Ты?—спросила Варя.—Чѣмъ же? Просто я устала.

Клара, слѣдившая за этой коротенькой нѣмой сценой, вдругъ поблѣднѣла и закусила губы. Во весь вечеръ она не сказала ни слова съ Варей. Это не ускользнуло отъ вниманія молодой дѣвушки. Когда она уходила, Клара простилась съ ней очень сухо и не спросила ее, какъ дѣлала обыкновенно, когда она зайдетъ. Варя вышла на улицу въ смущеніи. Ужъ не начала ли Клара ревновать? Этого только недоставало! Нѣтъ, надо какъ-нибудь все это кончить. Надо перестать ходить къ нимъ, перестать принимать Бориса. Вотъ самое лучшее. Богъ съ ними! Ихъ семейной жизни не уладишь, а себя измучаешь. Да, можетъ-быть, и они станутъ жить счастливѣе, не видя ее. Варя пришла домой и на другой день сказала горничной, что у нея теперь будетъ много занятій, что она проситъ отказывать всѣмъ, кто бы ни пришелъ. Съ этого дня она стала замыкать свои двери на ключъ. Черезъ два дня она услыхала звонокъ въ передней и знакомый голосъ, спрашивавшій о ней. Служанка отвѣтила, что барышни нѣтъ дома. Посѣтитель ушелъ. Это былъ Борисъ. Прошло около часу. Въ передней опять раздался звонокъ и послышался голосъ Клары. Служанка дала заученный отвѣтъ.

— Неправда, неправда, она никуда не выходитъ вечеромъ кромѣ насъ,—горячо заговорила Клара.

— Право, сударыня, барышни нѣтъ!—увѣряла горничная.

— Ну, такъ я напишу ей, пусти меня въ ея комнату!

— Барышня ключъ взяли съ собой!

— Лжешь, лжешь! она никогда не замыкаетъ своей комнаты!—крикнула Клара и быстро подошла къ двери.

Варя услыхала, что Клара схватилась за ручку двери и начала кричать:

— Отвори! отвори! Я знаю, что ты дома! Сейчасъ отвори!

Варя подошла къ двери, ключъ щелкнулъ, дверь распахнулась, и въ комнату быстро влетѣла Клара, блѣдная, съ сверкающими глазами, осматривая комнату.

— А, такъ ты запираешься отъ меня! Прячешься отъ меня!—крикнула она.

— Я готовлюсь къ экзаменамъ,—спокойно отвѣтила Варя, смотря недоумѣвающими глазами на Клару.

Та, не слушая ее, быстро отдернула половину ширмы и, какъ вкопанная, остановилась на мѣстѣ: за ширмой не было никого. Варя слѣдила за ней тѣмъ же недоумѣвающимъ взглядомъ, не говоря ни слова. Наконецъ, Клара повернулась къ ней лицомъ и рѣзко спросила:

— Гдѣ же онъ?

— Кто?

— Борисъ! Про кого я могу спрашивать, какъ не про него? У меня одинъ мужъ! Я не завожу любовниковъ! Не отбиваю чужихъ мужей!

Варя смотрѣла на нее съ состраданіемъ, не прерывая ее, давая ей высказаться.

— Что-жъ ты молчишь? Борисъ былъ у тебя!

— Да, былъ, но такъ какъ дверь была заперта, то онъ и ушелъ,—отвѣтила Варя.

— Какъ ушелъ? какъ ушелъ?

— Вѣдь и ты ушла бы, если бы я не побоялась, что ты выломаешь дверь,—отвѣтила Варя.

И тѣмъ же спокойнымъ тономъ, дѣлая усилие надъ собой, она сказала:

— И ты, Клара, другой разъ не ломай такъ дверей. Это же совсѣмъ неприлично. Что бы ты сказала, если бы къ тебѣ такъ вломилась я?

— Ахъ, нечего тебѣ прикидываться! Тебѣ не для чего вламываться ко мнѣ!

— А у тебя-то есть на это причины!

Варя съ сожалѣніемъ покачала головой.

— Сядь, успокойся, приди въ себя. Я увѣрена, что тебѣ уже очень стыдно за себя...

И, неторопливо подойдя къ письменному столу, Варя налила въ стаканъ воды.

— На, выпей!—сказала она Кларѣ, какъ мать ребенку.

Потомъ развязала ленты ея шляпы, сняла съ нея шляпу, положила на комодъ и сѣла возлѣ Клары на диванъ. Та уже плакала навзрыдъ по-дѣтски, безпомощно. Варя нѣсколько минутъ молчаливо гладила ея руку, не прерывая ея рыданій. Потомъ ласково сказала ей:

— Ну, полно!

— Ты... ты... должна меня презирать!—воскликнула Клара прерывающимся голосомъ.

— За что? Ревность побѣдить трудно...

— Я никогда... никогда не думала... Это вдругъ пришло... помимо воли... Помнишь тогда, ты пѣла... онъ не спускалъ съ тебя глазъ... весь разгорѣлся... потомъ ты перестала... тебя просили, но ты отказалась пѣть... Мнѣ показалось, что ты это изъ кокетства... и онъ омрачился, когда ты перестала... А я точно вдругъ прозрѣла... И сегодня, когда онъ пошелъ, я вышла тоже... узнала, куда онъ нанялъ извозчика... я пошла... съ лѣстницы уже хотѣла вернуться... Не выдержала... позвонила... А у тебя дверь затворена...

Варя взяла стаканъ и, прерывая отрывистую и безсвязную рѣчь Клары, сказала снова:

— На, выпей еще!

Клара глотала воду, какъ послушное дитя. Теперь она чувствовала себя безсильной, безпомощной, больной.

— Ты ждешь отъ меня оправданій,—начала Варя...

— Нѣтъ, нѣтъ! Ради Бога! — воскликнула Клара молящимъ тономъ и припала къ ея груди.

Варя спокойно продолжала:

— Они нужны, Клара, — если не оправданія, то объясненія. Любовь не спрашиваетъ позволеній и часто не видитъ преградъ. Это невольное чувство, подавить которое не легко. Но ты должна быть спокойна за меня. Я тебѣ не разъ намекала, что мое сердце не свободно, что для меня нѣтъ мужчинъ, на которыхъ я могла бы заглядываться. Я не называла прямо тебѣ, кого я люблю, потому что онъ, любимый мною человѣкъ, просилъ не говорить объ этомъ до поры, до времени. Мнѣ самой такъ дорого мое чувство, что я не хотѣла посвящать въ эту тайну другихъ... Но теперь я не могу скрывать этого ради твоего спокойствія. Я люблю Александра, я его невѣста.

Клара отшатнулась.

— Александра? Брата Бориса? Да онъ на десять лѣтъ старше Бориса? Онъ...

Варя усмѣхнулась.

— Онъ для меня все, Клара: мой духовный отецъ, мой лучшій другъ, мой будущій любимый мужъ...

Ея лицо теперь все освѣтилось счастіемъ. Клара взглянула на нее и бросилась ее цѣловать. Она цѣловала ея

лицо, ея руки, вполнѣ счастливая тѣмъ, что Варя любитъ, страстно любитъ не Бориса, а другого.

— О, я скажу Борису. Я скажу!—говорила она, не сознавая, что она говоритъ. — Пусть онъ знаетъ, пусть не надѣется ни на что...

Варя горько усмѣхнулась.

— Да, ты хорошо сдѣлаешь... это насъ разведетъ навсегда съ Борисомъ.

— То-есть какъ?—спросила Клара.

— Борисъ не любитъ Александра. Узнавъ, что я его невѣста, онъ станетъ мнѣ говорить про брата такія вещи, что ему уже не будетъ у меня мѣста. Я вѣдь знаю хорошо Бориса. Это непремѣнно приведетъ къ разрыву.

Клара испугалась.

— Совсѣмъ разссоритесь? Не будете видѣться?

— Мой другъ, ты будешь покойнѣе!

— Нѣтъ, нѣтъ! Какъ же ты?.. Какъ же?.. ты одна любишь меня... одна...

Она заплакала снова.

— Господи, за что же я должна лишиться единственнаго человѣка, который меня любитъ!.. Никогда, никогда не скажу я этого Борису...

— Успокойся... подумай... Теперь мы и такъ будемъ рѣдко видѣться, у меня занятія... А потомъ, лѣтомъ, скажи все Борису... Авось, онъ къ осени примирится съ этою мыслью и не станетъ меня злить, говоря объ Александрѣ...

III.

Клара искренно убѣдилась, что никогда Варя не только не полюбитъ Бориса, но даже не позволитъ ему заикнуться о своей любви къ ней. Но это была только одна сторона дѣла: Борисъ могъ любить Варю, не встрѣчая даже взаимности, а если онъ любитъ Варю, значитъ онъ пересталъ любить ее, Клару. Разъ пробудившаяся ревность не могла уже пройти безслѣдно, и Клара теперь прислушивалась къ звукамъ голоса Бориса, когда онъ говорилъ о Варѣ; она пожирала его глазами, когда онъ встрѣчался съ Варей или говорилъ съ нею. Иногда Клара не воздерживалась и замѣчала:

— Ты, кажется, нынче жить не можешь безъ Вари!.. Напрасно ты такъ ухаживаешь за Варей, она и не думаетъ о тебѣ, потому что ея сердце занято... Какое счастье, что

Варя такая честная дѣвушка, а то она могла бы вскружить тебѣ голову...

Борисъ пожималъ плечами, говорилъ:

— Что ты выдумываешь?.. Что съ тобой дѣлается?.. Ты, кажется, если бы у меня были мать или сестра, стала бы и къ нимъ ревновать...

Иногда онъ просто обрывалъ ее:

— Перестань говорить глупости!

Тогда начинались слезы.

Разъ дѣло дошло до того, что онъ вышелъ изъ терпѣнія и прикрикнулъ:

— Замолчи! Ты бы лучше поучилась у Вари серьезности и разсудительности, тогда бы дурь и не лѣзла въ голову отъ праздности. Очень весело: все утро работать рядомъ съ разными подлецами и идіотами, а дома слушать безсмысленное шипѣнье... Поневолѣ тутъ убѣжишь изъ дому. Тебѣ этого, что ли, хочется?..

Онъ всталъ изъ-за стола, отодвинувъ свой приборъ. Клара испугалась и бросилась къ нему.

— Борисъ, милый, прости!—воскликнула она.—Пойми, что я люблю тебя... Я иногда сама не понимаю, что со мною дѣлается...

— Ахъ, оставь! Ты только и умѣешь, что обниматься!—нетерпѣливо сказалъ онъ.—Одного умѣнья цѣловаться для супружескаго счастія мало...

— Прежде ты этого не говорилъ... Теперь сталъ говорить, когда она пріѣхала.

— Ну да, когда она пріѣхала!

— Проклятая!—сорвалось съ языка Клары.

— Безсовѣстная ты женщина, вотъ что!—внѣ себя воскликнулъ Борисъ, крѣпко стиснувъ руку женѣ.—Дѣвушка любитъ тебя всей душой, добра тебѣ желаетъ, а ты клянешь ее. И то сказать, кого ты не клянешь? Кому ты благодарна? Ты только себя и умѣешь любить! Стыдилась бы хоть высказывать это...

Онъ оттолкнулъ ее и вышелъ изъ комнаты.

Она разрыдалась. Она дѣйствительно и проклинала теперь Варю, и стыдилась сама этихъ проклятій, сознавая, что Варя ни въ чемъ не виновата. Ей хотѣлось, чтобы Варя была теперь далеко, далеко, и въ то же время она чувствовала, что только Варѣ она можетъ повѣрить свое горе, что только Варя приласкаетъ и ободритъ ее. Эта двойственность чувства страшно мучила ее, тѣмъ болѣе, что

неразвитый умъ не могъ подсказать ей ничего. Она не умѣла думать, а только поддавалась минутнымъ вспышкамъ, минутнымъ впечатлѣніямъ. Если бы она была въ состояніи разсуждать, она, можетъ-быть, не высказала бы своей ревности, не подливала бы масла въ огонь. Она даже не сознавала, что она первая заставила своего мужа уяснить передъ самимъ собою свое чувство къ Варѣ. До вспышки ревности жены онъ не задумывался о томъ, какое чувство онъ питаетъ къ Варѣ. Теперь онъ ясно увидалъ, что онъ любитъ, и любитъ впервые безумною любовью. И какъ это онъ раньше не уяснилъ себѣ этого? Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ жилъ только мыслью о Варѣ. Въ головѣ были вѣчно одни и тѣ же вопросы: что она дѣлаетъ? когда онъ ее увидитъ? какъ бы остаться съ нею наединѣ? зачѣмъ онъ свелъ ее съ женою и съ родными, лишивъ себя возможности [быть часто съ нею вдвоемъ? Онъ не задавалъ себѣ вопроса, что въ ней нравится ему? Ему нравилось все—ея лицо, ея голосъ, ея споры съ нимъ, ея смѣхъ, ея печаль. Ему было одинаково отрадно съ нею и тогда, когда она ободряла его, подзадоривала его самолюбіе, и тогда, когда она журила его, доходила до рѣзкихъ выговоровъ и упрековъ. Иногда, думая о ней, онъ забывалъ, что онъ женатъ, и строилъ планы, какъ бы онъ жилъ съ нею. Она вырвала бы его изъ этого банка, заставила бы приняться за другое дѣло, требующее большихъ умственныхъ способностей, превратила бы его изъ машины въ человѣка, изъ чернорабочаго въ умственнаго дѣятеля; она осмыслила бы его жизнь, создала бы ему гнѣздо, изъ котораго не потянуло бы никуда, куда стремились бы другіе, чувствуя здѣсь сердечную теплоту и умственный подъемъ; никогда бы она не допустила его до пустоты, скуки, апатіи, умственной спячки. И среди этимъ думъ передъ нимъ носился ея образъ, полный жизни, веселости, бодрости, привѣтливости. Появленіе Клары заставляло его падать съ неба на землю, и онъ готовъ былъ оттолкнуть жену, когда она повторяла ему:

— Ты мой умный и хорошій!

— А ты?—чуть не срывалось съ его языка.—Какова ты?

И онъ негодовалъ на нее, на себя, когда въ его головѣ вдругъ проходили воспоминанія слышанныхъ имъ фразъ: «Похожа на Бэка, такой же длинный носъ... Та дѣвчонка съ темпераментомъ... Эта, вѣроятно, тоже»... Да, да, темпераментъ и больше ничего. Узенькая фигурка, узенькій умъ. Кокоткой бы ей быть... Онъ самъ стыдился этихъ

мыслей и не могъ отдѣлаться отъ нихъ. Это уже была не простая холодность; начиналась несправедливость, враждебность...

IV.

Борисъ истомился, измучился отъ происходившей въ немъ борьбы и чувствовалъ, что не нынче, такъ завтра онъ у ногъ Вари признается ей въ любви. Зачѣмъ? что изъ этого выйдетъ? Развѣ эти вопросы приходятъ въ голову, когда безумная любовь охватываетъ всего человѣка, лишаетъ его сна, заставляетъ бредить наяву. Совершенно неожиданное событіе внезапно разсѣяло этотъ бредъ, эти грезы, это безуміе и возвратило Бориса къ горькой дѣйствительности.

Извѣстные кружки Петербурга, ищущіе отъ скуки пикантныхъ новостей, были взволнованы одной изъ мошенническихъ продѣлокъ. Въ руки правосудія попалась цѣлая шайка мошенниковъ, не брезгавшихъ ничѣмъ; тутъ было все: обираніе молодыхъ кутилъ, поддѣльные векселя, шулерство, вымогательство и шантажъ. Замѣшаны въ дѣло были и старики, и молодые, и мужчины, и женщины. Объ этомъ дѣлѣ говорили много, преувеличивали его размѣры, передавали цѣлыя легенды о дѣйствующихъ лицахъ, обрадовавшись новому развлеченію, новой темѣ для разговоровъ. Борисъ слышалъ о немъ тоже не мало толковъ въ банкѣ и относился къ этимъ толкамъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ, замѣчая:

— Мошенники радуются, что не ихъ, а другихъ мошенковъ судить будутъ!..

Ганька, услыхавъ разъ подобное замѣчаніе Бориса, сказалъ ему:

— Да тамъ не все мошенники были, а тоже несчастные люди: вотъ тамъ одинъ Петровъ, молодой человѣкъ, судиться будетъ, такъ онъ отъ любви попалъ въ шайку, запутался въ дѣлахъ, а содержалъ дѣвочку, ну, и пошелъ для нея на все. Я его встрѣчалъ въ Зимнемъ саду...

— Охота шляться по этимъ вертепамъ!—съ пренебреженіемъ сказалъ Борисъ.—Благодарите Бога, что еще сами не впутались въ такую же исторію.

— Что-жъ, отъ любви все можетъ случиться.

— Отъ любви! отъ любви! Какъ вамъ не стыдно называть любовью эти отношенія какого-то гуляки Петрова къ какой-нибудь героинѣ Зимняго сада.

— Нѣтъ-съ, Діодатова красавица.

— Что?—почти крикнулъ Тепловъ.—Какая Діодатова? Что вы мелете?

— Эта-съ... любовница Петрова... Діодатова ее зовутъ по фамиліи... Ольга Діодатова... ее тоже графиней въ шутку звали, потому что она хвалилась, что ея отецъ графъ... Петровъ сперва самъ впутался въ это дѣло, а потомъ и ее впуталъ. Теперь и ее судить будутъ...

Ганька говорилъ безъ умолку, какъ человѣкъ, гордящійся тѣмъ, что онъ знаетъ всѣ подробности интересующаго всѣхъ дѣла. Борисъ сидѣлъ, блѣдный, какъ полотно, и ничего не понималъ. Онъ ощущалъ не жалость къ Діодатовой, но безотчетный страхъ, точно готовились судить не ее, а его.

— Вы ее не знали-съ?—спросилъ неожиданно Ганька.

Борисъ очнулся.

— Что вы глупости городите.

— Нѣтъ-съ, я потому, что она разъ спрашивала...

— Что? что?

— Спрашивала, говорю я, про Домгофа и про васъ...

— Что спрашивала? Что?

Борисъ, кажется, готовъ былъ схватить Ганьку за шиворотъ.

— Такъ, просто. «Что, говоритъ, вы у Домгофа служите?»—Да, говорю.—«А Тепловъ тамъ же служитъ?»—У насъ, говорю.—«Кланяйтесь имъ», говоритъ.—Я не посмѣлъ тогда...

— Да что вы пристали ко мнѣ съ этими разсказами!—разозлился Борисъ.—Тутъ дѣла ждутъ, а мы толкуемъ битый часъ о какой-то проституткѣ...

Онъ уткнулся въ бумаги, а въ головѣ, точно молотъ, звучали слова: «кланяйтесь имъ». Не говорила ли она еще чего-нибудь? Не знаетъ ли этотъ Ганька самой сущности дѣла? Съ чего онъ завелъ этотъ разговоръ? Работа валилась изъ рукъ Бориса. Онъ машинально отложилъ бумаги и взялъ газету. «Діодатова, молоденькая дѣвушка, очень красивая собою», читалъ онъ безсознательно. Съ чего это о ней пишутъ? Ахъ, да! вѣдь она судиться будетъ. Онъ отбросилъ газету, всталъ съ мѣста, пошелъ по банку. «Да, вѣдь это та, что графинюшкой называли, это и есть она, Діодатова»,—говорилъ кто-то въ одной изъ группъ конторщиковъ. Черти, черти, далась имъ эта Діодатова! Ужъ не знаютъ ли они правды? Ганька не разсказалъ ли чего-нибудь? Съ чего бы имъ такъ смотрѣть на него, на Бориса?

Онъ далъ себѣ слово оборвать перваго изъ нихъ, кто заговоритъ при немъ о Діодатовой. Онъ далъ себѣ слово не заглядывать въ газеты, чтобы не натолкнуться на воспоминанія о ней. Забыть ее—это самое лучшее. Тѣмъ не менѣе на слѣдующій день онъ лихорадочно искалъ въ газетахъ ея имя и при встрѣчѣ съ Ганькой спросилъ его:

— Ну, опять пишутъ гдѣ-нибудь объ этой... какъ ее?.. Діодатова, что ли!

Ганька услужливо началъ сообщать все, что вычиталъ въ листкахъ мелкой прессы.

«И зачѣмъ я разспрашиваю? Изъ-за чего волнуюсь? Мало ли съ кѣмъ приходится сталкиваться холостымъ мужчинамъ!—мысленно повторялъ Борисъ.—Скорѣй бы кончилось это дѣло! Хоть говорить о ней перестанутъ»...

Наконецъ, желанный день насталъ. Борисъ бродилъ весь этотъ день въ страшномъ волненіи и злился на газеты уже за то, что онѣ ничего не сообщили въ первый день судебнаго разбирательства о дѣлѣ. Онъ даже пожалѣлъ, что не попалъ самъ въ судъ. Сѣлъ бы гдѣ-нибудь въ тѣни, никто не замѣтилъ бы его, а все же зналъ бы все, что тамъ происходитъ. Но что же тамъ происходитъ? Вѣдь онъ ни при чемъ въ этомъ дѣлѣ? Что ему-то до всего этого?.. На слѣдующій день появились газетныя извѣстія о процессѣ. Говорилось о составѣ судей, о физіономіяхъ подсудимыхъ и свидѣтелей, о поведеніи публики. Борисъ швырнулъ газеты, точно онъ ждалъ прочесть въ нихъ что-то другое. Что?—Онъ самъ не зналъ. На третій день появилась рѣчь прокурора. Онъ громилъ подсудимыхъ, и Борисъ почти обрадовался, прочитавъ всю грязь, вылившуюся на Діодатову, на эту дѣвушку, отдающуюся за деньги сегодня одному, завтра другому, не имѣющую ничего святого, дошедшую до послѣднихъ ступеней паденія, пользовавшуюся своею красотой для вовлеченія въ свою шайку молодыхъ людей. Да, да, она именно и была всегда такою. Его только кольнуло замѣчаніе прокурора насчетъ того, что она стоила тѣхъ мужчинъ, которые сближались съ нею. Дуракъ, самъ развѣ не сходился съ этими женщинами. Развѣ безъ нихъ можно обойтись. Это горько, но это неизбѣжно. За это нельзя бросать грязью въ мужчинъ... Во всякомъ случаѣ Борису стало точно легче послѣ прокурорской рѣчи... На слѣдующій день появились рѣчи защитниковъ. Борисъ сталъ лихорадочно читать. «Она на скамьѣ подсудимыхъ, а тотъ негодяй, который соблазнилъ ее и

толкнулъ на путь разврата...»—эти слова защитника Діодатовой Борисъ читалъ и перечитывалъ съ блѣднымъ, похолодѣвшимъ лицомъ. Ему давали публично пощечину, и онъ не могъ отвѣтить на нее, не могъ зажать рта оскорбителю. Цѣлые ушаты грязи выливалъ на него защитникъ Діодатовой, а ее изображалъ жертвой, мученицей, беззавѣтно отдавшейся любимому ею человѣку, опозорившему ее, бросившему безъ куска хлѣба. Раннее дѣтство, годы плохого воспитанія и ученья, тяжелый трудъ швеи, скромная доля неустанной труженицы, помощь семьѣ, обольщеніе гнуснымъ развратникомъ, не знающимъ ничего святого, все это всплыло наружу, разукрасилось цвѣтами краснорѣчія, подняло на пьедесталъ Ольгу Дмитріевну, а у этого пьедестала былъ затоптанъ въ грязь, оплеванъ Тепловъ. «Онъ не стыдился даже брать у нея трудовые гроши»,—между прочимъ, замѣтилъ адвокатъ.

— Подлецъ, подлецъ!—шепталъ Борисъ, сжимая кулаки.

«Въ публикѣ слышались рыданія», писалось въ газетѣ.

— Идіоты!—прибавлялъ Борисъ.

«Когда былъ вынесенъ оправдательный вердиктъ Діодатовой—въ публикѣ раздались рукоплесканія»,—говорилъ далѣе отчетъ.

— Въ балаганъ пріѣхали!—замѣтилъ Борисъ.

«Въ пользу Діодатовой собрали значительную сумму денегъ; говорятъ, кто-то взялъ ее на свое попеченіе»,—продолжалъ разсказывать репортеръ.

— А, въ моду теперь войдетъ. Героиня дня! Что-жъ, поклоняйтесь проституткамъ, воровкамъ, вы стóите ихъ!—въ бѣшенствѣ шепталъ Борисъ.

Онъ словно осунулся и пожелтѣлъ за это время.

А вечеромъ это дѣло послужило темою для разговоровъ у Домгофовъ. Всѣ вкривь и вкось толковали о подсудимыхъ, о рѣчахъ прокурора и защитниковъ, о вердиктѣ присяжныхъ, о поведеніи публики. Борисъ не выдержалъ и разразился гнѣвною рѣчью противъ снисходительности присяжныхъ, противъ развратной публики, готовой покровительствовать подобнымъ женщинамъ, противъ адвокатовъ, дѣлающихъ изъ этихъ женщинъ мучениць.

— Да, но послѣ рѣчи адвоката не сладко и тому, кто довелъ эту дѣвушку до этого паденія,—замѣтилъ кто-то.

— Довелъ! довелъ!—загорячился Борисъ въ какомъ-то бѣшеномъ порывѣ.—Никто не довелъ ее, сама дошла до этого, всегда была такою! Сваливаютъ вѣчно на мужчинъ,

а посмотрѣли бы, что такое эти женщины сами по себѣ. До мозга костей была испорчена, съ колыбели была испорчена, потому и пала...

Никто не возражалъ ему, не останавливалъ его, какъ вдругъ послышался голосъ Вари, сидѣвшей въ глубокой задумчивости:

— Ты зналъ ее?

Бориса точно холодной водой облило.

— Я?.. Съ чего ты взяла?

— Я думала, что видѣлъ... ты такъ безапелляціонно обвиняешь именно ее, а не того, кто первый толкнулъ ее на этотъ путь... Такъ судить нельзя: надо знать обѣ стороны, чтобы осуждать...

И, опять задумавшись, она добавила:

— Мнѣ вотъ страннымъ образомъ знакома эта фамилія... Я все вспоминала, гдѣ я ее слышала, читала... Рѣшительно не могу вспомнить, но я ее знаю... навѣрное знаю хоть по слухамъ...

Борисъ пробормоталъ:

— Фамилья сотенъ незаконнорожденныхъ... Діодатова, значитъ: Богомъ данная...

Варя вдругъ какъ-то вздрогнула, услышавъ произнесенную Борисомъ фамилію Діодатовой; она подняла голову и широкими глазами взглянула на него. Ей внезапно съ поразительною ясностью припомнилось теперь, когда эту фамилію произнесъ именно онъ, что она въ былые дни слышала ее отъ Бориса,—слышала, что съ нимъ рядомъ живетъ швея Діодатова. Она почти со страхомъ, боясь повѣрить уже мелькавшей въ ея головѣ мысли, смотрѣла на Бориса, какъ бы спрашивая его: «да скажи же что-нибудь! опровергни мои подозрѣнія, очисти себя отъ нихъ».

Онъ почувствовалъ на себѣ этотъ пристальный, испытующій взглядъ и какъ-то невольно затихъ, низко опустивъ на грудь голову.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Дѣло Діодатовой надолго испортило настроеніе Бориса и, къ величайшей его досадѣ, оно перешло въ высшую инстанцію, суля ему въ будущемъ еще не мало тревогъ и досадъ. Впереди ожидались дни, когда газеты опять, за недостат-

комъ другого матеріала, заговорятъ объ этомъ дѣлѣ, а вслѣдъ за газетами заговорятъ о немъ и разные праздные люди, радующіеся всякому новому скандалу, чтобы разсѣять свою скуку. Волнуемый этимъ дѣломъ, Борисъ тосковалъ и о Варѣ, уѣхавшей на лѣто въ провинцію. Молодому человѣку казалось, что ему было бы легче, если бы Варя была въ Петербургѣ: онъ излилъ бы передъ нею свою душу, сознался бы ей во всемъ, нашелъ бы въ ней участіе, сочувствіе, прощеніе. Безъ нея ему некому было повѣрить своихъ душевныхъ тайнъ. Въ тревожномъ состояніи духа человѣкъ всегда находитъ новыя и новыя причины для волненій, и Борисъ былъ именно въ такомъ положеніи. Почти каждый день въ газетахъ появлялись извѣстія о крахахъ банковъ, о кражахъ, совершенныхъ кассирами, о банковскихъ безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ въ Петербургѣ и въ провинціи. О банковскихъ дѣльцахъ говорилось во всѣхъ газетахъ, во всѣхъ сатирическихъ листкахъ то съ презрѣніемъ, то съ негодованіемъ. Лучше ли было то учрежденіе, гдѣ онъ служилъ? Могъ ли онъ сказать, что это учрежденіе стоитъ выше нареканій? Онъ сдѣлалъ еще шагъ впередъ на служебной лѣстницѣ и волей-неволей ближе ознакомился съ порядками, окружавшими его. Эти порядки были неприглядны. Заправилы банка были тѣми щуками, которыя сторожатъ дремлющаго карася-акціонера. Не нынче, такъ завтра, ему, Борису, придется дѣятельно помогать этимъ щукамъ, принимать участіе въ ихъ продѣлкахъ, исполнять ихъ распоряженія, зная хорошо нечистыя цѣли этихъ распоряженій и не смѣя отвѣтить отказомъ повиноваться. Онъ, можетъ-быть, очень легко бы примирился съ своимъ положеніемъ, если бы его нервы не были разстроены, если бы онъ не ощущалъ какой-то неудовлетворенности, если бы онъ не находился въ томъ положеніи, когда человѣкъ готовъ плакаться и на зной, и на холодъ, и на дождь, и на вѣтеръ, какъ разблажившійся ребенокъ.

Это настроеніе, конечно, не могла измѣнить Клара, особенно теперь; она была въ интересномъ положеніи и сама начинала испытывать тяжелыя душевныя мѵки, являвшіяся слѣдствіемъ физическихъ немощей. Головныя боли, тошнота, одышка, все это отражалось на расположеніи духа. Иногда ей приходилось лежать по цѣлымъ днямъ, иногда ей точно что-то щемило сердце и захватывало духъ, иногда она капризно жаловалась на свое состояніе, смотря на чудные лѣтніе дни. Лѣто стояло теплое, сухое. Острова сверкали

яркою изумрудною зеленью. Опоясывающія ихъ широкія ленты воды были гладки и блестящи, какъ зеркало. Въ воздухѣ пахло цвѣтущими липами, розами, левкоями. Въ комнатахъ дачи было жарко и душно, невольно хотѣлось выйти на воздухъ, прокатиться въ лодкѣ, выкупаться въ холодной водѣ. Ничѣмъ этимъ не могла пользоваться молодая женщина — докторъ предписывалъ ей полнѣйшее спокойствіе, съ сомнѣніемъ смотря на ея худенькую, узенькую, хрупкую фигурку.

Сначала жалобы Клары раздражали Бориса: онъ не понималъ, что она переживаетъ страшно мучительное время первой беременности, и думалъ, что она просто блажитъ и капризничаетъ, такъ какъ выносятъ же другія женщины бодро подобное положеніе. Но когда докторъ замѣтилъ ему однажды, что Кларѣ нужно быть очень осторожной, Борисъ сказалъ:

— Но вѣдь, докторъ, ея беременность еще въ началѣ...

— Я знаю, но ей нужно набраться силъ, не повредить какъ-нибудь себѣ,—отвѣтилъ докторъ.

И какъ бы про себя замѣтилъ:

— Есть женщины, которымъ просто не слѣдовало бы выходить замужъ.

Борисъ встревожился.

— Что вы хотите этимъ сказать, докторъ?

— Хрупкое она существо, узкія формы. Впрочемъ, вы не волнуйтесь заранѣе, а только берегите ее, старайтесь о соблюденіи всѣхъ моихъ предписаній. Барыни вѣдь въ ея положеніи обыкновенно привередничаютъ и часто дѣлаютъ глупости, отзывающіяся на нихъ потомъ.

И докторъ началъ приводить разные примѣры, разсказывать о томъ, что дѣлала та или другая изъ его паціентокъ, несмотря на его предостереженія. Борисъ почти не слушалъ его, весь охваченный тревогою за жену. До этой минуты онъ точно и не подозрѣвалъ, что она можетъ страдать; теперь онъ даже преувеличивалъ въ своемъ воображеніи эти страданія и ощущалъ въ душѣ что-то въ родѣ упрековъ себѣ за то, что онъ виновникъ этихъ страданій.

«Есть женщины, которымъ не слѣдовало бы выходить замужъ»—эти слова доктора засѣли въ его головѣ. Бѣдная малютка! развѣ она знала это? А онъ, Борисъ, вѣдь онъ тоже не зналъ этого. Что если она умретъ? Въ его душѣ пробудилась особенная нѣжность къ Кларѣ: она казалась ему умирающимъ ребенкомъ. Онъ сталъ чаще и дольше

просиживать съ нею у ея кушетки, болтая съ нею, читая ей книги, развлекая ее. Порой она тоскливо говорила, что ей хотѣлось бы теперь покататься, погулять, повеселиться. Иногда она жаловалась, что ей досаждаютъ разносчики, кричащіе около дачи, экипажи, проносящіеся мимо дома по дорогѣ «на Стрѣлку».

— Въ деревнѣ бы теперь укрыться, въ глуши,—говорила она.—Вотъ счастливая Варя, она ничего этого не слышитъ.

И, вспомнивъ о Варѣ, она разъ замѣтила:

— И какое блаженство испытываетъ она, увидавъ опять своего Александра...

Борисъ насмѣшливо улыбнулся.

— Ну, онъ-то особеннаго блаженства не можетъ доставить. Говоритъ, я думаю, теперь съ нею о великихъ міровыхъ вопросахъ скучно и назидательно...

Клара отрицательно покачала головой.

— Нѣтъ, нѣтъ... Впрочемъ, я вѣдь еще не говорила тебѣ... Варя невѣста Александра...

Борисъ широко открылъ глаза и слегка поблѣднѣлъ.

— Съ чего ты взяла,—началъ онъ.—Александръ на десятокъ лѣтъ старше меня; онъ сухой теоретикъ, фразеръ...

— Она его страстно любитъ,—сказала Клара, зорко слѣдя за Борисомъ.—Она сама сказала мнѣ это.

Онъ въ волненіи всталъ съ мѣста и заходилъ по комнатѣ ошеломленный этою новостью. У Клары уже блестѣли глаза, лицо покрылось пятнами отъ волненія.

— Это сумасшествіе! Это сумасшествіе! — говорилъ Борисъ.—Зачѣмъ ты мнѣ не сказала этого раньше? Я бы поговорилъ съ ней, постарался бы ее образумить. Какая же онъ ей пара?..

— А кто же ей пара? — спросила Клара и уже съ горечью прибавила:—Если бы она стала слушать тебя, то ей пришлось бы остаться дѣвушкой...

Онъ ничего не отвѣтилъ, занятый мыслью о судьбѣ Вари.

— Ты бы отсовѣтовалъ ей вообще выходить замужъ, — продолжала Клара, тяжело дыша: — я вѣдь могу умереть...

Онъ очнулся при этомъ напоминаніи о смерти.

— Клара, зачѣмъ ты сама портишь себѣ жизнь? — сказалъ онъ съ упрекомъ.

Она заплакала. Неужели онъ думаетъ, что она не видѣла, не понимала? Да, онъ влюбленъ въ Варю. Нечего возражать: это ясно, какъ день. Варя не любитъ его, но онъ все же влюбленъ въ нее. Но напрасно, напрасно! Если

даже умретъ она, Клара, то Варя все же не выйдетъ за него замужъ. Она честная дѣвушка и не измѣнитъ своему жениху. Встревоженный слезами жены, боясь за ея здоровье, Борисъ успокаивалъ ее, какъ умѣлъ, увѣрялъ въ своей любви, цѣлуя ея руки и лицо. Мало-по-малу, она успокоилась и, утомленная волненіемъ и слезами, задремала. Борисъ остался сидѣть у ея кушетки и задумчиво смотрѣлъ на эту худенькую, узенькую фигурку, обезображенную теперь беременностью. Въ его головѣ проносились отрывочныя фразы доктора: «есть женщины, которымъ не слѣдуетъ выходить замужъ», «хрупкое она существо, узкія формы»...

«Узкія формы — узкій умъ, — мелькнуло въ головѣ Бориса, и о чемъ онъ ни старался теперь думать—эта мысль стучала, какъ молотъ, въ его мозгу.—Не способна сдѣлаться матерью, не способна быть женою. Неужели же онъ прежде-то не могъ сообразить хоть того, что этотъ узкій умъ не способенъ ни къ какому развитію? Неужели онъ не могъ разсудить прежде, что съ такой подругой жизни тяжело прожить всю жизнь? Чѣмъ она увлекла? Ужъ не тѣмъ ли, что за ней дали кое-какія деньжонки, что его пристроили на хорошее мѣсто за женитьбу на ней? Нѣтъ, нѣтъ, просто она пробудила въ немъ жалость, онъ позволилъ ей любить его изъ сожалѣнія къ ней, онъ изъ состраданія приласкалъ ее, оскорбленную и униженную негодяемъ, и вотъ плоды... или умретъ, не выдержавъ родовъ, или будетъ весь вѣкъ несчастною женою, мучимой ревностью и... что тутъ хитрить!.. нелюбимой мужемъ!.. Да, да, онъ ее не любитъ, онъ жалѣетъ ее, онъ сочувствуетъ ея страданіямъ, онъ готовъ плакать съ нею о ней, но любить — нѣтъ, онъ не въ силахъ любить ее!..»

II.

Каменный и Елагинъ острова, утонувшіе въ зелени, прорѣзанные то тутъ, то тамъ прудами и рѣчками, окаймленные рукавами многоводной Невы, утромъ и въ полдень точно дремлютъ, отдыхая въ безлюдьи отъ сутолоки, наполняющей ихъ по вечерамъ. Тишина, особенно на Елагиномъ, въ утренніе часы, нарушается только пѣніемъ и чириканьемъ птицъ, да голосами играющихъ въ укромныхъ уголкахъ дѣтей. Десятки аллей остаются совершенно пустынными и вплоть до вечера здѣсь не встрѣтишь на пескѣ слѣда человѣческаго. Въ этихъ глухихъ уголкахъ, окаймленныхъ кустарниками, любилъ бродить Борисъ въ свободныя минуты,

отдавшись своимъ думамъ. Въ немъ шла какая-то внутренняя работа, какая-то мимовольная борьба. Пѣсня птицы, запахъ скошеннаго сѣна, мычаніе коровъ, все уносило его мысли въ деревню, и передъ нимъ возставали однѣ и тѣ же картины: Александръ и Варя идутъ рука объ руку лѣсной опушкой или межою въ полѣ, и тихо ведутъ разговоръ о счастіи, о любви, о будущей жизни, а кругомъ нихъ просторъ, тишина, безлюдье, все пространство утонуло въ зелени, надъ ними бездонное глубокое небо, надъ ними свѣтъ солнца, и въ воздухѣ звенитъ, дрожа крыльями, жаворонокъ; у нихъ, у Александра и Вари, нѣтъ ни страха, ни сомнѣній, ни угрызеній совѣсти, ни несбыточныхъ надеждъ, въ ихъ душахъ все спокойно, ясно, уравновѣшено. А у него, Бориса? Зависть, злоба, недовольство собою, все это поднялось въ душѣ, и ему хотѣлось, чтобы сдѣлалось что-то такое, что перевернуло бы вдругъ весь строй его жизни. Тогда мелькала мысль: «вотъ умретъ Клара», и ему становилось и жутко, и стыдно за самого себя, точно это была не простая мысль, а желаніе. «Но что же, если умретъ,— продолжало мелькать въ головѣ. — Развѣ тогда лучше будетъ?» И вдругъ являлось страстное желаніе убѣдить себя, что Варя не любитъ Александра, что ее нужно отговорить, что этотъ бракъ нужно разстроить. Отговорить? Какъ? Писать объ этомъ письма, которыя будетъ читать онъ, Александръ? Борисъ сжималъ кулаки, стискивалъ зубы въ безсильной злобѣ. И опять его охватывалъ стыдъ: «Клара еще жива, а я уже хочу переступить черезъ ея трупъ». Нѣтъ, нѣтъ, это низко, подло! Онъ не желаетъ ея смерти, онъ сдѣлаетъ все для ея спасенія, онъ постарается примириться со своею участью. А если она все же умретъ? Что тогда? Онъ останется одинъ, безъ любви, безъ поддержки? Онъ— слабый человѣкъ, ему нужна поддержка умной любящей женщины. Такъ-то, самъ по себѣ, одинъ, до чего онъ дошелъ? Погубилъ Діодатову, погубилъ Клару, пошелъ служить въ томъ мѣстѣ, куда не влекло его призваніе, гдѣ онъ сдѣлается или машиной, или мошенникомъ. Чтобы выбиться изъ этого омута, ему нужна опора любящей женщины, умной, твердой, развитой... Вари! Онъ и нашелъ бы эту опору, если бы не Александръ. Этотъ человѣкъ опять является причиной его несчастія. Враждебное чувство противъ брата снова поднималось въ душѣ, и оно было тѣмъ мучительнѣе, что Борисъ уже не могъ теперь, какъ онъ дѣлывалъ въ годы дѣтства, обвинять, бранить, топтать въ грязь брата...

III.

Въ концѣ августа, когда Тепловы уже перебрались на свою городскую квартиру, въ Петербургъ вернулась Варя и посѣтила Клару. Она застала молодую женщину въ постели. Увидѣвъ Варю, Клара очень обрадовалась ей въ первую минуту, но радость быстро смѣнилась чувствомъ тревоги, зависти, ревности. Варя за лѣтніе мѣсяцы еще болѣе поздоровѣла, расцвѣла; она вся сіяла счастіемъ и съ первыхъ же словъ объявила Кларѣ, что она теперь можетъ говорить всѣмъ, что она невѣста Александра; они обручились и повѣнчаются будущимъ лѣтомъ. Молодая дѣвушка говорила съ увлеченіемъ, горячо, страстно. Клара на полусловѣ прервала ея разсказъ.

— Не вѣрю я, что ты выйдешь за него замужъ, — проговорила она.—Ждать еще годъ—какая же это любовь?

— Да какъ же быть? — замѣтила Варя. — Мнѣ еще два года нужно пробыть здѣсь на курсахъ. Я даже не знаю, можно ли будетъ повѣнчаться будущимъ лѣтомъ. И объ этомъ нужно справиться. Бросать же курсы не приходится, дипломъ нуженъ непремѣнно. Безъ соблюденія этихъ формальностей...

— Ахъ, если любишь, о дипломахъ не станешь думать!— воскликнула Клара, опять перебивая ее.

Варя улыбнулась, хотѣла что-то сказать, но Клара продолжала горячо:

— Нѣтъ, это ужъ какая любовь, если свадьбу откладывать изъ-за пустяковъ, изъ-за дипломовъ можете. Можетъ-быть, еще и передумаешь не разъ... Ты молода, здорова, хороша собою, еще много ухаживателей найдется...

Лицо Клары совершенно омрачилось; она стала капризнымъ тономъ обижаемаго человѣка жаловаться на свое здоровье, на свои опасенія.

— Вотъ умру, — вдругъ замѣтила она. — Борисъ будетъ свободенъ.

Варя молчала; Клара зорко всматривалась въ нее, точно ожидая, что она скажетъ.

— Вотъ онъ тогда за тебя свататься станетъ,—задыхающимся голосомъ закончила она, не дождавшись отвѣта Вари.

Варя пожала плечами.

— Скажи, зачѣмъ ты сама тревожишь себя этими мыслями? — спросила она. — Ты не умрешь, ему не придется свататься за меня, я...

— А если, а если умру, — горячо перебила Клара: — ты не пойдешь за него? Не пойдешь?

— Ахъ, перестань! — нетерпѣливо сказала Варя. — Ты же слышала, что я невѣста...

— Нѣтъ, нѣтъ, ты поклянись, что не пойдешь за Бориса...

Варю начинала раздражать эта сцена.

— У тебя страшно разстроены нервы! — проговорила она. — Тебѣ нужно...

— Нѣтъ, нѣтъ, ты не отклоняйся! Поклянись! — горячо повторяла Клара. — Поклянись! Это меня успокоитъ!

Варя передернула плечами и, не скрывая своей досады, проговорила:

— Клянусь тебѣ, что не пойду за него... Хотя, право, это такой ребяческій капризъ съ твоей стороны...

— Нѣтъ, нѣтъ, я буду спокойнѣе! Я и ему скажу, чтобъ онъ не желалъ напрасно моей смерти, чтобъ онъ не надѣялся...

И, почти не сознавая того, что она говоритъ, она продолжала:

— Вотъ ты теперь пріѣхала, я больна, и онъ станетъ бѣгать къ тебѣ, станетъ говорить о любви. Его вѣдь не удержишь, если онъ будетъ надѣяться... Я ему скажу, что все это напрасно, что ты дала мнѣ клятву, что если ты ее нарушишь — я явлюсь къ вамъ изъ гроба...

Варя съ состраданіемъ улыбнулась. Ей было и досадно, и смѣшно, и грустно. Клара подмѣтила ея улыбку и опять заволновалась.

— Ты не вѣришь развѣ въ загробную жизнь? — съ ужасомъ воскликнула она. — Ты думаешь, что мертвые ничего не знаютъ? Ты думаешь, что я не могу придти, если ты нарушишь клятву?..

Варя поднялась съ серьезнымъ, почти строгимъ выраженіемъ лица и взялась за шляпку.

— Клара, не профанируй святыхъ понятій... Если загробная жизнь есть, то, вѣрно, это не такая пошлая жизнь, какая идетъ здѣсь. Если ты вѣришь въ Бога, то ты должна вѣрить и въ то, что передъ лицомъ Его ты не станешь думать о любовныхъ похожденіяхъ Бориса...

Клара не поняла ее и продолжала настойчиво, капризно:

— Нѣтъ, нѣтъ, ты не утѣшай себя тѣмъ, что можно обмануть мертвую, что клятва, данная теперь, ничего не будетъ значить послѣ моей смерти. Ты, можетъ-быть, потому такъ легко и поклялась? Но мертвую не обманешь. Я приду. Помнишь, въ Терезѣ Ракэнъ у Золя... Ты вѣдь

читала этотъ романъ... Утопленный-то любовниками мужъ покоя имъ не далъ, довелъ до самоубійства... О, покойники мстятъ!..

Варя стала прощаться съ нею. Клара вдругъ испугалась. Ея лицо измѣнилось, приняло молящее выраженіе, губы бормотали:

— Ты не сердись на меня, ради Бога! Что-жъ дѣлать, если я страдаю. Я тебя люблю, видитъ Богъ, люблю, но я не хочу, чтобъ онъ желалъ моей смерти, надѣясь на твою любовь. И послѣ смерти не хочу, чтобы вы насмѣхались надо мною, топтали меня...

Варя поспѣшила уйти. Клара смотрѣла ей вслѣдъ какими-то безумными глазами. А что если Варя возненавидитъ ее, Клару? Вдругъ она станетъ мстить? Въ отплату ей, Кларѣ, отобьетъ Бориса? Господи, что же это будетъ? Иногда бывали случаи, что изъ ненависти любовники убивали мѣшавшую имъ жену. Передъ глазами Клары прошли какія-то сцены убійствъ, отравленій, задушеній, вычитанныя въ газетахъ, въ романахъ, въ драмахъ. Ее охватила дрожь. Въ послѣднее время съ ея головой дѣлалось что-то странное — являлись какія-то галлюцинаціи, сновидѣнія наяву, легкій бредъ...

IV.

Въ день посѣщенія Вари Клара чувствовала себя очень худо. Борисъ провелъ весь вечеръ около ея постели. Докторъ подробно разспросилъ его, не было ли какихъ-нибудь непріятностей и, получивъ отрицательный отвѣтъ, прочелъ Теплову цѣлую лекцію о томъ, какъ нужно беречь беременную женщину, при чемъ привелъ нѣсколько поразительныхъ примѣровъ изъ своей практики, — примѣровъ того, какъ ради неосторожности мужей жены платились жизнью. Уходя, онъ запретилъ Борису читать женѣ вслухъ, такъ какъ ея нервы и безъ романовъ были достаточно сильно разстроены. Но за отсутствіемъ чтенія разговоръ между мужемъ и женою тянулся вяло и скучно.

— Что это изъ нашихъ никто сегодня не заглядываетъ,— замѣтилъ Борисъ.

— Сегодня они всѣ въ театрѣ, — отвѣтила Клара. — А тебѣ скучно?

— Нисколько, но тебѣ веселѣе, когда кто-нибудь посторонній есть,—сказалъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я знаю, что тебѣ скучно! — проговорила

Клара.—Ахъ, какое страшное положеніе эта беременность. Я понимаю, каково тебѣ, здоровому, смотрѣть на меня больную... сидѣть дома, у моей постели... Но все же потерпи, не оставляй меня... Ты вѣдь никуда не собираешься сегодня?

— Нѣтъ, никуда...

— Если у тебя есть дѣло, работай, читай, только не оставляй меня одну... Мнѣ легче, когда ты тутъ... Страхъ па меня какой-то нападаетъ... Вдругъ станетъ страшно, а чего боюсь—и сама не знаю...

Борисъ привѣтливо улыбнулся ей.

— Ты теперь точно разблажившійся ребенокъ, а я твоя нянька,—сказалъ онъ.

Онъ поцѣловалъ ее, усѣлся въ кресло и сталъ читать. Чтеніе не шло, въ головѣ проносились мысли: «Неужели всѣ женщины въ этомъ положеніи таковы? Нѣтъ, не можетъ быть. Это только она, Клара, такъ переживаетъ свою беременность. Узкія формы, узкій умъ». Онъ почти разсердился на себя при этой мысли и сдѣлалъ усиліе, чтобы не думать, чтобы читать. Но, стараясь углубиться въ чтеніе, онъ чувствовалъ на себѣ взглядъ жены и невольно думалъ о ней. Что за мать изъ нея выйдетъ? Какъ она будетъ воспитывать ребенка? Чему будетъ учить его? Хватитъ ли у нея терпѣнія, умѣнья, ума? Узкія формы, узкій умъ. Борисъ невольно опустилъ книгу, раздраженный собственными своими думами.

— Скучаешь ты?—сказала Клара.

— Нѣтъ, дочиталъ... Пора, кажется, и чай пить?.. Завтра мнѣ надо рано въ должность... Дѣла пропасть...

Борисъ, зѣвая и потягиваясь, пошелъ распоряжаться насчетъ чая, только бы скорѣй закончить вечеръ. За чаемъ онъ такъ много говорилъ о массѣ работы, что самъ сталъ вѣрить въ то, что онъ долженъ скорѣе лечь спать, чтобы завтра пораньше встать...

На слѣдующій день Кларѣ стало лучше, вечеромъ зашли Tante Мальхенъ и госпожа Домгофъ съ работой, значитъ, надолго. Борисъ обрадовался возможности вырваться изъ дома. Онъ ощущалъ потребность провѣтриться, освѣжиться.

— Ты идешь?— спросила его съ испугомъ Клара, увидѣвъ его въ сюртукѣ, а не въ домашней визиткѣ.

— Да, надо по дѣлу, — отвѣтилъ онъ и обратился къ госпожѣ Домгофъ и Tante Мальхенъ:—Вы вѣдь посидите?

Онѣ отвѣтили утвердительно.

Не уходи... Боря, я не могу безъ тебя, — сказала Клара.—Мнѣ скучно...

— Ты же не одна, голубка?—проговорилъ Борисъ.

— И какія у тебя дѣла? Куда ты пойдешь?

— Къ одному изъ сослуживцевъ...

Она чуть не сказала ему, что онъ лжетъ, что онъ пойдетъ къ Варѣ. Впрочемъ, онъ, можетъ-быть, и не знаетъ о ея пріѣздѣ? Она всматривалась въ его лицо тревожнымъ, пытливымъ взглядомъ.

— Не будь долго тамъ, скорѣе приходи, — проговорила она, дѣлая надъ собой усиліе.

— Скоро, скоро вернусь! А у тебя посидятъ...

Госпожа Домгофъ и Tante Мальхенъ въ одинъ голосъ перебили его:

— Мы не уйдемъ до вашего возвращенія!

— Да еще, можетъ-быть, и Варя заглянетъ опять?—прибавила Tante Мальхенъ.

Клара измѣнилась въ лицѣ. Борисъ быстро обернулся къ Tante Мальхенъ:

— Варя? Да развѣ она уже здѣсь?

— А вы и не знали? Она же вчера заходила и къ вамъ, и къ намъ... Поздоровѣла, такая свѣжая и розовая стала...

Борисъ перевелъ взглядъ на Клару; Клара отвернулась. Онъ сразу все понялъ, въ душѣ поднялось злое чувство противъ жены. Но онъ овладѣлъ собою и равнодушно сказалъ:

— Ну, до свиданья!

Едва затворилась за нимъ дверь, какъ Клара разразилась рѣзкими упреками.

— Зачѣмъ вы сказали ему о ней? Пусть бы не зналъ, что она здѣсь? Теперь я минуты не буду имѣть спокойной!

Tante Мальхенъ и госпожа Домгофъ удивились. Онѣ до этой минуты ничего не подозрѣвали. Клара, плача, начала жаловаться на свою судьбу. Борисъ ее не любитъ, онъ любитъ Варю. Теперь онъ будетъ еще сильнѣе любить Варю, такъ какъ она, Клара, больна. Онъ тяготится ею, онъ былъ бы радъ, если бы она умерла. Онъ сейчасъ же женился бы на Варѣ. Еще бы! она здорова и толста, какъ деревенская дѣвка. У него глаза горятъ, когда онъ ее видитъ. Клару онъ взялъ только потому, что ему мѣсто было нужно, деньги были нужны...

— О, о, это низко! — воскликнула Tante Мальхенъ.—

Опомнись, въ чемъ ты обвиняешь мужа! И ты еще говоришь, что любишь его!

Клара вдругъ точно очнулась отъ сна и испугалась сама того, что высказала какъ бы въ бреду. Она заплакала еще сильнѣе безпомощными слезами. Да, да, она низкая женщина, она сама не знаетъ, что говоритъ, она приписываетъ всѣмъ то, чего у нихъ и на умѣ нѣтъ. Варю считаетъ способной на обманъ, Бориса обвиняетъ въ корыстолюбіи. Лучше бы ужъ ей умереть, одинъ бы конецъ.

Ея маленькій умъ былъ совершенно сбитъ съ толку, отуманенъ, подавленъ страшнымъ чувствомъ ревности. Старыя родственницы цѣлый вечеръ уговаривали ее, разъясняли ей нелѣпость ея подозрѣній и добились, наконецъ, того, что выяснили все, успокоили ее, вызвали на ея лицо улыбку...

V.

Въ двѣнадцать часовъ явился домой Борисъ...

Когда онъ вышелъ изъ дому—онъ самъ не зналъ, куда онъ пойдетъ. Ему просто хотѣлось провѣтриться. Онъ перешелъ Неву, свернулъ на набережную къ Зимнему дворцу, дошелъ до Мошкова переулка, завернулъ въ него, еще сдѣлалъ поворотъ и очутился у дома, гдѣ жила Варя. Нѣсколько минутъ онъ колебался: идти къ ней или вернуться? Что скажетъ она? Какъ сказать объ этомъ визитѣ Кларѣ? Опять обманывать? На минуту ему стало точно стыдно передъ самимъ собою. Потомъ онъ нетерпѣливо пожалъ плечами, зашагалъ по лѣстницѣ, позвонилъ.

— Барышни нѣтъ дома,—послышалось ему.

Онъ точно во снѣ сталъ спускаться съ лѣстницы, вышелъ на улицу, пошелъ безъ цѣли и вышелъ на Невскій, шагая все дальше и дальше впередъ. Въ его головѣ мелькала мысль, зачѣмъ онъ заходилъ къ Варѣ? Да, зачѣмъ? Это подло, такъ какъ это значитъ обманывать жену, больную, слабую, добиваться гибели молодой дѣвушки. Нѣтъ, онъ долженъ забыть о Варѣ! А на душѣ было страшно тяжело, пусто. На углу Конюшенной онъ увидалъ Ганьку. Молодой человѣкъ шелъ неторопливой походкой съ развальцемъ, посвистывая и помахивая тросточкой, какъ тамбуръ-мажоръ своимъ жезломъ.

— Вы куда?—окликнулъ его Тепловъ.

— Такъ... прогуливаюсь,—отвѣтилъ Ганька, торопливо пожавъ протянутую руку.—Замѣтили, какъ нынче на Нев-

скомъ—барышень совсѣмъ нѣтъ. Говорятъ, запретили имъ ходить. Это только напрасно, холостые люди все равно безъ этого сословія не могутъ обойтись.

Борисъ улыбнулся какой-то странной усмѣшкой.

— А вамъ жаль, что имъ запретили ходить здѣсь?— спросилъ онъ.

— Нѣтъ-съ, мнѣ что, я вездѣ найду, когда надо, а я только къ тому, что напрасно это совсѣмъ. Вотъ тоже жить имъ въ центрѣ города запретили. Что-жъ, одинъ расходъ на извозчиковъ теперь лишній. Говорятъ тоже, что за заставы ихъ выселятъ. Вы не слыхали? Дилижансы будто бы будутъ туда ходить отъ Гостинаго двора и съ угла Владимірской. Пустяки только это, должно-быть...

Онъ захохоталъ.

— А это занятно будетъ, когда придется садиться въ дилижансъ. То-то будетъ шутокъ и смѣху. Мальчишки, знаете, бѣгать будутъ сзади, помяните мое слово! Начнутъ кричать: «ату, ату!»

— Ахъ, вы, шутникъ! — проговорилъ Борисъ, нервно смѣясь.

И вдругъ остановилъ Ганьку.

— Хотите выпить?

— Что-съ... Я-съ...

Онъ совершенно растерялся и замялся.

— Я, Борисъ Михайловичъ, не захватилъ денегъ съ собою...

— Ахъ, вы, чудакъ, не со своей же бутылкой вы будете сидѣть, когда я васъ приглашаю,—сказалъ Борисъ, потрепавъ его по плечу.—Только куда же завернуть?

— Къ Доминику-съ?

— Грязь тамъ...

— Нѣтъ-съ, отчего же... Тамъ наши бываютъ... На бильярдѣ дуются... Ужасно я люблю смотрѣть, какъ играютъ на бильярдѣ. Тоже вотъ въ Пассажъ можно, тамъ семь бильярдовъ.

— Ну, вы только трущобы и знаете...

Они все же зашли къ Доминику...

Среди атмосферы, пропитанной запахомъ кухни, табачнаго дыма, съѣстныхъ припасовъ, пива и водки, среди сутолоки пьющихъ и закусывающихъ, слоняющихся изъ угла въ уголъ и играющихъ на бильярдахъ, громко ссорящихся и таинственно совѣщающихся, то ярко нарядныхъ, то сильно потасканныхъ посѣтителей неряшливыхъ помѣщеній Доми-

ника, Ганька совершенно ожилъ, очутившись въ своей сферѣ. Онъ тотчасъ же разыскалъ еще двухъ сослуживцевъ, и вся компанія, помѣстившись за однимъ изъ столиковъ, смежныхъ съ бильярдной комнатой, принялась пить вино. Начались холостые разговоры, шутки, смѣхъ. Послѣ третьяго стакана вина, Ганька, красный, какъ вареный ракъ, съ блестящимъ лбомъ, оросившимся, точно росою, мелкими капельками поту, вдругъ расчувствовался.

— Спасибо вамъ, Борисъ Михайловичъ, спасибо за сегодняшній вечеръ! — заговорилъ онъ тѣмъ тономъ, какимъ говорятъ обыкновенно рѣчи за обѣдами въ честь начальствующихъ лицъ. — Сегодня я понялъ, что вы намъ товарищъ. Мы всѣ смотрѣли-съ на васъ всегда немного косо. Вы-съ, конечно, образованный человѣкъ, вы положеніе другое имѣете, вамъ нельзя со всякимъ за панибрата... А теперь мы видимъ, что вы не гнушаетесь нами. Мы-съ это понимаемъ... мы-съ...

Онъ еще болѣе вспотѣлъ, запутался и полѣзъ цѣловаться съ Борисомъ.

— Я теперь все, что вы хотите, сдѣлаю для васъ. Скажите: Ганька, полѣзай въ воду за меня—полѣзу! Ей-Богу! Я сердечный человѣкъ.

Онъ захихикалъ какимъ-то подобострастнымъ тономъ, точно прося разрѣшенья на право похолопствовать, и еще разъ поцѣловалъ Бориса. Два другихъ собесѣдника послѣдовали его примѣру. Борисъ началъ оправдываться и разъяснять имъ, что они вовсе напрасно считали его задирающимъ носъ. Онъ всѣхъ ихъ любитъ и считаетъ равными себѣ. Онъ женатъ, потому онъ и не можетъ вести ихъ жизнь, но онъ всегда готовъ быть въ ихъ компаніи, заступаться за нихъ, защищать ихъ интересы. Они думаютъ, онъ не вступается за нихъ? Ошибаются. Онъ стоитъ за нихъ горой передъ правленіемъ. Конечно, онъ получилъ высшее образованіе, у него связи черезъ жену, но онъ все же привязанъ къ сослуживцамъ, къ товарищамъ... Онъ говорилъ безсознательно, подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, громко, съ бахвальствомъ. Кто-то изъ присутствующихъ поднялъ стаканъ, крикнувъ:

— Брудершафтъ!

Выпили брудершафтъ и опять облобызались. Опять начались шутки, смѣхъ. Товарищи сами уже требовали вина и ликеровъ на счетъ Бориса...

Когда Борисъ ѣхалъ домой, провожаемый Ганькой, при-

ставшимъ къ нему, какъ пристаютъ собачонки, онъ и Ганька всю дорогу изливались въ нѣжностяхъ другъ къ другу. Борисъ громко и покровительственно говорилъ Ганькѣ:

— Я тебя за уши вытяну въ банкѣ, будешь ты у меня получать старшій окладъ.

Ганька умильно и нѣжно лепеталъ:

— Я за тебя въ огонь и въ воду, потому ты мнѣ старшій братъ, отецъ, все!..

Ганькѣ все казалось, что онъ недостаточно выказалъ свое холопство, и онъ всплакнулъ немножко:

— Несчастный я человѣкъ! Говорить я не умѣю! На сердцѣ много, а словъ нѣтъ. Иной подумаетъ: «вотъ безчувственная свинья». А я всей душой.

Борисъ его ободрялъ:

— Я понимаю... я вижу сейчасъ человѣка...

Подъѣхавъ къ дому Домгофа, они опять облобызались.

— Спасибо! спасибо! — взвизгивалъ Ганька, колотя себя въ грудь, точно это былъ пустой барабанъ.

— Милый ты, сердечный человѣкъ!—кричалъ Борисъ.

Онъ поднимался къ своей квартирѣ въ самомъ свѣтломъ настроеніи. Вино разогнало всѣ черныя мысли, отшибло сознаніе и произвело въ головѣ какой-то хаосъ глупаго, безотчетнаго довольства. Только когда горничная сказала Борису, что у нихъ сидятъ еще Tante Мальхенъ и госпожа Домгофъ, онъ поморщился. Тѣмъ не менѣе, онъ прошелъ въ комнату жены.

— А, вся компанія еще въ сборѣ,—сказалъ онъ шутливо, не своимъ голосомъ.—Теперь я могу смѣнить караулъ...

Клара увидала его сіяющее лицо, раскраснѣвшееся отъ вина и отъ воздуха, услышала его шутливый тонъ, и все, что говорили тетки, мгновенно исчезло изъ ея головы; она взволновалась, лицо опять покрылось пятнами, и изъ ея груди вырвалось восклицаніе:

— Ты отъ нея?..

Борисъ посмотрѣлъ на нее насмѣшливыми глазами, кривя ротъ не то въ улыбку, не то въ гримасу.

— Да, отъ нея... сидѣли съ ней въ трактирѣ и пили вино и пиво...

Онъ обернулся къ теткамъ и проговорилъ уже плохо повиновавшимся ему языкомъ:

— Увѣрьте ее хоть въ томъ, что съ Варей нельзя пьянствовать... а то... чортъ знаетъ, что ей лѣзетъ въ голову...

И вышелъ изъ комнаты.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

I.

Надъ Петербургомъ занимался мутный сентябрьскій день. Все небо было задернуто тяжелыми свинцовыми тучами. Моросилъ, какъ изъ сита, безшумный мелкій дождь. На улицахъ и въ домахъ царила еще полная тишина, точно весь городъ вымеръ. Тепловъ еще крѣпко спалъ въ своемъ кабинетѣ, когда его разбудилъ стукъ въ двери. Онъ лѣниво открылъ глаза, осмотрѣлся, не сразу понявъ, гдѣ стучатъ. Изъ-за двери послышался тихій женскій голосъ:

— Баринъ, баринъ, Борисъ Михайловичъ, вставайте!

— А что!.. Что тебѣ?—отозвался онъ, поворачиваясь на бокъ.

— Вставайте! Барынѣ худо.

Онъ сразу сорвался съ постели и, не одѣваясь, подбѣжалъ къ дверямъ.

— Что случилось?.. Какъ худо?—допрашивалъ онъ горничную, пріотворивъ дверь.

— Очень худо-съ! Доктора просятъ!—отвѣтила горничная.

— Ахъ, Господи!.. сейчасъ!.. Господи!..

Онъ засовался по комнатѣ, охваченный чувствомъ страха, потомъ что-то вспомнилъ, опять подбѣжалъ къ двери.

— Маша, Маша!—позвалъ онъ обратно горничную.— Дайте знать госпожѣ Домгофъ... Кому-нибудь тамъ... Пусть придутъ скорѣе... Я сейчасъ одѣнусь, поѣду за докторомъ... Ахъ, Господи!..

Онъ опять сталъ метаться по комнатѣ, одѣваясь неловко, торопливо, роняя вещи изъ рукъ. Минутъ черезъ десять онъ выбѣжалъ въ переднюю, натянулъ пальто и вернулся, пробѣжавъ въ спальню жены. Клара металась на постели и стонала. Ея лицо осунулось, глаза точно провалились, всѣ черты лица обострились. Увидавъ Бориса, она простонала:

— Акушерку... доктора...

Онъ хотѣлъ что-то спросить. Она не дала ему сказать ни слова и застонала опять:

— Скорѣе! скорѣе!

Онъ выбѣжалъ изъ комнаты и въ дверяхъ столкнулся съ госпожею Домгофъ, едва накинувшей утренній капотъ.

— Господи! что будетъ!—воскликнулъ онъ.

— Успокойся, вѣдь это всегда такъ бываетъ,—сказала она спокойно.—Не у насъ у первыхъ родятся дѣти!..

— Ахъ, что вы говорите! Она умираетъ!

Госпожа Домгофъ иронически усмѣхнулась.

— Я десять разъ такъ умирала!

Онъ, не слушая ее, выбѣжалъ изъ дома, на ходу застегивая пальто. Улица была пуста, у воротъ еще лежали на скамьяхъ дворники, закутавшись въ шубы и почивая безмятежнымъ сномъ праведниковъ. Борисъ почти бѣжалъ, проклиная извозчиковъ, которыхъ не найдешь, когда нужно. Гдѣ-то на поворотѣ улицы онъ увидалъ извозчика, завернувшагося въ кожу, скрываясь отъ дождя, и сладко спавшаго, уткнувшись лицомъ въ подушку сидѣнья. Тепловъ растолкалъ его, крича ему:

— Садись, садись! Вези! вези!

Извозчикъ проснулся, протеръ глаза, потянулся, очевидно, еще не вполнѣ сознавая, гдѣ онъ и зачѣмъ его будятъ.

— Куда?

— Садись, садись! Ахъ, чортъ, тутъ умираютъ, а онъ торгуется! Садись!

Извозчикъ сѣлъ на козлы, началъ подбирать вожжи и шарить позади себя, отыскивая кнутъ.

— Проворнѣй, проворнѣй! Гони въ хвостъ и гриву!

Извозчикъ задергалъ вожжами, приговаривая: «ну, ну, пошевеливайся!» Дрожки задребезжали всѣми колесами, гайками и винтами, дрожа и подпрыгивая на мостовой, точно онѣ сейчасъ должны были развалиться.

— Уфъ!—отдувался Борисъ, теперь только почувствовавшій, что онъ запыхался и усталъ.

Онъ вынулъ платокъ и сталъ отирать мокрое отъ пота и дождя лицо. Въ его головѣ была одна мысль: «скорѣе бы доѣхать, найти бы доктора дома, поспѣть бы во-время». Слово «скорѣе» не сходило съ его языка. Онъ кричалъ это извозчику, толкая его въ спину. То же повторялъ онъ доктору, то же повторялъ онъ акушеркѣ. «Скорѣе, скорѣе!» Кажется, у него не было болѣе никакихъ другихъ словъ, и его бѣсило, что люди недостаточно торопятся, не вполнѣ сознаютъ необходимость спѣшить. Казалось, никто не входилъ въ его положеніе, не сознавалъ, что нужно спѣшить. Онъ бѣсновался и посылалъ всѣхъ къ чорту. «Скорѣе, скорѣе!» кричалъ онъ новому нанятому извозчику, возвращаясь домой, и ему казалось, что онъ не поспѣетъ во-время, что дома все кончилось...

Добравшись до своей квартиры, онъ быстро вбѣжалъ въ переднюю, встрѣтилъ тамъ кого-то, крикнулъ:

— Ну, что, что?

— Ничего-съ, докторъ пріѣхалъ,—отвѣтила горничная.

Онъ сбросилъ пальто на полъ, побѣжалъ въ гостиную. Тамъ была госпожа Домгофъ.

— Ну, что, что?

— Ничего, докторъ пріѣхалъ,—отвѣтила она.

Борисъ, выведенный изъ терпѣнія, вскричалъ:

— Знаю, знаю! Я спрашиваю, что Клара?

— Докторъ у нея!

Онъ безсильно опустился на стулъ.

— Господи! Господи, что будетъ!

Госпожа Домгофъ оставила на секунду вязанье, улыбнулась и сказала:

— Будетъ или мальчикъ, или дѣвочка...

Борисъ поднялъ на нее удивленные глаза, точно она сказала что-то чудовищное.

— Какъ вы можете шутить, какъ вы...

Она покачала головой и сказала своимъ обычнымъ тономъ:

— Развѣ непремѣнно всѣмъ нужно терять голову въ этихъ случаяхъ?.. Это такое обыкновенное дѣло. У меня было десять человѣкъ дѣтей, и я знаю, что это дѣлается очень просто...

Потомъ, взявшись опять за крючокъ, она проговорила:

— Ты бы снялъ шляпу, а то голова разболится.

Борисъ теперь только вспомнилъ, что онъ сидитъ въ шляпѣ.

— Но кто же тамъ? кто тамъ?—воскликнулъ онъ.—Какъ вы не поможете?..

— Тамъ довольно народу и безъ меня,—отвѣтила госпожа Домгофъ.—Я вотъ жду, когда подадутъ самоваръ...

— Ахъ, до самоваровъ ли теперь!

— А ты думаешь, что всѣ будутъ и безъ чаю, и безъ ѣды ради того, что у тебя прибавляется семейство?..

Она опять усмѣхнулась.

— Какъ посмотрю я на васъ, на нынѣшнюю молодежь, всѣ-то вы никуда не годитесь... Вамъ все бы должно идти, какъ по маслу... Поженитесь, такъ чтобы мучительныхъ родовъ не было... Дѣти будутъ, такъ чтобы они лбовъ не квасили, да не плакали... Все бы шло безъ сучка...

— Чай поданъ,—доложила горничная.

— Сейчасъ, сейчасъ!—отозвалась госпожа Домгофъ, отложивъ работу и поднимаясь съ мѣста.

II.

Госпожа Домгофъ заставила Бориса усѣсться въ столовой и пить чай. Что, онъ тоже слечь хочетъ, что ли? Это было бы мило: жена хочетъ лежать оттого, что у нея родится ребенокъ, а мужъ сляжетъ оттого, что онъ во время ея родовъ не будетъ ни пить, ни ѣсть. Онъ сдѣлалъ бы отлично, если бы поѣлъ и пошелъ бы на службу. Здѣсь онъ вовсе не нуженъ.

— И вы думаете, что я буду покоенъ?—воскликнулъ Борисъ.

— Но мы будемъ покойнѣе, когда ты не будешь здѣсь охать и вздыхать,—резонно отвѣтила госпожа Домгофъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не могу, я съ ума сойду!

Она пожала плечами.

— Антонъ всегда уходилъ въ этихъ случаяхъ, чтобы никому не мѣшать...

Въ столовую вошелъ маленькій, пухленькій старичокъ докторъ, отирая свое круглое розовое лицо пестрымъ шелковымъ платкомъ. Борисъ бросился къ нему съ вопросами: что? какъ?

— Боли довольно сильны,—отвѣтилъ докторъ.

— А терпѣнія очень мало,—добавила госпожа Домгофъ.

— О, это у барынь нынче всегда такъ,—отвѣтилъ докторъ, вынувъ табакерку и съ наслажденіемъ нюхая табакъ.— Никакъ не хотятъ понять, что это неизбѣжно... У меня была недавно одна паціентка...

Докторъ началъ разсказывать одну исторію изъ своей практики, входя въ мелкія подробности, характеризующія нетерпѣливость и невыносливость нашихъ молодыхъ женщинъ. Онъ говорилъ степенно, медленно, поучительно.

— Вы бы пошли опять къ ней, взглянули бы,—нетерпѣливо сказалъ Борисъ, перебивая его.

Докторъ посмотрѣлъ на него недоумѣвающими глазами.

— Зачѣмъ? все будетъ въ свое время.

Потомъ онъ опять обратился къ госпожѣ Домгофъ.

— Но меня удивляетъ этотъ случай... Я не ждалъ такъ скоро. Я предполагаю, что были какія-нибудь волненія, непріятности...

Госпожа Домгофъ усмѣхнулась, пожимая презрительно плечами.

— О, если бы и не было волненій и непріятностей, то нынѣшняя молодежь ихъ создастъ сама,—замѣтила она.—

Солнце свѣтитъ—жалуются, что жарко; дождь пойдетъ—ноютъ, что выйти нельзя... Ничѣмъ не угодишь!.. И люди, и обстоятельства, и природа, все и всѣ должны плясать по ихъ дудкѣ...

— Жалкое поколѣніе. Малокровіе, нервы, худосочіе,—хмуро проговорилъ докторъ.—Недавно меня позвали къ одной паціенткѣ... Боже мой, что за комплекція, что за строеніе!..

Онъ опять началъ разсказывать одну изъ поучительныхъ исторій. На половинѣ разсказа его прервала горничная, доложивъ, что его просятъ къ барынѣ. Борисъ вскочилъ, хотѣлъ бѣжать.

— Куда вы? Это меня, а не васъ зовутъ!—сказалъ докторъ, не спѣша поднявшись изъ-за стола.

Борисъ опять опустился на стулъ.

— Это она вчера своими глупыми выходками уходила себя,—замѣтила госпожа Домгофъ, когда докторъ вышелъ.

— Какими выходками?—спросилъ Борисъ.

— Да вотъ... ревностью... Давно это она тебя ревнуетъ къ Варѣ?..

Борисъ вдругъ вспомнилъ все происшедшее вчера. До этой минуты онъ не останавливался мыслью на событіяхъ минувшаго дня, точно этого дня и не существовало. Теперь все вчерашнее ожило передъ нимъ. Ревнивыя подозрѣнія Клары, его уходъ, его кутежъ, его возвращеніе домой подъ хмелькомъ. Онъ даже поблѣднѣлъ при мысли, что все это было, можетъ-быть, причиною внезапно ухудшившагося положенія жены.

— Я и Мальхенъ весь вечеръ вразумляли ее вчера,—продолжала госпожа Домгофъ.—Это вѣдь нелѣпо ревновать къ Варѣ! Да и вообще развѣ можно требовать, чтобы мужъ ни на кого не смотрѣлъ, особенно въ такое время, когда жена больна. Все это эгоизмъ доводитъ до такихъ несчастныхъ исторій. Только о себѣ люди и думаютъ...

Борисъ уже не слушалъ ее. Онъ весь былъ охваченъ мыслью, что онъ причина болѣзни жены. Не слѣдовало уходить вчера, когда она просила остаться. Тоже, въ какомъ видѣ явился домой! Пьянствовать вздумалъ съ какими-то пошляками. И ради чего онъ ставилъ на карту жизнь жены? Ради Вари, которая не хочетъ и смотрѣть на него, которая любитъ другого? А вотъ теперь умретъ Клара, останется онъ одинъ. Гдѣ онъ найдетъ такое преданное существо? Выдумалъ тоже. что она не развита, что она узкая натура.

Ну да, узкая, узкая, но преданная ему вполнѣ... Теперь онъ весь былъ погруженъ въ эти мысли, весь былъ охваченъ раскаяніемъ передъ женою и любовью къ ней... Улучивъ свободную минутку, онъ тайкомъ пробрался въ ея спальню, несмотря на всѣ запрещенія... Она лежала, какъ мертвая, неподвижно, то стискивая зубы, то протяжно охая... Онъ въ полумракѣ съ трудомъ разглядѣлъ черты ея осунувшагося лица и пришелъ въ ужасъ: она казалась трупомъ... Она не обратила на него вниманія при его приходѣ, смотря въ одну точку, куда-то впередъ, вся охваченная физическими страданіями.

— Ты очень страдаешь?—спросилъ онъ ее тихо.

Она едва замѣтно пошевелила головой, боясь вообще двигаться, перемѣнить позу.

— Клара, Клара, ты страдаешь?—спросилъ онъ опять, добиваясь отвѣта.

— Оставь,—медленно проговорила она.

Она пошевелилась и застонала:

— Ахъ, ахъ... уведите!..

Борисъ расплакался. Ему казалось, что она гонитъ его, возненавидѣвъ его. Онъ не понималъ, что она теперь не думала ни о чемъ, ни о комъ, кромѣ себя, кромѣ своихъ физическихъ болей, что она дорожила только полнымъ покоемъ и неподвижностью, такъ какъ это умѣряло мѵки.

III.

Особенно ярко высказываются узкія эгоистическія натуры во время житейскихъ передрягъ и невзгодъ. При обыкновенномъ ровномъ теченіи жизни онѣ не особенно мозолятъ людямъ глаза своимъ «я», но случись бѣда, и это «я» не даетъ никому покоя, мучитъ и терзаетъ всѣхъ. Болѣзнь Клары была именно такимъ моментомъ, когда сказывались вполнѣ натура этой женщины и натура ея мужа. Молодая женщина не думала ни о чемъ, кромѣ своихъ страданій; Тепловъ тоже не думалъ ни о чемъ, кромѣ того, «каково ему?» Всѣ должны были цѣлыми днями быть на ногахъ ради нихъ, всѣ должны были думать только о нихъ. У Клары даже точно исчезла любовь къ мужу: она ни разу не справилась о немъ, и когда онъ приходилъ къ ней—она сама говорила «уйди», потому что ея страданія, какъ ей казалось, усиливались въ его присутствіи. Онъ тоже не столько уже думалъ о ней, сколько о томъ, каково ему; эту фразу: «поймите, каково мнѣ»—онъ повторялъ сто разъ въ

день всѣмъ и каждому. Даже госпожа Домгофъ, бывшая матерью десять разъ въ жизни, въ концѣ-концовъ, сбилась съ толку и, кажется, пришла къ убѣжденію, что здѣсь роды являлись не обыкновеннымъ будничнымъ дѣломъ, а чѣмъ-то выходящимъ изъ ряду вонъ, и начала вмѣстѣ съ Кларой сердиться, что по улицѣ ѣздятъ извозчики, и вмѣстѣ съ Борисомъ ругать доктора за то, что онъ въ свободныя минуты разсказываетъ длинныя исторіи про своихъ паціентокъ, когда нужно думать о больной...

Тяжелое настроеніе въ домѣ все росло и росло, и когда докторъ объявилъ, что не ручается за исходъ, всѣ окончательно потеряли головы. Борисъ дошелъ до полной потери сознанія, хваталъ себя за волосы, бился головой о столъ, кричалъ, что пусть пожертвуютъ ребенкомъ, только бы спасти Клару. Докторъ, вспотѣвшій, растерявшійся, бормоталъ, что все будетъ сдѣлано, что возможно, но что на все воля Бога. Борисъ понялъ, что дѣло безнадежно, услышавъ ссылку доктора не на науку, а на Бога. Цѣлую ночь въ квартирѣ, во всѣхъ комнатахъ горѣлъ огонь, всѣ ходили на цыпочкахъ, всѣ говорили шопотомъ. Борису все казалось, что онъ слышитъ стоны и крики, онъ зарывалъ голову въ подушки, чтобы ничего не слыхать, или напрягалъ свой слухъ, чтобы услышать хоть что-нибудь. «Господи, что со мною будетъ, что будетъ!» повторялъ онъ ежеминутно и не могъ додуматься ни до чего,—хуже даже,—не могъ вовсе думать.

И вдругъ въ домѣ началась бѣготня, въ комнатѣ Клары раздавались раздирающіе душу крики, потомъ внезапно всѣ точно замерли, точно у всѣхъ перехватило дыханіе. Борисъ какъ-то инстинктивно почувствовалъ эту зловѣщую тишину, выбѣжалъ въ столовую, увидалъ доктора съ багровымъ отъ усталости лицомъ, обмахивавшагося платкомъ и пившаго большими глотками воду.

— Что? что?—крикнулъ Борисъ.

Докторъ махнулъ рукою.

— Ребенка не могли спасти,—коротко отвѣтилъ онъ.—Мы въ крайнихъ случаяхъ очень часто...

Борисъ перебилъ его:

— Она, она что?

— Надо надѣяться на Бога,—отвѣтилъ докторъ, поднимая глаза къ потолку.—Организмъ хрупкій, эти узкія формы... Случай былъ очень трудный...

Борисъ упалъ на стулъ и закрылъ лицо руками, рыдая навзрыдъ.

— Конечно, молодость можетъ взять свое,—продолжалъ докторъ раздумчиво, какъ человѣкъ, уже потерявшій всякую надежду. — У меня былъ случай... правда, только одинъ случай...

— Я хочу ее видѣть, хочу ее видѣть!—крикнулъ Борисъ, срываясь съ мѣста.

Докторъ удержалъ его.

— Вы ее убьете!.. Теперь ей нуженъ полный покой. Ни разговоровъ, ни шума, ни народа, ни движенія...

— Голубчикъ, на одну минуту, на минуту! Я вѣдь мужъ! Она у меня одна, все...

— Нельзя, нельзя!

Борисъ попробовалъ вырваться. Онъ началъ бороться, крича:

— Вы не смѣете, я ея мужъ!... Пустите!..

Докторъ на минуту измѣнилъ своей сдержанности и уже совсѣмъ сердито сказалъ:

— Такъ вы хотите ея смерти? Это Богъ знаетъ что. Садитесь!

Докторъ почти толкнулъ Бориса. Борисъ опять упалъ на стулъ, опять зарыдалъ:

— Вы поймите, каково мнѣ, каково мнѣ не видѣть ее, не знать навѣрное, что будетъ... О, какая эта пытка!

— А лучше будетъ, если вы своимъ появленіемъ убьете ее окончательно?—сказалъ докторъ, впадая снова въ свой степенный и сдержанный тонъ.—Вотъ у меня недавно одна пацієнтка начала почти поправляться...

У доктора было столько практики, что на всякій случай у него были свои примѣры...

Настали самые страшные дни. Изъ словъ акушерки, изъ словъ доктора можно было понять, что Клара находится между жизнью и смертью, что если она и выздоровѣетъ, то очень не скоро, что едва ли когда-нибудь она будетъ матерью, что вообще подобнымъ женщинамъ лучше никогда не выходить замужъ, что при самыхъ счастливыхъ обстоятельствахъ теперь, въ будущемъ вторая беременность убьетъ ее окончательно. Борисъ ловилъ всѣ эти намеки, всѣ эти опасенія, и его охватывалъ ужасъ. Острое горе притупилось отъ времени, почти прошло; началось какое-то томительное ожиданіе чего-то неизвѣстнаго: или вдовство, или жена-калѣка. Оба исхода страшили, подавляли. Ему черезъ нѣсколько дней позволили входить въ Кларѣ, взявъ съ него слово, что онъ не будетъ говорить, двигаться, шумѣть. Онъ видѣлъ теперь жену, просиживалъ около нея

по цѣлымъ часамъ. Это былъ какой-то остовъ человѣка съ обострившимся подбородкомъ, съ обострившимся носомъ, съ ввалившимися глазами, съ головой, лишенной волосъ, остриженныхъ на-скоро, кое-какъ. Въ этой головѣ было теперь сходство съ некрасивой головой тощаго птенца галки. Борисъ всматривался въ нее въ полутьмѣ и не находилъ ни одной дорогой, милой черты. Вообще, были ли когда-нибудь эти черты на этомъ лицѣ,—были ли на немъ черты, милыя и дорогія для него, для Бориса? Иногда ему снова вспоминались слова доктора объ узкихъ формахъ и рядомъ съ этимъ являлось представленіе объ узкомъ умѣ. Борисъ сердился на себя за это и не могъ отдѣлаться отъ этого. Иногда ему приходило на мысль, что эта женщина никогда уже не будетъ матерью и, можетъ-быть, даже женою, и въ его умѣ мелькала мысль, что это хуже смерти. Какъ быть навсегда связаннымъ съ этой женщиной, не будучи даже ея мужемъ. Такъ что же, желать ея смерти? Его охватывалъ стыдъ за самого себя, онъ старался напомнить себѣ, что онъ сидитъ у постели страдающей женщины, онъ пробовалъ настроить себя на грустный ладъ, а эти мысли не покидали его. Онъ сжималъ кулаки, стискивалъ зубы, сдвигалъ брови въ бѣшенствѣ на самого себя. Его лицо принимало страшное выраженіе злобы и точно застывало съ этимъ выраженіемъ на долгое время.

— Уйди!—слышался тихій глухой голосъ.

Борисъ не слышалъ, продолжалъ сидѣть все въ томъ же положеніи.

— Уйди!—повторялось снова.—Страшно!

Онъ приходилъ въ себя, теръ себѣ лобъ, не понимая, что было съ нимъ, почему Клара, приходившая иногда въ себя, велитъ ему уйти? Ему хотѣлось броситься передъ ней на колѣни, покрыть поцѣлуями ея руки, спросить ее нѣжно, почему она его гонитъ. Онъ не смѣлъ этого сдѣлать, такъ какъ все это было запрещено. Онъ не могъ бы этого сдѣлать, такъ какъ она уже не внушала ему ничего, кромѣ ужаса. Онъ вставалъ и тихо удалялся. Она смотрѣла ему вслѣдъ почти съ ненавистью. Ей казалось, что онъ ждетъ ея смерти, что онъ злится на нее за то, что она не умираетъ. Еще бы! Иначе съ чего бы онъ дѣлалъ такое страшное лицо? Почему онъ не приласкаетъ ее? Почему какъ только она скажетъ «уйди» — онъ спѣшитъ убѣжать! Никогда онъ ея не любилъ, за деньги и за мѣсто женился, теперь радуется близости ея смерти, женится на другой.

Ея лицо кривилось въ улыбку. Женится! Нѣтъ, на комъ хочетъ жениться, та не пойдетъ за него. Побоится. Она, Клара, не дастъ ей покоя и за гробомъ. Она еще разъ призоветъ ее и возьметъ съ нея еще разъ клятву. Эти мысли развивались то въ горячечномъ бреду быстро и ярко, то медленно и постепенно тянулись въ ослабѣвшемъ мозгу, какъ безконечная нить съ распущеннаго клубка. Любви къ мужу въ этомъ никогда не знавшемъ истинной любви, а теперь подавленномъ физическими страданіями сердцѣ, казалось, не осталось вовсе: было только одно желаніе, чтобы онъ, Борисъ, не любилъ другую...

IV.

Почти цѣлые дни Клара лежала совершенно неподвижно и безмолвно, только изрѣдка начинала метаться и говорить глухимъ, едва внятнымъ шопотомъ. Дежурившіе около ея постели люди, утомленные, измученные, ждавшіе въ глубинѣ души какого-нибудь «конца», давно уже утратили способность различать, говоритъ ли она въ полномъ сознаніи или въ бреду. Они уже потеряли способность замѣчать, какъ она медленно гаснетъ, утрачиваетъ пониманіе окружающаго, дѣлается чѣмъ-то въ родѣ живого трупа. Иногда они слышали, какъ она произносила по нѣсколько разъ одно и то же слово, такъ что, въ концѣ-концовъ, становилось жутко. Болѣе всѣхъ страдалъ Борисъ. Какъ только онъ заходилъ въ комнату жены, его встрѣчала Tante Мальхенъ или госпожа Домгофъ словами: «А, это ты, посиди здѣсь немного. Я отдохну». Онъ садился въ кресло, дежурилъ, иногда вмѣстѣ съ акушеркой, иногда одинъ. Читать въ полутьмѣ было невозможно. Приходилось сидѣть безъ дѣла, отдаваться думамъ. Полумракъ, тяжелая атмосфера, страшный видъ живого трупа, однообразный, едва внятный бредъ больной, физическая усталость, все это мутило умъ, внушало какія-то болѣзненныя думы. Ужъ лучше бы одинъ конецъ. Всѣхъ измучила. И сама такъ страдаетъ, что тяжело смотрѣть. А какъ измѣнилась! Неужели она останется такой, если выздоровѣетъ? Что за жизнь будетъ тогда? Онъ вглядывался въ нее, искалъ какихъ-то милыхъ чертъ, не находилъ ничего и, самъ не замѣчая того, принималъ выраженіе ея лица, осклабившагося, съ какой-то болѣзненной гримасой; онъ двигалъ и перебиралъ конвульсивно пальцами, какъ она. Потомъ, вдругъ очнувшись, онъ стыдился за себя, начиналъ навинчивать себя на тонъ отчаянія, хватался за го-

лову, закрывъ лицо руками, восклицалъ: «Господи, если бы я могъ ее спасти!» какъ бы боясь кого-то, какъ бы стараясь обмануть кого-то—кого? онъ и самъ не зналъ—и разыгрывалъ роль человѣка, теряющаго все. Чаще всего больная повторяла имя Вари; тогда всѣ переговаривались между собою, не позвать ли Варю, и въ то же время боялись, что появленіе Вари взволнуетъ Клару, повредитъ ей. Они все еще думали, что она понимаетъ что-нибудь, чѣмъ-нибудь интересуется, по поводу чего-нибудь волнуется. Они не могли понять, что для нея уже не существовало ни Бориса, ни Вари, никого, что ея губы чисто механически повторяли какое-нибудь слово, какъ механически раскрывались онѣ, когда до нихъ касалась ложка — съ чѣмъ? для больной было все равно. Наконецъ, послѣ долгихъ совѣщаній, рѣшились послать за Варей. Варя явилась. Tante Мальхенъ и госпожа Домгофъ, точно сконфуженныя, стали ее просить быть осторожной съ Кларой, ни за что не сердиться, не возражать. Варя сначала удивилась этимъ предостереженіямъ, потомъ сообразила, что, вѣроятно, эти старухи все знаютъ, и успокоила ихъ. У нея сжалось болѣзненно сердце при видѣ всѣхъ этихъ измучившихся, утомленныхъ людей. Но ее охватилъ почти ужасъ, когда ее ввели въ комнату больной. Она не ожидала, что найдетъ здѣсь то, что нашла. Здѣсь царствовала полутьма, воздухъ былъ пропитанъ лѣкарственнымъ запахомъ, вездѣ виднѣлись аптекарскія склянки, какіе-то пузыри и компрессы, все было въ безпорядкѣ, точно всѣмъ было не до уборки комнатъ. Варя подошла къ постели Клары и присѣла, не рѣшаясь тревожить больную. На постели лежалъ, казалось, не человѣкъ, а трупъ, отталкивающій своимъ безобразіемъ. Ни одной черты прежней красоты не сохранилось на этомъ лицѣ. Ввалившіеся большіе глаза смотрѣли безсмысленно въ пространство и, очевидно, не видѣли ничего. Губы какъ бы прилипли къ деснамъ, и изъ-за нихъ выставлялись стиснутые зубы, казавшіеся теперь слишкомъ крупными, выдающимися. Царившую въ комнатѣ тишину нарушало только безсвязное бормотанье больной, лежавшей неподвижно и шевелившей только пальцами исхудалой руки, лежавшей, какъ плеть, на одѣялѣ. Прислушиваясь къ бреду, Варя услыхала нѣсколько разъ названное свое имя,—названное тѣмъ безсмысленнымъ тономъ, какимъ иногда повторяютъ попугаи одно и то же затверженное слово. Варѣ становилось жутко. Въ головѣ начинали хаотически бродить мысли о томъ, что эта жен-

щина считала ее виновницей своего несчастья, что въ этой душѣ была только ненависть къ ней, что въ жизни такъ трудно прожить, не разбивъ чьего-нибудь счастья, не раздавивъ кого-нибудь на дорогѣ. А что будетъ дальше, если Клара выздоровѣетъ, или если Клара умретъ? По тѣлу молодой дѣвушки прошла дрожь. Но, можетъ-быть, Клара уже ничего не сознаетъ? Видитъ ли она ее, Варю? Она поднялась съ мѣста, подошла ближе къ больной, прошептала тихо: «я здѣсь». Больная оставалась все въ томъ же положеніи, теперь она могла видѣть Варю, но ея глаза смотрѣли такъ же безмысленно и неподвижно, губы же повторяли одно и то же имя. Варя попробовала взять ее за руку, рука была тяжела, и больная, повидимому, не сознавала, что кто-то взялъ ее за руку, и продолжала конвульсивно двигать пальцами, потирая большой палецъ указательнымъ. Варя осторожно оставила опять эту руку и тихо пошла къ дверямъ. Сзади ея раздавалось быстро:

— Варя! Варя! Варя!

Она невольно обернулась—больная лежала все въ томъ же положеніи. Опять какой-то непонятный страхъ охватилъ молодую дѣвушку, и она ускорила шаги. Когда она вышла изъ спальни, она была блѣдна, на ея лбу проступилъ потъ, голова кружилась, ноги подкашивались.

— Вамъ дурно?—спросила Tante Мальхенъ.

— Нѣтъ, такъ... воздухъ тамъ тяжелый,—сказала Варя.

— Да, да, это ужасно дѣйствуетъ. Мы всѣ истомились... Сами какъ помѣшанныя ходимъ... Что, она узнала васъ?

Варя пожала плечами.

— Она совсѣмъ утратила сознаніе...

Tante Мальхенъ вздохнула.

— Ужасное положеніе... между жизнью и смертью. Если бы вы знали, какъ всѣ мы измучились. Просто головы потеряли. Иногда думаешь: когда же конецъ? Это грѣшно, дурно, но мы же люди...

Въ эту минуту вернулся Борисъ; увидавъ Варю, онъ радостно бросился къ ней.

— Спасибо, спасибо, что навѣстила,—проговорилъ онъ, горячо сжимая ея руки.—Видѣла Клару? Какое несчастіе, какое несчастіе! Я не знаю, какъ у меня хватаетъ силъ все это видѣть... и не имѣть возможности помочь...

Онъ сѣлъ и закрылъ лицо руками. Варя не находила словъ, чтобы ободрить или утѣшить его. И что можно было сказать? Она сразу поняла, что здѣсь всѣ уже только тяго-

тятся больною, что всѣ не ждутъ ничего, кромѣ ея смерти. И никто не смѣетъ высказать этого вслухъ, стараясь скрыть даже отъ себя эти чувства, повторяя на всѣ лады, что нужно молиться о ея концѣ ради нея самой. Tante Мальхенъ вышла изъ комнаты взглянуть на больную.

— И какое страшное чувство одиночества гнететъ меня,— заговорилъ Борисъ.—Только теперь я сознаю, что я одинъ, одинъ, что я чужой и дома, и въ должности, вездѣ... Некому открыть душу, излить горе...

Онъ началъ жаловаться. Всѣ домашніе устали, всѣ они спѣшатъ, какъ только онъ приходитъ домой, усадить его къ больной, чтобы освободиться самимъ. Еще бы! они Клару никогда не любили, имъ тяжело ухаживать за ней. Это же длится такъ долго! Ихъ винить нельзя, потому что такіе подвиги можетъ совершить только страстная любовь. А каково ему? Онъ чувствуетъ свою безпомощность. Онъ вообще не умѣетъ ходить за больными. Гдѣ же ему—онъ мужчина! Онъ утомленъ, разбитъ. Въ должности тяжело среди чуждыхъ ему людей, дома еще тяжелѣе при видѣ единственнаго существа, горячо любившаго его и теперь обреченнаго на смерть. А впереди что? Умретъ она, и тогда онъ останется совершенно одинъ, одинъ. Кому онъ нуженъ, кому онъ близокъ?

— Дорогая моя, не оставляй хоть ты меня въ это тяжелое время,—воскликнулъ онъ и взялъ за руки Варю, всматриваясь въ ея глаза.

Она вздрогнула, какъ бы очнувшись отъ думъ.

— Полно, не заглядывай впередъ,—тихо сказала она, почти не сознавая, что говоритъ, и такъ же безсознательно освободивъ свои руки изъ его рукъ.—Твоя жизнь еще впереди!

— Нѣтъ, нѣтъ, все искалѣчено, все испорчено!—воскликнулъ онъ.—О, если бы ты знала все, что я пережилъ! Я вѣчно былъ несчастнымъ неудачникомъ. Я только бодрился, обманывалъ себя и другихъ...

Варя хотѣла что-то сказать, но въ комнату вошла Tante Мальхенъ, блѣдная, подавленная, тихо, съ растереннымъ видомъ проговорила:

— Борисъ Михайловичъ, идите... Я не знаю... кажется...

Онъ рванулся со стула.

— Что? что? Умираетъ?

Варю точно рѣзнуло по уху; въ этомъ крикѣ ей послышалась надежда, чуть не радость. Безсознательно Борисъ самъ почувствовалъ это и съ отчаяніемъ крикнулъ:

— Господи, что же это такое!

— Она, кажется, скончалась! — тихо закончила Tante Мальхенъ.

Борисъ бросился въ спальню жены и тотчасъ же оттуда пронесся страшный вопль. Tante Мальхенъ и Варя поспѣшили туда. Клара лежала неподвижно, все въ томъ же положеніи, какъ ее оставила Варя. У постели ея на коврѣ бился и хватался за волосы Борисъ. Женщины попробовали успокоить его, поднять, увести, но онъ, не слушая ихъ, продолжалъ метаться и кричать на полу, какъ женщина въ истерическомъ припадкѣ.

Это не было притворство, это не была комедія. Онъ готовъ бы былъ, кажется, пустить въ эту минуту себѣ пулю въ лобъ, чтобы доказать всѣмъ и прежде всего себѣ, своей совѣсти, что онъ былъ и остался страстно любящимъ мужемъ...

V.

Въ небольшой гостиной гнѣздышка Тепловыхъ шли по два раза панихиды...

Завѣшанныя картины, зеркала, окна, гробъ съ покойницей подъ парчевымъ покровомъ, запахъ ладана и копоть отъ восковыхъ свѣчей, удушливая атмосфера теплой комнаты, гнусливое чтеніе дьячка, дребезжащее пѣніе священника, дьякона и дьячка, старающихся попасть въ тонъ, опереживающихъ другъ друга, или старающихся догнать одинъ другого,—пѣніе нестройное, но протяжное и заунывное, все это наводило тоску, мутило голову. Слезы лились сами собою, безъ сознанія того, о чемъ плачется. И среди этой обстановки, у стѣны, Борисъ, рыдающій, какъ женщина, закрывъ лицо платкомъ, вздрагивающій, съ трепещущей въ рукахъ зажженной свѣчой. Разстроенные событіями послѣднихъ дней нервы, раскаянье передъ трупомъ жены, сознаніе потери любящаго существа, опасенія за одинокое будущее, подсказываемыя какимъ-то смутнымъ внутреннимъ голосомъ, все сказалось въ этихъ слезахъ. У него не хватало воли сдержать ихъ; онъ безсознательно вызывалъ ихъ, повторяя про себя и вслухъ умиляющія, жалкія, надрывающія душу слова о томъ, какъ любила его Клара, какъ они мечтали о ребенкѣ, какъ онъ надѣялся на прочность своего гнѣздышка. Онъ говорилъ даже то, чего не было, но что могло бы быть при болѣе согласномъ супружествѣ. Онъ былъ точно въ бреду, не стыдился своей слабости, не слушалъ утѣшеній. Подобныя мужскія слезы страшно дѣйствуютъ на женщинъ. Госпожа Домгофъ, Tante Мальхенъ, made-

moiselle Дюмонъ плакали, смотря на Бориса. Глубокое горе охватило и Варю отъ этихъ сценъ, и въ ея сердце проникла щемящая жалость къ нему, къ ея названному брату, къ другу ея дѣтства. Она совершенно забыла, что онъ любитъ ее не братскою любовью, и тихо утѣшала его, какъ мать, когда онъ падалъ головой на ея плечо, обливаясь слезами.

— Если бы тетя знала, какъ страдаетъ ея Боря,—шепталъ онъ чисто по-дѣтски: — она поплакала бы вмѣстѣ со мною, пожалѣла бы меня. Одинъ я здѣсь, одинъ, Варя!..

— Полно, Борисъ, будь мужественнѣе,— шептала Варя, глотая слезы.

— Не могу я, не могу! Голову я потерялъ!—плакалъ онъ.

Когда прошли эти три мучительные дня, когда кончилась церемонія погребенія, и Варя осталась вечеромъ одна въ своей комнаткѣ, она чувствовала себя усталою, измученною, разбитою, съ тяжелой, точно налитой свинцомъ головою, какъ будто она сама перенесла тяжелую утрату. Всѣ мысли вертѣлись около событій послѣднихъ дней. Несчастный Борисъ, какъ онъ потрясенъ! И то сказать, онъ только устроился, только началъ входить въ извѣстную колею, какъ вдругъ судьба выбила его изъ нея. Какъ онъ устроится? Опять начнется холостая, бездомная жизнь. И хоть бы дѣло было по душѣ, придающее бодрость духу, пробуждающее интересъ къ жизни. Теперь бы любящая, развитая, энергичная женщина могла его направить на новую дорогу. Теперь это еще возможно, послѣ будетъ поздно, затянется онъ въ свое нелюбимое дѣло, измельчаетъ, опошлится. Да, теперь онъ переживаетъ роковой моментъ жизни: или можетъ сдѣлаться лучшимъ, болѣе полезнымъ человѣкомъ, или на него придется окончательно махнуть рукою. Бѣдный, бѣдный Борисъ! Привыкнувъ съ дѣтства дѣлиться своими чувствами и мыслями съ старушкой Тепловой, Варя написала ей длинное, страстное письмо, наполненное почти исключительно горькими размышленіями о судьбѣ Бориса, о томъ, что онъ погибнетъ безъ поддержки.

Еще болѣе убѣдилась Варя въ этомъ, когда, черезъ два дня послѣ похоронъ Клары, Тепловъ зашелъ къ Варѣ. Онъ былъ уже не въ томъ возбужденномъ истерическомъ состояніи, какъ во время смерти Клары, какъ во время панихидъ и похоронъ; онъ былъ теперь настроенъ на элегическій ладъ, вздыхалъ, смотрѣлъ грустными глазами, уныло жаловался на судьбу.

— Моя пѣсенка спѣта,—съ грустной задумчивостью го-

ворилъ онъ. — Въ душѣ не только нѣтъ надеждъ, но даже нѣтъ потребности, чтобы онѣ явились. Для чего тѣшить себя ребяческими мечтами, когда умъ подсказываетъ, что это мечты, мечты и только мечты!

— Полно, Борисъ! Можно ли въ твои годы такъ падать духомъ!—протестовала Варя.

— Въ мои годы! Что значатъ годы! Ты не знаешь, сколько я пережилъ, и что я переживаю...

Онъ съ горечью началъ ей разсказывать о своей сердечной жизни. Съ самаго дѣтства онъ былъ выбитъ изъ колеи и поставленъ въ ложныя отношенія къ близкимъ ему людямъ. Онъ когда-то почти возненавидѣлъ брата, приписывая ему причины обѣднѣнія семьи, необходимости покинуть родное гнѣздо, жизни среди чуждой обстановки и чужихъ людей въ гимназіи. Онъ тогда заподозрилъ тетку — этого ангела! — въ нелюбви къ нему, Борису. Въ душѣ явилось упорное желаніе выбиться на путь самому, безъ чужой помощи, на зло людямъ, которыхъ онъ считалъ чуть не своими врагами, не подозрѣвая даже, что онъ жестоко ошибается. Но ему пришлось идти ощупью, безъ указаній, безъ поддержки, безъ совѣтовъ; если бы ему и вздумали тогда дать совѣты братъ и тетка, онъ сдѣлалъ бы наперекоръ имъ, потому что онъ не вѣрилъ въ нихъ и враждовалъ въ душѣ противъ нихъ. Но у него недоставало ни практичности, ни знанія жизни, ни способностей бороться съ случайностями, которыя и вовлекли его въ цѣлый омутъ ошибокъ.

— Въ меня недавно публично бросили грязью, не называя моего имени, — сказалъ онъ. — А между тѣмъ я не былъ ни преступникомъ, ни злодѣемъ, совершивъ тотъ проступокъ, за который меня марали грязью.

Онъ съ горечью въ голосѣ разсказалъ свои отношенія къ Діодатовой, къ этой развращенной съ колыбели дочери подваловъ, къ этой животной натурѣ, способной затянуть человѣка въ тину разврата и неспособной ни понять высшихъ стремленій, ни подняться изъ грязи.

— Прости, что я говорю тебѣ объ этой грязи, но съ кѣмъ же я могу быть откровеннымъ кромѣ тебя, — закончилъ онъ.—Притомъ же ты, кажется, чутьемъ угадала то, чего не поняли другіе.

Варя сказала:

— Да.

— Я такъ и зналъ, — со вздохомъ произнесъ Борисъ, задумавшись о чемъ-то.

Потомъ онъ продолжалъ:

— Я точно изъ тюрьмы вырвался, когда я попалъ въ домъ Домгофовъ. «Свободенъ, свободенъ!» повторялъ я, и мнѣ казалось, что надо мной занялась заря новой жизни... Тебѣ трудно понять эти чувства, Варя. Это надо пережить, чтобы понять это...

Но что же ждало его у Домгофовъ? Чисто буржуазная, правильная, узкая жизнь съ задними мыслями о томъ, что онъ могъ бы сдѣлаться хорошимъ банковскимъ дѣльцомъ, выгоднымъ женихомъ для Клары. Онъ и не подозрѣвалъ, что его вытягивали на этотъ путь, что его отвлекали отъ болѣе широкой дѣятельности. Онъ поддался этому складу жизни, такъ какъ былъ измученъ предшествующею жизнью. Онъ видѣлъ здѣсь только хорошія стороны, упуская изъ виду оборотную сторону медали. Можетъ-быть, онъ отрезвился бы потомъ. Можетъ-быть, всѣ попытки Домгофовъ остались бы тщетными, если-бъ съ Кларой не случилось несчастія—ее глубоко оскорбилъ князь Шабадзіевъ, и Борисъ явился ея опорой, заступникомъ, защитникомъ. Она отдала ему за это свое сердце, свою душу. Онъ не могъ противустоять этой любви, этому обожанію; онъ изъ жалости снизошелъ до этой дѣвушки, женился на ней, думая, что онъ ее перевоспитаетъ, подниметъ до себя. Женитьба заставила его взять предложенное ему мѣсто, хотя онъ не чувствовалъ призванія къ банковской дѣятельности.

— Я все еще считалъ себя призваннымъ для чего-нибудь болѣе полезнаго, болѣе высокаго, — съ горечью замѣтилъ онъ. — Настолько-то ума осталось во мнѣ, чтобы понять, что никому не будетъ ни тепло, ни холодно отъ того, какъ я напишу ту или другую бумагу о закладѣ или выкупѣ, покупкѣ или продажѣ бумагъ. Учитель, профессоръ, докторъ, литераторъ, люди умственнаго труда, представители широкой общественной дѣятельности могутъ хоть обманывать себя, представляя себѣ, что они вліяютъ на людей, на общество, на событія. Я даже этого утѣшенія не имѣю и знаю, что я и какой-нибудь Ганька, я и какой-нибудь писарь одно и то же,—руки, машины—и больше ничего...

Варя почти обрадовалась, что онъ думалъ то же о себѣ, что думала о немъ она. Она горячо начала говорить ему, что именно теперь ему легко перейти на новый путь.

— Легко!—съ усмѣшкой отвѣтилъ онъ.—Легко, когда я

уже втянулся въ эту колею, когда потрачено уже много энергіи, когда...

Онъ махнулъ рукой.

— Нѣтъ, не для чего и не для кого мѣнять дорогу. Доживу кое-какъ вѣкъ и такъ...

И, горько усмѣхаясь, онъ прибавилъ:

— Я ужъ теперь, Варя, не тотъ самонадѣянный Борисъ, который протестовалъ противъ всякихъ опоръ и поддержекъ. Я теперь знаю себя: мнѣ нужны руководители, поддержки, няньки...

Такіе разговоры стали повторяться, не приводя ни къ какимъ результатамъ. Потомъ какъ-то самъ собою разговоръ обрывался среди тоскливаго молчанія. Борисъ уходилъ отъ Вари грустный, подавленный, крѣпко пожавъ ей руку, поблагодаривъ за ея участіе къ нему. Онъ медленно возвращался въ свою пустую квартиру, входилъ въ шляпѣ въ переднюю, на минуту, зажигая свѣчу, останавливался передъ виѣвшимъ здѣсь зеркаломъ и смотрѣлъ на себя: блѣдный, похудѣвшій, весь въ черномъ, съ красивымъ бантомъ изъ крепа на рукѣ, съ крепомъ на высокой шляпѣ, онъ былъ интересенъ. Потомъ онъ отворачивался отъ зеркала съ тяжелымъ вздохомъ.

— Александръ... какъ онъ смотритъ теперь? Вѣдь онъ уже далеко не юноша,—задумчиво шепталъ онъ.

И онъ дѣлалъ усилія, чтобы представить себѣ физіономію и фигуру брата — этого возлюбленнаго жениха Вари. Память не повиновалась, и Борисъ создавалъ въ воображеніи какой-то некрасивый образъ почти старика.

— И все же она его любитъ!—заканчивалъ онъ и опять со вздохомъ шелъ въ свой кабинетъ.

Въ его головѣ вертѣлась фраза Жадова: «брошусь на холодную постель». Остраго горя уже не было, начиналась рисовка горемъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

I.

Вѣнки не успѣвали увядать на могилѣ Клары, какъ Борисъ смѣнялъ ихъ уже новыми. Но если бы онъ заглянулъ въ себя поглубже, онъ увидалъ бы, что отъ печали о женѣ осталась въ душѣ едва замѣтная тѣнь. Въ сущности, онъ думалъ теперь только о себѣ, о своемъ положеніи о пу-

стотѣ въ квартирѣ, о необходимости избѣжать скуки жизни одинокаго вдовца. Объ этой скукѣ, объ этомъ одиночествѣ онъ говорилъ всѣмъ и каждому, точно внѣ этого разговора ни у кого не было никакихъ интересовъ. Это было не слѣдствіе рисовки своимъ горемъ, а слѣдствіе преобладающей черты характера — того эгоизма, который и въ горѣ, и въ радости заставлялъ Бориса думать только о себѣ. Люди, мало говорящіе сами о себѣ, почти не возбуждаютъ къ себѣ участія ближнихъ; эти ближніе проходятъ мимо нихъ, не справляясь, страдаютъ ли они, или нѣтъ; напротивъ того, человѣкъ, вѣчно толкующій о себѣ, о своихъ горестяхъ и невзгодахъ, заинтересовываетъ собою окружающихъ, находитъ сочувствующихъ; съ нимъ няньчатся всѣ, очень часто даже не замѣчая того, что въ сущности онъ счастливѣе тысячъ и тысячъ молчаливыхъ страдальцевъ, счастливѣе даже тѣхъ, кто жалѣетъ его и няньчится съ нимъ. Человѣчество всегда таково: чтобы тронуть его сердце, нужно кричать отъ боли; кто не кричитъ, на того валятъ все, какъ на лошадь, того готовы бить, какъ бьютъ ее, благо она безмолвно выноситъ все... Няньчились окружающіе и съ Борисомъ. Семья Домгофовъ уговаривала его развлекаться, не сидѣть одиноко, ѣздить въ театръ, и Борисъ, съ выраженіемъ неохоты, съ тяжелыми вздохами, развлекался. Ганька, узнавъ о постигшемъ Теплова несчастіи, сталъ смотрѣть ему въ глаза, какъ ласковая собачонка, понимающая печаль своего господина, и тоже предлагалъ Борису развлекаться, разсѣиваться, на что Борисъ съ скучающимъ видомъ замѣчалъ:

— Что-жъ, вези, пожалуй, въ какой-нибудь кабакъ!

И они отправлялись куда-нибудь въ оперетку, потомъ ѣхали въ ресторанъ, слушали каскадное пѣніе, пили много вина за ужиномъ, и, когда возвращались домой, Тепловъ говорилъ:

— Ну, вотъ и убитъ еще одинъ вечеръ, а легче не стало!..

Несмотря на то, что легче не становилось, Борисъ уже самъ началъ говорить Ганькѣ:

— Поѣдемъ куда-нибудь, а то хоть повѣситься отъ скуки готовъ...

И они опять ѣхали убивать вечеръ. Ганька выбивался изъ силъ, чтобы развлечь, развеселить, разсмѣшить Бориса, играя роль шута передъ Тепловымъ. Эта простая и добрая Богомъ обиженная душа гордилась тѣмъ, что самъ Борисъ

Михайловичъ снизошелъ до дружбы съ нею. Правда, Борисъ возилъ Ганьку на свой счетъ, но, къ чести Ганьки, этотъ добрый малый ни на минуту не задумывался о выгодахъ своего положенія. Борисъ понималъ эту безкорыстную преданность и послѣ многихъ стакановъ вина приходилъ въ умиленіе и говорилъ Ганькѣ:

— Я тебя только въ горѣ понялъ! У тебя душа—золото. Ты мнѣ помогъ пережить это время...

Ганька бросался обнимать Бориса. Потомъ умиленіе Бориса стало распространяться и на другихъ сослуживцевъ, принимавшихъ участіе въ горѣ и развлеченіяхъ Теплова.

— Вообще у насъ все простой и добрый народъ! Пороха они не выдумывали, а сердца золотыя. И что выдумывать порохъ — онъ и безъ нихъ выдуманъ, а сердце — сердце главное...

Каждый разъ, когда Борисъ былъ навеселѣ, онъ толковалъ о ненужности изобрѣтать порохъ и о необходимости имѣть сердце. Онъ не отдавалъ себѣ отчета, почему и какъ онъ сводилъ всѣ разговоры къ этой мысли, но тѣмъ не менѣе не могъ отъ нея отдѣлаться.

Поѣздки въ оперетку, за городъ, на пикники, въ рестораны принимали характеръ хронической болѣзни. И что же дѣлать иначе? Утро проходило въ работѣ; затѣмъ Тепловъ шелъ обѣдать въ ресторанъ; ресторанный обѣдъ не могъ обойтись безъ рюмки водки, безъ бутылки пива; изъ ресторана приходилось идти въ пустую квартиру, имѣя въ перспективѣ одиночество на цѣлый вечеръ или поѣздку куда-нибудь къ пріятелямъ, гдѣ ждали карты, вино, кутежъ. Чувствуя усталость, Тепловъ порой давалъ себѣ слово провести вечеръ дома; но какой-нибудь часъ, проведенный въ пустой квартирѣ, казался цѣлой вѣчностью; тутъ бралась книга—серьезная нагоняла скуку, утомляла отвыкшую отъ подобнаго занятія голову, — романъ казался или бездарнымъ, пустымъ, глупымъ, или злилъ моралью, тенденціею, стремленіемъ показать общественные пороки и указать на пустоту современной общественной жизни. Книга отбрасывалась, начиналось куренье папиросъ до одурѣнія съ отрывками думъ: гдѣ-то теперь тотъ или другой пріятель, куда это тройка пронеслась по улицѣ, какъ славно бы въ морозъ прокатиться за городъ... И отъ чего отказывался за часъ, за два, то дѣлалось теперь: начиналось торопливое одѣванье, приготовленье къ поѣздкѣ куда бы то ни было, лишь бы не быть одному дома.

Одинъ изъ такихъ кутежей превратился въ оргію, и Борисъ самъ не зналъ, какъ онъ вернулся домой. На другой день, проснувшись довольно поздно, онъ осмотрѣлся, гдѣ онъ, не зная навѣрное, довезли ли его до дома. Первою его мыслью было воспоминаніе о вчерашней попойкѣ. Его голова была тяжела и точно стянута обручемъ; въ груди была изжога, а во рту ощущались горечь и кислота. Онъ вспомнилъ, что наканунѣ съ нимъ сдѣлалось дурно, подымалась тошнота. Онъ впервые былъ въ такомъ состояніи и какъ будто испугался за послѣдствія.

— Съ чего это я?—проговорилъ онъ хмуро.

И чтобы отдѣлаться отъ воспоминаній, сталъ быстро одѣваться, насвистывая что-то. Его вниманіе остановилось на пятнахъ, покрывавшихъ его англійскій сюртукъ и брюки. По лицу скользнула гримаса отвращенія и брезгливости.

— Хорошую жизнь начинаю вести,—мелькнуло въ головѣ.

И тотчасъ же онъ нетерпѣливо, почти со злостью перебилъ себя:

— Да что я, въ самомъ дѣлѣ, красная дѣвушка, что ли? Кутнуть съ пріятелями нельзя. Чортъ знаетъ о чемъ сокрушаюсь.

Онъ опять началъ насвистывать, шумно умываясь надъ рукомойникомъ. Въ головѣ же опять мелькали мимовольныя мысли:

— Съ пріятелями! хороши пріятели!

Онъ окончательно обозлился на самого себя.

— Да, хороши! Недалекій, забитый, униженный народъ, но люди съ сердцемъ и душою, не пустые фразеры, живущіе однимъ разсудкомъ, черствой и холодной логикой!.. И всегда буду съ ними, буду ихъ защитникомъ, помощникомъ... По крайней мѣрѣ, найду преданныхъ друзей...

Въ его головѣ мелькнуло воспоминаніе о словахъ Ганьки, что тотъ готовъ въ огонь и въ воду за Бориса.

— Точно собачонка,—пробормоталъ Тепловъ.

II.

Когда Борисъ говорилъ о людяхъ, не выдумавшихъ пороха, но имѣющихъ сердце, когда онъ думалъ о простыхъ и не хитрыхъ пріятеляхъ, живущихъ сердцемъ, а не однимъ разсудкомъ и черствой холодной логикой, въ его душѣ поднималась злоба противъ кого-то. Уже нѣсколько мѣсяцевъ этотъ кто-то выслушивалъ его сѣтованія и жалобы, давалъ ему благіе совѣты, старался пробудить въ немъ рѣшимость

идти на новую дорогу, — но и только. Борисъ ждалъ не того, онъ хотѣлъ, чтобы этотъ кто-то просто бросился ему на шею съ словами страстной любви. Этотъ кто-то — была Варя. Каждый разъ, приходя къ ней, онъ впадалъ въ тонъ жалующагося, несчастнаго человѣка, не имѣющаго никакихъ надеждъ впереди; каждый разъ она старалась пробудить въ немъ энергію, мужество, то горячо споря съ нимъ, то строптиво упрекая его за малодушіе, каждый разъ онъ готовъ былъ упасть передъ нею на колѣни и признаться ей въ любви, но она какъ-то быстро и ловко, хотя почти безсознательно ускальзывала отъ этого объясненія. Она знала, что онъ влюбленъ въ нее, она знала, что нужно быть всегда настороже, чтобъ дѣло не дошло до признанія. Но она не могла дать себѣ яснаго отчета въ томъ, насколько дѣйствительно могла бы поднять Бориса ея любовь, и ей казалось, что стоитъ ей, Варѣ, сказать ему: «я твоя», чтобы онъ пошелъ на новый путь болѣе плодотворной дѣятельности, болѣе осмысленнаго существованія. Когда ей приходили въ голову эти мысли, она вздрагивала, и въ ея душѣ поднималось болѣзненное чувство. Около нея стоитъ страстно влюбленный въ нее человѣкъ — племянникъ, почти сынъ ея второй матери, это братъ любимаго ею человѣка, это другъ ея дѣтства. Онъ, умный, способный, воспріимчивый, стоитъ на краю пропасти — ей стоитъ сказать только слово, и онъ спасенъ. Что же она не говоритъ этого слова? Да развѣ она можетъ? Она любитъ Александра; Александръ любитъ ее. Сказать Борису: «я твоя», значитъ, разбить свое счастіе и счастіе Александра. А такъ что будетъ? Она и Александръ будутъ наслаждаться счастіемъ, а онъ, Борисъ, затянется въ тину, въ омутъ, пропадетъ безъ пользы для общества. Ей вспоминался одинъ случай изъ жизни тетки. Разъ они страшно нуждались, а къ нимъ пришла за помощью бѣдная женщина, у которой умеръ мужъ; тетка отдала ей послѣднія деньги и по уходѣ ея замѣтила: «мы кое-какъ перебьемся, а ей хоть въ воду безъ денегъ». «Да, и мы съ Александромъ перебились бы порознь, а Борисъ — ему хоть въ воду безъ посторонней поддержки»... Но это говорилъ разсудокъ, на эти мысли наводили разстроенные жалобами и нытьемъ Бориса нервы, а сердце и чувство, охваченныя страстною любовью къ Александру, протестовали противъ доводовъ ума, и впервые въ сознаніи молодой дѣвушки было что-то такое, что подсказывало ей, что если бы весь міръ долженъ былъ погибнуть, то и тогда она не от-

казалась бы добровольно отъ своего счастья быть женою Александра. При этой мысли ея щеки покрывались румянцемъ, ей было стыдно за себя, она задавала себѣ вопросъ: «ну, а если бы точно спасеніе не одного, а нѣсколькихъ человѣкъ зависѣло отъ этой жертвы — неужели я не принесла бы ее?»

— Господи, что со мной дѣлается! — восклицала она. — Ну да, я не могу, не могу поступиться своимъ счастіемъ, счастіемъ Александра, хотя бы... хотя бы Борисъ долженъ былъ погибнуть...

И стараясь успокоить себя, она начинала думать о томъ, что она все преувеличиваетъ, что Борисъ, въ сущности, въ концѣ-концовъ, успокоится, освоится съ своимъ положеніемъ. Правда, онъ втянется въ пустую, пошлую жизнь. Но вѣдь этого ужъ не передѣлать; его жаль будетъ со стороны, какъ человѣка, зарывшаго въ землю свои способности и не приносящаго пользы обществу, самъ же онъ не будетъ чувствовать этого, привыкнетъ къ этой жизни, находя въ ней удовольствіе. Тысячи коптителей неба живутъ такъ и считаютъ себя счастливыми; другая жизнь требуетъ и жертвъ, и подвиговъ, и лишеній, эта же доставляетъ только наслажденія. Такихъ людей можно жалѣть, но они-то вполнѣ счастливы съ своей точки зрѣнія, они даже смѣются надъ тѣми, которые живутъ иначе. Но, разсуждая такъ, она встрѣчалась съ Борисомъ, онъ снова нылъ и жаловался, и ей становилось стыдно за себя. Она опять повторяла: «Бѣдный, бѣдный Борисъ!» не сознавая, что подъ его жалобами скрывается одно желаніе переломить ее, растрогать ее, поставить на своемъ. Упорный, какъ всегда, онъ видѣлъ теперь желанный призъ въ ея любви, не думая вовсе о томъ, какою жизнью онъ начнетъ жить съ нею. Можно сказать даже болѣе: эта какая-то иная жизнь представлялась ему одною пустою фразою; съ этимъ понятіемъ у него въ представленіи не соединялось никакого опредѣленнаго образа. Мечтая о Варѣ, онъ представлялъ себѣ просто красавицу-жену, съ которой не скучно говорить, съ которой можно даже горячо спорить, при которой едва ли возможно будетъ скучать. Въ ней молодая жизнь била ключомъ, полная надеждъ, веселья, порывовъ, свѣта. Онъ хотѣлъ обладать ею, настойчиво рисуя въ своихъ грезахъ ея образъ, и въ этомъ не было ни цѣломудрія, ни чистоты, не идеализма: онъ представлялъ себѣ ея тѣло, не думая о ея душѣ. И что такое для него ея душа? это воскъ, изъ котораго можно

вылѣпить все, что угодно. Какіе могутъ быть у дѣвушки твердые взгляды и убѣжденія? Все это красивыя слова и только. Бояться этихъ словъ нечего, когда ихъ произноситъ такая молоденькая рѣзвушка. Потомъ она сама будетъ смѣяться надъ всѣми этими «общими мѣстами». Лишь бы полюбила, а изъ влюбленной женщины веревки можно вить. Да она и полюбитъ. Вѣдь не можетъ же, въ самомъ дѣлѣ, она любить Александра, почти старика.

— Любила бы, не ждала бы спокойно окончанія курса, — повторялъ онъ слова Клары.

III.

Борисъ не на шутку испугался, послѣ попойки, что онъ захвораетъ, и преувеличивалъ свое легкое нездоровье, какъ человѣкъ, не привыкшій переносить ничего: ни нравственныхъ, ни физическихъ страданій. Къ легкой простудѣ присоединилось еще чувство гадливости, при воспоминаніи о нѣкоторыхъ подробностяхъ кутежа наканунѣ. Онъ ощущалъ теперь почти то же, что ощущалъ на другой день послѣ прогулки съ Діодатовой на Крестовскій: какъ тогда его болѣе всего смущала неприглядность обстановки, а не мысль о загубленной дѣвушкѣ, такъ теперь его смущало не то, что онъ безпутно провелъ вечеръ, а то, что его товарищи дошли до грязной разнузданности пьяныхъ людей. Совѣсть свою онъ попрежнему успоконвалъ мыслью, что всѣ такъ живутъ; брезгливости онъ не могъ побѣдить ничѣмъ. Охваченный весь самымъ отвратительнымъ настроеніемъ, онъ направился къ Варѣ. Въ его душѣ созрѣло рѣшеніе объясниться съ ней въ этотъ день, взять ее, такъ сказать, съ бою. «Да, это надо кончить, надо завоевать ее». Семейная жизнь спасаетъ отъ многаго. И онъ размечтался объ этой семейной жизни съ хорошенькой и умной женой, думая только о себѣ, и о себѣ...

Когда онъ вошелъ къ ней, ему сразу бросились въ глаза ея блѣдность, ея красныя отъ слезъ вѣки. Что съ ней? — спрашивалъ онъ себя мысленно. Она постаралась оправиться, но ей не удалось скрыть слѣдовъ смущенія. Она только-что получила взволновавшій ее отвѣтъ тетки на ея письмо. Старушка Теплова писала:

«Получила я, дорогая Варюша, твое письмо о несчастіи, постигшемъ Бориса, и совсѣмъ оно меня разстроило. И не только то разстроило меня, что случилось, сколько то, что еще можетъ случиться. Ты вполнѣ права, Варюша, что ета

смерть отзовется на жизни Бориса самымъ роковымъ образомъ, и хуже всего то, что помочь тутъ ничѣмъ нельзя. Горько мнѣ думать о томъ, что ждетъ нашего бѣднаго мальчика. Ты пишешь, что его могла бы спасти отъ пустой и безполезной жизни любящая умная женщина. Правда, маточка, правда, только этихъ умныхъ и любящихъ женщинъ на каждомъ шагу не встрѣтишь, а и встрѣтишь, то еще вопросъ — полюбитъ ли такая женщина Борю. Очень ужъ втянулся онъ въ пустую жизнь, какъ я вижу изъ твоихъ писемъ, и умной, хорошей женщинѣ трудно найти въ немъ что-нибудь могущее пробудить горячую любовь. Вѣдь это мы только его и черненькимъ можемъ любить, потому что онъ нашъ Боря. А для другихъ онъ что? Безъ любви же тутъ ничего не подѣлать, потому что пересоздать человѣка не легко, много самоотверженія, много терпѣнія нужно. Грустно мнѣ, маточка, что именно тебѣ приходится переживать съ нимъ, видѣть его горе, слышать его жалобы и, въ сущности, не имѣть возможности помочь ему, спасти его. Береги, голубчикъ мой, себя, не волнуйся такъ, не тревожься, хоть я и знаю, что не легко видѣть горе близкаго человѣка. Я вѣдь вѣрю, что Боря дѣйствительно страдаетъ. Не все же хорошее въ немъ замерло. Это только нашъ Саша не вѣритъ этому, ну, да оно и понятно: прочитавъ письмо твое, онъ прежде всего не о Борѣ подумалъ, а о тебѣ. Къ Борѣ онъ даже несправедливъ, говоритъ: «интересничаетъ, такъ какъ этимъ путемъ сѣтованій легче всего прельщать женщинъ». Я разсердилась даже, говорю: «какъ тебѣ не стыдно такъ думать о Борисѣ». А онъ мнѣ въ отвѣтъ: «да неужели вы еще его не узнали, не поняли вполнѣ! ему нужно сладко пить и ѣсть, какъ сыру въ маслѣ кататься, вотъ и все». И потомъ махнулъ рукою, да говоритъ: «а впрочемъ, можетъ-быть, такъ и нужно жить, если хочешь быть покоенъ, съ такимъ-то и жена будетъ счастлива — громкихъ фразъ онъ ей не запретитъ говорить, а отъ лишеній и самопожертвованій избавитъ». И такъ меня огорчили слова Саши о Борѣ, что я даже попрекнула его. «Вотъ, говорю, толкуешь о снисхожденіи къ людямъ, а брата Богъ знаетъ въ какомъ свѣтѣ представляешь себѣ. Человѣкъ никакихъ подлостей въ жизни не сдѣлалъ, вполнѣ честно живетъ, а ты на него нападаешь. Не всѣмъ же подвижниками быть. Ну, живетъ труженикомъ, надо и за то сказать спасибо, что честнымъ остается, подлостей не дѣлаетъ». Разворчалась я, а Саша только рукой махнулъ и вотъ два дня ходитъ, какъ ночь, мрачный.

Должно-быть, самъ сердится на себя за свою несправедливость къ брату. И зачѣмъ я ему твое письмо показала, это его твой тревожный тонъ такъ взбудоражилъ. Кажется, все бы онъ отдалъ, маточка, чтобы отстранить отъ тебя всякія печали и тревоги. Господи, хоть бы скорѣе твое ученье кончилось. Саша самъ позволилъ тебѣ ѣхать учиться и даже самъ навелъ тебя на эту мысль, но вѣдь я-то знаю, каково ему безъ тебя, Варюша. Каждый день разлуки для него годъ жизни».

Варя расплакалась надъ этимъ письмомъ и поняла то, чего не поняла старушка Теплова.

— Милый, дорогой, ты боишься потерять меня!—шептала она сквозь слезы. — Да развѣ я могу, развѣ я могу измѣнить тебѣ!

И когда къ ней вошелъ Борисъ, она вдругъ почувствовала, что этотъ человѣкъ ей чужой. Онъ спросилъ ее:

— Ты плакала?

— Да, — отвѣтила Варя: — взгрустнулось о домѣ.

Онъ вздохнулъ.

— Счастливая, у тебя есть домъ, а я... Вотъ ты уѣдешь, я совсѣмъ одинъ останусь... И теперь, въ сущности, одинъ... но все же легче, покуда ты здѣсь... покуда хоть на минуту можно отдохнуть умомъ и сердцемъ... А тамъ начнется пустая, безсодержательная жизнь...

Варя пожала плечами.

— Кто же мѣшаетъ сдѣлать жизнь не пустою и не безсодержательною?

— Ахъ, что ты говоришь! Все это пустыя слова! Жить разумною, полезною жизнью легко тогда, когда есть личное счастье, когда есть тотъ уголокъ, гдѣ найдешь и поддержку, и поощреніе, и участіе. А когда домъ пустъ, когда нѣтъ надеждъ на личное счастіе, ну, и бѣжишь изъ этого дома въ пріятельскіе кружки, на кутежи, на попойки... Вонъ вчера, я не помню, какъ пріѣхалъ домой, хотѣлось забыться отъ этой пустоты, отъ этого одиночества...

— Странный способъ спасенія!—сказала Варя, пожимая плечами. — Этакъ только можно пропить умъ и...

Борисъ вспылилъ.

— А что же прикажешь дѣлать? Умныя книжки читать въ своемъ углу, что ли? Ученые трактаты штудировать, зная, что они ни на что не пригодятся? Или читать тенденціозные романы, сознавая, что никакими этими поученіями не измѣнить жизни, что все это одни слова, слова и

слова... Я вѣдь уже не мальчикъ, который можетъ тѣшиться сказками...

Она не возражала; это раздражало его еще болѣе.

—/Да и читать-то нечего нынче. Въ наукѣ перетряхается все старое, Дарвина и Бокля переполаскиваютъ въ сотой водѣ, съ эволюціями и альтруизмомъ носятся, доказываютъ въ сущности, что, какъ ни повернись, все клинъ выходитъ, что и теперешній порядокъ гадокъ, да и всякіе другіе придуманные теоретически порядки не лучше будутъ, что если и все пойдетъ хорошо, то... вверхъ ногами все перевернется черезъ 21.000 лѣтъ, — добавилъ онъ саркастическимъ тономъ... — Нѣтъ, да хранитъ меня Богъ отъ этихъ мудрецовъ, разсуждающихъ серьезно, что дѣлается съ землей черезъ каждыя 21.000 лѣтъ. Нужно быть юношей, наивной институткой, чтобы вѣрить теперь во что-нибудь твердо и горячо, ну, а безъ вѣры все это только скуку нагоняетъ. Но если такова наука, то беллетристика еще хуже — или грязь натуралистовъ, или глупости тенденціозныхъ писателей. Одни только сало выставляютъ напоказъ, другіе плачутся надъ участью эксплуатируемаго мужика или громятъ всѣхъ, кто сытъ, обутъ и одѣтъ, обличаютъ чуть ли не за то, что люди ѣдятъ...

Варя тихо замѣтила:

— Да, если такъ смотрѣть, то только и остается, что закутиться до бѣлой горячки или пустить пулю въ лобъ...

Борисъ остановился передъ нею.

— Да, да, только это и остается. А каково это сознавать, когда мучительно хочется жить, быть счастливымъ, когда знаешь, что счастіе возможно!

Варя точно замерла и молчала. Онъ дрогнувшимъ голосомъ проговорилъ:

— Варя, милая, если бы ты знала, какъ я изстрадался...

Онъ взялъ ее за обѣ руки.

— Неужели ты не поняла, не угадала до сихъ поръ, что я люблю, безумно люблю тебя...

Она поднялась съ мѣста встревоженная, волнующаяся. Онъ силой удержалъ ея руки.

— Выслушай, не прерывай меня, не отталкивай! Я знаю, что ты хочешь сказать! Ты хочешь сказать, что ты любишь Александра! Да! Онъ вѣдь всегда стоитъ на моемъ пути! Но ты сама не понимаешь своихъ чувствъ. Александръ тебѣ чуть не въ отцы годится, если не по лѣтамъ, то по тому, что онъ пережилъ. Скитанья въ народѣ, тюрьма, ссылка, все

это не могло пройти безслѣдно — онъ сдѣлался теоретикомъ, мечтателемъ, фантазеромъ. Онъ готовъ замучить человѣка только за то, что тотъ не по теоріямъ, не по книжкамъ живетъ. Онъ любитъ не человѣка, а книжку. И ты ему не нужна, потому что онъ даже неспособенъ любить ничего, кромѣ идеи. О, если бы онъ былъ способенъ страстно любить, не отпустилъ бы онъ тебя сюда на цѣлые годы! Любовь не можетъ подчиняться теоріямъ, разсудку, расчетамъ. Ты молода и тебѣ нужна не такая любовь.

Она хотѣла протестовать — онъ не далъ ей говорить. Порывистый, возбужденный, страстный, онъ говорилъ, не слушая возраженій, не давая имъ мѣста.

— А знаешь ли ты, какъ я любилъ и люблю тебя? Знаешь ли ты, что я готовъ идти на все, чтобы ты была моею? Я живу только мыслью о тебѣ, въ тебѣ я вижу все свое спасенье. Да, безъ тебя жизнь не имѣетъ для меня смысла, съ тобою она будетъ полна содержанія. Я знаю, что я перерожусь, что для меня все получитъ новое значеніе, что уснувшее во мнѣ самолюбіе проснется, что я буду стараться сдѣлаться лучшимъ человѣкомъ, чтобы заслужить твой привѣтъ, твое одобреніе. Варя, Варя, будь моею...

Онъ хотѣлъ привлечь ее къ себѣ; она отшатнулась.

— Оставь, Борисъ! — тихо сказала она. — Двоихъ любить нельзя...

Онъ, не помня себя, заговорилъ:

— А, такъ ты не хочешь! Ты перешла бы, если бы это было нужно, черезъ мой трупъ, ради воображаемой любви къ Александру! Ты вѣришь въ его фразы, но не вѣришь въ меня; ты боишься сдѣлать его нечастнымъ, а я — что тебѣ за дѣло, если я погибну!

Варя, взволнованная и блѣдная, но старавшаяся овладѣть собой, отвѣтила:

— Къ несчастію, ты правъ, Борисъ! Если я видѣла бы тебя на краю пропасти, я и тогда не сказала бы тебѣ: «я твоя», потому что я люблю другого.

Эти слова привели Бориса въ бѣшенство.

— А, такъ вотъ каковы вы, проповѣдники любви къ ближнему, пожертвованія собою для ближняго! Вы все готовы отдать ему, только не то, что вамъ самимъ нужно, что вамъ самимъ дорого. Какое же право имѣете вы требовать жертвъ на пользу ближнихъ, отъ насъ, сытыхъ мѣщанъ? У насъ только и есть, что наше потомъ купленное довольство, ну, мы и не дѣлимся имъ съ ближними, не

отдаемъ его никому. Мы въ своемъ правѣ, какъ и вы, сказать молящему насъ о спасеніи ближнему: «погибай, а мы все же не поступимся своимъ сокровищемъ!»

На минуту лицо Вари вспыхнуло, и она хотѣла что-то сказать, но сдержалась и только замѣтила:

— Ты самъ не знаешь, что говоришь!

Онъ, не слушая ее, продолжалъ уже саркастическимъ, злымъ тономъ:

— Но ты горько заплатишь въ будущемъ за сегодняшній день. Ты молода, тебѣ недостаточно жить однѣми громкими фразами, однѣми грезами о пользѣ ближнихъ. Ты идешь за Александра, потому что тебѣ прожужжали уши о немъ. Тетка сдѣлала все, чтобы онъ сталъ твоимъ идоломъ. Что же, иди за него, губи себя! Когда ты не найдешь въ семейной жизни ничего, кромѣ громкихъ фразъ, когда ты разочаруешься въ своей муравьиной дѣятельности на пользу другимъ, когда ты поймешь, что это—пустая игра въ слова, когда въ сердцѣ проснется жажда личнаго счастья, страстной любви, ты раскаешься за сегодняшній день! О, ты узнаешь Александра, какъ я узналъ его. Это эгоистъ, въ сравненіи съ которымъ мы—дѣти! Когда ему захотѣлось удовлетворить свои сумасбродныя фантазіи, онъ поставилъ ради нихъ на карту благосостояніе всей семьи и разорилъ ее, не сдѣлавъ ничего для общества. Когда его посадили въ тюрьму, онъ не вспомнилъ, что помощь тетки нужнѣе была его маленькому брату, безпомощному ребенку, чѣмъ ему, и не сказалъ теткѣ: «ваше мѣсто не при мнѣ, а при немъ». Ему было бы тяжело одному въ ссылкѣ, и онъ позволилъ теткѣ и тебѣ ѣхать за нимъ, хотя здѣсь всѣмъ намъ было бы лучше, здѣсь вы были нужнѣе для меня. Потомъ онъ увидалъ, что ты пышно расцвѣла, и онъ, почти старикъ, обольстилъ...

Варя, не въ силахъ болѣе переносить его словъ, разрыдалась безпомощными слезами оскорбленной женщины. Борисъ испугался, остановился, протянулъ къ ней руки.

— Варя, Варя,—тихо произнесъ онъ.

— О, какъ это низко! какъ низко!—всхлипывая, проговорила она.—Уйди! Уйди!

Онъ пробовалъ оправдаться, просить прощенія, она только твердила:

— Уйди! Уйди!

У нея не было ни силъ, ни желанія защищать и оправдывать любимаго человѣка; ей казалось это ненужнымъ; ея

душу наполняла только обида за этого человѣка. Борисъ долженъ былъ взяться за шляпу.

Его лицо покрылось смертельною блѣдностью; онъ только теперь понялъ, что онъ погубилъ окончательно свое дѣло...

Когда ушелъ Борисъ, когда высохли на глазахъ Вари слезы, на душѣ молодой дѣвушки стало, мало-по-малу, легко и свѣтло. Казалось, она вырвалась на свѣжій воздухъ изъ удушливой атмосферы. Только теперь она вспомнила всѣ ощущенія, чувства, мысли, пережитыя ею за время вдовства Бориса. Ей стало почти жутко. Ей показалось, что она была близка къ тому, чтобы сказать ему: «я твоя». Да, вѣдь приходила же ей въ голову мысль о томъ, честно ли отказать Борису, зная, что онъ погибнетъ. Разстроенные имъ нервы, чисто женская жалость къ плачущему человѣку, умъ, создавшій извѣстныя правила и теряющійся, когда представляются исключенія изъ этихъ правилъ, все это могло сдѣлать свое дѣло. На минуту ей показалось, что ее спасло отъ ложнаго шага только письмо тетки. Но она, волнуясь, заторопилась опровергнуть это предположеніе передъ самой собою.

— Нѣтъ, нѣтъ, меня спасла любовь къ Александру!— проговорила она.—Никогда, никогда я не вышла бы за Бориса ради его спасенія...

И по ея лицу скользнула улыбка при промелькнувшей въ головѣ мысли. Спасеніе! Какъ сталъ бы онъ самъ смѣяться надъ нею, если бы ему сказать, что она хотѣла идти за него ради его спасенія. Спасеніе—отъ чего? Отъ привольнаго житья, отъ безмятежнаго спокойствія, отъ возможности стоять передъ толпою олимпійцемъ, котораго не трогаютъ ни ея вопли, ни ея надежды, ни ея попытки спастись. Развѣ отъ этого проситъ кто-нибудь серьезно спасти его? Это тотъ призъ на житейской аренѣ, изъ-за котораго бьются всѣ, и тѣ, которые бьются не изъ-за этого, являются чѣмъ-то въ родѣ юродивыхъ, поврежденныхъ, во всякомъ случаѣ «недалекихъ» людей... Да, Борисъ много бы смѣялся надъ нею, когда она стала бы его женою...

IV.

Борисъ не застрѣлился, не запилъ, не захворалъ послѣ отказа Вари и перенесъ его гораздо спокойнѣе, чѣмъ онъ ожидалъ самъ. Упрямое желаніе обладать этой дѣвушкой руководило имъ гораздо больше, чѣмъ болѣе глубокое и болѣе чистое увлеченіе ею. Отказъ вызвалъ не безумное горе, не

щемящую тоску, а злобное чувство противъ этой дѣвушки и, мало-по-малу, безсознательно это чувство перенеслось на всѣхъ «начитанныхъ фантазерокъ», на «педагоговъ въ юбкахъ», на «эмансипированныхъ дѣвицъ». Этими эпитетами онъ надѣлялъ теперь Варю и всякихъ учащихся дѣвушекъ, сдѣлавшихся на нѣкоторое время мишенью для его болѣе или менѣе злыхъ и остроумныхъ выходокъ. Рѣзкое озлобленье, впрочемъ, длилось не долго, и осталось только презрительное отношеніе свысока ко всѣмъ этимъ личностямъ, которыя, по его выраженію, «куска хлѣба не съѣдятъ безъ мысли, что они служатъ человѣчеству и спасаютъ ближнихъ».

Впрочемъ, долго останавливаться на этихъ чувствахъ ему не пришлось: въ банкѣ въ это время случились событія, заставившія его много поработать. Давно ожидаемое объявленіе несостоятельности отца и шурина Ивана Александровича Антонова сдѣлалось совершившимся фактомъ и тяжело отозвалось на банкѣ. Всѣ соспѣшники Антонова струсили, и Домгофъ внезапно увидалъ себя во главѣ цѣлой партіи недовольныхъ, примкнувшихъ къ нему въ минуту паники. Онъ сразу сообразилъ выгоды своего положенія и необходимость распутать дѣло келейно, безъ огласки, спрятать концы неблаговидныхъ сдѣлокъ, выгородить виноватыхъ и, такимъ образомъ, во-первыхъ, явиться благодѣтелемъ цѣлой массы нужныхъ лицъ, а во-вторыхъ, сразу встать на степень перваго воротилы въ банкѣ, не подорвавъ въ то же время ни на минуту его кредита. Всѣ усилія были употреблены на то, чтобы дѣло не получило огласки. По цѣлымъ днямъ Домгофъ и примкнувшіе къ нему люди совѣщались между собою, спрашивая въ то же время мнѣнія Бориса, какъ признаннаго ловкаго дѣльца и вполнѣ «своего» человѣка, который не вынесетъ сора изъ избы. Иногда приходилось работать по двѣнадцати часовъ въ день, придумывая комбинаціи и сдѣлки для покрытія оказавшихся прорѣхъ, для починки дыръ. Дѣло было далеко не легкое и каждый неосторожный шагъ могъ все испортить. Борисъ показалъ себя не только смѣтливымъ, но и упорнымъ работникомъ. Только порою, уставъ отъ работы, онъ ѣхалъ куда-нибудь кутнуть съ пріятелями на скорую руку, чтобы подбодрить себя, встряхнуться.

— Да, Ганька,—говорилъ онъ въ этихъ случаяхъ:—поработали бы другіе съ мое, такъ увидалъ бы я, что они запѣли бы!

— Скажи, голубчикъ, правда это, что проскальзываетъ

въ газетахъ, будто у насъ крахъ будетъ?—спросилъ разъ у него Ганька.

Борисъ обозлился.

— Какъ, развѣ въ газетахъ писали что-нибудь?

— Да, вчера была статейка!

— Пачкуны поганые! Врутъ, что въ голову взбредетъ, благо имъ за строчки платятъ! Всѣмъ бы я имъ запретилъ писать, только кредитъ солидныхъ учрежденій подрываютъ.

— А я ужъ, признаюсь, трусить началъ! Тоже лопнетъ банкъ—хоть по-міру иди!

— Ахъ, ты, трусъ! Да мнѣ, хоть десять банковъ лопни, все равно! Сейчасъ съ руками возьмутъ меня вездѣ...

— Да, тебѣ хорошо!

— Ну, а буду я при мѣстѣ, не будешь и ты безъ мѣста!

Ганька разсыпался въ благодарности.

— Но желалъ бы я узнать, не изъ нашихъ ли кто сообщаетъ эти свѣдѣнія?—раздумчиво говорилъ Борисъ.—Я бы ему показалъ, что значитъ писать! Ты разузнай какънибудь подъ рукой. Мы ему покажемъ, какъ у насъ двери отворяются. Тутъ ночей не спишь, чтобы спасти солидное учрежденіе, чтобы комаръ носа не подточилъ, а они слухи распускаютъ... Мерзавцы!.. Я это еще выведу на свѣжую воду...

И уже совсѣмъ серьезнымъ тономъ онъ продолжалъ:

— Эта наша язва—обличенія и слухи. Ко всему подрываютъ довѣріе, подо все подкапываются. Какая-нибудь сволочь, ничего не смыслящая, ни до чего не добившаяся ради своей неспособности и потому озлобившаяся якобы на несправедливости, лѣзетъ въ печать съ темными инсинуаціями и доносами, сѣетъ недовольство, волнуетъ общество. Вотъ тутъ и изволь работать, проводить свои идеи, осуществлять свои планы. А общество всегда—стадо барановъ, оно готово все принимать на вѣру: явится одинъ Юханцевъ—оно готово вопіять объ уничтоженіи банковъ; попалась Гулакъ-Артемовская—оно кричитъ: «вотъ черезъ кого у насъ всѣ протекціи оказываются»; обвинили мать Митрофанію—оно кричитъ, что всѣ монахини и всѣ благотворительницы мошенницы.

Борисъ сильно пристрастился къ этимъ разговорамъ съ Ганькой, встрѣчая не противорѣчія и возраженія, а умиленіе и благоговѣніе. Онъ росъ въ своихъ собственныхъ глазахъ послѣ этихъ бесѣдъ, сознавая, что онъ умнѣе и развитѣе окружающихъ его. Ганька только багровѣлъ отъ

удовольствія, слушая эти рѣчи: онъ хорошо не понималъ ихъ смысла, но х въ ѳ понималъ то, что самъ Борисъ Михайловичъ съ нимъ разговариваетъ, какъ съ пріятелемъ, какъ равный. А вѣдь теперь Борисъ Михайловичъ съ самими членами правленія свой человѣкъ. Не шутка! Иногда, возвращаясь домой, Ганька даже впадалъ въ фантастическія мечтанія. Что, если Бориса Михайловича сдѣлаютъ директоромъ банка или... вѣдь, пожалуй, онъ до министра финансовъ дойдетъ. Каково тогда,—онъ, Ганька, будетъ «на ты» съ министромъ! И Ганька проникался еще бо́льшей собачьей преданностью къ Борису, къ будущему министру финансовъ, не брезгающему имъ, Ганькой.

Антонъ Ѳедоровичъ Домгофъ не заходилъ такъ далеко, думая о будущности Бориса; но онъ видѣлъ необходимость привязать его неразрывными узами къ себѣ, къ своей семьѣ, чтобы Борисъ былъ вполнѣ его правою рукою. Впервые Домгофъ пожалѣлъ, что умерла Клара—все же связующее звено было. Онъ говорилъ объ этомъ не разъ съ женою и съ Tante Мальхенъ, посматривая на Гретхенъ и Александрину. Которая изъ нихъ болѣе нравится Борису? Кажется, онъ съ младшей любезнѣе? Не пустить ли на рекогносцировку mademoiselle Дюмонъ? Она разомъ все оборудуетъ. Француженки на эти дѣла мастерицы.

— Неужели вы такъ и думаете остаться вдовцомъ?—говорила mademoiselle Дюмонъ Борису.—Въ ваши годы это невозможно.

— Что дѣлать,—вздыхалъ Борисъ.—Я еще не могу забыть Клару... И притомъ въ мои годы дѣлаешься разборчивѣе... На бѣдной я уже не могу жениться; богатую не скоро найдешь. И какую найдешь: неотесанную купеческую дочку, съ которой языкъ проглотишь, или эмансипированную барышню, которая рога приставитъ... Нынче, право, съ каждымъ годомъ все труднѣе найти подходящую невѣсту: недаромъ же женскій вопросъ кутерьму произвелъ.

И, мечтая о женитьбѣ, онъ задумчиво говорилъ:

— Я теперь, кажется, могъ бы полюбить только наивную дѣвочку, очень, очень юную, еще не испорченную свѣтомъ. Мнѣ нужна жена, которая щебетала бы, какъ птичка, говоря о любви, о юности, о чистотѣ...

Mademoiselle Дюмонъ замѣтила:

— Въ родѣ Гретхенъ?

Борисъ вздохнулъ.

— И вы думаете, ее отдали бы за меня? У меня еще ничего нѣтъ, кромѣ жалованья...

— О, васъ такъ любятъ въ семьѣ

Борисъ взглянулъ на нее пытливо, спрашивая мысленно: «отъ себя это ты сватаешь, или по инструкціи?» и прибавилъ:

— Я еще молодъ, но горькій опытъ сдѣлалъ меня осторожнымъ. Я никогда не рискну идти на отказъ.

— Вамъ не откажутъ,—сказала mademoiselle Дюмонъ.

Борисъ сдѣлалъ видъ, что онъ не понялъ.

— Это говорите вы, по своей добротѣ, а у нихъ, у богатыхъ людей, на первомъ планѣ не доброта, а расчетъ... Притомъ Гретхенъ совсѣмъ ребенокъ...

Но слова mademoiselle Дюмонъ не пропали даромъ. Борисъ сталъ заглядываться на Гретхенъ, смотрѣвшую совсѣмъ ребенкомъ; ему улыбалась мысль взять въ жены это дитя, почти несформировавшееся и притомъ такое богатое дитя.

Онъ былъ почти увѣренъ, что это дѣло уладится, что оно затѣяно самими Домгофами; тѣмъ не менѣе онъ напустилъ на себя грустное настроеніе, а грустное настроеніе всегда служило предлогомъ покутить. Впрочемъ, теперь уже все дѣлалось предлогомъ для кутежа: усталость и бездѣлье, скука и веселье, радость и горе. На одномъ изъ такихъ кутежей, но уже не съ Ганькой, а съ воротилами общества и съ Домгофомъ во главѣ, Борисъ случайно столкнулся съ «извѣстностью дня» изъ міра полусвѣта. Этихъ извѣстностей Борисъ встрѣчалъ не мало, встрѣчалъ чуть не каждый день, не придавая имъ особеннаго значенія. Но теперь онъ былъ сильно взволнованъ неожиданностью. Эта извѣстность, стоявшая теперь передъ нимъ, была Діодатова.

Послѣ процесса Діодатова быстро пошла въ ходъ. Адвокатъ и прокуроръ постарались настолько раздѣть ее передъ публикою, что у цѣлыхъ десятковъ людей разгорѣлись глаза на лакомый кусокъ, на женщину изъ романа. Теперь она была на содержаніи у какого-то старика-банкира. Борисъ не сразу узналъ ее въ ломающейся, важничающей, роскошноодѣтой кокоткѣ. Когда онъ узналъ, что это она, онъ на минуту сконфузился и смѣшался. Она, напротивъ того, развязно и почти радостно подошла къ нему и протянула руки.

— Вотъ-то неожиданная встрѣча!—воскликнула она.

— А вы знакомы?—удивился кто-то изъ компаніи.

— Еще бы! И еще въ какіе годы были знакомы!—ска-

зала она.—Я рада, что вижу васъ, что могу поболтать съ вами.

И, усѣвшись въ сторонѣ съ Борисомъ, она быстро начала говорить объ отцѣ, о мачихѣ, о сестрахъ и братьяхъ. Послѣ многихъ мѣсяцевъ и даже лѣтъ, она могла говорить съ мужчиной объ этихъ вещахъ. Съ другими вовсе не приходилось говорить, а нужно было пить, ѣсть, пѣть, плясать, сальничать. Ея лицо разгорѣлось отъ волненія, потому что вопросы, о которыхъ она говорила, были дѣйствительно близки ей. Она увлеклась и кончила тѣмъ, что сказала Борису:

— Нѣтъ, вы пріѣзжайте ко мнѣ! Я не все вамъ разсказала. Ахъ, если бы вы знали, какъ сладко вспомнить старину! Они вотъ не понимаютъ, что я пережила и переживаю, когда братъ или сестра зайдутъ. Что имъ?

Борисъ, не безъ сластолюбивыхъ ощущеній любовавшійся ею, тоже тихо замѣтилъ:

— А вы не сердитесь на меня?

— За что это?

— Какъ же, вонъ вашъ адвокатъ меня чуть не злодѣемъ назвалъ.

— Дуракъ! Завидно было, что не онъ былъ на вашемъ мѣстѣ! Ахъ, все это глупости. Не вы, такъ другой, все равно то же вышло бы!

И вдругъ, перемѣняя тонъ на интимный, она сказала:

— А это дѣло мнѣ помогло! Я вѣдь совсѣмъ запуталась было; совсѣмъ зарѣзъ былъ; ну, а потомъ одинъ генералъ, а затѣмъ старикашка этотъ—вонъ тотъ, большеротый,— приняли участіе, и продохнула.

— Вы съ нимъ живете? — указалъ Борисъ глазами на старика-банкира.

— То-есть деньги онъ даетъ. Такъ, съ дуру. Ему не любовница нужна, а гробъ нуженъ. Ну, да мнѣ что! Я теперь остепенилась, разсчетливѣе стала, коплю деньги. Нѣтъ, шалишь, меня теперь на кривой не объѣхать. Надо и о будущемъ думать. Можетъ-быть, еще пригодятся деньги-то!

— Деньги всегда пригодятся,—съ улыбкой сказалъ Борисъ.

— Да, да... Я когда-нибудь замужъ выйду, если найду подходящую партію... Надоѣло такъ жить...

И, принимая видъ честной женщины, она добавила:

— Все это въ молодости тѣшить, сумасбродства эти, а потомъ устанешь, надоѣстъ все, нужно же и семью имѣть. Я и теперь воспитываю сынишку сестры. У меня совсѣмъ

какъ семейный домъ, няня, ключница. Вотъ пріѣзжайте, увидите!

Къ концу вечера, послѣ ужина, она опять шепнула Борису, переходя уже по-старому на *ты*:

— Пріѣзжай же!

— Старину вспомнить?—спросилъ онъ.

Она вздохнула:

— Ахъ, я никого кромѣ тебя никогда не любила!.. Когда же?... Сегодня?.. Пріѣзжай... благо ужъ настроились...

Борисъ далъ ей слово заѣхать. Когда онъ возвращался домой съ Домгофомъ, послѣдній замѣтилъ ему:

— Женить васъ надо, а то васъ эти барыни похитятъ...

— Жените! За чѣмъ же дѣло стало?—сказалъ Борисъ.

— А невѣсту нашли?

— Нашелъ, да боюсь, что откажутъ.

— А вы не бойтесь!

— Вы это серьезно говорите?

— Еще бы!

Борисъ протянулъ руку.

— Я васъ ловлю на словѣ!

Домгофъ пожалъ его руку. Онъ былъ очень радъ, что дѣло улажено. Борисъ былъ тоже вполнѣ доволенъ. Онъ довезъ до дома Домгофа, хотѣлъ проѣхать къ себѣ. Къ себѣ въ пустую квартиру? Отчего бы не заѣхать, въ самомъ дѣлѣ, къ Діодатовой? Вѣдь она же звала сегодня. Онъ приказалъ извозчику везти себя въ Большую Морскую. Удивительно сохранилась эта Ольга Дмитріевна. Съ ней можно покуролесить пару дней. Кстати, потомъ придется остепениться. Отъ молодой жены къ этимъ дамамъ не зачѣмъ ѣздить. Особенно, когда жена будетъ такой цвѣтокъ, какъ Гретхенъ. Совсѣмъ дитя, даже странно какъ-то, что это дитя вдругъ сдѣлается женою...

И онъ прокуролесилъ съ Діодатовой цѣлую недѣлю, приготовляясь къ жизни съ женою-ребенкомъ.

Оглавленіе

XII ТОМА.

	стр.
Блага жизни. Романъ	3
Господинъ Пророкъ. Романъ	265
На разныхъ берегахъ. Романъ	417

— И вы думаете, ее отдали бы за меня? У меня еще ничего нѣтъ, кромѣ жалованья...

— О, васъ такъ любятъ въ семьѣ

Борисъ взглянулъ на нее пытливо, спрашивая мысленно: «отъ себя это ты сватаешь, или по инструкціи?» и прибавилъ:

— Я еще молодъ, но горькій опытъ сдѣлалъ меня осторожнымъ. Я никогда не рискну идти на отказъ.

— Вамъ не откажутъ,—сказала mademoiselle Дюмонъ.

Борисъ сдѣлалъ видъ, что онъ не понялъ.

— Это говорите вы, по своей добротѣ, а у нихъ, у богатыхъ людей, на первомъ планѣ не доброта, а расчетъ... Притомъ Гретхенъ совсѣмъ ребенокъ...

Но слова mademoiselle Дюмонъ не пропали даромъ. Борисъ сталъ заглядываться на Гретхенъ, смотрѣвшую совсѣмъ ребенкомъ; ему улыбалась мысль взять въ жены это дитя, почти несформировавшееся и притомъ такое богатое дитя.

Онъ былъ почти увѣренъ, что это дѣло уладится, что оно затѣяно самими Домгофами; тѣмъ не менѣе онъ напустилъ на себя грустное настроеніе, а грустное настроеніе всегда служило предлогомъ покутить. Впрочемъ, теперь уже все дѣлалось предлогомъ для кутежа: усталость и бездѣлье, скука и веселье, радость и горе. На одномъ изъ такихъ кутежей, но уже не съ Ганькой, а съ воротилами общества и съ Домгофомъ во главѣ, Борисъ случайно столкнулся съ «извѣстностью дня» изъ міра полусвѣта. Этихъ извѣстностей Борисъ встрѣчалъ не мало, встрѣчалъ чуть не каждый день, не придавая имъ особеннаго значенія. Но теперь онъ былъ сильно взволнованъ неожиданностью. Эта извѣстность, стоявшая теперь передъ нимъ, была Діодатова.

Послѣ процесса Діодатова быстро пошла въ ходъ. Адвокатъ и прокуроръ постарались настолько раздѣть ее передъ публикою, что у цѣлыхъ десятковъ людей разгорѣлись глаза на лакомый кусокъ, на женщину изъ романа. Теперь она была на содержаніи у какого-то старика-банкира. Борисъ не сразу узналъ ее въ ломающейся, важничающей, роскошно-одѣтой кокоткѣ. Когда онъ узналъ, что это она, онъ на минуту сконфузился и смѣшался. Она, напротивъ того, развязно и почти радостно подошла къ нему и протянула руки.

— Вотъ-то неожиданная встрѣча!—воскликнула она.

— А вы знакомы?—удивился кто-то изъ компаніи.

— Еще бы! И еще въ какіе годы были знакомы!—ска-

зала она.—Я рада, что вижу васъ, что могу поболтать съ вами.

И, усѣвшись въ сторонѣ съ Борисомъ, она быстро начала говорить объ отцѣ, о мачихѣ, о сестрахъ и братьяхъ. Послѣ многихъ мѣсяцевъ и даже лѣтъ, она могла говорить съ мужчиной объ этихъ вещахъ. Съ другими вовсе не приходилось говорить, а нужно было пить, ѣсть, пѣть, плясать, сальничать. Ея лицо разгорѣлось отъ волненія, потому что вопросы, о которыхъ она говорила, были дѣйствительно близки ей. Она увлеклась и кончила тѣмъ, что сказала Борису:

— Нѣтъ, вы пріѣзжайте ко мнѣ! Я не все вамъ разсказала. Ахъ, если бы вы знали, какъ сладко вспомнить старину! Они вотъ не понимаютъ, что я пережила и переживаю, когда братъ или сестра зайдутъ. Что имъ?

Борисъ, не безъ сластолюбивыхъ ощущеній любовавшійся ею, тоже тихо замѣтилъ:

— А вы не сердитесь на меня?

— За что это?

— Какъ же, вонъ вашъ адвокатъ меня чуть не злодѣемъ назвалъ.

— Дуракъ! Завидно было, что не онъ былъ на вашемъ мѣстѣ! Ахъ, все это глупости. Не вы, такъ другой, все равно то же вышло бы!

И вдругъ, перемѣняя тонъ на интимный, она сказала:

— А это дѣло мнѣ помогло! Я вѣдь совсѣмъ запуталась-было; совсѣмъ зарѣзъ былъ; ну, а потомъ одинъ генералъ, а затѣмъ старикашка этотъ—вонъ тотъ, большеротый,—приняли участіе, и продохнула.

— Вы съ нимъ живете? — указалъ Борисъ глазами на старика-банкира.

— То-есть деньги онъ даетъ. Такъ, съ дуру. Ему не любовница нужна, а гробъ нуженъ. Ну, да мнѣ что! Я теперь остепенилась, разсчетливѣе стала, коплю деньги. Нѣтъ, шалишь, меня теперь на кривой не объѣхать. Надо и о будущемъ думать. Можетъ-быть, еще пригодятся деньги-то!

— Деньги всегда пригодятся,—съ улыбкой сказалъ Борисъ.

— Да, да... Я когда-нибудь замужъ выйду, если найду подходящую партію... Надоѣло такъ жить...

И, принимая видъ честной женщины, она добавила:

— Все это въ молодости тѣшитъ, сумасбродства эти, а потомъ устанешь, надоѣстъ все, нужно же и семью имѣть. Я и теперь воспитываю сынишку сестры. У меня совсѣмъ

какъ семейный домъ, няня, ключница. Вотъ пріѣзжайте, увидите!

Къ концу вечера, послѣ ужина, она опять шепнула Борису, переходя уже по-старому на *ты*:

— Пріѣзжай же!

— Старину вспомнить?—спросилъ онъ.

Она вздохнула:

— Ахъ, я никого кромѣ тебя никогда не любила!.. Когда же?... Сегодня?.. Пріѣзжай... благо ужъ настроились...

Борисъ далъ ей слово заѣхать. Когда онъ возвращался домой съ Домгофомъ, послѣдній замѣтилъ ему:

— Женить васъ надо, а то васъ эти барыни похитятъ...

— Жените! За чѣмъ же дѣло стало?—сказалъ Борисъ.

— А невѣсту нашли?

— Нашелъ, да боюсь, что откажутъ.

— А вы не бойтесь!

— Вы это серьезно говорите?

— Еще бы!

Борисъ протянулъ руку.

— Я васъ ловлю на словѣ!

Домгофъ пожалъ его руку. Онъ былъ очень радъ, что дѣло улажено. Борисъ былъ тоже вполнѣ доволенъ. Онъ довезъ до дома Домгофа, хотѣлъ проѣхать къ себѣ. Къ себѣ въ пустую квартиру? Отчего бы не заѣхать, въ самомъ дѣлѣ, къ Діодатовой? Вѣдь она же звала сегодня. Онъ приказалъ извозчику везти себя въ Большую Морскую. Удивительно сохранилась эта Ольга Дмитріевна. Съ ней можно покуролесить пару дней. Кстати, потомъ придется остепениться. Отъ молодой жены къ этимъ дамамъ не зачѣмъ ѣздить. Особенно, когда жена будетъ такой цвѣтокъ, какъ Гретхенъ. Совсѣмъ дитя, даже странно какъ-то, что это дитя вдругъ сдѣлается женою...

И онъ прокуролесилъ съ Діодатовой цѣлую недѣлю, приготовляясь къ жизни съ женою-ребенкомъ.

Оглавленіе

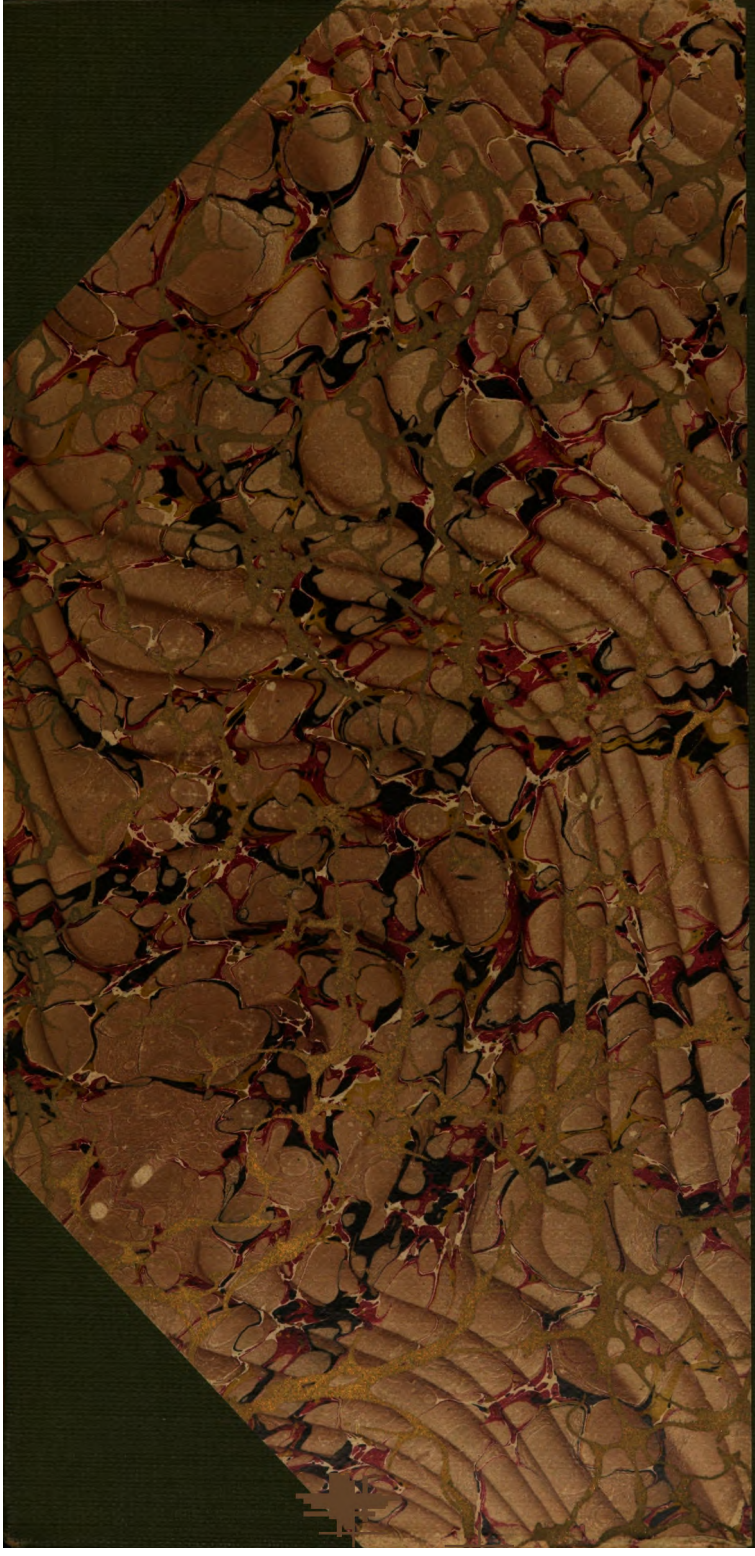
XII ТОМА.

	стр.
Блага жизни. Романъ	3
Господинъ Пророкъ. Романъ	265
На разныхъ берегахъ. Романъ	417

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
GRADUATE LIBRARY

DATE DUE

OCT 18 1974

OCT 08 1974

UNIVERSITY OF MICHIGAN
3 9015 03208 6293